

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ У. Д. АЛИЕВА

**КАВКАЗОВЕДЕНИЕ:
ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

КАРАЧАЕВСК
2019

Памяти Валентины Павловны Невской
посвящается

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ У.Д. АЛИЕВА

Российский фонд фундаментальных исследований

КАВКАЗОВЕДЕНИЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Карачаевск
2019

УДК 902/904 + 93/94
ББК 63.3+63,4+63,5

Печатается по решению редакционно-издательского совета Карачаево-Черкесского государственного университета

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) проект № 19-09-20021

Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской/Отв. ред. П.И. Абайханова (Магаева). – Карачаевск, 18–19 октября 2019 г. – 486 с.

ISBN 978-5-8307-0597-4

Сборник составлен по материалам, представленным на Всероссийскую научную конференцию с международным участием «**Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы**». Тематика докладов отражает широкий круг кавказоведческих исследований, охватывающих проблемы как теоретико-методологического и историографического характера, так и вопросы социально-экономического, политико-правового и культурного развития Кавказа с древнейших времен по настоящее время.

Авторы опубликованных статей несут ответственность за достоверность и точность фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических и исторических названий и прочих сведений.

Редакционная коллегия:

Абайханова (Магаева) П.И.,
Бегеулов Р.М.,
Кубанова М.Н.,
Кочкаров У.Ю.,
Текеева З.Н.

ISBN 978-5-8307-0597-4

© Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева, 2019
© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абайханова (Магаева) Патия Исма</i> ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАРАЧАЯ В XIX ВЕКЕ В ТРУДАХ В. П. НЕВСКОЙ.....	13
<i>Байрамкулова Аминат Ахматовна</i> НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.П. НЕВСКОЙ В СТЕНАХ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА (1953–1971 гг.).....	18
<i>Еремеева Анна Натановна</i> СОХРАНЕНИЕ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О ВЫДАЮЩИХСЯ ИСТОРИКАХ-КАВКАЗОВЕДАХ	20
<i>Карданова Ася Хусиновна</i> ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВНА НЕВСКАЯ: ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА И УЧЕНОГО	24
<i>Колесникова Марина Евгеньевна</i> ВКЛАД ПРОФЕССОРА В.П. НЕВСКОЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ	29
<i>Кузьминов Петр Абрамович</i> ВКЛАД В.П. НЕВСКОЙ В ИЗУЧЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ 50–70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА В КАРАЧАЕ И ЧЕРКЕСИИ.....	35
РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ	
<i>Байрамуков Исмаил Хызырович</i> МНОГОВЕКТОРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕПОРТАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПРОЦЕССА ИХ РЕАБИЛИТАЦИИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ	40
<i>Башиев Азамат Муратович</i> «ЗАПИСКА О ГОРСКИХ ТАУ-БИЯХ»: НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО СОСЛОВНОЙ СТРУКТУРЕ БАЛКАРЦЕВ.....	53
<i>Булыгина Тамара Александровна</i> ОПЫТ РАБОТЫ НАД КНИГОЙ «ИСТОРИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА» ..	62
<i>Дмитриев Владимир Александрович</i> КАВКАЗОВЕДЕНИЕ – ОПЫТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В 1977–2017 гг.)	65
<i>Джазаева Ирина Азрет-Алиевна</i> <i>Чомаева Зухра Манафовна</i> ОБ ИСТОРИОГРАФИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБУСТРОЙСТВА В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ	73

<i>Джуккаева Элеонора Борисовна</i> «ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ» В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	77
<i>Мамсиров Хамитби Борисович</i> И.А.-К. ХУБИЕВ О ПРОБЛЕМАХ МОДЕРНИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В 1920–1930-х гг.	83
<i>Месхидзе Джульетта Изауовна</i> «БАЛКАРСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ» Н.А. БУША В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	89
<i>Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич</i> ИСТОРИОГРАФИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ ВХОЖДЕНИЯ БАЛКАРИИ В СОСТАВ РОССИИ	100
<i>Султанбеков Рабадан Магомедович</i> СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО- КАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	105
<i>Тахушева Инна Сарабиевна</i> КАВКАЗ В РЕДАКЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ РОССИИ XIX в.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	109
<i>Цибенко Вероника Витальевна</i> НА СТЫКЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ КАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ	115
<i>Шенкао Маргарита Башировна</i> К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ ЧАО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	119

РАЗДЕЛ 2. АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

<i>Айбазов Ахмат Юсуфович</i> <i>Меньшикова Вера Александровна</i> КАМЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ В ВЫСОКОГОРЬЕ КАРАЧАЯ И ИХ ПАРАЛЛЕЛИ С АЦАНГУАРАМИ АБХАЗИИ	127
<i>Бабенко Виталий Александрович</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ГОРОДИЩА МАДЖАРЫ ПО ИСТОЧНИКАМ ВТОРОЙ ТРЕТИ XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX вв.....	137
<i>Володин Семен Алексеевич</i> <i>Кудрявцев Андрей Алексеевич</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е.И. КРУПНОВА ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОГО АРХИВА ИА РАН	142

<i>Исаев Султан Хусенович</i> <i>Ахмаров Азамат Усманович</i> К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ ЧЕЧНИ (КРАТКИЙ ОБЗОР).....	146
<i>Кадиева Анна Анатольевна</i> <i>Демиденко Сергей Викторович</i> КАМЕННЫЕ ГРОБНИЦЫ ГОРНОЙ ЗОНЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА	150
<i>Керцева Галина Николаевна</i> БРОНЗОВЫЕ ЗООМОРФНЫЕ ПРЯЖКИ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПОГРЕБЕННОГО	154
<i>Тангиев Магомед Айсаяевич</i> НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ С ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ (XIII–XVI ВВ.)	157
<i>Чхаидзе Виктор Николаевич</i> <i>Виноградов Андрей Юрьевич</i> <i>Белецкий Денис Викторович</i> <i>Дружинина Инга Александровна</i> НОВЫЕ НАХОДКИ В СРЕДНЕМ ЗЕЛЕНЧУКСКОМ ХРАМЕ В 2018 ГОДУ	160
<i>Айбазов Ахмат Юсуфович</i> <i>Чагаров Онгар Салихович</i> ДОМОНГОЛЬСКОЕ КОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У СЕЛА ВАЖНОЕ В КЧР	162
<i>Шаов Азамат Русланович</i> <i>Кадиева Анна Анатольевна</i> <i>Демиденко Сергей Викторович</i> ГУНДЕЛЕНСКОЕ-2 ГОРОДИЩЕ – ПАМЯТНИК АЛАНСКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ	165
РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЯ КАВКАЗА: ПОЛИТИКА, ПРАВО, ЭКОНОМИКА	
<i>Абаева Мадина Шамилевна</i> ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАВИСИМЫХ СОСЛОВИЙ В БАЛКАРИИ И КАРАЧАЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	170
<i>Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна</i> НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЧЕЧНИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНА В СОСТАВ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	177
<i>Акиева Петимат Хасолтовна</i> КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ГОРСКИХ ОБЩЕСТВ КАВКАЗА В ПЕРИОД КОЛОНИЗАЦИИ	181
<i>Афаунова Диана Феликсовна</i> ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ЗОЛЬСКИМИ И НАГОРНЫМИ ПАСТБИЩАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	184

<i>Батова Карина Анзоровна</i> ЭТНО-СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В НАЧАЛЕ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА.....	188
<i>Батчаева Мария Касымовна</i> СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БАТАЛПАШИНСКОГО УЕЗДНОГО ОТДЕЛЕНИЯ «КУБАНСКОГО ОБЛАСТНОГО ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО О ТЮРЬМАХ КОМИТЕТА» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	191
<i>Бегулов Рустам Маратович</i> ИММИГРАЦИЯ И ЭМИГРАЦИЯ В КАРАЧАЕ И БАЛКАРИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ЮЖНОКАВКАЗСКИЙ ВЕКТОР	196
<i>Бегуев Сулейман Ахьятьевич</i> НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1917–1918 гг.	198
<i>Бердиев Заурбек Пахатович</i> ВКП (Б): ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ И «ЛИШЕНЧЕСТВО» В КАРАЧАЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ НАРОДА (1926–1936 гг.)	202
<i>Гасанов Магомед Раджабович</i> ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ДАГЕСТАНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – СЕРЕДИНА XVII в.).....	208
<i>Гранкин Юрий Юрьевич</i> НАМЕСТНИЧЕСТВО VS ИМАМАТ	212
<i>Джанкезов Батыр Махарович</i> ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	217
<i>Джантеева Джульета Солтановна</i> ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА: СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ КЕЙС.....	220
<i>Куначева Фатима Гетагашевна</i> ВЛИЯНИЕ НОРМ АДАТА И ШАРИАТА НА ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ АБАЗИН В XIX – НАЧАЛЕ XX в.	225
<i>Перетяцько Артем Юрьевич</i> Д.А. МИЛЮТИН О ПРИОРИТЕТАХ РАЗВИТИЯ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА: ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1860 гг.	228
<i>Понеделков Александр Васильевич</i> <i>Карабанова Ирина Владимировна</i> АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	233

Свечникова Лариса Геннадьевна
СУДЕБНАЯ СИСТЕМА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ 236

Состин Дмитрий Игоревич
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ГОРСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ 246

Хаблиева Лариса Черменовна
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНОЙ
ПРОБЛЕМЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)..... 249

Хубулова Светлана Алексеевна
«Я – БЫВШИЙ КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН:
КОМБАТАНТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ 251

РАЗДЕЛ 4. КАВКАЗ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Амбарцумян Каринэ Размиковна
ОСОБЕННОСТИ РЕИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ
СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА .. 259

Величко Людмила Николаевна
ЕВРОПЕЙСКОЕ БУДУЩЕЕ ГОСУДАРСТВ ЮЖНОГО КАВКАЗА
В ОЦЕНКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЛИТОЛОГОВ 262

Клычников Юрий Юрьевич
Лазарян Сергей Степанович
«ПОЛЬСКИЙ СЛЕД» В ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА 265

Коробкина Ирина Александровна
ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПАГУОШСКОМ ДВИЖЕНИИ 271

Крючков Игорь Владимирович
Крючкова Наталья Дмитриевна
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ ФРАНЦИИ И БЕЛЬГИИ
НА КАВКАЗ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 274

Максимчик Андрей Николаевич
НАСЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ, РАССЕЛЕНИЯ
И УЧАСТИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ,
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ РЕГИОНА 279

Пантюхина Татьяна Викторовна
«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕС
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ)..... 290

<i>Садченко Валентина Николаевна</i> СТРАНЫ ЮЖНОГО КАВКАЗА МЕЖДУ СТРАТЕГИЯМИ БАЛАНСИРОВАНИЯ И ПРИМЫКАНИЯ В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ АКТОРОВ	294
---	-----

РАЗДЕЛ 5. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА

<i>Байрамуков Арасул Сосланбекович</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ КАРАЧАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. И РЕДИСТРИБУЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ	301
---	-----

<i>Барзбиев Муслим Исмаилович</i> БРАЧНЫЕ КОНТАКТЫ КНЯЗЕЙ КРЫМ-ШАМХАЛОВЫХ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ БАЛКАРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	305
---	-----

<i>Батчаев Шамиль Мухтарович</i> ФОРМИРОВАНИЕ СВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КАРАЧАЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)	309
--	-----

<i>Болурова Аминат Ниязбиевна</i> НРАВСТВЕННОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЭТИКЕТА ЗНАКОМСТВА И УХАЖИВАНИЯ У КАРАЧАЕВО-БАЛКАРЦЕВ	313
--	-----

<i>Геграев Хаким Камилевич</i> РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ И МИССИЯ МОЛОДЕЖИ	320
---	-----

<i>Клименко Петр Федорович</i> <i>Клименко Ирина Сергеевна</i> СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА: КАЗАХСТАНСКАЯ ПРОЕКЦИЯ	324
---	-----

<i>Койчугев Аскербий Дагирович</i> СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)	327
---	-----

<i>Мирзабеков Мирзабек Яхьяевич</i> ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.	338
--	-----

<i>Тамбиева Елена Мухарбековна</i> РЕАЛИЗАЦИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х гг. XX – НАЧАЛЕ XXI в.	344
--	-----

<i>Текеева Земира Хыйсаевна</i> РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАРАЧАЕВЦЕВ В ТРУДАХ В.П. НЕВСКОЙ..	346
---	-----

Тлостнаков Аскер Асланович
ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
НА ПРИМЕРЕ НОВЫХ ПАМЯТНЫХ ДАТ ЧЕРКЕСОВ (АДЫГОВ).....350

Чотчаев Дахир Джансохович
КАРАЧАЕВЦЫ И БАЛКАРЦЫ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ
РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.).....352

Чотчаев Солтан Алиевич
РОЛЬ РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ ГОРСКИХ НАРОДОВ В XIX–XX ВЕКАХ (НА ПРИМЕРЕ КЧР)357

РАЗДЕЛ 6. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ РЕГИОНОВ КАВКАЗА

Аккиева Светлана Исмаиловна
ПРАЗДНИКИ И ИХ РОЛЬ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ
КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ360

Алиева Кюбра Мухтар кызы
Вагабова Диляра Рафиковна
К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
КЕРАМИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНА И О ВЛИЯНИИ
НА НЕЕ КИТАЙСКОГО ФАРФОРА365

Ахмедова Мадина Куратовна
Сефербеков Руслан Ибрагимович
ТРАДИЦИОННЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ АВАРЦЕВ-ГИДАТЛИНЦЕВ: ОБЫЧАИ
ГОСТЕПРИИМСТВА, ВЗАИМОПОМОЩИ И КРОВНОЙ МЕСТИ376

Гудимова Ольга Анатольевна
ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ЧАСТЬ ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЫ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА379

Гучетль Зухра Хачмафовна
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СТАРШИНСТВА В ТРАДИЦИОННОЙ
КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ КАВКАЗА382

Кратова Наталья Васильевна
ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В 1989–1997 гг.385

Кубанова Лиана Владимировна
РЕЛИГИЯ И ЭТНИЧНОСТЬ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ).....392

Мамедова (Сарабская) Рена Азер кызы
ИЗ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА397

Мир-Багирзаде Фариды Алтаевна
ИСТОРИКО-СТИЛЕВЫЕ, СИМВОЛИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО МУГАМА 401

Соловьева Наталья Георгиевна
КУЛЬТУРА КАЗАЧЕСТВА КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ КАК ПРОБЛЕМА
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 406

Текеева Лариса Кичиевна
КОНЬ В ФОЛЬКЛОРЕ И ОБРЯДАХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА 411

Темиржанова Лидия Рамазановна
ВОПРОСЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ
В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА (СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ЗНАЧИМОСТЬ РЕЛИГИИ)..... 416

Чакветадзе Гульнара Владимировна
РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В АБХАЗСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ..... 421

**РАЗДЕЛ 7. ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА:
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Аббасова Эллада Амирага гызы
ИДЕЯ СВОБОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖАФАРА ДЖАББАРЛЫ 428

Анчек Сурет Хазретовна
КОНЦЕПТ КАК ИНСТРУМЕНТ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ
(на материале адыгейского языка) 431

Биданок Марзият Мугдиновна
ПРОДУКТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ 434

Борокова Лиля Арабиевна
ОБРАЗ ГЕРОЯ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ В ФОЛЬКЛОРЕ АБАЗИН..... 440

Канкошев Арсен Мухадинович
ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В АДЫГСКОЙ (ЧЕРКЕССКОЙ)
ПРОЗЕ 20–40-Х ГОДОВ XX В. (М. ДЫШЕКОВ, Х. АБУКОВ, А. ОХТОВ)..... 444

Мамчуева Фатима Османовна
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО
ТВОРЧЕСТВА ШАХАРБИЯ АЛИЕВА 451

Мир-Багирзаде Самира Алтай
ВКЛАД ИМАМЕДДИНА НАСИМИ В СОКРОВИЩНИЦУ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА
..... 455

Муртазалиев Ахмед Магомедович
СЛОВЕСНОЕ ТВОРЧЕСТВО АВАРЦЕВ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА
В ОЦЕНКАХ ГЕНЕРАЛА МАКСУДА АЛИХАНОВА..... 460

<i>Шаманова Фатима Дадашевна</i> ЖАНР ЗИКРА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	465
<i>Шовгенова Тамара Алиевна</i> ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ ИСХАКА МАШБАША: ГЕРОИ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ.....	470
<i>Эркенова Фатимат Пахаратовна</i> ПАРОНИМИЯ ЗООНИМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ.....	473
ПРИЛОЖЕНИЕ	477
БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА ВАЛЕНТИНЫ ПАВЛОВНЫ НЕВСКОЙ.....	477
ЛИТЕРАТУРА О ПРОФЕССОРЕ В.П. НЕВСКОЙ.....	483

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Уважаемые участники и гости Всероссийской научной конференции! От себя лично и от имени организаторов позвольте мне приветствовать вас в Карачаево-Черкесском государственном университете имени У.Д. Алиева и поздравить с началом работы научного форума **«Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы»**, посвященного памяти профессора В.П. Невской!

1 августа 2019 г. исполнилось 100 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, выдающегося ученого Валентины Павловны Невской (01.08.1919 - 21.01.2009), которая внесла большой вклад в развитие отечественного кавказоведения. Около 20 лет она возглавляла сектор истории Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики. Особое внимание в своих исследованиях В.П. Невская уделяла рассмотрению социально-экономических отношений народов региона, в частности Карачая в XIX - начале XX в.

Научное наследие В.П. Невской оценено на мировом уровне. Дважды, в 1993 г. и в 1995 г., за выдающиеся заслуги в развитии исторической науки Валентина Павловна была объявлена «Женщиной года» по версии Кембриджского международного библиографического центра и награждена «Медалью века».

Убежден, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе работы конференции, будут способствовать бережному сохранению научного наследия выдающегося ученого, послужат делу развития идей Валентины Павловны Невской, которые с годами не утратили своей значимости и актуальности. Надеюсь, что наша конференция положит начало широкой научной дискуссии, которая, возможно, обозначит новый этап в развитии отечественного кавказоведения.

Отрадно, что данная конференция носит междисциплинарный характер, что позволяет нам не только объединить ученых со всей России и зарубежных стран, но и представить широкий спектр исследований ведущих специалистов различных направлений гуманитарных и общественных наук - историков, философов, политологов, социологов, экономистов. И мы рады возможности создать такую площадку на базе КЧГУ.

Уважаемые коллеги! Позвольте мне искренне пожелать вам эффективной и плодотворной работы, результаты которой, мы надеемся, окажутся востребованными не только научным сообществом, но будут полезны и для использования в системе образования, а также заинтересуют властные институты, связанные с выработкой и реализацией решений, значимых для социально-экономического и культурного развития регионов Кавказа.

Председатель организационного комитета,
ректор КЧГУ
Т.А. Узденов

Абайханова (Магаяева) Патия Исмаиловна
к.и.н., доцент кафедры Всеобщей истории,
Карачаево-Черкесский государственный
университет им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия,
E-mail: Patiya_m@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАРАЧАЯ В XIX ВЕКЕ В ТРУДАХ В.П. НЕВСКОЙ

Аннотация: В статье представлены результаты исследования социально-экономического развития карачаевского народа в XIX веке. В качестве информационной базы использованы фундаментальные труды профессора В.П. Невской, посвященные истории Карачая. Исследование эволюции аграрного строя и трансформация сельской общины карачаевцев позволили автору выявить особенности социально-экономического развития Карачая.

Ключевые слова: Карачай, община, земельные отношения, эволюция, тукум, атаул, экономическое развитие

Abaykhanova (Magayaeva) Patiya Ismailovna
Ph.D. in history associate professor of the department
of general history,
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev
Karachaevsk, Russia,
E-mail: Patiya_m@mail.ru

PROBLEMS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF KARACHAY IN THE XIX CENTURY IN THE WORKS OF V.P. NEVSKAYA

Abstract: The article presents the results of the study of socio-economic development of the Karachay people in the XIX century. The fundamental works of professor V. P. Nevskaya devoted to the history of Karachay were used as an information base. The study of the evolution of the agrarian system and the transformation of the rural community of Karachay people allowed the author to identify the features of the socio-economic development of Karachay.

Key words: Karachay, community, land relations, evolution, tukum, ataul, economic development

Экономическое и социальное развитие Карачая во второй половине XIX – начала XX вв. принадлежит к активно изучаемым и дискуссионным проблемам в отечественной исторической науке. Общий ход капиталистической эволюции страны пореформенного времени и предреволюционных лет активно исследовали и многократно описывали в прошлом столетии. Актуальным в изучении истории карачаевцев продолжал оставаться вопрос о феодализме, так как правильное определение уровня социально-экономического развития карачаевцев давало ответ на многие другие вопросы, связанные с преобразованиями в судебно-правовой системе, в экономике, культуре.

Значительный интерес к проблеме социально-экономического развития карачаевцев проявляли многие дореволюционные авторы.

Наиболее полно описал карачаевскую общину Б.В. Миллер. «Родовой организации, собственно говоря, не существует, – пишет автор, – родовой быт не кладет почти никакого отпечатка на земельные отношения карачаевцев, и принцип индивидуализации всецело восторжествовал над общинным строем» [2, с. 3]. Безусловно, под принципом индивидуализации Б.Миллер понимал возникновение частной собственности. Она распространялась в карачаевском обществе не только на «...дом и его придаток – двор» [2, с. 3], но и на скот, пахотные и покосные земли, зимние пастбища, отмечал автор.

В таком же ключе строили свою концепцию Л. Люлье, Дюбуа де Монпере, А. Берже, М.М. Ковалевский, которые, выявив наличие феодальных отношений в общественном строе карачаевцев, ошибочно исходили, как отмечает В.П. Невская, «не из

анализа производственных отношений и форм собственности, а из правовых отношений» [7, с. 31].

Ф.И. Леонтович, Я.В. Абрамов и др. ряд признаков традиционного патриархального быта приняли за сущность социального строя карачаевского общества, а общественный строй представляли как родовой, без частного землевладения, без классовой структуры. Между тем по своей структуре карачаевское общество в первой половине XIX в. являлось сословно-классовой организацией, объединявшей представителей, которые были не равны в своих правах и обязанностях. Не заметили они и того, что большая часть земель в начале XIX в. уже принадлежала феодалам, в пользу которых крестьяне несли отработочную и натуральную ренту.

В конце 50 – начале 60-х гг. прошлого столетия одной из важных тем историографии становится исследование русско-кавказских отношений. В этой связи исследователи обратили внимание на некоторые стороны социально-экономического развития горских народов Северного Кавказа, в том числе и карачаевцев.

Совершенно по-новому поставлена проблема о социально-экономическом развитии Карачая в фундаментальных исследованиях В.П. Невской. Итоги многолетней работы подведены ею в монографии «Социально-экономическое развитие Карачая в 19 веке (дореформенный период)» [4].

В этой книге детально показан анализ социально-экономического развития Карачая в первой половине XIX в., в частности рассматриваются «общественные отношения, которые в Карачае имели ряд специфических особенностей, главной из которых было сочетание феодальных отношений с сильными пережитками общинного строя» [4, с. 150]. Далее автор отмечает, что «прочность общинных связей обуславливалась уровнем развития производительных сил и спецификой хозяйства. В связи с тем, что главной отраслью хозяйства было полукочевое скотоводство, длительные перегоны скота с зимних на летние пастбища, необходимость охраны скота и пастбищ, совместная работа по заготовке сена требовали тесного объединения населения и определяли прочность общинных связей. Кроме того, земледелие в горных ущельях было также возможно лишь при условии искусственного орошения, создать и поддерживать которое можно было только при совместном усилии всех жителей селения или значительной его части» [4, с. 150].

Тем не менее первой половине XIX в. были присущи все черты феодальной собственности, и прежде всего – иерархическая структура, создававшая вассальные отношения между биями – феодальными собственниками земли и подвластными им узденями. Зависимое положение кара-узденей проявлялось в их сословной неполноправности, в целом ряде обязанностей, которые они несли по отношению к феодалам часто в форме добровольных приношений и помочей, но фактически как феодальную ренту [4, с. 150].

Особенно много сделано В.П. Невской в изучении аграрного строя и сельской общины карачаевцев. Даже в содержательной публикации крупного русского ученого Б.В. Миллера «Из области обычного права карачаевцев» [2] этот вопрос не был отражен достоверно. Б.В. Миллер, последовательно рассмотрев две формы общины: родовую и семейную, упустил из виду основную форму организации карачаевского общества к началу XIX века – соседскую общину, которая пришла на смену родовой общине. [2, с. 3].

По данным В.П. Невской, для карачаевского общества, в которое постоянно вливались инородные элементы из соседних областей (Черкесии, Сванетии, Абхазии, Кабарды и др.), эта сторона была очень важна. Пришельцы уже не принимались в род путем усыновления, как в родовом обществе, а образовывали самостоятельные фамилии. Их не принимали в состав основных групп («кбаум») карачаевского общества (наурузовцы, трамовцы, адурхаевцы и будияновцы) [4, с. 137].

Между тем общественный строй Карачая в первой половине XIX в. являлся феодальным, с наличием пережитков патриархальных отношений.

Основными классами карачаевского общества были феодалы и крестьяне, основной формой эксплуатации – феодальная рента, выступавшая иногда в форме добровольных отношений и помощи. Основным видом классовой борьбы была борьба крепостных и закрепощаемых крестьян против феодалов.

Рассмотрев вопросы землевладения и землепользования в Карачае, В.П. Невская доказала, что первой формой собственности на землю была в Карачае родовая соб-

ственность на пашни и сенокосы. К началу XIX века она не сохранилась, но следы ее можно обнаружить в более поздних формах землевладения. Пастбищные земли находились в собственности сельской общины, в которую входило все свободное население Карачая: бии и уздени.

Первыми земельными участками, перешедшими в частную собственность, были сабаны и биченлики, добытые тяжелым трудом по их очистке и орошению. По адатам, все остальные земли, кроме сабанов и биченликов, считались общинными, но фактически к началу XIX в. и в течение первой половины века многие из них были захвачены феодалами-биями. В феодальную собственность раньше всего были превращены сенокосы и пастбища, как важнейшие средства производства скотоводческого хозяйства. Леса и летние пастбища дольше оставались в общинном владении. Рост крупного землевладения вел к обезземеливанию народных масс. Одним из средств захвата крестьянской земли была бегенда – бессрочный залог земли. Феодальная собственность на землю не получила в Карачае юридического оформления, и процесс ее становления тормозился наличием сильной соседской общины. Феодальная собственность на землю выступала не в виде индивидуальной собственности, а как фамильная, что затрудняло ее отчуждение и смазывало ее частнособственнический характер.

В.П. Невская объективно показала жизнедеятельность карачаевской общины, в частности наличие в ней трех форм земельной собственности: общинной, подворно-наследственной и частной.

При этом автор считает, что общинное землепользование в Карачае к концу XIX века почти не сохранилось, и таковыми еще считались летние пастбища и леса.

В качестве второй формы собственности автор выделяет подворно-наследственную (семейно-индивидуальную) собственность, в частности мелкие участки пахотной и сенокосной земли, которые находились в собственности семейных общин и еще более дробились в результате сегментации общины.

Третьей формой собственности в Карачае была крупная земельная собственность, принадлежавшая главам родов, считает В.П. Невская.

Дальнейшее развитие частнособственнических отношений в Карачае произошло во второй половине XIX в. в значительной степени под влиянием российского права [4, с. 150–152].

Как известно, с 60–70-х годов XIX века земельные отношения у горских народов, в том числе у карачаевцев, как и весь их общественный строй, подверглись влиянию российского законодательства. Сословно-правовые отношения, которые были тормозом роста экономики страны и самосознания населения, были подорваны проведенными в 60-х годах XIX века земельной и административно-судебной реформами. Отмена крепостного права в России в 1861 г. способствовала проникновению веяний модернизации и в горские аулы.

Сословное деление общества, являясь выражением фактического неравенства людей, закреплялось нормами обычного права, которое изменялось и приспособлялось к новым условиям.

Новый этап в истории изучения социально-экономического развития Карачая связан с выходом в свет второй монографии В.П. Невской «Карачай в пореформенный период» [5]. Для этой работы характерен более объективный подход к анализу данной проблемы. Работа написана преимущественно на архивных документах, с привлечением полевого материала, статистических отчетов и рапортов чиновников российской администрации. В.П. Невская подробно проанализировала хозяйственную жизнь горских обществ Карачая, включение карачаевских аулов в общее русло экономического развития Баталпашинского уезда, а также проникновение капиталистических отношений в социальный строй Карачая. Автор приходит к выводу о том, что «в карачаевском ауле пореформенного периода наряду с феодальным укладом существовал и мелкотоварный, а кроме того, элементы частнокапиталистического уклада» [4, с. 222].

Определенным итогом исследований В.П. Невской стала работа «Карачай в XIX веке» [12], изданная в Москве в 2002 г. в №6 журнала «Ас-Алан». Она стала самой крупной из последних работ ученого. В ней был впервые осуществлен комплексный анализ социально-экономического развития дореформенного и пореформенного Карачая, после чего в отечественной историографии утвердилась точка зрения, согласно ко-

торой «особенностью развития элементов капиталистических отношений в Карачае была их завуалированность обилием феодальных... пережитков» [12, с. 469].

Весомый вклад в изучение проблемы внес историко-этнографический очерк «Карачаевцы» [1]. Очерки написаны коллективом ученых, в том числе и В.П. Невской. Она приняла участие в составлении введения и ряда глав (общественный быт, семья и семейный быт, просвещение и духовная культура) совместно с другими учеными И.М. Шамановым и Е.П. Алексеевой [1]. «Освобождение народа от социального и национального гнета, ликвидация фактического неравенства изменили в корне экономику и общественные отношения, социальную структуру населения, внешний облик селений и жилищ. Карачаевцы, как и другие горские народы Северного Кавказа, не только сменили горский костюм на современное городское платье, но еще больше изменились сами. Канули в прошлое многие отжившие обычаи и обряды, несовместимые с новым бытом...» [1, с. 3.] – говорится в предисловии работы.

Обстоятельной работой, в которой поднимается самый насущный вопрос Карачая – земельный, стало исследование «Земельные отношения в Карачае во 2-й половине XIX в.» [8, с. 76–137], которое ярко показало сложность пореформенного развития региона.

В 1966 г. в Ростовском университете Валентина Павловна защитила докторскую диссертацию по теме «Карачай в XIX веке. Эволюция аграрного строя и сельской общины» [13]. Данное исследование явилось попыткой анализа эволюции аграрного строя и сельской общины у карачаевцев XIX в.

В своей работе «Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX веке» [6], исследовав на большом полевым и архивном материале пережиточные формы родовой общины, а также семейную общину и патронимию, В.П. Невская пришла к выводу, что в XIX в. не только родовая община разложилась и перестала быть основной общественной единицей, оставаясь лишь пережиточной формой в быту, но даже семейная община распадалась на малые семьи, теряя свои основные черты: коллективную собственность на землю, на скот, совместный труд и уравнильное распределение [6, с. 224].

При непосредственном участии В.П. Невской был подготовлен к печати коллективный труд «Очерки истории Карачаево-Черкесии» в двух томах. Ответственным редактором и автором нескольких глав в первом томе является В.П. Невская [14].

В рамках нашего исследования стоит отметить ряд работ В.П. Невской, посвященных аграрной истории Карачая, в частности «Материалы Абрамовской земельной комиссии как источник по аграрной истории Карачая» [10], в которой освещены принципы и методы работы «Комиссии по исследованию современного положения (имеется в виду на 1905 г.) землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области» – работа, имеющая немаловажное значение и по сей день. Заслуживает внимания работа В.П. Невской «Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма» [9]. В этой книге поднимаются вопросы, связанные с изменениями в сельском хозяйстве Баталпашинского отдела, о расслоении крестьянства, об аграрном вопросе в Карачае в период русской революции, столыпинской реакции, в годы первой мировой войны и Февральской революции.

Таким образом, работы В.П. Невской по истории Карачая, изданные во второй половине XX в., не утратили своего значения и по сей день, на них ссылались и ссылаются современные исследователи. Исследования В.П. Невской обсуждаются на научных конференциях, находят отражение в сборниках статей. Не только социально-экономическое развитие карачаевского народа в XIX в., но и народное образование, здравоохранение, история судопроизводства и судоустройства, просвещение, духовная культура и многие другие аспекты истории Карачая нашли отражение в трудах В.П. Невской.

Литература:

1. Невская, В.П. Карачаевцы: Ист.-этногр. очерк / В.П. Невская, И.М. Шаманов, Е.П. Алексеева и др.; Отв. ред. д-р ист. наук Л.И. Лавров. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1978. – 335 с.
2. Миллер, Б.В. Из области обычного права карачаевцев // Этнографическое обозрение: издание Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. – Москва. 1902. № 1. С. 2–29.

3. Невская, В.П. Колониальная политика царизма в Черкесии и Карачае в аграрном вопросе // Сборник трудов Карачаево-Черкесского госпединститута. – Вып. 1. – Нальчик, 1958. – С. 225–247.
4. Невская, В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период) / Под ред. канд. ист. наук Х.О. Лайпанова; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1960. – 159 с.
5. Невская, В.П. Карачай в пореформенный период / Под ред. д-ра ист. наук А.В. Фадеева; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1964. – 224 с.
6. Невская, В.П. Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX в. // Из истории Карачаево-Черкесии: Сборник статей / Ред. коллегия: Р.Х. Джанибекова (отв. ред.) и др. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1970. – С. 174–225. (Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы. Серия историческая. Вып. VI).
7. Невская, В.П. Сельская община и процесс феодализации горских обществ Северного Кавказа // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа: Материалы конф. (11–12 июля 1980 г., г. Махачкала) / Редкол.: В. Г. Гаджиев (отв. ред.) и др. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1988. – С. 53–60.
8. Невская, В.П. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX в. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Вып. IV. Серия история. – Ставрополь, 1964. – С. 76–137.
9. Невская, В.П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма / Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т экономики, истории, яз. и литературы. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1972. – 216 с. [Рец.: Чекменев С.А. Интересное исследование // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – Ростов-на-Дону. – 1973. – №2. – 87–88].
10. Невская, В.П. Материалы Абрамовской земельной комиссии как источник по аграрной истории Карачая // История горских и кочевых народов Северного Кавказа / Ред. коллегия: проф. В. П. Невская (отв. ред.) и др.; М-во просвещения РСФСР. Ставроп. гос. пед. ин-т. – Ставрополь, 1975–1978 [в 3 ч.]. – Вып. 2. – Ставрополь, 1976. – С. 50–69.
11. Невская, В.П. Сельская община у карачаевцев в XIX в. / В.П. Невская, Т.А. Невская // Социальные отношения народов Северного Кавказа: Межвуз. сб. статей / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова; Редкол.: Магометов А.Х. (отв. ред.) и др. – Орджоникидзе: СОГУ, 1978. – С. 21–46.
12. Невская, В.П. Карачай в XIX в. // Ас-Алан: ежеквартальный массовый журнал, освещающий историю и сегодняшнюю жизнь карачаево-балкарского и других народов Российской Федерации / гл. ред.: Биал Лайпанов. – М.: Мир дому твоему, 2002. – №1 (6). – С. 130–474. – ISBN 5-87553-034-0.
13. Невская, В.П. Карачай в XIX веке: Эволюция аграрного строя и сельской общины: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Черкесск, 1966. – 54 с. [защищена в Ростовском государственном университете].
14. Ред.: Очерки истории Карачаево-Черкесии / Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т экономики, истории, яз. и литературы. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1967–1972 [в 2 т.]. – Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / [Отв. ред. д-р ист. наук В.П. Невская]. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1967. – 600 с., 1 л. схем.: ил. Из содерж.: Невская В.П. Введение. – С. 5–13; Невская В.П. Территория и расселение. – С. 15–16; Невская В.П. Гл. VIII. Социально-экономическое развитие Карачая и Черкесии в первой половине XIX века. – С. 310–333; Невская В.П. Гл. X. Реформы 60–70-х годов XIX века. Предпосылки реформ. – С. 407–435; Невская В.П. Гл. XI. Пореформенный период. – С. 436–475; Невская В.П., Шацкий П.А. Гл. XI. Пореформенный период. Раздел VII. Классовая борьба. – С. 468–475; Невская В.П. Гл. XIII. Период реакции и нового революционного подъема 1907–1914. – С. 496–527.

Байрамкулова Аминат Ахматовна
РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета»
институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР»,
кандидат исторических наук, доцент,
ученый секретарь, ведущий научный сотрудник
г. Черкесск, Россия,
E-mail: bayramkulova_aminat@mail.ru

**НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.П. НЕВСКОЙ В СТЕНАХ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА (1953–1971 гг.)**

Аннотация: Статья посвящена изучению научной деятельности выдающегося отечественного ученого, крупнейшего кавказоведа, доктора исторических наук, профессора Валентины Павловны Невской, периоду ее работы в Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте и ее вкладу в изучение истории народов Карачаево-Черкесии.

Ключевые слова: Карачаево-Черкесия, история народов Карачаево-Черкесии, Невская Валентина Павловна, Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт

Bayramkulova Aminat Akhmatovna
Karachay-Circassian order "Badge of Honor"
Institute for Humanities research
under the government of the KCR,
Ph.D in history, associate Professor,
scientific Secretary, leading researcher
Cherkessk, Russia,
E-mail: bayramkulova_aminat@mail.ru

**RESEARCH ACTIVITY OF V. P. NEVSKAYA, AT THE KARACHAY-CIRCASSIAN
RESEARCH INSTITUTE (1953–1971)**

Annotation: The article is devoted to the study of scientific activity of the outstanding Russian scientist, the largest Caucasiologist, doctor of historical Sciences, Professor, Valentina Pavlovna Nevskaya, during her work at the Karachay-Circassian research Institute and her contribution to the formation and development of the history of the people of Karachay-Circassia.

Key words: Karachay-Cherkessia, history of the people of Karachay-Circassia, Valentina Pavlovna Nevskaya, Karachay-Circassian Research Institute

Трудно представить историю Карачаево-Черкесии без выдающегося отечественного ученого, известного кавказоведа, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Карачаево-Черкесской Республики – Валентины Павловны Невской.

Родилась Валентина Павловна 1 августа 1919 г. в Самаре. В 1947 г. окончила Московский государственный педагогический институт и поступила в аспирантуру. В 1950 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Византий в классический и эллинистический периоды», затем уехала в г. Муром для работы в педагогическом институте.

Однако там В.П. Невская проработала недолго, обстоятельства сложились так, что ей пришлось уехать на Северный Кавказ. В 1951 году Валентина Павловна приехала в г. Черкесск. Продолжить изучение истории Византия в римскую эпоху возможности здесь не было, и в первые годы Валентина Павловна преподавала древнюю историю в педагогическом институте. С 1953 года В.П. Невская возглавила сектор истории научно-исследовательского института в Черкесске и приступила к изучению истории народов Карачаево-Черкесской автономной области: черкесов, абазин, ногайцев, казаков. Валентина Павловна была первым кандидатом наук в Карачаево-Черкесии, многие, даже не понимая, что это значит, ее часто спрашивали: «Вы кандидат в депутаты или куда?» [1, с. 127] В 1956 г. вышла ее первая монография «Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия» [4, с. 57].

Вплоть до середины XX века история народов области была слабо исследована. Важную роль в изучении древней и средневековой истории народов Северного Кавказа сыграли археологические исследования Евгении Павловны Алексеевой, впоследствии доктора исторических наук. Все последующие годы В.П. Невской прошли в тесной научной и личной дружбе с Е.П. Алексеевой. Им удалось воссоздать картину материальной и духовной культуры и общественного строя местных народов, заложить основы научного изучения истории народов Карачаево-Черкесии.

В 1957 г. на родину вернулись высланные в Среднюю Азию и Казахстан карачаевцы. Валентина Павловна заинтересовалась историей и этнографией карачаевского народа, приложила много сил для изучения, проведя титаническую работу и собрав большой архивный, литературный и полевой материал. В течение многих лет В.П. Невская упорно собирала архивный материал, который включал рапорты и донесения офицеров и чиновников, жалобы крестьян, отчеты различного характера, переписку должностных лиц, в частности приставов и начальников Кубанской области. В.П. Невской удалось поработать как в федеральных (Москва, Ленинград), так и в региональных (Тбилиси, Владикавказ, Нальчик, Майкоп, Краснодар, Ставрополь) архивах. Пристальное внимание ученый уделяла также изучению периодической печати и литературы. В Карачаево-Черкесской автономной области Валентина Павловна проводила полевые экспедиции, ездила по аулам и записывала рассказы горских долгожителей. Среди них были Локман и Камбот Эбзеевы, которым было более ста лет. Немного их моложе были Эза Коркмазов, Магомет Урусов и многие другие [3, с. 81]. Активное участие в экспедициях принимали известный ленинградский этнограф, заведующая отделом Кавказа, Музея этнографии народов СССР Е.Н. Студенецкая, а также научные сотрудники Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института, языковеды Х.И. Суюнчев и Р.Т. Алиев.

Усилия Валентины Павловны не прошли даром, в результате кропотливой работы ей удалось собрать уникальный архивный и полевой материал, который лег в основу фундаментальных работ по истории Карачая.

Итогом плодотворной работы явилась блестящая защита В.П. Невской в 1966 г. в Ростовском государственном университете докторской диссертации по теме «Карачай в XIX веке: эволюция аграрного строя и сельской общины». О высоком уровне защиты докторской диссертации свидетельствует мнение одного из авторитетных оппонентов, который отметил: «Это не только научный, но и духовный подвиг: суметь так глубоко проникнуть в жизнь другого народа» [2, с. 3].

Валентиной Павловной опубликован ряд монографий и десятки статей, которые стали солидной научной базой для дальнейшего изучения истории Карачая. В 1960 г. в Черкесске вышла в свет монография «Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период)», а спустя несколько лет, в 1964 г., в Ставрополе издана книга «Карачай в пореформенный период», в 1972 г. в Черкесске вышла работа «Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма». Также Валентина Павловна выступила автором ряда глав и ответственным редактором первого тома «Очерков истории Карачаево-Черкесии», увидевшего свет в 1972 г.

Книги В.П. Невской были очень популярны у карачаевцев, старики, споря между собой о прошлом, в качестве последней решающей инстанции признавали ее книги. Монографии Валентины Павловны не потеряли своей научной значимости, и по сей день они являются настольной книгой историков-карачаевцев.

Наряду с этим В.П. Невская принимала постоянное участие в научных конгрессах и симпозиумах историков и этнографов, выступала с докладами и лекциями в городах и селениях Карачаево-Черкесии, которые вызывали огромный интерес у местного населения.

Следует отметить, что в течение почти 20 лет В.П. Невская возглавляла сектор истории в Черкесском, а затем Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте. В 1971 г. В.П. Невская переезжает в г. Ставрополь и продолжает заниматься преподавательской деятельностью в Ставропольском государственном педагогическом институте. При этом Валентина Павловна успешно продолжала научную работу и не прерывала научных связей с КЧНИИ. Она, как и раньше, продолжала вести активную исследовательскую и редакторскую деятельность, а также активно изучала историю народов Северного Кавказа, в частности особенности сельской общины и пути развития феодальных отношений у горских народов.

Благодаря Валентине Павловне история карачаевцев, черкесов, абазин, ногойцев нашла достойное отражение в многотомной «Истории народов Северного Кавказа». Невская входила в число авторов и кураторов глав, была заместителем ответственного редактора второго тома академика А.Л. Нарочницкого, готовила карты ко 2-му тому и провела большую работу по редактированию.

Безусловно, В.П. Невская внесла весомый научный вклад в кавказоведение. Она стояла у истоков создания исторической науки народов Карачаево-Черкесии. Сейчас с уверенностью можно сказать, что Валентина Павловна сыграла значительную роль в становлении интеллигенции народов Карачаево-Черкесии.

Научная деятельность Валентины Павловны оценена на российском и мировом уровнях. Она – заслуженный профессор Ставропольского государственного университета, заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесии, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, награждена медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд», «За долголетний добросовестный труд», «Ветеран труда», нагрудным знаком «Отличник просвещения СССР» и другими знаками отличия. За свои труды решением Кембриджского международного биографического центра В. Невская дважды была признана «Женщиной года» и удостоена серебряной «Медали века».

Валентина Павловна Невская – истинный российский интеллигент, она отдавала свои знания другим, вдохновляла доверием, словом и делом.

Выдающийся ученый, признанный авторитет в области истории, она навечно вошла в плеяду корифеев исторической науки. Вся жизнь В.П. Невской – замечательный пример беззаветного служения науке, яркое проявление неисчерпаемой веры и любви к людям.

Литература:

1. Беликов, А. Человек науки (к 90-летию со дня рождения Валентины Павловны Невской) // Ставропольский хронограф на 2009 год: краеведч. сб. / СКУНБ им. М.Ю. Лермонтова; отд. краеведения. – Ставрополь: СКУНБ им. М.Ю. Лермонтова. – С. 125–130.
2. Виноградов, В.Б. Невская Валентина Павловна // Российские исследователи Кавказа. Серия истории, археологии, этнографии. Вып. 5. Био-библиографический очерк. – Армавир, 1994. – 14 с.
3. Тебуев, Р.С. Люблю я Кавказ // «www.elbrusoid.org» № 2. – 2006. – С. 80–84.
4. Тебуев, Р.С. Невская Валентина Павловна // Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований: 70 лет. – Черкесск: КЧИГИ, 2002. – С. 57–58.

УДК 008.908

*Еремеева Анна Натановна
Южный филиал Российского НИИ культурного
и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
главный научный сотрудник, г. Краснодар, Россия,
E-mail: erana@mail.ru*

СОХРАНЕНИЕ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О ВЫДАЮЩИХСЯ ИСТОРИКАХ-КАВКАЗОВЕДАХ

***Аннотация:** Статья посвящена анализу современных практик сохранения и актуализации памяти о выдающихся историках-кавказоведах. Автор рассматривает репрезентацию их личностей и творчества в архивах, музеях, городском пространстве на примере ситуации в Краснодарском крае и Республике Адыгея. Отмечается роль издательских инициатив и научных мероприятий в популяризации научного наследия кавказоведов.*

***Ключевые слова:** кавказоведы, историческая память, практики коммеморации, научное наследие, Краснодарский край, Республика Адыгея*

Eremeeva Anna Natanovna
Southern Branch of Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Chief Researcher, Krasnodar, Russia,
E-mail: erana@mail.ru

PRESERVATION AND ACTUALIZATION OF THE MEMORY ON THE PROMINENT HISTORIANS-CAUCASIOLOGISTS¹

Abstract: *The article is devoted to contemporary practices of preservation and actualization of the memory on the prominent historians-Caucasiologists. On the example of the situation in the Krasnodar region and the Republic of Adygea the author considers the representation of personalities and creativity of Caucasiologists in the archives, museums, urban space, and the role of publishing initiatives and scientific events in the popularization of scientific heritage of researchers of Caucasus.*

Key words: *Caucasiologists, historical memory, commemorative practices, scientific heritage, Krasnodar Territory, Republic of Adygea*

Исследованием истории Кавказа, его народов на разных этапах занималось множество ученых, достойных памяти не только профессионального сообщества, но и населения в целом. В докладе речь пойдет о практиках коммеморации на примере Краснодарского края и Республики Адыгея.

Дореволюционные кавказоведы в советский период удостоивались в основном негативной оценки как представители «буржуазной» науки. Это же касалось ученых, незаконно репрессированных в 1930-е гг. С конца 1980-х годов их творчество, наоборот, стало активно транслироваться путем переиздания работ.

В 1990-х – начале 2000-х читательской аудитории были представлены труды Ф.А. Щербины, И.Д. Попко, Я.Г. Кухаренко, П.П. Короленко, М.А. Дикарева, И. Цея, С. Сиюхова, С. Хан-Гирея и др. Одним из первых событий стало репринтное издание двухтомной «Истории Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины. В настоящее время продолжается публикация его многотомных воспоминаний.

Множество трудов историков Кубани и Адыгеи последнего тридцатилетия (О.В. Матвеева, В.Н. Ратушняк, Б.А. Трехбрatова, В.К. Чумаченко, С.Н. Якаева, Л.М. Галутво, Н.И. Бондаря, А.И. Слуцкого, М.В. Семенцова, А.И. Фединой, З.Я. Емтыль, А.А. Схалыхо, А.К. Бузарова, С.Я. Цикушевой (Кошоковой) и др.) осмысливают труды, воссоздают биографии дореволюционных кавказоведов. К их юбилеям издаются библиографические указатели. Усилиями междисциплинарного научного коллектива (библиографов, филологов, историков) реконструирован каталог личной библиотеки И.Д. Попко [2].

Важным коммуникативным и информационным ресурсом являются регулярно проводящиеся в Краснодаре Кухаренковские чтения, Дикаревские чтения, Фелицынские чтения, Щербиновские чтения («Научное наследие Федора Андреевича Щербины и современность»), сборники «Памяти Ивана Диомидовича Попко». В 2007–2009 гг. в Краснодарском государственном университете культуры и искусств проводились конференции по истории регионального научного сообщества, причем последняя была посвящена памяти талантливых кавказоведов В.П. Невской и А.И. Козлова. Заметными событиями стали конференции «Жизнь и общественно-научная деятельность С.Х. Сиюхова» (Майкоп, 2012), «К 90-летию Б.М. Джимова» (Майкоп, 2019).

Творчество исследователей Кавказа в центре внимания ежегодного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», организуемого Южным филиалом НИИ культурного и природного наследия им. Лихачева. Среди авторитетных дискуссионных медиаплощадок Краснодарского края и Адыгеи – журналы «Голос минувшего», «Вестник Адыгейского государственного

¹ Доклад подготовлен в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИИ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева» по теме «Монументальная политика как инструмент сохранения культурной памяти».

университета», «Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», электронный научный журнал «Наследие веков», а также тематические сайты (например, «Кубанская генеалогия»).

Дореволюционное кавказоведение в лицах представлено в музейном пространстве. В доме Я.Г. Кухаренко в Краснодаре еще в середине 1980-х гг. открылся как филиал Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника (КГИАМЗ) Литературный музей Кубани. Ныне там функционирует постоянная экспозиция, посвященная бывшему хозяину дома, хранятся ценные артефакты, представляющие творчество других исследователей Кавказа [3]. В фондах и экспозиции музея также представлены жизнь и творчество кавказоведов И.Д. Попко, Ф.А. Щербины и др. Большой интерес посетителей вызывают скульптурный портрет Ф.А. Щербины, созданный в процессе создания памятника (о котором речь пойдет ниже), а также посмертная маска Ф.А. Щербины, привезенная из Чехословакии в 1973 г. бывшим секретарем ученого М.Х. Башмаком.

С 1990 г. КГИАМЗ носит имя его основателя – Е.Д. Фелицына. На здании музея – мемориальная доска. При входе в первый зал установлен бюст Е.Д. Фелицына работы А.А. Аполлонова, автора большинства памятников современного Краснодара. На стене церкви Всех Святых на Всесвятском кладбище, где был похоронен Фелицын, тоже имеется мемориальная доска. В 2019 г. в рамках празднования 140-летия музея была создана экспозиция, включающая личные вещи историка, его книги, сделанную ученым фотографию анапской пристани, гальваноконии золотых изделий, найденных им при раскопках курганов.

На родине Ф.А. Щербины – в станице Новодеревянковской Каневского района – имя ученого присвоено вновь созданному музею.

В Национальном музее Республики Адыгея специальная витрина посвящена деятельности основанного в 1924 г. Общества изучения Адыгейской автономной области (ОИААО), объединившего лучших представителей национальной интеллигенции – ученых, учителей, студенческую молодежь. Ученые Адыгеи высказывались в пользу присвоения музею имени видного адыговеда, первого директора музея, одного из инициаторов создания ОИААО, репрессированного в 1939 г. И.А. Наврузова [1, с. 165]. Большой интерес вызвал реализованный в 2017-м выставочный проект к 100-летию первого археолога Адыгеи «Жизнь в археологии. В поисках утраченных миров», посвященный П.А. Дитлеру, много сделавшему для изучения древней истории Северо-Западного Кавказа.

Документы о жизни и творчестве отдельных кавказоведов систематизированы в архивах. В Государственном архиве Краснодарского края имеется обширный, 100 единиц хранения, фонд Ф.А. Щербины (Ф. 764), включающий документальные материалы, собранные ученым, а также биографические документы. Здесь же хранится коллекция, собранная профессором А.К. Сиотоковым к работе (так и не опубликованной) «История борьбы магометанства и христианства в XIX веке за свое влияние на Западном Кавказе» (Ф. 799). Материалы данного фонда были переданы в Краснодар из Хабаровского архива в апреле 1964 г. Они востребованы исследователями: из 17 единиц хранения 3 отнесены к категории особо ценных. При этом о самом А.К. Сиотокове известно немного, несмотря на датированную 2003 г. рукопись его племянницы Т.С. Сиотоковой-Чиназировой «Из истории рода Сиотоковых», приложенную к описанию коллекции. О судьбе дяди ей мало что известно. В 1931 г. Наркомпросом РСФСР была издана составленная А.К. Сиотоковым «Программа по теории советского хозяйства и экономической политике для рабфаков и техникумов». В конце 1930-х гг. ученый был репрессирован.

В фонде советского кавказоведа М.В. Покровского (Ф. Р-1548), блестящего знатока истории адыгов, хранится, в частности, его докторская диссертация «Очерки социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII – первой половине XIX вв.».

Отметим, что в Адыгее М.В. Покровский является одним из самых уважаемых кавказоведов. В 1989 г. как плод совместных усилий краснодарских и майкопских историков в Краснодарском книжном издательстве издана монография М.В. Покровского «Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века» (отпечатана книга в Майкопе). Редактировал ее бывший студент и аспирант

М.В. Покровского В.Н. Черников. В качестве одного из рецензентов выступил Б.М. Джимов – доктор исторических наук, специалист в области социально-экономических и политических отношений на Северном Кавказе в XVIII – начале XX вв., обучавшийся у М.В. Покровского в 1950-е гг. в Краснодарском пединституте (ныне Кубанский университет).

Спустя почти десятилетие, 9 февраля 1998 г., глава Кабинета министров Республики Адыгея подписал распоряжение по увековечению памяти М.В. Покровского [4]. В нем речь шла о целом комплексе мер: подготовке и издании без сокращений и изменений книги М.В. Покровского «Очерки истории социально-экономической жизни Адыгеи в конце XVIII – в первой половине XIX в.» и сборнике воспоминаний о нем; разработке для студентов Адыгейского госуниверситета спецкурса о научной и педагогической деятельности Покровского; учреждении стипендии Покровского и кабинета его имени в этом же вузе. Планировалось даже появление в Майкопе улицы Покровского. Данная инициатива так и не была реализована, однако сам по себе почин говорит о многом. Мемориальная аудитория им. М.В. Покровского открылась 5 ноября 2012 г. в Кубанском государственном университете, где ученый преподавал и заведовал кафедрой. Полная публикация текста его докторской диссертации – дело будущего.

Именами кавказоведов (Е.Д. Фелицына, К.В. Россинского, Ф.А. Щербины) названы улицы новых микрорайонов Краснодара, ст. Стародеревянской (Ф.А. Щербины). В ауле Шенджий есть улица и школа имени Ибрагима Цея. Его имя также носит Национальный театр Адыгеи.

Кавказоведы и в целом ученые-гуманитарии, в отличие от специалистов в области естественных и технических наук, достаточно скромно представлены в монументальном пространстве Кубани и Адыгеи. Едва ли не исключение из правил – памятник Ф.А. Щербине в краснодарском сквере Дружбы народов (2011, скульпторы А. Корнаев и В. Пчелин, архитектор Ю. Рысин). За три года до его установки в Свято-Троицком соборе Краснодара были перезахоронены перевезенные из Чехии останки Ф.А. Щербины. «Случай» члена-корреспондента Российской Академии наук, известного статистика, автора «Истории Кубанского казачьего войска», «Истории Армавира и черкесогоаев» и др., связан в большей степени с возрождением казачества, знаменем которого Щербина по праву является. И в России, и в эмиграции он много делал для сохранения культурного наследия казаков, казачьей идентичности.

Перспективным с точки зрения приращения знания о сообществе кавказоведов прошлого и настоящего, школах, направлениях и пр. представляется инициирование и реализация устно-исторических проектов, проведение как биографических, так и тематических интервью, их публикация и создание банка данных. Тематические интервью могут быть сфокусированы на истории реализации совместных проектов, таких, например, как написание многотомной «Истории народов Северного Кавказа», первые два тома которой были изданы в издательстве «Наука» в 1988 г., а III и IV тома так и остались в рукописях.

Формирование архивных фондов, издание и переиздание трудов, пропаганда творчества посредством библиотечных выставок, музейных экспозиций, документальных фильмов, научных мероприятий, установки мемориальных досок и памятников актуально с точки зрения развития науки, стимулирования интереса к истории многонационального региона в обществе, воздания должного заслугам историков-кавказоведов.

Литература:

1. Бузаров, А.К. Ибрагим Наврузов: портрет на фоне эпохи (к 130-летию со дня рождения) / М.Н. Губжоков, А.К. Бузаров // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – 2014. №5 (29). С. 161–165.
2. Материалы к библиографической реконструкции каталога личной библиотеки Ивана Диомидовича Попко / составители: И.В. Дубинин, И.Г. Иванцов. Книги из библиотеки И.Д. Попко в фонде Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова / составители: Н.Н. Авдеева, А.В. Ашихмина; под редакцией А.И. Слуцкого, О. В. Кирьяновой. Краснодар: Альбатрос, 2017. – 191 с. – 100 экз. ISBN 978-5-94825-214-8:

3. Неподоба, Е.Н. Литературный музей Кубани: штрихи к истории [Электронный ресурс] / Е.Н. Неподоба // Наследие веков. 2018. № 3. С. 60–70. – Режим доступа http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/10/2018_3_Nepodoba.pdf (дата обращения: 08.04.2019).
4. Распоряжение Кабинета Министров Республики Адыгея от 09.02.1998 №44-р «О некоторых мерах по увековечению памяти историка-кавказоведа Покровского М.В.». [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http //www.lawmix. ru/ zakonodatelstvo/ 1228917](http://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1228917) (дата обращения: 18.05.2019).

УДК 93/94

Карданова Ася Хусиновна
*Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета»
 институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР,
 кандидат исторических наук, доцент,
 ведущий научный сотрудник славянского отдела,
 г. Черкесск, Россия*

ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВНА НЕВСКАЯ: ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА И УЧЕНОГО

***Аннотация:** В статье рассмотрены жизненный путь и научно-педагогическая деятельность доктора исторических наук, профессора В.П. Невской. Вся ее научная и педагогическая деятельность была связана с Карачаево-Черкесией и Ставропольским краем. Большинство ее монографических исследований и статей посвящены истории карачаевского народа.*

***Ключевые слова:** аграрный вопрос, пореформенный период, Россия, Карачай, феодальные пережитки, капитализм*

Kardanova Asya Khusinovna
*Karachay-Circassian order "Badge of Honor"
 Institute for Humanities research
 under the government of the KCR,
 Ph.D in history, associate professor,
 leading researcher of the slavic department
 Cherkessk, Russia*

VALENTINA PAVLOVNA NEVSKAYA: THE WAY OF THE MAN AND THE SCIENTIST

***Abstract:** The article deals with the life and scientific-pedagogical activity of doctor of historical Sciences, Professor V.P. Nevskaya. All her scientific and pedagogical activity was connected with Karachay-Circassia and Stavropol region. Most of her monographic studies and articles are devoted to the history of the Karachay people.*

***Key words:** agrarian question, post-reform period, Russia, Karachay, feudal remnants, capitalism*

В.П. Невская – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. В 1993 году Кембриджским университетом по совокупности опубликованных работ она названа «Человеком года».

Со школьных лет Валентина Павловна мечтала непременно стать учителем, причем учителем истории. Из Самары, где она родилась и блестяще окончила среднюю школу, юная выпускница едет учиться в Москву. С хорошим багажом знаний она легко поступает в один из лучших педагогических вузов страны – Московский государственный педагогический институт, который она окончила в 1947 году с отличием. Валентину Павловну, как подающую большие надежды, оставляют в аспирантуре. Ее диссертационной темой была «Византизм в классический и эллинистический периоды». Члены диссертационного совета единогласно проголосовали за представленную на утверждение диссертацию Валентины Павловны, отметив её научную новизну и высокий научно-теоретический уровень.

В 1953 году В.П. Невскую приглашают в Черкесск на преподавательскую деятельность. В том же году она возглавила сектор истории в Черкесском научно-исследовательском институте.

Первые научные труды Валентины Павловны, посвященные истории Черкесии, были опубликованы в 1953–1956 годы. При написании этих работ В.П. Невская столкнулась со сложностью – это отсутствие архивных материалов по избранному историческому периоду истории черкесского народа. Дело в том, что полностью архивные документы Черкесии были сожжены в августе 1942 года, когда немцы стремительно приближались к Северному Кавказу. Архивы являются одним из ценных достояний любого государства, и нельзя, чтобы они оказались в чужих руках. Архивы, конечно же, необходимо было вывезти, но для этого не оставалось времени, не было транспорта. Руководством области было принято тяжелое, но необходимое решение: чтобы ни один документ не оказался в руках немцев, они были сожжены. К счастью, весь важный документальный материал по истории Черкесии сохранился в городах Краснодаре, Ростове-на-Дону, Ставрополе и Москве, Тбилиси и Владикавказе.

Валентина Павловна работала не только в архивах. За годы работы в Карачаево-Черкесии она собрала богатейший полевой материал, для сбора которого выезжала во многие населенные пункты, даже самые отдаленные.

Собранный ею за многие годы архивный и полевой материал лег в основу всех ее работ. В 1956 году была опубликована монография «Присоединение Черкесии и его социально-экономические последствия». В монографии автор рассматривает один из сложных и трагических периодов в истории как России, так и Черкесии.

Валентиной Павловной отмечалось, что Северный Кавказ, богатый по своим природным ресурсам, важным в стратегическом отношении, был объектом постоянных агрессивных устремлений турецких и крымских феодалов. По его землям проходили с огнем и мечом иноземные орды, уводя в плен детей и женщин, сжигая населенные пункты, угоняя скот. Феодалы, разобщенные между собой, не могли дать должного отпора захватчикам.

Народы Северного Кавказа понимали, что только с сильным союзником они смогут сохранить свою независимость. В 1552, 1555, 1557 годах и позже в Москву приезжали посольства от бесленеевцев, абазин и кабардинцев и просили Ивана IV взять их «под свою высокую» руку. В 1557 году между Россией и Черкесией заключен военно-политический союз, который был закреплен династическим браком. История сохранила многочисленные примеры о взаимовыручке двух государств в трудные периоды их истории.

В.П. Невской отмечалось, что заключенный в XVI веке военно-политический союз между Россией и Черкесией в XVIII веке под влиянием смены идеологии элиты России приводит к «цивилизованному» разрыву отношений между Россией и Черкесией. Теперь Россия крайне заинтересована в условиях кризиса феодально-крепостнического хозяйства в присоединении богатых и плодородных земель Северного Кавказа [6, с. 65].

Валентина Павловна подчеркивает, что присоединение Черкесии к России надо рассматривать в тех конкретных исторических условиях, в которых в начале XIX века находились черкесы, абазины и ногайцы, рассматривать как сложный процесс, в котором переплетались политические интересы Русского государства и народов Северного Кавказа. Военно-колониальная политика России на Северо-Западном Кавказе привела к длительной и тяжелой войне, в которой местные народы стремились отстоять свою свободу и независимость [6, с. 4].

Кавказская война закончилась в 1864 году. Россия, заинтересованная в скорейшем освобождении плодороднейших земель от горцев, проводит политику переселения их в заболоченные районы Кубани и Турцию. Освобождение земель завоеванных народов и принудительно переселенных давало царской России возможность окончательно укрепиться на Северо-Западном Кавказе.

Присоединение Черкесии к России в XIX – начале XX веков отрицательно сказалось на социально-экономическом развитии черкесского народа. Не надо забывать о том, что после Кавказской войны на исторической родине осталось незначительное число черкесов – часть их погибла в ходе войны, часть была насильственно переселена.

Народы всегда мудрее своих правителей. Между оставшимися на своей родине народами и переселившимися на освободившиеся земли русским населением складывались добрососедские отношения. Они обменивались своим опытом земледелия, заимствовали друг у друга предметы быта и т. д. Развитие получает и куначество.

После возвращения карачаевского народа на свою историческую родину В.П. Невская стала изучать этнографию и историю карачаевцев. С 1960 года она издает

ряд фундаментальных работ, посвященных истории карачаевского народа. При этом надо подчеркнуть, что многие вопросы истории карачаевцев впервые получили освещение в трудах Валентины Павловны.

В 1960 году была опубликована монография В.П. Невской по дореформенному периоду «Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке», в 1964 году выходит «Карачай в пореформенный период». В данной работе автор на основе архивных, полевых материалов, исторической литературы делает глубокий анализ тех изменений, которые претерпевает Карачай с проникновением капитализма сюда. Развитие капитализма после 1861 года прошло с такой быстротой, что увлекло в общее русло развития империи и такие отдаленные уголки страны, как Карачай и Черкесия. Во второй половине XIX века развитие капитализма в России стало решающим фактором в истории народов Кавказа. Становление новых капиталистических отношений, объективный ход исторического развития стали толчком для отмены крепостного права и проведения судебно-административных и земельных реформ. Эти факторы способствовали более быстрому проникновению капитала в отдаленные районы страны, каковым являлся Северный Кавказ, превращая его для заводской промышленности России в рынок сырья и сбыта промышленной продукции [5, с. 219].

В Карачае и других горских округах Кубанской области крепостное право было отменено после его отмены в центральных районах страны. Реформа лишила народы Карачая и Черкесии многих исконно принадлежавших им земель. Земли же были переданы казне, а также чиновникам царской армии и администрации из русских и горских офицеров.

Проведенные административно-судебные преобразования были направлены на полное подчинение правительству горских народов. Они ломали феодальную замкнутость, ослабляли их политическую власть, была установлена выборность сельской администрации и суда.

Но даже это ограниченное самоуправление, политические и общественные права в период контрреформ 80-х годов XIX века были отняты у горских народов. По положению 1888 года казачьей администрации было подчинено все управление Кубанской области, а горские народы были взяты под контроль участковых начальников. Выборы, сходы по волнующим горцев вопросам без ведома участковых начальников не могли проводиться.

Реформы 60-х годов XIX века не решили в Карачае основные вопросы, волновавшие карачаевцев. Не решен был один из жизненно важных вопросов – земельный, крестьяне не были освобождены от поземельной зависимости, круговой поруки и др.

Как бы колониальная политика царизма ни тормозила развитие народов России, как бы она ни стремилась помешать сближению народов, российское самодержавие не могло повернуть историю вспять, помешать втягиванию в общий поток экономического и социального развития страны национальных окраин и неуклонному сближению народов.

После политического завоевания Северного Кавказа он был завоеван и экономически. Началось массовое переселение сюда выходцев из Центральной России. Переселялись разоренные безземельные крестьяне, нуждающиеся в землях и работе. Затем последовала казачья колонизация. Процесс переселения народов способствовал интенсивному росту производительных сил Кубани, подъему богатых целинных земель, разработке полезных ископаемых и расширению торговых связей [5, с. 219].

В XIX веке общественное разделение труда привело к специализации районов. Так, Кубань становится поставщиком пшеницы и табака. Баталпашинский отдел, куда входил Карачай, специализировался на товарном скотоводстве. Отдел снабжал не только земледельческие районы Кубани скотом, лошадьми и продуктами скотоводства, но и Москву, Украину, Закавказье.

Проникая в карачаевские аулы, капитализм практически полностью подчинил себе их экономику. К требованиям рынка приспособляются такие отрасли животноводства, как коневодство и овцеводство. Лошади были востребованы в казачьей кавалерии. В карачаевской и кабардинской породах лошадей появился особый вид, получивший термин «под казачье седло». Спросом в казачьих станицах и городах Кавказских Минеральных Вод и далеко за пределами Кубанской области пользовались карачаевские ов-

цы. Часто в карачаевские аулы приезжали скупщики овечьей шерсти и вывозили на рынки Москвы, Харькова, Полтавы и др.

Огромные лесные массивы Карачая приобретают товарный характер. Лесом снабжались города и станицы, окружавшие Карачай.

Земледелие в Карачае в пореформенный период продолжало носить потребительский характер. Излишек хлеба имелся только в ауле Джегутинском, который шел на продажу.

В пореформенный период в Карачае появляются первые промышленные очаги. Начали работать Хумаринские угольные копи и Эльбрусский серебросвинцовый рудник. Русский капитализм был заинтересован получать руду как сырье, поэтому на месте шла только первичная его обработка.

Отсутствие дорог в Карачае затрудняло вывоз сырья и сельскохозяйственной продукции. Первая колесная дорога была построена в конце 60-х годов XIX века вдоль Кубанского ущелья. Дорога соединила центр Большого Карачая Учкулан с Хумарой. Дорога установила связь между карачаевскими аулами с жителями русских городов и станиц, что положительно повлияло на развитие экономики Карачая. Активно карачаевцы стали принимать участие в проводимых ярмарках и базарах в городах Кисловодске, Горячеводске и станице Баталпашинской. Они вывозили туда для продажи древесину, изделия своего ремесла, продукты и скот. На вырученные деньги карачаевцы покупали ткани, металлические изделия и хлеб. Вначале карачаевцы часть этих товаров покупали у приезжих торговцев, но к концу XIX века в карачаевских аулах появляются стационарные лавки.

В пореформенный период Карачай все теснее втягивается в рынок. Карачаевцам сложно было без рынка, так как им приходилось продавать часть своей продукции, доходы от которой шли на погашение налогов, на разрешение рубить лес, на право выезда из аула, на оплату общественных повинностей.

Постройка Ростово-Владикавказской железной дороги способствует расширению торговых связей Центральной России с Северным Кавказом. Русскому капитализму она облегчила экономическое «завоевание» Кавказа, способствовала развитию товарности сельского хозяйства и его специализации [5, с. 222].

Получившие развитие в результате реформ товарно-денежные отношения в Карачае привели к имущественному расселению, к выделению кулацкой верхушки и обеднению крестьянских масс. В условиях рассматриваемого периода кулацкие хозяйства все больше приобретают товарный характер, кулакам становится тесно в узких рамках наделного земледелия. Они теперь арендуют земли в большом количестве в казачьих станицах, у казны и помещиков, покупают ее в частную собственность и зачастую отбирают земли у бедноты. Таким образом, земля постепенно становится собственностью нового буржуазного элемента в карачаевском обществе.

К концу пореформенного периода утрачивает свое значение сословное деление населения. Положение человека в обществе определяется не сословием, а его богатством. Многие богачи вышли из бывших кулаков. Царизм поддерживал старую феодальную знать, стремился затормозить процесс стирания сословных граней и замены их классовым делением общества. Ход исторического развития страны объективно требовал отмены феодальных пут, которые мешали дальнейшему прогрессивному продвижению страны вперед. Карачаевские крестьяне поднимаются против феодального земледелия. Борьба против феодального земледелия переплеталась с национально-освободительным движением северокавказских народов против колониальной политики царизма.

Аграрный вопрос В.П. Невская поднимает в монографическом исследовании «Аграрный вопрос в Карачаево-Черкесии в эпоху империализма». Как и в предыдущих работах, автор рассматривает процесс проникновения капиталистических отношений в окраинные районы страны, каковыми были Карачай и Черкесия, и роль, которую он сыграл в жизни народов.

«Эпоха империализма принесла народам Карачая и Черкесии новые тяготы, обострила аграрные отношения, усилила классовую борьбу. Процесс колонизации, который начался в пореформенный период, весьма интенсивно продолжался и в первое десятилетие XX века. Он привел к усилению экономических связей горского населения с русским, к переменам в хозяйстве и социальных отношениях», – пишет Валентина Павловна [4, с. 210].

В 1966 году Валентина Павловна защищает диссертацию «Карачай в XIX веке: эволюция аграрного строя и сельской общины» в Ростовском государственном университете. В последующие годы В.П. Невская выпускает ряд монографических исследований, работает как член авторского коллектива ряда фундаментальных работ. Валентина Павловна внесла весомый вклад в создание двухтомника «Очерки истории Карачаево-Черкесии» [7], как один из ведущих авторов и как научный редактор. В монографии «Карачаевцы» [3] В.П. Невская автор нескольких глав и научный редактор, в «Очерках истории Ставропольского края» [8] она также автор нескольких глав и научный редактор. В 1988 году в Москве (издательство «Наука») вышла многотомная «История народов Северного Кавказа» [1]. Валентина Павловна во втором томе автор нескольких глав, член редколлекции и заместитель ответственного редактора.

Мы выше указывали, что Валентина Павловна много лет работала во многих архивах. В 1985 году выходит сборник документов (в соавторстве) «Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917 гг.)» [9].

Активное участие принимала В.П. Невская в работе международных, всесоюзных и региональных конгрессов и конференций историков и этнографов. Перечислить все не представляется возможным, назовем лишь малую часть. 1960 год – XXV Международный конгресс востоковедов; 1964 год – Международный конгресс антропологических и этнографических наук; 1970 год – Международный конгресс историков и другие [2, с. 58].

Валентину Павловну в 1971 году приглашают преподавателем в Ставропольский государственный педагогический институт. Через несколько лет (1978 г.) профессор В.П. Невская возглавила кафедру всеобщей истории в этом же институте. Занимаясь преподавательской деятельностью, она продолжает активно работать как исследователь и редактор. Валентина Павловна все последующие годы не прерывала научные связи с Карачаево-Черкесским институтом гуманитарных исследований, вела исследовательские работы по истории народов Карачаево-Черкесии.

Я считаю, мне повезло, что свою научную деятельность начала под руководством Валентины Павловны. Необыкновенно чуткая, внимательная, она умела ненавязчиво передать всем молодым сотрудникам сектора истории свой опыт: как работать с научной литературой, как брать необходимый материал для научной темы из архива. Кто работал в архивах, знает, насколько сложна эта работа. Чтобы найти необходимый материал по избранной научной теме, необходимо перелистать огромное количество документов. Как более рационально решать этот сложный вопрос также учила Валентина Павловна. Я работала рядом с Невской в архивах, многому у нее научилась и сегодня с благодарностью говорю об этом.

В.П. Невскую по праву считали и считают одним из крупных кавказоведов, ее труды всегда отличались комплексностью подхода к изучаемым проблемам, высоким научно-теоретическим уровнем, научной новизной. Она стояла в послевоенный период не только у истоков создания исторической науки народов Карачаево-Черкесии, но и подготовила немало серьезных исследователей, получивших степень кандидата исторических наук.

Валентина Павловна Невская имеет многочисленные награды: орден Трудового Красного Знамени, медали «За трудовую доблесть», «За доблестный труд», «За добросовестный многолетний труд», отмечена знаком «Отличник просвещения СССР» и др.

Профессор В.Б. Виноградов писал: «Невская В.П. – истинный российский интеллигент, отдающий себя другим, щедро сеющий вокруг доброжелательность, вдохновляющий доверием, словом и делами» [2, с. 58].

Литература:

1. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – 659 с.
2. Карачаево-Черкесскому институту гуманитарных исследований 70 лет. – Черкесск: Информационно-полиграфический центр КЧИГИ, 2002. – 254 с.
3. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк / Отв. ред. Л.И. Лавров. – Черкесск: Карачаево-Черкесское Ставропольское кн. изд-во, 1978. – 335 с.
4. Невская, В.П. Аграрный вопрос в Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черкесская областная типография, 1972. – 216 с.

5. Невская, В.П. Карачай в пореформенный период. – Ставрополь: Карачаевская типография в г. Карачаевске, 1964. – 224 с.
6. Невская, В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. – Черкесск: Черкесское книжное издательство, черкесская типография, 1956. – 168 с.
7. Очерки истории Карачаево-Черкесии / Отв. ред.: В.П. Невская, З.А. Романовский; КЧИГИ. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ставрополь: Карачаево-Черкесская областная типография, 1967. – 600 с.
8. Очерки истории Ставропольского края. Т. 1. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. – 462 с. Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. – 607 с.
9. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917 гг.). – Ростов-на-Дону: Типография им. М.И. Калинина, 1985. – 287 с.

УДК 930 (470.631)

Колесникова Марина Евгеньевна
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
заведующий кафедрой истории России, профессор,
г. Ставрополь, Россия,
E-mail: kolesnikovam@rambler.ru

ВКЛАД ПРОФЕССОРА В.П. НЕВСКОЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЕ

***Аннотация:** Доклад посвящен выдающемуся ученому Валентине Павловне Невской (1919–2009), которая внесла большой вклад в развитие отечественного кавказоведения. Почти 20 лет она возглавляла сектор истории Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики. Особое внимание в своих исследованиях уделяла рассмотрению социально-экономических отношений народов региона, степени развития горских обществ в XIX – начале XX в.*

***Ключевые слова:** история, кавказоведение, народы Северного Кавказа, Карачаево-Черкесия, научная школа*

Kolesnikova Marina Evgen'evna
North Caucasian Federal University,
professor of History, the head of chair
of Russian History, Stavropol, Russia,
E-mail: kolesnikovam@rambler.ru

PROFESSOR V.P. NEVSKAYA'S CONTRIBUTION INTO RUSSIAN CAUCASUS STUDIES

***Abstract:** The paper is devoted to an outstanding scholar Valentina Pavlovna Nevskaya (1919–2009), who made a major contribution into the development of Russian Caucasus studies. She was a head of History department of Karachay-Circassian Research Institute for History, Philology and Economics for about 20 years. She focused her research on social and economic developments of the region's peoples as well as the history of highland communities in the XIX – early XX-th centuries.*

***Key words:** history, Caucasus studies, the peoples of the North Caucasus, Karachay-Circassia, scientific school*

С именем известного кавказоведа Валентины Павловны Невской (1919–2009) связана одна из славных страниц истории Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, первого научного учреждения в регионе, которое занималось всесторонним изучением духовной и материальной культуры народов Карачаево-Черкесии. В 1953 г. В.П. Невская, в силу сложившихся обстоятельств переехавшая в г. Черкесск, возглавила сектор истории в возобновившем свою работу Черкесском научно-исследовательском институте (с 1957 г. – объединенный Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики). Здесь она проработает почти 20 лет, до 1971 года. В 1950–60-е гг. ею и ее коллегами по институту было начато планомерное и углубленное изучение истории народов Карачаево-Черкесии с древнейших времен до второй половины XX в.

В.П. Невская приехала в г. Черкесск уже состоявшимся историком, за плечами которого был истфак Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, участие в экспедиции известного ученого-археолога А.М. Славина по изучению греческой колонии Ольвии в Днепро-Бугском лимане, научная публикация о Боспорском царстве в Малой советской энциклопедии [4], аспирантура на кафедре истории древнего мира у профессора В.Н. Дьяконова в МГПИ им. В.И. Ленина и написание монографии «Византий в классический и эллинистический периоды». Она выйдет в 1953 г. в издательстве Академии наук СССР в серии «Причерноморье в античную эпоху» (четвертый выпуск серии) [7] и будет высоко оценена специалистами, отзывы будут опубликованы в австрийском, французском, болгарском научных исторических изданиях. В Японии в историческом журнале «Шихо» выйдет развернутый отзыв на эту работу [24], позже она будет переведена на немецкий язык и издана в Лейпциге [23]. В биографии историка были не только научные успехи и достижения, были и драмы, трагические повороты судьбы. Ее личная и научная биография были переплетены, тесно связаны с историей страны и историей исторической науки.

С Карачаево-Черкесией связан второй период (1951–1971 гг.) в жизни и научном творчестве В.П. Невской. Здесь она вновь обретет счастье, в 1952 г. выйдет замуж за Александра Петровича Невского. В этом браке родится дочь Татьяна, ставшая в будущем известным историком-кавказоведом – профессором кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета. Первоначально в Черкесске В.П. Невская преподавала древнюю историю в учительском институте после его перевода в другой город, в 1953 г. перешла на работу в Черкесский НИИ. С этого момента вся ее жизнь была связана с Северным Кавказом, с историей его народов. Это был очень продуктивный в научном плане период в жизни ученого: написаны ряд монографий, ставших классическими, участие в крупных общесоюзных научно-исследовательских проектах, подготовка хрестоматий и сборников документов по истории Карачаево-Черкесии.

В научно-исследовательском институте она познакомилась с известным исследователем, археологом и этнографом Евгенией Павловной Алексеевой, впоследствии доктором исторических наук, ставшей личным другом Валентины Павловны. Она, как и В.П. Невская, в 1951 г. переехала в г. Черкесск и начала работать в секторе истории Черкесского научно-исследовательского института. Е.П. Алексеева занималась изучением древней и средневековой истории народов Северного Кавказа. В период с 1952 по 1969 гг. проводила археологические раскопки на территории Карачаево-Черкесии, с 1959 г. – на территории Балкарии. В секторе работало в то время всего три человека: Е.П. Алексеева, И.Х. Калмыков и В.П. Невская. Валентина Павловна была единственным кандидатом наук в области, но не только этот факт способствовал тому, что она возглавила сектор. Руководство института и коллеги отмечали ее обширные знания истории и литературы, кругозор, организаторские способности, добропорядочность и трудолюбие. Это была большая и сложная совместная работа по выработке концепции исторического развития народов Северного Кавказа. Необходимо было изучить огромное количество архивных документов, исследовать не один десяток археологических памятников в долинах рек и в горах Карачаево-Черкесии. В центре внимания находилась проблема этнической истории народов региона и, в частности, их этногенез. Благодаря в том числе и их трудам были заложены основы научного познания исторического прошлого народов Северного Кавказа, их материальной и духовной культуры.

Все это определило и новую тематику исследований Валентины Павловны – история народов Северного Кавказа, и прежде всего народов Карачаево-Черкесии. В.П. Невская занялась изучением специальной и общей кавказоведческой литературы, знакомилась с архивными фондами местных архивов. Особое внимание в своих исследованиях она уделяла рассмотрению социально-экономических отношений народов Черкесской автономной области в составе Ставропольского края (черкесов, абазин, ногайцев, казаков и др.), эволюции сельской общины, степени развития горских обществ в XIX – начале XX в. Этой теме посвящена ее монография «Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия», изданная в 1956 г. в Черкесске, и ряд статей [8; 10; 11]. Под ее редакцией вышла и монография Е.П. Алексеевой «Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв.» [1]. В 1971 г. в издательстве «Наука» выйдет еще одна фундаментальная работа Е.П. Алексеевой «Древняя и

средневековая история Карачаево-Черкесии. Вопросы этнического и социально-экономического развития» [2], рукопись которой она не раз обсуждала с В.П. Невской.

С именем В.П. Невской связано изучение истории и культуры карачаевского народа, которому она посвятила не один десяток лет, став широко известным и авторитетным кавказоведом. Интенсивные исследования истории Карачая начались после 1957 г., когда на родину были возвращены депортированные в Среднюю Азию карачаевцы. Уже в этом же 1957 г. вышла и первая ее работа по истории карачаевского народа «Карачаевцы» в сборнике «Народы Карачаево-Черкесии (Историко-этнографический очерк)» [9]. Это была первая после 13-летнего перерыва работа по истории карачаевского народа. В.П. Невская проработала большой пласт периодических изданий, являющихся ценным историческим источником. Ею были изучены материалы многотомного издания «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», последние тома которого содержали сведения о Карачае; просмотрены периодические издания Кубанского областного статистического комитета, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Известия Кавказского отдела Русского Географического общества», «Известия Общества любителей изучения Кубанской области» и знаменитый «Сборник сведений о кавказских горцах», на страницах которого публиковались статьи и исследования о Карачае В.Я. Тепцова, В.М. Сысоева, А.Н. Дьячкова-Тарасова, М.В. Орлова, Н. Иваненкова, Г.Ф. Чурсина, Л.В. Македонова и др. Были детально просмотрены подшивки газет второй половины XIX – начала XX вв. «Кавказ», «Северный Кавказ», «Кубанские областные ведомости», на страницах которых публиковались статьи и многочисленная информация из Баталпашинского отдела Кубанской области, в который входил Карачай. Не остались без внимания и статьи исследователей Карачая в 1929–30-е гг. У. Алиева, И. Тамбиева, И. Хубиева.

Как все крупные ученые, В.П. Невская любила работать в архивах, выявлять новые документы, скрупулезно изучать рапорты, донесения офицеров и чиновников, жалобы крестьян, переписку должностных лиц и статистические отчеты в фондах архивов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Ростова-на-Дону, Орджоникидзе (Владикавказ), Нальчика, Майкопа, Ставрополя, Краснодара, осмысливать их и вводить в научный оборот. Работа в архивах не только способствовала рождению новых идей, концепций, оценок общественных явлений и событий северокавказской истории, но и разработке методов исторической критики документов, приемов анализа текстов.

В.П. Невская не была кабинетным ученым, ведущим спокойную, размеренную жизнь, далекую от будничной суеты и житейских волнений. Письменные источники дополнял обширный этнографический материал, собранный ею лично в многочисленных и многолетних экспедициях по горным аулам Карачаево-Черкесии. Там она, хрупкая молодая женщина, не ассоциирующаяся с маститым ученым, записывала рассказы аксакалов, старинные легенды и предания, знакомилась с предметами материальной культуры, собирала информацию о фольклоре, быте и традициях карачаевского народа. В этнографических экспедициях принимали участие этнограф, заведующая отделом Кавказа Музея этнографии народов СССР Е.Н. Студенецкая, языковеды Х.И. Суюнчев и Р.Т. Алиев. Благодаря этим экспедициям в научный оборот был введен обширный фактический материал по истории карачаевцев и черкесов, казаков, который и сегодня служит кавказоведам как источниковая база. На основе полученных материалов были написаны научные труды, обогатившие отечественную историческую науку.

Как вспоминала сама В.П. Невская, в таких поездках ее удивило, что в своих спорах о прошлом аксакалы, как на последний аргумент, ссылаются на ее книги. Одно из таких воспоминаний было опубликовано в юбилейном материале об ученом-кавказоведе: «Древний аксакал попросил ее привезти одну такую книгу, чтобы ему было на что ссылаться в полемике со своими сверстниками. Когда Валентина Павловна пообещала, что обязательно привезет ему свою книгу, он ответил: «Девочка, мне не нужна твоя книга, мне нужна книга самой Невской». Старец пояснил, что автор книги, так глубоко понявший саму душу карачаевцев, никак не может быть такой молодой женщиной, она – наверняка умудренная жизнью седая ученая» [3, с. 196]. И это признание аксакала было для нее самым высоким признанием ее научных работ.

В.П. Невская заинтересовалась историей и культурой карачаевцев в тот период, когда научных исследований по истории этого народа практически не было. Начала она с изучения сельской общины, в этом ей помогли знания по истории древнего мира, а

именно изучение общины фракийцев. Анализируя, сопоставляя известный ей материал с особенностями сельской общины карачаевцев, В.П. Невская пришла к ценным выводам, которые нашли отражение в ее монографии «Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (Дореформенный период)» [12]. Вопрос о социально-экономическом развитии Карачая в дореформенный период был тогда одной из малоизученных проблем в отечественном кавказоведении. Она сумела выявить причину прочности общинных связей в горском обществе, проанализировать выработку определенных приемов ведения сельского хозяйства, приспособленного к горным условиям полукочевого скотоводства и орошаемого земледелия на узких речных долинах, показать, как натуральное хозяйство, внеэкономическое принуждение зависимого крестьянства, феодальная собственность на землю и другие черты феодального хозяйства переплетались в социальном строе Карачая с пережитками патриархальных отношений.

Вопросы развития хозяйства у горцев в пореформенный период были подробно и глубоко рассмотрены ею в работах «Карачай в пореформенный период», «Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX в.» [13; 14]. Итогом стала докторская диссертация «Карачай в XIX в. Эволюция аграрного строя и сельской общины», которую В.П. Невская успешно защитила в 1966 г. в Ростовском государственном университете. На защите была научная дискуссия, и один из оппонентов, известный историк-востоковед, академик А.-С.С. Сумбат-заде, говоря о заслугах диссертанта, отметил, что «Это не только физический, но и моральный подвиг: суметь так глубоко проникнуть в жизнь другого народа» [5, с. 473]. Позже, продолжив исследования, она на основе диссертации издаст монографию «Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма» [16].

При ее непосредственном участии был подготовлен и коллективный обобщающий труд «Очерки истории Карачаево-Черкесии», первый том которого она редактировала совместно с профессором В.А. Романовским [20]. Очерки охватывают период исторического развития народов современной Карачаево-Черкесии с древнейших времен до 1970-х гг. Первый том заканчивался событиями февраля 1917 г. Эти и многие другие работы создали научную базу для дальнейшего изучения Карачая и приобрели мировую известность, а В.П. Невская стала признанным специалистом по истории Северного Кавказа.

В эти годы В.П. Невская принимала деятельное участие в региональных, всесоюзных и международных конгрессах и симпозиумах историков и этнографов, где докладывала результаты своих исследований, выдвигала концепции, позволяющие по-новому воспринимать и трактовать социально-экономические процессы в горских обществах Северного Кавказа в XIX в. Среди них XXV Международный конгресс востоковедов (август 1960 г.), XIV Международный конгресс антропологических и этнографических наук (август 1964 г.), XIII Международный конгресс историков (1970 г.) и многие др. Перу В.П. Невской принадлежит и ряд историографических работ по истории Карачаево-Черкесии, написанные как самостоятельно, так и в соавторстве со своим другом и единомышленником Е.П. Алексеевой [15; 17; 18; 19].

В.П. Невская всегда с любовью вспоминала карачаево-черкесский период своей жизни. Она любила свой Карачай, любила приезжать к друзьям и коллегам, ставшим родными, где ее всегда встречали с огромным уважением, любила повторять: «Горжусь, когда меня называют дочерью Карачая...» Историю же Карачаево-Черкесии сегодня просто невозможно представить без трудов В.П. Невской.

Связей с Карачаево-Черкесией В.П. Невская не прерывала и после того, как в 1971 г. вместе с семьей переехала в г. Ставрополь. Она перешла на преподавательскую деятельность, стала работать на кафедре истории Ставропольского государственного педагогического института (ныне Северо-Кавказский федеральный университет). В сфере ее научных интересов по-прежнему была история Карачая в дореволюционный период, проблемы развития феодальных отношений у горских народов. Она вела переписку с коллегами, часто приезжала в г. Черкесск, помогала молодым исследователям, рецензировала научные рукописи статей, монографий, выступала оппонентом, редактировала книги. Во многом ее научная и просветительская деятельность способствовала становлению научной исторической школы по изучению истории и культуры карачаевцев.

В 1980-х В.П. Невская принимала участие в подготовке фундаментального академического издания «История народов Северного Кавказа», вышедшего в 1988 г. под редакцией А.Л. Нарочницкого [6]. Она входила в число авторов (от Карачаево-

Черкесского научно-исследовательского института в работе принимали участие И.Х. Калмыков и Е.П. Алексеева), была заместителем ответственного редактора второго тома, готовила к нему исторические карты, занималась его редактированием. Эта фундаментальная работа стала первым и до сих пор остается единственным академическим изданием, в котором на широком круге археологических и письменных источников представлена многовековая история народов Северного Кавказа, обозначены основные тенденции их социально-экономического, политического и культурного развития. При непосредственном участии и редактировании В.П. Невской в 1986 г. вышел и первый том обобщающего труда «Очерки истории Ставропольского края» (2-е изд.), в котором нашли отражение и материалы по Карачаево-Черкесии [21].

Вклад профессора В.П. Невской в историческую науку, и особенно кавказоведение, был оценен на мировом уровне. Дважды, в 1993 г. и 1995 г., за выдающиеся заслуги в развитии исторической науки В.П. Невская была объявлена Женщиной года по версии Кембриджского международного биографического центра и награждена «Медалью века», а ее имя внесено в ежегодник «Кто есть кто?», издаваемый Кембриджским центром [22].

Доктор исторических наук, профессор В.П. Невская – заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесии, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, была награждена медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд», «За долголетний добросовестный труд», «Ветеран труда», нагрудным знаком «Отличник просвещения СССР», почетным знаком «За отличные успехи в области высшего образования СССР», другими знаками отличия, почетными грамотами.

Трудно переоценить вклад профессора В.П. Невской в науку, в развитие всеобщей истории, отечественного кавказоведения, в воспитание многих поколений северокавказской интеллигенции. Она обладала удивительным качеством притягивать к себе людей, прежде всего своей увлеченностью наукой, потрясающей работоспособностью, целеустремленностью и такими человеческими качествами, как доброта, принципиальность, порядочность, честность, это были ее принципы жизни. Ее всегда отличали высочайший уровень внутренней культуры, доброжелательность, вежливость, деликатность, обаяние, тонкий юмор, активная жизненная позиция.

Профессор В.П. Невская – это целый мир, в котором люди, общавшиеся с ней, получали знания, накапливали опыт, учились мастерству историка. Коллеги и ученики Валентины Павловны Невской хранят чувства искреннего уважения и большой благодарности к ее личности, к ее огромному вкладу в отечественную историческую науку и ее часть историческое кавказоведение. Профессор В.П. Невская, ее деятельность, ее имя – это уже история. В истории науки останутся ее классические труды по Византию и истории Карачая. И все же ее главный след в науке – это ее ученики, научные школы, которые сложились в стенах Ставропольского государственного педагогического института (ныне Северо-Кавказский федеральный университет) и Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, в них бессмертие ученого.

Литература:

1. Алексеева, Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв. / Под ред. канд. ист. наук В. П. Невской. – Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1957. – 148 с. Сер. Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.
2. Алексеева, Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Вопросы этнического и социально-экономического развития – М.: Наука, 1971. – 355 с.
3. Беликов, А. Судьба историка: Валентина Павловна Невская (01.08.1919–29.01.2009) // Историческая наука и образование в начале XXI века: проблемы и перспективы развития (к 70-летию факультета истории, философии и искусств): сборник научных статей. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 194–199.
4. Боспорское царство // Малая советская энциклопедия: В 11 т. – 2-е изд. / Под ред. Н.Л. Мещерякова. – М.: Советская энциклопедия, 1936–1947. – Т. 1. – С. 1106–1107.
5. Гаджиев В.Г. CONSORTIUM VITAS (Содружество на всю жизнь – лат.) // Мастера отечественного кавказоведения. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2005. – С. 461–480.
6. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.) / Отв. ред. акад. А.Л. Нарочницкий; АН СССР. Ин-т истории СССР и др. – М.: Наука, 1988. – 659 с.
7. Невская, В.П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи / Под ред. В.Н. Дьяконова. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 159 с.

8. Невская, В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия / Под ред. П.А. Брюханова. – Черкесск: Кн. изд-во, 1956. – 168 с.
9. Невская, В.П. Карачаевцы // Народы Карачаево-Черкесии (историко-этнографические очерки) / Ред. П.И. Балтин, М.М. Сикиев. – Ставрополь, 1957. – С. 15–53.
10. Невская, В.П. Колониальная политика царизма в Черкесии и Карачае в аграрном вопросе // Сборник трудов Карачаево-Черкесского госпединститута. – Вып. 1. – Нальчик, 1958. – С. 225–247.
11. Невская, В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Серия история. – Вып. 3. – Черкесск, 1959. – С. 84–207.
12. Невская, В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (Дореформенный период) / Под ред. Х.О. Лайпанова. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1960. – 159 с.
13. Невская, В.П. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX в. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Вып. IV. Серия история. – Ставрополь, 1964. – С. 76–137.
14. Невская, В.П. Карачай в пореформенный период / Карачаево-Черкесский НИИ истории, экономики и языка; Под ред. А.В. Фадеева. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1964. – 224 с.
15. Невская, В.П. Карачаево-Черкесия в советской исторической науке (критико-библиографический обзор) // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Черкесск, 1965. – Вып. 5. – С. 275–309.
16. Невская, В.П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отд., 1972. – 216 с.
17. Невская, В.П. Проблемы сельской общины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении // Известия Северо-Кавказского центра высшей школы. Общественные науки. – 1985. – №1. – С. 41–47.
18. Невская, В.П. Историография истории Карачаево-Черкесии (часть первая) / В.П. Невская, Е.П. Алексеева // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии: Сборник научных трудов. – Черкесск, 1989. – С. 138–167.
19. Невская, В.П. Историография истории Карачаево-Черкесии (часть вторая) / В.П. Невская, Е.П. Алексеева // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1991. – С. 132–158.
20. Очерки истории Карачаево-Черкесии [в 2 т.] / Карачаево-Черкесский науч.-исслед. ин-т экономики, истории, яз. и лит. – Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1967. – Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / отв. ред. В.П. Невская. – 600 с.
21. Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. Т. 1: С древнейших времен до 1917 г. / Науч. ред. В.П. Невская. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. – 464 с.
22. Nevskaya Valentina Pavlovna // Dictionary of international Biography including Who Will Who in 21st Century. | A Biographical Record of Contemporary Achievement. – Twenty Third Edition, 1995. – P. 463.
23. Newskaja, W. P. Byzanz in der klassischen und hellenistischen Epoche / W. P. Newskaja; Übers. aus dem Russ. Dr. Hans Bruschwitz. – Leipzig: Koehler Amelang, 1955. – 170 p.: 2 л. ил.
24. Yasuda, K. Byzantij v Klassicheskyu i Ellenisticheskyu Epokhi / K. Yasuda // Shicho (The Journal of History). – Tokio, 1955. – №55. – P. 36–51.

Кузьминов Петр Абрамович
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
профессор кафедры истории России, г. Нальчик, Россия,
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

**ВКЛАД В.П. НЕВСКОЙ В ИЗУЧЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ
50–70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА В КАРАЧАЕ И ЧЕРКЕСИИ**

***Аннотация:** Анализ научного наследия В.П. Невской отражает существенные успехи советской исторической науки. Исследователь разработала узловые проблемы реформ в Карачае и Черкесии, выявила общие и особенные черты преобразований, выявила и интерпретировала огромный комплекс архивной документации. Разработала концепцию и методику изучения реформы на основе марксистско-ленинской методологии во всех областях и республиках Северного Кавказа.*

***Ключевые слова:** Причины, подготовка, реформы, кавказская администрация, значение, зависимые сословия*

Kuzminov Petr Abramovich
FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University
named after H.M. Berbekov»,
Ph.D in History, Professor, Department of Russian History, Nalchik, Russia,
E-mail: petrakis_hist@bk.ru

**CONTRIBUTION OF V.P. NEVSKAYA IN THE STUDY OF LIBERAL REFORMS
50–70-IES of the XIX CENTURY IN KARACHAY AND CIRCASSIA**

***Annotation:** Analysis of the scientific heritage of V.P. Nevskaya reflects the significant successes of Soviet historical science. The researcher developed the key problems of reform in Karachai and Circassia, revealed common and specific features of the transformation, identified and interpreted a huge complex of archival documentation. She developed a concept and methodology for studying reform on the basis of the Marxist-Leninist methodology in all areas and republics of the North Caucasus.*

***Key words:** Causes, preparation, reforms, Caucasian administration, importance, dependent classes*

Вспомним слова благороднейшего Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Совесьть не только ангел-хранитель человеческой чести, – это рулевой свободы, указывающий человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни». Эти слова посвящены нравственным ориентирам любого человека, но особенно они важны в науке, и месту человека в науке.

Какой же ангел-хранитель защитил выпускника Московского государственного педагогического института, кандидата исторических наук (1950 г.), молодого ученого из г. Муром, эрудита античности, блестящего византиеведа В.П. Невскую от всевидящего «глаза» ГПУ, открыл дорогу на Кавказ дочери «врага народа», превратив ее научное творчество в бенефис кавказоведения?

Мы не знаем? Нет! Мы знаем! Заступником стала ее Нравственность! Порядочность! Альтруизм! Чистота души и помыслов! Беззаветное служение науке! Любовь к карачаевцам и черкесам, абазинам и ногайцам, русским и казакам, грекам и осетинам, всем жителям маленькой Карачаево-Черкесии, ставшей для нее не второй, а настоящей Родиной, где она сумела принести наибольшую пользу обществу! Устоявшиеся моральные принципы, внутреннее благородство помогли преодолеть жизненные невзгоды, сконцентрироваться на полевой и кабинетной работе по выявлению, сбору и интерпретации разнообразных источников по истории горских народов Центрального и Северо-Западного Кавказа. Не будем забывать и замечательные слова Людвига Андреаса Фейербаха: «Любовь к науке – это любовь к правде, поэтому честность является основной добродетелью ученого». Эти слова в полной мере относятся к Валентине Павловне Невской.

Видимо, после смерти мамы, только недавно освобожденной из ГУЛАГа, в начале 50-х годов XX в. Валентина Павловна уезжает из г. Мурома, где по наветам недругов ей, единственному остепененному ученому, не дали возможность читать лекции и заниматься научной работой. По совету друзей она уехала на Кавказ, в Черкесск [1, с. 185], чтобы подлечиться, пережить трагедию семьи, возможно, найти новое поприще в науке. И действительно, она нашла здесь совершенно неразработанный сегмент исторической науки – кавказоведение, дом, семью, создала историческую школу, обрела новую идентичность, открыто, на весь мир заявив: «Я горжусь, когда меня называют дочерью Карачая» [2].

В последнем варианте библиографии трудов Валентины Павловны, подготовленном профессором М.Е. Колесниковой, особое спасибо ей за этот труд, указано 68 опубликованных статей, очерков, монографий, глав в обобщающих трудах... Все ли это труды? Скорее нет, чем да. Надо продолжить эту работу по выявлению и переизданию трудов Мастера, внесшего огромный вклад в историю братских народов Кавказа.

С трудами Валентины Павловны я познакомился в 1979 году, когда собирал в «Ленинке» и «Историчке» г. Москвы материал для дипломной работы по теме «Историография крестьянской реформы на Северном Кавказе». Просмотренные работы по истории народов Северного Кавказа XIX века дали возможность выявить достижения каждой республики в изучении прошлого своего региона. Уже тогда я открыл для себя «боевую когорту» ученых-кавказоведов, которые были лидерами в исследовании дореволюционного прошлого. Это В.Г. Гаджиев, С.Ш. Гаджиева, Б.М. Джимов, Г.А. Кокиев, Т.Х. Кумыков, Е.Дж. Налоева, В.П. Невская, Х.Х. Рамазанов, Б.В. Скитский, М.С. Тотоев и др. Каждый из них – сегодня Легенда, Маяк, на который равняются, с которых берут пример тысячи молодых исследователей. Но первой из них, на мой взгляд, была В.П. Невская. Вернувшись из Москвы, я спросил у своего руководителя – профессора Т.Х. Кумыкова, кто это так хорошо пишет о социальных преобразованиях в Карачаево-Черкесии. Подумав, он сказал: «Она лучшая из нас!» Он хорошо знал Валентину Павловну по совместной многолетней работе в авторском коллективе, готовившем к изданию «Историю народов Северного Кавказа», встречался на многих конференциях, переписывался, дружил.

Схема освещения перипетий реформ была достаточно отработана в советской историографии. Работы В.И. Ленина определили «прокрустово ложе» методологических подходов, отступлений от которых быть не могло. Вместе с тем интеллект личности всегда находил возможность для самореализации.

Реформы 50–70-х годов XIX века стали одной из ключевых проблем кавказоведения, которой Валентина Павловна посвятила жизнь. Почему именно реформам? Ответ очевиден. Переломный этап истории горских народов, перефразируя известное высказывание Ю.А. Жданова, своеобразное «солнечное сплетение» XIX века, аккумулировал в себе достижения и недостатки всего предшествующего традиционного развития горского социума и проецировал сложности пореформенного развития народов Кавказа. Понять историю горцев без детального анализа, причин, подготовки и проведения административно-правовых и аграрно-социальных преобразований было просто невозможно. Выбор темы исследований оказался на редкость удачным. В течение десяти лет она вошла в число самых известных и эрудированных историков Северного Кавказа.

Прекрасная теоретическая и фактологическая подготовка В.П. Невской позволила ей уже через несколько лет жизни в Черкесске опубликовать первую монографию [4], посвященную социально-экономическим последствиям присоединения Черкесии к России, в которой поставила вопрос об аграрно-крестьянской реформе в Закубанье. В соответствии с работами В.И. Ленина исследовательница называет причины крестьянской реформы, которые были обусловлены необходимостью «экономического завоевания Кавказа русским капитализмом», что потребовало «ликвидации феодальных отношений. Второй и непосредственной причиной, ускорившей проведение реформы, была классовая борьба горских крестьян против крепостничества» [4, с. 93]. К тому же для проникновения товарно-денежных отношений в горские аулы необходимо было ликвидировать в Черкесии феодальные производственные отношения, дать личную свободу непосредственным производителям, разрушить замкнутость натурального хозяйства.

Первую фазу освобождения зависимых сословий исследователь связала с предписанием наместника Кавказа фельдмаршала А.И. Барятинского от 5 января 1859 г. об освобождении крестьян тех владельцев, которые не признавали русского

подданства или же переселились в Турцию, но численность крестьян, получивших свободу таким способом, не указала. Подчеркнем, до сегодняшнего дня это единственное утверждение о начале реформ на Северном Кавказе. Вторая фаза реформы – 1868 г., когда более 17 630 человек: 14 295 пшитлей, 3 172 унаута и 163 ога [5, с. 107] – были освобождены от различных форм феодальной зависимости.

Анализируя процесс подготовки аграрных преобразований, В.П. Невская осветила качественный состав областного комитета и разработанные им условия освобождения для различных категорий зависимых крестьян. Узнав о предлагаемых условиях освобождения, зависимые крестьяне резко активизировали борьбу против владельцев, и только введение крупных подразделений войск успокоило крестьян. «Волнения приняли такие размеры, – приводит выдержки из архивных документов автор, – что для их подавления были вызваны значительные военные силы: шесть пехотных батальонов, два дивизиона артиллерийской батареи и десять сотен казаков» [5, с. 161]. Другой формой борьбы с феодалами был повсеместный отказ зависимых заключать добровольные соглашения с владельцами. В Черкесии значительная часть крестьян была освобождена на основе «правил», которые были несколько легче «добровольных соглашений».

По сложившейся в советской историографии схеме исследователь осветила крестьянскую реформу в Карачае: обосновала предпосылки реформы, привела условия освобождения для различных категорий зависимого населения, дала анализ различных институтов, подготовивших и реализовавших реформу. «Всего в Карачае, – отметила автор, – было освобождено по одним данным – 2462, по другим – 2806 человек. Расхождение в цифрах начальник Эльбрусского округа объясняет тем, что часть крестьян и владельцев, заключавших добровольные сделки, позже расторгли их и заключили новые при помощи мирового посредника» [6, с. 30]. На Северном Кавказе только в Кубанской области имели место случаи перезаклучения выкупных сделок; ни в Терской, ни в Дагестанской области историки не отметили аналогичных фактов. Видимо, желание подчеркнуть негативную роль властей в освобождении зависимых крестьян заставило Невскую заявить, что «...текст «Правил об освобождении зависимых сословий» не был переведен местной администрацией на национальные языки и не был разъяснен населению» [6, с. 29]. Эта мысль противоречит высказанной ранее о том, что крестьяне, узнав условия освобождения, резко активизировали борьбу против феодалов и, как следствие этой борьбы, – перезаклучение выкупных сделок с феодалами. Да и сами письменные свидетельства, как показывают архивные документы об освобождении крестьян, были написаны на двух языках – арабском и русском, своей письменности народы Кубани не имели.

Исследуя освобождение зависимых сословий Карачаево-Черкесии [8], В.П. Невская подчеркнула причину, по которой в Карачае было освобождено крестьян по добровольным соглашениям больше, чем в Черкесии. «В этом сказались специфика скотоводческого хозяйства, для которого требовалось меньше рабочих рук, чем для земледелия» [8, с. 427]. Первой в историографии автор привела конкретные данные о произвольном расходовании денежных сумм, выделяемых на освобождение неимущих крестьян. В Кубанской области было выделено 50 тыс. руб., которые пошли на покупку «золотых и серебряных часов, столовых приборов... для одаривания феодальных владельцев» [8, с. 426].

Исследовательница привела сведения о депутатах посреднических судов, оказывавших помощь мировым посредникам в заключение выкупных сделок и подбиравшихся в основном из феодалов. Если же в их число попадали крестьяне, то, как правило, после тщательной проверки и притом «самые преданные владельцам и фактически подкупленные крупной суммой вознаграждения, которую получали депутаты, – до 200 руб.» [8, с. 427]. Изучение этих сюжетов помогает лучше понять методы подготовки и проведения социальных преобразований в регионе. В главе раскрыты основные стороны крестьянской реформы и подчеркнут ее буржуазный характер.

Системно занявшись исследованием аграрной реформы, Валентина Павловна подчеркнула, что изучение реформы не является самоцелью, ее изучение важно не только для народов региона, но и для истории «всей нашей Родины, в частности для более полного освещения крестьянской реформы в России, частью которой была реформа в Черкесии» [5, с. 99]. Такая постановка – подтверждение нового подхода к проблеме, который позволил обосновать общие и особенные черты реформы.

Анализ огромного корпуса документальных материалов дал возможность исследовательнице выделить два этапа в разработке аграрной реформы: 1861–1862 и 1864–1869 гг. и два принципа наделения земель, характерных для всех плоскостных районов Северного Кавказа: Закубанья, Кабарды, Кумыкии. Расшифровывая эти принципы, она подчеркнула, что землю в частную собственность получали князья и уорки (дворяне в адыгском социуме. – П.К.) первой и второй степени, в аульное же пользование – крестьяне. Мероприятия по реализации аграрных преобразований потребовали значительных работ по размежеванию земли, но все тяготы межевого дела ложились на плечи народных масс. Этот аспект реформы оказался вне внимания историков, а ведь «...ежедневно нужно было не менее 140 человек, – отмечает Невская, – а иногда до 300... Стоимость натуральной повинности по землемерным работам оценивалась от 6 до 9 тыс. рублей в месяц. Ни крупные феодалы, ни даже рядовые уорки не несли этой повинности, целиком переложив ее на плечи крестьянства» [5, с. 138]. Используя архивные материалы, Валентина Павловна подробно осветила события о наделении земель феодалов и крестьян, с одной стороны, и отмежевание лучших земель Кубани в казну – с другой.

Аграрная политика правительства в Северокавказском крае, по мнению Невской, – наиболее яркое проявление его колониальных устремлений. Объявление всех земель казенными, аннексия лучших участков и проявление монаршей милости в даровании народам им же принадлежащих земель – составные части этой политики. Но в Карачае, как и в Балкарии, она имела определенные особенности, поскольку «царизм, – отмечает исследовательница, – не нуждался в скудных землях карачаевских ущелий» [7, с. 91]. Администрация ограничилась «дарованием» собственно карачаевских земель всему народу (всего 267 тыс. дес.). Подарок состоял из отрогов Главного Кавказского хребта и глубоких ущелий. Тем не менее «...это дарование, – считает автор, – не только не прирезывало карачаевцам ни десятины земли, но даже отрезало у них значительную часть территории» [7, с. 91].

Мы неоднократно отмечали сложность земельных отношений в Карачае, которые характеризовались исследователями диаметрально противоположно. Так, начальник Эльбрусского округа Н.Г. Петрусевиич считал, что у карачаевцев вообще никогда не было общинного землевладения, а об общинном праве они «не имели понятия» [2, л. 9]. Дореволюционные исследователи М.В. Орлов и Ф.А. Щербина были убеждены, что в Карачае частной земельной собственности не было и она даже невозможна там [3, с. 252].

Изучив корпус архивных материалов, В.П. Невская пришла к выводу, что здесь сложилось три формы земельной собственности: общинная, подворно-наследственная и крупная земельная собственность, основанная на узурпации общинных земель [7, с. 79]. В общинной собственности находились все летние пастбища – джайлыки, леса и очень небольшая часть зимних пастбищ – кышлыков. Семейно-индивидуальная собственность на землю возникла в Карачае в результате трудовой заимки и индивидуального труда семьи по ежегодной очистке участков в лесу или горах. Это были сабаны – небольшие участки пахотной земли, расположенные как в самом ауле, так и на его окраинах, и биченлики – поливные сенокосы. Их можно было продавать, дарить, отдавать в калым и за кровь, закладывая в бессрочный залог – бегенду. В отличие от земледельческих обществ, где в феодальную собственность, прежде всего, переходили пахотные земли, а пастбища еще долго оставались в общинном владении, у карачаевцев, по мнению исследовательницы, раньше всего феодальной собственностью стали именно сенокосы и зимние пастбища – кышлыки – основные средства производства скотоводческого хозяйства [7, с. 82]. Они были расположены в тех же ущельях, что и джайлыки, только на южных склонах гор и главным образом по течению северных притоков Кубани – Худесу, Джалан-Колу, Аман-Колу, Индишу, Ташлы-Колу, Дууту и др. Именно эти земли были раньше всего захвачены бийскими фамилиями Крымшамхаловых, Дудовых и Карабашевых. По данным Невской, к середине XIX в. Крымшамхаловы владели 2850 дес. наиболее удобной и плодородной земли, Дудовы – 1420 дес., Карабашевы – более 600 дес. Эти кышлыки давали им возможность не только содержать огромные стада скота, овец и табуны лошадей, но и эксплуатировать юридически не закрепощенное крестьянство – узденей, которые попадали в поземельную зависимость от биев [7, с. 82].

Другой особенностью землевладения была фамильная земельная собственность, что делало процесс отчуждения земли почти невозможным. Так, земля (780 дес.),

принадлежавшая фамилии Байрамуковых, была в пользовании 78 семей, Чотчаевых (600 дес.) – 51 семья, Алиевых (1800 дес.) – 24 семьи. Даже бийские земли находились в нераздельном владении одной фамилии [7, с. 83].

Конечно, фамильное владение не означало равного права всех членов фамилии на землю. Внутри фамилий складывалось имущественное неравенство, при котором одни семьи владели сотнями голов скота и фактически захватили все фамильные земли, а бедные родственники, не имевшие скота, фактически потеряли право на землю.

Совершенно безземельных крестьян в Карачае в середине XIX в. было 294 семьи, 451 семья крепостных – юльгюлюкулов, и не менее 150 дворов башсызкулов [7, с. 85].

Приведенный материал свидетельствует о пределах советской историографии в изучении либеральных реформ, даже у ее лучших представителей. Это: единая методология анализа преобразований у горских народов, эмпиризм, акцент внимания читателей на негативных моментах реформ, их незавершенности, экспроприации земель, недостаточном наделе земли, выделяемом крестьянам, обособлении участков феодальной знати и т. д.

Вместе с тем изучение научного наследия В.П. Невской отражает существенные успехи исторической науки того времени в исследовании сложной многогранной исторической проблемы. Ученые разработали теоретические аспекты узловых проблем реформы, выявили общие и особенные черты преобразований во всех округах Кубанской области, начали историографическое изучение отдельных аспектов реформы; собрали и обобщили огромный комплекс архивной документации. Разработали концепцию и методику изучения реформы на основе марксистско-ленинской методологии во всех областях и республиках Северного Кавказа.

Литература:

1. Беликов, А.П. От Византия до Карачая. Научные пути профессора В.П. Невской // Земля Ставропольская. Иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – М., 2002. – С. 185. – (Памятники Отечества. №48).
1. ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 130. Л. 9.
2. Кузьминов, П.А. Эпоха преобразований 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в новейшей историографии. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2011. – 536 с.
2. Невская, В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия // Под ред. канд. ист. наук П.А. Брюханова. – Черкесск: Кн. изд-во, 1956. – 168 с., 2 л. карт.
3. Невская, В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Вып. III. Серия историческая. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1959. – С. 84–207.
4. Невская, В.П. Карачай в пореформенный период // Под ред. д-ра ист. наук А.В. Фадеева; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1964. – 224 с., 1 л. карт. ил.
5. Невская, В.П. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX в. // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Вып. IV. Серия история. – Ставрополь, 1964. – С. 76–137.
6. Очерки истории Карачаево-Черкесии. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1967–1972. В 2 т. – Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Отв. ред. д-р ист. наук В.П. Невская. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1967. – 600 с., 1 л. схем.: ил.
3. Тебуев, Р.С. В.П. Невская: «Горжусь, когда меня называют дочерью Карачая...» // Elbrusoid (Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусид») [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.elbrusoid.org/articles/neighbours/359374/>. (Дата обращения 29.01.2019).

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

УДК 930.1

Байрамуков Измаил Хызырович
кандидат экономических наук,
Почетный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации,
Заслуженный работник высшей школы
Карачаево-Черкесской Республики,
г. Карачаевск, Россия

МНОВЕКТОРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕПОРТАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПРОЦЕССА ИХ РЕАБИЛИТАЦИИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ

Аннотация: Автор считает, что целевой организационно-научный подход должен быть основой многовекторного и комплексного академического исследования причин и последствий депортаций отдельных коренных народов Северного Кавказа и процесса их противоречивой реабилитации, роли субъективного фактора в нем. В данной статье предпринята попытка проследить депортацию и процесс реабилитации на судьбе карачаевского народа, первым подвергнутого насильственному переселению.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, память, патриотизм; репрессии и депортации; объективность и субъективность; измена и классовый подход; реабилитация и автономия; честь и достоинство

Bayramukov Izmail Hyzyrovich
PhD in economics,
Honorary worker of higher professional
education of the Russian Federation,
Honored worker of higher school
Karachay-Circassian Republic,
Karachaevsk, Russia

MULTI-VECTOR STUDY OF THE DEPORTATION OF INDIVIDUAL INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE PROCESS OF THEIR REHABILITATION AS AN INTEGRAL PART OF THE HISTORICAL CAUCASIAN STUDIES

Abstract: The author believes that the target organizational and scientific approach should be the basis for a multi-vector and comprehensive academic study of the causes and consequences of deportations of individual indigenous peoples of the North Caucasus and the process of their contradictory rehabilitation, the role of the subjective factor in it. This article attempts to trace the deportation and rehabilitation process on the fate of the Karachay people, who were the first to undergo forced resettlement.

Key words: World War II, memory, patriotism; repression and deportation; objectivity and subjectivity; treason and class approach; rehabilitation and autonomy; honour and dignity

Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков все далее и далее удаляется от новых поколений. Но память о ней со всеми ее триумфами и трагедиями должна сохраняться каждым поколением и передаваться от одного к другому во имя сохранения жизни на Земле. Память о ней должна не только

сохраняться, но – в тяжелейшей борьбе с западным миром империализма во главе с США – непрерывно укрепляться, возвышаться во имя гуманистического развития человечества, где нашей великой России – преемнице Советского Союза – история все больше и больше определяет играть ведущую прогрессивную роль. Академик Дмитрий Лихачев в свое время емко сказал, что «память – это преодоление времени, преодоление смерти; что она противостоит уничтожающей силе времени» [4, с. 352]. Действительно, лейтмотивом мыслителей всех времен и народов является мысль о том, что, не зная о прошлом, не осмысливая его, не делая определенных выводов из этого, невозможно понять подлинно глубокий смысл настоящего – во всех его и существенных, и мельчайших проявлениях – и соответственно определить цели будущего. «Прошлое всегда с нами, – подчеркивал Джавахарлал Неру, – и все, что мы собой представляем, все, что мы имеем, исходит из прошлого. Мы его творение, и мы живем, погруженные в него. Не понимать этого и не ощущать прошлое значит не понимать настоящего» [12, с. 817]. Подчеркнем со своей стороны, что память о прошлом многовекторна и многогранна, научна и мифологична, социальна и конкретно-исторична для каждого человека и для каждого народа, она постоянно пополняется новыми исследованиями, открытиями, разнообразными воспоминаниями, вписывающими новые памятные страницы в летопись народов, которые сегодня свежи – новы, а завтра-послезавтра станут для новых поколений историческими материалами ушедших времен. В этом историко-методологическом ключе, думается, надо подходить ко всему возвышенно-триумфальному и горестно-трагическому, что имело место в годы Великой Отечественной... Депортация целых народов с отчуждением от них исконных, исторических территорий, лишения национально-государственных образований, с приклеиванием к ним ярлыка «народ-предатель», «народ-изменник» – это не драма, а трагедия – преступление, в глубинном гуманистическом понимании событие, несравнимо более тяжкое, чем репрессии 1937 года и ГУЛАГ. Оно легло черным пятном не только на караевцев, которые были первыми (2 ноября 1943 г.) из народов Северного Кавказа депортированы, но и на другие народы (1944 г.), одновременно оно – черное пятно – легло и на белый китель самого И.В. Сталина, и в целом на идею социализма. Либералы вспоминают о депортации тогда, когда им нужно пнуть и советскую власть, и самого Сталина. Но поразительно: шумят-кричат о депортации народов на недавних ток-шоу, а назвать народы, кроме чеченцев и ингушей, не могут, не хватает осведомленности и логической последовательности в рассуждениях... Невольно ловишь себя на мысли: методологическая подготовленность недостаточна... Да и многим из нас этому надо постоянно учиться! В связи с этим отдадим должное учредителям Хартии историков-кавказоведов [18] и Этического кодекса кавказоведа [21, с. 203–207]! Направляющие и спрашивающие с нас, кавказоведов, документы! Но при этом позволительно высказать один штрих-размышление по вопросу «...отказа от политизации исторической науки...». Во-первых, что бы там ни говорили, историческая наука, исследуя историю в деяниях людей, классов и государств, где всегда присутствует политика, не может от нее отвернуться; во-вторых, и историческую, и другие общественные науки политизируют не столь ученые, сколь власть имущие, а отдельные ученые в силу каких-либо обстоятельств (скажем, карьеристского самоутверждения), «проявляя политическую ангажированность», вступают в «...обслуживание социального заказа, противоречащего научной картине мира»; в-третьих, сам процесс принципиального соблюдения объективности, всестороннего комплексного, но научно-критического использования источников, последовательного следования принципам историзма, о чем говорится в Хартии историков-кавказоведов, практически исключает политизацию исторического знания... Термин «политизация исторической науки» в руках недобросовестных людей, которые, «забыв» положение Кодекса кавказоведа о том, «что разнообразные, противоречащие друг другу точки зрения это и есть историческая истина», но четко помня, по своей сути, другое, будут «вместо уважительного отношения к коллегам» пытаться «...приписывать им априори сепаратистские или шовинистические замыслы».

Да, не все ученые выдерживают испытание, когда перед ними встает сложное шекспировское: «Быть или не быть – вот в чем вопрос». Валентина Павловна Невская, дух которой, несомненно, витает в нашей аудитории, была не только выдающимся историком, но и высоконравственным мужественным человеком. Она не только отдала свой талант исследователя карачаевскому народу, воспитала плеяду видных историков-

карачаевцев, но, когда на карачаевцев, недовольных тем, что их автономия – Карачаевская автономная область – не восстановлена, что значительные средства, выделенные на их обустройство, были использованы не по прямому назначению, а кадровая политика была направлена на ущемление их прав, начали (с большим опозданием!) отстаивать свои интересы, то областные и краевые партийные чиновники начали продуманную на длительный срок кампанию по их запугиванию, по накапливанию на них негативных материалов, то «от нее потребовали публикаций о карачаевцах, противоречащих ее совести». Она это не сделала. Была выслана из области [11].

Валентина Павловна в научном плане была очень требовательна к себе и к своим воспитанникам из Карачаево-Черкесии. Вот, в частности, что пишет она своему ученику-коллеге Р.С. Тебуеву: «Теперь о деле. Документы издавать значительно сложнее, чем авторский текст. Обработку документов должен проводить специалист-архивовед. Я знаю это на своем опыте. Ни одна книга не давалась мне так трудно, как сборник документов. По строгим правилам надо обрабатывать каждый документ, сделать к нему комментарий. Я сама не сумела этого сделать, пригласила специалиста из архива... А издавать кое-как документы нельзя, они теряют ценность.

...Для Вас я пошла бы и на этот труд, т. к. всегда особенно симпатизировала Вам, ученому и человеку. Но с архивной работой я просто не справлюсь, не сумею сделать на научном уровне...» [15]

И как ни поклонись ей – воплощению культуры, благородства и преклонения перед наукой. Молодым ученым – ярчайший пример! Тем более кто занимается исследованием времен Великой Отечественной, с которой неразрывно сплетены героические и трагические дела репрессированных народов...

С определенным удовлетворением отметим, что источниковедческая база исторического кавказоведения так или иначе пополняется: открываются закрытые государственные источники, шире распахиваются двери в библиотеки и музеи, появляются интересные во всех отношениях мемуары и дневники видных деятелей нашего недавнего исторического прошлого, ведутся передачи, дискуссии по телевидению и радио... Одним из таких источников стали «Записки из чемодана. Тайные дневники» Ивана Александровича Серова (1905–1990), найденные через 25 лет после его смерти [17].

И.А. Серов, замечает известный публицист, депутат Госдумы, член Центрального Совета Российского военно-исторического общества Алекс Хинштейн, под редакцией, с комментариями и примечаниями которого вышла в свет названная книга, является монументальной фигурой нашей новейшей истории: один из руководителей НКВД-МВД СССР в 1941–1953 годах, начальник ГРУ ГШ в 1958–1963 годах, генерал армии, Герой Советского Союза, едва ли не самый могущественный и информированный человек своего времени. Волею судеб он оказался вовлечен в важнейшие события 1940–1960-х годов, в прямом смысле являясь одним из творцов [17, с. 2].

И далее добавляет: «Между тем современные историки рисуют портрет Серова преимущественно мрачными, негативными красками. Его реальные заслуги и успехи почти неизвестны обществу, а в большинстве исследований он представлен палачом-сталинистом, способным лишь на жестокие расправы».

Таким он был в глазах и душах уже ушедших в тот мир поколений, испытавших все ужасы и невзгоды тех мрачных годов, особенно гибли в первое время от неустроенности, холода, голода, не говоря о жестком, а в иных местах жестоким отношении коменданта к достоинству людей, даже детей.

Если же говорить об отношении нынешнего поколения к генералу Серову и иже с ним, то следует учитывать фактор времени, отдаленность того страшного события (первичные боль и горечь несколько стихают, ослабевают), неоднозначность подхода и осмысления его отдельными лицами и группами, теми или иными партиями, недостаточную осведомленность, нацеленность и практические действия внутренних и внешних антироссийских сил на противопоставление одних народов другим, одних регионов другим, т. е. на разобщение российского общества, единства Российской Федерации.

Конечно, связь времен и поколений не прервалась, хотя по ней нанесены тяжкие удары и извне, и изнутри (вспомним деятельность НКО). Но несомненно, что весьма негативное отношение бабушек и дедушек, матерей и отцов, словом, предыдущих поколений все же сохраняется, и не только к Ивану Серову, который к большинству депортационных операций имел самое прямое отношение, но и к Лаврентию Берии, про-

тиворечиво и к самому Иосифу Сталину. Но особое негативное отношение у карачаевцев к Михаилу Суслову – первому секретарю Орджоникидзевского (Ставропольского) крайкома партии (1939–1944) и Сеиту-Умару Токаеву – первому секретарю Карачаевского обкома партии, ближайшему сподручному – сподвижнику Суслова в тот период и позже, сыгравшим в две руки самую предательскую, коварную роль как в незаконной депортации карачаевского народа 2 ноября 1943 г., ликвидации Карачаевской автономной области, ее невосстановлению в мае 1957 г.: – была создана, вопреки Постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1957 г., объединенная Карачаево-Черкесская автономная область в составе Ставропольского края. Михаил Суслов, пользуясь своим высоким положением в КПСС – члена Президиума (Политбюро) ЦК КПСС в 1952–1953 гг. и 1955–1982 гг., – не позволил восстановить Карачаевскую автономную область в составе Ставропольского края, каковой она была с 1926 г. по 1943 г. – до момента депортации.

Дневниковые записи генерала Серова о массовом выселении народов дают много нового конкретного материала не только для сведения и знания тех или иных фактов, но и зовут к размышлениям. Поставим такой принципиальный вопрос: кто же был инициатором массового насильственного переселения народов? Утвердившийся в общественном мнении нашей страны, да и мировом общественном сознании, особенно после доклада Н.С. Хрущева на XX съезде партии «О культе личности и его последствиях», однозначен: Сталин. Конечно, Сталин преступно виновен в этом злодеянии. Но мог ли И.В. Сталин, будучи политическим и государственным деятелем мирового масштаба, выдающимся марксистско-ленинским мыслителем, руководителем первого в мире социалистического Советского государства – государства рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, воюющего с вероломным немецко-фашистским государством, защищая честь и достоинство Страны Советов с ее гуманистическими устремлениями, известными всему миру, принять в одночасье такое бесчеловечное решение, отступив от пролетарского, марксистского классового подхода к любым общественным событиям, предав себя, свой революционный путь большевика-ленинца? И разве он совсем недавно – в 1937–38 годах – не руководствовался этим принципиальным подходом?! Да, были перегибы, незаконные репрессии, но страна накануне Великой Отечественной войны против германского фашизма во многом избавилась от пятой колонны – потенциальных предателей-коллорабационистов...

И если Иосиф Сталин, изменив своему принципу, невольно сделал одни народы хорошими, а другие – плохими, предателями, изменниками, врагами, и это в то время, когда лучшие их сыны и дочери героически сражались против немецко-фашистских захватчиков (так, каждый пятый карачаевец воевал за Родину!), решил на это никакими трудностями войны не оправдываемое действие, якобы во имя победы над врагом, то что же его убедило это сделать? Кто и что его, Стального человека, могло подвигнуть на это?! Один факт или их было много, пусть и не прямо нацеленных на депортацию народов, но обостряющих атмосферу и в Генштабе, и в Ставке Верховного Главного командования, и в самом Государственном Комитете Обороны. И историческая военная литература, и воспоминания выдающихся военачальников, и солидные художественные произведения разных жанров, посвященные Великой Отечественной войне, да и многие зарубежные авторы в той или иной степени свидетельствуют, что и Сталин – при всем своем историческом величии – был простым смертным, с человеческим правом ошибаться, принимать эмоционально под горячую руку решения. Так, приняв в тяжелейшие для Красной Армии первые недели войны, 3 августа 1941 г. шифровку от командования Южным фронтом с Украины о том, что «военные действия на Днестре показали, что немецкое население стреляло из окон и огородов по отходящим нашим войнам... Вступающие немецко-фашистские войска в немецкой деревне 1 августа 1941 года встречались хлебом-солью», Сталин, прочитав ее, наложил гневную резолюцию для Берии: «Надо выселить с треском». Это уже было предопределением депортации немцев Поволжья и ликвидации их республики.

В сентябре 1941 года депортация немцев Поволжья практически завершилась. Шло довыселение немецкого населения из других регионов. Казалось, депортационная проблема была закрыта, но она с новой силой проявилась в конце 1943 – начале 1944 годов и уже коснулась коренных народов, в том числе Северного Кавказа. И это несмотря на то, что Красная Армия одерживала победу за победой и гнала врага с нашей тер-

ритории! В этот период Сталину давать свое согласие на депортацию, безусловно, было трудно, мучительно, ибо он не мог не знать, что их сыны героически воюют на фронтах и самоотверженно трудятся в тылу. Да и в революции принимали активное участие, строили социализм вместе с русским и другими народами страны. Попробуем же проследить логику событий войны, толкнувших Сталина и его сподвижников на это действие. И здесь нам помог ранее неизвестный ни широкой общественности, ни историкам-обществоведам секретный факт, ставший известным после выхода в свет в 2016 году «Записок из чемодана» – тайных дневников генерала И.А. Серова, где он показал, кто стал первыми инициаторами необходимости поголовного массового выселения народов. Ими были командующие военными фронтами, которые в своих донесениях в ГКО и непосредственно на имя самого Сталина обосновывали это тем, что массовый бандитизм в тылу фронтов не позволяет добиться выполнения поставленных задач перед ними...

Скажите, должен ли был Сталин как председатель ГКО и Главнокомандующий вооруженными силами прислушаться, осмыслить, проверить, связаться с руководством республик, краев и областей, где проживали эти народы? Ответ однозначен: да, конечно, тем более что это другое время – не начало 1941 года, но об этом чуть ниже.

А что же писал генерал Серов? «Наконец, последний вопрос – это выселение некоторых национальностей... Командующие фронтами Северокавказского – Масленников, Ростовского – Еременко, Толбухин и др. в телеграммах в Ставку вносили предложения о выселении этих лиц, так как они препятствуют успешному наступлению войск Красной Армии. ГКО рассматривал эти вопросы и выносил постановления о выселении этих национальностей полностью в тыловые районы страны».

Бывшие члены ГКО Ворошилов, Микоян, Каганович, Маленков и другие, и они могут сказать, насколько военная обстановка того времени вызывала эти меры.

Меня, как и других генералов и офицеров, обязывали выполнить эту работу. Я думаю, любой бы из нас выполнил бы это решение» [17, с. 197].

Поясним, что к началу Великой Отечественной войны И.А. Серов был заместителем народного комиссара Народного комиссариата Государственной безопасности СССР, а 31.07.1941 г. назначен заместителем народного комиссара Народного комиссариата Внутренних дел СССР, где проработал до 22.04.1946 г. Именно в эти годы Серов и как заместитель народного комиссара НКВД страны, и как ответственный за организацию по охране тыла войск фронтов (с 4 мая 1943 г. – Главное управление войск НКВД по охране тыла Действующей Армии) выполнял важнейшие поручения, в частности, в августе-декабре 1942 г. участвовал в обороне Кавказа; в январе-феврале 1943 г. руководил борьбой с бандподпольем на Кавказе, в ноябре – готовил и организовал массовую депортацию карачаевцев, 28–29 декабря руководил операцией по выселению калмыков; 23 февраля – 9 марта 1944 года участвовал в депортации чеченцев и ингушей (руководил же лично Лаврентий Берия); февраль – вместе с Берией Кобуловым проводят подготовку к депортации балкарцев, выселение состоялось 8–9 марта; 18–20 мая руководил депортацией крымских татар, несколько позже – болгар, греков, армян.

Массовая, поголовная депортация карачаевцев, как видим, была в судьбе Серова второй, и, естественно, в памяти народа он остался как один из главных виновников – инициаторов насильственного переселения. И это обвинение Серова прочно держалось до октября 1990 года: оно, это мнение, заколебалось после выхода в свет статьи ветерана партии и труда Асият Элькановой в областной газете «Ленинское знамя» (31 октября 1990 г., №206). Чтобы быть точным, вынужден сделать длинную цитату из статьи (по мере возможности не искажая смысл сокращениями): «В начале мая 1943 года с должности инструктора обкома партии меня перевели редактором областной газеты «Къызыл Карачай» (ныне Ленинни байрагы). Поскольку тираж газеты был увеличен... приходилось задерживаться допоздна. Однажды около часа ночи мне позвонили из обкома партии и сказали, чтобы я вместе с редактором газеты на русском языке Степановым срочно явились к первому секретарю Токаеву. Когда мы зашли в кабинет, увидели за столом незнакомого мужчину средних лет. Тут же сидели военком, начальники областного НКВД и облсвязи.

Незнакомец представился – Серов, работник НКВД СССР, прилетел, чтобы провести секретное совещание по особо важному вопросу с узким кругом областного руководства. Необходимо, – сказал он, – чтобы в ближайшее время сложили оружие и

сдались бандиты, которые орудуют в горах, иначе на ваш народ падет черное пятно (подчеркнуто мною. – *И.Б.*).

Секретарь обкома Токаев возразил, сказав, что не может взять на себя ответственность даже за месяц ликвидировать банду. Выступили на совещании и военком, и начальник НКВД, уверяя, что силой общественности района, где орудуют бандиты, можно вывести их, и выразили возмущение неуверенностью Токаева. Мол, он как секретарь обкома больше, чем кто-либо, должен заботиться о судьбе своего народа (подчеркнуто мною. – *И.Б.*). Серов резко встал из-за стола и бросил Токаеву: «Постарайтесь!», затем, прощаясь с каждым, добавил: «Запомните – совещание строго секретное». И уехал» [20].

Благородная, мужественная женщина открыто говорила об этом и на чужбине после того, как нас депортировали. Это многократно подтверждает в беседах с людьми, особенно с молодежью, заслуженный ветеран труда Сафар Ахматович Кубеков. Эту весть он слышал от нее, еще будучи молодым человеком, когда она беседовала со своими подругами, родственниками. Его воспоминания хранятся в моем архиве.

Но самым верным подтверждением этой истины является то, что ни Сеит-Умар Биболатович Токаев, ни его дети, ни его маститые друзья и родственники не посмели обвинить Асият Эльканову, что она говорит неправду, клеветет на него.

Что касается генерала Ивана Александровича Серова, то в данном конкретном случае он проявил мужественный поступок, сознательно ставя себя под возможный удар, непредсказуемый, со стороны Л.П. Берии – народного комиссара НКВД, члена Государственного Комитета обороны страны, у которого вместе с другими грузинскими националистами давно созрел план присоединения, исказив исторические данные, хотя бы части территории Карачаевской автономной области к Грузии и выйти на просторы Северного Кавказа, что стало бы только началом расширения ее территории. Здесь как раз уместно сослаться на Юрия Андреевича Жданова – выдающегося ученого-энциклопедиста, блестящего организатора и руководителя учебных и научных учреждений, великого кавказоведа – о его отношении к переселению отдельных коренных народов Северного Кавказа. Он пишет: «Что касается вайнахов и других кавказских народов, здесь другая конкретно-историческая ситуация.

1944 год: наши войска на Дунае, нужно ли было в этих условиях принимать такое решение? Я глубоко сомневаюсь. Наши войска на Дунае, и вдруг за пять тысяч километров от Болгарии принимается решение. Здесь другие истоки, и я их вижу в великодержавном шовинизме единичных представителей отдельных народов, в частности, горячо любимого мною грузинского народа. Куда отошли территории? К Грузии.

Только хотели провести границу по Кубани, включив и Майкоп до Краснодара. Здесь сказались великодержавные шовинистические настроения отдельных руководителей (подчеркнуто мною – *И.Б.*)». И далее следует научный методологический вывод-напоминание – совет всем нам – кавказоведам (и не только!): «Истина конкретна, и рассматривать нужно ситуацию, как всегда, конкретно-исторически. Это мы должны знать» [8].

Сделаем и свой вывод: Михаил Суслов, усиленно способствуя принятию решения о депортации карачаевцев, тем самым служил великодержавному грузинскому шовинизму Берии и иже с ним. Личное самоспасение ставил выше интересов России. Чем не пример сподручному Токаеву?

Открытым, беззастенчивым грузинским националистическим вызовом не только по отношению к карачаевскому народу, но и в целом к РСФСР (Российской Советской Федеративной Социалистической Республике), в составе которой через Ставропольский край (ранее Орджоникидзевский) находилась Карачаевская автономная область, говорит следующий факт: на секретной карте «Почвенная карта северного склона Кавказа (центральная и восточная части)», составленной накануне Великой Отечественной войны и выпущенной в 1942 году в Казани, поражает то, что большинство населенных пунктов Карачая обозначены грузинскими названиями, а город Микоян-Шахар – административный центр КАО – переименован в г. Клухори (ныне Карачаевск).

Знал ли об этом Серов? Спецслужбы знают все! Знали ли об этом Суслов и Токаев? Первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК Компартий союзных республик по всем принципиальным вопросам информировались спецслужбами.

К моменту приезда в мае 1943 года Серова в Карачай «игра», образно говоря, между Сусловым и Берией уже была разыграна: один – Михаил Андреевич Суслов – спасал себя

за провал партизанского движения на оккупированных фашистами территориях, другой – Лаврентий Павлович Берия – стремился, «пользуясь случаем», расширить территорию Грузии богатейшей природными ресурсами исторической территорией Карачая (но без карачаевцев) и, во-вторых, удовлетворить стратегическую выверенную цель – по его замыслу «... Грузия должна иметь оборонительный рубеж на северных склонах Кавказского хребта» [9, с. 16]. «По имеющимся сведениям, – утверждали еще в 1992 году известные публицисты-исследователи Рой Медведев и Дмитрий Ермаков, – первый секретарь крайкома М.А. Суслов сыграл не последнюю и весьма зловещую роль в развернувшемся насилии. Сыграл не только по долгу службы, но и по личной инициативе... Все происходило тайно, без огласки. В развернувшейся «подготовительной» работе М.А. Суслов оказывал... поддержку ведомству Л.П. Берии в сборе фальшивых обвинений и свидетельств «преступлений» карачаевцев против советской власти. Была организована и пропагандистская кампания в поддержку вероломного насилия. При участии Суслова была создана легенда о массовом предательстве...

Суслов несет персональную ответственность за аресты и репрессии советских и партийных работников, карачаевцев по национальности» (подчеркнуто мною. – *И.Б.*) [10, с. 69, 73].

Теперь становится ясным, почему Токаев так прямолинейно негативно ответил Серову, не считаясь с его высоким статусом, тем более зная, что это будет доложено в ГКО на вопрос-задачу необходимости в ближайшее время справиться с бандитизмом, с тем чтобы на карачаевский народ не пало черное пятно: он был под пятой Суслова (Сулов хорошо знал его гибкий характер и поэтому отозвал из Действующей армии), делал то, что тот ему велел, хотя это прямо било по карачаевскому народу, делало карачаевцев антисоветски настроенными. Вдумаемся, к примеру, в горестные слова инструктора обкома партии Шагидат Тохчуковой в письме (май 1943 года) к своему мужу Х.Т. Тохчукову (бывшему редактору до призыва в армию областной газеты «Къызыл Къарачай»): «Только мне одно не по душе и не могу понять: руководители области... очень много говорят о черных делах в области во время оккупации и сейчас шумят и везде стараются «чернить» всех и вся без глубоких анализов (подчеркнуто мною. – *И.Б.*).

Мне сдается, что некоторые стремятся сейчас побольше очернить народ и все дело, чтобы оправдать себя. Иначе я не понимаю... В конце концов добились своего, до основания очернили весь народ без разбора, ввели партию и правительство в заблуждение, и в результате получилось неслыханное и позорное дело. Что отдельные горе-руководители области это делали – выявилось перед выселением» (подчеркнуто мною. – *И.Б.*) [16].

А вот документ от 23 октября 1943 г. за подписью самого Токаева:

«Секретарю крайкома ВКП(б) тов. Копейкину.

Докладная записка.

О принятых мерах по выполнению закрытого письма крайкома ВКП(б) от 12 августа 1943 г. «О фактах политической беспечности в отношении лиц, активно сотрудничавших с немцами в период оккупации края» обком сообщает, что во всех первичных организациях проведены партийные собрания.

В районах области имеется целый ряд фактов, когда приспособленцы и прямые пособники немецких оккупантов продолжают оставаться на руководящих постах в наших советских учреждениях, предприятиях и колхозах.

После обсуждения закрытого письма крайкома партии ВКП(б) повысилась большевистская бдительность партийных организаций. Руководство партийных, советских и других организаций и учреждений стало более серьезно относиться к подбору и перестановке руководящих кадров, более энергично выявлять и вышибать с руководящих постов тех работников, которые в период немецкой оккупации открыто сотрудничали с немцами и не внушают политического доверия. Секретарь Карачаевского обкома ВКП(б) С.У. Токаев» [6].

Вдумаемся в написанное. Даже из этих коротких сообщений вырисовывается горестная картина: областные руководители во главе с Токаевым и под пристальным оком Суслова «... добились своего – до основания очернили весь народ...», «ввели партию и правительство в заблуждение», в ущельях гор – бандиты (во много раз с завышенной численностью), в партийных, советских органах и учреждениях, на предприятиях и в колхозах у руля явные и скрытные пособники фашистов... Любой, кому это нужно, кто тем более настроен против карачаевцев, заголосит: да это же потенциальная Вандея во фронтовом тылу! – Пока не поздно депортировать народ! Разговор же идет о

80-тысячном народе, каждый пятый которого героически сражался на фронтах Великой Отечественной войны – 15 600 сыновей и дочерей, свыше 2 000 карачаевцев служили в тыловых частях Красной Армии и рабочих батальонах. Большая часть из сражавшихся с врагом – более 9000 человек – сложила свои головы самоотверженно, не теряя своей чести и достоинства, самоотверженно защищая Советскую Родину. А остальная часть – так сказать «потенциальные враги» – 69 267 человек была депортирована в Среднюю Азию и Казахстан в вагонах для перевозки скота. Особо обратим внимание на их социально-демографический состав: 53,9% – дети, 28,1% – женщины, 18% – мужчины, главным образом старики и инвалиды войны [13, с. 86]...

Если бы Сталину к заседанию Президиума Верховного Совета СССР в июле 1943 года, на котором было намечено обсудить вопрос о бандитизме на территории национально-государственных образований народов Северного Кавказа и мерах по его ликвидации, доложили примерно в той раскладке, о которой говорилось выше о карачаевцах (тем более о них!), так как усилиями Берии, Суслова, Токаева их первыми из коренных северокавказских народов наметили к наказанию, то он не мог бы не обратить внимания на расхождение: с одной стороны, высокий удельный вес сражающихся в частях Красной Армии и, с другой стороны, на численный и социально-демографический состав оставшейся части карачаевцев. Это соотношение убедительно говорило о патриотическом духе народа, тем более многие уходили на войну добровольцами. Словом, могло быть принято другое решение: коллаборационистов – кого осудить, кого с семьями депортировать, автономия сохраняется...

Генерал Серов в январе-феврале 1943 года (после изгнания оккупантов) в ходе организации борьбы с бандитизмом на Северном Кавказе был в Карачае, его батальон из укрытия был обстрелян бандитами, появились и жертвы (сколько, он не пишет). Конечно, он сделал для себя определенные выводы о численности бандитов, об их возможностях, об отношении к ним населения. И его встреча в мае 1943 г. с руководством Карачая показала, что он все же иного мнения, чем спасающий себя Суслов и держащий его и Токаева в страхе Берия. Он явно допускал возможность договориться с бандитами об их на определенных условиях добровольной сдаче. Эту идею настойчиво высказывал и разведчик М.К. Батчаев, который имел честь провозгласить восстановление советской власти в Карачае, стать секретарем Учкуланского райкома партии.

Далее. Генерал как чекист самого высокого порядка знал и о проколе Суслова в партизанском движении на Ставрополье, и о действиях Берии в связи с этим. Другими словами, что эта связка ведет к тому, что карачаевцы будут до конца оболганы и подведены к их депортации, ликвидации Карачаевской автономной области. И хотя личность Ивана Александровича остается для меня противоречивой, даже допустил по отношению к карачаевцам существенные ошибки (например, белого коня Гитлеру подарили не карачаевцы, а кабардинский князь [5]), что все же он не хотел допустить депортации карачаевского народа не только потому, что не желал отъема части территории Карачая Грузии, а главным образом потому, в чем он сам убедился, что бандитизм в Карачае сильно преувеличен и не носит массового характера, а вот самоотверженное участие карачаевского народа на фронтах Великой Отечественной войны было поистине массовым, в тылу же труженики также самоотверженно трудились, добровольно собирали теплые вещи, продукты и отправляли на фронт, на собранные средства заказывали строительство оружия для обороны страны.

Опять возникает вопрос: мог ли Серов открыто не согласиться с действиями Суслова, определенно зная, что за спиной первого секретаря крайкома и одновременно неудачника-партизана стоит и с ним вершит зло против целого народа его, Серова, непосредственный начальник – министр внутренних дел СССР и тем более член ГКО страны? И логично, что генерал не подставил себя. Еще надеялся на Токаева, что он предпримет определенные действия: вспомним серовские слова, обращенные к нему: «Постарайтесь!» Нам кажется, что Серов не мог написать о подготовке и депортации карачаевцев даже после смерти Берии, потому что к Олимпу власти быстро двигался Суслов. А после смерти Суслова, хотя генерал в плане написания будущей книги и запланировал отдельную главу, назвав ее «Уполномоченный ГКО. Депортации народов. Причины, последствия», но не сумел свой замысел осуществить: сказался, видимо, пожилой возраст. Очень и очень жаль... Но, кто знает, может быть, с годами найдется и эта книга «из чемодана»...

А для тех, кто и по сей день любит посудачить (это мягко сказано!) о том, почему же все-таки выселили карачаевцев первыми из коренных народов Северного Кавказа, за этим следует: может быть, потому, что предательство у них было массовым в сравнении с другими народами? В ответ на это, следуя правде жизни тех военных суровых лет, мы должны четко сказать – у кого из народов, территория которых была временно оккупирована, не было предателей? На чашу весов не будем бросать, у кого больше, у кого меньше, – от такой арифметики не выиграет никто, но ни один народ в целом не был и не мог быть народом-преступником, народом-предателем. В своем подходе к коллаборационистам Сталин отступил от великого методологического принципа классового подхода к анализу общественных явлений, и это явилось его личным преступлением – в первую очередь перед коренными народами Северного Кавказа. Если уже депортировать, то ту часть, которая явно сотрудничала с оккупантами, а истинных приверженцев советской власти во главе с коммунистами не трогать, не ликвидировать ни в коем случае государственного образования – их символ чести и национального достоинства. И тогда понятие «народ-изменник», «народ-предатель» не стало бы их позорной отметиной, которой до сих пор укоряют нас даже те, кто должен помалкивать... Посылая анафему всем тем, кто подвел карачаевцев к насильственному переселению, но в то же время отдавал должное (только должное!) за конкретный момент, а именно за попытку-предупреждение руководства Карачая о том, что если оно самостоятельно не справится с бандитизмом, то на народ может упасть «черное пятно», напомним вчерашним и сегодняшним, особенно скрытным, хулителям карачаевского народа, живущим вместе с нами в одной республике, остоном которой является именно карачаевский народ, и тем, кто за ее пределами, что карачаевцев в общей сложности, перешедших на службу к немцам за весь период войны и впоследствии осужденных, было всего 283 человека (0,3% карачаевского населения): меньше, чем личный состав полиции и жандармерии одного Зеленчукского района [1, с. 31].

Еще раз задумаемся – хотел ли Сталин лично сам депортации целых народов или он это сделал под влиянием исключительных военных обстоятельств, о чем ему периодически докладывали – вплоть до командующих фронтами? Ответ неоднозначен. Как выдающийся марксист-ленинец, признанный великий теоретик по национальному вопросу, основатель вместе с Лениным и другими соратниками РСФСР и СССР, вождь советского народа и трудящихся всего мира, однозначно нет и нет. Но как председатель ГКО, где сосредоточилась вся государственная, партийно-советская власть, министр обороны и Верховный Главнокомандующий он должен был обеспечить победу над фашистской Германией во что бы то ни стало, идя на любые жертвы. Любой непредвзятый мыслящий человек скажет: тяжелейшая государственная и человеческая ответственность! И к его великой чести эту ответственность выдержал! Но беспощадно критикуем антисоветчиками всех мастей и оттенков, особенно за массовые репрессии по классовому признаку 1937–38 гг. и депортации целых народов в сороковые годы Великой Отечественной войны – уже с отступлением от классового принципа. И здесь большое поле для столкновения мнений, размышлений, разных методологических подходов и к анализу, и к соответствующим выводам. Еще раз подчеркнем, что и Хартия историков-кавказоведов, и Этический кодекс кавказоведа – наш компас: будет больше объективности и станет меньше субъективизма, но от симпатий-антипатий трудно увернуться... Этими чувствами страдали и великие... Страдал и Сталин... Памятуя это, вернемся к заседанию Президиума Верховного Совета СССР, о котором говорилось выше (июль 1943 г., прошедшего под руководством самого Сталина). На это заседание были приглашены руководители республик и областей Северного Кавказа, ибо обсуждался вопрос о бандитизме на их территориях и мерах по его ликвидации. «Вопрос о депортации народов Кавказа в повестке официально не значился, – пишет известный политический деятель и ученый Р.И. Хасбулатов. – Я листал эти бумаги» [19, с. 420]. Добавим от себя – хотя и витал в воздухе. Обсуждение этого вопроса на таком высоком уровне было тоже прямым предупреждением – указанием о необходимости принятия незамедлительных мер по ликвидации бандитизма. Это было мобилизующее действие. Сталин и проверял, и в то же время, несмотря на оказываемое на него давление со многих сторон, давал руководителям республик и областей еще шанс достойно выйти из этого тяжелого положения.

Основной вопрос Сталина к каждому руководителю, где обстановка была тревожной, был примерно такого содержания: «Вы в состоянии справиться самостоятельно с бандитизмом у себя?»

Воспроизвести точный словесный ответ Сеит-Умара Токова на вопрос Сталина мы не можем, так как у нас нет протоколов этого заседания (закрыты). И в протокольных выписках Р.И. Хасбулатова нет об этом сведений, но тем не менее можем прямо сказать, что он придерживался того же ответа, данного им в мае 1943 года в г. Микоян-Шахаре генералу Серову. А мог ли он дать другой оптимистический ответ? Конечно, нет, ибо он был в связке «Сулов – Берия».

А первый секретарь Дагестанского обкома партии Абдрахман Даниялов на этот же вопрос твердо ответил: «Да, товарищ Сталин, мы можем справиться самостоятельно и в ближайшее время искореним полностью бандитизм в республике».

«Это хорошо, – ответил Сталин, – важно, что у Вас есть такая уверенность. А мы проконтролируем», – добавил он, повернувшись в сторону Берии [19, с. 421].

Более того, по прошествии определенного времени после июльского заседания Президиума Верховного Совета СССР 1943 года, когда Даниялову стало известно, что принято решение в ГКО о выселении дагестанского народа, он, рискуя не только своей должностью, но и жизнью, мужественно и смело бросился защищать честь и достоинство своего народа, сумел добиться через Микояна приема у самого Сталина и спас народ от депортации [3, с. 267–268].

Сеит-Умар Токаев даже не попытался из центра КАО – города Микоян-Шахара, названного народом в честь Анастаса Ивановича, встретиться с ним, объясниться, довериться, спасти карачаевцев от депортации.

Для подтверждения доброго отношения Анастаса Микояна к карачаевскому народу, о его высоком мнении о нас приведу выдержку из письма ко мне от 24 августа 2012 года известного нашего журналиста и публициста Матгерия Кеккезовича Хасанова (ссылаюсь впервые): «Теперь по поводу интересующего вас. Все лето 1979 г. я проработал в партархивах Майкопа, Ростова, а август весь провел в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. В последнем я натолкнулся на вопрос Сталина: «Как быть с массовым бандитизмом в Карачае?» Раздались разные мнения. Я выписал их и на всякий случай постарался запомнить. Одни предлагали отправить народ в Соловки, а другие в Сибирь и т. д. Микоян заявил: «На международной арене не оберемся скандала. Предлагаю выслать в Казахстан и республики Средней Азии. Язык, религия и многое другое очень близки. Сами карачаевцы очень трудолюбивые, они превратят пустыни в цветущие сады...»

«Быть по Микояну. И. Сталин». Была резолюция. Проверяя перед выходом, мои записи вырезали. Разговор был бесполезен...» [14]

На наш взгляд, внимательное прочтение написанного и размышление над ним приводит к следующим выводам:

- Сталина сумели убедить, что в Карачае царит массовый бандитизм. Причины этого: первый секретарь обкома просит оказать помощь, разве это не подтверждение массовости бандитов? Поэтому он первый по счету для депортации. Главная же причина завуалирована (Сулов – Берия, сподручный Токаев усердствует);

- Микоян мягко пытается поправить: не оберемся скандала на международной арене;

- Поняв, что вопрос решен, он все же открыто защищает карачаевцев: не Соловки или Сибирь, прямо отвергает другие предложения, а предлагает более благоприятную среду и по климату, и по языку, религии;

- и в такой напряженный момент, где правил не только разум, но и сильно сказывались эмоции, воздал похвалу народу за его трудолюбие.

И результат: сталинское «Быть по Микояну».

И разве нельзя предположить, что если бы Микоян был подробнее проинформирован, то он выступил бы более решительно в защиту карачаевцев.

Сопоставляя позицию и действия Абдрахмана Даниялова и Сеит-Умара Токаева, один из которых был у Микояна и через него у самого Сталина, а другой и не думал об этом, невольно вспоминаю то, что я говорил много лет тому назад на республиканской научной конференции: это «Нагляднейший пример для размышления: два первых секретаря обкомов партии, два полномочных субъекта политической элиты – и такой разный подход к судьбе своих народов на крутых поворотах истории... Молодежи, думая

о будущем, есть над чем задуматься, выбирая нравственно-жизненные ориентиры. И в этой связи невозможно не назвать мужественную, стойкую, высоконравственную позицию Мудалифа Каракезовича Батчаева, руководителя разведгруппы, секретаря Учкуланского райкома партии, открыто выступившего на сентябрьском пленуме крайкома КПСС против огульных обвинений Сулова» [2, с. 17].

Токаев, присутствовавший на пленуме, конечно, промолчал, не поддержал Батчаева, которого, сфабриковав ложные обвинения, вскоре осудили и отправили в заключение. Но в конечном счете он был реабилитирован, а народ воздвиг ему памятник в Карачаевске (бывшем Микоян-Шахаре).

Попытка сторонников Сеит-Умара Токаева его морально-нравственно оправдать большинством народа непрерывно отвергается. Они малочисленны, но очень упорны, настойчивы, не чураются даже на подтасовку фактов, сочинение легенд.

Сильно сказываются родственные отношения, неверное толкование фамильно-родовых отношений, анахронизмы былых сословных взглядов, что, как правило, не объединяет, а разъединяет народ, например, при расстановке кадров, выдвижении кандидатами в депутаты, освещении истории. Этим зачастую искусно пользуются те или иные наши оппоненты, а некоторые из нас поддаются на эти уловки, забывая, что мы, карачаевцы, были депортированы как единый, цельный народ при всем нашем разнообразии. Мы должны помнить, что карачаевцы (как и другие репрессированные народы) по стечению тяжелых обстоятельств чуть не исчезли с лица земли. Если мы вне своих родных земель не были бы едины, вместе духовно и во взаимопомощи, то не смогли бы сохранить свое национальное лицо. Это единство мы должны передавать от поколения к поколению. Но это единство было и всегда будет диалектично-противоречиво – таково предначертание истории, самого Всевышнего! Движение вперед обеспечивается только через преодоление противоречий, носителями которых являются отдельные люди, их группы и классы, малые и большие народы и государства. Противоречия, как известно всем нам, преодолеваются через их научно-теоретическое познание с неизменным использованием накопившегося исторического опыта в частности и в использовании критического анализа. В этом и состоит обеспечение добрых, похвальных дел и выявление негатива. Критика, как говорят мудрые, как лекарство, но его надо уметь принимать. Все ли мы и в малые годы, и во взрослые времена умеючи принимаем лекарство? Каждый из нас, честно и правдиво думающий, скажет: нет. Так и с критикой! И если в данном конкретном деле критике подвергается Сеит-Умар Токаев, то эта критика не относится ни к его детям (хотя им, конечно, больно), ни к родственникам, тем более к роду-фамилии. И если эта критика конкретного человека даже сурова, но правдива, то ее нужно воспринимать таковой, каковой она есть, и, в конечном счете, приносящей пользу и роду (фамилии), и народу (нации), да и обществу в целом. Когда-то сразу, когда-то в несколько отдаленном стратегическом плане. Будем откровенны: многие из нас любят замалчивать правду, а не предъявлять ее, какой бы она ни была суровой и горькой... Разве нам, здравомыслящим горцам сегодняшних, да и завтрашних дней, не стыдно, не обидно, не горестно за предательство, измену, бандитизм, сотрудничество с немецко-фашистскими захватчиками на оккупированных ими наших территориях, и этим самым предававших тех своих соплеменников, которые массово, героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны? Но и не меньше виноваты те, кто находился у власти в период борьбы с остатками бандитов на уже освобожденных от фашистов территориях республик и областей. Именно они (да, именно они!) обязаны были организовать самоотверженную, беззаветную, беспощадную борьбу с оставшимися бандитами или принудить сдать. Словом, проявить всегда присущую нам пассионарность!

Итак, несмываемая вина Сеит-Умара Биболатовича Токаева в том, что он, предавая свой народ, думал в первую очередь о своем спасении, сдал Сулову–Берии карачаевцев как массовых пособников немецких фашистов, не положил на алтарь своего народа душу свою перед Сталиным, струсил сказать, что Карачай самостоятельно справится с бандитизмом. Безнравственно сдав народ, он не был с ним в самые трудные, тяжелые первые годы, не ушел воевать в Действующую Армию... Не лучшим образом он вел себя и по возвращении карачаевского народа после XX съезда партии... С 1955 года он спокойно жил на Кавминводах и был на руководящей хозяйственной работе – управляющий Минераловодским совхозным трестом (Ессентуки Ставропольского края). Он не был избран народом в состав первой делегации карачаевцев по вопросу возвращения на родину – он к ней «примкнул» своевременно и попал на фото [7, с. 97], которым его сторонники «спекулируют», предъявляя как паспорт для доказательства,

что и он делегат. Избранные делегаты имели удостоверения, подтверждающие их полномочия. Выигрышно для Токаева было и то, что в случае восстановления автономии он имел моральное право войти в состав ее управления. Это уже заранее было продумано теми, кто его постоянно опекал. И в данном конкретном случае он должен был получить добро на свой отъезд в Москву, что ими и было сделано с согласия Сулова – уже члена Президиума ЦК КПСС, секретаря ЦК партии, который был против возвращения репрессированных народов на родину. Но чаша склонялась к тому, что и сам Хрущев (позднее он принял вторую делегацию от карачаевского народа!), и другие члены Президиума ЦК партии, руководящие работники Президиума Верховного Совета СССР выступали за реабилитацию и возвращение. С учетом такого двойственного положения суловцы приняли решение вроде бы за карачаевцев, а по сути унижающее их. И это завуалированное предложение как бы от своего имени должен был озвучить Токаев – неизменный исполнитель их воли – на заседании уже созданной ЦК партии авторитетной комиссии по вопросу реабилитации и возвращения карачаевцев. Чтобы суть этого предложения стала ясной, приведем выдержку из воспоминаний Магомета Османовича Акбаева – руководителя делегации – о своем выступлении на этом первом заседании комиссии (выступал он первым): «...Я сказал об огромном количестве умерших от голода, болезней, об издевательствах некоторых начальников над спецпереселенцами. Наши требования: реабилитация карачаевского народа, отмена всех постановлений о его выселении, ограничений. Возвращение на родину с полным восстановлением автономии, с имуществом, восстановлением учреждений и жилого фонда. Я говорил 20 минут. Затем выступил Токаев. У него была фраза, что нам, карачаевцам, достаточно поселиться до Усть-Джегуты, на что Басханук Адильгериевич Караев возразил и сказал, что так не должно быть и этого недостаточно. Выступили все. Нас внимательно слушали...» [7, с. 100]

Как видим, Сеит-Умар Токаев озвучил коллегиально-тайное предложение суловцев всех уровней – сам Сулов с руководством соответствующих спецслужб – руководство крайставропольцев – руководство облчеркесов – на урезанную территориально Карачаевскую автономную область, т. е. без той части КАО до депортации, которая была присоединена к ЧАО после насильственного выселения карачаевцев. Словом, предложение Токаева было отвергнуто делегатами. Но, естественно, у суловцев был заготовлен и второй вариант. Он долго не озвучивался, так как шла подковерная борьба между правом и произволом. И, наконец, вопреки Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от того же дня была провозглашена Карачаево-Черкесская автономная область в составе Ставропольского края.

Обратим внимание на следующий момент. Президиум ВС СССР вместо того, чтобы конкретно указать: восстановить Карачаевскую автономную область в составе Ставропольского края РСФСР, витиевато, с двойственной подоплекой указывает во втором пункте: «Рекомендовать Президиуму Верховного Совета РСФСР рассмотреть вопрос о преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область в составе Ставропольского края РСФСР...», ясно осознавая, что эта запись неправомерна и на нет сводит первый пункт, где сказано: «Признать необходимым восстановить национальную автономию карачаевского народа». О том, что указ противоречив и нарушает право карачаевского народа на восстановление своей автономии, прямо говорит следующее письмо от 9 января 1957 г. №214 Президиума ВС РСФСР на имя председателя исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Карачаево-Черкесской автономной области товарищу Карданову З.К.: «Направляется Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 г. о преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область Ставропольского края, который в печати не публикуется (подчеркнуто мною. – И.Б.) [7, с. 127]. Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР И. Зимин».

И все это правовое беззаконие по отношению к карачаевскому народу творилось под жестоким контролем всемогущего партийного босса Михаила Сулова. И ему ли в это же время хулить Сталина, в чем он был очень усерден...

А что с Сеит-Умаром Токаевым? Отметившись на фото (для истории: что касалось лично его, он был всегда предусмотрителен) и озвучив то, что ему было велено, твердо памятуя слова Сулова «И ты с ними?!», спокойно отбыл в Ессентуки, а делегаты (Магомет Акбаев, Басханук Караев, Ракай Алиев, Аскер Эбзеев) выехали после за-

вершения текущих дел в Москве в Киргизию для продолжения начатого, благородного дела. Суслов же делает очередной продуманный шаг – своевременно переводит Токаева в Черкесск, которому все было уже известно, но он скрыл от всех, что создается Карачаево-Черкесская автономная область в составе Ставропольского края. Вскоре его изберут вторым секретарем Карачаево-Черкесского обкома партии. Оба довольны: Сеит-Умар своим возросшим авторитетом, Михаил Суслов тем, что сумел перевести карачаевский народ в полуреабилитационное состояние, в котором карачаевцы и в самой области, и в крае чувствовали себя не совсем комфортно – зажато и политически, и морально-нравственно. Но эта тема большая и требует своего исследования как в целом, так и по отдельным сферам. Мещанствующее меньшинство струдилось, конечно, вокруг второго секретаря обкома партии, но народ помнил и не прощал ему его предательства. И когда в мае 1957 г. прибыл первый эшелон, то возвращавшиеся карачаевцы, особенно женщины, увидев среди встречающих Токаева, подняли такой оскорбительный гвалт, что он вынужден был уйти...

Из всех приверженцев Сеита-Умара Биболатовича наиболее последовательным являлся известный карачаевский поэт и общественный деятель А.А. Суюнчев (1923–2012). К 100-летию Токаева в 2004 году он написал и издал брошюру-очерк «Время рассудит», а научным редактором ее стал доктор исторических наук, профессор А.Д. Койчув. За истекшие годы многие с ней познакомились: кто-то поверил этой художественной версии, кто-то отверг, а кто-то ходит до сих пор в раздумье... Вот и мы поговорим о ней в следующий раз.

Литература:

1. Алиев, К.-М. Свет и тени партизанской войны. Подготовлено историко-культурным обществом «Аланский Эрмитаж». – Москва – Ставрополь, 2003. – С. 31.
2. Байрамуков, И.Х. Субъективный фактор в депортации и реабилитации карачаевского народа // Репрессированные народы: история и современность. Материалы республиканской научной конференции 30–31 октября 2003 г. – Карачаевск: изд-во КЧГУ, 2003. – 139 с. – С. 17.
3. Боров, Ю. Сталиниада. Мемуары по чужим воспоминаниям с историческими притчами и размышлениями автора. – М.: Книга, 1991. – С. 267–268.
4. Борохов, Э. Энциклопедия афоризмов. В мире мудрых мыслей. – М.: АСТ, 2004. – С. 352.
5. Верт, А. Россия в войне 1941–1943. Авторизированный перевод с английского. – М.: Прогресс, 1967. – С. 420.
6. Госархивохранилище Комитета по делам архива КЧР. Ф. 45, оп. 1, д. 112. Л.45.
7. Карачаевцы. Выселение и возвращение. – Черкесск: ПУЛ, 1993. – 136 с.
8. Кислицын, С.А. Личность эпохи. К 100-летию со дня рождения Ю.А. Жданова // Советская Россия, 20 августа 2019 г. №91.
9. Койчув, А.Д. 50 лет депортации карачаевского народа // Репрессированные народы: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции. – Карачаевск: изд-во КЧГПУ, 1994. – 216 с. – С. 16.
10. Медведев, Р., Ермаков, Д. «Серый кардинал» М.А. Суслов – политический портрет. – М.: Республика, 1992. – 260 с. – С. 69, 73.
11. Михайлова, О. Чтоб мы как должно ценное ценили... // День республики, 16 августа 2014 г.
12. Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. – М.: Олма-Прогресс, 2003. – С. 817.
13. Ногайлиева, М.Х. Насильственное переселение карачаевцев и его мотивы // Репрессированные народы: история и современность. Материалы республиканской научной конференции 30–31 октября 2003 г. – Карачаевск: изд-во КЧГУ, 2003. – 139 с. – С. 86.
14. Письмо журналиста и общественного деятеля Матгерия Кеккезовича Хасанова от 24 августа 2012 года (Малокарачаевский район, с. Учккен, пер. Кузнечный, 8) к И.Х. Байрамукову (из архива И.Х. Байрамукова).
15. Тебуев, Р. Народ свободный, храбрый, трудолюбивый...: сборник публикаций. – Ставрополь: Сервисшкола; Черкесск: Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт. – 312 с.
16. Семейный архив Заслуженного деятеля искусств РСФСР, Заслуженного деятеля искусств Абхазской АССР Б.Х. Тохчукова (Черкесск).
17. Серов, И.А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти / Под ред., с коммент. и прим. Александра Хинштейна / И.А. Серов. – М.: Просвещение, 2016. – 704 с.
18. Хартия историков-кавказоведов // Материалы международного форума историков-кавказоведов. 14–15 октября 2013 г., Ростов-на-Дону / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов-на-Дону, 2013. – 244 с.

19. Хасбулатов, Р. Чужие (Историко-политический очерк о чеченцах и их государственности). Кремль и российско-чеченская война. – М.: ИД «Грааль», 2003. – 508 с.
20. Эльканова, А. Но мы верили: правда восторжествует // Ленинское знамя, 31 октября 1990 г.
21. Этический кодекс кавказоведа // Материалы II Международного форума историков-кавказоведов (15–16 октября 2014 г.). Ростов-на-Дону. – С. 203–207.

УДК 93/94(470.6)(075)

Башиев Азамат Муратович
кандидат исторических наук
E-mail: amb76@mail.ru

«ЗАПИСКА О ГОРСКИХ ТАУ-БИЯХ»: НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО СОСЛОВНОЙ СТРУКТУРЕ БАЛКАРЦЕВ

***Аннотация:** В статье рассматривается вводимый впервые в научный оборот архивный документ, посвященный сословной структуре балкарцев в дореформенный период. Анализируется состояние и решение сословного вопроса в контексте северокавказской проблемы интеграции в имперскую социальную систему через призму работы многочисленных комиссий и комитетов.*

***Ключевые слова:** балкарцы, карачаевцы, сословная структура, комиссия, комитет, записка, таубий, бий*

Bashiev Azamat Muratovich
Ph.D. in history
E-mail: amb_76@mail.ru

«NOTE ON THE MOUNTAIN PRINCES»: A NEW SOURCE ON THE CLASS STRUCTURE OF THE BALKARS

***Abstract:** The article deals with the archival document introduced for the first time into scientific circulation, devoted to the class structure of the Balkars in the pre-reform period. The article analyzes the status and solution of the class issue in the context of the North Caucasus problem of integration into the Imperial social system, through the prism of the work of numerous commissions and committees.*

***Key words:** balkar people, karachay people, class structure, commission, committee, note, prince*

Об актуальных проблемах источниковедения и публикации источников

Говоря об актуальных проблемах отечественной исторической науки, нельзя не затронуть вопрос о современном состоянии источниковедения истории Карачая и Балкарии. В этой связи несомненна роль в выявлении новых источников и введения их в научный оборот с последующей публикацией. Введение их в научный оборот, исследование во всем их многообразии и полноте требуют применения системного подхода, методов сравнительного анализа и синтеза. В настоящее время историки приходят к осознанию того, что изучать отдельную эпоху или отдельный регион, страну более логично в длительной исторической перспективе, опираясь на компаративные подходы. В этом случае становится очевидным, что возникновение источников имеет свою логику, они появляются и уходят с исторической арены закономерно. Поэтому возможно определение принципов и методов работы с источниками.

В ходе работы по сбору архивного материала в ЦГА РСО-А нами был выявлен целый ряд новых источников по истории балкарцев и карачаевцев, любой выявленный источник это уже уникальная находка, которая требует тщательного анализа [1, л. 70-76об]. Выявленный документ важен в аспекте рассмотрения сословной проблематики и сословного вопроса. Во-первых, применительно к работе различных комиссий по изучению данного вопроса у народов Северного Кавказа и, во-вторых, по решению вопроса у балкарцев и карачаевцев о признании некоторых сословий в рамках Российской империи привилегированными и закрепления за ними прав дворянства.

Анализ документа. Документ датирован 7 декабря 1887 года, написан в городе Владикавказе. Авторами документа являются балкарские таубии: Кургоко Абаев, Джарахмат Шакманов, Зекерья Шакманов, Шаухал Шаханов, Тенгиз Суншев, Муса Барасбиев и Исмаил Урусбиев. Они представляли все Пять Горских обществ (Балкарию). Документ назван «Записка о Горских Тау-Биях», и его сопровождало само прошение на имя начальника Терской области.

Документ стал адекватным ответом на процесс работы различных комиссий: с 1857 года действовал «Комитет для разбора личных и поземельных прав туземцев Левого крыла Кавказской линии» под председательством начальника Центра Кавказской линии Грамотина, 19 ноября 1861 года в Кабардинском округе был открыт «Комитет по разбору личных и поземельных прав горцев» под председательством начальника Кабардинского округа князя Орбелиани, который вскоре был закрыт. В мае 1863 года во Владикавказе открылась «Временная комиссия для разбора сословных и поземельных прав туземного населения Терской области» под председательством Д.С. Кодзокова, преобразованная в «Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» в 1869 году.

История проблемы. По истории проблемы мы коснемся только вопроса утверждения прав балкарских князей, так как записка в основной сути касается их.

Проблема предоставления статуса «привилегированности» в рамках Российской империи балкарским сословиям таубий, чанка и уздень периодически ставилась перед царским правительством указанными сословиями. Однако положительного решения, которое соответствовало бы их сословному статусу, они так и не получили. Сословный вопрос в Балкарии становится одним из острейших в контексте социального развития в пореформенный период. Прежде всего, это повлияло на искаженное восприятие Кавказской администрацией сословных терминов балкарцев. Означенное восприятие через работу различных комитетов и комиссий отразилось и в исследованиях дореволюционных историков [2].

Попытки обратить внимание балкарских князей на свой статус предпринимались и ранее выявленной докладной записки. 11 января 1827 года уполномоченные от балкарских таубиев Мурзакул Урусбиев, Магомет Шакманов, Арслан Хаджи Джанхотов, Кельмамбет Балкороков и представители дигорских князей приехали в город Ставрополь и подали прошение командующему русскими войсками генерал-лейтенанту Емануэлю о принятии их в русское подданство. Балкарские таубии изъявили желание привести к присяге весь народ, а также выражали готовность отдавать своих детей в аманаты. В прошении были обозначены следующие условия, при соблюдении которых они поступали бы в подданство России. В частности, при сохранении русским правительством у балкарцев: «1. Всех их древних прав; 2. Народных обычаев; 3. Разбирательство дел по шариату; 4. Получение владельцами издавна установленной с подданных дани; 5. Свободное исповедание магометанской религии» [3, с. 242].

В 30-е гг. XIX века, в преддверии приезда императора Николая I на Кавказ, представители дигорского и балкарского народов направили на его имя прошение, в котором отразили свои насущные проблемы. Подписавшие прошение таубии просили: «1. Оставить их при желаемом вероисповедании; 2. Дозволить им беспрепятственно пользоваться теми землями, коими до этого пользовались; 3. Дозволить им производить разбирательство по древним обычаям; 4. Оставить родовые преимущества и звания тем, которые таковыми с незапамятных времен пользовались...» [4, л.143] На балкарцев в числе других народов Северного Кавказа распространялась и известная прокламация наместника Кавказа князя М.С. Воронцова, изданная в 1845 году. В ней говорится: «Религия ваша, шариат, адат, земля ваша, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашею собственностью и останется без всякого изменения» [3, с. 243].

Отметим, что с вхождением в состав России традиционное балкарское общество претерпевает значительные изменения. Прежде полновластное господство князей-таубиев над подвластным населением сменилось установлением административного контроля со стороны русских властей. Это, естественно, повлияло на систему иерархических связей в балкарском феодальном обществе, т.е. разрушался принцип вассалитета-сюзеренитета между княжеской аристократией и дворянством в лице узденей. Не случайно поэтому балкарские князья просили в своих прошениях о сохранении за ними

«родовых прав и преимуществ в получении дани с подвластных», с коим был сопряжен институт «езденлик».

В декабре 1852 года балкарские депутаты были приняты императором Николаем I [5, с. 40–52]. На приеме таубии выразили императору благодарность за «дарование им древних народных прав, обычаев и религии, которые ими были испрошены» при присяге в городе Ставрополе в 1827 году, когда Балкария добровольно вошла в состав России. Депутаты представили прошение от 5 января 1853 года: «Высшее сословие наше до поступления под высокое покровительство Российского престола именовалось таубий (горский владелец); со времени же принесения верноподданнической присяги называемся мы старшинами, не понимая настоящего названия старшин, мы осмеливаемся просить именовать нас прежним именем таубий, названием, понятным для подвластного нам народа» [5, с. 50–51].

Термин «старшины» начинает проследиваться в официальном делопроизводстве после мероприятий, проведенных командованием Центра Кавказской линии по сбору правовых норм народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа. На основании собранных в 1843–44 гг. чиновником Управления Центра Кавказской линии ротмистром Давидовским и секретарем Кабардинского народного суда майором Я.М. Шардановым правовых норм, при непосредственном участии начальника Центра князя Голицына, за высшим сословием балкарцев закрепился термин «старшины» [6, с. 16]. В ответ на прошение балкарских князей из Санкт-Петербурга последовал запрос Кавказского комитета в Центр Кавказской линии о статусе балкарских князей. Местное кавказское начальство в свою очередь заявило: «К названию «горских старшин» таубиями никаких препятствий не имеется, тем более что с таким именем не соединены никакие особые права, и что старшины не составляют такого сословия, которое впоследствии могло им подать повод уравнивать себя с каким-либо из почетных сословий в государстве» [3, с. 245].

В последующем этому вопросу был дан новый ход. Начальник Центра Кавказской линии генерал-майор Грамотин от 11 марта 1855 года за №327 доносил командующему войсками на Кавказской линии и Черномории, что «по его мнению, горские таубии равны узденям первой степени Большой Кабарды, которые соответствуют нашему дворянскому сословию» [7, с. 97]. Этим донесением статус балкарских князей рассматривался не как княжеское сословие, а как дворянское, приравняемое к правам кабардинских тлекотлешей и деженуго. При уравнивании балкарских князей с узденями I степени, видимо, подразумевалось то, чтобы они женились на дочерях кабардинских тлекотлешей и деженуго и выдавали замуж за них своих дочерей.

Этому уравниванию, на наш взгляд, были «субъективные» доводы, обязанные своим появлением политическим взаимоотношениям между Балкарией и Кабардой. На это в свое время обратил внимание Б.А. Шаханов при освещении сословного строя балкарцев. Он отмечал, что «некоторые фамилии таубиев (как, например, балкарские) были совершенно независимы и управлялись выборным из своей среды валием, другие должны были признать над собой власть кабардинских князей и попали в положение тлекотлешей...» [8, с. 90].

Существенные подвижки в деле рассмотрения прав балкарских князей произошли с началом работы «Комитета для разбора личных и поземельных прав жителей Кабардинского округа». Проблема статуса получила иное направление. Действия комитета отличались субъективностью подходов как начальника округа, так и председателя комитета. В одном из донесений начальника Кабардинского округа полковника Кобулова относительно балкарских князей говорится: «Сословие таубий не имеет право домогаться о причислении себя к какому-либо из почетных сословий в государстве» [9, с. 97]. Позиция начальника округа совпадала с позицией наместника Кавказа, отраженной в записке канцелярии Главнокомандующего «О правах высших сословий», составленной по поводу просьбы балкарских таубиев в 1853 году. Комитет, проработавший с 1859 по 1863 годы, был закрыт из-за разногласий с начальником округа. В программе действий отразился полный план изучения сословных и поземельных отношений. На основании собранных материалов комитет полагал даровать права дворянства «по определению в горных обществах Кабардинского общества единственно лишь таубиям» [3, с. 176].

В своей записке о личных правах, представленной Терско-Кубанской сословной комиссии в конце 60-х годов XIX века, таубии, объясняя свое привилегированное по-

ложение, указывали на следующие факты. Это: «1. Зависимость каракишей, плативших им дань; 2. Высокая плата, получаемая ими за кровь своих убитых родственников; 3. Высокая цена калыма за своих дочерей; 4. Административная и политическая власть, находящаяся в их руках, до присоединения Балкарии к России; 5. Уважение, которым пользовались таубии у соседних народов; 6. Право вступления таубиев в брак с дочерьми высших сословий соседних народов; 7. Право взимания пошлин с торговцев, приходящих из Закавказья, Дагестана и Чечни; 8. Предпочтение, оказываемое русским правительством таубиям по сравнению с другими сословиями» [10, л. 109об].

В целом сословие таубиев было признано привилегированным. Но и в 70-е гг. XIX века, в период деятельности Терско-Кубанской сословно-поземельной комиссии, вопрос «борьбы» балкарских таубиев в уравнивании их с правами кабардинских пши оставался острым. Феодалный термин «таубий» и этимологическое значение, означающее в буквальном переводе «горский князь», да и сам статус таубиев, дали основание таубиям подпоручику Хамурзе Шаханову и прапорщику Кургоко Абаеву заявить комиссии в присутствии приглашенных от всех сословий Большой и Малой Кабарды и привилегированных сословий Дигории, «что они свое сословие таубий считают по принадлежащим ему правам и преимуществам равным с кабардинскими князьями» [11, л. 62]. В конце 60-х годов XIX века князья Къайсын и Тенгиз Суншевы подали прошение в Терско-Кубанскую сословно-поземельную комиссию с протестом на уравнивание их с правами кабардинских тлекотлешей и деженуго. В частности, они отмечали: «Издrevле мы, балкарские таубии, роднились с кабардинскими князьями и считались им равными» [12, л. 233].

Примечательно, что аналогичного содержания заявление было подано в комиссию и со стороны карачаевских биев. В пояснительной записке о личных правах туземного населения Кубанской области, подготовленной в 1873 году относительно карачаевского общества, приводится сравнение карачаевских депутатов: «сословия уллу-узденей с кабардинскими тлекотлешами, карачаевских биев с кабардинскими пши» [13, л. 45]. Заявление балкарских депутатов члены комиссии и «сословные депутаты» единогласно признали бесосновательными. Таким же был ответ и на заявление карачаевских депутатов: «Депутаты от прочих племен, не отрицая сословного разделения карачаевского общества, как показали депутаты сего последнего, не признали за карачаевскими биями равенство с кабардинскими князьями, уллу-узденей с кабардинским сословием тлекотлеш...» [13, л. 45–45об].

Крестьянская реформа 1866–67 годов отразилась на положении таубиев: все чагары и казаки были освобождены и уравнены юридически со своими бывшими владельцами. За потерю своих прав над подвластными узденями бывшие владельцы жаждали известных вознаграждений. В таких условиях после земельной и крестьянской реформы потомки таубиев стали домогаться признания за ними их бывшего привилегированного в балкарских обществах положения и, на основании этого, уравнивания их в правах с российским дворянством. Прав М.М. Ковалевский, отмечавший: «А между тем сословные притязания, желания некоторых семейств выделиться из общей массы населения, получить потомственное дворянство и протест против этих стремлений составляют то, что поистине может быть названо злобой дня не в одной современной Осетии, но и в горских обществах Кабарды» [14, с. 5]. Тут сказывалось и сословное тщеславие, заключенное в стремлении освободиться от несения вместе с общинниками общественных повинностей. С этим было связано и прошение балкарских князей Таусултана Чепелевича Абаева и Шаухала Шаулуховича Шаханова от 26 июня 1900 года: «Указом Правительствующего Сената от 20 октября 1887 года за №11647 областным правлением было разъяснено, что князья тагаурские алдары и таубии, принадлежащие к привилегированному сословию, должны быть согласно 213 статье Уложения о состоянии свободными от подворной повинности. Между тем мы все повинности несем на равных с жителями податного сословия, хотя тагаурцы давно от этих повинностей освобождены. Такое наше затруднительное положение, могущее повлиять и на будущее время, на наше потомство» [15, л. 43].

В 1869 году «Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей» была преобразована в Терско-Кубанскую. Ею была составлена «Пояснительная записка о личных правах туземного населения Терской области», которая в 1874 году с замечаниями начальника области была представлена в Главное управление

наместника Кавказа. На основании исследований этой комиссии сословный строй в Балкарии представлен в следующем виде. В Балкарии признано наличие привилегированного сословия таубиев. Комиссия подтвердила, что таубии имеют право быть признанными в потомственном дворянском достоинстве, но с оговоркой, без титула «горских князей», что явно противоречило самому значению термина «таубий» и положению, которое они занимали. Комиссия признала «сословие таубий по личным правам и преимуществам равным сословию тлекотлеш и деженуго и полагала даровать ему все права и преимущества потомственного дворянства с оставлением за ним наименования – таубий» [16, л.1–305; 19об, 195–195об; 26, 64].

Хотя попытки таубиев получить российское дворянство законодательно не увенчались успехом, все же они пользовались некоторыми правами. В частности, имели льготы при определении на службу и при поступлении в учебные заведения. «За знатность и заслуги перед империей» в 1879 году 116 семействам таубиев было пожаловано 7440 десятин из горных эшкаконских земель [17, с. 235]. Компенсируя потери таубиев в период отмены крепостного права, кавказская администрация инсценировала эти пожалования как «Высочайше пожалованные земельные участки в потомственную собственность». В представлении о награждении участками земли таубиев начальник Терской области от 22 февраля 1878 года за №239 докладывал наместнику Кавказа следующее: «Принимая во внимание всегдашнюю преданность этого сословия нашему правительству, а также то, что таубии при улучшении их экономического положения, без сомнения, будут служить и впредь лучшими проводниками благих начинаний нашего правительства, нахожу необходимым и полезным несколько улучшить их быт, поддержав их отводом земли на праве личной собственности» [18, д. 96, л. 50].

Важно при этом отметить мнение «из журнала присутствия правления Терской области об итогах работы Комиссии по землеустройству населения Нагорной полосы Терской области» от 29 октября 1909 года о том, что при отводе земель для пожалования таубиям «по заслугам и приобретенному положению таубии подразделены были на три категории. Лицам 1-й категории испрашивалось 250 десятин, 2-й – 100 десятин, 3-й – 50 десятин» [18, д. 96, л. 51].

Департамент Главного управления наместника Кавказского от 12 ноября 1880 года признал «принадлежащим к разряду высшего сословия карачаевских биев с видом чанка и балкарских таубиев» [18, д. 30, л. 64]. Еще раньше, в августе 1872 года, в рапорте начальнику Терской области комиссия рекомендовала «признать совершившимся факт и законодательно утвердить в потомственном дворянском достоинстве следующие сословия «...без титула горских князей таубиев» [18, д. 1, л. 19об]. В январе 1874 года аналогичный рапорт последовал начальнику Кубанской области «утвердить в потомственном дворянском достоинстве без титула горских князей карачаевского племени бий, с видом его чанка» [18, д. 22, л. 93]. Оговорка «без титула горских князей» была одним из условий комиссии, что задевало самолюбие таубиев и биев. Вместе с тем комиссия давала им право именоваться своим прежним титулом.

Создание различных комитетов и комиссий предопределило возникновение вопроса привилегированности различных сословий у народов Северного Кавказа применительно к общеимперской социальной структуре. В 1871 году на Терско-Кубанскую комиссию возложено «возможно точное уяснение сословного строя горских племен и обществ, насколько это необходимо для определения того, какие из горских сословий могли бы быть признаны соответствующим разрядам высшего сословия, существующего в империи» [19, с. 391–392]. Включение этих народов в состав России в результате столетней Кавказской войны сказывалось и при решении означенного вопроса. Политика двойных стандартов отчетливо проявлялась и в вопросе сталкивания народов на почве споров об уравниении княжеских сословий Карачая, Балкарии и Осетии в правах с тлекотлешами Кабарды.

В особенности это усматривается в двойственных формулировках комиссии. Так, рассуждая о высоком значении кабардинской аристократии преимущественно перед высшими сословиями других народов Северного Кавказа, сословная комиссия выражала свое мнение следующим образом: «В привилегированных сословиях кумык, тагаурцев, куртатинцев, балкарцев и др. горских обществ, не исключая и кумыкских князей, не встречается уже той самоуверенности в своем достоинстве, которую так решительно обнаружила кабардинская аристократия» [20, л. 145об].

Предпосылкой появлению докладной записки балкарских таубиев стала в хронологическом срезе записка Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе от 19 сентября 1885 года за №9333, которая предполагала выработку проекта по окончательному разрешению вопроса определения сословных прав горских народов Северного Кавказа, по которой таубии были приравнены к сословиям тлекотлеш и деженуго и им предполагается дать потомственное дворянство, но без титула [3, с. 254].

В последующем ни суждения Министерства юстиции, внутренних дел и военного о сословных правах горских народов Терской и Кубанской областей, ни сущность суждений Особого Совещания по делу о правах горских сословий в Кубанской и Терской областях не приблизили решения вопроса [21, с. 313–337].

Выявленный архивный документ

Его Превосходительству начальнику Терской области

Жителей Нальчикского округа Терской области от сословия Горских Тау-Биев: Тенгиза Суншева, Мусса Барсбиева, Исмаила Урусбиева, Коргоко Абаева, Шаухала Шаханова, Джарахмата и Закирья Шахмановых

Прошение

Прилагая при сем дополнительную записку о Горских Тау-Биях, имеем честь почтительнейше просить зависящаго распоряжения Вашего Превосходительства о препровождении сей нашей записки к делу о сословных правах горцев, так как изложенные в ней материалы по нашему убеждению должны иметь существенное значение к предстоящему важному для нас вопросу при разборе сословных прав горцев, тем более эти документальные данные не были доведены до сведения Комиссии по разбору личных прав туземцев Терской и Кубанской областей по вине депутатов от самих Тау-Биев, которые по своей неразвитости несознательно относились к такому серьезному для них вопросу. При этом почтительнейше просим также содействия Вашего Превосходительства об устранении вкрапившейся грубой ошибки в собранных материалах Комиссией о Горских Тау-Биях относительно слово /Тау-Бий/, переводя его на русский язык /Горский Дворянин/, тогда как Тау-Бий в первом смысле значит: Горский Князь.

«7» декабря 1887 года город Владикавказ

Прапорщик Кургоко Абаев /своя роспись/ Джарахмат Шакманов /своя роспись/ Зекерья Шакманов /своя роспись/ Шаухал Шаханов за него неграмотного и по его просьбе расписался Урусхан подпись, Тенгиз Суншев мухур Муса Барсбиев мухур таубий подпоручик Исмаил Урусбиев /своя роспись/

Записка о Горских Тау-Биях [22]

Настоящая обитатели Северного склона Кавказского хребта, начиная от верховьев Кубани до границ Горной Осетии, состоят из нескольких отдельных обществ, известных под наименованием: Карачай, Урусбий, Чегем, Бизинги, Холам и Балкар. Эти племена с незапамятных времен далеко еще до появления Адыге жили сначала в предгорьях, а когда явилось так называемое Адыгейское сильное племя, на местности занимаемой ныне Кабардинским народом, то есть Адыге, то, по всей вероятности, оно заставило первых удалиться в верховья разных ущелья для самостоятельного дальнейшего существования, то есть сохранения своих прав, обычаев и языка, не подходивших ни в каком отношении к Адыгейскому племени. Наречия у этих горцев чисто туркское, так что ничего общего не имеет с Адыгейским наречием; скорее имеет много сходства с кумыкским языком, например: Бий, Чанка, Уллу-өзден, Тогерек-өзден, Чагар, Казак, Адат, Тёре и т. д., а также есть много общего с Кумыками в образе жизни. Хотя надо полагать, что впоследствии взято много кой-чего из Андийской жизни, так как последние, живя на равнине и занимая самые плодородные места, успели раньше, чем первые, поднять и развить не только свое благосостояние и улучшить свой образ жизни, а даже развить наружную ловкость и цивилизацию по понятиям горцев до тонкости. Таким образом, Адыгейцы служили некогда образом в жизни не только одному соседнему к ним Горскому племени, но и всем племенам Северного Кавказа.

И так небольшие эти племена в силу общности языка и происхождения, несмотря на сильных соседей Адыге, умели сохранить общую между собой историческую связь и политическое единство, возникшая в древнейшие времена и создавшая народную историю с ее преданиями.

Племена эти имели у себя со дня их существования, среди Кавказских гор, как гласят предания и песни, следующие сословные подразделения:

1. Тау-Бий – Горский Князь по буквальному переводу /что может подтвердить всякий знающий татарский язык/
2. Чанка – от неравного брака с Тау-Биями
3. Ќзден – Дворянин /несший известные обязанности и почести к Тау-Биям/
4. Каракиши. Черный народ или бывшие податные Тау-Биев
5. Азат – вольноотпущенные Тау-Биями /лично свободные, но отбывавшие повинности Тау-Биям за землю/
6. Чагар – Холопы Тау-Биев, с некоторыми правами
7. Казак и Карауаш – дворовые люди Тау-Биев или холоп и холопка без правные

Вот такими сословными подразделениями и отношениями этот народ жил в течение нескольких веков вплоть до освобождения их от зависимости Тау-Биев в 1867 году.

В начале 20-х годов, когда началось водворение русского владычества на Северном Кавказе, владельцы этого племени, то есть Тау-Бии, не только вздумали противустоять и выразить свое неповиновение, но сами пожелали принять русское подданство; для чего представители этого сословия, то есть Тау-Биев, к которым присоединились также представители и от Дигорских Бадилат, в 1827 году 11-го января явились добровольно к генерал-лейтенанту Емануелю в городе Ставрополе, где подали прошение с просьбою о принятии их в русское подданство и приведении к присяге на верность и они готовы привести в оную весь свой народ, а также готовы отдать своих детей в Аманаты, служить Государю Императору, если будет на то требование, с тем чтобы предоставить им все их древние права и народные обычаи, разбирательство дел Шариатом, получение издавна установленной владельцами с подданных дани и свободное исповедание Магометанской религии.

Генерал Емануель, приняв благосклонно от них прошение и приведя их к верноподданнической присяге Государю Императору и Его Наследнику, снабдил их своим согласием и обещанием письменно: что он будет ходатайствовать через высшее Начальство перед Государем Императором о сохранении за ними всего, что они просят. Затем отпустил их в их жилища привести всех помянутых народов к присяге и приказал их немедленно доставить присяжные листы к нему, чрез местного Начальника Господина Подполковника Швецова, предписав последнему немедленно взять по согласию их от каждой фамилии по одному Аманату, которым разрешил производить содержание по 60 копеек в сутки, о чем Генерал Емануель донес Генерал Адъютанту и Генерал от Инфантерии Кавалеру Паскевичу, изложив в нем и о данном своем обещании, от 19-го Января 1827 года за №97-м(×).

От 4-го Марта 1827-го года за №399-м, Генерал Емануель донес Генералу от Инфантерии и Кавалеру Паскевичу, что весь Дигорский народ присягнул на верноподданство Государю Императору. Прочие живущие в горах народы, как то: Болкарцы, Хуламцы, Безенгиевцы, Чегемцы и Урусбиевцы, вызываются Подполковником Швецовым и в скором времени приведутся к присяге.

16-го Марта 1827-го года за №481-м, Генерал Емануель донес Генералу Ермолову, что Урусбиевцы, Чегемцы и Болкарцы присягнули на верноподданничество Государю Императору; Хуламцы и Безингиевцы придут для сего к Подполковнику Швецову.

От 8-го Апреля 1827-го года за №613, Генерал Емануель донес Генерал Адъютанту Паскевичу, что он получил чрез Подполковника Швецова от 2-го сего Апреля присяжный лист на верноподданство Государю Императору и от последних Дигорских народов: Хуламских и Безенгиевских /по ошибке тогда их всех пять горских обществ называли то Дигорцами, то Осетинами/.

Когда обо всем вышесказанном было доведено до сведения Государя Императора Генералом Паскевичем от 2-го мая 1827-го года, то Начальник Главного Штаба, Генерал от Инфантерии Дибич в отношении к Генералу Паскевичу уведомил следующими словами: Государь Император с удовольствием усмотреть соизволил из рапорта Вашего Высочайшего превосходительства, что Дигорский народ присягнул на подданство Его Императорскому Величеству. Приписывая сие событие благоразумным мерам и кроткому с сими горцами обхождению Генерала Лейтенанта Емануеля, Его Императорское Величество препоручает Вашему Высочайшему превосходительству изъявить ему Высочайшее благоволение. Государь Император ожидает от времени, от строгих правил справедливости и безкорыстия, которые, конечно, под Начальством Вашим будут во всех отношениях к сим необразованным народам последствии не менее благоприятных.

Таким счастливым образом эти племена во главе своих Тау-Биев и Бадилат удостоились счастья быть верноподданными Государя Императора; а уже с этого дня, то есть со дня принятия ими подданства и до настоящего времени, этот народ, в особенности его интеллигенция, всегда и во всех случаях спешили выказать свою преданность Государю Императору, что и не без известно как прежним, так и настоящим Начальствующим лицам, под ведением коих находился этот народ. Кроме того, хранятся донныне в домах Тау-Биев разные документы и грамоты, данные им от прежних Начальствующих лиц, свидетельствующие о том, что Тау-Бии еще до принятия ими подданства жили дружно и честно с русскими войсками.

Таким образом, оказывается, что этот народ: Дигорцы, Балкарцы, Хуламцы, Безингиевцы, Чегемцы и Урусбиевцы сами добровольно передали свою участь под покровительство России и что Тау-Биям и Бадилатам не только было обещано одним Кавказским Начальством о сохранении за ними их древних прав, обычаев и т. д., а Государь Император подкрепил своим одобрением действия и обещания тогдашнего Кавказского Начальства.

Все вышеприведенные нами факты не оставляют за собой ни малейшего сомнения в том, что этот народ совершает совершенно особое племя, от Адигейского, которое добровольно передало свою участь во главе своих владельцев Тау-Биев и Бадилат русскому владычеству и слово завоевание ни в каком случае не может относиться к этому народу, хотя бывший Начальник Кубанской Области Генерал Лейтенант Кармалин по своему убеждению не дает никакого значения тем неоднократным обещаниям бывших на Кавказе Начальствующих лиц, даже таким обещаниям, которые были одобрены Государем Императором.

Но мы, тем не менее, остаемся при полном убеждении, что найдутся в среде Начальствующих лиц на Кавказе в настоящее время, а также в высших Государственных учреждениях такие лица, которые будут относиться более гуманно к древним правам горцев и дадут более серьезное значение тем многочисленным документальным фактам, которые были собраны бывшей Комиссией по разбору личных прав, туземного населения Терской и Кубанской Областей, и тем более Высочайше одобренным обещанием бывших Начальников на Кавказе, как то Генералами: Емануеля, Паскевича, Ермолова, Князей: Воронцова и Барятинского и наконец Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича.

Затем, начиная с 1827-го года до настоящего времени, Тау-Биям были предоставлены Правительством разные льготы наравне с другими Почетными фамилиями на Северном Кавказе, как то: определение их детей в Кадетския Корпуса, для воспитания, зачисления в Нальчикскую школу, созданную исключительно для воспитания в ней детей Почетных Горцев, и, наконец, допущение на службу в Конвой Его Величества и вообще в войска на дворянских началах. Так как прежнее Начальство по ошибке, происшедшей от малого их тогда знакомства с условиями жизни и народностей Северного Кавказа, в особенности о племенах, живущих в недрах разных ущелии, называли Осетинами и не подлежащих этой расе, а также вместо Тау-Биев /древнее их звание/ их называли то владельцами, то знатнейшими фамилиями, то просто осетинскими старшинами, когда же впоследствии Тау-Бии стали поближе с русским Правительством и стали усваивать русский язык, тогда только они поняли эту ошибку. А потому в 1852 году в декабре месяце, когда по ходатайству Кавказского Начальства Депутаты Тау-Бии от всего своего народа были удостоены представиться Государю Императору Николаю Павловичу выразить свои верноподданныческие чувства и благодарность за дарование их древних народных прав, обычаев и религии, депутаты эти, предварительно заручившись согласия своего Начальства, осмелились повергаться к стопам Великого Государя Императора с просьбою о Всемилостивейшем даровании им также их древняго звания Тау-Бий, что им и было даровано Государем Императором, о чем и сообщено Кавказскому Начальству; а Исправляющий должность Начальника Главного Штаба войск на Кавказе с своей стороны сообщил об этом Командующему войсками на Кавказской линии и Черномории от 31 января 1853 года.

Что касается до исторической внутренней жизни упомянутого народа о том, что какими правами пользовались Тау-Бии пред остальным народом и какие отношения имел этот народ к Тау-Биям, упомянув выше вкратце, мы здесь избегаем его подробностей, ввиду того, что вышел бы длинный рассказ, и, по всей вероятности, все было собрано комиссией, на ко-

торую было возложено собрать подробные материалы; хотя были сделаны некоторые упущения Комиссией по вине самих Тау-Биев, которые, по неразвитости несознательно относившись к такому серьезному вопросу, не сумели довести до сведения комиссии вышеприведенные факты, долженствовавшие служить существенным значением для их будущей жизни и т. д. Но если бы потребовалось выяснить свои древние права, то Тау-Бии, несомненно, сумели бы доказать, что они были представителями, а помянутый народ им подчинялся.

После вышесказанного Тау-Бии просят только о том, чтобы им были даны права, соответствующие Высочайше дарованного им титула Тау-Бий /Горский Князь/ и надеются, что на все изложенные факты Начальство не откажет обратить свое благосклонное внимание.

При этом Тау-Бии имеют честь покорнейше просить устранить вкраившуюся грубую ошибку в собранных материалах комиссией по разбору личных прав горцев Терской и Кубанской Областей относительно слова Тау-Бий, переведенного на русский язык /Горский Дворянин/, тогда как Тау-Бий в прямом смысле значит: Горский Князь.

Таубий прапорищик Кургоко Абаев /своя роспись/

Таубий Муса Барисбиев /мухур/

Таубий Тенгиз Суншев /мухур/

Таубий Шаухал Шаханов /мухур/

Таубий Джарахмат Шакманов /своя роспись/

Таубий подпоручик Измаил Урусбиев /своя роспись/

Таубий Зекерия Шакманов /своя роспись/

(×) Все эти сведения значутся в деле 1827 года под №23, по общей описи бывшего Штаба Отдельного Кавказского Корпуса по Генеральному Штабу.

Литература:

1. Канцелярия начальника Терской области / Распорядительный стол: «Переписка с Главнначальствующим гражданской частью на Кавказе по вопросу определения сословных прав горских народов Северного Кавказа» // ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 2, д. 671.
2. Крепостные в Кабарде и их освобождение // Сборник сведений о кавказских горцах (далее ССКГ). Тифлис, Выпуск. 1. 1869, 1992..; Грабовский, Н.Ф. Экономическое положение бывших, зависимых сословий Кабардинского округа // ССКГ. Тифлис, Выпуск. 3. 1870, 1992; Линден, В. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 год. – Тифлис, 1916. – С. 249–315.
3. Кудашев, В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Вступ. ст. [с. 3–19], подгот. текста и ред. Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 188 [2]; ISBN 5-7680-1806-9 (В пер.) Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (СОИГС). Ф. 37. Оп. 1. Д. 54.
4. Документы по истории Балкарии 40-90 гг. XIX в. / Архивный отд. МВД КБАССР; Сост. Е.О. Крикунова. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1959. – 262 с.
5. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV-XIX вв. [Сборник] / Адыг. респ. ин-т гуманитар. исслед. [Сост. Х.М. Думанов, Ф.Х. Думанова]. – Майкоп: Меоты, 1997. – 295 с.
6. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897 гг. / Сост. Думанов, Х.М., Мусукаев, А.И., Максидов, А.А. – Нальчик, 2003. – Т. II. – 343 с.
7. Шаханов, Б.А. Избранная публицистика / Б.А. Шаханов. – Нальчик, 1991. – 287 с.
8. ЦГИА РГ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 107.
9. ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 1. Д. 100.
10. ЦГИА РГ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 1012.
11. ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9.
12. Ковалевский, М.М. Поземельные и сословные отношения у народов Северного Кавказа // Русская Мысль. – М., 1883. – №12.
13. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 13. Д. 640.
14. РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 107; ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 1; ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 38.

15. Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной зоне Терской области. – Владикавказ, Электронпечатня П.К. Григорьева. – 1908. – 375 с.
16. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Дд. 96; 30; 1; 22.
17. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 30.
18. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897 гг. / Сост. Думанов, Х.М., Мусукаев, А.И., Максидов, А.А. – Нальчик, 2003. – Т. I.
19. Примечательно, что вводимая в научный оборот впервые докладная записка балкарских таубиев в свое время стала достоянием общественности в начале XX века в небольших частях. Данная записка послужила одним из источников при написании книги «Исторические сведения о Кабардинском Народе» известным просветителем Владимиром Кудашевым, в особенности главы восьмой «Пять горских обществ: сословный и поземельный вопрос в них». Как отмечает сам автор в сноске на странице 254, «записка таубиев в черновом ее наброске получена от Сафара Измаиловича Урусбиева».

УДК 930.1

Булгына Тамара Александровна
Северо-Кавказский федеральный университет,
профессор кафедры истории России,
г. Ставрополь, Россия,
E-mail: bul.tamara2011@yandex.ru

ОПЫТ РАБОТЫ НАД КНИГОЙ «ИСТОРИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА»²

***Аннотация:** В статье освещены некоторые этапы работы над 4-томным изданием, в котором вышли только две книги. Они были связаны с коллективным обсуждением отдельных глав рукописи второго тома, охватывавшего период истории Северного Кавказа с конца XVIII века по 1917 год. Дискуссия частично отразила спектр взглядов авторов-северокавказцев и одновременно состояние советской историографии конца 1970-х – середины 1980-х годов.*

***Ключевые слова:** В.П. Невская, история Северного Кавказа, история исторического знания, историческая биография*

Bulygina Tamara Alexandrovna
North Caucasus Federal University
Professor of Russian History department,
Stavropol, Russia,
E-mail: bul.tamara2011@yandex.ru

EXPERIENCE OF WORK ON THE BOOK «HISTORY OF PEOPLES OF THE NORTHERN CAUCASUS»

***Abstract:** The article deals with the stages of work on a 4-volume edition, in which only two books were published. They were associated with a collective discussion of different chapters of the manuscript of the second volume, which was dedicated the period of the history of the North Caucasus from the end of the 18th to the 1917th. The discussion partially reflected the range of views of North Caucasian authors and at the same time the state of Soviet historiography of the late 1970s – mid 1980s.*

***Key words:** V.P. Nevskaya, the history of the North Caucasus, the history of historical knowledge, historical biography*

Говоря о 100-летнем юбилее В.П. Невской, все упоминают ее роль в написании единственного обобщающего труда по истории Северного Кавказа. Как известно, она не только входила в авторский коллектив пяти глав второго тома: 2-й, 3-й, 6-й, 13-й и 14-й, – но и была заместителем ответственного редактора 2-го тома А.Л. Нарочницкого. В данном сообщении нас заинтересовал контекст участия Валентины Павловны в создании этой

² Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

книги. Такой контекст просматривается в обсуждениях отдельных глав. В этих совещаниях участвовали не только ученые – авторы и редакторы, но и рецензенты.

Структурно вторая книга серии состояла из 15 глав. Авторские коллективы были разными и по количеству, и по составу. Так, автором первой главы был сам А.Л. Нарочницкий, а в авторском коллективе четырнадцатой главы составляли 17 человек. Поэтому у авторского коллектива был руководитель, который сводил разрозненные части в единую рукопись главы, затем с главой работали редакторы, включая В.П. Невскую. По воспоминаниям ее дочери, эта редакторская работа занимала значительную часть времени ученой.

Представляется, что не только стремление к идеологической корректности, но и эта пестрота авторов были серьезным препятствием на пути создания высококачественной работы. Тем не менее, несмотря на современную критику, несмотря на несовершенство, по сегодняшний день это единственное издание, в котором обобщена история народов Северного Кавказа. Будем исходить в своих оценках этого труда не из современных реалий, а из состояния советской исторической науки во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х годов.

С одной стороны, стенограмма одного из таких обсуждений демонстрирует серьезность и тщательность подходов к вопросам темы книги. С другой стороны, мы видим такое разнообразие взглядов на одну и ту же проблему, что становится ясным, как сложно было прийти к консенсусу, как трудно было добиться компромиссов в тексте. Различным был и уровень компетентности и глубины понимания по той или иной теме.

В то же время авторы вынуждены были соблюдать верность официальной идеологии, что не всегда удавалось некоторым из них. Все это придавало дискуссии особую остроту. Например, В.П. Крикунов из Ставрополя говорил, что «мы собрались не для того, чтобы хвалить, а во имя истины» [1, л. 32]. В то время как историк А.Х. Касумов из Кабардино-Балкарии сетовал, что не показана внешняя политика России и роль западных держав в отношении Кавказа, а для этого необходимо использовать новые опубликованные дипломатические документы [1, л. 28, 29–30]. Однако тот же В.П. Крикунов считал: «Мы не пишем историю политики царизма. Мы пишем о народах Северного Кавказа в системе тогда сложившейся ситуации» [1, л. 33].

Известный историк-кавказовед из Дагестана В.Г. Гаджиев и профессор Г.-А.Д. Даниялов поставили вопрос о времени присоединения Кавказа к России [1, л. 31]. Очевидно, что и для современной историографии эта проблема остается дискуссионной, т. к. процесс присоединения Северного Кавказа – явление не единовременное, и вопрос стоит лишь о начальной или конечной точке этого процесса.

Очень взвешенно участники совещаний относились к использованной в рукописи терминологии. К примеру, А.Х. Касумов, который предложил более конкретно пояснить понятия «покорные» и «непокорные» в отношении горцев. Х.Х. Рамзанов считал неверным использование термина «вольные общества», т. к. он взят из официальной лексики царизма. Историк считал его «дворянско-феодальным» термином. Не менее жестко Рамзанов выступил против термина «Кавказская война». Он считал, что никакой войны не было, а была борьба горцев за независимость против царизма. Дагестанский историк назвал ошибочным причисление духовенства к феодалам, т. к. было высшее духовенство, а были рядовые муллы, мало отличавшиеся от крестьянина [1, л. 61, 62]. Х.Х. Рамзанов, наконец, утверждал, что масса горских крестьян были свободными людьми, а не рабами и зависимыми работниками. В рукописи же этот вопрос освещался в соответствии с устаревшими положениями советской историографии 1950-х годов [1, л. 63].

Возникли споры и о применении терминов «присоединение» или «покорение» Кавказа. Так, В.П. Невская не рекомендовала использовать положение о том, что Кавказ покорен благодаря вооруженной силе. Она потребовала снять «всякое покорение» [2, л. 78–79].

Одной из очевидных проблем написания планируемой 4-томной монографии была попытка соблюсти абсолютные пропорции в освещении отдельных народов Северного Кавказа. Так, А.Х. Касумов заметил, что в обсуждаемой главе нет информации о Закубанье. Он считал, что в главе преобладает информация об Осетии, а Кабарда обойдена вниманием [1, л. 27, 28]. В.П. Невская также обратила внимание на то, что в отдельных главах преобладает Дагестан, а Северо-Западный Кавказ выпал из поля зрения авторов [1, л. 19, 20].

Ученый из Адыгеи Б.М. Джимов заявил, что мало написано об адыгейцах. Это маленький народ, но достиг очень многого. В частности, имеются источники о развитии земледелия у адыгейцев, а в 8-й главе говорится о том, что в Адыгее население преимущественно занималось скотоводством. Это касается и развития административного управления, т. к. в главе нет данных об административно-судебных и налоговых изменениях, о военно-народных округах, об общественном аульском управлении, а также о самоуправлении казачьих станиц [2, л. 87, 88].

В.П. Невская в своем обширном выступлении обращала внимание на сложности в соблюдении указанных выше нужных пропорций. По ее мнению, если главы о дореформенном развитии хозяйства и социальной жизни Северного Кавказа почти не содержали сведений о русском населении, то описание пореформенного времени сконцентрировано в основном именно вокруг русского населения. Это произошло потому, что показано развитие капитализма в регионе в основном в крупных хозяйствах с русским населением, характерное для страны в целом. Однако на горцев капитализм оказывал иное влияние, чем на русские хозяйства. Обратила она внимание, что из главы совсем выпали ногайцы. Она заметила, что ногайцы участвовали в Отечественной войне 1812 года [1, л. 19, 20].

В духе советской историографии авторы стремились увидеть в социальной жизни народов Северного Кавказа в конце XVIII – XIX веках классовую борьбу. Так, Х.Х. Рамазанов упрекал авторский коллектив в отсутствии сюжета о классовой борьбе [1, л. 62]. Б.М. Джимов говорил о необходимости освещать классовую борьбу в Адыгее. По его мнению, не рассказано о попытке наладить политические связи между адыгейскими и русскими массами [2, л. 87–90, 91]. Подобная позиция касалась не только горских народов, но и казачества. Ученый из Краснодара Б.А. Трехбратов обращал внимание на социальное расслоение среди горцев, а также на роль иногородних, о которых в рукописи ничего нет, в развитии классовой борьбы. Соглашаясь с фактом слабого классового расслоения среди казачества, выступивший считал, что о расслоении казачества все-таки надо говорить, т. к. это было основой классовой борьбы внутри казаков [2, л. 92, 93].

Одним из сложных вопросов дискуссии было соотношение общих тенденций и специфики отдельных народов Северного Кавказа. В рукописи проявилась общая особенность региональных работ того времени, когда общероссийский контекст заглушал специфику как отдельных регионов, так и их жителей. На это обратил внимание В.П. Крикунов, говоря, что обсуждаемый текст «усреднен», а специфики народов Северного Кавказа нет. В связи с этим в главе почти нет личностей – уроженцев региона в истории XIX века [1, л. 33, 35].

В ярком выступлении А.Л. Нарочницкого по итогам восьмой и седьмой глав говорилось о необходимости показать три уровня характерных для развития народов Северного Кавказа признаков. Во-первых, речь должна была идти об особенностях каждого народа в регионе, что и создавало калейдоскоп северокавказской жизни. Второй уровень составляла общая для Северного Кавказа специфика того периода, а через эти два уровня должен был просматриваться третий уровень – общие тенденции российского развития [2, л. 120–121].

В целом же все выступление академика было пронизано желанием придать книге аналитическую основательность и более глубокую научность, уйти от описательности. В частности, обобщая результаты реформ в регионе, он отмечал два фактора – переход России от феодализма к капитализму, а также ликвидация имамата Шамиля и подчинение Северного Кавказа России. Главный редактор призывал усилить теоретическую базу проблемы на основе освещения процесса смены формаций и его особенностей на Северном Кавказе [2, л. 118–119]. А.Л. Нарочницкий призывал авторов не обходить молчанием исход части мусульманского населения с Северного Кавказа, но объяснить это религиозным фанатизмом [2, л. 120–121]. С позиций сегодняшнего исторического знания можно говорить не только о религиозных, но и об экономических причинах данного явления, но тезис редактора был частью поздней советской историографии.

Представленный здесь небольшой сюжет, основанный на отдельных эпизодах обсуждения рукописи 2-й книги серии «История народов Северного Кавказа», позволил увидеть реальное, а не формальное состояние исторического знания в целом и кавказоведения в частности во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х годов в СССР. Кроме того, такие совещания помогают реконструировать многообразие взглядов научного сообщества историков-кавказоведов из разных национальных районов

Северного Кавказа, среди которых были выдающиеся ученые, а также позиции известных историков Дона, Кубани, Ставрополя в этот период.

Литература:

1. Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1078.
2. РАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1079.

УДК 39:069.5.

Дмитриев Владимир Александрович
ФГБУК «Российский этнографический музей»,
научный сотрудник главной категории отдела
Кавказа и Средней Азии, С-Петербург, Россия,
E-mail: dmitriev_home@mail.ru

**КАВКАЗОВЕДЕНИЕ – ОПЫТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
(РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В 1977–2017 гг.)**

Аннотация: Российский этнографический музей (РЭМ) является музеем отечественного народоведения. Принципы музейного кавказоведения отражаются преимущественно в характере экспозиций музея. Подготовка полного набора экспозиций по этнографии народов Кавказа была осуществлена в 1977–1982 гг. как экспозиций по отдельным этносам. С начала 1990-х гг. в РЭМ ведется деятельность по разработке экспозиции, показывающей культурное единство Кавказского региона.

Ключевые слова: этнография, музей, экспозиция, кавказоведение

Dmitriev Vladimir Alexandrovitch
Russian Museum of Ethnography,
Top-grade researcher of Department
of the Ethnography of Peoples of
the Caucasus and Central Asia, St. Petersburg, Russia,
E-mail: dmitriev_home@mail.ru

**CAUCASIOLOGY – EXPERIENCE OF THE ETHNOGRAPHIC MUSEUM
(RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY IN 1977-2017)**

Abstract: The Russian Museum of Ethnography (REM) is a museum of national ethnology. The principles of museum Caucasian studies are reflected mainly in the character of museum exhibitions. The preparation of a complete set of expositions on the ethnography of the peoples of the Caucasus was carried out in 1977–1982 as exposures by individual ethnies. Since the early 1990-s REM works under way to develop an exposition showing the cultural unity of the Caucasus region.

Key words: Ethnography, museum, exposition, caucasiology

Российский этнографический музей (РЭМ) – один из двух этнографических музеев Санкт-Петербурга, является ведущим музеем отечественного народоведения, отвечающим за комплектование и экспонирование предметов традиционной культуры народов России и сопредельных стран. Музей начал свое существование в 1902 г. как Этнографический отдел Русского музея (указ о его основании датируется 1895 г.), в 1934 г. он был выделен в самостоятельный музей под названием Государственный музей этнографии. В 1948 г. в фондах были слиты коллекции, собранные его сотрудниками, а также материалы, поступившие из закрытого Музея народов СССР (бывшего Музея Народоведения, находившегося в Москве и наследовавшего собрания Румянцевского музея, Этнографической выставки 1867 г., выставок 1923 и 1925 гг.). Коллекции музея пополнялись экспедиционными сборами и поступлениями от частных лиц.

Предметы этнографии народов Кавказа составляют в РЭМ ок. 30 тыс. музейных предметов. Примерно до 5 тыс. из них с изменением состава используются в постоянных экспозициях и выставках музея. Характер экспозиций может служить показателем вектора научной и общественной деятельности музея, дает возможность дать оценку дисциплинарной направленности его работы.

Парадигма дисциплинарной направленности в секторе кавказоведения менялась в течение существования РЭМ. В годы (1902–1934), когда музей был Этнографическим отделом Русского музея, изучение этнографии народов Кавказа было частью востоковедения. Востоковедение в музее в начальный период являлось дисциплиной, направленной на исследование культуры населения территории, находящейся между Сибирью и землями славянских народов, т. е. мусульмано-тюркского мира России и сопредельных стран, поэтому интерес к Кавказу формировался как к совокупности культур, находящихся в ядре данного региона. Такому широкому подходу соответствовало сосредоточение всего комплекса работ в руках одного лица, называвшегося хранителем. Хранителями музея – востоковедами были К.А. Иностранцев (1902–1908) [3] и А.А. Миллер (1908–1932) [5]. В дооктябрьский период, отмеченный начальным полевым сбором материала, основной целью работ на Кавказе была подготовка его карты в двух основных задачах: сбора фактического материала для музейного фонда и фиксации этнических обществ, реальность которых этим материалом подтверждалась. Результаты полевых исследований ЭОРМ, засвидетельствовавших множественность этносов Кавказа, были использованы для формирования принятой государством номенклатуры народов Кавказа, сложившейся в первой половине 1920-х гг. [12]. Для экспонирования, которое было осуществлено в 1923 г., в рамках музейного востоковедения предложена более простая модель, не отрицавшая данной множественности, но объединявшая «народы Востока» в две группы: тюркоязычные этносы Крыма, Поволжья, Кавказа и Средней Азии и «яфетические народы», к которым причислялись остальные этносы региона, представленные народами Кавказа [5, с. 33–34].

В 1923 г. состоялось выделение Северного Кавказа в виде историко-географической области для полевых исследований, что было связано с созданием А.А. Миллером Северо-Кавказской экспедиции, работавшей по принципам палеоэтнологии [2, с. 17, 22, 27, 37]. Археологические изыскания создавали в финансовом отношении базу для этнографических работ, последние соединялись с археологическими разведками. В целом данная организация способствовала:

- а) поступлению в ЭОРМ фактических материалов по традиционной этнографии;
- б) появлению уникального опыта наблюдений за позднесредневековой культурой горцев, входившей в сферу внимания этнографии, но представленной памятниками археологии;
- в) выделению А.А. Миллером таких научных тем, как исследование архаики и формирование подступов к обоснованию теории экономико-экологического подхода к возникновению многонациональности горского Кавказа [5, с. 37–38].

Организационно присутствие кавказоведения в стенах музея состоялось в 1938 г., когда был образован отдел народов Кавказа. Некоторое время он существовал в виде двух секций, северокавказской и грузинской, после 1941 г. это разделение было устранено. К 1938 г. музей пережил кризис, связанный с его реконструкцией, бывшей частью политических преобразований, состоявшихся в СССР в годы первой-третьей пятилеток, и приступил к разработке собственной позиции в этнографических исследованиях. Она была сосредоточена в следующих пунктах, ставших знаменем ГМЭ: сбор этнографических предметов на уровне фактов культуры, отказ от собственных моделей выше уровня эмпирической теории и следование установкам академической теории, сбор полевого материала и изучение культуры в проекциях конца XIX – начала XX вв., выделение этнографии современности. Во исполнение этих задач поддерживалась тенденция специализации сотрудников музея в выборе этнической общности для погружения в этнографическую проблематику и в углубленном изучении одного или нескольких разделов традиционной материальной и (несколько уже в соответствии со спецификой музея) культуры. В соответствии с этим полевая работа сотрудников музея была привязана к соответствующей этнической территории. На пике периода конца 1930-х – конца 1980-х гг. в 1960–1980 гг. была благоприятная для полевых исследований политика функционирования головного этнографического музея страны, каковым являлся ГМЭ, сотрудники отдела Кавказа выезжали в экспедиции с периодичностью в 1–3 года.

С 1938 по 1982 гг. отдел Кавказа возглавляла Е.Н. Студенецкая. Она была ярким примером образцового служения науке и следования музейным установкам, продемонстрировав результативность конкретно-этнографического подхода в изучении культуры карачаевцев и одежды народов Северного Кавказа. В отделе сложилась специализация

в направлениях изучения культуры народов Северного Кавказа, народов Дагестана, азербайджанцев, армян, грузин, ставились задачи развития специализации. В то же время она сама, наращивая энциклопедические знания по этнографии всего Кавказа, занимаясь проблемами музейного дела и создав собственное видение предмета этнографии современности, должна была выйти за пределы некоторых ограничений музейно-этнографического эмпиризма [8]. Это сказалось в привлечении разнообразных источников этнографической науки в кавказоведческих исследованиях за пределами музейной фактологии, и особо в тех концептуальных подходах, которые были разработаны для отражения в музейных экспозициях (в первую очередь, экспозиции «Новое и традиционное в современном национальном жилище и одежде») тех явлений, которые по сути принадлежали этнографии современности.

В экспозиционной работе ГМЭ конца 1930-х гг. наблюдался постепенный переход от поисков своеобразных общих решений к этнополитологическим моделям, восходящим к установкам советской национальной политики и официальной этнографической науки. В отделе Кавказа этот поиск был отмечен до второй половины 1970 гг. предвоенной экспозицией «Народы Северного Кавказа», а также экспозициями «Кабардинцы» и «Осетины» (1949 г.), «Грузины» (1962 – неповторимой по многоплановости отражения этнической культуры), «Народы Дагестана» (давшей переход от этнического подхода к традиционно-культурному), ближе к концу периода участием в построении экспозиций по современности.

Период 1977-1982 гг. является тем отрезком работы ГМЭ, в который был осуществлен почти полный набор экспозиций по народам Кавказа («Азербайджанцы» – 1977 г., автор Э.Г. Торчинская, дизайнер Боровиков; «Армяне» – 1978 г., авторы Е.Н. Студенецкая, А.Л. Натансон, дизайнер К.П. Буров; «Грузины» – 1978, авторы Е.Н. Студенецкая, Н.П. Соболева, дизайнер К.П. Буров; «Народы Северного Кавказа» – 1982 г., авторы Е.Н. Студенецкая, В.А. Дмитриев, Н.П. Соболева, Е.Б. Кочетова, дизайнеры В.М. Глазков и Б.А. Робенко) [1; 14]. В дальнейшем почти четверть века данные экспозиции были тем местом, где посетители музея знакомились с народной культурой Кавказа.

Сама номенклатура экспозиций и их расположение в музейных залах была связана с государственной установкой показывать народы союзных республик, демонстрируя культуру титульной нации в республике. Экспозиции данного направления находились в левом крыле здания музея. Экспозиции, относящиеся к культуре народов республик Российской Федерации, располагались в правом крыле здания и показывали целую группу народов (экспозиция «Народы Сибири и Дальнего Востока», экспозиция Народы Поволжья и Приуралья», экспозиция «Народы Северного Кавказа»). Для отражения культуры народов РСФСР было достаточно выбрать некоторое количество этносов и показать несколько их культурных комплексов, т. е. разделить целую экспозицию на несколько вполне самостоятельных частей.

В процессе подготовки экспозиции «Народы Северного Кавказа» был применен иной подход, т. к. предлагалась установка сформировать представление об общей культуре группы народов одной историко-этнографической общности и показать его на примере культуры того народа, у которого данный компонент региональной культуры был наиболее развит или наиболее полно является представленным в музейном собрании. Например, выращивание и обработка зерновых культур полно иллюстрировались по коллекции горного земледелия у осетин, отгонно-пастбищное хозяйство отражалось на примерах из карачаево-балкарской этнографии, свадебная обрядность и золотшвейное искусство были показаны на материалах культуры осетин и адыгских народов, аспекты социальной организации и музыкальной культуры представлялись на музейных предметах, принадлежащих нескольким этническим культурам Северного Кавказа. По нашему мнению, данная экспозиция была первой в Российском этнографическом музее, где был применен настоящий региональный подход вместо механического соединения этнических комплексов. Естественной издержкой такого видения региональной общности было смягчение различий между этническими культурами внутри региона, что научное сообщество того времени не посчитало ошибкой, но на что иногда обращали внимание посетители, склонные не принимать целостность региональной культуры, а искать на экспозиции отдельные отражения народных культур.

Еще одним признаком времени была организация экспозиций, и не только по этнографии Кавказа, в духе концепции этноса, предлагаемой советской этнографической

наукой на основе марксистской модели социально-исторического организма (производительные силы, производственные отношения, явления надстройки). В соответствии с этим экспозиции выстраивались как последовательность тем: введение (справка о географическом положении и событиях в истории этноса), хозяйство и подсобные промыслы, поселения и жилища, народная одежда, религиозные верования, народное декоративно-прикладное искусство, другие компоненты духовной культуры. Эта схема нашла место и в структурах экспозиций «Азербайджанцы», «Армяне», «Грузины» 1977–1978 гг. Так, в каждой экспозиции были тематико-экспозиционные блоки «земледелие», «скотоводство», «поселения и жилища», «религия и народные верования» и другие, подчиненные отмеченной схеме. Однако уже в те годы ощущаемый в музее недостаток экспозиционной площади послужил формальным доводом в пользу не одинакового подхода ко всем экспозициям и не стремления к показу всех сторон культуры этноса (что не реально, учитывая наличие лагун в фондовом собрании любого музея), а, скорее, акцентуарного отражения этнической культуры народов, входящих в какую-то объединяющую их общность. Такой акцентуарный подход выразился, например, на названных экспозициях в показе разновидностей ремесла, учитывая его общий для Южного Кавказа высокий технологический и художественный уровень. Так были сформированы акценты на разновидностях художественного ремесла: на экспозиции «Азербайджанцы» на обработке шелка, «Армяне» – на камнетесном промысле, «Грузины» – на керамическом производстве, а общая для всего Южного Кавказа тема художественного металла была представлена на уровне различия типологии форм и орнаментов.

Построенные экспозиции являлись адекватным отражением соответствующего фондового собрания музея. Состояние этнографического источника как реальной народной культуры в 1970–80- гг. позволяло вести сбор предметов по традиционной культуре народов Кавказа, проведенная экспозиционная работа помогала выявлять лагуны в собрании РЭМ. Их еще было возможно заполнять, хотя уже намечались признаки кризиса источника традиционной этнографии.

Своеобразными приметам времени были работы по изучению современного народного искусства и этнических традиций в легкой промышленности, сотрудники отдела Кавказа участвовали в этих исследованиях. Особенностью начала 1980-х гг. был кратковременно усилившийся приток поступлений от частных лиц предметов высокой материальной стоимости, в частности, ювелирных изделий, оружия и ковров. Из важных черт внутренней деятельности отдела Кавказа следует упомянуть публикацию каталога-указателя по музейным предметам культуры народов Кавказа, собранных сотрудниками ЭОРМ-ГМЭ народов СССР [13]. В 1987 г. отдел этнографии народов Кавказа был объединен в единое структурное подразделение с отделом Этнографии народов Средней Азии, которое существует до настоящего времени.

Строительство экспозиций в 1977–1982 гг. в определенной мере освободило силы для других работ и позволило поставить вопрос о создании проекта, представляющего культуру Кавказа как целостный феномен. Работа над проектом проходила в формате подготовки выставки для внешнего экспонирования. Первоначально он был относительно небольшого объема (200–400 экспонатов) и имел название «Прошлое и настоящее народов Кавказа» (авторы В.А. Дмитриев и Э.Г. Торчинская), его главными принципами были сравнительная демонстрация предметов традиционной и современной этнографии народов Кавказа в рамках непрерывной художественной традиции, показ некоторых компонентов традиционного хозяйственно-бытового единства Кавказа и отдельных костюмов и предметов одежды как маркеров этнического своеобразия. Этот вариант экспонировался в 1985 г. в Томске и Омске и в 1988 г. в Белграде (Югославия). Предполагалась его дальнейшая работа во всех столицах республик, входивших в состав СФРЮ, но этим планам не судьба была реализоваться из-за гражданской войны в Югославии.

Более поздний вариант проекта был осуществлен только единожды, но в необычайно большом объеме (свыше тысячи предметов), под названием «Народы Кавказа» (авторы В.А. Дмитриев, Л.А. Сланикова) в Выставочном центре Антверпена при всяческой поддержке бельгийской стороны (2001 г.). Бельгийская сторона также дополнила состав выставки коврами их частных собраний и обеспечила приток посетителей из разных стран Западной Европы, интересующихся культурой народов Ближнего и Среднего Востока. Выставку сопровождал каталог, состоявший из статей по различным категориям материальной и духовной культуры народов Кавказа, написанный с общекав-

казоведческих и вещеведческих позиций несколькими сотрудниками РЭМ [16]. Дать еще раз тексты, описывающие особенности культуры Кавказа, удалось также при подготовке издания, сопровождавшего выставку «Кавказский словарь», проходившую в музее-заповеднике Царицыно г. Москвы в 2012 г. [11]. Последняя работа была и ценным опытом сотрудничества с кавказоведами из Кунсткамеры им. Петра Великого.

Проведенная в Антверпене выставка «Народы Кавказа» позволила продолжить движение к региональному подходу к отражению культуры кавказских народов, но также и показала пределы фондового собрания РЭМ в отражении культуроведческих подходов к описанию традиционной культуры народов региона.

В 1990–2000 гг. все службы РЭМ оказались в ситуации разрушения материально-финансовой базы их существования. Основной формой полевой работы этнографов-кавказоведов РЭМ на некий период времени стала работа по грантам, которые готовились для других учреждений, и по темам, не зависимым от направленности работы РЭМ. Исключение составил грант Президента РФ, целью которого было изучение аспектов отражения национального самосознания в этнографическом музее. Для подготовки и осуществления данной работы в отделе Кавказа и Средней Азии разработана методика исследования репрезентированных аутостереотипов традиционно-этнической культуры. Исследования были проведены среди русских, казахов и причерноморских адыгов-шапсугов [9]. В это же время кавказоведческие разработки сегментов нескольких зарубежных выставочных проектов явились некоей возможностью получения музеем средств для поддержания его деятельности. Главными были два проекта «Императорские коллекции в собрании РЭМ» (Москва, 1994 г., Доулас, Франция, 1996 г., Валенсия-Испания, 1998, Лонг-бич, США, 2000 г.) [10]³ и выставка, представляющая коллекции по восточным евреям в собрании РЭМ (Амстердам, 1998 г. и Нью-Йорк, 1999 г.)⁴ [15]. Материалы по кавказской этнографии данных выставок готовил В.А. Дмитриев.

Был разработан и экспонирован также сугубо кавказоведческий выставочный проект «Другая Иберия» о параллелях в культуре кавказских народов этнографическим сюжетам населения Пиренейского полуострова. В ходе подготовки выставки проведены две экспедиции совместно с коллегами из музея г. Валенсия на российское Черноморье и в регион Валенсийского побережья Средиземного моря. Выставка была открыта в Музее города Валенсии и Валенсианских культур в 2004 г. [17].

С 2012 г. Российский этнографический музей приступил к выполнению государственного задания по пропаганде наследия Великого шелкового пути, выполнив разработку частной концепции использования и показа этнографического материала в связи с феноменами отделенного исторического прошлого. Великий шелковый путь рассматривается в этой концепции как, с одной стороны, фактор активизации региональных путей и дорог, формирующих структуру региона, а с другой – как феномен евразийского масштаба, своим культурным и экономическим влиянием стимулировавший развитие локальной культуры в ее наиболее ярких формах. Примером может служить формирование в Дагестанской историко-этнографической области специализированных ремесленных центров, связанных прохождением через Дагестан ответвлений Астраханно-Ширванского отрезка Великого шелкового пути.

Первый шаг был сделан в разработке проекта подготовкой выставки по кавказской и среднеазиатской этнографии, когда главной темой стали взаимодействие технологий обработки шелка и шерсти и контакты в Средней Азии миров оазисов и кочевников, а на Кавказе центров кустарных ткацких промыслов с горской культурой региона. Выставка была открыта в музее Валенсии и Валенсианских культур в 2012. Среднеазиатский раздел готовила заведующий отделом Кавказа и Средней Азии Л.Ф. Попова, кавказский сотрудник отдела – В.А. Дмитриев). В дальнейшем структура выставок была усилена добавлением материалов по другим регионам в протяженности северной ветви Великого шелкового пути, проходившей на протяжении современной южной границы РФ от Забайкалья до Черноморья. С продолжением «текстильной» тематики связано также отражение местной локально-региональной специфики, показанной как

³ Последнее экспонирование выставки было в г. Челябинске, РФ, в 1917 г.

⁴ Данный материал в настоящее время является частью постоянной экспозиции РЭМ «История и культура евреев в России», открытой в 2007 г. Некоторое время экспозиции предшествовала находившаяся также в стенах РЭМ выставка «История одного народа» (открыта в 2004 г.).

характеристика тех узловых отрезков евразийских маршрутов, с которыми связано продвижение культурных импульсов по Великому шелковому пути, включая отрезок пересечения данной магистрали с Великим Волжским путем. Выставки с данными тематическими разработками были представлены в Астане (Казахстан) в 2014 г., Баку (Азербайджан) в 2014 г., Уфе (Башкирия) в 2015 г., Пекине и Ухани (Китай) в 2017 г. В этом году (2019) выставка должна экспонироваться в музеях городов Ростова-на-Дону и Симферополя (Республика Крым) [4; 6].

После 2000 года кавказской частью отдела этнографии Кавказа и Средней Азии подготовлены выставки в самом музее «Эпиграфические памятники Кавказа в собрании РЭМ – к столетию со дня рождения Л.И. Лаврова», 2007 г.; «Страна огня», 2008 г.; «К столетию со дня рождения Е.Н. Студенецкой, выдающегося музейного деятеля, этнографа-кавказоведа», 2008 г.; «Мир армянской традиционной культуры» (автор проекта Л.С. Гусян, на выставке представлены коллекции, собранные А.А. Миллером в годы I Мировой войны в Западной Армении), 2015 г.; кавказские разделы выставок «Мир мер в народной культуре», 2010 г., «Звонкая монета», 2014 г., «Чай и кофе с церемониями и без», 2016 г., «Красное, желтое, белое», 2018, «Волшебный мир куклы», 2019 г.

Кавказские разделы, имевшие особое значение, были также в выставках, представленных в городах России: «Спортивные состязания и игры в народной культуре на рубеже XIX–XX веков», Казань (Республика Татарстан), 2013 г.; «Мужчина – охотник и воин», Грозный (Республика Чечня), 2013 г.; Абакан (Республика Хакасия), 2014 г.; «Общий язык – знак» (Тюркский мир в собрании Российского этнографического музея) – Казань (Республика Татарстан), 2014, Горно-Алтайск (Республика Алтай), 2016 г. Осуществлялись и другие проекты.

Данные выставочные проекты представляли различные, но отдельные стороны культуры концепции региональной экспозиции. Впервые перспективный разговор о подготовке экспозиций по культуре народов Средней Азии и Кавказа по региональному принципу состоялся на Ученом совете РЭМ в 1994 г. Тогда обсуждалась возможность подготовки экспозиционных комплексов в соответствии с этногеографической картой данных регионов и предлагалось организовать комплексы костюмов в сопровождении типичной для данного места утвари, располагая эти группы вещей в последовательности маршрута движения по региону.

В реальности в экспозиции 2012 года был применен другой принцип. Он родился из желания отразить в нескольких разделах этнографию Кавказа как целостность, а также из обстоятельств, продиктовавших значительное уменьшение экспозиционной площади, которой можно было воспользоваться (данное ограничение затронуло и работы по экспонированию среднеазиатского материала, поэтому экспозиции по народам Средней Азии и Кавказа готовились в сходных решениях, их также готовил один дизайнер).

Проектируемая целостность должна выражаться в разработке трех основных экспозиций, представляющих этнографию Кавказа:

- Первой: «Кавказская горная страна» – экспозиция, которая должна дать представление об общих чертах культуры кавказских народов, включает фотоматериал, схемы и карты, крупногабаритные, но плоские вещи, так как под нее отводится площадь узкой галереи; материалы для нее отобраны;

- Второй: Народы Южного Кавказа;

- Третьей: Народы Северного Кавказа и Дагестана.

На настоящее время построена и введена в эксплуатацию экспозиция «Народы Южного Кавказа. Конец XIX – начало XX вв.». При подготовке экспозиции «Народы Южного Кавказа» использован опыт ранее существовавших монографических экспозиций по народам региона (Азербайджанцы, Армяне, Грузины), часть тем и предметных комплексов была сохранена, но брались наиболее выразительные материалы, которые пользовались вниманием публики, все они прошли обновление художественного оформления. Пример – обстановочная сцена «В доме грузинского князя», являвшаяся одним из «брендов» музея в Петербурге). Костюмы демонстрируются только на антропологических манекенах, которые прошли реставрацию.

Принципиальным нововведением был отказ от показа материалов только этнографии титульных наций, впервые экспонируются предметы культуры абхазов, курдов, талышей; фотоматериал еще более расширяет панораму полиэтничности Южного Кавказа.

Учитывая специфику Южного Кавказа и действуя в условиях сокращения экспозиционной площади, принято решение об организации экспозиционного материала в двух основных блоках, выделив три раздела общерегиональной тематики (1 блок) и четыре раздела этнокультурной (2 блок). Общерегиональную проблематику отражает в нескольких основных проявлениях раздел «Хозяйственно-культурная адаптация населения Южного Кавказа», являющийся введением ко всей экспозиции. Раздел содержит темы горной равнинной адаптации, земледельческого, скотоводческого типов хозяйства, роли охоты, отношения к воде, виноградарства, приготовления пищи, обработки шерсти, общерегиональной типологии поселений и жилища. Также общерегиональная проблематика освещается в разделах, находящихся в стадии исполнения «Фольклорно-музыкальная культура народов Южного Кавказа» в завершении экспозиции» и «Городской быт народов Южного Кавказа», соседствующий с первым разделом. Монографический этнокультурный блок (разделы «Грузины», «Армяне», «Азербайджанцы»), занимающие центральную часть экспозиции, раздел «Культура малочисленных народов Кавказа», вынесенный на галерею) демонстрирует вариативную культуру этносов, затрагивая по необходимости этноспецифические занятия, но в основном отражает бытовую и поведенческую специфику. Художественно-ремесленная деятельность и ее результаты рассматриваются как этноспецифические явления и, следовательно, введены в тематику «этнических» разделов.

Впервые характеристика религиозных традиций народов Южного Кавказа подается уже во вводных темах к монографическим разделам и рассматривается как основа их мировоззрения, идентичности и многих черт культурного своеобразия. В разделе «Армяне» упор делается на существование специфической, одной из самых древних христианских церквей – Армянской Апостольской церкви и ее роли в формировании и сохранении народной культуры; в разделе «Грузины» основное отражение данной темы содержит указание на раннее принятие в Грузии православия и роль автокефальной грузинской православной церкви в духовной консолидации народа, а также показывает синтез православной ортопраксии с локальными религиозными. В разделе «Азербайджанцы» ставилась задача отразить место мусульманства на Южном Кавказе и показать специфику азербайджанского шиизма.

Каждый «этнический» раздел на экспозиции «Народы Южного Кавказа» имеет свою вводную часть, включающую карту, текст и две электронные фотографические рамки.

Во всем экспозиционном пространстве был применен единый принцип организации материала по «гендерному признаку»: в правой линии собраны темы, связанные с мужской субкультурой, в левой с женской субкультурой.

Движение посетителя на экспозиции вследствие конфигурации зала преимущественно линейно, что было обыграно дизайнером в образе пути. Тема пути поддержана верхним фризом – сюжетным коллажем, созданным при помощи компьютерного дизайна на основе этнографических фотографий. Основным эффектом этого экспозиционного приема – «живая» картина повседневности, содержание которой связано с тематикой соответствующего раздела [7].

Сейчас ведется разработка структуры экспозиции «Народы Северного Кавказа и Дагестана». Ключевым вопросом является, как применить в данном случае региональный подход и имеющиеся наработки. Предполагается также вынести комплексы, представляющие общую специфику культуры региона (хозяйство и гендерные отношения), в начальную часть экспозиции, далее демонстрировать специфику отдельных этнических культур.

Литература:

1. Авижанская, С.А. Новые экспозиции ГМЭ народов СССР // Советская этнография. – 1978. – №1. – С. 155–160.
2. Алексин, В.А. Сектор/отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН и его предшественников в ИАК – РАИМК – ИИМК СССР (основные вехи истории) // Записки ИИМК РАН. – 2007. – №2. – С. 10-92.
3. Васильева, Н.Е. К.А. Иностранцев как сотрудник Этнографического отдела Русского музея // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). СПб., 1992. – С. 41–51.

4. Дмитриев, В.А. Возможные приемы обращения к наследию Великого шелкового пути (из практики Российского этнографического музея) // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы: коллективная монография. Том 1. – СПб., Университет при МПА ЕвразЭС; 2017. – С. 294–313.
5. Дмитриев, В.А. А.А. Миллер и Этнографический отдел Русского музея // Музей, традиции, этничность. – 2015. – №2 (8). – С. 20–40.
6. Дмитриев, В.А., Попова, Л.Ф. Презентация наследия Великого шелкового пути в выставочных проектах Российского этнографического музея (2012–2015 гг.) // Торговля в этнокультурном измерении: Материалы Четырнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., ИПЦ СПГУТД. – 2015. – С. 357–362.
7. Дмитриев, В.А., Попова, Л.Ф. Экспозиции Российского этнографического музея «Народы Средней Азии и Казахстана» и «Народы Южного Кавказа» как опыт регионального подхода // Музей, традиции, этничность. – 2012. – №2. – С.86–98.
8. Дмитриев, В.А., Селиненикова, Е.Я. Евгения Николаевна Студенецкая. – Армавир – СПб., 1997. – 12 с.
9. Изучение национального самосознания в этнографическом музее. / Отв. ред. Чистякова Ж.К. СПб.: Европейский дом, 1998. – 127 с.
10. Императорские коллекции в собрании Российского этнографического музея. Цари народам – Народы царям. М.: СПб., Интернешнл, 1995. – Б.с.
11. Кавказский словарь. Земля и люди. / Ред. В.О. Бобровников и группа авторов. – М.: ООО ДСМ, 2012. – 351 с.
12. Мэпп, Н.Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. – Петроград, Российская Государственная Академическая типография. - 39 с.
13. Народы Кавказа. Каталог-указатель этнографических коллекций. / Сост. Е.Н. Студенецкая. Л., б.и., 1981. – 197 с.
14. Студенецкая, Е.Н. Экспозиции по народам Закавказья в Государственном музее этнографии народов СССР // Советская этнография. – 1981. – №4. – С. 170–172.
15. Facing west. Oriental Jews of Central Asia and Caucasus. Amsterdam, Waanders Uitgevers Zwolle, 1999. – 128 p.
16. Kaukasische Volkeren. Catalogus / Redactie: Staf Daems, Myriam Wagenmans. Anuwerpen, Verantwoordelijke, 2000. – 328 s.
17. La otra Iberia. Etnografía del cáucaso occidental y central. Valencia, Museu de prehistòria i less cultures de Valencia, 2004. – 40 p.

Джазаева Ирина Азрет-Алиевна
ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская
государственная академия»,
кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры философии и гуманитарных дисциплин,
Черкесск, Россия,
E-mail: chomaeva_z@mail.ru

Чомаева Зухра Манафовна
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева»,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории,
Карачаевск, Россия,
E-mail: chomaeva_z@mail.ru

ОБ ИСТОРИОГРАФИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБУСТРОЙСТВА В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ

Аннотация: В статье представлен результат исследования административно-территориального обустройства Карачаево-Черкесии. Проведен анализ работ как дореволюционных авторов, так и советского и постсоветского периодов, рассматривающих поселенческий процесс на территории Карачаево-Черкесии с точки зрения политической, экономической и географической целесообразности.

Ключевые слова: административно-территориальное обустройство, поселенческий процесс, населенные пункты, национальное строительство

Jazayeva Irina Azret-Alievna
North Caucasus state academy,
Ph.D in history, senior lecturer of philosophy and humanities department,
Cherkessk, Russia,
E-mail: chomaeva_z@mail.ru

Chomaeva Zuhra Manafovna
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev,
candidate of pedagogy, associate professor of General history Department,
Karachaevsk, Russia
E-mail: chomaeva_z@mail.ru

ABOUT HISTORIOGRAPHY OF ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL ARRANGEMENT IN KARACHAY-CHERKESSIA

Abstract: The article presents the result of the study of administrative-territorial arrangement of Karachay-Circassia. The analysis of the works of both pre-revolutionary authors and the Soviet and post-Soviet periods, considering the settlement process in the territory of Karachay-Circassia, from the point of view of political, economic and geographical expediency was carried out.

Key words: administrative-territorial arrangement, settlement process, settlements, national construction

Процесс освоения человеком природного пространства в целом и горных районов в частности традиционно был и всегда будет оставаться неизменно актуальным в исследованиях как экономических, так и гуманитарных наук. Это обусловлено преемственностью пространственных факторов и таких ярких явлений в истории человечества, как появление и исчезновение этнических общностей, государств, культур, цивилизаций.

В этом контексте необходимо историческое освещение процесса развития населенных пунктов Верхней Кубани, ныне входящих в состав территории Карачаево-Черкесии. Это важно для объяснения феномена поликультурной среды, созданной в

прошлом веке, и сфер сосуществования общин, отличающихся этническими и религиозными отношениями. В настоящее время данный фактор важен для учета демографических процессов, происходящих в регионе (снижение численности русскоязычного населения, урбанизация и др.).

Освещение истории административно-территориальных реформ особенно актуально в свете проводимой в стране муниципальной реформы.

В данной статье предпринята попытка историографического обзора образования населенных пунктов и административно-территориального обустройства в Карачаево-Черкесии. Безусловно, данная проблема рассматривалась еще в дореволюционной литературе конца XIX – начала XX веков. К примеру, В.Я. Тепцов (1892) дает описание стационарных карачаевских кошей-срубов, которые действительно представляли собой поселения хуторского типа [24, с. 20–22]. В работах А.Н. Дьячкова-Тарасова (1898) рассматриваются проблемы, связанные с появлением сел так называемого Малого Карачая и введением такого понятия, как «юртовые земли» [9]. Некоторые аспекты этой темы отражены в работах В.М. Сыроева [18], Н.Е. Талицкого [19], И. Щукина [31], Г.Ф. Чурсина [23] и др. Однако более детальная картина поселенческого процесса представлена в статистических и справочных изданиях, опубликованных в ежегодных «Памятных книжках Кубанской области».

После революции проблема административно-территориального устройства и национального строительства на Верхней Кубани впервые освещена в некоторых исторических исследованиях, изданных в 1920 г. Общеизвестно, что первым советским исследователем обозначенной проблемы является У.Д. Алиев – один из ведущих сотрудников Горского научно-исследовательского института в Ростове-на-Дону. В своих работах он дает объективную картину эволюции аграрных отношений, поднимает самый больной вопрос в горах – земельный, а также подробно излагает состав районов и сельских советов, приводит подробный перечень основного состава населенных пунктов на Верхней Кубани на 1927 год [2, с. 71–77; 3].

Наряду с У.Д. Алиевым его современники И.Х.-Б. Тамбиев и И.А.-К. Хубиев (Карачайлы) внесли весомый вклад в изучение административно-территориального устройства края. Многочисленные журнальные и газетные очерки, а также статьи, опубликованные И.Х.-Б. Тамбиевым, содержат ценную информацию о ходе национального строительства в регионе [20; 21, с. 85–103; 22].

Следует также выделить И.А.-К. Хубиева, одного из главных партийных и советских функционеров, который являлся непосредственным участником организации поселенческого процесса. Кроме того, как корреспондент многих журналов и газет, И.А.-К. Хубиев опубликовал ценный пласт информации о процессе переселения из высокогорья в равнинные районы Верхней Кубани, об образовании новых горских аулов и селений [25]. Однако только малая часть из его статей, содержащих определенную информацию, известна широкому читателю, поэтому современным исследователям предстоит анализ его наследия.

Некоторые вопросы развития Верхней Кубани в межвоенный период получили освещение в довоенных изданиях (Д. Стонов [17], С.Н. Попов [14], публикациях А.И. Бегеулова) [5, с. 78–84], а также в статьях М. Дудова, Х. Лайпанова, С.-У. Токаева, опубликованных в сборнике «Советский Карачай» [16].

Что касается изучения поселенческого процесса в послевоенный период, то он был освещен в ряде коллективных работ. Но более подробно строительство первых национальных автономий на Верхней Кубани получило освещение в трудах К.Т. Лайпанова [11].

Исследование показало, что для публикаций советского периода характерно нарушение хронологии. Так, во II томе «Очерков истории Карачаево-Черкесии» написано, что поселки Уруп и Новый Карачай были образованы в 1959–1965 годах [13]. Согласно данным официального издания Президиума Верховного Совета РСФСР, эти же поселения возникли годом ранее – в 1958-м [15].

Следует также отметить, что в статистических материалах наблюдается изменение официальных названий рассматриваемых административно-территориальных единиц. К примеру, в 1960-е гг. они назывались «рабочие и курортные поселки» (к последним отнесена только Теберда), а в материалах 1970-х гг. они отмечены как «поселки городского типа», в конце 1980-х гг. – вновь как «рабочие и курортные поселки».

В постсоветское время отдельные вопросы национально-государственного строительства были опубликованы в работах А.Д. Койчуева [11], Р.С. Тебуева, Р.Т. Хатуева [23], коллективных трудах Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Некоторые аспекты этой темы обсуждаются краеведами в газетных и журнальных статьях научно-популярного характера [4].

Важно выделить, что период с 1943 по 1956 гг., когда значительная часть Карачаево-Черкесии находилась в составе Грузинской ССР, практически из поля зрения выпала региональная история советского времени. Не получил должного освещения и поселенческий аспект как советского, так и постсоветского периодов. В этой связи мы солидарны с мнением некоторых исследователей о том, что «процессы миграции на Северном Кавказе в середине 1940-х – первой половине 1950-х гг., налаживание инфраструктуры на территориях ликвидированных автономий, изменение этнической карты региона, демографические изменения, социально-экономическое развитие региона также являются самостоятельными областями региональной истории, которые необходимо разрабатывать.

Из работ историков последних лет особого внимания заслуживает докторская диссертация В.Г. Шнейдера [29; 30], посвященная советскому государственному строительству на Северном Кавказе (до 1950 г.). Основной вывод В.Г. Шнейдера сводится к «процессу формирования интегрированного сообщества надэтнического типа», формой которого должен быть этнотерриториальный федерализм. Между тем основными направлениями национальной политики в СССР определены унификация системы образования, традиций, бытовых и семейных структур коренных жителей региона, «формирование социальных ценностей и ориентиров по общесоюзному образцу», увеличение доли представителей горских народов в государственном и партийном аппарате автономий, модернизация промышленности Северного Кавказа и др. Можно выделить две основные группы методов национального строительства на Северном Кавказе: прогрессивно-эволюционные и директивно-принудительные, противоречие между которыми и «определяло характер... основных направлений и методов» нацстроительства [30, с. 51]. Эти положения необходимы для дальнейшего теоретического развития рассматриваемой проблемы. Но с точки зрения практического интереса работа В.Г. Шнейдера частично раскрывает суть проблемы, поскольку в ней практически отсутствует архивный материал по Карачаево-Черкесии [30, с. 25]. Между тем без архивного материала невозможен комплексный анализ не только территориального деления, но и национального строительства в районе Верхней Кубани. В этой связи диссертация З.И. Аджиевой выгодно отличается от других исследований, так как в ней представлен значительный спектр интересных и ценных документов из архивов КЧР, раскрывающих формирование национального сегмента советских чиновников в довоенной Карачаево-Черкесии [1].

Для более эффективного анализа выбранной темы, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на исследования представителей естественных наук, которые касаются проблемы поселенческого процесса. В этой связи заслуживает внимания многолетняя деятельность исследователя Р.А. Бураева, одного из ведущих специалистов в области экономической географии, подробно рассмотревшего вопросы размещения трудовых ресурсов в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии и их влияния на поселенческий процесс. Некоторые материалы данного исследователя относятся к экономико-географической истории региона [6]. Исторический аспект поселенческого процесса отражен в монографии доктора А.Н. Гуни (Институт географии РАН), посвященной проблеме развития горной части Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии [8].

В поле внимания исследователей смежных гуманитарных наук также оказались проблемы миграционных явлений, которые тесно связаны с процессом расселения (например, публикации Х.М. Шебзухова [28]).

Значительную помощь в этом направлении оказал справочник И.В. Михайлова «Поселения Карачаево-Черкесской Республики», в котором систематизированы данные большинства населенных пунктов. К сожалению, автор ограничился исключительно научно-популярной направленностью, а ряд муниципальных образований, которые зафиксированы в архивных источниках, например, Селенка, Новоалександровка – Жураки, Хаджи-паб и некоторые другие, остались за пределами данного справочника [26].

Таким образом, краткий обзор, представленный в статье, не претендует на исчерпывающий анализ, а лишь показывает, что вопросы административно-территориального устройства в целом и организация поселенческого процесса в Карачаево-Черкесии в част-

ности имеют в кавказоведении давнюю историю и требуют глубокого изучения проблемы в полиэтнических и поликонфессиональных регионах, к которым относится и КЧР.

Литература:

1. Аджиева, З.И. Формирование национальной бюрократии в автономных образованиях РСФСР в первые десятилетия советской власти (на материалах Карачаево-Черкесии (1920-1941 гг.)) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2008. – 27 с.
2. Алиев, У.Д. Кара-халк . – Ростов-на-Дону: Севкавказиздат, 1927. – 111 с.
3. Алиев, У.Д. Карачай (Карачаевская автономная область). 2-е издание. – Черкесск, 1991. – 306 с.
4. Батчаев, Ш.М. Джатдай. – Ставрополь, 2006; Шаманов И.М. Государственный деятель, ученый, патриот // Карачаево-балкарский мир. – 1991. – 31 марта; Лайпанов, К.Т. О государственности карачаевцев и черкесов // Ас-Алан. – 2000. – №1 (3). – С. 287–304; Хатуев, Р.Т., Шаманов, И.М. Трижды президент // Экспресс-почта. – 2004. – 10 июня; Они же. Къаракетланы Токъал-хаджи // Къарачай. – 2007. – 8 ноября 2007; Хасанланы Алий // Къарачай. – 2008. – 3 апреля; Айбазланы Хусеин // Къарачай. – 2008. – 11 сентября; Шаманланы Бекмырза // Къарачай. – 2008. – 24 июля; Хачирланы Осман // Къарачай. – 2008. – 10 июля; Гюрджюланы Къурман-Алий // Къарачай. – 2008. – 15 мая; Къууатланы Рамазан // Къарачай. – 2008. – 17 апреля и др.
5. Бегаулов, А.И. Советский Карачай на путях социалистического строительства (К десятилетию освобождения Карачая) // Попов С.Н. Пешком по Карачаю: сб. статей. – Ростов-на-Дону, 1931. – С.78–84.
6. Бураев, Р.А. Экономико-географический очерк Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1961. – 104 с.
7. Ведомость о числе жителей в станицах, селах, поселках, колониях и аулах Кубанской области // Памятная книжка Кубанской области. 1875 г. – Екатеринодар, 1875. – 276 с.; Административное разделение Кубанской области, устройство и общественное управление станиц, поселков и аулов // Памятная книжка Кубанской области. 1877 г. – Екатеринодар, 1877. – С. 6–80; Пространство и населенность Кубанской области // Памятная книжка Кубанской области. 1878 г. – Екатеринодар, 1878. – 236 с.
8. Гуня, А.Н. Динамика освоения горного региона: структурные и институциональные факторы (на примере динамики расселения и землепользования в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии). – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2008. – 160 с.
9. Дьячков-Тарасов, А.Н. Заметки о Карачае и карачаевцах // СМОМПК. Вып. 25. – Тифлис, 1898. – С. 461–491.
10. Койчуев, А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Ростов-на-Дону, 1998. – 483 с.
11. Лайпанов, К.Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Борьба большевиков за власть Советов (1917–1920 гг.) / Лайпанов, К.Т., Батчаев, М.Х.-К. Умар Алиев. – 2-е изд. – Черкесск: Кар.-Черк. отделение Ставропольск. кн. изд-ва, 1987. – Черкесск, 1986. – 192 с.
12. Напсо, Д.А., Калмыков, И.Х. Карачаево-Черкесия в период коммунистического строительства // Очерки истории Карачаево-Черкесии (ОИКЧ) / Д.А. Напсо, И.Х. Калмыков. – Черкесск, 1972. – Т. 2. – С. 409.
13. Народы Карачаево-Черкесии / ред. С.М. Страхов. – Ставрополь: Ставропольск. кн. издательство, 1957. – 154 с.; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 2. – Черкесск, 1972. – 448 с.
14. Попов, С.Н. Пешком по Карачаю / С.Н. Попов. – Ростов-на-Дону: Изд. «Северный Кавказ», 1931.
15. РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 января 1981 года. – М.: Изд-во «Известия», 1981. – С. 132.
16. Советский Карачай. – Микоян-Шахар, 1941. – 100 с.
17. Стонов, Д. По Карачаю. Путевые заметки. – М.-Л.: Молодая Гвардия, 1930. – 72 с.
18. Сысоев, В.М. Карачай в этнографическом, бытовом и историческом отношениях // СМОМПК. – Тифлис, 1913. – Вып. 43. – 156 с.
19. Талицкий, Н.Е. Очерки Карачая // СМОМПК. – Тифлис, 1909. – Вып.40. – С. 34–35.
20. Тамбиев, И.Х.-Б. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации // Революция и горец. – 1931. – №17.
21. Тамбиев, И.Х.-Б. Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае // Революция и горец. – 1932. – №4. – С. 85–103.
22. Тамбиев, И.Х.-Б. О Карачае и Балкарии: сб. очерков, статей, заметок / сост. И.М. Шаманов и Ф.И. Шаманова. – Ставрополь, 2003. – 336 с.
23. Тебуев, Р.С., Хатуев, Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев – М.-Ставрополь, 2002.
24. Тепцов, В.Я. По истокам Кубани и Череча. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. – С. 20–22.

25. Хубиев, И.А.-К. (Ислам Карачайлы). Избранные работы // Ислам Карачайлы и современность / Материалы научной конференции / ответ. ред. А.Д. Койчуев. – Карачаевск: Изд. КЧГПУ, 1999. – 152 с.
26. Центр документации общественных движений и партий (ЦДОДП) КЧР. Ф. 347. Оп. 2. Д. 279. Л. 83, 84, 112.
27. Чурсин, Г.Ф. Поездка в Карачай // Известия КОИРГО. – Тифлис, 1915. – Т. XXIII. – №3.
28. Шебзухов, Х.-М. Регулирование миграции населения и пути закрепления кадров в сельской местности // Вопросы экономики Карачаево-Черкесии / отв. ред. Ч.Х. Ионов. Вып. 3. – Черкесск, 1973. – 204 с.
29. Шнайдер, В.Г. Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество (1917 – конец 1950-х гг.) // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Армавир, 2008. – 46 с.
30. Шнайдер, В.Г. Территория ликвидированных автономий Северного Кавказа (сер. 1940-х – кон. 1950-х гг.) как исследовательская проблема. – www.agpu.net/institut/kaf/ist_kaf/konferenc/2.18.Shnaider.htm.
31. Щукин, И. Материалы для изучения карачаевцев // Русский антропологический журнал. – М., 1913. – №1–2. – Кн. XXXIII–XXXIV. – С. 29–98.

УДК 930.1 Д42

Джуккаева Элеонора Борисовна
 ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский
 федеральный университет»,
 аспирант кафедры истории России,
 г. Ставрополь, Россия,
 E-mail: dzhukkaeva79@bk.ru

«ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ» В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

***Аннотация:** Автором статьи предпринята попытка проанализировать историографию «женской» истории, знание которой имеет исключительное значение для гендерно маркированного регионального социума, каким является Северный Кавказ. Автор отмечает не только усиление и стойкое сохранение интереса к исторической реконструкции положения женщины в северокавказском обществе, но и совершенствование методологии проводимых исследований.*

***Ключевые слова:** «женская» история, гендерные исследования, социогуманитарное знание, Северный Кавказ, методология, социальный статус женщины, трансформация сознания, ментальность*

Dzhukkaeva Eleonora Borisovna
 North Caucasus Federal University,
 Post-graduate student of the
 Department of Russian history,
 Stavropol, Russia,
 E-mail: dzhukkaeva79@bk.ru

«WOMEN'S HISTORY» IN THE NORTH CAUCASUS HUMANITARIAN KNOWLEDGE: HISTORIOGRAPHIC ASPECT

***Annotation:** The author of the article attempts to analyze the historiography of «women's» history, the knowledge of which is of exceptional importance for the gender-marked regional society, such as the North Caucasus. The author notes not only the strengthening and persistent preservation of interest in the historical reconstruction of the status of women in the North Caucasian society, but also the improvement of the methodology of the research.*

***Key words:** «women's» history, gender studies, socio-humanitarian studies, the North Caucasus, methodology, historiography, the social status of women, the transformation of consciousness, mentality*

Проблема положения женщины в северокавказском обществе имеет исторические корни в силу того, что в этом многоэтничном регионе гендерные отношения всегда бы-

ли наделены своей региональной спецификой. В северокавказском социуме, глубоко хранящем традицию, любое изменение в системе отношений между мужчинами и женщинами, попытки что-то изменить в статусе женщины вызывают и неприятие, и неодобрение. Но в то же время процессы трансформации, вызываемые развитием всего российского общества, обусловленные процессами всеобщей глобализации, влияют на эту сферу человеческих взаимоотношений, одновременно создавая необходимость изучения и интерпретации их характера, причин, их породивших, и определения роли и места женщины в обществе.

Признанное несколько десятков лет назад новое направление в исторической науке, определяемое как «женская» и/или гендерная история, только на первый взгляд отходит от изучения сфер политики и экономики. Но, как показывает анализ проведенных исследований и публикаций полученных результатов, положение женщины в семье, т. е. институте, который, на первый взгляд, весьма закрытый и приватный, на самом деле испытывает очень сильное влияние со стороны государства, зависит от состояния экономики. Следовательно, в рамках любого гендерного исследования оказывается невозможным полностью уйти от политических и экономических проблем. Другое дело, что данные проблемы будут рассматриваться сквозь призму их видения с позиций человека, так как исследователь не может не понимать, что политика и экономика есть контекст развития человеческих отношений, что они являются структурными условиями жизнедеятельности людей каждой исторической эпохи.

В современном российском сообществе уже нет прежней остроты в рамках пока еще не стихающей дискуссии о «праве на жизнь» так называемой «женской» истории, но все же академическое сообщество продолжает высказывать сомнения и подозрения по поводу того, можно ли считать исследования в этой области вписывающимися в историческую проблематику, не станут ли они причиной упрощения получаемых результатов, тем самым способствуя понижению научного статуса истории. И, несмотря на это, сегодня мы можем говорить об оформлении «женской истории» не только на уровне общероссийской проблематики по истории женщин, но и на уровне исторической локалистики, прежде всего, северокавказской.

История народов Северного Кавказа пока не выявила примеров высокого статуса северокавказской женщины в прошлом, в ней нет имен, обладавших статусом княгини Ольги в Киевской Руси или Марфы Борецкой в Новгородской республике. Но исследования, проведенные в течение последних двух десятилетий – с 2000 по 2019, – позволяют вписать в реальность прошлого женщину с ее опытом, с ее практикой и оценить женский вклад в становление северокавказской цивилизации. Благодаря таким исследованиям женщины перестают быть молчаливым большинством, просто фоном для свершений мужчинами северокавказского социума, женщина превращается в участника, и ей не отказывают в созидательных заслугах. За женщиной признают общественную активность.

Отметим, что с началом нулевых женская проблематика в исследованиях по истории Северного Кавказа рассматривалась в основном в рамках исследований по истории семьи и быта. Это подтверждает исследователь Ф.А. Маршенкулова в своей историографической статье «Проблемы изучения женской повседневности на Северном Кавказе» [7]. Она настаивает на том, что гендерный подход стал легитимным в исследованиях как северокавказских ученых, так и общероссийских, определивших для себя темой исследований статус, роль и место в обществе северокавказской женщины в разные исторические эпохи – от средневековья до советского периода в истории России. Но Ф.А. Маршенкулова предупреждает, что устоявшиеся в северокавказской историографии стереотипы пока еще не преодолены и в силу этого нельзя во всех случаях говорить об адекватности исследователей в оценках ролей и образов северокавказской женщины. Но значительным успехом Ф.А. Маршенкулова называет расширение границ исследований «женской» истории, прежде всего в изучении различных аспектов женского культурного пространства [7].

Диссертационные исследования, монографии и отдельные научные статьи, написанные за эти два десятилетия, многочисленны. Среди них есть те, которые посвящены женщинам того или иного северокавказского этноса, а есть те, в которых представлен обобщенный образ женщины Северного Кавказа, так как, по мнению исследователей, единая территория проживания обусловила схожесть многих параметров повседневности

сти. Проведенные исследования выявляют разнообразие методологических подходов в исследовании «женской» истории, женской повседневности, что позволяет нам ставить проблему именно таким образом – «женская» история в социогуманитарном знании, так как данный список включает работы, выполненные в рамках культурологии, этнографии, гендерных исследований как таковых, а также в рамках междисциплинарных исторических исследований.

Это диссертации таких исследователей, как Б.Т. Гатаева «Традиционная культура повседневности карачаевцев» (защищена в 2004 году по специальности история и теория культуры) [5], М.Н. Чомаева «Сохранение и развитие этнокультурных традиций карачаевцев в условиях семейного воспитания» (защищена в 2004 году по специальности общая педагогика, история педагогики и образования) [22], А.Н. Болурова «Семейно-бытовая культура карачаевцев в XIX – начале XX века: трансформация нормативной системы» (защищена в 2008 году по специальности этнография, этнология, антропология) [3], Л.К. Абайханова «Состояние и развитие культуры карачаевского народа в советский период» (защищена в 2005 по специальности отечественная история) [1], Л.А. Асланова «Сакрально-культурные основы формирования традиционного адыгского орнамента» (защищена в 2009 году по специальности этнография, этнология, антропология) [2], З.В. Шоранова «Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа» (защищена в 2010 году по этнографии, этнологии и антропологии) [24], М.А. Бутаева «Инновационный потенциал женщины как фактор социально-политический трансформации» (защищена в 2012 году по политическим наукам) [4].

Наиболее ярким примером выдвинутого положения является монография Ю.Ю. Карпова «Женское пространство в культуре народов Кавказа», изданная в 2001 году в издательстве «Петербургское Востоковедение» [6]. Выход этой монографии ознаменовал собой начало нового этапа в «женской» истории, так как сама работа подтвердила высокую результативность применения новых методологических подходов, прежде всего, междисциплинарного и феноменологического в исторических исследованиях, и дала пример свободы автора в выборе источников.

Исходя из выбранных предмета (традиция, обряды, ментальность) и объекта (женщина как представительница кавказского социума) исследования и с учетом целей и задач автора (анализ отношений женщины с мужчиной и представительницами своего пола, но разных возрастов) можно, с одной стороны, классифицировать работу как историко-этнографическое исследование, а с другой – как культурологическое, учитывая методы интерпретации и реконструкции фактов/событий прошлого. Но сам же автор дает повод говорить о гендерном характере его исследования, так как уже в предисловии с первых строк признает имманентность гендерной асимметрии человеческого общества: «Мир людей как система включает в себя множество взаимосвязанных структурных звеньев. Первичные, а возможно, и главные из них – это мужская и женская половины человечества... Каждый формирует свой особенный мир. Эти миры противопоставлены один другому, но невозможны друг без друга» [6, с. 6].

Автор, проанализировав этническое и культурное своеобразие народов Кавказа, выявил, что в положении женщины у всех народов, населяющих Кавказ, больше похожего, чем отличного. А также он акцентировал внимание на социально-политических, экономических, конфессиональных факторах, под воздействием которых формировалось женское культурное пространство, и, реконструировав общественные и семейные функции кавказской женщины на основе свидетельств авторов XIX – начала XX вв., пришел к выводу о том, что выявленная противоречивость в оценках положения и образа женщины – закабаленная, свободная, порабощенная, самостоятельная – лишь в определенной мере есть результат субъективного восприятия феномена женщины, но в целом – это констатация разнообразия положения женщины. Анализируя мировоззренческие основы жизнедеятельности северокавказского социума в частности, Ю.Ю. Карпову удалось воссоздать многие явления, определяющие и характеризующие мир женщины прошлого. В результате этого последующим ученым стало намного легче «понимать» женщину, объяснять ее многие поступки, ее восприятие окружающей действительности. И, следовательно, более корректно ставить проблемы для организации дальнейших исследований, определять и формировать корпус источников, делать выбор методологического инструментария [6].

Доктор исторических наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета М.А. Текуева, говоря о своих научных интересах, сформулировала их так: гендерная история и этнология, история революции и Гражданской войны на Северном Кавказе, проблемы коллективизации и культурной революции, история Великой Отечественной войны на Северном Кавказе. Действительно, в списке опубликованных работ профессора М.А. Текуевой немало статей и монографий, посвященных женщине, гендерным отношениям в северокавказском социуме, например, «Культура мира в традициях и обычаях народов Северного Кавказа» [11], «Этнография адыгской свадьбы: приоритет женского духовного начала» [12], «Мир интимных переживаний в традиционной культуре адыгов» [13], «Гендерный фактор в культуре народов Кавказа» [14].

Как оказалось, и проблемы, связанные с историей революции, войны, профессор М.А. Текуева рассматривает сквозь призму женского видения этих явлений и событий прошлого и таким образом совершенствует знание в области гендерных исследований – «Женские суеверия и страхи в условиях военной повседневности» [15], «Женщина и война: проблема повседневного существования и ментальных изменений» [17], «Стереотипы траурного поведения кавказских женщин в военные годы» [20], «Женщины в Кавказской войне: скорбь и слезы или подвиг и честь?» [18], «Онтологический опыт депортации: гендерный аспект» [19].

В 2013 году в Нальчике прошла Шестая Международная научная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории сборника материалов «Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее». В числе ее организаторов выступили также Институт этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, Российский национальный комитет Международной Федерации исследователей женской истории и Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова. Так как организаторы конференции сделали акцент на «женскую» историю юга России, то в ходе конференции была, по сути, выполнена систематизация проведенных исследований по женской проблематике, определены новые направления, вычленены неизученные темы [8].

Среди участников конференции были не только историки, но и представители всего комплекса социальных и гуманитарных научных направлений. В конференции участвовали социологи, философы, культурологи, психологи, политологи, юристы, литературоведы, этнографы. Анализ опубликованных выступлений дает основание говорить о преобладании среди участников исследователей-историков и об определенном перевесе исторической проблематики, обсуждаемой на данной конференции. Подобная ситуация не может быть чистой случайностью, а свидетельствует о своеобразном «историческом фундаменте» данной темы, т. е. исторической обусловленности северокавказской традиции, которая определяет современное положение северокавказской женщины и современную ситуацию в северокавказском социуме [8].

Одной из широко обсуждаемых проблем на конференции была проблема трансформации традиционного сознания народов Северного Кавказа в условиях таких эпохальных событий, как войны – Первая мировая война, Великая Отечественная война – и революции. Об этом в своих выступлениях говорили такие участники конференции, как С.В. Сиражудинова, Л.М. Масгрейв, Н.Н. Крамчаткина, Е.А. Нальчикова, М.Х. Гугова, О.В. Чуракова, М.Г. Волкова, Н.Д. Судавцов, Т.П. Хлынина и др. В рамках работы двух секций – «Гендерная революция на Кавказе. Трансформация традиционного сознания» [8, с. 16–65] и «Трансформация гендерных статусов и этнической ментальности в условиях войн. Идеология маскулинности в Европе и в России: общее и различия» [8, с. 165–198], говоря о трансформации ментальности, исследователи не акцентировали внимание на том, что военные условия для северокавказской женщины были достаточно привычными. Так, в XIX веке военные действия разворачивались не на удаленной территории, а рядом с местом проживания. Только Е.А. Нальчикова в своем выступлении отметила определенную архаизацию женского сознания, заговорив о своеобразном защитном механизме, называемом институтом «телЫкI» [8, с. 178–180].

Этот пока единственный пример обращения женщин к прежним практикам выживания и адаптации к суровой действительности свидетельствует о прочности и сохранности выработанных на протяжении веков ментальных установок и предпочтений, позволяющих женщине защитить себя. Данный сюжет позволяет интерпретировать военный фактор не столько как фактор трансформации, а скорее архаизации женского (вполне возможно, не

только женского, но и мужского) сознания. Для специалистов, желающих продолжить исследования в этом направлении, материалы Шестой конференции РАИЖИ будут добротной основой для выстраивания концепций новых исследований. Важно только, используя междисциплинарный подход, выстроить иерархию факторов воздействия на сознание и природу мышления северокавказской женщины, чтобы корректно ответить на вопрос, какие из них действительно вызывали трансформацию установок и создавали предпосылки для формирования новых, прежде не свойственных северокавказской женщине, а какие обращались в факторы архаизации сознания.

В течение 6 лет после конференции, прошедшей в Нальчике в 2013 году, появились новые диссертационные исследования и научные публикации, например, Н.А. Шаожевой «Политизация гендерных отношений в процессе преобразования российского общества (на материале Северного Кавказа)» в 2014 году [23], Л.Ф. Хараевой «Кабардинская женская проза: специфика гендерного самовыражения» в 2016 году [21] и другие, опубликовала свою статью «Гендерные границы и перспективы гендерного диалога на Северном Кавказе» С.В. Сиражудинова [9, с. 53–61]. Эти публикации подтвердили правоту программной статьи Джоан Скотт «Гендер – полезная категория исторического анализа», в которой она, во-первых, назвала важные атрибуты термина «гендер» (взаимоопределенность и соотнесенность понятий «мужского» и «женского»); во-вторых, акцентировала внимание на значимости сформированных представлений о гендерных ролях и различиях, которые являются весьма живучими, долго сохраняющимися и сильно влияющими на общественные практики [10, с. 144–145].

Выполненный историографический анализ позволил систематизировать проведенные исследования, определить круг проблем, которые нашли отражение в этих исследованиях, и уточнить наметившиеся направления в изучении гендерных отношений как таковых и положения женщины в северокавказском обществе, ее роли в развитии социума и формировании цивилизации.

Проведенный анализ дал основание говорить о том, что представители северокавказского сообщества историков-исследователей проявляют стойкий интерес к проблематике «женской» истории и в северокавказской локалистике идет оформление собственной северокавказской школы гендерных исследований.

Литература:

1. Абайханова, Л.К. Состояние и развитие культуры карачаевского народа в советский период // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. – Карачаевск, 2005. – 28 с.
2. Асланова, Л.А. Сакрально-культурные основы формирования традиционного адыгского орнамента // Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. – Карачаевск, 2009. – 30 с.
3. Болурова, А.Н. Семейно-бытовая культура карачаевцев в XIX – начале XX века: трансформация нормативной системы // Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. – Карачаевск, 2008. – 26 с.
4. Бутаева, М.А. Инновационный потенциал женщины как фактор социально-политической трансформации // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии. – Москва, 2012. – 48 с.
5. Гатаева, Б.Т. Традиционная культура повседневности карачаевцев // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры. – Санкт-Петербург, 2004. – 28 с.
6. Карпов, Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013. – 413 с. ISBN 5-85803-172-2.
7. Маршенкулова, Ф.А. Проблемы изучения женской повседневности на Северном Кавказе // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №2–3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23410> (дата обращения: 06.07.2019).
8. Российская гендерная история с «юга» на «запад»: прошлое определяет настоящее: материалы Шестой Международной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 3–6 октября 2013 года. Нальчик. Т. I. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2013. – 310 с. – ISBN 978-5-4211-0088-1.

9. Сиражудинова, С.В. Гендерные границы и перспективы гендерного диалога на Северном Кавказе // *Женщина в российском обществе*. – 2015. – №1. – С. 53–61. ISSN 1992–2892.
10. Скотт, Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // *Гендерные исследования*. – 2000. – №5. – С. 142–171.
11. Текуева, М.А. Культура мира в традициях и обычаях народов Северного Кавказа / М.А.Текуева. – Назрань, 2013. – 188 с. (в соавторстве).
12. Текуева, М.А. Этнография адыгской свадьбы: приоритет женского духовного начала // *Известия КБГУ*. – №1. – Нальчик, 2012. – С. 67–70 (соавтор Мусукаев А.И.).
13. Текуева, М.А. Мир интимных переживаний в традиционной культуре адыгов // *Научная мысль Кавказа*. – 2007. – №3. – С. 60–69.
14. Текуева, М.А. Гендерный фактор в культуре народов Кавказа / М.А. Текуева // *Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология*. – Нальчик, 2006. – 43 с.
15. Текуева, М.А. Женские суеверия и страхи в условиях военной повседневности (соавторы Гугова М.Х., Нальчикова Е.А.) // *Известия КБНЦ РАН*. – №6. – Нальчик, 2012.
16. Текуева, М.А. Женское лицо в зеркале войны (соавторы Гугова М.Х., Нальчикова Е.А.) // *Известия КБГУ*, №2. – Нальчик, 2012. – С. 42–45.
17. Текуева, М.А. Женщина и война: проблема повседневного существования и ментальных изменений (соавтор Гугова М.Х.) / М.А. Текуева. – *Вестник Дагестанского научного центра Российской Академии наук*. 2012. – Махачкала, 2012.
18. Текуева, М.А. Женщины в Кавказской войне: скорбь и слезы или подвиг и честь? // *Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса*. – Нальчик, 2014. – С. 173–181.
19. Гугова, М. Х., Нальчикова, Е.А., Текуева, М.А. Онтологический опыт депортации: гендерный аспект // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – Тамбов: Грамота, 2016. – №6 (68): в 2-х ч. Ч. 1. – ISSN 1997-292X. – С. 71–74.
20. Текуева, М.А. Стереотипы траурного поведения кавказских женщин в военные годы (1941–1945) (соавторы Гугова М.Х., Нальчикова Е.А.) // *Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой Победы)*. Материалы междунар. науч. конф. 12–14 марта 2015. – СПб, 2015. – С. 200–204.
21. Хараева, Л.Ф. Кабардинская женская проза: специфика гендерного самовыражения // *Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)*. – Махачкала, 2016 г. – 23 с.
22. Чомаева, М.Н. Сохранение и развитие этнокультурных традиций карачаевцев в условиях семейного воспитания // *Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – политические институты, процессы и технологии*. – Карачаевск, 2004 г. – 21 с.
23. Шаожева, Н.А. Политизация гендерных отношений в процессе преобразования российского общества (на материале Северного Кавказа) // *Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии*. – Москва, 2014. – 53 с.
24. Шоранова, З.В. Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа» / З.В. Шоранова // *Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология*. – Нальчик, 2010. – 22 с.

Мамси́ров Ха́митби Бори́сович
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
профессор кафедры всеобщей истории,
г. Нальчик, Россия,
E-mail: mamsirhb@mail.ru

И.А.-К. ХУБИЕВ О ПРОБЛЕМАХ МОДЕРНИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В 1920–1930-Х ГГ.

Аннотация: В статье рассматривается осмысление видным представителем советской национальной интеллигенции Северного Кавказа 1920–1930-х гг. И.А.-К. Хубиевым проблемы совмещения задач советской модернизации и сохранения достижений национальной культуры.

Ключевые слова: советская модернизация, Северный Кавказ, И.А.-К. Хубиев, традиционная культура, национальная интеллигенция, социалистическая культура

Mamsirov Khamitbi Borisovich,
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Professor of General History Department,
Nalchik, Russia,
E-mail: mamsirhb@mail.ru

I.A.-K. KHUBIEV ON THE PROBLEMS OF THE MODERNIZATION OF THE CULTURE OF THE NORTH CAUCASIAN PEOPLES IN 1920–1930

Abstract: The article deals with the understanding of the prominent representative of the Soviet national intelligentsia of the North Caucasus of the 1920s-1930s I. A.-K. Khubiev of the problem of combining the tasks of Soviet modernization and preservation of the achievements of national culture.

Key words: Soviet modernization, North Caucasus, I.A.-K. Khubiev, traditional culture, national intelligentsia, socialist culture.

За последние полтора века северокавказские народы пережили три культурно-цивилизационных слома – после окончания Кавказской войны и полной интеграции в состав России, после Русской революции 1917 г. и, наконец, после распада СССР и либеральных реформ начала 1990-х гг.

Каждый из них был сопряжен с мучительными поисками представителями национальной интеллигенции адекватных ответов на вызовы времени. Наиболее драматичными из них оказались периоды после Первой мировой войны, Русской революции 1917 г. и гражданской войны, когда перед горской интеллигенцией встали нелегкие вопросы: «Куда идти?» и «Как быть?». От ответа на них зависели пути развития культур народов Северного Кавказа, когда нужно было выбирать между «новыми идеями» и ценностями своей национальной культуры [1].

Осмысление этого опыта актуализировалось в современный период, когда явственно проявились угрозы и вызовы всеобъемлющего для национальной культуры процесса глобализации, и ситуации вековой давности и сейчас практически идентичны.

Век назад горская интеллигенция испытывала тревогу, пытаясь совместить большевистские преобразования и сохранить свою национальную культуру, ощущая неизбежность жесткого выбора и соответствия новым вызовам и требованиям. Один из виднейших советских национальных лидеров Северного Кавказа 1920-х годов У. Алиев дифференцировал горскую интеллигенцию на представителей «арабской» и «русской школы», выделяя, по крайней мере, две культурно-цивилизационные ориентации и взгляды на процесс советской модернизации [2].

Такое деление горской интеллигенции затрудняло ее взаимодействие с советской властью в 1920-х годах и усугублялось тем, что большевики акцентировали свое вни-

мание на ее классовом происхождении. При этом они четко понимали значение участия интеллигенции в революции: в конечном счете, она могла стать символом, за которым пойдут народные массы. Таким образом, интеллигенция несла в себе ген соперничества с властью, что не могли не видеть большевики.

Прагматичному вождю революции В.И. Ленину было присуще не менее прагматичное отношение к интеллигенции. В 1918 г. в «Очередных задачах советской власти» он определил ее место в новой системе отношений социальных групп с властью: «... Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом» [3]. Такой подход вождя правящей партии к интеллигенции выводит на понимание сущности отношений между интеллигенцией и народом, на вопрос о влиянии интеллигенции на характер процесса модернизации. Каким он будет? Авторитарным, «сверху», когда все и идеологические, и специфически этнические аспекты модернизации определяет власть, беря интеллигенцию исполнителем? Или «снизу», когда историческим заданием интеллигенции становится включение в модернизацию всех позитивных элементов национальных культур, соотнесение их с идеологическими и содержательными процессами? От выбора интеллигенции и зависит тип модернизации.

Ситуацию на Северном Кавказе для местной интеллигенции усугубляло и то, что сюда из центра хлынула часть буржуазно-дворянской интеллигенции в надежде на временность пребывания большевиков у власти. Многие из них после ухода белых не смогли или не захотели покинуть Россию. Серьезные потери местная национальная интеллигенция понесла в ходе гражданской войны. Общественного деятеля А. Аджиева и известного публициста И. Хубиева (Ислама Карачайлы), приговоренных белыми к повешению, удалось выкупить кадию Д.А. Хачирову.

Нарком просвещения Луначарский указывал, что советская власть «отказалась от роспуска прежнего персонала и замены его новыми людьми», но власть «внедрила, в особенности сверху, в управление этим делом коммунистов или людей, примкнувших к Октябрьской революции» [4]. В 1927 г. он опубликовал статью о месте интеллигенции в социалистическом строительстве [5], в которой разделил ее на «старую» и «новую», «верхушечную» и «низовую». На Северном Кавказе к «старой» отнесли интеллигенцию «арабской» ориентации, к новой – интеллигенцию, выросшую на идеалах русской культуры и поддержавшую советскую власть. Она и стала «верхушечной», заняв руководящие посты в новой власти. К «низовой» интеллигенции относились представители горской интеллигенции, продолжавшие обучать детей в мусульманских школах.

Луначарский признавал, что «какова бы ... ни была» интеллигенция, «союз с нею и совместная работа неизбежны» [5, с. 25], ибо «мы никак не можем произвести новой интеллигенции иначе, как посадив ее учиться у старой интеллигенции» [5, с. 25]. Он считал, что интеллигенция должна «концентрировать сознание общества, совершенствовать, распространять и применять социальный опыт», так как она являлась «носителем... сознательности народа», «блюстителем общественных интересов» [5, с. 26–27]. В то же время, подчеркивал он, «по мере того, как государство [власть. – авт.] будет становиться более мощным... влияние его углубится и расширится» [4, л. 15]. Эта оценка по существу противоречила сталинской концепции модернизации, и особенно применительно к северокавказским реалиям.

Отношение горской интеллигенции к революционным преобразованиям было неоднозначным и зависело от личного восприятия идеологии и политики большевиков в целом и программы ее реализации в регионе. Основным признаком дифференциации горской интеллигенции стало ее участие в органах власти, в соответствии с которым в 1920-е годы ее можно условно разделить на три группы, при которой: 1-я решила войти в структуры новой власти; 2-я индифферентно отнеслась к ней; 3-я отказалась сотрудничать с большевиками.

Первая часть интеллигенции пошла на сотрудничество с ними, поддержала их политическую программу и должна была стать рупором нового, инструментом построения новой культуры. Они стремились показать себя олицетворением революции. Советская власть хотела видеть в них демонстрацию своих успехов. Наряду с планами, посвященными новой культуре и человеку, они должны были

отражать и их дух. Многие из них принимали активное участие в установлении советской власти в регионе. Среди них У.Д. Алиев, М.А. Энеев, А. Настуев, К.А. Курджиев, И.А.-К. Хубиев (Ислам Карачайлы), С.М. Халилов, П. Шекихачев, Ш.-Г. Хакурате.

Ярким представителем этой генерации национальной интеллигенции являлся И.А.-К. Хубиев (Ислам Карачайлы). Он был родом из семьи аульского писаря, переводчика в Горском суде, окончил известную и своим высоким уровнем образования, и тем, что «всегда слыла красной», Ставропольскую гимназию. Дом его отца «всегда был полон обиженными, искателями правды и справедливости». Юноша впитывал в себя все «горести и радости своих земляков» [6]. Статьи 16-летнего юноши печатались в либеральном журнале «Мусульманин», выходившем в Париже в 1908–1911 гг. Там и была в 1911 г. опубликована его известная работа «Сословные недоразумения в Карачае». В ней он призывал оставить «позади все мнимо кастовые различия и личные честолюбивые счеты и дружно, как равноправные члены одной трудовой семьи, примемся за возрождение и просвещение темных собратьев на почве братского самоуважения» [6, с. 9–10]. Таким образом, взгляды Хубиева были весьма далеки от классовой доктрины, реализовывать которую ему придется после установления советской власти. Посты, занимаемые им в органах советских власти, не оставляли иного выбора.

И.А.-К. Хубиев в 1920–21 гг. становится членом Карачаевского окружного ревкома, участвует в работе учредительного съезда Горской АССР. Он редактирует «Горскую жизнь» («Таулу джашау»). Только в середине 20-х годов он и инициатор создания Карачаево-Черкесской ассоциации пролетарских писателей, и член ее правления, и одновременно назначается заместителем представителя Карачаево-Черкесии при ВЦИК, работает в Крайнацсовете, ведет активную деятельность по разработке нового алфавита, по организации издательского дела. Одновременно он редактор и ответственный секретарь политико-экономического и историко-краеведческого журнала «Революция и горец». В Горском научно-исследовательском институте – секретарь отдела лингвистики [6, с. 7–8].

Важно отметить, что многие представители северокавказской советской национальной интеллигенции (У. Алиев, Б. Калмыков, И.А.-К. Хубиев и др.) были знакомы с высшими партийными руководителями (В. Лениным, И. Сталиным, Г. Орджоникидзе, Г.И. Бройдо, заместителем Сталина в Наркомнаце) и пользовались их поддержкой. На этой основе они составляли партийный «костяк» новой бюрократии, активно участвующей в строительстве северокавказских автономий. Изменения в экономике, государстве, обществе, перемены затрагивали всех горцев, и Ислам Карачайлы уверял, что «новый, так сказать, социалистический человек в горских областях может быть выкован и воспитан» [6, с. 15].

Как и большинство из региональных руководителей, И.А.-К. Хубиев поверил в новую власть, стремился освоить большевистскую теорию и практику модернизации. Но таким, как он, конечно, до конца не доверяли в Москве: слишком малым был их революционный и партийный опыт и «вес», они не были, за малым исключением, до конца «своими». Центр поощрял их продвижение на ответственных должностях в условиях крайнего дефицита кадров: а бюрократическая сеть различных учреждений и организаций множилась с каждой новой политической кампанией. Каждую из них нужно было кому-то возглавить и нести ответственность за успех ее реализации. Множественность же занимаемых постов почти всеми давала им в руки аргументы ссылаться на колоссальную перегрузку в работе. Это было правдой, как было правдой и то, что реализовать успешно очередную акцию оказывалось невозможным по целому ряду как объективных обстоятельств (большой объем и новизна дела, сопротивление человеческого материала, способность воспринять и усвоить то или иное начинание), так и субъективных: стремление доказать центру свои организационные и профессиональные таланты, справиться любой ценой с порученным делом.

Так, И. А.-К. Хубиев в своих статьях винит Вели Ибрагимова за дружбу с каким-то белым офицером, заставляя себя, очевидно, забыть, что такое дружба вообще, на Кавказе в частности, и то, что дружба, даже если она и имела место у Вели Ибрагимова с этим несчастным офицером, не подлежит оценке с позиций «пролетарского революционера», т. е. классового подхода. Удивительно то, что здесь же он описывает высокие эталоны понимания этого чувства, и, тем не менее, сокрушается по поводу того, что «коммунист – интеллигент... с большим трудом подвергается переделке и с большим трудом усваивает

идеологию пролетарской боевой партии», что «необходимо критически относиться ко всякой дружбе», нужно «ставить вопрос ребром и решать коренным образом» [6, с. 160–161].

Из статей И.А.-К. Хубиева представители северокавказской эмиграции черпали сведения о склоках и разоблачениях коммунистами друг друга. Коммунисты «часто ошибки и промахи своих товарищей фиксируют для себя и прячут в карман, чтобы потом «когда-нибудь» использовать против ошибавшихся, радуются повторению этих ошибок и промахов и снова фиксируют и прячут, вместо того, чтобы по-товарищески, по-коммунистически предупреждать друг друга об ошибках, помогать друг другу изживать и не повторять ошибки. В этом случае они поступают не как коммунисты, а как обыватели, как мелочные интриганы».

Правда еще и в том, что в работе тех, кто занял ответственные посты, в их публикациях, конечно же, тщательно сверенных с политическим курсом, содержатся яркие призывы к его реализации. Но со второй половины 1920-х годов проступает описание сложности национальной специфики, призывы к необходимости принять их во внимание. Примером является острая дискуссия Ислама Карачайлы со Шнелем из комсомольского журнала «Большевицкая смена». Этому посвящена статья И. Карачайлы «О «кровной мести», о национальных моментах в споре «Большевицкой смены» с «Советским СКАЗом» и прочем...». Он открыто выступил против традиционного «высокомерия по отношению ко всему горскому», против «головотяпских наскоков», «чванства и великодержавной спеси» людей, «не знающих Кавказа южнее Батайска» [6, с. 98]. Там, упрекал он амбициозного комсомольского вожака, «вы вообще никакого Кавказа не знаете и знать не хотите» [6, с. 109]. Серьезнейшим упреком прозвучал и тот факт, что «изучив все 900 вышедших номеров «Большевицкой смены», нельзя все же составить представления о разнице между Чечней и Карачаем, между Осетией и Черкесией, между Ингушетией и Кабардой». Каждая из этих областей «имеет свое особое лицо, свои отличительные особенности». За требованиями показа «вам самоновейшей классовой борьбы 1930 года скрывается ваше верхоглядство», «невежество географическое, этнографическое»: оно «чревато последствиями» [6, с. 109].

Логически развивая дискуссию, в которой Шнель, конечно же, не играл существенной роли, И.А.-К. Хубиев начинает возражать и против укрепившегося понимания сути культурных преобразований, и против представления о том, что «горские народы Северного Кавказа... в высшей степени отсталые народы». Часто, пишет он, говоря о культуре, «имеют в виду только те достижения, которые связаны с письменностью, возникли на ее базе. Это, конечно, неверно, ибо культура есть нечто гораздо большее, чем то, что связано только с письменностью». Горские обычаи – «это культура или не культура?» – спрашивает он. Да, считает он, это элемент традиционной культуры («патриархально-родовой»), но «под солнцем ничто не стоит в состоянии покоя». «Горские обычаи, которые являются элементами горской культуры, также не остаются в неизменном состоянии». Проблема, подчеркивает он, в другом: в результате различных политических кампаний «обидят сегодня одного, завтра другого, послезавтра третьего, что же хорошего может из этого получиться? Все сильные, все умные, все мудрые окажутся перебитыми, выбитыми... Отсюда род круговой поруки, связанность на сословно-родовой или фамильной почве» [6, с. 136-140]. Резкий диссонанс статьи с атмосферой, устанавливаемой на рубеже 20–30-х годов, пытается смягчить комментариями Р. Лайпанов при ее публикации даже в 1984 г. [6, с. 17].

В целом И.А.-К. Хубиев, как и другие представители новой национальной интеллигенции, во главу угла ставит сохранение этнической идентичности своего народа, при утрате которой модернизация утрачивает свой смысл. Но с началом «наступления социализма по всему фронту» рушится процесс «сверки» «индивидуальной» и «общественной» культурной идентичности. Осуществляется деструкция традиционной, но целостной культурной системы. Последствия этого процесса очень болезненны. Наглядным подтверждением этому становятся факты повсеместного отстранения и «верхушечной», и «низовой», и «арабской», и «русской» горской интеллигенции и от активной политической, и от конкретной практической культурной деятельности. Еще скорее, чем эту опасность поняли они сами, ее поняли и политики центра, о чем свидетельствуют названия различных уклонов, объявленных на X и XII партийных съездах.

Вместе с тем, творческое осмысление национальной интеллигенцией современных общественно-политических процессов смыкалась с критическим отношением к тем, кто не ограничивался «злостью дня», а стремился заглянуть глубже в историю. Такие попытки, по крайней мере, не приветствовались. Особенно усилилось это отношение со второй половины 1920-х годов. Внимание к историческому опыту, к традициям народов у горской интеллигенции усиливалось. Переделать какое-либо предприятие в социалистическое, даже национализировать все народное хозяйство несравненно легче, чем «перестроить» людей. Многие из них, в том числе и Хубиев, начинают размышлять на тему: «Какое место в модернизации отводится культуре, и прежде всего человеку, его духовной, психической, этнической специфике? Где искать ответы на эти вопросы?»

Начиная со второй половины 1920-х годов эти интеллектуальные поиски пресекаются. Вопрос об отношении к национальной интеллигенции поставлен «по-новому». Ее разделили на «лучшую», ту, которая «старается активно участвовать в социалистическом строительстве», и «худшую», ту, которая «не приемлет» этого строительства, изобретает «теории» об отсутствии классов и классовой борьбы. На этом основании «худшую» отнесли к «идеологам и прямым пособникам кулацкой контрреволюции». Объявлялось, что если ранее перед этой интеллигенцией «старой школы» ставилось условие «лояльного ее отношения к советской власти, то теперь это уже пройденный путь» [7].

Отныне «лакмусовой бумажкой» отношения к ней становится ее отношение к «социалистической реконструкции народного хозяйства в их практическом осуществлении, к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, одним словом, отношение национальной интеллигенции ко всей сумме вопросов классовой борьбы против капиталистических элементов национальной деревни и феодалов» [7].

Другими словами, интеллигенции предложено стать активным и сознательным участником «практического осуществления» советской модернизации. В противном случае ее ждала участь «идеолога и прямого пособника кулацкой контрреволюции». Практического осуществления установок долго ждать не пришлось. Сразу же местные публикации запестрели соответствующими оценками: «враждебный нам элемент, интеллигент – буржуазный националист», «кулацкий грамотей», «затушевывающий обостренную классовую борьбу, стремясь всячески притуплять ее углы» и т. п. [8]. Искоренять это как явление хотя и следовало, как призывалось, «по-большевистски», однако среди подобных призывов помещены данные, свидетельствующие о том, как усложнилась проблема взаимопонимания власти и населения с подобным делением интеллигенции на «хорошую» и «плохую» [9]. Пропагандистская риторика не желала признать такое положение прямым следствием и результатом последовавшего «перелома» в политике.

Строго говоря, они оказались в сложном положении. Надо признать, что, по большому счету, их, за редким исключением, не впускали в мир «большой» политики и ее тайн. Революционный пыл тех, кто примкнул к большевикам, принял их идеологию и программу модернизации, начинал угасать. Об этом ярко свидетельствует, например, число публикаций того же И.А.-К. Хубиева. Его публицистическое наследие если еще и не разработано с содержательной точки зрения, то хотя бы известно и собрано. Хотя составители его и признают неполноту, все же необходимые представления об общественно-политической активности своего героя они содержат. Они же таковы: И.А.-К. Хубиев за 1920-е годы опубликовал в различных, северокавказских по преимуществу, и в центральных изданиях 222 работы, касающиеся самых разных сторон большевистской модернизации. С начала же 1930-х годов до 1933 г. (даты последних публикаций) им написано 49 работ. О смене интонации говорят их названия: «Карачай на экране, или... Издевательство над миллионным зрителем», «Как живут, в чем нуждаются и на что жалуются рабочие-националы», «О назойливых авторах, упражняющихся на «восточные» темы, или «Урок начинающим», «Колумбы от литературы, которые Америки не открыли» и т. п. Более 270 работ у автора, которому к 1933 г. исполнилось 37 лет, автора, происходящего из одного из самых отсталых в культурном отношении, по представлениям большевиков, народа [6, с. 164–173]?! Угасала не только творческая активность Хубиева и других, ему подобных авторов: закрывались и печатные органы, в значительной степени ими созданные и предоставлявшие страницы для изложения их взглядов. В начале 1930-х годов закрыли журнал «Революция и горец», например.

С работой на ответственных постах приобретался необходимый опыт, обострялось внимание к реалиям жизни, особенностям горской культуры, уменьшались идеалистические и романтические представления. В мягкой форме (следовало соблюдать лояльность!), но начинался поиск причин неудач и огромных трудностей не в уже начинающих набивать оскомину инвективах в «вековой отсталости», а в политических кампаниях и акциях. «Политическое значение гостеприимства представляется совершенно бесспорным. Но времена меняются», – с горечью констатировал Хубиев, еще призывая горца «пристрелить или передать в руки властей» бандита, ограбившего или убившего. Но владел ли тот, к кому обращался Хубиев, полнотой объективной информации, в чем повинен его гость, и повинен ли он вообще? Убил ли он на самом деле, ограбил ли или защищал свое небогатое имущество в ходе коллективизации? И не придет ли завтра эта беда к тому, кто должен для себя сейчас решить эту непростую задачу? И кто тогда приютит и укроет его? Горец не мог принять этого «политического значения» [6, с. 147.] Однако крайком партии, по сути, поддержал комсомольскую газету, отметив в специальном постановлении 1930 г. о работе журнала «Революция и горец» «примиренчество, наиболее опасное в условиях нацобластей» [10]. Проведенный нами анализ качества работы и по ликвидации неграмотности, и агитационно-пропагандистской деятельности не дает весомых оснований для положительной констатации. Важно учитывать, что за качество работы горская интеллигенция несла ответственность, ранее рапортуя о «грандиозных» успехах, колоссальных достижениях, излишне доверяя цифрам, а не реалиям жизни.

До конца 1920-х годов, пока советский режим был еще слаб, он утилитарно пользовался услугами таких помощников. С укреплением власти они оказались лишними. Большинство из этой части горской интеллигенции, кроме умерших в 1920-е – начале 1930-х годов (Д. Гутякулов, М. Энеев, Ш.-Г. Хакурате), были репрессированы как приспешники буржуазных националистов и национал-уклонисты: У.Д. Алиев, И.А.-К. Хубиев, Курджиев, А. Аджиев, Я.З. Айбазов (один из первых организаторов комсомола в Карачаево-Черкесии), С. Сиюхов и др.

Литература:

1. Ирский, А. Путь горской интеллигенции: беглые очерки анализа // Горская мысль. – 1922. – №2. – С. 66.
2. Алиев, У.Д. Вместо предисловия. Национальный вопрос и национальная культура в Северокавказском крае (Итоги и перспективы). К предстоящему съезду горских народов. – Ростов-на-Дону, 1926. – С. 10.
3. Ленин, В.И. Очередные задачи Советской власти // ПСС. – Т. 36. – С. 178.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 142. Оп. 1. Д. 295. Л. 10.
5. Луначарский, А.В. Интеллигенция и ее место в социалистическом строительстве // Революция и культура. – 1927. – №1. – С. 23.
6. Хубиев, И.А.-К. Статьи и очерки. Вопросы атеистической работы и борьбы с пережитками. – Черкесск, 1984. – С. 5.
7. Оширов, А. Коренизация в советском строительстве // Революция и национальности. – 1930. – №4–5. – С. 113.
8. Тамбиев, И. О коренизации советского аппарата в Карачае // Революция и горец. – 1931. – №3. – С. 24.
9. Д.Ц. По-большевистски бороться за коренизацию / Ц.Д. // Революция и горец. – 1933. – №9. – С. 9, 12.
10. Постановление бюро Северокавказского крайкома о работе журнала «Революция и горец» 1930 г. // Известия Северокавказского крайкома ВКП(б). – 1930. – №10 (87). – С. 21.

Месхидзе Джульетта Изауовна
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
научный сотрудник Отдела европеистики,
г. Санкт-Петербург, Россия,
E-mail: giu.mes@gmail.com

«БАЛКАРСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ» Н.А. БУША В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: История «Балкарской коллекции» знаменитого исследователя природы Кавказа Николая Адольфовича Буша, хранящаяся в МАЭ РАН, органично связана с его научной деятельностью. Во всех своих путешествиях ученый проявлял внимание и интерес к кавказским жителям, их культуре и быту.

Ключевые слова: Николай Адольфович Буш, Кавказ, экспедиционная практика, флора Кавказа, ледники Западного Кавказа, Балкария, балкарцы, фотоколлекция, МАЭ РАН

Meskhidze Julietta Izauvovna
Peter the Great Museum
of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS,
scientific researcher in the Department of Europe,
Saint Petersburg, Russia,
E-mail: giu.mes@gmail.com

«BALKAR COLLECTION» OF N.A. BUSH IN THE CONTEXT OF HIS NATURAL RESEARCHES

Abstract: The history of the «Balkar collections» of well-known researcher of the Caucasus' nature Nikolay Adolfovich Bush, stored in the MAE RAS, is indissolubly linked with his scientific activity. In all his travels the scientist paid attention and interest to the Caucasian inhabitants, their culture and life.

Key words: Nikolay Adolfovich Bush, Caucasus, expeditionary practice, flora of Caucasus, glaciers of the Western Caucasus, Balkaria, the Balkars, photocollection, MAE RAS

Непосредственным поводом к написанию данной статьи послужило хранящееся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН коллекционное собрание балкарских вещевых и фотоиллюстративных материалов. Разновременные и принадлежащие разным собирателям, они дают возможность многостороннего знакомства с культурой балкарцев. Среди наиболее известных экспонатов – работы Дмитрия Алексеевича Вырубова (1849–1917), который в 1888–1897 гг. исполнял обязанности начальника Нальчикского округа Терской области. Владелец обширной коллекции предметов старины, куда, в частности, входило холодное оружие, он был искусным рисовальщиком и автором ряда моделей архитектурных сооружений: его альбом и макеты по этнографии и археологии Кабардино-Балкарии детально освещены в статье видного этнографа-кавказоведа Леонида Ивановича Лаврова (1909–1982) [10, с. 71–84]. Ценным компонентом музейного собрания являются и переданные в 1927 г. членом-корреспондентом АН СССР Николаем Адольфовичем Бушем (1869–1941) [6, с. 76–77; 9; 11, с. 173–175] предметы домашней утвари и сельскохозяйственные орудия (МАЭ №3581-1-11), а также сделанные в период экспедиционных сезонов фотоснимки (МАЭ №2593-1, 2; МАЭ №3299-1-11).

Раскрывая «Балкарскую коллекцию» Н.А. Буша, прежде всего нужно говорить о нем самом. И не только потому, что личность знаменитого исследователя природы Кавказа – ботаника, географа, гляциолога и путешественника – достойна не беглого внимания, но и потому, что история небольшого предметного и фотографического дара органично связана с его научной биографией, приближение к которой позволяет соприкоснуться с запечатленными на снимках людьми в обрамлении «эпохи начала XX ве-

ка». В качестве предисловия – несколько курьезного – фрагмент из статьи журналиста Батрадза Харебова: «Вспоминается случай. Летом 1991 года в Цхинвал наведальась очередная группа журналистов. Это были корреспонденты крупных газет из США и Южной Америки. Наши заокеанские гости, насмотревшись на результаты насилия и мотивированного зла, решили себя взбодрить хотя бы переменной темы разговора. Кто-то из них спросил о том, как называется улица, на которую мы выехали с больничного двора. Когда узнали, что носит она имя Карла Маркса, то многозначительно переглянулись. На всякий случай они спросили о том, как называется следующая улица. Узнав, что она именуется Московской, они начали пофыркивать в кулак. Естественно, что их заинтересовало наименование следующей улицы. Когда узнали, что едут по улице Сталина, то, уже не стесняясь, расхохотались. Нам, хозяевам, все это было неприятно. Родившимся и выросшим в этом городе такое сочетание смешным вовсе не кажется. Когда же веселье «журналюг» стало попросту неприличным, я попросил шофера развернуть машину и ехать на север, в Дргвис. Попросил остановиться у одной из улиц, где на доме большими буквами масляной краской было обозначено, что это улица Буша. Тогда президентом США был Джордж Буш-Старший. Журналисты не верили своим глазам. Им объяснили, что городские власти далеки от предрассудков и названия улицам дают без каких-либо политических пристрастий. Этот комментарий настолько потряс гостей, что они надолго притихли» [16]. На самом же деле название улице было дано в честь супружеской четы ученых-ботаников, создателей Эрманского горно-лугового стационара – Николая Адольфовича и Елизаветы Александровны. (На территории стационара в честь Н.А. Буша установлен обелиск.)

Свои первые ботанико-географические путешествия на Кавказ – совместно с Н.А. Кузнецовым и А.В. Фоминым – Н.А. Буш совершил в 1894 и 1895 гг., будучи студентом Лесного института (ныне – Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова). Наряду с кавказской растительностью он изучал и ледники. Наставляли и поддерживали молодого исследователя прославленные путешественники – географ и статистик Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский (1827–1914) и геолог, «отец русской сейсмологии» Иван Васильевич Мушкетов (1850–1902). В письме Н.А. Буша от 17 ноября 1896 г. к профессору И.В. Мушкетову, председателю отделения физической географии ИРГО, руководившему работой комиссий по изучению ледников и сейсмической активности, в том числе и на Кавказе, говорилось: «Мне очень хотелось бы продолжить исследование уже посещенной местности, а также распространить его на местность между Тебердой и Эльбрусом. Ледники Дыхта, Учъ-Кулана и Улу-Кама с их притоками почти вовсе не изучены. Ботанические формации и их распространение и взаимные отношения в этой местности также не исследованы и представляют очень большой интерес» [2, л. 1, об. 2]. Планы Николая Адольфовича побывать «под Эльбрусом и в верховьях Большого Зеленчука» были реализованы: в период экспедиционных сезонов 1896, 1897 и 1899 гг. он «экскурсировал» по Карачаю.

В 1896 г. была изучена флора верховьев Теберды и Марухи, исследованы новые, никем прежде не описанные ледники. Маршрут поездки 1897 г. начинался от Баталпашинска и шел через Хумару в долину Теберды, к ее верховьям, затем – через Клухорский перевал в Абхазию, оттуда через Махарский перевал – в Большой Карачай [1, с. 3]. Тогда Николай Адольфович осмотрел ледники Чхалты, северного и южного склонов Главного Кавказского хребта между Тебердой и Эльбрусом. 19 сентября 1898 г. он писал И.В. Мушкетову: «Вы, Иван Васильевич, поставили мне задачей осмотреть и описать все ледники Кубанской области». И продолжал: «Ввиду очень большого количества ледников в Кубанской области (одних новых мне удалось найти в обе поездки больше 130), а также ввиду того, что мне приходилось заходить в верховья каждой, самой ничтожной, речки, берущей начало из ледников, является совершенно естественным, что я не имел возможности исполнить всю вышеупомянутую задачу в две кратковременные командировки, почему я и прошу еще одну, более продолжительную командировку» [2, л. 3, 4-4 об.]. Известно, что во всех походах сопровождали и всемерно поддерживали Н.А. Буша его карачаевские проводники Султан Байчаров и Ахья Семенов.

Благодаря содействию ИРГО Николай Адольфович вновь посетил долинные ледники Кубанской и Терской областей от Эльбруса и Донгуз-Оруна до Безенги и Мижирги и Чегема. В 1907 и 1909 гг. он был командирован в Большой и Малый Карачай Кубанской области, а в 1911 и 1913 гг. – в Нальчикский округ Терской области. Главной

целью экспедиций было ботанико-географическое исследование, что же касается ледников, то на Н.А. Буша, согласно инструкции, «было возложено лишь наблюдение над состоянием ледников (отступлением и наступлением их), установкой для этого меток и изучение формы нижних концов» [3, с. 461]. Так, относительно ледника Восточный Узун-Кол он констатировал: «По словам хозяина соседнего коша Мурзакула Темирбулатова, за две зимы (1904–1905 и 1905–1906) выпало так много снега, что он не успевал стаивать в течение всего следующего лета, и за эти годы ледник, по наблюдениям Мурзакула, нисколько не уменьшился, тогда как до этого времени уменьшение ледника было заметно и для него, Мурзакула» [3, с. 477]. При установлении метки на леднике Мижирги присутствовали Джашхо Султанларов из Безенги и таубий Хаджимурза Урусбиев из аула Урусбиева (последний был на всех ледниках Терской области, посещенных нами)» [3, с. 509]. При описании же ледников Адыл-Су – Шхельда – Безенги ученый отмечал: «Горцы Урусбиева аула и князь Науруз Урусбиев свидетельствуют, что наступление его не прерывалось в течение всего последнего периода отступления кавказских ледников» [3, с. 490, 491]. Величайшему леднику Кавказа Безенги, где впервые побывал в 1911 г., Н.А. Буш уделял особое внимание. Он, кстати, заметил, что «правильнее было бы Бизинги, но название Безенги принято в официальных документах», и дал его карачаево-балкарское наименование – Уллу-Чыран [3, с. 502]. Проводником был Кумук Суншев (рис. 1, 2).

В 1911 и 1913 гг. Николай Адольфович вместе с супругой Елизаветой Александровной Буш (1886–1960) приехали на Кавказ с новым научным поручением: исследовать Балкарию «в обширном смысле этого слова» [5, с. 5]. В 1911 г. они посетили ущелье Баксана с его главными боковыми ущельями: Терскол, Донгуз-Орун, Ирик, Адыл-Су, Адыр-Су, Юсенги, Сылтран и др., затем направились в Чегемское ущелье. «Весной 1911 года, – писал Н.А. Буш, – когда еще нельзя было идти в высокие горы, мы исследовали полосу широколиственных лесов, на большом протяжении от Н. Чегема (Чижик-Кабака) до Лескена, и затем, в 1913 году, нами исследовано Безенгийское ущелье, и вторично Чегемское ущелье с истоками. Дальше мы перевалили в Балкарию, в ущелье Балкарского Черека, и дошли до Агаштана» [5, с. 5]. Вновь в селение Безенги Н.А. Буш прибыл в 1913 г. (рис. 3, 4).

О подготовке к этой поездке сообщалось Начальнику Нальчикского округа в направленном 31 мая 1913 г. письме из Областного правления Терской области во Владикавказе: «Императорское Русское Географическое общество летом текущего года отправляет на Кавказ одну из своих экспедиций для физико-географических и ботанических исследований, а также для исследований ледника Безенги. В ученый состав этой экспедиции входят действительный член общества Старший Ботаник Ботанического Музея Императорской Академии наук профессор Николай Адольфович Буш с супругой ботаником Е.А. Буш и преподаватель С.-Петербургской Окружной гимназии Н.П. Неелов, который главным образом и будет производить наблюдения на Безенги. Вследствие этого Областное Правление по приказанию Начальника области и Наказного Атамана предлагает Вам сделать распоряжение подведомственным Вам чинам полиции об оказании профессору Н.А. Буш, жене его Е.А. Буш и Н.П. Неелову возможное законное содействие к успешному выполнению ими возложенного на них поручения». (Подписи: младшего помощника Начальника области, наказного полковника, советника и старшего делопроизводителя) [13, л. 2–2 об.]⁵.

О бытовых условиях экспедиции Н.А. Буш рассказывал, что «оно не было особенно легким. Это было вьючное путешествие. Мы спали все три месяца, не раздеваясь, на земле, в палатках, часто попадали под дождь и снег. Никаких заболеваний не ощущали, а наоборот, чувствуем себя поздоровевшими и, по-видимому, запаслись силами на несколько лет» [5, с. 9]. Три месяца ученые провели в Безенги: «Над ледником высятся грандиозные вершины: Гистола, Катын-Тау, Джанга-Тау, Шхара, Дых-Тау, из которых каждая выше Монблана. Название Шхара не горское, а кабардинское, и Кумук Суншев высказал предположение, что название это попало на карту потому, что топо-

⁵ Выражаю искреннюю признательность Муслиму Исмаиловичу Баразбиеву за любезное предоставление данного архивного материала.

графа сопровождал какой-нибудь кабардинец, который, не зная названия вершины, назвал ее «шхара», т. е. «вершина»⁶ [3, с. 502, 503].

После исследования Безенгийского ущелья в 1913 г. наступил продолжительный период, когда естественнонаучные экспедиции были трудноосуществимы – они возобновились лишь спустя двенадцать лет, и супруги Буш, командированные Академией наук, в течение трех месяцев 1925 г. работали в Балкарии и Дигории. Ими были исследованы пять районов: Суук-Ауз-Кая, ущелье Рцывашки, верховья Балкарского Черека и всех его истоков – Кара-Су, Дых-Су и др., затем Дигорский район (через перевал Штулу прошли до Карагома включительно) и – возвращаясь в Балкарию – район Сукан; главной темой было «восстановление картины прежней докультурной растительности страны» [5, с. 5, 6]. В ту поездку ученые отметили «ужасающее» лесоистребление в крае, описали разные типы растительности, собрали 5 847 гербарных листов и, невзирая на дождливо лето, сделали 75 определений высоты. Кроме того, сняли 117 фотографий, среди них – «отдельные растения, ледники, а иногда картины быта населения». И что немаловажно, в своих отчетах Николай Адольфович не обходил молчанием тему сложившихся взаимоотношений с местными жителями: «Мы с благодарностью вспоминаем о балкарском народе. Он нам оказывал всяческую помощь и полное сочувствие. Почти постоянно к нам обращались за разными советами самого разнообразного содержания: за медицинскими, ветеринарными, по части домашнего хозяйства и общежитскими. Чем могли, мы помогали всем. У нас сохранилось самое теплое чувство к балкарскому народу» [5, с. 8, 9] (рис. 5–11).

За время многократных поездок по северному склону Главного Кавказского хребта, совершенных Н.А. Бушем в 1896, 1897 и 1899 гг. совместно с Н.Н. Щукиным, в 1907 г. – в одиночестве, в 1908, 1909, 1911, 1913 и в последующие годы совместно с женой Елизаветой Александровной, всегда проводилась фотосъемка. И если первоначально ею занимался сотрудник ИРГО Н.Н. Щукин, то позже, овладев техникой и искусством фотографии, Николай Адольфович стал применять ее самостоятельно. «Я 30 лет занимаюсь исследованиями растительности Кавказа, главным образом, северного склона, – говорил он. – Каждый раз, попутно взбираясь на высокие горы, я обращал внимание также и на ледники. Важно определить их состояние: наступают ли они, увеличиваются ли в размерах или сокращаются? <...> Нами были поставлены иные метки – на девяти самых крупных ледниках Балкарии и Дигории, а в 1911 и 1913 годах на ледниках Баксана, Чегема и Безенги» [5, с. 8]. Наблюдая за изменениями их формы и структуры, наступлений и отступлений, Н.А. Буш понимал важность точной, засвидетельствованной фотографически фиксации их «жизни». В письме И.В. Мушкетову от 16 октября 1901 г. он сообщал о сделанных одиннадцати фототипиях ледников и просил опубликовать в «Записках ИРГО» отчет об экспедиции с приложением хотя бы семи или восьми из них [2, л. 6]. Накапливался постепенно и опыт высокогорных съемок, когда в окружающий ландшафт вводились фигуры людей и всадников, что давало ясное представление о размерах ледниковых напластований, источников и водопадов, гротов и морен. Вместе с тем «изохроматический материал и светофильтры обеспечили успешную съемку растительности», позволив Николаю Адольфовичу – ученому-ботанику и флористу – передать в ландшафтных снимках «оттенки в окраске зелени» и отчетливо различать все виды флоры – «осины, березы, ели, азалии в цвету» [12, с. 104, 109]. В качестве комментария небезынтересно напомнить, что в конце XIX в. в Линкольне формировалось объединение для создания «фотографического музеума», в котором можно было бы отыскать «все применения светописы к науке». Его зачинатели в циркуляре к фотографическим обществам и ученым обратились с просьбой «расставить все то, что существует уже сделанного, чтобы устроить музей на манер публичной библиотеки, где всякий мог бы найти себе указания по всем вопросам науки и искусства» [15, с. 280–281].

Научное наследие Николая Адольфовича Буша составляет около 150 работ, среди которых фундаментальные исследования, ботанические карты, учебники и т. д.; о значимости его вклада в гляциологию Кавказа говорит и тот факт, что современные ученые

⁶ Согласно ныне принятой этимологии, в соответствии с лингвистическими данными, название горы Шхара (карач.-балк. Ушхара) происходит от сванского слова «шхара» (შხარა) – «полосатый», «с полосами»: гора сложена гранитами и, на склонах ледника, кристаллическими сланцами [14, с. 503].

непрерывно учитывают в своих работах зафиксированную им информацию [7, с. 97, 100, 102; 17, с. 21]. За долгие годы преподавательской деятельности Н.А. Буш воспитал немало благодарных учеников и последователей. Так, одна из них, Анастасия Михайловна Семенова-Тян-Шанская (1913–1992) — геоботаник и доктор биологических наук — в «Записках о пережитом» запечатлела рельефные воспоминания. По ее словам, «высокий, грузный с пышными абсолютно белыми длинными волосами и аккуратно подстриженной белой бородой, Николай Адольфович всюду выделялся приветливым, веселым взглядом и доброжелательной улыбкой» [8, с. 204]. С 1907 по 1939 гг. Николай Адольфович и Елизавета Александровна вместе организовали и приняли участие в восемнадцати кавказских экспедициях, и в памяти людей, знавших их, они остались как одно неделимое целое. Будучи студенткой и выезжая в 1936–1937 гг. на летнюю практику в Эрманский горно-луговой стационар, Анастасия Михайловна отмечала любопытные детали и примечательные эпизоды. «Деликатнейший», с тонким чувством юмора, Николай Адольфович всегда и во всем держал себя очень серьезно, а главное, доброжелательно, и очень любил музыку. У селения Анели, на берегу Большой Лиахви, где на склоне ее террасы находится минеральный источник, он просто сиял, вдыхая чудный горный воздух и прислушиваясь к рокоту воды в реке, говорил: «Прислушайтесь хорошенько — этот говор водяных струй, его ни с чем нельзя сравнить — только с прекрасной музыкой». А потом, смеясь, добавил: «Помните, что на Кавказе все реки — Тереки, все воды — нарзаны, а мужчины — тарзаны» [8, с. 214]. Вместо подушки, вспоминала А.М. Семенова-Тян-Шанская, Елизавета Александровна использовала седло, а Николай Адольфович — маленькую кожаную подушечку, с которой путешествовал по Кавказу более 40 лет [8, с. 216]. Она подчеркивала неприязнительность и «удивительную бессеребрность» Бушей, их простоту в общении и уважительное отношение к горцам. Это были не только большие ученые и страстные исследователи, беззаветно любившие Кавказ с его замечательной природой, историей и людьми, но — прежде всего — «люди с большой буквы», «всегда стремившиеся помогать всем, не жалевшие ни сил, ни денег, ни всего, что у них было, для пользы дела, работы, для помощи студентам, молодежи, своим товарищам, сотрудникам, рабочим» [8, с. 223, 236]. Добрыми словами вспоминала Анастасия Михайловна и Юсупа и Магомета Цаноевых — приветливых и бесконечно преданных Бушам людей, их «любимых» балкарских проводников. Юсуп, которому было около 40 лет, с 1925 г. сопровождал ученых в горных походах, его племянник Магомет (возраста 21–22 лет) окончил семилетку и почти каждую зиму приезжал к ним в гости в Ленинград (Юсуп же побывал там лишь однажды). Николай Адольфович и Елизавета Александровна жили на набережной Карповки, рядом с Ботаническим институтом АН СССР на Аптекарском острове, в большой отдельной, сохранившейся с дореволюционных времен квартире. У них часто гостили приезжавшие в командировки или в отпуск кавказские ботаники, «в доме всегда был народ, было шумно и весело; постоянно велись интересные разговоры, обсуждались разные проблемы» [8, с. 207].

Переданная в дар музею «Балкарская коллекция» Н.А. Буша представляет безусловный научно-теоретический и познавательный-практический интерес, но что исключительно важно — дает возможность восстановить в памяти легендарного исследователя Кавказа, который воплотил в себе лучшие черты и успешного ученого, и яркого, замечательного человека, и всех его кавказских помощников и проводников.

На небольшой карточке 11 ноября 1922 г. Николай Адольфович сделал афористическую запись: «Наука и жизнь одинаково заслуживают любви, но последняя должна служить первой, а первая — для улучшения последней» [4, л. 1–1 об.]. Именно в этой мысли и раскрывается сформулированное им личное кредо.

Рис. 1. Семья Суниевых (Кумух, Маштай, Далгат, Наихо, Магомет) в национальных костюмах. Балкарцы. С. Безенги. 1913 г. Фотоколлекция МАЭ РАН. Музейный номер: МАЭ №3299-2⁷

Рис. 2. Наихо Суниева и Радымха Шахманова в национальных костюмах. Балкарцы. С. Безенги. 1913 г. Фотоколлекция МАЭ РАН. Музейный номер: МАЭ №3299-1

⁷ Все представленные репродукции принадлежат фотоколлекции МАЭ РАН.

Рис. 3. Группа жителей селения Тубенель (Безенги). Балкарцы. С. Безенги. 1913 г. Фотоколлекция МАЭ РАН. Музейный номер: МАЭ №3299-3

Рис. 4. Танцы. Балкарцы. С. Безенги. 1913 г. Фотоколлекция МАЭ РАН. Музейный номер: МАЭ №3299-4

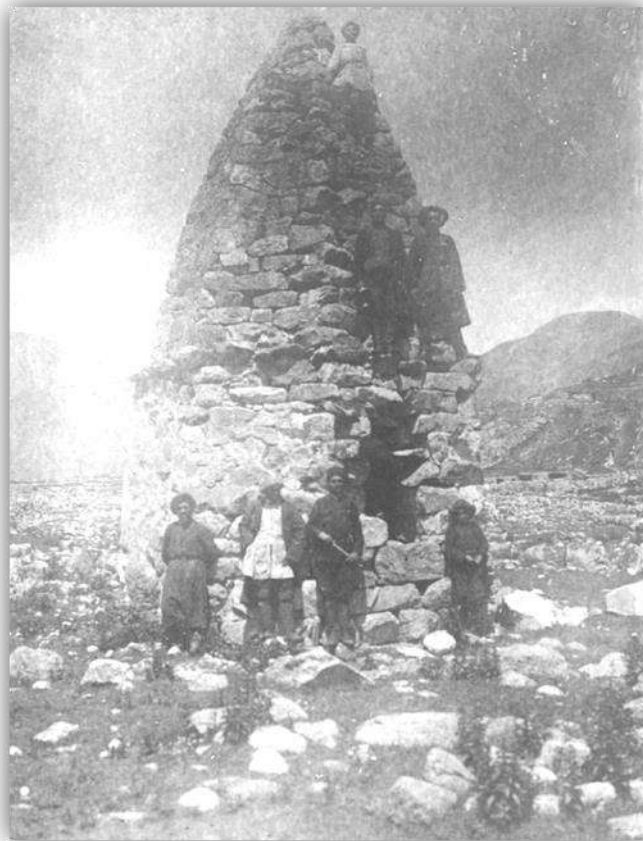

Рис. 5. Склеповое сооружение на древнем могильнике. Балкарцы. Черекское ущелье. 1913 г. Фотоколлекция МАЭ РАН. Музейный номер: МАЭ №3299-5

Рис. 6. Семья Мусаковых из с. Кюнюм. Балкарцы. 1913 г. Фотоколлекция МАЭ РАН. Музейный номер: МАЭ №3299-6

Рис. 7. Шабаз Цакоев с семьей в ауле Фардык. Балкарцы. 1913 г. Фотоколлекция МАЭ РАН. Музейный номер: МАЭ №3299-7

Рис. 8. Группа жителей селения Ишканты во дворе дома Абаевых. Балкарцы. 1913 г. Фотоколлекция МАЭ РАН. Музейный номер: МАЭ №3299-8

*Рис. 9. Танцы в селении Фардык. Балкарцы. 1913 г. Фотоколлекция МАЭ РАН.
Музейный номер: МАЭ №3299-10*

*Рис. 10. Семья Абаевых. С. Ишканти. Балкарцы. 1913 г. Фотоколлекция МАЭ РАН.
Музейный номер: МАЭ №3299-11*

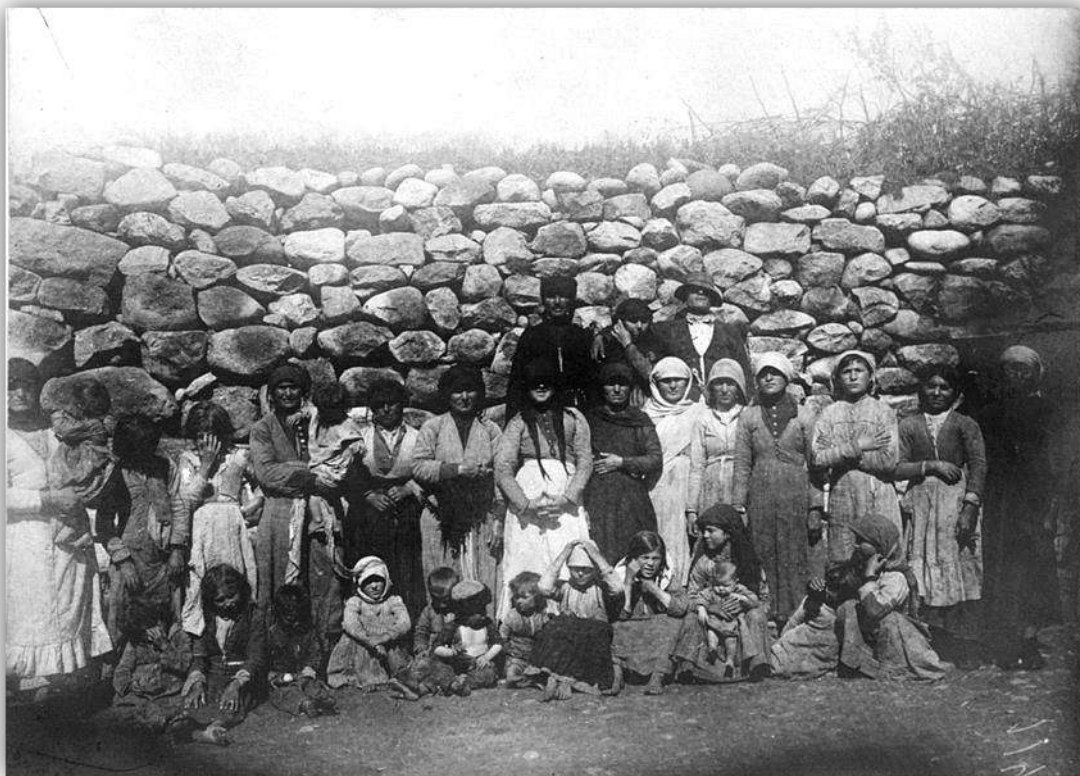

Рис. 11. Жители селения Тура-Хабль. Балкарцы. 1913 г. Фотоколлекция МАЭ РАН. Музейный номер: МАЭ №3299-12

Список сокращений:

1. АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
2. ИРГО – Императорское Русское географическое общество
3. МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
4. ОР РНБ – Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки
5. РАН – Российская академия наук

Литература:

1. Буш, Е.А. Материалы для флоры Карачая вообще и Тебердинской долины в особенности // Труды Тифлисского Ботанического сада. – 1909. – Вып. XI. – Кн. I. – 140 с.
2. Буш, Н.А. Письма (3) И.В. Мушкетову из Юрьева (Лифляндской губ.) 19 ноября 1896 г. // ОР РНБ. – Ф. 503. Архив Мушкетовых. Д. 117.
3. Буш, Н.А. О состоянии ледников северного склона Кавказа в 1907, 1909 и 1913 годах (с 12 чертежами в тексте и 12 цинкографиями) // Известия ИРГО. – 1914. – Т. L. – Вып. 9. – 50 с.
4. Буш, Н.А. Автограф-запись. 11 ноября 1922 г. // ОР РНБ. – Ф. 303. Собрание А.Е. Иванова. Д. 8.
5. Буш, Н.А. Растительность Балкарии. Нальчик: Издание Окружного исполкома Балкарского округа Кабардино-Балкарской автономной области, 1925. – 10 с.
6. Буш, Н.А. Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э.И. Колчинский. Сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 568 с.
7. Бушуева, И.С., Соломина О.Н., Жомелли В. История ледника Алибек по данным дистанционного зондирования, биоиндикации, 14С и 10Ве датирования // Лед и Снег. – 2015. – Т. 55. – № 3. – С. 97–106.
8. Воспоминания о Н.А. и Е.А. Бушах // Анастасия Михайловна Семенова-Тян-Шанская. Записки о пережитом / [сост. М.А. Семенов-Тян-Шанский и А.Ю. Заднепровская] – СПб.: Изд-во ООО «Анатолия», 2013. – С. 204–236.
9. Захаров, П.П. Николай Буш: моя любовь – Западный Кавказ [Электронный ресурс] // Mountain.RU – Режим доступа: http://www.mountain.ru/article/article_display1.php?article_id=5715, свободный (дата обращения: 27.06.2019).

10. Лавров, Л.И. Альбомы и макеты Д.А. Вырубова по этнографии и археологии Кабардино-Балкарии // Сборник МАЭ. – Т. 34. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. – С.71–84.
11. Манойленко, К.В., Федотова, А.А. Николай Адольфович Буш // Наука и техника: вопросы истории и теории. – 2008. – Вып. XXIV.
12. Морозов, С. Русские путешественники-фотографы. – М.: Гос. изд-во географической литературы, 1953. – 182 с.
13. Переписка с областным правлением о проезде через область лиц, командированных для производства различных исследований // Управление Центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. – Ф. И-6. Оп. 1. Д. 868.
14. Поспелов, Е.М. Географические названия России: топонимический словарь. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 523 с.
15. Фотографический музей в Англии // Фотограф-Любитель. – 1897. – №7.
16. Харебов, Б. Улица Буша, или Что имеем, не храним... [Электронный ресурс] // МИА Южная Осетия Сегодня. – Режим доступа: <http://south-ossetia.info/ulica-busha-ili-chto-imeem-ne-xranim/>, свободный (дата обращения: 27.06.2019).
17. Tielidze L. Glaciers of Georgia. – Springer, 2017.

УДК 93/99 (470.64)

Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич
 ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
 университет имени Х.М. Бербекова»,
 профессор кафедры этнологии,
 истории народов КБР и журналистики,
 г. Нальчик, Россия,
 E-mail: sabanchievkh-m@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ ПРОБЛЕМЫ ВХОЖДЕНИЯ БАЛКАРИИ В СОСТАВ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления изучения проблемы вхождения Балкарии в состав России. Определяются концептуальные подходы, выделяются ключевые моменты и тенденции развития историографии вопроса.

Ключевые слова: историография, Балкария, присоединение, вхождение в состав России

Sabanchiev Khadzhi-Murat Alekseevich
 Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
 Professor of Ethnology Department,
 History of the Nations of the Kabardino-Balkarian
 Republic and Journalism,
 Nalchik, Russia,
 E-mail: sabanchievkh-m@mail.ru

HISTORIOGRAPHY AND TERMINOLOGY OF THE PROBLEM OF BALKARIA'S ENTRY INTO RUSSIA

Abstract: The article deals with the main directions of studying the problem of Balkaria's entry into Russia. Conceptual approaches are defined, key points and trends in the development of the historiography of the issue are highlighted.

Key words: historiography, Balkaria, accession, entry into Russia

Среди проблем, имеющих важное научно-теоретическое значение, ключевая роль в отечественной историографии отводится вопросам присоединения и развития народов в составе Российской империи. Историографический анализ позволяет изучить оценку и характер присоединения.

В дореволюционный период проблему присоединения Балкарии к России первым поднял родоначальник балкарской историографии М.К. Абаев. Он пишет, что в 1827 г. владетельные князья от всех балкарских обществ прибыли в Ставрополь к командующему российскими войсками на Кавказе генералу Г. Эммануэлю и подали прошение о

принятии их в русское подданство. Депутация заявила главнокомандующему, что таубии желают присягнуть «белому царю» и привести к присяге свои народы с тем, чтобы государь гарантировал сохранение сословных прерогатив знати, а также традиционных обычаев и свободы вероисповедания. Генерал Г. Эммануэль согласился с предложениями таубиев, принял от них присягу на верноподданство и доложил по инстанции. Политический акт был утвержден на государственном уровне: «Государь повелел принять это подданство и считать присоединенными к России эти народы» [1, с. 607]. М.К. Абаев положительно оценивает присоединение Балкарии к России, прежде всего с просветительских позиций. Он также отмечает, что включение Балкарии в состав Российской империи произошло мирным, ненасильственным путем [1, с. 607].

Это мнение разделяет и В.Н. Кудашев. Отмечая обусловленность этого шага, он пишет, что, когда в Балкарию «проник слух о водворении русских на Северном Кавказе, балкарские таубии решили предохранить себя от возможных случайностей. Они добровольно признали себя русскими подданными» [17, с. 252].

В ранних трудах советских авторов возобладала точка зрения о негативных и отрицательных последствиях присоединения. В частности, В. Христианович и Л. Добрускин указывали на то, что с появлением российской администрации экономическая ситуация на Северном Кавказе несколько ухудшилась [35, с. 47; 12, с. 202]. Теоретико-методологические установки исследователей того времени определялись «школой Покровского» и ее концепцией «абсолютного зла». Российское самодержавие рассматривалось как «абсолютное зло», а Российская империя была объявлена «тюрьмой народов» [14, с. 164]. С 1936 г. «присоединение» стало рассматриваться в рамках теории «наименьшего зла», сформулированной И.В. Сталиным, А.А. Ждановым и С.М. Кировым по итогам конкурса на школьный учебник. Согласно выведенной формуле, «присоединение к России являлось для Украины и Грузии меньшим злом, чем если бы они оказались в составе Польши или Турции. В дальнейшем этот подход распространили на все кавказские народы, при этом значительно усилив акцент на благотворности русско-го влияния» [33, с. 110].

Принятие балкарскими таубиями российского подданства С. Воробьев и Д. Сарухан датируют 1827 годом и отмечают, что при этом царское правительство сохранило все их владельческие права и подтвердило их особой прокламацией [11, с. 23].

Выселение балкарского народа в годы Великой Отечественной войны тяжело отразилось на развитии его культуры. Исследовательская работа в области истории и культуры Балкарии была прервана и возобновилась с реабилитацией и возвращением балкарцев на родину в 1957 году. Стало возможным включить историю Балкарии в круг интересов исследователей, которые, помимо прочего, начали заниматься проблемой ее присоединения к России. Так, в «Очерках истории балкарского народа» – первой в советской историографии обобщающей работе – авторы соответствующего раздела придерживались мнения, что присоединение Балкарии к России произошло в 1827 г., когда балкарские таубии совместно с дигорскими бадилятами были приняты генералом Эммануэлем и присягнули русскому царю. Подчеркивается, что данное событие носило исключительно добровольный и прогрессивный характер [30, с. 37].

Следует заметить, что утверждению концепций «добровольности» и «прогрессивного значения» присоединения к России способствовал ряд партийных и правительственных документов, принятых в 1957 г. местными и центральными властями в связи с празднованием 400-летия «добровольного вхождения Кабарды в состав России». Отныне историки, работающие над проблемой присоединения Северо-Кавказского региона, должны были руководствоваться данной установкой. Это отличало работы советских историков в 50–80-е годы XX века [14, с. 148, 363].

В то же время выдвигаются новые предположения, сопровождающиеся дискуссией о времени и характере включения Балкарии в состав России. В ряде публикаций авторы склоняются к тезису о совместном с Кабардой вхождении Балкарии в состав России в 1557 г. [29, с. 15; 18, с. 40–41; 23, с. 12]. Логика суждений была предельно проста: в царском титуле Ивана Грозного упоминается формулировка «государь кабардинских, горских, черкасских земель». Между тем документы двух последующих столетий свидетельствуют: балкарцы «государю не послушны, живут о себе» [8, с. 138]. Тезис о совместном присоединении к Московскому государству адыгов и балкарцев не нашел поддержки в научных кругах ввиду отсутствия документальных подтверждений.

В академическом издании истории Кабардино-Балкарии сформулирован новый вывод, хотя механизм присоединения остался прежним – через Кабарду. В результате заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., утверждают авторы, влияние России на Кавказе значительно усилилось. «В подданство России поспешили перейти связанные с кабардинскими владетелями балкарские таубии и осетинские алдары. Следовательно, не только территория собственно Кабарды, но и соседние земли Балкарии и Осетии также оказались в составе России» [15, с. 171]. Это уже несколько ближе к истине в том смысле, что тогда официальная граница России передвинулась на Кубань, заметный импульс получило развитие кавказско-русских отношений, сложились политические предпосылки для вхождения Балкарии в состав России.

Попытка приобщить Балкарию к знаменательной вехе кабардинской истории повторилась в 1982 г. в связи с празднованием 425-летия присоединения. Идея о вхождении Балкарии в состав России в XVI веке теперь исходила от партийного руководства республики [8, с. 139]. Директивные органы независимо от мнения научной общественности насаждали искусственную и конъюнктурную схему, не способствовавшую объективному изучению прошлой истории народов Кабардино-Балкарии. Идеологический вектор подобных юбилеев служил интеграции с центром. Это позволяло региональным лидерам проявить себя на всесоюзном уровне, а местному бюджету сулило увеличение финансирования для реализации юбилейных торжеств [33, с. 111]. Наспех созванная конференция не была нацелена на приращение нового знания и вынуждена была ограничиться туманной формулировкой об «общности исторических судеб Кабарды и Балкарии» [8, с. 139].

Попытки утверждения тезиса о совместном вхождении Кабарды и Балкарии в состав России вызвали резкое неприятие со стороны некоторых авторов. Свои аргументированные замечания высказали В.М. Батчаев [8, с. 138–139] и Н.М. Будаев [10, с. 190–195], которые отстаивали 1827 год как время присоединения Балкарии к России. Л.И. Лавров значение «кабардинского фактора» видел в том, что присоединение Балкарии было невозможно без умиротворения Кабарды – промежуточной между Балкарией и Россией территории [22, с. 95].

Вопрос о времени вхождения Балкарии в состав России стал остро обсуждаемой темой в новейшей историографии. Так, К.Г. Азаматов, Х.И. Хутуев и И.М. Мизиев включение балкарских обществ в состав России относили к 90-м годам XVIII в., поскольку на картах того времени Балкария уже обозначена в составе российских владений [3, с. 276; 4, с. 32; 24, с. 95]. Г.Л. Бондаревский вновь возвращается к 1774 г. На его взгляд, трактовка российской стороной 21-й статьи Кючук-Кайнарджийского договора включала в себя также присоединение Балкарии, Осетии и Карачая [13, с. 38]. М.И. Барзбиев отмечает, что это событие было связано с политикой России в период Кавказской войны. Автор приходит к выводу, что прошение балкарской депутации, поданное в январе 1827 г., являлось простой формальностью, так как фактически балкарские общества после проведенных против них военных операций уже считались подданными Российской империи [6, с. 131]. Однако не следует преуменьшать значение акта верно-подданнической присяги, принесенной балкарскими таубиями генералу Эммануэлю в 1827 году. Как справедливо заметила Е.Г. Муратова, с точки зрения царской военной администрации это могло рассматриваться как простая формальность, но для балкарской феодальной элиты и всей массы населения Балкарии это было формой внутреннего признания новой политической реальности и необходимым условием легитимации российской государственной власти в общественном сознании [27, с. 11].

Большинство же исследователей, в числе которых Е.Г. Муратова, В.М. Батчаев, М.Ю. Кучинаев, Е.С. Тютюнина, Н.М. Будаев, О.О. Айшаев, Р.С. Тебуев, Р.Т. Хатуев и др., на документальной основе развили и закрепили опыт дореволюционной историографии, который опирался на прошение о вступлении в российское подданство в 1827 г. [25–28; 8; 19, 20; 34; 10; 5; 32]. Свое мнение пересмотрел и М.И. Барзбиев. В его новой интерпретации реальные условия вхождения Балкарии в состав Российского государства были созданы после замирения соседней Кабарды в конце первой четверти XIX века. В качестве отправной даты включения Балкарии в состав Российской империи автор выделяет совместное прошение делегации обществ Балкарии и Дигории, поданное 11 января 1827 г. командующему войсками на Кавказе генерал-лейтенанту Эммануэлю в г. Ставрополь [7, с. 96, 97]. Генерал Эммануэль принял от делегатов верно-подданническую присягу

императору Николаю I и его наследнику Александру Николаевичу, поручив им по возвращении в свои общества «тот час привести оныя на верноподданство к присяге». Далее автор заключает, что вхождение Балкарии в состав Российской государства стало важнейшим событием в истории балкарского народа, кардинально изменившим его дальнейшую судьбу, приводя положительные примеры этого события.

«В историографии принято считать, – пишет Р.М. Рахаев, – что датой вхождения того или иного народа в состав Российского государства является принесение присяги представителями этих народов, в котором они признают власть российского государя. Чаще всего этот процесс завершался выдачей детей-аманатов из влиятельных родов, от которых зависели решения важных вопросов, в том числе и политических» [31, с. 61].

Значительное влияние на концептуальное видение проблемы вхождения Балкарии в состав России оказали работы Е.Г. Муратовой. Вслед за К.Г. Азаматовым она значительное внимание уделила динамике русско-балкарских отношений в XVII – начале XX вв. На этом пути автор выделяет четыре этапа. Расписывая значение второго этапа, Е.Г. Муратова отмечает, что после покорения Кабарды балкарские таубии в 1827 г. присягнули на верноподданничество России. Это событие ученым типологизировано «как лояльный вариант социополитической адаптации этнического сообщества к государственно-административным реалиям империи» [28, с. 263].

Практически все авторы отмечают мирный и добровольный характер интеграции Балкарии в состав России. В этой связи для обозначения процесса предложено наиболее приемлемое в данном случае понятие – «вхождение» вместо традиционного для историографии «присоединение». К тому же «присоединение» термин более военный, нежели научный. Для современной историографии проблемы характерно употребление терминов «вхождение», «принятие подданства».

Вопросы причин и побудительных мотивов обращения балкарской депутации к генералу Эммануэлю историками рассматриваются с освещением военно-политических мероприятий А.П. Ермолова [22, с. 95; 6, с. 131; 8, с. 154; 28, с. 261]. В 1822 г. генерал Ермолов с войсками прошелся по всей Кабарде и по некоторым районам Балкарии. С потерей независимости Кабарды война географически локализовалась с территорией проживания балкарцев. Позиция балкарской элиты в той исторической ситуации была, безусловно, дальновидной. Принятие российского подданства предотвратило вторжение войск и военный разгром, позволило избежать неминуемых человеческих и материальных потерь, а также интегрироваться в сильную и большую империю [21, с. 72].

Вхождение Балкарии в состав России – это не единовременный акт, а длительный процесс. Историки стараются разобраться во всех противоречиях этого времени. Учеными рассматриваются административная политика Российской империи, устройство судебной системы, гражданское устройство. Российское правительство апробировало разные модели управления новыми территориями, проводило структурные буржуазные реформы [9; 16; 25; 2]. К концу XIX в. народы Центрального Кавказа перешли на общеимперскую систему гражданского устройства.

Модернизационные изменения, проводимые Россией в регионе, исследователями оцениваются по-разному. Доминирует точка зрения о прогрессивной роли империи в социально-экономическом и культурном развитии Балкарии. Не отрицая этого, некоторые авторы негативно относятся к методам их осуществления [19, с. 289–290].

Наращивание потенциала исторических знаний о российско-кавказских отношениях в XVI–XIX веках придало толчок историографическому осмыслению проблемы. В частности, историографические аспекты нашей темы получили освещение в трудах Р.М. Рахаева, А.А. Журтовой, А.Н. Максимчика [31; 14]. В них анализируются дискуссии в научной литературе, отмечается, что в новейших исследованиях обосновывается традиционная в историографии дата вхождения Балкарии в состав России в 1827 г. Подчеркивается, что политическое оформление процесс получил в акте присяги балкарских таубиев.

В целом, несмотря на разброс точек зрения, есть позитивные перемены в освещении важного аспекта национальной истории – объективное, без каких-либо пристрастий исследование вопроса вхождения Балкарии в состав России. Полученные результаты позволяют существенно дополнить общую концепцию взаимоотношений Российского государства и народов Северного Кавказа в период с XVII до начала XX века. Представление истории балкарского народа как органической части российской исто-

рии, в которой он присутствует в качестве ее субъекта, активного участника социального и культурного взаимодействия, создает основу для удовлетворения потребности в поддержании этнической идентичности и укрепления общероссийского гражданского самосознания и патриотизма.

Литература:

1. Абаев, М.К. Балкария. Исторический очерк // Мусульманин. – Париж, 1911. – №14–17. – С. 586–627.
2. Абазов, А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. – 262 с.
3. Азаматов, К.Г. К вопросу о русско-балкарских отношениях в XVII-XVIII вв. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.). – Грозный, 1982. – С. 273–276.
4. Азаматов, К.Г., Хутуев, Х.И. Мисост Абаев: Общественно-политические взгляды. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – 132 с.
5. Айшаев, О.О. Присоединение Балкарии к России и его историческое значение. Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://aishaev.ucoz.ru> (дата обращения: 07.05.2019).
6. Баразбиев, М.И. Карачай и Балкария в Кавказской войне // Исторический вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – Нальчик, 2005. – Вып. II. – С. 126–140.
7. Баразбиев, М.И. Из истории балкаро-русских отношений XVII – начала XX века // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. – Т. 1. – Карачаевск, 2008. – С. 90–101.
8. Батчаев, В.М. Балкария в XV – начале XIX вв. – М.: ТАС-Издат, 2006. – 190 с.
9. Блиева, З.М. Становление российского бюрократического аппарата на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. – Владикавказ: Изд-во Ир, 2001. – 223 с.
10. Будаев, Н.М. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XX вв. – Черкесск, 2007. – 240 с.
11. Воробьев, С., Сарахан, Д. Кабарда и Балкария. – Ростов-на-Дону, 1932. – 81 с.
12. Добрускин, Л. Кабарда и Балкария в прошлом // Революционный Восток. – М., 1933. – №3–4. – С. 196–221.
13. Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. – М.: Норма, 1998. – 672 с.
14. Журтова, А.А., Максимчик, А.Н. Историография российско-кавказских отношений в XVI–XIX в.: два подхода к осмыслению проблемы. – Владикавказ, 2017. – 439 с.
15. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. Т.Х. Кумыкова. – М.: Наука, 1967. – Т. 1. – 482 с.
16. Калмыков, Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.) / Ж.А. Калмыков. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.
17. Кудашев, В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. 2-е изд. – Киев, 1913. – 300 с.
18. Кумыков, Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – 350 с.
19. Кучинаев, М.Ю. История Балкарии с древнейших времен и до конца XIX в. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. – Кн. 1. – 412 с.
20. Кучинаев, М.Ю. «Считать присоединенными к России эти народы...» // Литературная Кабардино-Балкария. – Нальчик, 2012. – №4. – С. 83–88.
21. Кучмезова, М.Ч. Карачаево-балкарская диаспора в Турции и странах Ближнего Востока // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. – Нальчик, 2000. – С. 70–97.
22. Лавров, Л.И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // Кавказский этнографический сборник. – М., 1969. – Т. 4. – С. 55–120.
23. Мамбетов, Г.Х. Кабардино-Балкария в братской семье народов СССР. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 120 с.
24. Мизиев, И.М. История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России // Минги тау. – Нальчик, 1993. – №1 (53). – С. 7–104.
25. Муратова, Е.Г. Балкария на пути к единству с Россией // История многовекового содружества. – Нальчик, 2007. – С. 169–184.
26. Муратова, Е.Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 419 с.

27. Муратова, Е.Г. От сближения к интеграции: Балкария и Российское государство в XVII–XIX вв. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – Нальчик, 2017. – №3 (34). – С. 7–12.
28. Муратова, Е.Г. Балкария в системе кавказской политики России конца XVIII – первой трети XIX в. Принятие российского подданства (1827 г.) // Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в Российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). – Нальчик, 2017. – С. 252–263.
29. Невская, В.П. Добровольное присоединение Черкесии к России. – Черкесск, 1957. – 72 с.
30. Очерки истории балкарского народа. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1961. – 247 с.
31. Рахаев, Р.М. О присоединении Балкарии к России (историография проблемы) // Перспектива-2007: Материалы Международного конгресса студентов, аспирантов и молодых ученых. – Нальчик, 2007. – С. 61–62.
32. Тебуев, Р.С., Хатуев, Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. – М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. – 224 с.
33. Тихонов, В.В. История лоббирования руководством Кабардинской АССР 400-летия «добровольного присоединения» к России // Новейшая история России. – М., 2017. – №4. – С. 107–114.
34. Тютюнина, Е.С. Шаги навстречу // Балкария. Страницы прошлого. – Нальчик, 2006. – Вып. 3. – С. 4–5.
35. Христианович, В. Из истории Кабары и Балкарии (эпоха борьбы с крымскими ханами и ногайцами). Кабардинская автономная область (к 1-й годовщине автономии) / В. Христианович. – Нальчик, 1922. – 106 с.

УДК 323.1.

Султанбеков Рабадан Магомедович
 ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
 педагогический университет»,
 доцент кафедры истории, г. Махачкала, Россия,
 E-mail: rabadan.sultanbtkoff@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

***Аннотация:** В статье предпринята попытка анализа современного состояния исследования проблемы российско-кавказских отношений в отечественной историографии. Отмечено, что в отечественной историографии сформировались различные подходы в оценке российско-кавказских взаимоотношений, в частности политических.*

***Ключевые слова:** Кавказ, Дагестан, Россия, «имперский» подход, «российскость», фронтир*

Sultanbekov Rabadan Magomedovich
 Dagestan state pedagogical University,
 associate Professor of historical department,
 Makhachkala, Russia,
 E-mail: rabadan.sultanbtkoff@yandex.ru

PRESENT STATE OF RESEARCH ON PROBLEMS OF RUSSIAN-CAUCASIAN RELATIONS IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY

***Annotation:** The article attempts to analyze the current state of the study of the problem of Russian-Caucasian relations in Russian historiography. It is noted that different approaches to the assessment of Russian-Caucasian relations, in particular political ones, have been formed in Russian historiography.*

***Key words:** Caucasus, Dagestan, Russia, «Imperial» approach, «Russian», frontier*

Проблема интеграции народов Северного Кавказа, в частности Дагестана, в состав Российской империи является одной из актуальных и дискуссионных, несмотря на это, в отечественной историографии существует три подхода.

Первый из них получил условное название «имперский» подход. Сторонники данного подхода – как дореволюционные, так и современные историки. Начало этому направлению положил курс лекций генерала Д.И. Романовского. Он опирается на такие ключевые понятия, как «усмирение Кавказа» и «колонизация» (в смысле освоение территории) [1]. После установления советской власти многие представители русской имперской традиции оказались в эмиграции. Из их работ следует отметить учебник Н. Рязановского «История России», который был неоднократно переиздан [2]. Сторонники этого направления представлены также в англоязычной «Современной энциклопедии по русской и советской истории», вышедшей в 1970 г. под редакцией Дж. Л. Висжинского.

В современной России это направление представлено научной школой М.М. Блиева. Одной из первых работ данного направления является книга М. Блиева и В.В. Дегоева «Кавказская война» [3], в которой имперская научная традиция сочетается с ориенталистским подходом. В подобном духе написана другая монография М.М. Блиева «Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации» [4]. Основными тезисами этого подхода являются указания на «горское хищничество» и «религиозный фанатизм», а также «набеговая система», которые стали, по их мнению, основной причиной Кавказской войны. В рамках данного подхода подчеркивается «благодетельная», «цивилизаторская» роль России на Кавказе. Подавляющее большинство северокавказских и российских историков отрицательно отнеслись к новым концептуальным подходам в трактовке русско-кавказских отношений, предпринятых М. Блиевым, В.В. Дегоевым на рубеже XX–XXI вв. Это положило начало острой научной полемике, достаточно аргументированной, но зачастую носящей идеологизированный и политизированный характер. Значительным вкладом в развитие историографии стал выход сборника статей В.В. Дегоева [5], где нашли отражение результаты многолетних исследований автора. Значимость данной работы заключается в том, что это одна из первых в отечественной историографии попыток проанализировать повседневную жизнь горцев и русских солдат, т. е. взглянуть на проблему русско-кавказских отношений не с позиции постоянных военных конфликтов, а на хозяйственно-бытовом уровне. Существенным вкладом в развитие историографии российско-кавказских отношений стала книга Я.А. Гордина «Кавказ, земля, кровь» [6], в которой на основе многочисленных документов и материалов показано, как на практике реализовался имперский комплекс идей, как они трансформировались в соответствии с обстановкой и внешними вызовами.

Второй подход получил название «национально-освободительный». Он основывался на противопоставлении понятий «завоевания» и «сопротивления». В основе этого подхода лежит взгляд на борьбу народов Дагестана и Чечни, как на справедливую «антифеодальную» и «антиколониальную» борьбу за независимость. Основным тезисом данного подхода является «колониальная политика царизма», проводившаяся «царским самодержавием» [7]. В советский период (с конца 20–30-х гг. и период после 1956 г.) в качестве «завоевателей» выступали антинародный «царизм» и «империализм» [8]. В советской исторической традиции также употреблялись ключевые понятия, заимствованные из имперского подхода, но поставленные в иную систему координат. Представление о советской трактовке «колонизации» на Северном Кавказе может дать отрывок из труда известного историка российско-кавказских отношений А.В. Фадеева: «...всякое колониальное движение вызывается не какими-либо идейными побуждениями или свойствами национального характера, а экономическими потребностями общественных классов и социальными условиями их существования. При этом государство поощряет те формы и направления колониального процесса, которые выгодны в данный момент господствующему классу» [9].

В конце XX – начале XXI века в рамках данного подхода сформировались две историографические традиции, выдвинувшие разные трактовки российско-горского взаимодействия. Представители первой концепции М.М. Блиев [10], В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, Ю.Ю. Клычников [11] считают, что «экспансионизм» горцев вынуждал Российскую империю предпринимать колониальные ответные действия, но и в то же время, по их мнению, «не завоевывала Россия Кавказ, а отвоевывала его совместно с кавказскими народами у Персии и Турции, господствовавших в тот период в регионе...» [12] Их оппоненты (Р.М. Магомедов, Х.Х. Рамазанов, В.Г. Гаджиев, В.К. Дзамихов, Ш.А. Гапуров) подчеркивают, что «превалирование военных, насильственных методов в проведении колониальной экспансии на Северном Кавказе в целом началось с последней трети XVIII в. Значимость этих методов возрастала по мере усиления военной мощи России, ослабления ее противников в Евразийском континенте» [13].

В связи с этим нужно сказать, что все они являются северокавказскими исследователями, и, на наш взгляд, в контексте исследуемой проблемы в первую очередь надо признать факт состоявшейся истории и считать недопустимым при выяснении объективных и субъективных причин применение политизированных и эмоциональных аргументов.

Существование этих историографических традиций образует на сегодняшний день настолько замкнутое пространство, что затрудняет дальнейшее нормальное развитие исторических исследований в данном направлении, поскольку заиклено в постоянно повторяющихся дискуссиях. Анализ комплекса проблемных вопросов Кавказской войны и их интерпретации современными отечественными кавказоведами позволяет нам сделать вывод о том, что «российские» и «северокавказские» подходы должны не опровергать, а дополнять друг друга.

Третий подход, получивший развитие в историографии, можно назвать «геополитическим». В основе этого подхода лежит глубокая убежденность в том, что политика России с самого начала зарождения государственности отличается стремлением к расширению и порабощению присоединенных территорий. Как отдельное направление «Геополитическая школа» берет начало в публицистике Д. Уркварта. По его мнению, именно Кавказ выступает как «щит», прикрывающий Персию и Турцию от продвижения русских [14]. Фундаментальной работой этой школы является вышедшая в начале XX в. работа Дж. Бедли «Завоевание Кавказа Россией» [15]. Примером данного подхода может служить и фундаментальная работа В.В. Дегоева [16]. Выделим также работу французского историка Э. Осли [17].

В конце 90-х годов получает распространение новое исследовательское направление, которое получило название «российскости» [18]. В структуре этой концепции проблематика, связанная с процессом анализа российско-кавказских отношений, соперничеством Российской и Османской империй в регионе, представляется наиболее важным этапом истории, определившим длительное соперничество Порты с Россией, генерацию последней, многообразных доктрин, форм и методов инкорпорации Северо-Кавказского региона в состав Российского государства. Процесс длительной интеграции народов Дагестана в состав Российской империи, осуществлявшийся в условиях быстро менявшихся внутри- и внешнеполитических условий, нашел свое видение в огромном количестве научных исследований, рассматривающих различные аспекты единения России и народов Кавказа, как прогрессивный, исторически закономерный итог взаимного сосуществования. Наиболее значимыми в этом направлении являются работы З.Б. Кипкеевой, Ю.Ю. Клычникова, М.С. Тхайцухова [19]. В духе «российскости» освещены многовековые связи народов Дагестана и юга России в трудах проф. М.Р. Гасанова [20].

Монография молодых историографов России и Беларуси А.А. Журтовой и А.Н. Максимчика [21] разделена на два самостоятельных раздела, дополняющих друг друга и создающих новое дискуссионное историографическое пространство. Авторы выдвинули совершенно новые подходы в оценке сложных по своему характеру, многогранных по содержанию российско-кавказских отношений.

Проблеме формирования восточнославянской этносферы на Кавказе посвящена монография В.А. Матвеева [22]. В качестве одного из главных аспектов интеграционного процесса автор выделяет воздействие демографического фактора. Также проанализированы конфессиональные особенности проводившейся политики.

В современной исторической науке все чаще входит в употребление термин «фронтир», т. е. «сложный способ военного, хозяйственного и культурного взаимодействия российских властей с местным населением, разработанный для американской истории Фредериком Тернером» [23]. Представителем современного направления в западной историографии выступает Томас М. Барретт, автор статьи «Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» России» [24]. В отличие от других исследований, описывающих преимущественно сопротивление горцев экспансии России, Барретт анализирует историю Кавказской линии и сложные взаимодействия русских военных крепостей с ландшафтом и населением пограничья: «Я пытаюсь доказать, – писал он, – что российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования «фронтира» – приграничной, порубежной зоны, включавшей внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых сообществ и отказ от старых» [25, с. 165]. Еще один интересный сюжет, посвященный фронтису, присутствует в монографии Остина Джерсильда [26]. Как

полагает Джерсильд, Россия имела на Востоке свою особую миссию: «Современная и просвещенная империя должна была базироваться кое на чем-то отличном от исторического «собрания стран» царем Московии, армии и церкви. Общества в пограничье (borderland communities), наподобие образованного общества на Кавказе, обладали важными голосами, которые формировали новое сознание империи, появившееся в России с середины девятнадцатого столетия» [26, с. 146].

В отечественной историографии теоретическое обоснование проблемы «фронттира» базируется и воспринимается в следующем контексте. Для понимания сути теории кавказского фронттира подходят два из трех положений, выдвинутых М.В. Шиловским относительно сибирского фронттира [27, с. 173–175]. По мнению А.С. Хромых, «целесообразнее говорить не о видах, а о стадиях фронттира, так как они последовательно сменяли друг друга [28, с. 5]. Проблеме исследования кавказского фронттира в современной западноевропейской историографии посвящена статья А.В. Щербины [28, с.76–78]. Заслуживают внимания работы Б.Н. Миронова, Д.И. Олейникова, С.Н. Якушенкова [29], в которых освещены основные положения относительно кавказского фронттира. Почти все отечественные исследователи допускают общую теоретическую ошибку, механически перенося выработанную для американской истории концепцию Тернера «дикость» и «цивилизация» на процесс интеграции Кавказа в состав России.

Литература:

1. Романовский, Д.И. Кавказ и Кавказская война // Публичные лекции, читанные в зале Пасажа Генерального штаба полковником Романовским Д.И. – СПб., 1860. – 320 с.
2. Riasanovsky, N.V. A History of Russia. – N.Y., 1963. – 641 p.
3. Блиев, М., Дегоев, В.В. Кавказская война. – М.: Росет, 1994. – 592 с.
4. Блиев, М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 877 с.
5. Дегоев, В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. – М.: SPSL – «Русская панорама», 2003. – 512 с.
6. Гордин, Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Звезда, 2000. – 465 с.
7. Магомедов, Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала, 1991 (2-е издание). – С. 50.
8. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.: Материалы всесоюзной научной конференции 20–22 июня 1989 г. – Махачкала, 1994. – 358 с.
9. Фадеев, А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. – М.: Наука, 1960. – 398 с.
10. Блиев, М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – С. 135.
11. Виноградов, Б.В., Виноградов, В.Б., Клычников, Ю.Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XIX века. – Славянск-на-Кубани, 2012. – С. 5–6.
12. Клычников, Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика. – М., 2015. – С. 91.
13. Гапуров, Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик, 2003. – 448 с.
14. Британские идеологи русофобии XIX века. Битва за Кавказ // <https://www.russiapost.su/archives/44168>.
15. Baddeley, J. The Russian conquest of the Caucasus. – London, New-York, Bombay, Calcuta: Longmans, Green and Co, 1908. – 595 p.
15. Дегоев, В.В. Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. – М., 2009. – 550 с.
16. Осли, В.Покорение Кавказа. Геополитическая эпопея и войны за влияние. – М., 2008. – 622 с.
17. Виноградов, В.Б. Российскость как основа русско-кавказского совместничества // Российскость: прошлое, содержание, историческая реальность. – Армавир, 1999. – 264 с.; Великая, Н.Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. – Южнороссийское обозрение. – №45. – Ростов-на-Дону, 2007. – С.88–101.
18. Клычников, Ю.Ю. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа. – Пятигорск, 2004. – 113 с.; Кипкеева, З.Б. Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа; миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). – М., 2006. – 359 с.; Тхайцухов, М.С. Этнополитическая ситуация на Северо-Западном Кавказе в период Кавказской войны // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции / Под ред. В.В. Дегоева. – М., 2007. – С. 49–60.

19. Гасанов, М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России. – Махачкала, 2004; его же. К истории связей Кавказа и Юга России. – Махачкала, 2013. – 608 с.
20. Журтова, А.А., Максимчик, А.Н. Историография российско-кавказских отношений в XVI–XIX вв.: два подхода к осмыслению проблемы. – Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2017. – 440 с.
21. Матвеев, В.А. Русская оседлость на Кавказе: особенности формирования во второй половине XVIII – XIX вв. – Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ, 2018. – 240 с.
22. Rereading Frederick Jackson Turner. The significance of the Frontier in American history and other essays / Yale University Press, 1998.
23. Tomas, M. Barrett. Lines of Uncertainty: The Frontiers of the North Caucasus, 1995.
24. Томас, М. Барретт. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара, 2000. – С. 30–43.
25. Austin Jersild. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain People and the Georgian Frontier, 1845–1917. McGill-Queen's University Press, 2002.
26. Шиловский, М.В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки. – Новосибирск, 2003. – Вып. 3. – 128 с.
27. Хромых, А.С. Проблема «Сибирского фронта» в современной российской историографии. – Вестник Челябинского государственного университета. – №5. – Челябинск: ЧГУ, 2008. – С.106–113.
28. Щербина, А.В. Кизляр в кавказской политике России // Материалы научной конференции университетов Юга России. – Кизляр, 2005. – С. 9–11.
29. Миронов, Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. – Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. – 884 с.; Олейников, Д.И. Фронт и колонизация. <http://te.zavantag.com/docs/2598/index-27265.html>; Якушенков, С.Н. Нижневолжский фронт / Учебное пособие. Астрахань, 2014. – 236 с.

УДК 930

Тахушева Инна Сарбиевна
Северо-Кавказский институт – филиал
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
аспирант направления подготовки
«Исторические науки и археология», г. Пятигорск, Россия,
E-mail: tahusheva94@mail.ru

КАВКАЗ В РЕДАКЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ЛИБЕРАЛЬНО- ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ РОССИИ XIX В.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье рассмотрен системный подход как методологическая основа анализа истории народов Северного Кавказа в дореволюционных либерально-демократических журналах «Современник» и «Отечественные записки». Автор аргументирует практическую применимость системного подхода к истории журналистики, обосновывает эффективность и целесообразность использования данного метода для изучения журнальных публикаций о Кавказе. В рамках обозначенной методологии автором осуществлены декомпозиция (выделение) системы, структурный анализ изучаемой системы и исследование ее функциональных связей.

Ключевые слова: система, декомпозиция, системный подход, системный метод, либерально-демократическая печать, журнал, журналистика, «Современник», «Отечественные записки», Кавказ

Takhusheva Inna Sarabievna
The North Caucasus institute – branch
of the Russian academy of national economy
and public administration at the President
of the Russian Federation,
post-graduate student in the preparation
of «Historical Sciences and Archeology»,
Pyatigorsk, Russia,
E-mail: tahusheva94@mail.ru

THE CAUCASUS IN THE EDITORIAL POLICY OF THE LIBERAL-DEMOCRATIC JOURNALS OF RUSSIA XIX CENTURY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Abstract: *The article considers a systematic approach as a methodological basis for analyzing the history of the peoples of the North Caucasus in the pre-revolutionary liberal-democratic journal's «Sovremennik» and «Otechestvennye zapiski». The author argues the practical applicability of a systematic approach to the history of journalism, justifies the effectiveness and feasibility of using this method to study journal publications about the Caucasus. Within the framework of the designated methodology, the author carried out the decomposition (extraction) of the system, the structural analysis of the system and the study of its functional relationships.*

Keywords: *system, decomposition, systems approach, systems method, liberal-democratic press, journal, journalism, «Sovremennik», «Otechestvennye zapiski», the Caucasus*

Условия функционирования и развития российской периодической печати, ее отношение к протекающим в стране процессам постоянно находятся в научном поле отечественной исторической науки. Актуальность этого поиска обусловлена как насыщенными, но непоследовательными процессами в сфере средств массовой информации и их влиянием на культурную, социальную, политическую, духовную жизнь страны, так и по-прежнему важной задачей теоретического постижения и практического решения проблемы поиска и обретения исторических источников, без которых невозможна реконструкция прошлого нашего общества. Среди множества самых разнообразных источников особое место занимают материалы периодической печати, которые позволяют достаточно глубоко проникнуть в минувшие события.

В этом ракурсе показательна история журналов «Современник» (1836–1866) и «Отечественные записки» (1818–1884). В середине и второй половине XIX в. они занимали основное место среди подконтрольных цензуре революционно-демократических периодических изданий в России. В демократической прессе более отчетливо и полно отражалась жизнь общества: бесправие народа, всевластие абсолютизма, необходимость освобождения от феодального произвола, судьба многочисленных народов России.

Особую значимость для нас имеет то, что на страницах прогрессивных периодических изданий были опубликованы статьи, материалы, библиографические и критические заметки, художественные произведения, непосредственно связанные с Кавказским регионом. Редакционная коллегия ведущих российских журналов много внимания уделяла злободневной общественной проблеме – формам и методам включения народов Кавказа в политическое и правовое пространство Российской империи, что требует серьезного исторического и историографического анализа. В рамках этой цели мы провели исследование подвижнической и просветительской деятельности журналов «Современник» и «Отечественные записки», выявили в них и проанализировали группы публикаций о Кавказском регионе, опубликовали результаты исследований в ведущих российских научных изданиях [16].

Цель настоящей статьи – систематизировать журнальные публикации XIX в. о горцах Кавказа с позиций системного подхода. Поэтому важно понять саму методологию системного подхода и его практическую применимость к истории журналистики.

Системный подход как специальный методологический подход выделился в 1940-х гг. под влиянием, прежде всего, общей теории систем австрийского ученого Людвиг фон Берталанфи. Впоследствии этот подход предстал перед научным миром в качестве общенаучной методологии познания. Принципы системного подхода предусматривают исследование всякого явления как элемента целостной системы. Специфика системного подхода определяется тем, что он направляет научное исследование на открытие целостности объекта и составляющих ее механизмов, на выявление многогранных типов связей комплексного конструкта и соединение их в общую теоретическую концепцию. Ключевые положения и основания системного подхода способствуют построению новых предметов изучения, отмечая структурные и типологические характеристики этих предметов, и, таким образом, позволяют формировать рациональные исследовательские программы.

Дефиниция «система» – сложная категория, имеющая множество определений [15, с. 64–65]. В наибольшей степени определяет сущность понятия следующее: «Система – это совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которые образуют определенную целостность, единство» [6, с. 8]. Как и всякая другая фундаментальная дефиниция, понятие системы полнее всего раскрывается в процессе выявления его основополагающих свойств и общих параметров. В разных научных исследованиях [5] выделяется множество характеристик системы: структурность, целостность, взаимосвязь со средой, целенаправленность, самоорганизация, иерархичность и др. В.Г. Афанасьев отмечает, что «системный подход – это качественно более высокий, нежели просто предметный способ исследования. Это переход от познания отдельного к общему, от однозначного к многозначному, от абстрактного к конкретному, от одномерного к полимерному, от линейного к нелинейному и т. д.» [2, с. 7].

Отечественные ученые Е.В. Ахмадулин [3], Е.А. Корнилов [10, с. 27–39], С.Я. Махонина [13, с. 21–35] и др. утверждали, что можно плодотворно применить системный метод к изучению истории журналистики. «Если исходить из того, что система – это множество взаимосвязанных элементов, образующих определенную целостность и это целостное образование приобретает новые качественные характеристики, не содержащиеся в образующих его компонентах [17, с. 11; 2, с. 18], то, несомненно, журналистика (в широком понимании этого термина) является сложной многокомпонентной и многофункциональной системой, органически входящей в социальную систему общества в целом», – пишет Е.В. Ахмадулин [4, с. 118–129].

Таким образом, определяя систему как упорядоченное определенным образом множество элементов, связанных друг с другом и образующих некоторое целостное единство, сторонники системного метода наделяют этими свойствами журналистику и пытаются применить к ней данный подход. Как систему исследователи выделяют СМИ и журналистику [7, с. 178–179]. Этот многоаспектный процесс отбора из комплекса существующих в объективной реальности систем интересующей исследователя конкретной системы называется *декомпозицией (выделением) системы* [8, с. 168]. При ее реализации обнаруживаются системообразующие (системные) признаки, обычно несколько из них. Эти отличительные признаки неразрывно связаны и определяют структуру данной системы, т. е. выражают ее целостность и устойчивость.

После проведения процедуры декомпозиции системы исследователь производит ее *структурный анализ*. Этот анализ включает выявление связей компонентов системы, а также их существенных признаков. Итогом является получение знаний о конкретной системе.

На третьем этапе – *функциональном* – устанавливается место системы в иерархии реальностей, исследуются все ее функциональные связи. Функциональный анализ способствует выявлению связи системы с окружающим миром, признаков окружающей среды (других систем и организаций иных уровней), которые определяют природу изучаемой системы.

С позиций системного подхода мы сформулировали принципы научного исследования истории народов Северного Кавказа в либерально-демократической периодике России XIX в. Программа исследования включает, во-первых, декомпозицию (выделение) системы, во-вторых, структурный анализ изучаемой системы и, в-третьих, функциональный анализ – определение места системы в иерархии реальностей.

В качестве системы выступает либерально-демократическая журналистика России XIX в. Деятельность по сбору, систематизации, компоновке, трансляции информации составляет специфику журналистской деятельности во всех ее проявлениях [9, с. 3], и этой деятельности подчинены все организационные, технические, творческие и другие структуры журналистики [14, с. 14].

Содержание либерально-демократических журналов, обративших пристальное внимание на народы Кавказа и актуальные события региона, можно разделить на три основных периода:

• *История «Современника»*: 1) 1836 г. – время издания журнала великим русским поэтом А.С. Пушкиным; 2) 1837–1846 гг. – время, когда «Современник» выпускался писателями «пушкинского круга» (А.А. Краевским, П.А. Вяземским, П.А. Плетневым, В.Ф. Одоевским); 3) 1847–1866 гг. – приобретение «Современника» Н.А. Некрасовым и И.И. Панаевым, становление демократической направленности «некрасовского» журнала.

• *История «Отечественных записок»*: 1) 1818–1838 гг. – период издания журнала с историко-этнографическим уклоном географом, путешественником, историком, коллекционером и литератором П.П. Свиным; 2) 1839–1867 гг. – редактирование «Отечественных записок» журналистом и публицистом А.А. Краевским, при котором популяризировались идеи либерального западничества и революционно-демократической критики; 3) 1868–1884 гг. – журнал выходил под коллективной редакцией Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и Г.З. Елисеева (с 1877 г. – Н.К. Михайловского). Приобретение прав редактора являлось не просто удачей, но и большой общественной заслугой Некрасова. Демократическая мысль страны вновь получила журнальную трибуну. Новые «Отечественные записки» фактически явились преемником «Современника» и стали наиболее влиятельным органом демократической интеллигенции 1870–1880-х гг.

В либерально-демократической прессе история народов Северного Кавказа освещалась не однолинейно, а многопланово. Усилия по сбору и публикации злободневной для столичного и провинциального читателя информации о военном, экономическом, политическом, научном, литературном освоении Кавказа позволили журналам занять ведущие места в общероссийском масштабе.

Элементами (компонентами) системы являются:

• *мощный идейно-экономический компонент – издатель (учредитель, владелец, редакция)* [4, с. 122]; *учредитель* – это основатель, создатель печатного органа, как правило, выступающий в роли его издателя и/или спонсора; *издатель* – это государственная, общественная, творческая организация или частное лицо, имеющие лицензию на издательскую деятельность и занимающиеся такой деятельностью; *редакция* – творческий коллектив, ведущий сбор, организацию и обработку информации, литературную, специальную и художественную подготовку текстов и иллюстраций к опубликованию и производству, макетирование и формирование выпусков периодического издания [1, с. 12–13]. Идейные позиции редакции «Современника» и «Отечественных записок» (В.Г. Белинский, Н.А. Некрасов, Г.З. Елисеев, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский и др.) определили идеологическую направленность периодических изданий – отстаивание либерально-демократических принципов, постоянное внимание к истории горских народов Кавказа, поддержка национально-освободительной борьбы горского социума.

• *канал* – средства массовой информации, используемые журналистами (журналы, альманахи, газеты, еженедельники, бюллетени и т. д.). Они доставляют журналистские тексты непосредственным адресатам. В данном исследовании в качестве канала передачи информации рассматриваются различные отделы журналов «Современник» и «Отечественные записки». Отделы «Домоводство, сельское хозяйство и промышленность вообще», «Смесь», «Словесность», «Науки и искусства», «Критика и библиография», «Современная хроника России», «Современное обозрение» и др. нередко выступали как самостоятельные единицы с отдельным штатом сотрудников. Рубрикация показывает, что «Отечественные записки» и «Современник» были универсальными журналами энциклопедического характера.

• *массовая информация* – произведения журналистов, официальные документы, критико-библиографические статьи, рекламные и другие информационные материалы, предназначенные для публикации, отобранные, отредактированные и скомпонованные в номера, программы, выпуски [14, с. 9], т. е. «массовая информация» – это все тексты, которые передаются по каналам журналистики и оказывают влияние на массовую аудиторию. Как компонент системы она является наиболее системосвязующим звеном между главными участниками процесса: «журналисты» находят, отбирают, обрабатывают, компонуют «информацию», «средства» тиражируют, делают информацию массовой и передают ее аудитории, которая непосредственно потребляет эту «массовую информацию», усваивает ее в процессе коммуникации [4, с. 121]. В России с ее огромными территориями, редкими оазисами культуры при отсутствии хороших путей сообщения и ограниченном количестве книг именно журнал был единственным поставщиком и художественной литературы, и разнообразных сведений о злободневных событиях, и сообщений о достижениях науки [12, с. 122]. Учебно-литературные и политические журналы «Современник» и «Отечественные записки» выпускались ежемесячно и были ориентированы на образованную и культурную часть страны. Журналы занимали пред-

ставительное место в периодическом массиве читаемых изданий, что было обусловлено практически идеальным сочетанием политической и научно-литературной частей журнала. Противоречие между потребностями интеллигенции и отсутствием в провинции необходимых книг «было разрешено созданием формы толстого журнала, позволяющей совместить в одной книге своего рода научную энциклопедию, литературно-художественный сборник и политическую газету», – точно заметил Д.Е. Максимов [11, с. 178, 232]. Так, публикация комплекса материалов о народах Северного Кавказа в журналах «Современник» и «Отечественные записки» отвечала запросам столичной и провинциальной аудитории.

• *массовая аудитория* – та часть общества, на которую непосредственно нацелено периодическое издание и постоянно ориентировано, или которая действительно сконцентрировалась вокруг данного издания и считает его «своим», или которую можно привлечь дополнительно. При этом одни представители аудитории в конкретных ситуациях (когда пишут письма, приходят в редакцию, готовят для нее материалы, осуществляют сбор информации, консультируют журналистов и т. д.) выступают и в роли журналистов, которые точно так же в свою очередь оказываются аудиторией других средств массовой информации [14, с. 9–10]. Журналы «Современник» и «Отечественные записки» выписывали не только столичные и зарубежные читатели, но и провинциалы, жители далеких окраин, в том числе население Северного Кавказа, заинтересованные в получении оперативной информации. По подсчетам ведущего сотрудника «Современника» Н.Г. Чернышевского, тенденция стремительного увеличения числа подписчиков журналов наблюдалась с 1855 г., и в 1859 г. оно достигло у «Современника» 5500 чел., в 1860 г. – 6598, в 1861 г. – 6658 [18, с. 169]. Рост тиража объяснялся обращением демократической прессы к актуальным проблемам общественной жизни и возрастанием социальной активности населения накануне крестьянской реформы. Благодаря проведенному Чернышевским сопоставительному статистическому анализу числа подписчиков «Современника» в течение трех лет: 1859, 1860, 1861 гг., у нас есть возможность изучить данные о столичных и региональных подписчиках [19, с. 454–479]:

<i>Губерния или город</i>	<i>1859 г.</i>	<i>1860 г.</i>	<i>1861 г.</i>
Московская: в т.ч., г. Москва	680 622	561 482	544 477
С.-Петербургская: г. С.-Петербург	39 1274	48 1628	62 1681
Дербентская, из них: 1. Дербент	18 4	26 1	30 6
Кутаисская	2	7	8
Ставропольская, из них: 1. Владикавказ 2. Грозная 3. Кизляр 4. Моздок 5. Нальчик 6. Пятигорск 7. Ставрополь 8. Усть-Лабинская отд. 9. Хосаф-юрт 10. Николаевка	94 21 - 7 6 1 4 24 8 8 2	124 17 10 9 2 1 4 40 9 8 7	131 12 6 5 6 1 6 50 14 7 4
Тифлисская, из них: 1. Тифлис	69 44	81 52	76 55

Из приведенной таблицы следует, что интерес провинциального читателя к «Современнику» с годами лишь усиливался, в сравнении с читателями из г. Москвы, например, число которых за два года снизилось на 145 человек.

• *журналист* – штатные и внештатные сотрудники редакций (от корреспондентов, работников отдела писем до руководителя корреспондентской сети и главного редактора), которые ведут авторскую, редакторскую, организационную работу по сбору, обработке, компоновке массовой информации в номера газет и журналов, реализуя редакционную (информационную) политику данного издания. Большую роль в сборе и трансляции актуальной информации о горцах Кавказа сыграли редакторы и сотрудники «Современника» и «Отечественных записок», программные заявления которых предусматривали публикацию аналитических статей и авторских (корреспондентских) материалов о Кавказском регионе.

Функциональная составляющая системы «либерально-демократическая журналистика» достаточно сложная и разноплановая, каждый компонент системы выполняет определенную функцию, которые в совокупности и образуют новые интегративные качества. Публикация в журналах статей о национально-освободительной борьбе и истории народов Северного Кавказа определяла общую концепцию редакции «Современника» и «Отечественных записок», заключающуюся в борьбе против угнетения народных масс.

Итак, система «либерально-демократическая журналистика России XIX в.» действует на основе прямых и обратных связей. Публикация в демократической прессе XIX в. массива информации о Кавказе объясняется не только идеологическими позициями редакторов и журналистов, но и запросами и интересами массовой аудитории, зависит от общественной ситуации и развития самой журналистики как особой сферы человеческой деятельности.

Литература:

1. Акопов, А.И. Периодические издания. Учебно-методическое пособие для студентов-журналистов. - 2-е изд., доп. – Ростов н/Д: Издательство ООО МП «Книга», 1999. – 91 с.
2. Афанасьев, В.Г. Общество: системность, познание и управление. – М.: Политиздат, 1981. – 432 с.
3. Ахмадулин, Е.В. Краткий курс теории журналистики: Учеб. пособие. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2006. – 272 с.
4. Ахмадулин, Е.В. Проблемы и методология системного исследования истории отечественной журналистики // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2009. – №1. – С. 118–129.
5. Бергаланфи, Л. фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования: ежегодник. – М.: Наука, 1969. – С. 30–54; Садовский, В.Н. Основания общей теории систем. – М.: Наука, 1974. – 280 с.; Уемов, А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
6. Блауберг, И.В., Садовский, В.Н., Юдин, Э.Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системных исследований. – М.: Мысль, 1970. – С. 7–48.
7. Быков, А.Ю. Теоретико-методологические подходы к исследованию журналистики // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2008. – №56. – Вып. 23. – С. 172–186.
8. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 440 с.
9. Корконосенко, С.Г. Основы журналистики: Учебник для вузов / С.Г. Ковальченко. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 287 с.
10. Корнилов, Е.А. Проблемы применения системного подхода к изучению журналистики // Методы исследования журналистики / Под ред. Я.Р. Симкина. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1984. – С. 27–39.
11. Максимов, Д.Е. Из прошлого русской журналистики. – Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. – 303 с.
12. Махонина, С.Я. История русской журналистики начала XX века. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 240 с.
13. Махонина, С.Я. Некоторые аспекты системного подхода к изучению журналистики в России // Методика изучения и преподавания истории русской журналистики на факультетах журналистики государственных университетов / Под ред. Б.И. Есина. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 21–35.
14. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики: Учебник для студентов вузов. – 8-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 351 с.

15. Ракилов, А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. – М.: Политиздат, 1982. – 303 с.
16. Тахушева, И.С. Публикации о Кавказской войне на страницах журнала «Современник» (1859 г.) // Стратегия развития Северного Кавказа: новый взгляд на решение проблем. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, аспирантов, магистрантов и студентов / И.С. Тахушева. – Пятигорск: РАНХиГС, 2015. – С. 88–91; Тахушева, И.С. Система управления народами Кавказа на страницах «Отечественных записок» // Системы власти и права автохтонных народов Кавказа, Российской империи, советов (XVIII–XX вв.): сравнительный анализ. Материалы VI Международной научно-практической конференции / Ответственный редактор и составитель Д.Ю. Шапсугов. – Ростов н/Д, 18–21 мая 2016. – С. 184–189; Кузьминов, П.А., Тахушева, И.С. Либерально-демократическая печать России XIX в. как исторический источник по истории народов Северного Кавказа (на примере «Современника») // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. – Махачкала, 2016. – С. 300–306; Кузьминов, П.А., Тахушева, И.С. Кавказ в редакционной политике журнала «Отечественные записки» (1818–1867 гг.) // Научная мысль Кавказа. – 2016. – №4. – С. 81–87; Тахушева, И.С. Политика российского правительства в области образования и цензуры на Северном Кавказе в 40–50-х гг. XIX в. на материалах «Отечественных записок» // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. – Владикавказ, 2017. – №17. – С. 78–84; Тахушева, И.С. Художественно-литературные формы отражения особенностей культуры и природы Кавказа в либерально-демократической печати России XIX в. (на примере «Современника» и «Отечественных записок») // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: Материалы VII Международной научно-практической конференции. / П.А.Кузьминов, И.С. Тахушева. – Владикавказ: Изд-во «Веста», 2017. – С. 147–151; Кузьминов, П.А., Тахушева, И.С. П.П. Свиньин и трансляция истории народов Северного Кавказа в «Отечественных записках» (1818–1838) // Научная мысль Кавказа. – 2018. – №2. – С. 41–47.
17. Тюхтин, В.С. Отражение, системы, кибернетика. – М.: АН СССР, 1972. – 256 с.
18. Чернышевский, Н.Г. Сведения о числе подписчиков на «Современник» 1861 г. по губерниям и городам // Современник. – Т. 91. – №1. – С. 169.
19. Чернышевский, Н.Г. Сведения о числе подписчиков на «Современник» 1861 г. по губерниям и городам // Полное собрание сочинений: В 15 т. – М.: Гослитиздат, 1951. – Т. 10.: Статьи и рецензии 1862–1869 гг. – С. 454–479.

УДК 303.4

Цибенко Вероника Витальевна
 ФГАУ ВО «Южный федеральный университет»,
 директор Центра междисциплинарных
 гуманитарных исследований, г. Ростов-на-Дону, Россия,
 E-mail: tsibenkovv@sfnu.ru

НА СТЫКЕ КАВКАЗОВЕДЕНИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ: ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ КАВКАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ В ТУРЦИИ⁸

***Аннотация:** В статье ставится вопрос о соотношении и перспективах междисциплинарного взаимодействия востоковедения и кавказоведения. На примере собственных исследований кавказской (черкесской) диаспоры в Турции автор показывает значимость комплексного востоковедного подхода для постановки и решения отдельных исследовательских задач кавказоведения. Автор приходит к выводу, что на стыке востоковедения и кавказоведения может быть сформирована особая междисциплинарная область.*

***Ключевые слова:** востоковедение, кавказоведение, черкесы, диаспора, Турция, междисциплинарность*

⁸ Исследование проведено в рамках государственного задания Минобрнауки РФ в сфере научной деятельности №30.2875.2017/8.9.

Tsibenko Veronika Vitalyevna
Southern Federal University,
Director Of the center for interdisciplinary
humanities research,
Rostov-on-Don, Russia,
E-mail: tsibenkovv@sfnedu.ru

AT THE INTERSECTION OF CAUCASIAN AND ORIENTAL STUDIES: THE CASE STUDY OF CAUCASIAN DIASPORA IN TURKEY

Abstract: *The article raises the question of the relationship and perspectives of the interdisciplinary interaction of Oriental studies and Caucasian studies. Using the example of the own studies of the Caucasian (Circassian) diaspora in Turkey, the author shows the importance of a comprehensive approach of Oriental studies for setting and solving a set of research tasks in Caucasian studies. The author comes to the conclusion that a special interdisciplinary area can be formed at the junction of Oriental and Caucasian studies.*

Key words: *Turkish studies, Oriental studies, Caucasian studies, Circassians, diaspora, Turkey, interdisciplinarity*

Вопрос соотношения кавказоведения и востоковедения не имеет однозначного решения. С одной стороны, востоковедение является признанной самостоятельной научной дисциплиной, а кавказоведение – совокупностью научных дисциплин или, по словам известного кавказоведа Владимира Дегоева, формирующейся «мегадисциплиной» [3]. Однако и востоковедение представляет собой, по сути, институализированную «мегадисциплину». Хотя первоначально кавказоведение и востоковедение объединяла опора на историческую науку, впоследствии именно междисциплинарность стала их характерной особенностью: и кавказоведы, и востоковеды рассматривают регион своей специализации с различных исследовательских перспектив и с применением широкого набора научных подходов. В то же время, если к кавказоведению примыкают специалисты разных профилей (историки, археологи, этнографы, политологи, социологи и др.), занимающиеся изучением Кавказа, то востоковеды получают специальное комплексное образование, сочетающее в меру возможностей исследовательские подходы различных наук (от экономики и географии до политологии и культурологии).

Кроме того, для востоковедов принципиальную значимость играет знание языков изучаемого региона – именно лингвистика была заложена в основание востоковедения наряду с исторической наукой. В этой связи традиционно большое значение востоковедами уделяется письменным источникам и рукописному наследию изучаемого региона. В то же время для кавказоведов, как правило, не знающих кавказских языков (если они сами не являются их носителями), большее значение имеют памятники материальной культуры, устные и фольклорные источники, визуальные нарративы. Это связано как с выраженным полиязычием региона, так и с длительным отсутствием собственной письменности у многих народов Кавказа.

Важнейшим для понимания соотношения и взаимосвязи кавказоведения и востоковедения является частичное совпадение их объекта исследования. Действительно, Кавказ на протяжении своей истории не раз становился частью ближневосточного макрорегиона, а миграции населения еще больше укрепили их фактическое родство. В этой связи вполне объяснимо, что востоковедческие институты включают в себя научные кавказоведческие отделы и кафедры⁹. Следует, однако, отметить, что основное внимание исследователей уделяется Южному Кавказу и изучению азербайджанского, грузинского и армянского языков, Северный же входит в сферу интересов преимущественно

⁹ Например, кафедра стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки Московского государственного университета (ИСАА при МГУ), кафедра Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН).

востоковедов-исламоведов, что отражается и на специфике проводимых исследований. В свою очередь, кавказоведы, не являющиеся востоковедами, также проводят исследования, связанные со странами Ближнего Востока, однако используют при этом теоретическую базу профильной науки – истории, социологии, политологии и пр. При этом Кавказ понимается в первую очередь как географический регион, а Восток – как некая культурно-историческая категория, только косвенно связанная с географическим расположением.

Ситуация частичной интеграции востоковедения и кавказоведения характерна для российской науки больше, чем для зарубежной. Прежде всего, стоит отметить, что в целом востоковедение как дисциплина переживает глубокий кризис на Западе, что связано с популярностью концепции ориентализма Эдварда Саида [8] и развитием постколониальных исследований. В результате дискредитации подверглось само выделение Востока как отдельного объекта исследования, а востоковедные институты были большей частью реформированы¹⁰, перейдя к региональным (азиатским, африканским и пр.) исследованиям (подробнее см.: [11]).

При этом кавказоведение традиционно было связано на Западе с центральноазиатскими исследованиями, что обусловлено, прежде всего, близкой для ведущих западных держав геополитической ролью двух регионов как ключевого транспортного, торгового, а сейчас и энергетического коридора. Это объясняет выраженный крен в западных кавказоведческих исследованиях в сторону экономики и политики. В свою очередь в странах Востока кавказоведение развивалось самостоятельно преимущественно на базе истории и без привязки к востоковедению, которое естественным образом не могло развиваться как дисциплина познания Другого и оценки «внезападного» опыта, уступив место философии и теологии.

Каким же образом можно сочетать востоковедение и кавказоведение и какие перспективы у такого подхода? Данные вопросы в такой постановке слишком широки и дискуссионны, чтобы предложить какие-либо конкретные ответы. Однако с уверенностью можно утверждать – существует ряд кавказоведческих тем, для которых именно востоковедный взгляд дает ряд преимуществ. Одной из них является кавказская диаспора на Ближнем Востоке. Именно на примере данного случая мы попробуем показать, что востоковедение может оказывать важный вклад в постановку и решение исследовательских задач кавказоведения.

Кавказская диаспора на Ближнем Востоке широко известна за рубежом как черкесская, поскольку по сложившейся традиции черкесами в странах проживания диаспоры называют всех мухаджиров – кавказских мусульман, переселившихся в Османскую империю, а позже – в Турцию и страны пост-османского пространства в XIX–XX вв. Необходимо упомянуть также о вторичной и даже третичной миграциях мухаджиров, что привело к сложению отдельных черкесских диаспор в западных странах. В настоящее время крупнейшая черкесская диаспора проживает в Турции, составляя, по разным оценкам, от 200–500 тыс. [21; 22, с. 302] до 12 млн человек [20].

Изучению кавказской (черкесской) диаспоры на Ближнем Востоке посвящен ряд работ российских ученых-кавказоведов, не являющихся востоковедами¹¹, в первую очередь историков А.В. Кушхабиева [4; 5] и Г.В. Чочиева [15; 16], фольклориста М.М. Паштовой (Мижановой) [6; 7]. В то же время интерес к проблематике проявляют и востоковеды [1; 2; 9], в том числе непрофильных специальностей [10].

В чем отличие этих двух условно выделенных видов исследований и исследовательских подходов? Собственный востоковедческий опыт изучения кавказской (черкесской) диаспоры в Турции [12; 13; 14] и взаимодействия в профессиональной среде как с кавказоведами, так и востоковедами позволил выделить ряд связанных исследова-

¹⁰ Тем не менее отдельные авторитетные институты сохранились – в частности, Факультет востоковедения в Оксфорде. Более того, открываются и новые – к примеру, в 2013 г. начал функционировать Институт азиатских и востоковедных исследований в Цюрихском университете.

¹¹ Следует отметить, что среди зарубежных исследователей черкесской диаспоры преобладают «этнические» исследователи (см., например: [17; 18]), а акцент даже в работах не черкесских авторов делается на политику [19].

тельских тем, которые могут быть раскрыты исключительно в рамках востоковедения, будучи при этом несомненно интересны для кавказоведения. Прежде всего, комплексный подход востоковедения как науки приводит к рассмотрению изучаемого региона и страны как целостной системы, элементы которой вступают в сложное взаимодействие и подвергаются целому набору факторов различного генеза (включая историческое прошлое, географию и геополитическое положение, экономику, социокультурную среду и многое другое). В результате любой частный вопрос, выбранный предметом для изучения востоковедов, априори становится частью для изучения более глубинных механизмов функционирования общества, страны, региона.

Подтверждением перспективности данного подхода в приложении к выбранной нами теме кавказской диаспоры, на наш взгляд, является возможность определить роль и вес кавказской диаспоры в турецком обществе в различных сферах (экономической, политической, культурной); проследить взаимодействие с элементами «системы» разных уровней (от правительственного до бытового), в том числе с другими этническими группами Турции; выявить степень ее изменения под влиянием общественной, политической, культурной, экономической среды, а также ее собственное влияние на происходящие в стране процессы.

Например, нам удалось определить, что под влиянием турецкого национального проекта идентичность черкесов диаспоры получила новые синкретичные формы «турок с кавказскими корнями» или черкесов как части турецкой нации. Кроме того, активно развивающееся черкесское национальное движение, с одной стороны, входит в конфронтацию с турецким, а с другой – заимствует у него многие черты – от риторики до существенных элементов. Например, значительное распространение получает идея общекавказской солидарности на основе религиозной общности, развивается проект особой общекавказской нации [12; 14]. Отдельной исследовательской проблемой становится выявление встроенности черкесов в политические структуры и участия в политических процессах в Турции. Так, у нас была возможность исследовать роль черкесских политических акторов в парламентских выборах 2015 [13] и 2019 гг.¹² Кроме того, отдельным перспективным направлением наших исследований является изучение¹³ возвратной миграции («репатриации») черкесов из стран Ближнего Востока (прежде всего, из Турции) на Кавказ, которое обозначает еще одну из многих областей совмещения кавказоведения с востоковедением.

Важно отметить, что для востоковеда понимание черкесской диаспоры Турции, как и процессов репатриации, невозможно без обращения к исследованиям кавказоведов, с позиции своих дисциплин раскрывающих кавказскую специфику, дающих возможность проследить динамику и характер внутренних изменений в диаспоре и в идентичности зарубежных черкесов. Таким образом, на стыке востоковедения и кавказоведения в данном вопросе может быть сформирована особая междисциплинарная область, которая послужит обогащению и востоковедных, и кавказоведческих исследований. В этой связи крайне актуальным является вопрос об определении границ поля взаимодействия, а также выработки конкретных механизмов для сопряжения востоковедения и кавказоведения и развития востоковедно-кавказоведческих исследований.

Литература:

1. Ганич, А.А. Кавказ в исторической памяти черкесов Иордании // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2006. – № 2. – С. 68-81.
2. Ганич, А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. – Москва, 2007.
3. Кавказоведы констатировали разобщенность научного сообщества в столице и регионах [Электронный ресурс] // Кавказский Узел. Режим доступа: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/318551/> (дата обращения: 26.06.2019).
4. Кушхабиев, А.В. Зарубежная черкесская диаспора: история и современность / Foreign Circassian Diaspora: Past and Present. – Нальчик, 2007. – 94 с.

¹² Соответствующее исследование готовится к печати в 2019 г.

¹³ Для этого сотрудниками Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета в 2016–2018 гг. были проведены полевые исследования в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Абхазии и Турции.

5. Кушхабиев, А.В. История зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик, 2018. – 192 с.
6. Паштова, М.М. К исследованию локальных явлений в мифологии черкесов Анатолии (на материале экспедиций 2014 и 2015 гг.). – Вестник Адыгейского государственного университета. – Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – №4 (178). – С. 213–218.
7. Паштова, М.М. К проблеме исследования локальных идентичностей черкесов Анатолии: на материале анклава Узун-Яйла // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – 2017. – №12 (36). – С. 126–136.
1. Саид, Э. Ориентализм. – СПб: Русский мир, 2006. – 638 с.
2. Семенченко, Н.А. Черкесы в Израиле: религиозно-этническая община // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2011. – №6. – С. 456–464.
3. Цветов, П. Израильские черкесы // Азия и Африка сегодня. – 2007. – №4 (597). – С. 74–75.
4. Цибенко (Иванова), В.В. Между ориентализмом и ориентологией: научные подходы к изучению Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 2014. – №1. – С. 69–77.
5. Цибенко, В.В. Микро- и макронациональная идентичность черкесской (кавказской) диаспоры Турции // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – 2017. – №12 (36). – С. 196–201.
6. Цибенко, В.В. Северо-Западный Кавказ в политическом фокусе Турции в контексте парламентских выборов 2015 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – №5 (84). – С. 56–63.
7. Цибенко, В.В. Унификация в ответ на ассимиляцию: конструирование общности северокавказской диаспорой Турции // Научная мысль Кавказа. – 2014. – №3 (79). – С. 75–81.
8. Чочиев, Г.В. Черкесское движение в Турецкой Республике: деятельность северокавказских диаспорных организаций в 1945–2015 гг. // Известия СОИГСИ. – 2015. – №17 (56). – С. 78–88.
9. Чочиев, Г.В. Черкесы Северо-Западной Анатолии в период национально-освободительной борьбы в Турции (1919–1921 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки. – 2017. – №3–1 (77). – С. 189–192.
18. Beslenny, Z.A. The Circassian diaspora in Turkey: A political history. – London: Routledge, 2014. – 224 p.
19. Doğan, S.N. Great Expectations: Studying My Own Community / Doğan S.N. // Kafkasya Çalışmaları – Sosyal Bilimler Dergisi / Journal of Caucasian Studies (JOCAS). – Eylül / September 2017. – Vol. 3. – №5. – P. 63–86.
20. Grassi, F.L. A New Homeland. The massacre of the Circassians, their Exodus to the Ottoman Empire, their place in modern Turkey. – Istanbul: Istanbul Aydın University Publications, 2018. – 240 p.
21. Jane, Ş. Çerkes Nüfusu İçin Yaklaşımlar [Электронный ресурс] // Cerkes.net. 2010. Режим доступа: www.cerkes.net/cerkes/index.php/ozel/makale/249-cerkesnufusu-icin-yaklasimlar.html (дата обращения: 25.06.2019).
22. KONDA Araştırma ve Danışmanlık. Biz kimiz? Social Structure Survey [Электронный ресурс]. 2006. P. 25. Режим доступа: https://konda.com.tr/wp-content/uploads/2017/03/2006_09_KONDA_Social_Structure-1.pdf (дата обращения: 25.06.2019)
23. Önder A.T. Türkiye'nin Etnik Yapısı. – Ankara: Kripto Yayınları, 2011. – 408 p.

УДК 930.2(470.631)

Шенкао Маргарита Башировна

*Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований,
к.и.н., старший научный сотрудник отдела
социально-политических исследований и анализа,
г. Черкесск, Россия,
E-mail: shienkaob4@mail.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ ЧАО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: В статье проанализирована проблема современной российской историографии Великой Отечественной войны, и в частности Черкесской автономной области. В развитии историографии Отечественной войны автор выделил и проанализировал два периода: советский (1941–1945 г.) и постсоветский (1991 г. – до настоящего времени).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советский тыл, сталинская идеология, промышленность, сельское хозяйство, трудовой подвиг

Shenkawo Margarita Bashirovna
Karachay-Circassian Institute for Humanities Research,
Ph.D in history, Senior Researcher,
Department of social and political research and analysis,
Cherkessk, Russia,
E-mail: shienkao64@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE HISTORIOGRAPHY OF CIRCASSIAN AUTONOMOUS REGION (CAR) DURING THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: *The article analyzes the problem of modern Russian historiography of the Great Patriotic War and in particular the Circassian Autonomous Region. In the development of the historiography of the Patriotic War, the author identified and analyzed two periods: the Soviet (1941–1945) and the post-Soviet (1991 – to the present).*

Key words: *World War II, Soviet rear, Stalinist ideology, industry, agriculture, labor feat*

Историографию исследуемой проблемы можно разделить на два периода: советский (1941–1991 гг.) и постсоветский (1991 г. – до настоящего времени). Такое разделение обусловлено произошедшей в 1991 г. сменой политической системы, повлекшей за собой существенные изменения в сфере идеологии и общественных наук.

Изданную в советский период историческую литературу объединяет использование марксистско-ленинской методологии, на основе которой были подготовлены работы по истории советского тыла. Вместе с тем в самом советском периоде можно выделить ряд этапов, для которых были характерны определенные особенности в освещении событий военного времени: 1941 г. – середина 1950-х гг.; середина 1950-х гг. – середина 1980-х гг.; середина 1980-х гг. – 1991 г.

В годы войны и в первое послевоенное десятилетие подготовка работ по вопросам деятельности советского тыла осуществлялась под влиянием установок сталинской идеологии. К их числу относились утверждения о превосходстве социалистической экономики над капиталистической, важнейшей роли руководства коммунистической партии в развитии народного хозяйства, трудовом героизме рабочих и колхозников как важном факторе достижения победы над врагом. В то же время в партийной литературе, подготовленной на основе выступлений и статей Сталина, отсутствовала критика допущенных ошибок и просчетов в развитии военной экономики, замалчивались многие проблемы организации производства, условий труда и быта рабочих и колхозников.

На основе указанных подходов были подготовлены работы, отражающие состояние и развитие экономики страны в годы Великой Отечественной войны. Характерными их недостатками являлись узость источниковой базы, увлеченность цитированием высказываний Сталина, описательный стиль изложения материала. В то же время положительной стороной публикаций военных и послевоенных лет была непосредственность восприятия авторами происходивших событий, современниками и участниками которых они являлись. Среди наиболее значимых исследований можно назвать работы Н.А. Вознесенского, Л.М. Гатовского, Д.Д. Дегтярь, Е.С. Карнаухова, С.С. Кирина, Е.И. Солдатенко, А.П. Теряевой и других авторов [1].

На региональном уровне сведения о развитии промышленности и сельского хозяйства, участии населения в движении по оказанию помощи фронту, последствиях оккупации и восстановлении экономики Черкесии были представлены в небольших брошюрах и газетных статьях. Авторами этих работ чаще всего являлись партийные и советские работники. Среди публикаций послевоенного периода особо следует отметить работу З.С. Карданова, в которой впервые был систематизирован и обобщен материал по истории Карачаево-Черкесии в годы войны [2]. Несмотря на указанные недостатки, публикации военных и послевоенных лет способствовали сбору и накоплению материала о деятельности советского тыла.

Начало второго этапа в советской историографии Великой Отечественной войны дал XX съезд КПСС (февраль 1956 г.), решения которого способствовали оживлению научно-исследовательской работы. Провозгласив борьбу с культом личности и курс на демократизацию общественной жизни страны, новое руководство партии инициировало подготовку работ, отражающих величие ратного и трудового подвига советского народа в Великой Отечественной войне, расширив тем самым проблематику исследований. Повышению качества исследовательской работы способствовали завершение обработки архивных фондов военного времени и допуск к ним ученых-обществоведов. Вместе с тем остались в неприкосновенности монополия марксистско-ленинской методологии и право руководства КПСС на истину в последней инстанции, что ограничивало творческий поиск исследователей, их возможности выражать свою точку зрения.

На данном этапе советской историографии был подготовлен ряд серьезных научных трудов, в которых подробно и обстоятельно рассматривались различные аспекты деятельности советского тыла в период войны. К числу таких работ относились монографии Ю.В. Арутюняна, А.М. Беликова, Г.С. Кравченко, Г.А. Куманева, А.В. Митрофановой, Г.Г. Морехиной, Я.И. Чадаева, А.С. Схакумидова и других авторов [3]. Состояние и развитие советской экономики, а также участие населения в движении по оказанию помощи фронту нашло отражение в изданных фундаментальных сборниках, посвященных истории Великой Отечественной войны. Работам этого этапа характерно стремление показать преимущества социалистического способа производства над капиталистическим, проявления патриотизма советских людей в трудовой и общественной деятельности.

Отмеченные черты были в полной мере свойственны северокавказской историографии. Среди опубликованных работ заслуживают внимания работы Ч.С. Кулаева, в которых рассматривается деятельность партийных и комсомольских организаций Карачая и Черкесии в годы Великой Отечественной войны. Автором был собран доступный в то время материал о работе партийных организаций Карачая (до депортации) и Черкесии, восстановлены имена наиболее активных партийных и советских работников [4]. Отдельные сведения о трудовой и общественной деятельности населения Черкесии в годы войны, деятельности партизанских отрядов на Северном Кавказе приводятся в работах В.Г. Гнеушева и А.Л. Попутько, И.К. Добагова, Г.П. Иванова, П.К. Пономаренко, Р.Г. Саренца [5].

В работе З.К. Карданова, обобщающей историю Карачаево-Черкесии, военному периоду посвящено несколько страниц с освещением, в основном, достижений в восстановлении послевоенной экономики. Заметным событием в научной жизни Северного Кавказа стала областная научно-практическая конференция «Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», проведенная в Черкесске в 1977 г., материалы которой опубликованы только в 1982 г. [6]. Основная часть выступлений на конференции была посвящена руководящей роли партии, ее областных и районных комитетов в переводе хозяйственной деятельности Черкесской автономной области на военный лад, организации сопротивления, партизанского движения, а также восстановлению хозяйства в послеоккупационный период. Большинство материалов, вошедших в сборник, страдают излишней эмоциональностью и носят скорее публицистический характер, чем научный.

В 1970-е гг. вышло несколько юбилейных изданий, посвященных 50-летию Карачаево-Черкесии, в которых большее внимание уделялось подвигам партизан и военнослужащих, выходцев из Карачаево-Черкесской автономной области. Материалы, представляющие определенный интерес для нашей статьи, изложены во втором томе коллективной работы, где содержатся сведения о партизанском движении, истребительных батальонах, а также описания трудовых подвигов тружеников села и города [7].

В то же время в условиях унифицированных идеологических норм исследователи не могли в полной мере выделять этнонациональные особенности военной повседневности ввиду утверждавшегося в общественном сознании понятия «новой исторической общности» – «советский народ». Это составляло определенную сложность в исследованиях, например, истории народов Черкесии – абазин, ногайцев и черкесов, поскольку особенностям их этнокультур значения не придавалось. К примеру, долгое время абазин и черкесов причисляли к общему этносу – адыгам, невзирая на то, что говорили эти народы на разных языках и корни абазин прорастали в Абхазии.

С середины 80-х годов в связи с «перестройкой» в отечественной историографии Великой Отечественной войны возникли новые тенденции, связанные с переосмыслением устоявшихся концепций. В том числе подвергались сомнению прежние сведения о достигнутых результатах в сфере военной экономики, а также поставлен вопрос о цене достигнутой победы. Обновленная проблематика Великой Отечественной войны была представлена в работах Г.Г. Загвоздкина, В.С. Кожурина, А.С. Схакумидова и других авторов [8]. Вызывает интерес коллективная монография, в которой на основе новых подходов рассматривались различные аспекты деятельности советского тыла [9].

В северокавказской историографии указанные тенденции проявились не сразу. В первые годы перестройки исследования по истории региона в период войны осуществлялись на основе сложившихся подходов. Об этом, в частности, свидетельствует сборник статей, специально посвященный трудовой деятельности народов Северного Кавказа в годы войны. Вместе с тем материалы сборника насыщены информацией, отражающей различные стороны повседневного труда населения региона [10].

Для нас представляет интерес монография С.Н. Якаева, в которой, несмотря на партийную тематику, осуществлен разносторонний и во многом критический анализ деятельности комсомольских организаций Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, с привлечением новых документов и фактов [11].

В 1980-е гг. были изданы коллективные монографии ученых Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института, в которых освещались история и культура абазин и ногайцев. Они включали сведения о фронтовых и трудовых подвигах жителей Карачая и Черкесии в годы Великой Отечественной войны [12].

В целом в публикациях второй половины 1980-х гг. вопросы организации советского тыла не вызывали большого интереса ввиду усиленного внимания историков и общественности к проблемам межнациональных отношений, внешней политики СССР в конце 1930-х гг. и других.

С началом постсоветского периода историографическая ситуация в России претерпевает кардинальные изменения. В исследованиях российских историков широкое распространение получают методологические подходы и концепции западной историографии: теория модернизации, история повседневности, новая социальная история, интеллектуальная история и другие. При изучении истории Великой Отечественной войны активно используется многофакторный подход, который предусматривает всестороннее освещение различных аспектов военной повседневности и деятельности советского тыла.

Расширение доступа к архивным документам и материалам позволило исследователям осветить многие сложные проблемы Великой Отечественной войны с позиций объективности, раскрыть противоречивость и многогранность событий и явлений военного периода. В соответствии с новыми подходами были подготовлены работы, посвященные развитию советской экономики в годы войны, трудовой и патриотической деятельности населения. К их числу относятся работы В.Т. Анискова, Н.И. Рыжкова, В.А. Сомова и других авторов [13].

В постсоветский период историографии большое внимание стало уделяться социальным проблемам в годы войны: продовольственной, жилищной и других проблем жизнеобеспечения советских граждан. Различным аспектам военной повседневности и решению социальных проблем населения в годы войны посвящены работы М.С. Зинич, А.В. Похилюка, А.В. Молодчика и других авторов [14].

Внимание историков сосредоточилось также на проблеме коллаборационизма. Авторы стремились выяснить поведенческие мотивы советских граждан в период оккупации, вследствие которых одна часть населения оказывала сопротивление врагу, а другая приспособлялась к оккупационному режиму или становилась пособниками фашистов. К числу таких работ относятся публикации Б.Н. Ковалева, М.И. Семиряги и других авторов [15].

Значительный интерес в последние годы вызывают проблемы исторической памяти о Великой Отечественной войне, патриотического воспитания молодежи в свете правдивого изложения истории военного периода. Этому посвящены работы О.В. Дружбы, Г.А. Куманева, А.С. Сенявского и Е.С. Сенявской и других авторов [16].

Различные стороны военной повседневности, функционирование экономики и социальной сферы в условиях военного времени, трудовая и патриотическая деятельность населения советского тыла нашли отражение в различных сборниках, посвященных истории Великой Отечественной войны [17]. В особенности хотелось бы отметить фундаментальный труд в 12 томах, заверченный к 70-летию Великой Победы. Значительное место в нем отводится деятельности советского тыла и периоду оккупации. Авторы издания с использованием новых рассекреченных документов сумели раскрыть многоплановую историю войны, доказав величие совершенного советским народом подвига [18].

В постсоветский период произошла заметная активизация исследований истории Великой Отечественной войны на Северном Кавказе. В поле зрения северокавказских историков оказались многие малоизученные вопросы, возникли новые направления исследовательской деятельности. В опубликованных работах и диссертациях, посвященных военному периоду истории Северного Кавказа, приводятся отдельные сведения по Черкесской автономной области.

Так, в монографии А.Д. Койчуева рассматривается история Карачаевской автономной области в годы войны. Автор подробно осветил вопросы перестройки экономики Карачая на военный лад, определил вклад рабочих, колхозников и интеллигенции в борьбу с врагом [19].

Важную роль в исследовании социальной истории Великой Отечественной войны играют работы Е.М. Малышевой, подготовленные с использованием документального материала, отражающего вклад народов Северного Кавказа в победу над агрессором. Автор глубоко проанализировал проблемы взаимодействия государства и общества в военный период, на основе широкого круга источников, в том числе новых документов, раскрыл достижения и издержки социальной политики советского государства, основные формы трудовой и патриотической деятельности населения [20].

В работах М.Х. Шебзухова осуществлен разносторонний анализ деятельности тыла Северо-Западного Кавказа в годы войны. Большое внимание уделяется перестройке народного хозяйства на военный лад, организации населения для участия в оказании помощи фронту, восстановлению разрушенного оккупантами хозяйства. В приводимых примерах автором используются некоторые материалы по Черкесской автономной области [21].

В докторской диссертации С.И. Линца была впервые предпринята попытка изучения предпосылок и особенностей организации сопротивления в период оккупации Северного Кавказа. Автор указывает, что меры и реформы, проводимые оккупантами, были рассчитаны на долгосрочную перспективу. В диссертации отмечены факторы, которые мешали развитию партизанского движения: ландшафт местности, организационные просчеты, в ряде случаев А.С. отсутствие поддержки партизан и подпольщиков со стороны населения [22]. В дальнейшем автор расширил представленный материал в изданной в 2009 г. монографии с одноименным названием.

В совместной монографии М.В. Андриенко и С.И. Линца обстоятельно проанализированы поведенческие мотивы населения Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны, нашедшие свое выражение в позитивном и негативном отношении к советской власти и немецкому оккупационному режиму. В работе дается оценка мероприятиям местных органов власти по мобилизации населения на оказание всесторонней помощи фронту, приводятся примеры участия последнего в различных патриотических акциях [23].

В монографии Г.Н. Каменовой и Н.Д. Судавцова раскрывается роль женщин Северного Кавказа в достижении победы над врагом. Авторы рассматривают участие женщин, в том числе представительниц коренных народов Кавказа, в перестройке хозяйства региона на военный лад, борьбе с фашистами в период оккупации, восстановлении хозяйства региона [24]. В совместной работе Л.В. Печаловой и Н.Д. Судавцова осуществлен комплексный анализ деятельности промысловой кооперации на территории Ставрополья и Карачаево-Черкесии в годы войны. На основе широкого круга источников авторы проследили эволюцию кооперации в предвоенные и военные годы, раскрыли вклад последней в обеспечение фронта и населения необходимой продукцией [25].

В работах Е.В. Панариной рассмотрена деятельность профсоюзов Кубани и Ставрополя в годы войны, а также решение социальных проблем населения Северного Кавказа в военный период. Среди приводимых примеров автор обращает внимание на трудовую и патриотическую деятельность населения Черкесии [26].

В 2012 г. вышла в свет коллективная монография о драматических событиях войны на Северном Кавказе в период лета 1942 г. – осени 1943 г., подготовленная с привлечением новых документальных источников. В работе дана оценка и раскрыта связь битвы за Кавказ с общественно-политическими процессами в регионе [27]. Проблемы истории, историографии и источниковедения участия горцев в Великой Отечественной войне исследованы в совместной монографии А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугая, Е.Ф. Кринко [28].

Отдельные аспекты интересующей нас проблемы, связанные с деятельностью местных органов и населения Черкесской автономной области по организации производства, осуществлению помощи фронту, положением жителей Черкесии в период оккупации, партизанским движением, освещены в публикациях и диссертациях К.Г. Ачмиза, В.А. Бондарева, Е.С. Гетмановой, А.М. Гонова, А.А. Караевой, Е.Ф. Кринко, Р.М. Куцетерова, Т.В. Лоховой, А.В. Мещеряковой, Т.А. Подрезовой, Н.А. Чугунцовой и других авторов [29].

Трудовая и патриотическая деятельность населения Черкесии в годы войны нашла отражение в материалах различных научных конференций и сборниках научных статей. Одно из последних изданий – юбилейный сборник статей Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований «Актуальные проблемы Великой Отечественной войны: современное осмысление» (2015 г.). Большая часть включенных в него работ посвящена вкладу жителей Карачаево-Черкесии в победу над врагом, как трудовому, так и ратному.

Следует отметить, что для исторической науки новейшего времени характерна углубляющаяся специализация, признаваемая важным условием эффективности исследовательской деятельности. В результате историкам удалось обобщить значительный документальный материал, отражающий самые различные стороны культурной жизни. В то же время, как справедливо замечает Э.А. Шеуджен, «исследовательское поле, расчлененное на замкнутые участки, потеряло главное – возможность изучения культурной жизни народов как исторического феномена, находящегося в постоянном движении и обновлении».

Литература:

1. Киринский, С.С. Правовое регулирование заработной платы рабочих и служащих промышленных предприятий. – М., 1943. – 179 с.; Гатовский, Л.М. Экономическая победа Советского Союза в Великой Отечественной войне / Л.М.Гатовский. – М., 1946. – 122 с.; Вознесенский, Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. – М., 1947. – 192 с.; Дегтярь, Д.Д. Возрождение районов РСФСР, подвергшихся немецкой оккупации. – М., 1947. – 47 с.; Карнаухова, Е.С. Колхозное производство в годы Великой Отечественной войны. – М., 1947. – 149 с.; Теряева, А.П. Труд в колхозах в Великой Отечественной войне. – М., 1947. – 128 с.; Солдатенко, Е.И. Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. – М., 1954. – 295 с.
2. Карданов З.С. Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны. – Черкесск, 1954. – 145 с.
3. Митрофанова, А.В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942). – М., 1960. – 575 с.; Морехина, Г.Г. Рабочий класс – фронту: Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1962. – 480 с.; Арутюнян, Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – М., 1963. – 459 с.; Чадаев, Я.Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – М., 1965. – 390 с.; Беликов, А.М. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. – М., 1969. – 46 с.; Кравченко, Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – М., 1970. – 398 с.; Куманев, Г.А. Советский тыл – фронту. 1941–1945 гг. – М., 1970. – 45 с.; Схакумидов, А.С. Дружба, скрепленная в боях/ А.С. Схакумидов. – Майкоп, 1975. – 110 с. и др.
4. Кулаев, Ч.С. Комсомол Карачаево-Черкесии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Партийные организации Северного Кавказа на путях строительства социализма. – Вып. 2. – Пятигорск, 1974. – 24 с.; Его же. Партийные организации Карачая и Черкесии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Из истории Карачаево-Черкесии:

- труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Ставрополь, 1970. – 170 с.; Его же. Военно-организаторская и политическая работа местных партийных организаций в годы Великой Отечественной войны. – Черкесск, 1981. – 123 с. и др.
5. Саренц, Р.Г. Непокоренный край. – Ставрополь, 1962. – 159 с.; Добагов, И.К. Очерки истории областной комсомольской организации Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1975. – 367 с.; Иванов, Г.П. Страницы боевого сотрудничества советских воинов и партизан // Народный подвиг в битве за Кавказ. – М., 1981. – С. 222–239; Пономаренко, П.К. Слово о партизанах Северного Кавказа // Народный подвиг в битве за Кавказ. – М., 1981. – С. 205–222; Гнеушев, В.Г., Попутько, А.Л. Партизанский заслон. – Ставрополь, 1985. – 254 с. и др.
 6. Карданов З.К. Карачаево-Черкесия за 40 лет Советской власти. – Черкесск, 1957. – 122 с.
 7. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Советский период. – Т. 2. – Черкесск, 1972. – 448 с.
 8. Загвоздкин, Г.Г. Цена победы: социальная политика военных лет. – М., 1990. – 262 с.; Кожурин, В.С. Неизвестная война. Деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. – М., 1990. – 288 с.; Схакумидов, А.С. В содружестве боевом. – Майкоп, 1990. – 175 с. и др.
 9. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны / под. ред. Г.А. Куманева. – М., 1988. – 424 с.
 10. Из истории трудового подвига народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. – Краснодар, 1985. – 176 с.
 11. Якаев, С.Н. Партийное руководство комсомолом Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. – Ростов-н/Д, 1988. – 181 с.
 12. Абазины. Историко-этнографический очерк / Е.Н. Данилова, Е.П. Алексеева, Ю.И. Зверева и др. – Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства. – Черкесск, 1989. – 240 с.; Калмыков, И.Х., Керейтов, Р.Х., Сикалиев, А.И.-М. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1988. – 235 с.
 13. Сомов, В.А. По законам военного времени. Очерки истории трудовой политики в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – М., 1999. – 154 с.; Анисков, В.Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. – М., 2003. – 500 с.; Рыжков, Н.И. Великая Отечественная война: битва экономик и оружие Победы. – М., 2011. – 448 с. и др.
 14. Зинич, М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945 гг. В 2-х вып. / М.С. Зинич. – М., 1994. – 258 с.; Похилок, А.В. Война. Власть. Народ (Деятельность государственных органов по защите и обеспечению жизнедеятельности населения прифронтовых и освобожденных районов северо-запада СССР в период Великой Отечественной войны). – СПб, 1998. – 219 с.; Молодчик, А.В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг.: дис... д-ра ист. наук. / А.В. Похилок. – М., 2004. – 320 с. и др.
 15. Семиряга, М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М.И. Семиряга. – М., 2000. – 863 с.; Ковалев, Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы / Б.Н. Ковалев. – Великий Новгород, 2009. – 372 с. и др.
 16. Дружба, О.В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом / О.В. Дружба. – Ростов-н/Д, 2000. – 45 с.; Сенявский, А.С., Сенявская, Е.С. Память о Великой Отечественной войне // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А.С. Сенявский, Е.С. Сенявская. – М., 2010. – 730 с.; Куманев, Г.А. Рассекреченные страницы истории Второй мировой войны. Трагедия и подвиг. – М., 2012. – 320 с. и др.
 17. Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. – М., 2004. – 479 с.; Великая война и Великая Победа народа. К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 кн. / Отв. ред. А.Н. Сахаров. – М., 2010. – 459 с.; Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Отв. ред. А.Н. Сахаров, А.С. Сенявский. – М., 2010. – 434 с. и др.
 18. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. – М., 2011–2015. – Т. 1. – 976 с.
 19. Койчуев, А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.Д. Койчуев. – Ростов-н/Д, 1998. – 483 с.
 20. Малышева, Е.М. Испытание. Общество и власть: проблемы взаимодействия в экстремальных условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Е.М. Малышева. – Майкоп, 2000. – 432 с.; Ее же. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941–1945 гг. – М., 2011. – 487 с. и др.
 21. Шебзухов, М.Х. Трудовая и политическая активность тружеников тыла в годы войны / М.Х. Шебзухов. – Майкоп, 1992. – 143 с.; Его же. Тыл – фронту (тыл Северо-Западного Кавказа в годы войны 1941–1945): опыт, уроки. – Майкоп, 1993. – 326 с.
 22. Линец, С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.): дисс. ... докт. ист. наук / С.И. Линец. – Пятигорск, 2003. – 563 с.

23. Андриенко, М.В., Линец, С.И. Население Ставропольского края: оценка поведенческих мотивов / М.В. Андриенко. – Пятигорск, 2009. – 155 с.
24. Каменева, Г.Н., Судацков, Н.Д. Женщины Северного Кавказа: подвиги мужества и милосердия. 1941–1945 гг.: Очерки истории / Г.Н. Каменева. – Ставрополь, 2005. – 255 с.
25. Печалова, Л.В., Судацков, Н.Д. Кооперативная промышленность Ставрополья и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Л.В. Печалова. – М., 2010. – 149 с.
26. Панарина, Е.В. Деятельность профсоюзов Кубани и Ставрополья в годы Великой Отечественной войны / Е.В. Панарина. – Армавир, 2005. – 65 с.; Ее же. Решение социальных проблем населения Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. – Армавир, 2009. – 62 с.
27. Афанасенко, В.И., Кринко, Е.Ф., Курбат, Т.Г. и др. Война. Юг. Перелом (лето 1941 – осень 1943 гг.) / В.И. Афанасенко. – Ростов-на-Дону, 2012. – 284 с.
28. Безугольный, А.Ю., Бугай, Н.Ф., Кринко, Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Проблемы истории, историографии и источниковедения) / А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Бугай, Е.Ф. Кринко. – М., 2012. – 480 с.
29. Чугунцова, Н.А. Местная власть и война / Н.А. Чугунцева. – Краснодар, 1996. – 212 с.; Кущетеров, Р.М. Аграрная политика Советского государства. 1917–1991 гг. (на материалах Северо-Кавказского региона): дисс... д-ра ист. наук / Р.М. Кущетеров. – Ставрополь, 1997. – 389 с.; Гонов, А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы) / А.М. Гонов. – М., 1998. – 365 с.; Кринко, Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.) / Е.Ф. Кринко. – Майкоп, 2000. – 242 с.; Бондарев, В.А. Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев): дисс... канд. ист. наук / В.А. Бондарев. – Новочеркасск, 2001. – 192 с.; Мещерякова, А.В. Сельское хозяйство Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дисс. ...канд. ист. наук / А.В. Мещерякова. – Пятигорск, 2004. – 164 с.; Ачмиз, К.Г. Трудовой подвиг сельской молодежи в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дисс. ... д-ра ист. наук / К.Г. Ачмиз. – Краснодар, 2006. – 431 с.; Караева, А.А. Сельское хозяйство Карачая и Черкесии накануне и в годы Великой Отечественной войны: 1939–1943 гг. дисс. ...канд. ист. наук / А.А. Караева. – Пятигорск, 2008. – 167 с.; Подрезова, Т.А. Развитие сельского хозяйства и промышленности Ставропольского края в первые послевоенные годы (1945-1953 гг.): дисс... канд. ист. наук / Т.А. Подрезова. – Пятигорск, 2011. – 202 с.; Лохова, Т.В. Сельское хозяйство Краснодарского края и Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дисс. ... канд. ист. наук / Т.В. Лохова. – Майкоп, 2012. – 254 с.; Гетманова, Е.С. Повседневная жизнь женщин Ставрополья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дисс. ... канд. ист. наук / Е.С. Гетманова. – Ставрополь, 2016. – 217 с. и др.

РАЗДЕЛ 2. АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

УДК 902.21

Айбазов Ахмат Юсуфович
Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева,
заведующий Археологическим музеем,
г. Карачаевск, Россия,
E-mail: aybazov-ahmat@mail.ru

Меньшикова Вера Александровна
Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева,
научный сотрудник Центра археологических
и этнографических исследований,
г. Карачаевск, Россия,
E-mail: aybazov-ahmat@mail.ru

КАМЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ В ВЫСОКОГОРЬЕ КАРАЧАЯ И ИХ ПАРАЛЛЕЛИ С АЦАНГУАРАМИ АБХАЗИИ

Аннотация: В статье анализируются сооружения, найденные в Карачаево-Черкесии в урочище Лунная Поляна на левом берегу р. Архыз и в верховьях Кубани, в урочище Джалан-Къол, которые сильно напоминают ацангуары. Делается попытка объяснить их происхождение, описываются особенности расположения и постройки.

Ключевые слова: археология, каменные сооружения, ацангуары, охрана памятников, Северный Кавказ, Карачаево-Черкесия

Aibasov Akhmad Usufovich
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev,
head of the Archaeological Museum,
Karachaevsk, Russia,
E-mail: aybazov-ahmat@mail.ru

Menshikova Vera Alexandrovna
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev,
researcher At the center for archaeological research
and ethnographic research,
Karachaevsk, Russia,
E-mail: aybazov-ahmat@mail.ru

Abstract: The article analyses the structures found in Karachay-Circassia in the tract of Lunayaya Polyana on the left Bank of Arkhyz and in the upper reaches of the Kuban, in the tract of Jalan Chol that strongly resemble azangara. An attempt is made to explain their origin, the features of the location and construction are described.

Key words: archaeology, stone structures, azangara protection of the monuments of the Northern Caucasus, Karachay-Circassia

Изучением ацангуаров российские и зарубежные исследователи занимаются с конца XIX в. Так, в 1893 г. ботаник Н. Альбов обнаружил в альпийских лугах Абхазии древние каменные сооружения, предположив, что нашел жилища ацанов [1, с. 234]. В начале XX в. археолог М.М. Ивашенко собрал сведения о 17 таких сооружениях и ком-

плексах, предположив, что они имеют культовое назначение [4, с. 79–83]. Этнографы Ц.Н. Бжания и Ш.Д. Инал-Ипа, также изучавшие подобные сооружения, относили их к жилищам и хозяйственным постройкам и датировали периодом от поздней бронзы до позднего средневековья [3, с. 57–158; 8, с. 108–119]. В середине 80-х годов XX в. исследованием ацангуар вплотную занялся археолог А. И. Джопуа [2, с. 350].

Ацангуары (абх. «ограды карликов») – это древние сооружения из небольших необработанных камней в виде оград, часто асимметричной сложной формы, иногда с перегородками и, зачастую, с примыкающей к ограде большой скалой. Ацангуары впоследствии использовались в качестве загонов для скота, основы для кошей, ремонтировались и достраивались. В связи с этим идентификация ацангуара как древнего сооружения крайне затруднена.

Более всего ацангуары распространены в альпийской зоне Западного Кавказа – от бассейна реки Туапсе на севере (отдельные сооружения) до Абхазии включительно, причем преимущественно на морской стороне гор [1, с. 234].

В горах Абхазии, в зоне альпийских пастбищ на высоте 2000–2500 метров, встречаются полуразвалившиеся древние каменные ограды, известные здесь под названием «ацангуар» – «ограда ацанов». Народные абхазские предания приписывают их строительство мифическому народу «ацаны», который как будто населял в глубокой древности Абхазию, особенно ее горную часть. Фольклорный материал представляет этих древних мифических насельников «ацан» настолько малорослыми, что они свободно взбирались на папоротник и обрубали его ветви. Главным занятием ацанов, как повествует фольклор, являлось скотоводство, особенно разведение мелкого рогатого скота. «Ацаны имели широкую грудь и мощные плечи, отличались большой физической силой. Мелкий рогатый скот содержали в ацангуарах, ездили на зайцах и доили оленей. Возгордились, отвергли бога. Бог послал на Землю дождь из ваты, которая потом вспыхнула и сожгла ацанов. После их исчезновения появились адау», – говорится в абхазских преданиях [1, с. 234; 3, с. 57–158].

Что касается Карачаево-Черкесии, на территории которой также найдены подобные сооружения – ацангуары, то, к сожалению, здесь ими пока никто не занимался, и имеют ли сходство сооружения верховьев р. Кубань и р. Архыз с абхазскими ацангуарами, еще предстоит выяснить.

В Карачаево-Черкесии такие сооружения обнаружены в урочище Лунная Поляна на левом берегу р. Архыз и в верховьях Кубани, в урочище Джалан-Къол. Каждое из них следует проанализировать отдельно.

Архыз. Лунная Поляна. Абишира-Ахуба

Урочище Лунная Поляна расположено на левом берегу р. Архыз и представляет собой боковое ущелье в хребте Абишира-Ахуба, спускающееся к р. Архыз с севера на юг. Река Архыз течет с запада на восток и ограничивает ущелье с юга. С севера Поляна переходит в склоны хребта. К востоку и западу от урочища склоны хребта покрыты лесом. Ущелье заполнено конусом выноса, составленным из селевых и ледниковых отложений. По конусу выноса с хребта Абишира-Ахуба параллельно друг другу стекают два ручья, которые впадают в р. Архыз. Хребет Абишира-Ахуба надежно закрывает Архыз от северных ветров. В предгорьях в январе средняя температура составляет всего минус 5 градусов. Летом не очень жарко – средняя температура июля – плюс 15 градусов. Горы играют роль кондиционера, охлаждая воздух. Абишира-Ахуба отлично защищает долину от климатических невзгод, однако сам хребет из-за больших высот оказывается в более суровых условиях.

В ряде мест по течению ручьев отмечаются болотистые места ограниченной площади. Лунная Поляна покрыта различными травами субальпийской зоны, встречаются кустарники (шиповник, барбарис), отдельные хвойные деревья и группы деревьев. Поляна используется как выгон. Благоприятной особенностью Лунной Поляны является ее южная экспозиция. Урочище хорошо освещено солнцем, в том числе в зимнее время.

Таким образом, район Лунной Поляны характеризуется благоприятными природно-климатическими условиями для обитания и ведения скотоводческо-земледельческой формы хозяйства. Этот немаловажный факт, видимо, и стал моментом притяжения на поляну разных народов, которые оставили свой след в виде определенных археологических памятников.

В июне 2015 г. Карачаево-Черкесская археологическая экспедиция ООО «Археологический центр» (нач. эксп. – ст. н. с. ООО «Археологический центр» к.и.н. Г.Н. Карцева) совместно с ООО «Кавказгеоресурс» проводила археологические исследования (разведки) на земельном участке площадью 48 га в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесской Республики в урочище Лунная Поляна. В результате проведенных археологических работ выявлены объекты, а именно 3 каменные выкладки (ацангуары).

Данные сооружения представляют собой руинированные каменные выкладки неправильной подпрямоугольной или овальной формы, являющиеся свидетельством хозяйственно-бытовой деятельности людей, населявших урочище Лунная Поляна (п. Архыз) в древности. Подобного рода сооружения, как было указано выше, прослеживаются на территории Абхазии и Северо-Западного Кавказа и в археологической литературе известны под названием «ацангуар» («ацангуара»).

В урочище Лунная Поляна ацангуары отличаются небольшими размерами. Всего выявлено три объекта этого типа. Выкладки сильно разрушены, камни, в том числе крупные глыбы, сильно расплылись, тем не менее стены хорошо визуализируются.

Сооружение 1 (ацангуар)

Площадка, на которой расположено сооружение, практически плоская с южным уклоном. С южной и восточной сторон площадки в 3–4 м от края насыпи прослеживаются небольшие западины в грунте, в которых скапливаются грунтовые воды, образуя мочажинки. Сооружение в плане неправильной овальной формы размерами 16х13 м. Длинной осью объект вытянут по линии север-юг. По периметру фиксируются каменные обваловки высотой до 0,5 м. В северо-восточной части ацангуара отмечены крупные камни, расположенные в один ряд, ориентированный по линии север-юг. Ацангуар состоит из крупных глыб, внутри камни более мелкие. Выкладка сильно оплыла, особенно в южной части. Камни сооружения задернованы и местами поросли мелким кустарником. Современное использование площади объекта – выгон. Высота над уровнем моря 1878 м.

Сооружение 2 (ацангуар)

Сооружение расположено на мысовой части террасы, идущей в общем направлении с северо-востока на юго-запад. Площадка достаточно ровная, с незначительным уклоном в юго-западном направлении. Терраса с западной, южной и восточной стороны ограничена крутыми склонами балок. По дну балок протекают ручьи, которые в дальнейшем объединяются в один. Ацангуар в плане неправильной четырехугольной формы с закругленными углами. Размеры сооружения 18х13 м. Длинной осью объект ориентирован по линии север-юг. Высота выкладки 0,20–0,35 м. Для выкладки использовались крупные необработанные каменные глыбы. Современное использование площади объекта – выгон. Высота над уровнем моря 1804 м.

Сооружение 3 (ацангуар)

В 60 м от края объекта протекает горный ручей. Сооружение расположено на возвышенной площадке к северу, от которой расположен небольшой родник. Ручей, образуемый родником, протекает в непосредственной близости от площадки, в результате чего западная часть возле сооружения заболочена. Объект сооружен в центральной части моренной гряды, идущей в общем направлении север-юг. Сооружение заглублено в моренную гряду на 0,4 м. Сооружение неправильной подпрямоугольной формы размерами 7х5 м. Современное использование площади объекта – выгон. Высота над уровнем моря 1734 м.

Абишира-Ахуба

В октябре 2016 г. отряд ООО «Кавказгеоресурс» провел археологическую разведку на территории Зеленчукского района Карачаево-Черкесской Республики. В ходе работ выявлено два одиночных ацангуара и три сооружения, включенные в комплекс поселения Абишира-Ахуба. Нами даны условные обозначения объектам: сооружение Абишира-Ахуба-3; сооружение Абишира-Ахуба-4; сооружение 1 поселения Абишира-Ахуба; сооружение 2 поселения Абишира-Ахуба; сооружение 3 поселения Абишира-Ахуба.

Сооружение Абишира Ахуба-3 (рис. 2)

Сооружение расположено на вершине небольшого холма естественного происхождения. Вокруг холма зафиксирована небольшая заболоченная впадина. Участок плотно задернован. От сооружения сохранился юго-восточный угол с примыкающими к нему стенами. Очевидно, сооружение было ориентировано по сторонам света. Сохра-

нившаяся длина восточной стены – 3,5 м, южной – 4 м, ширина 0,7–0,8 м, высота – 0,2 м. Сооружение расположено на высоте 2375 м над уровнем моря.

Подъемный материал внутри и за пределами границ территории памятника отсутствует. Для определения наличия или отсутствия культурного слоя на памятнике заложены шурфы. Находки отсутствуют.

Сооружение Абишира-Ахуба-4 (рис. 3–4)

Сооружение обнаружено на расстоянии 822 м к северо-востоку от сооружения Абишира-Ахуба-3. Расположено на восточном склоне бокового отрога хребта Абишира-Ахуба, в небольшой ложбине. На склоне зафиксированы каменные осыпи, которые вплотную примыкают к восточной части сооружения. Территория, на которой выявлено сооружение, покрыта альпийской растительностью, в некоторых местах фиксируются скальные выходы. Современное использование территории – сезонный выпас скота. Сооружение расположено на высоте 2550 м над уровнем моря.

Сооружение состоит из 2-х помещений (пом. №1, №2), которые отчетливо фиксировались на уровне современной дневной поверхности, в виде основания стен, сложенных из необработанного камня крупного размера. Помещения пристроены к скальному останцу. Они не смежные и не имеют общих стен. Помещение №1 имеет подквадратную в плане форму размерами 7,7х7,8 м и ориентировано по сторонам света. Толщина стен – 1,5 м, высота – до 0,6 м, структура кладки не прослеживается. Юго-восточный угол помещения №1 примыкает к скальному останцу в южной части стены, возле скалы зафиксирован дверной проем шириной 2 м.

С восточной стороны от скального останца зафиксировано помещение №2, имеющее полукруглую форму. Западной стеной помещения служит скала. Помещение фиксируется по остаткам основания стен, сложенных из необработанных камней. Помещение длинной осью ориентировано по линии север-юг. Длина объекта – 4,20 м, ширина – 2,93 м, толщина стен 0,8–1 м, высота – до 0,5. Рядом с объектом заложены шурфы. Находки отсутствуют.

Сооружение 1 поселения Абишира-Ахуба 1 (рис. 5, 7)

Сооружение 1 поселения Абишира-Ахуба занимает юго-западную оконечность террасированной территории, расположено на ровной площадке, на дне короткой, узкой ложбины, выходящей устьем к югу и пересекающей террасу поселения по линии северо-восток – юго-запад. С востока и юго-востока стены сооружения вплотную примыкают к западному борту ложбины. Западный борт ложбины плотно покрыт каменной осыпью. Также каменная осыпь зафиксирована у восточного борта ложбины.

Сооружение 1 поселения Абишира-Ахуба состоит из двух смежных помещений (помещений №1, 2), которые визуальнo фиксируются на уровне современной поверхности в виде рядов необработанных камней крупного размера. Камни лежат друг на друге, система кладки не прослеживается. Высота сохранившихся стен конструкции достигает 1 м, ширина – 1–1,4 м. Большинство камней уложены таким образом, что плоские поверхности обращены вовнутрь конструкции. Некоторые камни поставлены вертикально. Сооружение длинной осью ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. Общая длина сооружения 14,5 м.

Помещение 1 представляет собой прямоугольную в плане конструкцию, ориентированную длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Длина объекта внутренней части 9 м, ширина 4 м в юго-западной стене, со смещением к западу, зафиксирован дверной проем, связывающий 2 помещения. Ширина дверного проема – 1 м, восточная часть помещения №1 врезана в склон ложбины.

Восточная и частично северная стены помещения вплотную примыкают к каменной осыпи.

Помещение №2 пристроено к юго-западной стене помещения №1. Оно представляет собой сильно разрушенные стены из необработанных камней, фиксируемых на уровне современной поверхности до высоты 0,8 м. Помещение имеет трапециевидную в плане форму, ориентированную длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Длина конструкции по внутренней части помещения 4 м, ширина внутренней части помещения по линии северо-запад – юго-восток 2 м. Внешние размеры помещения №2 установить сложно из-за сильного разрушения объекта и развала камней со стены наружу. В южной стене помещения зафиксирован дверной проем, который, вероятно, служил входом в сооружение. Ширина проема – 0,7 м. Помещение №2 со всех сторон

окружено осыпью крупных камней с бортов ложбины, в которой расположено сооружение 1 поселения Абишира-Ахуба.

Сооружение 2 поселения Абишира-Ахуба 1 (рис. 7)

Сооружение 2 поселения Абишира-Ахуба расположено в 117 м к востоку от сооружения 1 поселения Абишира-Ахуба. Представляет собой визуально фиксируемый на поверхности ряд необработанных камней среднего и крупного размера, образующих «П»-образную форму. Сооружение длинной осью ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. Фиксируется длина сооружения 7 м, ширина 5,2 м, юго-западная стена не сохранилась. Характер кладки не прослежен.

Сооружение 3 поселения Абишира-Ахуба 1 (рис. 6, 7)

Сооружение 3 поселения Абишира-Ахуба обнаружено на расстоянии 120 м к северо-востоку от сооружения 1 поселения Абишира-Ахуба. Объект находится на уплощенной вершине скалистого гребня, ориентированного по линии северо-восток – юго-запад. С западной, северной и восточной стороны объект окружен каменной осыпью, образовавшейся при разрушении горного хребта. С юга площадка, на которой расположено сооружение, ограничена достаточно крутым склоном с каменной осыпью. Сооружение представляет собой замкнутый вал овальной в плане формы, длинной осью ориентировано по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. Длина сооружения – 13 м, ширина – 6,5 м, толщина вала – 2 м, высота – до 1,1 м.

Сооружение сложено из необработанных камней крупного размера. Центральная часть площадки, окруженная валом, освобождена от камней.

Верховья Кубани. Урочище Джалан-Къол

Территория памятника находится в горно-лесистой местности урочища Джалан-Къол, в 27 км к юго-востоку от г. Карачаевска, вверх по течению р. Кубань. Здесь, с правой стороны, в нее впадает горная р. Джалан-Къол. В 5–7 км от устья р. Джалан-Къол находится одноименное урочище. Примерно в 5–6 км к юго-востоку от урочища начинаются песчаниковые скалы. Выше скального выхода находится горное плато Оба-Сырты (в пер. с кар.-бал. – курганный хребет или курганное плато), которое является частью огромного плато Бийчесын (в пер. с кар.-бал. – надгробие княжны или княгини). Отсюда открывается прекрасный вид на Эльбрус и Главный Кавказский хребет, также отсюда можно проехать в сторону Кисловодской котловины, в сторону Большого Карачая и Баксанского ущелья Кабардино-Балкарии. Вероятно, средневековые насельники этих мест по достоинству оценили удобство данной местности.

Здесь, над скальным выходом, в узком перешейке, связывающем урочища Джалан-Къол с плато Оба-Сырты, находятся развалины средневековых укреплений. Вероятно, когда-то в этом месте располагался пост и стояла сторожевая башня (на сегодняшний день археология не располагает достаточными данными о путях сообщения, функционировавших в эпоху раннего средневековья в верховьях Кубани). Но также это могут быть развалины наземных склепов с каменными оградами.

В 2018 году сотрудниками Центра археологических и этнографических исследований КЧГУ и археологического музея КЧГУ в ходе обследования скальных могильников в урочище Джалан-Къол были обнаружены каменные сооружения прямоугольной и овальной формы, располагающиеся как одиночно, так и в комплексе. Одиночные сооружения зачастую находились обособленно на естественных террасах и имели овальную форму.

В связи с погодными условиями и необходимостью покинуть урочище детальное изучение сооружений было невозможным. В связи с этим укажем примерные размеры некоторых из построек.

Объект 1 (одиночный ацангуар) (рис. 8)

Находится на естественной террасе склона в южном направлении. Сооружение вытянутой овальной формы размерами $\pm 6 \times 4$ м. Высота над уровнем моря 1900 м.

Объект 2 (двойной ацангуар) (рис. 9)

Находится на соседней объекту 1 естественной террасе склона в южном направлении. Состоит из двух построек, примыкающих друг к другу, имеет овальную форму. Одно сооружение уходит изгибом вниз по склону в юго-западном направлении. Размеры 1 сооружения $\pm 5 \times 3$ м, 2 сооружения $\pm 6 \times 3,5$ м. Высота над уровнем моря 1900 м.

Объект 3 (комплексные ацангуары) (рис. 10)

Находится в 150–200 метрах от одиночного сооружения. Комплекс содержит около 15 построек прямоугольной, овальной формы. Высота над уровнем моря 1850 м.

Объект 4 (одиночный ацангуар) (рис. 11)

Находится в 3,5 км к северо-западу от других сооружений и расположен на естественной террасе склона, направленной на запад. Размеры – 4,5x4 м, высота стен – 0,60–1,20 м. В непосредственной близости от сооружения отсутствуют следы современной жизнедеятельности (кошары и т. д.). Высота над уровнем моря 1750 м.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обнаруженные на территории Карачаево-Черкесии сооружения (ацангуары), бесспорно, имеют сходство с ацангуарами, изученными в Абхазии, и являются свидетельством передвижения через горные перевалы Кавказа народов, населявших территории современных Карачаево-Черкесии и Абхазии, и их тесных контактов с древних времен.

Эти ацангуары в основном:

- находятся в высокогорных районах (1800–2500 м);
 - сооружались на склонах или на естественных террасах;
 - имеют одинаковую конфигурацию и примерные размеры;
 - обнаруживаются как одиночные, так и комплексные;
- расположены на:
- хребте Абишира-Ахуба – Абашрыхуба ибаху¹⁴;
 - территориях с повышенной луговой растительностью;
 - территориях, отведенных под отгонное скотоводство как крупного, так и мелкого рогатого скота.

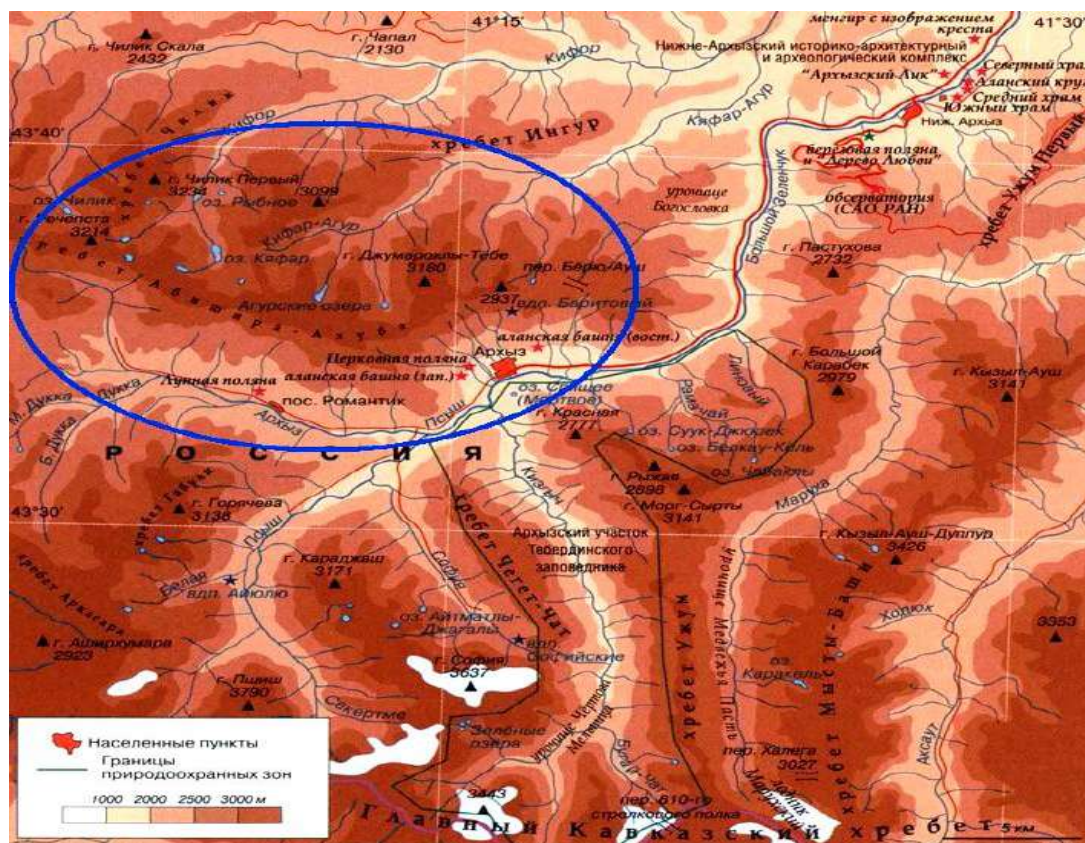

Рис. 1. Главный Кавказский хребет

¹⁴ Согласно пояснениям топонимиста Т.Ш. Гицба, хребет Абишира-Ахуба, горный массив в Карачаево-Черкесии, не имеет интерпретации на языке народов Карачаево-Черкесии, в то время как в абхазском звучит как «Абашрыхуба ибаху» – хребет Абашрыхуба. Башрухи – абхазский дворянский род.

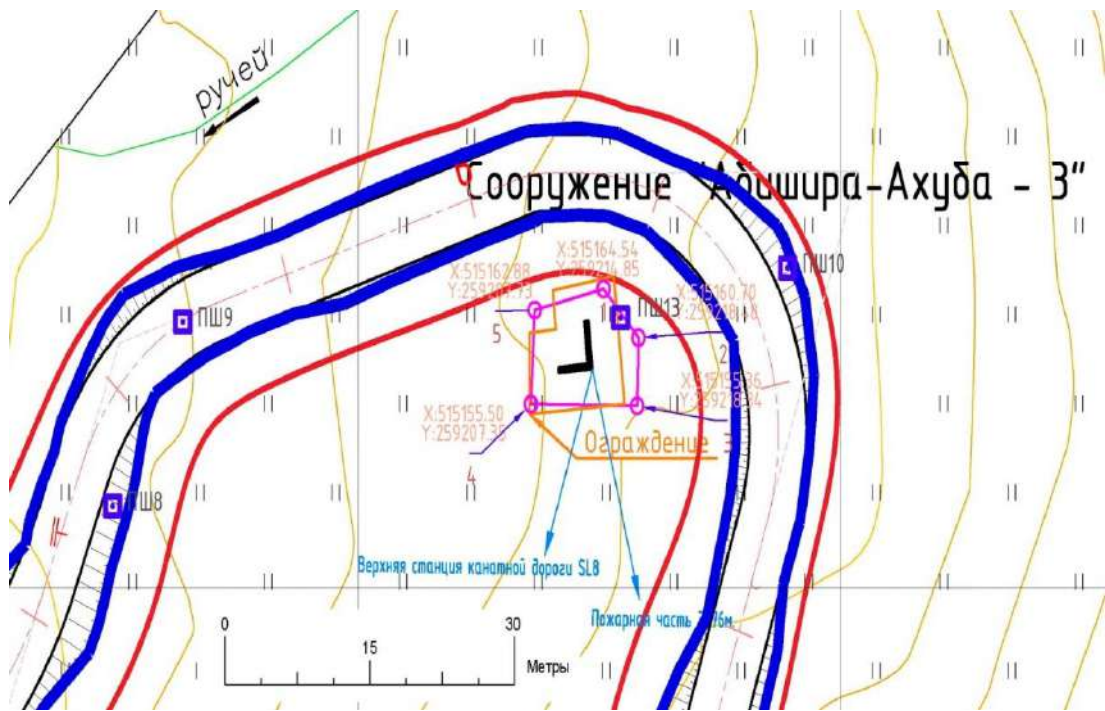

Рис. 2. План сооружения Абишира-Ахуба – 3

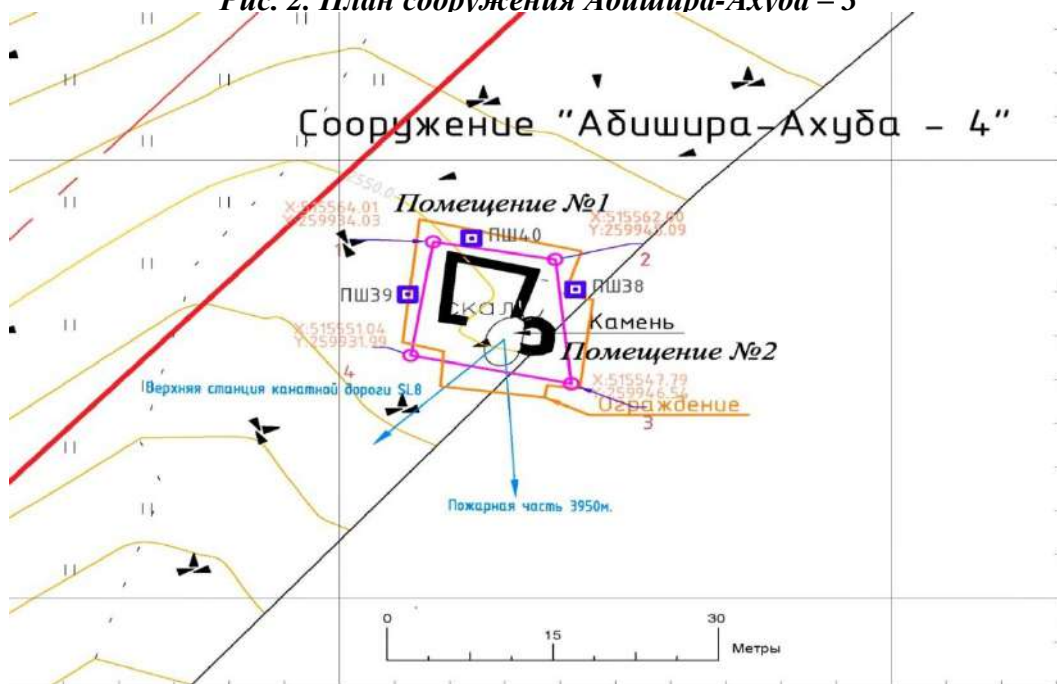

Рис. 3. План сооружения Абишира-Ахуба – 4

Рис. 4. Сооружение Абишира-Ахуба – 4

Рис. 5. Сооружение 1 поселения Абишира-Ахуба 1

Рис. 6. Сооружение 3 поселения Абишира-Ахуба 1

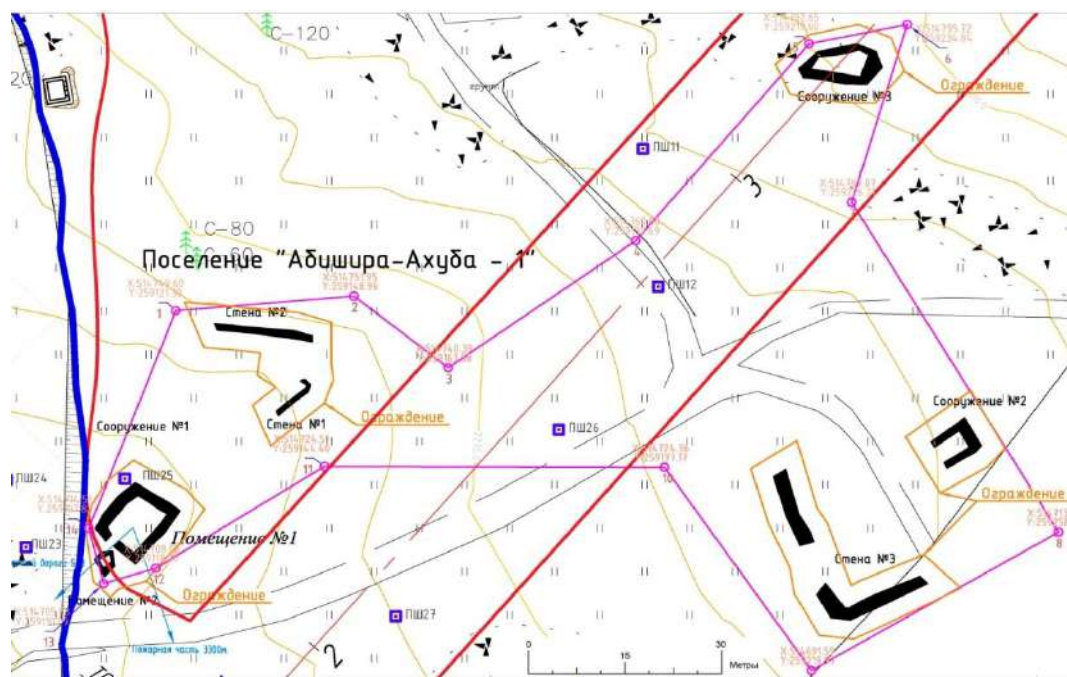

Рис. 7. План сооружений 1, 2, 3 поселения Абишира-Ахуба 1

*Рис. 8. Ацангуар. Урочище Джалан-Къол Рис. 9. Двойной ацангуар.
Урочище Джалан-Къол*

Рис. 10. Ацангуарный комплекс. Урочище Джалан-Къол

Рис. 11. Ацангуар. Урочище Джалан-Кьол

Литература:

1. Очарованный Абхазией. Жизнь и странствия Николая Альбова / Составители: З.И. Адзинба, Л.Л. Молчанова. – Сухум, 2016. – С. 234.
2. Джопуа, А.И. Вопросы изучения ацангуар в трудах Ш.Д. Инал-Ипа // Первые Международные Инал-Иповские чтения. – Сухум, 2011. – С. 350.
3. Инал-Ипа, Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми, 1962. – С. 57–158.
4. Иващенко, М.М. Исследование архаических памятников культуры в Абхазии // Исследования Научно-исследовательского института кавказоведения. – Вып. 3. – Тифлис, 1935. – С. 79–83.
5. Воронов, Ю.Н. О датировке абхазских ацангуаров // Советская археология. – №6. – М., 1973. – С. 41–50.
6. Кривошеев, М.В. Отчет об археологических разведках в окрестностях п. Романтик в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесской Республики в 2016 г. // Архив ИА РАН Р-1, №52062.
7. Керцева, Г.Н. Отчет об археологических разведках в окрестностях п. Романтик в Зеленчукском районе Карачаево-Черкесской Республики. – 2015 г.
8. Бжания, Ц.Н. Из истории хозяйства абхазов (этнографические очерки). – Сухуми, 1962. – С. 108–119.

УДК 902/904 (470.630)

Бабенко Виталий Александрович
Общество с ограниченной ответственностью «Наследие»,
ведущий научный сотрудник, г. Ставрополь, Россия,
E-mail: vit-babenko@yandex.ru

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ГОРОДИЩА МАДЖАРЫ
ПО ИСТОЧНИКАМ ВТОРОЙ ТРЕТИ XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX ВВ.**

Аннотация: В статье проанализированы сведения по исторической топографии городища Маджары, содержащиеся в материалах первых исследователей этого уникального памятника. В связи с тем, что на протяжении XIX–XX вв. городищу был нанесен большой ущерб, топографические планы Маджара, составленные А. Голохвостовым, И.-А. Гильденштедтом и К. Гейслером во второй половине XVIII в., позволяют определить топографию левобережной части городища, где располагался городской некрополь.

Ключевые слова: городище, Маджар, историческая топография, план местности, рисунок, мавзолеи, рельеф

Babenko Vitaly Alexandrovich
«Heritage» LTD, leading researcher,
Stavropol, Russian Federation,
E-mail: vit-babenko@yandex.ru

HISTORIC TOPOGRAPHY OF THE HILLFORT OF MADJARY ACCORDING TO SOURCES FROM THE SECOND THIRD OF XVIII-th TO MID-XIX-th CENTURIES

Abstract: *The paper analyses information about historic topography of the hillfort of Madjary taken from the research works of the first explorers of that unique historic monument. Throughout the XIX-th and XX-th centuries the hillfort suffered serious damage. Therefore, the topographic maps of Madjary which were completed by A. Golokhvostov, I.A. Gildenstedt and K. Gaisler in the second half of the XVIII-th century give an opportunity to identify the topography of the left-bank part of the hillfort, where the local necropolis was situated.*

Key words: *hillfort, Madjar, historic topography, cartographic sources, visual sources, mausoleums, relief*

В последнее время в изучении ряда золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья произошел переход от накопления археологических материалов к их обобщению. Важным итогом исследований последнего времени стали работы по изучению планировочной структуры золотоордынского города [3; 6; 9] и исторической топографии отдельных золотоордынских городов [5; 11; 12].

Крупнейший на Северном Кавказе город Маджар значительно уступает большинству золотоордынских памятников по степени своей изученности в археологическом плане. Однако отмеченный недостаток археологических материалов частично компенсируется большим объемом картографических и изобразительных источников, накопленных начиная со второй трети XVIII в. и недавно значительно пополнившихся.

В течение нескольких последних лет были впервые изданы на русском языке материалы исследований И.-А. Гильденштедта [4], Ю. Клапрота [10] и Я. Потоцкого [14]. Э.Д. Зиливинская выявила в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге материалы экспедиции 1742 г. на Маджары, а в Отделе рисунков Государственного Русского музея – акварели известного пейзажиста второй половины XVIII в. М.М. Иванова с видами последних маджарских мавзолеев [7, с. 12, 18]. Публикация Э.Д. Зиливинской в ряде своих работ картографических материалов А. Голохвостова, К. Гейслера, рисунков М. Некрасова и К. Гейслера имеет большое значение. Она позволяет уточнить некоторые детали исторической топографии Маджара, рассмотренной ранее в работах Э.В. Ртвеладзе [13, с. 156–158], В.Г. Блохина [3, с. 276–278] и Э.Д. Зиливинской [8, с. 26–29].

Городище Маджары расположено на коренном левом берегу долины р. Кумы и в ее пойме по обоим берегам ее современного искусственного русла, к югу от устья ее левого притока р. Мокрая Буйвола. Его возвышенная часть расположена на водоразделе Кумы и Мокрой Буйволы, образованном излучиной Кумы. С востока она ограничена обрывом коренного берега долины Кумы, с юга – большой балкой, наиболее крупной на левом берегу Кумы в районе устья Мокрой Буйволы. Ее верховья примыкают к домовладениям по ул. Кумской, пр. Калинина и пер. Маджарскому, нижняя часть – к т. н. «острову», образованному меандрами кумского русла. Южнее «острова» расположено несколько оврагов, примыкающих к домовладениям по ул. Кумской. Гряда водораздела Кумы и Мокрой Буйволы расположена в его южной части, ближе к долине Кумы. Рельеф левобережной части городища был нарушен в ходе застройки улиц в восточной части г. Буденновска (ранее – Святой Крест и Прикумск) на протяжении XIX–XX вв.

Пойменная часть городища первоначально занимала высокую часть надпойменной террасы левого берега Кумы. Под воздействием естественных причин и антропогенных факторов долина реки претерпела в XIX–XX вв. сильные изменения, в результате которых пойменная часть городища оказалась разделенной искусственным руслом реки на две части. В 1959–1960 гг. в пойме Кумы были проведены масштабные нивели-

ровочные работы, заложены сады, виноградники и прорыта сеть мелиоративных каналов [2, с. 300–301].

В связи с изменениями ландшафта городища Маджары в XIX–XX вв. возникают проблемы с использованием материалов первых исследователей памятника. Однако опыт исследования топографии Царевского городища А.А. Глуховым на основе картографических материалов середины XIX в. [5, с. 37–76] убеждает в перспективности привлечения архивных материалов для уточнения топографии Маджара. Со второй трети XVIII в. А. Голохвостовым, М. Некрасовым, С.Г. Гmeliным, И.-А. Гильденштедтом, П.С. Палласом и К. Гейслером были выполнены планы и рисунки с видами городища, составлены его описания.

В 1742 г. В.Н. Татищев организовал экспедицию в составе художника М. Некрасова и чертежника А. Голохвостова. Результатом работ экспедиции стали план городища, составленный А. Голохвостовым, и рисунок маджарских мавзолеев, выполненный М. Некрасовым [8, с. 11–12]. На плане Маджара показаны рельеф левобережной части городища, включая крупную балку и многочисленные мавзолеи на водоразделе Кумы и Мокрой Буйволы, а также сооружение на правом берегу Кумы. Мавзолеи на плане показаны пропорционально их размерам, с отражением их конструктивных особенностей, которые также были отражены на рисунках М. Некрасова [8, с. 46]. Русло Кумы показано ближе к коренному левому берегу своей долины [8, с. 61, рис. 2].

Вызывает интерес и рисунок маджарских мавзолеев, выполненный М. Некрасовым и переизданный А.Ф. Бюшингом в 1771 г. [Рис. 2]. Он представляет собой вид на возвышенную часть городища с юго-восточного направления, со стороны поймы Кумы. На рисунке показаны изгибы русла Кумы, обрывы ее левого берега, понижение местности с юго-запада на северо-восток и рельеф местности на левобережной части городища в виде многочисленных мелких оврагов, круто обрывающихся в кумскую долину. Мавзолеи показаны стоящими ближе к левому берегу Кумы.

М. Некрасов показал сосредоточение наиболее крупных мавзолеев на возвышенной части водораздела Кумы и Мокрой Буйволы, что соответствует показанному на плане А. Голохвостова расположению крупных мавзолеев к северо-востоку от крупной балки. Так как эта балка на рисунке не показана, вероятно, что М. Некрасов изобразил вид на возвышенную часть водораздела Кумы и Мокрой Буйволы на участке к северо-востоку от балки. Участники экспедиции 1742 г. не оставили подробных описаний городища. Их материалы дополняет описание Маджара, составленное академиком С.Г. Гmeliным в 1772 г.

С.Г. Гмелин первым выделил в Среднем Прикумье три группы развалин поселений золотоордынского времени. Под наименованием «среднего, главного Маджара» он подразумевает городище Маджары. «Остатки великого скифского города Маджара лежат как раз на левом берегу реки Кумы, между двумя довольно значительными озерами Барвала, Бибала тоже, и Тамуслова... Место, занимаемое городом, возвышенный четырехугольник, имеет 5 верст в поперечнике и весь занят развалинами» [15, с. 8]. Данные С.Г. Гмелина о расположении городища Маджары на пространстве от устья р. Томузловка до устья р. Мокрая Буйвола противоречат современным представлениям о границах памятника. Вероятно, в устье р. Томузловки он видел остатки отдельного золотоордынского поселения. Также известно поселение в районе с. Орловка Буденновского района. В то же время он обратил внимание на «возвышенный четырехугольник», на котором стояли мавзолеи, жилые дома и отдельные кладбища. Он отметил на правом берегу Кумы «менее заметные развалины древних зданий и домов» [15, с. 12].

В 1773 г. академик И.-А. Гильденштедт совершил поездку из Пятигорья в Маджар. На плане Маджара, составленном в ходе данной поездки, показаны лиман в устье р. Мокрая Буйвола, рельеф высокого левого берега Кумы и заросшие лесом и кустарником долины Кумы и Мокрой Буйволы. На левом берегу Кумы также показана большая балка [Рис. 1]. Русло Кумы показано ближе к коренному левому берегу своей долины. Городские постройки показаны на водоразделе Кумы и Мокрой Буйволы в основном условными обозначениями, но они отчетливо группируются в два скопления: одно на гребне водораздела Кумы и Мокрой Буйволы, второе – ближе к правому берегу Мокрой Буйволы. В южной и в юго-восточной частях городища отдельно обозначены две мечети и два минарета. При этом один минарет и одна мечеть размещены к западу от большой балки [Рис. 1].

На плане Маджара, составленном К. Гейслером во время работ экспедиции академика П.С. Палласа в 1793 г., также показано, что Кума протекала ближе к своему коренному левому берегу и разделяла городище на две части. Здесь показаны многочисленные меандры (ерики) и заросшая лесом кумская пойма. На водоразделе Кумы и Мокрой Буйволы показаны мавзолеи. Судя по плану, составленному К. Гейслером, примерно здесь по направлению гребня водораздела располагались два параллельных ряда мавзолеев, образывавших основу планировки городского некрополя [8, с. 67, рис. 14]. Несмотря на то, что количество мавзолеев по сравнению с планами А. Голохвостова и И.-А. Гильденштедта уменьшилось, к 1793 г. сохранялись наиболее крупные мавзолеи, хотя и сильно разрушенные, что следует из гравюр К. Гейслера.

Таким образом, судя по планам Маджара А. Голохвостова, И.-А. Гильденштедта и К. Гейслера, мавзолеи располагались на гряде водораздела и рельефе вокруг него, ближе к левому берегу кумской долины. Наиболее достоверно эта ситуация отражена на гравюрах К. Гейслера с видами сохранившихся мавзолеев [8, с. 65, рис. 10; с. 66, рис. 12]. На одной из его гравюр они показаны на фоне устья р. Мокрая Буйвола и кумской долины [8, с. 65, рис. 10], что позволяет определить ракурс, с которого производилась их зарисовка. Это вид с юго-запада на северо-восток. На заднем плане виден большой курган на левом берегу р. Мокрая Буйвола [8, с. 19]. Это наиболее крупный курган в окрестностях совр. Буденновска – курган №79 курганного могильника «Буйвола-1», расположенного на левом берегу р. Мокрая Буйвола. Этот участок городского некрополя мог располагаться на месте современной районной больницы, занимающей наиболее возвышенный участок водораздела Кумы и Мокрой Буйволы.

Отмеченные планы городища и рисунок М. Некрасова объединяет отражение реальной ситуации: сосредоточение сохранившихся сооружений на коренном левом берегу Кумы, смещение в XVIII в. кумского русла к своему левому коренному берегу, заболоченность кумской поймы и немногочисленные постройки в пойменной части городища. Отражение особенностей рельефа на левом берегу Кумы на планах А. Голохвостова и И.-А. Гильденштедта (на этих планах показана большая балка) позволяет сопоставить их с современной топоосновой. Отмеченная балка расположена к юго-западу и югу от современной районной больницы и является единственной большой балкой на левом берегу Кумы поблизости от возвышенной части городища.

В начале XIX в. памятник приобрел руинированный вид. Посетивший в 1807 г. городище Маджары Я. Потоцкий отмечал, что «руины Маджар занимают территорию примерно до двух миль в диаметре, осталось только четыре мавзолея» [14, с. 80]. С разрушением мавзолеев разрушение городища не прекратилось. Жители г. Святой Крест и окрестных сел добывали здесь кирпичи, камень, на участке кумской долины от с. Прасковья до с. Покойное были построены плотины и прорыты несколько каналов, которые нарушили культурный слой городища.

В середине XIX в. ставропольский губернский землемер, член-сотрудник Русского Географического общества А.П. Архипов произвел инструментальную съемку третьей части левобережной части городища и выявил четное деление ее на кварталы. На его плане было обозначено 43 полных и 7 неполных кварталов, в пределах которых отмечено «426 холмов разной величины, 168 углублений малого размера, 4 среднего и 6 крупного размера; 32 окопа средней величины и 6 окопов значительных размеров; 1 кладбище, расположенное возле реки на горе, и 4 основания каменных башен... По некоторым из улиц пролегает нынешняя проселочная дорога из Св. Креста в с. Покойное» [1, №18, с. 143–144].

Вероятно, А.П. Архипов отснял свободный от зарослей участок ближе к коренному левому берегу кумской долины, вошедший в его планшеты съемки. Вызывают интерес сведения А.П. Архипова об обнаруженном им в юго-западной части («южной стороне западной части») городища, углублении, имевшем «правильный вид восьмиугольного креста, не считая четырех внутренних его углов», обращенном на восток. Он предположил, что это углубление являлось остатками православного храма, а в этой части городища, отделенной от «главного города» отрогами балки, проживало компактно христианское население [1, №19, с. 153]. К сожалению, данный план затерялся при реорганизации ставропольских губернских архивов в начале XX в.

Таким образом, в материалах первых исследователей городища Маджары содержатся сведения, которые позволяют уточнить топографию левобережной части горо-

дища и локализовать мавзолеи Маджара на возвышенной части водораздела Кумы и Мокрой Буйволы. Имеющиеся ориентиры на планах А. Голохвостова, И.-А. Гильденштедта и К. Гейслера позволяют сопоставить их с современной топоосновой.

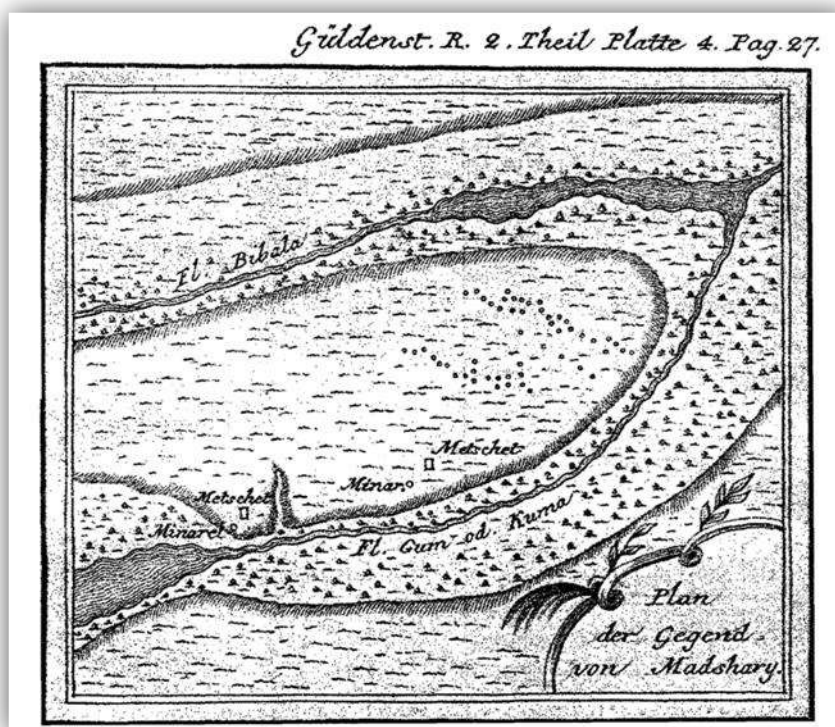

Рис. 1. План Маджара И.-А. Гильденштедта, 1773 г.

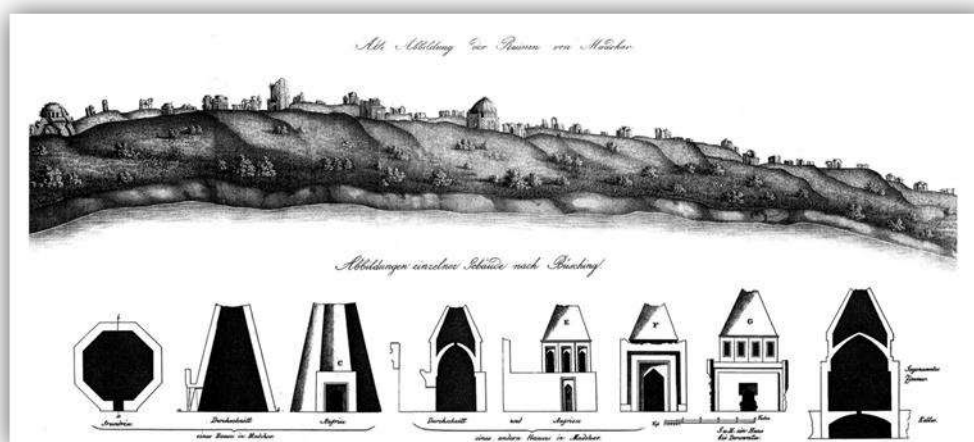

Рис. 2. Гравюра из альманаха А.Ф. Бюшинга с воспроизведением рисунка М. Некрасова 1742 г. и видами золотоордынских мавзолеев Прикумья

Литература:

1. Архипов, А.П. Очерки исследований древнего Маджара / А.П. Архипов [и др.] // Ставропольские губернские ведомости. – Ставрополь, 1856. – №18–19.
2. Бабенко, В.А. Изменения в ландшафте городища Маджары в конце XVIII – середине XX в.: природные и антропогенные факторы / В.А. Бабенко [и др.] // Проблемы археологии и музееведения: Сборник статей, посвященный памяти Н.В. Хабаровой (1955–2017) / ФГАУ ВО «ВолГУ», ГБУК «ВОКМ», ГБУ ВОИПЦ по охране памятников истории и культуры, ВРО ВООПИиК. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. – С. 299–304.
3. Блохин, В.Г. Планировочная структура золотоордынского города / В.Г. Блохин [и др.] // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – С. 271–299.

4. Гильденштедт, И.-А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / И.-А. Гильденштедт; Ред. Ю.Ю. Карпов, пер. Т.К. Шафрановской. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 512 с.
5. Глухов, А.А. Царевское городище: история изучения, историческая топография, хронология / А.А. Глухов. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2015. – 101 с., 16 л. илл.
6. Зиливинская, Э.Д. Структура золотоордынских городов во времена хана Узбека / Э.Д. Зиливинская [и др.] // Ислам и власть в Золотой Орде. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – С. 154–177. Сер. «История и культура Золотой Орды». Вып. 16.
7. Зиливинская, Э.Д. Архитектурные памятники Маджара по рисункам и описаниям XVIII века / Э.Д. Зиливинская [и др.] // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск XI: Археология, краеведение, музееведение. – М.: Памятники исторической мысли, 2013. – С. 309–330.
8. Зиливинская, Э.Д. Маджар // Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа / Э.Д. Зиливинская; Отв. ред. докт. ист. наук Б.Х. Бгажников, автор науч. проекта Зиливинская Э.Д. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – С. 7–108.
9. Ильина, О.А. Вопросы исторической топографии и хронологии золотоордынских городов Нижневолжского Правобережья / О.А. Ильина [и др.] // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Кишинев: Stratum Plus, 2015. – С. 207–241. Сер. «Археологические источники Восточной Европы».
10. Клапрот, Ю. Описание поездки по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах / Ю. Клапрот; Пер. с англ. К.А. Мальбахов. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2008. – 317 с.
11. Кубанкин, Д.А. Историческая топография Увекского городища / Д.А. Кубанкин [и др.] // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Кишинев: Stratum Plus, 2015. – С. 243–254. Сер. «Археологические источники Восточной Европы».
12. Масловский, А.Н. Заметки по топографии золотоордынского города Азака / А.Н. Масловский [и др.] // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Кишинев: Stratum Plus, 2015. – С. 383–409. Сер. «Археологические источники Восточной Европы».
13. Ртвеладзе, Э.В. К истории города Маджар / Э.В. Ртвеладзе [и др.] // Советская археология. – 1972. – №3. – С. 149–163.
14. Соснина, Е.Л. Два путешествия в золотой век / Е.Л. Соснина. – Пятигорск: Северо-Кавказское издательство «МИЛ», 2003. – 422 с.
15. Шестаков, П.Д. Напоминание о древнем городе Маджаре (читано на заседании 31 июля. См. проток. Стр. XXXII) / П.Д. Шестаков [и др.] // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Том 1. – Казань: Типография императорского университета, 1884. – С. 1–16.

УДК 902.2

Володин Семен Алексеевич
Институт археологии РАН,
м.н.с. Научно-отраслевого архива, г. Москва, Россия,
E-mail: volodinsaimon@gmail.com

Кудрявцев Андрей Алексеевич
Институт археологии РАН,
н.с. Научно-отраслевого архива, г. Москва, Россия,
E-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е.И. КРУПНОВА ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОГО АРХИВА ИА РАН¹⁵

***Аннотация:** В статье анализируются материалы Научно-отраслевого архива ИА РАН из личного фонда Е.И. Крупнова, относящиеся к его деятельности по сохранению археологического и культурного наследия Северного Кавказа. Большая часть документов представляет собой корреспонденцию, адресованную знаменитому кавказоведу. Переписка освещает вопросы охраны, реставрации, определения статуса памятников археологии и архитектуры Кара-чаево-Черкесии, Северной Осетии, Ингушетии, Ставропольского края.*

***Ключевые слова:** археология, архитектура, охрана памятников, Крупнов, Северный Кавказ*

¹⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-1429.2019.6.

Volodin Semen Alekseevich
Institute of archaeology RAS, Junior researcher, Scientific archive,
Moscow, Russia,
E-mail: volodinsaimon@gmail.com

Kudriavtsev Andrei Alekseevich
Institute of archaeology RAS, Researcher, Scientific archive,
Moscow, Russia,
E-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

E.I. KRUPNOV'S ACTIVITY ON PROTECTION OF THE NORTHERN CAUCASUS ARCHAEOLOGICAL HERITAGE ON THE SCIENTIFIC ARCHIVE IA RAS MATERIALS

Abstract: *The article analyzes the materials of the Scientific Archive IA RAS from the E.I. Krupnov's fond of personal provenance, related to his activities to preserve the North Caucasus archaeological and cultural heritage. Most of the documents are correspondence addressed to the famous Caucasian historian. The correspondence covers the issues of protection, restoration, determination of the monuments of archeology and architecture status of Karachay-Circassia, North Ossetia, Ingushetia, Stavropol region.*

Key words: *archaeology, architecture, heritage protection, Krupnov, North Caucasus*

Вклад Е.И. Крупнова в развитие советской археологии, в изучение истории и культуры народов Северного Кавказа, выдающиеся результаты его плодотворной научной, научно-организационной и экспедиционной работы неоднократно отмечались в юбилейных статьях, подчеркивались в специальных докладах [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Пожалуй, одним из лучших признаний заслуг ученого является основанная в память о нем учениками и последователями в 1971 г. традиция проведения «Крупновских чтений» по археологии Северного Кавказа», которая не прерывается по настоящее время. Однако до сих пор в должной мере, на наш взгляд, не освещена деятельность исследователя по сохранению кавказских древностей.

В 1965 г. согласно постановлению Совета министров РСФСР создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. Е.И. Крупнов был назначен на должность заместителя председателя секции исторических памятников Центрального совета ВООПИиК, кроме того, в рамках Центрального совета он руководил археологической комиссией [6, с. 13]. Именно ему принадлежит разработка основных направлений деятельности актива ВООПИиК по сохранению памятников археологии, которые были отражены в его докладе 1969 г. «Задачи нашего общества в изучении и охране археологических памятников» [11, л. 1–17].

По мнению Е.И. Крупнова, в эти задачи должны были входить: 1) обязательная паспортизация всех памятников археологии; подготовка «Свода памятников культуры», составление археологических карт; 2) всяческое содействие, в том числе финансовое и издательское, институтам, вузам, музеям в изучении памятников археологического наследия; 3) определение охранных зон индивидуально к каждой отдельной категории памятников, в том числе и для древнерусских городов, культурный слой которых органически связан с застройкой современных городов; 4) организация археолого-архитектурных заповедников, которые бы становились филиалами ближайших краеведческих музеев; 5) консервация вскрытых археологических объектов; 6) популяризация выдающихся памятников истории и культуры через открытый показ, печать, публичные лекции, радиопередачи, кино и телевидение [11, л. 1–17]. Данные разработки легли в основу статей закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры», принятого в 1978 г., которые сохраняются и в современном Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Свою деятельность в обществе охраны памятников ученый прекратил 12 мая 1969 г., освободив должность по состоянию здоровья [12, л. 132].

В силу своих научных интересов основные усилия Е.И. Крупнов направлял на охрану памятников Северного Кавказа, о чем свидетельствует переписка, хранящаяся в его личном фонде Научно-отраслевого архива ИА РАН (Ф–13). Безусловно, данный ис-

точник весьма специфичен, так как в большинстве случаев мы располагаем лишь входящей корреспонденцией. Несмотря на это, сохранившиеся письма со всего Северо-Кавказского региона позволяют определенно утверждать, что Е.И. Крупнов был не только информирован обо всех угрозах памятникам археологии, но и лично содействовал сохранению культурного наследия.

Наиболее ранними письмами по проблеме охраны наследия, датируемыми 1953 г., являются два пространных послания Н.М. Егорова, известного краеведа, долгое время заведовавшего Пятигорским краеведческим музеем [13, л. 112–116об.]. Он сообщает Е.И. Крупнову о варварском разрушении кургана «Больничный» в Горячеводске: «Весной прошлого года началась раскопка его на глину, которая вскоре приняла колоссальные размеры... В этом году копка глины возобновилась почти в тех же размерах» [13, л. 113, об. 114]. Он просит московского ученого составить от лица ИИМКа официальное сообщение Пятигорскому Горисполкому о факте гибели памятника с предложением выделения средств на научное исследование. Впоследствии все погребения данного кургана были исследованы самим Н.М. Егоровым, А.П. Руничем, Г.И. Рагозиным и Г.Я. Симакиным, как и остальные Горячеводские курганы. К сожалению, роль Е.И. Крупнова в решении данного вопроса остается не совсем ясной.

В противоположность этому благодаря сохранившейся переписке становится ясна решающая роль Е.И. Крупнова в деле сохранения и реставрации христианских храмов Нижнего Архыза, Шоанинского храма в Карачаево-Черкесии; комплекса боевых башен XVI–XVII вв. у с. Эрзи на территории Ингушетии, «Города мертвых» в Даргавсе, Верхнеджулатского городища в Северной Осетии.

В письме от 13 октября 1964 г. к Е.И. Крупнову обращается писатель, поэт и драматург И.М. Базоркин с просьбой о помощи в вопросе охраны памятников Ингушетии [13, л. 74–74об.]. Он описывает свое путешествие по Военно-Грузинской дороге, в ходе которого «...был потрясен чудовищными, варварскими разрушениями памятников, устоявших против времени и падающих под ударами современного человека» [13, л. 74]. По его словам, сжигались мумии в склепах, в поисках кладов и для хозяйственных нужд пробивались входы, разбирались на камни первые этажи боевых башен у с. Эрзи, активно разрушался храм «Тхаба-Ерды». В поиске решения проблемы поэт предлагает Е.И. Крупнову обратиться в ЮНЕСКО, объявить участки Военно-Грузинской дороги архитектурным заповедником, охрану которого возложить на местные колхозы. Из этого письма также можно узнать, что ученый ранее уже обращался в Совет Министров Чечено-Ингушской АССР по восстановлению храма «Тхаба-Ерды» [13, л. 74 об.]. Очевидно, что в этот момент обращения не возымели никакого результата.

Впрочем, в 1967 г. Е.И. Крупнов снова обращается к руководству республики в письме на имя первого секретаря обкома КПСС ЧИ АССР С.С. Апрыткина и председателя Совета министров ЧИ АССР М.Г. Гайрбекова с требованием обратить особое внимание и принять срочные меры по реставрации этих памятников [13, л. 41–42]. В качестве аргументов ученый приводит довод о том, что древние комплексы, в особенности у с. Эрзи, привлекают огромный приток отечественных и иностранных туристов. Для этого, по его словам, нужно предусмотреть в республиканской смете на 1968 г. и последующие годы средства на восстановительные работы: «Необходимо, чтобы министр культуры ЧИ АССР уже сейчас обратился бы с ходатайством в Министерство культуры РСФСР о выделении определенных сумм, начиная с 1968 г. на те же цели» [13, л. 42].

Интересным является также тот факт, что в этом документе Е.И. Крупнов упомянул о намерениях В.И. Кочемасова (председателя ВООПИиК) на очередной сессии Верховного Совета РСФСР провести закон об охране памятников [13, л. 42].

Помимо этого Е.И. Крупнов обратился с письмом к начальнику государственной инспекции по охране памятников культуры Министерства культуры РСФСР И.В. Маковецкому, в котором при окончательном распределении средств на реставрационные работы в 1968 г. попросил оказать содействие в увеличении финансирования на восстановление башенного комплекса у с. Эрзи в Чечено-Ингушетии [13, л. 190–191]. Ответ И.В. Маковецкого говорит о результативности обращений Е.И. Крупнова: «Нами в связи с этим предусмотрено увеличение ассигнований на 1968 г.», «Принимаются меры к тому, чтобы помочь на месте организовать ремонтные и консервационные работы по памятникам истории и культуры» [13, л. 197]. Средства дошли по назначению, реставрация комплекса у с. Эрзи была начата в 1968 г. и поручена Ш. Евлоеву, который в за-

писке сообщает ученому, какие мероприятия по восстановлению будут приняты, и интересуется специальной литературой, позволившей бы полноценно воспроизвести первоначальный облик памятника [13, л. 109–109об.].

Впрочем, помощь Е.И. Крупнова с увеличением финансирования на реставрацию памятников не ограничивалась исключительно территорией Чечено-Ингушетии. Так, в письме от 6 сентября 1967 г. министр культуры Северо-Осетинской АССР С.Е. Ужegov сетует на то, что при обсуждении бюджета на 1968 г. на ремонт и восстановление «Города мертвых» в Даргавсе выделили значительно меньше средств, чем было запрошено. В связи с этим «Министерство культуры Северо-Осетинской АССР будет Вам весьма признательно, если Вы своим авторитетом поможете в увеличении суммы ассигнования на 1968 г.» [13, л. 143].

В просьбе к И.В. Маковецкому, упомянутой выше, Е.И. Крупнов не обошел стороной проблемы Северной Осетии, особо подчеркнув необходимость восстановления уникальных памятников Даргавса [13, л. 191]. Также, как и в случае с комплексом у с. Эрзи, настойчивую просьбу ученого не обошли стороной, значительно увеличив финансирование работ в «Городе мертвых» [13, л. 197]. Также об этом свидетельствует и благодарность руководства республики, принесенная ученому заместителем министра культуры СО АССР Л. Цебоевой в письме от декабря 1967 г.

Необходимо отметить, что увеличенное финансирование в 1968 г. было выделено по упомянутой просьбе Е.И. Крупнова, в том числе и на ремонт и восстановление христианских храмов в Карачаево-Черкесии [13, л. 190, 197]. В 1969 г., в немалой степени по инициативе Е.И. Крупнова, в Ставропольском крае (в составе которого на тот момент находилась Карачаево-Черкесская АО) был поднят вопрос о создании в Нижнем Архызе археолого-архитектурного заповедника. Л. Воскресенская в переписке с ученым консультируется по вопросу статуса будущего заповедника, структуры, которой он будет подчинен [13, л. 86]. Чуть позже, в октябре 1969 г., В.А. Кузнецов во всех подробностях делится с Е.И. Крупновым результатами заседаний комиссии ставропольского Управления культуры Крайисполкома по вопросам музея-заповедника в Архызе [13, л. 164].

Скорее всего, создание подобного заповедника в Карачаево-Черкесии было бы невозможно без больших усилий Е.И. Крупнова. Об этом свидетельствует, в частности, его переписка с Е.П. Алексеевой, которая в письме от 1964 г. просит предпринять активные действия по сохранению Шоанинского храма. Памятник архитектуры, по ее словам, на тот момент партийные власти намеревались взорвать в рамках антирелигиозной борьбы [13, л. 44]. Е.П. Алексеева также упоминает в этом письме, что Институт археологии АН СССР уже обращался в местный Обком с ходатайством о взятии храма под охрану, однако положительного результата данное обращение не имело. Ответа Е.И. Крупнова на печальные известия в личном фонде не имеется. Впрочем, сохранность памятника в настоящее время позволяет предположить, что его вмешательство в вопрос об уничтожении Шоанинского храма оказало существенное влияние на итоговое решение.

В завершении данной заметки необходимо упомянуть еще один сюжет, связанный с охраной Верхнеджуглатского городища, раскрывающийся в обширной корреспонденции от В.А. Кузнецова. В письме от 28 мая 1969 г. он сообщает о том, что на территории городища Севостпотребсоюз собирается начать строительство большого придорожного ресторана [13, л. 183]. Как выяснилось позже, возведение ресторана было санкционировано Б.Е. Кабалоевым, первым секретарем Северо-Осетинского обкома КПСС [13, л. 173]. Вероятно, в связи с этим длительное время активные действия местного отделения ВООПИиК не имели отклика со стороны республиканской власти, о чем свидетельствуют письма В.А. Кузнецова от 7 и 21 июня, 17 сентября 1969 г. [13, л. 162, 173]. Судя по косвенным свидетельствам из этих сообщений, Е.И. Крупнов активно ходатайствовал об отмене строительства перед В.И. Кочемасовым и И.В. Маковецким. Данные усилия привели к желаемому результату, к февралю 1970 г. строительство ресторана на территории Верхнеджуглатского городища было решено отменить [13, л. 157].

Подводя итоги, нельзя не отметить, что материалы Научно-отраслевого архива ИА РАН раскрывают далеко не весь спектр деятельности Е.И. Крупнова на поприще борьбы за сохранность памятников археологии Северного Кавказа. Однако они позволяют достаточно ярко охарактеризовать известного кавказоведа не только как яркого ученого, руководителя научных экспедиций, но и как одного из организаторов совре-

менной системы охраны археологического наследия, энергия которого позволила сохранить ярчайшие моменты истории Северо-Кавказского региона.

Литература и архивные материалы:

1. Козенкова, В.И. Евгений Игнатьевич Крупнов (К 90-летию со дня рождения) // РА. – 1994. – №1. – С. 191–196.
2. Козенкова, В.И., Кузнецов, В.А., Чеченов, И.М. 25 лет Крупновским чтениям по археологии Северного Кавказа // РА. – 1996. – №1. – С. 249–251.
3. Кузнецов, В.А. Евгений Игнатьевич Крупнов // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М.: Наука, 1973. – С. 1–8.
4. Мунчаев, Р.М. К 60-летию Евгения Игнатьевича Крупнова // СА. – 1964. – №1. С. 3–7.
5. Мунчаев, Р.М. Евгений Игнатьевич Крупнов // СА. – 1971. – №1. – С. 311–314.
6. Мунчаев, Р.М. Евгений Игнатьевич Крупнов: к столетию со дня рождения // РА. – 2004. – №1. – С. 5–14.
7. Мунчаев, Р.М. К 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова // РА. – №1. 2014. С. 189–191.
8. Мунчаев, Р.М. Роль Е.И. Крупнова в организации первой российской экспедиции в Месопотамии и некоторые итоги ее деятельности // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. – Карачаевск, 2018. – С. 11–17.
9. Чернецов, А.В. Список печатных работ Е.И. Крупнова // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М.: Наука, 1973. – С. 8–19.
10. Чеченов, И.М. К 90-летию рождения Е.И. Крупнова // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. – М., 2008. – С. 496–497.
11. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф–13, Д. 87.
12. Научно-отраслевой архив. Ф–13, Д. 105.
13. Научно-отраслевой архив. Ф–13, Д. 103.

УДК 902.035

Исаев Султан Хусенович
Академия наук Чеченской Республики,
Центр археологических исследований,
старший научный сотрудник, г. Грозный, Россия,
E-mail: sultan.isaev.80@mail.ru

Ахмаров Азамат Усманович
Академия наук Чеченской Республики,
Центр археологических исследований, старший лаборант,
г. Грозный, Россия,
E-mail: acztec@mail.ru

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ ЧЕЧНИ (КРАТКИЙ ОБЗОР)

Аннотация: В статье, продолжающей серию публикаций об истории изучения памятников археологии горной части Чечни, рассматривается вопрос истории сбора и изучения петроглифов на территории Чеченской Республики с конца XIX века и по настоящее время.

Ключевые слова: средневековые памятники, башни, склепы, петроглифы, изображения, история изучения

Isaev Sulatan Husenovich,
Academy of science of Chechen Republic,
Center for Archaeological Research,
senior researcher, Grozny, Russia
E-mail: sultan.isaev.80@mail.ru

*Akhmarov Azamat Usmanovich,
Academy of science of Chechen Republic,
Center for Archaeological Research,
senior laboratory assistant, Grozny, Russia,
E-mail: acztec@mail.ru*

TO THE HISTORY OF THE STUDY PETROGLYPHES OF CHECHNYA (SHORT REVIEW)

Abstract: *The article continues the series of publications on the history of studying the monuments of archeology in the mountainous part of Chechnya, the issue of the history of collecting and studying petroglyphs in the territory of the Chechen Republic from the end of the 19th century to the present is considered.*

Key words: *Medieval monuments, towers, crypts, petroglyphs, images, history of study*

Петроглифы Чечни, несмотря на то, что они стали привлекать внимание исследователей еще со второй половины XIX века, на сегодняшний день остаются одним из наименее изученных памятников археологии республики.

Первое проявление интереса к ним можно отнести к 1873 году, когда приехавший в крепость Ведено чиновник царской администрации Н.С. Семенов обратил внимание на знаки (петроглифы) на старинных башнях и постройках в окрестных селениях [19, с. 147].

В 1882 году побывавший в Чечне вместе с владикавказским археологом В.И. Долбежевым известный российский антрополог, археолог и этнограф Д.Н. Анучин отметил петроглифы на одной (не сохранившейся до наших дней) из двух боевых башен у селения Шатой.

Тогда же сам В.И. Долбежев в ходе изучения архитектурных и погребальных памятников горной Чечни зарисовал несколько петроглифов в селениях Шатой, Бовлой, Мулкьой, Ціеси [30, с.154–161].

В 1886 году известный кавказовед В.Ф. Миллер, побывавший в горах Чечни с целью поиска памятников, свидетельствующих о бытовании здесь в прошлом христианства, упомянул две плиты на башне в селении Хайбах с изображением крестов и спиралей, предположив, что раньше они стояли над христианскими захоронениями [25, с. 7].

В 1888 году Н.С. Семенов показал обнаруженные им ранее в окрестностях Ведено петроглифы председателю Императорской археологической комиссии графу А.А. Бобринскому, о чем последний оставил сведения в своем отчете, отметив, что Н.С. Семенов «снял рисунки с разных оригинальных начертаний» и что петроглифы имеют параллели с изображениями на бронзовых предметах археологии, найденных в окрестностях Ведено [4, с. 277–278].

Этими исследованиями практически ограничиваются работы по фиксации и изучению петроглифов на территории Чечни в дореволюционный период.

Уже в XX веке, в 1923 году, петербургский исследователь А.Ю. Бальшин, изучавший памятники археологии и архитектуры горной Чечни, отметил петроглифы на склепах в Фарас-Кхел (Майста), на жилой башне Нурин-ГІал между селениями Макажой и Кезеной, храме Терлойн-Деле и на склепе в селении Кенах [24, с. 176–188].

Несколькими годами позже, в 1927–1928 г., на этой же территории побывал австрийский этнограф Б. Плечке, занимавшийся здесь исследованием местных историко-архитектурных памятников. В ходе своей работы он также зафиксировал петроглифы в Химое, Шарое, Итум-Кали, Оьшни, Майсте, Малхисте, Чеберлое и Ведучи [31, с. 41–59].

В 1928 году в ходе впервые предпринятой попытки учета и паспортизации археологических памятников Чечни в горных районах работал М. Акбулатов, зафиксировавший помимо башен и склепов и петроглифы в Майстинском ущелье [5, с. 138].

В 1929 году в ходе археологической экспедиции в горную Чечню А.В. Уэльс, занимавшийся фиксацией памятников архитектуры горной Чечни, помимо памятников архитектуры зафиксировал и петроглифы, так им упомянуты в своем отчете петроглифы на святилище в Фарандз-Кхел и на склепе в селении Кенах. Со склепа в Кенах и с некоторых петроглифов на башнях им были сняты эстампы [6, с. 154].

Первые серьезные попытки обобщения и осмысления петроглифов Чечни относятся к концу 50-х годов прошлого века, когда здесь начала работу Северо-Кавказская археологическая экспедиция ИА АН СССР. Наиболее детальным их изучением здесь занимался известный археолог В.И. Марковин, в ряде публикаций которого были собраны и частично интерпретированы несколько десятков петроглифов с бытовых и погребальных памятников из различных районов горной Чечни [20; 21; 22; 23].

Интересовали петроглифы и местных исследователей. Так, в 1958 году М.Д. Чентиева опубликовала работу по истории письменности у чеченцев и ингушей в древности, в которой назвала местные петроглифы элементами идеографического и пиктографического письма в его зачаточном состоянии [29].

Работавший вместе с В.И. Марковиным А.А. Исламов опубликовал надмогильную стелу с петроглифами из мусульманского кладбища в селении Пакоч (Итум-Кали) и несколько знаков с боевой башни и склепов на некрополе Цой-Пхеде [15, с. 128–152].

В 1966 году местный археолог С.Ц. Умаров опубликовал сведения о зафиксированных им петроглифах на башне в селении Тист и на надмогильных стелах в селении Верхний Кей [28, с. 223–237].

В 1975 году И.Д. Магомадов опубликовал две небольшие статьи в тезисной форме, посвященные попытке систематизации и интерпретации петроглифов Чечни [17; 18, с. 120–121].

В 1979 году Г.Р. Смирнова попыталась проследить аналогии чеченских петроглифов с орнаментами на изделиях из бронзы и керамики, относящихся к кобанской культуре, их эволюцию с эпохи бронзы до позднего средневековья [26, с. 131–135].

В.П. Кобычев в 1982 году в главе, посвященной декоративному украшению жилищ горцев Кавказа, в своей монографии о поселениях и жилищах народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. опубликовал изображения нескольких петроглифов из высокогорного чеченского селения Хой (16, с. 149–150).

В 1983 году В.Б. Виноградов в статье, посвященной эпиграфическим памятникам Чечено-Ингушетии, привел короткую историографию исследуемого нами вопроса, подчеркнув важность сбора и фиксации петроглифов, также отметив перспективность попыток толкования их сюжетных сочетаний [7, с. 26].

В 70–80-х годах прошлого века значительное количество петроглифов и наскальных изображений из Майсты, Малхисты, Нашхи и Ялхароя было собрано археологом Р.М. Даутовой. К сожалению, собранный ею материал пока остается неопубликованным.

Проводившие археологические разведки в 1986 г. в Майсте Н.Н. Великая и Д.Ю. Чахкиев отметили наличие на стенах некоторых склепов и башен петроглифических изображений [5, с. 140].

В 1990–1991 годах сбор петроглифов на территории Чечни продолжил Р.Д. Арсанукаев. Значительная часть собранных им материалов была утрачена в 90-х годах XX века в связи с известными трагическими событиями в истории чеченского народа. Из сохранившегося материала им в 2005 году был издан каталог петроглифов Чечни, в который вошли 36 петроглифов из различных районов горной части республики [2].

И.Ю. Алероев так же, как и М.Д. Чентиева, относит петроглифы к памятникам пиктографического письма, о чем он пишет в своей монографии [1, с. 74]. Р.В. Гадаев со ссылкой на И.Ю. Алероева также пишет о том, что петроглифы являются знаками древней письменности [8].

С конца 1990-х и по настоящее время изучением памятников архитектуры и археологии горной Чечни занимается известный исследователь Л. Ильясов. За годы работы им был собран значительный по объему материал, на основе которого им изданы несколько монографий, итоговой его работой стал изданный в 2014 году альбом «Петроглифы Чечни» в котором были опубликованы все собранные за предыдущие годы автором петроглифы из различных районов горной Чечни. Также в данном издании автором проведена работа по классификации петроглифов, они были разбиты на группы согласно их сюжетному содержанию [9].

В 2010 году М.А. Тангиевым опубликована небольшая статья, в которой автор в тезисной форме сделал попытку раскрыть вопрос истории изучения петроглифов Чечни [27, с. 368–369].

С.Х. Исаев в 2014 и 2016 годах опубликовал две статьи, в которых описаны обнаруженные им в Итум-Калинском районе Чеченской Республики три ранее не известных надмогильных стелы с петроглифами, и одну с попыткой интерпретации ранее опубликованной А.А. Исламовым из селения Пакоч [10, с. 353–355; 11, с. 222–223].

Сотрудниками Центра археологических исследований АН ЧР Р.А. Даутовой, Х.М. Мамаевым, С.Х. Исаевым, М.А. Тангиевым, Р.Х. Мамаевым и А.У. Ахмаровым в рамках проекта «Карта археологических памятников ЧР» опубликован ряд статей по истории изучения археологических памятников на территории республики, в которых наряду с историей изучения других памятников археологии приведена информация и о фиксации петроглифов в горных районах Чечни [12, с. 50–54; 13, с. 337–339; 3, с. 337–339; 14, с. 74–78].

Литература:

1. Алероев, И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. – Грозный, 1990. – С. 74
2. Арсанукаев, Р.Д. Чеченские петроглифы. Большой каталог. – Париж, 2005. – 128 с.
3. Ахмаров, А.У., Исаев, С.Х. Об истории изучения средневековых памятников материальной культуры малхистинского общества (горная Чечня) // «Наука и молодежь». Всероссийская научно-практическая конференция студентов, молодых ученых и аспирантов. – Грозный, 2017. – С. 337–339.
4. Бобринский, А.А. ОАК. – Петербург, 1888. – С. 227–278.
5. Великая, Н.Н., Чахкиев, Д.Ю. Средневековые памятники чеченского общества майсты и археолого-этнографическое наследие Л.П. Семенова // Научное наследие Л.П. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1988. – С. 138.
6. Виноградов, В.Б., Марковин, В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. – Грозный, 1966. – 154 с.
7. Виноградов, В.Б. Эпиграфические памятники Чечено-Ингушетии (Состояние источников, некоторые проблемы изучения) // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1983. – С. 26.
8. Гадаев, Р.В. Формирование и развитие чеченской письменности. – Грозный, 2010. – 157 с.
9. Ильясов, Л. Петроглифы Чечни. – Грозный, 2014. – 355 с.
10. Исаев, С.Х. Надмогильные камни (чурты) с петроглифами из горной Чечни // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. – М., 2014. – С. 353–355.
11. Исаев, С.Х. К вопросу об интерпретации Пакоцкого захоронения со стелой с петроглифами // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. – Грозный, 2016. – С. 222–223.
12. Исаев, С.Х., Мамаев, М.Х., Тангиев, М.А. Археологические памятники Шаройского района ЧР (материалы к археологической карте) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный, 2013. – С. 50–54.
13. Исаев, С.Х., Мамаев, Х.М. Из истории изучения памятников археологии Итум-Калинского района Чечни (ущелье реки Майсты-хи) // «Наука и молодежь». Всероссийская научно-практическая конференция студентов, молодых ученых и аспирантов. 27–28 октября 2016 г. – Грозный, 2016. – С. 337–339.
14. Исаев, С.Х., Мамаев, Р.Х., Мамаев, Х.М. Из истории изучения археологических памятников Итум-Калинского района ЧР (ущелья рек Бовлой-Эрк, Терлой-Эрк и Геши-Хи) // Исламов, А.А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1963. – С. 128–152.
15. Вестник Академии наук ЧР. – №4. – Грозный, 2017. – С. 74–78.
16. Кобычев, В.П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982. – С. 149–150.
17. Магомадов, И.Д. О космогонических мотивах в средневековых петроглифах чеченцев и ингушей // Четвертые Крупновские чтения по археологии Кавказа. – Моздок, 1974.
18. Магомадов, И.Д. К вопросу классификации средневековых петроглифов Чечено-Ингушетии // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. – Махачкала, 1975. – С. 120–121.
19. Мамаев, Х.М., Мамаев, Р.Х. Семенов – первый археолог и краевед Чечни // История науки и техники. – №7. – М., 2012. – С. 147.
20. Марковин, В.И. Средневековые чеченские и ингушские петроглифы // Материалы археологической сессии 1964 г. Тезисы докладов. – Баку, 1965.

22. Марковин, В.И. Петроглифы Чечено-Ингушетии // Природа. – №1. – Грозный, 1978. – 154 с.
23. Марковин, В.И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957–1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и в средние века. – М., 1980. – С. 184–270.
24. Марковин, В.И. Башенная архитектура и ее декор – неоценимый источник изучения культуры чеченцев и ингушей // Культура Чечни. История и современные проблемы. – М., 2006. – С. 41–54.
25. Месхидзе, Дж.И. Малоизвестные страницы Дагестано-Чеченской экспедиции 1923 г. (материалы А.Ю. Бальшина) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Выпуск 12. – Санкт-Петербург, 1988. – С. 176–188.
26. Миллер, В.Ф. Археологические наблюдения в области чеченцев // Материалы по археологии Кавказа. Выпуск 1. – М., 1888.
27. Смирнова, Г.Р. Кобанские аналогии некоторых петроглифов Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. – Грозный, 1979. – С. 131–135.
28. Тангиев, М.А. К проблеме исследования петроглифов Чечни // IV Ежегодная республиканская научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов «Наука и молодежь». Грозный, 29 мая 2010 года. – Грозный, 2010. – С. 368–369.
29. Умаров, С.Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в нагорной Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. – Т. II. – Грозный, 1968. – С. 223–237.
30. Чентиева, М.Д. История чечено-ингушской письменности. – Грозный, 1958.
31. Dolbescheff, W. Archaeologische Forschungen im Bezirk des Terek. – ZE. Berlin, 1884. – P. 11–12; 1887. – P. 154–161.
32. Plaetschke, B. Die Tschetschenen. – Hamburg, 1929. – 128 p.

УДК 902/904

Кадиева Анна Анатольевна
 Государственный исторический музей,
 н.с. отдела археологических памятников,
 г. Москва, Россия,
 E-mail: adelgeida85@mail.ru

Демиденко Сергей Викторович
 Институт археологии РАН,
 н.с. отдела скифо-сарматской археологии,
 г. Москва, Россия,
 E-mail: sergey.demidenko2015@yandex.ru

КАМЕННЫЕ ГРОБНИЦЫ ГОРНОЙ ЗОНЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аннотация: Статья посвящена каменным гробницам Верхнего Прикубанья и сопредельных территорий. Эти погребальные сооружения были распространены в III–IX вв. Всего известно 25 могильников этого типа, 68 погребений из них содержат материал, пригодный для анализа.

Ключевые слова: погребальный обряд, средневековье, Северный Кавказ

Kadieva Anna Anatolyevna
 State historical museum, research fellow from the
 Department of archaeological monuments,
 Moscow, Russia,
 E-mail: adelgeida85@mail.ru

Demidenko Sergey Viktorovich
 Institute of archaeology Academy of Sciences research fellow from the
 Department of Scythian-Sarmatian archeology,
 Moscow, Russia,
 E-mail: sergey.demidenko2015@yandex.ru

STONE TOMBS OF THE MOUNTAIN ZONE OF THE CENTRAL REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS

Abstract: *The article is devoted to the stone tombs of the Upper Prikuban and adjacent territories. These burial structures were distributed in the III–IX centuries. Only 25 burial grounds of this type are known, 68 burials of them contain material suitable for analysis.*

Key words: *burial rite, middle ages, North Caucasus*

В 1962 г. В.А. Кузнецов описал аланскую археологическую культуру, территория распространения которой охватывала центральные районы Северного Кавказа от верховьев Кубани на западе до верховьев Терека на востоке [1]. В 1973 г. исследователь выделил в общем массиве памятников могильники, принадлежавшие собственно аланам, – некрополи с катакомбными захоронениями [2, с. 73]. С этого времени основное внимание специалистов по истории Центрального Кавказа эпохи средневековья уделялось именно собственно аланским памятникам, а остальные формы погребальных сооружений оставались на периферии исследовательского внимания.

Предлагаемая вниманию читателя работа посвящена каменным гробницам. Этот вид погребальных сооружений впервые был выделен Т.М. Минаевой в 1971 г. [3, с. 58]. По определению исследовательницы каменные гробницы «представляют собой прямоугольную грунтовую яму, по всем четырем стенкам выложенную битым или слегка подтесанным камнем. Иногда торцовые стенки в них обставлены сплошной плитой... Дно могилы чаще выстилается тонкими плитками, но встречается и земляное. В стенах иногда устраиваются небольшие ниши и лежанки вдоль одной из длинных стен. Но эти детали имеются далеко не во всех могилах. Покрываются могилы толстыми массивными каменными плитами, одной или несколькими. По глубине могила устраивается так, что покрывающие ее плиты залегают немного ниже древнего горизонта. Сверху над могилой насыпалась земля, но надмогильного холма эта насыпь не образовывала».

На сегодняшний день известно 25 могильников этого типа, 68 погребений из которых содержат достаточно материала для анализа погребального обряда. Из-за легкой доступности данный тип погребальных сооружений подвергался активному разграблению как в древности, так и в наши дни, потому данные, полученные из гробниц, часто носят отрывочный характер.

Каменные гробницы предназначались для одиночных либо парных захоронений. В двух случаях было зафиксировано погребение трех и в одном – погребение четырех человек. Также известен один кенотаф. В качестве напутственной пищи использовалось мясо коровы или овцы, как правило, части туш животных помещались в сосуд (горшок, котел или миску).

Находки предметов вооружения в погребениях единичны – они представлены двумя мечами, наконечником копья, наконечником стрелы и четырьмя кинжалами. О верной атрибуции последних судить затруднительно. Возможно, на самом деле это крупные ножи. Собственно ножей в каменных гробницах найдено 12. Дважды были обнаружены удила.

Находки орудий труда и бытовые предметы также немногочисленны и представлены пружинными ножницами, шилом, ложкой и двумя пряслицами.

Частой находкой являются детали ременных гарнитур из бронзы и серебра. В одном случае была обнаружена золотая бляшка. Одежда скреплялась фибулами из бронзы и железа, находки которых также довольно часты (сохранились в 11 погребениях). У висков находились калачевидные серьги из бронзы, серебра и золота. Бус, как правило, довольно мало: 1–2 бусины из стекла, янтаря или халцедона, но в одном из погребений найдено ожерелье из 81 бусины. На руки погребенным надевались бронзовые браслеты (в двух случаях – стеклянные). В качестве амулетов использовались колокольчики (4 предмета) и антропоморфные подвески.

Керамический набор, как правило, состоял из кувшина и кружки, однако в погребения также помещали горшки и однажды миску. Сосуды располагались в головах, у пояса и у ног погребенных. Трижды были обнаружены сосуды на перекрытии гробницы, однако, осознавая, как часто мы имеем дело с разграбленными погребениями, следует предполагать, что данная традиция имела большее распространение. Кроме керамических сосудов в погребении 34 могильника Гиляч был обнаружен бронзовый котел,

а в погребении 36 – дужка от схожего предмета. В восьми погребениях находились стеклянные сосуды или их фрагменты.

Время бытования описываемого вида погребальных сооружений III–IX вв.

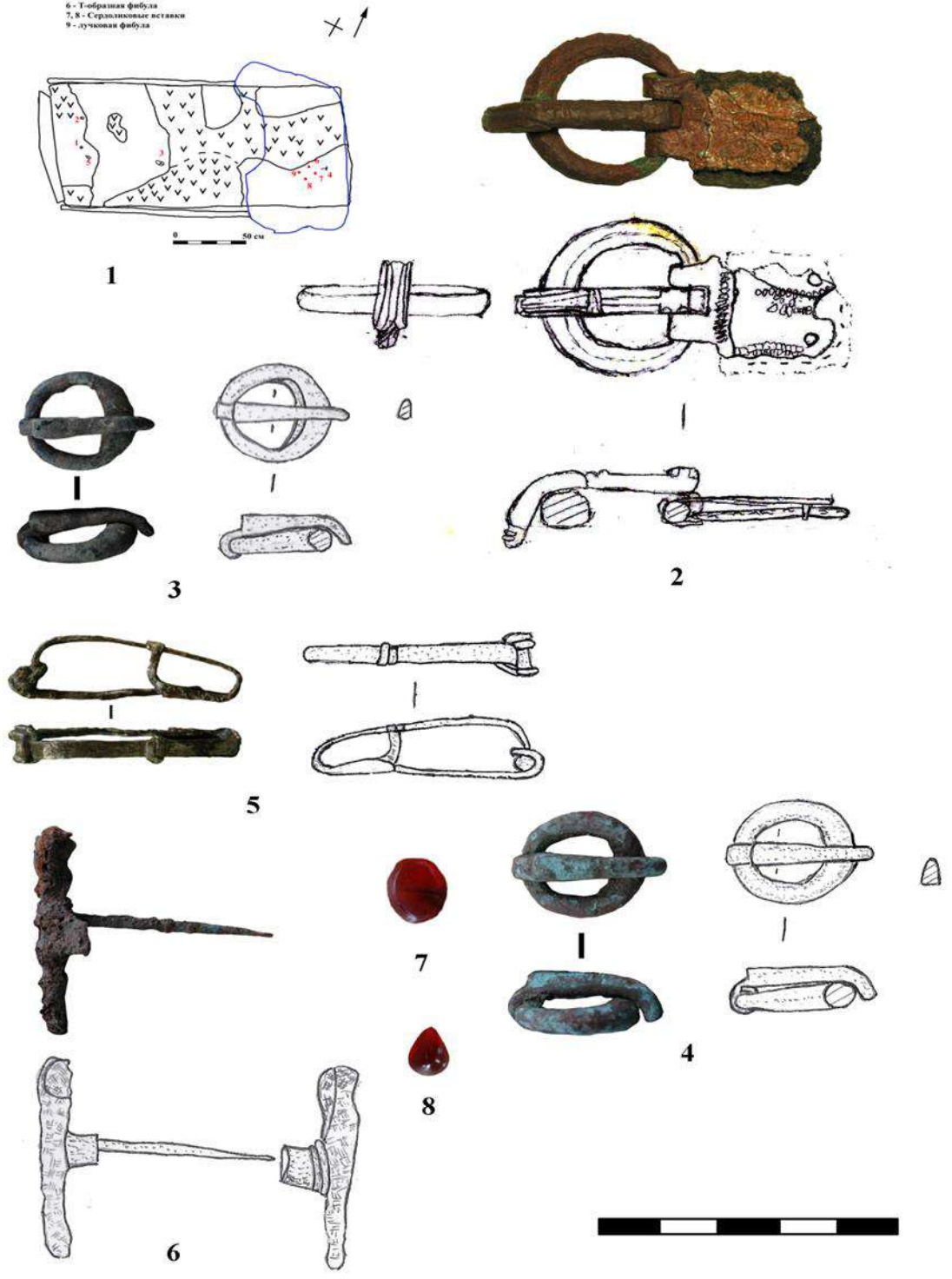
До недавнего времени ареал каменных гробниц ограничивался территорией Верхнего Прикубанья. Однако в последние годы Кисловодская археологическая экспедиция ИА РАН под руководством Д.С. Коробова выявила подобные захоронения и в Кисловодской котловине [4, с. 190], а Эльбрусский отряд Отдела охранной археологии ИИМК РАН (начальник Т.Р. Садыков) исследовал каменные гробницы в бассейне реки Малка [5]. Таким образом, могильники этого типа встречаются на более восточных территориях.

В 2015 г. Средневековая Северокавказская археологическая экспедиция ГИМ под руководством А.А. Кадиевой проводила раскопки могильника Сынчыкъла-1 близ аула Верхний Каменномостский в Карачаевском районе Карачаево-Черкесской Республики [6]. Здесь было раскопано 7 погребений, датирующихся V–IX вв. Погребальные сооружения представляют собой каменные гробницы, перекрытые массивными плитами. Среди раскопанных погребений выделяется кенотаф в каменном ящике, где были обнаружены фибулы и поясная и обувные пряжки, лежащие в соответствии с их расположением на теле погребенного. Примечательно, что под щитком поясной пряжки сохранился фрагмент кожаного ремня, прошитого жильными нитями, что позволяет по-новому взглянуть на конструкцию поясных ремней эпохи Великого переселения народов [7, с. 374]. Однако самого костяка не было. Таким образом, прослежена не известная ранее деталь погребального обряда, а также установлено, что каменные гробницы и каменные ящики могут сочетаться на одном некрополе.

Литература:

1. Кузнецов, В.А. Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР / Акад. наук СССР; №106. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 137 с.
2. Кузнецов, В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // СА №2. – 1973. – С. 65–74.
3. Минаева, Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным / Ставроп. отд. Геогр. о-ва СССР. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1971. – 248 с.
4. Коробов, Д.С., Кадиева, А.А., Бездудный, В.Г., 2012. Комплекс памятников эпохи раннего средневековья в балке Конхунторской под Кисловодском // Проблемы археологии Кавказа. Отв. ред. Р.М. Мунчаев, С.Н. Каменецкий. – Вып. 1. – М., 2012. – С. 182–204.
5. Садыков, Т.Р., Курганов, Н.С. Подземные склепы памятника Харбас-1 в Приэльбрусье // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления / Труды ИИМК РАН, Т. 46. – Отв. ред. Е.Н. Носов. – СПб: ИИМК РАН; Невская книжная типография. – 2016. – С. 205–221.
6. Кадиева, А.А. Средневековый могильник Сынчыкъла-1 в Карачаево-Черкесии (по материалам раскопок Средневековой Северокавказской археологической экспедиции ГИМ в 2015 г.) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения / Акад. наук Чеченской Республики, М-во Чеченской Республики по нац. политике, внешним связям, печати и информации, Чеченский гос. ун-т [редкол.: Х.М. Мамаев (отв. ред.) и др.]. – Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2016. – С. 153–155.
7. Соломатина, Н.В., Кадиева, А.А. Предметы из кожи с территории Северного Кавказа из собрания Государственного исторического музея // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». Материалы Международной научной конференции 22–29 апреля 2018 г. / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. – Карачаевск, 2018. – С. 374–377.

- 1-3 - пряжки
- 4 - фрагмент фибулы
- 5 - Шпатель
- 6 - Т-образная фибула
- 7, 8 - Сердоликовые вставки
- 9 - лучковая фибула

Могильник Сынчыкъла-1. Погребение 8:
 1 – план, 2–4 – пряжки, 5, 6 – фибулы, 7, 8 – вставки;
 2 – бронза, кожа, 3, 4, 6 – бронза, 5 – серебро, 7, 8 – сердолик

Керцева Галина Николаевна
Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания,
старший научный сотрудник отдела археологии,
г. Владикавказ, Россия,
E-mail: gal.volnaya@yandex.ru

БРОНЗОВЫЕ ЗООМОРФНЫЕ ПРЯЖКИ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПОГРЕБЕННОГО

Аннотация: В статье проанализировано отражение социального статуса погребенного в таком важном элементе погребального инвентаря кобанской культуры, как поясные пряжки. Благодаря анализу поясных пряжек выяснилось, что важную социальную роль в кобанской культуре играла женщина. Роль мужчин с течением времени изменялась, что отразилось в оформлении поясных пряжек.

Ключевые слова: кобанская культура, социальный статус, народы Кавказа, поясные пряжки

Kertseva Galina Nikolaevna
Institute of History and Archeology of
the Republic of North Ossetia-Alania
Senior Researcher Department of Archeology,
Vladikavkaz, Russia,
E-mail: gal.volnaya@yandex.ru

BRONZE ZOORMORPHE BUCKETS OF KOBAN CULTURE AS AN INDICATOR THE SOCIAL STATUS OF THE BURIAL

Abstract: The article analyzes the reflection of the social status of the person buried in such an important element of the Koban culture as the belt buckles. An analysis of the belt buckles revealed that a woman played an important social role in Koban culture. The role of men changed over time, which was reflected in the design of the belt buckles.

Key words: Koban culture, social status, peoples of the Caucasus, belt buckles

В.П. Невская внесла огромный вклад в изучение истории Карачаево-Черкесии и Ставропольского края. Написав «Очерки истории Карачаево-Черкесии» (1972), «Историю Ставропольского края от древнейших времен до 1917 года» (1996), она не могла пройти мимо археологического изучения этого региона, в частности мимо памятников кобанской культуры.

Кобанская культура, существовавшая на Северном Кавказе около тысячелетия с XIII по IV в. до н.э., оказала существенное влияние на развитие материальной культуры народов этого региона.

Немаловажную роль в исторической реконструкции социальных процессов в обществе играют поясные пряжки. Если предметы вооружения и сбруи заимствовали их наиболее передовые формы, украшения (подвески, серьги, фибулы, булавки) были подвержены моде, то наиболее адекватно социальный статус погребенных отражают пояса и поясные пряжки. Изменяясь с течением времени исходя из внутренних социально-экономических явлений и процессов, они в меньшей степени были подвержены влияниям извне. К сожалению, пояса из органических материалов (растительных волокон и кожи) не сохраняются в кобанских погребениях. Об их пропорциях косвенно можно судить по ширине пряжек.

В кобанской культуре поясным пряжкам придавалось большое значение. В кобанских погребениях начиная с конца II – первой половины I тыс. до н.э. встречаются как мужские, так и женские пряжки.

В осетинском языке есть термин «ронбаэгъд» – распоясанный, что означает ношение одежды без пояса. Появляться на людях без пояса, как и без головного убора, считалось у осетин зазорным [7, с. 422]. Аналогичное отношение к поясу существовало в традиционной культуре и других народов Северного Кавказа. Без пояса у вайнахов

могли ходить только маленькие мальчики и очень старые мужчины. У чеченских женщин пояс не был строго необходимой принадлежностью женской одежды. Лишь наиболее состоятельные носили праздничное платье «Габали» с богатым поясом [2, с. 47–48]. Карачаевские и балкарские девушки в домашних условиях могли носить рубашки свободно ниспадающими, без пояса и вместе с шароварами. По изображениям черкесских и ногайских девушек можно определить, что кафтан носился без пояса [3, с. 74]. Можно прийти к выводу, что традиционный женский костюм у народов Северного Кавказа не всегда предполагает наличие пояса.

Однако пояса мы встречаем на антропоморфных женских фигурках из памятников кобанской культуры, например, на бронзовом ожерелье начала I тыс. до н.э. из фондов Национального музея КБР [1, табл. 4а] в плетеном поясе в окружении голов хищников и козла. Опоясанная женская фигурка известна из «кобанской коллекции Британского музея» (Коллекция Британского музея). С поясом на талии изображена женская фигурка стоящий на рогах оленя на навершии из Камунты (Северная Осетия), а также четыре фигурки из Кобани. Также пояс изображен у двух антропоморфных подвесок со ст. Казбек в Грузии. Одна изображает андрогина, а вторая фигурка изображает мужчину. Изображение женской фигурки с поясом на талии – это показатель высокого статуса изображенной. Как правило, это «хозяйка зверей», «мать –покровительница рода» и т. п.

Судя по раскопкам кобанских погребений, Б.В. Техов приходит к выводу, что пояс «был обязательным атрибутом как мужского, так и женского костюма» и это развитие шло от неорнаментированных узких экземпляров к более широким, содержащим растительные и геометрические узоры и сложные композиции, сцены охоты, «шествия животных» [5, с.224–225]. Как правило, женские поясные гарнитуры уже не так богато орнаментированы. На женских поясах часто изображается змея, пряжки чаще бывают гладкими. Так, в Тлийском могильнике известны поясные пряжки с изображением редуцированных конских копыт, елочным и ромбовидным орнаментом. Однако в ряде женских погребений бронзовые поясные пряжки и пояса отсутствовали, тогда как в практически всех мужских погребениях пояса или поясные пряжки имелись в наличии.

В погребениях кобанской культуры VII в. до н.э. известны широкие бронзовые пояса от 5 до 15 см, гладкие и с различной орнаментацией. Они встречаются как в мужских, так и в женских могилах [6, с. 34]. Одни из них имеют изображения, характерные для урартийского искусства (погребения 419 и 425 Тлийского могильника [5, табл. 68–72, с. 131, 139, табл. 83–86]. Другие характерны для изображений ходжалы-кедабекской культуры. Встречаются пояса, выполненные местными кобанскими мастерами с изображениями, характерными для кобанской культуры. Бронзовые пояса встречаются в Кобанском могильнике. Чаще встречаются гладкие пояса, некоторые из них имеют пуансонный орнамент. Наблюдается закономерность: если мужской пояс орнаментирован, то пряжка, как правило без орнамента, и наоборот.

Этнографические и фольклорные данные также подтверждают, что пояс с древнейших времен был непременным атрибутом мужской одежды, особенно у воинов и военачальников, служил символом мужского достоинства, доблести, силы и власти. Пояс также – это сосредоточение, вместилище функциональных предметов. К поясу с древних времен крепился кинжал, сабля, оселок, рог. Однако на бронзовых поясах отсутствуют следы крепления к ним каких-либо предметов. Зато в кобанских погребениях наряду с поясными пряжками встречаются портупейные пряжки и крючки, к которым, видимо, и крепились необходимые предметы.

Особенностью пряжек кобанской культуры является то, что одна их часть (спинка) была стационарной и крепилась к поясу. Для этого использовались отверстия. Они могли быть круглыми на пластинчатых трапециевидных или птицевидных пряжках. На ажурных пряжках пояс крепился к декоративным элементам спинки пряжки. Другой (передний) конец пряжки был крючковидный и крепился к отверстию на поясе.

Отверстия для крепления встречаются и на бронзовых поясах. Со стороны, где крепилась пряжка, имеется несколько небольших отверстий, там, где застегивался крючок, имеется одно большое отверстие по центру края пряжки. Однако размеры поясов и пряжек часто не совпадают, что отмечала в свое время П.С.Уварова. Пластинки с петлей для застегивания крючков не были найдены, что свидетельствует о том, что поясные пряжки крепились непосредственно к поясу [6, с. 39–40]. Самые длинные пряжки достигают размера до 20 см, а бронзовые пояса лишь до 15 см. Этому можно найти

объяснение в том, что бронзовые пояса крепились на кожаную основу. Об этом свидетельствуют отверстия по верхнему и нижнему краю поясов. Окончания поясов обычно полукруглые, повторяют очертания поясных пряжек. Такая система крепления существовала на протяжении всего бытования кобанской культуры.

Пластинчатые пряжки, судя по оборотной стороне, отливались в открытой одностворчатой форме, выполненной из мягкого камня. Ажурные поясные пряжки чаще всего отливались по восковой модели в одностворчатой форме. Отдельно к ним могли монтироваться (приливаться) объемные фигуры, протомы и головы животных, отлитые способом утерянной формы.

В кобанской культуре встречаются пряжки с разнообразной формой щитка: очкообразные, пластинчатые, трапециевидные, треугольные, подковообразные, полукруглые, ромбовидные, зооморфные в виде фигурок различных животных, птиц, змей.

Зооморфные в виде фигурок различных животных (скачущей лошади, двух противостоящих хищников) в VIII в. до н.э., как правило, не характерны для кобанской культуры и попадают на территорию Северного Кавказа в качестве импорта. Однако в VII–IV вв. до н.э. появляются и местные кобанские изображения лошади, всадника на коне (Тлийский мог).

Особую территориальную зону занимают поясные птицевидные пряжки «типа Исти-Су». Эти пряжки в форме большой птицы с распростертыми крыльями и двух противостоящих хищников на ее крыльях встречаются в кобанских памятниках VII–V вв. до н.э. восточного и отчасти центрального варианта кобанской культуры. Эти пряжки характерны только для определенного региона.

В VI в. до н.э. появляются ажурные поясные пряжки в виде ползущей змеи. Известны в мужских погребениях. К центру туловища змеи прикреплен крючок, отверстия между зигзаговидной змеей и прутом, на который она крепилась, использовались для стационарного крепления к пряжке. В ряде случаев изображение змеи помещалось на трапециевидные пряжки.

Наиболее распространенными пряжками кобанской культуры являются пластинчатые трапециевидные пряжки с выступающей центральной частью, завершающейся крючком-застежкой и разной степенью выгнутой спинки, в желобке последней размещены отверстия. Встречается от 21 отверстия в наиболее ранних пряжках XII в. до н.э. до четырех в пряжках IV в. до н.э. Соответственно изменялась и высота пряжек от 15 до 5 см. Самые ранние поясные пряжки кобанской культуры высокие, т. е. они крепились на более широкие пояса и выполняли роль защитного доспеха. С годами они становятся уже, являясь декоративными. На ранних пряжках вертикально помещались плоскостные (гравированные по бронзе или изображенные до отливки на воске) изображения собако-волков и оленей, связанные прежде всего с охотничьей тематикой. С X в. на таких пряжках появляются вертикально расположенные фигурки коней, баранов, птиц, змей. С V в. тематика изображений на таких пряжках изменяется, появляются изображения козлов, фигуры животных размещаются чаще горизонтально, чувствуется влияние скифской культуры. Судя по размерам и тематике изображений, пластинчатые трапециевидные пряжки первоначально являлись атрибутом мужского костюма. Женские пряжки были другой формы. Затем приблизительно с VII в. до н.э. бронзовые пояса и пряжки появляются и в женском костюме.

Первоначально они наряду с бронзовыми и кожаными поясами служили защитным доспехом, защищая область пояса и нижней части грудной клетки от поражения. Не случайно в традиционной культуре индоевропейских народов поясу придавались «охранительные» свойства.

Одними из ранних поясных пряжек XII–X вв. являются подковообразные пряжки в виде барано-птицы (Куртатинское ущелье Северной Осетии), в этот период на пряжках часто изображается протома барана (Кобанский могильник). Видимо, это можно связать с распространением овцеводства, а также с воплощением в образе барана символа «фарна». Баран как основа животноводческой экономики начинает играть большую роль в хозяйстве древних кобанцев, что отражается в увеличении количества его изображений на поясных пряжках.

Изображения копытных животных – оленей и баранов – наиболее древние. Они свидетельствуют о хозяйственных занятиях кобанцев сначала охотой, а затем и скотоводством.

В кобанском искусстве встречаются изображения рыб, змей на бронзовых трапециевидных поясных пряжках как в мужских, так и в женских погребениях начиная с VII в. до н.э.

Поясные пряжки кобанской культуры являлись неотъемлемой частью традиционного костюма, социальным, гендерным и этническим индикатором. Они играли большую роль в мужском костюме. Хотя не все женщины были захоронены с поясами и пряжками, но те, которые были погребены с ними, видимо, имели высокий социальный статус.

Поясные пряжки в эпоху поздней бронзы – раннего железного века являлись индикатором социального статуса в кобанском обществе.

Литература:

1. Батчаев, В.М., Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. – Т. 2. – Нальчик, 1985. – С. 19–115.
2. Великая, Н.Н., Виноградов, В.Б., Хасбулатова, З.И., Чахкиев, Д.Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. – Грозный, 1990. – 96 с.
3. Кузнецова, А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 176 с.
4. Техов, Б.В. Тайны древних погребений. – Владикавказ, 2002. – 500 с.
5. Техов, Б.В. Археология южной части Осетии. – Владикавказ, 2006. – 546 с.
6. Уварова, П.С. Материалы по археологии Кавказа. Выпуск 8. – М., 1900. – 197 с.
7. Харебов, Б.К. Ронбæгъд // Осетинская этнографическая энциклопедия. – Владикавказ, 2013. – 686 с.

УДК 902.6

Тангиев Магомед Айсаяевич
*Академия наук Чеченской Республики,
старший научный сотрудник
Центра археологических исследований,
г. Грозный, Россия,
E-mail: maga995@list.ru*

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ С ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ (XIII–XVI ВВ.)

Аннотация: *Статья посвящена истории изучения грунтовых некрополей, известных на территории Чечни. Их описание с историей их обнаружения дано в историографической последовательности начиная с конца XIX в. Используются материалы таких кавказоведов, как: Н.С. Семенова, А.П. Круглова, Р.М. Мунчаева, С.Ц. Умарова, М.Х. Багаева и других.*

Ключевые слова: *погребения, могильник, памятники, грунтовые некрополи, отряд*

Tangiev Magomed Aysayevich
*Academy of Sciences of Chechen Republic,
Senior Researcher at
Center for Archaeological Research,
Grozny, Russia,
E-mail: maga995@list.ru*

NEW DATA ON THE HISTORY OF STUDYING SOIL BURIAL GROUNDS FROM THE TERRITORY OF CHECHNYA (XIII–XVI CENTURIES)

Annotation: *The article is devoted to the history of the study of soil necropolises known in Chechnya. Their description with the history of their discovery is given in a historiographic sequence since the end of the 19th century. The materials of caucasologists such as: N.S. Semenov, A.P. Kruglov, R.M. Munchaev, S.C. Umarov, M.Kh. Bagaev and others are used*

Key words: *burials, burial ground, monuments, soil necropolis, detachment*

Рассматриваемый тип грунтовых некрополей в основной своей массе сосредоточен в равнинной зоне Чеченской Республики. Но впервые они попали в поле зрения археологов в 80-е гг. XIX в., когда Н.С. Семенов исследовал случайно обнаруженные у сел. Центорой (Ножай-Юртовский район) грунтовые погребения с немногочисленными предметами, которые были датированы «не особенно древней эпохой» – т. е. средневековьем [1, с. 240]. Памятники рассматриваемого типа особого внимания тогда не привлекали ввиду малочисленности находок, поэтому их дальнейшее изучение оказалось связанным уже с советским периодом, когда началось плановое исследование древностей Чечни.

В 1936 г. А.П. Круглов зафиксировал в сел. Шаами-Юрт (Ачхой-Мартановский район) грунтовые безинвентарные захоронения с каменными выкладками, отнесенные к наиболее поздним (т. е. после XV в.) объектам, исследованным тогда экспедицией ГАИМК [2, с. 31].

В 1959 г. позднесредневековый могильник из почти безинвентарных грунтовых погребений с каменной кладкой на поверхности (?) был выявлен Р.М. Мунчаевым у сел. Бамут [3, с. 103–104; 4, с. 242].

В 1962 г. у сел. Шали (Шалинский район) разрушающийся грунтовой могильник, датированный XIV–XVII вв., обнаружили В.Б. Виноградов и А.А. Исламов [5, с. 153].

Несколько позднее, в 1966 г., два грунтовых некрополя, принесших небольшое количество находок – Юрташтинский и Юртдукский у сел. Центорой (Ножай-Юртовский и Курчалойский районы), обследовал С.Ц. Умаров [6, с. 245–247], а в 1967 гуду тем же отрядом расчищено еще одно захоронение в грунте [7, с. 45], один из которых под названием «Цонтароевского» был зафиксирован еще Н.С. Семеновым [1, с. 240].

В.Б. Виноградовым и В.И. Марковиным опубликованы в 1966 г. материалы к археологической карте Чечено-Ингушетии, где были приведены данные (помимо отмеченных выше Бамутского, Шаами-Юртовского, Чишкинского) также о Саралиевском и Дачу-Барзойском грунтовых, также безинвентарных и недатированных могильниках [8, с. 66, 109].

В 1970 г. С.Ц. Умаров собрал в своей диссертационной работе сведения о средневековых погребальных памятниках Чечни, в том числе и грунтовых могильниках, где, однако, были использованы материалы только четырех, в том числе и ранее не упоминавшихся – Улус-Кертском и Химойском (соответственно, Грозненский и Шаройский районы) [9].

Улускертский могильник находится в 3–4 км к югу от с. Дуба-Юрт, в местечке Улус-Керт, в срезе дороги отмечены грунтовые могилы. На основании найденных из разрушенных могил красноглиняной керамики и обильного керамического материала с близлежащего поселения могильник датирован поздним средневековьем [9, с. 187].

Химойский некрополь в 1967 г. отрядом В.Б. Виноградова обнаружен на левом берегу р. Шаро-Аргун напротив с. Химой Шаройского района. Упоминается там же, что тогда могильник разрушался рекой и исследовалось одно наполовину разрушенное погребение [9, с. 191].

Мекен-Юртовский могильник (Надтеречный район). В 1978 г у сел. Мекен-Юрт Х.М. Мамаев выявил остатки разрушенного грунтового погребения XIV в. Комплекс находок из этого погребения был передан тогда же директором школы названного селения М.М. Уматгериевым. Это бронзовое орнаментированное зеркало, плоский серебряный браслет с канелюрами и глиняная поливная пуговица. По словам нашедшего, эти вещи были обнаружены в грунтовой яме вместе с костяком, лежавшим вытянуто на спине, головой на запад, после того как обвалился участок берега р. Терек на окраине названного села. Комплекс датирован XIV в. Не исследовался [10, с. 39, рис. 85, 4–6].

80-е годы прошлого века оказались наиболее плодотворными по части изучения и выявления рассматриваемого типа археологических памятников на территории края. Их перечень заметно пополнился, когда М.Х. Багаев в 1981 г. открыл и исследовал в сел. Автуры грунтовой могильник (пять погребений). Материал здесь оказался разнообразен: золотые серьги, подвески, ножи, бусы, пряжки и др. Датирован тем же временем, как и Шалинский грунтовой, – XIV–XVII вв. [11, с. 105–111].

В 1982 г. отряд М.Х. Багаева во время археологических разведок обследовал территорию Шалинского района у с. Герменчук. И у подножия южного склона Чух-Барза обнаружил некрополь, состоящий из грунтовых ям. Здесь исследовалось два погребения, давших небольшие материалы, как подвески, стрелы, ножи и несколько керамиче-

ских сосудов. В то же время из разрушенных двух погребений были переданы М.Х. Багаеву еще два керамических красноглиняных сосуда с волнистыми орнаментами по тулову [12, с. 108–109].

В это же время отряд М.Х. Багаева обнаружил еще один могильник у с. Мескер-Юрт на кукурузном поле. В силу сложившихся на тот момент обстоятельств отряд не смог заложить шурфы. Однако подъемный материал показал множество человеческих костей и выразительную красноглиняную с волнистыми орнаментами керамику, имеющие широкие аналогии из синхронных некрополей позднесредневекового периода в целом [13, с. 4–5].

В.Б. Виноградовым при разведках в Ножай-Юртовском районе на южной окраине села Ялхой-Мохк открыто обширное раннесредневековое поселение, в культурный слой которого впущены грунтовые могилы XIV–XV вв. Исследовалось два погребения, и по найденным здесь височным подвескам могильник датирован XIV–XV вв. Возможно, оба захоронения относятся к одному времени [14, с. 27–28, рис. 49, 2–3–5–8].

Три могильника рассматриваемого типа были зафиксированы в 1984 г. во время археологических разведок отрядом Х.М. Мамаева. Алхан-Юртовский (Грозненский район). Здесь у села было исследовано одно разрушенное погребение, давшее небольшой керамический материал [15, с. 43–46]. «Хутор» у селения Мартан-Чу (Урус-Мартановский район). Сообщается, что здесь было разрушено несколько грунтовых могил [16]. «Могильник Урус-Мартановский поворот» (Урус-Мартановский район). В 1986 г. в археологическую лабораторию ЧИГУ были переданы предметы из 3-х разрушенных грунтовых погребений [15, с. 43–46. Рис. 2. Таб. 1].

И, наконец, последний по времени зафиксированный грунтовой могильник был обследован в 2014 г. у сел. Гордали (Ножай-Юртовский район ЧР), где был собран небольшой материал из разрушенных погребений и доисследовано одно захоронение, датированное XIV–XVII вв. [17, с. 121–122].

Таким образом, в общем на территории равнинно-предгорных районов Чечни зафиксирован ряд позднесредневековых могильников, которые принято относить к грунтовым. Предваряя детальное исследование и обобщение их материалов, отметим, что часть из них относится к началу рассматриваемой эпохи (XIII–XIV), включая завершающий этап золотоордынского периода в истории края (Алхан-Чуртский, Поворот); большая датируется второй половиной позднего средневековья – вплоть до нового времени (XV–XVI) (наиболее поздним пока представляется Шаами-Юртовский и Бамутский могильники XVII в). В целом изучение их затруднено как немногочисленностью обнаруженных погребений, так и малочисленностью (или отсутствием) инвентаря в каждом из могильников, представленных в основном малочисленными сосудами, предметами быта и оружием, а также аксессуарами одежды и женскими металлическими украшениями.

Сегодня науке известно 17 могильников, изученных частично, которые обычно относят к грунтовым захоронениям. Число исследованных могил на каждом некрополе не превышает двух, за исключением Автуринского и Бамутского могильников. Однако уже имеющиеся сегодня материалы и сведения по части изучения грунтовых некрополей XIII–XVI вв. позволяют нам делать некоторые выводы, касающиеся погребального обряда, но это уже другая тема.

Литература:

1. Тангиев, М.А., Мамаева, Р., Позднесредневековые грунтовые могильники равнинно-предгорной Чечни (к истории изучения) // Изучения и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Сборник тезисов. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. – Грозный, 2016. – 304 с. илл. – 200 экз. – ISBN 978-5-91127-197-8.
2. Круглов, А.П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Записки Чечено-Ингушского научно-исследовательского института языка и истории, т. I. – Грозный, 1938. – С. 213–214.
3. Мунчаев, Р.М., Крупнов, Е.И. Полный научный отчет СКАЭ о работах, проведенных в Чечено-Ингушетии в 1959 г. // Полевые исследования в Предгорной области. Архив ИА РАН. Р-1. – №2018.
4. Крупнов, Е.И., Мунчаев, Р.М. Бамутский курганный могильник XIV–XV вв. // Древности Чечено-Ингушетии. – Москва, 1963. – С. 217–242.

5. Виноградов, В.Б., Исламов, А.А. Новые археологические находки в Чечено-Ингушетии // Известия. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Том IV. Выпуск 1. – Чечено-Ингушское книжное издательство, 1965. – С. 161–163.
6. Умаров, С.Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в нагорной Чечено-Ингушетии // АЭС Т. II. – Грозный, 1968. – 527 с.
7. Умаров, С.Ц. Материалы по археологии юго-восточной части горной Чечни // АЭС. Т. III. – Грозный, 1969. – С. 242–244.
8. Виноградов, В.Б., Марковин, В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (материалы к археологической карте). – Грозный, 1966. – 165 с.
9. Умаров, С.Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII–XVI вв. Дис...канд. ист. наук. – М., 1970. – Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-2. №2075.
10. Мамаев, Х.М. Отчет о полевых работах 3-го отряда Предгорно-плоскостной археологической экспедиции в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1, 7052.
11. Багаев, М.Х. Раскопки позднесредневекового могильника у селения Автуры // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. – Грозный, 1984. – 160 с.
12. Багаев, М.Х. Работы в бассейне р. Джалки // АО за 1982 г. Москва, 1984.
13. Багаев, М.Х. Отчет об археологических разведках и раскопках в окрестностях селения Герменчук и Мескер-Юрт Шалинского района ЧИАССР за 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1, 10590а.
14. Виноградов, В.Б., Петренко, В.А., Березин, Я.Б., Савенко, С.Н. Сводный отчет о полевых работах в Чечено-Ингушетии и Ставропольском крае в 1981 г. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1, 8710а.
15. Мамаев, Х.М. Нарожный, Е.И. Новые археологические памятники золотоордынского времени в Чечне // Вестник Академии Наук Чеченской Республики, №3 (24). – Грозный, 2014. – 128 с.
16. Мамаев, Х.М. Отчет об археологических раскопках, проведенных в 1984 г. первым отрядом археологической экспедиции ЧИИИСФ в Урус-Мартановском и Советском районах Чечено-Ингушской АССР // Архив ИА РАН. Р-1, 34929.
17. Тангиев, М.А. Нововыявленный гардалинский могильник // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию института истории, археологии и этнографии дагестанского научного центра Российской академии наук. Махачкала, 21–22 октября. – 2014. – 164 с. – ISBN 978-5-4447-0015-0.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
 ЧИГУ – Чечено-Ингушский государственный университет
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 АЭС – Археолого-этнографический сборник
 АССР – Автономная советская социалистическая республика
 АО – Археологические открытия
 ЧИАССР – Чечено-Ингушская автономная советская социалистическая республика
 ЧИИИСФ – Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии

УДК 902.03

***Чхаидзе Виктор Николаевич**
 Институт археологии РАН,
 к.и.н., г. Москва, Россия*

***Виноградов Андрей Юрьевич**
 НИУ «Высшая школа экономики»,
 к.и.н., доцент, г. Москва, Россия*

***Белецкий Денис Викторович**
 ГБУ «Наследие Алании», специалист,
 г. Москва, Россия*

***Дружинина Инга Александровна**
 Институт археологии РАН, к.и.н., м.н.с.,
 г. Москва, Россия*

НОВЫЕ НАХОДКИ В СРЕДНЕМ ЗЕЛЕНЧУКСКОМ ХРАМЕ В 2018 ГОДУ

В 2018 г. совместная Нижне-Архызская археологическая экспедиция Института археологии РАН и НИУ Высшая школа экономики провела раскопки внутри Среднего храма на территории «Нижне-Архызского археологического комплекса» в пос. Нижний Архыз Зеленчукского района КЧР. Основной задачей археологических исследований 2018 г. на «Нижне-Архызском археологическом комплексе» было установление хронологии строительства «Среднего храма X в.» и выявление его функциональной структуры.

В 1867 г. небольшие любительские раскопки в центральной апсиде предпринял член Русского археологического общества Н.А. Нарышкин, обнаруживший престол (?). В 1896–1897 гг. храм был «реконструирован» и видоизменен монахами Зеленчукского Александро-Афонского монастыря, которые, вероятно, произвели какие-то раскопки в интерьере храма, связанные со снятием полов. В 1965 г. экспедицией Северо-Осетинского НИИ были заложены шурфы у северной стены храма с внешней стороны, где прослежен строительный шов между кладками высотой 4,25 м, и у основания северного предалтарного столба, а также проведена расчистка стены центральной апсиды, обнаружившая трехступенчатый цоколь высотой 1 м. В 1980 г. В.А. Кузнецов заложил разведочные траншеи в северном и южном «нефах», чтобы подтвердить догадку, что при начале строительства предполагалось соорудить храм без боковых апсид, в виде «чистого креста», но при возведении постройки этот замысел был изменен и добавлены боковые апсиды. В 2001 г. раскопки семи погребений в каменных ящиках с южной стороны Среднего храма провела экспедиция Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника под руководством У.Ю. Эльканова.

В ходе наших раскопок 2018 г. в Среднем Зеленчукском храме были заложены два шурфа: в западном рукаве на уровне пилястров (шурф 1) и в юго-восточном приделе и южном рукаве (шурф 2).

При реставрационных обследованиях храма 1980-х гг. было выявлено наличие строительных швов на первоначальных фасадах западного рукава, на уровне западного края пилястров: на северном фасаде шов уходит под свод поздней пристройки, но выше ее крыши не читается, а на южном заканчивается на высоте около 2 м от дневной поверхности. Основываясь на этих данных, Л.А. Перфильева предположила, что изначально западный рукав задумывался более коротким и лишь с изменением замысла здания был удлинен, аналогично пристройке диаконника. Однако наши раскопки не выявили никаких следов такой стены с четкой восточной и западной границей. В шурфе 1 открыто сооруженное из камней и извести основание (ленточный фундамент?), вероятно, для предполагавшихся опор каменных хор, но в силу ограничения допустимой площади раскопок шурф не позволил проследить края этой конструкции. В южной части оно было разобрано для устройства двух (?) плитовых погребений, где обнаружены останки скелета. Здесь же было обнаружено 9 гвоздей (от гробов?) и фрагменты фресок, а у пилястров – остатки примыкавшего цемяночного пола.

В результате раскопок шурфа 2 стало ясно, что древний пол был практически полностью разрушен не позже монашеской реставрации XIX в.: несколько фрагментов двух последовательных древних полов, известкового и цемяночного розового оттенка, удалось обнаружить с южной стороны юго-восточной подкупольной опоры, а также у стен придела. Наши раскопки не выявили в этой части храма следов погребений (хотя найдены отдельные фрагменты костей), т. е. здесь не было погребального придела. Установлению функции придела препятствует полное уничтожение следов литургических устройств (престола, протесиса, синтрона и т. п.).

Работы в храме дали возможность увидеть технику его кладки и устройство неглубокого фундамента, более глубокого в западной части южного рукава; фундамент был впущен в материк неглубоко. Помимо этого были обнаружены фрагменты осыпавшихся оригинальных фресок и фрагменты керамики, в том числе поливной, венчик стеклянного сосуда IX–X вв.

Чагаров Онгар Салихович
Институт археологии РАН, младший научный сотрудник,
г. Москва, Россия,
e-mail: Chagarov89@gmail.com

Айбазов Ахмат Юсуфович
Карачаево-Черкесский государственный
университет им. У.Д. Алиева,
заведующий археологическим музеем,
г. Карачаевск, Россия,
e-mail: aybazov-ahmat@mail.ru

ДОМОНГОЛЬСКОЕ КОЧЕВНИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ У СЕЛА ВАЖНОЕ В КЧР

Аннотация: Статья посвящена кочевническому погребению, вскрытому в ходе строительных работ по расширению автодороги Черкесск–Домбай на северной окраине с. Важное в КЧР. Данное погребение относится к домонгольскому периоду, и его изучение является крайне важным с точки зрения реконструкции этнической истории народов Верхней Кубани. В статье описаны обряд, обнаруженные строителями находки, дана культурно-хронологическая характеристика погребения.

Ключевые слова: погребальный обряд, средневековье, домонгольское время

Chagarov Ongar Salikhovich
Institute of Archeology RAS, Junior Researcher,
Moscow, Russia,
e-mail: Chagarov89@gmail.com

Aybazov Akhmat Yusufovich
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev,
Head of the Archaeological Museum,
Karachaevsk, Russia,
e-mail: Aybazov-ahmat@mail.ru

PRE-MONGOLIAN NOMADIC BURIAL NEAR THE VILLAGE VAZHNOE IN KCR

Abstract: This article dedicated to the nomadic burial of pre-Mongol time, discovered by chance during construction work to expand the Cherkessk–Dombay highway, on the northern outskirts of the village Vazhnoe. This burial is one of the nomadic burial monuments of the pre-Mongol period, the study of which is extremely important from the point of view of reconstruction of the ethnic history of the peoples of the Verkhnekuban region. The article describes the rite discovered by the builders of the find, gives a cultural and chronological characteristic of the discovered burials.

Key words: burial rite, middle ages, pre-Mongol period

Вопрос о домонгольских кочевнических курганах на территории Карачаево-Черкесии возникал неоднократно в связи с исследованием этнической истории карачаевского народа. Особенно актуальным данный вопрос стал после возвращения из мест депортации карачаево-балкарского народа на историческую родину, когда по рекомендации советских и партийных органов начались исследования этногенеза. В результате начавшихся исследований во многих местах, на равнинной и в предгорной территории Карачаево-Черкесии, были обнаружены средневековые захоронения под курганами с западной ориентировкой погребенных. Эти открытия середины 60-х, 70-х и 80-х гг. навели исследователей на мысль о генетической связи данных курганов с курганами, обнаруженными в Южнорусских степях и Украине в конце XIX века, во время раскопок археолога-любителя Н.Е. Бранденбурга и одного из первых исследователей кочевнических древностей В.А. Городцова [2, с. 103].

В окрестностях села Важное Усть-Джегутинского района Карачаево-Черкесской Республики могильники и поселения разных эпох археологи начали изучать еще в начале XX века, но более интенсивно данная территория стала исследоваться специалистами из региональных и центральных научных учреждений к середине прошлого века.

Так, в 1960–1970-е гг. здесь проводили археологические работы А.Л. Нечитайло, Т.М. Минаева, Е.П. Алексеева, Х.Х. Биджиев, Г.Х.-У. Текеев и др. Непосредственно рассматриваемый нами курган был обнаружен в ходе разведок на северо-западной окраине с. Важное научным сотрудником ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) М.Б. Рысиным в 1999 году и зафиксирован им как курган 1 группы «Важное IV». В ходе работ М.Б. Рысиным была осуществлена инструментальная топографическая съемка плана кургана и дано его описание с предварительной культурно-хронологической атрибуцией [4].

Однако зимой 2018 года, в ходе строительных работ по расширению федеральной автомобильной дороги А-155 Черкесск–Домбай, сотрудниками ООО «Инвестиционно-строительная компания «Кубанское» было «случайно» разрушено погребение, впущенное в курган эпохи бронзы из курганной группы «Важное IV». В результате большая часть (северо-западная половина) кургана была уничтожена бульдозерной техникой.

В сохранившейся части восточного полога кургана, на глубине около 1 м от поверхности, было зафиксировано погребение, которое было ориентировано головой на запад, о чем свидетельствовали торчащие из срезанной бульдозером стенки бедренные кости взрослого человека (без проксимальных эпифизов).

Справа от погребенного найдены фрагменты клинка, вероятно сабли, и скоба-крепеж от портупейного ремня (Рис. 1). Кроме того, на месте и рядом с погребением грунт содержал следы истлевшей древесины в виде бурых и темно-бурых пятен (возможно, остатки деревянной рамы или гроба). В 1,5–2 м к югу от погребения с саблей зафиксировано женское погребение (судя по характеру инвентаря). На месте предполагаемого женского погребения было найдено бронзовое зеркало диаметром 5–6 см, с центральной петелькой. Обратная сторона зеркала обрамлена выступом по периметру и разделена двумя линиями, пересекающимися под прямым углом, и, тем самым, образующими крест и делящими поверхность на 4 сектора. В каждом из секторов имеется по одному крестовидному рисунку (Рис. 2). Здесь же найдены бронзовая пуговица, бубенчик, ногтечистка в виде крючка с верхней петелькой (Рис. 3).

Разрушенный дорожными строителями курган летом 2018 года был дообследован археологической экспедицией ООО «Институт археологии Кавказа» (г. Нальчик). В ходе проведенных охранно-спасательных работ было раскопано 10 погребений различных эпох, три из которых отнесены к эпохе позднего средневековья (XII–XVIII вв.) и два к эпохе раннего средневековья (VIII–X вв.).

Однако определение находок авторами раскопок к аланской этнокультурной принадлежности и датирование ими данных погребений VIII–X веками (на основании находок топора, фрагмента клинка, портупейной скобы и навершия рукояти сабли), как нам представляется, совершенно необоснованно, так как подобный характер погребального обряда (погребение впущено в курган предшествующих эпох) не характерен для раннесредневекового населения региона, по крайней мере, для жителей предгорных и горных районов.

Кроме того, авторы раскопок приняли обнаруженные ими фрагмент клинка и навершие рукояти сабли за нож и, соответственно, за навершие рукояти ножа. Тогда как совершенно очевидно, что такие массивные навершия средневековые ножи иметь не могли. В то же время хорошо известно большое количество аналогий подобным навершиям рукоятей сабель.

На наш взгляд, есть основания полагать, что обнаруженные при разрушении кургана фрагменты клинка, а также скобы крепежа для портупейного ремня и найденные при исследовании погребения 1 кургана 1 группы «Важное IV» детали сабли являются фрагментами одного клинка, поскольку и в первом, и во втором случаях фрагменты клинка и детали сопутствующей амуниции найдены справа от одного и того же скелета, у правой бедренной кости и костей голени (судя по чертежам коллег) [1].

Таким образом, датировка данного погребения нуждается в уточнении, что мы и попытаемся сделать, на основании находок и особенностей погребального обряда.

Итак, мы выяснили:

1. Что погребение 1 кургана 1 группы «Важное IV», исследованное сотрудниками ООО «Институт археологии Кавказа», и скелет, обнаруженный при разрушении кургана, это одно и то же погребение.
2. Погребенный был ориентирован головой на запад, о чем свидетельствовали торчащие из срезанного бульдозером кургана бедренные кости взрослого человека.
3. Характер сопроводительного инвентаря, а именно боевой топор [1] и фрагменты клинка (сабли), крепеж портупей и навершие рукояти сабли, позволяет датировать погребение XI–XII вв.
4. Рядом с погребением 1 кургана 1 группы «Важное IV» был обнаружен инвентарь, характерный для женского погребения, состоящий из зеркала, бубенца, пуговицы и ногтечистки, которые также характерны для XI–XII вв.
5. Судя по направлению продольной оси могильного пятна, читаемого в стратиграфии разрушенной части кургана, данное (женское?) погребение имело ориентировку, аналогичную погребению 1 кургана 1 группы «Важное IV».

Таким образом, датировка погребения 1, кургана 1 группы «Важное IV» и особенности погребального обряда позволяют идентифицировать вышеописанные погребения как погребения кочевников половецкого времени, которые уже обнаруживались в КЧР. Так, еще Минаевой Т.М. на территории Кубинского городища были раскопаны курганные насыпи, анализ особенностей погребального обряда которых позволил отнести их к кругу половецких погребений и датировать XI–XII вв. [3, с. 171–191].

Учитывая территориальную близость и идентичность погребального обряда исследованных в районе Кубины курганов домонгольской эпохи и погребения 1, кургана 1, группы «Важное IV», можно считать их принадлежащими представителям одного этнокультурного сообщества.

Рис. 1. Скоба-крепеж портупейного ремня

Рис. 2. Бронзовое зеркало

Рис. 3. Ногтечистка, бубенчик, пуговица

Литература:

1. Аккизов, А.Я. Научный отчет. Археологические охранно-спасательные раскопки 2018 года кургана №1 курганного могильника «Важное IV» в с. Важное Усть-Джегутинского района Карачаево-Черкесской Республики. – Нальчик, 2018.
2. Алексеева, Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. – М., 1971. – 355 с.
3. Минаева, Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Вып. 11. – Ставрополь, 1964 – С. 167–196.
4. Рысин, М.Б. Отчет о разведке Северокавказской экспедиции ИИМК РАН в 2000 г. в Усть-Джегутинском районе КЧР // НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 2000 г., д. 17.

УДК 902.21

Шаов Азамат Русланович

*Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова,
младший научный сотрудник
Исторического музея,
г. Нальчик, Россия,
E-mail: shaovazamat88@mail.ru*

Кадиева Анна Анатольевна

*Государственный исторический музей,
н.с. отдела археологических памятников,
г. Москва, Россия,
E-mail: adelgeida85@mail.ru*

Демиденко Сергей Викторович

*Институт археологии РАН,
н.с. отдела скифо-сарматской археологии,
г. Москва, Россия,
E-mail: sergey.demidenko2015@yandex.ru*

ГУНДЕЛЕНСКОЕ-2 ГОРОДИЩЕ – ПАМЯТНИК АЛАНСКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ

Аннотация: В статье анализируются основные характеристики городища Гунделен-2 у с. Заюково в Баксанском районе Кабардино-Балкарии. Данные, полученные в результате бесконтактного обследования, позволили установить культурную принадлежность памятника и время создания фортификационных сооружений городища. Полученные результаты позволяют предположить, что городище могло являться убежищем на случай опасности для жителей окрестных поселений и одновременно играть роль культового места.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кабардино-Балкарская Республика, аланская археологическая культура, городище, средневековые, могильники, фортификационные сооружения

Shaov Azamat Ruslanovich

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
junior researcher of Historical museum,
Nalchik, Russia,
E-mail: shaovazamat88@mail.ru*

Kadieva Anna Anatolyevna

*State historical museum, research fellow from the
Department of archaeological monuments,
Moscow, Russia,
E-mail: adelgeida85@mail.ru*

Demidenko Sergey Viktorovich

*Institute of archaeology Academy of Sciences
research fellow from the
Department of Scythian-Sarmatian archeology,*

THE HILLFORT GUNDELEN-2 – MONUMENT OF THE ALANIAN FORTIFICATION

Abstract: *The article analyzes the main characteristics of the hillfort Gundelen-2 in Zayukovo village in the Baksan district of Kabardino-Balkaria. The data obtained as a result of a non-contact explorations allowed us to establish the cultural affiliation of the monument and the time when the fortifications were built. The results suggest that the hillfort could be a refuge in case of danger to the residents of the surrounding settlements and at the same time play the role of a cult place.*

Key words: *North Caucasus, Kabardino-Balkarian Republic, alanian archaeological culture, hillfort, Middle Ages, burial ground, fortifications*

В течение полутора столетий изучения аланской археологической культуры ее исследователи уделяли основное внимание погребальным памятникам. На сегодняшний день практически нет данных об аланских поселениях, полученных путем систематических раскопок: большая часть научных работ базируется на бесконтактном обследовании либо на результатах шурфовок и раскопок ограниченной площадью.

Следует отметить, что на сегодняшний день современный уровень бесконтактных археологических исследований подразумевает изучение данных дистанционного зондирования, разведки сплошной площадью, топографическую съемку каждого памятника, сбор и изучение подъемного материала, а также составление гео-информационной системы распространения памятников. Таким способом из всей территории Северного Кавказа усилиями Кисловодской археологической экспедиции Института археологии РАН под руководством Д.С. Коробова изучена лишь Кисловодская котловина. В остальных частях региона данные о системе расселения алан в эпоху раннего средневековья пока находятся в стадии накопления.

Так, в долине среднего течения реки Баксан расположено множество археологических памятников, в т. ч. несколько крупных городищ. В 1933–1934 гг. Государственной академией истории материальной культуры были организованы охранные работы, связанные со строительством Баксанской ГЭС, в рамках которых в 1933 г. в районе села Заюково работал отряд под руководством Б.Е. Деген-Ковалевского. В 1934 г. эти работы были продолжены отрядом под началом А.А. Иессена, который выявил и впервые осмотрел Гунделенское-2 городище [3, с. 24–25, Рис. 7]. Памятник осматривался в 1949 г. экспедицией Кабардинского НИИ и местного пединститута под руководством К.Э. Гриневича [2, с. 19], а в 1954 г. экспедицией Кабардинского научно-исследовательского института под руководством П.Г. Акритаса [1, с. 207]. На карту археологических памятников Кабардино-Балкарской Республики, составленную И.М. Чеченовым, исследуемый памятник занесен под номером 81 и названием Гунделенское городище [4, с. 36]. Однако в связи с тем, что в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России название «Гунделенское городище» присвоено другому памятнику, было принято решение назвать изучаемый объект «Городище Гунделен-2».

Гунделенское-2 городище находится на высоком скальном мысу, расположенном на правом берегу реки Гунделен, левом притоке реки Баксан, на расстоянии 3,25 км к западу от западной окраины селения Заюково, в 1,47 км к северу от восточного края селения Кенделен, на высоте 900–1000 м над уровнем моря. Памятник расположен в важном, стратегически выгодном месте, с которого хорошо просматривается вся близлежащая часть долины р. Баксан и вход в Баксанское ущелье.

Скальный мыс, на котором устроено городище, вытянут в направлении север-юг, сложен из песчаниковых пород, с отвесными с трех сторон, южной, восточной и западной, обрывами. С северной стороны, где нет естественной защиты, строителями городища был прорыт глубокий ров длиной около 80 м. Сегодняшняя глубина рва 2,5 м, ширина в верхней части более 7 м. С обеих сторон рва сооружены два вала. На внешнем валу, который, вероятно, был насыпан для увеличения крутизны северной стенки рва, была воздвигнута стена из необработанных массивных каменных плит, вертикально установленных и плотно смыкающихся друг с другом. Можно заметить, что за внешним низким валом в северо-западной его части фиксируется небольшой ров, глубина которого в наши дни составляет около 1,5 м при ширине более 3 м. Он тянется от условного центра низкого (внешнего) вала на запад, повторяя конфигурацию рва, более

25 м. В то же время можно полагать, что этот ров имел важное значение в фортификационной системе городища. Дело в том, что сразу за западным краем этого рва отвесная стена, служившая естественной защитой городища с запада, заканчивается и резко переходит в крутой склон, по которому несложно подняться на плато. Таким образом, внешний ров усиливал защиту на этом участке, являясь дополнительным препятствием для противника.

Высота внутреннего вала, ограждающего поселение с напольной стороны, в центральной, хорошо сохранившейся части, составляет около 7,5 м от дна рва.

Вход в городище располагался в восточной части, между крутым обрывом и восточным краем внутреннего (высокого) вала. В настоящее время ширина входа в городище составляет около 3,50 м, но первоначально он был значительно уже. В советское время проход на южную часть городища был расширен за счет срезания края вала для того, чтобы сельскохозяйственная техника могла проехать на мыс, в то время использовавшийся как сенокос. Осмотр участка, который был срыт при расширении прохода, позволил проследить структуру фортификационного сооружения. Вал был насыпан из камня, в основном известняка, с небольшим включением песчаниковых пород и сверху покрыт землей. Ближайшие выходы известняковой породы находятся севернее городища на расстоянии 4,5–5 км, откуда, видимо, и привезен камень для сооружения вала.

Длина укрепленной части городища 222 м при средней ширине 70 м. Площадь цитадели составляет около 16 500 кв. м. Здесь, особенно в центральной части, фиксируются впадины и возвышения, которые, видимо, являются остатками хозяйственных построек и жилищ. Некоторые из них имеют значительные размеры.

Городище Гунделен-2 является частью комплекса археологических памятников, включающего также могильник Заюково-3 (VIII–VII вв. до н.э. – VII в. н.э.) и скальный катакомбный могильник Гунделен-2 (VIII–XI вв.) [5, с. 164]. Очевидно, что городище Гунделен-2 принадлежит населению, оставившему один либо оба этих некрополя.

Датировка памятника производилась по подъемному материалу, большая часть которого собрана в разрезе вала. Керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа, наличие которой на городище зафиксировал А.А. Иессен [6, с. 228], обнаружить не удалось. Основная масса подъемного материала представляет собой фрагменты красноглиняных сосудов из рыхлого теста со значительными включениями дресвы и шамота. Фрагменты аналогичных сосудов обнаружены в материалах находящегося в непосредственной близости от городища могильника Заюково-3. Здесь развалы сосудов были частью тризновых комплексов, относящихся к эпохе средневековья, после VIII в. [5, с. 170]. В это время могильник Заюково-3 уже прекратил свое функционирование, но на его территории продолжали справлять поминальные тризны по захороненным в могильнике Гунделен-2. Таким образом, сооружение вала и других элементов фортификации можно с уверенностью отнести к VIII–XI вв.

Однако вполне возможно, что поселение существовало и в более раннюю эпоху. Так, на площади поселения был обнаружен фрагмент чернолощеного сосудика раннеаланской эпохи (II–IV вв.). Учитывая наличие погребений этого периода на могильнике Заюково-3 [5, с. 169], можно предположить, что территория городища Гунделен-2 была заселена уже тогда.

Из всех имеющихся на сегодняшний день классификаций аланских укрепленных поселений ведущими специалистами в этой области наиболее аргументированной признана предложенная А.П. Руничем [7, с. 95–109]. Согласно ей, аланские поселения разделяются по топографическим особенностям памятника на поселения на останцах, на мысах и на холмах-возвышенностях. Этот принцип был использован В.Б. Ковалевской [8, с. 120–121] и наиболее полно Д.С. Коробовым [9, с. 106–107], который добавил еще один класс – поселения на мысах с искусственно эскарпированными склонами.

Согласно этой классификации городище Гунделен-2 относится к поселениям на мысах. В сравнении с аналогичными памятниками Кисловодской котловины на изучаемом поселении прослежен ряд особенностей. Оно значительно превышает по площади большинство известных мысовых поселений, площадь которых не достигает 1 га [9, с. 114]. На городище и в непосредственной близости от него не обнаружены современные источники воды: ближайший – река Гунделен, расположенная в 200 м внизу. Возможно, на площади поселения имеются цистерны или колодцы для сбора дождевой воды. Ни одно из многочисленных возвышений на мысу, по данным визуального осмотра, не

представляется возможным уверенно отнести к остаткам башеннообразных построек, характерных для мысовых поселений Кисловодской котловины [9, С. 134]. Внутренний вал, отгораживающий площадку поселения с напольной стороны, в видимом разрезе представляет собой насыпь из щебня. Вероятно, как и на мысовых поселениях окрестностей Кисловодска [9, с. 138], в основе вала находится каменная стена, сложенная из известняковых плит. Также рядом камней, хорошо видимых на поверхности, укреплен и внешний вал. В.Б. Ковалевская [8, С. 129–130] пришла к заключению, что наличие нескольких стен, перегораживающих мыс, является поздним хронологическим признаком и позволяет датировать памятник X–XII вв. Этот вывод подтвердили также и исследования Д.С. Коробова [9, с. 138]. Поскольку подъемный материал городища Гунделен-2 также укладывается в эти рамки, можно предположить, что оба его вала и ров были сооружены в эпоху развитого средневековья.

Таким образом, данные бесконтактного обследования городища Гунделен-2 позволяют сделать некоторые выводы о его характере. Хотя существование поселения на месте исследуемого памятника возможно с эпохи раннего железа, городище было сооружено в эпоху средневековья и соотносится с могильником Гунделен-2. По данным П.Г. Акритаса, приведенных И.М. Чеченовым [4, с. 56], могильник Гунделен-2 насчитывает около 200 ограбленных скальных катакомб. Сборы материала в ограбленных камерах и на склонах мыса во время работ Объединенной Северокавказской археологической экспедиции ГИМ, КБГУ и ИА РАН, позволили датировать могильник в рамках VIII–XI вв. Учитывая коллективный характер захоронений в камерах, можно предположить, что население, оставившее некрополь, не уместилось бы на площади городища. Кроме того, на обозримом пространстве не выявлены сельскохозяйственные угодья: ближайшие земледельческие террасы расположены на противоположном берегу реки Баксан, в 8 км по прямой от исследуемого городища. Возможно, городище являлось убежищем на случай опасности для жителей нескольких окрестных поселений и одновременно из-за своей близости к некрополю играло роль культового места. Однако его точную интерпретацию можно провести только после исследования культурного слоя памятника.

1. Городище Гунделен-2. Общий вид.

2. Городище Гунделен-2. Внешний вал.

3. Городище Гунделен-2. Внутренний вал.

4. Городище Гунделен-2. Внутренний вал. Разрез.

Литература:

1. Акритас, П.Г. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. – Нальчик, 1959. – Т. XVI. – С. 197–222.
2. Гриневич, К.Э. Отчет о работе Кабардинской археологической экспедиции 1949 г., архив Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, инв. №245.
3. Иессен, А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1941. №3, – С. 7–51.
4. Чеченов, И.М., Древности Кабардино-Балкарии (материалы к археол. карте) / Под ред. канд. ист. наук В.А. Кузнецова; Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-т при Совете Министров КБА ССР. – Нальчик, 1969. – 152 с., 28 л. илл., карт.; 22 см.
5. Кадиева, А.А., Демиденко, С.В. Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкария) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – №2 (87). – М., 2017. – С. 164–171.
6. Иессен, А.А. Кавказ. Кабардино-Балкарская АССР. Река Баксан // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. – Под ред. В.В. Гольмстен. – Издательство Академии Наук СССР. – М.-Л., 1941. – С. 220–235.
7. Рунич, А.П. Укрепления раннего средневековья в Кисловодской котловине // Археолого-этнографический сборник / отв. ред.: Г.Х. Мамбетов, И.М. Чеченов. – Т. 1. Нальчик, 1974. – С. 95–109.
8. Ковалевская, В.Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. – М., 2005. – 398 с.
9. Коробов, Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук. – М.- СПб., 2017.

РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЯ КАВКАЗА: ПОЛИТИКА, ПРАВО, ЭКОНОМИКА

УДК 93/94

Абаева Мадина Шамилевна
СКИ РАНХиГС, аспирант,
г. Пятигорск, Россия,
E-mail: madina455s341c913@mail.ru

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАВИСИМЫХ СОСЛОВИЙ В БАЛКАРИИ И КАРАЧАЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация: В статье проведен анализ освобождения зависимых сословий в Балкарии и Карачае. Автор пришел к выводу, что условия освобождения зависимых сословий в горских обществах Балкарии были более тяжелыми, чем в Карачае.

Ключевые слова: освобождение зависимых сословий, Балкария, Карачай, чагары, башсызкулы, юльгюлюкулы, выкупные сделки

Abaeva Madina Shamilevna
post-graduate student SKI Ranepa
Pyatigorsk, Russia,
E-mail: madina455s341c913@mail.ru

THE LIBERATION OF DEPENDENT CLASSES IN BALKARIA AND KARACHAI: GENERAL AND SPECIAL

Abstract: The article analyzes the liberation of dependent estates in Balkaria and Karachay. The author came to the conclusion that the conditions of liberation of dependent estates in the mountain societies of Balkaria were more severe than in Karachay.

Key words: liberation of dependent classes, Balkar, Karachay, chagary, bassizculy, olguluculy, the redemption transaction

Карачаевцы и балкарцы являются близкородственными народами, схожими по языку и культуре, однако различие мест проживания, влияние соседей сформировали особые этносы, которые сегодня живут в различных субъектах РФ. Сложившиеся в веках отличия имеют свою историю, но реальные черты они обрели в эпоху либеральных реформ, когда по воле кавказской администрации братские народы оказались в различных административно-территориальных регионах: Балкария в Терской, а Карачай в Кубанской области.

Проблема освобождения крестьян в России была решена в 1861 году, но она не затронула народы Северного Кавказа, поскольку Кавказская война еще полыхала на Северо-Западном Кавказе, и затрагивать болезненный для горских владельцев вопрос было опасно.

Причины крестьянской реформы в дореволюционной историографии представители официально-охранительного течения выводили из тезиса «об исключительной роли царя-освободителя, который по своему усмотрению и желанию решает судьбы народов» [1, с. 154].

В советской научной литературе большинство авторов повторяли положения В.И. Ленина о необходимости «экономического завоевания Кавказа русским капитализмом... и классовой борьбой горских крестьян против крепостничества» [2, с. 198].

В современном кавказоведении доминирует точка зрения профессора П.А. Кузьмина, который выделил комплекс причин, обусловивших проведение социальных преобразований в регионе, в том числе в Балкарии и Карачае [3, с. 154–163].

Для подготовки реформы были созданы специальные комитеты и комиссии в Терской и Кубанской областях, которые собрали сведения о зависимых сословиях у народов Северного Кавказа, их численности, нормах обычного права, на основании которых освобождали подневольных крестьян в дореформенный период [4, с. 186–195].

В решающую фазу работа по подготовке освобождения горцев вошла в 1866 году, когда в Тифлисе был создан специальный Комитет по освобождению зависимых сословий в горских племенах Кавказа под председательством генерал-адъютанта А.П. Карцова. Но, вследствие недостатка материалов, Комитет счел невозможным разработать «подробные соображения о способах и средствах» отмены крепостного права у горских народов и принял решение о дополнительном сборе сведений о повинностях крестьян своим владельцам.

Начальник Кабардинского округа полковник А.А. Нурид сведения о зависимых крестьянских категориях и их повинностях в Кабарде и Балкарии представил начальнику Терской области М.Т. Лорис-Меликову в докладной записке 9 июля 1866 года [5, с. 81].

Кабардинским отделом Терской сословно-поземельной комиссии в Балкарии были выделены четыре вида зависимых сословий: 1) каракиши, 2) ясакчи, 3) чагары, 4) казаки и каравашаи [6, с. 321]. В представленных материалах до мельчайших подробностей были зафиксированы различные виды платежей и работ в пользу владельцев.

В Кавказском Горском управлении все зависимые сословия были подведены под три основные категории. Каракиши были выделены в особую правовую категорию лично свободных, находившихся лишь в правовой зависимости от таубиев. Ясакчи и чагары были отнесены к категории холопов с правами или обрядных холопов. Принадлежащие к этим сословиям крестьяне, оставаясь в личной зависимости от владельцев, несли им повинности в строго установленном обычаям размере. И, наконец, третью категорию составляли казаки и каравашаи – «безобрядные холопы», не имевшие никаких прав, ограждающих их личность. Они были предоставлены полной власти хозяев [6, с. 321].

Условия же, на которых должны были быть освобождены зависимые сословия в Кабарде и Балкарии, были высказаны их владельцами в докладной записке начальнику Терской области от 8 августа 1866 года [7, с. 662–665].

Докладная записка кабардинских и балкарских князей от 8 августа 1866 года явилась основой для освобождения зависимых как в Кабарде, так и в горских обществах Балкарии. В записке предлагалось провести социальное освобождение на нормах адата, которые предусматривали определенные, достаточно высокие размеры вознаграждения при продаже зависимых и рабов.

По данным Н.Ф. Грабовского, основания, на которых в итоге было решено приступить к освобождению крестьян в горских обществах Балкарии, заключались в следующем: движимое имущество было разделено на 3 части (земля, сакли и прочие постройки пополам), из которых две поступали в пользу владельца, и в таком случае холоп освобождался без денежного выкупа, или из имущества, включающего и землю, выделялась владельцу часть, соответствующая, по оценке, выкупной плате за семейство, и потом остальное имущество делилось на 2 части: одна поступала владельцу, а другая холопу. Менее состоятельные отдавали свое имущество и обязывались оставаться еще в обязательной работе, в соответствии с количеством причитавшихся с них денег. Людям же совершенно не имущим назначалась выкупная плата, по оценке не превышающая 200 рублей на душу. Эту плату холопы обязаны были отработать владельцу в течение 6 лет, причем годовой труд был оценен от 10 до 50 рублей, в соответствии с возрастом и здоровьем освобождавшихся. Исключением из этих правил было сословие ясакчей, живших в Балкарском обществе: им владельцы оставили все имущество, назначив выкуп от 90 до 450 рублей за семейство; последним сроком оплаты выкупной суммы для ясакчей был назначен декабрь 1867 года [8, с. 3].

В рапорте начальника Кабардинского округа А.А. Нурида правителю канцелярии начальнику Терской области А.М. Смекалову от 10 мая 1868 года было указано, что зависимые сословия горских обществ окончили свое освобождение обоюдным соглашением на следующих условиях: «В обществе Урусбий чагары получили 1/3 земли и половину имущества; в Чегеме 1/3 земли и половину имущества и уменьшенную выкупную плату; в Хуламе и Безенги 1/3 земли и имущество без выкупной платы; в Балкарии половину земли, 1/3 имущества без выкупной платы. Почти все малолетние и старики были освобождены бесплатно» [9, л. 72об.]. В другом рапорте А.А. Нурида от

30 сентября 1867 года А.А. Смекалову освещается послабление, сделанное для чагар: не допускать раздела земли, если у чагара было ее только по одному пахотному и покосному участкам, которые наравне с домашней утварью и домом оставались непременно в его владении и ни один чагар не отдал, таким образом, своему владельцу земли без того, чтобы не осталось потребное для его нужд ее количество [9, л. 70]. При этом А. Нурид отметил, что зависимые сословия горских обществ принять при освобождении правила, принятые в Кабарде, отказались [9, л. 72об.].

По нашему мнению, основной причиной более мягких условий освобождения чагар было то, что доверенные от 120 их дворов, возмущенные несправедливыми условиями освобождения, и желая освободиться, как и узденское сословие без выкупа и раздела имущества, особенно земли, минуя местную власть, обратились с прошением прямо к главнокомандующему Кавказской армией великому князю Михаилу Николаевичу, в котором просили избавить их от незаконных, на их взгляд, требований владельцев [9, л. 57]. Хотя они и не смогли добиться своей цели, освободиться без выкупа и раздела имущества и земли, они отдали в итоге своим владельцам лишь половину земли, а не 2/3, как предполагалось в начале освобождения, и что было сделано в других горских обществах.

Сведения же известного землемера Терской межевой комиссии и общественного деятеля Н.П. Тульчинского, видимо, не учли этой маленькой победы крестьян Балкарского общества, поэтому он указывал, что «давая свободу своим холопам, владельцы получали от них в виде выкупа 2/3 движимого и недвижимого имущества и деньгами за каждую душу от 16 до 50 лет в горах – 200 рублей» [10].

Об этом свидетельствуют и архивные материалы. Чагар владельца из Балкарского общества Касбулата Абаева вдовец 100 лет Даут Уянов с семьей из 7 душ (сына Хакима – 40 лет, дочери Сырмы – 35 лет, жены сына Захиды – 30 лет, их сына Догата – 15 лет, дочерей Лузек – 10 лет и Хаиркыс – 1 года) при освобождении из имущества в 9 штук крупного рогатого скота, 60 баранов, 9 пахотных загонов, 10 покосных загонов, 3 казаков, 2 саклей, 1 гумна отдал владельцу 4 штуки крупного рогатого скота; 60 баранов, 3 казаков, 4 загона пахотной земли, 4 покосных загона и саклю [11, л. 14–14 об.]. Чагар владельца из Безенгиевского общества Давлетгирея Суншева Геурги Кулаков 40 лет с семейством из 7 душ (жены Хадижи – 30 лет, сыновей Жашау – 15 лет и Азатби – 1 года, дочерей Дзюзек – 5 лет, Крымхан – 4 лет и Мухурджан – 2 лет) при освобождении из имущества в 3 штуки рогатого скота, 1 ишака, 61 барана, 4 пахотных загонов, 6 покосных загонов, 1 дома, 2 конюшен, 1 ружья отдал владельцу 2 коров, 41 барана, 1 ишака, 3 пахотных загона, 4 покосных загона и 2 конюшни. Сверх этого были наложены выкупы на Геурги в 150 рублей, жену его в 20 рублей, которые они обязывались уплатить в 2 года, а также на старшую дочь в 20 рублей, который должны были уплатить при ее выходе замуж из калыма [11, л. 15–15 об.]. Другой его чагар Исса Чочаев 35 лет с семейством из 7 душ (жены Хажикыз – 30 лет, сыновей Чачи – 5 лет, Гокая – 3 лет, Додая – 2 лет и племянницы Мащи – 6 лет) при освобождении из имущества в 1 лошадь, 13 штук крупного рогатого скота, 60 баранов, 1 ишака, 5 пахотных загонов, 2 покосных загонов, 1 дома, 2 котлов, 1 ружья отдал владельцу 1 лошадь, 10 штук крупного рогатого скота, 40 баранов, 3 пахотных загона, 1 покосный загон и 1 котел [11, л. 44.]. Следующий его чагар Омар Деспуев 60 лет с семейством из 8 душ (жены Хаиржан – 40 лет, сына Акбаша – 28 лет, жены его Джюзек – 25 лет, племянников Сокура – 17 лет, Ахкуза – 8 лет и Даута – 5 лет и матери их Ернахан – 30 лет) при освобождении из имущества в 2 лошади, 2 ишаков, 19 штук рогатого скота, 100 баранов, 6 пахотных загонов, 3 покосных загонов, 1 дома, 2 котлов, 1 ружья отдал владельцу 1 лошадь, 1 ишака, 13 штук крупного рогатого скота, 67 баранов, 4 пахотных загона, 2 покосных загона, 1 ружье и 1 котел. Также был наложен выкуп на сына Геурги в 150 рублей и племянника Сокура в 130 рублей, которые они обязались платить по 30 рублей в год [11, л. 42].

Об освобождении зависимых сословий в Кабардинском округе было объявлено 18 ноября 1866 года. Хотя, согласно рапорту начальника Кабардинского округа А.А. Нурида от 10 мая 1868 года А.М. Смекалову, все зависимые в горских обществах были освобождены обоюдным соглашением еще до утверждения правил по освобождению рабов в Кабарде [9, л. 72]. Начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов при большом скоплении народа в крепости Нальчик 1 октября 1866 г. объявил предписание

Его Императорского Высочества Наместника Кавказа Михаила Николаевича о начале освобождения зависимых сословий в Кабардинском округе [12, с. 114].

По данным Е.Г. Муратовой, в результате реформы от 1 июня 1867 года по Горскому участку, куда входили все балкарские общества, «было освобождено 3 336 обрядных крестьян, из них за выкуп – 2 799, с оставлением в обязательной работе – 452, бесплатно – 85 (56 для спасения души + 29 – за увечьем); был освобожден 871 безобрядный холоп, из них за выкуп – 40, с оставлением в обязательной работе – 776, бесплатно – 55 человек (все для спасения души). Таким образом, всего было освобождено 4207 человек» [6, с. 326].

В Кубанской области в январе 1867 года для предварительного обсуждения способов и порядка освобождения крепостных крестьян был создан Комитет под председательством помощника начальника Кубанской области по управлению горцами полковника П.Г. Дукмасова, с участием в его работе начальников округов и управляющего канцелярией начальника области [13, л. 246].

Сбор сведений по округам был поручен чиновникам и офицерам Кавказской армии. Несмотря на то, что для сбора сведений среди карачаевцев и абазин в Эльборусский округ был послан адъютант помощника главнокомандующего Кавказской армией штабс-капитан П.А. Бильдерлинг, всю работу по сбору этих сведений провел начальник округа Н.Г. Петрусевич, который намного лучше разбирался в нормах и обычаях карачаевцев, чем приезжий чиновник. В других округах сведения собирали присланные для этого лица, а также местная администрация.

Однако вследствие того, что фактическое положение сословий и земельные отношения отличались от установленных адатом, возникло много неясных вопросов, и сбор сведений продвигался медленно.

Несмотря на то, что Комитетом было предписано закончить сбор сведений по округам к сентябрю 1866 года, начальник Эльборусского округа полковник Н.Г. Петрусевич сообщил Комитету, что по его округу сведения будут собраны не ранее января 1867 года [13, л. 266–268].

В мае 1867 г. Горским управлением Кавказского военного округа начальным сроком освобождения крепостных крестьян в Кубанской области было объявлено 1 мая 1868 г. С весны 1867 г. в Кубанской области начинается обсуждение условий освобождения крепостных крестьян. Царской администрацией было предложено избрать депутатов от владельцев и крестьян, которые обсудят проект освобождения и примут общее решение.

Выборы депутатов были проведены 1 октября 1867 года. Депутаты от карачаевских сословий были избраны в соответствии с тем, «сколько крестьян было в их руках» [13, л. 266–268]. Всего от карачаевских владельцев было выбрано 6 человек: 2 от биев, 3 от узденей и 1 от азатов и, соответственно, 6 человек от крестьян.

После долгих споров представители владельческого и крестьянского сословий сошлись на том, что в соответствии с нормами тау адета свобода должна быть выкуплена за определенный выкуп, уплачиваемый деньгами или отработываемый. Бесплатно освобождались только дети до 7 лет, женщины старше 50 и мужчины старше 55 лет. Начиная с семи лет за детей юльгюлюкулов – лично зависимых крестьян, наделенных владельцами землей, – платили 20 рублей и по 5 рублей за каждый последующий год до 13 лет. С 13-ти до 15-ти лет за год прибавляли по 10 рублей, а далее до совершеннолетия по 15 рублей. Взрослые юльгюлюкулы платили за свое освобождение по 150 рублей. С 41 года выкупная сумма уменьшалась, сначала на 5 рублей, а затем на 10 и 15 рублей.

Женщины платили выкуп размером в 100 рублей. Выкуп девушек брался из калыма, который получали родственники невесты. Вдовы с малолетними детьми получали отсрочку до того времени, когда подрастут дети.

Мужчины и женщины низшего сословия карачаевского общества (башсызкулы – домашние рабы) должны были заплатить за свое освобождение 200 рублей. За ребенка 7-летнего возраста платили 20 рублей, в последующие 2 года прибавляли по 10 рублей, а затем начиная с 10-летнего возраста по 15–20 рублей за каждый год. Юльгюлюкулы с 18 до 35 лет платили по 200 рублей за свое освобождение, с 36 лет цена за каждый год снижалась на 15 рублей [14, с. 28].

Если юльгюлюкулы были вправе выбрать способ уплаты выкупной суммы, то башсызкулы обязаны были лишь отработать ее. Они обязаны были работать на владельцев 6 дней в неделю, а во время покоса или уборки и более.

Кроме того, крестьяне отдавали своим владельцам половину своего имущества, скота, инвентаря, а также земли в тех случаях, когда они ее имели [14, с. 28].

Но, на наш взгляд, крестьяне горских обществ, в сравнении с карачаевскими крестьянами, находились в более тяжелом положении, так как отдавали своим владельцам во всех обществах, кроме Балкарского, при освобождении $\frac{2}{3}$ своей земли, а не половину, как в Карачае.

4 марта 1867 г. начальнику Кубанской области Комитетом было разрешено совершать добровольные сделки между владельцами и крестьянами. Их заключение в Карачае началось лишь в конце 1867 года. К первому января 1868 года было освобождено по таким сделкам 980 человек. В течение первых трех месяцев 1868 года еще 1 381 человек [14, с. 30].

Для обеспечения владельцев рабочими руками в период посевных, уборочных и сенокосных работ срок обязательного освобождения, намеченный сначала на 1 мая, был передвинут на 6 месяцев и назначен на 1 ноября 1868 года. В соответствии с этой датой об освобождении крестьян в Карачае в торжественной обстановке было объявлено 1 ноября 1868 года.

В течение ноября в карачаевских аулах были освобождены 521 душа мужского пола и 424 души женского пола, всего 945 человек. Не освобожденными оставались менее чем 50 человек вследствие нахождения на дальних кошах.

Всего в Карачае, по одним данным, было освобождено 2 462 человека, по другим – 2 806 человек. По данным В.П. Невской, начальник Эльборусского округа расходование в цифрах объяснял тем, что часть крестьян и владельцев, заключивших добровольные сделки, позже расторгла их и заключила новые при помощи мирового посредника, так как старые условия не устраивали одну из сторон [14, с. 30].

Коснемся данных о численности карачаевцев и балкарцев в период освобождения зависимых сословий. По данным В.П. Невской, в 1865 г. карачаевцев насчитывалось 13 461 человек, в том числе в Карт-Джурте и Дууте – 4 429 человек, в Учкулане – 4 216 человек, в Хурзуке – 4 316 человек [15, с. 17]. По данным «Ведомости о числе жителей в горских округах Кубанской области» за 1865 год: численность жителей Эльборусского округа составляла 15 816 душ обоюбого пола; в том числе 8 162 души мужского пола и 7 654 души женского пола. Число же дворов составляло 2 445 [16, л. 16]. По данным Ислама Тамбиева, в 1863 году численность карачаевцев составляла 16 010 душ, из которых 160 душ составляли бии, 12 930 душ уздени и 2 930 душ зависимые сословия в составе 788 башсыз кулов и 2142 юльгюлю кулов [17, с. 90–91].

Согласно же «Посемейным спискам холопов, проживающих в Карачае и на реке Куме Карачаевского участка Верхне-Кубанского округа» от 20 марта 1865 года, 157 владельцев аула Карт-Джурт карачаевского племени в составе 59 князей (в основном Крымшамхаловых), 83 узденей и 15 вольноотпущенников владели 1053 д. об. п. в числе 546 д. м. п. и 507 д. ж. п. [18, л. 55 (28 об.)]. 158 владельцев аула Учкулан карачаевского племени в составе 158 узденей владели 446 д. об. п., в том числе 213 д. м. п. и 233 д. ж. п. [18, л. 55 (28 об.) – 82 (42)]. 286 владельцев аула Хурзук карачаевского племени в составе 273 узденей и 13 вольноотпущенников владели 884 д. об. п. в числе 456 д. м. п. и 428 д. ж. п. [18, л. 83 (42 об.) – 130 (66)]. Таким образом, 473 карачаевских владельца владели 2 283 холопами.

Что же касается численности населения в Балкарии, то, согласно «Ведомости о числе жителей в Терской области», в Горском участке было 5 315 д. м. п. и 4 840 д. ж. п., то есть всего 10 155 человек [16, л. 13].

По данным Е.Г. Муратовой, из 9 108 жителей Горского участка 363 являлись таубиями (около 4%), 4 722 – каракишами (51,8%), 2 987 человек (32,8%) были отнесены к категории обрядных холопов и 1 036 (11,4%) – к категории безобрядных [19, с. 405].

Эти данные сходны с данными «Ведомости численности «холопов», освобожденных от крепостной зависимости, по участкам Кабардинского округа с указанием числа владельцев» от 1 февраля 1867 года, в которой указано, что в Горском участке было 363 владельца и 4 023 холопа. Зависимые состояли из обрядных холопов в числе 1 627 мужчин и 1 360 женщин и безобрядных холопов в числе 522 мужчин и 514 женщин [20, с. 101].

Из этого мы можем сделать вывод, что, несмотря на численное превосходство населения Карачая в сравнении с населением горских обществ, численность зависимых сословий в Балкарии была выше. Узденское же сословие было более многочисленно в Карачае. В Карачае оно составляло большинство населения и в 4 раза превышало численность зависимых. В горских обществах же численность зависимых сословий практически совпадала с численностью узденей. Их численность была лишь немногим выше численности зависимых.

После освобождения зависимых сословий в пяти горских обществах из освобожденных чагар и казаков и других образовалось 408 безземельных дворов. Для наделения их землей в урочищах Кашкатау и Генделен в 1877 году было решено выделить 4000 десятин земли. В Кашкатау – 800 десятин и в Генделене – 3200 десятин. Однако, когда при распределении земли выяснилось, что на 1 двор приходится надел менее чем в 10 десятин, которого было крайне недостаточно для жизнеобеспечения жителей этих аулов, 90 дворов безземельных горцев, проживающих в Урусбиевском обществе, было решено поселить в ауле Хасаут (Жерештиеве), в котором надел составлял 96 десятин на двор [21, л. 5–6]. Видимо, вследствие такого большого надела карачаевцы, проживающие в этом ауле на р. Хасаут, несмотря на распоряжение начальника Терской области генерал-лейтенанта М.Т. Лорис-Меликова от 25 мая 1864 года о том, что если они до 1 сентября не переселятся обратно в Кубанскую область, то потеряют всякое право на земли, которыми они там пользовались, не захотели переселиться обратно в Кубанскую область и стали жителями аула Хасаут (Жерештиеве), соответственно, и несли всякого рода повинности наравне с остальными жителями [22, л. 9–9 об.].

В Карачае же для наделения землей безземельных крестьян администрация Кубанской области в 1868 году выделила 40 тыс. десятин по рекам Кубань, Мара, Теберда и Джегута. 26 тысяч десятин было выделено между реками Кубанью и Кумой, а 14 тысяч по реке Теберде, где издавна стояли карачаевские коши. Однако, в отличие от горских обществ Балкарии, в Карачае наряду с бывшими зависимыми крестьянами в новые аулы переселились многие зажиточные крестьяне, стремясь захватить лучшие участки.

Первым из новых аулов в 1868 году был основан Тебердинский аул. Еще до основания аула там поселилась семья Ожая Байчорова. Поэтому когда правительство дало разрешение карачаевским крестьянам селиться в долине реки Теберды, лучшие участки оказались уже захваченными Байчоровыми и Карабашевыми. Приезжавших из Большого Карачая безземельных крестьян они встречали недружелюбно, выделяли им худшие участки земли, а иногда и совсем не принимали в аул. Власть Байчоровых в новом ауле была очень велика. Долгое время его так и называли Ожаевский – Ожай къабакъ.

Крестьяне, переселившиеся первыми в новые аулы, попали в число полноправных членов сельских общин, имевших право голоса на сельском сходе и право получения участка земли. Более поздние переселенцы попали в разряд иногородних и в этих аулах остались без права голоса и права получения земли [23, с. 36].

Вследствие вышеназванных причин многие из безземельных крестьян предпочли вернуться в старые аулы, так как и на новом месте оставались безземельными.

Чтобы обеспечить освобожденных крестьян землей и предупредить обострение сословной вражды, их поселили не в Тебердинском, а в основанном в 1870 году ниже по течению реки Сентинском ауле. Так как уздени остались в основном в Теберде, а в Сентинском ауле поселились кулы, то новый аул назвали Къаракъул къабак – Чернокульский аул.

В том же 1870 году был основан Каменномостский аул (Ташкюпюр) у впадения в реку Кубань реки Теберды, в 1875 году – Маринский, сначала Нижняя Мара (Тебен Мара), а несколько позже Верхняя (Огъары Мара). Последним из новых аулов в 1881–1883 гг. возник Джегутинский аул. Но новому аулу были отведены, к сожалению, далеко не все карачаевские земли этого района.

Права на эти земли стали предъявлять и жители старых аулов, в итоге добившись того, что самые лучшие земли в верховьях реки Джегуты были отданы им [23, с. 25]. Все земли к югу от Джегутинского аула были оставлены в пользовании жителей аулов Большого Карачая.

Новому аулу были отведены земли по правому и частично по левому берегам реки Джегуты, сабаны и сенокосы на примыкавших к аулу возвышенностях, а также летние пастбища, лежащие на восток от аула. Непосредственно к аульным землям примы-

кали юртовые земли Усть-Джегутинской казачьей станицы. Несмотря на эту стесненность, Джегутинский аул разрастался очень быстрыми темпами, что происходило вследствие того, что он был единственным в те годы плоскостным карачаевским аулом, расположенным на самой плодородной целинной земле.

Из этого следует, что в Карачае для освобожденных от зависимости было выделено земли в 10 раз больше, чем в Балкарии, хотя их численность в горских обществах превышала численность зависимых в Карачае.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что условия освобождения зависимых сословий в горских обществах Балкарии были более тяжелыми, чем в Карачае. Несмотря на то, что выкупные суммы практически не отличались, крестьяне горских обществ находились в более тяжелом положении, так как отдавали по условиям выкупа своим владельцам во всех обществах, кроме Балкарского, при освобождении 2/3 своей земли, а не половину, как в Карачае. Кроме того, в Карачае для освобожденных от зависимости было выделено земли в 10 раз больше, чем в Балкарии, хотя численность их в Балкарии была выше, чем в Карачае. Узденское же сословие было более многочисленно в Карачае. Оно составляло большинство населения и превышало численность зависимых в 4 раза. В горских же обществах численность зависимых сословий практически совпала с численностью узденей и была лишь немногим выше.

Литература:

1. Кузьминов, П.А. Аграрно-крестьянская реформа на Северном Кавказе в оценках современников // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). – Нальчик: КБГУ, 1989. – С. 153–164.
2. Невская, В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия / Под ред. П.А. Брюханова. – Черкесск: Черкесское кн. изд-во, 1956. – 168 с.; Кумыков, Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – 420 с.
3. Кузьминов, П.А. Особенности социальной политики Российского правительства на Северном Кавказе в конце XVIII – 60-х годах XIX вв. // Ученые записки РГСУ. – М., 2008. – №2 (58). – С. 154–163.
4. Кузьминов, П.А. Социокультурные механизмы взаимодействия российского и северокавказского социумов в контексте модернизирующих реформ в России в 60-е годы XIX века // Ученые записки РГСУ. – М., 2009. – №1 (64). – С. 186–195.
5. Очерки истории балкарского народа (С древнейших времен до 1917 г.). – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1961. – 220 с.
6. Муратова, Е.Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX века. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 420 с.
7. Докладная записка выборных Большой и Малой Кабарды и горских обществ от 8 августа 1866 г. начальнику Терской области об освобождении зависимых сословий в Кабарде за выкуп на основании взаимных между феодалами и зависимыми крестьянами соглашений // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов / Выявление, археография, составление, вступительная статья Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.». Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – С. 662–665.
8. Грабовский, Н.Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // ССКГ. – Вып. 3. – Тифлис, 1879. – Отд. IV. – С. 1-28.
9. Центральный Государственный Архив Республики Северная Осетия-Алания (далее ЦГА РСО-А). Ф. 12. Оп. 6. Д. 1279.
10. Тульчинский, Н.П. Кабарда // Казбек. 1899. 18 мая.
11. Центр документации новейшей истории (ЦДНИ КБР). Ф. 25. Оп. 1. Д. 3.
12. Кузьминов, П.А. Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – 236 с.
13. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК) Ф. 774. Оп. 1. Д. 653.
14. Невская, В.П. Карачай в пореформенный период / Под ред. д-ра ист. наук А.В. Фадеева; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1964. – 224 с.
15. Невская, В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период). – Черкесск: Кар.-Черк. кн. изд-во, 1960. – 160 с.
16. Центральный государственный архив КБР (далее ЦГА КБР) Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 66.
17. Тамбиев, И. Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае // Революция и горец. – 1932. – № 4. – С. 85–103.

18. ЦГА КБР Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 60; Центральный государственный архив республики Грузия (далее ЦГИА РГ) Ф. 545. Оп. 1. Д. 3215.
19. Муратова, Е.Г. Балкарские общества в контексте Российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века): Дисс. ... д-ра. ист. наук: 07.00.02; [Место защиты: Каб-Балк гос. ун-т им. Х.М. Бербекова]. – Нальчик, 2006. – 564 с.
20. Документы по истории Балкарии. 40-90-е гг. XIX в. / Сост Е.О. Крикунова. – Нальчик: Каб-Балк. кн. изд-во, 1959. – 264 с.
21. ЦГА КБР Ф. Р-1209. Оп. 7. Д. 95.
22. ЦГА КБР Ф. 2. Оп. 1. Д. 1125.
23. Невская, В.П., Невская Т.А. Сельская община у карачаевцев в XIX в. // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Сб. ст. – Орджоникидзе: СОГУ, 1978. – С. 21–91.

УДК 93

*Абдулвахабова Бирлант Борз-Алиевна,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»,
доцент кафедры истории народов Чечни,
г. Грозный, Россия,
E-mail: birlant@list.ru*

НЕФТЯНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЧЕЧНИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНА В СОСТАВ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

***Аннотация:** В данной статье предпринята попытка анализа вхождения Чечни в состав Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.*

Актуальность темы определяется тем, что автор рассмотрела интеграционный процесс в контексте развития нефтяной промышленности в регионе. Именно разработка новых месторождений, по мнению автора, способствовала проникновению русского и иностранного капитала в нефтяную промышленность на территории Чечни, что, безусловно, повлияло на все аспекты интеграционного процесса в регионе.

***Ключевые слова:** Россия, Чечня, интеграция, экономическое развитие, нефтяная промышленность, чеченцы*

*Abdulvahabova Birlant Borz-Alievna,
Chechen State University,
Associate Professor of Chechen peoples' history Department,
Grozny, Russia,
E-mail: birlant@list.ru*

CHECHNYA'S OIL INDUSTRY AND ITS IMPACT ON THE REGION'S INTEGRATION INTO RUSSIA (SECOND HALF of XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES)

***Abstract:** This article attempts to analyze the entry of Chechnya into the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries.*

The relevance of the topic is determined by the fact that the author considered the integration process in the context of the development of the oil industry in the region. According to the author, it was the development of new fields that contributed to the penetration of Russian and foreign capital into the oil industry in Chechnya, which certainly influenced all aspects of the integration process in the region.

***Key words:** Russia, Chechnya, integration, economic development, oil industry, Chechens*

Конец XIX – начало XX в. стали переломным периодом в истории горских народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцев. Российская империя во второй половине XIX века оказывается в полосе широкомасштабных политических потрясений, причины которых определялись наметившимся на рубеже XIX–XX веков своеобразием ее социально-экономического развития, которое также было связано и с отменой крепостного права в стране. Попытка ускоренными темпами преодолеть экономическую

отсталость, сопровождавшаяся налоговым бременем населения, вызывала рост социального недовольства как в России в целом, так и на ее окраинах.

Привнесение новых форм в горское хозяйство, строившееся на вековых патриархальных традициях и недостаточно подготовленное для их самостоятельного воспроизводства, порождало острейшую проблему адаптации широких слоев чеченского общества к новым требованиям, синтеза традиционных ценностей и ценностей буржуазного, индустриального общества.

Экономика Чечни дооктябрьского периода с ее нефтедобывающей промышленностью и экстенсивным сельским хозяйством носила односторонний, колониальный характер. Чечня представляла собой территорию, где, с одной стороны, находился развитый Грозненский нефтепромышленный район (95% всей промышленности Чечни: 7 нефтяных заводов, 44 фабрично-заводских предприятия, обслуживавших нефтяную отрасль, и т. д.), с другой – отсталое, с патриархальными традициями крестьянское хозяйство [1].

Постепенно внедряясь в главные жизнеобеспечивающие системы горцев, российский капитализм находил здесь благоприятную почву, чем и объяснялось относительно быстрое его распространение.

Окончание военных действий в крае, рост таких городов, как Владикавказ, Грозный, развитие ярмарок, строительство в 1875 г. Владикавказской железной дороги, которая соединила регион с остальной частью Российской империи, способствовали ускоренному развитию торговли в крае. В Чечню поступали российские промышленные товары, которые реализовывались на местных ярмарках, в торговых лавках и т. д.

Сильное влияние на социально-экономическое развитие Чечни и постепенную ее интеграцию в состав России оказало, в первую очередь, возникновение и рост с конца XIX в. именно нефтяной промышленности.

Первые сведения о добыче нефти в Грозненском районе относятся к 1833 г. Но еще задолго до этого нефть добывалась здесь местным населением и первыми промышленными предпринимателями колодезным способом.

В 1823 г. в Моздоке действовал керосиновый завод братьев Дубининых, куда нефть доставлялась гужом из Грозного и станицы Вознесенской. Простота технологии переработки нефти на заводе Дубининых и увеличивающийся спрос на керосин привлекли внимание предпринимателей, и с 1855 г. подобные заводы начали сооружаться вдоль реки Терек [2, с. 8–9]. Примитивный колодезный способ добычи нефти продолжался свыше семидесяти лет.

Самым крупным акционерным обществом по добыче нефти в Чечне являлось «Ахвердов и К^о», с преобладающим бельгийским капиталом. На долю данной компании приходилось до 50% от общей добычи нефти в Грозненском районе [3, с. 384].

Русская буржуазия стремилась вложить свои капиталы в разработку новых нефтяных месторождений. Возникший и развивающийся Грозненский нефтепромышленный район в Чечне привлекал буржуазию своими богатыми залежами нефти, удобством транспортировки крупных партий нефти и нефтепродуктов по Владикавказской железной дороге, дешевой рабочей силой.

С ростом добычи нефти в Грозном возникла и нефтеперерабатывающая промышленность.

По заказу товарищества Ахвердова весной 1895 г. английская фирма «Стюарт Лимитид» начала строить в Грозном нефтеперегонный завод. В то же время акционерное общество Владикавказской железной дороги также начало строительство нефтеперегонного завода. Третий нефтеперегонный завод под названием «Успех» был построен грозненским купцом А.А. Николаевым, керосиновые заводы «Полезьа» и «Бр. Нобель», завод для получения тяжелых нефтяных масел из мазута и другие.

С открытием железной дороги грозненская нефть вывозилась в торгово-промышленные центры страны, а также за границу. К примеру, в конце XIX века Англия закупила у грозненских нефтепромышленников до 20 млн пудов нефти. Благодаря нефтяной промышленности Чечня постепенно втягивалась не только во всероссийский, но и мировой рынок [4, с. 616].

Скупкой и продажей грозненской нефти и нефтепродуктов занимались такие крупные фирмы России, как Общество Владикавказской железной дороги, Конторы

Максимова, Нобель, торговый дом братьев «Дембот и сыновья», товарищество «Шибав и К^о», «Волжско-Каспийское товарищество», «Товарищество Петролеум» и др.

Нефтяная промышленность Чечни способствовала появлению многих местных предприятий, связанных и с местной промышленностью, и с нефтяной: столярные, кузнечные, бочарные и т. д. мастерские, чугунно-литейные, механические заводы; полукустарные предприятия пищевой промышленности и многие другие.

Постепенно иностранный капитал, заинтересованный в нефти и дешевой рабочей силе, начинает занимать ведущие позиции в Грозненской нефтепромышленной отрасли. Бельгийский, немецкий, английский, французский и даже американский капиталы вливаются в нефтепромышленность Грозного.

В 1897 г. западноевропейская фирма «Шпис» закупила нефтеносные земли, а также арендовала земли у Таймазовых, Вагаповых, Уциевых и др. Скупленные и арендованные земли передавались обществу «Шпис», английскому обществу «Казбекский синдикат» и др. Эти фирмы были также тесно связаны с иностранным (немецким) капиталом.

В 1899 г. товарищество Ахвердова было реорганизовано в Бельгийскую фирму. Эта фирма добывала в некоторые годы до 50% нефти в Грозненском районе, ей принадлежал нефтепровод и нефтеперегонный завод. В 1898 г. французские капиталисты во главе с Ротшильдом купили акции Московского общества, которому принадлежали нефтепровод и нефтеперегонный завод в Грозном.

Скупкой и перепродажей нефтяных участков занимался и известный в финансовом мире тех лет германский торговый дом «Шпис, Стукен и К^о». В 1899 г. глава фирмы обратился к высшему кавказскому начальству с просьбой разрешить им заниматься горнозаводской промышленностью, устройством и сооружением фабрик и заводов на территории Чечни. Прошение вскоре было удовлетворено [5, с. 617].

Проникновение русского и иностранного капитала в нефтяную промышленность на территории Чечни вызвало рост цен на нефтеносные земли. В этой сфере активное участие принимали и местные дельцы (акционерное нефтедобывающее общество «Староюртовская нефть», которое возглавлял шейх Абдул-Азиз (Дока) Шаптукаев из селения Старый Юрт (Толстой-Юрт). Абдул-Межид Чермоев – сын генерала Арцу Чермоева, А. Арсамерзоев, И. Арсанукаев, М. Мациев, М. Мустафинов, А.А. Абдулкадыров, А. Эльмурзаев и др.).

Как и во всех странах мира, где шла добыча нефти, для нефтяной промышленности Грозного была характерна откупная система хозяйства, которая просуществовала до 1894 г. В новых условиях откупные нефтяные хозяйства представляли собой капиталистические предприятия, использующие наемную рабочую силу. Откупные платежи землевладельцам являлись капиталистической земельной рентой. Размеры откупов были выше, чем прежде. Откупщики, располагавшие крупным капиталом, добывались разорения своих мелких конкурентов.

На грозненских промыслах откупщиками использовался труд казаков, обслуживавших по указанию войскового начальства промысловые работы, и труд жителей близлежащих чеченских селений. Они занимались добычей и перевозкой нефти от источников до районов сбыта. Большинство казаков часто покидали станицы, устраивались на нефтяные промыслы в город Грозный, уходили на заработки к владельцам больших виноградников или к кулакам на уборку хлебов.

Новая рабочая сила в пореформенные годы поступала на промыслы в ограниченном количестве. Добычу нефти из колодцев, ее перевозку производили в основном местные жители, чеченцы из окрестных сел, а также казаки. Большое количество иногородних из российских губерний поступали на работу на нефтяные предприятия Грозного. Это были русские квалифицированные рабочие, разорившиеся крестьяне, а также местные, лишившиеся земельных участков, вынуждены были искать работу на нефтепромыслах (чеченцы, ингуши, дагестанские отходники и т. д.) [6, с. 161–162].

В 1914 г. из более чем 27 тысяч наемных рабочих, имевшихся на территории Чечни, до 12 тысяч работали на нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятиях, 4,5 тысячи – на железнодорожном транспорте, 3 тысячи – на различных предприятиях Грозного и 7,5 тысячи являлись сельскохозяйственными рабочими [7, с. 269].

С середины 90-х гг. XIX в. начался настоящий «нефтяной бум». Резкое увеличение капиталовложений, техническое оснащение промыслов способствовало быстрому росту нефтедобычи.

В Грозном добычу и переработку нефти почти целиком захватил в свои руки французский, английский и бельгийский капитал, а позже (примерно с 1909–1910 гг.) к нефтяным богатствам Терека через британскую фирму «Шпис» как один из директоров русско-азиатского банка вышел американский миллионер Герберт Гувер. Иностраный капитал, вложенный в нефтяную промышленность, составлял около 60 млн рублей [8, с. 5].

С развитием нефтяной промышленности рос город Грозный, увеличивалось его население. В начале XX в. город Грозный превращается в крупный центр нефтяной промышленности на Северном Кавказе. Росли промышленные предприятия города, его население. Вместо традиционных саклей и казачьих мазанок строились кирпичные дома с черепичными крышами. В этой связи росло число кирпично-черепичных заведений. Только в Грозном и станице Грозненской в начале XX в. насчитывалось 15 таких предприятий. В 1913 г. в Грозном существовал большой кирпично-механический завод, на котором работало 105 рабочих.

Грозный по экономической значимости и росту населения быстро обгонял другие города Терской области. Население города быстро увеличивалось, за период с 1891 по 1900 гг. его численность возросла в 3 раза. Рос и бюджет Грозного [9, с. 627]. С развитием нефтяной промышленности в Чечне увеличиваются предприятия местной промышленности. Российские фабричные товары превалировали на местных рынках и постепенно вытесняли продукцию кустарных промыслов местных умельцев, но некоторые промыслы на местных ярмарках удерживали прочные позиции, особенно связанные с обработкой шерсти. Особым спросом пользовались у покупателей изделия из шерсти: бурки, папахи, башлыки, черкески, сукна, войлочные ковры «иранги» и многое другое, чем славились чеченские мастера с глубокой древности.

Широкая сеть ярмарок, базары (Грозный, ст. Наурская, крупные чеченские села Ведено, Шатой, Урус-Мартан, Старый-Юрт, Старые Атаги) способствовали не только мануфактурной торговле, но и формированию местной купеческой прослойки «совдегарш» (Арсамирзоевы, Мациевы, Цутиевы и многие другие).

Зажиточные крестьяне и крупные арендаторы под будущий урожай брали в кредитных учреждениях ссуды для расплаты с рабочими-поденщиками. Более крупные землевладельцы пользовались и банковскими ссудами.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. в экономике Чечни наблюдается разрушение патриархального уклада хозяйственной и общественной жизни. Капитализм ломал национальную замкнутость, вовлекая народы Чечни во всероссийскую экономику.

Царское правительство по-прежнему действовало в плане ужесточения своей политики на Кавказе, не считаясь с тем фактором, что развитие капитализма требовало новых, более гибких форм управления.

Экономика Чечни была многоукладной и характеризовалась пестрым переплетением самых разных производственных отношений – от полунатуральных до монополистических.

Пореформенное развитие капитализма «вширь», наличие огромных нефтяных богатств в недрах Чечни, приток русского и иностранного капитала привели к возникновению и развитию Грозненского нефтепромышленного района и постепенному интегрированию Чечни и чеченского общества в Россию.

Литература:

1. Синельников, В.И. О ликвидации экономической отсталости Чечено-Ингушетии (1917–1940 гг.) // Ученые записки Чечено-Ингушского педагогического института. – Грозный, 1964. – №24.
2. Прошлое и настоящее // Открытое акционерное общество энергетики и электрификации Чеченской Республики «Нурэнерго». – Грозный: Европринт, 2006. – 432 с.
3. Хасбулатов, А.И. Развитие промышленности в Чечне в конце XIX – начале XX в. // Труды Грозненского государственного нефтяного института им. акад. М.Д. Миллионщикова. – Грозный: ГГНИ, 2002. – Вып. 2. – 404 с.
4. История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. – Т. I: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. – 828 с.
5. История Чечни с древнейших времен до наших дней. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. Т. 1. – 828 с.

6. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. – Т. I. – 316 с.
7. Колосов, Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893–1917 гг.). – Грозный: Грозненский рабочий, 1962. – 381 с.
8. Грозный за 40 лет Советской власти. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1957. – 156 с.
9. История Чечни с древнейших времен до наших дней. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. – Т.1. – 828 с.

УДК 94 15/19 (470.661)

Акиева Петимат Хасолтовна
Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч. Ахриева,
ведущий научный сотрудник отдела Истории Ингушетии,
доктор исторических наук,
г. Магас, Россия,
E-mail: petim@yandex.ru

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ГОРСКИХ ОБЩЕСТВ КАВКАЗА В ПЕРИОД КОЛОНИЗАЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается проблема социально-экономической и политической системы взаимодействия кавказских народов в контексте политических событий XIX века в крае. Предпринята попытка исследования трансформации традиционных элементов общественного самоуправления и их планомерного разрушения во время колонизации. В администрировании региона предусматривалось наличие лишь первичного уровня самоуправления, насильственное изгнание, перманентное переселение и полная ассимиляция местного населения, впоследствии сменявшаяся социокультурной изоляцией.

Ключевые слова: социокультурное взаимодействие, кавказские народы, колонизация, горные общества, ассимиляция, экономическое давление, культурная изоляция

Akueva Petimat Hasoltovna
Ingush Research Institute
of humanities named after Ch. Akhriev,
Leading Researcher,
Department of History of Ingushetia, PhD,
Magas, Russia,
E-mail: petim@yandex.ru

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF POWER RELATIONS OF THE CAUCASIAN MOUNTAIN SOCIETIES DURING THE PERIOD OF COLONIZATION

Abstract: The article analyzes the problem of socio-economic and political system of interaction between the peoples of the Caucasus in the context of political events of the XIX century. An attempt was made to study the transformation of traditional elements of public self-government and their destruction during colonization. The administration of the region provided for only the primary level of self-government, forcible exile, permanent relocation and complete assimilation of the local population, later replaced by sociocultural isolation.

Key words: sociocultural interaction, Caucasian peoples, colonization, mountain societies, assimilation, economic pressure, cultural isolation.

Исследования общественного строя кавказских народов характеризуют его как патриархально-феодальный, подтверждая при этом его довольно значительную общность [2, с. 159–172; 8; 7]. Особенные черты феодального общественного строя на Кавказе получили в науке свой термин «горский феодализм», достаточно широко закрепившийся в специальной литературе [8, с. 15–24]. Имея свои характеристики в сравнении с теоретическими формулировками, сделанными на основе исследований других народов мира, сами горские народы существенно отличались как по степени дифференцированности социальной структуры отдельных этносов/этнических групп,

так и в политическом отношении. Так, стратификация общественной системы была более выражена у ингушей и чеченцев, нежели у сванов и хевсур Вольной Сванетии [10]. В политическом отношении ингушские общества, как, впрочем, и другие горские народы, «всегда сохраняли традиции самоуправления и специфические черты в своей социальной структуре» [2, с. 172].

Естественной основой горного поселения на Кавказе А.И. Робакидзе называет ущелье, по низине, склону или хребту отрогов которого «расположены населенные пункты со всеми своими основными и вспомогательными земельными угодьями и надежно защищенные естественными границами ущелья» [9, с. 5]. Географическая особенность малых и больших ущелий, которыми испещрен весь горный Кавказ, была привлекательна с точки зрения стратегического расположения. Данное обстоятельство явилось одним из условий складывания этнических образований: в пределах компактности ущелья «в свое время представленных в виде племен, а после формирования народов – в виде его этнографических групп» [9, с. 5]. При этом в экономическом и социальном отношении горные автономные образования не были изолированы и постоянно поддерживали связи с соседними районами Кавказа через систему хорошо разработанных коммуникаций.

Населявшие Кавказ народы объединялись в более или менее крупные феодальные владения (например, Большая и Малая Кабарда или Тагаурия), а также вольные общества или союзы общин. В первой половине XIX века все эти владения по отношению друг к другу находились в различного рода политической зависимости. Н.Г. Волкова отмечает, что горцам Северного Кавказа, занимавшимся скотоводством, жизненно необходимы были зимние пастбища [2, с. 172]. Равнинные земли, находившиеся во владении представителей феодальной знати различных этнических групп, ставили горные общества в номинальную зависимость, в определенное время частично переходившую в политико-экономическую. К примеру, зависимость осетинских обществ от кабардинских феодалов, выражавшаяся в уплате дани, виды которой были различны.

Отмечаемая многими исследователями изолированность горных обществ, основанная на природных условиях края и отсутствии дорог, все-таки не являлась доминирующей. Так, члены горных ингушских обществ активно общались не только между собой, но и имели разнообразные контакты с обществами других горских народов. Связи между населением горных областей зачастую преобладали в сравнении с контактами с населением равнинных областей первоначально в связи с трудностью путей с гор на равнину, а затем и в связи с военно-политическими событиями. Отметим, что внутри региона имелось множество горных дорог, троп, перевалов, являвшихся фрагментами Великого шелкового пути из Китая через Среднюю Азию к Черному морю и далее в Европу (путь по Дарьяльскому ущелью, «по долине Большого Зеленчука через современный Архыз и далее в долину Большой Лабы через перевал Пхия, затем через перевал Санчаро в Псху и, наконец, через перевал Доу в долину Гумисты проходил древний торговый путь, связывающий Северный Кавказ с побережьем Черного моря в Диоскуриаде (Сухум)» [4, с. 173], перевал Гум-Баши и др.), которыми местное население широко пользовалось с древнейших времен.

Во время колонизации региона царской Россией настоящей угрозой разъединения единого кавказского анклава явились Военно-Грузинская, Военно-Сухумская и Военно-Осетинская дороги. К примеру, Военно-Грузинская дорога, настоящим творцом которой следует считать князя Цицианова, стала «острым, т. е. твердым клином, вбитым Россией в живое тело всего Кавказа» [3, с. 38]: она разделила Западный и Восточный Кавказ, пролегая от Георгиевска через кабардинские и ингушские земли в Грузию, а укрепленные станицы вдоль нее, возникшие после подписания русско-грузинского договора 1783 года, стали военной базой для дальнейшего продвижения российской колонизации в сердце Кавказа.

Отметим, что череда так называемых договоров о добровольном вхождении ингушских обществ в состав России относится к периоду с первой половины XVIII века (1733, 1771 гг. и т. д.) вплоть до начала XIX в. (1810 г.), т. е. к периоду, когда Россия ведет активную борьбу с основными своими внешнеполитическими соперниками на востоке – с Турцией (1735–1739 гг.; 1768–1774 гг.; 1787–1791; 1806–1812 гг.; 1828–1829 гг.; 1853–1856 и 1877–1878 гг.) и Персией (1722–1723 гг., 1796 г., 1804–1813 гг., 1826–1828 гг. и т. д.).

Поэтому России было крайне важно иметь стабильность во внутренних территориях Кавказа, что было получено благодаря, в том числе, и ингушским обществам. Именно на ингушских землях общества Заурово была заложена крепость Владикавказская в 1784 году, а годом позже образована Кавказская область с центром в г. Тифлис, а еще годом позже, в 1786 году, разработано «Положение о горских народах», согласно которому горцы Северного Кавказа были приравнены к военно-служилому сословию подобно казакам. Если в первой половине XVIII века ведущим торгово-экономическим и административно-политическим центром Северо-Восточного Кавказа была крепость Кизляр, то к концу века ведущие позиции переходят к г. Тифлису.

Таким образом, Кавказ вызывал постоянный интерес со стороны России по ряду причин: во-первых, «как арена военно-политического противостояния с Турцией и Ираном»; во-вторых, как территория, через которую проходили военно-стратегические и торговые пути. В частности, пролегал восточный отрезок Волжско-Астраханско-Ширванского пути, который связывал Восточную Европу, и, в первую очередь, русские земли, с Ираном и другими странами Ближнего и Среднего Востока» [5, с. 192]. С Волжско-Астраханско-Ширванским путем «была связана вторая важная военно-торговая магистраль, соединявшая Каспийское побережье Кавказа с Черноморско-Азовским побережьем [6, с. 316]. Заключение Кючук-Кайнарджинского мирного договора, завершившего очередную русско-турецкую войну, а также Георгиевского трактата, установившего российский протекторат над Картли-Кахетинским царством, уже к 1785 году позволило все построенные передовые российские казачьи укрепления на Северном Кавказе объединить в единую Кавказскую линию (включающую Кубанскую, Терскую и Кизлярскую линии).

С этого времени и вплоть до 1860-х годов царизмом создавалась ситуация планомерного разрушения традиционной социальной, экономической и политической системы взаимодействия и функционирования кавказских народов, в том числе и ингушей, с тем, чтобы исключить возможность независимого существования и включить, теперь уже Северо-Кавказский регион, в административно-политическую систему России.

Интересы самодержавия ограничивались установлением контроля над внутренними территориями края. В этом контексте местное население само по себе представляло главную проблему, для устранения которой были избраны методы экономического давления, насильственного изгнания за пределы страны, перманентного переселения, ассимиляции, просто физического уничтожения. Дабы упрочить власть в регионе, царская администрация использовала практику разбавления местного населения переселенцами – казаками, крестьянами из внутренних губерний России и иностранными колонистами, отдавая предпочтение христианскому элементу. Отметим, что данный способ русификации территории использовался и значительно позже – в советское время.

Вопрос об экономической или политической интеграции не стоял в принципе, ведь как можно приобщить к европейской цивилизации «варваров»? Поэтому период с середины XVIII и до конца XIX вв. связан с тотальным разрушением самодостаточности местного традиционного уклада горских обществ и установлением контроля над территорией. Первоочередным виделась работа по приобщению, а в большей части уничтожению, феодальной прослойки местных обществ, представители которой, обладая властными полномочиями и авторитетом, несли в себе потенциальную угрозу руководящего начала. Именно поэтому с 1860 по 1917 годы этнические общества северокавказского социума стали представлять собой в большинстве случаев усеченную социополитическую структуру, обладающую лишь возможностью трансляции ценностно-нормативных стандартов этнической культуры.

Период колонизации характеризовался административными экспериментами в части земельной, судебной, экономической сфер жизни кавказского региона. Жесткий административный контроль допускал только низовой уровень существования традиционных элементов общественного самоуправления [1, с. 192–203]. При этом царизм предусматривал глубокое вторжение и полную социокультурную ассимиляцию местного населения, а когда стало понятно, что ассимиляция практически не приносит свои плоды и связана со значительными временными затратами, приоритет был отдан социокультурной изоляции.

Литература:

1. Боров, А.Б., Дзамихов, К.Ф. Россия и Северный Кавказ: современный политический опыт в историческом контексте // Полис. – 1998. – №3.
2. Волкова, Н.Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту // Кавказский этнографический сборник. Издательство: Б.м.: Б. и. – Вып. IX. – М. 1989. – С. 159–215.
3. Джабагиев, В.-Г.Э. Падение Грузии и Закавказских ханств / к 170-летию Георгиевского трактата // Наследие. Виссан-Гирей Эльджиевич Джабагиев. Публицистика по истории, культуре и экономике Кавказа, России, Западной Европы и ислама / Сост-ль: И.Г. Алмазов. – Назрань, 2015. – 604 с.
4. Ефремов, Ю.В., Шелюк, А.А., Аксенова, А.А. Перевалы Кавказа: использование в практических и стратегических целях // Научно-технический журнал «Геология, география и глобальная энергия». 2012. №3 (46).
5. История Ингушетии. Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. – 4-е изд., – Ростов-на-Дону, Южный издательский дом, 2013. – 600 с.
6. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. АН СССР [Ин-т истории СССР и др.]. – М.: Наука, 1988. – 543 с.
7. Лавров, Л.И. Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. – Л., 1975. – С. 19–32. – 272 с.
8. Робакидзе, А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. – 1978. – №2 – С. 15–24.
9. Робакидзе, А.И. К вопросу о формах поселения в Горной Чечне // Кавказский этнографический сборник. Очерки этнографии горной Чечни. – Тбилиси: Мецниереба, 1986. – 140 с.
10. Кушева, Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 371 с.

УДК 470.62/.67

Афаунова Диана Феликсовна
Северо-Кавказский институт –
филиал Российской Академии Народного хозяйства
и Государственной службы при Президенте Российской Федерации,
аспирант 1-го года обучения,
E-mail: afaunovagucheva@mail.ru

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ЗОЛЬСКИМИ И НАГОРНЫМИ ПАСТБИЩАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: В статье анализируется проблема пользования Зольскими и Нагорными пастбищами во второй половине XIX – начале XX вв. Указывается расположение Зольских и Нагорных пастбищ, порядок их предоставления скотоводам, а также формы пользования ими. В работе рассматривается политика царской администрации в этом вопросе.

Ключевые слова: альпийские пастбища, запасные кабардинские земли, Центральное Предкавказье, землепользование, землевладение

Afaunova Diana Feliksovna
North Caucasus Institute branch of the Russian presidential
Academy of National economy and Public administration,
1st year postgraduate student,
E-mail: afaunovagucheva@mail.ru

LAND OWNERSHIP AND LAND USE BY ZOL'SKY AND UPLAND PASTURES IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Annotation. The article analyzes the problem of the use by Zol'sky and Upland pastures in the second half of the XIX – early XX centuries. The location of Zol'sky and Upland pastures, the order of their provision to cattle breeders, as well as the forms of their use are indicated. The paper deals with the policy of the tsarist administration in this matter.

Key words: alpine pastures, spare Kabardian lands, Central Ciscaucasia, land use, land ownership

Зольские и Нагорные пастбища издавна занимали важное место в поземельных взаимоотношениях народов Центрального Предкавказья, составляя важнейшую часть природно-хозяйственного комплекса кабардинцев, балкарцев и соседних с ними народов. На протяжении сотен лет сохранение этого объекта хозяйственного природопользования и соблюдения определенного порядка его эксплуатации оставалось актуальной задачей традиционной хозяйственной культуры местного населения. В политическом и общественном дискурсе в последнее время регулярно возникает вопрос о режиме землепользования пастбищными угодьями.

В 2011 году парламент Кабардино-Балкарской Республики принял закон «О порядке определения территорий использования земель в целях отгонного животноводства». Согласно закону, отгонные пастбища в Зольском, Чегемском, Черекском и Баксанском районах республики были отнесены к категории республиканской собственности. Они не подлежат приватизации. Новый закон не решил вопрос землепользования и землевладения Зольскими и Нагорными пастбищами. Закон вызвал недовольство со стороны кабардинской и балкарской общественности.

Зольские и Нагорные пастбища могли бы стать конкурентным преимуществом развития животноводства Кабардино-Балкарии, но в отсутствие какого-либо внимания со стороны властей они практически не используются. Проблемы землепользования Зольскими и Горными пастбищами, которые пытались решить еще в XIX – начале XX вв., являются актуальными до сих пор.

Традиционно пастбищные земли являлись основой для развития скотоводства, которое играло важную роль в хозяйстве кабардинцев и балкарцев. Горные пастбища, которые царское правительство именовало «запасными землями», занимали территории верховьев рек Баксан, Чегем, Малка, Кичмалка, а также обширные пространства в предгорных районах.

В документах конца XIX – начала XX вв. эти земли именуется и как «кабардинские общественные земли», которые находились в эксплуатации не только Кабарды, но и «пяти горских обществ». Земли на Северном Кавказе, завоеванные оружием, царское правительство считало собственностью казны и порядок предоставления населению и формы пользования ими определяло по собственному усмотрению.

Во второй половине XIX – начале XX в. территории, использовавшиеся для выпаса скота, пишет Д.Н. Прасолов, делились на две части. К первой относились площади, не пригодные для земледелия, неудобные под косовицу, а также участки, освобождаемые после снятия урожая. Они, в зависимости от сезона, отводились под сельские выгоны, использовавшиеся сообща жителями кварталов или общиной в целом [6, с. 80]. По сведениям В.П. Пожидаева, к исходу рассматриваемого периода установился порядок подымного деления присельских пастбищ, что позволяло бесскотным хозяйствам «свои участки давать в аренду односельчанам» [5, с. 101].

По данным, собранным Терской сословно-поземельной комиссией, к середине 1860-х гг. основания, на которых кабардинцы и балкарцы пользовались горными пастбищами, состояли в следующем. Свободный доступ к пастбищным угодьям получали скотоводы, которые могли выделить с каждой сотни овец «по одному барану тем лицам, кои до сих пор назначались для караула летних пастбищ» [9, л. 168]. При этом лошади и крупный рогатый скот могли пастись бесплатно. Эту плату можно расценить как определенную форму феодальной повинности, т. к. караул скота осуществлялся представителями господствующего класса. Поэтому комиссия рекомендовала «взимаемую... с кабардинцев плату за пастьбу овец на летних пастбищах прекратить» [9, л. 168]. Несомненно, такая плата противоречила существовавшему на этой территории общинному праву владения землей. Также этими территориями на правах общинного пользования по решению комиссии могли пользоваться и балкарские общества, так как кабардинские феодалы до этого признали эти земли достоянием всего народа.

В качестве традиционной модели пастбищного землепользования понимается тот порядок, который сложился в 60-х гг. и действовал в течение 70–80-х гг. XIX в.

По действовавшим в первые годы после отмены крепостного права правилам ежегодно с приближением отгона скота на летние пастбища общественный сход Кабарды избирал одного депутата для распределения пастбищных угодий между скотоводами Кабарды. Этому депутату передавались списки скотоводов Большой и Малой Кабарды,

которые с наступлением весны составлялись в полицейском участке Нальчикского округа.

Народный депутат делил пастбищные земли на отдельные участки соответственно количеству скота и занесенных в списке скотоводов. Один участок пастбищной земли выделяли на 5 000 баранов и 1 500 лошадей, соединяя для этого несколько незначительных скотоводов. Скотоводы, имевшие не более 500 овец и 100 лошадей, пастбищными угодьями пользовались бесплатно, если же скотовод имел большее количество голов, то за каждую лишнюю овцу платили 0,2 коп., а за лошадь 0,5 коп. Все эти сборы поступали в кабардинскую общественную сумму [8, л. 58].

При вышеописанном способе распределения пастбищных угодий не могло быть и речи о правильном и равномерном разделе пастбищ между скотоводами. Бесспорно, этот порядок распределения пастбищных угодий был выгоден только богатым скотоводам, которые владели сотнями лошадей и тысячами овец.

Это требование на словах поддерживала и царская администрация, однако она не торопилась претворить его в жизнь. Подворное распределение пастбищ не отвечало интересам крупных скотоводов-коннозаводчиков, которые в своих прошениях выступили против каких-либо новых правил. Старые правила позволяли им пользоваться большими участками под тем предлогом, что они владеют большим количеством скота.

Первые письменные сведения о правилах и формах пользования запасными землями относятся к 1877 году. Так, по поручению начальника Терской области 5 октября 1877 г. в Кабарде была создана комиссия, которая должна была выработать правила пользования пастбищными угодьями [10, л. 55]. В состав комиссии входили начальник Пятигорского округа подполковник Полозев, от Большой Кабарды – Кайсын Анзоров, Магомед Наурузов, Камбот Куденетов, Бекмурза Атажукин и Муса Кожоков, от Малой Кабарды – Каирбек Исламов. Комиссия выработала проект пользования пастбищными землями и представила на утверждение начальнику Терской области. Эти правила легли в основу правил 1889, 1905–1907 и 1912 годов.

В 1889 г. царское правительство, рассмотрев очередное прошение кабардинцев, отказало в закреплении этих земель на правах собственности, а лишь подтвердило, что «пока население будет вести себя, как приличествует верноподданным», – запасные пастбищные земли и леса в количестве 315 383 десятины остаются в пользовании Кабарды и пяти горских обществ (Балкарского, Безенгийского, Хуламского, Чегемского и Урусбиевского) [3, с. 12].

Вопрос о совместном пользовании пастбищными землями вызвал большой спор между кабардинцами и балкарцами, и кавказская администрация, пытаясь примирить стороны, предоставила им равные права.

В период проведения земельной реформы высшие сословия Кабарды и Горских обществ предъявили права собственности на некоторые горные районы. Но сословно-поземельная комиссия под предводительством Кодзокова решительно выступила против отвода в частную собственность пастбищ высшим сословиям, «находя их домогательства не только необоснованными, но и противоречащими народным обычаям и исторически установившемуся порядку пользования этими пастбищами» [4, с. 12]. Комиссия составила правила из 8 пунктов.

Новые правила были утверждены командующим войсками Кавказского военного округа, князем Дондуковым-Корсаковым 6 января 1890 г. [3, с. 227]. Согласно новым правилам, все летние пастбища были разделены между десятью группами селений Кабарды и Балкарии.

В основу распределения пастбищ был положен принцип подымного деления [11, л. 1]. Пастбищные угодья делились на участки соответственно количеству селений в группе, внутри которых распределялись между жителями, опять-таки сообразно количеству дворов в каждом.

По мнению Думанова, архивные материалы, а также литературные источники дают основания считать, что за период действия новых правил в Кабарде практически не наблюдалось подымного распределения общинных пастбищных земель. После распределения пастбищных участков каждое селение пользовалось доставшимся участком на общинных правах [1, с. 96].

Пользование пастбищными землями было разным. Например, несколько более состоятельных домохозяев соединялись вместе и сумму, которую следовало внести,

распределяли по числу скота. Богатый общинник сам брал всю землю, оплачивал весь сбор и пользовался ей самостоятельно. При этом часто бывало так, что богатые общинники, уплатив десятикопеечный сбор, брали землю и сдавали ее в аренду за большую плату другим скотоводам. Другой вид пользования пастбищами заключался в том, что общинники, которые были не в состоянии внести десятикопеечный сбор, сдавали часть своей земли в аренду, покрывая вырученными деньгами десятикопеечный сбор. Остальной же частью пастбищных земель общинники пользовались сами [2, с. 43].

Многие крестьяне, не имея скота, механически лишались реализовать свои права на пастбища, они не платили десятикопеечные сборы и не пользовались землями, их доли присваивали себе крупные скотоводы, выплачивая за них сборы.

В 1897 г. представители Кабарды обратились к командующему войсками Кавказского округа князю Голицыну с просьбой об изменении правил, было рассмотрено предложение группы ското-коннозаводчиков производить раздел пастбищ соразмерно количеству скота в каждой фамилии и каждом селении [11, л. 4-4об.]. На основе этих предложений новые правила были утверждены 31 июля 1905 г., а вступили в силу 17 апреля 1907 г.

Правила 1907 г. действовали без изменения до 1912 г. когда были введены новые правила пользования Зольскими и Нагорными пастбищами, которые фактически передавали их в исключительное пользование крупным коннозаводчикам и скотоводам. По новым правилам «все кабардинские пастбища были распределены на два разряда. К первому разряду относились Зольские пастбища, ко второму – Горные. Зольские пастбища в свою очередь были разделены на две части: равнинную и возвышенную [1, с. 98].

Изменения заключались в том, что угодья, предназначенные для крупных владельцев, и общинные наделы были отделены друг от друга. Лучшую часть Зольских равнинных пастбищ разделили на хуторные участки, которые, по словам В.П. Пожидаева, «стали сдаваться в аренду на 12 лет крепким кабардинским и горским хозяйствам, главным образом в интересах коневодства» [5, с. 100]. Наиболее удобные Горные пастбища на аналогичных условиях предназначили для «поддержания крупного и среднего скотоводства во всех его видах» [2, с. 45]. По данным С.И. Месяца, кабардинским пользователям под хуторные участки было выделено 32 тыс. дес., а балкарским – 29 тыс. дес. [4, с. 33]. Основные пастбищные угодья распределили между сельскими обществами пропорционально количеству дворов в каждом из них.

Кабардинские крестьяне были лишены права пользоваться Зольскими и Нагорными пастбищами, так как не располагали нужным количеством скота. Поэтому новые правила вызвали сильное недовольство кабардинских и балкарских крестьян. Основным их требованием было прекращение практики деления общественных горных пастбищ и «ввести такое же общее пользование пастбищными местами на Золке, как и на нагорных террасах» [7, л. 49].

Результатом введения новых правил 1912 г., не отвечающих интересам всех слоев населения, было Зольское восстание кабардинских крестьян в 1913 г.

Таким образом, мы можем отметить, что запасные кабардинские земли, куда входили и Зольские, и Нагорные пастбища, традиционно являлись достоянием всего народа. В пореформенный период, в ходе проведения социально-экономических преобразований в Кабарде и Горских обществах, царское правительство проводило активную политику регулирования в вопросах о формах пользования кабардинскими запасными землями. Но процесс этот не всегда был продуманным и зачастую не отвечал интересам всего общества.

Литература:

1. Думанов, Х.М., Дзагов, Р.Н. Формы пользования запасными кабардинскими землями во второй половине XIX – начале XX вв. // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 1990. – С. 91–104.
2. Думанов, Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 140 с.
3. Кудашев, В. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913. – С. 12. [Электронный ресурс] URL: <https://cherkes-leaks.livejournal.com/3902.html> (Дата обращения: 27.05.2018 г.).

4. Месяц, С.И. Население и землепользование Кабарды. – Воронеж: Воронеж. кн. изд-во, 1928. – 191 с.
5. Пожидаев, В.П. Хозяйственный быт Кабарды: историко-этнографический очерк. – Воронеж: Тип. Обл. ред.-изд. к-та НКЗ., 1925. – 106 с.
6. Прасолов, Д.Н. Пастбищное и лесное общинное землепользование в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2005. – С. 80–91. – 156 с.
7. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. 40. Оп. 1. Д. 724.
8. ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 202.
9. ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Т. 2.
10. ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 209.
11. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 709.

УДК 930

Батова Карина Анзоровна
 Кабардино-Балкарский государственный
 университет имени Х.М. Бербекова,
 студентка IV курса направления «История»,
 г. Нальчик, Россия,
 E-mail: batova_karina@inbox.ru

ЭТНО-СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ В НАЧАЛЕ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА

***Аннотация:** В статье рассматриваются причины этно-социальной напряженности в Нальчикском округе накануне Первой мировой войны и роль начальника округа С.К. Клишибиева в ее разрядке.*

***Ключевые слова:** социальная политика, волнения крестьян, С.К. Клишибиев*

Batova Karina Anzorovna
 Kabardino-Balkarian State
 University named after H.M. Berbekov
 IV year student in the direction of History,
 Nalchik, Russia,
 E-mail: batova_karina@inbox.ru

ETHNO-SOCIAL CONTRADICTIONS IN NALCHIK DISTRICT AT THE BEGINNING OF THE FIRST DECADE OF THE XX CENTURY

***Abstract:** The article discusses the causes of ethno-social tension in the Nalchik district on the eve of the World War I and the role of the district chief, S.K. Klishbiev in its discharge.*

***Key words:** social policy, peasant unrest, S.K. Klishbiev*

Начало XX века ознаменовалось в России невиданным обострением социальных противоречий, что наглядно продемонстрировала Первая русская революция 1905–1907 гг. Ее «гвоздем» стал аграрный вопрос. П.А. Столыпин попытался решить его с помощью своего варианта реформы. Реализация ее основных положений в национальных регионах Северного Кавказа осложнялась еще более острым дефицитом земель, нежели в центре страны.

Произвол местных чиновников, старшин сел Нальчикского округа, непосильный налоговый гнет, отсутствие гражданских прав усилили имущественную и социальную поляризацию местного населения, вынуждая многих бедствующих в поисках лучшей доли уезжать в Турцию [6, с. 31].

Представители местной элиты, как правило, возглавляли сельское правление либо совмещали экономическую и административную деятельность. Многие князья и перво-степенные дворяне господствовали в своих селах и, не занимая должностей в общин-

ном самоуправлении, эксплуатировали односельчан, произвольно пользуясь общественной землей, пастбищами и лесами [2, с. 331].

Указанные издержки осложняли социокультурную адаптацию горцев к новым реалиям, дискредитируя мероприятия по освобождению зависимых сословий, земельной реформе, вопросу о воинской повинности, попыткам централизовать и упорядочить «по-имперски» религиозную жизнь [9, с. 35].

С.К. Клишбиев – начальник Нальчикского округа на излете империи – пытался «развязывать узлы» накопившегося клубка противоречий не очень популярными методами. В окружном аппарате управления в 1916 г. из 17 служащих, кроме него, было всего 2 представителя местных народов в качестве помощников начальников участков: Исмаил Хакяшевич Каробугоев и Инал Исмаилович Докшукин [8, с. 252; 3, с. 81].

В начале 10-х годов XX века в Нальчикском округе вспыхнули Чегемское, Хуламское, Зольское и Черекское восстания [5, с. 97]. Это была реакция на принятие «Новых правил» пользования Зольскими и Нагорными пастбищами в рамках Столыпинской аграрной реформы [10, с. 264].

Кабардинские и балкарские князья, таубии и коннозаводчики попытались утилитарно воспользоваться ею для изменения порядка пользования Зольскими и Нагорными пастбищами в своих интересах [4, с. 388].

Постепенный захват Зольских и Нагорных пастбищ начался еще до назначения С.К. Клишбиева начальником Нальчикского округа. «Новые правила» 1907 г., строго запретив сельским обществам строить на участках жилые или хозяйственные постройки и распахивать землю [11, л. 322.], вызвали большой резонанс в обществе.

В начале 1911 г. С.К. Клишбиев на съезде коннозаводчиков Терской области в г. Владикавказе предложил разделить Зольские пастбища на участки и передать их коннозаводчикам. Инициатива нового начальника Нальчикского округа, поддержанная Съездом, имела негативные последствия [1, с. 116].

По Новым правилам Зольские пастбища, разделенные на участки по 40 десятин, отдавались исключительно коннозаводчикам из числа местных князей и кулаков, имевших «табун плодового состава не менее десяти маток при одном производителе» в аренду на 12 лет по цене 2 руб. за десятину в год. Подавляющее большинство горцев бедняков и середняков лишились возможности пользоваться альпийскими пастбищами [12, с. 31–32]. Ввиду нехватки земли они принимали общественные приговоры, жаловались в кавказскую краевую, областную и окружную администрации, тщетно требуя увеличения их земельных наделов.

В 1910 г. в Чегемском обществе вспыхнули волнения балкарских крестьян в связи с тем, что землевладельцы сдавали свои пастбища новым арендаторам в обход их. Возмущенные балкарские крестьяне пригнали туда свой скот, но Клишбиев, противник самоуправления, подавил выступление силой [4, с. 390].

В начале 1912 года взволновались балкарские крестьяне Хуламского общества, недовольные произволом сельских властей при выборах уполномоченных от десяти-дворок [4, с. 390].

Но крупные землевладельцы и скотоводы, проигнорировав тревожные симптомы обострения социальных противоречий, дали импульс Зольскому и Черекскому восстанию (1913 г.) в Нальчикском округе [5, с. 97].

31 мая в с. Наурузово началось всеобщее выступление на Зольских пастбищах. Начальник 1-го участка Нальчикского округа прапорщик Докшоков с отрядом казаков, пытаясь предотвратить акцию, арестовал лидеров движения: Пата Мазанова, Увжуко Гукетлова, Хазыра Озрокова. Но возмущенный народ немедленно освободил арестованных, а Докшоков едва спасся бегством. Этот инцидент послужил сигналом к всеобщему выступлению крестьянских масс, устремившихся на Золку [7, с. 15].

Еще до выступления на Золку наурузовцы предварительно оповестили соседние аулы о совместном выступлении против захвата альпийских пастбищ. Первыми к восставшим примкнули села Ашабово и Тамбиево [12, с. 37].

Получив тревожное известие, Клишбиев сразу выступил с отрядом стражников и настиг восставших за р. Малкой у с. Ашабово. Он предложил им вернуться домой и обратиться с ходатайством об отмене Новых правил по закону. Но представители восставших ответили, что «пастбищные земли являются всеобщим достоянием всего ка-

бардинского народа, что Новые правила лишили все население лучшей части пастбищной земли, чем причинили огромный ущерб скотоводству и овцеводству» [12, с. 37].

Но уговорить крестьян не удалось. Лидер восставших крестьян с. Наурузово Пшемахо Ерижев убедил всех в том, что Новые правила пользования пастбищами невыгодны для народа, что надо протестовать против них [13, с. 122].

К восставшим примкнули жители сел. Тамбиево I, Тамбиево II, Абуково, Кучмазукино, Ашабово, Коново, Тыжево, Атажукино I, Атажукино II. Выступление быстро приобретало массовый характер. Клишбиев 4 июня с ротой солдат и стражников приступил к арестам. Руководитель восстания был осужден на 3 года в ссылку, арестовано более 60 чел. [5, с. 146].

Другим резонансным событием стало Черекское восстание балкарских крестьян, которое началось 22 июля 1913 г. Ситуация была накалена до предела. Первыми выступили 250–300 жителей поселков Верхний и Нижний Шканы. Они действовали так быстро, что начальник Нальчикского округа Клишбиев срочно запросил у начальника Терской области войска для экзекуции восставших. Но в дальнейшем лидеры крестьян Мирза Цораев, Хажимурза Мокаев, Магомет Ораков, упустив инициативу из своих рук, были арестованы [5, с. 146].

Таким образом, ситуация в Нальчикском округе была зеркальным отражением общих социально-экономических и политических противоречий императорской России. Механизм реализации Столыпинской аграрной реформы в Нальчикском округе был запущен еще до назначения С.К. Клишбиева начальником округа.

Его инициатива о передаче основных массивов Зольских пастбищ представителям местной элиты и наиболее имущих слоев населения ориентировалась на максимальное и стабильное производство и поставку лошадей кабардинской породы в российскую армию. При этом интересы социальных низов в этом вопросе были полностью проигнорированы, что дало импульс серии крестьянских выступлений.

Начальник Нальчикского округа С.К. Клишбиев, как гарант поддержания существующего закона и порядка в регионе, решительно силовыми методами умиротворил восставших. Однако он не допустил, в отличие от своих жестких советских критиков, пролития человеческой крови. Напротив, представители местных органов советской власти в конце 20-х – начале 30-х годов XX века решительно использовали оружие для подавления антиколхозных выступлений, не останавливаясь перед человеческими жертвами.

Памятник в честь 70-летия Черекского восстания балкарских крестьян, п. Каухатау

Литература:

1. Ацканов, М.Х. Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии (1860–1917 гг.). – Нальчик: Каб.-Бал. кн. изд-во., 1967. – 131 с.
2. Дзамихов, К.Ф. Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.
3. Дышеков, М.В. Трансформация традиционной элиты Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис.... канд. ист. наук. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2001. – 204 с.
4. История Кабардино-Балкарской АССР В 2-х т. / Под ред. Т.Х. Кумыкова. – М.: Наука, 1967. – Т. 1. – 439 с.
5. Карданов, Ч.Э. Аграрное движение в Кабарде и Балкарии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1963. – 176 с.
6. Каров, А.Х., Мусукаев, А.И. Административно-территориальные изменения в Кабарде и Балкарии в конце XVIII – начале XX вв. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2001. – 44 с.
7. Кокиев, Г.А. Аграрное движение в Кабарде в 1913 году. – Нальчик: Кабгосиздат, 1946. – 20 с.
8. Кумыков, Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX вв. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 328 с.
9. Кушхов, Х.С. Социально-политическое и этнокультурное развитие Кабарды в пореформенное время. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2011. – 199 с.
10. Ленин, В.И. Либеральное подкрашивание крепостничества // Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1973. – Т. 23. – 595 с.
11. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 826. Л. 322.
12. Цораев, М.М. Восстания кабардинских и балкарских крестьян в 1913 г. / Под ред. Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: Каб.-Бал. кн. изд-во, 1963. – 60 с.
13. Щеголев, А.И. Крестьянское движение в Кабарде и Балкарии в годы столыпинской реакции и нового революционного подъема. – Нальчик: Каб.-Бал. кн. изд-во, 1962. – 140 с.

УДК. 947.083

Батчаева Мария Касымовна
Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У.Д. Алиева, к.и.н., доцент кафедры Всеобщей истории,
г. Карачаевск, Россия,
E-mail: mariam31379@mail.ru

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БАТАЛПАШИНСКОГО УЕЗДНОГО ОТДЕЛЕНИЯ «КУБАНСКОГО ОБЛАСТНОГО ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО О ТЮРЬМАХ КОМИТЕТА» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Аннотация: В статье раскрывается история открытия регионального Баталпашинского отделения «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета», занимавшегося благотворительной деятельностью в отношении заключенных, содержавшихся в Отраденской войсковой тюрьме Баталпашинского уезда, анализируются особенности его функционирования на основании изученных архивных материалов Государственного архива Краснодарского края (ГАКК).

Ключевые слова: пенитенциарная система, тюрьма, заключенные, попечительные комитеты, уездные отделения, станция Баталпашинская

Batchaeva Maria Kasymovna
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev,
Ph. D in history, associate Professor of the
Department of General history,
Karachaevska, Russia,
E-mail: mariam31379@mail.ru

SPECIFICS OF FUNCTIONING OF BATALPASHINSKY DISTRICT OFFICE «KUBAN REGIONAL GUARDIANSHIP ABOUT PRISONS OF COMMITTEE» IN THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURIES

Annotation: *The article reveals the history of the opening of the regional Batalpashinsk branch of the "Kuban regional guardianship of prisons Committee", engaged in charitable activities in relation to prisoners held in Otradnensky military prison Batalpashinsky County, analyzes the features of its functioning on the basis of the studied archival materials of the State archive of Krasnodar region.*

Key words: *penitentiary system, prison, prisoners, Board of Trustees, County offices, batalpashinskaya village*

Во второй половине XIX в. попечительство в пенитенциарной системе стало еще более распространенным явлением. Открывались отделения российского «Общества попечительного о тюрьмах» практически во всех губерниях и уездах. Первым на территории Северного Кавказа был открыт «Ставропольский попечительный о тюрьмах комитет» (1849 г.) [11, с. 79] с его отделениями в уездных городах Ставропольской губернии. В 1865 г. в городе Тифлисе с благословения Императора было учреждено особое «Кавказское попечительное о тюрьмах общество». Так, в копии отношения «Кавказского комитета» в Санкт-Петербурге к Наместнику Кавказскому от 25 апреля 1865 года помимо прочего отмечалось, что: «Государь Император... 1) Высочайше соизволил повелеть учредить для Кавказского и Закавказского края особое попечительное о тюрьмах на основании правил... 2) все тюремные комитеты с отделениями оных, как существующий уже в городе Ставрополе и вновь учрежденный в Тифлисе, так и те, кои впредь будут открываться на Кавказе и за Кавказом и т. д.» [4, л. 4.]. А в 1867 г. был открыт «Екатеринодарский войсковой тюремный комитет» [11, с. 131], переименованный в 1873 г. в «Кубанский областной попечительный о тюрьмах комитет». В дальнейшем были образованы несколько его уездных отделений: Баталпашинское (1873 г.), Ейское (1874 г.), Темрюкское (1874 г.), Майкопское (1875 г.) и Кавказское (1877 г.) [11, с. 145].

Вслед за оформлением «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета» было принято решение об открытии его уездных отделений. Отметим, что в Кубанскую область входили 7 уездов: Баталпашинский, Ейский, Екатеринодарский, Майкопский, Лабинский, Кавказский, Темрюкский. Были отосланы запросы о согласии учредить уездные тюремные отделения к администрации уездов Кубанской области.

Несколько позже, 11 марта 1874 г., начальник главного управления наместника Кавказского по канцелярии в г. Тифлисе сообщил вице-президенту «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета» о том, что «Государь Император Высочайше соизволил 20 февраля на утверждение нижеследующих лиц в звании Директоров отделений «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета» [3, л.80-80об]. Так, в должности директоров Баталпашинского отделения «Кубанского комитета» были назначены уездный начальник Н.Г. Петрусевич, старший помощник уездного начальника Кузовлев, уездный врач Хатунцов, смотритель уездного училища Шинкаренко, судебный следователь Поляков, мировой судья Еременко, благочинный священник Касимов» [3, л. 82].

В работе Баталпашинского отделения «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета» активно участвовали почетные граждане Баталпашинского уезда, принимая на себя, согласно своим должностям, различные обязанности директоров комитетов. Надо отметить, что многие известные люди дали согласие на участие в благотворительной деятельности попечительных Комитетов. Так, 14 мая 1873 г. в «Кубанский попечительный о тюрьмах комитет» за №279 от 3 мая пришло сообщение о согласии штатного смотрителя уездного училища станицы Баталпашинская быть директором Баталпашинского уездного отделения «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета», согласно ст. 42 Устава содержащихся под стражей Свода законов [3, л. 18], что позволило организовать в дальнейшем небольшую тюремную школу при Баталпашинской областной тюрьме.

Все претенденты на звание директоров Баталпашинского Комитета, согласно «Правилами общества попечительного о тюрьмах», были проверены на благонадежность. На запрос о том, состоят ли вышеперечисленные директора под судом и следствием и не принадлежат ли к каким-либо сектам, вице-президентом Кубанского комитета от 15 декабря 1873 г. был дан ответ о том, что «...все поименованные лица под судом не состоят и ни к каким сектам не принадлежат» [3, л.

75], в связи с чем он просил «утвердить их в звании Директоров уездных тюремных отделений и открыть действия оных» [3, л. 75].

При этом устанавливалось, что директорами, как и в «Кубанском областном попечительном о тюрьмах комитете», не могли быть избираемы: «1) лица, получающие жалование из сумм Общества, 2) смотритель замка, 3) лица, состоящие или бывшие под судом, 4) несостоятельные должники» [2, л. 8]. Кроме того, директора Комитета, как было установлено «Правилами», перед вступлением в должность обязаны были выплатить в качестве ежегодного пожертвования по 10 рублей. От этой платы освобождались только медики и духовные лица, поступившие на службу при тюремном замке. Каждый директор получал специальный билет, подписанный вице-президентом Комитета, для беспрепятственного входа в места заключения и для ознакомления с заключенными и жизнью тюремного замка.

Содержание билетов, полученных всеми директорами Комитета и его отделений, было следующим: «Предъявитель сего Исправляющий должность директора Войскового комитета Общества попечительного о тюрьмах генерал-майор Борзаков (для каждого директора его фамилия), на основе ст. 43 Устава содержащихся под стражей, имеет право на вход в места заключения арестантов, находящихся в Екатеринодаре, для чего и дан сей за подписью моей с приложением печати канцелярии моей по званию Наказного атамана в Екатеринодаре. 13 июля 1867 г. подписал граф Сумароков-Эльстон» [2, л. 42].

На заседании «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета» 15 декабря 1873 г. вице-президент Комитета генерал-майор М.А. Цакни публично сообщил о «повелении» императора с 22 февраля 1873 г. учредить отделения «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета» в уездных городах Кубанской области [3, л. 79-79об].

Уездные отделения «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета» начали свою благотворительную деятельность в следующем порядке: Темрюкское отделение было открыто 7 июля 1874 г. [3, л. 89], Ейское отделение – 11 августа 1874 г. [3, л. 92.], Майкопское отделение начало свою работу 4 января 1875 г. [3, л. 95]. Баталпашинское уездное отделение было открыто немного ранее – в 1873 г. [3, л. 97.] На этом процесс открытия отделений не завершился. Так, 31 января 1877 г. в связи с тем, что станция Прочно-Окопская, в которой имелась войсковая тюрьма и лазарет, из-за нового административного деления перешла из Баталпашинского уезда в состав Кавказского уезда, начальник Кубанской области вице-президент «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета» обратился к Кавказскому уездному начальнику с предложением открыть отделение попечительного Комитета в этом уезде: «Признаю необходимым для дальнейшего заведования указанной тюрьмой образовать Кавказское отделение» [5, л. 3].

По данным Памятной книжки и Кубанского календаря, в последней трети XIX – начале XX в. начальниками Баталпашинской уездной тюрьмы были: в 1876 г. – войсковой старшина Антон Васильевич Бочаров, в 1883 г. – коллежский регистратор Феофан Федорович Евфремов, в 1894 г. подъяесаул Александр Маркович Васильев, в 1899–1900 гг. – губернский секретарь Яков Никифорович Валенко, в 1901 г. – и.д. коллежский регистратор Ефим Васильевич Луговский, в 1902–1903 гг. – титулярный советник Даниил Федорович Фарафонов, в 1904–1905 гг. – надворный советник Иван Каллистратович Захаров, в 1909–1911 гг. временно исполнял должность начальника тюрьмы не имевший чина Иван Петрович Борисенко, в 1912–1913 гг. временно исполнял должность начальника тюрьмы не имевший чина Григорий Степанович Щербаков, в 1915 г. исполнял должность коллежский регистратор Игнат Федорович Спичак [7, с. 105].

С момента учреждения Баталпашинского уездного комитета заключенных в Отраденской войсковой тюрьме стали содержать отдельно в соответствии с видами совершенных ими преступлений. По возрасту и полу подсудимых содержали отдельно. Кроме того, как и было предписано, особое внимание уделялось режиму дня, качеству пищи, оказанию врачебной помощи, наличию одежды у заключенных в связи с тем, что в горном регионе климат намного холоднее. Так, например, согласно донесению Председательствующего директора Баталпашинского уездного отделения «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета» старшего помощника уездного

начальника Ф.А. Кузовлева от 4 июля 1880 г. №12849 был сделан запрос на приобретение следующих вещей, необходимых арестантам: «Котов – 5 пар, портков – 3 штук, рубах мужских – 3 штук, женских рубах – 2 штук, армяков суконных – 4 штук, портянок – 6 пар, юбок холщевых – 2 штуки, обувь – 3 пары, платок головной – 1, рукавицы с ва-режками – 2 пары» [6, л. 5].

Баталпашинская тюрьма, как и многие уездные тюрьмы изучаемого периода, размещалась в войсковом здании бывшей бригадной гауптвахты, в которой имелось 5 камер и помещалось до 40 человек (но бывало и до 60–115) [8, л. 20]. К сожалению, особых помещений для лечения больных не было, поэтому заключенные лечились в Баталпашинской войсковой больнице. Двор тюрьмы был огорожен досками. Здание тюрьмы ремонтировалось ежегодно на войсковые суммы. Что касается продовольственного обеспечения, то на каждого арестанта выделялось 5 коп. в сутки (на муку и другие продукты), хлеб пекли в тюремной кухне сами заключенные и получали его по 2,5 фунта в сутки [8, л. 20об]. Еще одной особенностью являлось то, что в тюремных отделениях учитывалась специфика питания, которая регулировалась религиозными канонами. Так, заключенные получали ежедневно: православные – борщ со свиной, горцы – суп, в постные дни с постным маслом, а в обычные с бычьей головой, гусем или бараниной [8, л. 21], причем зачастую пищу для себя заключенные готовили сами. Специального помещения для работы при тюрьме также не имелось, поэтому заключенные занимались лишь заготовкой дров и чисткой двора. Утром и вечером все заключенные читали молитвы и занимались чтением журналов, а также книг духовно-нравственного содержания. В большие праздники и дни поминовения наставники Баталпашинска делали пожертвования печеным хлебом, «каковой поступает в тот же день в раздачу между арестантами, смотря по свойству приношений» [8, л. 21об].

Ежегодные статистические сведения о количестве заключенных Баталпашинской тюрьмы в архивных материалах нами не найдены. Тем не менее известно, что в Баталпашинской тюрьме в 1895 г. содержалось: мещан – 7, купцов – 1, крестьян – 7, казаков – 37, людей военного сословия – 2, горцев Кубанской области – 174, остальных категорий – 6. Из них младше 17 лет – 14, от 17–20 – 33 человека, от 21–30 лет – 110, от 31–40 лет – 42, от 41–50 лет – 140, от 51–60 лет – 16, более 60 лет – 5 человек [8, л. 17–18].

Согласно данным Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 года, которую приводит В.Н. Марков в своей работе «История в истории: тюремное ведомство Кубанской области», в Баталпашинском отделе содержался лишь один мужчина, в ст. Баталпашинской – 57 человек [7, с. 13], что, на наш взгляд, не совсем соответствует действительности.

История деятельности Баталпашинского попечительного о тюрьмах Комитета длилась недолго и завершилась к 1915 году. В качестве председателя и директоров Баталпашинского уездного отделения «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета» на 1 января 1915 г. числились: «Войсковой старшина – Степан Львович Безладнов – председатель, лекарь – Григорий Степанович Демьянов – врач. Приглашенные: отец Петр Федорович – священник, надворный советник – Алексей Алексеевич Потебня – казначей, коллежский асессор Эдвард Давыдович Саргсянц – заедующий делопроизводством, надворный советник – Георгий Семенович Медник, титулярный советник – Савва Давыдович Лисицын, коллежский секретарь – Анатолий Иванович Подгорный, губернский секретарь – Юрий Михайлович Радин, коллежский регистратор – Хаджи-Мурза Туганович Алиев, коллежский регистратор – Владимир Косякин, не имеющий чина Георгий Михайлович Кесав» [10, л. 20].

Еще одной особенностью Баталпашинского уездного отделения «Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета» являлось то, что особое внимание уделялось условиям содержания заключенных в тюрьмах, с учетом особенностей горного региона, о чем свидетельствует «Постановление Баталпашинского отделения Кубанского областного попечительного о тюрьмах комитета об отпуске средств на отопление тюрем (о разных предметах)»: «... 1) возбудить пред главным тюремным отделением через Кубанский попечительный о тюрьмах комитет ходатайство о разрешении отопления зданий Баталпашинской тюрьмы в предложении не пяти, а шести зимних месяцев, начиная с 15 октября по 15 апреля ежегодно, за счет подлежащего источника, так как, хотя тюрьмы Кубанской области в отношении

отопления по расписанию и отнесены к южной полосе, но ввиду особенных климатических и географических условий, в которых находится Баталпашинский отдел, занимающий часть нагорной плоскости Главного Кавказского хребта, зимний период наступает гораздо раньше, чем в остальных местностях Кубанской области, продолжается более 15 апреля, благодаря чему содержащимся в тюрьме приходится выносить холод, да притом еще в летней одежде, 2) ввиду вышеизложенных обстоятельств возбудить также ходатайство перед тем же учреждением о разрешении употреблять в носку зимнюю арестантскую одежду в тот же период времени, т. е. с 15 октября по 15 апреля. Подлинное за надлежащими подписями. Верно: заведующий делопроизводством, директор Иван Горбачевский» [9, л. 1].

Вторая часть этого же документа отражает, насколько прозрачно и честно была организована работа Баталпашинского уездного отделения, находившаяся под контролем Ставропольской контрольной палаты, которая оставила свое постановление №14 от 18 октября 1901 г. относительно взыскания с бывшего начальника тюрьмы гражданина Шишкина денег за утраченные вещи: «Просить г. Атамана Кавказского отдела о взыскании с бывшего начальника Баталпашинской тюрьмы гражданина Шишкина с 15 октября по 15 апреля 39 руб. 69 коп. за утраченные казенные арестантские вещи, согласно отзыва Контрольной палаты за №10058» [9, л. 2].

К сожалению, никаких сведений о наличии женского отделения «Баталпашинского уездного отделения» в архивных фондах Краснодарского края обнаружить не удалось, но при этом отметим, что все же, как и было положено, согласно «Правилам», женщины-заключенные содержались отдельно.

Таким образом, деятельность «Баталпашинского благотворительного уездного комитета» была построена в полном соответствии с существующим «Уставом общества попечительного о тюрьмах» и «Правилами общества попечительного о тюрьмах», особенно в той части, которая касалась уездных отделений попечительных о тюрьмах комитетов. Естественно, что «Баталпашинский благотворительный уездный комитет» имел свои региональные особенности в структуре, в формах и методах своей деятельности, связанные с особенностями местного самоуправления, что, впрочем, никак не отразилось на работе самого попечительного комитета. Но в целом действия регионального отделения, как и главного «Комитета», были направлены на улучшение состояния тюрем и условий содержания заключенных в местах заключения подведомственных этим благотворительным попечительным о тюрьмах комитетам.

Литература и источники:

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 296. Оп. 1. Д. 2а. Л. 94.
2. ГАКК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
3. ГАКК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 246. Л. 79.
4. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 365. Л. 4.
5. ГАКК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 410. Л. 3
6. Марков, В.Н. История в истории: тюремное ведомство Кубанской области. – Майкоп: Изд-во ИП Солодовникова А.Н., 2012. – 186 с.
7. ГАКК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 531. Л. 1–17.
8. ГАКК. Ф. 461. Оп. 2. Д. 30. Л. 20
9. ГАКК. Ф. 461. Оп. 2. Д. 207. Л. 20.
10. ГАКК. Ф. 461. Оп. 2. Д. 117. Л. 1.
11. Батчаева, М.К. Деятельность российского «Общества попечительного о тюрьмах» во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Ставрополья и Кубани. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук. – Ставрополь, 2009. – 220 с.

Бегулов Рустам Маратович
Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева,
профессор кафедры истории России,
г. Карачаевск, Россия,
E-mail: r_begeul@mail.ru

ИММИГРАЦИЯ И ЭМИГРАЦИЯ В КАРАЧАЕ И БАЛКАРИИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ЮЖНОКАВКАЗСКИЙ ВЕКТОР

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с миграцией части карачаевского и балкарского народов в XVIII – первой половине XIX в. на южные склоны Кавказского хребта, а также переселения отдельных групп населения Южного Кавказа в Карачай и Балкарию в то же время.

Ключевые слова: Карачай, Балкария, Южный Кавказ, миграции, переселенцы

Begeulov Rustam Maratovich
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev,
Professor of Russian history chair,
Karachaevsk, Russia,
E-mail: r_begeul@mail.ru

IMMIGRATION AND EMIGRATION IN KARACHAY AND BALKARIA IN THE XVIII – FIRST HALF XIX CENTURY: THE SOUTH CAUCASIAN VECTOR

Annotation. The article deals with the migration of part of the Karachay and Balkar peoples in the XVIII – first half of the XIX century to the southern slopes of the Caucasus range, as well as the resettlement of certain groups of the population of the South Caucasus in Karachay and Balkaria at the same time.

Key words: Karachay, Balkaria, South Caucasus, migration, migrants

Иммиграционные и эмиграционные процессы в карачаево-балкарских обществах в упомянутой хронологический период до сегодняшнего дня являются малоизученным вопросом. Во многом это связано с недостаточным количеством источников, выявленных по данной проблематике. Однако даже те из них, что имеются в наличии, позволяют говорить о том, что в период XVIII – первой половины XIX в. происходили как существенные миграции карачаево-балкарского населения за пределы тех регионов, где они стабильно локализовались в указанный период, так и переселения значительных иноэтнических групп в Карачай и Балкарию, а границы этнической территории в упомянутых регионах подвергались гораздо большим изменениям, чем до сих пор было принято считать.

Одним из направлений карачаево-балкарской миграции был Южный Кавказ. В этот регион переселялись не только отдельные люди или семьи, но и происходили более массовые миграции отдельных групп. Карачаево-балкарские мигранты периодически образовывали на южных склонах Кавказского хребта компактные поселения. Так, например, еще в 20-е гг. XIX в. в верховьях Большой Лиахвы была отмечена группа балкарского населения, которая приняла христианство и насчитывала 549 душ обоего пола [1, с. 403]. Кроме того, в Балкарии сохранились представления о жителях селения Чиора в Грузии как об огрузинившихся балкарцах. Представители рода Рехвиашвили из этого села также помнят о своих балкарских корнях [2, с. 105].

Сходные процессы проходили и в Карачае. Например, вызвала всплеск миграционных настроений среди части населения сложная военно-политическая и экономическая обстановка 1830-х гг. Как сообщал в 1834 г. генерал-лейтенанту Вельяминову командовавший Кабардинской линией полковник Пирятинский: «...карачаевский народ с 25 числа сего месяца (мая. – Р.Б.) начал переселяться... к урочищу, называемому Дал и прилегающему к медиветовскому народу (медовеевцам. –авт.). Черный карачаевский народ долго противился на переселение, но убеждениями и принуждением старшин

(князей. – *Р.Б.*) карачаевских склонен...» [8, л. 1] Упомянутое в тексте сообщение урочище, или правильное округ, Дал (в верховьях рек Ацгара (Чхалта), Кодор и других), как известно, находится по соседству с Карачаем на территории Абхазии.

Следует отметить, что это был далеко не первый случай миграционной активности карачаевцев в сторону Закавказья. Как известно, в 1788 г. представители карачаевской политической элиты направили послание генералу Текели, в котором сообщали о нарастающих коллизиях с представителями российского командования и кабардинскими феодалами. В случае продолжения с их стороны политики «притеснений» карачаевцы, в частности, заявляли, что могут «перекочевать за горы» [7, л. 44]. Возможно, что в данном случае также имелись в виду, прежде всего, соседнее с Карачаем ущелье реки Ацгары (Чхалты) или долина Ненскры, расположенная за кавказским хребтом южнее Карачая и, насколько нам известно, не имевшая постоянного населения в то время.

Впрочем, массового переселения карачаевцев на территорию современных Абхазии и Сванетии в рассматриваемый период все-таки не произошло. В то же время отдельные люди и семьи регулярно переселялись в Цебельду. Как сообщалось в одном из документов середины XIX в., описывавшего этот абхазский округ, «народонаселение Цебельды увеличивалось выходцами из соседних областей» [6, л. 32об].

Относительно крупная волна переселенцев из Карачая в Абхазию имела место в 1855 г. Миграционный процесс был детерминирован последствиями августовского антироссийского восстания, подавленного войсками. Часть организаторов, руководителей и активных участников мятежа, опасаясь репрессий со стороны российских властей, скрывалась или мигрировала. Так, один из политических и духовных лидеров восстания, кадий Магомет Хубиев перебрался в контролируемую тогда османами Абхазию, «уведя с собою до двадцати семейств черного народа» [3, л. 6]. Позднее карачаевский кадий сдался российским властям, получив наказание в виде ссылки (в 1868 г. он был амнистирован и вернулся на родину). Судьба же других карачаевских семей, ушедших вместе с ним, нам неизвестна. По-видимому, они либо остались в Абхазии и ассимилировались в местной этнической среде, либо, что скорее всего, перед возвращением в Сухум российских войск мигрировали в Османскую империю.

В то же время происходили и обратные переселения – из Абхазии в Карачай. Особенно они были распространены в среде цебельдинцев. Так, в 1837 г. карачаевский пристав Семен Атарщикова сообщал, что «цебельдинский владелец Шабат был выдан родственниками русскому начальству. А оставшиеся его подданные до 80 семейств приходили к Суранову (Крымшамхалову. – *Р.Б.*) и просили его защиты и дозволения переселиться в Карачай...» [9, л. 44об] По информации Атарщикова, карачаевский князь дал свое разрешение на переселение, не поставив об этом в известность ни пристава, ни вышестоящее начальство, намереваясь таким способом расширить число подвластного населения и «подкрепить свои силы в народе» [9, л. 44об].

Но, как оказалось, это был только первый поток переселенцев, детерминированный проблемами установления российской администрации в Цебельде. Буквально через год после описанных выше событий на северные склоны Кавказского хребта стала переселяться часть цебельдинских князей Маршания. При этом их переселение в Теберду было далеко не случайным. Одна из дочерей абхазского аристократа Кадырбея Маршания вышла замуж за карачаевского князя Идриса Карабашева, который проживал в Дуутском ущелье и владел землями в Тебердинской долине. Воспользовавшись родственными связями с представителем тогдашней карачаевской элиты, Кадырбей вместе с родными братьями (Асланбеком и Мисостом), несколькими семьями подвластных крестьян и «всеми стадами» перевалил через Кавказский хребет и поселился на речке Агур, недалеко от впадения ее в Теберду [8, л. 3]. Образовавшийся поселок первоначально был небольшим (всего 15 домов), но в 1841 г. число его жителей увеличилось. Очередная карательная экспедиция российских военных привела к тому, что часть оппозиционно настроенных в отношении России цебельдинцев также последовала по маршруту, проложенному Кадырбеем. После этих событий численность данного селения, получившего в русских документах название «аул Кадырбея Маршания», составила приблизительно 260 человек [8, л. 3]. В ауле проживали также крестьяне Карабашевых, но в 1855 г. это поселение было сожжено российскими войсками, а население бежало в Абхазию.

Помимо абхазов в Карачай и Балкарию также часто переселялись значительные группы сванского населения. В 1743 г. кабардинские и кумыкские феодалы сообщали,

что сваны «живут на вершинах реки Баксана, близ вершин реки Кумы и Кубани» [5, с. 31]. Немало их было и в Холамском обществе Балкарии. Г.Ю. Клапрот, упоминая это балкарское общество, сообщал, что «деревня Хулам (Холам. – Р.Б.) населена суанскими семьями, которые одеваются на имеретинский лад и называются сони. Они живут не только здесь, но и разбросаны также в соседних горах Кашка-Тау...» [4, с. 256]

Таким образом, в описываемое время происходили не только переселения отдельных групп карачаевцев и балкарцев в Грузию и Абхазию, но и имел место довольно большой миграционный приток в Карачай и Балкарию с юга. По имеющимся данным, он превосходил карачаево-балкарскую эмиграцию того времени. Большая часть переселенцев – грузин, абхазов и представителей других этносов – инкорпорировалась в состав карачаевцев и балкарцев.

Литература:

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК) / Под ред. А.Д. Берже. Т. VI. Ч. 1. – Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавказского, 1874. – 941 с.
2. Барзбиев, М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 112 с.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 774. Оп. 1. Д. 356. Л. 6.
4. Клапрот, Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 и 1808 годах // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 235–280.
5. Кокиев, Г. Материалы по истории Осетии (XVIII в.) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – Орджоникидзе, 1934. Т. VI. – 345 с.
6. Национальный центр рукописей Грузии имени К. Кекелидзе. Ф. Вейденбаум. Д. 1369. Л. 32об.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 481. Л. 44.
8. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 411. Л. 3.
9. РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 168. Л. 44об.

УДК 94(470+571)

***Бегуев Сулейман Ахьятьевич**
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»,
старший преподаватель кафедры музееведения и культурологии;
Академия наук Чеченской Республики, старший научный сотрудник
отдела истории народов Северного Кавказа,
г. Грозный, Россия,
E-mail: sbeguev@mail.ru*

НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1917–1918 ГГ.

***Аннотация:** В данной статье рассматриваются проблемы национально-политического самоопределения народов Северного Кавказа в 1917–1918 гг. Значительный интерес представляет провозглашение Союза объединенных горцев и создание Горской республики. Большое внимание уделяется избранию национальных комитетов и созыву национальных съездов и советов.*

***Ключевые слова:** автономия, Горская республика, государственность, интеллигенция, революция, самоопределение, Северный Кавказ, Союз объединенных горцев*

***Beguev Suleiman Akhatievich**
FSBEI HE «Chechen State University»,
Senior Lecturer of Museology and Cultural Studies Department;
Academy of Sciences of the Chechen Republic,
Senior Researcher of North Caucasian peoples' history department,
Grozny, Russia,
E-mail: sbeguev@mail.ru*

NATIONAL-POLITICAL SELF-DETERMINATION OF PEOPLE OF NORTH CAUCASUS IN 1917–1918

Abstract: *This article discusses the problems of national-political self-determination of people of North Caucasus in 1917–1918. The proclamation of the Union of United Highlanders and the creation of the Mountain Republic are of significant interest. Much attention is paid to the election of national committees and conventions of national congresses and councils.*

Key words: *autonomy, Mountain Republic, statehood, intelligentsia, revolution, self-determination, the North Caucasus, the Union of United Highlanders*

Предпосылки национально-политического самоопределения народов Северного Кавказа формировались на протяжении XVI – начала XX вв. До второй половины XIX века Северный Кавказ еще не был подчинен единой государственной политической организации. Его политические силы не были закреплены единой политической системой и, несмотря на то, что рядом существовали такие мощные державы, как Россия, Турция и Иран, имели возможность действовать по своим внутренним убеждениям [1, с. 20–21].

Национально-политическое самоопределение горских народов Кавказа в условиях революционных событий и гражданской войны – одна из традиционных проблем исследования отечественной исторической науки. Историография советского периода внесла существенный вклад в изучение проблем национально-политического строительства горских народов, которое представлялось как целенаправленный и последовательный процесс эволюции форм государственности.

В постсоветский период начинается новый этап исторической рефлексии проблем государственно-политических процессов в регионе. Сущностью и результатом исследовательских изысканий стали введение в научный оборот большого массива новых архивных документов и материалов, переоценка многих прежних установок.

По сравнению с советским этапом развития кавказоведения, когда существовала четко сформулированная концепция национально-политического развития народов Северного Кавказа, современная историография рассматриваемой проблемы была лишена качественно новой теоретической базы.

Значительный интерес вызывают политические процессы, инициированные на Северном Кавказе в результате Февральской революции 1917 года в России. Ключевыми проблемами для современных исследователей являются образование Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, проведение 1-го съезда горских народов Кавказа в начале мая 1917 г.

Февральская революция и либерализация российской государственной политической системы создали благоприятные условия для возникновения и развития национально-политических движений и реализации политических идей горских народов Северного Кавказа.

Начались бурные события, всколыхнувшие горские народы. Областные, окружные и участковые начальники были отстранены от управленческой деятельности, началось создание национальных государственных образований и правительств во главе с демократически настроенной интеллигенцией, а также созывы национальных съездов и советов.

Вассан-Гирей Джабагиев еще в 1905 г. высказывал мнение о необходимости автономного самоуправления и самоопределения горских народов. Он полагал, что автономия будет способствовать национальному возрождению народов Кавказа [3, с. 27].

На 2-м «горском» совещании, состоявшемся 6 марта, Магомед Джабагиев и Рашидхан Капланов убеждали своих коллег в том, что в областном комитете каждый из горских народов должен иметь хотя бы по одному представителю и что горцы не только могут получить места, где и сколько угодно, но могут и должны стать полноправными хозяевами своего края [4, с. 15]. Тогда же был избран временный Центральный комитет объединенных горцев для сосредоточения усилий национальной демократии по переустройству жизни народов Кавказа, который затем созвал Первый съезд горских народов [2, л. 3–4]. В него вошли балкарец Басият Шаханов, осетины Гаппо Баев, Измаил Баев, Сафарбек Дударов, Александр Цагоров, Владимир Абаев, карачаевец Магомед Абуков, дагестанец Башир Далгат, кумыки князь Рашидхан Капланов, Таджуддин Пензулаев, ингуши Тонта Укуров, Гапур Ахриев, Бексултан Льянов, кабардинцы Пшемахо Коцев и Таусултан Шакманов, чеченец Абдул-Межид Чермоев. Руководителем

был избран Басият Шаханов, финансировал работу комитета Абдул-Межид Чермоев. С призывом к сотрудничеству и конкретными предложениями делегаты комитета были направлены на Кубарь и Южный Кавказ [1, с. 29].

1–7 мая 1917 года во Владикавказе проходил Первый съезд горских народов, на который съехались представители от всех горских народов Северного Кавказа. В нем приняли участие около четырехсот делегатов.

Съезд проходил под председательством Басията Шаханова. При открытии съезда Шаханов выразил общие чаяния кавказских народов: «В России, несомненно, будет установлена республика, т. е. народоправство с выборным парламентом и ответственным перед народом правительством во главе с выборным же президентом. <...> Нам, горцам Кавказа, необходимо разобраться во всем происшедшем перевороте и занять определенную позицию в теперешнюю, решающую судьбы наши, может быть, на сотни лет вперед историческую эпоху. <...> Свободное государство, республика, даст возможность всем входящим в нее народностям устроить свою жизнь на началах полного самоуправления, самоопределения и автономии» [5, с. 16–17].

В этом выступлении фактически очерчены основные контуры идеологии будущего союза. Исходными пунктами идеологической доктрины национального интеграционного движения кавказских горцев стали три главных тезиса. Первый тезис – свободу горским народам принесла русская революция. Второй тезис – горцы должны объединиться «от Черного до Каспийского моря» и организовать «в союз для закрепления свободы и устройства жизни на демократической основе». Третий тезис – необходимо как внутреннее, так и внешнее единение, т. е. единение с революционными силами России в целом [4, с. 50].

Съезд объявил автономию и обозначил Союз объединенных горцев как «единый правительственный орган». В состав Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана вошли все горские народы, а также ногайцы и туркмены Ставропольской губернии [1, с. 32].

Ни в самом съезде, ни в его центральном комитете классовой дифференциации еще не было. Поражало наличие на съезде большого количества мулл и шейхов. Ни финансов, ни аппарата управления, ни милиции он не имел.

Для самоуправления и самоопределения горских народов на местах создавались национальные советы и комитеты. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и его исполнительный орган – «Центральный комитет» должны были объединить все горские народы Кавказа, а также ногайцев и туркмен и сплотить их для защиты свобод, полученных благодаря революции [6, л. 5-об].

Национально-политические перспективы народов Кавказа, в частности, были связаны со способностью Союза объединенных горцев решать проблемы, существовавшие у них на тот период. Большого внимания требовал земельный вопрос, который на Кавказе вызывал межнациональную вражду. Требования к немедленному решению этого вопроса раздавались в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Осетии, Балкарии и Карачае. Но первый горский съезд, в принципе признавая, что земля должна принадлежать трудящемуся населению, отложил ее до Учредительного собрания [7, с. 15].

После началось размежевание Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана; горская интеллигенция не смогла укрепить свои позиции на политической арене. А мусульманское духовенство, наоборот, укрепило свое положение на этой волне. Имея большую поддержку от верующих горцев, мусульманское духовенство стремилось отеснить терявшую доверие народа интеллигенцию [8, л. 45].

Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде и провозглашение России советской республикой коренным образом изменили ход событий в стране в целом. На Северном Кавказе эти события также нашли горячий отклик. Центральный комитет Союза объединенных горцев отказался признать новое Советское правительство и взял курс на отделение от нее. 15 ноября 1917 г. он объявил о преобразовании Союза горцев Кавказа со столицей во Владикавказе, а Центральный комитет – в правительство во главе с Абдул-Межидом Чермоевым [9, с. 202–203].

Горское правительство продолжало защищать идею объединения народов Кавказа, выдвинутую еще в мае Первым съездом. Оно обозначало своей целью достижение равенства и жизненного благополучия граждан образованной республики, ее независимость и полную самостоятельность. Первоочередными задачами республики были объ-

явлены защита Северного Кавказа от гражданской войны и организация жизни граждан на демократических основах. В ее состав входила Дагестанская область, шесть горских округов и Караногайский участок Терской области, а также ногайские и туркменские земли Ставропольской губернии [5, с. 59–60].

На антибольшевистской платформе предпринимались попытки объединения усилий горцев с казаками. 1 декабря 1917 года Войскового правительства и ЦК Союза объединенных горцев была издана совместная декларация о создании Терско-Дагестанского правительства, представляющая Терское казачье войско и Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, объявленные «автономными единицами» Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и свободных степных народов.

Терско-Дагестанское правительство было создано в первую очередь для установления «твердой власти» в области. Основными задачами этой организации являлись скорейший созыв Учредительного собрания, обеспечение спокойствия и порядка, борьба с финансовой и хозяйственной разрухой, подготовка соответствующего интересам трудящихся разрешения земельного вопроса, содействие созданию общепризнанной демократической центральной власти и заключения демократического мира.

В условиях значительного ослабления сил демократической интеллигенции и падения войскового и Горского правительств большевистские организации Терека и руководимые ими советы рабочих и солдатских депутатов вновь активизировали свою деятельность. Обстановка на Тереке в январе-феврале 1918 г. претерпела значительные изменения. Роль Терско-Дагестанского правительства была сведена на нет [10, с. 206].

Терско-Дагестанское правительство, уже не имевшее никакой власти, еще в январе и феврале продолжало печатать приказы и декреты в своем «Вестнике» о назначениях и увольнениях и тщетно готовилось к выборам в Терско-Дагестанский Краевой учредительный сейм, которому не было суждено родиться на свет [6, л. 60].

В марте 1918 года с провозглашением Терской советской республики Терско-Дагестанское правительство распалось. Членам правительства пришлось эмигрировать в Грузию, где в мае 1918 года некоторые из них вошли в руководство Горской республики, о создании которой было объявлено 11 мая 1918 года.

Большевики ложью и обманом предпринимали попытки привлечь на свою сторону северокавказские народы.

В середине 1918 г. положение обеих республик только ухудшилось. Поиски поддержки в Германии и Турции для Горской республики не увенчались успехом. Не увенчались успехом и предпринятые попытки взаимосоглашения между представителями Горской и Терской республик.

В феврале 1919 года оккупация региона добровольческой армией положила конец как Терской, так и Горской республикам.

Литература:

1. Даудов, А.Х., Месхидзе, Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 гг.). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. – 224 с.
2. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 259.
3. Бегуев, С.А. Из истории создания национальных правительств горцев Северного Кавказа 1917 г. // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа / Сборник научных статей V Международной конференции / Отв. ред. Сампиев И.М. – Назрань: ООО «КЕП», 2017. – 400 с.
4. Музаев, Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа. 1917 – март 1918 года. 2-е изд. испр., доп. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2012. – 608 с.
5. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Изд. второе испр., доп. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. – 290 с.
6. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 240.
7. Тахо-Годи, А. Революция и контрреволюция в Дагестане. 2-е изд. – Махачкала: Дагестанский науч.-исслед. ин-т, 1927. – 236 с.
8. Рукописный фонд СОИГСИ ВНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 290а.
9. Половцов, П.А. Дни затмения: записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году. – Париж: Возрождение, 1918. – 206 с.
10. История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. – Т. II. – История Чечни XX и начала XXI веков. – 832 с.

Бердиев Заурбек Пахатович
Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета»
институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
г. Черкесск, Россия,
E-mail: Berdiev53@mail.ru

**ВКП(Б): ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ И «ЛИШЕНЧЕСТВО» В КАРАЧАЕ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ НАРОДА
(1926–1936 гг.)**

Аннотация: Статья исследует роль местных органов ВКП(б) в руководстве перевыборами Советов и лишением избирательных прав в Карачае как инструмента укрепления ее власти. Прослежена трансформация советской избирательной системы на примерах перевыборных кампаний Советов с момента образования Карачаевской автономной области до отмены института лишения избирательных прав. Дана оценка репрессивной сущности политики партийно-государственной власти по формированию своего всевластия.

Ключевые слова: руководство ВКП(б) перевыборами Советов и «лишенчеством»; избирательные инструкции, комиссии и кампании; «социальная селекция»

Berdiyev Zaurbek Pahatovic,
Karachay-Circassian order «Badge of Honor»
Institute for Humanities research
under the Government of the Karachay-Circassian Republic,
Ph.D in history, senior researcher,
Cherkessk, Russia,
E-mail: Berdiev53@mail.ru

**VKP/B/ (COMMUNIST PARTY): RE-ELECTION OF THE SOVIETS AND
"DEPRIVATION" IN KARACHAY AS A FACTOR IN THE FORMATION
OF MASS CONSCIOUSNESS OF THE PEOPLE (1926–1936)**

Annotation. The article explores the role of local organs of the CPSU (b) in the management of the re-election of the Soviets and disenfranchisement in Karachay as a means of strengthening her power. The transformation of the Soviet electoral system on the examples of election campaigns of the Soviets from the formation of the Karachay Autonomous region to the abolition of the institution of deprivation of electoral rights is traced. The author assesses the repressive nature of the policy of the party-state power on the formation of its omnipotence.

Key words: leadership of the CPSU (b) re-election of the Soviets and «disenfranchisement»; electoral instructions, commissions and campaigns; «social selection»

Актуальность темы «ВКП (б): перевыборы Советов и «лишенчество» в Карачае как фактор формирования массового сознания народа (1926–1936 гг.)» состоит в том, что эта проблема является малоизученной, что и определяет ее научную новизну. Партийные решения и их претворение в жизнь по разрешению этих процессов формировали также соответствующее массовое сознание народа, не всегда нужное власти. Целью данной статьи является проведение отмеченного конкретного регионального исследования. Для разрешения вышеприведенной цели поставлены следующие задачи: показать значение избирательных инструкций в подборе электората и состава выборных Советов, проводников партийного влияния в массы; подчеркнуть роль избирательных комиссий в перевыборах Советов и в лишении избирательных прав; рассмотреть перевыборные кампании Советов как конкретное претворение в жизнь всевластия однопартийной сталинской политической системы. По обозначенной теме нет специальных публикаций, лишь некоторые аспекты ее затрагиваются в статьях Т.И. Атаева и Р.М. Бегеулова [1], поэтому я сразу перехожу к теоретико-фактологическому аспекту данной темы.

Важнейшим рычагом воздействия на подбор нужного для властей электората и состава выборных Советов были **избирательные инструкции**. Количество лишенцев, не составлявшее и 2% избирателей в Карачае, позволило принять участие в выборах в сельские Советы в 1925–1926 гг. практически всем желающим [2, с. 16–17]. Формирование Советов из середняков и зажиточных по действовавшей либеральной инструкции вызвало опасения у партийного руководства. Поэтому, по новой «Инструкции о выборах», утвержденной Декретом ВЦИК 4 ноября 1926 г., круг лиц, лишаемых избирательных прав, вновь значительно расширился [5]. На строго секретном заседании Оргбюро ВКП(б) Карачая 21 декабря 1926 г. поручалось административно-пропагандистскому отделу (АПО) и фракции Облисполкома принять меры популяризации принципов новой инструкции в массах [10, л. 270]. Отличие в инструкциях 1926 года – отсутствие запрета административного давления на избирателей на выборах [5]. Открытое голосование также было узаконено начиная с Инструкции ВЦИК от 13 октября 1925 г. [4]. Оно использовалось как надежный контроль за поведением избирателей и как средство недопущения антигосударственных настроений. Следовательно, с 1926 г. выборы стали носить антидемократический характер. Все настойчивее требовалось привлекать к выборам лояльные элементы города и деревни, «охранения Советов от проникновения в них эксплуататорских элементов» [9]. Еще раз об этом подчеркивалось на заседании Бюро Карачаевского Обкома ВКП (б) 18 ноября 1930 г.: «...Предложить фракции Облика, партячейкам и уполномоченным обеспечить такую политику лишения избирательных прав, которая бы в полном соответствии была бы с инструкцией ВЦИКа и ни в коей мере не допускала бы лишения избирательных прав середняков, если они не подлежат лишению избирательных прав по другим признакам, и лишения избирательных прав... рядовых участников мартовских событий, спровоцированных мульско-кулацким и контрреволюционным элементом, вместе с тем не оставила бы не лишенными избирательных прав главарей, агитаторов, организаторов восстания, командиров отрядов и различных частей и т. д. [17].

В перевыборах Советов и лишении избирательных прав немаловажную роль играли **избирательные комиссии**, которые составлялись из твердых, стойких противников кулачества и всех антисоветских элементов, обеспечив в них представительство коммунистов, батраков и, безусловно, надежных середняков. Руководствуясь предписаниями центра, Карачаевская областная избирательная комиссия в своем циркуляре окружным избиркомам от 22 ноября 1928 г. указывала: «Во время хода кампании аулизбиркомам держать тесную связь с беднотой – батраками, активными селькорами и женщинами-активистками для более полного учета лишенцев; а также нужно следить и знать, какую активную политическую работу ведут кулацко-антисоветские элементы» [3, л. 115]. В развитии этой мысли на заседании Бюро Карачаевского Обкома ВКП(б) 18 ноября 1930 г. отмечалось: «...Обязать фракцию Облика и всех уполномоченных по перевыборной кампании обеспечить классово-выдержанный состав Избиркома (батраки, бедняки, колхозники, партизаны и женщины)» [17, л. 162]. Существовавший до этого демократический принцип свободного введения представителей от общественности был отброшен. В состав всевозможных избиркомов предписывалось включить по одному представителю от объединения профсоюзов, ВЛКСМ, отдела работниц ВКП(б), городского совета, национальных меньшинств, Красной Армии и двух представителей от крестьянских организаций (комитетов крестьянских обществ взаимопомощи, союза Кошчи) [5].

Избирательные кампании тщательно готовились. В строго секретном протоколе заседания Организационного Бюро ВКП(б) Карачая от 21 декабря 1926 г. были установлены следующие сроки: «Первый с 1-го января по 1-е февраля, предварительная перевыборная кампания, с отчетами о работе Советов. Второй с 1-го февраля по 15 февраля, перевыборная кампания. Третий 5-го марта созыв Окружных съездов Советов. Четвертый 15-го марта созвать областной съезд Советов в Баталпашинске» [10, л. 270]. В связи с этим предлагалось окружным Оргбюро ВКП(б) приступить к подготовительным работам по перевыборной кампании, обратив особое внимание на организацию бедноты (особые собрания бедноты, группы бедноты). Поручалось Орготделу написать циркулярное письмо окружным Оргбюро и комячейкам о предстоящей перевыборной кампании, административно-пропагандистскому отделу (АПО) усилить агитационную кампанию, согласовав все вопросы с Орготделом Облисполкома, привлекая к кампании

комсомольские ячейки, профсоюзы, кооперативы, ККОВы, женорганизации и др., а также составить подробный план агиткампании [10, л. 270].

Заседание Оргбюро ВКП(б) КАО 23 января 1927 года было как раз посвящено контролю проведения этой перевыборной кампании Советов по Карачаю: «Предвыборная кампания развернута слабо. В части Хумаринского... и МКО (Мало-Карачаевского округа. – З.Б.) предвыборная кампания еще не начиналась. В той части, где предвыборная кампания проводилась, слабо вовлекались в кампанию местные организации и женщины. Окружные организации подошли к предвыборной кампании формально. Недостаточное вовлечение бедноты. Слабая инициатива и активность аулсоветов и аулизбиркомов» [22, л. 12].

Поэтому в целях усиления предвыборной кампании считалось необходимым принятие следующих мер: «1. Выделить ряд партийных товарищей в подкрепление Окризбиркомов. 2. Продлить срок предвыборной кампании до 7 февраля, а в МКО до 10 февраля – соответственно продлив выборы аулсоветов до 20 февраля, а по МКО до 25 февраля. 3. Предложить Окризбиркомам установить сроки с таким расчетом, чтобы перевыборы были обеспечены партработниками, обязав последних выехать в соответствующие аулы, за несколько дней до выборов, с тем, чтобы основательно подготовить избирательные собрания. 4. Особенное внимание обратить на полное вовлечение в избирательную кампанию комсомола, женкружков, делегатских собраний, ККОВ и других общественных организаций. 5. Посланных товарищей обязать тщательно инструктировать аулизбиркомы и другие организации и руководить ими, ни в коем случае не допуская подмены собою аулизбиркомы. 6. Возможно шире использовать бедняцкие собрания в аулах. 7. Тщательно составить списки лиц лишенных избирательных прав, используя данные налогового обложения, данные судов, ГПУ и т. д. и привлекая на местах к этой работе бедноту» [22, л. 12].

В резолюции об итогах перевыборов Советов Оргбюро ВКП(б) Карачая от 24 марта 1927 года все это подытоживалось: «Несравненно успешнее прошлогодних, истекшие перевыборы явились результатом общей политики партии и большей подготовленности парторганизаций, главным образом через уполномоченных, в подавляющем большинстве сыгравших решительную роль в выполнении поставленных задач, особенно в деле оказания решительного отпора лишенцам, кулачеству и духовенству, проявлявших весьма решительную тенденцию к продвижению своих кандидатов, зачастую из бедняков и середняков. Важнейшими недочетами... Оргбюро считает... при общем успешном проведении работы по лишению избирательных прав, имеет место недоучет, особенно по категории пользующихся наемным трудом» [23, л. 60].

В дальнейшей работе Оргбюро ставит задачей перед собою и Окружными организациями: «Применить существующее положение о праве отзыва и замены депутатов (кулаков, лишенцев), пролезших в Советы при общей массовой кампании» [24, л. 61]. Последний тезис был развит через год на закрытом заседании Бюро Карачаевского Обкома ВКП(б) 14 февраля 1928 года, где слушался вопрос о засоренности аулсоветов кулацким и антисоветским элементом. В связи с чем постановили: «Признать необходимым в 2–3-месячный срок по определенному плану произвести выявление в аулсоветах антисоветского элемента, лишить их права голоса и вывести их из состава аулсоветов, соблюдая при этом Конституцию» [12, л. 10]. «Кулаки», по мысли властей, заранее готовились к выборам, предвыборная агитация с их стороны велась под лозунгами: «Советы без коммунистов!», «Свобода частной торговли». Чувствуя опасность, Бюро Обкома ВКП(б) КАО 26 ноября 1928 г. постановило: «Принимая во внимание приближение перевыборов Советов и ярко выраженную ненависть со стороны кулачества, предложить т. Лицис принять все меры к изъятию оружия от лиц, лишенных избирательных прав голоса полностью» [13, л. 32].

Февральский Пленум ЦК ВКП(б) 1927 г. подчеркнул, что «лишение избирательных прав середняка есть объективно прямая помощь кулачеству...» [7, с. 149] Соответственно, в строго секретном протоколе заседания Бюро Карачаевского Обкома ВКП(б) от 29–30 декабря 1928 года отмечалось, что «...имелись попытки со стороны кулаков к выявлению середняцких хозяйств и доказывать аулизбиркомам о лишении избирательных прав середняков и, таким образом, стараться сделать разрыв между середняком и бедняком и дезорганизовать нашу работу в этом направлении» [11, л. 170]. Заслушав доклады секретарей Окружкомов о предварительных итогах отчетной кампании аулсо-

ветов, на том же заседании Бюро Карачаевского Обкома ВКП(б) отмечалось, что: «...лишение избирательных прав кулаков и контрреволюционных элементов прошло удовлетворительно... как недостаток, слабое привлечение батраков в работу по лишению избирательных прав кулаков и в отчетно-перевыборную кампанию, а также недостаточно вели работу по вовлечению батраков в партию. Констатировать, что бедняцкая масса с самого начала до конца отчетной кампании вела работу как в деле лишения избирательных прав кулаков, эфенди и контрреволюционных элементов, так и в отчетной кампании Советов вполне активно и исключительно под непосредственным руководством партии» [11, л. 170–171].

В перевыборы 1928–1929 годов ВЦИК в своих рекомендациях отмечал, что во многих местах «оставались пережитки докапиталистических отношений, выражавшиеся в значительном влиянии общественной верхушки среди широких масс населения» [6, с. 87]. По переизданной ВЦИК Инструкции от 26 ноября 1926 года в перечень лишенцев попали наиболее активные мелкие собственники, члены их семей. В результате численность лишенцев опять увеличилась в стране. Бросается в глаза и то, что численно росла группа «лишенцев», принадлежавших к категориям «бывших». В таком же духе Бюро Карачаевского Обкома ВКП(б) 14 января 1929 года постановило: «Всем лицам, связанным ранее с контрреволюционной деятельностью и исключенным за это из партии, снятым за это же с работы, независимо от их работы в советских учреждениях в восстановлении избирательных прав отказывать, направляя дело в Крайизбирком» [14, л. 2].

Переход от НЭПа к насильственному обобществлению крестьянских хозяйств сопровождался ужесточением избирательного законодательства, среди лишенцев стали преобладать раскулаченные крестьяне за эксплуатацию наемной силы в своем хозяйстве. В марте 1930 года на Северном Кавказе, в том числе и в КАО, вспыхнули антиколхозные восстания. Это привело к резкому росту удельного веса лишенцев. Об этом же заседание Бюро Карачаевского Обкома ВКП(б) 10 апреля 1930 г.: «Предложить фракции Облика немедленно дать указания на места о недопущении лишения прав голоса аулсоветами лиц, участвовавших в повстанческом движении и происходящих из батрацко-бедняцкой и середняцкой части и занимавших в движении роль рядовых» [15, л. 21].

В целях скорейшего исправления допущенных нарушений избирательного законодательства и упорядочения производства дел, касающихся избирательных прав граждан, Президиум ВЦИК в развитие Постановления Президиума ЦИК СССР от 22 марта 1930 г. и своих циркуляров от 13 марта и 30 октября 1929 г. принимает постановление от 10 апреля 1930 года [8]. Категорически запрещалось вводить дополнительные ограничения прав лишенцев. Вместе с тем, очевидно, что все это носило формальный характер и преследовало маскировочную цель – создание видимости исправления допущенных ошибок в избирательных кампаниях. Яркий пример этого – строго секретное постановление Бюро Карачаевского Обкома ВКП(б) от 24 апреля 1930 г.: «Предложить фракции Облика дать на места разъяснение в отношении лишения избирательных прав участников повстанческого движения, считая возможным лишение избирательных прав до суда лиц, состоявших членами верховного совета, членов продовольственных комиссий, командиров карательных отрядов и командующих сотнями во время восстания» [16, л. 111].

В декабре 1930 г. как положительное явление Бюро обкома указало на: «значительную явку бедноты и женщин (В. Теберда – 95%, Н. Теберда – 70%) на отчетные собрания по перевыборам Советов и наличие здоровой самокритики с их стороны работы аулсоветов». Вместе с тем, отмечалось недостаточное руководство некоторыми ячейками «(Каменноост, Н. Мара) ... выражающееся в... слабом учете и реагировании на настроения масс вообще, не выдерживании сроков в вывешивании списков лишенцев, недостаточно широком освещении политических задач перевыборной кампании, отсутствие социалистического соревнования и проч.». Партийные ячейки обязывались немедленно «...проверить всю свою работу по перевыборной кампании... особенное внимание обращая на недопущение перегибов в лишении избирательных прав середняков» [18, л. 201].

По истечении данной отчетно-перевыборной кампании Советов КАО было принято решение Бюро обкома ВКП(б) 17 марта 1931 года о ряде недостатков в работе избиркомов. Таких, как слабое руководство Облизбиркома по вопросам лишения избирательных прав, недостаточно налаженный учет лишенцев и затяжка в разборе заявлений

лиц, лишенных избирательных прав, как наличие на практике правого уклона со стороны некоторых аулизбиркомов в вопросах выявления кулацко-мульских и контрреволюционных элементов и несвоевременное лишение их избирательных прав [19, л. 102]. На заседании бюро Карачаевского обкома ВКП(б) 28 мая 1932 г. развивалась эта же, последняя, мысль: «Слушали: ...Постановление Общего собрания ячейки Эльтаркач от 21 февраля 1932 г. о выселении помещика Хаджичикова и не лишении его в избирательных правах, связи его с областными работниками.

Постановили: 1. Поручить Прокурору У-у (фамилия не называется по этическим соображениям. – З.Б.) лично выяснить действительные причины не лишения до последнего времени избирательных прав помещика кулака Хаджичикова из аула Эльтаркач и привлечь к законной суровой ответственности лиц, тормозивших это лишение» [20, л. 107].

Вплоть до официальной отмены института «лишенчества» продолжалась дискриминация не только наиболее активных слоев села, но и представителей интеллигенции. Бюро Карачаевского Обкома ВКП(б) 1 декабря 1936 г. констатировало: «Слушали: Решение Учкуланского РК ВКП(б) от 12 июля 1936 г. об исключении из рядов ВКП(б) Каракотова.

Каракотов Исса Заурбекович член ВКП(б) с 1925 г., партбилет №0997132, карачаевец, рождения 1903 г., образование среднее, служащий, в момент исключения из партии работал председателем Учкуланского Райисполкома.

Установлено, что Каракотов является сыном эфенди, женат на дочери кади-лишенца, активного участника в разгроме села Михайловского в 1918 г., и организатор контрреволюционного восстания в 1920 г. Сам Каракотов служил в белой армии, свою службу в белой армии при вступлении в партию скрыл. Также установлено, что Каракотов был тесно связан с буржуазными националистами и белогвардейцами (Джаубаевым, Байкуловым и Аджиевым), участвовал вместе с ними в разгроме революционного села Ивановского – все это от партии скрыл. Будучи студентом Сельскохозяйственного института в городе Орджоникидзе, имел тесную связь с троцкистом Асановым. Работая председателем Райисполкома, восстанавливал кулаков в избирательных правах без всякого основания (восстановил 8 хозяйств). Имел тесную связь с лишенцами (Каракотов М. и др.), насаждал кулаков на руководящую работу в колхозе (колхоз им. тов. Ворошилова – Хурзук, колхоз «Ударник» М. Учкулан)...

Подтвердить решение Учкуланского РК ВКП(б) об исключении Каракотова И.З. из ВКП(б) как белогвардейца, буржуазного националиста, сросшегося с контрреволюционным элементом» [21, л. 318].

Таким образом, с 1926 г. выборы в Советы в Карачае стали носить антидемократический характер и основным вдохновителем выступали местные органы ВКП(б). Юридической основой этого процесса, конечно же, выступала трансформация избирательного права с 1926 по 1936 годы, что находило выражение в ужесточении всевозможных избирательных инструкций в сторону недопущения в Советы неугодных партийно-государственной власти лиц. Требования не нарушать избирательное законодательство в начале 1930 года преследовали иезуитскую цель – за счет ослабления нажима на определенных участках создать видимость демократизма избирательной системы.

К середине 1930-х годов единовластный партийно-государственный режим окреп, массовые репрессии шли полным ходом, и по Конституции СССР 1936 года институт «лишенчества» был отменен. Социально-независимые группы были обескровлены, молодое поколение сделало выбор в пользу господствующей системы. Следовательно, партийное руководство лишением избирательных прав и перевыборами Советов, формально преследуя «классовые» цели, на самом деле служило укреплению всевластия господствующего слоя. Сами же институты «лишенчества» и перевыборов Советов по своим последствиям сравнимы не только с дискриминационными мерами, но и с массовыми террористическими кампаниями сталинского режима.

Литература:

1. Атаев, Т.И. Дискриминационные ограничения лишенцев в военной и образовательной сферах в 1920–1930-е гг. (на материалах Карачаевской автономной области). [Электронный ресурс]. URL: <http://ilmu.su/diskriminasionnye-ogranicheniya-lishentsev-v-voennoj-i-obrazovatelnoj-sferah-v-1920-1930-e-gg-na-materialah-karachaevskoj-avtonomnoj-oblasti/> (дата обращения: 15.05.2019).; Он же. Правовые и социально-экономические последствия лишения части карачаевцев избирательных прав на территории Карачая (1926–1936 гг.). [Электронный ресурс]. URL: <http://ilmu.su/pravovye-i-sotsialno-ekonomicheskie-posledstviya-lisheniya-chasti-karachaevtsev-izbiratelnyh-prav-na-territorii-karachaya-1926-1936-gg/> (дата обращения: 15.05.2019).; Он же. Практика применения дискриминационных мер в виде лишения избирательных прав за использование наемного труда на Северном Кавказе в 1921–1936 гг. (на материалах Карачая) [Электронный ресурс] // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015; 7 (5/2): 13-20. DOI:10.17748/2075-9908-2015-7-5/2-13-20 (дата обращения: 15.05.2019).; Атаев, Т.И., Бегеулов, Р.М. Лишение избирательных прав как форма социальной дискриминации мусульманского духовенства Северного Кавказа в 1921–1936 гг. (на материалах Карачая). [Электронный ресурс] URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23575226_27174050.pdf (дата обращения: 15.05.2019).
2. Атаев, Т.И. Практика применения дискриминационных мер в виде лишения избирательных прав за использование наемного труда на Северном Кавказе в 1921–1936 гг. (на материалах Карачая) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015; 7(5/2):13-20. DOI:10.17748/2075-9908-2015-7-5/2-13-20 (дата обращения: 20.05.2019).
3. Государственный архив КЧР. Ф. Р. 307. Оп. 1. Д. 50. Л. 115.
4. Декрет ВЦИК от 13 октября 1925 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/sss/16571> (дата обращения: 15.05.2019).
5. Декрет ВЦИК от 4 ноября 1926 г. «Об утверждении Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sss/6686.htm> (дата обращения: 15.05.2019).
6. Досов, А. Избирательная кампания в национальных республиках и областях // Выборы в советы и наши задачи: Сборник статей и материалов к избирательной кампании 1928–29 г. / Под общ. ред. А.С. Енукидзе; Центр. избирательная комиссия ЦИК Союза ССР и Всерос. центр. избирательная комиссия; М. Калинин, Л. Каганович, А. Енукидзе, А. Криницкий, А. Киселев, Ян Полуян, А. Досов, А. Артюхина, А. Поздняков. – М.: Изд-во «Власть советов» при Президиуме ВЦИК (7-я тип. «Искра революции» Мосполиграфа), 1928. – 160 с.
7. Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / Под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. – М., 1983–1990. 16 т. – Т. 4: 1926–1929. – М., 1984. – 575 с.
8. Постановление Президиума ВЦИК от 10 апреля 1930 «О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23036#0004109341329846972> (дата обращения: 10.05.2019).
9. Постановление Президиума ЦИК от 28 сентября 1926 г. «Инструкция о выборах в Советы» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/sss/16259> (дата обращения: 15.05.2019).
10. Центр документации новейшей истории Государственного архива КЧР (далее – ЦДНИ ГАКЧР). Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 1. Л. 270.
11. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 18. ЛЛ. 170–171.
12. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.
13. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 19. Л. 32.
14. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.
15. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 31. Л. 21.
16. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 32. Л. 111.
17. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 33. Л. 162.
18. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 33. Л. 201.
19. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 36. Л. 102.
20. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 42. Л. 107.
21. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 69. Л. 318.
22. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.
23. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 9. Л. 60.
24. ЦДНИ ГАКЧР. Ф. П. – 45. Оп. 1. Д. 9. Л. 61.

Гасанов Магомед Раджабович
Дагестанский государственный педагогический университет,
д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории,
г. Махачкала, Россия,
E-mail: shamhalova.sonya@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ДАГЕСТАНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – СЕРЕДИНА XVII в.)

Аннотация: В статье представлен результат исследования русско-дагестанских отношений во второй половине XVI – середине XVII вв. Автор рассматривает события в контексте борьбы Ирана и Турции за Кавказ. В результате приходит к выводу о том, что дагестанские владетели были ориентированы на вхождение в состав Российского государства.

Ключевые слова: Дагестан, дагестанские владения, Русское государство, послы, торговые связи, Астрахань, Дербент, Иран, Турция

Gasanov Magomed Radzhabovich
Dagestan state pedagogical University,
doctor of history, Professor, head of historical Department,
Makhachkala, Russia,
E-mail: shamhalova.sonya@yandex.ru

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN-DAGESTAN RELATIONS (SECOND HALF XVI – MIDDLE XVII CENTURY)

Abstract: The article presents the result of the study of the Russian-Dagestan relations in the second half of XVI – middle of XVII centuries. The author examines events in the context of the struggle of Iran and Turkey in the Caucasus. As a result, he comes to the conclusion that the Dagestan rulers were focused on joining the Russian state.

Key words: Dagestan, Dagestan, Russian state, ambassadors, trade relations, Astrakhan, Derbent, Iran, Turkey

Летопись русско-дагестанских отношений насчитывает немало событий, которые оставили заметный след в истории обоих государств. Они восходят к раннему средневековью и характеризуются чередой событий, предопределивших переход отношений Дагестана с Русским государством во второй половине XVI в. на новую ступень.

Прежде всего следует отметить присоединение к России Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств и овладение всем Волжским торговым путем, что способствовало значительному расширению экономических отношений России с Кавказом и странами Востока. С этого времени внешняя политика России приобрела более широкий размах, распространившись на новые регионы и все заметнее воздействуя на развитие международных событий. Овладение Россией ключевыми стратегическими пунктами на Востоке, как Казань и Астрахань, задерживало распространение турецко-крымской экспансии не только на Восточную Европу, но также на Северный Кавказ и Закавказье.

На военную и дипломатическую помощь со стороны Российского государства стали рассчитывать и северокавказские владетели. Некоторые из них открыто искали защиту от турецко-персидских завоевателей.

Русское централизованное государство примерно с середины XVI в. стало благосклонным к идее покровительства в отношении северокавказских владетелей. Первая под покровительство России вступила Кабарда. За ней последовали другие кавказские народы и владетели, в том числе и дагестанские, которые в условиях борьбы с внешним врагом не могли защитить себя своими силами, так как в XVI – начале XVII в. Дагестан был раздроблен на феодальные владения и десятки союзов сельских общин, наиболее крупными из которых были шамхальство, Аварское ханство, Кайтагское уцмийство, Дербентское ханство, Табасаранское майсумство, владение кадия Табасарана, Цахурское султанство.

Многочисленные войны, опустошительные набеги шаха, султана и его вассала крымского хана приносили неисчислимы бедствия народам Дагестана.

В сложившейся тревожной обстановке, когда борьба Ирана с Турцией за овладение Кавказом приняла серьезный размах, одним из государств, на которое ориентировались владетели Дагестана, стала Россия. По летописным данным, в 1555 г. к Ивану IV прибыли послы шамхала и тюменского князя с просьбой о принятии их в подданство России.

В 1556 г., после взятия Астрахани, к русскому царю прибыли представители от владетелей кумыков, Шемахи и Дербента с просьбой о союзе и торговле. В 1557 г. в Астрахань прибыли купцы с товарами из Шемахи, Дербента, шамхальства. Летом этого же года в Москве появились послы от Крым-шамхала, от Тарковского шамхала и тюменского князя.

В середине XVI века Астрахань стала крупным портом и играла важную роль в дальнейшем развитии политических и экономических отношений России с народами Кавказа. По Волге и Каспийскому морю установилась постоянная судоходная связь. Товары шли в Астрахань через земли кумыков и кабардинцев и сухим путем. Русское государство поддерживало связи с горскими владельцами и старалось привлечь их на свою сторону, даже вмешивалось в междоусобицы местных феодалов. Междоусобицы в этот период разгорелись, с одной стороны, между шамхалом и кахетинскими феодалами, с другой – между кумыкскими и кабардинскими владетелями. Частыми стали просьбы о помощи в борьбе с шамхалом к Ивану IV от кахетинского царя и кабардинских князей и просьбы самого шамхала о поддержке в его борьбе против них. В 1559 г. прибывшие в Москву посольства от шамхала и тюменского князя добивались, чтобы Россия защищала их от кабардинцев. Россия, исходя из своих политических и экономических целей, оказывала им возможную помощь. Поддержка одного владетеля отдаляла другого и часто приводила к различным последствиям. Поэтому Иван IV заботился о регулировании отношений между северокавказскими владетелями, а также об укреплении позиций России на Северном Кавказе. По его указанию воеводы Андрей Бабычев и Петр Протасов при устье реки Тюмени, одного из рукавов Терека, заложили город Терки (вблизи нынешней Крайновки), где были поселены стрельцы. Терский город являлся не только военной крепостью, но и крупным центром меновой торговли с разноязычным северокавказским населением.

С 1567 года в русско-дагестанских отношениях наступил новый этап. Шамхал Тарковский в третий раз обращался к Ивану IV с просьбой принять его на службу. В 1568 г. из Москвы прибыло ответное посольство, и обе стороны договорились, что на кумыкской земле будет построен такой же, как на Тереке, русский городок на реке Овечьи Воды (близ Сулака). Об этом свидетельствует текст к карте в «Книге Большому Чертежу» [9, с. 40], где показана одна из сухопутных дорог из России в Дагестан. Она из Астрахани проходила через степь в Терский городок и далее через кумыкские земли до Тарков. Из Тарков через кайтагские и табасаранские земли дорога вела в Дербент и по Самурской долине через Шабран в Шемаху. Имеются сведения о том, что в 1588 г. князь Каплан Вачнадзе вместе с русскими послами выехал из Грузии в Россию через Аварию [5, с. 48], а в 1589 г. грузинские послы дали в Москве полное описание пути из России в Грузию через Дагестан [7, с. 11].

На развитие отношений между Россией и Дагестаном оказали влияние политические события в сопредельных регионах. Турции временно удалось утвердить свое господство в южном Дагестане и Азербайджане, где были образованы Дербентское и Ширванское беглербейства. Успехи Турции в ирано-турецких войнах XVI в. позволили ей усилить политическое давление на местных владетелей, а контроль над Кабардой закрыл для России путь в Грузию через Дарьял – это способствовало усилению значения пути в Закавказье через шамхальство и горный Дагестан [1, с. 5–7]. Когда турки стремились перекрыть этот путь руками шамхала, это привело к строительству русских острогов на Сулаке (Койсинский), у слияния Сунжи и Терека (Сунженский), а также к походам в 1590, 1594 и 1605 гг. против шамхала, а также владетелей Эндири и Карабудахента с целью передать шамхальство кому-либо из сторонников России – дагестанских князей и «пробить» путь в Грузию.

С этой целью были предприняты против шамхала походы воевод Г. Засекина (1591 г.) и А. Хворостинина (1593 г.). В начале века на прибрежную полосу Дагестана распространилась власть сефевидов, затем их вытеснили турки, и в Дербенте был поставлен турецкий гарнизон, отсюда предпринимались различные акции военного и ди-

пломатического характера с целью усиления контроля над побережьем и др. владениями, и прежде всего шамхальством.

Постоянные феодальные усобицы шамхалов с кабардинскими и кахетинскими феодалами, которых Иван IV считал надежными союзниками, приносили беспокойство в этот регион. Из-за постоянных распри в 1589 г. русский посол князь Семен Звенигородский предпринял с кахетинским царем совместные действия против шамхала Тарковского [6, с. 18–19]. Однако это не мешало другим кумыкским князьям, в том числе крым-шамхалу, искать союза с Россией.

Более стабильные отношения между Российским государством и владельцами Дагестана утонули в 1589 г., когда представитель двух крупных аварских феодалов – хунзахского нуцала и «Черного князя» – принес в Сунженском городке личную присягу царскому послу С. Звенигородскому о вступлении в российское подданство [4, с. 277]. Владетели Дагестана просили, «чтобы государь пожаловал их и велел быти в своем имени и в холопстве, и приказал бы астраханским воеводам беречи их от всех сторон и торговым бы людям дорогу пожаловал государь».

В 1588 г., по просьбе северокавказских владельцев, в устье Терека на территории Дагестана был заложен Терский городок, что не входило в планы султана и шаха. Тем не менее в подданство России были приняты шамхальство со всеми уделами, ханство Аварское и др.

В период так называемого «смутного времени» вхождение дагестанских владельцев в состав Российского государства было временно приостановлено. С завершением борьбы русского народа против иностранной интервенции и восстановлением государственной власти русско-дагестанские отношения вступили в новую фазу.

В конце XVI – начале XVII вв. в Москву прибыло более десятка посольств из Дагестана, в их числе и из Табасарана. Так, в 1601 г. представитель табасаранского владельца побывал у царя Бориса Годунова с просьбой о принятии в подданство России [3, с. 66]. Русское правительство охотно принимало посланцев Дагестана, само отправляло послов на Северный Кавказ. В итоге в подданство России были приняты шамхальство, вассальные шамхалам владельцы: кумыкский Гирей, казикумухский Алибек, ханство Аварское и др.

Принятие в подданство закреплялось царской грамотой. Одновременно продолжалась борьба Турции за влияние на Северном Кавказе, в частности в Дагестане. Захват Турцией Закавказья и укрепление в Дербенте ухудшили положение Дагестана. Обострилась борьба между шамхалом и крым-шамхалом. Крым-шамхал обратился за помощью к русскому царю. На шамхала жаловались также князь Кабарды и царевич Грузии. Обеспокоенные ситуацией в Дагестане, весной 1591 г. из Москвы прибыли воеводы князь Г.О. Засекин и князь К.М. Шаховский, чтобы остановить постоянные распри. Однако во время боевых действий шамхал был ранен, Засекин, воспользовавшись ситуацией, сжег Эндири [4, с. 278].

В 1593–1594 гг. против шамхала был предпринят очередной поход царских войск под командованием А.И. Хворостинина, который занял Койсу, Эндирей и Тарки.

Политика России, направленная на укрепление связей с народами Кавказа, встретила поддержку со стороны владельцев Дагестана. В декабре 1614 г. в подданство России был принят владелец Засулакской Кумыки Султан-Махмуд. В 1617 г. обратились шамхал Анди, эндереевский Султан-Махмуд и аварский хан с просьбой о принятии в подданство России. Чуть позже с аналогичной просьбой к России обратился кумыкский владелец Илдар и кайтагский уцмий Рустем-хан.

В 1621 г. крым-шамхал Илдар обратился к русскому царю с просьбой принять его на службу. В своей просьбе он убеждал русского царя, что, мол, «я хочу голову свою положить за тебя государя и служа тебе, государю [8, с. 71]. Просьба его увенчалась успехом, и в мае 1622 г. специальной грамотой царя Михаила Федоровича было объявлено о принятии его на русскую службу и о назначении ему жалования. В июле 1623 г. Илдар обратился к Михаилу Федоровичу с просьбой утвердить его в статусе шамхала, его просьба была удовлетворена и закреплена царской грамотой. В 1625–1626 гг. новый терский воевода князь Юрий Хворостинин вновь привел к присяге кумыкских тюмен-черкасских владельцев [8, с. 78–79]. За службу было установлено «годовое жалованье денег 100 руб. да хлеба 50 чети ржи и овса на год...» Подданство России подтвердили также кумыкский владелец Айдемир, аварский хан и другие владельцы [8, с. 83–89].

Летом 1631 г. уцмий Кайтага Рустем-хан известил русского царя, что он «усмий хан учинился государю холопом... и человека своего Джемшида послал к государю», и заключил, что «головой своею и душою рад служить». В ответной грамоте царя Михаила Федоровича уцмию говорится: «И мы, великий государь, посла твоего пожаловали и грамоту твою приняли». После принятия шерти 18 сентября 1635 г. уцмию Кайтага была вручена специальная грамота, согласно которой уцмий со всеми своими владениями был взят в подданство России на оговоренных в шертной записи условиях, а именно: уцмий должен был «со всею землею бытия в... прямом холопстве навеки не отступну и на недругов России со всеми ратными людьми ходити, где царское повеление будет, а для больново уверенья дал бы еси в Терский город в аманаты из братьи своей или из детей, или ис племянников кого пригожа. То твоя будет служба правда». Принимая в свое подданство Кайтагское уцмийство, Россия одновременно брала на себя обязательство «по службе и правде» выдавать ежегодно установленное за службу жалованье, а также защищать от завоевателей.

Известны случаи одновременно двойного подданства некоторых дагестанских владетелей. Амирхан-уцмий, Сурхай, сын Гирея, Ильдар-шамхал, сын Имам-мурзы, и др. считали себя одновременно вассалами русского царя и иранского шаха. Акт вступления в подданство в большинстве случаев это свидетельство временного совпадения интересов того или иного владетеля с политикой, проводившейся царской администрацией в Дагестане и на Северном Кавказе.

Для населения Дагестана важное значение имело расширение экономических связей с Россией. Через территорию Дагестана пролегали торговые пути в Закавказье. Передвижение через горный Дагестан усиливало торговые связи между различными обществами. Из России в Дагестан поступали сукно, холст, меха, металлические изделия. Из дагестанских владений и обществ в Россию вывозили сушеные фрукты, орехи, марену, ковры, овец, лошадей и др. [4, с. 299]. В развитии связей дагестанских горцев с русским населением большую роль играли казаки, которые занимали территорию юга России.

Русско-дагестанские связи распространялись и на военную сферу. Так, горцы Дагестана участвовали и в войнах России с другими государствами. В период польско-шведской интервенции шамхал установил с русскими мирные отношения и оказал помощь в борьбе с интервентами [10, с. 4]. В свою очередь Россия взяла под свою защиту Дагестан, когда шах Аббас готов был вторгнуться в «страну гор», и преградила крымско-татарским войскам путь в Дагестан [2, с. 86]. Поддержка России владетелей Дагестана сыграла немалую роль и в провале планов шаха Сефи I поставить в Кайтаге, Тарках и на Койсу городки с гарнизонами и подчинить горцев своей власти. В 1645 г. шах Аббас II предпринял попытку силой сместить уцмию Кайтага, который «был непослушен уму» и вступил в подданство России. С этой целью в Дагестан были направлены войска, однако уцмий Кайтага своими силами успел нанести поражение отряду шаха. Разгневанный неудачей Аббас II направил в Дагестан еще большие военные силы, которые вторглись в Кайтаг и «недруга своего прежнего усмея... со владения ево согнал», а на его место посадил Амирхан-Султана. Шах намерен был расширить агрессию. В этой обстановке владетели Дагестана обратились за помощью к России. Владетель Эндиреевский Казаналип писал царю Алексею Михайловичу: «Я з кызылбашским и с Крымом, и с турским не ссылаюсь холоп ваш государев прямой». Русское правительство отправило из Астрахани на Терек значительные силы и потребовало от шаха вывода из Дагестана войск. Персия вынуждена была вывести свое войско из Дагестана [2, с. 88–89].

В последующие годы владетели Дагестана принятием повторных присяг не раз подтверждали верность России. Так, в 1637 г. «учинились вновь в холопстве Кафыр-Кумыцкие земли», дети шамхала «Багама Мирза» и др. В 1638 г. подданство подтвердили шамхал Илдар, кумыцкие владетели Гирей, Сурхай, Казаналип, Салтан-бек Карабудахский, Чупан Казикумухский. Присяги на верность России владетели Дагестана повторили и в 1640–1643 гг.

В конце 1645 г. терские воеводы привели к присяге новому царю Алексею Михайловичу население ряда владений Дагестана. Шерть дали шамхал, владетели Засулакской Кумыкии, ногайские мурзы, тюменский мурза, аварский, табасаранский, казикумухский, кафыркумухский, дженгутаевский и др.

Таким образом, владетели Дагестана, несмотря на вмешательства внешних сил, начиная с середины XVI в. и до конца XVII в. находились в подданстве России.

Литература

1. Боцвадзе, Т.Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. – Тбилиси: Издательство «Мецниереба». – 1974 г. – 108 с.
2. Гаджиев, В.Г. Роль России в истории Дагестана. – Акад. наук СССР. Дагест. филиал. Ин-т истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы. – Москва: Наука, 1965. – 391 с.
3. Гасанов, М.Р. Из истории русско-дагестанских взаимоотношений. – Махачкала, 2010. – 220 с.
4. Кушева, Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 369 с.
5. Обзор сношений русских царей с грузинскими, по русским документам // Газ. «Кавказ», 1846, 30 января, №48.
6. Пайчадзе, Г.Г. Тбилиси: Мецниереба, 1983. – 247 с.
7. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 гг. – Санкт-Петербург, тип. Имп. Акад. наук, 1861. – 260 с.
8. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы). Ин-т истории, языка и литературы. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. – 336 с.
9. Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. // Ред. М.Н. Тихомиров. – М., 1952. – 260 с.
10. Эсадзе, С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1 / Ред. Воен.-ист. отд. ... – Тифлис: Тип. «Гуттенберг», 1907. – 628 с.

УДК 94 (470+571) «18»

Гранкин Юрий Юрьевич

*Пятигорский государственный университет,
профессор, проректор по академической политике,
контролю качества, образования и информатизации,
г. Пятигорск, Россия,
E-mail: grankinj@pgu.ru*

НАМЕСТНИЧЕСТВО VS ИМАМАТ

Аннотация: В статье дается характеристика двух управленческих систем – наместничества и имамата, которые предлагали Кавказу альтернативные пути развития и общественного устройства. Наместничество, за которым стояла Российская империя, одержало победу в историческом споре с имаматом.

Ключевые слова: наместничество, Российская империя, Кавказ, имамат, альтернатива, система управления

Grankin Yuri Yurievich

*Pyatigorsk State University,
the vice-rector on the academic politics,
control of education and informatization,
Pyatigorsk, Russia,
E-mail: grankinj@pgu.ru*

VICEROYNNESS VS IMAMAT

Abstract: The article characterized two administrative systems – Viceroyneess and Imamat, which suggested Caucasus alternative ways of the development and state set-up. The Viceroyneess, of which the Russian Empire stood behind, won a victory in the historical discussion with Imamat.

Key words: Viceroyneess, the Russian Empire, Caucasus, Imamat, alternative, system of administration

Превращение Кавказского края в южно-российское пространство, в составную единицу территории Российской империи было задачей широкого и комплексного проекта, потребовавшего многих и поэтапных усилий. Долгое время местные обстоятельства выдвигали в качестве доминанты в отношениях России с Кавказом военно-политические меры, хотя и все иные невоенные средства экономического и социокультурного характера никогда не отвергались.

Российская империя, предлагавшая Кавказу идеи экзистенциальности, основанные на евро-христианских началах, неизбежно была вынуждена принимать участие в устройстве и распространении покоящегося на рациональных началах государственных структур модерна в крае, который таких начал либо не имел, либо они существовали там в сугубо азиатском варианте.

Обеспечив относительную стабильность социального существования на подконтрольных территориях, радикально сократив возможности и масштабы набегов со стороны непримиримых горцев, освободив местное население от института рабства, имперские власти предложили Кавказу новый образ жизни, новые цели существования и перспективы.

Обновлению способствовала многоканальность коммуникативных воздействий: городская среда, села, крепости, объекты инфраструктуры, перемены, вносимые переселенцами в окружающие ландшафты, самый образ жизни колонистов и военных, сопровождавшие его обыкновения.

Российские власти достаточно скоро поняли, что мир Кавказа требует особого подхода в организации системы управления местными народами. Господствовавшие там ментальность, характер и направленность социально-культурного развития, уровень и способ экономической жизни препятствовали быстрому и органичному включению края в аналогичные социально-политические, культурные и экономические структуры Российской империи.

Несмотря на то, что после войн с Персией (1804–1813, 1826–1828 гг.) и с Османской империей (1806–1812, 1828–1829 гг.) Закавказье и большая часть Северного Кавказа юридически считались территорией России, в реальности край был мало восприимчив к предлагавшимся новациям, сохранял социально-культурную и хозяйственную автономию, а часть населения региона была открыто враждебной по отношению к русским вплоть до середины 60-х гг. XIX века.

Сообразуясь с этой данностью, в Петербурге было принято решение учредить здесь такую систему управления, которая бы позволила адаптировать жизнь автохтонного населения края к общеимперским порядкам и ценностям. «Регион предполагалось крепко привязать к остальной России не столько силовыми методами, сколько экономическими, судебными-административными и культурными узами. Нужно было дать почувствовать местным народам все преимущества проживания в границах единого государства» [3, с. 62].

Исходя из цели своего присутствия в Кавказском крае, верховная имперская власть учредила Кавказское наместничество, которое стало соответствующей месту и ситуации формой управления кавказскими делами и территориями, позволившей наилучшим способом согласовывать задачи общегосударственной политики с местными кавказскими интересами и особенностями.

Наместничество как форма и способ властвования в проблемных зонах пограничья не было новинкой для России и Кавказа. Первый такой опыт был получен в 1785–1796 годы в правление императрицы Екатерины Алексеевны [8, с. 338]. Наступивший перерыв с 1796 г. по 1844 г., после которого наместничество было возобновлено, стал результатом не столько негативных результатов данной системы управления, сколько проявлением субъективного подхода к сущности вопроса со стороны венценосных особ (императрица Екатерина II – Павел I) или несовпадения взглядов на проблему, существовавших в среде высшего имперского чиновничества.

Возобновив наместничество, имперские власти предполагали, что такое правление, непосредственно приближенное к местным кавказским нуждам и наделенное большими административными возможностями, не только сможет прочно утвердить основания российской государственности в крае, но сведет к минимуму вооруженные конфликты, сохранявшиеся между горским населением и Россией. Имперский центр даже предписывал кавказской администрации «употреблять все способы к приласканию тамошних народов, отдаляя от них притеснения и все, что может им неприятно быть в образе умствования и понятия о вещах» [8, с. 389].

Таким образом, к середине 40-х гг. XIX века, устав от неудач и исходя из обстоятельств политических целей, император Николай I постановил вернуться к испытанной форме гражданского и военного управления, применявшейся для окраинных террито-

рий – наместничеству, а «гордиев узел кавказских проблем» было предложено разрубить графу (впоследствии князю) М.С. Воронцову [7, с. 216].

В этой связи Кавказскому наместнику предстояло «горские народы принуждать преобразовываться из заклятых врагов «русского дела» в сограждан русского мира, в подданных великой монархии... приблизить замкнутый мир кавказских горцев к общему складу российской жизни таким образом, чтобы между сторонами не оставалось непримиримого разлада» [7, с. 217].

Этот шаг был обусловлен сложными процессами, которые протекали в регионе и которые не удавалось взять под контроль на протяжении достаточно длительного времени, что само по себе грозило неприятными последствиями как для внутреннего развития Российской империи, так и для ее международного положения.

Опыт российской истории показывал, что на приграничных территориях наиболее разумным и успешным становилось управление наместническое, соединявшее в себе все виды главной местной власти и общегосударственного надзора, выступавшее оком и волей государевой, отнесенной из центра на имперские окраины и сосредоточенной в фигуре наместника [3, с. 308; 7, с. 176–184].

В Петербурге осознали, что «различные части империи стоят на совершенно различных культурных степенях и имеют много исторических особенностей» [6, с. 96], а потому порядок ведения дел на кавказских территориях претерпел перемены, которые по многим параметрам отступали от общепринятых в империи, но вытекали из государственных потребностей.

Ситуацию сильно осложняли многолетние войны, происходившие в кавказском регионе, происки многочисленных османских, персидских и враждебных России европейских эмиссаров, склонявших горское население к неповиновению российским властям. Потому военный, геополитический и геостратегический подтекст задач, стоящих перед наместничеством на Кавказе, играл существенную и никогда не ослабевающую роль.

Исходя из того обстоятельства, что Кавказский край дорого обходился государству, постоянно приносил убытки в людях и материальных ценностях, наместничеству предписывалось «сообразуясь с общими потребностями империи» [11, с. 273] приступить к преобразовательной деятельности, способной не только положить конец негативному течению дел, но переломить ситуацию кардинально.

В этой связи наместничество выступало, прежде всего, как институт управленческий, а не только как форма присутствия Российского государства в регионе. Без перемены протекания существа региональных событий кавказские территории Российской империи рисковали превратиться в отягощающее бремя, истощающее ее силы изнутри и угрожающее сделаться совершенно непосильным для ее общего развития.

В силу того обстоятельства, что российской государственности приходилось в то время сожительствовать на Кавказе «...с племенами, не сложившимися в твердо очерченные народности и не признающими иного права, кроме права силы...» [11, с. 274], милитарная составляющая в институте наместничества не только не могла игнорироваться, но продолжала существовать на всем протяжении наместнической управленческой практики.

Другой стороной наместнического управления становился вопрос о переносе и приемлемости российских государственных учреждений и имперских административно-правовых норм на территории, вошедшие в состав Кавказского наместничества. Без них нельзя было надеяться на реальное и органическое вплетение края в состав Российского государства, как нельзя было удерживать и полноценное российское присутствие в крае [7, с. 151–208].

Большой проблемой был экономический фундамент кавказских территорий, бывших прежде частью азиатской системы существования. Их потенциал был существенно ниже даже состояния соседних с ними предкавказских территорий, населенных по большей части славяно-русскими переселенцами. Так, Ставропольская губерния к 1860 г. при 340-тысячном населении «...давала несколькими тысячами рублей более дохода, чем весь Закавказский край, населенный уже тогда 3 миллионами жителей» [11, с. 275].

Таким образом, экономические возможности Кавказского края были недостаточными для перенесения туда имперских государственных учреждений в полном их объеме и форме. Они обходились слишком дорого империи. Данная тенденция характерна

для всех других азиатских территорий, подпадавших под европейское управление [11, с. 275].

Однако Россия, в отличие, например, от Британии, Франции или Нидерландов, не только не могла отказаться от данной стратегии, но вынуждена была переносить свою управленческую систему в Кавказский край, поскольку он никогда не был для нее заморской колонией, но изначально виделся частью имперского пространства с вытекавшими из того сущностями. Данная ситуация не позволяла не только извлекать какую-либо значительную прибыль с Кавказа, но принуждала правительство осуществлять «крупные приплаты» на содержание и функционирование имперских управленческих структур в крае, имевшихся здесь хотя и не в полном виде. Кроме того, на территориях проживания собственно местного азиатского населения российским властям приходилось прибегать к условностям и учреждению переходных форм, сочетавших в себе части прежней традиции с привносимыми новациями (в Закавказье), или хотя бы создавать организации, способствовавшие осуществлению имперского контроля за автохтонами, например, военно-народные суды в северной части Кавказа.

В Петербурге, склонившись к восстановлению наместничества в Кавказском крае, предположили, что выходом могло бы стать широкое и массовое переселенчество славяно-русского и всякого иного европейски ориентированного населения, способного существенно поднять потенциал экономического состояния в местных условиях. Одновременно предполагалось хотя постепенное, но массовое вовлечение местных жителей в мирную хозяйственную деятельность с привитием ей русско-европейских начал – и это при том, что долго край не удавалось перевести на пути мирного сосуществования.

Самые непримиримые к российским новациям социально-политические силы Кавказа в качестве альтернативы предъявляли свои способы властвования и управленческие парадигмы, а также новации социокультурного развития. Наиболее долговременной и действенной формой местной горской государственности сделался имамат (1829–1859 гг.), формирование которого в полном и законченном виде произошло «благодаря усиленным военным действиям и организационным мерам, в том числе съезду наибов в 1843 г.» [2, с. 443].

Рассматривая проблему становления горской государственности, М.М. Блиев отмечал, что в образовании имамата просматривалось «повторение исторического пути создания Арабского халифата на Аравийском полуострове. В горных обществах Дагестана имамат создавался при одновременном утверждении в нем шариата – правовой и нравственной системы исламской государственности...» [2, с. 443]

Выступив конкурентом России в северной части Кавказа, имамат также предложил Кавказу новации, основанные на исламской традиции, которые приходилось внедрять в систему жизненных ценностей автохтонов помимо их воли, даже прибегая к насилию, чтобы содействовать их духовной и этнической консолидации, бывшей непременным условием и необходимостью для становления новой государственной структуры.

Большой и многотрудной проблемой для Шамиля стал «низкий уровень общественного и семейного уклада» в горской среде, а также «упадок хозяйства», при котором «хозяйственная деградация сказывалась на состоянии семьи» [2, с. 448]. При помощи исламских установлений Шамиль добивался не только преодоления межплеменной розни, но и формирования «единого народа верующих», где шариат выступал в качестве «устава для целостного народа» [2, с. 449].

При этом, как отмечал М.М. Блиев, «имамат не был однажды сложившимся и застывшим в своем развитии государственным аппаратом; напротив, он был чутким «организмом», одинаково «отзывчиво» реагирующим на социальные и военно-политические перемены, происходившие внутри государства и за его пределами» [2, с. 457]. Эта качественная черта выступала фактором его динамического развития и способствовала «гибкости в управлении» [2, с. 457].

В целом управленческая система имамата находилась в большой зависимости от военного ополчения, из которого выросло само государство. При этом исламский фундамент горской государственности способствовал тому, что горское население приучалось воспринимать своего лидера через многообразие смыслодержательных форм: в ипостаси имама, верховного правителя и предводителя «в борьбе с неверными» [5, с. 412]. Имамы пытались строить в горах централизованную государственность с

развитыми управленческими учреждениями, хотя и азиатскими по форме, но почти не имевшими длительного опыта существования в горской среде.

Созданные в имамате высшие управленческие институты надэтнического характера – Совет ученых и Народное собрание – не успели приобрести законченного вида, постоянно претерпевали качественное обновление своей структуры и находились в сильной зависимости от целей и возможностей имамов [9, с. 418–430]. При имаме Шамиле эти горские государственные институты были вытеснены на периферию политического процесса и уступили свою первостепенность и влияние Съездам наибов и Диван-ханэ (Верховный совет). Такое развитие управленческой практики горской государственности обуславливалось не только личностными качествами имама Шамиля, но было отражением внутренних социокультурных перемен, происходивших в горских обществах под влиянием проводившихся преобразований и Кавказской войны. Кроме того, «утверждение Съезда наибов в качестве высшего совещательного органа подтверждало два важных факта – военно-демократическую структуру имамата и ее светскость» [2, с. 459; 9, с. 409–411].

Кроме высших органов власти и управления в имамате сложились управленческие институты всех иных уровней, объединенных в систему «административных лиц, к которым относились дебиры (муллы и кадии), муфтии, наибы, мудиры, муртазеки и татели» [1, с. 1476; 2, с. 463], правоспособность которых определялась шариатом и низамами имама. Они содержались казной за счет налогов, собираемых с населения.

Как всякие государственные управленческие структуры, названные институты власти требовали немалого содержания, которым казна имамата в достаточной мере не располагала. Данную проблему имаму удавалось решать за счет осуществления набегов для получения военной добычи в регионы Кавказа, находившиеся под контролем российской администрации, или на территории горцев, проживавших за пределами имамата.

Имамату, однако, не хватило ни времени, ни сил для полного укоренения в горской среде. Проводимые имамом Шамилем преобразования как по форме, так и по содержанию требовали коренной, революционной трансформации горского существования, цивилизационной перенастройки, а такого рода задачи требуют длительного времени и усилий, выходящих за рамки одного поколения. По этой причине остро вставал вопрос о наследовании политической власти в имамате, поскольку замысленные и проводившиеся преобразования тесно были привязаны к их инициатору. Имам не мог передать власть в руки человека, не способного продолжать реализацию его преобразовательной программы. Этническая и кланово-родовая идентичность среди горцев продолжала упорствовать, не поддавалась и не признавала абсолютности исламской универсальности, по крайней мере, постоянно проступала сквозь утверждавшуюся в горах религиозную парадигму, а потому возможность передачи власти одному из членов семьи (сыновья, тесть) или начальнику мюридов не была очевидным результатом из-за возможной реакции наибов.

В то же время многочисленные сподвижники имама – наибы – располагали определенными властными возможностями и необходимой на Востоке харизмой только в своих этно-социальных ареалах, за пределами которых им трудно было рассчитывать на понимание и подчинение. Многочисленные наибы оставались героями своих этнических сообществ, в то время как продолжавшиеся военные действия постоянно прорывали их ряды, приводили к гибели наиболее авторитетных и умелых из них [2, с. 527].

Институт наибства содержал также противоречия более фундаментального характера: при реализации властных полномочий часто возникали разногласия между имамом и наибами из-за разного понимания и представлений о «добре» и «зле», «законности» и «незаконности» в их действиях, при том, что все они исповедовали «одну и ту же идеологию в организации новой модели общества» [2, с. 474].

Кроме того, само общественное устройство имамата содержало изначальное противоречие, поскольку, по замыслам имама Шамиля, в горском государстве должно было быть обеспечено социально комфортное существование всем социальным группам одновременно. Этого в реальной жизни добиться не удавалось, несмотря на то, что государство готово было, исходя из буквы и духа Корана и Сунны, осуществлять «покровительство бедным и сиротам» [2, с. 474].

Слабой стороной имамата была текучесть его государственно-административных границ. К 1844 г. территория имамата достигла наибольших размеров и на 2/3 состояла

из нагорных областей Дагестана и Чечни с общей численностью в 100-150 тысяч подворий подвластного полиэтнического населения [5, с. 413]. С конца 1846 г. до 1859 г. имамат стал претерпевать территориальные потери. Те или иные равнинные или горные области подпадали под контроль русской армии и русской военной администрации. Это постепенно сокращало мощь и возможности имамата, отнимало у него как людские, военные, экономические ресурсы, так и ослабляло веру местных народов в возможность победы в войне с Российской империей.

Деспотическая по форме и механизмам власть наибов отвергалась большинством горских обществ. Однако в обстоятельствах незавершенности государственного строительства и перманентной необходимости соотносить его институциональность с событиями Кавказской войны и процессами революционного внутрисоциального переустройства горской среды, вызывавшимися исламизацией горского быта и мировоззрения, имамат не сумел найти иных ресурсов, кроме силового инструментария. К тому же имамат не сумел предложить Кавказу альтернативных, но сопоставимых по качеству и содержанию с российскими способов существования.

Военное противостояние с Россией, отсутствие налаженной регулярной, универсальной и высокопродуктивной экономики (современной промышленности), стабильности в обществе и недостаточная устойчивость быта, социально-культурные потрясения, связанные с внутренней борьбой в имамате, неукорененность новых, альтернативных горским адатам нравственно-правовых ценностей – все это привело к историческому поражению имамата.

Литература:

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1904. – Т. XII. – 1552 с.
2. Блиев, М.М. Горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 877 с.
3. Градовский, А.Д. Собрание сочинений. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. – 420 с.
4. Гранкин, Ю.Ю. Наместничество и реализация стратегии экономического развития Северного Кавказа в 1844–1881 гг. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2011. – 403 с.
5. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в. Сборник документов / Дагестанский филиал Акад. наук СССР. Ин-т истории языка и литературы им. Гамзата Цадасы. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. – 785 с.
6. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902): [В 7 т.] / Сост. С.М. Середонин. – СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. – Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. Сентября 8 – 1825 г. Ноября 19). – 608 с.
7. Лазарян, С.С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. – 323 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Выпуск 1. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XXII. – №16194. – 1174 с.
9. Покровский, Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: РОССПЭН, 2009. – 584 с.
10. Фадеев, Р.А. Кавказская война. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 640 с.

УДК 323.22/.28

*Джанкезов Батыр Махарович
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, соискатель кафедры
конституционного и муниципального права,
г. Москва, Россия,
E-mail: bmd_09@mail.ru*

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация: Статья посвящена перспективам использования междисциплинарной научной парадигмы «конституционная политика» для анализа ключевых исторических событий в Карачаево-Черкесской Республике. Приведены различные подходы к выделению исторических

событий в истории республики. На примере депортации карачаевского народа показаны перспективы использования комбинированной политико-правовой методологии.

Ключевые слова: конституционная политика; Карачаево-Черкесская Республика; исторические этапы; депортация

Dzhankeзов Batyr Makharovich,
an applicant for the department of constitutional and municipal law of
Lomonosov Moscow State University,
E-mail: bmd_09@mail.ru

MAJOR HISTORICAL STAGES OF DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONAL POLITICS IN KARACHAY-CIRCASSIAN REPUBLIC

Abstract: The article is devoted to the prospects of using the interdisciplinary scientific paradigm "constitutional politics" for the analysis of key historical events in the Karachay-Circassian Republic. Various approaches to the selection of historical events in the history of the republic are given. On the example of the deportation of the Karachay people, the prospects for the use of a combined political and legal methodology are shown.

Key words: constitutional politics; Karachay-Circassian Republic; historical stages; deportation

Терминологическая конструкция «конституционная политика» (constitutional politics) довольно распространена в европейской и североамериканской социогуманитарной мысли. Этот подход основан на нормативном институциональном подходе, комбинирующем методологию конституционного права и политической науки. Несмотря на большой исследовательский потенциал конституционной политики, в российской политологии этот концепт не востребован. В то время как конституционалисты используют категорию «конституционно-правовая политика» как часть общей правовой политики.

Если в целом правовая политика нацелена на анализ и разработку методов оптимального правоустановительного и правоприменительного механизма, то у конституционной политики роль заметно шире. Конституционное право в силу функций юридического регулятора политических (преимущественно) отношений в обществе наиболее тесно взаимосвязано с политической системой общества. Поэтому конституционная политика, наряду с общими функциями правовой политики, выполняет ключевую роль взаимодействия наиболее важных политических акторов/субъектов конституционного права и обеспечения согласования их интересов [2].

Мы считаем, что концепция конституционной политики имеет большой потенциал в кавказоведении, что можно проиллюстрировать на примере Карачаево-Черкесской Республики.

В качестве основных исторических этапов развития Карачаево-Черкесской Республики, включенных в предметное поле конституционной политики, предлагается включить моменты, связанные с возникновением и трансформацией государственности республики, а также другие события, имеющие конституционно-политическое значение.

По мнению Ф.С. Бекировой, в истории Карачаево-Черкесии как республики в составе России можно выделить семь основных направлений конституционных реформ:

- а) расширение признаков государственности КЧР;
- б) решение проблемы обеспечения надлежащего представительства в органах власти КЧР разных этносов;
- в) совершенствование конституционно-правовых основ республиканского референдума с целью предупреждения ситуаций его использования в политической (межэтнической) конфронтации как альтернативы процедуре выборов;
- г) осуществление конституционных изменений, касающихся изъятия из законодательства норм, стимулирующих с позиций Федерации тенденции к суверенизации республик;
- д) отражение в Конституции и законодательстве Карачаево-Черкесской Республики новелл, вводимых в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» с целью обеспечения управляемости регионов;

е) осуществление судебной реформы (создание судов Карачаево-Черкесской Республики как субъекта Российской Федерации);

ж) осуществление на республиканском уровне преобразований местного самоуправления, проводимых в федеральном масштабе» [1].

Мы предлагаем в качестве основных исторических этапов развития конституционной политики в Карачаево-Черкесской Республике указать:

1. Образование 22 января 1922 г. Карачаево-Черкесской автономной области в составе Юго-Восточного (с 1924 года – Северо-Кавказского) края.

2. Разделение области 26 апреля 1926 г. на Карачаевскую автономную область и Черкесский национальный округ.

3. Депортация карачаевцев в ноябре 1943 г. и ликвидация Карачаевской автономной области.

4. Принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 года «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны».

5. Образование 11 февраля 1957 г. Карачаево-Черкесской автономной области в составе Ставропольского края.

6. Выход Карачаево-Черкесской автономной области из состава Ставропольского края и провозглашение Карачаево-Черкесской Советской Социалистической Республики в составе РСФСР.

7. Попытки восстановления или создания автономий в 1990–1991 гг.

- 18 ноября 1990 г. – Карачаевская Советская Социалистическая Республика (с 17 октября 1991 г. – Карачаевская Республика);

- 27 октября 1991 г. – Республика Черкесия.

- В ноябре 1991 г. – Абазинская Республика.

- 19 августа 1991 г. – Баталпашинская Казачья Республика и Зеленчукско-Урупская Казачья Советская Социалистическая Республика (30 ноября 1991 г. объединившиеся в Верхне-Кубанскую Казачью Республику).

8. Образование Карачаево-Черкесской Республики путем внесения соответствующего положения в Конституцию РСФСР 16 мая 1992 г., подтвержденное впоследствии в Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.

9. Принятие Конституции Карачаево-Черкесской Республики 5 марта 1996 г.

10. Первые выборы президента Карачаево-Черкесской Республики и политический кризис 1999 г.

11. Образование Абазинского и Ногайского районов в 2005 г.

12. Реформирование порядка избрания главы республики, численного состава Народного Собрания и т. д. [3].

В качестве иллюстрации включения в предметное поле конституционной политики исторического явления можно указать предпосылки, осуществления и последствия депортации карачаевского народа в 1943 году.

В исторической памяти нашего государства до сих пор нет безусловного понимания истинной природы этого страшного преступления против целого народа, что затрудняет решение многих современных вопросов.

Таким образом, существенным элементом конституционной политики следует признать вопросы конституционно-правовой реабилитации народов и различных социальных групп (культурно-этнических общностей) Карачаево-Черкесии, репрессированных в разные этапы существования нашего государства. Это именно предмет конституционной политики, поскольку «тема исследования депортации народов Северного Кавказа и их конституционно-правовой реабилитации актуальна не только в научном плане, но и в политическом. Отход от правды, правовые изломы, пренебрежение уроками прошлого уже нанесли немалый вред нашему обществу, вызвали глубокую деформацию не только в области правовых знаний, но и в межнациональных отношениях» [5].

В первую очередь, следует сказать о правовой оценке депортации. Депортация не просто переселение. Это преступное ограничение в гражданских правах по этническому признаку всех: от столетних старцев до еще не рожденных младенцев.

По мнению А.Б. Зубова, в соответствии с Конвенцией ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. под геноцидом пони-

маются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

То, что совершалось над выселяемыми в годы войны «репрессированными народами», как нам кажется, точно подпадает под пункт С статьи II Конвенции, то есть «предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее». В целях детализации Конвенции в Уголовном кодексе Российской Федерации прямо сказано, что геноцид включает в себя в том числе и «насильственное переселение» национальной, этнической, расовой или религиозной группы (ст. 357 УК РФ). И хотя юридически квалифицировать то или иное действие как геноцид может только суд, на наш взгляд, действия, совершенные коммунистическим руководством СССР в отношении множества народов, содержат в себе признаки преступления, которое можно квалифицировать как геноцид [4].

Таким образом, в современном кавказоведении отдельное место должна занимать конституционная политика реабилитации репрессированных народов (культурно-этнических общностей).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что конституционная политика как междисциплинарный подход должна быть взята на вооружение современными кавказоведами.

Литература:

1. Бекирова, Ф.С. Конституционно-правовой статус Карачаево-Черкесской Республики как государства в составе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.
2. Джанкезов, Б.М. Роль конституционной политики в обеспечении стабильности и устойчивости российской политической системы // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2019.
3. История Карачаево-Черкесии // Википедия. [2019-2019]. Дата обновления: 14.07.2019. URL: <https://ru.wikipedia.org/?oldid=99084611> (дата обращения: 14.07.2019).
4. История России XX век. Эпоха сталинизма (1923–1953) / Под ред. А.Б. Зубова. – М.: Издательство «Э», 2016. – Том II. – 752 с.
5. Муртазалиев, В.Ю. Конституционно-правовая реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2005. – 30 с.

УДК 32.019.5

Джантеева Джульета Солтановна
Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета»
институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР, кандидат исторических наук, доцент,
зав. отделом социально-политических исследований,
г. Черкесск, Россия,
E-mail: dchulyach@inbox.ru

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА: СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ КЕЙС

Аннотация: Статья посвящена изучению использования историко-культурного наследия в качестве ресурса государственной национальной политики России на территории Северного Кавказа. Автор обращается к политике памяти государства, связанной с героической историей. На основе анализа официальных документов и информации из открытых источни-

ков выделены основные составляющие репрезентации героического прошлого, визуализации и интерактивизации коллективной памяти о войне, способствующие достижению идентификационных целей современной политики нациестроительства.

Ключевые слова: политика памяти, репрезентация истории, интерпретация истории, нациестроительство, Великая Отечественная война, Северный Кавказ

Dzhanteeva Dzhul'eta Soltanovna
Karachay-Circassian order «Badge of Honor»
Institute for Humanities research
under the Government of the Karachay-Circassian Republic,
Ph.D in history, associate professor,
head of department of socio-political researches,
Cherkessk, Russia,
E-mail: dchulyach@inbox.ru

POLITICS OF MEMORY IN THE CONTEXT OF NATION-BUILDING: THE CASE OF THE NORTH CAUCASUS

Abstract: The Article is devoted to the study of the use of historical and cultural heritage as a resource of the state national policy of Russia in the North Caucasus. The author refers to the policy of memory of the state associated with the heroic history. Based on the analysis of official documents and information from open sources, the main components of the representation of the heroic past, visualization and interactivity of the collective memory of the war, contributing to the achievement of the identification goals of the modern policy of nation-building.

Key words: politics of memory, representation of history, interpretation of history, nation-building, the Great Patriotic war, the North Caucasus

В периоды политических реформ всегда были востребованы знания о событиях прошлого, с помощью которых властвующая элита моделирует и утверждает новые векторы политики нациестроительства. История как предмет национальной политики стала использоваться в связи с изменением подходов к адаптации этнокультурных, расовых, религиозных различий в рамках концепции мультикультурализма, который также является триггером новых исторических нарративов, связанных с реанимацией опыта подчиненных групп, что ставит под сомнение доминировавшие прежде доктрины [1, p. 14–24].

В условиях трансформации российской политической системы и «бума памяти» [2, с. 13] вопросы использования историко-культурного наследия в качестве ресурса государственной национальной политики приобретают особую значимость. К тому же уникальным мегатрендом многовековой истории России является сохранение этнокультурного потенциала страны [3, с. 5], а одна из стратегических задач современной политики нациестроительства заключается в содействии национально-культурному развитию [4], что практически невозможно без актуализации исторического знания о совместном пути развития, солидарности народов страны и истоках общероссийского единства. Примечательна в этом плане государственная историческая политика, направленная на актуализацию темы героического прошлого и связанная с победой советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и разгромом нацизма в Европе. Рассмотрим этот аспект деятельности государства на примере Северного Кавказа.

В последние годы в связи с намерениями отдельных политических акторов пересмотреть итоги Второй мировой войны, сопровождающимися попытками изъять у историков традиционную монополию на интерпретацию прошлого, перед властвующими и интеллектуальными элитами России и Северного Кавказа объективно встала проблема сохранения в общественной исторической памяти подлинной истории войны с решающим вкладом советского народа в разгром немецко-фашистских войск и их союзников. При этом особый акцент сделан на то, чтобы стимулировать интерес молодежи Северного Кавказа к историко-культурному наследию России и поддержке молодежных инициатив, направленных на укрепление единства российской нации [5]. Это очень важно, если учесть, что сегодня во многих странах в процессе переформатирования коллективной исторической памяти пересматривается советское историческое наследие, в том числе и история Великой Отечественной войны. Как отмечает В.А. Ачкасов, в посткоммунистических странах концепции

национальной школы призваны сконструировать историческую память путем создания нового, антисоветского национального нарратива, актуализировать и сделать «видимыми» старые и создать новые культурные границы. Поэтому в результате Великая Отечественная война, т. е. «общая война в сознании школьников государств постсоветского пространства окончательно сменилась 15 отдельными войнами, вне зависимости от того, характеризуются они позитивно или негативно», при этом декоммунизация истории войны неизбежно вела к реабилитации коллаборационизма [6].

Указанные обстоятельства определили приоритетность государственных задач властвующей элиты, одной из которых стала историческая политика, то есть «намеренные и формально легитимные действия политиков и чиновников, которые направлены на укрепление, удаление или переопределение отдельных фрагментов общественной памяти» (Л. Нияковский) [7]. Политика памяти о войне находит отражение во внутренней и внешней политике страны с включением различных коммеморативных практик, официальной интерпретации истории войны и ее значения для духовно-нравственного воспитания молодежи и укрепления единства многонационального народа России. Отдельное внимание уделяется последствиям фальсификации истории войны в общественно-политическом дискурсе и других формах политической коммуникации акторов этнополитики. В «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» обозначены негативные факторы, влияющие на состояние национальных и межнациональных отношений. В их числе: 1) недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер, направленных на формирование российской гражданской идентичности; 2) воспитание культуры этнических/межэтнических коммуникаций; 3) изучение истории и самобытных традиций народов России, их солидаризации вокруг решения проблем укрепления государства и защиты Отечества. Ранее мы также обращали внимание на политические аспекты исторической памяти и гражданской идентичности сквозь призму реализации современной концепции нацистроительства [8, с. 403–414].

Совершенно очевидно, что существующий в настоящее время внешнеполитический контекст истории Великой Отечественной войны определил дискурсы, стратегии и тактики исторической политики государства на Северном Кавказе. В данной связи местные власти фокусируют свое внимание на: 1) обращении к логике конструирования истории войны на Западе; 2) российской интерпретации истории войны и ее эпизодов; 3) акцентировании героизма советского народа в войне 1941–1945 гг., включая битву за Кавказ; 4) оценке значения и итогов войны для достижения идентификационных целей государственной политики нацистроительства на основе общероссийской гражданской идентичности и общего героического прошлого. При этом в ходе публичных выступлений политические элиты целенаправленно формируют фреймы коллективной памяти, способные вызывать патриотические чувства и конструктивно влиять на укрепление единства российской нации.

Исследователи отмечают трансформацию массового исторического сознания, связанного с восприятием Дня Победы, который из дня памяти и скорби превратился в день радости и гордости за свою страну, а с годами отметить этот праздник становится все важнее для россиян. Об этом свидетельствуют и результаты массовых социологических опросов, проведенных Левада-Центром. Социологи Центра отмечают, что «с начала 1990-х, когда этот праздник считали самым важным 25%, а свой день рождения — 43%, мы пришли к тому, что свой день рождения по-прежнему считают самым важным 42%, но 9 мая как День Победы сравнялся с ним по важности (те же 42%)». По данным МВД России, в стране 70-летие Победы отметили более 12 млн человек. Значительная часть населения Северного Кавказа также приняла участие в торжественных мероприятиях, приуроченных к этой дате. Так, в Чеченской Республике в них приняли участие 112 тыс. человек, а в Карачаево-Черкесии — около 136 тысяч человек. В Махачкале только в параде Победы приняли участие более 9 тыс. человек. В честь предстоящего 75-летия Победы в Великой Отечественной войне Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина 2020 год в стране объявлен Годом памяти и славы [9].

В политике памяти власть продолжает практиковать различные способы репрезентации героического прошлого, визуализации и интерактивизации его коллективной памяти о войне, что отчетливо проявляется накануне Дня Победы. Власть также поддерживает инициированные общественными и молодежными организациями военно-

патриотические проекты. При этом особая роль отводится СМИ, так как распространенный в России тип коллективной памяти о Великой Отечественной войне укрепляется и транслируется преимущественно с помощью государственных информационных ресурсов, поскольку вызываемые этой памятью духовно-нравственные ценности соответствуют направлениям современной политики конструирования национальной идентичности россиян и формирования единой российской нации. И это правильно, если учесть четкую взаимосвязь между исторической памятью и идентичностью. «Идентичность укоренена в памяти, идентификация – одна из основных (наряду с легитимацией) функций коллективной памяти. Манипуляции памятью являются одновременно и манипуляциями с идентичностью» [10, с. 43].

При первичном обращении к практической стороне рассматриваемого вопроса обнаруживается, что праздничные мероприятия по случаю юбилейных дат, связанных с историей Великой Отечественной войны, планируются на уровне всей страны. Общероссийский план мероприятий, приуроченных к предыдущему 70-летию юбилею Победы, был обнародован еще летом 2013 года. План был подготовлен Минкультуры РФ на основании предложений органов власти и заинтересованных организаций. В документе учтены мероприятия госпрограммы «Патриотическое воспитание граждан России на 2011–2015 годы» [11]. Плановая работа по подготовке и проведению праздничных мероприятий по случаю праздника проводилась во всех субъектах Северного Кавказа, где были созданы соответствующие оргкомитеты под руководством губернаторов. План основных мероприятий, приуроченных к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., был утвержден Правительством РФ в декабре 2018 г. [12].

Анализ заявленных и проведенных мероприятий показал, что политика памяти государства на Северном Кавказе ориентирована на повышение внимания общества ко Дню Победы, многонациональному подвигу народа в войне и оценке ее результатов в России и мире. При этом первостепенное внимание власть уделяла ветеранам и труженикам тыла, то есть непосредственным победителям.

Практически во всех субъектах Северного Кавказа проводится большая подготовительная работа к 9 Мая, в ходе которой реставрируют памятники защитникам Отечества и воинам Великой Отечественной войны, жертвам депортации военных лет. 8 мая 2015 года в столице Кабардино-Балкарии (г. Нальчик) состоялась торжественная церемония открытия 12-метровой стелы «Город воинской славы». Этому высокому званию город удостоен в 2010 году за проявленное мужество его защитников в период боевых сражений на Кавказе в 1942–1943 гг. Тогда в ходе схватки с врагом погибло более 9 тысяч человек.

Строительство и реставрация памятников имеют большое значение в политике памяти потому, что власть выделяет символическое и духовно-нравственную ценность этих объектов. Памятники участникам Великой Отечественной войны и защитникам Отечества являются не только историко-культурной, но и мемориальной ценностью, подлинными источниками, свидетельствующими о трагических страницах военной истории. К тому же монументы в память о войне являются «местами памяти», где проходят массовые мероприятия с участием представителей власти, которые демонстрируют свое отношение к происходящему не только своим присутствием, но и выступлениями.

В контексте рассматриваемой темы следует обратить внимание на то, что власть проводит работу с использованием современных информационно-коммуникационных технологий и реализует интернет-проекты, посвященные теме Победы. В частности, по поручению главы КЧР Р.Б. Темрезова в регионе создан и успешно функционирует интернет-портал «Наша Победа» (<http://pobeda09.ru/>). Как отметили представители медиахолдинга «КЧР-медиа», реализующие данный проект, основная его цель – донести в доступной, интересной, познавательной форме все, что известно о вкладе многонационального народа КЧР в Победу в Великой Отечественной войне. Данный информационный ресурс включает материалы о ветеранах, акциях и проектах, посвященных победе Советской Армии над фашистской Германией, а также анонсы военно-патриотических мероприятий. На наш взгляд, данный ресурс требует дополнения в части, касающейся вклада тружеников тыла и репрессированного карачаевского народа в Победу в Великой Отечественной войне в местах депортации. Кроме того, желательно расширить сайт рубрикой, в которой бы содержалась библиографическая информация по теме.

В контексте рассматриваемого вопроса особое внимание привлекают военные парады и митинги, которые ежегодно проходят 9 Мая – в День Победы. С 2015 года одним из самых значимых элементов этих мероприятий стал «Бессмертный полк» – шествие потомков победителей с портретами участников войны. В 2015 году «Бессмертный полк» прошел после парада Победы во всех субъектах Северного Кавказа. Тогда в Ставропольском крае в этом проекте приняли участие более 12 тысяч человек, в Кабардино-Балкарии – 5 тысяч, в Карачаево-Черкесии – 2 100, в Северной Осетии – 1 500, а в Ингушетии – более 1 000 человек. О масштабности проекта «Бессмертный полк» свидетельствует и то, что уже на старте он был реализован в 600 населенных пунктах 11 стран мира. На сегодняшний день акция «Бессмертный полк» охватывает более 100 стран мира [13], объединяя миллионы людей разных национальностей и конфессий.

В целом политика памяти на Северном Кавказе проводится в соответствии с общероссийской политикой нациестроительства и отвечает современным геополитическим и внутренним вызовам, способствуя укреплению единства многонационального народа России на основе российской гражданской идентичности и общей героической истории.

Литература:

1. Heisler, M.O. The political currency of the past: History, memory, and identity // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 2008. Vol. 617. – №1. – Pp. 14–24.
2. Малинова, О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.
3. Зорин, В.Ю., Абрамов, В.А. Государственная национальная политика, консолидация общества и политическая наука в современной России // *Вестник Московского государственного областного университета. Электронный журнал*. – М., 2018. – №1. Режим доступа: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/861> (дата обращения: 14.07.2019 г.).
4. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента №1666 от 09.12.2012 г. // *Официальный сайт Президента РФ*. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 13.07.2019 г.).
5. Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики». Утв. Постановлением Правительства РФ 29.03.2019 г. № 360 // *Официальный сайт Правительства РФ*. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/121467/> (дата обращения: 13.07.2019 г.).
6. См.: «Расскажу вам о войне...». Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках и сознании школьников славянских стран / Отв. ред. Т.С. Гузенкова. – М.: Риси, 2012. – 432 с.
7. Цит. по: Траба, Р. Польские споры об истории XXI века // *Pro et Contra*. – 2009. – №3–4 (46). – С. 43–64.
8. Джантеева, Д.С. Историко-культурное измерение гражданской идентичности в полиэтничной Карачаево-Черкесии // *Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов* / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 403–414.
9. Указ «О проведении в России Года памяти и славы» // *Официальный сайт Президента РФ*. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/60954> (дата обращения: 13.07.2019 г.).
10. Васильев, А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // *Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке* / Отв. ред. Н.А. Кочеляева. – М., 2012. С. 29–57.
11. Представлен план мероприятий к 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // *ИАР «ТАСС»*. Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/633465> (дата обращения – 21.06.2019).
12. План основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Утв. Распоряжением Правительства РФ №2660-р от 1.12.2018 г. // *Официальный сайт Правительства РФ*. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/119529/> (дата обращения – 22.06.2019).
13. «Бессмертный полк» в России и мире // *Официальный РИА «Новости»*. 9.05.2019 г. Режим доступа: <https://ria.ru/20190509/1553389002.html> (дата обращения – 22.06.2019).

Куначева Фатима Гетагашевна
Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У.Д. Алиева,
доцент кафедры истории России,
г. Карачаевск, Россия

ВЛИЯНИЕ НОРМ АДАТА И ШАРИАТА НА ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ АБАЗИН В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация: В статье проанализирована роль адата и шариата в семейном быту абазинского этноса. Автор на основе литературных и исторических источников показывает проявление, функционирование и взаимовлияние норм адата и шариата во внутрисемейных отношениях абазин.

Ключевые слова: адат; адатное судопроизводство; шариат; большая семья; малая семья; моногамная семья; род; глава семьи; почитание старших; традиции

Kunacheva Fatima Getagashевна
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev,
Associate professor of the Russian History Department,
Karachayevsk, Russia

THE INFLUENCE OF THE ADAT AND SHARIA NORMS ON INTER-FAMILY RELATIONS OF ABASIN FROM 19th CENTURY TO THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Abstract: The article analyzes the role of adat and sharia in family life of Abazin ethnic group. The author shows the manifestation, functioning and interaction of the norms of adat and sharia in inter-family Abazin relations on the basis of literary and historical sources.

Key words: adat; adat shipbuilding; Sharia; big family; small family; monogamous family; race the head of the family; honoring elders; traditions

Как известно, в исследуемый период адат и шариат сочетались во всех сферах повседневного быта абазин, в том числе довольно ярко во внутрисемейных отношениях. Адат (от арабского «адат» – обычаи, привычки) – обычное право; неписаные законы. Исполнение норм адата было абсолютно обязательным, а нарушение сурово наказывалось общественным сельским сходом.

По мере исламизации народов Северного Кавказа наравне с адатами стали применять нормы мусульманского теологического права – шариата.

Весьма ценной для нашего исследования является работа Н. Тарнау «Изложение начал мусульманского законоведения» [14, с. 15]. Заслуга автора заключается в том, что он исследовал «традиционный» шариат, который для лучшего осмысления нуждается в комментариях. Формирование «традиционного» шариата (как и ислама. – Ф.К.) связано с локальными этнокультурными особенностями. Он привязан к образу жизни северокавказских этносов, является «охранителем» местной культурной идентичности.

«Именно с «традиционным», а не богословским исламом ассоциируется связь этнического и конфессионального начал на Северном Кавказе, главным направлением эволюции ислама и шариата стало именно приспособление его к локальным культурным и этноюридическим традициям», – писал о «традиционном» шариате З.Х. Мисроков [10, с. 3].

Традиционная семья является результатом длительного эволюционного процесса. В XIX – начале XX в. у абазин существовали две формы семьи: большая и малая.

Большая семья называлась у тапанта «тГачваду» (большая семья), а у шкарауовцев также «тГачваду», «унагІважв» (старая семья) и «чуанкІ йацтачаз» (евшие из одного котла), малая семья «тГачвачкІвын» (маленькая семья). И в большой и в малой семье господствовал ярко выраженный патриархальный порядок. Я.С. Смирнова отмечает, что «этот порядок различался у отдельных народов в некоторых деталях, но совпадал в главных чертах, так как определялся сходными патриархально-феодальными ада-

тами, общими для всех, кроме христиан-осетин, нормами мусульманского права, а в значительной мере и законами Российской империи» [13, с. 185].

Шариат разрешал мужчине иметь до четырех жен, но многоженство абазин не было распространенным явлением. В документах 1850–1860-х гг. изредка встречаются указания на наличие у одного мужа нескольких жен. Это были, как правило, семьи знатных и богатых людей. К примеру, аха (князь. – *Ф.К.*) Кучук Кечев имел семь жен, две жены было у аха Джанхота Лоова [3, с. 5]. Но подавляющее большинство абазинских семей были моногамные.

В пореформенное время процесс распада больших семей на малые ускорился, что было вызвано не только развитием капиталистических отношений. Существенными факторами явились переселение большей части абазин в Турцию и переезд оставшихся абазинских аулов из горных районов в предгорные и плоскостные.

Глава семьи обладал почти неограниченной властью. Все члены семьи находились в его полном повиновении. В семье существовала строгая половозрастная иерархия: все члены семьи подчинялись ее главе, младшие – старшим, женщины – мужчинам. Традиционное почитание старших почти исключало крупные конфликты между отцом и детьми. «Власть родительская, – отмечал Ф.Ф. Торнау, посетивший некоторые селения в 1830-х гг., – неограниченна. Отец не отвечает ни перед кем за жизнь своего ребенка» [15, с. 38].

Глава семьи распоряжался имуществом семьи и мог лишить наследства. Так поступил, например, Асланбек Дударуков по отношению к своим сыновьям за то, что они «делали отцу дерзости» [4, с. 1, 2].

Не следует забывать о том, что все права и обязанности главы семьи строго охранялись адатами, и в этой связи он не был правомочен менять что-либо. Из братьев особым уважением в семье пользовался старший. Он был главным помощником отца и его преемником. «Старший сын – опора для семьи», – гласит абазинская пословица [2, с. 48].

Адаты определяли внутрисемейные отношения. Отцу по адату было запрещено играть со своими детьми при посторонних, проявлять к детям отцовские чувства, брать их на руки и т. д. Шариатские установления все это не запрещали. Полевой материал свидетельствует о традиционном патриархальном укладе в семейном быту абазин, согласно которому главе семейства беспрекословно подчинялись все члены семьи, что характерно и для других народов Северного Кавказа. Внутрисемейные отношения строились на основе норм и обычаев, несоблюдение которых не подвергалось конкретным наказаниям, но жестко осуждалось общественным мнением. В то же время нередко внутрисемейные отношения регулировались правовыми нормами. Нормы обычного права защищали личную собственность жены. Если муж посягал на личную собственность жены, то она имела право обратиться за помощью к родителям, а последние в свою очередь обращались в суд. Аналогичные права жены зафиксированы и в шариате. Г.М. Керимов писал: «По закону (шариата. – *Ф.К.*) все приданое жены, ею полученное от мужа и от родителей, принадлежит жене, и муж не имел права им распоряжаться» [5, с. 207]. Известный исламовед И.П. Петрушевский отмечал: «Шариат обязывает жену повиноваться мужу. Но власть мужа распространяется только на личность жены, а не на ее имущество. В отличие от европейского феодального права, а позднее буржуазного законодательства, по которому имуществом и приданым жены распоряжается муж, мусульманское право строго проводит принцип раздельности имущества супругов. Муж не имеет права распоряжаться имуществом жены» [12, с. 175].

Таким образом, обычное и мусульманское право защищали и частное имущество супруга.

В вопросе наследования нормы адата и шариата не совпадали. Все права и обязанности главы семьи строго охранялись адатами. Адат провозглашал исключительное право в этом вопросе для мужчины – главы семьи: «Каждый из князей и узденей может распоряжаться своим имуществом, как ему заблагорассудится. Он может продать или подарить, кому захочет, как недвижимое, так и движимое свое имущество, будет ли оно родовое или благоприобретенное, и наследники его, прямые и дальние, не могут тому воспрепятствовать и не имеют права распространять на это имущество свои иски» [7, с. 200]. Р.И. Леонтович в «Адатах...» [8, с. 248] отметил: «Желающий передать (составить завещание. – *Ф.К.*) призывает кадия и двух свидетелей, при которых кадий пишет с его слов духовное завещание и скрепляет слова печатью в присутствии свидетелей» [9, с. 248].

По адату все имущество передавалось сыновьям. Женщины по нормам адата лишались права на наследство. Иначе делилось наследство по шариату. Г.М. Керимов в работе «Шариат: закон жизни мусульман» отмечал: «Если же у покойного несколько дочерей и сыновей, наследство делится таким образом: доля каждого сына равна доле двух дочерей, т.е. сыновья получают в два раза больше, чем дочери» [6, с. 207]. У абазин в среде среднего и зависимого сословий при разделе наследства руководствовались нормами мусульманского права, а в княжеской среде согласно предписанию норм обычного права.

Среди женщин старшей в доме была мать семейства, которую называли «акИважва» (госпожа. – *Ф.К.*), а после ее смерти – жена старшего брата «атацаду//атацаахIба» (старшая невестка. – *Ф.К.*), даже если по возрасту она была моложе остальных невесток. Старшая женщина считалась хозяйкой. Невестки должны были подчиняться ей так же беспрекословно, как все члены семьи ее главе.

Круг обязанностей женщин в семье был широк и разнообразен. Женщины из высших сословий занимались лишь рукоделием. В крестьянской среде вся работа по дому и вне дома, в том числе и в домах владельцев, выполнялась женщинами.

За стол садились сперва мужчины. Затем ели женщины и дети.

Основной задачей семьи было воспитание детей, обычаи, связанные с воспитанием ребенка, передавались из поколения в поколение. Уход за ребенком осуществляла мать [16, с. 287].

Определяющим моментом в обществе по отношению к женщине являлось само поведение человека. Традиционный этикет абазин, как и других северокавказских культур, состоял из следующих элементов:

- привстать при появлении женщины;
- уступить место женщине;
- пригласить сесть на почетном месте;
- прислушаться к ее мнению;
- при разговоре не перебивать ее [16, с. 288].

Таким образом, в обществе к женщине всегда относились с уважением.

Институт почитания старших у абазин имеет глубокие корни, элементы которых передаются из поколения в поколение.

Практически семья без ведома старшего не принимала каких-либо малых или больших решений. Всегда советовались с главой (старшим семьи. – *Ф.К.*), который может принять (а в некоторых случаях единолично. – *Ф.К.*) решение по тому или иному вопросу.

В роду, как правило, выбирали старшего, который был наделен неограниченными полномочиями, и его любое решение всегда являлось ключевым; еще чаще бывало и так, что старшего не выбирали, а он получил автоматически статус старшего. В этом случае всегда учитывался возрастной ценз, когда старший по возрасту фактически становился лидером рода.

При решении основных вопросов, которые принимались в роду, последнее слово оставалось за старшим.

Во всех своих действиях младший проявлял корректность и уважение по отношению к старшему;

- начинал беседу с позволения старшего;
- садился при старшем только после предложения старшего;
- не говорил больше, громче старшего;
- не перебивал, не упрекал, не допускал в словах грубости;
- если младшему необходимо было срочно, по какой-то причине прервать беседу, то он должен был обязательно попросить прощения у старшего;
- если старший привстал, то младшему необходимо было последовать за ним [16, с. 286].

Присутствие старшего, уважение к старшим проявлялось везде в обществе, всегда имело нравственное значение. «Увидев на улице даже постороннего старика, наездник обязан был притормозить коня, так как проскакать мимо старика считалось верхом неуважения. Если шел известный молодому человеку старик, то он должен был сойти с коня и провести его мимо старика под уздцы», – пишет В.П. Невская [11, с. 197].

Нетрудно заметить, что характерные всем кавказским горцам уважение к главе семьи и требование беспорного послушания отцу, выставляемое шариатом, соединя-

ются, чтобы еще больше подчеркнуть безусловную власть отца. Не говоря о XIX веке, и в настоящее время среди горских народов глубоко почитают людей старшего возраста [1, с. 186–187].

Следует отметить, что сходные обычаи во внутрисемейных отношениях были у всех народов Северного Кавказа, подробно исследованные в трудах известных российских ученых-кавказоведов Я.С. Смирновой [13], М.О. Косвена [8].

Таким образом, к середине XIX – началу XX в. у абазин, как и у других народов Северного Кавказа, преобладала малая моногамная семья. По нормам адата и шариата главой семьи у абазин являлся отец.

Литература:

1. Абайханова, П.И. Интеграция Карачая в состав Российской империи: нормативно-правовой аспект (XIX – начало XX вв.). – Карачаевск: КЧГУ, 2013. – 400 с.
2. Табулова, Н.Т. Афористическая поэзия абазин. – Черкесск. 1977. – 144 с.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454. Оп. 7. Д. 375. Л. 5.
4. ГАКК. Ф. 774. Оп 1. Д. 324. Л. 1, 2.
5. Керимов, Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. – М., 2007. – 512 с.
6. Керимов, Г.М. Шариат и его социальная сущность. – М.: Наука, 1978. – 224 с.
7. Ковалевский, М.М. Закон и обычай на Кавказе. – М., 1890. – 290 с.
8. Косвен, М.О. Этнография народов Кавказа. – М., 1961.
9. Леонтович, Ф.И. Адаты кавказских горцев. – Одесса, 1883. – Т. 2. – 396 с.
10. Мисроков, З.Х. Адаты и шариат в российской правовой системе. – М., 2002. – 256 с.
11. Невская, В.П. Пережитки родовой общины и семейная община карачаевцев в XIX веке // Из истории Карачаево-Черкесии. Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. IV. Серия историческая. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1970. – С. 195–196.
12. Петрушевский, И.П. Ислам в Иране в 7–15 вв. – Л., 1966. – 512 с.
13. Смирнова, Я.С. Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа. – М., 1968. – 245 с.
14. Тарнау, Н. Изложения начал мусульманского законовещения. – СПб., 1850. – 475 с.
15. Торнау, Ф. Воспоминания кавказского офицера. – М., 1834. – 340 с.
16. Тхайцухов, М.С. Абазины. Страницы древней и средневековой истории. – Черкесск, 2006. – 400 с.

УДК 93/94

***Перетьяко Артем Юрьевич**
ФГАУ ВО «Южный федеральный университет»,
преподаватель Лицея ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия,
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru*

Д.А. МИЛЮТИН О ПРИОРИТЕТАХ РАЗВИТИЯ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА: ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1860 гг.¹⁶

***Аннотация:** Статья посвящена выявлению тех целей, которые Д.А. Милютин ставил перед Кубанским казачьим войском в первой половине 1860-х гг. Автор показывает, что эти цели носили преимущественно экономический характер и военное министерство хотело обеспечить увеличение доходов с территории войска, в том числе и за счет колонизации Кавказа.*

***Ключевые слова:** кубанское казачество, Д.А. Милютин, колонизация Кавказа*

***Peretyatko Artyom Yurievich**
Southern Federal University,
Lecturer of Lyceum of Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru*

D.A. MILYUTIN ABOUT THE PRIORITIES OF THE DEVELOPMENT OF THE KUBAN COSSACK HOSTS: THE FIRST HALF OF 1860

¹⁶ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №18-39-00009.

Annotation: *The article is devoted to identifying those goals that D.A. Milyutin set before the Kuban Cossack Hosts in the first half of 1860. The author shows that these goals were predominantly economic and the Ministry of War wanted to ensure an increase in revenues from the territory of the Hosts, including through the colonization of the Caucasus.*

Key words: *Kuban Cossacks, D.A. Milyutin, the colonization of the Caucasus*

Назначение Д.А. Милютин военным министром Российской империи в 1861 г. стало началом новой эпохи в истории казачьих войск, эпохи радикальных преобразований и стремительной модернизации. В связи с этим сюжетом нередко цитируют отрывок о задачах Военного Министерства в казачьих войсках из первого всеподданейшего доклада нового министра: «Министерство не должно забывать, что казачьи территории – не военные лагеря, но части государства, имеющие полное право пользоваться благами гражданского и экономического развития наравне с другими частями Империи» [7, с. 262–263]. В принятых вскоре «Соображениях учрежденного при Управлении Иррегулярных войск комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках» даже было сформулировано, что «по двоякому значению казачьих населений: военному и гражданскому, иметь в виду преимущественно развитие их в последнем значении» [4, л. 1]. Тем не менее вопрос о тех целях и задачах, которые ставило в это время Военное Министерство перед каждым казачьим войском, остается не исследованным. Как правило, историки рассматривают ход реформ и их последствия, но не ставят вопроса о правительственной логике, о тех причинах, которые привели к принятию определенного варианта преобразований. В полной мере это относится и к двум капитальным исследованиям по истории Кубанского войска, вышедшим в XXI в.: к монографиям «Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус» А.Н. Малукало [5] и «История кубанского казачества» коллектива авторов под общим руководством В.Н. Ратушняка [3]. Мы не претендуем на полноценный анализ преобразований кубанского казачества в 1860 гг., однако в ходе архивного поиска в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ) и в Государственном архиве Краснодарского края (далее – ГАКК) нам удалось обнаружить ряд документов, объясняющих выбор Д.А. Милютиным данной «гражданственной» модели преобразований, к которым и хотим привлечь внимание научного сообщества.

Прежде всего, следует отметить, что Д.А. Милютин служил на Кавказе и, в отличие от многих других военных министров Российской империи, имел представление не только о военном, но и о гражданско-административном устройстве казачьих войск. Еще в 1840 г., молодым офицером, он составил отзыв на проект генерал-майора Халанского, предлагавшего преобразовать «всю Кавказскую Область в Кавказское казачье войско» [8, л. 4]. Уже тогда Д.А. Милютин считал, что милитаризация Кавказа ради его защиты от горцев, увеличение доли казачьего населения приведет к «жертве всем будущим края, довольно завидным даже в общем строе Империи» [8, л. 28]. Будущее это молодой офицер связывал с постепенным переселением большинства казаков вслед за продвигающейся границей, с тем чтобы за оставшимися была сохранена только «полоса земли по обеим сторонам Терека и Кубани», а остальные войсковые и станичные территории «были заселены пришлецами» [8, л. 27]. И тогда, по мнению Д.А. Милютин, «земледелие и скотоводство будут процветать на тех местах, которые теперь считаются ни к чему не годными; Кавказская Область делается одной из многолюднейших губерний русских» [8, л. 27об]. Таким образом, уже в молодости будущий военный министр считал, что Кавказ представляет собой ценнейшую в экономическом отношении часть России, однако властям еще предстоит найти способ ее колонизовать. Интересно отметить, что в личном архиве Д.А. Милютин хранятся выписки и аннотации о французской колонизации Алжира с помощью поселенных войск начала 1840 гг. [9, 6]. Свою роль в колонизации Кавказа (мы используем этот термин вслед за самим Д.А. Милютиным) должны были сыграть и казачьи войска. Однако казаки, по мнению молодого офицера, плохо годились для хозяйственной колонизации уже потому, что им были «гораздо привычнее другие отрасли производства, чем земледельческие» [8, л. 27]. Тем не менее Д.А. Милютин предлагал сохранять Кубанское казачье войско и в будущем, после колонизации края, сократив его численность и возложив на него обязанности по внутренней службе (роль таможенной и лесной стражи) [8, л. 26об]. Мы бы

хотели отдельно отметить, что полное упразднение кубанского казачества будущей военный министр считал невозможным, однако считал неизбежным изменение его роли и значения в структуре местного населения.

И одна из ключевых идей «Соображений учрежденного при Управлении Иррегулярных войск комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках» поразительно близка этой мысли из отзыва Д.А. Милютин на проект генерала Халанского. «Развитие в казачьих населенных гражданственности и материального благосостояния не столько зависит от уничтожения замкнутости их положения (против которого в последнее время особенно восстало общественное мнение), сколько от образования в самих войсках свободных от обязательной службы сословий. Неестественно положение того общества, в котором все члены составляют одно только военное сословие» [4, л. 3]. Материальное благосостояние авторы «Соображений...» планировали развить тем же способом, что и Д.А. Милютин за два десятилетия до этого, за счет заселения части земель, освобожденных после выхода значительной доли казаков из военного сословия. «Войско могло бы, за определением земли для общинного пользования в количестве, необходимом для надела служилых казаков, остальные земли продавать постепенно или отдавать в оброчное содержание не только казакам, освобожденным от обязательной службы, но и посторонним людям, предоставляя, впрочем, в этом случае преимущество первым. Прямым последствием такой меры было бы значительное увеличение в крае народонаселения, а вместе с тем прилив рабочих рук, развитие земледелия и вообще богатства страны» [4, л. 3об]. Вопрос о том, кто лично писал «Соображения...», остается дискуссионным в современной историографии, однако за их составление в целом отвечал Н.И. Карлгоф, сослуживец Д.А. Милютин и его доверенное лицо [2, с. 73–79]. Таким образом, мы можем достаточно уверенно говорить, что та цель колонизации Кавказа, заселения его различными сословиями, которую военный министр обозначил еще в молодости, оставалась актуальной для него и в 1860-х гг.

Поэтому в заключение этого раздела нашего доклада мы бы хотели привести слова, которыми в 1840-х гг. Д.А. Милютин описывал благословенное будущее Кавказа, отмечая и роль в нем линейных казаков. «Со всех сторон будет частная и общая польза; казаки найдут средства жить безбедно даже без хлебопашества, покупая хлеб от крестьян Кавказской области взамен своих произведений; вместе с тем и поселяне Кавказской области найдут огромный сбыт своих земледельческих произведений не только для казаков, но и для регулярных войск, для которых теперь правительство должно делать закупки внутри России; наконец, казна выиграет значительно, ибо доход области увеличится без всякой соразмерности и настойчивости» [8, л. 27об]. Фактически идея колонизации казачьих областей, привлечения в них иногороднего населения для развития «гражданственности и материального благосостояния», характерная для Д.А. Милютин в 1860-е гг., была вынесена им именно с Кавказа, на основании опыта Кавказского линейного войска 1830–1840 гг.

Однако реализация без преувеличения революционных идей военного министра о свободном допуске поселенцев на территорию казачьих войск могла стать реальностью только в неопределенно-далеком будущем (обеспечить принятие соответствующих законоположений удалось только к 1868–1869 гг. [1, с. 288]). Между тем у Д.А. Милютин были и более приземленные планы на счет Кубанского казачьего войска. Уже 1 апреля 1862 г., через несколько месяцев после вступления в должность, он писал о том, что произвел пересмотр «как финансовых и войсковых смет казачьих войск, так равно и источников, на основании которых эти войска пользуются содержанием или пособием Государственной казны», ввиду «настоятельной необходимости в сокращении государственных расходов» [10, л. 2]. Важнейший вывод, к которому пришел военный министр, заключался в том, что «значительное для казны сокращение по казачьим войскам могло бы быть достигнуто только отменой или уменьшением нарядов на службу строевых частей» [10, л. 2]. Таким образом, и с точки зрения государственных расходов следовало заменить поголовную казачью службу выборочной, достигнув этим и сокращения расходов на строевые части, и освобождения части войсковой земли. Но Д.А. Милютин рассчитывал обеспечить небольшое сокращение ассигнований из Государственной казны на казачьи войска еще быстрее, отменив «вспомогательные из Государственной казны денежные казачьим войскам отпуски» [10, л. 2об].

В случае с Кубанским войском поражает ничтожность этих отпусков. Д.А. Милютин требовал отменить выплату 8 416 руб. 38 коп. на содержание учебных заведений войска и выплату 896 руб. 12 коп. на жалование кубанскому и терскому войсковым прокурорам [10, л. 2об-3]. Тем интереснее обоснование данного решения: военный министр писал, что «при годовых доходах с лишним в 1 000 000 руб.» Кубанское войско без проблем должно обойтись без нескольких тысяч государственного пособия [10, л. 3]. На наш взгляд, дело было даже не в небольшой экономии для государственной казны, но в желании Д.А. Милютина показать, что политика правительства по отношению к казачьим войскам меняется, и они больше не могут рассчитывать на финансовую поддержку сверху. Об этом свидетельствуют и действия военного министра: вместо того, чтобы сразу вынести на обсуждение военного совета прекращение выплат Кубанскому казачьему войску, он обратился в командование Кавказской армией с просьбой не только представить «заключение по вышеозначенным отпускам», но и «отметить и другие какие-либо расходы Государственной казны по Кубанскому и Терскому казачьим войскам, перенеся их на счет войсковых капиталов» [10, л. 3об]. Д.А. Милютин обращал внимание кавказских властей и на то, что в 1861 г. бюджет Кубанского казачьего войска был сведен с дефицитом, но этот дефицит трактовался военным министром как «случайный», и войсковому начальству следовало устранить его в максимально короткие сроки [10, л. 3].

Судя по всему, Д.А. Милютин был прав в своем желании обозначить перед кавказскими и кубанскими властями важность сокращения расходов государственной казны и недопустимость получения Кубанским казачьим войском новых государственных пособий. Во всяком случае, кубанский атаман Н.А. Иванов составил развернутый ответ на предложение Д.А. Милютина, также переданный кавказским властям. Разумеется, отмена ничтожных пособий кубанскому казачеству не вызвала с его стороны серьезных возражений [10, л. 6-9об]. Однако атаман категорически не соглашался признать «случайным» дефицит войскового бюджета в 1861 г., доказывая, что присоединенные к Кубанскому войску бригады бывшего Кавказского Линейного войска приносят огромный убыток, так как доходы с их территорий намного меньше расходов на них [10, л. 9об]. По его сообщению, войсковой бюджет на 1862 г. был также составлен с дефицитом в 170 000 руб., причем без учета экстраординарных расходов, необходимых для дальнейшей колонизации края путем переселения казаков за Кубань [10, л. 10]. В итоге атаман приходил к выводу о том, что пособий от государственной казны Кубанскому войску не избежать: «Как доходы войска недостаточны на покрытие текущих расходов, то в следующие годы, при переселении казаков, придется вытребовать из банка последний войсковой капитал и употребить его на пособие поселенцам, и тогда войско, истощив все свои денежные средства, обратится к пособиям казны в значительных размерах» [10, л. 10-10об]. Впрочем, реакция местных властей и их попытки фронды по отношению к милютинским реформам заслуживают отдельного исследования.

Таким образом, нам остается признать, что политика Военного Министерства по развитию гражданственности в казачьих войсках в 1860-х гг. была в значительной степени порождена кавказским опытом Д.А. Милютина. Еще за двадцать лет до этого, в 1840-х гг., разбирая проект генерал-майора Халанского, будущий военный министр предсказывал Кавказу блестящее будущее в составе России, однако считал неизбежным постепенное уменьшение доли казачьего населения при колонизации края и падение значения казачьего войска как государственного института. По его мнению, в отдаленной перспективе за кубанскими казаками должны были сохраниться только относительно небольшие территории вдоль рек, на которых люди, испытывающие тягу к казачьей службе, занимались бы скотоводством и рыболовством, оставив хлебопашество крестьянскому населению области. Благодаря этому и казачье войско было бы сохранено, и Кавказ колонизирован. В 1860-х гг. он просто перенес подобный подход на все казачьи войска.

В то же время пример Кубанского казачьего войска наглядно показывает, что желание Военного Министерства «по двоякому значению казачьих населений: военному и гражданскому, иметь в виду преимущественно развитие их в последнем значении» имело в своей основе кроме личных пристрастий Д.А. Милютина и вполне объективную причину. Финансовое состояние Российской империи в это время было далеко не блестящим, перед Военным Министерством ставилась задача «сокращения государ-

ственных расходов», и новый министр планировал решить ее в том числе и за счет казачьих войск. После колонизации Кавказа неизбежно должен был вырасти доход с территории Кубанского казачьего войска, что позволяло в долгосрочной перспективе переложить на войсковой бюджет часть государственных расходов и подталкивало Военное Министерство предпринимать шаги для ускорения данного процесса. Однако ждать так долго Д.А. Милютин не мог, и поэтому уже в 1862 г. кубанскому атаману Н.А. Иванову было сообщено, что субсидирование вверенного ему войска из государственной казны планируют прекратить, а от него ждут сведения войсковых бюджетов без дефицита. Как мы показали выше, на тот момент эта цель казалась местным властям фантастической, и в 1862 г. только обычные расходы войска превышали доходы на 170 000 руб. Понятно, что в этих условиях было необходимо срочно начать экономическую модернизацию самих казачьих войск, развивая «гражданственность и материальное благосостояние» их жителей хотя бы для роста налоговых поступлений и ухода от дефицита войсковых бюджетов, которые в крайнем случае пришлось все равно пополнять из государственной казны.

Литература:

1. Волвенко, А.А. Временный комитет по пересмотру казачьих законоположений: организация, состав, деятельность (1865–1872 гг.) / А.А. Волвенко // Былые Годы. 2018. №1. – С. 280–291.
2. Волвенко, А.А. Программа гражданского курса Военного министерства в отношении казачьих войск (1860-е гг.) / А.А. Волвенко // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2014. – С. 73–79.
3. История кубанского казачества / Под редакцией В.Н. Ратушняка. – Краснодар: Традиция, 2013. – 416 с.
4. Комитет при Управлении иррегулярных войск. Соображения комитета о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 169. – Кар. 23. – Ед. хр. 20. – 20 л.
5. Малукало, А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус / А.Н. Мулукало. – Краснодар: Кубанькино, 2003. – 216 с.
6. Милютин, Д.А. Аннотация на сочинение генерала Дюмурье «Размышления о алжирском вопросе» / Д.А. Милютин. – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 169. – Кар. 18. – Ед. хр. 18. – 2 л.
7. Милютин, Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862 / Д.А. Милютин. – Москва: Российский фонд культуры: Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, 1999. – 558 с.
8. Милютин, Д.А. Замечания на проект генерал-майора Халанского о преобразовании всей Кавказской области в кавказское войско / Д.А. Милютин. – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 169. – Кар. 18. – Ед. хр. 16. – 26 л.
9. Милютин, Д.А. О средствах колонизации (приготовительные меры к принятию переселенцев) – выписки из статей по колонизации Алжира / Д.А. Милютин. – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 169. – Кар. 18. – Ед. хр. 17. – 4 л.
10. Переписка о сокращении денежных расходов по Кубанскому казачьему войску // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 252. – Оп. 2. – Д. 575. – 34 л.

Понеделков Александр Васильевич

*Южно-Российский институт управления (филиал)
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (ЮРИУ РАНХиГС),
доктор политических наук, профессор, заведующий
кафедры политологии и этнополитики,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Карабанова Ирина Владимировна

*Южно-Российский институт управления (филиал)
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (ЮРИУ РАНХиГС),
кандидат географических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики
г. Ростов-на-Дону, Россия,
E-mail: ivk-neoton@mail.ru*

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аннотация: Анализ развития региональных политических элит в республиках Северного Кавказа показал, что их спецификой является наличие местных «кланов». Установлено, что в регионе отсутствует реальная возможность смены политических элит. Продвижение высококвалифицированных управленческих кадров, не входящих ни в одну из местных клановых структур, маловероятно. Формирование современной структуры политической элиты в республиках Северного Кавказа должно ориентироваться на компетентностную модель рабочих программ подготовки профессиональных кадров, что является необходимым условием смены политических элит в регионе исследования.

Ключевые слова: региональные политические элиты, республики Северного Кавказа, местные «кланы», управленческие кадры, компетентностная модель

Ponedelkov Alexander Vasilievich

*South-Russian Institute of Management (branch)
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(SRIM RANEPА), Dr. of Political Sciences, Professor,
Head of the Politology and Ethnic-politics Department
Rostov-on-Don, Russia*

Karabanova Irina Vladimirovna

*South-Russian Institute of Management (branch)
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(SRIM RANEPА), PhD. of Geographical Sciences
Assoc. Prof. at the Politology and Ethnic-politics Department
Rostov-on-Don, Russia,
E-mail: ivk-neoton@mail.ru*

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF REGIONAL POLITICAL ROYALTY IN THE NORTH CAUCASUS REPUBLICS

Abstract: Analysis of the regional political elites' development in the Northern Caucasus' republics showed that their specificity is the presence of local "clans". There is no real possibility of changing political elites in the region. Promotion of highly qualified management personnel not included in any of the local clan structures is unlikely. The formation of the Northern Caucasus' political elite modern structure should be guided by a competent model of work training programs for professional personnel. It is a necessary condition for the change of political elites in the study region.

Key words: regional political royalty, Northern Caucasus republics, local "clans", managerial personnel, competent model

Сегодняшняя политическая элита страны стала формироваться с конца 90-х годов XX века, претерпев фундаментальные изменения от «служебно-номенклатурного» принципа к плюралистическому [3, с. 198]. Проблемы формирования политической элиты в республиках Северного Кавказа рассматриваются как один из важнейших локальных «кавказских» факторов, которые необходимо учитывать при развитии политической элиты современной России на местах.

К настоящему времени сложился ряд определенных точек зрения на специфику формирования северокавказской политической элиты [1, с. 21], основные из которых представлены на рисунке 1. Однако проведенный нами анализ состояния формирования местной политической элиты в республиках Северного Кавказа показывает, что эти точки зрения не всегда полностью отражают современную действительность.

Это связано с тем, что субъекты федерации Северо-Кавказского региона существенно отличаются между собой по политической практике и структуре местной элиты. Кроме того, установлены явный драйвинг и конкуренция различных норм и укладов в развитии северокавказской политической элиты.

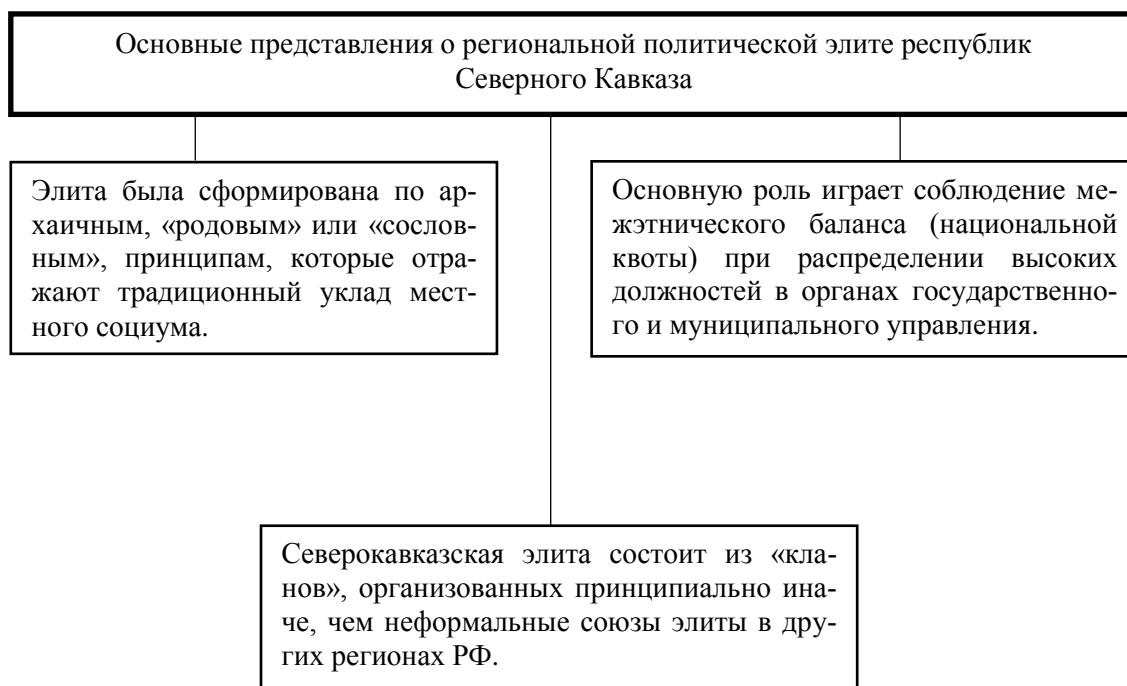

Рисунок 1. Основные представления о региональных политических элитах республик Северного Кавказа (составлено авторами, 2019)

Результаты исследований авторов показывают, что в постсоветские десятилетия в структуре политической элиты республик Северного Кавказа прослеживаются существенные изменения, связанные с различными путями ее формирования. Было выявлено, что только в Кабардино-Балкарской Республике сильная позднесоветская элита в 1990–2000-е годы сохранила свои ключевые позиции в региональной власти и бизнесе, не оставив никаких шансов возможным конкурентам.

Однако в остальных республиках региона, даже если советская партэлита сохраняла какой-либо контроль в постсоветском обществе, она вынуждена была идти на сотрудничество с представителями других социальных групп. Так, например, в Карачаево-Черкесской Республике к середине 1990-х гг. определенные позиции в региональной политэлите также занимали местные цеховики, а в Республике Дагестан – представители некоммерческих национальных общественных движений [2, с. 181].

Следует отметить, что в Чеченской и Ингушской республиках сегодняшняя местная политическая элита полностью была сформирована в постсоветское время.

Таким образом, рассматривать политэлиты северокавказских республик как архаичную структуру, не меняющуюся в своем формировании, представляется лишенным конкретных оснований.

Назначение на ведущие должности в государственном и муниципальном управлении в республиках Северного Кавказа представителей определенных этносов существенно затрудняет продвижение карьерных амбиций, связанных с профессиональным образованием и опытом потенциального претендента [4, с. 175].

Не вызывает сомнений, что система национальной квоты действует при распределении должностей в высших эшелонах региональной власти (главы республики, председателя правительства, спикера парламента и других) в Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках. Существует негласная договоренность об этнической квоте депутатов Федерального Собрания от данных субъектов РФ, а также высших чиновников в многонациональных территориальных образованиях.

Тем не менее данная система этноквотирования за последние 15–20 лет претерпела значительные изменения. Так, например, уменьшилась численность должностей, назначение на которые определяется системой национальной квоты. В настоящее время как простые граждане, так и национальные активисты к этнической принадлежности чиновника проявляют гораздо меньший интерес, чем десятилетие тому назад, а система «национального представительства» уже не является политико-мобилизующим фактором.

Спецификой политической элиты республик Северного Кавказа является наличие местных «кланов». «Кланы в северокавказских республиках – это союзы чиновников и предпринимателей, создаваемые для решения практических задач: расширения контроля над финансовыми потоками, укрепления политического влияния в регионе, развития связей за его пределами». Подобные «кланы» отличаются от родовых иерархий, принятых в северокавказских республиках (тухумы, тейпы и др.).

Проведенный нами анализ специфики структуры кланов в республиках Северного Кавказа показал их особенности в сравнении с типовым российским регионом, среди которых отметим следующие:

- кавказские «кланы» имеют четко выраженную иерархию из лидера, его ближайшего окружения и контролируемых ими представителей силовых властей и бизнеса. Выявлено, что положение в иерархии определяется персональными связями с «верхушкой» клана. Весьма распространено наличие большого числа родственников главы «клана», входящих в его ближайшее окружение, что существенно ограничивает продвижение по клановой карьерной лестнице посторонних «неродственных» лиц;

- фактически на местах быть руководителем «клана» намного престижнее, чем занимать официальную должность. В республиках Северного Кавказа власть даже отставленных с государственных постов «клановых» лидеров гораздо выше, чем действующих представителей региональных властей, не состоящих в каком-либо «клане». Кроме того, если на местный «клан» федеральным центром не заводятся уголовные дела, то его лидер, уходя в отставку с одной должности, вероятно, вскоре получает другую;

- существующие местные «кланы» эффективно противостоят созданию новых «кланов», которые на практике возможно сформировать только новым главам республик, что не всегда имеет место в реальности.

Таким образом, анализ развития региональных политических элит в республиках Северного Кавказа показал, что в рассматриваемом регионе отсутствует реальная возможность смены политических элит. Это делает маловероятным продвижение по карьерной лестнице высококвалифицированных управленческих кадров, не входящих ни в одну из местных клановых структур. Именно иерархия «кланов» блокирует политическую конкуренцию и ротацию в формировании местной элиты. На наш взгляд, значение родственного и национального факторов в этом процессе несколько преувеличено.

По мнению авторов, стабильность системы клановой структуры определяется тотальным контролем ее лидеров, что блокирует формирование альтернативной системы. Для северокавказских республик в существующих условиях представляется маловероятным наличие топ-менеджеров в сфере государственного и муниципального управления регионом и не являющихся членами какого-либо местного «клана». При этом в недрах самих «кланов» сложно найти профессионалов высшего звена, так как рост по карьерной лестнице «клана» практически ничего общего не имеет с понятием профессионализма.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что формирование современной структуры политической элиты в республиках Северного Кавказа должно ориентироваться на компетентностную модель рабочих программ подготовки профес-

сиональных кадров и их тщательном подборе. Данные программы будут направлены на:

– вовлечение различных слоев северокавказского социума, включая людей разных национальностей, религиозных конфессий, что приведет к отмене негативных стереотипов между ними и развитию сообщества нового типа, не связанного с традиционными социальными границами;

– в первую очередь на то молодое поколение, которое уже проявило себя, продемонстрировав определенные лидерские качества, коммуникационные навыки, способность принимать решения и нести за них ответственность;

– продвижение по образовательной лестнице, базируясь на уже имеющихся усилиях и успехах, отсутствие которых является серьезным фактором радикализации молодежи Северного Кавказа;

– обучение новейшим технологиям политического менеджмента в государственном и муниципальном управлении, а также вовлечение северокавказской молодежи во всесторонний социокультурный аспект, расширяющий их кругозор знаний о мире на международном, национальном и региональном уровне.

Развитие социума высокообразованных молодых людей, владеющих разносторонними современными компетенциями и реальными представлениями о жизни своего региона, является необходимым условием смены политических элит в республиках Северного Кавказа.

Литература:

1. Казенин, К.И. Северный Кавказ и современная модель демографического развития: экспертный доклад. – М.: Комитет гражданских инициатив, 2016. – 69 с. – С. 21–27. – Режим доступа: https://www.iep.ru/files/news/irinas-kazenin_kaukasus_01.04.16.pdf oim.ru (дата обращения: 17.07.2019).
2. Карбанова, И.В. Проблемы и перспективы формирования политической элиты в республиках Северного Кавказа // Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира / Материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2019. – 468 с. – С. 181–185.
3. Понделков, А.В. Политико-административные элиты: генезис, проблемы развития на современном этапе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Научный интернет-журнал. Электрон. период. изд. Саратов: Саратовский нац. исследов. гос. университет им. Н.Г. Чернышевского, 2017. Т. 17. №2. – С. 198–203. Режим доступа: <https://www.http://soziopolit.sgu.ru> (дата обращения: 12.07.2019).
4. Рудков, Ю.И. Политические элиты Северного Кавказа: особенности современного этапа развития // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Научный интернет-журнал. – Астрахань: Астраханский гос. университет, 2019. №1 (58). – С. 175–181. Режим доступа: <https://www.http://kaspy.asu.edu.ru> (дата обращения: 10.07.2019).

УДК 93/94

Свечникова Лариса Геннадьевна
Ставропольский институт кооперации БУКЭП,
доктор юридических наук, профессор кафедры трудового
и предпринимательского права,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
г. Ставрополь, Россия,
E-mail: svechnikovalarisa1966@gmail.com

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ

Аннотация: В статье анализируются особенности становления судебной системы на Северном Кавказе в 1920-е гг. Рассматривается система народных судов, шариатское судопроизводство. Изменения в сфере судебного права тесно связываются с административными преобразованиями в регионе.

Ключевые слова: суд, право, шариат, адаты, народные суды, Терская область, Северный Кавказ, судебная система

JUDICIAL SYSTEM OF THE NORTH CAUCASUS IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET AUTHORITY: FORMATION, FEATURES

Abstract: *The article analyzes the formation features of the judicial system in the North Caucasus in the 1920s. The system of people's courts, Sharia legal proceedings are considered. Changes in the field of judicial law are closely associated with administrative transformations in the region.*

Key words: *court, law, sharia, adat, populate courts, Terek region, North Caucasus, the judicial system*

Становление судебной системы на Кавказе имело свои особенности. Одним из первых административно-территориальных образований, где были проведены судебные преобразования, стала ГАССР.

История становления органов юстиции на территории Горской автономной советской социалистической республики тесно связана с административно-территориальными преобразованиями, которые происходили в регионе с 1918 года. 16 февраля 1918 года на 2-м съезде народов Терека, который проходил в Пятигорске, Терская область была провозглашена Терской автономной советской республикой, входящей в РСФСР. Провозглашение в мае 1918 года на 3-м Чрезвычайном съезде Советов Кубани и Черноморья Кубано-Черноморской советской республики повлекло за собой дальнейшие территориальные преобразования – объединение этих республик, согласно резолюции 1-го съезда Советов Северного Кавказа от 7 июля 1918 г., в Северо-Кавказскую республику в составе РСФСР.

В развитие и дополнение Декретов центральной власти в 1918 году Совет Народных Комиссаров Терской Республики постановил упразднить окружные народные суды в городах Пятигорске, Грозном и Моздоке. Вместо них учреждались местные народные суды, на которые была возложена обязанность рассмотрения всех уголовных дел о преступлениях и проступках, за исключением дел об убийстве, изнасиловании, разбое и бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничества и спекуляции, которые стали относиться к ведению Владикавказского окружного суда, компетенция которого распространялась на всю территорию Терской области. Местные суды могли налагать наказания в пределах 5 лет лишения свободы и рассматривать иски, величина которых не превышала 10 тыс. рублей [30, л. 145]. Были учреждены и следственные комиссии, производящие предварительное следствие по более сложным уголовным делам [30, л. 145-145об.].

Судопроизводство в местных судах происходило, согласно «Правилам производства гражданских дел в местных народных судах Терской Республики» 1918 года, по правилам судебных уставов 1864 года, но только в том случае, если они «не противоречили правосознанию трудящихся классов. В последнем случае в решениях должны быть указаны мотивы отмены устарелых или буржуазных законов». В компетенцию местных судов входили: 1) все без исключения гражданские дела, возникающие как между частными лицами, так и между частными лицами и казенными и общественными учреждениями ценою не свыше трех тысяч рублей; 2) все дела охранительного гражданского судопроизводства: утверждение к исполнению духовных завещаний, дела брачные, о рождении и все остальные, не подлежащие оценке; 3) дела о несостоятельности, если сумма не превышала 3 тысяч рублей; 4) расторжение брака, независимо от суммы иска; 5) жалобы на отказ совершения брака и т. п. [8, с.77–79].

Интересно отметить, что первые законодательные акты местной власти, регулирующие деятельность судебных органов, ссылались в издаваемых ими постановлениях и декретах на нормативно-правовые акты свергнутого правительства. Так, в Декрете 1918 г. «О временном увеличении пошлин и сборов по производству дел, взимаемых судебными установлениями Терской федеративной советской Республики» судебная пошлина должна была быть определена местным народным судом на основании: 1)

Устава гражданского судопроизводства; 2) Циркуляра Комиссара Юстиции от 30 июля 1918 г. №1479; 3) Устава уголовного судопроизводства и 4) Устава о гербовом сборе [30, л. 146]. В это время на местах не было людей, знакомых с советским строительством, не было связи с уездными центрами. В первой половине апреля 1920 г. в Терской области начали функционировать народные суды. На должность народных судей нередко попадали непригодные для судейской работы лица. Впервые губернский съезд Народных Судей был созван 23 мая 1920 года, где были избраны совет народных судей, председатель совнарсуда, его заместитель и члены президиума [32, л. 148].

В Терской области судами руководил отдел юстиции Терского областного революционного комитета. Отдел юстиции при Терском Обревкоме начал действовать в марте 1920 года [4, с. 53] и состоял из 4 подотделов: 1) судебно-следственного; 2) карательного; 3) общих дел; 4) хозяйственно-административного [34, л. 107].

При отделе юстиции имелось: а) Нотариальная часть; б) Подотдел опеки и попечительства; в) Комиссии о расследовании злодеяний белой власти; г) Юрисконсультско-инструкторская часть; д) Стол по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства.

Судебно-следственный отдел, согласно распоряжениям центра, возглавлялся предсовнарсуда. В его структуру входили: областной ревтрибунал; советы народных судей (в Пятигорске и Владикавказе), являвшиеся кассационной инстанцией для народных судов; народные суды; следственные комиссии [29, л. 100–102]. Все подотделы должны были находиться под наблюдением заведующего отделом юстиции.

Основной задачей отдела юстиции стала ликвидация старых судебных учреждений, организация народных судей, народных следователей и других судебных учреждений. В соответствии с Приказом Владикавказского Ревкома от 8 апреля 1920 г. деятельность мировых судей дореволюционной России и съезда мировых судей прекращалась. Все дела передавались в ведение народных судов. Приказ Владикавказского Ревкома от 28 мая 1920 года устанавливал структуру судебных органов Терской области: «Для рассмотрения кассационных и частных жалоб на приговоры, решения и определения народных судов, действующих на основании Положения о едином народном суде, учредить в Терской области с местопребыванием в г. Владикавказе Совет народных судей, в район действий коего входят народные суды г. Владикавказа и района Ревкомов Владикавказского, Грозненского, Кизлярского, Моздокского и Пятигорского и народные суды Нальчикского Ревкома, обслуживающие нетуземное население» [27].

В Терской области в 1920 году, взамен прежних судебных органов, было организовано 15 народных судов в Пятигорском округе, шесть – во Владикавказском, 3 – в Назрановском. Кассационной инстанцией для народных судов служил Совет Народных судей, расположенный в Пятигорске [34, л.107]. В Грозненском, Кизлярском, Нальчикском и Моздокском округах для организации пяти народных судов и четырех следственных участков были направлены инструкторы Ревкома Терской области [34, л. 107об.].

В соответствии с Положением «О народном суде» от 21 октября 1920 г. [23] народные судьи, избранные соответствующим Советом рабочих и крестьянских депутатов, представлялись на утверждение в Губисполком через губернские отделы юстиции. Если кандидаты на местах избраны не были, губисполком имел право по своему усмотрению назначить народных судей.

Общеизвестно, что законодательство Российской империи предъявляло определенные требования к кандидатам на судебные должности, в частности, это касалось и образовательного ценза. Советское руководство в этом плане руководствовалось только «революционным правосознанием». Свидетельством этому служат документальные свидетельства о качественном составе первых народных судов Терской области, а затем – Горской Республики. При всем том, что в судьи не избирались лица, занимавшие аналогичные должности при царском правительстве, речь шла о «прежних кадрах», то есть профессиональных юристах, которые ранее работали в судебном ведомстве и были знакомы с судебной системой (секретари судов, судебные приставы и т. п.).

Так, только в Пятигорском округе в судьи были избраны профессиональные юристы из «прежних кадров», в остальной части области «выборная кампания прошла под знаком освежения судебного персонала с точки зрения политической приемлемости для рабочих и крестьянских кругов. Однако Моздокский округ избрал из пяти судей четырех прежнего состава – назначенных спецов, причем в округе не нашлось кандидатов на

5 участков, ни на должности добавочных судей. Георгиевский округ занял прежнюю позицию, избрав судей участковых, добавочных из стажеров исключительно из кандидатов, выдвинутых профсоюзами и исполкомами, за исключением одного судьи из местных секретарей Суда – юриста. Грозненский и Кизлярский округа, не проявив явно отрицательного отношения к юристам, набрали, однако, большинство судей из не юристов, хотя отчасти не рабочего, а интеллигентного типа. Владикавказский округ переизбрал своих прежних судей из местных уроженцев, а город Владикавказ и Нальчикский округ вовсе не произвели выборов за неимением кандидатов из юристов, приемлемых с точки зрения политической, и за невозможностью подыскать подготовленных к судебной работе кандидатов из профессиональных и политических деятелей» [33, л. 108].

В этот же период (1920–1921 гг.) началась кампания по «очистке советских учреждений» от судей, занимавших эти должности еще при царском правительстве [33, л. 109]; подбором новых кадров в соответствии с требованиями революционного правосознания. Вместе с тем в Отчете Отдела Юстиции Терской области за 1920 год отмечалось, что «впредь до появления в народном суде советских юристов нового типа желательно и необходимо дальнейшее привлечение юристов-практиков прежней школы по самим условиям современной работы» [33, л. 114].

Горская АССР была провозглашена на съезде народов Терской области 17 ноября 1920 года, а 20 января 1921 года подписан Декрет «Об автономной Горской социалистической советской республике», которой отошли шесть национальных округов, заселенных сунженскими казаками, чеченцами, ингушами, осетинами, кабардинцами, балкарцами и карачаевцами. В соответствии с п. 3 Декрета определялось: «Для управления делами Автономной Горской Социалистической Советской Республики учреждаются Народные Комиссариаты: 1) Внутренних Дел, 2) Юстиции, 3) Просвещения, 4) Здравоохранения, 5) Социального Обеспечения, 6) Земледелия, 7) Продовольствия, 8) Финансов, 9) Совета Народного Хозяйства с отделами Путей Сообщения, Почты и Телеграфа, 10) Рабоче-Крестьянской Инспекции и 11) Труда» [24].

1 мая 1921 г. был организован Наркомат Юстиции ГАССР, в состав которого вошли Горревтрибунал, Совнарсуд с 15 участковыми народными судами, Владикавказское и Грозненское бюро юстиции, Совет шариатских судей с 4 участковыми судами, Владикавказский и Грозненский исправтруддома [37, л. 100–102].

Исследователями отмечается, что в начале своего существования советская власть в вопросах организации правосудия принимала во внимание местные особенности. Так, во Владикавказе были образованы три суда 2-й инстанции: областной ингушский, областной осетинский и городской окружной Владикавказский, называемый также «русский» [3, с. 79].

На основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 4 сентября 1922 г. за №212 в Горской АССР с 1 марта 1923 был учрежден Горский областной суд, который заменил действовавшие до этого Совет народных судей, особую сессию при нем и Горский революционный трибунал. С этого времени судебный аппарат Горской Республики был разделен на народный суд и трибунал. Впоследствии Горский областной суд был переименован в Главсуд, являвшийся кассационной коллегией по гражданским и уголовным делам. В структуру Главсуда входила и дисциплинарная коллегия [41, л. 1].

В 1922 году Постановлением Горского Центрального Исполнительного Комитета от 29 июля сеть народных судов в Горской Республике была расширена: «5 Нарсудов для Чечни; 2 – для Ингушетии; 2 – для Сунженского округа; 9 – для Осетии; 3 – для г. Грозного; 6 – для г. Владикавказа» [39, л. 166].

Изменения в судебной системе проявились еще и в ликвидации института судебных следователей, который существовал в Российской империи с 1860 г. Первый же изданный большевистским правительством нормативный акт, касавшийся юстиции – знаменитый декрет «О суде» №1 от 24 ноября 1917 г. – изменил организацию предварительного следствия самым радикальным образом. Согласно ст. 3 декрета, «институт судебных следователей» безоговорочно ликвидировался. По той же ст. 3 осуществление расследований преступлений временно возлагалось на избравшихся территориальными советами «местных судей» [19]. Примечательно, что, несмотря на отрицание «буржуазного» уголовно-процессуального права, тогдашнее большевистское руководство не испытало, как известно, колебаний по вопросу о сохранении предварительного следствия как формы расследования. В частности, в январе 1918 г. заместитель наркома юстиции

П.И. Стучка отметил: «Мы упразднили старую следственную власть... Но самое предварительное следствие мы оставили. Мы только приблизили его к народу...» [18, с. 28].

При всем том, что в ряде случаев новые власти пытались на первых порах – отчасти вопреки букве декрета от 24 ноября 1917 г. – сохранить прежний следственный аппарат, основной стала линия на создание новых специализированных органов следствия. Уже по ст. 8 все того же декрета от 24 ноября 1917 г. «для производства предварительного следствия» по делам о контрреволюции, саботаже и мародерстве учреждались особые следственные комиссии, состоявшие при городских и губернских Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Некоторое время спустя, 19 декабря 1917 г., Наркомат юстиции издал Инструкцию революционным трибуналам. Согласно п. е ст. 3 Инструкции, при трибуналах – аналогично «для производства предварительного расследования» – образовывались следственные комиссии из шести человек, назначавшихся местными Советами [20].

В 1918–1920 гг. были учреждены: 1) следственная комиссия при Революционном трибунале при ВЦИК (ст. 4 декрета «О Революционном трибунале при ВЦИК» от 29 мая 1918 г.) [21]; 2) следователи-докладчики при ревтрибуналах (ст. 9 Положения о революционных трибуналах от 18 марта 1920 г.) [22]; 3) народные следователи при губернском Совете народных судей (ст. 30 Положения о народном суде РСФСР от 21 ноября 1920 г.) [23].

В Терской области судебно-следственная часть дважды преобразовывалась. Неопределенность в ее правовом положении влекла за собой и неопределенный круг функциональных обязанностей, что привело к тому, что «по недостатку инструктирования или принимала местами слишком мало дел исключительной важности к своему производству, или была заваливаема массой мелких и безнадёжных дел, в зависимости от местных взглядов судей, милиции, розыска и самих следователей. Вместе с тем, не опираясь на налаженный аппарат милиции и розыска и часто игнорируемая последними, стремившимися временами подчинить себе следователей, следственная комиссия не могла быть правильно поставлена и несла массу бесплодного труда» [33, л. 109]. К 1921 году штат судебно-следственной части был увеличен до 40 единиц, по одному следователю на каждый народный суд [33, л. 109-109об.]. А к концу 1920-х гг. следственная часть перешла в подчинение прокуратуры [37, л. 99].

В этот период на территории Северного Кавказа происходили изменения территориально-административного устройства: в феврале 1924 года была создана новая административно-территориальная единица РСФСР – Юго-Восточная область (впоследствии переименованная в Северо-Кавказский край), вобравшая в себя все расположенные в ее границах автономии [13, с. 20].

17 июня 1924 г. состоялось заседание комиссии Наркомфина ЦИКа Горской АССР по ликвидации Главсуда с разделением его полномочий между Горсудом, Осетинским и Ингушским судами [36, л. 9]. С 1 августа 1924 года Главсуд Горской Республики был упразднен. В регионе созданы два областных суда – Владикавказский областной суд и Ингушский областной суд, который также базировался во Владикавказе.

23 ноября 1924 года председателем Владикавказского губернского суда была подготовлена информация на имя председателя Юго-Восточного краевого суда, в которой было изложено следующее: «Для Осетии и Ингушетии ввиду их национально-бытовых условий жизни сохранить отдельные областные суды в том виде, в каком они функционируют с 1-го августа 1924 года, то есть после упразднения Главсуда ГАССР» [44, л. 62].

После выделения Северо-Осетинской автономной области из ГАССР народные суды продолжали действовать в соответствии с нормами советского законодательства. Однако в Северной Осетии в 1924 году был учрежден так называемый Земельный суд для разрешения земельных споров, что, по мнению органов исполнительной власти, «способствует поднятию и развитию производственных сил в сельском хозяйстве – это обстоятельство тоже поднимает авторитет советской власти, дающей для крестьян в данном случае суд – справедливый и скорый» [40, л. 53]. В соответствии с местными законодательными установлениями земельный суд при разборе спорных дел должен был соблюдать «классовый подход». Надзор за деятельностью земельного суда осуществлялся со стороны общих судебных органов [40, л. 53-53об.]. Функционирование земельного суда являлось одной из особенностей судебной системы в регионе.

В Ингушской автономной области также происходили определенные перемены. Областной суд был разделен на три судебно-следственных участка [43, л. 104], на каждый из которых приходилось по несколько судей и одному судебному следователю. Неоднородность населения этой области, большинство которой составляли мусульмане, повлекла за собой специфику судебной деятельности, заключающуюся в том, что борьба с пережитками вредных обычаев, еще до принятия соответствующей главы в УК РСФСР, стала законодательной инициативой судебных работников, выработанной на Совещании 16–18 декабря 1924 г. На основании Постановления этого совещания областным судом были разработаны меры по включению в уголовный кодекс наказаний за бытовые преступления, за которые ранее наказания не предусматривались [44, л. 69]. В дальнейшем проект новых статей УК был рассмотрен и одобрен 1-м съездом Советов Ингушской АО в январе 1925 г. и направлен во ВЦИК для принятия в установленном законом порядке [8, с. 100–101].

Что касается расширения сети судебных учреждений, то в 1925 году в Ингушетии было 4 судебных мировых участка, апелляционной инстанцией для которых служил Областной суд [44, л. 83]. В состав областного суда вошли представители коренной национальности – ингуши, что считалось крупным достижением [8, с. 103]. Также достижением считалось «значительное ослабление кровничества, калыма, похищения женщин и полное изжитие бандитизма» [44, л. 57]. Суд рассматривал дела на основании «революционной законности».

Учитывая, что большинство работников ингушской судебной системы не имели юридического образования, а некоторые не имели даже среднего, одной из задач, стоящих перед исполнительными органами области, которые контролировали деятельность судебной системы, стала задача подготовки юридических кадров. Это прослеживается в Отчетах Исполнительного комитета Автономной области Ингушетии за 1924–1926 гг. и в дальнейших.

26 января 1925 г. был принят Декрет ВЦИК РСФСР «О введении в действие Положения о Северо-Кавказском крае». В Декрете говорилось: «Образовать из Донской области, Кубано-Черноморской, Терской и Ставропольской губерний, города Грозного и автономных областей Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Адыгейской (Черкесской) и Чеченской – Северо-Кавказский край с центром в городе Ростове-на-Дону» [25]. 9 февраля 1926 года был образован Северо-Кавказский краевой суд, руководствовавшийся в своей деятельности Положением о судостроительстве Северо-Кавказского края, утвержденным Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 2 ноября 1925 г. [6, с. 349].

В соответствии с этим Положением на территории Северо-Кавказского края были образованы постоянные судебные сессии, одна из которых действовала, например, для Ставропольского округа и в состав которой входило 10 членов по числу районов, входящих в него: Александровский, Благодарненский, Вигодленский, Дивенский, Курсавский, Московский, Медвеженский, Петровский, Ставропольский и Туркменский [15, с. 80–81]. В Северо-Осетинском округе таких комиссий было 4, в Ингушском – 3, в Чеченском – 12, Кабардино-Балкарском – 7, Карачаево-Черкесском – 6 [14, с. 61–62].

Таким образом, судебные органы в регионе были созданы позже, чем в центральных регионах России. В годы гражданской войны и «военного коммунизма» в своей деятельности они руководствовались чаще всего революционным правосознанием. Формирование судебных органов происходило непросто. Это объясняется, прежде всего, сложностью установления советской власти и отсутствием квалифицированных работников. Острая необходимость чрезвычайных органов объясняется появлением «банд», выступления которых привели к продолжению кровопролития. Общий культурно-просветительный уровень работников был крайне низким. Преимущество при формировании судебно-следственного аппарата, безусловно, отдавалось коммунистам, и если на Кавказе они не составляли большинство, то это можно объяснить лишь нехваткой коммунистических кадров. В работе судебных органов в регионе наблюдалось самоуправство, нередко допускались ошибки и нарушения советских законов.

Особенностью организации судебных органов на Кавказе было создание специфических судебных органов – земельных судов, которые по роду своей деятельности напоминали земельные комиссии, созданные в других регионах страны.

Кадровая политика строилась на широком привлечении к отправлению правосудия лиц коренных национальностей, которые в своей деятельности должны были руко-

водствоваться, в первую очередь, революционным правосознанием, что в целом было характерно для судебной системы советской России в первые годы ее существования.

Шариатское судопроизводство было введено на Северном Кавказе в 1918 г. 20 ноября 1917 г. Советским правительством принято «Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», а также: «Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию» [7, с. 66].

В советской России были организованы специальные органы: Центральный мусульманский комиссариат Наркомнаца, Центральная мусульманская коллегия при Наркомвоенморе РСФСР, Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), особые мусульманские комиссариаты в русских губерниях и Средней Азии. Широко практиковалось проведение съездов мусульман. Большевики выдвинули тезис о значительной схожести и взаимозаменяемости учений ислама и коммунизма [2, с. 172–178].

На проходившем в мае 1917 года во Владикавказе Первом съезде горских народов Кавказа было решено «ввести во всех судах по всем делам мусульман правила Корана и шариата». Это постановление было подтверждено Первым съездом народов Терека, состоявшимся в январе 1918 года в Моздоке, на котором было провозглашено, что «в пределах своих территорий каждому народу предоставляется право организовывать свои народные суды, творящие правосудие согласно народным обычаям и нравам, не противоречащим основным принципам законов Российской Республики» [11, с. 131–132].

В 1920–1921 гг. с заявлением о допустимости судов шариата для мусульман выступили С.М. Киров, руководивший партийной работой в Азербайджане, и И.В. Сталин – на съезде народов Дагестана и Терской области [7, с. 126; 5]. В результате во многих мусульманских республиках наряду с новыми судами официально сохранялось судопроизводство на основе шариата.

В 1918 году шариатские суды открылись во всех крупных северокавказских городах с мусульманским населением – Владикавказе, Грозном, Нальчике, Темир-Хан-Шуре. В селениях начали действовать сельские шариатские суды, которые заменили горские суды Дагестанской, Кубанской и Терской областей.

В январе 1919 года, во время гражданской войны, шариатские суды преобразованы в так называемые военно-шариатские [26, л. 72], которые играли роль полевых трибуналов и практически не руководствовались нормами мусульманского права. Сменявшие друг друга военные режимы использовали их для сведения счетов со своими политическими противниками. Так, в июле 1919 года главный военно-шариатский суд Темир-Хан-Шуры приговорил к смертной казни крупного коммунистического деятеля У. Буйнакского и других советских работников Дагестана, арестованных деникинцами. Члены этого суда, в свою очередь, были расстреляны в марте 1920 года по приговору революционного шариатского суда, учрежденного вернувшимися в город большевиками [1, с. 59–60].

После установления советской власти на Северном Кавказе шариатские суды были узаконены повсюду, где они существовали, – в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Осетии, Кабарде, Карачае [17, с. 462].

Советская власть в этот период продолжала тактику заигрывания с мусульманским населением Кавказа. В телеграмме В.И. Ленина Г.К. Орджоникидзе было прямо указано о необходимости внимательного отношения к мусульманам Дагестана: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте, и притом самым торжественным образом, симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее. О ходе дела сообщайте точнее и чаще» [9, с. 175].

С.М. Киров, выступая в 1921 г. на Учредительном съезде Горской АССР, прямо указал: «Если вы желаете судиться по шариату – судитесь по шариату, это дело ваше в том смысле, что, очевидно, только такая форма суда в данном случае понятна народу. Только на основании такого судопроизводства для известных групп национальностей,

живущих здесь, советская власть будет понятна, доступна и может быть ими воспринята» [11, с. 227].

В первые годы советской власти в каждой автономии Северного Кавказа была создана своя иерархия шариатских судов (шарсудов).

В Горской АССР шариатское судопроизводство было признано в 1921 году. Согласно постановлению «О введении шариатского судопроизводства» (апрель 1921 года) в ГАСР его основным звеном были окружные «шариатские тройки» под председательством судьи по мусульманскому праву (кади, или эфенди), которые разбирали гражданские и наследственные споры на сумму до 200 рублей, кражи и другие мелкие уголовные правонарушения [12, с. 341]. Как указывает З.Х. Мисроков, наиболее широкими полномочиями окружные шарсуды были наделены в Чечне и Ингушетии. Здесь их решения мог обжаловать только Верховный суд РСФСР. В Кабарде и Адыгее жалобы на решения окружных шарсудов подавались в республиканский НКЮ. Наконец, в Кубано-Черноморской республике вместо шариатских судов была учреждена должность кади в составе народных судов. Окончательно статус кади в судебном процессе был урегулирован только с изданием 6 ноября 1920 г. «Правил для горского народного суда». В целях ликвидации коллизии между предписанием закона о правах кади и их реальным осуществлением данный акт установил строго определенный круг единоличных действий кади. Так, в соответствии со статьей 4 указанных «Правил...» в компетенцию кади входило судопроизводство только по тем делам, «на решение коих в основание должны быть приняты шариатские постановления, а именно: дела о заключении и расторжении брака, о личных и имущественных правах, из брака вытекающих, и дела о наследстве» [11, с. 158].

В соответствии с «Положением о шариатских судах Горской АССР» в качестве кассационной инстанции для обжалования решений по уголовным и гражданским делам, рассмотренным в шариатском суде в Горской республике, был учрежден совет шариатских судей. Организация совшарсуда была во многом основана на тех же принципах, которые были указаны еще в Декрете о суде №1 и Положении о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г. [23]. Так, все шариатские судебные органы Горской республики составляли особый шариатский судебный округ.

Как и губернский совет народных судей, совет шариатских судей состоял из председателя, его заместителя и 5 постоянных членов. Специфика совшарсуда состояла лишь в порядке его комплектования. Был, в частности, установлен следующий порядок представительства горских народов в этом органе: от чеченского – 2 судей, ингушского – 1, дигорско-осетинского – 1, балкаро-карачаевского – 1 судья [1, с. 115].

Председатель, заместитель и постоянные члены совета шариатских судей избирались республиканским съездом шариатских судей и утверждались в своих должностях СНК Горской АССР.

«Положение о шариатских судах Горской АССР» предусматривало также учреждение «коллегии Высшего судебного контроля по делам шариата». В ее состав вошли заместитель наркома юстиции – заведующий отделом НКЮ и «два человека из числа специалистов по шариату».

Основное место в деятельности шариатского суда занимало рассмотрение по первой инстанции гражданских и уголовных дел. В соответствии с «Положением о шариатских судах Горской АССР» было установлено, что шариатскому суду в пределах района или округа подсудны все уголовные дела и споры об имущественных, личных правах и интересах мусульман, за исключением: 1) дел, подсудных революционным трибуналам; 2) дел, по которым обе или одна из сторон не согласны судиться в шариатском суде; 3) дел о подделке денежных знаков и официальных документов, также подлежащих передаче в ревтрибунал и народные суда по подсудности [12, с. 189–190].

Согласно архивным материалам, лица мусульманского вероисповедания, обвиняемые в тяжких уголовных преступлениях, обращались в вышестоящие инстанции с просьбой о передаче рассмотрения их дел в военно-революционный трибунал, который на первых порах довольствовался вынесением сравнительно мягких приговоров, в отличие от шариатского суда с его суровыми мерами наказания [16, с. 139]. Так как это положение противоречило Инструкции окружного Совета, в которой оговаривалось, что «Военно-революционный трибунал создается с таким условием, чтобы его деятельность не умаляла прав и компетенции окружного шариатского суда» [26, л. 30], Народ-

ным Комиссариатом юстиции Терской республики было принято решение о том, чтобы не принимать к производству дела, числившиеся за шариатским судом, а также сдать ему все не оконченные следствием дела [26, л. 36].

Что касается народных судов, то они рассматривали гражданские иски против немусульман, а также обвинения немусульманами мусульман в совершении уголовных преступлений. В народные суды передавались гражданские и уголовные тяжбы между мусульманами (в тех случаях, когда хотя бы одна из сторон отказывалась обращаться в шарсуд), а с 1923 года все дела по убийствам и кровной мести, изъятые из ведения шарсудов. Все эти дела разбирались по нормам советского права.

С 1922–1923 гг. шариатские суды стали постепенно изживаться из судебной практики Северного Кавказа. Большинство категорий дел, ранее подсудных шарсудам, стали передаваться на рассмотрение в народные суды.

Первые попытки упразднения шариатских судов в Горской республике относятся к 1920 г. В Отчете Отдела юстиции Терской области было указано: «Другая не менее ответственная область работы Отдела юстиции в Терской области – это правильное решение вопроса о судебном строительстве среди мусульманских трудовых народов Кавказа, это вопрос о шариатских судах. Быть ли здесь духовным шариатским судам, кладущим в основу судейской работы жестокие нормы реакционного шариатского права... Фактически среди горцев Терской области (ингушей, чеченцев, кабардинцев и ногайцев) существуют шариатские суды согласно выраженного соответствующими ревоками желания, но я должен оговориться: среди указанных народов намечается резкий поворот в сторону замены шариатских судов судами общесоветского типа. Такой поворот определенно намечился среди кабардинцев, намечается и среди ингушей и чеченцев» [42, л. 32].

Вторая сессия Горского центрального исполнительного комитета, проходившая во Владикавказе с 11 по 14 мая 1922 года, отметив, что «при сложившейся в горской деревне хозяйственной конъюнктуре и построенных на ней юридических взаимоотношениях шариатские суды не отвечают своему назначению», что «тяжелое финансовое положение НКЮ не позволяет затрачивать средства, могущие быть использованными для Нарсудов на суды шариатские», что «растущая сознательность горских масс создает все большее неудовольствие этих масс шарсудами», что «политика Соввласти настойчиво требует введения в ГССР твердых правовых гарантий и единообразия судебных форм» [38, л. 27], постановила считать шарсуды ненужными и снять их с государственного снабжения [38, л. 27об.].

8 августа 1922 года выходит Постановление Горского Центрального Исполнительного Комитета №16 «Об упразднении шариатских судов»: «Все действующие ныне на территории Горской Республики Шариатские Суды снять с государственного снабжения и упразднить. Предложить Народному Комиссару Юстиции расширить сеть Народных Судов за счет упраздненных Шариатских, издав соответствующую инструкцию о порядке ликвидации производства Шариатских Судов» [35, л. 124].

В январе 1925 года шариатские суды были упразднены в Адыгее и Кабардино-Балкарии, в январе 1926 года – в Ингушетии и Чечне, а в апреле-октябре 1927 года – в Дагестане.

В 1928 году в Уголовный Кодекс РСФСР была введена X глава «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Ее действие ограничивалось в основном районами Северного Кавказа, где до этого существовали шариатские суды. Статьи 203–204 главы X приравнивали отправление шариатского правосудия к тяжелым уголовным правонарушениям, за которые полагалось заключение в лагере сроком на один год [28, л. 33].

Итак, отношение советской власти к мусульманскому праву было прямо противоположно политике дореволюционной российской администрации. Последняя поддерживала адат, надеясь ослабить этим позиции мусульманского духовенства. Большевики, пока советская власть была слаба, пытались привлечь на свою сторону мусульманские народы, поддерживая шариат в ущерб адату. После укрепления советской власти шариатские суды были ликвидированы.

Литература:

1. Бобровников, В.О. Шариатские суды на Северном Кавказе. – М.: «Восточная литература», 2006. – С. 77–90.
2. Боффа, Д. История Советского Союза. Т. 1. – М., 1994. – 632 с.
3. Верховный суд Республики Северная Осетия – Алания. – Владикавказ, 2004.
4. Доклад по Отделу Юстиции при Обревкоме. – Владикавказ, 1920.
5. Жизнь Национальностей. 8 и 15 декабря 1920 г. №№ 39 и 40.
6. Золотых, В.В. История судов на Дону. – Ростов-на-Дону, 2004. – 560 с.
7. История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. – М., 1957. – 1045 с.
8. Кодзоев, Н.Д. История развития судебной системы Ингушетии. – М., 2006. – 356 с.
9. Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т. 51.
10. Мисроков, З.Х. Отмирание шариатской юстиции в автономиях Северного Кавказа. – М., 1979. – С. 227–228.
11. Мисроков, З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.: МГУ, 2002. – 251 с.
12. Момотов, В.В., Свечникова, Л.Г. Мусульманское право на Северном Кавказе в XIX – первой трети XX в. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2008.
13. Овсепян, Ж.И. Основные этапы становления федерализма и территориального размежевания в России на Северном Кавказе // Конституции, уставы и договоры субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 1998. – 473 с.
14. Сведения о количестве губернских и областных судов РСФСР и подведомственных им судебно-следственных и исполнительных органов // Основные итоги работы губернских (областных) и народных судов РСФСР в 1924 году. – М., 1925.
15. Ставропольский краевой суд. 1868–2008. – Ставрополь, 2008.
16. Улигов, У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабардино-Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). – Нальчик, 1979. – 354 с.
17. Шапсугов, Д.Ю., Свечникова, Л.Г., Исмаилов, М.А. Обычное право, мусульманское право и акты Российского государства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – первая треть XX в.). Хрестоматия. – Ростов-на-Дону, 2008. – 495 с.
18. Шимановский, В.В. Органы предварительного следствия в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.) // Правоведение. – 1967. – №4.
19. СУ РСФСР. 1917. №4. Ст. 50.
20. СУ РСФСР. 1917. №12. Ст. 170.
21. СУ РСФСР. 1918. №41. Ст. 520.
22. СУ РСФСР. 1920. №22–23. Ст. 115.
23. СУ РСФСР. 1920. №83. Ст. 107.
24. СУ РСФСР. 1921. №6. Ст. 41.
25. СУ РСФСР. 1925. №11. Отд. 1. Ст. 76.
26. ЦГА КБР. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 2.
27. ЦГА РСО // Листок приказов. №2 от 10.06.1920 г.
28. ЦГА РСО. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6.
29. ЦГА РСО. Ф. 81. Д. 52.
30. ЦГА РСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 95.
31. ЦГА РСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 60.
32. ЦГА РСО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 2.
33. ЦГА РСО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 193.
34. ЦГА РСО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 11.
35. ЦГА РСО. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 136.
36. ЦГА РСО. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 260.
37. ЦГА РСО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 52.
38. ЦГА РСО. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 32.
39. ЦГА РСО. Ф. Р-94. Оп. 1. Д. 65.
40. ЦГА РСО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 68.
41. ЦГА РСО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 29.
42. ЦГА РСО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 37.
43. ЦГА РСО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 59.
44. ЦГА РСО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 60.

Состин Дмитрий Игоревич
Северо-Кавказский федеральный университет,
доцент кафедры истории России,
Ставрополь, Россия,
E-mail: dima.sostin@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ГОРСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Аннотация: В статье проанализированы основные черты социально-экономического развития горских народов и их роль в общественно-политической жизни. Выделены особенности и проблемы модернизационного процесса в Северо-Кавказском регионе в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: народы Кавказа, революция, модернизация, политические партии

Sostin Dmitry Igorevich
North Caucasus Federal University,
associate Professor of Russian history department,
Stavropol, Russia,
E-mail: dima.sostin@yandex.ru

**SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENT OF THE MOUNTAIN
PEOPLES OF THE NORTHERN CAUCASUS IN THE LATE XIX EARLY
XX CENTURIES: PROBLEMS OF MODERNIZATION**

Abstract: The article analyzes the main features of the socio – economic development of the mountain peoples, and their role in social and political life. The features and problems of the modernization process in the North Caucasus region in the late XIX – early XX centuries are highlighted.

Key words: peoples of the Caucasus, revolution, modernization, political parties

Период конца XIX – начала XX в. – важный рубеж в истории России. Он связан с модернизацией, начало которой положили либерально-демократические реформы Александра II. Следствием преобразований стали: бурное развитие промышленности, активное проникновение капитализма в сельское хозяйство, развитие самоуправления (земств), либерализация судебной системы и образования.

Эти процессы не могли не затронуть окраины России, в частности Кавказ. Анализ и обобщение этого опыта на настоящем этапе имеет очень важное теоретическое и практическое значение для преодоления современных общенациональных и региональных проблем, решение которых не терпит отлагательств.

Итак, обратимся к Северному Кавказу. Его экономический и социально-политический облик сформировался всем ходом предшествующего развития. В рассматриваемый период ему были присущи такие черты, как многонациональность, общинные пережитки; отставание инфраструктуры от производства. Все эти факторы дополнялись особенностями природно-климатического характера и являлись исходной позицией, определявшей содержание и особенности модернизационных процессов в регионе и их результаты. Регион, слабо заселенный в начале пореформенного периода или заселенный горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства, активно развивался.

Экономическая специализация Северного Кавказа носила ярко выраженный сельскохозяйственный характер. Начиная с пореформенного периода и в начале XX в. экономика региона бурно развивалась, что объяснялось ее втягиванием в общероссийский рынок. Росло производство зерновых, развивалось торговое скотоводство, причем не столько за счет расширения земельных площадей (в Терской области, особенно в горных районах они были ограничены), а сколько за счет совершенствования агротехники, развития инфраструктуры, строительства элеваторов, железных дорог, использования сельхозмашин. Последние, импортируемые из Европы, применялись, прежде всего, в

частновладельческих хозяйствах, в основном на Ставрополье, Донской и Кубанской областях, Черноморской губернии.

Большую роль в развитии экономических связей промышленного центра России с Северным Кавказом сыграло открытие в 1875 г. железнодорожной линии Ростов–Владикавказ. Проведение от главной линии этой дороги ветки на Екатеринодар (1887 г.) и Новороссийск (1888 г.), продолжение ее от Владикавказа через Беслан до Порт-Петровска (в 1890-х годах) делали ее важнейшей артерией Северного Кавказа [5, с. 6–9].

Развивалась сельскохозяйственная кооперация. Так, в конце XIX – начале XX веков курорты Кавказских Минеральных Вод почти целиком снабжались местными мясными и молочными продуктами (маслозавод В. Бландова и Т. Байчорова). Складывались собственные регионы специализации. В Балкарии – сыроварение. Карачай и Балкария – овцеводство. Кабарда и Адыгея – коневодство. Дагестан – садоводство и виноградарство. Черкески из верблюжьей шерсти, производимые мастерами-ткачами из Осетии, продолжали пользоваться спросом у казаков – Терского и Кубанского войска и военных, дислоцированных на Кавказе [1, с. 128–129].

Значительных успехов на Кавказе достигла также кредитная и потребительская кооперация, особенно на Кубани и в Терской области. Кооперативные объединения на Северном Кавказе создавались для совместной покупки и аренды земли, удобрений, машин, для сбыта сельскохозяйственной продукции [6, с. 46].

Помимо сельскохозяйственного сырья на Кавказе активно разрабатывались природные ископаемые. К концу XIX в. в регионе сформировались крупные центры нефтяной и горнорудной промышленности. В Осетии, Адыгее и Чечне добывалась нефть, металлы. В экономике Северного Кавказа, как и в целом в России, росло значение иностранного капитала, особенно в разработке нефтяных месторождений в Грозном и Майкопе. Иностранный капитал проникает также и в Дагестан, где уже в первые годы XX в. функционировали «Англо-русское нефтяное общество» и «Товарищество братьев Нобель». В Северной Осетии действовало контролируемое иностранным капиталом акционерное общество «Алагир». В Карачае в начале XX в. для разработки горных богатств было создано акционерное общество «Эльбрус». Таким образом, проникновение капитализма в горные районы и вовлечение в товарное производство коренных горских народов способствовало подъему экономики региона. Уже с конца XIX века продукция с Кавказа: ремесленные товары, сельхозпродукция – экспортировалась в Германию, Голландию, Данию, Италию, Бельгию, Францию и Англию.

Показателем модернизации было не только освоение горцами новых типов производства, но и приобщение их к новым культурным ценностям, прежде всего российским. В 1881 году в городе Темир-Хан-Шура открылось реальное училище, где учились местные горцы. В 1885 году – библиотека. В 1897-м – женская гимназия. К концу XIX века в Дагестанской области действовало 26 школ, хотя общая грамотность населения оставалась низкой (9–10%). Получившие знания в российских школах, гимназиях, училищах горцы становились просветителями собственных народов. Просвещение и в целом культурное развитие было связано с урбанизацией и, соответственно, с ростом городов, что, безусловно, отражалось на процессе модернизации Северо-Кавказского региона. Построенные Россией по просьбе кавказских народов города (Терки, Кизляр, Моздок, Владикавказ) играли первоначально роль форпостов, но впоследствии способствовали развитию культуры и производительных сил местных народов [7, с. 61].

Однако, несмотря на значительные успехи: новые технологии, рост производства, обмен, развитие кооперации и производственной культуры, просвещение, – модернизация носила противоречивый характер. Ускоренное освоение и развитие региона, урбанизация имели как позитивные, так и негативные результаты. С одной стороны, вытесняя патриархальную замкнутость, она меняла экономический облик региона. Возникали города, новые промышленные центры, расширялись рынки сырья, товаров. Кавказ привлекал массы промышленных, сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, капиталистическая модернизация нивелировала местную экономику, наступала на старинный традиционный быт горцев. Шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Сокращалось старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного

русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия. Основная масса горского населения в целом медленно втягивалась в общероссийский рынок, слабо приобщалась к мировой культуре.

Политическое развитие Кавказа, считавшегося окраиной Российской империи в конце XIX – начале XX в., было относительно спокойным. Наличие казачества на Кубани, Терек, в Черноморской губернии воспринималось правительством как достаточная гарантия социальной стабильности, а политический консерватизм основной массы местного населения позволял без особых опасений отправлять сюда политически неблагонадежных лиц под надзор полиции [4]. Однако и здесь ситуация была неоднозначной. Под влиянием разночинной интеллигенции, ссыльных после революционных событий 1905–1907 гг. в Москве и Санкт-Петербурге политическое положение прежде всего в городах Северного Кавказа начало меняться. Волнения наблюдались даже среди части казачества, недовольного ограничениями на пользование войсковыми угодьями, а также изменениями в управлении казаками со стороны правительства.

Причинами недовольства горского населения были высокие арендные платежи, которые они должны были выплачивать местной старшине. Горцы также протестовали против переселения в их аулы новых жителей в качестве наказания или решения вопроса о наделении землей неимущих. Эта практика воспринималась как бедствие в условиях горского малоземелья [3, с. 220–221]. Главной причиной обострения общественно-политической ситуации на Кавказе, особенно в его горных районах, был аграрный вопрос. Сложность аграрных отношений заключалась в многообразии форм земельной собственности и землепользования. Наряду со сложившейся в течение предшествующих веков феодальной собственностью, сохранявшимися формами общинной собственности, мелким крестьянским владением, возникшим в результате трудовой заимки, значительная часть земель в результате колонизации отходила в казну. Крупнейший ученый-кавказовед, историк Карачаево-Черкесии В.П. Невская, указывая на остроту аграрного вопроса в Карачае, отмечала, что «..аграрный вопрос для Карачаево-Черкесии, как и для всех национальных районов Северного Кавказа, был тесно связан с национальным, а борьба за аграрные преобразования – с борьбой за национальное освобождение...» [2, с. 16] Аграрная реформа Столыпина, нацеленная на создание благоприятных условий для реализации самостоятельной экономической инициативы крестьян, несмотря на положительные результаты, в смысле повышения рентабельности сельского хозяйства не могла, в конечном счете, решить проблему наделения производителей землей. Все новшества: техническое оснащение, повышение урожайности происходили в основном за счет зажиточных хозяйств. Значительная же часть простого аграрного населения, проживавшего на Кавказе, как, впрочем, и в целом в России, привыкшего веками жить коллективным укладом, была невосприимчива к столыпинской трансформации аграрных отношений. Особенно это касалось горцев. Политическая власть в лице практически неограниченного самодержавия не допускала демократизации общественной жизни, реформ политической системы. Дальнейшая ее эволюция, как это ни удивительно, помогала революционному движению в России. Манифест от 17 октября 1905 года, предлагавший «усовершенствование государственного порядка», был беспрецедентным событием в истории России. Выборы в представительные органы (Государственную Думу) создавали уникальную возможность для верховной власти и народных представителей мирно и конструктивно решить острейшие проблемы, преодолеть конфликты между властью и обществом. Между тем политическая обстановка в стране менялась стремительно. Аграрный, военный, национальный, рабочий и другие вопросы требовали безотлагательного решения. Тяжелый социально-экономический кризис, война, падение самодержавия (февраль-март 1917 г.) осложняли деятельность Государственной Думы и коалиционного правительства, которое не могло эффективно управлять страной. Естественно, это сопровождалось дичайшим ростом левого радикализма в России. В итоге модернизация, разворачивавшаяся в стране и на ее окраинах (Северном Кавказе), начавшаяся с конца XIX в., так и не смогла разрешить острейшие проблемы развития российского общества и остановить движение страны к революции, в горнило которой со всеми ее последствиями были вовлечены и народы Северного Кавказа.

Литература:

1. Колоев, Б.А. Моздокские осетины (Историко-этнографическое исследование). – М.: Наука, 1995. – 245 с.
2. Невская, В.П. Крестьянский вопрос в Карачаево-Черкесии перед Октябрем. // Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказа перед Октябрем. Межвузовский сборник научных трудов. – Ставрополь: СГПИ, 1990. – 112 с.
3. Очерк IX. Северный Кавказ в 1864–1904 годы: Экономика, управление, общественно-политические процессы (В.П. Ермаков, С.С. Лазарян) // Северный Кавказ с древнейших времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / Под ред. и с предисловием В.Б. Виноградова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – 318 с.
4. По страницам истории Кубани / Отв. ред. В.Н. Ратушняк. – Краснодар: Издательство Советская Кубань, 1993. – 208 с.
5. Ратушняк, В.Н. Рост средств производства и товарооборота в сельском хозяйстве Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказа перед Октябрем. Межвузовский сборник научных трудов. – Ставрополь: СГПИ, 1990. – 112 с.
6. Ратушняк, В.Н. Сельская кооперация Северного Кавказа в период капитализма (историография и очерк развития) // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. Сборник научных трудов. – Ставрополь: СГПИ, 1983. – 161 с.
7. Туаева, Б.В. Город в урбанизационных процессах в России (XIX – начало XX вв.) // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. – Владикавказ, 2013. – Вып. 10 (49). – 163 с.

УДК 94(470.65) «1941/1945»

Хаблиева Лариса Черменовна
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный
университет имени К.Л. Хетагурова»,
доцент кафедры новейшей отечественной истории,
г. Владикавказ, Россия,
E-mail: lara6715@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)

Аннотация: В статье рассматриваются условия жизни населения Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны. Автор использует республиканские архивные материалы, чтобы представить, как решалась жилищная проблема в экстремальных условиях военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; военное время; жилищная проблема; Северная Осетия

Khablieva Larisa Chermenovna
North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov,
associate Professor of the Department of modern national history
Vladikavkaz, Russia,
E-mail: lara6715@yandex.ru

FROM THE HISTORY OF MILITARY EVERYDAY LIFE: THE SOLUTION OF THE HOUSING PROBLEM IN NORTH OSSETIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: The article deals with the living conditions of the population of North Ossetia during the great Patriotic war. The author uses the Republican archival materials to present how the housing problem was solved in the extreme conditions of wartime.

Key words: Great Patriotic war; war time; housing problem; North Ossetia

Рассмотрение жилищной проблемы в годы Великой Отечественной войны имеет важное значение, поскольку позволяет выявить, как социально-экономические изменения влияли на повседневную жизнь и деятельность людей в экстремальных условиях военного времени. Для ее изучения нами избран Владикавказ (Орджоникидзе) как типичный провинциальный город.

С началом Великой Отечественной войны органы власти и государства принимают меры по обеспечению основных потребностей людей в социальной сфере: снабжение продовольствием и предметами первой необходимости, обеспечение жильем, решают вопросы совершенствования оплаты труда и медико-санитарного обслуживания граждан.

В условиях военного времени одним из сложнейших социальных вопросов являлась жилищная проблема. В Северной Осетии она усложнялась не только разрушением жилого фонда, но и притоком в республику эвакуированного населения, военнослужащих и их семей. С июля 1941 года сотни тысяч людей с западных и центральных областей страны эвакуировались в более безопасные восточные регионы и на юг страны. Их размещали в коммунальных, ведомственных, частных домах. Но жилой площади не хватало. В сложившихся условиях стали проводить частичное уплотнение жилой площади. Вселяли в отдельную комнату (в очень редких случаях) или на часть жилплощади в квартире или доме. Протоколы заседаний советских и партийных органов власти говорят о том, что только через принудительное уплотнение решить жилищную проблему было невозможно.

Для изыскания свободной площади за счет уплотнения граждан была создана специальная комиссия, которая в первую очередь занималась расквартированием начсостава гарнизона и семей военнослужащих [5, с. 76]. С объявлением военного положения на территории республики СНК СОАССР 6 марта 1942 года принимает постановление «О временных жилищных мероприятиях в г. Орджоникидзе в связи с размещением эвакуированного населения» [7, л. 130]. Из-за острого дефицита жилых площадей под жилье стали приспособлять клубы, кинотеатры, школы, складские помещения, чердаки, сараи, вагоны и т. п.

Для предотвращения больших жертв населения при налетах вражеской авиации Владикавказский (Орджоникидзевский) комитет обороны принимает решение провести из г. Владикавказа с 1 по 15 сентября 1942 года дополнительную эвакуацию населения (60 тыс. человек, в основном женщины и дети). Из них 42 тыс. человек перемещались в пределах СОАССР, 18 тыс. человек (женщин, детей, нетрудоспособных) предполагалось вывезти за пределы Северной Осетии. План эвакуации выглядел следующим образом: Гизельдонский район – 2 тыс. чел., Ардонский район – 1 тыс. чел., Алагирский район – 9 тыс. чел., Дигорский район – 11 тыс. чел., Ирафский район – 2 тыс. чел., Садонский район – 2 тыс. [6, л. 4].

Ответственность за подготовку жилой площади в порядке уплотнения, использования помещения колхозов, учреждений, школ возлагалась на председателей райисполкомов. В Алагирском районе СОАССР разместили 9 тыс. эвакуированных, а в г. Алагир в порядке уплотнения жилплощади граждан расселили 4,5 тыс. человек. Для перевозки эвакуированных с железнодорожных станций до мест назначения не хватало автомобилей. Очень часто привлекали гужевой транспорт, зачастую шли пешком [9, л. 67]. За пределы СОАССР в г. Ереван были эвакуированы 19 тыс. человек. В ходе следования эшелоны с населением сопровождали врачи и санперсонал [3, с. 38].

Для решения жилищной проблемы государство выделяет кредиты на индивидуальное строительство (15 тыс. руб. сроком на 5 лет на строительство и 1,5 тыс. руб. сроком на 3 года на ремонтные работы). Но отпускаемых средств не хватало. В результате планы индивидуального жилищного строительства не выполнялись [4, с. 97]. На селе деньги и стройматериалы для постройки или ремонта дома выделяли колхозы.

На семьи военнослужащих распространялись льготы по уплате жилищно-коммунальных услуг, налогов. В соответствии с приказом Ставки Верховного Главнокомандования №270 от 16 августа 1941 г. этих льгот лишались семьи военнослужащих и командного состава армии, которые попали в плен и считались предателями Родины.

Еще более остро жилищный вопрос встал по мере возвращения из эвакуации населения, ранее проживавшего в республике. Возвратившись домой, люди находили на месте своих домов одни развалины. Зачастую их жилплощадь была занята другими семьями или организациями [1, с. 112].

Восстановительные работы начались сразу после освобождения территории СОАССР от оккупации. Несмотря на это, восстановление и ремонт домов не могли решить жилищную проблему населения. Темпы восстановления жилого фонда были неудовлетворительными. Например, в Ленинском и Промышленном районах города Владикавказа из запланированных к ремонту жилых домов отремонтированы только 27% и 36% соответственно (данные на октябрь 1944 г.) [9, л. 67].

В первую очередь осуществлялся ремонт жилой площади семей военнослужащих. В ходе месячника помощи семьям военнослужащих в Северной Осетии были собраны различные стройматериалы (69 тыс. штук кирпича, 6 тыс. штук черепицы). За короткий срок удалось отремонтировать жилплощадь семей военнослужащих (2 360 квартир и домов). Им оказывали помощь и топливом (7 439 семей были обеспечены дровами на зиму) [8, л. 61].

Таким образом, несмотря на принимаемые меры по решению жилищной проблемы населения в экстремальных условиях Великой Отечественной войны, эта проблема стояла остро и полностью не была решена. На ее решение повлияли как объективные, так и субъективные факторы военного времени.

Литература:

1. Из истории трудового подвига народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. – Краснодар, 1995. – 176 с.
2. Колесник, А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1982. – 328 с.
3. Панарина, Е.В. Решение проблем жизнеобеспечения населения на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез): материалы Всероссийской научно-практической конференции (17–18 октября 2007 г.) / Под ред. Ю.А. Стецурь. – Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2007. – С. 200–209.
4. Постановление Совнаркома СССР «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» от 13 сентября 1941 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 6 т. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 3 (1941–1952 гг.).
5. Проблемы истории Великой Отечественной войны. К 60-летию начала. Сборник научных статей / под ред. В.И. Черного / В 2-х ч. / Ч. 2. – Краснодар, 2001. – 123 с.
6. ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2.
7. ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 15.
8. ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17.
9. ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17.

УДК 93/94

Хубулова Светлана Алексеевна
ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова»,
доктор исторических наук, профессор,
завкафедрой новейшей отечественной истории,
г. Владикавказ, Россия,
E-mail: hubul@yandex.ru

«Я – БЫВШИЙ КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН»: КОМБАТАНТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ

Аннотация: В статье на материалах региональных архивов проведен контент-анализ эго-документов бывших красных партизан. Письма дают представление о материальном положении комбатантов, невозможности устроиться на работу, содержать семью. С помощью жалоб и заявлений, которые направлялись их авторами в разные инстанции, удалось выявить причины лишения статуса, механизмы проведения регулярных «чисток» в партизанском сообществе.

Ключевые слова: партизаны, повседневная жизнь, социальный лифт, материальное положение

Khubulova Svetlana Alekseevna
North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov,
Doctor of history, Professor, Vladikavkaz, Russia,
E-mail: hubul@yandex.ru

"I AM A FORMER RED PARTISAN": CIVIL WAR COMBATANTS IN EGO-DOCUMENTS

Abstract: *In the article the content analysis of ego-documents of the former red guerrillas based on materials of regional archives is carried out. Letters give an idea of the financial situation of combatants, the inability to get a job, to support a family. By means of complaints and statements which were sent by their authors to different instances, it became possible to identify the causes of deprivation of the status, mechanisms of carrying out regular "purges" in guerrilla community.*

Key words: *partisans, daily life, social elevator, financial situation*

Практически не освещена послевоенная жизнь тех комбатантов, которые добыли большевикам победу и возвели их на политический Олимп. Можно сказать о том, что история партизанского движения на юге России и последующая судьба его участников представляется нам таковой.

Письма и другие эго-документы дают представление о материальном положении комбатантов, невозможности устроиться на работу, содержать семью. Анализ отложившегося материала позволяет реконструировать причины, мешавшие карьерному росту. Авторы писем обращаются к бывшим командирам с просьбой об устройстве на работу, на учебу и ходатайствами о персональной пенсии. По их мнению, эти обстоятельства могут обеспечить восходящий карьерный рост и социальный лифт. С помощью жалоб и заявлений, которые направлялись их авторами в разные инстанции, удалось выявить причины лишения статуса, механизмы проведения регулярных «чисток» в партизанском сообществе.

Анализ эго-документов 1920-х гг. позволяет утверждать, что основная масса комбатантов испытала психологический надлом в связи с тем, что герои оказались в стороне от строительства новой жизни, ради которой жертвовали в годы войны своими. В их материальном, социальном статусе не прослеживалось никаких позитивных подвижек, они оказались на нижних ступенях социальной лестницы послевоенного общества, тем самым представляя лабильную среду, в недрах которой рождалось недовольство своим положением, проводимой политикой и отсутствием перспектив.

В анкету дополнительно включаются и такие признаки: куда подается жалоба, характер жалобы. Заложена в источнике информация позволяет включить в анкету ряд биографических составляющих: фамилия, имя, отчество, личный вклад в годы гражданской войны, социальное происхождение, специальность, наличие или отсутствие работы, состав семьи.

Выработав единую унифицированную анкету, переходим ко второму этапу контент-анализа – непосредственной обработке анкет с помощью метода группировки на предмет взаимосвязи между признаками. В результате обработки источников появляется обширный материал, который позволяет исследовать социальный облик красного партизана, описать его материальное положение, выявить особенности социальной психологии и проч.

Давая общую характеристику источникам, следует отметить, что отложившийся корпус документов достаточно неоднороден, так как включает в себя разнообразные по форме и содержанию документы [1, с. 301].

Весь комплекс по своему характеру однообразен, включает личные заявления. Большая часть жалоб написана от руки и на клочках бумаги, иногда изложение грамотное, но чаще – с большим количеством ошибок. Все жалобы имеют произвольную форму. Содержательный анализ жалоб позволяет заключить, что все они представляют картину безрадостного и тяжелого существования бывших партизан. Каждая жалоба имеет очень высокую эмоциональную окраску.

Это проявляется, прежде всего, в обращении автора к адресату. И.В. Даренская вычленила несколько групп обращений: патерналистско-традиционные, гражданско-сознательные и официальные [2, с. 32].

В первом случае письма начинались с обращения «отец родной», «дорогой». Так, во многих письмах, адресованных Д.И. Жлобе – председателю Северо-Кавказской комиссии красных партизан, – эти эпитеты присутствуют часто: «Дорогой Дмитрий Петрович!!! Надеюсь на Ваше великодушие, обращаюсь к Вам как к отцу родному и своему

старому командиру»; «Так вот, батька, если у тебя есть портрет, писанный красками, присылай его мне...» [3, л. 107]

В обращениях, отнесенных к гражданско-сознательным, присутствуют «товарищ», «революционный товарищ», «боевой друг»: «Дорогой товарищ! Обращаюсь к Вам как к своему бывшему командиру» [4, л. 18]; «Уважаемый тов. Гацоев! Обращается к тебе бывший красный партизан» [5, л. 129]. Обе эти формы свидетельствуют о сохранении в сознании людей раннесоветского периода сочетания стереотипов прошедшей (традиционной) и новой (сочетавшей в себе советскую власть с патриархальной) эпох.

Наконец, третий тип обращений – официальный, добавим, безликий: «В комиссию по чистке партизан...»; «Председателю партизанской комиссии...». Этот вид эго-документов уже лишен некоторой «семейности», присущей другим видам обращений.

Кого считала новая власть своими сторонниками и кому должна была помогать найти свое место в социалистическом обществе? В многочисленных партийно-государственных документах имелась следующая четкая формулировка, кого причислить к бывшим красным партизанам, – это участники установления советской власти в регионе, подтвердившие это документами [6, л. 12].

Комплекс массовых источников по истории бывших красных партизан раскрывает различные аспекты процесса адаптации комбатантов гражданской войны в мирные реалии. Надо отметить, что региональные процессы не являются чем-то специфическим, характерным только для данной местности, они коррелируют с общесоюзными проблемами адаптации комбатантов.

Новая власть, многим обязанная своим сторонникам и солдатам революции, должна проявлять заботу об их материальном и социальном статусе. Прежде всего, сформирована многоступенчатая социальная политика: активные участники революционных боев получали награды, льготы, их продвигали по служебной лестнице. Руководители партизанских отрядов привлекались советской властью в качестве новой элиты в разные властные органы. Показательны в этом плане биографии Д. Жлобы, С. Такоева, К. Бутаева, Е. Рамонова, А. Джатиева, Н. Гассиева и некоторых других, сделавших блестящие карьеры и занявших вакантные ниши на вершине новой политической пирамиды. Как показали подсчеты, такая восходящая карьера пришлась на приблизительно 15–16% бывших красных партизан [7, с. 96]. Гораздо больше комбатантов не получили наград, достойной службы, льготы – самые незначительные. В многочисленных анкетах, заполненных бывшими партизанами, видно, в какой острой нужде они жили: «неимушие», «нет работы», «нет жилья» [8, с. 53].

Обратимся к материальному положению тех бывших партизан, которые осели в городах Северо-Кавказского края. Подавляющая их часть либо занималась тяжелым и неквалифицированным трудом, либо попадала в разряд безработных. Оценивая свое бедственное состояние на фоне процветающих сослуживцев, комбатанты стремились если не добиться социальной справедливости, то хотя бы несколько ослабить тяжелое положение. Одним из механизмов стали письма-жалобы, заявления и прошения во властные структуры. Прежде всего, речь шла о материальной помощи со стороны государства.

Материальное положение многих партизан было тяжелым, но их заботами власть интересовалась мало. В своих жалобах в партизанские комиссии комбатанты отмечали, что «большевики плохо заботятся о нас, мы страдаем, а они нас не слышат» [9, с. 30]. Во Всегрузинский Совет красных партизан неоднократно направлялись письма по поводу того, что «876 человек по Южной Осетии абсолютно никем не снабжаются, и Уполномоченный Наркомснаба не включает их в план снабжения (т.е. они лишены материальных выплат и других льгот. – авт.). В то время как на иждивении указанных красных партизан находится более 2 899 душ» [10, с. 26].

Жалобы на материальное неблагополучие были полны драматизма и безысходности. Например, партизан Ждан в трагических красках описывал свое существование: «Скажу просто, без прикрас, я голодаю. Дорогой Дмитрий Иванович, прошу помочь своему красному партизану, ничего не имеющему, кроме одиннадцати ран на теле» [11, л. 129]. Партизан Марьянов писал: «Хожу раздетый, не имею обуви, даже белья. Вот теперь зима, можно заболеть...» [12, л. 17] Ему вторил комбатант Фидаров, который в отчаянии обращался в партизанскую комиссию за помощью: «Я в крайне критическом положении так, что не имею средств к дальнейшему существованию. Семья моя состоит из жены и двух малолетних детей от 2 лет до 11 месяцев; от плохого питания дети

болеют, жена также чувствует себя нездоровой. Занимаемая мною квартира сырая, редко отапливается, т. к. нет средств для покупки топлива...» [13, л. 27]

Вдова бывшего партизана Скуршакова в заявлении в партизанскую комиссию делалась своими тяжелыми семейными проблемами: «Прошу Вашего содействия оказать мне помощь, так как я не в силах купить своему сыну верхнюю одежду... Работаю на трамвае кондуктором, заработок у меня маленький, часто болею и мне приходится мало получать» [14, л. 73]. Ей вторила другая просительница – мать расстрелянных деникинцами трех сыновей: «Я персонально получаю пенсию в Чеченской области за своих расстрелянных сыновей в размере 11 руб. 50 коп. Сама я инвалидка (так в тексте. – *авт.*), признанная ко 2-й группе, и в свои 65 лет, вполне понятно, не имею способности к труду, и других доходов у меня нет. Имея в виду теперешнюю дороговизну, прожить на эту пенсию очень затруднительно. Почему и прошу назначить мне пенсию централизованным порядком через ВЦИК» [15, л. 21об].

Другой животрепещущей проблемой для многих жителей городов была растущая безработица. В годы НЭПа резко увеличилось количество безработных. Если в конце 1921 г. в сфере спроса было около 500 вакансий, то уже в 1922 г. количество предложений превысило спрос в 4 раза. Во Владикавказе открытие Биржи труда состоялось летом 1922 г. Безработные обязаны были регистрироваться на Бирже труда и ждать своей очереди на получение работы. Как явствует из документов, наибольшее количество безработных было представлено в категории «без профессии и квалификации». В 1923 г. на Бирже было зарегистрировано 1,5 тыс. безработных, кроме того, из разных мест во Владикавказ прибывали сотни рабоче-активных когорт, которым также нужно было искать работу. Из статистических данных следует, что в 1924 г. на каждое предложение приходилось лишь 0,5% спроса.

Биржей проводились регулярные «чистки», в ходе которых часть зарегистрированных лишалась статуса ожидающих. В разряд лишенцев попадали люди, стаж работы которых был меньше 3-х лет. Кроме того, существовали категории льготников, которых направляли на работу в первую очередь. К ним относились и бывшие красные партизаны.

Материальное положение безработных, даже зарегистрированных на Бирже и получающих мизерные пособия, было очень трагическим. Пособия не удовлетворяли даже минимальные потребности в пище и одежде.

Учитывая дороговизну предметов первой необходимости и продуктов питания, безработные и их семьи практически голодали либо покупали суррогаты хлеба, небольшое количество круп. Скудный рацион питания вызывал потерю сил, здоровья, в самых тяжелых случаях приводил к смерти.

Такая ситуация не могла не сказываться на моральном состоянии нуждающихся, по свидетельствам медиков, это приводило к самоубийствам. Нередко безработные подвергались выселению из квартир.

В партизанскую комиссию поступали письма-просьбы бывших красных партизан, в которых они описывали свое бедственное положение. Показательно заявление сына бывшего начальника партизанского отряда Дауда Альтемирова: «Я в настоящее время (1935 г. – *авт.*) безработный, причем прошу Вас определить меня на какую-нибудь работу, я имею семь классов образования, по семейным обстоятельствам мне не удалось продолжить образование. Работал заготовителем в Корельдреве, ездил проводником фруктового (так в тексте. – *авт.*) вагона в г. Петрозаводск, а после возвращения я – безработный» [16, л. 6].

Материальное положение комбатантов можно было поправить, назначив им персональную пенсию. Об этом пеклись многие красные партизаны, пытаясь заручиться ходатайствами своих бывших командиров. Так, в череде таких просьб можно выделить письмо красного партизана И. Попова, которое он адресовал на имя Д. Жлобы: «Не знаю, куда затерялась бумажка, а без нее никак не получить пенсию. А дело было так: в партию вступил в октябре 1918 года под Царицыным, еще в Стальной дивизии, а выбыл в начале 1922 года в Тифлисе, когда тяжело болел, а потом началось психическое расстройство, и именно это неменяемое состояние вынудило меня добровольно выйти из партии. Собственно это же обстоятельство послужило причиной демобилизации...» [17, л. 128] Не менее трагично заявление в Северо-Кавказскую комиссию помощи бывшим красногвардейцам и красным партизанам П. Ильяшенко: «...я весь истреplen своими нервами в период империалистической и гражданской войны, 6 раз ранен и 2 раза бит плетью, дальше рисовать Вам нече-

го... Осмелюсь просить Вашего ходатайства представить мне Персональную пенсию, хотя бы это было через врачебную комиссию, а меня снять с работы, т. к. дальше работать не могу ввиду моего плохого зрения, малограмотности, а также по нервной болезни...» [18, л. 136] Многочисленные обращения во власть по поводу персональной пенсии часто оставались без положительного решения.

Не менее болезненно воспринимали бывшие комбатанты отсутствие возможности карьерного роста. Кадровая политика, которую проводила победившая власть, предполагала систему выдвиженчества, позволившую к концу 1920-х гг. сформировать должностную иерархию в новом государстве. Ответственные посты получали работники, преданные большевикам (небольшая группа). Для успешного прохождения по карьерной лестнице нужно было получить образование. Это желание вписывалось в государственную политику формирования «новой национальной интеллигенции». Красные партизаны, которые желали повысить свой образовательный уровень, вне конкурса могли попасть в разряд целевиков/командированных в вузы страны, так как классовая принадлежность студента была весьма важна для государства. «Мы, Джигоев С.А. и Котолов В.Д., при заполнении партизанских анкет указывали, что желаем продолжить учебу. Просьба была удовлетворена. Облпарткомом и Облоно Юго-Осетии были откомандированы на учебу в МГУ г. Москва. Но сейчас просим ЦИК Юго-Осетии принять во внимание наши заслуги перед советской властью, выражающиеся в участии в партизанских боях 1918–1920 гг., учесть нашу экономически тяжелую ситуацию и выслать материальное пособие (хотя бы единовременное) для продолжения учебы» [19, л. 1].

В центральных вузах обучались делегаты из всех уголков Северного Кавказа. Часть их по возвращении на родину была трудоустроена и смогла сделать карьеру. Стремление комбатантов восполнить нишу «новой национальной интеллигенции» поддерживалось государственными льготами, наградами и должностями, которыми власть благодарила свою надежную опору. Такое отношение государства к красным партизанам давало последним уверенность в справедливости получения ими льгот для успешной жизни.

В годы активного построения нового общества власть должна была обезопасить себя от «попутчиков» и несогласных с ее методами. Поэтому на вооружение были взяты методы принуждения и террора. Государство боролось не только с бывшими помещиками и белыми офицерами, но также с теми своими союзниками, которые не принимали многие реформы в стране. Когда страна вступила в решающий этап построения социализма, власть должна была четко понимать: кто за нее, а кто, несмотря на определенные заслуги в период гражданской войны, встал по другую сторону.

Так, постановлением ЦИК Северо-Осетинской автономной области от 19 мая 1930 г. при всех рай- и горисполкомах были созданы «Комиссии по проверке бывших красных партизан и красногвардейцев», которые начали свою деятельность в 1931 г. В инструкции по «чистке» за 1932 г. отмечалось, что комиссии должны руководствоваться особыми условиями региона и внимательно рассматривать каждый конкретный случай [20, л. 316]. В других документах конкретизировался сам механизм перерегистрации: «Каждый проходящий перерегистрацию бывший красный партизан (красногвардеец), а также каждый вновь заявивший о своей принадлежности к краснопартизанскому движению – предоставляет в комиссию заявление и не менее двух рекомендаций по прилагаемым формам. При рассмотрении заявления комиссия ведет протокол» [21, л. 18об]. Во всех государственных документах этого периода откровенно говорится: «Самым беспощадным образом разоблачать примазавшихся к рядам бывших красных партизан и красногвардейцев антисоветские, кулацкие, разложившиеся элементы, изгоняя их в порядке самоочистки в процессе повседневной массовой работы, проводя в этих целях специальные кампании по чистке» [22, л. 15].

Нами были проанализированы 400 заявлений и прошений комбатантов, которые они направляли в разные инстанции по поводу исключения из рядов красных партизан. Большой интерес представляют те жалобы и заявления, которые касаются не только самого процесса отказа в статусе партизана, но, что особенно важно, дают представление о послевоенной жизни комбатанта, его работе, социальном положении и проч.

Содержательный анализ этого вида документов позволяет утверждать, что все жалобы представляют собой систему доказательств, опровергающих факты, которые вменялись комбатанту: «В сентябре месяца сего года я, – писал Л. Боженев, – проходил

чистку бывших красных партизан, и комиссия по чистке в своем протоколе от 9 сентября 1931 г. вычистила меня якобы как совершенно не принимавшего никакого участия в октябрьских завоеваниях. Я со всей серьезностью протестую против той неправды, которая написана в выписке из протокола. Прошу Президиум горсовета снова проверить меня, ибо я был, есть и буду красный партизан и красноармеец» [23, л. 1]. Красный партизан Г. Брага обращался в Президиум Орджоникидзевского горсовета по поводу неправильно вынесенного решения: «Я – бывший красногвардеец гражданской войны. Осенью 1918 года участвовал в Августовских боях, а также в 1919 году защищал город от банд генерала Шкуро, которым мы были вытеснены и отступили в гор. Тифлис. Я в это время был бойцом на бронепоезде и в отсутствие командира по желанию команды замещал его. В общем, все время активно защищал республику с оружием в руках. В настоящее время комиссия исключила меня из числа красногвардейцев ввиду того, что я работал кузнецом в грузинской армии, но мы де, красногвардейцы, работали по инициативе подпольного комитета Краевого ВКП(б), дабы подготовить восстание и разложить армию, а не по своему желанию. А потому мое исключение я нахожу неправильным и прошу восстановить красногвардейцем» [24, л. 132-132об]. В ходе изучения этих документов нередки случаи, когда сталкивались интересы военно-политического ядра партизанского движения и членов комиссии, которые игнорировали рекомендательные справки первых, а боец, чьими поручителями они выступали, исключался из списков красных партизан. «Я повторно подаю свои документы на утверждение в комиссию по чистке, не понимаю, почему исключен, – писал Дзудцев Н.Д., – все знают меня с хорошей стороны как активного участника боев как против меньшевиков, так и белых банд генерала Хвостикова. О том, что я в никакой контрреволюционной организации не состоял, а, наоборот, выполнял поручение Джатиева А. и Санакоева М. (оба руководители отрядов) отговорить товарищей от вступления в армию Бичерахова., есть подтвержденные справки. Потому прошу зачислить как красного партизана и одного из командного состава всех восстаний» [25, лл. 1–3].

Конечно, каждое письмо – это эмоциональный источник, который дает возможность реконструировать социальную психологию бывших партизан. Таким образом, эти эго-документы позволяют выявить взаимосвязь между масштабами «чисток» и жалобами как формой социального протеста против таких мероприятий.

Жалобы и заявления – не единственный источник по истории взаимоотношений партизан и власти. Другие комплексы источников дают возможность раскрыть проблемы, связанные с положением бывших красных партизан, выявить наиболее существенные стороны «чисток», что, в конечном счете, привело к появлению таких источников, как жалобы и заявления.

Протоколы заседаний комиссий по рассмотрению заявлений красных партизан построены по принципу персонального рассмотрения. Они дают хороший материал о личности претендента. В протоколах содержится материал, раскрывающий социальный статус, политическую ориентацию комбатантов, факты из биографии. Например, из материалов комиссии по «чистке» партизан явствует, что «усматривая, что тов. Рожов из Владикавказа выбыл за три месяца раньше отступления красных войск, находился в Поти, потом попал к белым в Кисловодск. По социальному прошлому – прапорщик, пребывание на территории белых не случайное, и как не принимающий никакого участия в борьбе против белых из списков красногвардейцев исключить, билет отобрать» [26, л. 13]. Не менее остро власть реагировала на имущественное «обрастание» комбатантов: «Цагов, член ВКП(б), служащий, член колхоза «Горский колхоз». Цагов вплоть до 1930 г. имел свое собственное землевладение, а хозяйство его имело все признаки кулацкого хозяйства. Постановили: Отказать Цагову в занесении его в список красных партизан. Комиссия выражает глубочайшее возмущение в пребывании Цагова в рядах партии Ленина...» [27, л. 4] Сохранилось большое количество решений партизанских комиссий об отказе признать претендента красным партизаном. Поводом для отказа могли быть серьезные отклонения в образе жизни комбатанта. Например, в протоколе Ардоно-Алагирской комиссии помощи бывшим красным партизанам было отказано Чехоеву Б., который «выступает против всех проводимых властями кампаний, представителей называет бандитами, никого не слушает» [28, л. 58]; среди прочих не прошли перерегистрации жители с. Дур-Дур Койбаев Х., который в годы гражданской войны «выступал против белых, но в данное время не состоит в колхозе, выступает против

колхозного движения», было отказано учителю Байцаеву Д., который в 1928 году держал батрака [29, л. 62об].

Но даже незначительные отклонения от канонов могли стать причиной отказа в выдаче партизанской книжки. Так, нахождение на оккупированной территории в течение месяца без уважительных причин могло стать серьезным основанием для отказа в перерегистрации. Поэтому наиболее дальновидные запасались на этот счет свидетельствами своего неучастия на стороне белых. Например, красноармеец Базалин получил от начальника отряда им. Терского народного совета Карсанова справку о том, что по дороге в с. Заманкул попал вместе с 11-ю красноармейцами в плен. Был осужден и приговорен к расстрелу, в ожидании которого провел на территории белых больше месяца, на службе у деникинцев не состоял. Но то, что он не занимался подпольной работой в это время (абсурдная претензия), ему было поставлено в вину. Одному из видных красных партизан, Джюеву Сардиону (Цепка), пришлось заручиться поддержкой четырнадцати красных командиров и представить заверенные ими справки о том, что он не служил меньшевистской власти, а был арестован за участие в юго-осетинских восстаниях и заключен в Горийскую тюрьму [30, лл. 6–7]. Другой респондент, Сиукаев А.В., в представленной и заверенной одиннадцатью бывшими партизанами справке указывал, что многие из осетин Шоропанского уезда не уходили в Терскую область во время меньшевистского погрома 1920 г., а вели подпольную работу [31, л. 4].

Даже непроверенные доносы могли стать причиной отказа. Так, некто П. написал донос на своего соседа Тотусова М., который, по мнению П., «не может быть партизаном, ибо партизан не бывает простым болтуном, а должен быть участником боевых действий или являться подпольщиком. Михаил сидел в подвале с женщинами во время наступления банд Шкуро и говорил: «Лучше бы нам сдаться без боя, иначе всех пережуют» [32, л. 19]. Джюев В.А. писал: «У комиссии партизан не было никакого основания для моего исключения, кроме доноса мало заслуженного партизана Г.В., который со мной во враждебных отношениях...» [33, л. 1]

Еще большей трагедией для бывшего комбатанта могло стать лишение не только статуса партизана, но и избирательных прав. Лишенцами становились не только зажиточные крестьяне, но и те, кто проявлял несогласие с проводимыми реформами. Раскол партизанского братства в ходе "чисток" привел к противоречиям внутри этого союза. С 1931 г. все партизаны оказались разведенными по разным группам, наиболее незащищенными стали те из них, кто утратил статус красного партизана из-за разных причин (лишенчество, преступление, неподтвержденность участия на стороне большевиков и проч.). Участник революционных боев в с. Христиановском Д. Такоев, который позже попал в немилость к властям и стал лишенцем, в отчаянии писал: «Лучше мне пулей в лоб или же живым похоронить меня в холодную землю, чем нести на себе такой низкий и грязный позор...» [34, л. 94]

Комбатанта могли лишить не только партизанской книжки, но даже избирательных прав, что делало его беззащитным и бесправным. Нередко бесчисленные обращения в партизанскую комиссию и к боевым командирам не могли переломить ситуацию. В письме в Комитет красных партизан Тедеев В.Н. указывал: «Несмотря на мое участие в отрядах партизан как в Юго-Осетии, так и на Севере и подтверждение непосредственных военных руководителей мой вопрос о зачислении из-за личных отношений тянулся целый год. Оттягивали его под разными предлогами, так как лица, кои должны были заняться оформлением, являются моими врагами. На моем заявлении имеется лишь заметка некого красного партизана А.Д. (член Президиума Областного Совета бывших красных партизан. - *авт.*) «не участвовал». Спрашивается, причем тут какой-то А.Д., если все нужные рекомендации имеются» [35, л. 6].

Следует отметить, что тяжелое послереволюционное материальное и психологическое состояние, политическое давление во время партийных чисток, несправедливое составление списков красных партизан и лишение многих льгот впоследствии тяжело сказывалось на всем обществе. Все это приводило к череде самоубийств среди части партизан и коммунистов [36, с. 99].

По прошествии времени, уже в 1935 г., комиссии красных партизан, выполнив роль экзекутора, были распущены. Красные партизаны, которые казались наиболее организованной и малоуправляемой частью советской социальной структуры, в результате жесточайших «чисток» перестали представлять угрозу для режима и те из них, кто своей пре-

данностью заслужил доверие властей, получали возможность на разного рода социальные бонусы, все остальные оказались в обществе маргиналов и также не были опасны.

Ожидания комбатантов от новой власти не оправдывались, это вселяло неуверенность и опасения за то дело, которому они отдали себя, теряли боевых товарищей. Обстановка накалялась и могла закончиться новыми социальными потрясениями. Такого поворота событий власть не желала и стремилась в зародыше подавить любое проявление оппозиции. Развернувшийся в 1930-х гг. Большой террор вовлек в свою орбиту и участников партизанского движения.

Литература:

1. Клинова, М.А. Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // Вестник архивиста. 2012. №4. – С. 300–305.
2. Даренская, И.В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920–30-е гг. // Вопросы всеобщей истории. 2013. – Т. 15. – С. 31–33.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 912. Оп. 1. Д. 4.
4. ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 6.
5. ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 9.
6. Центральный государственный архив РСО-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф.Р. 60. Оп. 1. Д. 1073.
7. Хубулова, С.А., Гаглоева, Б.Б. Мутное зеркало истории: жизнь и судьба комбатантов гражданской войны в условиях перехода к миру // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2016. №3. – С. 95–100.
8. Хубулова, С.А. «Красный» Кронос: большой террор и комбатанты гражданской войны // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. №3 (32). – С. 51–56.
9. Гаглоева, Б.Б. Деятельность партизанских комиссий Южной Осетии в 1920–1930-е гг. // Разработка и решение актуальных научных проблем: вопросы теории и практики / Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2017. – С. 25–30.
10. Гаглоева, Б.Б. Деятельность «Комиссии по проверке и выявлению из населения Юго-Осетии бывших красногвардейцев, красных партизан и дружинников революции 1905» и «Комитета красногвардейцев и красных партизан» // Гуманитарный научный вестник. 2017. №4. – С. 26–32.
11. ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 129.
12. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 788.
13. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 1073.
14. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 794.
15. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). ФР. 2993. Оп. 1. Д. 226.
16. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 1073. Л. 18.
17. ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 128.
18. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 796.
19. Центральный государственный архив Республики Южная Осетия (далее – ЦГА РЮО). Ф. 27. Оп. 1. Д. 1041.
20. ЦДНИРО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 6.
21. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 1097.
22. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 779.
23. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 972.
24. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 992.
25. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 973.
26. ГАРО. ФР. 2992. Оп. 1. Д. Л.
27. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 797.
28. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 1075.
29. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 996.
30. ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 795.
31. ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 192.
32. ГАРО. ФР. 2992. Оп. 1. Д. 224.
33. ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 88.
34. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 1092.
35. ЦГА РЮО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1317.
36. Бигулаева, И.С. Рутен Гаглоев. Жизнь и деятельность // Фидиуаг. 2002. №2. – С. 99–110.

РАЗДЕЛ 4. КАВКАЗ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(470.6).084

Амбарцумян Каринэ Размиковна
ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
к.и.н., доцент кафедры зарубежной истории, политологии
и международных отношений,
г. Ставрополь, Россия,
E-mail: karina-best21@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА¹⁷

Аннотация: В статье автор изучает проблему влияния международного контекста вокруг Кавказа на процесс реинтеграции Северо-Кавказского региона в состав России. Трудности признания Горской Республики и неопределенность политики Великобритании стали одними из факторов включения Северного Кавказа в состав Советской России.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Добровольческая армия, Английская Миссия, Горская Республика, большевики

Ambartsumyan Karine Razmikovna
North Caucasus Federal University,
PhD in History, Associate Professor, Chair of Foreign History,
Political Sciences and International Relations,
Stavropol, Russia,
E-mail: karina-best21@mail.ru

FEATURES OF NORTHERN CAUCASUS REINTEGRATION INTO SOVIET RUSSIA: THE IMPACT OF FOREIGN POLICY CONTEXT

Abstract: The author studies the problem of role of international context around on the process of reintegration of North Caucasus region into Russia. The difficulties of legitimization the Mountainous Republic of the Northern Caucasus and the uncertainty of British policy became one of the factors for the incorporation of the North Caucasus into Soviet Russia.

Key words: North Caucasus, Volunteer Army, British Mission, Mountainous Republic, Bolsheviks

В наши дни одной из активно изучаемых проблем является тема Северного Кавказа в период революции 1917 г. и гражданской войны. Особенно актуальной для кавказоведов является история различных проектов северокавказской государственности, которые реализовывались после революции 1917 г. Наступивший период кризиса и распада был отмечен для России возникновением целого ряда государственных образований по окраинам распавшейся империи. Наиболее сильно центробежным процессам был подвержен Кавказ, который временное правительство, а затем большевики фактически отпустили в свободное плавание, как позже оказалось, недолгое. Народы Северного и Южного Кавказа стали выработать собственные проекты, которые были обусловлены необходимостью самоопределения и налаживания жизни на местах в условиях кризиса центральной власти.

«Реинтеграция» в данном контексте подразумевает повторное включение Северо-Кавказского региона в состав российской государственности, но уже советской, и в данной работе отстаивается идея, что само повторное вхождение во многом стало следствием международной ситуации. Образование вакуума власти после ослабления рос-

¹⁷ Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

сийского влияния в регионе привело к активным попыткам традиционных региональных (Турция) и внерегиональных (главным образом Великобритания и Германия) игроков взять Северный Кавказ под свой контроль. Наиболее резонансными, заметными событиями в регионе в связи с международной ситуацией была наполнена история Союза горцев, из которого впоследствии выросла Горская Республика.

Традиционно большую геополитическую заинтересованность в Северо-Кавказском регионе демонстрировала Турция. И если до прихода большевиков, в период пребывания у власти временного правительства, северокавказская интеллигенция рассматривала вариант автономного положения народов региона в составе российской государственности, то после прихода к власти большевиков была поставлена цель по достижению независимости. Сами большевики дали юридическое обоснование этому процессу, приняв «Декларацию прав народов России».

Созданный в мае 1917 г. Союз Объединенных Горцев Кавказа в ноябре 1917 г. был преобразован в Республику Союза Горцев Кавказа. В мае 1918 г. на Батумской конференции, вместе с закавказскими соседями, представители Союза горцев провозгласили Горскую Республику во главе с чеченским нефтепромышленником А.М. Чермоевым. В правительственном обращении к чеченцам Аргунского округа делался упор именно на религиозное единство с Турцией: «Если Украина, единовенная русским людям, позвала на помощь чуждых немцев, если сделали то же поляки-славяне, если Сибирь зовет англичан, я думал, что мусульманам Кавказа, которые всегда имели духовную связь с единовенной Турцией, Аллах велел обратиться к ней и ее друзьям, как к брату по религии» [5, л. 8]. Основные переговоры велись с Турцией, в меньшей степени и долгое время через турецкое посредничество – с Германией. Однако поражение всего военно-политического блока – Тройственного Союза – существенно ослабило позиции обоих государств в регионе, а затем англичане установили контроль над Кавказом, вытеснив турецкие вооруженные силы.

С завершением Первой мировой войны Турция сама стала объектом международного влияния и раздела. Державы-победительницы принялись определять будущее распадающегося государства с последующим извлечением собственной выгоды. Оккупировав Закавказье, в декабре 1918 г. британская администрация обратилась к народам Северного Кавказа, обещая поддержку в борьбе с большевиками [2].

Надеясь на покровительство Англии после признания ею легитимности горского государства, правительство направило своих представителей на мирную конференцию держав. Однако рассматривать данный успех на уровне высокой дипломатии следует с поправкой на ситуацию, сложившуюся на месте. По большому счету, участие в переговорах такого уровня для кавказской дипломатии большой роли не сыграло и от советской власти не защитило, как и не поддержало в противостоянии с белогвардейцами. Так, взаимодействуя с горским правительством, в то же самое время Великобритания поддерживала Добровольческую Армию, лидер которой А.И. Деникин был сторонником идеи неделимости России, что опровергало сам факт существования Горской Республики.

Добровольцы начали активную борьбу не только с большевизмом, но и с Горской Республикой, которая стояла на пути к Каспию [1, л. 17–19 об.]. По мнению дагестанского революционера А.А. Тахо-Годи, английская дипломатия в политике в Дагестане в большей степени находилась под влиянием интересов частных английских компаний, а в судьбе малых горских народов заинтересованности не было. В этой связи ни власть Добровольческой армии, ни британский контроль интересам местных элит и северокавказского населения не отвечали.

Поддерживая Деникина, начальник британской администрации в Азербайджане генерал Томсон в начале 1919 г. обещал горскому правительству, что в Дагестане и Петровске не будет русских войск. Фактически англичане не хотели отдавать Дагестан Добровольческой армии, что лишало ее Петровска – единственного в тот момент порта на Каспийском море, через который можно было поддерживать связь с уральским фронтом и Закаспийской областью [6, с. 101–102]. Деникину было предложено держиваться демаркационной линии «Кизил Бурун – Закаталы и далее по Кавказскому хребту до Туапсе на Черном море», южнее которой начальник британской миссии генерал Бриггс не рекомендовал двигаться. Однако Добровольческая армия данному указанию не подчинилась и заняла Сочи, что еще больше ухудшило ее отношения с Грузией. При этом представители британского правительства принимали грузинскую сторо-

ну. В начале 1919 г. английское командование в Баку запретило Добровольческой армии распространять свое влияние на Дагестан и Баку.

По воспоминаниям одного из организаторов Белого движения А.С. Лукомского, ситуация складывалась парадоксальная. Представители британского командования на юге России сочувственно относились к Добровольческой армии, а представители английской миссии в Грузии поддерживали грузинское правительство, которое «вело явную враждебную политику» по отношению к А.И. Деникину [6, с. 98].

При всей значимости Северного Кавказа для английских нефтяных компаний следует рассматривать его в контексте геополитических устремлений Великобритании, для которой регион имел не такое большое значение, если помещать его в ближневосточный контекст внешней политики империи. Самостоятельного значения, безусловно, для британской администрации Северный Кавказ не имел, поэтому основные силы были сосредоточены в Баку, Тбилиси и Батуми, т. е. в Закавказье, в меньшей степени в Армении.

Жесткая политика деникинских сил закономерно вызывала реакцию со стороны кавказского горского населения. В ответ поднимались народные восстания и подавлялись протесты горского правительства английской администрации на Кавказе, а также представителям союзного командования. Так, практически одновременно были адресованы послания Верховному комиссару Великобритании на Кавказе Ол. Уордропу и в миссию Дж. Харборда. В первом случае речь шла о возмущении политикой полковника Роландсона, который выступал как представитель английской миссии при генерале Деникине и угрожал восставшим горцам применением оружия [4, л. 7]. Во втором случае речь идет об американской военной миссии, направленной в Армению и на Ближний Восток по решению Совета четырех Парижской мирной конференции. Целью миссии было изучение военно-политической ситуации в широком геополитическом контексте. В основном военная миссия Харборда занималась рассмотрением вопроса Армении. Однако В.Г. Джабагиев от имени Союзного Меджлиса горских народов Северного Кавказа обратился к Дж. Харборду с подробным изложением сложившейся ситуации. В самом начале письма он подчеркнул, что подобная реляция уже была адресована Уильяму Гаскелю – верховному комиссару Антанты и США в Армении [3, л. 1].

Причины восстаний горцев, коих он насчитал восемь за последние несколько месяцев, В.Г. Джабагиев обозначает следующим образом: «Единственной причиной настоящего восстания является применение ген. Деникиным старых методов управления и притеснения горских народов, испытанных так неудачно еще старым царским правительством, с той лишь разницей, что режим царский был более мягким и осторожным, а режим генерала Деникина построен на насилии и принуждении, на огне и мече, на насильственных реквизициях и насильственном наборе войск из горцев, несмотря на то, что горцы никогда не отбывали воинскую повинность» [3, л. 3]. Сам протест Союзного Меджлиса в какой-то степени является ответом на заявление Роландсона, призывавшего северокавказские народы покориться Деникину, так как он борется с большевиками. Джабагиев подчеркивает, что «горцы мало интересуются перипетиями и исходом борьбы русских политических партий – большевистской и противобольшевистских, не понимают этой борьбы и ее лозунгов» [3, л. 4]. Соответственно, антибольшевистская риторика как Деникина, так и англичан была абсолютно бесполезной при попытках воздействовать на местное население.

Все вышеописанные перипетии, а именно неопределенность в статусе Горской Республики в международном контексте, привели к реинтеграции Северо-Кавказского региона в состав России. Примечательно, что большевики, эксплуатировавшие идею права самоопределения народов, смогли не упустить Кавказ, а Добровольческая армия с лозунгами о единой и неделимой России утратила влияние и была вытеснена. Кавказская политика А.И. Деникина не поддерживалась Антантой, они рассматривали его лишь как средство антибольшевистской борьбы. Англичанам Северный Кавказ виделся как необходимая часть всего Большого Кавказа, а затем и Ближнего Востока, поэтому если речь и шла о государстве, то, скорее, о выполняющем роль буфера.

Литература:

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 4. Оп. 51. Папка 321а. Д. 54861.
2. Воззвание генерала Томсона к народам Северного Кавказа. Декабрь 1918 г. URL: <http://doc20vek.ru/node/3955> (Дата обращения: 1.06.2019).

3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6144. Оп. 1. Д. 18.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6144. Оп. 1. Д. 26.
5. Государственный архив Республики Дагестан. Ф. Р- 621. Оп. 1. Д. 7.
6. Лукомский, А.С. Деникин и Антанта // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев / Сост. С.А. Алексеев. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. – С. 90–113.

УДК 3 (327.7)

Величко Людмила Николаевна
ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
к.и.н., доцент кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений,
г. Ставрополь, Россия,
E-mail: ludku@yandex.ru

ЕВРОПЕЙСКОЕ БУДУЩЕЕ ГОСУДАРСТВ ЮЖНОГО КАВКАЗА В ОЦЕНКАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

Аннотация: В статье раскрываются проблемы реализации программы «Восточное партнерство», созданной по инициативе государств – членов ЕС для вовлечения стран постсоветского пространства в зону геополитического влияния Европейского Союза.

Ключевые слова: Южный Кавказ, «Восточное партнерство», Европейский Союз, Армения, Грузия, Азербайджан

Velichko Ludmila Nikolaevna
North Caucasus Federal University,
PhD in History,
Associate Professor, of Foreign History,
Political Sciences and International Relations Department,
Stavropol, Russia
E-mail: ludku@yandex.ru

THE EUROPEAN FUTURE OF THE COUNTRIES OF THE SOUTH CAUCASUS IN THE ASSESSMENTS OF FOREIGN POLITICAL ANALYSTS

Abstract: The article reveals the problems of implementation of the program «Eastern Partnership», created on the initiative of the EU member States for the involvement of post-Soviet countries in the area of geopolitical influence of the European Council.

Key words: South Caucasus, Eastern partnership, European Union, Armenia, Georgia, Azerbaijan

Открытая ЕС в 2009 г. программа «Восточное партнерство», реализуемая в рамках Европейской политики соседства, была создана по инициативе Польши и Швеции, которые фактически способствовали включению государств Южного Кавказа в европейское пространство влияния. Ее появление стало следствием стремления ЕС к диверсификации источников энергоснабжения, доступа к ресурсному региону Центральной Азии, а также необходимостью обеспечения безопасности и распространения геополитического влияния в примыкающих к Европе регионах. Несмотря на то, что «Восточное партнерство» стало рассматриваться ее участниками – Украиной, Белоруссией, Молдовой, Грузией, Арменией и Азербайджаном – как возможность углубления партнерства с ЕС и создания ассоциаций, на протяжении десяти прошедших лет только Украина, Молдова и Грузия продвинулись в этом направлении.

Государства Южного Кавказа включились в процесс сближения с ЕС с разной степенью активности. Наиболее интенсивно этот процесс шл в Грузии, особенно после 2004 г., когда новый президент республики М. Саакашвили открыто заявил о проевропейском пути развития, что неоднократно подтверждалось в концепциях национальной безопасности и в конечном итоге привело к подписанию в июле 2016 г. «Соглашения об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли» (AA/DCFTA), а также 28 марта 2017 г. было подписано соглашение о безвизовом въезде граждан Грузии в Шенгенскую зону. Армения, долгое время лавировавшая между Россией и ЕС, подписав 29 мая 2014 г. «Договор о присоединении Республики Армения к договору о Евразийском Экономическом Союзе», сделала приоритетным пророссийский вектор

внешнеполитических и внешнеэкономических отношений, не отказываясь, между тем, и от широкого экономического сотрудничества с ЕС. Не проявляет особенной активности в реализации программы «Восточное партнерство» и Азербайджан, с которым у ЕС серьезные разногласия по вопросам расширения роли гражданского общества и степени зрелости демократии в республике. Ни Армения, ни Азербайджан не ставят на сегодняшний день перед собой задачи ассоциации с ЕС. Между тем и ЕС, первоначально существенно оказывая финансовую помощь государствам-партнерам, ожидая дивидендов, не получил должной отдачи [3].

О том, что программа «Восточное партнерство» имеет ряд существенных недостатков, требующих корректировки, западные эксперты заявляли с момента ее начала. Так, Майкл Эмерсон, британский политолог, старший научный сотрудник и руководитель исследовательской программы ЕС по внешней политике, безопасности и политике соседства в CEPS (Центр европейских политических исследований), бывший посол ЕС в России, отмечал, что государства, оказавшиеся задействованы в программе ВП, попадают под определение феномена «финляндизации», вышедшего из дипломатического лексикона, но как нельзя лучше объясняющего ситуацию, при которой государство, ориентированное на либерально-демократические ценности и экономическое партнерство с Западом, испытывает сильное влияние со стороны государства – регионального гегемона – России [2]. Мягкая сила ЕС сталкивается в зоне влияния «Восточного партнерства» с «жесткой силой» Москвы, что приводит к постоянному дисбалансу политической ситуации в государствах, подписавших эту программу. Называя основной причиной активизации ВП «августовскую войну» 2008 г., Эмерсон пишет: «Могут ли восточные соседи сбалансированно вести свои дела? Только наивный оптимист мог предположить такое. Существуют не только риски просчетов и недопонимания, связанные с двусмысленностью и противоречиями таких режимов. Мы видели, как эти риски фактически переросли в короткую, но ужасную войну в Грузии в августе прошлого года. ЕС мягко поощряет политическую и экономическую европеизацию, Россия стремится обеспечить свои стратегические интересы» [2]. М. Эмерсон полагал, что программа станет эффективной лишь в том случае, если будет налажен трехсторонний диалог: ЕС – Россия и государство, включенное в ВП.

В своем докладе «Восточное партнерство – самое время начать реальное партнерство», вышедшем в 2013 г., аналитик Московского отделения Центра Карнеги Павел Вишневский отмечал, что проведение реформ по образцу европейских, которые предусмотрены «Восточным партнерством», в таких государствах, как Армения и Грузия, ставит под удар существование сложившихся в них политических режимов, стремящихся удержаться любой ценой [6]. Так, заявление президента С. Саргсяна о возможном вхождении Армении в Таможенный союз ЕАЭС сделает фактически невозможным реализацию в отношении этого государства программы DCFTA. В соглашении между Арменией и ЕС останутся только пункты, касающиеся сотрудничества во внешних отношениях (которые бесполезны в свете большого экономического и военного давления Москвы на режим Саркисяна), и некоторые культурные аспекты. При этом эксперт заявлял, что «потеря» географически отдаленного, экономически зависимого и слабого Еревана скорее символична, чем действительно наносит вред интересам ЕС, но подчеркивает влияние России в районе.

Место Азербайджана в «Восточном партнерстве» П. Вишневский оценивал крайне скептически, заявляя, что, располагая необходимыми доходами от продажи энергоресурсов, Баку не имеет потребности в значительных финансовых вливаниях со стороны Брюсселя, поэтому попытки ЕС наладить сотрудничество с Азербайджаном выглядят «просто комично», поскольку остаются практически без ответа [6].

Созданная в 2011 г. Парламентская ассамблея *EURONEST на деле не функционирует*. Депутаты от конфликтующих Армении и Азербайджана часто рассматривают ее как форум для обвинений друг друга, а не как площадку для сотрудничества ЕС-ВП. Не имеет и сколь-нибудь значимых успехов, по мнению эксперта, деятельность Форума гражданского партнерства ввиду недостаточного финансирования и отсутствия эффективных каналов информирования о флагманских проектах ЕС в этой области.

Причины неудач «Восточного партнерства» П. Вишневский видел в следующем:

- Самая большая проблема Восточного партнерства – отсутствие единодушия и заинтересованности государств ЕС в отношении «Восточного партнерства», а также

непонятный стратегический посыл. Будут ли государства ВП рассматриваться как партнеры, как государства, принадлежащие к одной культурной или исторической семье, или только как страны, которые не должны попасть в «руки России»?

- Без обещания присоединения любые фундаментальные преобразования в государствах-партнерах менее вероятны, чем стремление сохранить существующее положение дел.

- Большинство режимов стран-партнеров рассматривают ВП как противовес российскому влиянию. Географическое положение этих государств позволяет властям участвовать в определенной геополитической игре. Вместо того, чтобы проводить реформы внутри, большинство государств сталкивают Россию и ЕС друг против друга. Так, прежде чем объявить о вступлении в Таможенный союз, власти Армении подчеркнули, что их выбор во многом будет зависеть от того, какая сторона предложит Еревану более выгодные условия по нагорно-карабахскому вопросу [6].

Политические элиты в государствах-партнерах не готовы к законодательной реформе, которая может привести к потере их влияния.

Нельзя игнорировать геополитический контекст программы ВП, поскольку он затрагивает сферу интересов России и рассматривается ею как антироссийский проект. К тому же ЕС видел в расширении ВП и решение своей давней стратегии – строительство альтернативных транспортных путей углеродов в обход России. К тому же Россия может оказывать влияние на дальнейшее развитие ВП как через институты ЕС, так и используя «жесткую силу» в регионе.

Эксперт Брукингского института, являющегося одним из крупнейших аналитических центров в области внешней политики и мировой экономики, Эндрю Моффат в статье «Южный Кавказ и границы западного влияния», опубликованной в 2015 г., определяет «Восточное партнерство» как программу, утратившую значение для ЕС. Несмотря на то, что Евросоюз имеет заинтересованность в регионе Южного Кавказа, экономический кризис и проблемы внутри Еврозоны не позволяют в полной мере реализовывать все программы. К тому же сложно это делать без поддержки со стороны США и Турции [4].

Оценки экспертов по проблеме эффективности программы «Восточного партнерства» сводятся к тому, что за последние 10 лет так и не были разработаны четкие механизмы и принципы взаимодействия по основным пунктам программы. Об этом говорит португальский исследователь Лициния Симао из Института Коимбры. По ее мнению, значительные улучшения могут быть достигнуты в рамках многосторонней платформы ВП, а именно в отношении создания площадки для диалога со странами, не входящими в ВП, такими как Россия, Турция и Иран. Это позволило бы укрепить доверие и разработать более содержательные форматы регионального развития между ЕС и государствами-партнерами [5]. Она считает, что доверие к ЕС в регионе возможно вернуть в том случае, если общество в государствах Южного Кавказа будет уверено в обеспечении их безопасности через структуры ЕС, а также сам Евросоюз будет активнее включаться в процессы урегулирования конфликтов в регионе.

С более жесткой оценкой программы «Восточное партнерство» выступил Стивен Блокманс, глава отдела внешней политики ЕС Центра европейских политических исследований (CEPS), назвав свою статью «Восточное партнерство за 10 лет: благими намерениями вымощена дорога в ад» [1]. Среди положительных результатов развития ВП он назвал экономические связи. По его мнению, только эта программа развития ВП принесла взаимовыгодные результаты как Евросоюзу, так и государствам-партнерам. Среди серьезных просчетов ВП экспертом названа «стратегическая двусмысленность», которая, по его мнению, выражается, во-первых, в том, что ЕС, начав программу, подал надежду странам-участникам на возможное членство в перспективе, во-вторых, ЕС не стремится к усилению механизмов «жесткой силы», в то время как третьи страны, прежде всего Россия, используют во взаимодействии с государствами, в том числе Южного Кавказа, военный потенциал. Чтобы сделать ВП наиболее эффективным, С. Блокманс предлагает продолжить финансирование социальных программ, чтобы восстановить доверие к ЕС среди широких масс населения в государствах-партнерах; способствовать совместным с Китаем проектам, поскольку страны-партнеры являются мостом между этими двумя государствами. Тесные отношения с Китаем вовлекут в

экономические связи не только государства ВП, но также Россию и государства Евразийского экономического союза, которые в целях дальнейшего экономического сотрудничества с ЕС должны начать пересмотр устаревших стандартов и обеспечить безопасность финансовых и торговых потоков, что в свою очередь тесно связано с системой геополитической безопасности [1].

Таким образом, эксперты отмечают, что первоначально реализация инициативы Восточного партнерства была основана на укреплении отношений между ЕС и восточными партнерами путем углубления их политического сотрудничества и экономической интеграции. В то же время программа ВП не гарантировала и не исключала перспективы членства стран-партнеров в ЕС. Программа лишь способствовала более глубокой интеграции стран-партнеров в структуры ЕС, поощряя и поддерживая их политические, институциональные и экономические реформы на основе стандартов ЕС, а также облегчая торговлю и повышая мобильность граждан между ЕС и государствами-партнерами. Хотя к ВП все шесть государств-членов проявили активный первоначальный интерес, сегодня оно переживает спад. Особые трудности связаны с реализацией этой программы на территории Южного Кавказа. Отсутствие единого подхода ЕС к Восточному партнерству, а также изменение внешнеполитических приоритетов стран ВП размывают перспективы партнерства.

Литература:

1. Blockmans, S. The Eastern Partnership at 10: the road to hell is paved with good intentions (6мая 2019) Access mode: <https://www.ceps.eu/the-eastern-partnership-at-10/> (date accessed: 11.06.2019).
2. Emerson, M. Do we detect some neo-Finlandisation in the Eastern neighbourhood? Access mode: <http://aei.pitt.edu/11274/1/1848-1.pdf> (date accessed: 13.06.2019).
3. EU NEIGHBOURS east Access mode: <https://www.euneighbours.eu/ru/policy/vostocnoe-partnerstvo> (date accessed: 13.06.2019).
4. Moffatt, A. The South Caucasus and the limits of Western power Access mode: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/07/17/the-south-caucasus-and-the-limits-of-western-power/> (date accessed: 13.06.2019).
5. Simão, L. The European Union's new Eastern Partnership policy// Geopolitics and security a new strategy for the South Caucasus / Edited by Kornely Kakachia, Stefan Meister, Benjamin Fricke. Tbilisi- Berlin, 2018. -.370 p. P.18-45.
6. Wiśniewski, P D. The Eastern Partnership – it is high time to start a real «partnership» Access mode: https://carnegieendowment.org/files/CP_Wisniewski_Eng_web.pdf (date accessed: 13.06.2019).

УДК 94(41/99)

Клычников Юрий Юрьевич
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,
д.и.н., профессор кафедры исторических и
социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии,
г. Пятигорск, Россия,
E-mail: klichnikov@mail.ru

Лазарян Сергей Степанович
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,
д.и.н., профессор кафедры исторических и
социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии,
г. Пятигорск, Россия,
E-mail: aflost@yandex.ru

«ПОЛЬСКИЙ СЛЕД» В ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация: В работе раскрываются особенности реалий Северного Кавказа первой половины XIX в., ставшего местом ссылки людей, находившихся в оппозиции к Российскому государству. События исследуются в контексте биографий ссыльных поляков, при разных обсто-

ятельствах оказавшихся в регионе. Акцент делается на судьбе тех, кто оказался в плену у горцев, и тех, кто воевал на стороне противников России.

Ключевые слова: поляки, восстание, горцы, ссылка, плен, армия, добровольцы, эмиграция, Российская империя

Klychnikov Yuri Yuryevich

Pyatigorsk State University,
professor of the Department of Historical and
social and philosophical disciplines,
Oriental studies and theology, Pyatigorsk, Russia,
E-mail: klichnikov@mail.ru

Lazaryan Sergey Stepanovich

Pyatigorsk State University
professor of the Department of Historical and
social and philosophical disciplines,
Oriental studies and theology, Pyatigorsk, Russia,
E-mail: aflost@yandex.ru

«THE POLISH TRACE» IN THE HISTORY OF THE NORTHERN CAUCASUS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract: *The work discovers the peculiarities of the Northern Caucasus reality of the first half of the XIX century, the place of the exile of people, opposed the Russian State. The events are examined in the context of biographies of the Polish exiles, who found themselves in the region under different circumstances. The stress is made on the destiny of those, who were captured by highlanders and those, who were at war together with opponents of Russia.*

Key words: Poles, uprising, highlanders, exile, capture, army, volunteers, emigration, Russian Empire

Присутствие поляков на Кавказе в первой половине XIX в. не было случайностью или ошибкой. Напротив, массовое появление этнических поляков в крае стало следствием и продолжением общего польско-русского конфликта, корни которого уходят в историю. Для России Польша была не только внешней, но и внутренней составляющей ее истории, по крайней мере после 1795 г. Однако поляки не хотели примириться с тем обстоятельством, что этнокультурные и иные «условия и условности, создававшиеся ранее самими поляками, сменились условиями и условностями, создаваемыми помимо них для них» [8, с. 24]. В то же время Польша, ставшая частью Российской империи, никогда не считала Россию своим домом [8, с. 19]. Поляки отказывались превращаться «в покорных подданных чужой для них империи..., чуждого им абсолютистского режима» [8, с. 24]. Эта несовместимость России и Польши выросла также из исторически определенного выбора социокультурной и политической ориентации сторон: Россия – на Византию, Польша – на Рим. Этот выбор предопределил различия менталитетов и культурного фундамента [8, с. 26].

Стремясь подавить фронду польской шляхты и смирить польский гонор, имперские власти использовали разнообразные средства, в том числе Северный Кавказ, который в первой половине XIX в. выступал местом своеобразной ссылки для лиц, находившихся в открытой оппозиции к правящему режиму или Российскому государству.

Одним из первых примеров массового присутствия поляков на Северном Кавказе стала группа польских военнопленных, участников войны 1812 г. в составе войск Наполеона, с оружием в руках воевавших против России. По данным на май 1812 г., их численность достигала 8 963 человека [1, с. 300].

Отношение командования Кавказских войск к поступившему в его распоряжение контингенту было настороженным. Резонно сомневаясь в лояльности таких подчиненных, их держали подальше от действующих отрядов, предпочитали использовать на строительных работах. В частности, поляки укрепляли берега Терека, разливы которого приносили серьезный вред и требовали самого пристального к себе внимания. Военнопленные поляки также приводили в порядок территории курортов на Кавказских Минеральных Водах [11, с. 13]. Иногда их привлекали для возведения фортификационных сооружений на пограничной линии.

За свой труд военнопленные поляки получали по 15 копеек в сутки и, таким образом, частично окупали траты на их содержание. Помимо казенных работ ссыльные поляки могли наниматься на работы к частным лицам и получить дополнительные средства для собственных нужд [6, с. 11].

Из-за широко распространенной на Кавказе практики захвата людей горцами в неволю с целью их продажи или использования в собственном хозяйстве немалое число поляков прошли через это испытание. В силу разных обстоятельств оказавшись в руках «немирных» горцев, пленники проводили долгие годы в тяжелой неволе. Далеко не всем из них удалось вернуться к родному очагу. Из сохранившихся архивных дел можно узнать судьбу только тех, кому посчастливилось бежать или быть выменанным из плена. Сколько на самом деле таких людей навсегда сгинуло на чужбине, узнать, видимо, никогда не удастся.

Как правило, ссыльных поляков захватывали в результате нападений на «оказии», с которыми они двигались из одного поселения в другое. Стоило замешкаться и отстать от своего отряда, как такой человек оказывался в руках похитителей, вывозивших его подальше от линии российских укреплений. Эта же участь могла ожидать опрометчивого пана, который покидал охраняемый лагерь и в одиночку прогуливался в укромных местах. В качестве показательного примера может послужить случай с неким Овцентием Зимбровским (в других документах он назван Вицентием Жембровским). В 1813 г. он был направлен на Кавказскую линию, а на следующий год его выкрали местные «хищники» (так в официальных документах тогда называли горцев, совершающих грабежи на пограничье). В 1816 г. он сумел совершить побег и выбрался к казачьему посту недалеко от станицы Прохладной. Обстоятельства пленения были характерны для боевой кавказской повседневности. Вместе с другими двенадцатью польскими военнопленными он был отправлен «в Константиновский редут для копания там канавы». Он вышел со своим товарищем из укрепления в ночное время и был схвачен четырьмя подкараулившими их конными горцами. Практика привлечения военнопленных из числа поляков к фортификационным работам была достаточно распространенной. Это подтверждают и воспоминания современников, в частности, некоего «старика Коновалова», который, будучи двенадцатилетним мальчиком, возил дерн для укрепления вала крепости Кавказской и видел, что на местной гауптвахте, «кроме арестантов, были и поляки, «воевавшие за французов» [7, с. 470]. Неизвестно, что стало со вторым невольником, попавшим в руки горцев вместе с Зимбровским. Сам Вицентий, воспользовавшись удачным стечением обстоятельств, сумел обрести свободу [4, л. 4-4об.].

Примечательно, что некоторые поляки сами бежали к горцам, рассчитывая встретить там радушный прием, так как считали их естественными союзниками в борьбе против русских. На самом деле реалии были далеки от ожиданий. Горцы воспринимали поляков такими же чужаками, как и русских. Никакой солидарности или союзничества их противостояние с Российской империей не предполагало за пределами горского мира.

В июле 1816 г. в районе станицы Калиновской к русским вышло сразу трое беглецов – Лука Соколовский, Афанасий Портницкий и Николай Янов. Первые двое оказались бывшими польскими военнопленными, в силу разных обстоятельств попавшими в руки горцев. Лука Соколовский был человеком преклонного возраста и за свои 60 лет успел послужить и в армии Костюшко, и в рядах войск князя Понятовского. Во время вторжения французских войск на территорию России он был ранен в сражении под Можайском и оказался в русском плену. После излечения его отправили в Грузию, но по дороге он бежал к лезгинам и попал там в рабство. По признанию самого Л. Соколовского, находился в рабстве он 8 лет, в течение которых несколько раз перепродавался «с рук на руки» [3, л. 4об.].

Вместе со своим земляком Афанасием Портницким ему удалось бежать из неволи, после чего они пожелали остаться жить в Кизляре, приписавшись к мещанскому сословию. В отличие от Л. Соколовского, его товарищ по несчастью оказался в горах не по своей воле, а был похищен в 50 верстах от Тифлиса, когда направлялся туда вместе с партией других военнопленных [3, л. 4об.-5].

Известны случаи, когда долгое время проживавшие в горской неволе поляки заводили там семьи и, казалось, достаточно прочно инкорпорировались в местную среду. Но, как только представлялся случай, они старались вырваться обратно в мир обусловленного европейскими ценностями и устоями существования. Горский мир с его во-

сточноазиатскими установлениями и традиционализмом был слишком далек от привычного полякам смысложизненного бытия и целеустремленности.

Показательным примером такого рода может быть биография Казимира Левандовского. Этот шляхтич родился в Кракове в семье военного. В 1831 г. во время польского мятежа вступил на службу в национальные польские войска, где воевал против русских в Уланском №2 полку под командой генерала Дембиньского. После подавления мятежа русскими войсками имперским правительством был назначен в военную службу на Кавказ [5, л. 6]. В окрестностях Ставрополя их партия ссыльных была атакована «татарами», и Казимир Левандовский со своими товарищами оказался в горском плену. Случилось это в 1836 г. Восемь лет Левандовский прожил среди убыхов, а когда попытался сбежать к русским в укрепление Туапсе, был пойман и продан абадзехам. Там он задержался надолго, женился на местной женщине, от брака с которой родилось четверо детей. Казалось, что шляхтич окончательно смирился со своей участью. Но осенью 1863 г. при известии, что поблизости от их селения находится русский отряд, решил вновь испытать свое счастье. Как сообщал К. Левандовский, он «убежал к своим и был препровожден в укрепление Хадыхых, а оттуда Воинским Начальником в Ставропольское полицейское управление для водворения в Ставрополе на место жительства» [5, л. 6об.]. Обращает на себя внимание то, что для него русские стали своими, и он готов был рисковать жизнью, чтобы пробраться к ним. Однако недолго пришлось Казимиру Левандовскому наслаждаться обретенной свободой. Уже 13 января 1864 г. он умер, находясь в Ставропольском военном госпитале, возможно, найдя в последние минуты земного пребывания утешение в том, что будет похоронен по римско-католическому обряду.

Помимо таких несчастных, в горах было достаточное число польских эмигрантов и дезертиров, разными путями попадавших на Кавказ. Они действительно сражались против России вместе с непримиримыми горцами под лозунгом: «За Вашу и нашу Свободу!», своими действиями и настроением доказывали окружающим их местным жителям, что «нет родины там, где нет свободы» [12, с. 20].

В течение более чем тридцатилетнего периода в польской повстанческой и эмигрантской среде поддерживался активный интерес к Кавказу, поскольку тот долгое время оставался болевой точкой Российской империи и мог содействовать противоборству польских инсургентов с царским правительством. Польские эмигрантские центры, находившиеся в Париже, Лондоне и Стамбуле, рассчитывали воспользоваться ситуацией продолжавшейся Кавказской войны, пытались умножать возможности противников Российской империи в данном регионе, всячески содействовали длящемуся там противостоянию. Кавказ казался им тем регионом, с территории которого можно было поджечь пламя массового восстания, сделав его участниками все и любые элементы антиимперской фронды.

Кроме создания или раздувания на Кавказе проблемных ситуаций, способных привести к затягиванию войны местных горцев с русскими, поляки пытались придать локальному конфликту международные масштабы, так или иначе вовлечь в Кавказскую войну европейцев (англичан) и турок, а при удобном случае – персов. С точки зрения польской фронды, коллективное давление, оказываемое на Россию со стороны непримиримых к русским горских обществ, Европы и Османской империи, позволит им вновь поставить польский вопрос в повестку международных отношений и вынудить Россию согласиться с возрождением польской независимой государственности. Своими действиями они пытались показать, что польское дело не кончилось, оно живо и будет жить [12, с. 16].

Кавказ привлекал внимание центров польской эмиграции также потому, что в составе Отдельного Кавказского корпуса отбывало службу много солдат и офицеров, родом этнических поляков, в том числе тех, кто был посредством рекрутских наборов или по суду направлен туда в виде наказания за участие в Ноябрьском восстании 1830 г. Так, в течение нескольких лет в Отдельный Кавказский корпус было направлено: в 1831 г. – 1 865 человек, участников восстания; в 1832 г. – 8 091 человек, уроженцев Царства Польского в качестве рекрутов; в 1834 г. число их достигало 2 600 человек; с 1835 по 1843 гг. было выслано еще 9 600 человек, этнических поляков, за участие в конспиративных польских политических организациях [13].

В Парижском эмигрантском центре – Отеле Ламбер, во главе которого стояли князь Адам Чарторыйский, Владислав Замоиский, Людвик Выстшоновский, Януш Во-

ронич, Михал Будзиньский и Людвик Зверковский, разрабатывался план вооруженного восстания в Польше, реализацию которого синхронизировали с развертыванием польскими инсургентами боевых действий на Кавказе и Балканах. Данный центр во взаимодействии с английскими, французскими и османскими дипломатическими структурами в 1834–1836 гг. «организовал агентурную сеть для подготовки антироссийских военно-политических акций на Кавказе и Балканах» [10]. Непосредственно кавказскими проектами занимался главный уполномоченный данного центра Михал Чайковский, находившийся в Стамбуле. При активном посредстве названных ведомств он посылал на Кавказ своих агентов с миссиями, определявшимися военно-политическими задачами и развитием политической ситуации в регионе.

При проведении тайных операций польских агентов нацеливали разжигать этно-религиозную рознь между мусульманскими народами края и русскими, склонять к побегам и мятежам русских солдат, среди казаков и горцев распространять подстрекательские воззвания, поставлявшиеся из Европы на польском, русском и татарском языках [11, с. 140]. Написанные от лица князя А. Чарторыйского и графа В. ЗамоЙского, они содержали призыв к неподчинению самодержавию, отказу от дарованной царем амнистии и к подготовке бунта. Воззвания призывали уничтожать продовольственные припасы, материально-технические средства военного назначения, поджигать пороховые магазины, убивать казенных лошадей, физически истреблять врагов и потом бежать в горы, увлекая за собой как можно больше русских, приносить с собой оружие и патроны [13]. Кроме того, практиковался заброс т. н. легионеров, среди которых было немало военных специалистов или авантюристов.

Действия агентов польской эмиграции проходили в сложных условиях, чреватых потенциальными и реальными угрозами для их жизни. Поскольку любые тайные операции совершаются в условиях скрытой или явной неопределенности, результаты всегда остаются мало предсказуемыми. Кроме того, противоборствующая сторона (русские или горцы) применяла разнообразные контрмеры, направленные не только на выявление польских агентов, их нейтрализацию или диффамацию, но могла прибегать к тайным мерам, связанным с физическим устранением противника. Ситуация осложнялась тем, что в горской среде действовали две антагонистические «партии», которые возглавляли Сефер-бей Занок и Магомет-Амин, которые весьма болезненно относились к любым действиям и лицам, выступавшим под эгидой противоположной стороны.

Крымская война 1853–1856 гг. придала новый импульс польским планам в отношении Северо-Западного Кавказа. На этот раз не только англичане, но и турки готовы были финансировать создание польских легионов, враждебных России. В состав турецкой армии вошли две польские дивизии, сформированные из польских эмигрантов, одна из которых под командованием генерала ЗамоЙского участвовала в боевых действиях в Крыму [10].

В 1857 г. несколько десятков польских добровольцев во главе с Т. Лапиньским прибыли к берегам Черкесии и высадились под Туапсе. С февраля по апрель 1857 г. Т. Лапиньский, опираясь на авторитет и посредничество Сефер-бея Занок, проводил мобилизацию горцев в свой отряд. В лагерь Т. Лапиньского, располагавшийся на р. Адагум, прибыло около 5 тыс. конных и пеших горцев, по преимуществу из натухайцев. Добровольческий отряд пополнялся также польскими дезертирами из российской армии. К лету 1857 г. в отряде насчитывалось 190 этнических поляков. Большого добиться не удалось из-за контрмер, применявшихся российской стороной [2, с. 575].

В Кавказском корпусе поляков из отряда Т. Лапиньского приказано было считать шпионами. При поимке дезертиров предавали военно-полевому суду и приговаривали к смертной казни. Кроме того, поставки оружия, военной амуниции и продовольствия, предназначенные для отряда Т. Лапиньского, перехватывались в море российскими крейсерами судами, а против самого полковника действовали агенты противоборствующих партий. Они сеяли раздоры между Т. Лапиньским и его отрядом, распускали среди черкесов слухи, будто полковник связан с русскими и продал им пушки. Однако до конца интригу довести не удалось, поскольку у его противников не хватило аргументов для подтверждения своих наветов [9, с. 490–496].

После капитуляции имама Шамиля и его наиба Мухаммеда-Амина ситуация в западной части Северного Кавказа резко изменилась к худшему для инсургентов. В рядах горского сопротивления разладилось какое-либо взаимодействие и усилилось разоча-

рование. Крупные военные силы русских были переброшены на Северо-Западный Кавказ и в Причерноморье. Т. Лапинский, как военный специалист, понял неизбежность негативного исхода его кавказского предприятия, принял решение свернуть свою деятельность в горах и отбыл в Турцию.

В центрах польской эмиграции, однако, не хотели верить в поражение черкесов и продолжали проводить «акции, направленные на оживление «восточного вопроса», создав впечатление, будто возможные неудачи России в Кавказской войне и на Востоке в целом могут при поддержке Запада обернуться благоприятной ситуацией для обретения свободы Польшей...» [11, с. 254]

В. Чарторыйский, В. Замойский и Д. Уркварт не только не падали духом, но организовали очередную кавказскую экспедицию в 1863 г. На добровольные пожертвования польских эмигрантов и турецких союзников они закупили несколько артиллерийских орудий и много военной амуниции. В. Чарторыйский на собственные средства приобрел военное снаряжение для экипировки 150 солдат, назначив командующим экспедицией полковника Клеменса Пшевлотского.

Добровольческий отряд 31 июля 1863 г. высадился на земли приморских шапсугов и направился к Туапсе. В течение нескольких месяцев К. Пшевлотский со своим отрядом вел тяжелые бои против российских войск и пытался склонить убыхов к созыву меджлиса, который должен был побудить народ к общему восстанию. Ситуация, однако, не благоприятствовала К. Пшевлотскому. Время для развертывания массовых военных действий со стороны горцев было упущено. Под напором превосходящих русских войск горцы уже начали эмигрировать с родных мест. В апреле 1864 г. К. Пшевлотский вынужден был вернуться в Турцию [10].

Начинался новый этап в развитии Северного Кавказа, когда даже наиболее непримиримые представители польской антирусской эмиграции приходили к осознанию бесперспективности своих усилий в регионе. Большинство ссыльных поляков, отбыв свой срок на службе, получили амнистию или были прощены российским правительством досрочно и вернулись в родные пенаты. Кто-то погиб, сражаясь против горцев. Дезертиры в большинстве своем сгинули в горах или бежали к туркам.

Литература:

1. Бессонов, В.А., Миловидов, Б.П. Польские военнопленные Великой армии в России в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всероссийской научной конференции (Бородино, 5–7 сентября 2005 г.). – М., 2006. – С. 289–305.
2. Высадка в 1857 году на черкесский берег польско-английского десанта // Кавказский сборник. – Тифлис, 1887. – Т. XI. – С. 573–621.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 2. Д. 324.
4. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 63. Оп. 5. Д. 595.
5. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5336.
6. Клычников, Ю.Ю., Лазарян, С.С. «Набежавшими хищниками взят в плен...»: поляки в неволе у горцев Северного Кавказа / Под редакцией В.П. Ермакова. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – 84 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-4220-1014-1.
7. Ламонов, А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. – 1914. – С. 451–626.
8. Липатов, А.В. Россия и Польша: «домашний спор» славян или противостояние менталитетов? // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. – М.: Индрик, 2000. – С. 17–29. – 240 с. – 1000 экз. – ISBN 5-85759-023-1.
9. Маркс, К. Любопытная страничка истории // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. – М.: Госполитиздат, 1958. – С. 490–496.
10. Медвенский, Н.И. Западный Кавказ в планах польской дипломатии – Режим доступа: <https://aheku.net/articles/russian/istoriya-adyigov/5708>. (дата обращения: 22.02.2019).
11. Польская, Е.Б., Розенфельд, Б.М. «И звезда с звездой говорит...». – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1980. – 286 с. – 100 000 экз.
12. Фалькович, С.М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. – М.-СПб.: Нестор-История, 2017. – 320 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-4469-1186-8.
13. Цифанова, И.В. Польские переселенцы в Кавказской войне XIX века. – Режим доступа: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5531 (дата обращения: 22.02.2019).

Коробкина Ирина Александровна
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
к.и.н., доцент кафедры зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
г. Ставрополь, Россия,
E-mail: irynkor@gmail.com

ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПАГУОШСКОМ ДВИЖЕНИИ

Аннотация: В статье рассматривается научно-организационная и общественная деятельность академика М.Д. Миллионщикова, его участие в международном Пагуошском движении в качестве председателя Советского Пагуошского комитета и президента Пагуоша. Также показана деятельность регионального отделения Российского Пагуошского комитета в г. Грозном (2009–2014 гг.).

Ключевые слова: Пагуошское движение, Российский Пагуошский комитет, М.Д. Миллионщиков, Грозненское региональное отделение Российского Пагуошского комитета

Korobkina Irina Aleksandrovna
North Caucasus Federal University,
PhD in History, Associate Professor of Foreign History,
Political Sciences and International Relations Department,
Stavropol, Russia,
E-mail: irynkor@gmail.com

REPRESENTATIVES OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY OF THE NORTH CAUCASUS IN THE INTERNATIONAL PUGWASH MOVEMENT

Abstract: The article deals with the scientific, organizational and social activities of Academician M.D. Millionshchikov, his participation in the international Pugwash movement as a Chairman of the Soviet Pugwash Committee and President of Pugwash. The activity of the regional branch of the Russian Pugwash Committee in Grozny (2009–2014) is also shown.

Key words: Pugwash Movement, Russian Pugwash Committee, MD Millionshchikov, Grozny regional branch of the Russian Pugwash Committee

Пагуошское движение ученых – международная неправительственная организация, возникло в 1957 г. Официальное название с 1961 г. – Пагуошские конференции по науке и мировым проблемам (PUGWASH-COSWA). Главная цель Пагуоша – совместные усилия мировой научной элиты в снижении рисков возникновения вооруженных конфликтов и разрешении глобальных проблем современной цивилизации. Пагуош отличается от других международных организаций научных работников принципами, характером, структурой деятельности, методологией. Главный принцип организации и деятельности Пагуоша – индивидуальное участие. Практически все пагуошцы – известные ученые, профессионалы в соответствующих областях, неординарные личности. Участники Пагуошских встреч (конференции, семинары, симпозиумы, рабочие группы) встречаются как частные лица, при минимальном освещении в печати [11, с. 16].

Российские ученые стали активными участниками пагуошских встреч начиная с первой конференции в Пагуоше (Канада) в 1957 г. Одним из элементов неформальной структуры Пагуошского движения являются национальные Пагуошские группы. Их деятельность способствует достижению поставленных перед Пагуошем целей, они стимулируют интерес к Пагуошскому движению большего числа ученых, предлагают Пагуошскому Совету кандидатуры участников Пагуошских встреч, принимают участие в организации конференций, симпозиумов, семинаров у себя на родине, являются одним из источников финансирования Пагуоша [10, с. 98].

В 1963 г. на основе советской национальной Пагуошской группы создан Советский Пагуошский комитет. В 1964 г. председателем Советского Пагуошского комитета был избран академик М.Д. Миллионщиков.

Михаил Дмитриевич Миллионщиков – уроженец Северного Кавказа. Он родился в г. Грозном 16 января 1913 г. Окончил Грозненский нефтяной институт, затем преподавал там математику и механику [9, с. 61]. В 1973 г. Грозненскому нефтяному институту было присвоено имя академика Михаила Дмитриевича Миллионщикова (в настоящее время – Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова). С 1934 г. – учеба и работа в МАИ. В 1946 г. М.Д. Миллионщиков защитил докторскую диссертацию по техническим наукам [8, с. 129–158]. В 1953 г. М.Д. Миллионщиков был избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1962 г. – академиком АН СССР. В том же году его избирают вице-президентом АН СССР, переизбирают вновь в 1967 г. и в 1971 г. [6, л. 1].

Сфера научных интересов академика М.Д. Миллионщикова – теория турбулентности, фильтрация нефти и газа в пористой среде, прикладная газовая динамика, ядерная энергетика. Академик М.Д. Миллионщиков сочетал научно-педагогическую и научно-организационную работу с государственной и общественной деятельностью: депутат Верховного Совета РСФСР 1963, 1967 гг., председатель Верховного Совета РСФСР в 1967 и 1971 гг. [9, с. 62].

Академик М.Д. Миллионщиков принимал активное участие в деятельности Пагуошского движения (с 1964 г. по 1973 г.). Его кандидатура соответствовала всем требованиям Пагуоша: авторитетный представитель академической науки и одновременно высокопоставленный государственный деятель. Избранный в 1964 г. председателем Советского Пагуошского комитета, он оставался им до последних дней своей жизни [6, л. 2].

Деятельность академика М.Д. Миллионщикова в Пагуошском движении была многогранной. Он являлся председателем Советского Пагуошского комитета (1964–1973 гг.), членом Постоянного Комитета Пагуошского движения (1964–1973 гг.), Президентом Пагуошского движения (1968–1969 гг.). М.Д. Миллионщиков принял участие в одиннадцати Пагуошских конференциях (с 12-й по 22-ю), в неофициальных встречах советских и иностранных ученых-пагуошцев. Он также являлся активным популяризатором идей Пагуоша в СССР [9, с. 62].

Практически на всех Пагуошских конференциях академик Миллионщиков выступал с докладами, принимал активное участие в дискуссиях на заседаниях рабочих групп. Тематика его выступлений была обширной. На 12-й Пагуошской конференции в Удайпуре (Индия, 1964 г.) его выступление было посвящено проблемам разоружения и безопасности в контексте экономического развития [1, л. 45]. На 14-й Пагуошской конференции в Венеции (Италия, 1965 г.) главное внимание было уделено взаимосвязи проблем разоружения и международного сотрудничества как неперемennого условия нормального развития науки [2, л. 26]. Особая роль науки в развивающихся странах стала темой доклада академика Миллионщикова на 15-й Пагуошской конференции в Аддис-Абебе (Эфиопия, 1966 г.) [3, л. 5]. Предметом обсуждения 16-й Пагуошской конференции в Сопоте (Польша, 1966 г.) стала проблема европейской безопасности. В докладе «Что необходимо для обеспечения европейской безопасности?» М.Д. Миллионщиков определил факторы, угрожающие безопасности Европы, и предложил меры по военной разрядке в регионе [4, л. 9–10]. Выступление на 18-й Пагуошской конференции в Ницце (Франция, 1968 г.) было посвящено проблеме локальных войн и их предотвращению и возможности перерастания в мировой термоядерный конфликт [5, л. 7].

Как президент Пагуошского движения академик Миллионщиков возглавлял организационный комитет по проведению 19-й Пагуошской конференции, которая состоялась в г. Сочи (СССР, 1969 г.).

Таким образом, видный отечественный ученый и общественный деятель, несомненно, внес значительный вклад в развитие международного Пагуошского движения, участником которого он являлся на протяжении десяти лет.

В 2009 г. по постановлению Президиума Российского Пагуошского комитета было образовано Грозненское региональное отделение Российского Пагуошского комитета [13]. Председателем Грозненского отделения утвержден член Президиума Российского Пагуошского комитета, вице-президент Академии наук Чеченской Республики, главный научный сотрудник Института физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, доктор физико-математических наук профессор И.А. Керимов (сфера научных интересов – теория и практика математической обработки и интерпретации геофизических полей) [7]. В состав Грозненского отделения также вошли члены Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН президент Государственного научного учреждения

«Академия наук Чеченской Республики», академик АН ЧР, доктор исторических наук профессор Ш.А. Гапуров (сфера научных интересов – кавказоведение) и директор Учреждения РАН Ордена Трудового Красного Знамени Института нефтехимического синтеза им. А.В. Топчиева академик РАН С.Н. Хаджиев (сфера научных интересов – фундаментальные исследования в области глубокой переработки углеводородного сырья). В 2012 г. была образована Молодежная секция Грозненского отделения Российского Пагуошского комитета (руководитель секции – Р.С. Ахматханов. Сфера его научных интересов – геология, геофизика и геоэкология Северного Кавказа) [7].

С 2009 г. по 2014 г. Грозненским региональным отделением проведен ряд научных мероприятий как на территории Чеченской Республики, так и в других регионах Северного Кавказа.

В 2009 г. в Грозном состоялась рабочая встреча представителей Президиума Российского Пагуошского комитета РАН, Комплексного научно-исследовательского института РАН и Президиума АН Чеченской Республики по вопросам образования и перспективам деятельности Грозненского отделения Российского Пагуошского комитета. В 2010 г. в г. Грозном состоялся Межрегиональный Пагуошский симпозиум «Наука и высшая школа Чеченской Республики: перспективы развития межрегионального и международного научно-технического сотрудничества». В 2011 г. в г. Грозном прошли Межрегиональные Пагуошские консультации по проблемам развития сотрудничества РАН и научных учреждений Чеченской Республики в области фундаментальных исследований и инноваций и круглый стол-семинар по теме «Социальная ответственность ученых и научной молодежи Чеченской Республики» [7]. В 2012 г. И.А. Керимова утвердили членом Совета РАН по координации деятельности региональных отделений и региональных научных центров РАН. В июне 2012 г. во Владикавказе и в Грозном состоялась Российская Пагуошская конференция с международным и молодежным участием «Развитие международного и межрегионального научного сотрудничества на Кавказе», на которой обсуждались проблемы социальной ответственности ученых, международное и межрегиональное сотрудничество в области общественных и гуманитарных, физико-математических наук, наук о Земле, энергетической и экологической безопасности [15]. В 2013 г. в Грозном совместно с Чеченским государственным университетом прошли IV Ротблатовские научные чтения «Академические географические исследования на Кавказе: история и современность». В том же году Российским Пагуошским комитетом в Национальном музее Чечни была организована выставка документов, материалов и фотографий, посвященная 100-летию со дня рождения академика М.Д. Миллионщикова.

Грозненское региональное отделение прекратило деятельность в 2014 г. [12]. Согласно Постановлению Президиума РАН от 28 мая 2019 г. (№93) «Об утверждении Положения о Российском Пагуошском комитете и его состава» [14]. И.А. Керимов включён в состав Российского Пагуошского комитета.

Литература:

1. Архив РАН. Ф. 1713. Оп. 2. Д. 183.
2. Архив РАН. Ф. 1713. Оп. 2. Д. 188.
3. Архив РАН. Ф. 1713. Оп. 2. Д. 190.
4. Архив РАН. Ф. 1713. Оп. 2. Д. 192.
5. Архив РАН. Ф. 1713. Оп. 2. Д. 200.
6. Архив РАН. Ф. 1713. Описание фонда.
7. Грозненское отделение Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН. – Режим доступа: <http://www.pugwash.ru/structure/branch/1415.html> (дата обращения: 16.06.2019).
8. Керимов, И.А., Лебедев, М.А. Малоизвестные страницы научной биографии Михаила Дмитриевича Миллионщикова // Вопросы истории естествознания и техники. 2018. – Т. 39. №1. – С. 129–158.
9. Коробкина, И.А. Академик М.Д. Миллионщиков в Пагуошском движении (1964–1973 гг.) // Интеллигенция России: История и судьбы: Межвузовский сборник научных статей. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. – 134 с.
10. Коробкина, И.А. Отечественные ученые в Пагуошском движении (на примере деятельности Советского/Российского Пагуошского комитета в 60-х – начале 90-х гг.) // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сборник научных трудов. – Пятигорск: Издательство Пятигорского лингвистического университета, 2001. – 176 с.

11. Коробкина, И.А. Пагуошские конференции по науке и мировым проблемам: основные цели, принципы и формы деятельности, организационная структура // Вестник Института Дружбы народов Кавказа. Выпуск 1. – Ставрополь: РИО ИДНК, 2005. – 202 с.
12. Постановление президиума РАН от 18 ноября 2014 г. №146 «О Российском Пагуошском комитете» - Режим доступа: <http://www.pugwash.ru/history/documents/3175.html> (дата обращения: 01.07.2019).
13. Постановление президиума РАН от 19 мая 2009 г. №131 «О Российском Пагуошском комитете». – Режим доступа: <http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=db935a61-35c5-486e-8a25-5e514dc8f726> (дата обращения: 30.06.2019).
14. Постановление президиума РАН от 28 ноября 2019 г. №93 «О Российском Пагуошском комитете». – Режим доступа: <http://www.pugwash.ru/structure> (дата обращения: 26.06.2019).
15. Российская Пагуошская конференция «Развитие международного и межрегионального научного сотрудничества на Кавказе». – Владикавказ – Грозный, июнь 2012 года. Официальный итоговый пресс-релиз. 19 июня 2012 г. – Режим доступа: <http://www.pugwash.ru/publications/response/2428.html> (дата обращения: 30.06.2019).

УДК 94(470.6).084

Крючков Игорь Владимирович
 ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
 д.и.н., профессор, заведующий кафедрой
 зарубежной истории, политологии и международных отношений,
 г. Ставрополь, Россия,
 E-mail: igory5@yandex.ru

Крючкова Наталья Дмитриевна
 ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
 к.и.н., доцент кафедры социально-экономической
 географии, геоинформатики и туризма,
 г. Ставрополь, Россия,
 E-mail: intist08nk@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ ФРАНЦИИ И БЕЛЬГИИ НА КАВКАЗ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

***Аннотация:** В представленной статье рассматриваются особенности экономического проникновения Франции и Бельгии на Кавказ в конце XIX – начале XX вв. В материале определены основные секторы народного хозяйства региона, представлявшие интерес для французского и бельгийского капитала, и основные направления развития внешней торговли Кавказа с Францией и Бельгией.*

***Ключевые слова:** Франция, Бельгия, Кавказ, иностранный капитал, нефтяная промышленность, внешняя торговля*

Kryuchkov Igor Vladimirovich
 North Caucasus Federal University,
 Doctor of history, Professor,
 The head of Chair of Foreign History,
 Political Sciences and International Relationships,
 E-mail: igory5@yandex.ru

Kryuchkova Natalia Dmitrievna
 North Caucasus Federal University,
 PhD in History, Associate Professor of Socio-economic
 Geography, Geoinformatics and Tourism Department,
 E-mail: intist08nk@yandex.ru

ECONOMIC PENETRATION OF FRANCE AND BELGIUM TO THE CAUCASUS AT THE END OF THE XIX TH -BEGINNING OF THE XX TH CENTURY

Summary: The peculiarities of economic penetration of France and Belgium to the Caucasus at the end of the XIX th – beginning of the XX th century are considered in the article. Main sectors of

national economy of the region of interest to the French and Belgian capital and major directions of the development of foreign trade of the Caucasus with France and Belgium are defined in the article.

Key words: France, Belgium, the Caucasus, foreign capital, oil industry, foreign trade

В конце XIX в. политическое сближение России с Францией не могло положительно не сказаться на экономических связях двух государств. К 1914 г. по объемам иностранного капитала, вложенного в Россию, Франция занимала первое место (около 33%). Бельгия, тесно связанная с французской экономикой, также активно развивала экономическое сотрудничество с Россией. По объемам инвестиций она находилась на четвертом месте (14–16%). На фоне доминирования во внешней торговле России Франция и Бельгия также входили в число ее ведущих партнеров. В Париже и Брюсселе проявляли большую заинтересованность в развитии экономического сотрудничества с российскими регионами, тем более там, где можно было получить значительные доходы.

Доказательством проявления интереса деловых и политических кругов Франции и Бельгии к Кавказу являлось наличие дипломатических представительств (представителей) этих государств в регионе. В Баку находились консульства Франции и Бельгии, в Тифлисе – консульство Франции и консульский агент Бельгии, в Батуми – консульский агент Франции и нештатный консул Бельгии, в Эриване, Елисаветополе и Карсе – нештатные агенты Бельгии, во Владикавказе – консульский агент Бельгии, в Новороссийске – консульский агент Франции и консульство Бельгии [6].

В начале XX в. крупные колонии французов и бельгийцев возникают в Баку, Тифлисе, Кутаисской губернии и Новороссийске. Согласно переписи населения 1897 г., на Кавказе проживало 830 чел., говоривших на французском языке. В основном в эту группу входили французы и франкоязычные бельгийцы, в том числе 356 чел. в Тифлисе, 176 чел. в Кутаисской губернии, 110 чел. в Черноморской губернии и 86 чел. в Баку [3; 524]. В 1914 г. в Новороссийске проживало 216 французов и 4 бельгийца [11; 232].

Наибольший интерес для французских и бельгийских инвесторов представляла нефтяная промышленность Кавказа. Французский дом Ротшильдов охотно предоставлял кредиты нефтяным компаниям Баку и сам занимался продажей нефти на внешних рынках. При его участии удалось построить стратегически важную железную дорогу Баку–Батум. В 1886 г. Ротшильды создают собственное «Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество». К 1890 г. Ротшильды контролировали 42% экспорта нефти из Баку. В 1898 г. А. Ротшильд создает компанию «Мазут». Он принимает участие в финансировании строительства нефтепровода Баку–Батум, выделив на эти цели 1 млн руб. через «Лионский кредитный банк».

В 1881 г. французские инвесторы создают компанию «Русский стандарт», которая занялась добычей и переработкой бакинской нефти. Компания построила собственный городок для рабочих и железнодорожную ветку [1; 25]. В Новороссийске компания создает нефтяной терминал. В 1888 г. она удвоила уставной капитал, достигший 9 млн руб. До начала XX в. французский капитал доминировал в Баку. Однако затем его позиции потеснили британские инвесторы. Так, в 1912 г. А. Ротшильд продает свою компанию британцам. Тем не менее французскому капиталу в 1916 г. принадлежало 24,5% всех зарубежных инвестиций, вложенных в нефтяную промышленность России, главным образом Кавказа. Он занимал второе место после британских инвестиций (67%) [20; 126].

В конце XIX в. бельгийские предприниматели стали проявлять значительный интерес к нефтяной промышленности Грозного, рассматривая ее в качестве выгодного вложения капитала. С конца 80-х гг. в грозненском нефтяном районе начинается увеличение добычи нефти. Однако производители столкнулись со значительной нехваткой средств для расширения и модернизации производства. Выходом из сложившейся ситуации становится привлечение средств из-за пределов России.

В конце 1895 г. фирма И.А. Ахвердова достигает соглашения с бельгийским банком «Credit National Industriel» (Антверпен) об инвестировании его средств в расширение и модернизацию производства. Банк возник в этом же году, а сделка с И.А. Ахвердовым стала первым его крупным инвестиционным проектом. 30 сентября 1895 г. в Брюсселе создается компания «Petroles de Grozny» для управления активами А.И. Ахвердова в Европе. Компания находилась под контролем бельгийцев. Ее возглавил один из руководителей «Credit National Industriel» И. Ватеркейн. Бельгийские инвесторы

вкладывают около 8 млн франков в фирму «И.А. Ахвердова» [12; 194]. В 1898 г. бельгийские инвесторы контролировали 3 766 акций фирмы, или 94% всего уставного капитала на общую сумму в 940 тыс. руб. [15; 112]. За вторую половину 1898 г. – первую половину 1899 г. фирма получила прибыль в 866,8 тыс. франков [13; 426–443]. Получение значительных средств позволило фирме расширить производство, построить новый нефтепровод и модернизировать нефтеперегонный завод. Несмотря на падение удельного веса в добыче нефти в Грозном, фирма «А.И. Ахвердова» по-прежнему сохраняла лидирующие позиции. Так, в 1896 г. она контролировала 61,2% добычи нефти в Грозном, а в 1913 г. – более 35% [2; 112–113].

В 1898 г. бельгийские инвесторы приходят в Баку, создав «Бинагадское керосинное общество» с уставным капиталом 2,3 млн франков. Следует подчеркнуть активную роль правительства Бельгии в продвижении ее предпринимателей в Грозном и Баку, оказывая им помощь во время переговоров с представителями российских властей.

Не только нефтяные промыслы Кавказа привлекали французов и бельгийцев. В 90-х гг. XIX в. в Осетии бельгийские инвесторы, создавшие Русско-бельгийское «Горнопромышленное и химическое общество «Алагир», строят завод по выплавке цветных металлов во Владикавказе, закрыв старое предприятие в Алагире. Завод начинает свою деятельность в 1901 г., в 1905 г. на нем выплавляют первую партию цинка. В 1896 г. бельгийским инвесторам принадлежало 75% акций Общества.

Россия испытывала большой дефицит цветных металлов, востребованных в промышленности, поэтому проект сулил большую прибыль. К началу Первой мировой войны на заводе трудилось более 500 чел. Для его нужд бельгийцы в районе слияния рек Садон и Ардон построили первую в Осетии ГЭС мощностью 750 л.с. Бельгийский капитал поставил под свой контроль большую часть свинцовых и серебряных рудников Осетии и предприятий по их переработке. В 1898 г. почти 1 млн франков бельгийские инвесторы вкладывают в производство строительных материалов во Владикавказе (Гончарный завод Владикавказ).

Однако не все начинания бельгийцев на Кавказе заканчивались успешно. Бельгийские инвесторы стремились искать нефть в других районах Южного Кавказа. В 1898 г. они создают компанию «Нефть и рудники в Гүрии» с уставным капиталом в 575 тыс. франков для разведки полезных ископаемых на Западе Грузии [12; 420]. Недалеко от Супсы они установили буровые вышки в поисках нефти. Однако это предприятие потерпело фиаско, и нефть так и не была найдена бельгийцами.

Лесные ресурсы Кавказа также рассматривались в качестве привлекательного объекта для вложения инвестиций. В 1896 г. бельгийцы создают «Общество лесопромышленности на Кавказе» с уставным капиталом в 1,2 млн франков. Однако его деятельность оказалась неудачной, и по прошествию года оно прекратило существование.

Французский капитал в конце XIX в. начинает проникать в довольно перспективное на Кавказе производство цемента. «Франко-русская компания портлендских цементов» строит собственный завод в Геленджике, который в 1897 г. произвел более 194 тыс. условных бочек цемента, став вторым производителем цемента в регионе [1; 25].

Большой интерес для бельгийских инвесторов представляло развитие городского хозяйства в городах Кавказа, переживавших в конце XIX – начале XX вв. бурное развитие. В 1895 г. бельгийские инвесторы создают компанию по развитию трамвайного хозяйства в Тифлисе, куда они вложили в виде уставного капитала 3,6 млн франков. Деятельность компании оказалась прибыльной. За вторую половину 1897 г. – первую половину 1898 г. она получила прибыль более чем в 440 тыс. руб. [12; 419]. Правда, в 1901 г. чистая прибыль компании сокращается до 157 тыс. руб. Создание компании привело к поставкам в город первых трамвайных вагонов, произведенных в Бельгии.

В 1899 г. бельгийские инвесторы создают «Анонимное общество Владикавказских трамваев и освещения». В 1900 г. оно получает концессию на 38 лет. В 1903 г. уставной капитал общества достиг 1,6 млн франков. В 1904 г. Общество запускает первые трамвайные линии в столице Терской области. Обе компании имели регистрацию в Брюсселе, там же проходили собрания акционеров. В 1898 г. бельгийская «Компания тяги и электричества» начинает деятельность по развитию трамвайного движения в Екатеринодаре, ее уставной капитал достигает 6 млн франков [14]. Общая сумма расходов на строительство сети составляет почти 400 тыс. руб. Компания получает концессию на 40 лет. В декабре 1900 г. электрические трамваи начинают движение в сто-

лице Кубанской области. В 1901 г. доходы компании превысили расходы на 24,3 тыс. руб. [19; 1024]. В 1904 г. екатеринодарские трамваи переходят под контроль «Бельгийского анонимного общества трамваев». К 1911 г. Обществу принадлежало 14 верст путей и 50 вагонов [11; 144].

Помимо строительства трамвайных сетей бельгийским инвесторам приходилось создавать всю необходимую инфраструктуру, включая строительство депо, электростанций, электрических сетей. При создании данных объектов они отдавали предпочтение бельгийской продукции.

На 1 мая 1900 г. общий уставной капитал предприятий с участием бельгийского капитала в России составил 494,3 млн франков, из них всего около 17 млн приходилось на Кавказ, включая 11 млн франков, вложенных в нефтяную промышленность [13; 426–443].

Французские инвесторы вносят свой вклад в развитие транспортного сообщения на Кавказе. «Французское автомобильное общество» организовало регулярное автомобильное сообщение между Владикавказом и Тифлисом. С 15 апреля по 15 сентября ежедневно осуществлялось два рейса в обе стороны. Компания довольно быстро заработала хорошую репутацию. Одновременно подданные России могли пользоваться услугами французского пароходного общества «Паке», имевшего представительство в Тифлисе. Кроме французов такие услуги из иностранных компаний оказывал еще «Австрийский Ллойд». «Паке» организовала регулярное сообщение Марселя с Новороссийском и Батумом. Эти направления приносили большую прибыль Обществу, в том числе и за счет транзита товаров через Батум в Персию [9; 94].

В конце XIX в. в Россию активно проникают зарубежные страховые компании. Не избежал этой участи и Кавказ. В Тифлисе открывает свое представительство одно из известных французских страховых обществ «Урбэн», начавшее свою работу в России в 1889 г. [8].

Товары из Франции и Бельгии продавались во всех городах Кавказа. По данным на 1888 г., из Франции на Кавказ ввозится товаров на 725,6 тыс. руб., а вывозится на 5,7 млн руб., соответственно Бельгии на 973 тыс. руб. и 186 тыс. руб. [5; 26]. Во Францию и Бельгию в основном вывозились нефть и нефтепродукты, а в обратном направлении шли товары широкого потребления.

Французские спиртные напитки предлагали все крупные в регионе торговые дома и магазины. Известные гостиницы Кавказа непременно предлагали своим постояльцам французское шампанское и вино. В качестве примера можно привести известные в Тифлисе гостиницы «Ветцель» и «Кавказ» [6]. Большим спросом на Кавказе пользовались французская парфюмерия и ткани. Развитие на Кавказе пищевой промышленности и новых форм доставки скоропортящейся продукции привело к спросу в регионе на «холодильные установки» фирмы «Рауль Пактэ» [7]. В городах Кавказа можно было найти уникальные товары из Франции, в частности киноленту фирмы «Патэ» [8]. Кроме товаров широкого потребления на Кавказ из Франции поступали строительные материалы.

С Кавказа во Францию и Бельгию поставлялись нефть, нефтепродукты, марганцевая руда, зерновые культуры. Только в 1897 г. во Францию из Баку ввозится 2,7 млн пудов керосина. С 1895 по 1898 гг. ввоз нефти и нефтепродуктов с Кавказа увеличился почти в 10 раз [18; 403]. В 1913 г. на Россию приходилось примерно 52% мирового производства марганцевых руд, из них 76% производилось в Кутаисской губернии (Чихатури). С 1909 по 1913 гг. Бельгия увеличила экспорт марганцевой руды с 4,1 тыс. пудов до 10,8 тыс. пудов, а Франция с 0,9 тыс. пудов до 3,8 тыс. пудов [4; 352].

Французская фирма Д. Дрейфуса и ряд других компаний участвовали в зерновом экспорте из Новороссийска. Часть продукции предназначалась для Франции, а остальная направлялась в другие государства, в том числе в Швейцарию [16; 214]. В конце XIX в. пшеница твердых сортов из Новороссийска начинает завозиться на Сицилию, где она пользовалась большим спросом, в том числе при изготовлении спагетти, в отличие от мягких сортов пшеницы, поступавших из Одессы [10; 482–483]. Правда, на Новороссийск приходилось около 20% поставок, здесь доминировал Таганрог, но часть ставропольского и кубанского зерна шла на экспорт и через данный порт. Франция и Бельгия не относились к основным потребителям российского зерна, но в эти страны в среднем поступало из Новороссийска 3–7 млн пудов зерна [17; 240]. В начале XX в. фирма Л. Дрейфуса вывозила до 12 млн пудов зерна в год.

Постепенно производители на Кавказе осваивали новые виды товаров, предназначенные для экспорта. Не без проблем на рынки Франции и Бельгии пробивает дорогу шерсть. С 1872 г. кисловодский «Нарзан» начинает поставляться в зарубежные государства, в том числе в Ниццу, а из Кутаисской губернии во Францию поставлялся шелк.

Таким образом, с 80-х гг. XIX в. Кавказ начинает привлекать французских и бельгийских инвесторов, заинтересованных в получении необходимого Франции и Бельгии сырья и максимальной прибыли. Наибольший интерес для них представляла нефтяная промышленность Баку, залежи марганцевой руды в Чиатуре, производство цветных металлов в Осетии и цемента в Новороссийске. В силу слабого развития машиностроения и обрабатывающей промышленности бельгийский и французский капитал не нашел применения в данных отраслях. Особый интерес для бельгийских инвесторов представляло развитие городского хозяйства на Кавказе. В то же время Кавказ не принадлежал к числу регионов приоритетного вложения французских и бельгийских капиталов в Россию. Куда большую роль Кавказ играл во внешней торговле страны с Францией и Бельгией. В экспорте в эти государства доминировали нефть, нефтепродукты, марганцевая руда и зерновые культуры, в обратном направлении поступали товары широкого потребления и строительные материалы. Экспорт с Кавказа превышал импорт товаров из Франции и Бельгии. По мере роста уровня жизни населения и экономического развития региона экономические связи Кавказа с Францией и Бельгией набирали оборот, приобретая новые черты и захватывая новые сферы сотрудничества.

Литература:

1. Весь Кавказ. Справочно-литературный справочник. №1. 1903. – Тифлис: Грузинское издательское общество, 1903. – 392 с.
2. Гайтемирова, А.А. Становление и развитие нефтяной промышленности в Терской области в конце XIX – начале XX вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – №3. – С. 183–187.
3. Кавказский сборник за 1910 г. Ч. 1. – Тифлис, 1909.
4. Кавказский сборник за 1915 г. – Тифлис, 1914.
5. Кавказский календарь на 1888 г. – Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1887. – 321с.
6. Кавказский календарь на 1911 г. – Тифлис: Типография канцелярии Наместника, 1910. – 363 с.
7. Кавказский календарь на 1913 г. – Тифлис: Типография канцелярии Наместника, 1912. – 893 с.
8. Кавказский календарь на 1914 г. – Тифлис: Типография канцелярии Наместника, 1913. – 977 с.
9. Карчевский, П. Вопрос о русских судоходных сообщениях между Одессой и Марселем. Донесение генерального консула в Марселе // Сборник консульских донесений за 1898 г. Вып. II. – СПб.: Скоропечатня «Надежда», 1898. – С. 93–96.
10. Козакевич, П. К вопросу об установлении русских пароходных сообщений между портами Черного и Средиземного морей. Донесение вице-консула в Катании // Сборник консульских донесений за 1899 г. Вып. VI. – СПб.: Товарищество «Художественная польза», 1899. – С. 476–483.
11. Кубань и Черноморская губерния на 1914 г. – Екатеринодар: Электротипография товарищества «Печатник», 1914.
12. Кудашев, И. Бельгийские предприятия в иностранных государствах / Сборник консульских донесений за 1899 г. Вып. V. – СПб.: Товарищество «Художественная польза», 1899. – С. 404–443.
13. Кудашев, П. Бельгийские промышленные предприятия в России. Донесение 1-го секретаря миссии в Брюсселе // Сборник консульских донесений за 1900 г. Вып. V. – СПб.: Товарищество «Художественная польза», 1900. – С. 426–443.
14. Отчет Бельгийского акционерного общества «Компания тяги и электричества». – СПб., 1900. – 28 с.
15. Потолов, С.И. Монополизация грозненской нефтяной промышленности / Монополии и иностранный капитал в России. – Л.: АН СССР, 1962. – С. 112–113.
16. Прозор, М. Ввоз русского хлеба в Швейцарию. Донесение генерального консула в Вене и Женеве / Сборник консульских донесений за 1898 г. – Вып. III. – СПб.: Скоропечатня «Надежда», 1898. – С. 208–215.
17. Рыбникова, И.А., Рыбников, А.М. Исторические аспекты строительства объектов для перевалки зерна в Новороссийском морском порту на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – №7. – С. 236–240.

18. Фитингоф-Шель, А. Участие России в торговле Гаврского порта. Донесение консула в Гавре и Руане // Сборник консульских донесений за 1899 г. – Вып. V. – СПб.: Товарищество «Художественная польза», 1899. – С. 401–403.
19. Шпаков, И.В., Михайлова, Е.Д., Коротева, Н.Н. Бельгийские инвестиции в общественный транспорт городов Российской империи в конце XIX – начале XX вв. // Былые годы. – 2015. – Т. 38. – С. 1019–1026.
20. Эвентов, Л.Я. Иностраный капитал в нефтяной промышленности (1874–1917). М.-Л.: Плановое хозяйство, 1925. – 126 с.

УДК 93/94

Максимчик Андрей Николаевич
Белорусский государственный университет,
доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени,
г. Минск, Республика Беларусь,
E-mail: forest_child@list.ru

НАСЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ВОПРОСЫ МИГРАЦИИ, РАССЕЛЕНИЯ И УЧАСТИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ, КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ РЕГИОНА

***Аннотация:** В статье рассматриваются время и причины появления белорусского населения на Северном Кавказе, а также приводятся данные по численности и географии переселенцев. На основе архивных документов показаны основные источники пополнения белорусским населением территории Северного Кавказа. Затрагиваются также вопросы численности беженцев с территории Беларуси на Кавказе в годы Первой мировой войны, вклада уроженцев Беларуси в становление общероссийской системы образования на Кавказе, изучение традиций и культуры местного населения, природных богатств региона.*

***Ключевые слова:** белорусские губернии, Северный Кавказ, крестьянские переселения, оказывание населения, И.И. Минкевич, Ф.И. Пастернацкий, К.Ф. Сталь*

Maksimchik Andrey Nikolaevich
Belarusian State University,
Associate Professor the Department of Modern and
Contemporary History of BelarusMinsk, Republic of Belarus,
E-mail: forest_child@list.ru

POPULATION OF BELARUSIAN LANDS IN THE NORTH CAUCASUS IN XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURY: ISSUES OF MIGRATION, DISTRIBUTION AND PARTICIPATION IN SOCIO-ECONOMIC, CULTURAL AND EDUCATIONAL PROCESSES OF THE REGION

***Abstract:** The article considers the time and reasons for the emergence of the Belarusian population in the North Caucasus, as well as provides data on the number and geography of displaced persons. On the basis of archival documents, the main sources of replenishment of the territory of the North Caucasus by the Belarusian population are shown. The issues of the number of refugees from the territory of Belarus in the Caucasus during the First World War, the contribution of Belarusian natives to the formation of the all-Russian education system in the Caucasus, the study of traditions and culture of the local population and the natural wealth of the region are also touched upon.*

***Key words:** Belarusian provinces, the North Caucasus, peasant migration, transfer of the population to the Cossacks, I.I. Minkevich, F.I. Pasternatsky, K.F. Stahl*

Нахождение белорусских земель в составе Российской империи существенно повлияло на ареал расселения населения этих территорий, поскольку перед ними широко распахнулись географические границы российского государства, появились условия и возможности к миграционной активности в различные уголки необъятной империи. Одним из таких направлений миграции для белорусского населения в XIX – начале XX в. стал Северный Кавказ. Перед тем как начать более детально рассматривать эту тему, следует оговорить ряд принципиальных моментов, которые требуют пояснения.

В первую очередь, исходя из заявленных в названии статьи хронологических рамок, под белорусскими землями или губерниями понимается территория 5 западных губерний: Витебской, Виленской, Гродненской, Минской и Могилевской, 35 уездов, которые наиболее точно вписываются в современные государственные границы Беларуси. При этом следует учитывать, что этнографические границы расселения белорусов не совпадают с государственными, поскольку они шире и выходят за рамки указанных административных единиц (Велижский и Невельский уезды Витебской, Скольский уезд Гродненской, Красненский уезд Смоленской и Сурожский уезд Черниговской губерний). Считаем, что привлечение каких-либо данных с этих территорий является логичным и обоснованным.

Во-вторых, учитывая полиэтничный состав населения этих земель, под белорусским населением следует также понимать евреев, татар, русских, поляков, немцев и т.д., принимавших участие в миграционном процессе. Так, в качестве примера можно привести прошение немецких рабочих суконных фабрик г. Белостока Гродненской губернии Роде, Вебера и Фрайденберга на имя министра внутренних дел от 24 сентября 1866 г. о переселении их на постоянное жительство на Кавказ [54, л. 1–2 об.]. Подобные прошения поступали от жителей Царства Польского (425 чел.), прусских (122 чел.) и австрийских подданных (35 чел.), проживавших в г. Белостоке и уездах Гродненской губернии [54, л. 3–15 об.].

В-третьих, следует учитывать тот факт, что население белорусских губерний являлось поликонфессиональным, что хорошо видно на примере таблиц переписи 1897 г. по территориально-административным единицам Кавказского края, анализировавших распределение населения по вероисповеданиям и родному языку. Носители белорусского языка относились к православным, католикам, старообрядцам, лютеранам, иудеям.

Рассматривая причины и время появления белорусского населения на Кавказе через призму историографии, следует подчеркнуть, что в настоящее время в белорусской и российской исторической науке данный вопрос является неизученным [65, с. 73]. Известно, что начиная с XVI–XVII вв. население белорусских земель в одиночку или малыми группами стало попадать в различные уголки Кавказа либо вместе с проникновением казаков, либо как пленные, взятые во время войн между Московским государством и Речью Посполитой. В качестве примера можно привести обращение воеводы Касимова Михайло Истомина к московскому царю Алексею Михайловичу в мае 1655 г., в котором он описал, как по р. Ока мимо города ехали «в стругах Кизылбаши и Горские Черкасы и везут с собой Литовские земли полоняников, купленных женок и девок, и кладут де те на тех купленных Литовских людей купчия Ивановския площади подъячих за руками...» [61, с. 145] Под «литовскими людьми», скорее всего, следует понимать белорусское население, которое насильственно вывозилось в Московское государство во время войны с Речью Посполитой 1654–1667 гг. и нелегально продавалось на невольничьих рынках мусульманских стран, поскольку основным театром военных действий тогда являлись белорусские земли.

Помимо этого можно также упомянуть о том, что существуют не верифицируемые сведения, относящиеся к пребыванию на Северном Кавказе с образовательной миссией уроженца г. Полоцка известного государственного, церковного и культурного деятеля, поэта, богослова и педагога Самуила Гавриловича Петровского-Ситняновича (1629–1680), который больше известен под именем Симеона Полоцкого. В дагестанском историческом сочинении Абдулгусейна Ибрагимова «Тарихи Кызларкала» (1915 г.) указывалось, что в конце 1664 г. Симеон Полоцкий побывал в терских казачьих городках, а также в Абсияхкенте (совр. Кизляр), где проводил в течение месяца просветительскую работу среди местных жителей и открыл школу. «После ухода господина Полоцкого [жители] Абсияхкента совместно с [жителями] соседних русских казачьих станиц изготовили кирпичи и построили в Абсияхкенте Дом духовной культуры имени Полоцкого. Там собирались учащиеся, по вечерам проводились занятия также на арабском и персидском языках» [67, с. 225–226]. В случае подтверждения данных сведений хроники это будет первая по времени попытка организации системы российского школьного образования в регионе.

Качественно новым этапом проникновения белорусского населения на Северный Кавказ стало включение части территории Речи Посполитой в состав Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. Для новоприобретенных подданных это значительно упростило процесс потенциальной миграционной активности в южном направлении. Согласно материалам первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., числен-

ность белорусов (т.е. тех, кто в индивидуальном переписном листе переписи населения в графе №12 «Родной язык» указал белорусский язык) на Кавказе достигла 19 642 человек. При этом преобладающая масса белорусского населения (15 356 человек) находилась на территории Северного Кавказа: Дагестанская обл. – 38, Кубанская обл. – 12 356, Ставропольская губ. – 880, Терская обл. – 1 423, Черноморская губ. – 659) [22, с. 6]. В то же время, если производить подсчет белорусского населения по данным таблицы «Распределение неместных уроженцев по месту рождения», т. е. по 5 белорусским губерниям, то данные существенным образом отличаются (Дагестанская обл. – 447, Кубанская обл. – 4 856, Ставропольская губ. – 1 257, Терская обл. – 1 797, Черноморская губ. – 1 098). Несмотря на это, не вдаваясь в подробное выяснение причин количественной разбежки населения, можно сделать вывод о том, что в конце XIX в. Кавказский край являлся вторым по численности местом нахождения и проживания белорусов (вне пределов этнической территории) после губерний Привислинского края (29 347 человек) [22, с. 6]. К слову, тенденция роста численности белорусского населения сохранилась и в советский период. По материалам переписи населения СССР 1926 г. их количество (Северо-Кавказский край, Дагестанская АССР, Закавказская СФСР) выросло до 55 262 человек.

Отдельные факты перемещения белорусского населения на Кавказ отмечены уже с конца XVIII в., в период поэтапного включения белорусских земель в состав Российской империи. Так, в ведомости о первоначальном поселении крестьян в Кавказском наместничестве, составленной в 1784 г. Саратовским и Кавказским генерал-губернатором П.С. Потемкиным, сообщалось, что в основанном селе Высоцком (совр. Ставропольский край) было поселено 317 могилевских разночинцев мужского пола [52, с. 8]. В первой половине XIX в. белорусское население частично затронуло организованное правительством переселение малороссийских казаков, проходившее в 1792–1849 гг. [33, с. 94–95].

В XIX – начале XX вв. миграционная активность с территории белорусских губерний возросла и имела как добровольный, так и принудительный характер. Так, белорусы наравне с русскими и украинцами составляли основу призывного контингента полков российской армии, формировавших Отдельный Кавказский корпус [25, с. 136; 27]. Еще до создания корпуса рекруты, набранные по обнародованному 72-му набору 1799 г., с территории Беларуси в количестве 4 845 человек шли на пополнение войск Кавказской инспекции [63, с. 296]. Можно привести и другой пример: в соответствии с утвержденным 22 января 1862 г. расписанием призыва для укомплектования временно-отпускными нижними чинами Кавказской армии для гвардейской, гренадерской и армейской пехоты из жителей Могилевской, Витебской, Виленской и Гродненской губерний было призвано 12 367 человек [15]. Сведения о нахождении белорусского населения в Кавказской армии можно также найти в работе антрополога Н.В. Гильченко, который во второй половине 1880-х гг. занимался взвешиванием головного мозга у лиц, находившихся во Владикавказском военном госпитале. Материалом для измерений ему служили трупы, над которыми производились вскрытия. В преобладающем большинстве это были нижние чины различных частей войск местного гарнизона, комплектовавшихся в том числе и уроженцами белорусских губерний. Об этом можно узнать из помещенной в исследовании таблицы, где помимо физических параметров человека (рост, возраст, вес) указывалось место рождения, народность и общественное положение [7, с. 98–109].

Рекрутские наборы, таким образом, также способствовали перемещению белорусского населения на Кавказ. Кроме этого, из населения белорусских губерний также шло пополнение казачьих войск Кавказского края. В Российском государственном историческом архиве сохранились именные списки нижних чинов регулярных войск и их детей, поступивших на службу из помещичьих крестьян Гродненской и Минской губерний, которых зачислили в Кубанское и Терское казачьи войска за период с 1859 по 1867 гг. [56, л. 5–10, 24–35]. Помещикам выплачивалось денежное вознаграждение за тех крестьян, которые поступили в состав казачьего селения до издания манифеста от 19 февраля 1861 г. Так, за двух крестьян имения Крушина Минской губернии Иосифа и Антона Куракевичей, зачисленных в казачьи войска Кавказского края в 1860 г., производилась выплата в размере 462 руб. 80 коп. [55, л. 14].

В архивных документах также зафиксированы случаи ходатайств, связанных с переводом «для совместного житья» жен и семей солдат, которые проходили службу на

Кавказе или зачислялись в казачье сословие [45]. С таким письмом к Минскому гражданскому губернатору в 1842 г. обратился начальник артиллерийских гарнизонов Кавказского округа. Однако, как оказалось, жену циркульника Кавказского окружного арсенала Тимофею Сорокину не смогли отправить к нему, поскольку она в 1841 г. умерла [46, л. 9 об.].

Проходя военную службу в регионе, уроженцы Беларуси нередко выслуживались до высших армейских чинов (генерал-лейтенант К.Я. Белявский, генерал-лейтенант Ф.Ф. Веревкин-Шелюто, генерал от инфантерии В.М. Козловский, генерал-майор Ф.А. Круковский, генерал-лейтенант Ю.А. Чаплиц и др.) [66].

Для многих уроженцев Беларуси Кавказ являлся местом ссылки: это и участники войны 1812 г., служившие во французской армии и попавшие в плен с оружием в руках [51, с. 14], и участники вооруженного восстания 1830–1831 гг. на территории Беларуси [5], а также участники тайных организаций и обществ, действовавших на территории белорусских губерний [9; 47]. В начале 1830-х гг. по предложению Николая I Комитет Западных губерний разрабатывал проект по переселению шляхты (дворян) из Западных губерний на Кавказ, являвшихся активными организаторами и участниками антиправительственных акций в регионе [26]. Согласно повелению императора, планировалось переселение до 5 тыс. семей шляхты на казенные свободные земли на Кавказе, «дабы впоследствии поселение сие обратить на службу военную» [12, с. 91]. 25 марта 1832 г. были даже высочайше утверждены «Правила для переселения граждан и однодворцев Западных губерний в Кавказскую область». Однако власть на местах нашла непреодолимые препятствия к переселению такого значительного количества людей, проект так и остался на бумаге.

В XIX в. Кавказ также рассматривался как регион, в котором можно было сделать карьеру не только военным, но и гражданским лицам. Из архивных, а также статистических материалов видно, что белорусское население на Северном Кавказе занималось врачебной, строительной, педагогической деятельностью, организовывало собственное производство, было представлено в местной администрации, суде и полиции. Польский историк Анджей Хадубский, говоря о белорусах на Кавказе, отмечал следующее: «Значительную часть среди эмигрантов составляла интеллигенция. Часто это были выпускники высших учебных заведений, которые направлялись сюда на работу. Начав ее, они уже не хотели оставлять этот регион, руководствовались при этом разными интересами, в том числе и широкими возможностями профессионального самовыживания, и относительной свободой действий, и наличием условий хорошо подзаработать» [64, с. 52]. В качестве примера можно привести биографические данные выпускника Виленской медико-хирургической академии, представителя белорусской шляхты Антония Гудяевского. По окончании академии он в 1837 г. был назначен младшим лекарем в 8-ю артиллерийскую бригаду войск, а с 1843 г. являлся штаб-лекарем Кавказского отдельного корпуса. К 1868 г. дослужился до чина действительного статского советника. За время службы был награжден орденами Св. Анны III ст. (1845), Св. Владимира IV ст. (1847), Св. Анны II ст. (1847), Св. Анны II ст. с короной (1853), Св. Станислава II ст. (1859), Св. Владимира III ст. (1861), Св. Станислава I ст. (1871), удостоен золотым портсигаром с бриллиантами и вензелем с изображением императора (1861), светло-бронзовой медалью на память о войне 1853–1856 гг., крестом за службу на Кавказе (1864), медалью «За покорение Западного Кавказа» (1864), бриллиантовым кольцом с рубином (1876), благодарностями за сбор целебных растений и подготовку из них лечебных препаратов (1858, 1860, 1861, 1864, 1867, 1868, 1869, 1871, 1872). За свою службу он в 1871 г. получил участок земли в размере 400 десятин в Кубанской области, имел собственный дом во Владикавказе [6, с. 631].

В национальном историческом архиве Республики Беларусь сохранился ряд архивных дел с прошениями уроженцев Беларуси об определении их на службу в различные инстанции Кавказского края [36; 37; 38; 39; 41; 42; 43]. Так, в 1827 г. служащие Витебского губернского правления Щербинский и Ласиций обратились к Витебскому губернатору с прошением направления их в Ставрополь в общее управление Кавказской области [40, л. 5]. Данная тенденция была характерна для всего рассматриваемого периода.

Однако основной категорией, включившейся в миграционные процессы, стало крестьянство. Уже с начала 1860-х гг. население белорусских губерний постепенно стало проявлять инициативу в вопросах переселенческого движения на Кавказ, которое

в конце XIX – начале XX вв. достигло значительных размеров [3; 23; 24; 28]. Одними из первых (12 марта 1861 г.) подала прошение о разрешении переселения в Ставропольскую губернию по причине бедности крестьянская семья из деревни Нижовка Слуцкого уезда Минской губернии [4, с. 61]. В 1875 г. с разрешения наместника на Кавказе под поселение крестьян Могилевской губернии были отведены четыре участка свободной казенной земли на р. Томузловке для образования поселения Преображенского [14]. Вместе с тем, если в 1860–1880-е гг. крестьянское переселение на Кавказ не носило столь массовый характер для белорусских губерний, то на рубеже XIX–XX вв. оно трансформировалось в значительный фактор экономико-демографического развития белорусских земель. Во многом этому способствовало строительство с 1875 г. сети Владикавказской железных дорог, что значительно упрощало процесс перемещения на новое место [13, с. 328]. Точных цифр переселившихся с территории Беларуси нет, однако есть данные, что с 1906 по 1914 гг. в Кавказский край мигрировало около 55 тыс. человек [23, с. 32]. Как видно из архивных документов, переселение крестьян во многом было продиктовано аграрной перенаселенностью белорусских губерний, низкоэффективной и слабой промышленностью, которая не могла оттянуть значительные массы населения из сельского хозяйства в производство. В национальном историческом архиве Беларуси в фондах Минского (фонд 1595) и Могилевского губернских присутствий (фонд 2014) содержится более 150 дел, касающихся прошений крестьян о переселении их с семьями на Кавказ, охватывающих период с конца XIX по начало XX в. Следует подчеркнуть, что не всегда ходатайства о переселении положительно рассматривались местными органами власти. К переселенцам на Кавказ предъявлялся ряд обязательных требований. Так, в письме на имя Минского губернатора, отправленном из Переселенческого управления министерства внутренних дел, сообщалось, что в Черноморскую губернию «могут быть допускаемы коренные русские крестьяне православного вероисповедания, лично занимающиеся земледелием и имеющие достаточное число рабочих рук в семье и необходимые для первоначального обзаведения на новом месте денежные средства (300 руб. на семью). Особенно желательными колонизаторами Черноморской губернии признаются лица, знакомые с виноградарством и садоводством или производством лесных расчисток» [44, л. 54–54 об.]. Кроме этого денежные средства были необходимы для проезда к новому месту жительства. Исследователь Н.Г. Простнев привел некоторые сведения о способах совершения переселения, затрачиваемом времени на него и необходимой сумме денег. Так, переезд в Сочинский округ Черноморской области из Могилевской губернии выглядел следующим образом: «а) с родины до станции железной дороги на лошадях 40 верст – 1 день; б) до гор. Новороссийска, Черноморской области, по железной дороге 1 451 верста – 4 дня и в) от гор. Новороссийска до нового места жительства участка «Старый Кичмай», на лошадях 45 верст – 1 день. Всего 1 536 верст – 6 дней» [53, с. 14]. Дорога до Сочинского округа – 15 руб. 65 коп., продовольствие в пути – 3 руб., покупка лошади – 52 руб., коровы – 36 руб., плуга – 10 руб. 50 коп., бороны – 4 руб. 30 коп., телеги – 12 руб. и 10 пудов ржи – 8 руб. 20 коп. Всего 141 руб. 65 коп. [53, с. 15]. Многие, кто решался на переезд, вынуждены были продавать свое жилье, имущество и домашний скот, чтобы иметь средства к обустройству на новом месте.

Основным местом выхода крестьян из Беларуси являлась Могилевская губерния. Исследователь Л.Е. Козлов в начале XX в. отмечал, что наибольшее число выходцев в Черноморье (20%) дает именно эта административная единица [19, с. 107]. Именно уроженцы этой территории еще в 1869 г. основали на территории Абхазии поселение Аибга [1, с. 239]. В основу поселений зачастую ложилось наименование прежних мест жительства. Так, близ аула Шенджий был основан хутор Могилевск [20, с. 475]. В настоящее время в Тахтамукайском муниципальном районе в состав Шенджийского сельского поселения входят Старомогилевский и Новомогилевский хутора [11, с. 83]. В 1907 г. 22 семьи (57 мужчин и 57 женщин) переселенцев из Могилевской губернии основали в Хасавюртовском районе Дагестана село Могилевское [53, с. 58–59]. Из приведенных примеров видно, что переселенцы из белорусских губерний привнесли в топонимику Северного Кавказа ряд коммунимов (названий сельских поселений), которые сохраняются до настоящего времени.

Точных сведений о количестве белорусского населения на Северном Кавказе в начале XX в. нет. Можно только найти отдельные документы, в которых приводится их численность. В докладе членов Кавказской Краевой Белорусской Рады о количестве и положении

белорусов на Кавказе в 1918 г. упоминалось свыше 80 тыс. человек, «часть которых занимала до сего времени государственные и частные должности, часть обосновалась на жительство после окончания военной службы в мирное время, а большую часть составляют переселенцы, которые переселились на Кавказ в период времени 1906–1914 гг. и наделены земельными участками» [2, с. 244]. Даже если принять эту цифру за настоящую, что маловероятно, то к ней необходимо еще добавить и количество беженцев Первой мировой войны с территории Беларуси. Что касается этой цифры, то точных сведений о количестве и географии белорусских беженцев на Кавказе нет. По данным Комитета ее Императорского величества великой княгини Татьяны Николаевны (Татьянинского комитета), в конце 1915 г. на Кавказе находилось всего 180 621 человек [17, с. 177], однако неизвестно, какой процент от этой цифры составляло белорусское население. Так, только с территории Гродненской губернии количество белорусских беженцев (в тексте документа они фигурируют под названием «русское население») составляло 6 330 человек (Кубанская область – 1 866 мужчин и 2 358 женщин; Ставропольская губерния – 707 мужчин и 827 женщин; Терская область – 272 мужчины и 300 женщин) [34, л. 2 об.–3]. Неполные данные есть и за более поздний период. Так, на 1 февраля 1917 г. в Кубанской области находилось 7 232 белорусских беженца [18, с. 234]. Приблизительно эту цифру (8 784 человека), но охватывая всю территорию Северного Кавказа и Закавказья на начало 1917 года, используют российские исследователи Н.А. Михалев и С.А. Пьянков [31, с. 101]. Эту цифру можно сравнить с количеством белорусских беженцев из прилегающей к Кубанской области и Ставропольскому краю Области Войска Донского, где на 10 октября 1918 г. значилось 19 889 человек из Виленской, Витебской, Гродненской и Минской губерний. В пограничных административных единицах ситуация выглядела следующим образом: Черкасский округ – 70 человек из Виленской, 1 080 – из Гродненской, 12 – Минской губерний; 1-й Донской округ – 35 человек из Виленской, 3 507 – Гродненской, 201 – Минской губерний; Сальский округ – 7 человек из Виленской, 220 – Гродненской, 12 – Минской губерний [8, л. 9]. Кроме этого, интересные данные встречаются в наказе делегированному в г. Минск товарищу председателя Белорусской рады беженцев Ставропольской губернии А.И. Вальковичу. В документе указывалось, что на территории губернии сосредоточено около 40 тыс. белорусов, которым необходимо оказать помощь и реэвакуировать их на Родину [35, л. 92]. Таким образом, вопрос о численности белорусского населения на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. требует более детальной проработки и привлечения широкого круга архивных документов, хранящихся в республиканских архивах Северного Кавказа.

Если говорить об участии белорусского населения в социально-экономических и культурно-образовательных процессах на Кавказе, то лучше всего этот аспект раскрывается через биографии и деятельность отдельных уроженцев Беларуси. Знакомясь с ними и результатами их интеллектуального труда, начинаешь лучше осознавать вклад выходцев из Беларуси в развитие Кавказского региона, изучение его истории и культуры.

Так, можно отметить тот факт, что уроженцы белорусских губерний довольно активно включились в процесс организации и расширения сети образовательных учреждений всех уровней в регионе. Для многих из них Кавказ стал не только местом профессионального роста, но и вторым домом. Согласно материалам переписи населения Российской империи 1897 г., лица, указавшие в качестве родного языка белорусский, а основной род занятий учебную и воспитательную деятельность, в Кавказском крае распределились следующим образом: Кубанская область – 20 чел. (12 муж. и 7 жен.); Терская область – 4 (3 муж. и 1 жен.); Ставропольская губерния – 2 жен.; Черноморский округ – 1 мужчина. Однако ряд уроженцев Беларуси на момент проведения переписи либо еще не служили, либо уже завершили свою деятельность на Кавказе. К последней категории можно отнести одного из виднейших деятелей последней трети XIX в. в области распространения общероссийской системы образования на Кавказе, уроженца Могилевской губернии педагога и писателя Дмитрия Дмитриевича Семенова. В 1870–1878 гг. он руководил Кубанской учительской семинарией, а с 1878 по 1883 гг. был директором Закавказской учительской семинарии в г. Гори. Его деятельность на этих постах раскрывается на примере ряда публикаций [57; 58; 59].

После окончания в 1849 г. историко-филологического факультета Петербургского университета на Кавказе долгое время преподавал другой уроженец Могилевской губернии Евгений Антонович Нарбут. С 1849 по 1856 гг. он состоял учителем латинского языка в Ставропольской гимназии, а затем преподавал французский язык в Кутаисской гимназии (1879–1894 гг.). За его долголетнюю педагогическую деятельность 25 февра-

ля 1883 г. по представлению Комитета министров император соизволил пожаловать ему орден св. Станислава III ст. [16]. Жизнь Е.А. Нарбута трагически оборвалась 27 июня 1894 г. при крушении парохода «Владимир» [10].

Кавказский инспекторско-педагогический период в биографии отмечен у известного белорусского этнографа и фольклориста Ивана Даниловича Горбачевского [60]. Согласно ежегодным «Кавказским календарям», он преподавал в Баталпашинском шестиклассном училище (1899–1903), был инспектором Кисловодского трехклассного (1903–1908) и четырехклассного училищ (1910), а также Кизлярского трехклассного училища (1910). В 1912 г. переехал в г. Рогачев Могилевской губернии, где преподавал в высшем ремесленном училище.

Позитивный потенциал обладания достоверными знаниями о климате Кавказа и их благотворное влияние на оздоровление людей отстаивал уроженец Игуменского уезда (совр. Червенский район) Минской губернии, профессор Петербургской военно-медицинской академии Федор Игнатьевич Пастернацкий. По роду своей деятельности он исследовал лечебные факторы Кисловодска, описал санитарно-гигиеническое состояние курорта [48]. По просьбе директора Кавказских Минеральных Вод ему было поручено дать заключение о действии минеральных вод на организм человека в натуральном и газированном виде. Под руководством Ф.И. Пастернацкого была проделана серия исследований, посвященных изучению физиологического действия минеральных вод Эссентуки, Баталинская, Боржоми [32, с. 78].

Много внимания ученый уделял изучению климатических особенностей Черноморского побережья Кавказа, что позволило аргументированно опровергнуть версию о москитной теории болотной лихорадки, являвшейся «тормозом» колонизации этого края [49; 50]. Им была подготовлена подробная карта распределения лихорадок на Кавказе. Интересно, что Ф.И. Пастернацкий высказал идею о проведении колонизации Черноморского побережья не населением центральных областей России, а белорусами и украинцами. Со знанием дела он подчеркивал, что «степной русский мужик, переселившись в горы, при новых для него климатических и природных условиях не так скоро привыкает и больше страдает от местных лихорадок при работе на сырой почве, чем привычный к работе на низинах белорус или малоросс. К тому же великороссы плохо усваивают себе необходимую по здешним местам привычку селиться отдельно разбросанными хуторами и поселками (аулами), к чему более привычны на своей родине малороссы и белорусы» [50, с. 58].

Ценный этнографический материал, посвященный народной медицине народов Северного Кавказа, можно найти в работах уроженца г. Невеля Витебской губернии Ивана Ивановича Минкевича. По окончании гимназии в Витебске он в 1843 г. поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1848 г. И.И. Минкевич успешно завершил курс обучения со степенью лекаря и правом на степень доктора по предоставлению к защите диссертации. Определение на службу младшим ординатором в Темир-Хан-Шуринский военный госпиталь подтолкнула его к выбору темы для этой квалификационной работы. С тех пор вся его служба и деятельность посвящены были Кавказу. 14 октября 1850 г. Совет Московского университета утвердил его в степени доктора медицины за подготовленную диссертацию «*De febre intermittente ejusque exitibus in Caucaso praecipue Dagestano*» («О кавказской, преимущественно дагестанской, лихорадке и ее исходах») [30].

В новом статусе И.И. Минкевич с 1851 по 1853 гг. проходил стажировку во 2-м Военно-сухопутном госпитале Санкт-Петербурга, где ассистировал известному российскому хирургу Н.И. Пирогову. С началом Крымской войны его назначают главным лекарем 14-го военно-временного госпиталя в Севастополе, а через год прикомандировывают к Тифлисскому военному госпиталю в должности ординатора [68, с. 220–221]. В жаркие для Кавказа 1850–1870-е гг. Иван Иванович постоянно находился в действующей армии, совершенствуя свои познания в области военно-полевой хирургии (хирург Эриванского, Лезгинского, Дагестанского, Рионского отрядов и т. д.).

Богатейший опыт практической работы позволил ему 27 мая 1862 г. заслуженно занять должность главного хирурга Кавказской армии, а в 1874 г. И.И. Минкевич был назначен лично в непосредственное распоряжение Главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича. Параллельно с врачебной деятельностью значительную часть времени он отводил на научные розыскания, публиковал свои статьи в различ-

ных изданиях, состоял членом-корреспондентом ряда медицинских обществ, являлся председателем и почетным членом Кавказского медицинского общества [21, с. 222]. Выйдя в сентябре 1884 г. на заслуженный отдых, И.И. Минкевич до конца своей жизни (умер 14 декабря 1897 г. в Тифлисе) посвятил себя изучению истории народной медицины на Кавказе, предрассудков и поверий местного населения в вопросах здравоохранения и личной гигиены. В «Медицинском сборнике» и «Трудах и протоколах Кавказского медицинского общества» он опубликовал ряд интереснейших работ по данной тематике: «Сравнительное исследование народных средств и обычаев медицинских на Кавказе. Отношение хевсур к их роженицам» (1891), «Музыка как медицинское средство на Кавказе» (1892), «Камни как медицинское средство и как предмет обожания на Кавказе» (1893), «Растения как медицинские средства и как предмет обожания на Кавказе» (1895), «Сравнительное исследование о гэнне, хне, употребляемой на Кавказе» (1895), «Трепанация у кавказских горцев и других различных народов» (1897). Последней работой из этой серии, которую он не успел опубликовать при жизни, была статья «Медицинские средства из царства животных, употребляемые по преимуществу в народной медицине» [29]. В ней особое место было отведено народным традициям населения Северного Кавказа, касавшимся вопросов беременности, деторождения, их предрассудкам и поверьям. Так, он сообщал, что «у Дагестанских лезгин, вблизи Дашлагара, если кто заболит желтухой, то первый, кто это заметит, должен уколоть свой 5-й палец и этой кровью помазать обе щеки больного, и он выздоровеет» [29, с. 10]. Любопытны также примеры лечения от дифтерита в Ейске. «Кубанские казачки при дифтерите заставляют больного пить свою мочу и делают примочки из махорки и мочи или из мочи и куриного помета» [29, с. 19]. И.И. Минкевич писал, что кубанские казачки при водянке давали пить воду, в которую из морды кобылы, не имевшей еще жеребенка, вытекала слюна. Подобной водой они лечили воспаления глаз [29, с. 23]. Довольно распространенным средством лечения среди казаков являлось свиное сало, а также продукты жизнедеятельности этого животного. «Кубанские казаки, – отмечал автор, – огнестрельные раны обмывают водой и в них вкладывают свиное сало. Свиным молоком обмывают веснушки; парши, струпья на голове обмывают овсяными отрубями, вываренными в уксусе, затем смазывают свиным салом. В дифтерите собирают помет свиньи, жарят его немного на сковороде с льняным маслом и эту теплую массу прикладывают на шею» [29, с. 31]. Существенно не детализируя статьи И.И. Минкевича, следует сказать, что сведения, собранные им за годы работы на Кавказе в результате контактов с местным населением, полученные из бесед с другими врачами, почерпнутые из статей и книг предшественников, на сегодняшний день не потеряли своей научной значимости и заметно дополняют представления исследователей о культурно-бытовых особенностях народов региона, их материальной и духовной культуре.

Говоря о вкладе уроженцев Беларуси в изучение истории народов Северного Кавказа, нельзя обойти еще одну фигуру. Так, ключевое место в адыгской этнографической науке занимает материал, собранный уроженцем Слуцка генералом Карлом-Александром-Адельбертом (Карлом Федоровичем) Сталем [69, s. 466]. Согласно сохранившейся надписи на могильной плите, расположенной на Втором христианском кладбище Одессы, он родился 9 ноября 1816 г. в дворянской католической семье. Образование получил в известной Слуцкой кальвинистской гимназии Минской губернии, по окончании которой продолжил учебу в Императорской военной академии в Санкт-Петербурге. В 1837 г. в звании прапорщика Кавказского карабинерного полка Карл Федорович оказался на Кавказе. Прохождение военной службы на Кавказской линии ему удавалось совмещать с изучением истории и этнографии горцев. Результатом его многолетних наблюдений стала работа «Этнографический очерк черкесского народа» (1848), которая в 1852 г. была дополнена благодаря помощи знатока адыгской культуры и языка прапорщика Умара Берсея, впоследствии ставшего разработчиком адыгской письменности [62, с. 63]. По невыясненным причинам труд К.Ф. Сталю сразу не был опубликован и долгие годы хранился в штабе Кавказского военного округа. Несмотря на это, текст его рукописи имел широкую популярность в среде других исследователей, занимавшихся историей и этнографией этого региона (Н.Ф. Дубровин, Ф.И. Леонтович). Полностью очерк был опубликован только в 1900 г. благодаря усилиям известного кавказоведа Е.Г. Вайденбаума [62] и в последующем не раз переиздавался. Данный труд содержит ценную информацию о различных сторонах жизни адыгского общества (происхождение, расселение, нравы, обычаи, фольклор, сословная структура, общественный строй, религиозная жизнь, судопроизводство, правовая культура и т. д.).

Список выходцев из Беларуси, внесших свой вклад в изучение и развитие региона, можно продолжать и дальше, однако важно подчеркнуть, что многие из них на сегодняшний день практически не ассоциируются с территорией Беларуси. В современных энциклопедических статьях их представляют в качестве известных русских или польских исследователей, забывая о том, что своими корнями они выходят из белорусских земель. Хочется надеяться на то, что данная проблематика в обозримом будущем значительно будет наращена как в историографическом, так и источниковедческом плане. На сегодняшний день перед исследователями стоит целый ряд задач, решение которых позволит наглядно продемонстрировать белорусскую составляющую в миграционном процессе на Кавказе в XIX–XX вв., а также позитивный потенциал в истории белорусско-кавказского взаимодействия.

Литература:

1. Азаренкова, А.С., Бондарь, И.Ю., Вертышева, Н.С. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) – Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1986. – 395 с.
2. «Белоруссы, Рада зовет вас...»: стварэнне і дзейнасць Каўказскай Краёвай Беларускай Рады / Публ. і камент. А.М. Максімчык // Беларускі археаграфічны штогоднік / Рэдкал.: Э. М. Савіцкі (гал. рэд.) і інш. – Мінск, 2017. – Вып. 18. – С. 230–246.
3. Бурыкина, Л.В. Белорусские мигранты как стабильный компонент восточнославянской колонизации Северо-Западного Кавказа в конце XVIII – XIX вв. // Белорусы и Беларусь в системе координат. Россия, Запад, славянский мир: вопросы идентичности, историко-культурных связей и международных отношений: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред., сост. Э.Г. Вартамян, О.В. Матвеев. – Краснодар, 2017. – С. 141–149.
4. Верещагин, П.Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1978. – 144 с.
5. Гарбачова, В.В. Удзельнікі паўстання 1830–1831 гг. на Беларусі: бібліяграфічны слоўнік. – Мінск: БДУ, 2006. – 398 с.
6. Гербоўнік беларускай шляхты / Нацыянальны цэнтр па архівах і справаводстваў Рэсп. Беларусь, Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы. Т. 4: Г / [Дз. Ч. Матвейчык (кіраўнік) і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2016. – 959 с.
7. Гильченко, Н.В. Вес головного мозга и некоторых его частей у различных племен населения России. Материалы для антропологии России. – М.: Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1899. – 122 с.
8. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-1261. Оп. 2. Д. 3.
9. Дьяков, В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов. – АН СССР, Ин-т славяноведения. – М.: Наука, 1967. – 256 с.
10. Е.А. Нарбут [некролог] // Исторический Вестник. – 1894. – Т. 11. – С. 599–600.
11. Емтыль, Р.Х. Особенности формирования топонимии Республики Адыгея // Культурная жизнь региона. – 2016. – №2 (61) – С. 81–85.
12. Журналы Комитета Западных губерний / изд. подгот. Т.В. Андреев, И.Н. Вибе, Б.П. Миловидов, Д.Н. Шилов. – Т. 1. – 1831–1835 гг. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. – 848 с.
13. Исмаил-Заде, Д.И. Из истории переселения российского крестьянства на Кавказ в конце XIX – начале XX в. // Исторические записки. – 1977. – Т. 99. – С. 322–337.
14. К статистике края // Кавказ. – 1877. – 13 февраля.
15. Кавказ. – 1862. – 29 марта.
16. Кавказ. – 1883. – 23 марта.
17. Киржниц, А.Д. Беженство / А. Д. Киржниц // Большая советская энциклопедия: в 65 т. – 1-е изд. – М., 1930. – Т. 5. – Стлб. 176–178.
18. Кобрын, М.У. Бежанцы і Беларускі нацыянальны рух у 1914–1920 гг. // Славянскі свет: мінулае і сучаснае: матэр. рэсп. наук. канф., 26 сакавіка 2004 г.; рэдкал.: А. П. Жытко (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2004. – С. 233–236.
19. Козлов, Л.Е. Краткий очерк переселенческих участков Черноморской губернии. – Тифлис: Тип. К.Я. Козловского, 1906. – 139 с.
20. Коков, Дж.Н. Избранные труды: в 2 т. Т. 1: Адыгская топонимия / Дж.Н. Коков. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 488 с.
21. Косвен, М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. – 1962. – Т. 79. – Вып. 3. – С. 158–288.
22. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. – СПб.: Паровая типолитография Н.Л. Ныркина, 1905. – 43 с.

23. Крючек, П.С. Крестьянские переселения из Беларуси в годы столыпинской аграрной реформы // Труды Белорусского государственного технологического университета. – 2017. Сер. 6. – №1. – С. 31–35.
24. Крючек, П.С., Сергеев, В.Н. Переселенческие процессы с территории Беларуси на юг России во второй половине XIX – начале XX в. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – 2014. – Вып. 9. – С. 62–71.
25. Лапин, В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. – СПб.: Европейский дом, 2008. – 396 с.
26. Макарэвіч, В.С. Перасяленне маргінальных катэгорый шляхты з Беларусі ва ўнутраныя і памежныя губерні Расіі ў 30–60-я гг. XIX ст. / В. С. Макарэвіч // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – 2006. – Вып. 1. – С. 46–50.
27. Матвеев, О.В. Белорусы в Кавказской войне // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / (г. Ростов-н/Д, 6–7 мая 2016 г.); Отв. ред. А.Л. Бойко, Д.В. Сень. – Ростов-н/Д, 2016. – С. 100–108.
28. Матвеев, О.В. Переселенцы из белорусских губерний в формировании этнокультурного пространства Кубани и Черноморья (конец XVIII – начало XX вв.) // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.): мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. / Науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. – Краснодар, 2013. – С. 102–121.
29. Минкевич, И.И. Медицинские средства из царства животных, употребляемые по преимуществу в народной медицине. Соответственные предрассудки и поверия. Сравнительное исследование // Медицинский сборник, издаваемый Императорским Кавказским медицинским обществом. – 1899. – №62. – С. 1–114.
30. Минкевич, И.И. О кавказской, преимущественно дагестанской, лихорадке и ее исходах // Военно-медицинский журнал, издаваемый Медицинским департаментом военного министерства. – 1850. – Ч. LVI. – №2. – С. 1–84; 1851. – Ч. LVII. – №1. – С. 1–87.
31. Михалев, Н.А., Пьянков, С.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. – 2015. – №4 (49). – С. 95–105.
32. Молчанов, Н.С. Ф.И. Пастернацкий (научная, лечебно-педагогическая и общественная деятельность) // Клиническая медицина. – 1954. – Т. 32. – №11. – С. 75–81.
33. Народы России и Беларуси: исторический опыт и современные проблемы взаимопонимания / В.Е. Козляков [и др.]; под ред. В.Е. Козлякова, О.В. Матвеева. – Минск: БГТУ, 2017. – 218 с.
34. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 21.
35. НАРБ. – Ф. 325. – Оп. 1. – Д. 10.
36. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 11303.
37. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 12088.
38. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 12093.
39. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 12127.
40. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 1354.
41. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 17856.
42. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 4948.
43. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 9894.
44. НИАБ. – Ф. 1595. – Оп. 1. – Д. 67.
45. НИАБ. – Ф. 242. – Оп. 1. – Д. 495.
46. НИАБ. – Ф. 299. – Оп. 2. – Д. 2104.
47. Некрашевич, Ф.А. Участие деятелей антиправительственных движений на территории белорусских губерний в боевых действиях на Кавказе (1812–1856 гг.) // Научные стремления. – 2016. – №17. – С. 14–17.
48. Пастернацкий, Ф.И. Кисловодск и его лечебные средства. – СПб.: Тип. Дома призрения малолет. бедных, 1891. – 79 с.
49. Пастернацкий, Ф.И. Климатолечебные пункты на черноморском побережье Кавказа. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1899. – 91 с.
50. Пастернацкий, Ф.И. О лихорадках на кавказско-черноморском побережье от Новороссии до Сухума. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. – 77 с.
51. Прозрителев, Г.О. О военнопленных поляках на Северном Кавказе в войне 1812 года // Записки разряда военной археологии и археографии императорского русского военно-исторического общества / Под ред. Н.И. Веселовского. – 1914. – Т. 3. – С. 11–14.

52. Прозрителев, Г.Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – 1913. – Вып. 5. – С. 3–18.
53. Простнев, Н.Г. Крестьянское переселение Могилевской губернии с 1 января 1897 по 1-е июля 1909 года (За пределы губернии). – Могилев на Днепре: Губ. типография, 1910. – 99 с.
54. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1287. – Оп. 38. – Д. 703.
55. РГИА. – Ф. 1344. – Оп. 4. – Д. 103.
56. РГИА. – Ф. 565. – Оп. 1. – Д. 2769.
57. Семенов, Д.Д. Основы педагогического образования народных учителей в Кубанской учительской семинарии // Народная школа. – 1878. – №5. – С. 21–35.
58. Семенов, Д.Д. Состояние учебного дела на Кавказе // Образование: педагогический и научно-популярный журнал. – 1892. – №1. – С. 26–28.
59. Семенов, Д.Д. Очерки начального народного образования в России (Кавказские начальные училища) // Образование: педагогический и научно-популярный журнал. – 1892. – №1. – С. 55–62.
60. Скідан, В. І. Гарбачэўскі Іван Данілавіч / В. І. Скідан // Мысліцелі і асветнікі Беларусі, Х–ХІХ стагоддзі: энцыклапедычны даведнік / Склад. Г. А. Маслыка. – Мінск: БелЭн, 1995. – С. 391.
61. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел: в 4-х ч. – М.: В тип. С. Селивановского, 1826. – Ч. 4. – 628 с.
62. Сталь, К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. – 1900. – Т. XXI. – С. 53–173.
63. Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главный штаб. Комплектование вооруженных сил России до 1802 года. – СПб., 1902. – Ч. I. – Кн. I. – Отд. I. – 498 с.
64. Хадубскі, А. Цывілізацыйная роля беларусаў на Каўказе ў XIX – першай палове XX ст. // Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу / [Рэд. Ул. Конан і інш.]. – Мінск, 1997. – С. 52–57.
65. Черницын, С.В. Белорусы / С.В. Черницын // Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. – Ростов-н/Д: СКНЦ ВШ, 2005. – Т. 1. – С. 73–74.
66. Чырвінскі, В. С. Беларусь у войнах Расійскай імперыі. Асобы і падзеі / В. С. Чырвінскі. – Мінск: Харвест, 2019. – 448 с.
67. Шихсаидов, А.Р., Айтберов, Т.М., Оразаев, Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения / А.Р. Шихсаидов, Т.М. Айтберов, Г.М.-Р. Оразаев. – М.: Восточная литература, 1993. – 302 с.
68. Kijas, A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku: Słownik biograficzny / A. Kijas. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1983. – XXXIV, 405 s.
69. Śliwa, J. Stahel (Stahl) Karol Aleksander Adalbert / J. Śliwa // Polski słownik biograficzny. – T. XLI/3. – Warszawa–Kraków, 2002. – S. 466–467.

Пантюхина Татьяна Викторовна
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
к.и.н., доцент кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений,
г. Ставрополь, Россия,
E-mail: pantyukhina@rambler.ru

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕС НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ)

Аннотация: Статья посвящена **взаимоотношениям** между Европейским Союзом и Арменией. Анализируются этапы и приоритетные направления развития партнерства Евросоюза и Республики Армения, в частности, развитие малого и среднего бизнеса, энергетика, торговые отношения, финансы.

Ключевые слова: Европейский Союз, Армения, Восточное партнерство, Соглашение

Pantyukhina Tatiana Victorovna
North Caucasus Federal University,
Ph.D in history, Associate professor of
Foreign History, Political Sciences
and International Relations Department,
Stavropol, Russia,
E-mail: pantyukhina@rambler.ru

«SOFT FORCE» AS THE BASIC TOOL OF EU FOREIGN POLICY IN THE SOUTH CAUCASUS (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA)

Abstract: The paper features relationships between European Union and Armenia. The author focuses on stages and key trends of partnership relations between the EU and Armenia such as development of small businesses, energy, trade and finance.

Key words: the European Union, Armenia, Eastern Partnership, the Agreement

В середине 1990-х гг. Европейский Союз постепенно пришел к осознанию своих интересов на Южном Кавказе. С одной стороны, ЕС был заинтересован в обеспечении стабильности и безопасности на своих южных рубежах. С другой, Южный Кавказ представлял для него значимость как энергетический коридор к Черноморско-Каспийскому региону и транспортный маршрут в Центральную Азию. К тому же, с учетом сложности ситуации на Ближнем Востоке и в Афганистане, кавказское измерение приобретало все большее значение для Запада. Евросоюзу потребовалось время, чтобы взвесить все плюсы и минусы вовлечения в орбиту своего влияния этого малоизвестного и малопонятного европейцам региона. Немаловажным сдерживающим фактором были опасения по поводу перспективы конфронтации с Россией и соперничества за влияние в данном регионе – ведь Россия имела исторически давние связи с Арменией, Грузией и Азербайджаном. В конечном итоге Евросоюз сделал выбор в пользу вовлечения Южного Кавказа в свою орбиту, обозначив свою заинтересованность и ориентиры Южно-Кавказского вектора своей политики двумя вехами. Во-первых, Южному Кавказу впервые было уделено особое внимание в основополагающем документе «Стратегия Европейской безопасности» 2003 года (the European Security Strategy, 2003). Во-вторых, была создана должность Специального Представителя Евросоюза по Южному Кавказу. Ключевым компонентом внешней политики ЕС на Южном Кавказе стала политика «мягкой силы» – политическая стратегия, которая, по определению американского политолога Джозефа Найя, внедрившего этот термин в научную практику, в своем применении стремится достичь желаемых целей посредством добровольного участия, симпатии, в отличие от «жесткой силы», подразумевающей рычаги принуждения, вплоть до военной силы [3, с. 32].

Классический набор инструментов «мягкой силы» ЕС в настоящее время реализует в отношении Армении. Начало официальных отношений Армении с Евросоюзом

было оформлено Соглашением о партнерстве и Сотрудничестве, подписанным в 1996 г. и ратифицированным в 1999 г. Установление тесных отношений с ЕС вытекает из долгосрочных интересов Республики. Согласно «Стратегии национальной безопасности Республики» (2007 г.) Армения декларирует выбор европейского пути развития, европейских стандартов в политической и правовой областях, в сферах прав человека и культуры. Посредством сотрудничества с европейскими структурами – ЕС и Советом Европы – Армения реализует курс на европейскую перспективу и интеграцию в «европейскую семью» [6]. Европейский вектор в Стратегии обозначен как второе по значимости направление внешней политики Армении. На первом месте указана Россия, отношения с которой определены как стратегические. Третье место отведено «взаимовыгодному сотрудничеству с США и Ираном» [6].

В 2004 г. Армения подключилась к программе ЕС «Политика европейского соседства», а с 2009 года стала участвовать в новой инициативе ЕС по региональному сотрудничеству, а именно в программе Восточного партнерства.

В 2013 г. Армения и Евросоюз подготовили новый Договор об ассоциации и зоне свободной торговли, который должен был заменить Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Арменией и ЕС 1999 года. Подписание нового документа было запланировано на ноябрь 2013 г. на вильнюсском саммите «Восточного партнерства». Однако к тому времени Россия уже выступила с инициативой создания ЕАЭС, в качестве своего рода противовеса ЕС и европейской интеграции.

Армения, географическое положение которой естественным образом ставит ее перед необходимостью взаимодействия как с Россией, так и с ЕС, объявила о намерении участвовать в евразийской интеграции. Заявление было сделано за два месяца до начала вильнюсского саммита [2]. Евросоюз увидел непреодолимые противоречия в сотрудничестве с Арменией в формате «и – и» (и с ЕАЭС, и с ЕС), допуская только вариант «или – или» (ЕС или ЕАЭС). В результате Договор об ассоциации и зоне свободной торговли не был подписан.

Армения присоединилась к Евразийскому экономическому союзу с января 2015 г. Тем не менее жесткий выбор «ЕС или ЕАЭС» оказался нереализуем и неактуален, и Брюссель, осознав необходимость компромисса, пересмотрел свои завышенные требования к восточному партнеру. Совет ЕС 12 октября 2015 г. уполномочил Еврокомиссию начать переговоры о новом соглашении с Арменией. Работа над его текстом продолжалась два года.

Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между ЕС и Арменией было подписано 24 ноября 2017 г. в Брюсселе, на саммите Восточного партнерства. Парламент Армении ратифицировал Соглашение 11 апреля 2018 г., а 1 июня 2019 г. принял Дорожную карту реализации Соглашения.

Соглашение 2017 г. во многом повторяет Договор об ассоциации и зоне свободной торговли, который Армения и Евросоюз подготовили в 2013 г. Однако в нем были учтены обязательства Армении в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве (СЕРА) 2017 г. – это современный и амбициозный формат сотрудничества [7]. Оно разработано с учетом новых глобальных, политических и экономических интересов обеих сторон. В документе сформулированы приоритетные направления развития партнерства Евросоюза и Республики Армения. Сюда входят: действия по развитию государственных учреждений и практики управления государством, экономическое развитие и развитие новых возможностей на рынке, укрепление связей, повышение эффективности использования энергии, действия в области охраны окружающей среды и климата, мобильность и контакты между людьми.

В области экономического сотрудничества акцент поставлен на развитие малого и среднего бизнеса, стратегию развития которого Армения должна реализовать. Она «должна предпринять дополнительные шаги для развития эффективной рыночной экономики» и сближать регулирование с европейским. Со своей стороны Европейский союз выражает готовность содействовать стабильной макроэкономической политике Армении, в том числе работе Центробанка по стабильности цен, валютного курса и финансовой системы [7].

Предусмотрено сотрудничество и в других сферах. На транспорте планируется, в частности, открытие новых транспортных направлений, с акцентом на безопасности и ка-

честве перевозок. В области энергетики предполагается диверсификация источников и поставщиков энергии и стимулирование использования возобновляемых источников. В этой части обращает на себя внимание обязательство Армении по закрытию Мецаморской АЭС, которая обеспечивает примерно 40% энергоресурсов в стране. Маловероятно, что выполнение этого требования позитивно скажется на армянской экономике. При этом, однако, в Соглашении указывается необходимость разработки дорожной карты для создания заменяющих АЭС мощностей: «Без промедления утвердить график и план действий для закрытия и безопасного демонтажа станции, учитывая необходимость ее замены новыми мощностями для энергетической безопасности Армении» [7]. Вероятно, здесь допускается возможность создания новых АЭС, которые будут основаны на современных экологически чистых технологиях.

Другими областями, представляющими взаимный интерес, названы природоохранная деятельность, туризм, сельское хозяйство, горнодобывающая отрасль, инновации. Внимание обращено также на здравоохранение, сферу труда и занятости, социальной защиты.

Наиболее объемный раздел Соглашения посвящен торговле и связанным с нею вопросам. Армения продолжает пользоваться преимуществами Общей схемы торговых преференций ЕС (GSP). Этот режим предполагает экспорт в ЕС около 6 тысяч наименований товаров на льготных условиях (без таможенных пошлин) [7].

В разделе «Финансовое содействие и борьба против мошенничества» указывается возможность доступа Армении к грантам ЕС, к кредитам Европейского инвестиционного банка, Европейского банка реконструкции и развития и других организаций. Это положение не является чем-то новым, поскольку финансовая помощь Евросоюза в форме грантов была внушительна еще до подписания Соглашения. Дальнейшая поддержка ЕС, согласно Соглашению, будет направлена на оказание конкретной помощи гражданам страны в таких областях, как реформа юридической системы, обеспечение доступа к источникам финансового и экономического развития, развитие связей, образования и мобильности.

По сравнению с проектом Договора об ассоциации 2013 г., в Соглашении 2017 г. превалирует политический блок. Его главный посыл заключается в том, что Армения готова идти в направлении европейских ценностей (укрепление демократии, права человека). Республика берет на себя определенные обязательства в сфере изменения законодательства, в том числе касающегося выборов, а Евросоюз получает определенные механизмы контроля в качестве партнера. Для контроля над ходом реализации Соглашения 2017 г. был учрежден Совет партнерства ЕС – Армения. В настоящее время его сопредседателями являются Верховный Представитель ЕС Федерика Могерини и министр иностранных дел Армении Зограб Мнацаканян. Совет собирается ежегодно. На его втором заседании, состоявшемся 13 июня 2019 г., акценты были сделаны на реформе судебной системы, переговоры о которой ведутся между Союзом и Республикой с сентября 2018 г., на создании благоприятного климата для развития бизнеса и зарубежных инвестиций. Было проанализировано сотрудничество в области энергетики, транспорта, охраны окружающей среды и изменения климата [9]. Как следует из Совместного заявления, сделанного по итогам встречи, за два года, прошедшие после подписания Соглашения, Армения подключилась к целому ряду проектов Евросоюза: к проекту Трансевропейских транспортных сетей (TEN-T), к Восточноевропейскому партнерству по вопросам энергоэффективности и экологии (E5P), к программе климатической политики стран восточного партнерства (EU4Climate и EU4Environment). Ведутся переговоры о реформе системы образования (с марта 2019 г.). В перспективных планах – диалог по либерализации визового режима [10].

В Совместном заявлении Совета партнерства ЕС – Армения от 13 июня 2019 г. упоминаются такие жизненно важные для Армении проблемы, как нагорно-карабахский конфликт и отношения с Турцией. В этих вопросах ЕС традиционно придерживается взвешенной политики и старается их обходить, поскольку не владеет рычагами, необходимыми для их решения. Совместное заявление от 13 июня 2019 г. ограничивается выражением поддержки усилий Минской группы ОБСЕ по урегулированию карабахского конфликта, а также пожеланием нормализации армяно-турецких отношений [10].

За четверть века истории отношений Армении с Евросоюзом сотрудничество ЕС и Армении развивалось и продолжает развиваться по многим направлениям. Важнейшее из них – торговля. На долю ЕС приходится 28% товарооборота Республики [4]. Страны ЕС являются крупнейшим рынком сбыта для этой страны, с преобладанием металлов и бриллиантов в объеме экспортируемой продукции. В 2014 г. торговый оборот между двумя партнерами составил 992 млн евро [8]. В 2016 году объем импорта ЕС из Армении оценивался в 200 млн. евро, а объем экспорта из ЕС в Армению – в 600 млн евро [5].

С 2014 г. Армения пользуется преимуществами Общей схемы торговых преференций ЕС (GSP+), которая предоставляет дополнительные преференции по тарифам на экспорт в Европейский Союз. В 2016 году 95% общего объема экспорта из ЕС в Армению не облагалось налогом на экспорт; из этих объемов 35% продукции было поставлено в рамках схемы торговых преференций [5].

Евросоюз оказывает существенную финансовую поддержку Армении. С 2014 года ЕС предоставил Армении финансовой помощи в форме грантов на сумму 140–170 млн евро [8]. Средства предназначались для развития бизнес-среды, поддержки инноваций, укрепления законности, проведения выборов и развития международных связей. С 2014 года Армения получила 70 млн евро в виде грантов через Инвестиционный фонд соседства (ИФС), что принесло в страну инвестиций на сумму 412 млн евро [5].

Важным направлением является сотрудничество в сфере инноваций и конкурентоспособности. С ноября 2016 г. Армения получила доступ к участию в крупнейшей программе ЕС по исследованиям и инновациям – Horizon 2020. Благодаря этому для армянских научно-исследовательских институтов и университетов открылись все возможности, доступные для участников программы Horizon 2020, по разным направлениям – от фундаментальной науки до экспериментальных проектов.

В ноябре 2016 г. в Ереване была запущена новая инициатива Евросоюза – EU4Innovation, которая сочетает в себе все направления деятельности ЕС по поддержке инновационного потенциала стран Восточного партнерства. В Ереване планируется открытие центра EU4Innovation, нацеленного на развитие образования в области точных наук и обеспечение более тесных связей между научным сообществом и бизнесом [5]. К настоящему времени 18 научно-исследовательских проектов с участием представителей Армении получили гранты данного проекта. Один из 18 инновационных проектов реализуется в Армении [4].

С декабря 2015 г. Армения участвует в европейской Программе поддержки конкурентоспособности малых и средних предприятий (COSME).

В сфере образования проводятся реформы в соответствии с Болонским процессом. Армянские университеты провели модернизацию образовательных программ, 17 профессионально-технических учебных заведений обновили материальную базу. В 2014–2019 гг. 1 800 студентов и преподавателей Армении находились (или находятся) на стажировках в европейских университетах в рамках программы Erasmus+. В то же время 885 студентов и сотрудников европейских вузов работали и стажировались в Армении [4].

Как видим, отношения Армении с Евросоюзом развиваются довольно успешно, и новым свидетельством этому стало подписание Соглашения 2017 года. Европейское направление своей внешней политики Республика успешно сочетает с деятельностью в ЕАЭС. Более того, Армения «готова стать мостом, связывающим интересы ЕС и ЕАЭС», как заявил экс-президент республики Никол Пашинян [1].

Литература:

1. Армения готова стать связующим мостом между ЕС и ЕАЭС. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5366602> (Дата обращения 18.01.2019).
2. Европа разочарована: Армения повернулась к России. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2013/09/130906_armenia_eu_russia (Дата обращения 18.10.2018).
3. Най, Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: Тренды, 2006. – 221 с.
4. Facts and figures about EU-Armenia relations. – Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/media/31734/eap-summit-factsheet-armenia-eng-print.pdf> (Дата обращения 30.06.2019).
5. Отношения ЕС-Армения – справочный материал. – Режим доступа: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquartersHomepage/26810/отношения-ес-армения-справочный-материал_ru (Дата обращения 18.01.2019).

6. Стратегия национальной безопасности Республики Армения (Одобрена на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26 января 2007 г.). – Режим доступа: <https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Doctrinerus.pdf> (Дата обращения 18.01.2019).
7. Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and the Republic of Armenia, of the other part. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=JOIN:2017:36:FIN> (Дата обращения 18.10.2018).
8. EU–Armenia. Eastern Partnership: Supporting reforms, promoting change. – Режим доступа: http://eeas.europa.eu/archives/docs/eastern/docs/eu-armenia_en.pdf (Дата обращения 18.01.2019).
9. EU-Armenia Partnership Implementation Report: the EU is a crucial partner for Armenia's reform agenda. European Commission – Press release. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-19-2651_en.htm (Дата обращения 30.06.2019).
10. Joint press statement following the second Partnership Council meeting between the EU and Armenia. – Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/06/13/joint-press-statement-following-the-second-partnership-council-meeting-between-the-eu-and-armenia/> (Дата обращения 30.06.2019).

УДК 327. 82

Садченко Валентина Николаевна

*ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
к.и.н., доцент кафедры зарубежной истории,
политологии и международных отношений,
г. Ставрополь, Россия,
E-mail: vsadchenko@yandex.ru*

СТРАНЫ ЮЖНОГО КАВКАЗА МЕЖДУ СТРАТЕГИЯМИ БАЛАНСИРОВАНИЯ И ПРИМЫКАНИЯ В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ АКТОРОВ

***Аннотация.** Целью статьи выступает анализ современной внешней политики стран Южного Кавказа (Грузии, Армении, Азербайджана) с позиций школ структурного и неоклассического реализма: применения ими стратегии примыкания и/или политики лавирования (балансирования)) в отношении мировых и региональных акторов.*

***Ключевые слова:** неореализм, стратегия примыкания, стратегия лавирования, Южный Кавказ, малые государства.*

Sadchenko Valentina Nikolaevna

*North Caucasus Federal University
Ph.D.in history, Associate Professor
of Foreign History, political science and international
relations Department,
Stavropol, Russia,
E-mail: vsadchenko@yandex.ru*

SOUTH CAUCASUS COUNTRIES BETWEEN BANDWAGONING AND BALANCING IN RELATION TO REGIONAL AND GLOBAL ACTORS

***Abstract:** The goal of the article is an analysis of the contemporary foreign policy of the South Caucasus countries (Georgia, Armenia, Azerbaijan) with structural and neoclassical realism in schools: their use of bandwagoning and / or balancing in relation to world and regional actors*

***Key words:** neorealism, bandwagoning, balancing, South Caucasus, small states*

У малых и средних государств, с позиций реализма и неореализма, выбор в своих возможностях влияния на международной арене ограничивается стратегиями примыкания, балансирования (лавирования), хеджирования. При этом последние две стратегии характерны для более сильных государств, не имеющих острых военно-политических угроз национальной безопасности.

Теоретики неореализма К. Уолтц и С. Уолт на рубеже 1970–1980-х гг. вкладывали в понимание стратегии примыкания выстраивание союзнических отношений таким образом, чтобы избежать нападения со стороны агрессивного и более мощного государ-

ства, приняв положение подчинения в отношении более сильного союзника. С 1990-х гг. понимание этой стратегии видоизменяется и, по мнению Р. Швеллера, целью примыкания является получение максимальной выгоды от сотрудничества с более сильным актором, а не предотвращение нападения со стороны великой державы [8, с. 106]. Дж. Леви и М. Барнетт, исходя из появления на международной арене новых суверенных государств и усиления стран развивающегося мира, отмечают, что «лидеры стран третьего мира формируют альянсы, чтобы «быстро обеспечить себя необходимыми экономическими и военными ресурсами для продвижения внутренних целей, реагирования на внешние и внутренние угрозы безопасности, закрепить свои внутривнутриполитические позиции» [3, с. 35]. Отражение данной точки зрения наблюдается в действиях правящей элиты Грузии и Армении, где внешняя политика зачастую является средством удержания власти в стране. А современный ученый Сандья Нишанти Гунасекара выдвигает тезис, что примыкание позволяет малым странам реализовывать свои интересы за счет великих держав. Малые государства более уязвимы для иностранного вмешательства потому, что внешние силы могут воспользоваться внутренними конфликтами для продвижения своих экономических и идеологических интересов.

Республика Армения в силу ограниченности энергетических и сырьевых ресурсов, закрытости свободного доступа к морским и сухопутным логистическим маршрутам, острой нехватки технологических и финансовых ресурсов, неразрешенности карабахской проблемы, а также активизации в регионе ЕС, США, Турции, Ирана, Китая склонна к стратегии примыкания к России. Пророссийский вектор политики наиболее заметен в вопросах реализации внешней безопасности и военно-политического сотрудничества. На территории Армении находится 102-я российская военная база в Гюмри, а с 1995 г. – российская авиабаза «Эребуни». Армения – единственная страна Южного Кавказа, на территории которой остались российские военные после вывода российских войск из Грузии в 2007 г.

В условиях эскалации в 2016 г. карабахского конфликта Армения активизировала сотрудничество в военно-политической сфере с РФ. 6 августа 2017 г. вступило в силу Соглашение об Объединенной группировке войск (сил) двух стран в Кавказском регионе коллективной безопасности. В декабре 2017 г. было заключено соглашение о создании Объединенной региональной системы ПВО в Кавказском регионе коллективной безопасности сроком на 5 лет с последующей пролонгацией, а в апреле 2018 г. уже был сформирован перечень войск этой системы ПВО.

Пророссийский вектор политики Армении прослеживается и по линии многостороннего сотрудничества в рамках ОДКБ, а членство в ОДКБ является гарантом безопасности, выполняя функцию «зонтика безопасности». В Стратегии национальной безопасности Республики Армения от 2007 г. записано, что «основными составляющими военно-политического обеспечения безопасности Армении являются: двусторонние отношения с Россией, сотрудничество в оборонной и военно-технической сферах, стратегическое партнерство между двумя странами, членство в Организации Договора о коллективной безопасности» [20]. Двустороннее сотрудничество с НАТО, Грецией, США обозначено как второстепенное. После «бархатной революции» 2018 г. ряд армянских политиков предлагали в качестве альтернативы для обеспечения безопасности ЕС. Но ЕС не может служить оплотом безопасности для РА, так как Турция, как член НАТО, является союзником Азербайджана в нагорно-карабахском конфликте. Кроме того, НАТО ввела эмбарго на продажу оружия в регион. Придя к власти, Никол Пашинян признал, что нет альтернатив в обеспечении безопасности страны, кроме как союз с Россией.

Ресурсной основой электроэнергетики Армении выступает газ, основным поставщиком которого является Россия. Система газопроводов Армении находится под контролем российских предприятий. Эти факты говорят о зависимости Армении от энергопоставок из РФ. Армения, желая диверсифицировать поставки энергии, экспортирует в Иран электроэнергию в обмен на иранский газ благодаря пущенному в 2007 г. в эксплуатацию газопроводу Иран–Армения [16]. Попытки лавирования в этой области весьма незначительны.

Армения не имеет выходов к морям и ограничена в сухопутных коридорах. Еще с 1993 г. железнодорожная ветвь Карс–Гюмри–Тбилиси стала для нее недоступна, и Армения, на основании соглашения 2014 г., пользуется грузинскими транспортными магистралями. Морской путь от российского порта «Кавказ» до грузинского Поти, а затем по железной до-

роге до границы с Арменией, а также Военно-Грузинская дорога с пересечением российской границы на КПП «Верхний Ларс» являются уязвимыми. Отсутствие прямой логистической линии между Арменией и Россией побуждает активизировать усилия по восстановлению прямого железнодорожного сообщения между Арменией и Россией через территорию Абхазии и Грузии. Страна параллельно участвует в инициативах ЕС в вопросах логистических сетей. В январе 2019 г. Европейская комиссия и Всемирный банк опубликовали «Индикативный план действий по трансевропейской транспортной сети (TEN-T)» для определения приоритетных проектов на общую сумму около €13 млрд в странах «Восточного партнерства». Согласно программе TEN-T, более €732 млн будет выделено Армении на 6 проектов, которые должны быть реализованы к 2030 г. [9]. Две трети торгового оборота Армении идет через Грузию, и одна треть через Иран.

Учитывая сложный формат взаимоотношений между США и Ираном, между Россией и Грузией, а также тот факт, что США и Россия важны для Армении, работа над политическим равновесием является частью тактики выживания Армении с 1991 г., независимо от политических элит, находящихся у власти, что справедливо отмечает директор экспертно-аналитического центра «Институт Кавказа» в Ереване А. Исхандарян [1].

Армения крайне заинтересована в развитии сотрудничества по линии ЕАЭС, что позволит ей компенсировать оторванность от важных логистических маршрутов. С началом «санкционной войны» в 2014 г. в России и вступлением с января 2015 г. Армении в ЕАЭС страна получила возможность выйти на рынки Белоруссии, Казахстана и Киргизии и восполнить российскую экономику своими товарами в рамках реализации Россией модели импортозамещения. Данные по взаимной торговле государств – членов ЕАЭС в 2017–2018 гг. говорят о росте по сравнению с периодом 2015–2016 гг. Так, в 2017 г. рост Армении составил 45%, Беларуси –19.9%, Казахстане –33.9%, России –29.4%, Кыргызстане –21.1%. По итогам 2018 г. Армения увеличила поставки своих товаров на рынки ЕАЭС на 20.7%, Казахстан – на 12%, Россия – на 11.5%, Кыргызстан – на 5%, Беларусь – на 1.8% [19].

В 2018–2019 гг. ЕАЭС были подписаны ряд соглашений с Китаем и Ираном, меморандумы о сотрудничестве с АСЕАН и МЕРКОСУР, готовится к подписанию Соглашение о свободной торговле ЕАЭС и Сербии, что будет способствовать выходу Армении на мировые рынки.

В сфере туризма явно наблюдается пророссийский курс. 23 февраля 2017 г. вступило в силу соглашение между Россией и Арменией о взаимных безвизовых поездках граждан двух стран. Россия является также основным инвестором Армении, значительно опережая другие страны.

Если обратиться к социологическим опросам, проведенным в период с февраля по апрель 2019 г. в странах Южного Кавказа специалистами программы «Восточное партнерство», то самые высокие показатели положительного имиджа ЕС мы увидим в Армении (62%) [4] в сопоставлении с Грузией (50%) [6] и Азербайджаном (46%) [5]. Удивительно, но этот же показатель в Армении в 2018 г. составлял всего 48%. Данные опросов косвенным образом отражают незначительные изменения во внешней политике страны после «бархатной революции» и артикуляции премьер-министром Н. Пашиняном сотрудничества как по линии Армения–ЕС, так и по линии Армения–ЕАЭС. Расширенное партнерское соглашение между Арменией и ЕС было заключено еще в ноябре 2017 г., но ратифицировано только в апреле 2018 г., во время «бархатной революции». Не желая служить полем битвы между Востоком и Западом, Армения избегает дихотомии, настаивая на том, что прозападный курс не является антироссийским и пророссийский вектор не является антизападным.

В отличие от Армении и Азербайджана, внешнеполитические ориентиры Грузии менялись на протяжении всего периода после восстановления независимости. Окончательно прозападный вектор сформировался в 2004 г. после прихода к власти команды М. Саакашвили. Политическая элита Грузии взяла курс на интеграцию с ЕС и вхождение в НАТО, что обострило сложные отношения с Россией. В Концепции национальной безопасности Грузии 2005, 2011 и 2018 гг. приоритетными направлениями внешней политики неизменно остаются ориентиры на тесное сотрудничество с ЕС, США и НАТО. С 2003 г. Грузия вошла в состав стран, на которые распространилась программа «Европейский инструмент содействия демократии и правам человека» (EIDHR). За от-

четный период ЕС инвестировал в Грузию около €15 млн на реализацию более 164 проектов в рамках программы EIDHR [14].

В январе 2009 г. США и Грузия подписали «Хартию стратегического партнерства», в которой указывается, что, опираясь на существующее сотрудничество между ведомствами обороны и вооруженными силами, США поддерживают усилия Грузии по обеспечению ее законных потребностей в области безопасности и обороны, включая создание соответствующих и взаимодействующих с НАТО вооруженных сил [10]. Также говорится о сотрудничестве в области экономики, торговли и энергетики, развития демократии и культурного взаимодействия. Заключив подобное соглашение, Грузия получила от Вашингтона широкую финансовую поддержку на военную реформу и перевооружение собственной армии. Новая политическая элита Грузии стремилась дистанцироваться от самого крупного регионального игрока, опасаясь за свою безопасность.

Выбрав стратегию «примыкания», Грузия активно включилась в программу «Восточное партнерство», направленную на складывание взаимовыгодных условий сотрудничества в сфере экономики, включая создание зон свободной торговли; укрепления демократии, совершенствования системы управления и обеспечения стабильности; энергетической безопасности [12]. Эта программа распространяется также на Армению и Азербайджан, но лишь Грузии удалось значительно продвинуться во взаимоотношениях с ЕС. Соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли (AA/DCFTA) между ЕС и Грузией вступило в силу в июле 2016 г. и направлено на политическую ассоциацию и экономическую интеграцию.

ЕС является крупнейшим торговым партнером Грузии и предоставляет этой стране грантовую поддержку в размере более €120 млн ежегодно. С 28 марта 2017 г. граждане Грузии пользуются преимуществами безвизового въезда в Шенгенскую зону. Активная политика «примыкания» в отношении ЕС вызвана неустойчивостью финансово-экономической системы, бюджетным дефицитом, высокой зависимостью от внешних инвестиций. 31 августа 2018 г. Европейская комиссия и правительство Грузии подписали Меморандум о предоставлении стране макрофинансовой помощи в размере €45 млн на осуществление структурных реформ [11, с. 72], а 21 ноября 2018 г. было заключено соглашение об осуществлении 28 конкретных действий в сфере экономики, образования и культуры, правосудия и внутренней безопасности. В общей сложности ЕС предоставил Грузии €597 млн в период с 2014 по 2018 гг.

Европейский проект TEN-T предоставляет Грузии средства в объеме €3,417 млрд на 18 проектов в сравнении с Арменией (€732 млн на 6 проектов) и Азербайджаном (€2,078 млрд на 6 проектов) [9]. С 2015 г. в рамках Программы Европейского соседства по сельскому хозяйству и развитию сельских районов (ENPARD) в Грузии реализуется программа развития сельского хозяйства и сельских районов при технической поддержке Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО).

Официальный Тбилиси использует политику лавирования в отношении СНГ. Выйдя из его состава в 2008 г., Грузия заключила соглашения о свободной торговле со странами СНГ: Беларусью, Молдовой, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном, предпочтя двусторонние форматы сотрудничества. Попытки лавирования во внешней политике Грузии отмечаются в краткий период 2010–2012 гг., когда Грузия пошла на более тесное сотрудничество с Ираном, но ухудшение отношений между США и Ираном не позволило сформировать сколь-нибудь прочные отношения.

Грузия обладает ярко выраженным логистическим потенциалом. 6–7% ВВП Грузии составляет экспорт транспортных услуг. В этой связи Грузия становится для Армении и Азербайджана неоченимым партнером. Между Тбилиси и Ереваном, Тбилиси и Баку действуют соглашения о зоне свободной торговли. В то же время Тбилиси нуждается в устойчивых и стабильных отношениях между ними, поскольку по территории Грузии проходят нефтепроводы: Баку–Супса, Баку–Тбилиси–Эрзерум и Баку–Тбилиси–Джейхан, транспортирующие энергоресурсы из Центральной Азии в Европу. В 2017 г. была расширена ветка Южно-Кавказского трубопровода до соединения с Трансанатолийским трубопроводом (TANAP), по которому азербайджанский газ из месторождения «Шах-Дениз» начнет поставляться в Турцию. Для Грузии именно Азербайджан становится основным энергетическим партнером. В соответствии со своей политикой минимизации импорта из России Грузия установила баланс газа на 2018 г. на уровне 2.69 млрд м³, из которых она планирует импортировать 2.68 млрд м³ из Азер-

байджана. Однако Тбилиси подтверждает свои обязательства государства-транзитера российского газа в Армению.

Политика лавирования в отношении Азербайджана и Армении напрямую связана с желанием Грузии влиять на энергетический рынок не только в регионе, но и извлечь политическую выгоду от прохождения по ее территории энергетических хабов [7]. В рамках реализации европейского проекта TEN-T в Грузии будут построены и реконструированы к 2030 г. аэропорт и порт, 2 логистических центра в Кутаиси и Тбилиси, 2 участка железной дороги и 10 участков шоссейной трассы и 1 КПП [9].

Обращаясь к Азербайджану, следует учесть, что страна избежала острых внутренних проблем подобно «параду суверенитетов», подрывающему территориальную целостность Грузии, или «изоляции» Армении, угрожающей национальной безопасности. Карабахская проблема является актуальной для элиты Азербайджана, но не краеугольной, как для РА. В этой связи политический истеблишмент Грузии и Армении в первое и последующие десятилетия был вынужден внешнюю политику использовать зачастую как средство для разрешения внутривнутриполитических проблем и удержания власти в руках.

С выбором Г. Алиева на пост президента в 1993 г. все ресурсы страны были актуализированы на строительство независимой национальной экономики. Для реконструкции нефтехимической отрасли и выхода на мировой уровень была взята на вооружение концепция «политики балансов» как в отношении мировых акторов, так и региональных [13, с. 288].

В сентябре 1994 г. Государственная Нефтяная Компания Азербайджанской Республики (ГНКАР) заключила «делку века» с консорциумом мировых нефтяных фирм на разработку шельфовых нефтяных месторождений в Каспийском море [17, с. 48–49]. Контракт содействовал реконструкции нефтяной, нефтехимической и прочих отраслей, что и легло в основу т. н. «нефтяной стратегии». Стабилизация политической элиты при президентах Г. Алиеве (1993–2003) и И. Алиеве (2003–н.в.) способствовала успешному завершению переговоров по поводу строительства нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД) и газопровода Баку–Тбилиси–Эрзурум (БТЭ), призванных диверсифицировать поставки энергоресурсов на мировые рынки через Грузию и Турцию. В 2006 г. был пущен нефтепровод БТД, а в 2007 г. по подобному маршруту заработал газопровод БТЭ, что стало возможно благодаря успеху «политики балансов», позволившей привлечь капиталы различных иностранных фирм.

Азербайджан в рамках «нефтяной стратегии» стал частью «нового» или «мягкого» регионализма ЕС «Южный газовый коридор» (ЮГК). Это разветвленная сеть газопроводов, призванная повысить энергетическую безопасность ЕС путем диверсификации маршрутов и источников энергопоставок в обход России. 29 мая 2018 г. Азербайджан запустил ЮГК, по которому газ с месторождения Шах-Дениз через Турцию транспортируется в страны южной Европы – Грецию, Италию и пр. [7]. «Конвенция о правовом статусе Каспийского моря» от 12 августа 2018 г. [15] еще более расширила возможности для Азербайджана. Как видим, внешнеполитические ориентиры Азербайджана вызваны не столько военно-политическими задачами, как в Армении, или задачей сохранения целостности страны, как в Грузии, сколько экономическими интересами державы.

Успешная реализация «нефтяной стратегии» вызвала к жизни ряд логистических проектов, основным партнером в которых выступила Турция, ставшая с 1991 г. постоянным партнером Азербайджана. В 2006 г. Стамбул предложил план железнодорожной линии Баку–Тбилиси–Карс (БТК), позволяющей соединить Турцию с Кавказской железнодорожной магистралью. Она была пущена 30 октября 2017 г. и имеет своей целью наладить регулярные перевозки грузов из Турции и Европы в страны Центральной Азии и Китай, а также в южном направлении – в Иран, страны Персидского залива, Пакистан, Индию. В ноябре 2017 г. министр дорог и городского развития Ирана Аббас Ахунди выступил с инициативой продлить железную дорогу БТК до Тебриза. Учитывая важность проекта БТК, большинство стран Центральной Азии (Казахстан, Афганистан, Узбекистан и Туркменистан) выразили заинтересованность в присоединении к БТК.

Удачное развитие транспортного коридора Европа–Кавказ–Азия вызвало появление идеи транспортного коридора «Север–Юг», предложенной группой стран в лице Индии, Пакистана, Омана, Ирана и России. Деятельность этого коридора предусматри-

вает доставку судами поступающих из Индии грузов через Суэцкий канал в иранский порт Бендар-Аббас, а оттуда – их перевозку по железнодорожным путям Азербайджана и Россию в другие страны [18].

Другой особенностью реализации внешней политики Азербайджана следует считать ориентацию на глобальную политику с момента обретения им независимости в 1991 г. Многовекторность политики Баку выразилась в установлении контактов с ЕС и НАТО. В 2001 г. Азербайджан стал членом Совета Европы и других организаций, что позволяет проводить эффективную внешнюю политику в рамках европейского направления политики. Азербайджан активно участвует в региональных организациях и интеграционных объединениях (ГУАМ, ОЧЭС и др.).

Еще одной чертой можно считать стремление Баку урегулировать отношения с ведущими странами Запада и Востока, в основу которых легли принципы взаимовыгодного сотрудничества и партнерства. При этом декларирование в качестве приоритетов внешней политики АР интеграции в структуры Европейской и Трансатлантической безопасности и сотрудничества не исключает тесного военно-политического союза с Турцией. Документы в области военного сотрудничества оказали воздействие на то, чтобы военные связи между двумя странами имели более содержательный и практический характер, чтобы повысился потенциал азербайджанской армии. Воинский контингент армии Азербайджана участвовал в миротворческой миссии в Косово в составе военных подразделений Турции.

Прагматичность правящей элиты Азербайджана проявляется в том, что стране удастся поддерживать связи как с Турцией, так и с Ираном, ЕС, Россией, США, Китаем, весьма успешно лавируя между их интересами и национальными. Это четко прослеживается в вопросе непризнания Косово, Абхазии, Южной Осетии, Крыма и пр., так как последовательная позиция Азербайджана состоит в сохранении целостности территорий государств вне зависимости от того, европейские это державы или нет. М. Исмаилов из Кембриджского университета полагает, что азербайджанская элита, движимая своими интересами, балансирует между альянсом стран Запада и Израиля, с одной стороны, и альянсом из России, Турции и Ирана, с другой. По его мнению, это приведет к самому сложному выбору за всю свою историю независимого Азербайджана [2].

Таким образом, после распада биполярной модели международных отношений малые и средние государства получили возможность самостоятельно определять внешнеполитические стратегии, являющиеся адаптивными и поливариантными. Армения и Грузия избрали стратегию примыкания, а Азербайджану удастся эффективно реализовывать политику лавирования между. Векторы и интенсивность применения стратегий определялись во многом поведением политических элит этих государств, стремящихся укрепиться у власти, а также степенью заинтересованности в них крупных региональных и внерегиональных игроков, соотношением приоритетных задач, стоявшими перед странами, и совокупностью внешнеполитических ресурсов, располагаемых политическим истеблишментом Армении, Грузии и Азербайджана. Государства Южного Кавказа сосредоточились на моделях, которые бы позволили им, с одной стороны, сохранить собственный суверенитет, а с другой – улучшить свое внутреннее положение. В этой связи действенным инструментом в стратегиях примыкания и лавирования для Азербайджана и Грузии стала экономическая дипломатия, а Армения, в силу ограниченности ресурсов и специфики геополитического положения, сконцентрировалась на вопросах собственной безопасности. При этом каждое из государств видит своей задачей выход на орбиту глобальной политики в качестве самостоятельных акторов.

Литература:

1. Iskandaryan A. Armenia-Russia Relations: the Revolution and the Map [Electronic resource] // Caucasus Analytical Digest. – 2019. – №109. Access mode: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CAD109.pdf> (date accessed: 13.06.2019).
2. Ismayilov M. Azerbaijan and Russia: Towards a Renewed Alliance, for a New Era [Electronic resource] // Caucasus Analytical Digest. – 2019. – №109. Access mode: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CAD109.pdf> (date accessed: 15.06.2019).
3. Levy Jack S., Barnett Michael M. Alliance Formation, Domestic Political Economy, and Third World Security // The Jerusalem Journal of International Relations. – 1992. – №4. – P. 19–40.

4. Opinion Survey 2019: Armenia. 03.07.2019 [Electronic resource] // Official site. EU Neighbours East. Access mode: <https://www.euneighbours.eu/en/east/stay-informed/publications/opinion-survey-2019-armenia> (date accessed: 03.07.2019).
5. Opinion Survey 2019: Azerbaijan. 03.07.2019 [Electronic resource] // Official site. EU Neighbours East. Access mode: <https://www.euneighbours.eu/en/east/stay-informed/publications/opinion-survey-2019-azerbaijan> date accessed: 03.07.2019).
6. Opinion Survey 2019: Georgia. 03.07.2019 [Electronic resource] // Official site. EU Neighbours East. Access mode: <https://www.euneighbours.eu/en/east/stay-informed/publications/opinion-survey-2019-georgia> date accessed: 03.07.2019).
7. Pirani S. Let's not exaggerate: Southern Gas Corridor prospects to 2030 [Electronic resource]. – Oxford: Oxford Institute for Energy Studies, 2018. Access mode: https://www.academia.edu/37367680/Lets_not_exaggerate_Southern_Gas_Corridor_prospects_to_2030 (date accessed: 13.06.2019).
8. Schweller R.L. Bandwagoning for profit: Bringing the revisionist state back in // *International Security*. – 1994. – №1. P. 72–107.
9. The Eastern Partnership: Indicative TEN-T Investment Action Plan. 16.01.2019. [Electronic resource] // Official site. EU Neighbours East. Access mode: https://www.euneighbours.eu/sites/default/files/publications/2019-01/ten-t_iap_web-dec13.pdf (date accessed: 23.06.2019).
10. United States-Georgia Charter on Strategic Partnership. Other Release. Bureau Of European And Eurasian Affairs. January 9, 2009. [Electronic resource] // Official site. U.S. Department of States. Access mode: <https://www.state.gov/united-states-georgia-charter-on-strategic-partnership/> (date accessed: 13.06.2019).
11. Айвазян, А.С. ЕС и государства Южного Кавказа [Электронный ресурс] // Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 91 (январь-февраль 2018 г.). Под ред. Борко Ю.А., Буториной О.В., Журкина В.В., Потемкиной О.Ю. – М., 2018. – С. 70–72. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts120187072> (дата обращения: 13.06.2019).
12. Восточное партнерство / EU Neighbours [Электронный ресурс] // Официальный сайт портала «Соседство ЕС». Режим доступа: <https://www.euneighbours.eu/ru/policy/vostocnoe-partnerstvo> (дата обращения: 13.06.2019).
13. Гасанов, А. Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана [Электронный ресурс]. (Второе издание, дополненное). – Баку, “Zardabi LTD” ММС, 2013. – 1008 с. Режим доступа: http://elibrary.bsu.az/books_aysel/N_237.pdf (дата обращения: 10.06.2019).
14. Евросоюз выделит Грузии более 3,9 млн евро на 2018–2020 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Информационно-аналитического портала Грузия Online. 16.03.2018. Режим доступа: <https://www.apsny.ge/2018/eco/1521260689.php> (дата обращения: 21.06.2019).
15. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, 12 августа 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Президента России. 12.08.2018. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 12.06.2019).
16. Корнилов, А.А., Матвеев, А.С. Иранская политика в отношении Армении: основные направления прагматического партнерства [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Наша среда online». Режим доступа: <http://www.nashasreda.ru/iranskaya-politika-v-otnosheniiaarmenii-osnovnye-napravleniayapragmaticheskogo-partnerstva/> (дата обращения: 07.06.2019).
17. Мехдиев, Э.Т. Энергетический фактор во внешней политике Азербайджана // *Проблемы постсоветского пространства*. – 2016. – №1 (7). – С. 47–54.
18. Минасян, Г. Китай заходит на Южный Кавказ [Электронный ресурс] // Новостной портал ARD (Asia Russia Deily). 21.11.2017. Режим доступа: <http://asiarussia.ru/articles/18340/> (дата обращения: 11.06.2019).
19. Объемы, темпы и пропорции развития взаимной торговли государств-членов ЕАЭС [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2018/12/I201812_1.pdf#view=fitV (дата обращения: 13.06.2019).
20. Стратегия национальной безопасности Республики Армения (Одобрена на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26 января 2007 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Армения (на русском языке). Режим доступа: <https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Doctrinerus.pdf> (дата обращения: 03.06.2019).

РАЗДЕЛ 5. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ КAVKAZA

УДК: 947.1/9(470.631)

Байрамуков Арасул Сосланбекович
Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У.Д. Алиева, к.и.н., доцент кафедры истории России,
г. Карачаевск, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ КАРАЧАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. И РЕДИСТРИБУЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Аннотация: В настоящей работе рассматриваются цивилизационные, информационные и культурные процессы происходившие в Карачае во второй половине XIX - начале XX вв., процессы редистрибуции информационных потоков и роль в них прогрессивных просветителей Карачая как светских, так и религиозных.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Карачай, цивилизационно - культурные информационные потоки, мультикультурализм, редистрибуция информационных потоков и роль в этом просветителей Карачая.

Bayramukov Arasul Soslanbekovich
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev,
Ph.D.in history, Associate Professor,
Karachaeensk, Russia

THE ACTIVITY OF EDUCATORS OF KARACHAI IN THE SECOND HALF OF XIX - EARLY XX CENTURIES AND THE REDISTRIBUTION OF INFORMATION FLOWS

Annotation: This paper discusses the civilizational, information and cultural processes that took place in Karachay in the second half of the XIX – early XX centuries, the processes of redistribution of information flows and the role of progressive educators of Karachay both secular and religious.

Key words: Russia, the North Caucasus, Karachay, civilizational and cultural information flows, multiculturalism, redistribution of information flows and the role of Karachay educators in this

Связи Карачая с Россией и русской культурой до первой половины XIX века носили преимущественно эпизодический характер. Культура карачаевцев ощущала воздействие информационных потоков, которые приходили из Турции, Дагестана, Грузии, Саудовской Аравии, Сирии, Азербайджана и других стран, и информационные потоки, влиявшие на культуру Карачая, преимущественно являлись волнами исламской культуры и цивилизации. Источники периодической печати XIX – начала XX века, сведения, полученные в ходе опросов нами информаторов, позволили нам прийти к выводу о существовании довольно устойчивых связей Карачая с государствами мусульманского Востока.

Представители элиты были хорошо знакомы со многими достижениями исламской культуры и цивилизации, ее философии, теологии и медицины, об этом говорят нам биографии выдающихся сынов Карачая: Исмаила Акбаева, Мухаммада Кубанова, Хусина Урусова и других. Весьма важную роль в информационных коммуникациях Северного Кавказа играл Дагестан, который имел за собой тысячелетние исламские традиции и оказывал сильное влияние на культуру и самосознание горцев Северо-Кавказского региона. После включения в состав Российской империи Северного Кавказа значительно увеличилась интенсивность информационного обмена между Кавказом и Россией, при этом довольно тесные связи с Турцией и другими странами Востока заметно ослабли.

Существенным фактором, значительно усилившим связи горцев с Россией, стали переселенцы, которые по прибытии на территорию Северного Кавказа установили тесные контакты с коренным населением, этому же способствовало проникновение товаров российской промышленности на Кавказ, широкое развитие туризма и создание довольно разветвленной сети светских учебных заведений Петербургом. Повышению и усилению информационной плотности российской культуры в сети коммуникаций на Северном Кавказе заметно содействовали следующие меры государственной власти. В 60–70 гг. XIX века правительство на Северном Кавказе провело ряд реформ: административных, земельных и судебных.

5 апреля 1860 года князь Барятинский утвердил «Положение об управлении дагестанской области». После чего административно-территориальные преобразования коснулись и Кубанской области, где власть создала Лабинский, Зеленчукский, Псекупский, Урупский, Эльбрусский военно-народные округа.

Проведенная административная реформа, безусловно, усилила позиции российской культуры на Северном Кавказе и его интеграцию в российскую культурно-информационную среду. Усилению влияния российской культуры и системы ценностей способствовала судебная реформа, проводившаяся с декабря 1870 года. В ходе проведения реформы в Кубанской области, равнинной Чечне, Балкарии, Кабарде и Осетии были созданы окружные суды, а в регионах горной Чечни и высокогорных селениях Аргунского и Веденского округов – участковые суды. Соответственно проникновение в этнокультуру горцев русского языка и российского права являлось одной из важнейших вех в процессе редистрибуции информационных потоков при соответствующем параллельном влиянии российских светских учебных заведений и этноконтактов горцев с колонистами.

Аккомодации этнокультуры карачаевцев в российскую культуру содействовала и реформа сельского управления 70-х гг. XIX в., в ходе которой произошло разграничение сферы компетенции между сельскими обществами и царской администрацией, определена структура отдельных органов власти. Итогом реформы стало создание системы единого управления, что превратилось в один из важных факторов по переключению основных информационных потоков.

В рассматриваемый нами период в Карачае власть открыла школы в аулах Учкулан, Верхняя Теберда, Карт-Джурт, Хурзук, Дуут, Джазлык и Каменномост, в селе им. Коста Хетагурова было открыто двухклассное училище, и эти учебные заведения сыграли значительную положительную роль к позитивной адаптации карачаевцев к российской действительности. Вышеназванные школы позволили карачаевцам овладеть русской разговорной речью, научиться читать и писать деловые бумаги, а сам фактор знания русского языка стал мощным фактором ускорения этнокультурного взаимодействия и подключения карачаевского этноса к новому информационному потоку российской цивилизации. Весьма позитивную роль в данном аспекте сыграла такая этническая черта карачаевцев, как их природная любознательность, которую отмечали многие путешественники и исследователи.

«Карачаевцы большие охотники до новостей; вследствие этого первая фраза при встрече, после обычного приветствия: «Не хапар?», «Что нового?» – пишет о карачаевцах Г.С. Петров [2, с. 114].

Полагаем, и экономический фактор оказал весомую роль в редистрибуции информационных потоков в этнокоммуникациях карачаевского этноса, поскольку карачаевцы вели весьма интенсивную торговлю с казаками и поселенцами.

«Карачаевское население ежегодно продавало 9 595 лошадей, 30 787 рогатого скота и 107 552 овцы на сумму 2 940 660 руб. Из продуктов скотоводческого хозяйства население продавало: 25 тыс. пудов овечьей шерсти на 250 тыс. рублей; 660 пудов масла – на 66 тыс. руб.; кож и овчин на 30 709 руб., – а всего на сумму 3 307 369 руб.» [10, с. 21]. Данные высокоинтенсивные экономические контакты придавали особую роль русскому языку, как основному фактору носителя информации иной этнокультурной цивилизации. В новых социально-экономических условиях карачаевцев, владевший русским языком, пользовался у соплеменников большим авторитетом. По свидетельству нашего информатора Коркмазова Сеита, юноша, знавший русский язык, получал приоритет перед другими женихами при сватовстве невесты.

Под воздействием новых информационных каналов претерпела трансформацию этническая шкала престижа карачаевцев. Карачаевцы стали считать престижным иметь

дом, построенный по русскому образцу, использовать в быту мебель европейского типа, предпочитали посуду фабричного производства.

Карачаевская этническая культура под воздействием процессов редиистрибуции информационных сетей стала развиваться по пути прибавления и усложнения культуры. Под воздействием этнических контактов с русским населением и деятельности просветителей материальная культура карачаевцев получила прибавление в виде новых видов жизнедеятельности, как огородничество и садоводство, начали культивировать новые огороднические культуры: сажали картофель, выращивали капусту, огурцы, помидоры. Начали осваивать инновационные фруктовые культуры, такие как абрикос, алычу, грушу, грецкий орех, вишню, сливу Ренклода, яблоки, чернослив.

Под влиянием российской цивилизации духовная сфера этнической культуры испытывала мультивекторные процессы прибавления и усложнения культуры карачаевцев.

Обогащению духовной культуры карачаевского этноса способствовали следующие факторы: появление светской интеллигенции, чья деятельность способствовала аккомодации карачаевцев к новым социально-политическим реалиям; представители светской интеллигенции, восприняв европейскую культуру, сохраняли связь с карачаевской этнокультурой и в своей деятельности добиться гармоничной синергетики кавказской и европейской культур. В распространении информационных символов евразийской цивилизации существенную роль сыграли светские учебные заведения: Ставропольская гимназия, педагогические двухгодичные курсы в городах Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре. Владикавказская и Ардонская духовные семинарии, Бакинская гимназия, Темир-Хан-Шурина женская гимназия, Ольгинское женское училище, Баталпащинское училище.

Позитивно повлияли на процесс редиистрибуции информационных потоков на Северном Кавказе и в Карачае следующие культурно-просветительские учреждения: Кисловодское «Общество образования горцев Северного Кавказа», «Нальчинское благотворительное общество», «Горское общество» в Пятигорске, «Общество любителей изучения Кубанской области» и др. [11]. Заметный вклад в процесс прибавления карачаевской и горской культуры внесли и русские учителя, преподававшие в сети начальных школ, такие как Н. Кириченко, Л. Лопатинский.

Под влиянием процессов редиистрибуции на Северном Кавказе наблюдались явления поликультурализма и билингвизма, под воздействием которых началось интенсивное заимствование элементов русской и европейской материальной культуры в этническую культуру горцев. Во многих состоятельных семьях горцев вводили и считали очень престижными следующие инновации: церемонию чаепития, строительство домов русского типа, в быту появляются клавирины, рояли и пианино. При пошиве своей национальной одежды карачаевцы сочли возможным применять ткани промышленного производства, сотканые на фабриках и предприятиях Германии, Великобритании, России и Индии, цветовая расцветка комплекса одежды карачаевцев становится более разнообразной.

Подтверждением протекавших мощных процессов редиистрибуции информационных потоков, аккультурации и бикультурализма в сфере материальной культуры карачаевцев являются следующие примеры инноваций: в период 80–90-х гг. XIX века в бытовой сфере распространяются печи русского типа; стулья, столы, зеркала русско-европейского стиля, самовары, посуда из металла, фарфора и фаянса, часы и керосиновые лампы для освещения домов. Состоятельные карачаевцы стремятся по соображениям престижа строить дома с железными крышами и носить городской костюм. Знаковым фактом мы считаем, что представители светской интеллигенции Карачая также предпочитали костюм городского дизайна.

В ситуации редиистрибуции информационных потоков, новых социально-культурных и политических реалий на Северном Кавказе и в Карачае появилась ключевая задача для этноса и элиты найти путь позитивной адаптации карачаевского народа к жизни в составе Российской империи.

Следует отметить, что в условиях нового информационно-цивилизационного поля существенный вклад в эффективную адаптацию карачаевского этноса внесли прогрессивное духовенство и национальная светская интеллигенция в конце XIX – начале XX вв., в данный период прогрессивная часть карачаевской элиты искала оптимальный путь развития своего народа. Прогрессивное духовенство и интеллигенция Карачая

стремились найти такой вектор развития карачаевского этноса, при котором карачаевцы сохранили свое самосознание и культуру.

В данном аспекте у нас большой интерес вызывают письма карачаевского просветителя Ислама Крымшамхалова, опубликованные в журнале «Мусульманин», в которых содержится глубокий анализ вышеобозначенной культурно-цивилизационной проблемы карачаевского этноса. В своих публикациях Ислам Пашаевич старается системно рассмотреть проблему этнокультурных контактов горцев и русского народа. Рассматривает специфику взаимовлияния культур Кавказа, Востока и Запада. И. Крымшамхалов убежденно констатировал: «Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные. То зато у них развит в высшей степени культ воспитания, между тем как к этому важнейшему вопросу лишь приближается наикультурнейшая Европа» [7, с. 55].

Просветитель полагал, что проблема редистрибуции информационных потоков различных цивилизаций, позитивного развития и аккультурации народов Кавказа возможно успешно решить путем гармоничного синтеза всего лучшего культуры горцев и народов Европы. Ислам Пашаевич был не только теоретиком, но и практически старался помочь своему народу позитивно адаптироваться к жизни в Российской империи, заботясь о прокладке дорог, открытии школ, строительстве мостов, постройке лечебных здравниц. Крымшамхалов старался просвещать свой народ: распространяя знания о культуре земледелия, стремился повысить породность скота карачаевцев, внедрял европейские технологии в молочное производство, пропагандировал садоводство, лично разбив фруктовый сад. Обращался к властям и народу с призывом рационально эксплуатировать природные богатства Карачая, в последние годы жизни Крымшамхалов старался создать карачаевский алфавит, соответствовавший требованиям времени.

Байрамуков Ильяс Магомедович – один из первых учителей и просветителей Карачая, почти всю свою жизнь положивший на алтарь прогресса карачаевцев. Ильяс Магомедович просвещал не только своих учеников в школе, но и земляков. Байрамуков обучал их разведению садов, культивированию овощей и фруктов, для этих прогрессивных целей Ильяс Магомедович закупал семена различных сортов и культур, саженцы растений и разнообразную литературу по данному направлению в Киеве, Екатеринодаре, Харькове и доставлял их в Учкулан.

В этой просветительской работе большую помощь Байрамукову оказывали учителя учкуланской школы. Итогом подвижнической деятельности Ильяса Магомедовича стало то, что карачаевцы начали культивировать сады, огороды и разводить пчел.

В своем просветительстве Ильяс Байрамуков не был узким националистом, в 1913 году в 29 номере «Мусульманской газеты» в своей статье «Среди кубанских горцев» выступает за просвещение не только карачаевцев, но и всех горцев Кавказа [3].

Халилов Хызыр Магомедович – один из первых учителей и просветителей Карачая. Трудился учителем в школах Адыгеи, Учкулана, Карт-Джурта, Джегуты, Мары, Нижней Теберды, Верхней Теберды. Хызыр собрал большую библиотеку, с которой не расставался, но охотно предоставлял свои книги аульчанам. Хызыр вел активную общественную жизнь: вел интенсивную просветительскую работу, выступал на съездах учителей, писал на актуальные проблемы в газеты и журналы, поддержал брата Саида в его инициативе организовать обучение девочек-горянок.

Халилов Саид Магомедович – видный просветитель и общественный деятель Карачая. В 1908 году открыл женскую школу в ауле Верхняя Теберда, ему пришлось приложить большие усилия, чтобы убедить аульчан пустить своих дочерей в школу. Школу для девочек посещали: Батчаевы Фатима, Къалмук, Фериди, Амина, Акбаева Сафият, Коркмазова Баяз, Абайханова Шамши, Байчорова Нафият, Кечерукова Джаухарат и другие тебердинки, всего 17 горянок. Считаем, что это событие стало большим шагом прогресса для карачаевского народа, т. к. ранее школу могли посещать только мальчики. Теперь просвещенные юноши-горцы могли найти образованную невесту для создания семьи. Преподавание велось Саидом Халиловым на русском языке, и девушки прошли полный курс обучения. Школа смогла функционировать два года и дала блестящие результаты, впоследствии многие выпускницы смогли стать учителями, врачами и видными общественными деятелями Карачая.

Считаем, что усилия просветителей Карачая помогли народу не раствориться в условиях редистрибуции информационных потоков различных цивилизаций, сохранить и модернизировать свою этническую культуру.

Литература:

1. Фонд «Мир Гумилева», «арабески» Истории. Книга 1. Русский взгляд. И. Гаспринский // «Русское мусульманство» – М., 1995.
2. Алиев, У. Карачай / Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. – Черкесск, 1991. – 321 с.
3. Мусульманская газета. – 1913. – №29.
4. Кубанские областные ведомости. [Текст] – 1901. – №4, 7.
5. Газ. «Кавказ» [Текст]. – 1901. – №271.
6. Мусульманин [Текст]. – 1910. – №2
7. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX века. Избранное. В 2-х т. – Т.1 / Сост., предисл., ст. об авторах, комментарии Т.Ш. Биттировой // Нальчик: Эльбрус, 1993. – 265 с.
8. Бромлей, Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М.: Наука, 1987. – 33 с.
9. Кошев, М.А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX века // Нальчик: Эльбрус, 1991. – 158 с.
10. Текеев, К.М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. – М.: Наука, 1989. – 447 с.

УДК 93/94(392.54)

***Барзбиев Муслим Исмаилович**
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
заведующий кафедрой организации работы с молодежью,
г. Нальчик, Россия,
E-mail: muslim1971@yandex.ru*

БРАЧНЫЕ КОНТАКТЫ КНЯЗЕЙ КРЫМ-ШАМХАЛОВЫХ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ БАЛКАРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

***Аннотация:** В статье изучена краткая история брачных контактов карачаевских князей Крым-Шамхаловых с представителями близкородственной в этническом отношении балкарской аристократии в XIX – начале XX века. Показано, что Крым-Шамхаловы вступали в брак с представителями аристократии всех пяти балкарских обществ. Делается вывод о заметной роли потомков данных брачных контактов в истории и культурном развитии карачаево-балкарского народа.*

***Ключевые слова:** Карачай, Балкария, аристократия, князь, княжна, брак*

***Barazbiev Muslim Ismailovich**
“Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov”,
Head of the youth outreach department,
Nalchik, Russia,
E-mail: muslim1971@yandex.ru*

THE PRINCES CRIM-SHAMKHALOV'S MARRIAGE CONTACTS WITH THE REPRESENTATIVES OF THE BALKAR ARISTOCRACY IN THE XIX - EARLY XX CENTURIES

***Abstract:** The article studies the Karachay princes Crim-Shamkhalovs' brief history marriages with the representatives of ethnically closely related Balkar aristocracy in the XIX – early XX centuries. It is shown that Crim-Shamkhalovs got married with the representatives of the aristocracy of all five Balkarian societies. The authors come to a conclusion that the ancestors of this marriages played a significant role in the history and cultural development of the Karachay-Balkar people.*

***Key words:** Karachay, Balkaria, aristocracy, prince, princess, marriage*

До вхождения Карачая в состав Российского государства в 1828 году к высшему сословию там относились представители трех княжеских родов: Дудовы, Карабашевы и Крым-Шамхаловы [4, с. 142]. Наибольшей известностью из них и влиянием на карачаевское общество обладали представители рода Крым-Шамхаловых (карач-балк.: Крым-Шаухаллары) [15, с. 628]. Одним из способов поддержания привилегированного положения в феодальной среде кавказских народов являлись династические браки. Вследствие этого карачаевская аристократия стремилась заключать браки как между собой, так и с представителями высших сословий соседних народов [9, с. 141]. Социальное равенство способствовало тому, что представители карачаевских и наиболее близких им в этническом отношении балкарских аристократических родов с давних времен заключали друг с другом династические браки. Цель нашего исследования состоит в кратком изучении брачных контактов карачаевских князей Крым-Шамхаловых с представителями балкарской аристократии в XIX – начале XX столетия.

В качестве первого примера подобных контактов можно указать на тот факт, что известный политический деятель Карачая второй половины XVIII – первой трети XIX века Ислам Ачахматович (ветвь Ачахматовы. – *М.Б.*), являвшийся старшим князем (олий. – *М.Б.*) Карачая, был женат на дочери балкарского князя из Хуламского общества Шакманова [1, с. 81]. Сын Ислама – Хасан (Паша) Исламович также породнился с балкарскими аристократами. Известно, что первым браком он был женат на княжне Джюзек Урусбиевой, дочери старшего князя Урусбиевского общества – Мырзакула. От этого брака родился выдающийся общественно-политический деятель дореволюционного Карачая – Ислам и две дочери: Клычхан и Забитхан [1, с. 81]. Известно, что в детстве Ислам Хасанович (Пашаевич) воспитывался в семье своего дяди – знаменитого Исмаила Урусбиева [1, с. 81].

Забитхан Хасановна (Пашаевна) вышла замуж за балкарского князя из общества Малкар – Омара Чепелеовича Амирханова (ветвь Абаевых. – *М.Б.*) [1, с. 83]. Документ 1905 г. свидетельствует, что на тот момент у них было двое сыновей и пять дочерей [11, ф. 6, оп.1, д. 661, л. 64,64 об.]. Причем старший из сыновей имел два имени – Крым-Султан и Крым-Шаухал [11, ф. 6, оп.1, д. 661, л. 45]. Очевидно, что имя Крым-Шаухал ему было дано в честь его предков по материнской линии.

Как только началась Первая мировая война, Крым-Султан (Крым-Шаухал) добровольно поступил в Кабардинский полк Кавказской туземной конной дивизии, получившей большую известность под названием «Дикая дивизия». Следует отметить, что в документах дивизии он проходит с сокращенным вариантом своего имени – Крым и под фамилией Абаев. Современный исследователь «Дикой дивизии» из КБР О.Л. Опрышко приводит примеры отваги Крыма Абаева в военных действиях. В частности, он пишет о событиях сражения, произошедшего в декабре 1914 г.: «При штыковой схватке личным мужеством и храбростью содействовал успеху атаки. Крым Омарович Абаев (уроженец Балкарского общ-ва) в бою у деревни Ветлино был тяжело ранен, получив «три огнестрельные раны: задней части шеи, сквозное ранение грудной клетки и левого плечевого сустава». После госпиталя вновь вернется в полковой строй» [8, с. 68, 69]. За отвагу, проявленную в годы Первой мировой войны, Крым-Султан (Крым-Шаухал) Амирханов будет награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней и произведен в звание юнкера [8, с. 324, 325].

В годы Гражданской войны он выступил на стороне Белой армии, был произведен в 1919 г. в офицерский чин корнета [7, с. 194]. По сведениям О.Л. Опрышко, Крым-Султан (Крым-Шаухал) Амирханов погиб на фронтах Гражданской войны [8, с. 194, 195].

После смерти Джюзек Мырзакуловны Хасан (Паша) в соответствии с практиковавшимся в тот период карачаево-балкарцами обычаем сорората женился на ее родной сестре Гошях Мырзакуловне. В этом браке у них родились два сына – Мырзакул и Басханук, ставшие известными военными деятелями Карачая [1, с. 81]. Следует отметить, что названы они были в честь своих знаменитых предков по материнской линии. Басханук впоследствии женился на дочери близкого друга своего старшего брата, первого балкарского историка Мисоста Абаева – Гошях (Ляле). Их сыновья – Бекмурза, Мисост (названный в честь деда. – *М.Б.*) и Хамзат (1917–1985) – приняли участие в Великой Отчечественной войне. Живым с войны после тяжелого ранения сумел вернуться только Хамзат Басханукович, получивший известность как талантливый скульптор и художник [14, с. 191].

Нам известно, что Гошаях Мырзакуловна Урусбиева после смерти своего мужа Хасана (Паши) Крым-Шамхалова вторично вышла замуж. Вторым ее мужем также являлся представитель рода Крым-Шамхаловых (ветвь Бийнегерovy. – М.Б.) – Аскербий Гелястанович [12, с. 20]. На данный момент удалось выяснить, что в этом браке родились две дочери – Фатима и Н. Одна из них, имя которой пока не удалось выяснить, стала женой балкарского князя из Безенгиевского общества – Хаджи-Османа Омаровича Суюнчева, который являлся к тому времени подданным Османской империи [11, ф. 6, оп. 1, д. 184, л. 99об.].

Следует отметить, что еще одна из дочерей Мырзакула Урусбиева, имя которой, к сожалению, неизвестно, была замужем за представителем рода Крым-Шамхаловых (ветвь Сосрановы. – М.Б.) – Таусолтаном Хатажуковичем [13, л. 15 об.]. Один из их сыновей – Чепелеу, как нам представляется, был назван так в знак уважения к родственникам по материнской стороне, так как у Урусбиевых это было одно из наиболее распространенных имен, а для карачаевской аристократии, и, в частности, для Крым-Шамхаловых, оно не было характерно.

Внучка Мырзакула Урусбиева – дочь самого знаменитого представителя этого рода XIX столетия – Мисирхан также заключила брак с князем Крым-Шамхаловым [14, с. 21]. Ее супруг Асланбек Абдурзакович происходил из Сосрановской ветви этого рода. Похоронена Мисирхан была в родовом селении Крым-Шамхаловых – Карт-Джурте. На ее могильном памятнике на арабском языке (перевод осуществил Дудов М.Х. – М.Б.) написано следующее: «Похоронена Мисирхан дочь Исмаила – жена Асланбека сына Абдураззака Хаджи из сыновей Крым-Шамхала. Да простит ее Аллах!» У Асланбека Крым-Шамхалова и Мисирхан Урусбиевой было трое сыновей – Сеид-Бий, Каншаубий, Азиз и три дочери: Кесам, Ельмесхан и Джан.

Наиболее известным из их детей являлся Сеид-Бий, прославишийся в годы Первой мировой войны в рядах 3-й (Карачаевской) сотни Черкесского полка «Дикой дивизии». Сеид-Бий поступил в полк рядовым всадником и, пока его не произвели в офицеры, был удостоен награждения Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней. После производства в офицерский чин корнета Сеид-Бий был награжден пятью орденами: Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2 ст. с мечами и бантом. Особого внимания заслуживает тот факт, что Сеид-Бий Крым-Шамхалов 14 октября 1917 г. был награжден Георгиевским оружием – второй по значимости после ордена Св. Георгия военной наградой Российской империи [2, с. 65, 66].

В «Дикой дивизии» героически проявили себя и другие представители рода Крым-Шамхаловых, связанные родственными узами с балкарской аристократией. Так, современный исследователь военной истории из КЧР Батчаев Ш.М. считает, что наиболее выдающимся военным деятелем Карачая досоветского периода являлся Магомет-Герия (Гиназ) Азамат-Гериевич Крым-Шамхалов (ветвь Бийнегерovy. – М.Б.) [5, с. 89]. Известно, что мать Магомет-Герия – Кесамхан являлась дочерью князя Адиль-Гирея (Александра) Чепелеовича Урусбиева и сванской княжны Солдат-хан (Варвары) Левановны (Джансоховны) Дадешкелиани [11, ф. 11, оп. 24, д. 821, л. 27–28].

Магомет-Герия осенью 1914 г. добровольцем вступил в «Дикую дивизию». За заслуги был награжден Георгиевской медалью 4-й ст. и Георгиевским крестом 4-й ст. Как и Сеит-бий Крым-Шамхалов, Магомет-Герия закончил Первую мировую войну в чине корнета по кавалерии. К осени 1917 г. заслужил шесть офицерских боевых наград: орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (за бой 29 сентября 1915 г. у с. Петлицке-Нове) и 3-й степени с мечами и бантом (за бой 30 августа 1916 г.), орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (за период боев с 1 июня по 31 декабря 1915 г.) и 2-й степени (за бой 24 декабря 1916 г.), Георгиевское оружие (за бой 31 мая 1916 г. у с. Окно) и орден Св. Георгия 4-й степени (за бой 27 июня 1917 г. у с. Блудники).

Следует отметить, что помимо корнета Магомет-Герия Крым-Шамхалова в Кавказской конной дивизии двумя высшими военными наградами Российской империи – Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й ст. – были награждены всего пять человек: командир дивизии генерал-майор великий князь Михаил Александрович, начальник штаба дивизии генерал-майор Я.Д. Юзефович, начальник штаба дивизии генерал-майор П.А. Половцев, командир Дагестанского полка полковник Г.И. Амилахвари и полковник А.Х. Хаджи Мурат [2, с. 66, 67]. При этом все названные лица являлись

представителями высшего офицерства, в то время как Магомет-Гери добился своих наград, находясь в младшем офицерском чине.

Кровное родство связывало с балкарской аристократией и другого представителя фамилии Крым-Шамхаловых, героически проявившего себя в годы Первой мировой войны. Ш.М. Батчаев пишет, что первым из всадников «Дикой дивизии» Георгиевской медалью «За храбрость» 4-й степени был награжден князь Хаджи-Мурза Биасланович Крым-Шамхалов (ветвь Мударовы. – М.Б.) [6, с. 104]. Впоследствии князь Хаджи-Мурза будет награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней и произведен в чин прапорщика [2, с. 65]. Мать Хаджи-Мурзы – Джулдузхан Мембулатовна происходила из рода князей Айдаболовых из общества Малкар [11, ф. 22, оп. 1, д. 1486, л. 1об]. Она являлась сестрой одного из наиболее знаменитых в тот период князей Балкарии и Карачая – Анзора, служившего старшиной общества Малкар и селения Хасаут [10, с. 608, 614]. Помимо Хаджи-Мурзы у Биаслана Мурзабековича Крым-Шамхалова и Джулдузхан Айдаболовой было еще двое сыновей: Айдамул, названный так в честь уважения к роду матери, и Гергок, а также две дочери – Бабуш и Байдымат.

Можно добавить, что на балкарской княжне был женат и тезка Биаслана Мурзабековича – Биаслан Каншаубиевич Крым-Шамхалов (ветвь Каншаубиевы – М.Б.). Его супругой являлась Балдан Докшуковна Балкарукова, родная сестра известного общественно-политического деятеля Балкарии конца XIX – начала XX столетия Ислама (Дадаша) [3, с. 61]. У Биаслана Каншаубиевича и Балдан Докшуковны было четверо сыновей: Иналук, Магомет-Гери, Али, Гелястан и две дочери: Науш и Файруз.

Завершая данное исследование, можно отметить, что даже краткое изучение брачных контактов карачаевских князей Крым-Шамхаловых с представителями балкарской аристократии в XIX – начале XX столетия позволяет сделать следующие выводы: 1) Крым-Шамхаловы поддерживали брачные контакты с представителями княжеских родов Балкарии всех пяти обществ: Безенгиевского, Малкарского, Урусбиевского, Хуламского и Чегемского; 2) Наиболее активно брачные контакты Крым-Шамхаловы заключали с представителями балкарского рода Урусбиевых, проживавших в Баксанском ущелье, непосредственно граничившим с Карачаем; 3) Брачные контакты Крым-Шамхаловых с представителями балкарской аристократии носили положительный характер, так как дети от этих браков зачастую становились известными и почитаемыми людьми не только в своих обществах, но и за их пределами.

Литература:

1. Баразбиев М.И. Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова / Генеалогия Северного Кавказа. Историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. – Нальчик: «Эль-Фа», 2002. – №4. – 167 с.
2. Баразбиев М.И. Карачаевские и балкарские аристократы – кавалеры знака отличия Военного ордена Св. Георгия и ордена Св. Георгия // «Под сенью Святого Георгия». Материалы V Международных дворянских чтений. – Краснодар, 2009. – 183 с.
3. Баразбиев М.И. Приложение к «Объяснению землевладельцев Пяти горских обществ Нальчикского округа на проект комиссии по разрешению земельного вопроса в горах» // Архивы и общество. №10. – Нальчик, 2009.
4. Баразбиев М.И. Привилегированные сословия Балкарии и Карачая «Добродетель и честь должны быть оному правилами...»: дворянство Северного Кавказа на службе Российской империи / Материалы VI Международных дворянских чтений. – Краснодар: ГАУК КК «Кубанькино», 2010. – 261 с.
5. Батчаев Ш.М. Князья Крымшамхаловы (клан Бийнегерлери) в русской армии // Вестник Карачаево-Черкесского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника. Вып. 1. Черкесск: 2004.
6. Батчаев Ш.М. Карачаевцы в войнах России (вторая половина XIX – начало XX в.). – М.: РепроЦентр, 2005. – 238 с.
7. Опрышко, О.Л. Бывают странные сближения. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 224 с.
8. Опрышко, О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917.: Возвращение из забвения... – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 464 с.
9. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 1793–1897 гг. Т. 1. / Сост. Х.М. Думанов, А.И. Мусукаев, А.А. Максидов. – Нальчик: ГУП «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2008. – 345 с.
10. Темукуев, Б.Б. Балкарская общественная колесная дорога. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. – 672 с.

11. Управление центрального государственного архива Архивной службы КБР. – Нальчик.
12. Хатуев, Р.Т. Ислам-Бий. Заметки о жизни и творчестве И.Х. Крымшамхалова. – Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2009. – 142 с.
13. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. – Владикавказ. Ф. 12. Оп. 3. Д. 11.
14. Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов / Сост., ст. об авторах, прим. и коммент. Т.Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 408 с.
15. Rustam M. Begeulov The Russian experience integration of region into the Empire: Karachay in 1821-1834 // Bylye Gody. 2019. Vol.52. Is.2 // <http://ejournal52.com>

УДК 94 (470+571)

Батчаев Шамиль Мухтарович
Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики,
начальник отдела использования и публикации документов, к.и.н.,
г. Черкесск, Россия,
E-mail: sbatcha@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В КАРАЧАЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

***Аннотация:** Статья посвящена основным этапам становления светской интеллигенции в Карачае в дореволюционный период. Выделены основные направления ее формирования, обозначены образовательные центры по подготовке. Рассмотрен вклад интеллигенции в социально-экономическое и культурное развитие региона, ее участие в общественно-политической жизни.*

***Ключевые слова:** интеллигенция, Карачай, горская аристократия, гимназия, университет, семинария, учитель, фельдшер, стипендия, общекарачаевские доверенные*

Batchaev Shamil Mukhtarovich
State archive of Karachay-Circassian Republic,
head of Department of use and publication of documents, Ph. D.,
Cherkessk, Russia,
E-mail: sbatcha@mail.ru

THE FORMATION OF SECULAR INTELLECTUALS IN KARACHAY (SECOND HALF OF XIX - EARLY XX CENTURIES)

***Abstract:** the article is devoted to the main stages of formation of the secular intellectuals in Karachay in the pre-revolutionary period. The main directions of its formation are allocated, the educational centers on preparation are designated. The contribution of intellectuals to the socio-economic and cultural development of the region, its participation in social and political life is considered.*

***Key words:** the intellectuals the Karachay, the aristocracy of the highlanders, high school, University, Seminary, teacher, paramedic, scholarship, trustees of Karachay*

Одним из главных последствий присоединения Карачая к Российской империи было вовлечение горского населения в интеллектуально-образовательное пространство государства.

Уже с 1830-х гг. представители карачаевской аристократии стали поступать на учебу в кадетские корпуса, в горских школах в Нальчике учились аманаты от Карачая [26, л. 14-14 об.]. С открытием в 1849 г. горского отделения при Ставропольской мужской гимназии, кубанские горцы стали получать среднее образование в ощутимой близости от родных селений. Выпускниками этой гимназии было большинство просветителей и общественных деятелей Верхней Кубани, сыгравших важную роль в истории региона.

Сравнительная либеральность режима Александра II, ознаменовавшаяся введением гражданского управления на территории горских округов Верхней Кубани и объединением их в рамках Баталпашинского уезда, позволила еще больше раздвинуть образовательные горизонты для горцев.

Именно со второй половины 1870-х гг. в Карачае появились первые студенты столичных ВУЗов. Ими стали выпускники Ставропольской гимназии Ачахмат Крым-Шамхалов и Ислам Дудов. Первый из них вначале поступил в Горный институт в Санкт-Петербурге, а затем перевелся в Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию [7, л. 11]. Второй же получил образование в Санкт-Петербургском институте инженеров путей сообщения [24, с. 113–114].

Ужесточение режима после восшествия на престол Александра III (1881–1894), выразилось и в резком ограничении возможностей для культурного развития национальных окраин империи. Так, в Карачае, где первые школы были открыты в Учкулане (1878) и Тебердинском селении (1879), следующие (в Хурзуке и Карт-Джурте) появились лишь в 1895 г. – после прихода к власти Николая II [14, л. 85об., 195об., 215об., 221об.]. Пренебрежение к образовательным нуждам горского населения выразилось и в значительном сокращении вакансий, выделявшихся им в средних учебных заведениях (гимназиях, учительских семинариях и т.д.). В вузы же, судя по имеющимся данным, за 1880–1890-е гг. не поступил ни один карачаевец. Это при том, что в большинстве источников отмечалось настойчивое стремление молодежи Карачая к овладению знаниями.

Наиболее многочисленной в Карачае была прослойка педагогической интеллигенции. Основным центром подготовки была Кубанская учительская семинария, располагавшаяся в ст. Ладожской, а затем переведенная в центр Кубанской области – г. Екатеринодар. Именно это учебное заведение окончили Тохтар Биджиев (1900) [10, л. 5об.], Рамазан Куатов (1903) [11, л. 9об.], Курман-Али Курджиев (1904) [29, л. 21], Тинибек Боташев (1908) [9, л. 1об.], а также (по некоторым сведениям) – Ахмат Байрамуков, который занимался общественной деятельностью [15, с. 90].

Наряду со специализированным учебным заведением (семинарией) возможность стать учителем имели и горцы, получившее среднее образование и сдавшие определенные экзамены, либо же прошедшие педагогические курсы.

Первым светским учителем Карачая стал Ильяс Байрамуков, работавший в системе просвещения с ноября 1890г. Он окончил шесть классов Ставропольской гимназии и, несмотря на недостаточный образовательный ценз (необходимо было окончить дополнительный, седьмой, класс) смог, сдав дополнительные экзамены, занять должность педагога в Учкуланской начальной школе (училище – в терминологии того времени) [8, л. 6]. Также в Ставропольской гимназии окончил реальный курс Саид Халилов, который затем год учился на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. Начатое высшее образование позволило ему получить право на преподавание в начальной школе, которое он и вел в родном Тебердинском селении [3, с. 154-156]. В годы гражданской войны гимназию окончил Ислам Хубиев, ставший первым профессиональным журналистом в Карачае [1].

Еще одним центром подготовки педагогов-карачаевцев стало Баталпашинское городское училище. Старший брат С. Халилова Хызыр Халилов хотя и не закончил обучение в училище, тем не менее успешно прошел «испытания» на звание учителя и с февраля 1894 г. работал в школах Карачая и Адыгеи [14, л. 114об.]. Это же училище окончил и, сдав экзамен, с 1900 г. преподавал Мухаммад Хасанов [13, л. 4об.]. Иммолат Хубиев, также окончивший это учебное заведение, обучался в специализированном педагогическом классе, что позволило ему получить более высокий статус учителя двухклассного училища [14, л. 84об.]. Выпускником этого училища был и Зулкарнай Хаджичиков, который начал педагогическую деятельность в Учкуланском высшем начальном училище незадолго до революции [12, л. 2].

Таким образом, в последней четверти века дореволюционной истории, в Карачае было сформирована прослойка педагогической интеллигенции, составлявшая более 10 человек.

Вторым по численности в регионе был отряд медицинской интеллигенции, в данном случае среднего звена – фельдшеров. Издревле медики пользовались большим уважением и почитанием в Карачае. В те времена еще была свежа память о тех опустошительных эпидемиях, которые не раз и не два ставили под угрозу само существование карачаевского народа. При этом, горцы, не имеющие возможности получить квалифицированную медицинскую помощь, часто страдали от таких недугов, которые вполне поддавались лечению даже в условиях того времени. Методы народной меди-

цины не могли в полной мере заменить многовековой опыт европейской медицины, впитавшей в себя наследие как западной, так и восточной культуры врачевания.

Соответствующее образование можно было получить в фельдшерских школах, которых к концу XIX в. в Российской империи было всего 8, причем все они относились к военному ведомству.

Ближайшей из них к Карачаю была расположена в столице Кубанской области – Екатеринодаре. Открытая после многолетней подготовки в октябре 1880 г., она ежегодно могла принять лишь 20–25 человек. При этом на учебу принимали по просьбам родителей и опекунов мальчиков от 13 до 17 лет, «по степени сиротства и заслугам отцов, в первую очередь круглые сироты и дети убитых на войне». При этом сверх штатного расписания допускались к обучению приходящие ученики как войскового, так и не войскового сословия, которые не определялись на войсковой счет. Срок обучения был четырехлетним [4, с. 43].

Первыми профессиональными «служителями Эскулапа» должны были стать Ильяс и Юнус Батчаевы из Тебердинского селения, которые еще в 1882–1883 гг. пытались поступить как в Екатеринодарскую, так и в Тифлисскую фельдшерскую школу. Однако бюрократические проволочки с документами привели к тому, что им было отказано, в связи с превышением максимального возраста для поступления [6, л. 2–4].

В период царствования Александра III фельдшеров в Карачае так и не появилось. Лишь в середине 1890-х гг. карачаевские юноши стали поступать в Екатеринодарскую военно-фельдшерскую школу, где в год выделялось 1–2 места для горцев. Именно здесь получили среднее медицинское образование Халит Эркенов, Гилястан Крым-Шамхалов, Тенгиз Крым-Шамхалов, Таубий Хубиев, Хасанбий Хубиев, Нюр-Мухаммад Кочкаров, Хаджи-Мурат Кочкаров, Анзор Каракетов, Бекир Чеккуев, Аслан Динаев, Ибрагим Мамчуев [17], а также по некоторым сведениям – Таукан Алиев [25, с. 33].

Начало XX в. ознаменовалось в Карачае появлением и технической интеллигенции. В основном это были выпускники Майкопского низшего технического училища. Среди них были Асланбек и Ильяс Кочкаровы, Алий Хасанов, Рамазан и Гапалау Текеевы, Сеит-Умар Узденов, Байрамуков и Али-Солтан-Герюгов [16, л. 6]. Полученная ими специальность техника позволяла работать в различных отраслях народного хозяйства, по большей части в дорожном строительстве.

Отдельно стоит упомянуть и военную интеллигенцию Карачая, формируемую, в основном, из представителей княжеского сословия. Так, кадетский корпус еще в 1846 г. окончил Хаджи-Мырза Крым-Шамхалов [2], в подобные же военные учебные заведения в 1850-е гг. были направлены Каншаубий Карабашев и Касболат Крым-Шамхалов [27, л. 10].

В Александровском военном училище образование получил выпускник Ставропольской гимназии Айтек Крым-Шамхалов, впоследствии ставшим первым генерал-майором императорской армии из Карачая [23, л. 43–44].

Мырзакул Крым-Шамхалов, окончив Ставропольскую гимназию по реальному отделению, получил военное образование в Киевском пехотном юнкерском училище [21, л. 9]. Его младший брат Басханук, имея домашнее образование, военное получил в Одесском пехотном юнкерском училище [19, л. 109–110]. Солтанбек (Дмитрий) Айтекович – сын вышеупомянутого генерала, последовательно обучался в 1-м Московском кадетском корпусе и Киевском военном училище [20, л. 44]. Его двоюродный брат – Борис Ачахматович (Александрович), получив среднее образование в Бакинском реальном училище, также избрал для себя военную стезю и поступил в Московское военное училище [22, л. 1].

В годы первой мировой войны Хызыр Акбаев (экстерном окончивший Армавирскую мужскую гимназию) получил военное образование в Одесской школе подготовки прапорщиков пехоты [18, л. 87–88]. Юнус Джаубаев прошел обучение на ускоренном курсе Тифлисского военного училища [5, л. 42].

Таким образом, к 1917 г. количество горцев, имевших среднее образование составляло несколько десятков человек. Высшее образование имели всего несколько человек.

Высшее образование, по имеющимся сегодня сведениям, в XX в. получили лишь два карачаевца. Это Бек-Мырза Крым-Шамхалов, окончивший юридический факультет

Императорского Московского университета (ныне МГУ) [30, л. 18], и Хамзат Голаев, обучавшийся на Высших сельскохозяйственных курсах в Санкт-Петербурге [28, л. 4].

К моменту революционных потрясений прослойка светской интеллигенции в Карачае, состоявшая из нескольких десятков человек, была наиболее подготовленной и образованной частью горского социума. Именно они стали основными действующими лицами крупнейших общественно-политических событий в регионе в 1917–1920 гг., внесли неопределимый вклад в становление национальной государственности карачаевского народа.

Поддержав в массе своей Советскую власть, представители интеллигенции вплоть до конца 1920-х гг. принимали активное участие в строительстве нового, советского Карачая. Однако свертывание НЭПа и усиление тоталитарного режима привело к тому, что абсолютное большинство дореволюционной элиты Карачая было снято с ответственных должностей, подвергнуто административным, а в отдельных случаях и уголовным репрессиям. Спустя десятилетие, в эпоху Большого террора (1937–1938 гг.), практически все они были арестованы и погибли в застенках и концлагерях.

Подводя итог, можно отметить, что светская интеллигенция Карачая, как и других регионов Северного Кавказа, опиралась на богатые традиции, заложенные мусульманским духовенством. Она являлась главной движущей силой всех значимых преобразований в общественно-политической, социально-экономической и культурной сфере жизни региона. Несмотря на большой вклад в становление советского Карачая, представители интеллигенции, практически в полном составе, подверглись репрессиям.

Литература:

1. Бадахова, И.Т. Ислам Хубиев (Карачайлы) – известный карачаевский журналист, государственный и общественно-политический деятель 20-30-х годов XX века. – Автореф. дис. канд. истор. наук, – Пятигорск, 2009. – 29 с.
2. Батчаев, Ш.М. Карачаевцы – офицеры российской армии. Рукопись.
3. Борцы за власть Советов в Карачаево-Черкесии. / Отв. ред. Д.А. Напсо. – Черкесск: КЧНИИФЭ, 1976. – 184 с.
4. Василенко, В.Г. История военного медицинского образования в Кубанской области (80-е гг. XIX – начало XX в.). // Грамота, 2012. – №1 (15): в 2-х ч. Ч. I. – С. 43–45.
5. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (ГА КЧР). Ф. Р-321. Оп. 1. Д.1.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454. Оп. 2. Д. 1724.
7. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 1669.
8. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1869.
9. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1924.
10. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 2052.
11. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 4199.
12. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 6965.
13. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 6982.
14. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 27.
15. Известные люди Карачаево-Черкесии. Биографический справочник / Сост. К.С.-Б. Урусов, Р.Т. Хатуев. – Черкесск, 1997. Т. 1. – 240 с.
16. Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник имени М.О. Байчоровой. Ф. 2. Д. 38.
17. Приказы по Кубанской области за 1890–1920 гг. Электронная база данных.
18. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3644. Оп. 1. Д. 32.
19. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 32070.
20. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35075.
21. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36573.
22. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 8439.
23. РГВИА. Ф. 409. ПС 317–943.
24. Список окончивших курс в Институте инженеров путей сообщения Императора Александра I за сто лет (1810–1910). – СПб, 1911. – 225 с.
25. Уголок большой России – горный край родной. / Сост. Р.С.-Б. Лайпанов. – Черкесск: Кар-Черк. отд-е Ставро. кн. изд-ва. 1982 г. – 288 с.
26. Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1152.
27. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д.1321.
28. Центральный Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 449. Оп. 2. Д. 174.

29. Центр документации новейшей истории Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики (ЦДНИ ГА КЧР). Ф. П-364. Оп. 1. Д. 35а.
30. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 314. Д. 434.

УДК 392.16

Болурова Аминат Ниязбиевна
к.и.н., доцент кафедры истории России,
Карачаево-Черкесский государственный
университет им. У.Д. Алиева,
г.Карачаевск, Россия,
E-mail: a-bolurova@mail.ru

НРАВСТВЕННОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЭТИКЕТА ЗНАКОМСТВА И УХАЖИВАНИЯ У КАРАЧАЕВО-БАЛКАРЦЕВ

***Аннотация:** В статье дан анализ карачаево-балкарскому этикету знакомства и ухаживания, в частности его нравственному и эстетическому содержанию. Автор сделал особый акцент на этические нормы, которые являются основой во взаимоотношениях юношей и девушек.*

***Ключевые слова:** этикет, знакомство, свадьба, молодежь, воспитание, обычаи и обряды*

Bolurova Aminat Niyazbaeva
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev,
Ph. D.in history, associate Professor of Russian history,
Karachaevsk, Russia,
E-mail: a-bolurova@mail.ru

MORAL AND AESTHETIC CONTENT OF THE ETIQUETTE OF DATING AND COURTSHIP AMONG KARACHAYS AND BALKARS

***Abstract:** The article analyzes the Karachay-Balkar etiquette of dating and courtship, in particular its moral and aesthetic content. The author placed special emphasis on ethical norms, which are the basis in the relationship between boys and girls.*

***Key words:** etiquette, acquaintance, wedding, youth, education, customs and ceremonies.*

Карачаево-балкарский свадебный этикет и регулируемые им нравственные ценности семейной жизни складывались веками и отражают духовную и эстетическую культуру народа, свято соблюдающего верность нравственным принципам.

Нравственным идеалом для юношей и девушек является всесторонне развитый человек, прекрасный телом и душой. Нравственный идеал – это единство этического и эстетического идеалов, так как форма и содержание неразрывно связаны между собой. Содержанием является внутренняя красота человека, которая всегда стоит выше внешней.

К примеру, обратив внимание на девушку, юноша, согласно нормам этикета, мог выразить желание познакомиться передав ей через посредников (парни, женщины) различные подарки (конфеты, монеты или сладости). В ответ, если девушка желала этого знакомства, она передавала два носовых платка – жениху и другу, что символизировало начало их знакомства.

Знакомство могло проходить при различных обстоятельствах, но в любой вариации было обязательным соблюдение нравственных норм: скромности, степенности, умение контролировать себя в проявлении чувств.

Следует выделить, что балкарки и карачаевки не были изолированы от мужского общества. До замужества они свободно общались с мужчинами: бывали на различных

торжествах и вечерах, вместе с ними трудились во всех отраслях хозяйства. На это обратил внимание Г. Петров. Он писал: «Не считается предосудительным, если девушка находится в обществе холостых людей или посещает дома знакомых. Пляски, пение и участие в публичных увеселениях, как то: на общественных гуляниях, во время курман байрама, а также на свадьбах – составляют исключительное достояние девушек». Старейшие рассказывают, что девушки допускались на все празднества, оживляя их своим присутствием. В их обществе предпочитали проводить свой отдых мужчины, с которыми девушки вели себя непринужденно. На свадьбы девушки приходили обычно со своими матерями, на публичные увеселения – с младшими братьями, сестрами, а также с родственниками, где они могли петь, танцевать, шутить, участвовать в играх. Мужчины относились к ним внимательно. И.С. Шукин отмечал, что карачаевские и балкарские женщины «никогда не закрывают лица (даже замужняя), а девушки не лишены мужской молодежи. Очень часто бывает, что из соседних кварталов приходят в гости парни, и тогда при участии девиц устраивается перед саклей импровизированный бал с танцами под гармошку» [2, с. 67].

«У себя дома, – сообщал Н.П. Тульчинский, – женщины в горских обществах держатся с мужчинами свободно, а молодежь обоего пола часто и совершенно беспрепятственно сходится на вечеринках, свадьбах и т. п. увеселениях, устраиваемых в просторных саклях (зимой) или на просторных площадках (летом). На этих увеселительных сходках девушки и парни относятся друг к другу совершенно свободно, шутят, вслух отпускают вольные любезности. На этих собраниях обыкновенно стоят группами – девушки отдельно и парни отдельно» [3, с. 132].

У горцев женщина пользовалась большим уважением. И.Ф. Бларамберг в статье «Влияние женщин» писал: «Если женщина с распущенными волосами без покрывала бросается в гущу сражающихся, кровопролитие прекращается, и тем скорее, если эта женщина в возрасте или из известной семьи. Достаточно того, чтобы мужчина, которого преследуют враги, укрылся в помещении женщин или чтобы он дотронулся до какой-нибудь женщины, как он становится неприкосновенным. Одним словом, никакая кара, никакая месть и тем более убийство не могут быть совершены в присутствии женщин; их откладывают до другого случая. Вместе с тем, между лицами одинакового положения считается постыдным отдавать себя под защиту прекрасного пола, поэтому к ней прибегают только в крайних случаях и чтобы избежать неминуемой смерти» [1, с. 232]. Этот обычай бытовал у всех народов Кавказа.

В.Я. Тепцов отмечал такую деталь: «Положение женщины в Карачае гораздо лучше, чем у остальных горцев. Хотя она здесь и не пользуется особым почетом, но и не презирается, не считается самкой. Дети обязаны уважать мать так же, как и отца, а муж дорожит женою как хозяйкой и работницей. Девушки не запираются под замок и в обыденной жизни пользуются некоторой свободой. Вечеринки, напоминающие несколько наши посиделки, в большом ходу в Карачае и на Баксане. Перед покосом парни и девушки проводят время в танцах под гармошку». Карачаевки и балкарки никогда не носили паранджу. «Обычай не требует закрывать лицо, но смотреть на незнакомого мужчину считается преступлением против прав и скромности. Обычай этот мы встретили только в Карачае и Балкарии», – писал В.Я. Тепцов [4, с. 154].

Таким образом, свободное общение парней и девушек давало широкие возможности для выбора себе жены или мужа.

В дореволюционное время в Карачае и Балкарии горская молодежь принимала самое активное участие в свадьбах (той), праздниках урожая (сабан той), сенокоса (бичен той), пастуха (мал той), охоты (Апсатыны тою), в мероприятиях, связанных с коллективной взаимопомощью (изеу), рождением ребенка (сабий туугъан), вечеринках (кечеле), в приеме гостей (къонакъ алуу), где и происходило знакомство юношей и девушек. Все эти торжества сопровождалось весельем – танцами, песнями, забавами, шутками, играми и т. д. На этих встречах парень понравившейся ему девушке оказывал

усиленное внимание, не упуская для этого ни одной возможности. Как только он чувствовал, что нравится своей избраннице, стремился поближе познакомиться, а затем и жениться на ней. Но знакомства главным образом происходили на свадьбах, так как они проводились чаще, чем другие праздники [ПМА]. Клапрот писал, что молодые люди знакомятся с девушками селения на свадьбах, «в результате чего возникают многие любовные истории, кончающиеся новыми свадьбами». Об этом сообщал и И.Ф. Благрамберг [1, с. 245]. На торжествах девушки и парни знакомились чаще всего в танцах, которые служили как бы немым языком для общения молодых. Например, на празднике начала или окончания охоты во время исполнения танца «Жугьтур», на празднике урожая – «Ашра геже», «Бодуркьу», «Озай», «Ындырбай». Если девушка выходила в круг и танцевала с парнем, это означало, что он ей по душе.

В период сенокоса молодежь жила в поле во временных шалашах. Вечерами после трудового дня она, как бы ни уставала, затевала у костров танцы, игры. Окончание сенокоса тоже отмечалось очень весело. Здесь также происходили знакомства.

Знакомилась молодежь и во время так называемых смотрин, на которых демонстрировались вещи и блюда, приготовленные девушками селений. После тщательного осмотра, наиболее уважаемые из стариков решали, чья дочь будет лучшей хозяйкой. Заканчивались смотрины исполнением танца «Ийнай» [ПМА].

Между тем, этика девушек крестьянского и высшего сословий сильно отличалась друг от друга. Об этом Б.А. Ланге, писал: «По местным обычаям девушки высших сословий очень редко могут встречаться с молодыми людьми своего круга, и то лишь на общественных празднествах, причем туземные понятия о приличии не допускают разговора между ними. Гораздо счастливее в этом отношении девушки низших сословий: они не стеснены тяжелыми правилами этики, не ведут замкнутой жизни, не избегают встреч с аульной молодежью и поэтому имеют возможность выбрать себе мужей по сердцу» [7, с. 67].

Большую роль в знакомстве играл распорядитель танцев – бегеуль, так как не все парни и девушки осмеливались приглашать друг друга на танец, в особенности, если это были гости. Распорядитель подводил девушек к робким парням, строго соблюдая при этом принятые правила приличия. Юноша мог сказать ему, с какой девушкой он хочет танцевать. Бегеуль мог передать девушке какому парню она нравится, и наоборот. Безусловно, распорядители танцев у балкарцев и карачаевцев выполняли те же функции, что и у других народов Кавказа.

Необходимо выделить, что в танцах, которые исполняются под руку, парни и девушки могли свободно разговаривать друг с другом, соблюдая при этом горский этикет. Такими танцами у карачаевцев и балкарцев являются «Марако», «Къысыр», «Бирге», «Абезех».

Если, приглашая парня на танец «Жерме», который обычно исполнялся на свадьбах, девушка подносила бокал с напитком, это значило ее желание познакомиться с ним. Парень, сделав глоток, передавал бокал своим товарищам и выходил в круг. Таким же образом девушка могла пригласить парня на танец «Сандыракь». А. Холаев в своей статье «К вопросу о трансформации обрядовой песни-пляски «Голлу» у балкарцев и карачаевцев» пишет: «Если на голлу девушка понравилась парню, то этот парень снимал шапку и надевал на голову той девушки». Парень, приглашая девушку на танец «Тепана», отдавал ей свою шапку, а взамен получал гоппан.

Во время танца «Кюзгю оюн» (игра с зеркалом) на середину круга с зеркалом в правой руке выходила девушка. К ней подходили сначала девушка, затем парень. Вторая девушка смотрела в зеркало, как бы гадая, кто из парней любит ее. Юноша брал ее под руку, как бы говоря: «Я люблю тебя», и они исполняли танец «Бирге». Так же поступали следующие пары. При исполнении танца «Жюзюк оюн» (игра с кольцом) девушки и парни становились в полукруг. Одна половина полукруга - девушки, другая - парни. Начинала танец девушка. Держа в закрытых ладонях кольцо, она подходила к

полукругу юношей. Касаясь поочередно ребрами своих ладоней полуоткрытых ладоней юношей, опускала кольцо тому, кто ей нравился. Пройдя всех парней, она отходила на свое место. Всем было интересно, кому же девушка опустила кольцо, так как это давало знать, кого из юношей она любит. Затем то же самое делал парень. Танец продолжался до тех пор, пока все примут в нем участие [ПМА].

Сближала молодежь и игра «Къыз къачырыу» (похищение девушки). Всадник на скаку выхватывал из группы девушек ту, которая была ему по душе, и увозил ее на определенное расстояние. Затем, прискакав назад, вместе с ней исполнял танец «Тегерек тепсеу». Всадник мог увести шапочку девушки. Другие всадники устраивали за ним погоню, чтобы отобрать ее. Если это им удавалось, то юноша платил выкуп девушке деньгами, конфетами, отрезом на платье, серьгами, кольцом. Если не удавалось, то девушка устраивала для него и его друзей угощение. Могло быть и так. Девушка клала на землю свой платочек. Джигит, который на полном скаку доставал его, получал право танцевать с ней любой танец.

Формы знакомства были различными. К примеру, юноши обычно собирались на пути следования девушек за водой. Некоторые парни приходили впервые, чтобы понаблюдать за девушками и присмотреться к ним. Юноши и девушками уже знакомые и питавшие симпатии друг к другу, встречались у родника. Девушки проходили мимо юношей молча, стараясь лишь незаметно взглянуть на них, особенно, если среди них были избранники. По этим взглядам юноши легко определяли, как к ним относятся. Иногда юноши и девушки обменивались несколькими фразами.

Стройность стана, красота и легкость походки, манера носить одежду говорят о внутреннем мире, потому как внешняя культура есть отражение внутренней. Встреча юноши и девушки у родника являлось подлинным отражением нравственных взаимоотношений между юношами и девушками. Начало знакомства юноши с девушкой зависело от широты его творческой фантазии, умения вызвать внимание. Это мог быть комплимент, просьба дать выпить воды, притча, рассказанная так, чтобы было ясно к кому она обращена и т. д. Во все времена мужчина был хранителем женского достоинства и чести, и потому бережно относясь к девичьей скромности, не позволяющей ей подолгу задерживаться и разговаривать в обществе с незнакомым юношей, он был тактичен и деликатен, что свидетельствовало об истинной мужественности, выдержке, сдержанности [ПМА]. Единым правилом для всех было жесткое соблюдение правил этикета, в частности это касалось отношений между юношами и девушками, которым необходимо было при общении придерживаться достаточно приличного расстояния между ними.

Помимо соблюдения правил этикета, при знакомстве парней и девушек очень важную роль играла одежда. На праздники они обычно приходили в самой лучшей, красивой одежде, чтобы понравиться друг другу. Старшие сразу же замечали, кто и как одет – со вкусом или нет, аккуратно или неряшливо, кто и как шьет. За лучший наряд присуждался специальный приз. Девушку, умеющую шить красивую одежду, родители брали на заметку, чтобы засватать за своих сыновей. Каждая свекровь хотела иметь такую невестку. Отмечали также и парней, которые умели шить добротную обувь, изготавливать ювелирные изделия (кольца, кинжалы, подвязки, ремни, мужские нагрудники, ножи, наборы поясов). Если на парне была красивая одежда, интересовались, кто ему сшил ее. Если одежду шила его сестра, то ее тоже брали на заметку как будущую невесту. Родители гордились, когда их дочери умели шить. Вещи, изготовленные искусными мастерицами, разыгрывались на торжествах как призы.

Одежда могла служить подарком. Парень мог подарить девушке платок, серьги, кольцо, браслет, зеркалаще, бусы и т. д., а девушка своему возлюбленному – башлык, шапку, рубашку. Самым ценным подарком для юношей считался платок. Когда ехали забирать невесту, то со стороны жениха привозили ей специальное платье, которое она надевала перед своим отъездом из дома родителей. Г.Ю. Клапрот, описывая карачаевскую свадьбу, отмечал, что «если жених богат, он посылает своей невесте полное одея-

ние, которое она должна надеть, когда ее отводят к нему...» [11, с. 89]. кроме того, по одежде можно определить засватанную девушку и замужнюю женщину, жениха и женатого мужчину, к какому сословию они принадлежат, какого возраста.

Знакомство и молчаливое объяснение парня и девушки могло произойти и при исполнении таких танцев, как «Къысыр», «Марако», «Бирге», «Жортуул», «Абезех». В этих танцах, составляя пару, парень правой рукой брал левую руку девушки. Если она локтем левой руки касалась его бока, то было ясно, что он ей нравится. Если юноша, с которым танцевала девушка, был ей не по душе, она пальцы левой руки сжимала в кулак, давая понять этим, что никакого интимного разговора не может быть. Парень, не применяя силы, имел право попытаться раскрыть пальцы. Касание ладони левой руки девушки с ладонью правой руки парня означало, что они любят друг друга, переплетение пальцев – что очень любят друг друга. Этот элемент в черкесском танце подметил Дж. Белл: «Круг состоял из мужчин и молодых девушек; каждый мужчина держал как бы под руки девушек, между которыми он находился, переплетая с ними пальцы» [9, с. 100].

При знакомстве юноши с девушкой большую преграду представляло сословное положение, которое отчетливо проявлялось в одежде. Р. В. Захаржевская по этому поводу пишет: «Во все периоды существования классового общества костюм был средством выражения классовой принадлежности, внушительной преградой привилегии одного сословия перед другим» [4, с. 34]. Об этом пишет и Е.Н. Студенецкая: «У тех народов, где феодальные отношения были более развиты, в женской одежде ярко выявлялись сословные различия. Особый красный (княжеский) цвет одежды, подчеркивание аристократического происхождения ходулями и высокими шапочками, преувеличенно длинные рукава, исключавшие возможность что-либо делать, затянутая в корсет тонкая фигура, наконец, богатые вышивки и украшения на одежде выделяли знатную девушку из среды других» [12, с. 87].

Одежда также являлась одним из главных признаков в определении идеала красоты человека. Ведь со вкусом сшитая одежда украшает его. Каждый независимо от пола, возраста, сословного положения хотел одеться как можно красивее, особенно это касалось молодежи, достигшей брачного возраста. Прежде всего, к этому стремились девушки.

Знакомство парней и девушек происходило, когда молодежь устраивала различные гадания. К примеру, девушки и парни садились в полукруг, затем в сосуд, смешав, клали зерна кукурузы и фасоли. Играли попарно и по очереди. Сначала из сосуда несколько зерен вынимала девушка, затем парень – ее партнер. «Предсказывала» будущее по зернам обычно пожилая женщина. Если они достали по четному числу зерен, то считалось, что парень женится на этой девушке. Если у кого-нибудь из них было нечетное число зерен, то это означало, что вместе они не будут. Подобное гадание затевали и одни девушки. В сосуд опускались белые и желтые зерна кукурузы. Девушки по очереди, не глядя, доставали из него по два зерна. Если зерна попадались желтые, то жених будет богатый, если белые – бедный. Иногда в сосуд опускали вместе зерна кукурузы, ячменя, пшеницы, фасоли, проса. Если в руке девушки оказывалось больше зерен кукурузы, чем других, то жених у нее будет из семьи среднего достатка, пшеницы – богатый, если было больше остальных зерен, то это означало, что жених будет очень бедный [6, с. 94].

Гадали также на орехах и яйцах. Парни становились парами с девушками. У всех в руке было по одному ореху. Парень брал орех у своей партнерши и сдавливал свой орех и орех девушки в руке. Если трескался орех девушки, это значило, что его невеста будет с мягким характером, а если наоборот, то ее жених будет с мягким характером. Другой вариант. Девушки и парни становились парами, брали в руку по одному круто сваренному яйцу и давили одно о другое. Если лопалось яйцо девушки, то жених у нее будет с крутым характером, если парня – то наоборот. Если; во время гадания начинался дождь, то говорили, что мечты сбудутся у всех; если снег, то у играющих в этот мо-

мент парня и девушки в этом году состоится свадьба; молния означала, что все играющие будут иметь хороших женихов и невест.

Еще одна форма гадания заключалась в том, что каждый из парней давал свой мокрый носовой платочек девушке, которая ему нравилась. Девушки должны были просушить их у огня. Кто быстрее это сделает, значит любит своего парня сильнее. Карачаевские парни и девушки определяли, когда у них будет свадьба, также по бараньей лопатке, что отмечается в работе Г.Ю. Клапрота [5, с. 265].

Наряду с другими формами девушки гадали и на маленьких камешках (зернах кукурузы, ячменя, бобах, горошинах). Их раскладывали в кучки в соответствии с правилами и по расположению по отношению друг к другу предсказывали, удачным или неудачным будет исход задуманной дела. Люди верили в силу этих предсказаний, и если последние были неблагоприятными, очень горевали, пишет И.Ф. Бларамберг [10, с. 45].

Отметим еще ряд интересных гаданий. Гадание «Ийнеле» (иголки). Девушки брали чистую воду из родника или из речки недалеко от «святых» мест. В сосуд с этой водой опускали семь иголок, и каждая в темноте смотрела в зеркало, в котором должно было отразиться лицо парня, за кого она выйдет замуж. К зеркалу девушки подходили по очереди. Во время гадания могли присутствовать и парни.

Гадание «Олтуруп» (сидя). Юноши садились на табуретки через некоторое время вставали с них. На эти табуретки с закрытыми глазами садились девушки и открывали глаза. Считалось, что девушка непременно выйдет замуж за того юношу, чье место займет.

Гадание «Къоз тыякъ» (ореховая палочка). Юноши держали впереди себя ореховые палочки. Девушки по очереди с закрытыми глазами подходили к ним и брали по одной палочке. Чью палочку девушка взяла, за того якобы она выйдет замуж.

Гадание «Гюттю» (маленькие кукурузные лепешки, испеченные в золе). Девушки пекли очень соленые лепешки, которые ели перед сном. Как бы ни хотелось воды, пить было нельзя. Только при этом условии девушке мог присниться ее суженный. Вот как это гадание описывает карачаевская писательница Х. Б. Байрамукова: «Ночами девушки собирались на девичник, пекли специальные лепешки, где соли было больше, чем муки, – тузлу гюттю, ели их и ложились спать. Бедные, как они вскакивали среди ночи. «Пить! Пить! Пить!» – просили их губы, а разум возражал: «Нет», потому что если напьешься воды, по не приснится тот, за кого тебе суждено выйти замуж. А кому не хотелось заранее узнать свою судьбу» [7, с. 95].

Парень и девушка, знакомясь друг с другом, учитывали такие человеческие качества, как доброта, красота, смелость, трудолюбие, а также знание горского этикета и другое. Каждая девушка хотела, чтобы ее муж был смелым, сильным, с твердым характером, трудолюбивым, умным, добрым. Суровая жизнь на каждом шагу требовала от горцев проявления всех этих качеств. Культ мужества для горца органически связывался с горской нравственностью. Мужество горца проявлялось не только в бою с внешними и внутренними врагами, но и в труде.

У карачаево-балкарцев издавна одним из средств существования была охота. Она требовала от человека исключительного мужества, высокого мастерства, была связана с большим риском для жизни. Охотнику грозили снежные обвалы, нападение хищных зверей, холод, голод, опасные тропы. О смелых охотниках, об их трудовыми героическими подвигах народ сложил песни, создал танцы.

Карачаевцы и балкарцы поют песню о сыне бедного крестьянина Гапалау, который выступил против жестокого произвола горских князей и погиб в неравном бою, об отважном Ачемеze, убившем крымского хана и этим спасшем от грабежа свой аул и свою честь [10, с. 67].

Бездельники, тунеядцы, трусы презирались. Самым ужасным проклятием для девушки было: «Чтоб ты имела мужа бездельника и труса» Осуждались такие качества, как малодушие, слабость, жестокость, невыдержанность, жадность, предательство, двуличие, подхалимство и т. п. Положительные качества воспитывали не только в мужчине, но и в

женщине начиная с малых лет. Очень высоко как у мужчины, так и у женщины ценился ум. Многие исследователи отмечали в горцах их природный ум и доброту.

Ж.Ш. де Бесс в своей статье «Легендарная история мадьярского князя» писал о карачаевцах: «Они превосходно держались в седле и лихо правили своими лошадьми, можно сказать, не только лихо, но и с изяществом; они очень ловки и прекрасные стрелки. Эти люди отличаются прекрасной осанкой, выразительными чертами лица, приятной внешностью и гибкостью стана» [5, с. 232]. Девушки мечтали о парнях высокого роста, красивого сложения, стройных, с тонкой талией, широкими плечами и грудью, узким прямым носом, черными или карими глазами, мускулистыми руками, черными волосами, черными широкими бровями, длинными ресницами. Они сравнивали своих любимых с гибкой лозой, львом, туром, зубром, орлом, ястребом. Немаловажными считались такие свойства, как легкая уверенная походка, выразительные черты лица, гордый взгляд. Е.Н. Студенецкая в своей статье «Одежда» отмечает: «Идеал мужской красоты – стройность, подтянутость, ловкость и сила, широкие плечи и тонкая талия» [12, с. 143].

Мужчины ценили в своих возлюбленных, прежде всего физическую красоту, хороший нрав, трудолюбие, умение вышивать золотыми и серебряными нитями, шить мужскую и женскую одежду, готовить пищу, ухаживать за детьми и стариками, доить коров, коз, по возможности, красиво одеваться и т. д. Н.Ф. Грабовский указывал: «Горец требует от женщины, или, вернее, от девушки, не привлекательности лица, а стройную, тонкую талию, высокий рост и приличную худощавость» [5, с. 235]. Не менее ценились открытый лоб, длинные толстые косы, широкие длинные брови и длинные ресницы, большие черные глаза, маленький нос и рот, длинная шея, легкая грациозная походка.

Литература

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов (XIII-XIX вв.) / Сост. В.К. Гарданов. Нальчик, 1974 – 632 с.
2. Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1986. – 168 с.
3. Бгажноков, Е.Х. Адыгский этикет. – Нальчик, 1983. – 160 с.
4. Каракетов М.Д. Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. – М., Наука, 1995. – 344 с.
5. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. – Черкесск, 1978. – 336 с.
6. Кучмезова, М.Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. – Нальчик., 2003. – 210 с.
7. Кудаев, М.Ч. Карачаево-балкарский свадебный обряд. – Нальчик, 1988. – 160 с.
8. Косвен, М.О. Этнография и история Кавказа. – М., 1961. – 260 с.
9. Малкандуев, Х.Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, Эльбрус, 2001. – 173 с.
10. Малкандуев, Х.Х. Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1990. – 193 с.
11. Смирнова, Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. – М., 1983. – 263 с.
12. Студенецкая, Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа (XVIII–XX вв.). – М., 1989. – 288 с.
13. Полевой материал автора. Каракетов Амыр. 1935 г.р. Карачаево-Черкесская Республика, г. Карачаевск.
14. Полевой материал автора. Акбаева Зенфира. 1938 г.р. Карачаево-Черкесская Республика, г. Карачаевск.
15. Полевой материал автора. Апаев Локман. 1933 г.р. Карачаево-Черкесская Республика, г. Карачаевск.
16. Полевой материал автора. Салпагарова Халимат. 1940 г.р. Карачаево-Черкесская Республика, г. Карачаевск.

Геграев Хаким Камилевич
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова», доцент кафедры
организации работы с молодежью,
г. Нальчик, Россия,
E-mail: gegra70@mail.ru

РОССИЙСКИЙ КАВКАЗ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ И МИССИЯ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: В статье проанализирован процесс формирования полиэтнической и поликультурной общности Северного Кавказа в контексте эволюции российской государственности. Показана роль Северо-Кавказского региона как места пересечения цивилизационных потоков и мировых религий, позволивших занять ему особое место в системе мировой цивилизации и российского геокультурного пространства.

Ключевые слова: народы Кавказа, Российское государство, деятели культуры, традиционные религии, Северо-Кавказский федеральный округ, молодежная политика

Gegraev Hakim Kamilevich
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Associate Professor at the Department of Youth Work Organization,
Nalchik, Russia,
E-mail: gegra70@mail.ru

RUSSIAN CAUCASUS: VIEW FROM WITHIN THE COUNTRY AND YOUTH MISSION

Abstract: The article analyzes the process of formation of a poly-ethnic and multicultural community of the North Caucasus in the context of the evolution of Russian statehood. The role of the North Caucasian region is shown as a place of intersection of civilization flows and world religions, which allowed him to take a special place in the system of world civilization and the Russian geocultural space.

Key words: peoples of the Caucasus, the Russian state, cultural figures, traditional religions, the North Caucasus Federal District, youth policy

В данном материале, не претендующем на полноту анализа обозначенной проблематики, ввиду ее исторической и социально-философской глубины, мы попытаемся в тезисном виде обозначить некоторые ретроспективные, актуальные и перспективные вехи развития Северного Кавказа в системе общероссийского цивилизационного пространства, а также обрисовать роль молодежи в реализации стратегии его дальнейшего социально-экономического и культурного развития, в укреплении международного сотрудничества и межкультурного диалога.

Нам представляется уместным привести здесь цитату из Федеральной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России на 2014–2020 годы»: «Традиционные формы духовности и этнической культуры народов России являются основой общероссийской идентичности. Поэтому укрепление единства российской нации, формирование общегражданской идентичности россиян, обеспечение динамичного этнокультурного и духовного развития народов России, противодействие этнополитическому и религиозно-политическому экстремизму являются важными факторами дальнейшего устойчивого развития страны...

Этнокультурное многообразие России является важным элементом ее международного имиджа, неотъемлемой частью мирового духовного наследия».

Российская Федерация является одним из крупнейших государств мира с полиэтническим составом населения, обладая при этом интегрирующей все этносы русской языковой доминантой. В России проживают представители 193 этнических общностей (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года), обладающих отличительными особенностями материальной и духовной культуры.

Культурное и языковое многообразие российских народов защищено государством. В России используется 277 языков и диалектов, в системе государственного об-

разования используется 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения (на 2010 год) [1].

В античной и средневековой восточной традиции Кавказ определяли как «гору языков». К числу народов, насчитывающих в настоящее время более 100 тыс. чел., на территории Северо-Кавказского федерального округа относятся: русские, чеченцы, аварцы, кабардинцы, даргинцы, осетины, ингуши, кумыки, лезгины, карачаевцы, лакцы, табасаранцы, балкарцы. Еще больше этнических наименований можно перечислить по народам, насчитывающим менее 100 тыс. чел. Это не считая представителей многих других этнических групп, исторической родиной которых являются иные регионы нашей страны и зарубежья, но при этом давно укоренившихся на северокавказской земле.

Исторический Северный Кавказ и нынешний Северо-Кавказский федеральный округ представляют собой наиболее концентрированное выражение этно- и геокультурного разнообразия России, отличаясь сложным, разнообразным этническим составом населения, сосредоточенном на относительно небольшой территории, что обуславливает прямую зависимость состояния общественно-политической обстановки от ситуации в сфере межнациональных и, шире, международных отношений.

Нельзя не отметить, что с точки зрения протекания всемирных и собственно российских цивилизационных процессов, исторически Северный Кавказ отнюдь не был периферией евразийского геокультурного пространства. Достаточно сказать, что такие традиционные религии России, как православие (пример – древние христианские храмы на территории современной КЧР), ислам (проникновение в 8 в. на территорию Дагестана) и иудаизм (эпоха Хазарского каганата) проникли на Кавказ еще в эпоху раннего средневековья, т.е. раньше, чем в какой-либо другой регион нашей страны. Еще до официального своего вхождения в состав Российского государства, которое у разных народов охватило, в основном, период с середины XVI до второй половины XIX века, кавказские этносы прошли длительный путь духовного становления, адаптируя в своей автохтонной социокультурной среде ценности мировых религий и культур. Это позволило им в дальнейшем стать одновременно уникальной и органической частью обширного и поликультурного российского цивилизационного пространства и выдвинуть из своей среды, еще в царский и имперский периоды российской истории, целую плеяду ярких представителей, достигших немалых успехов на военной и гражданской службе, на уровне культуры и просвещения (князья Черкасские, Шора Ногмов, Адьльгирей Кешев, Ислам Крымшамхалов, Мисост и Солтан-Бек Абаевы, Иналук Тхостов, Коста Хетагуров, Умалат Лаудаев, Чах Ахриев, Башир Далгат, и многие другие). В свою очередь Кавказ был местом притяжения и вдохновения для видных деятелей русской культуры. Кроме хрестоматийных примеров Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, применительно к одной только Кабардино-Балкарии, мы можем назвать имена побывавших и живших здесь музыкантов Ф. Шаляпина, М. Балакирева, С. Танеева, С. Прокофьева; писательницы Марко Вовчок; крупнейших ученых М. Ковалевского, В. Миллера, П. Услара; художников Н. Ярошенко, М. Алехина, А. Куинджи; режиссера С. Немировича-Данченко и др.

Уже досоветская северокавказская городская культура дает нам яркие примеры складывания в ее рамках гражданской и культурной общности, составленной из представителей разных народов и вероисповеданий. К примеру, нынешняя столица Кабардино-Балкарии – город Нальчик, основанный во втором десятилетии 19 века как русская военная крепость, в дальнейшем вообрал в себя Горско-еврейский поселок, немецкую Александровскую колонию, ближайшие кабардинские и балкарские села. Здесь также сложились довольно многочисленные осетинская, грузинская, армянская и другие диаспоры [2].

В течение XX века, насыщенного драматическими событиями внутри- и внешнеполитического масштаба, сопровождавшимися большими людскими потерями, народы Северного Кавказа совершили новый рывок в развитии политической, социально-экономической и культурной субъектности, став в один ряд с наиболее образованными этническими общностями нашей страны. И снова, в качестве примеров мы назовем лишь небольшую часть уроженцев Северного Кавказа, в том числе Кабардино-Балкарии, приобретших не только всероссийскую, но и международную известность: поэты и писатели Кайсын Кулиев, Алим Кешоков, Расул Гамзатов; люди науки – академики Михаил Залиханов, Тимур Энеев и профессор-физик, Нобелевский номинант

Мурадин Кумахов; художник Михаил Шемякин; дирижеры Юрий Темирканов и Валерий Гергиев; танцор Махмуд Эсамбаев.

Уникальность и разнообразие природно-климатических ресурсов территории Северо-Кавказского федерального округа создают благоприятные условия, как для постоянного проживания, так и для развития туристско-рекреационного комплекса и индустрии гостеприимства в самых разных их проявлениях – лечебно-оздоровительный, горнолыжный, спортивный (экстремальный), деловой, экологический, культурно-познавательный, паломнический, сельский, специализированный (археологический, конный, спелеологический, этнографический) туризм.

На территории Северо-Кавказского федерального округа расположены 6 государственных заповедников, 2 национальных парка, а также 7 государственных заказников, обеспечивающие сохранение богатого биологического разнообразия региона. Уникальные рекреационные ресурсы создают благоприятные условия для международных обменов и межкультурного диалога на северокавказской земле, что, в принципе, находит свою практическую реализацию, но, при условии дальнейшей модернизации инфраструктуры индустрии гостеприимства, достижения устойчивости в экономической, политической, духовно-нравственной сфере, может дать гораздо больший не только экономический, но и общегуманитарный эффект.

В контексте данной проблематики хотелось бы отметить особую роль студенческой молодежи Северного Кавказа и шире – юга России, поскольку данный регион является своеобразным связующим мостом и местом встречи народов Европы и Азии. Именно на юге России аккумулирован богатый исторический опыт совместного проживания и сотрудничества различных рас, народов и религий. Хотя надо отметить, что этот опыт вобрал в себя достаточно серьезные испытания на прочность межнационального согласия и в целом российской государственности на всех этапах ее истории – до советском, советском и постсоветском. В 90-е годы XX века – начале 2000-х годов именно студенческие и молодежные организации Северного Кавказа и Юга России сделали немало для укрепления межнационального и межрелигиозного согласия и сотрудничества, показывая примеры разрушения барьеров, могущих возникать между людьми, через неустанную совместную деятельность в области науки, культуры, защиты социальных прав молодежи. Здесь достаточно назвать такие крупные социокультурные молодежные инициативы, как научная конференция молодых ученых, аспирантов и студентов «Перспектива», которая, начиная с 1997 года, ежегодно проходит в Эльбрусском учебно-научном комплексе КБГУ, и прошла путь от региональной до международной конференции. Число участников ее постоянно растет, а материалы конференции, от первого небольшого сборника с 40 статьями, выросли до многотомника по различным фундаментальным и прикладным направлениям [3].

Безусловно, один из самых ярких и крупных проектов – межрегиональный фестиваль «Студенческая весна на Северном Кавказе», который пять раз (1996–2000) проходил в г. Нальчике (КБР) и всегда демонстрировал стремление студенчества к миру и согласию, создавал дух творчества и дружбы. Первый фестиваль собрал всего 11 вузов, и не более сотни участников. А пятый – 44 вуза СНГ и ближнего зарубежья и более 600 участников и гостей. Здесь можно называть еще много других социокультурных проектов, реализованных с участием северокавказской молодежи, направленных на сохранение этнокультурной и общероссийской гражданской идентичности, укрепление межкультурного и межконфессионального диалога.

И сейчас, в эпоху глобальной турбулентности, молодежные и студенческие организации Северного Кавказа, во взаимодействии с организациями вузов России, с учетом исторического опыта и уникального геокультурного положения, смогли бы сыграть свою неопределимую роль в укреплении солидарности и развитии сотрудничества между студенческой молодежью, представляющей различные этнические культуры нашей страны, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Стратегия социально-экономического развития СКФО на период до 2025 года в числе наиболее значимых направлений развития культуры в Округе определяет, в частности, создание равных возможностей для населения различных территорий и представителей разных этнических групп для получения доступа к культурным ценностям; развитие единства культурного пространства; подготовку и реализацию целевых программ, направленных на эффективное противодействие этническому и религиозному

экстремизму, укрепление и развитие межконфессионального сотрудничества в целях преодоления религиозной и этнической нетерпимости; повышение инвестиционной привлекательности Северо-Кавказского федерального округа в сфере культуры на российском и международном уровнях; модернизацию учебного процесса в общеобразовательных и высших учебных заведениях Северного Кавказа в целях обеспечения единых подходов к преподаванию отечественной истории, а также для предотвращения формирования в ученической среде устойчивых негативных этнических стереотипов [4].

Для решения общих проблем всегда естественны пути объединения. А у молодежи Северного Кавказа есть свои социально-культурные особенности, общие проблемы и общие интересы. Студенчество юга России – это более сотни тысяч молодых, устремленных в будущее людей. Это огромный потенциал, который должен реализовать себя в жизни для мирного созидания и прогресса на кавказской земле. А для этого крайне необходима консолидация, причем, как непрерывный процесс, поскольку появляются новые поколения студенческой молодежи, которым необходимо передавать все те лучшие традиции, которые были накоплены в студенческом движении северокавказского региона.

Более одной трети общей численности населения СКФО составляет молодежь (приблизительно 2,8 млн. человек). Поэтому в Северо-Кавказском федеральном округе в целом и в каждом субъекте, входящем в его состав, в частности, должна проводиться грамотная и эффективная молодежная политика по всем направлениям деятельности, затрагивающим молодежное участие:

- развитие эффективных моделей и форм вовлечения молодежи в трудовую и экономическую деятельность;
- поддержка талантливой молодежи и пропаганда традиций народов, проживающих на территории Северо-Кавказского федерального округа и Российской Федерации в целом;
- поддержка общественных объединений молодежи;
- модернизация материально-технической базы учреждений по работе с молодежью и расширение их сети и др.

В заключении хотелось бы выразить надежду, что наш форум, проходящий на Юге России, где исторически встречались народы Европы и Азии, станет добрым началом к дальнейшему укреплению содружества студенческих и молодежных организаций наших стран. Студенческая творческая молодежь, как наиболее мобильная и инициативная сила, способна занять ведущие позиции в процессах интеграции и межкультурного сотрудничества на пространствах Евразии, которое населяют народы с общими историческими судьбами и духовно-нравственными ценностями.

Литература:

1. http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/026/402/original/ФЦП_в_редакции_от_25.08.2015.pdf?1447405287.
2. Дзагов, Р.Н. Формирование политнического населения Кабарды в XIX - начале XX веков. – Автореф... канд.ист.наук. – Нальчик, 2003. – 26 с.
3. Перспектива – 2019: материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 4-х т. – Т. IV. – Нальчик, Каб. – Балк. ун-т, 2019. – 376 с.
4. http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/f00349804471b107a73ee7af753c8a7e/strategia_skfo_.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=f00349804471b107a73ee7af753c8a7e.

Клименко Петр Федорович

*Костанайский инженерно-экономический университет,
профессор кафедры информационных технологий и автоматике,
г. Костанай, Казахстан,
E-mail: iskl.kot@gmail.com*

Клименко Ирина Сергеевна

*Северо-Кавказский федеральный университет,
начальник отдела организации проектно-грантовой деятельности
Института сервиса, туризма и дизайна,
г. Пятигорск, Россия,
E-mail iskl@bk.ru*

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА: КАЗАХСТАНСКАЯ ПРОЕКЦИЯ

Аннотация: В статье рассматривается роль государственной политики и общественных организаций в социально-культурном развитии представителей народов Северного Кавказа, проживающих на территории Республики Казахстан. Выполнен анализ роли Ассамблеи народа Казахстана на сохранение и развитие национальной идентичности этносов.

Ключевые слова: депортация, диаспора, этническая культура, толерантность, самобытность, государственная политика, гражданское общество

Klimenko Peter Fedorovich

*Kostanay engineering and economic University,
Professor of information technologies and automation Department
Kostanay, Kazakhstan
E-mail: iskl.kot@gmail.com*

Klimenko Irina Sergeevna

*North Caucasus Federal University, head of organization Department
project and grant activities Institute of service, tourism and design,
Pyatigorsk, Russia
E-mail: iskl@bk.ru*

SOCIAL AND CULTURAL DEVELOPMENT OF THE PEOPLE OF THE CAUCASUS: KAZAKHSTAN PROJECTION

Abstract: The article discusses the role of state policy and public organizations in the socio-cultural development of representatives of the peoples of the North Caucasus living on the territory of the Republic of Kazakhstan. The analysis of the role of the Assembly of the People of Kazakhstan on the preservation and development of the national identity of ethnic groups was carried out.

Key words: deportation, diaspora, ethnic culture, tolerance, identity, state policy, civil society

История социального и культурного развития народов Кавказа будет не полной, если не проводить тщательное исследование демографических и миграционных процессов, происходящих на территории постсоветского пространства. Процессы формирования диаспор народов Кавказа на территории Казахстана – это опосредованный результат принудительных этнических депортаций 1942–1944 гг. Социально-политические события этого периода носят драматический характер и являются причиной появления в Казахстане специальных поселений для переселенцев с Кавказа.

Переселение более 60 этносов, репрессии и строжайший надзор должны были сломить обездоленных людей, но помощь местного населения, та поддержка, которую казахстанцы, вопреки требованиям властей, оказывали прибывшим к ним народам Кавказа, помогли выжить в нечеловеческих условиях. Сегодня в городах Казахстана установлены памятные знаки, как символ благодарности от всех репрессированных народов.

В таблице 1 представлены данные о количестве лиц, подвергшихся репрессиям [1].

Таблица № 1. **Численность народов, репрессированных в 1943–44 гг.**

Этнос	Подверглись депортации		Остались к 1956 г.	
	Число семей	Общее число	Число семей	Общее число
Чеченцы, ингуши	105674	496460	89854	394713
Карачаевцы	15332	66682	13231	56505
Балкарцы	8830	37400	7990	30446

Было ли принудительное переселение в годы войны уникальным явлением? Отнюдь. Анализ показывает, что начало XX века – сложный период в формировании системы взаимоотношений народов Северного Кавказа. Так, проблемы представительства того или иного этноса в органах местного самоуправления на территории Северного Кавказа, нарушение паритета в представительстве этносов вело к проявлениям антагонизма и нетерпимости, а стремление к утверждению автономии отдельного этноса неизбежно формировало механизм подавления представителей других национальностей.

В 20–30-е гг. XX в. на спецпоселение были отправлены 877 карачаевцев и 544 балкарца, в том числе и «раскулаченные», со стандартной формулировкой – за «антисоветскую деятельность».

Начало XXI века ознаменовано процессами, которые изменили социальный и этнический профиль бывших союзных республик. Реабилитация кавказских народов, начало которой было положено в 1954 году, с одной стороны дала возможность депортированным вернуться в родные места, с другой стороны породила новые проблемы, которые стали предтечей этнических конфликтов. Тем не менее интенсивная миграция продолжается, поток выезжающих, в основном, состоит из молодежи и в диаспорах происходит естественное старение контингента.

Опросы некоренного населения, проводимые в Казахстане, показывают, что свыше 80% опрошенных хотели бы вернуться на историческую родину, но проблемы материального плана, трудности натурализации в РФ не всегда позволяют реализовать задуманное [2].

Последовательная, системная политика Казахстана в отношении проблем депортированных народов еще получит справедливую оценку истории, но уже сейчас можно говорить о том, что формированию диаспор народов Кавказа в Казахстане в немалой степени способствует общность языковой группы, а также языковая политика, толерантная по отношению к многонациональному составу Казахстана.

По данным переписи 2016 года, в Казахстане проживает 130 национальностей, каждая из которых имеет свои национальные культурные центры [3]. Именно эти этнические объединения стали основой формирования уникальной модели мира и согласия, которую представляет собой Ассамблея народа Казахстана (АНК). Структура АНК, ее цели и задачи направлены на

укрепление межэтнического и межконфессионального согласия. Определяя казахский язык, как государственный, русскому языку придан статус «языка межнационального общения», в то же время в рамках Программы функционирования и развития языков прописаны задачи сохранения общекультурных функций русского языка и развития других языков народов Казахстана.

Ассамблея народа Казахстана формирует у граждан республики чувство единства и общности, ответственности за благополучие всех этносов, проживающих в стране, сохраняя и оберегая при этом самобытность каждого народа, его национальное самосознание и культурные традиции. Уникальная политическая инновация Казахстана – Ассамблея народа Казахстана за время своего существования накопила, систематизировала и обобщила свой опыт деятельности, который становится привлекательным для многих государств, имеющих полиэтническую структуру. Основные принципы, заложенные в основу АНК, такие, как взаимное уважение и толерантность, открытость и транспарентность сформировались в культурных национальных центрах РК. Особое место в сфере этнокультурных взаимоотношений в Республике Казахстан отведено поддержке развития информационно-коммуникационных ресурсов этнокультурных объединений. На информационном поле активно работают более 35 этнических газет и журналов.

Наиболее крупных 6 этнических республиканских газет работают при государственной поддержке. Газеты и журналы выпускаются на 11-ти языках, радиопередачи – на 8-ми, а телепередачи на 7-ми языках [4].

Национальные культурные центры в Казахстане, общим число более трехсот, формируют эффективное взаимодействие власти, гражданского общества и личности в системе межэтнических отношений, создание благоприятных условий для дальнейшего укрепления межнационального согласия и толерантности в обществе. Задачи укрепления единства народа, поддержка и развитие общественного консенсуса по основополагающим ценностям казахстанского общества; обеспечение интеграции усилий этнокультурных и иных общественных объединений для достижения цели и задач Ассамблеи, а возрождение, сохранение и развитие национального самосознания, этнической идентификации, языков и традиций народов Северного Кавказа в рамках общенациональной культуры Казахстана осуществляется повсеместно, подтверждением тому служит тот факт, что сегодня представители северо-кавказских этносов играют значительную роль в социально-политической и культурной жизни Республики Казахстан. Это фактор, который определен государственной политикой. Академик национальной академии наук Казахстана Султан Оздоев по национальности ингуш; Ислам Байрамуков родился в селе Каменка Джамбульской области в 1971 году, по национальности – карачаевец - советник президента Федерации борьбы РК по вольной борьбе, Султан Магомедович Байсултанов (15 августа 1947 год — 22 июля 2012 года) – советский и казахстанский оперный певец, Народный артист Казахстана и Чечено-Ингушской АССР; родился в чеченской семье депортированных в 1947 году в Кызылординской области. После службы в армии переехал в Грозный. Работал в Чеченском театре юного зрителя — сначала осветителем, потом актёром.

Развитие диаспор народов Северного Кавказа в Казахстане в целом, благодаря эффективному взаимодействию властных структур и гражданского общества, имеет положительную динамику. Тем не менее, следует отметить, что ассимиляция представителей народов Северного Кавказа, влияние национальной казахской культуры и культур других народов на традиционную кавказскую культуру лиц, проживающих на территории Казахстана, носит объективный, постоянный характер. Идея сохранения национальной идентичности в условиях полиэтнической структуры общества и ее реализация-главная задача национальных культурных центров, общественных объединений и активных граждан этноса [5].

Отдельного исследования требует проблема организации взаимодействия с зарубежными диаспорами, которое, по мнению авторов, позволило бы расширить связи и укрепить отношения на качественно ином уровне.

Сегодня в Казахстане созданы все условия для роста и развития молодых лидеров вне зависимости от их национальной принадлежности. Благодаря государственной политике народ Казахстана ощущает возможности, которые дает реальное равенство между гражданами нашей страны, декларируемое Доктриной национального единства.

Литература:

1. Вартумян, А.А. К вопросу о динамике этносоциальных процессов в Российском социуме / Мат. межд. науч-прак. конф. «Этносоциальные процессы на Юге России: способы регулирования» (21–22 ноября, 2017 г.) – АГУ, Майкоп.
2. Ситнянский, Г.Ю., Бушков, В.И. Миграции населения в Центральной Азии: прошлое, настоящее и будущее. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2016. – С. 45.
3. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2016 года. stat.gov.kz. Дата обращения 14 января 2019.
4. <https://assembly.kz/ru/deyatelnost-assamblei-naroda-kazahastana>.
5. Вартумян, А.А. Системный анализ взаимодействия этносов и диаспор на Северном Кавказе (пленарный доклад)/ Мат. VIII Всерос. науч. конф. «Системный анализ и прикладная синергетика» (18–20 сентября, 2017 г.) РАН, ЮФУ, СКФУ.

Койчуев Аскербий Дагирович
Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева,
д.и.н., профессор кафедры истории России,
г. Карачаевск, Россия,
E-mail: Koichuev_askerbi@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: Статья посвящена установлению советской власти в Карачае и Черкесии, созданию национальной государственности, социально-экономическому и культурному развитию народов КЧР в 1922-1924 гг., в условиях Карачаево-Черкесской автономной области.

Ключевые слова: гражданская война, национальный округ, автономная область, продразвёрстка, продналог, раскулачивание, кооперация, строительство социализма.

Koichuev Askerbi Dagirovich
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev,
doctor of history, professor of Russian history,
Karachaevsk, Russia
E-mail: Koichuev_askerbi@mail.ru

SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS (ON THE EXAMPLE OF KARACHAY-CIRCASSIAN AUTONOMOUS REGION)

Abstract: the article is devoted to the establishment of Soviet power in Karachay and Circassia, the creation of national statehood, socio-economic and cultural development of the peoples of the KCR in 1922-1924, in terms of the Karachay- Circassian autonomous region.

Key words : civil war, national district, an Autonomous region, requisitioning, taxes, dispossession, cooperation, the building of socialism.

Создание национальной государственности народов КЧР было важным условием преодоления фактического неравенства наравне с другими народами России.

На Кубани Советскую власть провозгласил I-й Кубанский областной съезд Советов. Он проходил 1–5 марта (14–18) 1918 г. сначала в Армавире, а затем на Тереке. В феврале-марте 1918 г. состоялся второй съезд народов области в г. Пятигорске. Съезд Баталпашинского отдела прошел 7 (20) февраля 1918 г. в станице Баталпашинской. В работе съезда приняли активное участие большевики Кубанской области, в том числе и представители карачаевского народа. Председатель съезда А.Г. Макеев объявил о провозглашении Советской власти в Баталпашинском отделе, куда входила и территория нынешней Карачаево-Черкесии. На съезде был избран исполком отдела, в состав которого наряду с представителями других народов вошли и карачаецы: Т. Алиев, Н. Токов, И.М. Хубиев, С. Халилов, К. Халкечев.

Для того, чтобы отстоять Советскую власть на территории Баталпашинского отдела, был сформирован 2-ой Кубанский военно-революционный отряд под командованием Я.Ф. Балахонова. В боевом отряде Красной армии бок о бок сражались русские солдаты-фронтовики, хумаринские шахтёры и горняки рудника «Эльбрус», беднота казачьих станиц, карачаевских, черкесских, абазинских и ногайских аулов. Организацией красногвардейских отрядов в селениях Карачая руководил уполномоченный исполкома отдела и военревкома Т.Д. Алиев. Большую разъяснительную работу по пропаганде политики советской власти на территории Карачая и Черкесии проводили Г. Чучулин, М. Шовгенов, С. Халилов, Д. Гутякулов, И. Байкулов, Г. Дзасохов, И. Хубиев, А. Аджиев и другие [11, с. 95].

К концу марта 1918 г. военно-революционный отряд, разгромив контрреволюционные силы в горных районах Баталпашинского отдела, установил в Карачае и Черкесии Советскую власть.

В апреле 1918 г. в станице Отрадной проходил II съезд Советов Баталпашинского отдела под руководством И.П. Пузырева. На съезде были приняты большевистские резолюции: немедленно конфисковать частновладельческие и казённые земли, передать их трудовому крестьянству, горской и казачьей бедноте, национализировать промышленные предприятия: рудник «Эльбрус», угольные шахты, шерстомойную фабрику Лапина, ткацкую фабрику Мамонтова, лесопильный завод Крымшамхалова.

Однако дальнейшее развитие революционных событий приостановила «Добровольческая армия» Деникина. 17 августа она захватила г. Екатеринодар и начала наступление на восточные районы Кубанской области. В сентябре 1918 г. белоказачий отряд Шкуро захватил территорию Карачая и Черкесии, а к началу 1919 г. Северный Кавказ оказался под властью белогвардейцев.

Деникинцы восстановили буржуазно-помещичьи порядки, ввели военную диктатуру. Вернулись к власти атаманы и князья. Национализированные большевиками земли и промышленные предприятия были возвращены прежним владельцам.

ЦК партии под руководством В.И. Ленина разработал план разгрома Деникина. Борьбу народов Северного Кавказа против контрреволюции возглавили представители ЦК партии Г.К. Орджоникидзе, С.М. Киров, У.Д. Алиев и другие партийные и советские работники.

В тылу «добровольческой» армии на Кавказе велась всенародная война. Активное участие в ней приняли и трудящиеся Карачая и Черкесии. Антиденикинским движением руководили Я. Балахонов, Т. Алиев, С. Халилов, И. Хубиев, Н. Токов, Д. Гутякулов, А. Аджиев, поддерживавшие связь с Северокавказским комитетом партии. Г.К. Орджоникидзе в этот период сообщал в центр, что «кавказские горцы никакой деникинской власти не признают. Все горцы с нетерпением ждут прихода большевиков. В горы до сего времени стекаются кабардино-карачаевские партизанские отряды, которые борются против Деникина» [9, с. 80].

В конце 1919 г. XI армия перешла в решительное наступление против деникинских войск. В составе этой армии кавалерийским эскадроном командовал коммунист А. Карабашев. Усилилась антиденикинская борьба на территории Баталпашинского отдела. Весной 1920 г. Красная Армия завершила разгром деникинской армии и очистила от белых Северный Кавказ. В связи с этим 2 апреля 1920 года Г. К. Орджоникидзе телеграфировал В. И. Ленину: «Освобождение от белых всего Северного Кавказа... стало свершившимся фактом» [9, с. 83].

Еще в ходе гражданской войны в России В.И. Ленин поднимал вопросы государственного устройства горских народов. В постановлении Совнаркома, опубликованном 2 августа 1918 г. в «Известиях ВЦИК» за подписями В.И. Ленина, С.С. Пестковского, У.Д. Алиева, говорилось о необходимости создания при местных Советах Северного Кавказа отделов по делам горских народов.

А позже, весной 1920 г., в ходе восстановления Советской власти на Северном Кавказе В.И. Ленин указывал на необходимость предоставления автономии горцам. 2 апреля 1920 г. он писал руководителю Северо-Кавказских большевиков Г.К. Орджоникидзе: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам.... Всячески демонстрируйте, и притом самым торжественным образом, симпатии к мусульманам, их автономии, независимости и прочее. О ходе дела сообщайте точнее и чаще» [6, с. 232 (т. 39)].

В постановлении ВЦИК от 14 февраля 1919 года подчёркивалось, что для окончательного уничтожения всякой эксплуатации, для организации сельского хозяйства на социалистических началах, а также обеспечения союза рабочего класса и крестьянства был необходим переход от личных форм землепользования к товарищеским [14, с. 124–128].

Партия большевиков за основу своего политического курса на социалистическое переустройство сельского хозяйства приняла ленинский кооперативный план. На начальном этапе его реализации были поставлены следующие задачи: решить «проблему гор», упорядочить землеустройство и землепользование, наглядно доказать крестьянам выгоду и полезность всех форм кооперации, подготовить материально-техническую базу для массового кооперирования.

Решая земельный вопрос партийные и советские органы руководствовались практически указанием В.И. Ленина о необходимости возвращения горцам Северного

Кавказа земель, отнятых у них царским самодержавием и кулацкой частью горского и казачьего населения во II половине XIX в. [6, с. 69 (т. 43)]. Советское правительство, идя навстречу пожеланиям трудящихся масс Карачая, выделило десятки тысяч десятин земли, арендуемых карачаевцами до Октябрьской революции, и тем самым подготовило почву разрешения «проблемы гор» в земельном вопросе.

Впервые вопрос о расширении территории Карачая после установления советской власти перед советским правительством поднял У.Д. Алиев. Когда он, уполномоченный Наркомнаца, на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 14 октября 1920 года сообщил о тяжелом экономическом положении на Северном Кавказе, в частности в Карачае, Владимир Ильич внимательно отнесся к этому сообщению и предложил Умару Алиеву представить письменный доклад о положении в Карачае. 18 октября был представлен подробный доклад. В препроводительной записке к нему Алиев написал: *«Тов. Ленину. Представляя при сем докладную записку (согласно Вашего устного предложения во время заседания) о положении в Карачае, я прошу Вас рассмотреть в первое ближайшее заседание Политбюро Центрального Комитета РКП и разрешить предлагаемые меры (в конце доклада) для улаживания настоящего положения в Карачае...»* [4, с. 100].

На этой же записке в тот же день В.И. Ленин написал красными чернилами: *«Т. Каменский! По-моему, надо тотчас послать копию т. Сталину для Бюро Цека на Кавказе, а этот оригинал перешлите т. Крестинскому. Ответьте мне также несколько слов по существу доклада. 18 октября 1920 г. Ленин»* [6, с. 69 (т. 43)]. Как известно, ленинская резолюция сыграла большую роль в судьбе карачаевского народа, которому впоследствии выделили плодородные земли на плоскости.

1 июня 1920 г. в станице Баталпашинской состоялся землеустроительный съезд, который вынес решение о проведении временного уравнительного распределения земель между всеми трудовыми хозяйствами. Земли бывших частных владельцев теперь распределялись между жителями селений. Так, селениям Малого Карачая отводились частновладельческие земли крупных владельцев, которые были национализированы, отменялась родовая частная собственность на землю.

Трудящиеся Карачая получили тысячи гектаров сенокосной и пастбищной земли Крымшамхаловых, Дудовых, Свидина, Трамовых, Байчоровых, Николенко, Мазаева, Пеховского, Барабаша, Лафишевых и других. Ряд сёл получили дополнительные наделы из казенных и частных земель: аул Джегутинский – 8 258 десятин, Новый Карачай – 897, Каменноостское – 752. Селениям Большого Карачая – Карт-Джурту, Учкулану, Хурзуку отводились «тауқышылыки» (сенокосные участки) общей площадью 14 тысяч десятин. Им также дополнительно было выделено 77 900 десятин из группы частновладельческих земель, расположенных между реками Кубань и Большой Зеленчук [2, с. 48].

В конце 1920 г. была создана специальная комиссия по переселению карачаевских безземельных семей из горных аулов на новые земли. В результате переселенческого движения уже в 1921 г. образовались селения Архыз и Красный Карачай из выходцев аулов Дуут, Джазык, Мара. В 1922 г. были переселены на равнинную часть из селений Большого Карачая – Хурзука, Карт-Джурта, Учкулана. В результате образовались посёлки Терезе и Учккен [3, с. 42]. 26 июня 1922 года по решению президиума ВЦИК из Кабардинского фонда Карачаю были отведены 32,5 тыс. десятин земли.

Для развития культуры и быта горцев Карачая исключительное значение имело переселение в 1923 г. 5 тысяч человек из горных ущелий в г. Кисловодск и передача им 116 домов [15].

К 1924 г. в предгорных районах образовались аулы: Сарытюз, Эльтаркач, Морх и хутор Важный [7, с. 56–57]. В последующем переселенческий поток усилился. Только за один 1927 г. 700 семей Карачая изъявили желание переселиться на плоскостные новообразовавшиеся аулы. Новый поток переселенцев образовал селения: Кызыл Покун, Джага, Элкуш, Кичибалык, Койдан, Даусуз. В январе 1927 г. ВЦИК утвердил постановление Северо-Кавказского крайисполкома об отводе Карачаю селений Пантелеймоновское и Ермоловское. В том же году образовались села Кызыл Кала и Кяфар Башы. В 1928 г. по итогам сплошного агрономического обследования Карачая количество новых поселений достигло 16, количество дворов в них – 2 781 [7, с. 57].

Воплощая в жизнь настоятельные рекомендации В.И. Ленина горцам Северного Кавказа, Северо-Кавказский ревком сразу после разгрома контрреволюционных банд в горах организовал работу по созданию автономии карачаевского народа.

Чрезвычайный съезд карачаевского народа, созванный 11 ноября 1920 г. в Учкулане, высказался за всемерную поддержку Советской власти. Приказ об образовании Карачаевского округа был издан 19 ноября 1920 г. В тот же день в г. Кисловодске был образован первый окружной карачаевский ревком. Карачавский окружной ревком и Оргбюро РКП(б) возглавил У.Д. Алиев [4, с. 86].

Под руководством ревкома в аулах стали немедленно создаваться местные органы советской власти. Окружной ревком и Оргбюро проделали большую работу по восстановлению и развитию хозяйства и культуры горцев.

Тогда же были избраны делегаты на съезд народов Терека от Карачая. Делегацию Карачая возглавил известный революционер Умар Алиев, членами делегации были избраны: Ислам Хубиев, Хасанбий Хубиев, Магомет Батчаев, Кокай Бостанов, Шахым Алиев и Асланбек Кочкаров, Курман-Али Курджиев, Мудалиф Урусов, Рамазан Куатов, Али Хасанов, Иммолат Хубиев [5, с. 86]. На этом съезде Курман-Али Курджиев познакомился с руководителями революционного движения на Северном Кавказе и организаторами Советской власти Серго Орджоникидзе и С.М. Кировым. На съезд народов Терека также приехали делегации чеченцев, ингушей, кабардинцев, балкарцев и осетин. Работой съезда народов Терека руководили Г.К. Орджоникидзе и С.М. Киров. На съезде присутствовал руководитель Наркомнаца И.В. Сталин. На этом съезде, объявляя автономию горских народов, он отметил: «Старый период в истории России, когда цари и генералы попирали ваши права, уничтожали ваши вольности, этот период угнетения, рабства канул в вечность. Теперь, когда власть перешла в руки рабочих и крестьян, в России больше не должно быть угнетённых... У каждого народа – у чеченцев, у ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев, а также у оставшихся на автономной территории казаков должен быть свой национальный совет» [5, с. 23].

На съезде народов Терека 17 декабря 1920 г. была провозглашена Горская автономная советская социалистическая республика (ГАСССР). В ее состав вошли в качестве национальных округов Чечня, Ингушетия, Кабарда, Балкария, Северная Осетия и Карачай. В этот же период была образована Дагестанская автономная советская социалистическая республика (ДАССР).

ГАСССР просуществовала недолго. Первым из ее состава вышла и образовала самостоятельную автономную область Кабарда, а за ней Карачай.

Впоследствии, выполнив свои задачи по национально-государственному строительству, летом 1924 г. Горская АССР была упразднена. Руководство Горской республики проделало значительную работу среди трудящихся горцев Северного Кавказа по возрождению социалистического строительства. Была подготовлена почва к созданию национальных автономных областей.

В апреле 1921 г. в Нарзанной галерее г. Кисловодска состоялся первый съезд трудящихся Карачая, на котором были приняты важные постановления для трудящихся горцев, в частности это касалось земельного вопроса решение о конфискации кулацко-помещичьих земель и передаче их трудовому народу: «Все частновладельческие земли (кышлыки), имеющиеся в Карачае, отныне объявляются общественной собственностью. Все имеющиеся земли, как пашни, так и выгоны, входящие в Карачаевский округ, распределяются среди всех трудящихся Карачая на уравнильных началах» [14, с. 124–128]. Также было решено покосные и пахотные земли в приусадебных участках распределять подушно и по количеству скота. У бывших владельцев оставались приусадебные участки, размеры которых не превышали 1,8 десятины на душу членов семьи. Все излишки передавались в распоряжение земельного общества. Пахотная земля предоставлялась только тем, кто обрабатывал ее своим трудом. Воспрещалась купля или продажа земли.

Весной 1921 г. года в округе был осуществлен переход от чрезвычайных органов власти (ревкомов) к выборным – советам депутатов, которые избирали свои исполнительные комитеты. В мае 1921 г. был образован Карачаевский исполком, в состав которого вошли У. Алиев (председатель), А. Хасанов (зам. председателя), члены исполкома – С. Халилов, М. Батчаев, И. Фомин, И. Хубиев, М. Урусов, К. Курджиев, Н. Токов и др.

В соответствии с решением окружного съезда Советов депутатов 3 мая 1921 г. был издан приказ №1 Карачаевского окружного исполкома, согласно которому назначались заведующими отделами: управления – Магомет Батчаев, юстиции – Наны Токков, здравоохранения – Магомет Кочкаров, финансов – Хасанбий Хубиев, земельного – Шахым Алиев, народного образования – Тохтар Биджиев, социального обеспечения – Али Хасанов; бюро народной связи – Айтек Батчаев, бюро статистики – Михаил Сивоконь, руководителем рабоче-крестьянской инспекции стал Курман Курджиев, продовольственным комиссаром – Рамазан Куатов, председателем совнархоза был назначен Али-Солтан Герюгов [4, с. 86]. Курджиев был избран членом окружного ревкома Карачаевского национального округа, начальником Политбюро Карачая, заведующим рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), а при слиянии с Кисловодским Политбюро он был переведён на должность заместителя начальника Кисловодского Политбюро, сохранив должность заведующего РКИ. Курман Курджиев, работая на посту руководителя рабоче-крестьянской инспекции, а затем в борьбе с контрреволюционным бандитизмом зарекомендовал себя как способный организатор и инициативный работник, сделал немало и в укреплении Советской власти.

На заседании Карачаевского оргбюро РКП(б) (ноябрь 1921 г.), на котором присутствовали все представители Карачаевского округа, а также Наркомнаца РСФСР, СНК и ЦИК Горской АССР был рассмотрен вопрос об образовании Карачаево-Черкесской автономной области.

Этот вопрос ранее рассматривался на съездах черкесских и карачаевских, ногайских и абазинских аулов, соседних русский селений и станиц. Так, в мае 1921 г. в ауле Тохтамышский (ныне Икон-Халк) собрался съезд трудящихся сел и аулов, расположенных по берегам Большого Зеленчука. С докладом о Советской власти и о создании национальной автономии выступил Даут Гутякулов. Съезд высказался за автономию народов Карачая и Черкесии. Жители аула Тазартуковский (ныне Бесленей) в своем решении 5 ноября 1921 г. отметили, что единственной приемлемой формой административного управления на местах, безусловно, является создание своей автономной области наподобие Кабарды на Тереке, с центром обязательно в Баталпашинске с прямым подчинением этой области во всех отношениях непосредственно соответствующим административным органам управления РСФСР в Москве [8, с. 110].

7-8 ноября 1921 г. в ауле Эльбурган состоялся съезд трудящихся аулов, расположенных на берегах рек Большого и Малого Зеленчуков. В его работе приняли участие представители 22 черкесских, абазинских и ногайских аулов. Делегаты единодушно высказались за образование объединенной Карачаево-Черкесской автономной области. «Горцы и чересполосное русское население, – сказано в решении съезда, – почти за столетие совместного существования на одной территории вполне сжились занятиями, быт, уклад жизни, даже костюмы сделались тождественными. Между нами исстари ведется непрерывное общение вообще, экономическое в особенности, поддерживаемое глубоким доверием друг к другу, единодушием и братской любовью, а иногда даже родственной связью – брачными узами» [8, с. 116]. Для осуществления решений съезда была создана комиссия в составе Даута Гутякулова, Асланбека Калмыкова и др.

20 ноября 1921 г. в ауле Учкулан состоялся съезд карачаевского народа.

С докладом о выходе Карачаевского национального округа из состава Горской АССР и создании Карачаево-Черкесской автономии выступил Умар Алиев.

В единогласно принятой съездом резолюции говорилось: «Ввиду экономического тяготения и исторического вхождения Карачая в Кубанскую область и оторванности его от Терской области, фактически занимаемой ГАССР, съезд трудящихся Карачая постановил: «Просить верховный орган РСФСР ВЦИК о выделении Карачая из состава ГАССР в автономную область, совместно с зеленчукскими черкесами и смежно с ними расположенными станицами...» Делегатами в Москву для решения вопроса об автономии Карачаево-Черкесии были избраны Умар Алиев, Айтек Батчаев, Ислам Хубиев (Карачайлы) и Курман-Али Курджиев [1]. Горцы, трудовые казаки и крестьяне выразили желание образовать объединенную область.

25 ноября 1921 г. состоялся съезд представителей карачаевского и черкесского народов в Баталпашинске. На съезд прибыли делегаты от русских сел и станиц южной части Баталпашинского отдела. Съезд высказался за образование национальной автономии Карачаево-Черкесии и принял решение послать в Москву делегацию в составе

Умара Алиева, Даута Гутекулова, А. Калмыкова, И. Хубиева, А. Батчаева, К. Курджиева и др.

Делегация горских народов была принята Советским правительством. Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров предоставили народам Карачая и Черкесии национальную автономию. 12 января 1922 г. ВЦИК РСФСР опубликовал декрет за подписью М.И. Калинина о создании объединенной Карачаево-Черкесской автономной области. В нем говорилось: «Выделить из Горской республики территорию, ныне занимаемую карачаевцами, и из Кубано-Черноморской области южную часть Баталпашинского отдела, ныне занимаемую черкесами и шестью казачьими станицами, и образовать из этих территорий объединенную Карачаево-Черкесскую автономную область с административным центром в ст. Баталпашинске, непосредственно связанную с РСФСР» [8, с. 116].

Таким образом, Карачаево-Черкесия оформилась в автономную область в составе РСФСР. Она занимала территорию в 1 070 906 десятин. Населяли ее 163 тыс. человек (по данным 1925 г.), в том числе 50 740 карачаевцев (31,1%), 13 965 черкесов (0,85%), 71 930 русских (44,1%), 14 290 абазин (0,87%), 6 229 ногайцев (0,38 %), и др. Область состояла из пяти округов: Баталпашинского, Эльбурганского, Учкуланского, Хумаринского и Мало-Карачаевского [8, с. 78]. В 1922 г. в шести из всех девяти автономных республик, областей и трудовых коммун, входящих в состав РСФСР, процент коренного населения был выше 50. Наиболее высоким он был в Карачаево-Черкесии (62,3%) [10, с. 81].

Через два месяца после опубликования декрета об образовании КЧАО Юго-Восточное бюро ЦК РКП(б) утвердило состав руководящих областных органов. Курман-Али Курджиев был введен в состав Карачаево-Черкесского оргбюро РКП(б), в это время он был кандидатом в члены РКП(б). Членом партии он стал в 1924 году. 5 марта 1922 г. начали свою работу Карачаево-Черкесское оргбюро РКП(б) и ревком Карачаево-Черкесской автономной области. Членами ревкома были избраны Али-Солтан Герюгов, Рамазан Куатов, Магомет Кочкаров, Байкулов, Магомет Батчаев, Зулкарнай Хаджичиков, Даут Гутякулов, Ахлау Ахлов, Асхат Шовгенов, Мансуров, Агиров, Давлет Тамбиев, Мардовдзиба, Яков Балахонов, Селиванов, Василий Сперанский, Четверной, Петровский, Сотниченко и Маркелов. Для руководства областью съезд избрал ревком. Председателем ревкома был избран К.-А. Курджиев, его заместителями – Д. Гутякулов и Я. Балахонов. При ревкоме был создан отдел юстиции с судебными органами на местах, во главе которого, был назначен Наны Токов.

С 27 по 30 ноября 1922 г. в Баталпашинске состоялся I-й учредительный областной съезд Советов рабоче-крестьянских, горских, казачьих и красноармейских депутатов Карачаево-Черкесской автономной области, на котором присутствовало более 400 делегатов. В работе съезда принимал участие секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А.И. Микоян. Почетными председателями съезда были избраны Ленин, Сталин и Троцкий. На съезде был избран облисполком из 21 человека (в их числе было 15 коммунистов, остальные беспартийные) [1].

От имени областного ревкома делегатов съезда приветствовал К.-А.А. Курджиев, который ознакомил делегатов съезда с международным положением РСФСР, рассказал о внутреннем положении области.

Далее К.-А.А. Курджиев выступил с отчетом ревкома. Он отметил, что 12 января 1922 г. является историческим событием – днем образования автономной области. Он особо остановился на анализе причин, тормозящих работу, к которым относились политический бандитизм, отсутствие финансовых средств и специалистов для работы во всех сферах хозяйства области.

Затем Курджиев рассказал о помощи центра, выразившейся в выделении финансовых средств, канцелярских принадлежностей для работы учреждений области, оказании помощи выделением племенных производителей для поднятия поголовья погибающего скотоводства, а также о выделении автомобилей и белья для больничных коек.

По окончании съезда прошли выборы в областной исполнительный комитет.

В состав облисполкома были избраны: Курман Курджиев, Али-Султан Герюгов, Рамазан Куатов, Магомет Кочкаров, Байкулов, Магомет Батчаев, Зулкарнай Хаджичиков, Даут Гутякулов, Ахлау Ахлов, Асхад Шовгенов, Мансуров, Агиров, Давлет Тамбиев, Мардовдзиба, Яков Балахонов, Селиванов, Василий Сперанский,

Четверной, Петровский, Сотниченко, Маркелов. Руководителями отраслей стали: областной продкомиссар – Р. Куатов, облздравотдел – М. Кочкаров, облфинотдел – Чаплыгин, облОНО – Маркелов, облЗУ – Герюгов, отдел местной промышленности – Подгорный. Председателем революционного трибунала был назначен Мудалиф Урусов.

Председателем облисполкома был избран К.-А. Курджиев, его заместителями – Я.Ф. Балахонов и Д.Н. Гутякулов, секретарем облисполкома – М.-Г. Мансуров [1]. На этом же съезде делегатами на Всероссийский Съезд Советов были избраны Курджиев, Селиванов, Гутякулов, Балахонов и Санглибаев. I-й областной съезд Советов в ноябре 1922 г. горячо одобрил решение Российского правительства о создании Карачаево-Черкесской автономной области.

Съезд признал, что возможность спокойной, творческой работы достигнута исключительно работой и усилиями областного ревкома. Вместе с тем он настоятельно требовал, чтобы Карачаево-Черкесский областной исполнительный комитет Советов принял меры к прекращению бесхозяйственного расходования сил и средств во всех отраслях хозяйства, если таковое будет наблюдаться, то беспощадно преследовать виновных в нерадении и попустительстве, к поднятию скотоводческого и земледельческого хозяйства области до уровня, по крайней мере, 1917 г., к оживлению местной промышленности путем привлечения в нее квалифицированных и работоспособных специалистов и капитала, путем создания необходимых для этой цели дорог, телеграфной и телефонной сети, при помощи агитации и бесед с населением заинтересовать его в поднятии и развитии всех производственных сил области, чтобы нарождающиеся на местах ячейки сельско- хозяйственной и потребительской кооперации заблаговременно получали необходимую опору и поддержку со стороны местных органов власти, восстановить работу школ во всех аулах и селах.

Учредительный съезд Советов Карачаево-Черкесской автономной области констатировал, что организация власти в станицах, селах, аулах, в округах и в центре области совпала с моментом безвластия, хозяйственной разрухи, расцвета уголовного и политического бандитизма, что работа областных, окружных и местных органов власти протекала в исключительно трудных и неблагоприятных условиях, в атмосфере голода, организации национальной вражды с соседями, при полном отсутствии связи между центром и местами. Учредительный съезд Советов Карачаево-Черкесской автономной области только этими условиями объясняет всю сумму пробелов и дефектов, которые имелись в работе областного революционного комитета, окружных революционных комитетов и их отделов.

Учредительный съезд Советов области выразил уверенность в том, что в кратчайший срок из числа рабоче-крестьянской и трудовой горской молодежи будут созданы необходимые кадры для работы во всех отраслях экономики.

Съезд наметил задачи по упрочению местных советских органов, развитию хозяйственного и культурного строительства, укреплению экономического и политического сотрудничества с соседними народами [1].

Создание советской национальной государственности народов Карачаево-Черкесии имело большое значение для преодоления народами области их фактического неравенства с другими народами России, для укрепления их дружбы. В.И. Ленин об этом писал, что одно из основных средств сближения и тесного содружества наций – «равенство во всем, в том числе и в государственном строительстве» [6, с. 342 (т. 41)].

В декабре 1922 г. на Всероссийском съезде Советов Курман-Али Курджиев был избран членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) РСФСР, членом ЦИК СССР. Курджиев был представлен в высших органах Северо-Кавказского края: с января 1925 г. был избран Членом крайисполкома, членом бюро Крайкома партии. Он избирался членом ВЦИК РСФСР на Всероссийских съездах Советов в 1922, 1923, 1924, 1925 гг., членом ЦИК СССР на Всесоюзных съездах Советов 1923, 1924, 1925 гг.

В период работы К.-А.А. Курджиева во главе исполкома областного совета Карачаево-Черкесская автономная область испытывала известные трудности в результате разрухи за годы гражданской войны, из-за былой отсталости региона от многих субъектов РСФСР, из-за отсутствия промышленного пролетариата, недостатка квалифицированных кадров и ряда других объективных причин. Но благодаря

повседневной помощи Советского правительства и страны они постепенно преодолевались. Первые сельскохозяйственные кооперации возникли в Карачае: в 1922 г. в Теберде, в 1923 г. – Хурзуке и Карт-Джурте [13, с.103–104].

В то тяжёлое время по мере острой необходимости решения вопросов социального и экономического развития сначала Карачаево-Черкесии, а затем Карачаевской автономной области К. Курджиев обращался к членам правительства СССР с просьбой об оказании помощи области. Много лет спустя нарком Земледелия Украины Шлихтер отмечал, что «Курджиев приглашал в гости тех от кого может получить что-нибудь для области. Это самое подтверждал и А.И. Микоян.

Курман Курджиев в 1924 г. на заседании ВЦИК поставил вопрос о необходимости закрепления г. Кисловодска за Карачаем и присоединения Невинномысска, бывшей территории Баталпашинского отдела, к Карачаево-Черкесской автономной области [18]. Но эти два вопроса остались нерешёнными.

Для стабилизации обстановки в области межнациональных отношений Курман Курджиев сыграл большую роль, в частности в период кабардино-карачаевского конфликта из-за спорных прималкинских пастбищ в конце 1921 – начале 1922 гг. Враждебные Советской власти элементы с обеих сторон, выступая против мирного урегулирования земельного спора, пытались натравить братские народы друг на друга. Бандиты угоняли скот, грабили и терроризировали население. Атмосфера накалялась, на пограничной полосе происходили инциденты. Только благодаря энергичному вмешательству партийных, советских и военных органов России удалось избежать напрасного кровопролития. К. Курджиев вместе с Б. Калмыковым, А. Беленковичем, И. Шевцовым и другими работниками способствовали мирному разрешению земельного конфликта.

Курман-Али Курджиев был хорошо знаком, много раз встречался с М.И. Калининым, Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микояном, С.М. Кировым, С.М. Буденным, К.Е. Ворошиловым, М.Н. Тухачевским, М.В. Фрунзе, И.В. Сталиным, председателем Коминтерна Георгием Дмитриевым. У многих из них он бывал дома в Москве. Они знали твердость его характера, требовательность в работе, преданность делу строительства социализма и высоко ценили за эти качества.

Курджиев К.-А.А. на этом посту проработал до 26 апреля 1926 г., вплоть до разделения Карачаево-Черкесской автономной области и образования Карачаевской автономной области и Черкесского национального округа.

В период работы Курман-Али Курджиева во главе исполкома областного Совета Карачаево-Черкесии область испытывала известные трудности в результате разрухи, былой отсталости, отсутствия промышленного пролетариата, недостатка квалифицированных кадров и ряда других причин. Но благодаря повседневной помощи Центрального Комитета партии и Советского правительства, при братской поддержке русского и других народов страны народы Карачаево-Черкесии, ставшие хозяевами своей судьбы, за несколько лет сумели восстановить народное хозяйство, начали строить новые промышленные предприятия, организовывать различные сельскохозяйственные объединения [14, с. 29]. В восстановительный период были расширены посевные площади, повысилась производительность труда, увеличилось производство сельскохозяйственной продукции.

К. Курджиев умело подбирал руководящие кадры облисполкома по деловым качествам, невзирая на их прошлое, на их сословное происхождение до установления советской власти и в годы гражданской войны, на то, на чьей стороне они были. Это было его убеждение. В тот период в Карачае и Черкесии, да и в других автономных областях Северного Кавказа наблюдался кадровый голод. Не было госслужащих, имеющих образование и хотя бы небольшой опыт работы.

Проанализировав принцип подбора кадров, с учётом мнения крайкома партии К.-А.А. Курджиев на данном этапе взял курс на национальное примирение, позволявшее реабилитировать бывшую аристократию, которую большевики объявили «враждебным классом». Были приглашены на работу в советские государственные органы представители древнего княжеского рода – для примера упоминается Крымшамхалов, работавший в экономсовете Карачаево-Черкесской автономной области, упоминается и Бекмурза Крымшамхалов, ставший председателем областного суда [15].

В советский аппарат управления на руководящую работу также были назначены Герюгов Али-Султан, кулак, член Кубанской рады, активный белогвардеец, который с марта 1922 по декабрь 1923 гг. был заведующим ОблЗУ и с декабря 1923 по 1926 гг. председателем Малокарачаевского РИК, а с 1927 г. был представителем КАО при ВЦИК, Кочкаров Магомед, пристав при белых, с 1922 по 1928 гг. был ответственным секретарем облисполкома и заведующим облздравом, Куатов Рамазан, пристав и член военно-полевого суда при белых, активный организатор белого движения, с ноября 1922 по декабрь 1928 гг. был членом президиума облисполкома, завпродкома, завоблЗУ, завоблФО и заместителем председателя облисполкома, Джаубаев Али-Султан, сын офицера-кулака, активный белогвардеец, адъютант Крымшамхалова и комендант кулацких повстанцев в 1920 году, состоял прокурором области до 1928 года, Боташев Хамзат, кулак, белогвардейский офицер, атаман Баталпашинского отдела, был председателем Учкуланского окрисполкома с 1922 г., Боташев Ибрагим, помещик, стал заведующим областного отдела народного образования с 1924 по 1927 гг., Биджиев Тохтар, член кубанской рады, был ответственным работником облЗУ, Хубиев Хасанбий, помещик, член Кубанской рады, был председателем Малокарачаевского окружного исполкома с 1926 по 1927 гг., Хачиров Осман, кулак, начальник Екатеринодарской тюрьмы при белых, был заместителем председателя областного исполнительного комитета с 1922 по 1929 гг., Байкулов Шогаиб, белогвардейский офицер, с 1922 г. был на ответственной советской работе в области [15].

На такой смелый шаг не шли руководители области ни до, ни после К.-А.А. Курджиева, что лишний раз доказывает силу его духа, человечность. Он был сильным, объективным, преданным своему делу и своему народу руководителем. Став лидером горного края, он делал все возможное для укрепления дружбы между людьми разных национальностей. Для того времени он был очень грамотным, образованным руководителем, имеющим свое мнение и чувство собственного достоинства. Не заглядывал в рот начальству, с тем, чтобы прислушиваться к тому, кто и что подскажет. Курман-Али Курджиев в свободное от работы время любил читать произведения Льва Толстого, Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Александра Дюма, Азрета Уртенова, Исмаила Семенова, Гамзата Цадасы.

Курман-Али Курджиев руководил Карачаево-Черкесской автономной областью в самое трудное время. После гражданской войны, когда восстановительный период вошел в историю нашей страны как один из основных этапов строительства социалистического общества. Продлившаяся семь лет империалистическая и гражданская войны нанесли России большой ущерб, подорвали её производительные силы. «Россия, – говорил В.И. Ленин, – из войны вышла в таком положении, что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться!» [6, с. 78 (т. 52)]

В этом плане не была исключением экономика Карачая и Черкесии. За этот период она пришла в упадок. Большие площади земель не обрабатывались. В 1920 г. посевная площадь составляла 30 355 десятин, против 44 265 десятин в довоенном 1913 г. [10, с. 103–104]. Земледелие находилось на крайне низком агротехническом уровне, отсутствовал необходимый сельскохозяйственный инвентарь. В уборочном инвентаре преобладали косы, серпы, ручные кукурузные молотилки. В 1921–1922 гг. в Карачае и Черкесии имелось 9 200 однолемешных и 465 двухлемешных плугов, 201 сеялка, 140 старых паровых машин, 495 сенокосилок, 6 924 деревянных бороны. Один двухлемешный плуг приходился на 55 крестьянских дворов, а однолемешный – более чем на два хозяйства, сеялка – на 12 дворов [13, с. 29].

Гражданская война нанесла значительный ущерб и животноводству. В Карачае в период гражданской войны поголовье лошадей уменьшилось на 14,2%, крупного рогатого скота – на 38% и овец – на 42,2%. В Черкесии поголовье крупного рогатого скота сократилось по сравнению с довоенным временем на 53%, лошадей – на 77%, овец и коз – на 80% [13, с. 20]. Животноводство носило полукочевой, экстенсивный характер. Выращивались главным образом малопродуктивные породы скота. Не было благоустроенных зимних животноводческих помещений и достаточного количества кормовых запасов. Племенная и селекционная работа не велась.

В тяжелом состоянии оказалась и промышленность. Вследствие изношенности оборудования и недостатка денежных средств остановились кирпично-черепичные,

маслосыроваренные и лесопильные заводы, шерстомойная и прядильная фабрики, бездействовал рудник «Эльбрус», закрылось большинство шахт.

Социально-экономическое развитие области во многом зависело от наличия дорожных путей и мостов через многочисленные реки между населенными пунктами. До Октябрьской революции царская администрация поддерживала в исправном состоянии лишь Военно-Сухумскую дорогу Баталпашиск–Теберда, ведущую на перевалы Главного Кавказского хребта, которая имела военно-стратегическое значение. Все остальные дороги находились опасными и находились в полуразрушенном состоянии. В лучшем случае эта была накатанная арбами колея, а во многих случаях горные тропы, по которым ездили верхом на лошади или на ишаках.

Но в условиях разрухи после гражданской войны в стране не хватало средств на строительство мостов и улучшение дорог между населёнными путями. Поэтому в каждом субъекте страны старались привести в более или менее рабочее состояние дороги, соединяющие населенные пункты.

Так, в 1923 г. по распоряжению председателя облисполкома К.-А.А. Курджиева для приведения в рабочее состояние мостов через реки по Кубанскому ущелью, каждому аулу должен был отправить по 20 рабочих, «снабдив их необходимыми инструментами и провиантом с таким расчетом, чтобы хватило на трое суток. Причем необходимо также отправить для этой надобности подводы». Именно таким образом приходилось чинить мосты и дороги между населенными пунктами.

Тем не менее, по ходатайству руководителей области в июне 1924 года Совнарком РСФСР рассмотрел состояние дорожного хозяйства КЧАО. По результатам обсуждения области было выделено 193,5 тыс. рублей на строительство и ремонт дорог. В том же году из заявленных 300 тыс. рублей на строительство и ремонт дорог на самом деле правительством страны было выделено всего 48,5 тыс. рублей, из которых фактически получено в области всего 27 тыс. рублей [7, с. 57].

Трудящиеся массы находились в бедственном положении: ощущался острый недостаток продовольствия, промышленных товаров. Крестьяне и часть рабочих были недовольны системой продразверстки.

В новых исторических условиях политика военного коммунизма, осуществлявшаяся Советской властью, уже не соответствовала интересам крестьянства.

А так как Советская страна по-прежнему была мелкокрестьянской, то «без практического массового улучшения хозяйства мелкого крестьянства, – говорил В.И. Ленин, – нам спасения нет». [6, с. 297 (т. 32)]. Мелкое крестьянское хозяйство не могло развиваться без свободной торговли. Поэтому X съезд РКП(б) наметил новый курс в экономической политике, приняв решение о замене продовольственной разверстки продналогом.

Новая экономическая политика отвечала жизненным интересам крестьянских масс. Они горячо одобряли новый курс партии и правительства. Конференция трудящихся Баталпашинского отдела, состоявшаяся 5 мая 1921 года, в своем решении отмечала: «Декрет ВЦИК о продовольственном налоге от 21 марта 1921 г. является залогом поднятия сельского хозяйства и восстановления экономической мощи Советской республики. Конференция рекомендует трудовому казачеству, крестьянству и горцам проводить в жизнь декрет о продналоге как незыблемый закон» [4, с. 103–104].

В марте 1922 г. специальным решением областного ревкома в Карачае и Черкесии был введен продналог на сельскохозяйственные продукты. Область должна была сдать государству 369 592 пудов зерна [10, с. 104]. Размер налога был меньше продразверстки. Излишки производимой продукции, запасы продовольствия оставались в распоряжении крестьян и использовались ими для укрепления и улучшения своего хозяйства. Новая экономическая политика, материально заинтересовавшая крестьян в увеличении производства продуктов земледелия и животноводства, способствовала оживлению товарно-денежных отношений и укреплению хозяйственных связей между городом и деревней, восстановлению народного хозяйства.

Решения X съезда партии, историческое письмо В.И. Ленина «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» от 14 апреля 1921 г. вооружали большевиков Карачая и Черкесии ясным и конкретным знанием путей и методов строительства социализма. При этом В. И. Ленин подчеркивал необходимость учитывать особенности социально-экономического

развития национальных районов, своеобразие их хозяйственно-бытового уклада, степень подготовленности населения и рекомендовал осуществлять «более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму», чем в РСФСР. В.И. Ленин учил не копировать тактику центра, а видоизменять ее применительно к местным, конкретным условиям, советовал проявлять больше мягкости, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству. В этом письме он наметил мероприятия по подъему производительных сил кавказских республик и областей, улучшению положения крестьян и рабочих, развитию земледелия, скотоводства, электрификации и орошения, разработке естественных богатств, использованию гидроэнергетических ресурсов. Электрификация и орошение, по мысли В.И. Ленина, коренным образом изменят жизнь горских народностей и ускорят переход к социализму [6, с. 297].

Национальная политика партии предусматривала планомерное развитие не только экономики, но и культуры национальных районов. Решить эту задачу можно было лишь при действенной и всесторонней помощи русского и других братских народов нашей страны.

С установлением советской власти много сил, стараний было вложено в Карачае и Черкесии для развития образования и культуры. Советская школа строилась в соответствии с основополагающими документами партии и правительства. В 1918 г. были изданы два новых документа по организации советской школы. Это «Положение о единой трудовой школе» и «Основные принципы единой трудовой школы», получившие общее название «Декларация о единой трудовой школе». Для народов Северного Кавказа и других национальных меньшинств наряду с ними важную роль сыграли постановление Наркомпроса РСФСР в 1918 г. «О школах национальных меньшинств» и Всероссийский съезд по просвещению национальных меньшинств, состоявшийся в августе 1918 г.

К созданию советской школы местные партийные и советские органы притупили с первых же дней освобождения Карачая и Черкесии в начале апреля 1920 г., а уже 30 апреля того же года член реввоенсовета X-й армии Михайлов докладывал председателю Северо-Кавказского ревкома Серго Орджоникидзе о том, что в Баталпашинском отделе уже приступили к созданию советской школы для горцев. Приходилось создавать систему советской школы почти на пустом месте. Тем не менее, в Карачае и Черкесии уже в сентябре 1921 г. функционировало 29 школ I-й ступени, в которых работали 60 учителей, а обучалось 1044 учащихся. К весне 1922 г. школ I-й ступени было уже 39, в них обучались 2 133 учащихся. Функционировали еще две школы II -й ступени с числом учащихся 218 человек. Кроме того, были организованы 2 профессионально-технические школы со 149 учащимися [11, с. 95].

В этот период председателем Карачаево-Черкесского облисполкома работал бывший опытный учитель Курман-Али Курджиев. Он не только прилагал много усилий на строительство новых школ, но и проводил активную работу по подготовке педагогических кадров, приглашению в область учителей из других регионов страны.

Таким образом, сразу после установления советской власти в Карачаево-Черкесии Коммунистическая партия и Советское правительство разработали и последовательно провели в жизнь целый комплекс хозяйственных, политических и культурных мероприятий по ликвидации фактического неравенства в центре и на национальных окраинах через руководителей на местах. Многие зависело от того, насколько целеустремленно и последовательно проводили в жизнь политику партии и правительства руководители субъектов на местах. Курман-Али Курджиев был первым председателем Карачаево-Черкесской автономной области, активно проводивший в жизнь политику большевистской партии с учетом местных особенностей.

Литература:

1. Алейникова, Г. Объединились, чтобы жить вместе // День республики. – 2002. – 17 сентября. – С. 2
2. Джанибекова, Р.Х. Партийные организации Карачаево-Черкесии во главе коллективизации сельского хозяйства области // Из истории Карачаево-Черкесии. Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Вып. IV. Серия История. – Черкесск, 1974. – 296 с.

3. Итоги хозяйственного и культурного строительства Карачаевской автономной области (материалы к отчетному докладу Карачаевского облисполкома 5-му областному съезду советов). – Кисловодск, 1935. – 247 с.
4. Лайпанов, К.Т. Курман Курджиев / За власть Советов. – Черкесск, 1976. 147; Октябрь в Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1987. – 192 с.
5. Лайпанов, С.З. Карачаевск. Историко-экономический очерк. – Черкесск: Кар.-Черк. отд. Ставропольского книжного издательства, 1968. – 335 с.
6. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. – Т. 39. – С. 232, 239; Т. – 43. – С. 69; – С. 178; Т. 51. – С. 175; Т. 41. – С. 342; Т. 32. – С. 297; Т. 52. – С. 78.
7. Михайлов, И.В. Населенные пункты Карачаево-Черкесской республики. – Черкесск, 2001. – 189 с.
8. Напсо, Д.А. Партийные организации Карачаево-Черкесии в борьбе за подъем экономики и культуры областей (1926–1940 гг.). – Черкесск, 1963.
9. Орджоникидзе, Г.К. Избранные статьи и речи. – М., 1985. – Т. 1. – 516 с.
10. Очерки истории Карачаево-Черкесии. – Т. 1. – Черкесск, 1967. – 600 с.
11. Рахамбаев, Р. Культурное строительство среди национальностей РСФСР / Сборник «Национальное строительство РСФСР. К XV-й годовщине Октября». – М., 1933.
12. Социалистическое строительство в РСФСР. – М., 1939.
13. Справочник по народному хозяйству и культуре Карачаевской автономной области. – Пятигорск, 1939.
14. Тебуев, Р., Хатуев, Р. Очерки истории карачаево-балкарцев. – Москва: Илекса; Ставрополь: «Ставропольсервисшкола», 2002. – 264 с.
15. Центр документов новейшей истории КЧР. Ф. 80. Оп. 4. Д. 70. Л. 16; Ф. 18. Оп. Б / П. Д. 354. Л. 1, 3; Ф. 1235. Оп. 123. Д. 141. Л. 7. Ф. 364. Оп. 1. Д. 178. Кор. №6. Л. 346. Л. 18; Л. 21; Л. 24; Л. 273; 294; Ф. 1318. Оп. 1. Д. 643. Л. 131.
16. Центр документов общественных движений и партий КЧР. Ф. П. 45. Оп. 1. Д. 25. Л. 59.
17. Хатуев, Р., Шаманов И. Трижды президент, Къарачайны башчылары // «Экресс-почта». 2004. 10 июня.
18. Хубиев, О. Джашау бла фахму (Жизнь и талант). – Черкесск, 1982. – 287 с.

УДК 94 (47067)084

Мирзабеков Мирзабек Яхьяевич
д.и.н., профессор ИИАЭ ДНЦ РАН,
yash831@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ДАГЕСТАНА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

***Аннотация:** В статье, опираясь на большой фактический материал, показано социально-культурное развитие одного из самых многонациональных регионов страны в конце XX – начале XXI вв. В работе отмечено, что, несмотря на сокращение государственного финансирования социально-культурной сферы в условиях реализации либеральных рыночных реформ, другие трудности и нерешенные проблемы, культурно-просветительные и иные учреждения культуры и искусства региона в конце XX – начале XXI вв. продолжали практику проведения различных культурно-массовых мероприятий среди различных категорий населения, нацеленных на сохранение и пропаганду традиционных духовных ценностей.*

***Ключевые слова:** клуб, библиотека, музей, радио, телевидение, театр, литература*

Mirzabekov Mirzabek Yakhyaevich
Doctor of history, Professor IIAE DSC RAS
yash831@mail.ru

PROBLEMS OF SOCIAL AND CULTURAL DEVELOPMENT OF DAGESTAN AT THE END OF THE XX – EARLY XXI CENTURIES

***Abstract:** The article, based on a large amount of factual material, shows the socio-cultural development of one of the most multinational regions of the country at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries. It is noted that, despite the reduction in state funding of the social and cultural sphere in the context of the implementation of liberal market reforms, other difficulties and unresolved problems, cultural and educational and other institutions of culture and art in the region in the*

late XX – early XXI centuries. continued the practice of holding various cultural events among various categories of the population, aimed at preserving and promoting traditional spiritual values.

Key words: club, library, museum, radio, television, theatre, literature

Поступательное развитие современного Российского государства неразрывно связано с развитием культуры и дальнейшим повышением культурного уровня населения страны. Успешное решение этой социально значимой задачи обуславливает важность обобщения и использования накопленного опыта в деятельности федеральных органов власти, в том числе и национально-регионального составляющего. В этом контексте исключительный научно-теоретический и практический интерес представляет анализ развития и повышения культурного уровня в Дагестане.

Трансформация общественно-политического строя и либеральные рыночные преобразования и изменения в стране и республике, начатые в 1992 г. оказали существенное влияние на социально-культурное развитие регионов и в целом российского общества.

Важной составляющей социально-культурной жизни многонационального Дагестана в новых условиях остаются культурно-просветительные учреждения, которые призваны активно участвовать в формировании и удовлетворении духовно-эстетических запросов населения.

Наметившееся и все более усиливавшееся сокращение государственного финансирования социально-культурной сферы, привело к резкому ограничению, а во многих районах республики и к полному прекращению работ по строительству клубных учреждений и других учреждений культуры, пополнения их оборудования и инвентаря. Так, за период реализации комплексно-целевой программы социально-экономического развития горных районов региона под общим названием «Горы» в 1992–1995 гг. задания по строительству жилых домов, объектов здравоохранения, культуры, образования были выполнены на 5–10% [15, с. 22].

Наблюдался крайне негативный для республики процесс сокращения общей сети клубных учреждений. С 1985 г. по 1995 г. их число сократилось на 78 единиц [14, с. 34]. В последующем, особенно в 2000-е годы усилиями региональных властных структур удалось стабилизировать число учреждений культурно-досугового типа. В 2010 г. их в республике насчитывалось 1059, в том числе 24 в городах и 1035 в сельской местности [5, с. 374].

Несмотря на финансовые проблемы, ухудшающуюся материальную базу, в клубных учреждениях республики продолжали проводить значительную культурно-массовую работу. Ими совместно с другими культурно-просветительными учреждениями и творческими организациями в 1999 г. был проведен комплекс мероприятий, связанных с 200-летием со дня рождения А.С. Пушкина. Днем Конституции республики и др. Поддержке творческого потенциала республики содействовало проведение юбилейных мероприятий выдающихся деятелей культуры – памяти Е. Эмина, С. Стальского, Г. Цадасы, творческие вечера И. Казиева, Х. Гаджиева [8, с. 647].

В 1990-е годы, как и ранее, в Дагестане через каждые три года проводились фольклорные фестивали. В ходе их проведения художественные коллективы формировали интересные программы, используя давно забытые народные традиции, обычаи и празднества. Фольклорные коллективы при Махачкалинском клубе рыбаков, Тляратинского, Кизлярского, Лакского, Кулинского и Буйнакского районов получили высокую оценку и дипломы лауреатов на смотрах и фестивалях районного, республиканского, Всероссийского и Всесоюзного уровней. Отмечались не только уникальность, неповторимый национальный колорит, но и высокий исполнительский уровень участников фольклорных ансамблей [13, с. 52].

Как большой праздник песни и музыки прошел в 1995г. II Республиканский фестиваль хоровой музыки с участием народных, академических, детских хоров. В нем приняли участие известные в республике хоровые коллективы: «Народные голоса» из Тарумовского района, Чародинский мужской хор, ансамбль казачьей песни «Терек» Кизлярского народного хора, народного хора русской песни при РДНТ (г. Махачкала), академических хоров ГТРК «Дагестан», Махачкалинского музыкального училища, хора ДГПУ, детских хоров школ Махачкалы и Каспийска. На фестивале впервые выступил большой детский хор при Детском центре народного творчества РДНТ и школы-гимназии №85, в котором участвовало более 100 детей [2, с. 29].

Министерство культуры и его структурные подразделения уделяли большое внимание эстетическому воспитанию подрастающего поколения, вовлечению детей в процесс творчества. Решению этой задачи отвечали организуемые учреждениями Министерства культуры ежегодные мероприятия и обширная сфера деятельности клубных учреждений.

Ежегодно Министерством культуры Республики Дагестан проводились недели «Театр и дети», «Неделя детской музыки», «Неделя детской книги», Республиканский конкурс юных музыкантов им. Г. Гасанова, праздники хоровой музыки, конкурсы учащихся музыкальных и художественных школ на стипендии России и Дагестана, концерты-презентации новых имен – юных дарований Дагестана, фестивали детского художественного творчества, в рамках которых проводились детские художественные выставки, конкурс юных дарований «Перепелочка», вобравший в себя все жанры детского творчества и охватывающий детей от дошкольного до подросткового возраста и др. [1, с. 24].

В 90-е годы истекшего столетия в Дагестане наблюдалось уменьшение сети и книжных фондов общедоступных библиотек. С 1990 по 2001 г. их число сократилось на 37 единиц, а книжный фонд на 2 428 тыс. экземпляров меньше по сравнению с 1990 г. [9, с. 672].

Эту неблагоприятную тенденцию удалось преломить в 2000-х годах. В этот период намечилось расширение сети и особенно книжного фонда общедоступных библиотек. В 2010 г. в республике сеть общедоступных библиотек возросла до 1089, а их книжный фонд до 8 235 тыс. экз. [5, с. 374].

Несмотря на это, в этот период все отчетливее стала проявляться тенденция спада интереса жителей республики к библиотечной книге, уменьшения числа читателей общедоступных библиотек. В 1996 г. в общедоступных библиотеках Дагестана насчитывалось 793 тыс. читателей, или на 90,7 тыс. меньше, чем в 1985 г. Этот негативный процесс происходил на фоне продолжавшегося абсолютного роста численности населения республики [8, с. 647].

Сложность в приобщении населения во многом являлась следствием невысокого художественно-эстетического уровня культурно-массовых мероприятий, проводимых общедоступными библиотеками, как и в целом культурно-просветительными учреждениями региона, которое обуславливалось слабостью материально-технической базы и острой нехваткой квалифицированных культпросветработников. В новых условиях невысокий уровень оплаты труда вынуждал многих из них уходить из сферы культуры в другие отрасли материального производства и сферу обслуживания. Только за 1993 г. из сферы культуры Дагестана ушло около 350 специалистов [1, с. 25].

В этих непростых условиях продолжалось строительство начатого еще в 70-е гг. по проекту архитектора Ахмедова нового современного здания республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина на 1 млн. томов книг. Однако из-за финансового кризиса строительство нового здания библиотеки пришлось законсервировать, и лишь в 1995 г. руководство республики изыскало возможности для продолжения его строительства. В 1997 г. строительные работы на этом объекте были завершены, после чего началось техническое оснащение и комплектование книжного фонда библиотеки, которая с начала XXI в. стала работать на полную мощность.

Республиканская библиотека стала крупным очагом культуры, известным не только в Дагестане, но и за его пределами. Библиотеку посещают многочисленные читатели (в 2001 г. – 22 270 читателей), в ней проводятся научные конференции, отмечаются юбилеи выдающихся деятелей Дагестана. Библиотекой издаются библиографические указатели, календари знаменательных дат, организуются выставки духовных и культурных ценностей [16, с. 521–522].

Учитывая возросший интерес населения к историческому прошлому, духовному наследию дагестанских народов, Министерство культуры республики при поддержке органов власти уделяло серьезное внимание расширению сети музеев. В 1990 г. в Дагестане насчитывалось 13 музеев, а число их посещений составило 277, 8 тыс. человек [12, с. 324].

В последующие годы сеть музеев в городах и сельских районах республики значительно расширилась. В 2010 г. в Дагестане имелось 30 музеев (включая филиалы),

которые за год посетило 494,5 тыс. человек [5, с. 373]. Следует отметить, что значительную часть посетителей составляли горожане.

Традиционным каналом удовлетворения духовно-эстетических запросов населения являлось кино. В 1980-е годы, несмотря на снижение темпов, продолжался рост числа киноустановок и зрительских мест в кинотеатрах и клубах. В 1989 г. в Дагестане насчитывалась 1301 киноустановка на 214,9 тыс. зрительских мест, что на 84 киноустановки и 18,4 тыс. мест больше, чем в 1985 г. Однако, как и в других регионах страны, в республике происходило ощутимое сокращение числа кинопосещений. В 1990 г. в среднем на одного жителя республики в год приходилось 8 кинопосещений, что на 5 посещений меньше, чем в 1985 г.

В последующие годы интерес населения к просмотру кинофильмов в кинотеатрах, клубах продолжал падать. По существу, киноиндустрия в республике, как и в целом в стране, переживала жесточайший кризис. Такое положение объясняется в определенной степени неудовлетворительным состоянием многих кинотеатров, недостатками их репертуара. Мощное и всевозрастающее влияние на эти процессы оказывает развитие телевидения, появление и широкое распространение в последние годы видеотехники, которые резко расширили возможности просмотра кинофильмов дома [11, с. 271].

Важным и неуклонно расширяющимся каналом воздействия на умы и настроения широких слоев населения является радио и телевидение. Общий объем телерадиовещаний Дагестана к началу 80-х гг. составлял более 124 часов в сутки. Радиовещание велось на 9, а затем и на 11 языках. Свыше 1 млн 380 тыс. человек смотрели и слушали Махачкалу. С завершением строительства в январе 1984 г. мощной радиотелевизионной станции на горе Зуберха телевидением были охвачены многие горные районы [16, с. 521–522].

Художественное вещание в передачах Дагестанского радио и телевидения занимает более 50% вещательного времени. Среди других концертных программ следует отметить: «Конкурс семейных ансамблей», «Мы ищем таланты», «Голоса народных инструментов», «Мелодии и ритмы гор», «Авадан». В них нередко звучали народные музыкальные инструменты, мелодии и песни на дагестанских языках, в том числе и фольклорные.

Учитывая пожелания телезрителей и стремясь внести свою лепту в сохранение и пропаганду традиционной музыкальной культуры народов Дагестана, на республиканском телевидении в 1996 г. было образовано творческое объединение «Наследие». Оно при активной поддержке Республиканского дома народного творчества развернуло целенаправленную работу по созданию «Золотого фонда» народного творчества горного края.

В 1997 г. впервые был проведен телефестиваль фольклорных коллективов республики «Наследие XX в.», в рамках которого были записаны и показаны в эфире концерты Эрпелинского хора из Буйнакского района, ансамбля «Балхар» из Акушинского района, «Гергебиль» – Гергебильского района, «Поющая Чарода» – Чародинского района, «Терек» г. Кизляра [13, с. 55].

Это культурное начинание вызвало небывалый зрительский интерес и в последующие годы стали традиционными на республиканском телевидении

Значительное место фольклорным произведениям дагестанских народов отводится в музыкальных передачах: «Дагестанские самоцветы» – ежемесячная передача с использованием материалов архивов фестивалей XX в.; «Родники гор» – фильм-концерт, «Песня родного очага», рассказы о семейных ансамблях [6].

В новых условиях число газет и журналов, издававшихся в Дагестане существенно возросло. В 2009 г. в республике издавалась 101 газета и журнал [5, с. 375]. В 2010 г. годовой тираж газет и журналов в регионе составил 13,3 млн экземпляров, тогда как в 2000 г. он равнялся 14,7 млн. единиц [5, с. 375]. Снижение тиража периодических изданий являлось следствием подорожания стоимости печатной продукции.

В периодических изданиях многонационального региона заметное место заняли религиозные газеты. В 1990-е гг. издавались газеты «Исламские новости», «Зов ислама», «Мудрость», «Прозрение», «Знамя ислама», «Борец за веру», «Ислам», «Ассалам», «Шариат», «Свет ислама», «Халиф» и журнал «Мусульманская цивилизация». После долгих лет запрета религиозных изданий мусульманские организации получили возможность для широкой религиозной пропаганды среди населения [4, с. 117].

Важным каналом формирования и удовлетворения духовно-эстетических запросов населения республики оставались профессиональные театры.

Как заметное событие в культурной жизни было воспринято завершение строительства самого большого в республике двухзального здания (на 800 и 400 мест) Русского театра, начатого после землетрясения 1970 г. Театр строился с помощью других республик и областей. Его проект был подготовлен грузинскими архитекторами, люстры для театра были выполнены кубачинкой М. Магомедовой, жившей и работавшей в Тбилиси. Мрамор на облицовку театра поступал из России, Грузии, Украины и Узбекистана. Открытие театра состоялось в торжественной обстановке [16, с. 518]. В мае 2002 г. состоялось торжественное открытие нового здания кумыкского музыкально-драматического театра, построенного в основном силами и на средства общественности.

В 2000 г. в Дагестане был открыт новый театр оперы и балета. В последующие годы были созданы азербайджанский, ногайский, табасаранский государственные драматические театры. В 2010 г. в республике насчитывалось всего 11 профессиональных театров [5, с. 371]. Однако сохранялись серьезные недостатки в удовлетворении запросов и потребностей профессиональных коллективов в сценическо-постановочном реквизите и оборудовании, оплате труда творческого персонала театров республики.

Не менее важным аспектом развития театрального искусства в новых условиях развития российского общества являлось создание новых драматургических произведений, свободных от марксистской идеологии. Однако в этом контексте сохранялись серьезные трудности. По признанию специалистов, превалировали пьесы комедийно-бытового плана, с многократно прозвучавшей проблематикой, крайне мало пьес психологически углубленного содержания, фокусирующих внимание зрителя на духовно-нравственных ценностях, и это особенно важно на переломных этапах истории, сопровождающихся болезненными процессами трансформации мировоззрений, ломки психологии, переосмысления ценностных ориентиров [7].

Трудности и нерешенные проблемы в развитии театрального искусства республики сопровождались сокращением численности зрителей. В 2010 г. всеми профессиональными театрами Дагестана было обслужено 311,4 тыс. зрителей, тогда как в 1990 г. – 493,1 тыс. зрителей [14, с. 36; 5, с. 371].

В рассматриваемый период дагестанская профессиональная музыка была представлена всеми жанрами и направлениями – оперой, симфонией, балетом, камерной инструментальной и вокальной музыкой, музыкой к театральным спектаклям и кинофильмам, а также эстрадной. Широкой известностью в стране и мире пользовался М. Кажлаев, народный артист СССР. По-прежнему плодотворно работал Н.С. Дагиров, представитель композиторов старшего поколения, создавший за последние годы такие масштабные сочинения, как 4-я симфония, опера «Ирчи Казак» и балет «Парту Патима». Новая опера, цикл инструментальных концертов и вокальные сочинения были созданы Ш. Чалаевым. Интересный творческий поиск отличает произведения М. Гусейнова и М. Касумова. Яркой индивидуальностью отмечено творчество Аиды Джафаровой. Свой путь в искусстве искали другие представители молодого поколения композиторов В.Ш. Шаулов, Г. Джавлалов [8, с. 644, 645].

Смена общественно-экономического строя и ценностных ориентаций вызывала немалые трудности в творческих исканиях литераторов, как и в других видах художественной культуры.

Из-за острой нехватки средств в новых условиях существенно уменьшился выпуск произведений дагестанских поэтов и прозаиков, сократились их тиражи. Если в 1990 г. в республике было издано 350 книг и журналов тиражом 2345,6 тыс. экз., то в 2009 г. 255 книг и журналов тиражом 352,4 тыс. экз. [14, с. 37; 5, с. 375].

Процесс либерализации отношения к религии и религиозной деятельности, начатый в стране во второй половине 80-х годов XX в. затронул и мусульманские регионы страны. Постановлением Верховного Совета Дагестанской АССР был принят Закон ДАССР «О свободе совести и религиозных организациях» (май 1991 г.), который гласил, что «настоящий закон гарантирует права граждан на определение своего отношения к религии, на соответствующие этому убеждения, на беспрепятственное исповедание религии и исполнение религиозных обрядов, а также социальную справедливость и равенство, защиту прав и интересов граждан независимо от их отношения к религии и регулирует отношения, связанные с деятельностью религиозных организаций» [3, с. 217].

К тому времени стало очевидным, что единого духовного управления для всех мусульман Северного Кавказа быть уже не может. Ведомство управляющее жизнью всех мусульман Северного Кавказа с 1941 г. оказалось фактически распущенным, а в других республиках Северного Кавказа стали образовываться свои ДУМ. В январе 1990 г. был созван Первый съезд мусульман Дагестана, на котором было учреждено Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД) и избран его председатель (муфтий) [10, с. 54–55].

В этот период новым явлением в религиозной жизни Дагестана стало проникновение и усиление влияния «ваххабизма», проповедующего строжайшее соблюдение принципа единобожия, отказ от поклонения святым местам, возврат к первоначальной чистоте и требованиям джихада. Благодатной почвой для распространения новых идей являлось ухудшение социально-политической ситуации в регионе и обнищание основной массы населения на Кавказе, в том числе и Дагестане. Активную миссионерскую деятельность развернули посланцы исламских религиозных организаций из арабских стран. Оказывали поддержку «ваххабитам» и представители дагестанской молодежи, получившие религиозное образование в исламских университетах отдельных стран Ближнего Востока.

Между сторонниками «ваххабизма» и традиционными верующими нарастали противоречия, которые затем вылились в кровавые столкновения.

В 90-е годы в Дагестане помимо ДУМД возникли и активно развернули свою деятельность ряд региональных отделений федеральных исламских организаций, периодических изданий. По данным комитета Правительства РД по делам религий, по состоянию на 1 января 2000 г. в республике исламские общественно-политические организации были представлены: Дагестанским отделением общероссийского мусульманского движения «Нур», Дагестанским отделением общероссийского общественно-политического движения «Союз мусульман России», исламской партией Дагестана [27, с. 285].

Несмотря на сокращение финансирования социально-культурной сферы и ухудшение материально-технической базы и кадрового потенциала учреждений культуры, в конце XX – начале XXI вв. дальнейшее развитие получила социально-культурная инфраструктура, которая продолжает оказывать существенное влияние на ход и итоги социально-культурных процессов и изменений в Дагестане.

Литература:

1. Абдулгамидова, Н.А. Вопросы развития культуры Дагестана в период 80–90-х годов. Статьи, выступления, интервью. – Махачкала, 1998. – 192 с.
2. Базовые фольклорные коллективы Дагестана. (Справочник фольклорных коллективов Дагестана). – Махачкала, 2001. – 108 с.
3. Власть и мусульманская религия в Дагестане (ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.). Документы и материалы (сост.: Какагасанов Г.И., Бутаев М.Д., Амирханова М.М.). – Махачкала, 2007. – 276 с.
4. Гебеков, Г.Ф. Культура Дагестана на современном этапе: основные тенденции и противоречия развития (1992–2005 гг.). – Махачкала, 2006. – 197 с.
5. Дагестан-2011. Стат. ежегодник. – Махачкала, 2012. – Т. 2. – 795 с.
6. Дагестанская правда. 2001, 11 января.
7. Дагестанская правда. 2001, 4 августа.
8. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. – Махачкала, 2005. – 664 с.
9. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. – Махачкала, 2009. – 752 с.
10. Кисриев, Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. – М., 2004.
11. Мирзабеков, М.Я. Культура дагестанского села. XX век: история, проблемы. – Махачкала, 1998. – 308 с.
12. Мирзабеков, М.Я., Ананьева, Е.С., Юнаева, В.Д. Культура дагестанского города XX в. – Махачкала, 2007. – 384 с.
13. Мугадова, М.В. Народное творчество в Дагестане. – Махачкала, 2000. – 73 с.
14. Образование, культура, здравоохранение и правонарушения. Стат. сборник. – Махачкала, 1995. – 60 с.
15. Пулатов, З.Ф. Возрождение горных районов Дагестана // Возрождение. 1997. №3. – С. 18–22.
16. Османов, А.И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития. В 2-х книгах. – Махачкала, 2007. – 600 с.
17. Социально-экономическое положение Республики Дагестан. 1999 год. Доклад. – Махачкала, 2000. – 392 с.

Тамбиева Елена Мухарбековна
ассистент кафедры всеобщей истории
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова,
г. Нальчик, Россия,
E-mail: eletam0410@mail.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-х гг. XX – НАЧАЛЕ XXI в.**

Аннотация: В статье рассматривается реализация социальной политики в сфере материнства и детства в послевоенный период – начале XXI века, когда позитивный опыт Кабардино-Балкарии и региональный Закон «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства», принятый 24.08.1996 г., лег в основу Федерального закона «О материнском капитале».

Ключевые слова: социальная политика, Кабардино-Балкария, охрана материнства и детства, материнский капитал

Tambieva Elena Muharbekovna
Assistant of the General History Department,
“Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov”,
Nalchik, Russia,
E-mail: eletam0410@mail.ru

**IMPLEMENTATION OF THE POLICY IN THE SPHERE OF MOTHERHOOD AND
CHILDHOOD IN KABARDINO-BALKARIA IN THE SECOND HALF OF THE 40-s
OF THE XX CENTURY – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY**

Abstract: The article presents the implementation of social policy in the field of motherhood and childhood during the postwar period – the beginning of the XXI century, when the positive experience of Kabardino-Balkaria and the regional Law «On the Protection of Family, Motherhood, Fatherhood and Childhood», adopted on 24.08.1996, formed the basis of the Federal Law «On Maternal Capital».

Key words: social policy, Kabardino-Balkaria, maternity and childhood protection, maternity capital

В современный период демографический кризис стал неотъемлемой тенденцией развития российского общества. В связи с этим несомненный интерес представляет изучение позитивного советского опыта, когда в сложных условиях восстановительного периода были созданы необходимые условия для обеспечения устойчивого демографического роста населения, развития института семьи. В некоторых регионах страны, например, в Кабардино-Балкарии, в условиях кризиса социально-экономической сферы 90-х гг., смогли не только сохранить лучшие традиции предшествующего периода, но и развить их.

Огромные людские потери СССР в Великой Отечественной войне обусловили повышенное внимание государства к демографической политике. В июле 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и «Медали материнства». Он предусматривал увеличение материальных средств беременным женщинам и матерям, воспитывающим детей, на восстановление и расширение сети детских и родильных учреждений.

Это в полной мере соответствовало традициям горских народов об уважительном отношении к матери. Учитывая тот факт, что множество женщин овдовели и потеряли своих кормильцев, государство пытается частично компенсировать невосполнимую утрату этих семей путем расширения сети детских домов и других детских учреждений, специальных домов отдыха для нуждающихся беременных женщин-одиночек.

Безусловным стимулом в активизации демографической политики стало присвоение почетных званий «Мать-героиня» в 1944–1947 гг. 24 многодетным матерям республики, а в 1948 году – 32 матерям. Орденом «Материнская слава» 1-й степени награждены 94 многодетных матери, второй степени – 310, 3-й степени – 825. «Медалью материнства» 1-ой степени награждены 1687 многодетных матерей, 2-ой степени – 2890. Всего по республике награждены орденами и медалями 5806 многодетных семей, в 1948 – 6830 матерей [1, с. 3].

Помимо моральных видов поощрения расширялись материальные виды стимулирования. В 1944–1948 гг. матерям выдано пособий на сумму 25 млн 383 тыс. руб., в том числе одиноким матерям – 2 млн 282 тыс. руб. [2, с. 4]

Устав сельхозартели освобождал за месяц до родов и на месяц после родов женщин-колхозниц, с сохранением за ними за указанный срок в половинном размере средней выработки ими трудодней. Реализация указа стимулировала приток женщин в промышленность, на транспорт, в сельское хозяйство, заметно повысив их роль в экономике республики, в общественной жизни, в улучшении дошкольного воспитания детей [3, с. 8].

Однако проблема сохраняла свою остроту. Так, детские ясли в колхозах до 1950 г. были редкостью, а в Кубинском, Советском, Нагорном, Урванском районах отсутствовали вообще. Министерство здравоохранения и сельского хозяйства не уделяло этому должного внимания. Таким образом, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. в ряде мест не реализовывался. Идентичная ситуация сложилась в части оказания помощи женщинам-матерям и детям. Так, в Зольском, Нагорном, Баксанском районах были выявлены нарушения в назначении и выплате пособий [4, с. 5].

Это умаляло роль всех начинаний в демографической политике в республике, где было много Матерей-героинь. Так, колхозница с. Нартан Шарифа Патовна Гудова, мать-вдова воспитывала одна 10-х детей, государство выделяло ей существенные денежные выплаты, и все ее дети смогли получить образование [5, с. 3].

Мать-героиня из сел. Чегем I Каральхан Мамбетова воспитывала 12 детей. Государство выдало ей 34 тыс. руб. на воспитание детей. Благодаря Советской власти все ее дети получили образование, обрели хорошие специальности [6, с. 2].

Таких примеров было много, свидетельствующие о серьезном внимании государства в поощрении рождаемости. В 1959 г. более 62 тысяч женщин получили почетное звание «Мать-героиня», в том числе 89 женщин из КБАССР. Свыше 6 миллионов - награждены орденами «Материнская слава» и «Медалью материнства», из которых 15 тысяч женщин Кабардино-Балкарской АССР. Только в 1958 г. выплачено пособий многодетным и одиноким матерям, по беременности и родам, по уходу за детьми около 10 млрд. руб. Огромные средства ежегодно выделялись на создание бытовых и детских учреждений. Данный Указ Президиума Верховного Совета СССР с небольшими изменениями действовал вплоть до 1990 г.

Следует подчеркнуть, что в постсоветский период руководство КБР в условиях острого демографического кризиса пыталось сохранить и развить лучший советский опыт в сфере материнства и детства. Так, 24 августа 1996 г. в Кабардино-Балкарии был принят Закон «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства». В соответствии с Указом Президента КБР №238 на каждого новорожденного открывалось именное накопительное свидетельство. Этот республиканский закон Кабардино-Балкарии, первый в социальной практике Российской Федерации, стал основой в последующем для принятия Федерального закона о материнском капитале. Он предусматривал выдачу всей накопленной суммы по достижении владельцем свидетельства 18-летнего возраста в сумме 500 тыс. (1млн. руб.) [7, л. 12].

23 июля 2004 г. в закон № 233- ПП были внесены поправки, позволявшие открытие именного денежного вклада новорожденным, родившимся в Кабардино-Балкарской республике с 01.09.1996г. Указ о вкладах новорожденным стал действовать с 1 июня 2003г. Каждый родившийся ребенок с первого дня своей жизни мог получить в размере 2000 рублей. Это была инициатива президента Кабардино-Балкарской республики В.М. Кокова для повышения рождаемости детей. Следует отметить, что данная программа была введена только в Кабардино-Балкарии.

Спустя несколько лет вышел Федеральный закон об оказании господдержки матерям «Материнский (семейный) капитал». Указ о «Материнском капитале» вошел в

силу с 1 января 2007 г. и распространялся на тех, кто родился или был усыновлен вторым, третьим и последующим ребенком, имеющим российское гражданство, но при условии, что родители не пользовались дополнительной государственной поддержкой.

Таким образом, во второй половине XX века в советской практике был накоплен позитивный опыт в сфере материнства и детства. В постсоветский период социально-экономический кризис 1990-х гг. и либеральные реформы нивелировали эти достижения. В современный период предпринимаются попытки возродить лучший советский опыт в сфере господдержки матерям и детям.

Литература:

1. Пыхтин, Д. Великая забота о матери и ребенке // Кабардинская правда. – 1947. – 8 июля.
2. Лацинникова, П. Забота о женщине-матери // Кабардинская правда. – 1950. – 12 июля.
3. Синегуб, В. Больше заботы о многодетных и одиноких матерях // Кабардинская правда. – 1949. – 5 марта.
4. Панов, Н. Настойчиво защищать интересы матерей и детей // Кабардинская правда. – 1949. – 8 июля.
5. Шартанов, А. Слово старой Хани // Кабардинская правда. – 1949. – 8 марта.
6. Овсянникова, М. Достоинство и слава материнства // Кабардинская правда, 1949. – 1 мая.
7. Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 1238. Оп. 1. Д. 23.
8. Управление Центра документации новейшей истории архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1287.

УДК 94 (470-571)

Текеева Земира Хыйсаевна
ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева»,
доцент, зав.кафедрой истории России,
г. Карачаевск. Россия,
E-mail: zem.tekeeva@yandex.ru

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАРАЧАЕВЦЕВ В ТРУДАХ В.П. НЕВСКОЙ

Аннотация: Статья посвящена анализу ремесленного производства карачаевцев в работах выдающейся исследовательницы В.П. Невской. Автор рассматривает все категории ремесленного производства, сопоставляя данные В.П. Невской и собственные исследования, также делает выводы о месте кустарных промыслов в традиционном экономическом развитии карачаевцев.

Ключевые слова: промыслы, ремесло, натуральное хозяйство, бурки, кузнецы, сырье

Tekeeva Zemira Hiysaevna
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev,
associate professor,
Head of the Department of Russian History,
Karachaevs. Russia,
E-mail: zem.tekeeva@yandex.ru

HANDICRAFT PRODUCTION OF KARACHAYS IN THE WORKS OF V.P. NEVSKAYA

Abstract: The article is devoted to the analysis of handicraft production of Karachays in the works of the outstanding researcher V.P. Nevskaya. The author examines all categories of handicraft production, comparing the data of V.P. Nevskaya and his own research, also draws conclusions about the place of Handicrafts in the traditional economic development of Karachays.

Key words: handicrafts, crafts, subsistence farming, burkas, blacksmiths, raw materials

Ремесленное производство карачаевцев XIX века является малоизученной проблемой. Специального, комплексного исследования по данной проблеме ни в дореволюционный, ни в советский период написано не было. Все авторы лишь фрагментарно освещали вопросы ремесленного производства карачаевцев. Одним из авторов, изучавших историю и культуру карачаевского народа, является Валентина Павловна Невская, результатом многолетнего труда которой стало издание двух фундаментальных трудов «Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период)» и «Карачай в пореформенный период». Значительное внимание в обеих работах ей уделено экономическому развитию карачаевцев в XIX веке, в котором существенное место занимает ремесленное производство.

«Замкнутые в узких ущельях, почти отрезанные высочайшими горами Кавказа и бездорожьем от населения предкавказской равнины, карачаевцы в течение веков вели натуральное хозяйство» [3, с. 3], – пишет В.П. Невская и в этом она совершенно права. Такой образ жизни привел к выработке у карачаевцев определенных приемов ведения сельского хозяйства – приспособленного к горным условиям полукошевого скотоводства и орошаемого земледелия на узких речных долинах. В связи с тем, что хозяйство носило натуральный характер, «домашняя промышленность» базировалась именно на продукции скотоводческого хозяйства, которое обильно снабжало ремесло сырьем. Кроме того, Невская В.П. объективно отмечает, что ремесло в Карачае получило широкое развитие по причине недостатка земель и скудости почвы [4, с. 57].

Ремесло базировалось на ручном труде при почти полном отсутствии дифференцированного рабочего инструмента и разделения труда. Приемы ремесла передавались от отца к сыну, от матери к дочери. Каждое новое поколение мастеров, принимая традиционное искусство ремесла, дополняло его новым, хорошо проверенным способом. Со временем мастерство ремесленников достигло такого уровня, что производимые изделия отличались прочностью, красотой и изяществом.

Натуральное хозяйство способствовало тому, что ремесло не отделилось от сельского хозяйства. Наши полевые исследования говорят о том, что из всех видов промыслов, из сельского хозяйства в течение XIX века в ремесло полностью выделяются все виды обработки металла, в первую очередь кузнечное и ювелирное производства. Эти сведения подтверждаются и данными В.П. Невской.

Следует отметить, что основными производителями промысловых изделий являлись женщины, они же распоряжались и полученными средствами, так как значительная часть продукции шла на обмен.

Невская правильно перечисляет все виды промыслов, которыми занимались женщины: «шерстобитье, изготовление бурок, валяние мелких изделий (чулок, шляп, а также полстей), ткачество, плетение из шерсти, окраска сукон, металлическое плетение, шитье золотом и серебром. Кроме того, женщины занимались скорняжным и сапожным ремеслами, обрабатывая овечьи и козьи кожи и обувая детей и себя» [4, с. 58]. Здесь необходимо остановиться на том, что наши полевые исследования исключают из данного перечня сапожное ремесло, так как шитьем обуви занимались мужчины. Что касается скорняжного ремесла, то им занимались как женщины, так и мужчины. Мужчины также занимались кузнечным и деревообделочным промыслом, обрабатывали шкуры крупного рогатого скота, изготавливали седла и ремни.

Территория Карачая богата серебряными и железными рудами, месторождения которых разрабатывались с древности. Сведения об этом содержатся в трудах различных авторов: Маргграф О.В. [2], Хижняков Б.Е. [7], Прозрителев Г.Н. [6], Пиралов А.С. [5], Мамбетов Г.Х. [1] и других. Кроме того, существует большое количество преданий и легенд, доказывающих то, что железо было известно карачаевцам и балкарцам с давних пор. Оно было не только известно, но и железо, и обработчики его – кузнецы были в таком почете, что в нартском эпосе, в сказании «Про первого нарта Дебета Золотого» описывается создание богом нартского кузнеца Дебета. Сказание о Дебете, в образе которого отразилась эпоха освоения кузнечного ремесла, является наиболее древним пластом в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев.

Обработка металла у карачаевцев и балкарцев была очень разнообразна, сюда входили кузнечное и слесарное производство, оружейное производство, изготовление ювелирных украшений и шитье золотыми и серебряными металлическими нитями.

Местные кузнецы изготавливали из железа различные орудия труда для сельского хозяйства, кухонную утварь. Серьезную конкуренцию в данном виде ремесла карачаевским ремесленникам составляли дагестанские мастера, которые привозили готовую продукцию (ружья, кинжалы, медную посуду, тазы, ювелирные изделия), а также обосновывались в карачаевских аулах. Здесь необходимо отметить некоторую неточность, которая присутствует в работе В.П. Невской «Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке (дореформенный период)». Валентина Павловна дагестанских мастеров относит к кумыкам [4, с. 59]. Наши исследования не подтверждают эти сведения. Основная часть пришлых дагестанских мастеров принадлежали к даргинцам и лакцам, у которых был развит отхожий промысел. Зablуждение, видимо, происходит из-за того, что пришедшие в Карачай дагестанские ремесленники для общения с карачаевцами использовали родственный кумыкский язык, в силу этого же карачаевцы всех дагестанцев называли кумыками.

Между карачаевцами и дагестанцами установилось некое разделение труда. Карачаевские ремесленники занимались выработкой железа и железных изделий, а дагестанцы работали в основном по серебру, золоту и меди. В первую очередь следует сказать о нагрудном женском украшении, серебряных женских и мужских поясах, кинжалах и огнестрельном оружии, которые изготавливали на заказ дагестанские мастера. Кроме ювелирных изделий, используемых для украшения одежды и носимых на теле, существовали ювелирные изделия для украшения конской сбруи.

С 1828 года, после вхождения Карачая в состав Российской империи и включения в российское экономическое русло, в ремесленном производстве карачаевцев происходят коренные изменения. Эти изменения коснулись, в первую очередь, кузнечного ремесла. Этому способствовало то, что в карачаевские аулы стали проникать товарно-денежные отношения, карачаевцы также получили доступ на ярмарки и меновые дворы, которые открывались в казачьих станицах. Горцы получили возможность приобретать готовую металлическую продукцию, в результате чего производство изделий пошло на убыль, а добыча железа прекратилась полностью. Со второй половины XIX века кузнецы стали заниматься в основном ремонтом кустарных и фабричных металлических изделий.

Из металлообработки следует выделить шитье золотом и серебром и металлическое плетение, которые считались девичьим ремеслом. Девушки вышивали праздничную одежду, шали, плели галуны и другие басонные изделия, которые использовались для украшения одежды и в первую очередь девичьих шапочек.

Невская В.П. рассматривает и другие виды промыслов карачаевцев, такие как обработка шерсти, кожи и дерева. Мы также обратимся к исследуемым промыслам.

Наиболее распространенным видом промыслов у карачаевцев было производство изделий из шерсти. Этому способствовало то (как уже отмечалось выше), что основным видом хозяйственной деятельности карачаевцев было скотоводство. Более 80% карачаевцев занимались овцеводством, что позволяло им производить огромное количество различных шерстяных изделий. Из всего перечня производимой продукции наиболее распространенным было изготовление войлочных ковров – кийизов и домотканого сукна. Валентина Павловна довольно точно описывает процесс изготовления бурок и кийизов, с одной разницей: бурочный материал карачаевцы все-таки не красили, так как шерсть карачаевской овцы имела различные оттенки черного, коричневого цветов, а для получения серого цвета смешивали шерсть черного и белого цвета в разной пропорции, чаще 1:1.

Для кийизов шерсть действительно красили, узор выкладывали сразу одним слогом и уваливали также, как и бурку.

Что касается изготовления войлочных шляп, то наши исследования не подтверждают данных Невской о том, что «обрезки войлока шли на обувь, шляпы» [4, с. 61]. Для шляп войлок валяли отдельно круглой формы, который натягивали на деревянную болванку, поливая мыльной водой, формовали поля, «затем обрезали края, кантовали их шнуром и прикрепляли шнур по радиусам дна шляпы» [4, с. 62]. Для уюков могли использовать куски готового войлока, которые сшивали между собой, придавая форму сапога. Из войлока выкраивали ступню, состоящую из двух половинок, шов шел по середине ступни до щиколотки. Получался своеобразный носок. Затем выкраивали голенище, также из готового куска войлока, и пришивали к готовому носку. Шов голенища шел по задней стороне го-

лени или в зависимости от мастерства женщины, шьющей валенки, сбоку. Чтобы от постоянной ходьбы подошва уюков быстро не протиралась, их, как правило, обшивали кожей (сахтиян) примерно на 2/3 длины. Уюки или бурочки специально не валялись, изготовление валенок русского типа начинается в конце XIX века, правда, и тогда карачаевцы предпочитали покупать готовые валенки у русского населения.

Распространенными ремеслами были скорняжное и шорное. Обширное скотоводство давало достаточно сырья (шкур), из которого можно было изготавливать теплые шубы – тон, шапки – берк, теплые меховые штаны – тери кенчек (последние носили только старики), делать бурдюки для перевозки и хранения айрана и сбивания масла, кожаные сумки для муки и соли – къапчыкъ. Изделия скорняжного и шорного ремесла шли и на продажу.

Карачай богат лесными угодьями и это позволило развиваться еще одному виду промыслов – деревообделочному. По своей распространенности этот вид ремесла занимал ведущее место. Он соприкасался со всеми сферами хозяйственной деятельности и быта карачаевцев. В.П. Невская довольно точно описывает производимые изделия и технику их изготовления. Единственное на чем бы хотелось остановиться – это сорта деревьев, которые использовались для производства деревянных изделий. Деревянные изделия хозяйственного назначения чаще всего изготавливали из дуба, березы, клена тополя, карагача, ольхи. Предметы кухонной утвари делали из мягкой древесины – березы, липы, груши и других.

Во второй половине XIX века ремесленное производство в Карачае начинает претерпевать изменения под влиянием проникающего в горские аулы капитализма, а также установления крепких экономических связей с расселившимся здесь славянским населением.

В семьях зажиточных карачаевцев примитивные старинные орудия труда были вытеснены русскими фабричными плугами, косами и т.д.

Внутри домов также появились новые убранства: появилась новая мебель, которую покупали у умельцев-краснодеревщиков из казачьей среды. Впоследствии в Учкулане было открыто ремесленное училище, выпускавшее специалистов-столяров, делающих отличную мебель, не уступавшую по качеству и красоте привозной.

Карачаевцы во второй половине XIX века познакомились и с покупной, изготовленной из меди, посудой. Однако она не сразу вошла в быт карачаевской семьи. Впервые, медная посуда была дорогой, и покупали ее на первых порах лишь богатые карачаевцы, это были самовары, тазы; во-вторых, металлическая посуда (медная, жестяная) на взгляд многих, портила вкус пищи [3, с. 195]. Но, тем не менее, она прочно вошла в обиход. Также появилась стеклянная и фарфорово-фаянсовая посуда. Если ею не пользовались по прямому назначению, то выставляли напоказ в качестве украшений, она также символизировала достаток в семье.

Как у карачаевцев, так и у казаков (в основном представителей зажиточного сословия) широкое распространение получили шапки из каракуля. Большое распространение получили так называемые купеческие шали – «купес джаулукъ», пуховые платки, большие клетчатые пледы. Девушки из состоятельных семей стали носить шелковые газовые шарфики, кружевные косынки, шарфы вологодской работы. Но, тем не менее, одежда женщин больше чем мужчин весьма устойчиво сохраняла свои самобытные черты.

Русское влияние на жизнь карачаевцев проявилось также и в такой сфере, как музыкальное искусство. В начале XIX века главными музыкальными инструментами в Карачае были «къыл кобуз» – скрипка, с двумя струнами из конского волоса и деревянным корпусом, вытянутым снизу в острие, а также «сыбызгы» – инструмент, напоминающий флейту и изготавливаемый из тростника, стебля аниса или же из старых оружейных стволов [3, с. 196]. Пользовался популярностью и «харс» – трешетка, изготавливаемая из нескольких дощечек. Когда же карачаевцы познакомились с русской гармошкой, то, в скором времени, она стала основным музыкальным инструментом карачаевцев, без которого не обходилось ни одно из празднеств, и с тех пор, по сегодняшний день, карачаевские танцы сопровождаются игрой на гармонии – «къобуз».

Таким образом, можно прийти к выводу, что традиционные карачаево-балкарские промыслы и ремесла представляют собой исторически сложившиеся цельные комплексы, включающие в себя трудовые навыки, производственный опыт и эмпирические знания не одного поколения, национальные традиции производства и потребления готовой продукции.

Ремесло не служило источником благосостояния, не являлось основой жизнеобеспечения в Карачае в рассматриваемый период, а являлось подспорьем в хозяйстве, экономике карачаевцев.

Литература:

1. Мамбетов, Г.Х. Культ железа. Общинные кузнецы в Кабарде и Балкарии. – УЗКБНИИ – 1965. – Т. XXIII.
2. Маргграф, О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882. – 288 с.
3. Невская, В.П. Карачай в пореформенный период. – Ставрополь, 1964. – 224 с.
4. Невская, В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период). – Черкесск, 1960. – 159 с.
5. Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа // Кавказский календарь на 1901 г. – Тифлис, 1900. – С. 43–73.
6. Прозрителев, Г.Н. Кавказское оружие (оружие кавказского горца) / – Ставрополь, 1915. – ТСУАК – Вып. VII. – 18 с.
7. Хижняков, Б.Е. Описание кустарных промыслов национальных областей Северо-Кавказского края // Записки Северо-Кавказского НИИ. – Т. 2. – Ростов-на-Дону, 1929. – С. 165–167

УДК 32.019.51

Тлостнаков Аскер Асланович

*Южный федеральный университет, научный сотрудник Центра
междисциплинарных гуманитарных исследований,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
E-mail: tlostnakov@sfedu.ru*

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ НА ПРИМЕРЕ НОВЫХ ПАМЯТНЫХ ДАТ ЧЕРКЕСОВ (АДЫГОВ)

***Аннотация:** В статье проанализирован процесс формирования и трансформации исторической памяти на Северном Кавказе на примере черкесского кейса. Автором выделены основные акторы и стратегии формирования исторической памяти. Прежде всего, речь идет о продвижении новых памятных дат региональными властями и этническими активистами.*

***Ключевые слова:** политика памяти, историческая память, стратегии, технологии, Северный Кавказ, черкесы, Кавказская война*

Tlostnakov Asker Aslanovich

*Southern federal university, scientific associate Center of
interdisciplinary humanities research,
Russia, Rostov-on-Don,
E-mail: tlostnakov@sfedu.ru*

THE MAIN CHARACTERISTICS OF MEMORY POLITICS IN THE NORTH CAUCASUS ON THE EXAMPLE OF NEW COMMEMORATIVE DATES OF CIRCASSIANS (ADYGHES)

***Abstract:** The article analyzes the process of formation and transformation of historical memory in the North Caucasus on the example of the circassian case. The author highlights the main actors and strategies of the formation of historical memory. First of all, it concerns promotion of new commemorative dates by regional authorities and ethnic activists.*

***Key words:** memory politics, historical memory, strategies, technologies, the North Caucasus, the Circassians, the Caucasian War*

Политика памяти является важным инструментом формирования исторического сознания. В настоящее время в России изучением политики памяти занимаются историки, политологи, социологи и др. В этих исследованиях особый акцент делается на конструировании памятных дат, как на одном из наиболее действенных способов формирования исторической памяти.

Процесс формирования новых памятных дат на Северном Кавказе был запущен вначале 1990-х гг. и продолжается в настоящее время. За это время новые памятные даты появились во всех регионах [1]. Часть из них закрепилась и массово отмечается жителями республик, другие по разным причинам не прижились.

В данной статье объектом рассмотрения станут новые памятные даты у черкесов (адыгов). Данный кейс представляет интерес в связи с тем, что представители этой этнической группы являются титульным народом в трех республиках Северного Кавказа и власти каждой из этих республик проводят самостоятельную «историческую политику». При этом наблюдаются попытки построения единой черкесской нации, включающей российских и зарубежных черкесов. Таким образом, складывается ситуация, когда различные «политики памяти» вступают в конкуренцию. Особый интерес данная тема приобретает в условиях активного продвижения идеи общероссийской гражданской нации федеральными властями.

При этом наибольшую активность в вопросе формирования новых памятных дат проявляют этнические активисты и власти Кабардино-Балкарии – региона, в котором проживает большая часть черкесов (кабардинцев). Помимо Дня черкесского флага и Дня памяти и скорби по жертвам Кавказской войны, которые отмечаются российскими и зарубежными черкесами, в последние годы в республике появился целый ряд новых памятных дат. Так, изучение практики создания новых памятных дат в Кабардино-Балкарии на примере празднования 10 октября окончания Семимесячной войны 1779 г., организуемого этническими активистами, и празднования 20 сентября Дня адыга, предложенного республиканскими властями, дает возможность проанализировать особенности исторической политики, проводимой «сверху» и «снизу», в контексте борьбы проектов по строительству общероссийской гражданской нации и черкесской этнической нации.

Семимесячная война воспринимается как один из ключевых эпизодов Кавказской войны [2, с. 1148–1157], связанная с борьбой черкесов за свою независимость. В частности, при описании причин Семимесячной войны местными историками отмечается, что она стала реакцией кабардинских князей на строительство крепости Моздок и других российских укреплений в долине р. Малка, что было воспринято черкесами как «нарушение территориального суверенитета со стороны царской власти».

Сторонники празднования этой даты настаивают на том, что эта война стала одним из самых драматических событий черкесской истории, а поражение в ней привело к «гибели всей кабардинской аристократии».

Популяризация Семимесячной войны в черкесской среде началась несколько лет назад, и в перспективе лидеры черкесских движений рассчитывают превратить 10 октября в дату, сопоставимую по своей значимости и масштабам празднования с 21 мая (День памяти и скорби по жертвам Кавказской войны). Однако на данный момент памятные мероприятия привлекают всего несколько десятков человек.

В свою очередь примером памятной даты, предложенной республиканскими властями, является День адыгов. Инициатива празднования этого дня принадлежит бывшему главе Кабардино-Балкарии Юрию Кокову [3]. Несмотря на название праздника, он не имеет понятного для черкесов идеологического наполнения и не привязан ни к одному из важных для черкесов исторических событий. В этой связи праздник не вызывает серьезного интереса жителей региона и чаще всего воспринимается как навязанный чиновниками или как дополнительный выходной день. Кроме того, патриотически настроенные черкесы не только не поддерживают инициативу празднования этого дня, но и видят в нем угрозу, полагая, что День адыгов намерено создан властями в качестве альтернативы 21 мая для размытия памяти о Кавказской войне и «геноциде» черкесов.

Схожую негативную реакцию у этнических активистов многие годы вызывает годовщина добровольного вхождения черкесов (адыгов) в состав Российского государства. На уровне публикаций в СМИ и дискуссий в социальных сетях регулярно оспаривается добровольность вхождения всех черкесов в состав России в XVI в. В качестве альтернативной версии популяризируется идея о том, что отношения между русскими и черкесами представляли собой военно-политический союз.

Таким образом, в настоящее время в Кабардино-Балкарии и на Северном Кавказе в целом можно говорить о двух наиболее выраженных тенденциях в формировании исторической памяти: попытках этнических активистов привлечь еще больше внимания к

событиям Кавказской войны и ее эпизодам для героизации данного исторического периода и стремлении региональных властей сместить акцент на нейтральные исторические темы для снижения межэтнической напряженности. Однако памятные даты, инициированные как «сверху, так и «снизу», на данный момент не стали массовыми.

Иная ситуация складывается в Адыгее и Карачаево-Черкесии. В Адыгее календарь памятных дат пополняется новыми праздниками, которые продвигаются совместно руководством республики, творческой и научной интеллигенцией и этническими активистами. В основном эти праздники не имеют серьезной идеологической нагрузки и не связаны с конкретными событиями прошлого. Празднование Черкесского нового года [4], Дня черкешенки, Дня халюжа [5], Дня черкесской тыквы и других аналогичных праздников направлены на популяризацию этнической культуры черкесов и направлены на повышение привлекательности региона как объекта для этнографического туризма.

В Карачаево-Черкесии власти региона и черкесские активисты не предпринимают попыток формирования новых памятных дат. В этой связи, черкесы в республике отмечают памятные даты, предложенные руководством Международной черкесской ассоциации в 1990-х и 2000-х гг. Среди них День памяти и скорби по жертвам Кавказской войны и День черкесского флага. Данные памятные даты массово отмечаются всеми черкесами в России и за рубежом.

Литература:

1. Тлостнаков, А.А. «Политика памяти» и «войны памяти» на Северном Кавказе // Изменяющаяся социальная реальность и жизненные практики россиян в посткризисном обществе. Материалы XI Всероссийской школы молодого социолога «Изменяющаяся социальная реальность и жизненные практики россиян в посткризисном обществе» (29 мая – 2 июня 2018 г., пгт. Николаевка, Республика Крым) / Отв. ред. Ю.Г. Волков; сост.: В.О. Вагина, Н.Н. Гонтаренко. – Ростов-н/Д.: Фонд науки и образования, 2018. – С. 410–414.
2. Tsibenko, V.V. The War which was not: Russian, Turkish and Western Historiography on the North-Western Caucasus of the 19th Century // Blye Gody, 2016. Vol. 42. Is. 4. P. 1148–1157.
3. День адыгов отметят в Кабардино-Балкарии 19 и 20 сентября URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/269052/> (дата обращения 12.06.2019).
4. Черкесский новый год вызвал интерес к культуре адыгов URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/333202/> (дата обращения 16.06.2019).
5. В Адыгее отметили День халюжа URL: <http://sovetskaya-adygeya.ru/index.php/obshchestvo/17626-v-adygee-otmetili-den-khalyuzha> (дата обращения 12.06.2019).

УДК: 947.9(470.631)

***Чотчаев Дахир Джансохович**
Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева,
старший преподаватель кафедры истории России,
г. Карачаевск, Россия,
E-mail: tchotchaev-dahir@yandex.ru*

КАРАЧАЕВЦЫ И БАЛКАРЦЫ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

***Аннотация:** В статье рассмотрено влияние высших учебных заведений России на мировоззрение представителей карачаевского народа. Автор исследует жизненный и творческий путь ряда выпускников этих образовательных учреждений, их роль в просвещении и повышении культурного уровня соотечественников.*

***Ключевые слова:** высшее образование, русификация, казеннокоштные, «кавказские стипендиши», военное училище, военно-юридическая академия, Императорский Московский университет*

***Chotchayev Dahir Dzhansokhovich**
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev,
senior lecturer, department of Russian History,
Karachaevsk, Russia,
E-mail: tchotchaev-dahir@yandex.ru*

KARACHAYANS AND BALKARIENS IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF RUSSIA (THE END OF XIX – THE BEGINNING OF XX C.)

Abstract: *The article considers the influence of higher educational institutions of Russia on the worldview of representatives of the Karachay people. The author explores the life and career of a number of graduates of these educational institutions, their role in educating and raising the cultural level of compatriots.*

Key words: *higher education, Russification, at public cost, "Caucasian scholarships", military school, military law Academy, the Imperial University of Moscow*

Интеграция Карачая в состав Российского государства способствовала дальнейшему повышению культурного уровня населения, вовлечению его в орбиту российской цивилизации. Одной из важных проблем в этом направлении было просвещение, в частности получение высшего образования.

Следует отметить, что некоторым представителям карачаевского народа предоставлялась возможность обучаться в светских учебных заведениях, которые начали функционировать на Кавказе наравне с мусульманскими школами. Эти образовательные учреждения выполняли в условиях того времени двойную функцию. С одной стороны, они были призваны обучать в них молодых людей, а с другой, являлись мощным фактором в деле русификации горского населения.

Известно, что на территории Карачая до 1878 г. не было ни одного начального и среднего специального учебного заведения. Более того здесь долгое время не ставилась задача об открытии высших образовательных учреждений, что объяснялось отсталостью и невежеством народа. Мы считаем, что указанное обстоятельство весьма сомнительно и связано в большей степени с нежеланием самодержавия обучать и просвещать горцев.

Вместе с тем, факты свидетельствуют, что ряд представителей горских народов, в том числе и карачаевцев, имели возможность обучаться за счет государства в различных образовательных учреждениях. Такое право получали только дети из привилегированных слоев общества. Еще в феврале 1849 г. «Положением о воспитании кавказских и закавказских уроженцев за счет казны в высших и специальных учебных заведениях империи» были законодательно оформлены так называемые «кавказские стипендии». Документ предусматривал, что «обучение кавказских воспитанников в высших и специальных учебных заведениях, кроме общих видов распространения просвещения в крае, имеет еще особую местную цель. Это, во-первых, подготовка сыновей привилегированного сословия народов Кавказа к занятию разных, даже высших должностей по всем родам государственной службы в крае и за его пределами; во-вторых, предоставление детям торгового и других сословий возможности получить образование, необходимое для успешного развития в крае торговли и промышленности» [8, с. 63]. Данное постановление позволяло отправлять на учебу в Россию ежегодно 160 горцев. Из них, в десять вузов Санкт-Петербурга могли поступить 68 человек. В четырех образовательных учреждениях Москвы имели возможность приобретать знания 77 студентов с Кавказа, в Казани – 5, в Горыгорецкой – 7 человек, представлявших регион [8, с. 63].

12 ноября 1868 г. вышло в свет «Положение о Кавказских воспитанниках в высших и специальных учебных заведениях Империи». Этим актом еще раз подчеркивалась необходимость подготовки соответствующих кадров в сфере управления, а также обеспечения края специалистами в важнейших отраслях промышленности. Для этого предусматривались стипендии для обучающихся представителей Кавказа и Закавказья, а в закрытых заведениях вводились казеннокоштные вакансии. В учебных заведениях выделялись вакансии для кавказских юношей, которые за казенный счет могли получать высшее образование и в дальнейшем работать у себя в регионе.

Сословный характер высшего образования подтверждался также и распоряжением начальника 3-го управления Бенкендорфа командующему Кавказской кордонной линией генералу Завадскому о необходимости направлять в учебные заведения горских детей княжеского, дворянского происхождения, соблюдая при этом «строгую разборчивость, чтобы фамилии имели возможность по древности существования оных, по особенно важным заслугам, оказанным предками нашему правительству, или, наконец, по уважению в народе... Чтобы эти дети были в свою очередь полезным общением ро-

дителей и родственников своих в мирное сношение с правительством, почему при отборе кандидатов должна была соблюдаться строгая разборчивость» [9, с. 20–21].

По мнению исследователей истории просвещения на Северном Кавказе, назначением русской школы была помощь в осуществлении великодержавной политики царизма. А. Бегеулов в работе «Состояние грамотности и задачи ликвидации неграмотности в нацобластях», опубликованной в 1930 г. в журнале «Революция и горец» отмечал, что «русская школа имела своим назначением помочь задаче великодержавной ассимиляции горских народов. С другой стороны, развитие школ на русском языке рассматривалось царским правительством как своего рода отдушина. Разумеется, что в условиях господства военно-феодалного гнета всякий мало-мальски грамотный человек, выходящий из недр трудящегося населения, не без основания считался сеятелем идеи национального освобождения. Поэтому-то двери высших и средних учебных заведений были наглухо закрыты для трудящейся горской молодежи... Мизерный процент грамотности среди горцев, обозначенный в царской статистике, падает исключительно на верхи горской деревни» [3, с. 29].

Между тем процесс русификации горских народов, осуществлявшийся через систему народного образования, еще больше усилился после реформ 60–70-х гг. XIX в., а также в период контрреформ. Он продолжал оставаться частью грандиозной программы обрусения инородческого населения Российской империи.

70-е годы XIX в. ознаменовались контрреформами в сфере просвещения, которые не обошли стороной и высшую школу. Передовая педагогическая мысль испытывала в этот период жесткий гнет консервативных правящих кругов. Ее представители боролись с официальной просветительской политикой, выступали за демократическую и гуманную школу. Активное участие в этом процессе принимали и представители передовой интеллигенции Северного Кавказа, в том числе и карачаевцы.

Горцев, в частности не устраивало отсутствие возможности получения образования детьми в высших начальных профессионально-технических и средних учебных заведениях. Об этом шла речь в прошении уполномоченных карачаевского, черкесского, абазинского и ногайского народов Кавказскому наместнику Воронцову-Дашкову, в котором в качестве «неотложной нужды населения» признавалось открытие новых начальных, средних и высших учебных заведений. Среди мер, которые, по мнению авторов документа, необходимо было осуществить, также значилось увеличение числа горских стипендий в высших учебных заведениях до 10 [9, с. 46]. Однако кавказское начальство не прислушалось к просьбам представителей горских народов.

Ситуация в сфере высшего образования улучшилась в период деятельности министра народного просвещения России П.Н. Игнатьева в 1915–1916 гг., который, будучи культурным человеком своего времени, четко осознавал, что нужно российскому просвещению. Именно он стал инициатором и проводником идеи связи реформы школы с потребностями индустриального развития страны. Благодаря ему, было открыто около 20 высших учебных заведений, десятки учительских семинарий, а также другие образовательные учреждения. Но после отставки П.Н. Игнатьева все эти положительные меры в образовании вновь были свернуты.

Как свидетельствуют источники, горская молодежь, в том числе и карачаевцы, обучавшаяся в учебных заведениях Москвы, Петербурга и некоторых других городов России вынуждена была учиться в условиях сурового и непривычного для нее климата, который в российских городах резко отличался от Кавказа. Все это тяжело сказывалось на состоянии здоровья студентов. Данный факт в начале XX в. подтверждал известный общественный деятель Северного Кавказа Е. Камбулат, который отмечал, что «каждый год известный процент, и довольно значительный, студентов-горцев умирает от чахотки или принужден бывает спасаться бегством обратно на родину и, конечно, надолго прекратить свое учение, а то и совсем оставить надежду когда-либо получить диплом высшего учебного заведения» [4, с. 43–44].

Однако, несмотря на подобные трудности, представители Карачая продолжали учиться, достигать значительных успехов в учебном процессе и прославлять не только себя, но и свой народ. Следует отметить, что, несмотря на довольно малое количество студентов-карачаевцев в высших учебных заведениях, мы вправе гордиться талантливыми учителями, врачами, инженерами и другими специалистами, окончившими в то сложное время образовательные учреждения России.

Источники свидетельствуют, что ряд карачаевцев в XIX – начале XX в., получив образование в военных учебных заведениях, приобрели военные специальности и служили в воинских частях России на Северном Кавказе и в других регионах. Многие из них прославились как кадровые офицеры, были удостоены высоких наград государства.

К примеру, Асланбек Абаев, окончив аманатскую школу, поступил в Георгиевское приходское училище. В 1834 г. он был прикомандирован в качестве оруженосца в лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон в Петербурге, в котором служили большинство просветителей кавказских народов. Здесь юноши-горцы изучали русский и татарский языки.

Октябрь 1837 г. ознаменовался для молодого балкарца тем, что он был произведен в юнкера. Осенью 1838 г. он стал корнетом и направлен в горскую милицию Отдельного Кавказского корпуса. А. Абаев был награжден серебряной медалью и орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость». В 1846 г. Асланбек Конакович Абаев вышел в отставку. У него родился сын Султанбек. Он уехал к себе на родину – в Балкарию [5, с. 330–331].

Выпускник одного из военных учебных заведений ротмистр Айтек Крымшамхалов принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., командовал кавалерийскими частями. Позднее преподавал во Владикавказском кадетском корпусе. Был удостоен многих орденов и медалей [6, с. 37–38].

После окончания Александровского кадетского корпуса в 1896 г. в Константиновское артиллерийское училище был принят Борис (Басият) Шаханов, который в августе 1898 г. перевелся в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге.

Через два года подпоручик Б. Шаханов направляется в распоряжение 4-й батареи 21-й артиллерийской бригады, дислоцированной в слободе Воздвиженская Грозненского округа. С сентября 1904 по 15 мая 1907 гг. поручик Басият Шаханов обучался в Военно-юридической академии в Петербурге. Завершив полный курс в данном учебном заведении по 1-му разряду, Б. Шаханов 18 мая 1907 г. получает звание капитана [7, с. 116]. Всю свою дальнейшую жизнь Басият Шаханов посвятил юриспруденции и отстаиванию интересов соотечественников.

Выпускник Нальчикского реального училища Чепеллеу Урусбиев в 1915 г. в Чугуевском военном училище прошел ускоренный курс обучения в связи с войной [7, с. 20].

Юнус Джаубаев, проходивший службу в Кавказском кавалерийском дивизионе, в октябре 1915 г. был направлен в Тифлисское военное училище, после чего в чине прапорщика в составе действующей армии принимал участие в боях, был ранен и контужен. В августе 1917 г. Юнуса Магометовича Джаубаева из 46-го Нижегородского пехотного полка перевели младшим офицером Черкесского конного полка Кавказской туземной конной дивизии. В сентябре он вернулся на родину.

Ю.М. Джаубаев был награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на груди. Эту награду он получил в сентябре 1915 г. в период пребывания в составе сотни Кубанской горской постоянной милиции «за отличную службу и труды, вызванные обстоятельствами текущей войны» [2, с. 80].

Материалы Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики свидетельствуют, что в военно-учебных заведениях Санкт-Петербурга в январе-апреле 1853 г. получили возможность обучаться Каншауби Карабашев, Тенгиз Беканов, Мутаби Дудов, Султанбек Абаев [10]. По сообщению документов того же архива, 25 июня 1853 г. воспитанник Кабардинской школы Канагат Крымшамхалов отправился в Ставрополь с целью последующего препровождения в Санкт-Петербург для определения в одно из названных учреждений [11].

Исследование показало, что из числа карачаевцев и балкарцев вышли знаменитые инженеры, врачи, юристы и другие высококвалифицированные специалисты, применившие свои знания и опыт на благо народа и родины.

Выпускник Ставропольской мужской гимназии Ислам Айсандыров-Дудов в 1875 г. поступил в институт путей сообщения в Санкт-Петербурге. Он стал первым из карачаевцев, кто получил высшее инженерное образование. Ислам Дудов строил железнодорожные мосты, участвовал в возведении разводного моста через реку Дон в Ростове-на-Дону [5, с. 398].

Ислам Ачахматович Дудов стремился к тому, чтобы карачаевцы как можно быстрее переняли все новое и полезное для них. Он был, вместе с тем, ярким сторонником

сохранения и соблюдения народных обычаев и традиций, выделявших карачаевцев и балкарцев с хорошей стороны. И.А. Дудов обращался к соплеменникам, проживавшим за пределами Карачая, с призывом поддерживать его высокий имидж своими делами и поступками.

После получения среднего образования в Ставропольской гимназии на первый курс юридического факультета Императорского Московского университета в июле 1900 г. был зачислен Бекмырза Крымшамхалов. В период обучения в данном учебном заведении молодой карачаевец довольно прилежно относился к занятиям, изучал дисциплины по различным отраслям права. Он много читал, причем не только учебную и научную, но и общественно-политическую литературу, обсуждал с преподавателями и сокурсниками различные теории и положения мыслителей прошлого и настоящего.

Значительное влияние на горца оказала и обстановка, в условиях которой он учился. Будучи представителем наиболее активной части общества, Бекмырза Крымшамхалов не мог оставаться в стороне от развивающихся в тот период событий. Ему довелось участвовать в различных студенческих собраниях и организациях, где обсуждались важнейшие вопросы социальной и политической жизни страны.

Пребывание в Москве положительно сказалось на расширении кругозора Б. Крымшамхалова, повышении его культурного уровня. Ему посчастливилось посетить музеи и художественные галереи, театр и оперу, познакомиться с новинками литературы.

Май 1904 г. был ознаменован получением Б. Крымшамхаловым свидетельства об успешном окончании учебы с 8 «зачтенными полугодиями», что свидетельствует об успешной сдаче сессий [1, с. 5]. 31 декабря этого же года он получил диплом Императорского Московского университета.

Следует отметить, что Бекмырза Крымшамхалов стал первым карачаевцем, окончившим главный вуз страны, первым профессиональным юристом в Карачае.

Справедливости ради отметим, что кроме вышеназванных представителей Карачая и Балкарии, получивших образование в высших учебных заведениях России, был ряд и других выпускников. Среди них можно назвать выпускников Харьковского университета А. Келеметова, медицинского факультета Киевского университета И. Абаева, Петровско-Разумовской академии – А. Крымшамхалова.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что многие представители Карачая и Балкарии, несмотря на трудности, сумели получить прекрасное образование, блестяще закончить высшие учебные заведения России, стать талантливыми специалистами, кадровыми офицерами, профессиональными юристами и внесли весомый вклад в развитие своего народа.

Литература:

1. Батчаев, Ш.М. Бекмырза Крымшамхалов – первый юрист Карачая // Известия Карачаевского научно-исследовательского института // karachai.ucoz.ru/. – Черкесск, 2019.
2. Батчаев, Ш.М. Джатдай – Ставрополь: ГУПСК «Краевые сети связи», 2006. – 272 с.
3. Бегеулов, А. Состояние грамотности и задачи ликвидации неграмотности в нацобластях // Революция и горец. – Ростов-на-Дону, 1930.
4. Камбулат, Е. Горе Кавказской молодежи // Революция и горец. – Париж, 1910. №2.
5. Кучинаев, М.Ю. История Балкарии с древнейших времен и до конца XX века. В 2-х книгах. – Нальчик: Издательский центр «Эльфа», 2004. – Кн. 1. – 412 с.
6. Лайпанова, З.К. Просветители Карачая и Черкесии. – Черкесск: Издательство Карачаевского НИИ, 2008. – 120 с.
7. Опрышко, О.Л. На изломе времен: Документальное повествование. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 352 с.
8. Пашаев, А.Х. Очерки истории начального образования на Кавказе в XIX – начале XX веков (Опыт сравнительно-исторического изучения проблемы) / А.Х. Пашаев. – Баку: Издательство АПИ им. В.И. Ленина, 1991.
9. Узденова, С.Б. Народное образование и педагогическая мысль в Карачае и Черкесии (до октября 1917). – Пятигорск: Издательство Пятигорского государственного пединститута иностранных языков, 1994. – 136 с.
10. ЦГА КБР Ф.И.-16. Оп. 1. Д. 1294. Лл.7об, 13-13об, 18об.
11. ЦГА КБР Ф.-16. Оп. 1. Д. 1321. Л. 10.

Чотчаев Солтан Алиевич
кандидат педагогических наук,
учитель русского языка и литературы,
МКОУ «Гимназия №4 г. Усть-Джегуты»,
г. Усть-Джегута, Россия,
E-mail: soltan.chotchaev@mail.ru

РОЛЬ РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРСКИХ НАРОДОВ В XIX–XX ВЕКАХ (НА ПРИМЕРЕ КЧР)

Аннотация: В статье автор исследует влияние русской культуры на жизнь и быт горских народов на примере карачаевцев в результате присоединения Северного Кавказа к России. Основной целью является выявить и показать значимость русского языка в сфере культуры, науки, просвещения в карачаевском обществе после вхождения Карачая в состав Российской империи.

Ключевые слова: история, карачаевцы, коммуникация, культура, литература, народ, присоединение, просвещение, русский, язык

Chotchayev Soltan Aliovich,
Candidate of Pedagogy,
teacher of Russian language and literature,
Municipal Educational Institution Gymnasium No.4,
Ust-Dzheguta, Russia,
E-mail: soltan.chotchaev@mail.ru

THE ROLE OF RUSSIA IN THE PROCESS OF TRANSFORMATION OF THE NATIONAL CULTURE OF THE MOUNTAIN PEOPLES IN THE 19-20 CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE KCR)

Abstract: In the article the author explores the influence of Russian culture on the life and life of mountain peoples by the example of Karachai as a result of the accession of the North Caucasus to Russia. The main goal is to identify and show the significance of the Russian language in the field of culture, science, education in Karachai society after the incorporation of Karachai into the Russian Empire.

Key words: history, Karachai, communication, culture, literature, people, accession, education, Russian, language

В данной статье изучены основные причины и факторы, способствовавшие вхождению карачаевцев в состав России, а также значение русского языка, образования, просвещения в процессе трансформации национальной культуры карачаевцев.

С незапамятных времен народы Северного Кавказа поддерживали довольно тесные отношения с Россией. В течение нескольких столетий горцы имели с Россией торговые, культурные и политические отношения. Принимая во внимание важное стратегическое расположение, которое занимал Северный Кавказ, было понятно, что этот горный край вызывал колоссальный интерес у Османской империи, Ирана, Крымского ханства. В связи со сложившейся напряженной ситуацией, кавказские народы нуждались в сильном, могущественном покровителе, каким могла быть Россия, что укрепляло их внешние связи с Россией.

С середины XVI века у горских народов начался новый этап в развитии их отношений с Россией, шел сложный, кропотливый процесс присоединения их к России. Безусловно, политика русских царей в первую очередь была направлена на присоединение, завоевание новых земель, имела свои цели, задачи, такие как расширение торговли и планы посредничества в обмене товаров между Западной Европой и Востоком через Дагестан и Каспийское море. Эти глобальные замыслы явились одной из ключевых причин похода Петра I в прикаспийские области Кавказа и Ирана. Желание расширить торговлю со странами Востока продолжали оказывать существенное значение на политику России на Восточном Кавказе и в Закавказье, а

позднее – в конце XVIII века и в XIX веке. Таким образом, было очевидно, что Российское государство стремилось быть ключевым звеном в торговых связях между Западом и Востоком, извлекая для себя значительную выгоду, кроме того, Россия укрепляла свои позиции на южных границах, а также стремилась присоединить к себе весь Кавказ для того, чтобы расширить общую территории всей империи.

В 1557 году первыми добровольно вошли в состав России кабардинцы, а позже стали присоединяться и другие народы Северного Кавказа. Присоединению Кабарды к России способствовало прибытие на встречу с Иваном IV кабардинского посольства, во главе которого стоял князь Темрюк, а посол Кануков передал просьбу кабардинцев русскому царю касательно вхождения Кабарды в состав Российского государства. Данное историческое событие имело ключевое значение, поскольку именно с этого момента и можно говорить о начале присоединения Северного Кавказа к России. Таким образом, был заложен прочный фундамент, способствовавший дальнейшему развитию отношений царской России с Кавказом.

В 1817 году русский император Александр I в целях расширения территории Российской империи развязал Кавказскую войну. В ходе военных событий карачаевцы вошли в состав России после Хасаукинского сражения, которое произошло 20 октября 1828 года. На следующий день после битвы встретились русский генерал Эммануэль с олим Карачая князем Исламом Крымшамхаловым. В результате в Карт-Джурте было составлено обращение карачаевских верхов о принятии в подданство Российской империи, вследствие чего Карачай стал составной частью России.

Вхождение в состав Российской империи, безусловно, повлияло на дальнейшую судьбу карачаевского народа. С этого момента начался постепенный процесс культурной трансформации карачаевцев, что вполне закономерно, учитывая тот факт, что Карачай стал неотъемлемой частью России и находился под определенным влиянием политической и культурной жизни страны. Трансформация культуры карачаевцев проходила под влиянием интеллигентной прослойки населения Карачая. Во второй половине XIX века, представители карачаевской интеллигенции, получив образование в крупных городах страны, возвращались на Родину, акцентировали внимание на развитие образования и культуры карачаевского народа, посвятив большую часть своей жизни выполнению этой благородной миссии. Представители национальной интеллигенции старались приобщить свой этнос к передовой русской культуре, при этом сохранив и развивая национальную культуру. Старания представителей карачаевской интеллигенции деятель, с нашей точки зрения, сыграли важную роль в процессе трансформации культуры этноса.

Ключевое значение в развитии культуры карачаевского народа имела деятельность Ислама Пашаевича Крымшамхалова. Являясь патриотом своего народа, он писал: «Нравственное совершенствование нации надо начинать с истоков культуры и искусства. Стремление к совершенствованию – основа существования народа. Я с друзьями нес факел просвещения. Мы высоко-высоко поднимаем этот огонь, чтобы он был виден издали. Спешите за нами, юные, догоните нас, обгоните! Мы хотим видеть вас впереди себя! Мой солнцем коронованный край, мой Карачай!..» [2, с. 127]

Ислам получил хорошее образование в Ставропольской гимназии, затем был на службе в Санкт-Петербурге и в Москве, именно в эти годы, находясь в двух главных городах страны, он имел возможность углубить свои знания в области русской культуры, литературы, что позднее сыграло ключевую роль в развитии культуры у себя на Родине. Вернувшись в родные края, Ислам возглавил просветительское движение, отдал немало сил и времени появлению различных учебных образовательных заведений. Благодаря его усилиям были построены начальные училища, школы в Карачае. С нашей точки зрения, именно Ислам Крымшамхалов является главным народным просветителем, внесший бесценный, колоссальный вклад в плане культурного, интеллектуального развития своего народа, он является истинным сыном и гордостью карачаевского народа. Однако было бы не совсем справедливо, отмечая деятельность Ислама Крымшамхалова, не упомянуть о других представителях карачаевской интеллигенции, которые также сыграли немаловажную роль в развитии культуры и образования карачаевского народа. Отметим таких известных людей в области просвещения как Ильяс Байрамуков, Солтан Байчоров, Шогаиб Акбаев, Басият Шаханов, Хызыр Халилов и др. Они были соратниками Ислама Крымшамхалова,

поэтому общими усилиями выполняли благородное дело, то есть занимались просвещением карачаевского народа.

Добавим, что карачаевцы, будучи в составе России, нашли в лице русского народа защитника интересов больших и малых наций и народностей страны. В статье «О значении наших последних подвигов на Кавказе» Добролюбов отмечал: «Патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что исключает всякую международную вражду, и человек одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества, если только может быть ему полезен... Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям» [1, с. 567].

Трудно переоценить вклад деятелей русской культуры в сближении горцев с русскими, подготовку национальных кадров из среды горского населения. У карачаевцев, как и других народов Северного Кавказа, национальная художественная литература, поэзия зарождались на основе устного народного творчества. Созданный горскими народами богатый нартский эпос своей насыщенностью, глубиной отражения исторического прошлого народа, прославлением лучших качеств и, наконец, образностью языка, поэтичностью строфы, художественным восприятием окружающей действительности, вошел не только в сокровищницу российской, но и мировой культуры, стал ее органической частью.

Внимание передовых представителей русской культуры к кавказским народам проявилось и в поддержке первых образованных людей из среды горского общества. Огромную роль в становлении национальных литераторов, писателей, поэтов, критиков сыграли прогрессивные деятели русской культуры, в первую очередь А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.Н. Муравьев, В.Ф. Одоевский, А.А. Бестужев-Марлинский и многие другие, с которыми поддерживали отношения и были лично знакомы представители северокавказской интеллигенции.

Влияние русской культуры также продолжилось в XX веке как в начале столетия, при царском режиме, так и в советский период. На территории продолжали строиться новые учебные образовательные учреждения: детские сады, школы, техникумы, вузы. В настоящее время важное значение в культурном развитии молодого поколения имеют детские школы искусств, музыкальные школы, художественные школы и т. д. Отдельное место в плане культурного обогащения имеет наличие музеев, драматического театра и кинотеатров в нашем регионе. Все вышеуказанные учреждения были построены вследствие влияния русской культуры и выполняют такую важную миссию как культурное обогащение, развитие карачаевцев и других народов, проживающих в нашей многонациональной Карачаево-Черкесии.

На сегодняшний день в различных городах страны обучается большое количество студентов, как из нашей республики, так и со всего Северного Кавказа, что способствует культурному развитию, изменению мировоззренческих взглядов. Наши студенты в процессе пребывания в российских городах заимствуют для себя положительные, необходимые аспекты общероссийской культуры, что, несомненно, имеет важное значение для культурного обогащения молодого поколения карачаевцев и других кавказских народов, а самое главное – способствует формированию положительных взаимоотношений между русским народом и народами Северного Кавказа.

Итак, подводя итоги, бесспорно то, что вхождение Карачая в состав России имело очень важное и положительное значение для карачаевского народа в культурном плане. Россия сыграла важную роль в культурной трансформации всех народов Северного Кавказа в XIX–XX веках, в частности, карачаевцев, что имело в целом положительное значение для горских народов.

Литература:

1. Добролюбов Н.А. Избр. филос. произв. Т.2. М., 1948.
2. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX - начала XX в.: избр. Т. 1. – Нальчик, 1993.

РАЗДЕЛ 6. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ РЕГИОНОВ КAVKAZA

УДК 394.21

Аккиева Светлана Исмаиловна
Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук, ведущий научный сотрудник
сектора этнологии и этнографии,
г. Нальчик, Россия,
E-mail: asisma@yandex.ru

ПРАЗДНИКИ И ИХ РОЛЬ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Аннотация: Трансформационные процессы последних десятилетий привели к появлению новых праздников и праздничных дат как на федеральном уровне, так и региональном. Возросли в обществе роль и значение и религиозных праздников. Региональные и религиозные праздники играют существенную роль в этнокультурном плане. В статье дан анализ роли региональных общественных и религиозных праздников в этнокультурном развитии карачаевцев и балкарцев.

Ключевые слова: праздники, балкарцы, карачаевцы, традиции, религия, межэтнические отношения, этнокультурное развитие

Akkieva Svetlana Ismailovna
Institute for Humanities research –
branch of Kabardino-Balkarian scientific center of the Russian Academy of Sciences,
leading researcher of the sector of Ethnology and Ethnography,
Nalchik, Russia,
E-mail: asisma@yandex.ru

HOLIDAYS AND THEIR ROLE IN ETHNO-CULTURAL DEVELOPMENT KARACHAIS AND BALKARS

Abstract: The transformational processes of recent decades have led to the emergence of new holidays and holiday dates, both at the federal and regional levels. The role and significance of religious holidays in society has grown. Regional and religious holidays play a significant role in ethno-cultural terms. The article analyzes the role of regional public and religious holidays in the ethno-cultural development of Karachais and Balkars.

Key words: holidays, Balkars, Karachays, traditions, religion, interethnic relations, ethno-cultural development

Праздник занимает важное место в истории человеческого общества. В нем отражаются социальные, политические, культурные аспекты развития человеческого бытия, общества, государства. Меняются эпохи, меняются и праздники. На смену одному празднику может прийти другой, но не меняется его сущность. Об этом М.М. Бахтин пишет следующее: «Праздник – первичная и неуничтожимая категория человеческой культуры. Он может оскудеть и даже выродиться, но он не может исчезнуть вовсе [4, с. 303]. Психологи отмечают, что праздник является «универсальной формой эмоционального, мировоззренческого выражения установок коллективного и индивидуального субъектов» [10, с.3]. На всех исторических ступенях развития человечества, у всех народов и племен праздник играл важную роль и имел разнообразные формы. При определенных этапах этнокультурного развития народа нередко «праздники становятся

этническими символами и как важнейшая часть культуры входят в этническое самосознание» [6].

В сложные, трудные, драматические периоды истории семейные праздники выполняют коммуникативную и регулятивную функции, а также им принадлежит компенсаторская, эмоционально-психологическая и этноконсолидирующая роль. Функциональная направленность праздников особенно возрастает у тех народов, которым приходилось пережить экстремальные ситуации или по тем или иным причинам быть оторванным от своей родины [6]. Как известно карачаевцы и балкарцы в своей истории пережили немало трагических моментов. Во второй половине XIX – начале XX в. часть народа была вынуждена эмигрировать в Османскую империю, где в настоящее время сохраняется карачаево-балкарская диаспора. Единого политического и административного образования карачаевцы и балкарцы после падения Алании не имели. В период Российской империи балкарцы входили в состав Терской области, а карачаевцы – в состав Кубанской области.

В начале 1920-х годов в период формирования автономий карачаевцы и балкарцы оказались в разных административно-территориальных единицах, что привело к автономному развитию единого по культуре и происхождению народа. В 1943 г. карачаевский народ, а в 1944 г. балкарский народ были подвергнуты тотальной депортации с исторической родины и переселены с Кавказа в Среднюю Азию и Казахстан. Насильственная тотальная депортация прошла через судьбы каждой балкаркой и карачаевской семьи, нанесла невосполнимый урон развитию их национальной культуры и демографии. Семейные праздники в период депортации были одним из факторов сохранения этнической культуры, традиций, этнического самосознания и этнической консолидации. Реабилитационные меры 1990-х годов, учреждение общественных праздников, связанных с реабилитацией карачаевского и балкарского народа в настоящее время играют консолидирующую роль и способствуют формированию и закреплению общей карачаево-балкарской идентичности и влияют на этническое развитие.

Праздничный календарь карачаевцев и балкарцев обусловлен историческим развитием, этническим составом и культурными особенностями. Например, наряду с российскими государственными праздниками в КБР отмечают три региональных праздника: День государственности Кабардино-Балкарии (1 сентября), День возрождения балкарского народа (28 марта), День адыгов (черкесов) (20 сентября).

Государственность кабардинцы и балкарцы получили в период советской власти, когда в ноябре 1920 года на съезде народов Терской области была провозглашена Горская АССР. 20 января ВЦИК РСФСР закрепил это событие декретом «Об Автономной Горской Советской Социалистической Республике» [5, с. 32]. ГАСР состояла из 6 округов: Кабардинского, Балкарского, Карачаевского, Ингушского, Осетинского и Чеченского. Уже через год начался процесс распада этого государственного образования, и 1 сентября 1921 г. кабардинский округ был преобразован в Кабардинскую автономную область. Позднее она объединилась с Балкарией и в 1922 году образовалась Кабардино-Балкарская автономная область. А дата 1 сентября стала отмечаться как дата образования единой Кабардино-Балкарии. В 1997 г., после принятия Конституции Кабардино-Балкарской Республики, 1 сентября официально стал Днем Кабардино-Балкарской государственности, или Днем Республики [2, с. 225]. Празднование 100-летия государственности Кабардино-Балкарии по Указу президента РФ от 16 октября 2018 года будет отмечаться в 2022 году, т.е. от даты образования единой Кабардино-Балкарии в форме автономной области, а не от даты образования Кабардинской АО в 1921 году [7, с. 104]. 1 сентября также является Днем города Нальчика – столицы КБР. Поэтому празднование дня государственности в Нальчике проводится особенно торжественно и масштабно. Во всех районных центрах и городах республики проводят различные праздничные мероприятия, выставки, концерты, спортивные состязания и т. д. Празднование дня государственности завершается праздничным салютом.

День возрождения балкарского народа – 28 марта был принят в 1994 году Указом президента КБР. Дата 28 марта была выбрана исходя от исторической даты сессии Верховного Совета республики от 28 марта 1957 г. на которой был принят Закон «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР» [3, с. 26].

Учреждение Дня возрождения балкарского продолжило линию реабилитации репрессированного в 1944 г. балкарского народа. Формы проведения праздника в 1990-е

годы носили официальный характер: поздравления от руководства республики, торжественные собрания и концерты, различные выставки. Позднее праздник претерпел трансформацию, в нем появились элементы народного праздника весеннего цикла Голлу [2, с. 225].

Во многих балкарских селах на праздник возрождения проводится обряд курманлыкъ (жертвоприношение), устраивается совместная трапеза. Затем устраивают танцы, проводят спортивные и состязательные игры. Перед началом один из уважаемых жителей села (обычно глава села или же тот, кто пожертвовал деньги на проведение праздника) произносит заздравную речь. После этого всех присутствующих приглашают приступить к трапезе. В Нальчике, на площади Абхазии ежегодно проводится фольклорно-этнографический праздник силами районов и сел, где проживают балкарцы с танцами и угощением блюдами национальной кухни.

Праздник Дня возрождения балкарского народа в кабардино-балкарском обществе превратился в региональный вариант Дня народного единства и согласия. В праздничных мероприятиях участвуют представители всех этнических групп республики, соседи, друзья коллеги поздравляют и желают процветания балкарскому народу, мира и благополучия всем жителям Кабардино-Балкарии.

20 сентября – День адыгов (черкесов), установленный 12 августа 2014 года Указом Главы Кабардино-Балкарской Республики. В Кабардино-Балкарии это официальный праздничный день. Отмечают этот праздник все адыги, независимо от страны проживания и места жительства.

Несмотря на то, что праздник молодой, он призван послужить стимулом для укрепления связей и дальнейшей консолидации адыгского (черкесского) этноса, часть которого в настоящее время проживает за пределами своей исторической родины (в странах Ближнего Востока, Турции, странах Европы). Он, как и праздник Возрождения балкарского народа направлен на развитие культуры адыгов (черкесов) и укрепления взаимопонимания и дружбы между народами Кабардино-Балкарии. Особо следует отметить, что в Кабардино-Балкарии исторически сложилось так, что часть кабардинцев по своему происхождению являются в четвертом-пятом поколении балкарцами. Помня о своем происхождении, сохранив фамильную принадлежность, эта группа кабардинцев носит название балкарские кабардинцы (таулу черкес).

В Карачаево-Черкесии одним из важнейших и любимых праздников считается День возрождения карачаевского народа, установленный Указом главы республики КЧР в 1997 году. Данный праздник отмечается ежегодно 3 мая и является праздничным днем в Карачаево-Черкесии. Он посвящен возвращению в 1957 году карачаевского народа после 14-летней депортации из Средней Азии на Родину. В этот день на железнодорожную станцию аула Эркен-Шахар прибыл первый эшелон с карачаевцами, которых 2 ноября 1943 года выслали в Казахстан и Среднюю Азию. Первый эшелон с балкарцами прибыл в Нальчик также 3 мая 1957 года. Апрель-май 1957 года стали основными месяцами возвращения карачаевцев и балкарцев на Кавказ, на историческую родину. С 1997 года 3 мая отмечается в КЧР как День Возрождения карачаевского народа. Этот день стал символом Победы, Победы справедливости над кощунством. Долгие годы безвинно оклеветанный карачаевский народ боролся за поправное достоинство, за возвращение своего доброго имени.

В 2018 году впервые 1 мая Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид» отпраздновал сразу две даты Возрождения карачаево-балкарского народа: 28 марта и 3 мая, пригласив на мероприятие и карачаевцев, и балкарцев. Ввиду объективных причин данный день поистине стал для всех знаковым, потому что впервые карачаевцы и балкарцы отметили День возвращения на свою Родину вместе [7]. Разнообразные праздники и праздничные мероприятия проводит Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид». Фонд создан в 2003 году и более полутора десятилетия он ведет комплексную работу по воспитанию у молодежи активности, высокой духовности, патриотизма, жажды знаний.

Фонд осуществляет деятельность по таким направлениям:

- сохранение национальных традиций и культуры;
- культурно-просветительская деятельность;
- популяризация здорового образа жизни;

- использование современных информационных технологий в деле сохранения и развития национального языка и культуры;
- стимулирование и создание возможностей успешной самореализации молодежи [11].

Благодаря «Эльбрусоиду» к мероприятиям приобщается карачаевская и балкарская молодежь вне зависимости от географии проживания (город-село, Москва, Черкесск или Нальчик). Молодые люди (эльбрусоидцы, или жители Эльбы, как они себя называют) поддерживают дружеские отношения как в рамках офисов Фонда, так и на форуме портала. К основным периодическим мероприятиям, проводимым Фондом, можно отнести: Алан-той, круглые столы, тематические вечера, «Просветы», спортивные состязания, конкурсы и игры и так далее. Участники Фонда стараются объединяться по любому поводу, например, по поводу «Дня родного языка», где проводится ряд различных конкурсов, популярных игр, вроде «Алиас», адаптированных и переведенных на карачаево-балкарский язык. Большинство мероприятий в День родного языка, связанных с его использованием, проводятся в ненавязчивой игровой форме, вводятся неформальные правила, как то: общение в офисах исключительно на родном языке и многое другое.

Помимо этого «Эльбрусоид» приглашает всех принять участие в «Международных конференциях», «Кавказских форумах российской молодежи», «Фестивалях культуры народов Кавказа» и иных совместных мероприятиях с национальными общественными организациями и государственными учреждениями. Данный Фонд проводит комплексную работу по сохранению традиций и обычаев карачаево-балкарского народа, а также памятных дат и историй в целом.

Этнокультурному развитию карачаевцев и балкарцев, развитию контактов с другими народами Кавказа способствуют ряд региональных праздников и фестивалей. В их числе этнографический фестиваль карачаево-балкарской культуры «Праздник Айрана на Медовых водопадах». Он проходит недалеко от Кисловодска в Малокарачаевском районе Карачаево-Черкесии.

Фестиваль знакомит туристов и гостей Карачаево-Черкесии с историей и культурой карачаево-балкарского народа, из года в год открывая новые таланты. В 2018 году на в Фестивале принимала участие балкарская делегация из Черекского района КБР. Они привезли 12 видов айрана, лекарственные травы с описанием их лечебных и полезных свойств. А также национальные блюда: жерме, жау-баур, улкун (лакумы), хычины, отварное мясо, сыр, лепешки, шашлыки [9].

Главным напитком данного Фестиваля считается айран. Этот напиток является ценным подарком природы для карачаевцев и балкарцев.

Стоит отметить, что с каждым годом Фестиваль становится все более популярным. В 2017 году его посетили около 5 тысяч любителей одного из самых популярных на Северном Кавказе напитков – гости из разных регионов России, а также из Швеции, Ирака, Туркменистана и Турции.

Этот праздник стал одним из туристических брендов КЧР с собственной историей – узнаваемым и привлекательным для гостей. Он содействует сохранению и развитию богатой самобытной культуры карачаевцев и балкарцев, а кроме того, более тесному общению представителей тюркоязычных и других народов, проживающих в разных регионах страны, а также за рубежом.

Подобные мероприятия сближают людей разных национальностей, укрепляют дружбу между народами, знакомят посетителей с уникальной культурой карачаевцев и балкарцев, с их традициями, обрядами, материальной и духовной культурой. Неудивительно, что Праздник айрана на Медовых водопадах в числе других мероприятий был включен в Федеральную целевую программу «Развитие внутреннего и въездного туризма (2011–2018 годы)».

Карачаевцы и балкарцы с древности славились декоративно-прикладным искусством, опыт и секреты которого передаются из поколения в поколение. Уникальные и оригинальные художественные работы карачаевских и балкарских мастеров, национальные костюмы, кийизы (войлочные ковры), шерстяные изделия отличаются высокой техникой изготовления, качеством и красотой. Новый импульс к возрождению декоративно-прикладного искусства дает ежегодный Фестиваль народного искусства карачаевцев и балкарцев «Алтын кьол» (Золотые руки). Фестиваль проходит с 2015 г. в

одном из красивых и известных туристических мест Кабардино-Балкарии «Голубые озера» (Чирик кел) в теплое время года и число мастеров и гостей фестиваля год от года растет. На фестиваль съезжаются мастера не только из КБР и КЧР, но и из соседних регионов: Северная Осетия-Алания, Дагестан, Ставропольский край, Ростовская и Астраханская области и т.д.

Данное мероприятие выступает еще одним поводом объединиться и вспомнить свою историю, сохранить материальное и духовное культурное наследие народов России, традиционное декоративно-прикладное искусство всех, кто проживает на Северном Кавказе. На фестивале «Алтын кьол» выявляются мастера по разным видам прикладного искусства: рукоделие, резьба по дереву, шитье, народные промыслы и т. д. Молодежь знакомится с многовековой историей и культурой народа, с ремеслами и предметами декоративно-прикладного искусства, которые в условиях глобализации и массового ширпотреба могут исчезнуть, но благодаря мастерам и любителям ремесло живет и процветает.

С конца 80-х годов прошлого века возросло значение и масштабность религиозных праздников, которые также играют определенную роль в поддержании этнокультурной идентичности. В атеистические советские годы мусульманские праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам отмечались в семейном кругу. С 1990-х годов эти праздники стали не только семейными, но и общественными.

Празднику Ураза-байрам, посвященному окончанию поста в месяц Рамадан и отмечаемому в первый день месяца Шавваль, предшествует 30-дневный пост. В КБР и КЧР, как и в ряде других регионов, где проживают мусульмане, ежегодно первый день праздника благодаря Указу главы региона становится выходным. Неизменной чертой данного праздника является подача милостыни нуждающимся, больным, тем, кто оказался в сложном материальном положении. В дни празднования Ураза-байрам мусульмане поздравляют друг друга с праздником, навещают родных и близких, принимают гостей.

В КБР и КЧР с 1993 года по Указу главы КБР первый день праздника объявляется выходным. Во всех мечетях республик проводятся коллективные молитвы. Затем каждая мусульманская семья проводит обряд жертвоприношения (кьурманлыкь). Накануне праздника и в дни празднования Курбан-байрам в районе крупных рынков, действуют специальные площадки, где можно купить мелкий рогатый скот для жертвоприношения. Там же организованы специальные места, где за небольшую плату специальные люди проведут обряд жертвоприношения и подготовят тушу жертвенного животного (снимут шкуру, обсмолят голову и ноги, почистят внутренности). Одна часть жертвенного животного идет нуждающимся, вторая предназначается родным, близким и соседям, а третья остается хозяину. В дни этих двух исламских праздников мусульмане посещают родных и близких, поздравляют, дарят подарки, угощают всех соседей, независимо от религиозной принадлежности.

Межэтническая толерантность, проявляющаяся в праздничной культуре различных народов, составляющих население Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, базируется не только на общности традиций и обычаев, таких как гостеприимство, угощение, одаривание, но и на доброжелательности и добрососедстве.

Праздники играют важную роль в развитии этнической культуры, этнического и гражданского самосознания карачаевцев и балкарцев, в сохранении этнокультурных традиций, российской идентичности, формировании межэтнических связей и межэтнического взаимодействия. Праздничная культура карачаевцев и балкарцев развивается не на основе самоизоляции, а на основе широкого диалога. Формы проведения государственных, региональных, календарных, национальных и религиозных праздников в полиэтничном пространстве КБР и КЧР способствуют укреплению традиций добрососедства, гостеприимства, взаимопомощи между представителями разных этнических групп, и направлены на формирование межнационального мира [1].

Делая вывод по проведенному анализу в целом, становится совершенно очевидно, что карачаевскому и балкарскому народу присущ высокий уровень межэтнической толерантности и культуры межэтнического взаимодействия. Праздники играют огромную роль в сохранении и передачи этнической культуры подрастающему поколению, сохранению языка, традиций, обычаев, обрядов, формированию этнической и гражданской идентичности.

Литература:

1. Аккиева, С.И. Креативный потенциал праздничной культуры в полиэтническом обществе в условиях трансформационных изменений. URL: [http:// dereksiz.org/http://www.culturalnet.ru/main/congress_person / 967](http://dereksiz.org/http://www.culturalnet.ru/main/congress_person/967) (дата обращения: 25.08.2019).
2. Аккиева, С.И. Праздничная культура народов КБР как элемент региональной информационной политики (конец XX – начало XXI в.) // Современная наука и инновации. – 2018. – №4. – С. 222–227.
3. Аккиева, С.И. Проблемы реабилитации депортированного балкарского народа. Возвращение на историческую родину // «Белые пятна» российской и мировой истории. – 2015. – №6. – С. 9–37.
4. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
5. Даудов.ю А.Х. Государственное устройство Горской республики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. – 2012. – Вып. 2. – С. 31–41.
6. Джарылгасинова, Р.Ш. Семейные и календарные праздники корейцев России и государств СНГ как этноконсолидирующий фактор URL: <https://koryo-saram.ru/r-sh-dzharylgasinova-semejny-e-i-kalendarny-e-prazdniki-korejtssev-rossii-i-gosudarstv-sng-kak-etnokonsolidiruyushhij-faktor/> (дата обращения: 25.07. 2019). Маршанкулова Наталья. Карачаевцы и балкарцы вместе отметили день возвращения на Родину. URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar/498887/> (дата обращения: 29.07. 2019).
7. Маршанкулова Наталья. Карачаевцы и балкарцы вместе отметили день возвращения на Родину. URL: [http://www.elbrusoid.org/ articles/karachay -balkar/ 498887 /](http://www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar/498887/) (дата обращения 31.07.2019).
8. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе (второе полугодие и итоги 2018 года). Экспертный доклад. Научное монографическое издание. Под общей редакцией академика В.А. Тишкова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2018. – 154 с.
9. Праздник айрана на Медовых водопадах. URL: <http://kbrria.ru/obshchestvo/prazdnik-augana-na-medovyh-vodopadah-27218> (дата обращения: 31.07.2019).
10. Тихомирова, С.В. Динамика социальных представлений о празднике у современной российской молодежи. Автореферат диссертации на соискание кандидата психологических наук. – М., 2008. – 27 с.
11. Фонд «Эльбрусид». Чистые помыслы. Добрые дела. URL: [http://www. elbrusoid. org/about/](http://www.elbrusoid.org/about/) (дата обращения: 30.07.2019).

УДК 745.03

Алиева Кюбра Мухтар кызы
доктор искусствоведения, профессор, руководитель отдела
«Архитектура и искусство Кавказской Албании»,
Институт архитектуры и искусства
Национальной академии наук Азербайджана

Вагабова Диляра Рафиковна
доктор философии по искусствоведению,
Азербайджанский государственный университет
архитектуры и строительства

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КЕРАМИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНА И О ВЛИЯНИИ НА НЕЕ КИТАЙСКОГО ФАРФОРА

Аннотация: В статье приводятся краткие характеристики керамического производства в Азербайджане, свидетельствующего о его зрелой и оригинальной природе. Китайское влияние было в основном расширено с 13 в., когда татары привезли его в Азербайджан и другие страны по Великому шелковому пути. Сефевиды, особенно шах Аббас I, уделял большое внимание развитию производства фарфора в империи Сефевидов, чтобы сделать его конкурентоспособным с настоящим китайским производством. Азербайджанские мастера сначала подражали китайским образцам, но затем создали свой единый оригинальный стиль.

Ключевые слова: Азербайджан, татары, Великий шелковый путь, Китай, Сефевиды, шах Аббас I, керамика, фарфор.

Aliyeva Kubra Mukhtar kyzy,
doctor in Theory and History of Art, professor,
Chief of department "Architecture and Art of Caucasian Albania",
Institute of Architecture and Arts of the National Academy
of Sciences of the Azerbaijan Republic

Vahabova Dilara Rafikovna
PhD, art critic, The Azerbaijan State University
of Architecture and Construction

ON QUESTION OF ARTISTIC PECULIARITIES OF THE CERAMIC PRODUCTION IN AZERBAIJAN AND ON INFLUENCE OF CHINESE PORCELAIN ON IT

Abstract: The paper contains a short characteristics of the ceramic production in Azerbaijan witnessing its mature and original nature. The Chinese influence had been mostly widen since the 13th c. when the Tartars brought it to Azerbaijan and other countries using the Great Silk Way. The Safavids, especially Shah Abbas I, paid great attention to the development of porcelain production in Safavids Empire to make it competitive with true Chinese production. The Azerbaijanian masters first imitated the Chinese examples but then they created a united original style of themselves.

Key words: Azerbaijan, the Tartars, the Great Silk Way, China, the Safavids, Shah Abbas I, ceramics, porcelain

Керамическая продукция, производившаяся на территории Азербайджана с древнейших времен, отличается большим многообразием типов и зрелостью форм. В целом она может быть подразделена на две большие группы: бытовая керамика (неполивная и глазурованная) и строительная керамика (архитектурная – поливная, изразцы, применявшиеся в облицовке зданий, и неполивная – кирпичи, водопроводные трубы) (Илл. 1, 2).

**Илл. 1. Изразец из усыпальницы
Пир Хусейна. Ханега Пир Хусейна. 13 в.
Государственный Эрмитаж.
Санкт-Петербург, Россия**

**Илл. 2. Изразец из дворца Ильханов
в Тахти-Сулейман. 13 в.**

Искусство поливной керамики начинает развиваться в Азербайджане с конца VIII века, то есть в период, когда азербайджанские земли находились под властью арабского халифата. Особое распространение оно получает в таких крупных торгово-ремесленных центрах страны, как Бейлакан, Гянджа, Кабала, Шабран, Баку, ряд других. Несмотря на общность стиля и принципов построения декора, художественная керамика этих городов отличается локальными особенностями, присущими каждому городу в отдельности.

Глазурованная (поливная) керамика имела, несомненно, более практическое значение, она отличалась большим разнообразием форм (прежде всего – видов и типов посу-

ды) и художественного оформления. Наиболее ранние образцы поливной керамики, датирующиеся концом VIII в. – началом IX в., на территории Закавказья были обнаружены в Баку, в Ичери Шехер.

Основным способом декорирования поливной керамики является роспись цветными красками по ангобу. При этом многие центры керамического производства отличались индивидуальными, свойственными только им, декоративными и колористическими особенностями керамической продукции. В частности, известны отдельные образцы с оригинальной расцветкой, найденные в культурных слоях Баку и Мингечевира. Однако, наиболее яркое развитие росписи цветными красками получила в Бейлакане. (илл.3,4) Керамические изделия, обнаруженные здесь, отличаются активным использованием желтого цвета, в сочетании с ярко-зеленым и ярко-фиолетовым тонами. В декоре этих изделий, наряду с геометрической орнаментацией, большое распространение получил стилизованно-растительный орнамент.

Илл. 3. Фрагмент глазурованного блюда. 12–13 вв. Бейлакан. Национальный Музей истории Азербайджана

Илл. 4. Чаша с полихромной орнаментальной росписью. 12-13 вв. Бейлакан. Национальный Музей истории Азербайджана

О том, насколько важным и значительным был этот вид декоративно-прикладного искусства, говорит тот факт, что на изделиях, произведенных в таких городах, как Нахчиван, Бейлакан (Орен Гала), Габала, Гянджа, Мингечевир, Баку, начиная с X века имеются марки – клейма мастеров. Так, в Габале археологам удалось идентифицировать 19 имен мастеров-керамистов, а в Бейлакане было установлено около двадцати имен мастеров (Илл. 5).

Илл. 5. Фрагмент блюда с ангобом. Написано «Сахтеи Юсиф Касеки». Найден археологами во время подводной экспедиции I Бандован

Также на изделиях указывалось место рождения мастера. Например, на одном из фрагментов посуды, обнаруженной в старой Гяндже, надпись гласит: «Работа Ахмеда сына Абубекра из Гянджи». Помимо имен мастеров, среди надписей часто встречаются благопожелания будущему владельцу сосудов, стихи и крылатые выражения. Все это компоновалось в специально выделенные места в общей композиции декора [2, 24;3, 33–34]. Эти надписи-пометки, особенно часто встречающиеся в продукции Бейлакана,

являются своеобразной чертой керамики Азербайджана вплоть до начала XIII в. В декоре использовались геометрические, растительные и зооморфные элементы (илл. 6, 7). При этом обращает на себя внимание не только точная передача физических особенностей животных, но и их эмоциональные и психологические характеристики [1, 124, табл. XV, 2].

Илл. 6. Фрагмент глазурованной чаши. 12 в. Бейлакан. Национальный Музей истории Азербайджана

Илл. 7. Фрагмент глазурованного блюда. 12 в. Национальный Музей истории Азербайджана

В дальнейшем в декоре керамических изделий начинает активно применяться эпиграфический орнамент (Илл. 8, 9).

Илл. 8, 9. Керамическое блюдо с ангобом (ширли). 12–13 вв. Бейлакан, Государство Атабеков. Хорошо различима подпись мастера «Амали Бадал».

Широкое распространение в оформлении посуды в XI–XII веках имела композиция в виде сетки, расположенной на дне чаши или блюда. Ячейки, как правило, ромбовидной формы, содержат внутри себя либо точки, либо отдельные буквы арабского алфавита. Важно отметить, что выбор букв носит не случайный характер. Каждая из букв арабского алфавита считалась священной и имела самостоятельное семантическое значение. Как правило, в декоре посуды использовались буквы «лам», «мим», «нун» и «син». Буква «нун», к примеру, означает слово «нусрат», то есть «успех» [4].

Из растительных орнаментов в декоре монохромных чаш и блюд использовались в основном бутоны, пальметки и элементы орнамента «ислими». Особое место занимают изделия с изображением человека в сюжетных композициях. Часто это сцены светской охоты и конной игры «човган». Общая схема декора таких изделий напрямую связана с местными традициями [3, 26] (Илл. 10).

Илл. 10. Полихромная декоративная тарелка. Бейлакан. 12–13 вв. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

В конце XII и начале XIII века на глазурь керамики стали наносить роспись люстром – пигментом, который после обжига давал золотистый металлический или перламутровый блеск разных оттенков. Хотя люстр был известен и ранее, на Ближнем Востоке, в Азербайджане и Иране именно при Ильдегизидах (в составе Татаро-Монгольской Империи) он получил широкое распространение (Илл. 11).

Илл. 11. Кувшин с ручкой. Глазуванная глина с люстровым украшением. Начало 13 в. Государство Атабеков. Галерея искусств Фрир. Вашингтон

К концу XII века появляются изделия, декорированные в стиле миниатюр с изображением вельмож, охотников, сцен пиршества или традиционных растительных орнаментов. Росписи этих лет привлекают живым характером многофигурных композиций, которые не только органично вписывались в ту или иную форму изделия, но и подчеркивали ключевые моменты в его формообразовании.

Таким образом, изобразительные мотивы, широко представленные в бытовой керамике Азербайджана, характеризуют ее в целом как одну из развитых отраслей средневекового декоративного искусства страны. Следует отметить, что ни в одной из сопредельных Азербайджану стран керамика не дает столь широкого разнообразия изобразительного материала, а тем более сюжетных композиций. Овладевая спецификой предметов, выявляя их декоративность, мастера-гончары добивались полной гармонии живописного оформления с формой сосудов. Обобщенный характер изображений, их компоновка в пределах объемов сосудов, локально нанесенные, гармоничные по гамме краски – все это способствовало созданию ярких по художественной выразительности предметов, декоративной по характеру своего оформления керамики.

В XIII веке наблюдается упрощение в оформлении гончарных изделий, что исследователи определенно связывают с татаро-монгольским нашествием. Производство дорогой высокохудожественной керамики при монголах сокращается, однако, по предположению ряда авторов, причина этого не в опустошительных разрушениях в результате монгольского нашествия, а в сильнейшей конкуренции на местном рынке со стороны

китайского фаянса и фарфора, которые в больших объемах завозились татаро-монголами по Великому шелковому пути [2, 70].

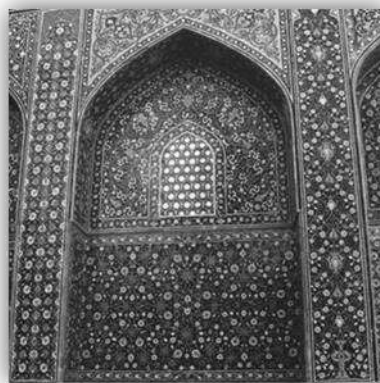
Начиная с этого времени тема конкуренции местных мастеров с фаянсовой продукцией из Китая будет постоянно присутствовать в анализе керамического производства на территории Азербайджана вплоть до конца XVII века, то есть окончания правления династии Сефевидов. Очень часто в научной литературе можно встретить весьма критическую оценку фаянсовой посуды, производимой в Азербайджане в эпоху Сефевидов, а именно XVI–XVII веках. Представляется интересным рассмотреть отдельные образцы азербайджанской керамической продукции, находящейся сегодня на хранении в фондах крупнейших музеев мира.

Прежде всего, нужно отметить, что, как и в предыдущие периоды, керамическая продукция этого времени делится на два вида: архитектурная керамика и бытовая.

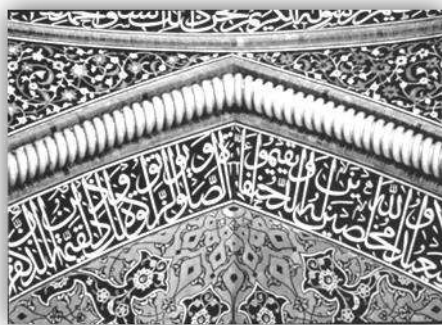
В области керамической облицовки, в период Сефевидов в азербайджанском зодчестве выдающееся место занимают два памятника – мемориальный комплекс династии Сефевидов в Ардебиле (начало XVI в.) и комплекс Шахской площади в Исфахане (прежде всего – Мечеть шейха Лутфаллы и Масджид-и Шах), сооруженный в начале XVII в. при шахе Аббасе I. Даже беглый взгляд на эти памятники свидетельствует о том, насколько необоснованными являются утверждения о кризисе (или низком качестве продукции) в керамическом производстве Азербайджана этого времени (Илл. 12, 13, 14).

*Илл. 12. Голубая мечеть. Тебриз. 1465.
Фрагмент изразцовой облицовки.*

Илл. 13. Культурный комплекс Шейха Сафи в Ардебиле. Южный Азербайджан. 16 в. Государство Сефевидов.

Илл. 14. Декор молитвенного зала мечети Лутфаллаха. 1602–1618. Исфахан. Иран (Южный Азербайджан). Каллиграф Али Риза Аббаси.

В бытовой керамике, производимой в Сефевидском Азербайджане и Иране, можно видеть огромное разнообразие форм, и технологий росписи, и мотивов. В исследовательской практике существуют различные классификации бытовой керамики, создававшейся в Сефевидском Азербайджане, но прежде всего, необходимо указать на две устойчивые тенденции, которые в целом наблюдаются в керамическом производстве Сефевидского периода. Это, во-первых, устойчивое и повсеместное влияние китайской керамики и прежде всего – фарфора, и более того – имитация азербайджанскими и иранскими мастерами китайских образцов. Вторая тенденция, одинаково характерная для разных форм и видов керамики рассматриваемого периода, – возрождение (или восстановление) и устойчивое дальнейшее развитие технологий, узоров и форм, имевших место в практике керамического производства в предшествующие эпохи.

Учитывая точки зрения различных авторов, а также опираясь на фактический материал, считаем целесообразным рассматривать весь колоссальный массив сохранившейся керамической посуды в трех больших группах.

В первую группу должна быть включена вся продукция, имитирующая китайскую керамику. Внутри этой группы могут быть выявлены виды керамики, различающиеся между собой по качеству керамического теста, по принципам оформления, наконец – по пластическим решениям сосудов. Но все они, так или иначе, объединены одним общим свойством – так сказать. «китайской фамилией» (Илл. 15, 16).

Илл. 15. Кувшин. Фаянс, подглазурная роспись. Конец 16 века. Азербайджан. Государство Сефевидов. Коллекция Кейра.

Илл. 16. Тарелка. Конец 17 века. Музей Виктории и Альберта, инв. №30507.

Вторую группу могут образовать виды керамики, представляющие собой возрождение более древних, традиционных форм, узоров, типов покрытия (например, такие технологии, как люстр, минаи) (Илл. 17, 18).

Илл. 17. Бутыль. 16-17 вв. Люстр. Музей Виктории и Альберта. 2006AN9176

Илл. 18. Кальян. 16–17 вв. Люстр. Музей Виктории и Альберта. 2010EB0375

Третья группа может быть обозначена как полихромная подглазурная керамика. Но в этой группе необходимо сделать оговорку, что речь здесь должна идти исключи-

тельно о продукции, в которой налицо приметы локальной культуры, например, черты тебризской миниатюры или коврового орнамента (что было очень частым явлением) или она должна нести в себе настолько эклектичный характер, что все влияния, имевшие место в ту эпоху (как китайское или ближневосточное – от более древних цивилизаций), слились в единый, неразделимый и неразличимый конгломерат. Значительная доля внимания в этой группе, несомненно, должна быть отведена посуде из так называемой «кубачинской группы»¹⁸ (Илл. 19, 20, 21).

Илл. 19. Блюдо. Фаянс, подглазурная роспись. Кубачинский стиль. 16–17 века. Тебриз. Государство Сефевидов. Лувр. Париж.

Илл. 20. Блюдо. Фаянс, подглазурная роспись. Кубачинский стиль. 16–17 века. Тебриз. Государство Сефевидов. Лувр. Париж.

Илл. 21. Блюдо. Фаянс, подглазурная роспись. Кубачинский стиль. 16–17 века. Тебриз. Государство Сефевидов. Лувр. Париж.

Когда речь идет о сильном и устойчивом влиянии китайской керамики в Сефевидском Иране и Азербайджане, то имеется в виду прежде всего тип *бело-голубой керамики*. Такая керамика была чрезвычайно модной в данный период, и не только в странах Ближнего Востока. Экспорт бело-голубого китайского фарфора являлся одной из наиболее крупных составляющих в товарообороте между Европой и Китаем.

Еще в начале XVI в., во времена шаха Исмаила I, два китайских купца имели магазин в Ардебиле, в котором продавали фарфор [5,1649]. В результате, с первых же лет правления Сефевидской династии китайская продукция становилась важным элементом быта зажиточных граждан.

¹⁸ Свое название эта группа посуды ведет от известного дагестанского села Кубачи. Здесь, в горах, были обнаружены несколько сотен тарелок и пиал 16–17 веков азербайджанского/иранского производства. Как предполагает Поуп, настоящее объяснение заключается в торговле: за кубачинские ножи и кинжалы персы предпочитали расплачиваться фаянсовой посудой.

Особого размаха коллекционирование китайского бело-голубого фарфора достигло в эпоху шаха Аббаса. Специально для хранения фарфора при Ардебильском культовом центре была выстроена Чини-хана. Сохранились регистрационные записи, согласно которым отдельные предметы из этой шахской сокровищницы фарфора выдавались ремесленникам в качестве образцов для производства. Ряд сохранившихся керамических изделий в китайском духе свидетельствует, что производство такой посуды было хорошо налажено уже в XVI в. При этом сомнений в том, что эта посуда сделана именно местными мастерами, быть не может, так как на отдельных ее образцах имеются изображения, заимствованные из Тебризской миниатюры XVI века.

Как сообщает А.Поуп, «в XVII веке Шах Аббас, который был не просто монархом и «пастырем» своего народа, но также и великим промышленником и экспортером, воспользовавшись своим положением в интересах своих личных и своей страны, получил достоверную информацию относительно оживленной торговли Китая с Европой на предмет китайского бело-голубого фарфора и принял мудрое решение вступить в конкуренцию» [5, 1649–1650].

Согласно письменным источникам, шах Аббас привез в свою страну 300 китайских гончаров и их семьи, чтобы они могли обучать своему искусству местных мастеров. И по сей день, персидская устная традиция хранит имя руководителя той группы эмигрантов – Ман-оо-хар [5, 1650].

Постепенно азербайджанские и иранские мастера настолько блестяще освоили технику изготовления «китайского фарфора», что на европейских рынках сефевидская продукция стала цениться не меньше, чем чисто китайская. Во многих мемуарах европейских путешественников, посещавших Иран в тот период и видевших местную продукцию в китайском стиле, можно прочесть весьма хвалебные отзывы по отношению к персидской/ азербайджанской версии модной китайской керамики.

«В результате персидская – азербайджанская бело-голубая посуда была принята в Европе на равных с китайскими оригиналами, на которые она была очень похожа. При этом отмечалось, что персидская продукция была ничуть не ниже качеством, чем китайская» [5, 1650].

Постепенно местные мастера добились не просто успеха в своих попытках имитации дорогостоящей китайской посуды. Их продукция постепенно ассимилировалась, все больше приобретая чисто локальные особенности, сказывающиеся в выборе колорита или фигурных сценах, явно подражавших тебризским миниатюрам или коврам. Например, на одной из тарелок в Музее Виктории и Альберта в Лондоне типичный китайский пейзаж украшен стилизованными изображениями леопардов в чисто сефевидской манере. Или имеется целый ряд образцов керамики, на которых изображены львы с пламенеющими загривками – именно так, как они изображались на коврах Тебриза того периода.

Таким образом, на протяжении двух столетий китайское влияние в керамическом производстве Сефевидов адаптировалось к сугубо локальным особенностям, и к моменту исчезновения китайского стиля из декора керамической посуды (ближе к концу XVII века), местные художники и ремесленники сделали его уже полностью «своим».

Такая посуда производилась во многих центрах керамического производства по всему Ирану и Азербайджану – Шираз, Мешхед, Язд, Кырман, Заранд, Тебриз, Ардебиль, Шабран, Шамаха.

Другим примером чисто китайского влияния на керамическое производство в сефевидском Иране является монохромная рельефная посуда. О ней мы можем судить по ряду вещей, находящихся в коллекции Музея Виктории и Альберта в Лондоне.

Образцом строгого вкуса и изысканности является чаша (музейный №1110-1883), решенная в два цвета – коричневый (внешняя стенка) и лавандовый (внутренняя поверхность) (Илл. 22).

Илл. 22. Чаша, 1650–1725, Музей Виктории и Альберта, инв. №1110-1883.

По верхнему краю с наружной стороны чаша украшена простым рельефным узором, представляющим собой мелкие цветочки, составленные из точек. По своему формальному и декоративному решению эта пиала представляет собой маленький шедевр сугубо гончарного мастерства, так как основным элементом выразительности здесь является сама форма изделия, качество глазури и тональность окраски. Благородное сочетание нежных оттенков коричневого и голубого (который, в отличие от других оттенков синего и голубого цвета идентифицируется специалистами как лавандовый), легкий, стилизованный узор из мелких цветочков, выполненный с безупречной точностью, огибающий чашу тонкой рельефной полоской, наконец, рельефно выделенные кромка и ножка пиалы – все это свидетельствует о тонком, безупречном вкусе, который может быть свойственен исключительно культуре высоко интеллектуальной, умеющей ценить красоту соотношений, а не внешнюю эффектность приемов.

Такой же изысканностью формы и цветового решения отличается Бутыль бирюзового цвета в той же музейной коллекции (музейный №621-1889) (Илл. 23).

Илл. 23. Бутыль. 1600–1700, Музей Виктории и Альберта, инв. №621-1889.

Стандартная (для локальной культуры) грушевидная форма бутылки оживлена округлыми гранями, проходящими по всей вертикали предмета.

На первый взгляд, такой характер гранения придает бутылке сходство с формой молодой тыквы. Однако, с другой стороны, эти как бы «вздувающиеся» грани «дематериализуют» керамическое, жесткое тело емкости, так, как будто она сделана из тонкой кожи или ткани и наполнена воздухом или жидкостью. При этом ребра бутылки как будто имитируют веревки или жгуты, на которых такой предмет мог быть подвешен. Ощущение дематериализации фриттовой массы, из которой сделана бутылка, усиливается блестящей, глянцевой поверхностью, почти с зеркальным эффектом отражающей окружение.

Особо хочется остановиться на цветовом решении этого предмета. Единный бирюзовый тон дифференцирован по силе интенсивности, как бы подчеркивая развитие

формы от базы до горлышка. Переходные участки отмечены более светлым тоном. Хочется еще раз подчеркнуть общее эстетическое решение бутылки, в которой два элемента единого целого – форма, как бы пульсирующая своими гранями, и окраска (включая бликующую глазурованную поверхность) – образуют гармоничный, неразрывный синтез.

Показательно, что эти и ряд других монохромных предметов согласно музейной документации датируются 1600–1700 гг. Такой широкий хронологический разброс (около 100 лет) может свидетельствовать только об одном: перед нами – посуда, не являющаяся частью какого-то эксклюзивного заказа, или – знаменитого сервиза. Представленные здесь изделия – предметы массовой продукции и широкого потребления (в противном случае в музее была бы известна их «генеалогия» – как, например, шахский заказ или заказ какого-нибудь высокопоставленного вельможи по какому-либо особому случаю и т. д.).

Узоры в китайском духе активно применялись не только на бело-голубой керамике или на монохромной керамике. Свободные фантазии на «китайские темы» можно видеть в большом количестве и на цветной полихромной посуде. Одним из таких примеров является Кувшин со львом и элементами пейзажа из собрания Музея Метрополитен в Нью-Йорке (1 пол. 18 в., №30.95.160, высота 28 см) (Илл. 24).

Илл. 24. Кувшин. Первая пол. XVIII в., Музей Метрополитен, Нью Йорк, инв. №30.95.160

Таким образом, рассмотренная выше посуда, ее безупречное исполнение, а также стандарт как таковой (формы, колорит, характер глазирования) может служить свидетельством общего высокого художественного и технического качества керамической продукции в Сефевидском Иране и Азербайджане.

Не случайно известный исследователь исламского искусства А. Поуп некоторые образцы монохромной керамики Сефевидского периода назвал подлинными шедеврами эпохи [5, 1647].

Литература:

1. Ахмедов, Р.Дж. Керамика Баку IX–XVII вв. – Баку, Элм, 1992. – 152 с.
2. Каджар, Ч. Искусство Азербайджана. Средние века. – Баку, б/г. – 348 с.
3. Наджафова, Н. Художественная керамика. – Баку, Язычы, 1983. – 40 с.
4. Göyüşov, N. Nəflərin simvolikası. // Orta əsr əlyazmaları və Azərbaycan mədəniyyəti tarixi problemləri. Bakı, 1988.s.25. (на азерб.яз.)
5. A Survey of Persian Art. From Prehistoric times to the Present. Editor Arthur Upham Pope. IV.V.VI. Oxford University Press. London & New-York, 1939, pp.1638-1665. (на англ.яз.)

Ахмедова Мадина Куратовна
ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет,
магистрант 2 года обучения, г. Махачкала, Россия,
E-mail: mkakhmedova@mail.ru

Сефербеков Руслан Ибрагимович
Институт истории, археологии и этнографии
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела этнографии,
г. Махачкала, Россия,
E-mail: ruslan.seferbekov@yandex.ru

ТРАДИЦИОННЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ АВАРЦЕВ-ГИДАТЛИНЦЕВ: ОБЫЧАИ ГОСТЕПРИИМСТВА, ВЗАИМОПОМОЩИ И КРОВНОЙ МЕСТИ

Аннотация: В статье освещаются компоненты традиционного общественного быта одной из субэтнических групп аварцев – гидатлинцев. Гостеприимство и куначество, взаимопомощь и кровная месть – восходящие к родовому строю древние обычаи гидатлинцев, которые регулировались нормами их обычного права – адатом. Возникшие как морально-этические нормы жителей Гидатлинского союза вольных обществ, они были формой регулирования отношений, способом общения и взаимообогащения культур, способствуя гуманизации и консолидации общества.

Ключевые слова: общественный быт, народы Дагестана, аварцы, гостеприимство, взаимопомощь, кровная месть

Akhmedova Madina Kuratovna
Dagestan State University,
Undergraduate 2 years of study, Makhachkala, Russia
E-mail: mkakhmedova@mail.ru

Seferbekov Ruslan Ibrahimovic
Institute of History, Archeology and Ethnography
of the Federal State Budgetary Institution of Science
of the Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher
of the Department of Ethnography,
Makhachkala, Russia,
E-mail: ruslan.seferbekov@yandex.ru

TRADITIONAL PUBLIC LIFE OF AVAR-GIDATLINS: CUSTOMS OF HOSPITALITY, MUTUAL AID AND BLOOD VENTURE

Abstract: The article highlights the components of the traditional social life of one of the sub-ethnic groups of Avars – the Hydatlins. Hospitality, mutual aid and blood feud – going back to the lineage of the ancient customs of the Hydatlins, which were governed by the norms of their customary law – adat. Emerged as the moral and ethical norms of the inhabitants of the Gidatlyn Union of Free Societies, they were a form of regulation of relations, a way of communication and mutual enrichment of different cultures, contributing to humanization and consolidation of society.

Key words: social life, peoples of Dagestan, Avars, hospitality, mutual aid, blood feud

Гостеприимство – один из распространенных на Кавказе общественных институтов, согласно которому положено оказать гостю достойный прием и заботу. Оно возникло в первобытном обществе, но в эпоху феодализма, в связи с возникновением

классов было трансформировано. Оно продолжало бытовать в раннеклассовых обществах, так как не было сильной государственной власти. [4, с. 39–40].

Гостеприимство занимало важное место в общественном быту аварцев. По статусу гости («гьобол») подразделялись на несколько категорий (односельчанин, сосед, товарищ, родственник, хорошо и мало знакомый, незнакомый пришелец, путник). Существовал ритуал принятия гостя. Специальной кунацкой у аварцев не было – гостю отводили лучшую комнату в доме. В дальнейшем из института гостеприимства выделилось куначество [3, с. 382–388].

По мнению исследователя К. Козловой: «Гость, приехав в аул, отправлялся сначала на *гудекан* (место сбора мужчин), откуда его провожали к кунаку, если таковой у него имелся или помещали в дом к какому-нибудь совсем незнакомому человеку. Такую повинность выполняли все дома аула по очереди. Сельчане, отказывавшиеся принять гостя, платили определенный штраф. Этот обычай зафиксирован в адатах. По адату с. Урада штраф равнялся мере зерна в 18 кг, которое у аварцев очень ценится.

Гость считался лицом неприкосновенным, будь это даже кровник, спасающийся от преследователей. Хозяин должен защищать гостя, рискуя собственной головой. Бывали случаи, когда хозяин отдавал гостю свое платье и обувь, если у того оно пришло в негодность. Гостю уступали самое почетное место в доме обычно около очага. Для него готовили самые лучшие кушанья: «бахъухъ» (мучная халва) и «цIурабчед» (чурек с начинкой), стлали хорошую постель и предупреждали все его желания. Если у хозяина не было чего-нибудь необходимого для приема гостя, он доставал это на стороне, у своих родственников или односельчан. За гостем ухаживал сам хозяин. Женщины при этом не допускались» [6, л. 74].

Важно отметить, что гостеприимство являлось одной из важных норм общественного быта гидатлинцев, которое регулировалось нормами адата.

Наряду с гостеприимством, у гидатлинцев существовал другой традиционный обычай, как взаимопомощь. Возникновение и существование этого обычая было обусловлено неустойчивостью экономического положения домохозяйств, которая выражалась в постоянном возникновении нужды в тех или иных предметах потребления или средствах производства, а также в привлечении на время дополнительной рабочей силы [4, с. 30].

В общественной жизни аварцев обычай взаимопомощи («гвай») играл важную роль. Ее формы были разнообразны – коллективная трудовая помощь при вывозе навоза на поля, сенокосении, уборке урожая, обмолоте, строительстве дома. Этот обычай был и своеобразной формой совместного проведения досуга. Широко были распространены посиделки – *цIадух чIей* («посидеть у огня»), *гьастIабакI* («место у камина»), во время которых, так же выполнялась небольшая коллективная работа. Во время посиделок девушки веселились, пели и танцевали. Участниц посиделок угощала хозяйка дома [3, с. 392–292].

К этому древнему обычаю гидатлинцы прибегали в том случае, когда требовалась единовременная помощь при выполнении сельскохозяйственных (вывоз навоза на поля, пахота, боронование, прополка, жатва, обмолот, сенокос, лущение кукурузы) и общественных (ремонт дорог, мостов, подпорных стен террас, оросительных канав, водопровода, родников) работ, постройке жилища (закладка фундамента, возведении стен и крыши, обмазка глиной полов и стен жилища). При выполнении полевых работ (чаще всего – пахота) объединялись в супругу. Об этом виде трудовой взаимопомощи писал изучавший в 1927 г. быт гидатлинцев и других аварцев Г.Ф. Чурсин: «Пашут авары обыкновенно легким плугом, в который запрягается одна пара быков. Однако, при существующей в Аварии бедности населения, далеко не все хозяева имеют пару быков и плуг. Часто у хозяина имеется плуг и нет быков, у другого есть быки, нет плуга, у третьего ни быков, ни плуга. Это обстоятельство заставляет объединяться трех – четырех хозяев вместе, чтобы общими силами вспахать свои скудные клочки пахотной земли. Один дает одного быка, другой – другого, третий – плуг, четвертый поставляет человеческую рабочую силу – пахаря. Пашут по очереди у каждого из участников «помочи», причем пахаря кормит хозяин нивы, которую он пашет (с. Чох, Мачада, Ругельда). К обычаю взаимопомощи часто прибегают также во время сенокоса. Когда требуется быстро убрать сено, а рабочие руки семьи не в состоянии скоро управиться с этим делом, созывают так наз. «гвай» – соседскую помощь за угощение. В

таких случаях собирается иногда человек 30–40, и работа идет живо и весело. Вечером, по окончании работы, хозяин устраивает участникам «гвая» угощение, более или менее обильное, в зависимости от состоятельности и щедрости» [5, с. 21].

Моральную и материальную поддержку оказывали родственники и соседи при проведении семейно-бытовых обрядов (рождение ребенка, свадьба, похороны) и общественно-бытовых (гостеприимство, проводы в армию, проведение календарных и др. праздников) обрядов.

Особенно весело проходила взаимопомощь при лущении кукурузы, в которой участвовали девушки и женщины. В ходе трудового процесса участники пели песни, рассказывали друг другу сказки, шутили и всячески веселились. «Участников этой коллективной работы угощали вареной картошкой и тыквой. Если тыква оказывалась не очень вкусной, то ею бросались друг в друга, устраивая «тыквенный бой» На это никто не обижался» [1, с. 245].

Со временем обычай взаимопомощи гидатлинцев, возникший в связи с экономическими затруднениями трансформировался в морально-этическую норму.

Среди традиционных обычаев следует выделить институт кровной мести – обычай мщения за убийство, увечье, обиду или материальный ущерб, распространенный в первобытном обществе и в период его разложения как форма родственной солидарности, необходимая в условиях отсутствия государственного наказания. До появления так называемой системы композиций, которая примиряла враждующие стороны денежной компенсацией или возмещением материального ущерба, кровная месть являлась обязательным актом и даже священным долгом потерпевшей стороны. [4, с. 83–84].

Институт кровной мести был широко распространен у аварцев как традиционный институт, регулировавший общественные отношения. В условиях отсутствия государственной власти, данный институт сыграл положительную роль, так как являлся сдерживающим фактором в горском обществе. [3, с. 374–377].

До присоединения Дагестана в состав России в 1859 г. и образования Дагестанской области в составе Российской империи в 1860 г. дагестанские горцы судились по нормам адата и шариата. Институт кровной мести не являлся исключением, ему отводилось значительное количество статей в «Гидатлинских адатах» (§§1–8, 11, 13, 52, 53, 67, 70) [2]. Адаты устанавливали порядок кровомщения, систему композиций и примирения враждующих сторон, а также при необходимости законы, действующие в обществе Гидатль сравнивались с нормами обычного права в других обществах (Хунзах, Тиндал, Асаб, Ахвах, Каралал), так как наказание могло быть различным. Возмещение крови («дият») с убийцы и его стороны взыскивалось в пользу пострадавшей стороны крупным рогатым скотом (бык, корова), котлами и шаями.

Об этом институте К. Козлова пишет: «Вместе с *тухумами* бытовала и кровная месть, которая приводила к вражде не только членов отдельных семей, но и целых *тухумов*. Кроме столкновений внутри аула были столкновения и между аулами. Внутренние столкновения легче было нивелировать при наличии ханской власти, но совсем другое дело было в Гидатле, свободном обществе, где каждый был сам себе хозяин и защищался, как умел» [6, л. 5]. К Козловой также принадлежит описание в 40-х гг. XX в. в с. Урада адатов по кровной мести, связанных с имевшимися в селении башнями: «Если кто-нибудь убьет одного человека, то убийца прячется в башню, где он должен сидеть целый год. Если он не досидит один день, то его штрафуют на одного быка, если не досидит десять дней, то на десять быков и т. д.» [6, л. 8].

В Гидатле в случае убийства убийцу выселяли на время или навсегда из селения – «биде вахьи» («выдворение [из сельского общества] за кровь»). Изгнанный из общества присоединялся на время или навсегда к какому-нибудь *тухуму* в селе другого сельского общества, в которое он был изгнан. В этом селении иногда возникала социальная прослойка из людей- кровников, которая называлась «Тладе ч'варал» («примкнувшие»). После примирения враждующих сторон преступник возвращался в родное село. Инициаторами примирения обычно выступало духовенство и авторитетные люди из представителей всех *тухумов* села, а само примирение считалось богоугодным делом [1, с. 241–242]. Г.Ф. Чурсин о церемонии примирения пишет следующее: «Так как кровная месть вносила расстройство в хозяйственную и общественную жизнь, старики обыкновенно прилагали все усилия, чтобы помирить враждующих. В Гидатле для примирения враждующих фамилий собирались старики всех 6 аулов. Церемония примирения заключалась в следующем: члены враждующих

фамилий становились в два ряда, на некотором расстоянии друг от друга, а между ними почетные старики, представители нейтральных фамилий. Один из самых уважаемых стариков читает молитву, затем произносит речь, заклиная навсегда прекратить вражду. После этого мир объявляется восстановленным и устраивается угощение. Расходы на угощение в некоторых обществах берут на себя нейтральные фамилии, организующие примирение.

Примирение обычно сопровождалось уплатой виновной стороной пострадавшей семье компенсации, которая осуществлялась негласно. Иначе могло показаться, что пострадавшие помирились из корыстных побуждений, подкупленные деньгами или имуществом» [5, с. 19].

Таким образом, исследование традиционных институтов общественного быта гидатлинцев с. Урада показало, что зародившись в условиях первобытного родового строя, они продолжали существовать в раннеклассовом обществе и сохранились вплоть до нового времени. В условиях отсутствия государственной власти древние обычаи в Гидатлинском союзе вольных обществ регулировались нормами адата. Будучи правовыми и морально-этическими нормами первобытного общества обычаи гостеприимства, взаимопомощи и кровной мести пережиточной форме сохранились до XIX – начала XX в.

Литература:

1. Бутаев, И.Ч. Гидатль: исторические этюды. – Махачкала: «Лотос», 2013. – 417 с.
2. Гидатлинские адаты / Публ. и пер. М.-С. Дж. Саидова, под ред. Х.-М. О. Хашаева. – Махачкала, 1957. – 90 с.
3. Исламмагомедов А.И. Аварцы: Историко-этнографическое исследование XVIII – начала XX в. – Махачкала, 2002. – 431 с.
4. Социально-экономические отношения и соционормативная культура: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. А.И. Першиц, Д. Трайде. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
5. Чурсин Г.Ф. Авары: Этнографический очерк. 1928 г. – Махачкала, 1995. – 92 с.
6. Этнографический очерк К. Козловой «Поселения и жилища аварцев». 1945 г. // Научный архив Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. – 120 л.

УДК 398.8

*Гудимова Ольга Анатольевна
Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета»
институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР,
старший научный сотрудник, г. Черкесск, Россия,
E-mail: gudimovaolga@mail.ru*

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР КАК ЧАСТЬ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

***Аннотация:** В статье рассматривается становление традиционной культуры кубанского казачества, частью которой является детский фольклор. Все жанры детского фольклора не только умственно и физически развивают ребенка, но и помогают визуализации окружающего мира, этнической идентификации, усвоению этических норм. Благодаря детскому фольклору дети усваивают миропонимание и мировоззрение своего народа.*

***Ключевые слова:** кубанское казачество, традиционная народная культура, детский фольклор, преемственность поколений*

*Gudimova Olga Anatolyevna
Karachay-Circassian order «Badge of Honor»
Institute for Humanities research
under the Government of the Karachay- Circassian Republic,
senior scientific researcher,
Cherkessk, ,
E-mail: gudimovaolga@mail.ru*

CHILDREN'S FOLKLORE AS PART OF THE TRADITIONAL CULTURE OF THE KUBAN COSSACKS

Abstract: *The article deals with the formation of the traditional culture of the Kuban Cossacks, part of which is children's folklore. All genres of children's folklore develop the child not only mentally and physically, but also help to visualize the world, ethnic identification, assimilation of ethical norms, Children learn to understand the worldview and world perception of their people due to children's folklore*

Key words: *Kuban Cossacks, traditional folk culture, children's folklore, succession of generations*

Многие исследователи кубанского казачества отмечают уникальность как его происхождения, так и его традиционной культуры. Существует несколько версий генезиса российских казаков – социальная (так называемая «беглохолопская», которой придерживаются такие ученые, как В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, В.А. Потто, Н.О. Лосский, П.Н. Краснов) и этническая (автохтонная – Н.М. Карамзин, Е.П. Савельев, И.Ф. Быкадоров). «Генезис казачества понимается в этом направлении нелинейным процессом интеграции в «служивые» казачьи войска, гетерогенных по своей природе, «вольных» казачьих общин, пополнения разнородными группами местного населения и переселенцами, приписанными к казачьим войскам» [3, с.55].

Кубанское казачество – это относительно молодое, искусственно созданное в конце XVIII века из черноморских, части донских казаков и жителей южнорусских территорий сословие. Если в самом начале слияния составляющие его части населения, несмотря на объединяющие их православие и основное занятие – защиту рубежей Российского государства, резко отличались своей культурой как материальной (одеждой, орудиями труда, жилищем), так и духовной (а именно традициями, обычаями, устным народным творчеством, танцами), то к концу XIX – началу XX вв. уже сформировалась традиционная культура кубанского казачества, переработавшая, соединившая в себе и приспособившая к новым условиям жизни две основные традиции: южнорусскую и украинскую «в их территориальных вариантах (запорожском, донском, курском, воронежском, харьковском, полтавском и т.д.)... Одновременно происходило как приспособление (адаптация) отдельных произведений фольклора, обрядов к новым условиям, так и появление совершенно новых элементов в традиционной духовной культуре» [1, с. 11]. Как бы ни спорили ученые, что представляют собой кубанское казачество – отдельный этнос, субэтнос русского народа или сословие, казаки Кубани до сих пор проводят грань между собой, русскими («москалями», «кацапами»), украинцами (во время переписи населения в 2002 году в графе национальность многие писали – казак, казачка). В середине XX века женившегося на русской (1937г.) кубанского казака отлучили от дома и лишь после рождения сына Степан смог приезжать с ним к родителям в гости, но без жены [4] ПМА. И диалект, на котором разговаривали кубанские казаки, они называли «кубанская мова». Удивительно, но до сих пор говор казаков ст. Зеленчукской отличается от речи казаков ст. Баталпашинской (г. Черкесск), в нем больше украинизмов.

Эта большая, уникальная социальная группа – кубанское казачество, – искусственно созданная и развивающаяся на основе общности религии, славянского языка, «моделей поведения и групповой идентичности». Этнопсихология, несмотря на тяжелые периоды своей жизни: расказачивание, раскулачивание, голодомора, ссылки в Сибирь и Среднюю Азию, продолжает придерживаться ценностей своей традиционной культуры, пытается в условиях глобализации и унификации народных культур передать их подрастающему поколению, понимая, что только так оно сумеет сохранить свою идентичность и менталитет.

В формировании этнических стереотипов, прежде всего, задействована традиционная культура, а именно духовная, в которой отражаются миропредставление и мировоззрение этноса. «По существующему в науке делению традиционной культуры на материальную, соционормативную и духовную, к последней относятся вся система производственных навыков, народных знаний, традиций и обычаев, различные виды искусств, народное творчество, верования и религиозные представления, которые передаются от поколения к поколению как обязательная информация через рассказ или показ, через существующие формы воспитания» [1, с. 11].

На помощь воспитанию этнической идентификации, усвоению ценностных норм приходит на помощь детский фольклор, который состоит из произведений: созданных

взрослыми для детей, перешедших в детский из фольклора взрослых, устного народного творчества самих детей, и занимает достойную нишу в традиционной культуре кубанского казачества. Основу этничности и визуализации окружающего мира дает так называемая «материнская поэзия» – «поэзия пестования». С самого рождения, еще в колыбели ребенок усваивает мелодии и звуки родной речи, через содержание колыбельных песен знакомится с окружающим миром. Доктор филологических наук И.С. Карабулатова, продолжительное время изучавшая колыбельные песни народов Сибири, считает, что в колыбельной зашифрованы знания о мире, которые пробуждаются в генетической памяти. Детям, у которых генетическая память не «разбужена», гораздо труднее адаптироваться в жизни и в обществе. Кроме того, они начинают медленно развиваться. И именно колыбельные закладывают этническую идентификацию [2].

В колыбельных песнях противопоставляется мир свой и чужой, и реальность предстаёт не только с положительной стороны: наряду с такими героями, как гуленьки, зайнык, котик, петушок сосуществуют волк, который может «утащить за бочок», Бабай, пытающийся отобрать ребенка у родителей и др. В них, во всем своем великолепии звучит «кубанская мова»: «Коту, коту, котына, /Засны мала дытына, /Засны, засны, задримай, /Та й нычого ны думай» [6, с. 424]. В колыбельных рассказывается о том, что каждый день окружает детей: Баю, баюшки, баю, /Живэ козаче на яру. /Вин ны бидный, ны богатый, /Мала куча диток в хати. /Вси по лавочкам сыдять, /Мамалыгу вси йидять. /Мамалыга парена, маслена, /У козаче ложка крашена» [6, с. 423–424]. Песни, призванные усыплять ребёнка, воспитывают его, учат, как правильно надо жить: «Коту, коту, коточок, /Ты вкрав в бабы клубочок, /Та сховався в куточок. /Стала баба ката быть: /– Ны вчись, коток, так робыть! /А вчись так робыты, /Черевычкы шиты!» [6, с. 424].

Жанры детского фольклора соединяют мир детства с миром взрослых, они помогают нравственному, физическому воспитанию, социализации ребёнка в общество. Пословицы, поговорки, дразнилки, сказки утверждают нравственные и моральные ценности.

Вовлечение детей в обрядовые действия знакомит их с народной культурой изнутри: в кубанских станицах «щедровки так же, как и колядки, делились на взрослые и детские и содержали пожелания счастья, благополучия, обильного урожая в новом году...» [1, с. 18]. «На Сорок святых/ Сороки пекли из теста жаворонков или куликов. В прошлом праздник был посвящен встрече весны... Этими песнями дети, молодежь заклинали (засывали весну, торопили ее приход. «Кулик мой, жаворонок, прилети, весну принеси!» [1, с. 19]. Некоторые игры вошли в детский репертуар из обрядовых действий взрослых. Например, игра «Бояре, а мы к вам пришли», напоминающее свадебное действо. Это жанры детского фольклора с помощью взрослых вводят детей в реальность, помогают им прикоснуться к традиционной кубанской казачьей культуре, что позволяет ощутить себя частью своего этноса.

С помощью игр дети не только развивались физически, умственно, но и знакомились с миром взрослых, порой жестоким: «Человечий молодик, /Не камняйся кидакми, /А то режичком заножу, /Будешь дрыжками ногать /И мотою головать. /С крова пузо потечет, /А над твоей могилой /Будут кукареки петухать» [6, с. 429] (небылица – фольклорный жанр, созданный детьми). Школьный фольклор – это не только секретники, особый язык, но и молитвы, «спасающие» от двоек: Спаси меня, Боже / От учительской рожки, / От контрольной близкой, / От оценки низкой, / Домашку отодвинь! / Вот и все! Аминь!» [5] Этот фольклор, созданный непосредственно детьми, отражает их видение окружающей действительности. Это тоже часть традиционной культуры.

Все жанры детского фольклора традиционной культуры кубанского казачества направлены на приобщение подрастающего поколения к культуре своего народа, его нравственным ценностям, социальным нормам. Благодаря им у детей пробуждается генетическая память, они усваивают картину мира своего рода, относящегося к казакам Кубани.

Литература:

1. Бондарь, Н.И. Традиционная духовная культура кубанского казачества (конец XIX – первая половина XX вв.) // Традиционная культура и дети. Выпуск I. – Краснодар: Изд-во Краснодарского экспериментального центра развития образования, 1994. – 272 с.
2. Карабулатова, И.С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность / И.С. Карабулатова. – Тюмень: Академия, 2004 – 268 с.; Карабулатова, И.С., Ермакова, Е.Е., Зиннатуллина, Г.И. Территория детства как этнолингвокультурный феномен: обря-

- ды, заговоры и колыбельные народов Тюменской области / И.С. Карабулатова, Е.Е. Ермакова, Г.И. Зиннатуллина. – Тюмень: Экспресс, 2005. – 258 с.
3. Лукаш, С.Н. Казачество Юга России: от традиций к инновациям: монография / С.Н. Лукаш. – 2-е изд., перераб. и доп. – Армавир: РИО АГПА, 2014. – 344 с.
 4. ПМА. 1994. г. Новоалександровск. Ставропольский край. Инф. Кистенев А.Д., 1918. г.р.
 5. ПМА. 2008. Ст. Зеленчукская. КЧР. Инф. Животкова Л. 1987 г.р.
 6. Чурсина, В.И. Духовная жизнь населения Кубани в конце XVIII – XX вв.: динамика и традиции народной культуры: дисс... доктора истор. наук: 2005. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/> (дата обращения: 16.01.2019).

УДК-316.7

***Гучетль Зухра Хачмафовна**
ГБУ Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева (АРИГИ),
ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии,
г. Майкоп, Россия,
E-mail: zuchraguchetl@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СТАРШИНСТВА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ КAVKAZA

***Аннотация:** В статье рассматриваются актуальные проблемы социального старшинства на Кавказе. На основе эмпирического материала анализируется сегодняшнее отношение молодежи к старшему поколению.*

***Ключевые слова:** старшинство, старейшина, конфликт, авторитет, почитание, этикет, возраст, поколение*

***Guchetl Zuhra Khachmafova,**
SBI Adygei Republican Institute for Humanities research
named after T. M. Kerashev, leading researcher of philosophy and sociology
Department,
Maikop, Russia,
E-mail: zuchraguchetl@mail.ru*

FEATURES OF SOCIAL SENIORITY IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS

***Abstract:** The article deals with the actual problems of social seniority in the Caucasus. On the basis of empirical material, the current attitude of young people to the older generation is analyzed.*

***Key words:** seniority, elders, conflict, authority, reverence, etiquette, age, generation*

«Отдай жизнь, но честь сохрани» – так гласит адыгская пословица. Сегодня в глобализирующемся обществе проблема взаимоотношений двух поколений младших и старших весьма актуальна. Как отмечает С.А. Слепцова: «Межпоколенческий диалог развивается в конфликтном направлении, что обусловлено кардинальными изменениями в социальной жизни. Взаимоотношения между молодыми и взрослыми людьми характеризуются отсутствием понимания, уважения и терпимости. Растущий «генерационный негативизм» вызывает тревогу у общества, что делает актуальным изучение традиционных ценностей тех народов, у которых исторически сложился институт почитания старших, сохранивший себя в общих чертах до сих пор» [4, с. 143–145].

На Кавказе живут разные народы, различающиеся по своему происхождению, языку, вероисповеданию, обычаям, в их традиционной культуре есть ряд общих черт. И важнейшей из них наряду с гостеприимством, значимостью и развитостью родственных и земляческих связей является почитание старших [1].

Главным критерием при выборе старейшин, как отмечает А.Г. Булатова на примере рутульцев, населяющих высокогорную часть Южного Дагестана, была безупречная репутация [1]. На это же указывает название совета старейшин у другого народа Дагестана - лакцев: «марц | арампал» (буквально – «честные мужчины») [1]. Исследова-

тели быта осетин отмечают особый авторитет, которым пользовались почтенные старики, решавшие общественные вопросы на «ныхасе» – древнем органе осетинского сельского самоуправления [1].

Непререкаемым авторитетом пользовались старики у вайнахских народов. Помимо того, что в каждом селении были старейшины, решавшие спорные вопросы, определявшие вид наказания за проступки, существовал еще и общечеченский совет старейшин – «мехккхел», куда входили наиболее уважаемые представители от девяти основных внутриэтнических подразделений чеченцев – тукхумов. Они собирались для коллективного решения важнейших вопросов, касавшихся всего народа [1].

Характерной чертой абхазского этикета, как отмечает исследователь Я. С. Смирнова «при самых старших не лежали, не сидели, не вели разговоров на фривольные темы и вообще громко не говорили, не появлялись небрежно одетыми. Старшим оказывали уважение такими знаками внимания, как помощь при мытье рук и ног, при отходе ко сну и т. д.» [5, с. 278].

Адыгский просветитель XIX века А. Г. Кешев пишет: «Молодые люди следовали советам старейшин и признавали за ними право на моральные санкции. В адыгском социуме человек преклонного возраста пользовался всеобщим уважением этноса, что давало ему право давать советы почти по любому делу. Старшие по возрасту приглашались на всякого рода сборы и собрания, на которых принимались решения. Народные собрания (хасэ), на которых принимались социально значимые решения, передавались на рассмотрение старейшин и после их соответствующей «экспертизы», они становились легитимными и обязательными для всех» [7, с. 348].

Действительно, у северокавказских народов веками существовала морально-этическая система, ключевым компонентом которой выступает институт старшинства. Причинами формирования устойчивого поведенческого комплекса, направленного на почитание старших являются следующие факторы. Во-первых, народы Северного Кавказа в общественной жизни придерживаются традиционных ценностей, существовавших на протяжении многих веков. Такие ценности мало подвержены изменениям. Каждому человеку предписаны определенные моральные требования, которым следует придерживаться. Уважительное отношение к старшим составляет один из категорических императивов. Подчинение молодежи авторитету старшего поколения крайне важно, поскольку выступает гарантом социальной стабильности. Во-вторых, особое отношение к старикам на Северном Кавказе предопределено их ролью в семейной жизни. Известно, что на Северном Кавказе в семейном быту долгое время господствовала большая семья, когда под крышей одного дома проживали несколько поколений кровных родственников. В таких семьях именно старший мужчина распределял обязанности между своими детьми и внуками, следил за их исполнением. Старшая же из женщин контролировала часть сугубо женских работ по дому [8, с. 305].

Очевидно, что никакое общество не могло бы выжить без строгого учета опыта предшествующих, старших поколений. Накопленный опыт со временем трансформировался в ценностные установки, влиявшие на процесс социализации молодого поколения. Забота о сохранении и трансляции традиционных ценностей, тем самым, является важнейшей функцией социума. Традиционные ценности – это ценности, усвоенные поколением родителей, старших. Поэтому человеческое общество в своем стремлении сохранить традиции, прошло эволюционный путь от физического избавления от стариков до их своеобразного культа.

Уважение к старшим – неотъемлемая часть традиции каждого из народов России. В современном обществе эта норма, казалось бы, трансформировалась в социальную ответственность. Ситуация, которая складывается в обществе на сегодняшний день, позволяет с сожалением сказать о том, что российская нация находится в глубоком нравственном кризисе. В пользу этого заявления свидетельствует возросший уровень беспризорности, разводов, преступности, а также распространение оскорбительного отношения к старшим представителям общества. Сегодня мы можем говорить о различных проявлениях такого социального явления, как эйджизм. Этот термин был введен американским социологом Робертом Батлером. Под эйджизмом понимают отрицательное и унижающее отношение, несправедливое обращение с людьми на основании их возраста [7]. В основном термин употребляется по отношению к старшим. Появление такого понятия в науке для реальной жизни означает, что негативное отношение к

старшему поколению достигло значительного уровня. Индикаторами эйджизма могут служить увеличение количества домов для престарелых, растущее число преступлений, направленных на беспомощных стариков, а также распространение негативного мнения о старшем поколении среди молодежи [7].

В общекавказской культуре было принято, что каждый человек обязан досматривать своих пожилых родственников, а если у человека нет своих родных (детей, братьев и сестер), то род должен был заботиться о пожилым человеке, иначе это считалось позором не только семьи, но и всего рода. Люди, которые не досматривали своих пожилых людей, Советом старейшин приговаривались к суровому наказанию. К примеру, их считали изгоями общества, с представителями из этого рода не только не общались, но и запрещались браки. К сожалению, сейчас в эпоху глобализации, ценностные нормы в нашем современном обществе изменились, некоторые люди на Кавказе отказываются досматривать своих родителей, не говоря уже о родственниках, а род такую обязанность вообще брать на себя не желает. Произошла переустановка ценностей, общекавказские нормы поведения и взгляды современного кавказского социума изменились, они приобрели непонятный облик. Хотя в целом, на Кавказе еще сохраняется статус «младшего» и «старшего».

Данные нашего экспертного опроса (за 2019 г.) подтвердили достаточно высокую значимость проблемы эйджизма на сегодняшний день на Кавказе. Например, в Адыгейском республиканском доме-интернате для престарелых и инвалидов проживает около 300 человек, среди них 23 адыга.

Как и у других народов Кавказа и у адыгов правило досматривать своих стариков, было «не писанным» строгим законом. А что сейчас случилось, в мирное время, почему наши старики оказываются под присмотром у государства, а не у родных. Мы спросили у нашего эксперта – каким образом оказались эти 23 человека в Вашем учреждении?

«Среди них есть совсем одинокие, детей нет, родственников как такового напрягать не хотят и поэтому, чтобы избежать одиночества переселяются к нам. Есть у нас один мужчина, очень образованный, начитанный, у него нет детей, супругу похоронил, есть брат родной, но по его словам вторгаться в семью брата он не желает, (да и брат его можно сказать почти не навещает в приюте) поэтому нашел предпочтение жить в доме престарелых. Разные судьбы у наших постояльцев, чем жить в одиночестве и в тоске многие выбирают наш приют. Еще есть один мужчина, а у него есть дочь, но именно она его определила в наш приют, объясняя тем, что у нее времени нет содержать его, она посещает отца редко, может в три месяца раз, а то и меньше, но отец свою дочь не осуждает, а наоборот оправдывает... Как люди разные, так и судьбы разные у наших постояльцев».

Для сравнения мы узнавали, как обстоят дела в некоторых республиках Кавказа. В Кабардино-Балкарском приюте для престарелых проживает 142 человека, из них 32 адыга. В Карачаево-Черкесском приюте – 85, среди них 3 адыга и 3 абазина, в Абхазском Доме-интернате для престарелых и инвалидов – 46 человек, из них 9 абхазов. А в Дагестане несколько домов для престарелых, они находятся в Махачкале, Кизляре, Буйнакске, Кизилюрте и в Дербенте. Именно в Махачкалинском доме престарелых на данный момент 63 человека, из них 28 дагестанской национальности.

Как оповестили наши эксперты с Чечни: «...в 60-е годы был открыт дом для престарелых в Грозном. Работы у его персонала всегда хватало, но вот чеченцев среди его жильцов никогда не было. Впервые в том заведении чеченцы появились в 1994 году, (это было настоящим шоком для всех сотрудников приюта). Этот дом работал в Чечне вовремя войны и после, но два-три года назад этот дом закрыли совсем. Иметь дом престарелых и отдавать туда пожилых людей не соответствует нашему менталитету...»

Эксперт с Ингушетии сообщил нам, что: «...домов престарелых у нас в Ингушетии никогда не было и в ближайшее время не будет, наш народ вовсе не нуждается в таком учреждении».

Как показывают наши социологические исследования прогнозы по отношению эйджизму в обозримом будущем неутешительные, хотя в данный момент ситуация скажем терпима, но, к сожалению, выше названные цифры будут увеличиваться. А ведь, по словам нашего эксперта, если взять 80-90 годы в Адыгейском республиканском доме-интернат для престарелых и инвалидов не было ни одного адыга, они стали появляться в начале 2000-х годов.

Далее с целью выявления особенностей отношения молодого поколения к старшим, мы решили провести социологический опрос среди старшеклассников в нескольких общеобразовательных школах г. Майкопа. Методом исследования было выбрано анкетирование. Всего было опрошено 100 человек.

В целом отношение старшеклассников к старшему поколению можно охарактеризовать как положительное. На вопрос, «Как Вы относитесь к старшему поколению 70–80–90-летним членам нашего общества?» 80% опрошенных ответили «с уважением». Отраднo видеть, что подрастающее поколение осознаёт ценность старшего поколения. На вопрос «Давно ли Вы посещали своих дедушек и бабушек, которые живут в другом городе, селе, ауле?» «посещаю постоянно» ответили 77%, т. е. явно выраженного негативного по отношению к старшему поколению среди опрошенных школьников мы не выявили.

Особый интерес при анкетировании представлял вопрос «Вспомните, пожалуйста, есть ли среди Ваших родственников старшего поколения находящиеся в интернатах, пансионатах, домах для престарелых?» 93% ответили «у нас нет», а 7% опрошенных затруднились с ответом.

Проведенное нами социологическое исследование позволяет сделать вывод, что в целом отношение молодежи к старшему поколению на Северном Кавказе и в Адыгее, в частности, положительное. Но все-таки, на наш взгляд, необходима целенаправленная систематическая работа по профилактике эйджизма среди подрастающего поколения, что открывает перспективы дальнейшего исследования актуальной проблемы.

Литература:

1. Булатов, Г.О. Отношение к старшим и долгожительство на Кавказе / http://magazines.russ.ru/oz/2005/5/2005_5_28.html
2. Булатова, А. Г. Лакцы. – Махачкала, 2000. – С. 292.
3. Булатова, А. Г. Рутульцы в XIX – начале XX в.: Историко-этнографическое исследование. – М., 2003. – С. 210.
4. Слепцова, С. А. Особенности взаимоотношений старшеклассников со взрослыми // Молодой ученый. – 2010. – №5. – Т. 2. – С. 143–145.
5. Смирнова, Ю.Я. С. Семейное и общественное положение старших возрастных групп // Абхазское долгожительство. – М., 1987. – С. 278.
6. Сосиев, З. Станица Черноярская // Терский сборник. 1903. Вып. 5. – С. 49.
7. Ханаху, Р.А. Институт старейшин в этнокультурной традиции // Мир культуры адыгов. – Майкоп, 2002. – С. 348
8. Шааб, К.С. Социокультурное содержание моделей долголетия // Аналитика культурологии. – 2010. – № 17.
9. Елкин, С.М., Кукушкина, А.Г. Почитание старших в народной педагогике // www.gramota.net/materials/1/2011/7/28.html.

УДК 93

Кратова Наталья Васильевна
*Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета»
институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР,
г. Черкесск, Россия,
E-mail: nvkratova@mail.ru*

ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ В 1989–1997 гг.

Аннотация: В статье показано положение религиозных объединений Карачаево-Черкесии в 1989–1997 годах, то есть в переломный период, когда была разрушена советская система государственно-конфессиональных отношений и начала формироваться новая, демократическая. Это был период так называемого «религиозного ренессанса», когда значительно увеличилось количество действующих на территории республики конфессий и их общин, возросла их социальная и проповедническая активность. В этот период был накоплен опыт применения законодательства о свободе совести, принятого в 1990 году, который был учтен при подготовке Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятого в 1997 году.

Ключевые слова: *государственно-конфессиональная политика, государственно-конфессиональные отношения, свобода совести, Карачаево-Черкесская Республика*

Kratova Natalya Vasilyevna
Karachay-Circassian order "Badge of Honor"
Institute for Humanities research
under the Government of the Karachay- Circassian Republic,
Cherkessk, Russia,
E-mail: nvkratova@mail.ru

THE POSITION OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS OF KARACHAY-CIRCASSIA IN 1989–1997

Annotation: *The article shows the position of religious associations of Karachay-Circassia in 1989–1997, at a turning point, when the Soviet system of state-confessional relations was destroyed and a new, democratic one began to form. This was the period of the so-called "religious renaissance", when the number of religions and their communities operating in the territory of the republic increased significantly, and their social and preaching activity increased. During this period, experience was gained in applying the legislation on freedom of conscience, adopted in 1990, which was taken into account when preparing the Law on Freedom of Conscience and Religious Associations, adopted in 1997.*

Key words: *state-confessional policy, state-confessional relations, freedom of conscience, Karachay-Circassian Republic*

Демократизация в сфере государственно-конфессиональных отношений началась еще за несколько лет до распада СССР. После заявления М.С.Горбачева 30 апреля 1988 года на встрече с Патриархом Пименом и членами Синода Русской Православной церкви о том, что «верующие – это советские люди, трудящиеся, патриоты, и они имеют полное право достойно выразить свои убеждения» в регионах, наконец, признали, что необходимо «находить точки соприкосновения с верующими в различных сферах общественного бытия», а не «рассматривать церковь как объект для политической конфронтации» [12, л.31]. И действительно власти пытались привлечь духовенство традиционных для России конфессий к активной общественно-политической деятельности. В этот период среди народных депутатов СССР было 7 религиозных деятелей. В Карачаево-Черкесии в это время в качестве кандидатов в депутаты в Верховный Совет РСФСР и местные Советы народных депутатов было выдвинуто 6 человек, представителей мусульманского и православного духовенства: В.И.Афонин, А.К. Старшинов, И.А. Гочияев, А.-Ю.Х. Эбзеев, С.С. Эркенов, М.З. Рахимов [12, л. 31].

Трансформация законодательства о свободе совести. Неизбежным и вполне ожидаемым следствием либерализации государственно-конфессиональных отношений должно было стать кардинальное реформирование законодательной базы, регулирующей эту деликатную сферу. И действительно в октябре 1990 года один за другим выходят целых два закона, регламентирующих вопросы, связанные с реализацией принципа свободы совести и деятельности религиозных организаций. 1 октября вышел Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», а 25 октября – Закон РСФСР «О свободе вероисповедания». Противоречия этих законов во многом были следствием обострившихся противоречий между союзным центром и РСФСР.

Принятые почти одновременно, законы имели серьезные отличия в принципиальных вопросах. Эти отличия во многом определялись мировоззрением разработчиков и интересами структур, которые они представляли.

После распада СССР в силе остался закон РСФСР «О свободе вероисповедания», положения которого не учитывали существующих реалий. Так, регистрация религиозных организаций была возложена на органы юстиции, которых не было в Карачаево-Черкесии. Поэтому регистрация религиозных объединений в республике началась только с мая 1992 года [11].

Динамика численности религиозных объединений. С конца 1988 года в КЧАО идет активизация деятельности религиозных организаций. К 1989 году было зарегистрировано 7 православных общин, 26 мусульманских организаций, 5 общин Евангель-

ских христиан-баптистов (далее – ЕХБ). Без регистрации действовали Христиане веры евангельской (пятидесятники) (далее – ХВЕ) в г. Черкесске, Свидетели Иеговы в п. Курджиново Урупского района, группа кришнаитов (по несколько человек в п. Курджиново, г. Черкесске и пос. Эркин-Шахар [12, л. 34, 36, 37, 38].

В 1990-е годы наблюдается рост количества религиозных общин всех деноминаций. К 1 января 1991 года зарегистрированных православных общин увеличилось до 10 (добавились общины г. Карачаевска, с. Спарта, ст. Красногорской) [12, л. 19].

К концу 1990 года права юридического лица имели 6 общин ЕХБ, кроме того действовали 2 незарегистрированные общины в г. Усть-Джегута и ст. Зеленчукской. Не получившие статуса юридического лица общества ЕХБ и группы отказывались от регистрации, мотивируя запретом Совета церквей ЕХБ [12, л. 25]. Также от регистрации отказывались и Свидетели Иеговы, ссылаясь на отсутствие указаний из Бруклина [12, л. 27].

В 1990 году регистрацию получило Общество Сознания Кришны в г. Черкесске. Тогда же подали заявление на регистрацию кришнаиты и в пос. Курджиново [12, л. 27].

К 1 января 1991 года почти вдвое увеличилось количество зарегистрированных мусульманских организаций. В 1990 году права юридического лица получили 23 религиозных общества. Таким образом, в КЧАО официально действовало 49 мусульманских общин и 8 общин – без регистрации. В этот период мусульманское духовенство стремилось открыть мечеть в каждом ауле [12, л. 21].

В 1989 году был образован самостоятельный Духовный центр мусульман Ставропольского края (позднее название изменилось на Духовное управление Карачаево-Черкесии и Ставрополья (ДУМКЧиС). 24 января 1990 года на 1 съезде мусульман Ставрополья избрали Председателя Духовного центра – И.А. Бердиева и членов Президиума центра.

Открытие отдела юстиции в 1992 году позволило восстановить систематический учет религиозных объединений.

В 1993 году в республике насчитывалось 90 мусульманских обществ, включая Духовное управление мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополья, медресе с. Учкеек, Исламский институт и просветительскую организацию «Ислам-Нью», 15 православных организаций, 7 общин Российского Совета ЕХБ, 1 община церкви Христиан полного Евангелия (неопятидесятническое объединение христиан веры евангельской), 1 община Адвентистов седьмого дня, 2 общины Свидетелей Иеговы, 1 община Христианской миссии милосердия ЕХБ, 1 община общества Международного общества Сознания Кришны. Без регистрации действовали 3 общины Совета Церквей ЕХБ, по одной общине Русской православной церкви за рубежом, пятидесятников. Впервые появляются упоминания о группе «сангха-тантра» (правильное название – «тантра-сангха») в г. Черкесске [1]. Группу определяли в отчетах как «сатанистскую». Основаниями для более точного определения сущности этого феномена мы не располагаем.

В 1994 году в республике появилась община Карачаево-Черкесской ассоциации Всемирного Белого Братства – своеобразного синкретического учения болгарского духовного деятеля Омраама (Михаила) Айванхова [7]. В 1997 году отмечается появление нового для республики протестантского течения последователей китайского проповедника Вочмана Ни, начинает открыто действовать община Русской православной катакомбной церкви (последователей патриарха Тихона), впервые официально говорится о «ваххабитах» – последователях экстремистского религиозно-политического учения [2].

К 1997 году в основном завершилось формирование конфессиональной палитры. К этому времени в республике были официально зарегистрированы общины 7 различных религиозных направлений: Ислам (105 общин), Русская православная церковь (18 общин), Евангельские христиане-баптисты Российский Совет (7 общин), Свидетели Иеговы (2 общины), Международное общество Сознания Кришны (2 общины), Церковь христиан полного евангелия (1 община), Адвентисты седьмого дня (1 община).

Общины 7 религиозных течений в это время действовали без регистрации: Совет церквей ЕХБ – 3 общины, «Вочманисты» (1 община), Русская православная свободная церковь (по сути – бывшая община Русской православной церкви за рубежом – 1 община), Русская православная катакомбная церковь (1 община), Ассоциация Всемирного Белого Братства (1 община), пятидесятники (1 община), «ваххабиты» (1 община), санг-

ха-тантра (1 община) Таким образом, всего в республике в конце 1997 года насчитывалось 146 общин 14 различных конфессий религиозных течений и толков [2].

Обеспеченность культовыми зданиями. Практически все религиозные объединения КЧАО в 1989 году испытывали потребность в культовых зданиях.

Из 7 зарегистрированных православных организаций в 1989 году только 3 (в г. Черкесске, г. Усть-Джегуте, ст. Зеленчукской) имели канонические культовые здания), 5 зарегистрированных общин ЕХБ (в г. Черкесске, г. Карачаевске, г. Усть-Джегута, ст. Зеленчукской и пос. Курджиново) имели молитвенные дома [12, Л.37]. Из 26 зарегистрированных мусульманских общин мечети имели 20. Все мечети представляли собой приспособленные под культовые цели дома.

Поэтому начала 1990-х годов в Карачаево-Черкесии активизировалось строительство культовых зданий мусульманскими и православными общинами. Всего за период 1990–1992 годов религиозным организациям было передано 46 участков под строительство культовых зданий, 13 помещений с земельными участками [11].

В 1994 году получила распространение практика самостоятельного строительства культовых зданий гражданами и передачи их в дар религиозным объединениям, Таким образом, была подарена мечеть в ст. Зеленчукской. В этот период строились дарственные мечети в а. Эльтаркач, г. Усть-Джегуте. Оказывалась и зарубежная помощь. Граждане Турции помогли строить мечеть в а. Эльбурган, а также строили мечеть в а. Хабез [7].

В связи с культовым строительством возросли пожертвования. Так, на строительство культовых сооружений церквей за 1994 год по неполным данным только по г. Черкесску, Зеленчукскому, Прикубанскому, Урупскому и Карачаевскому районам была оказана помощь в сумме 68 млн 325 тыс. рублей, мусульманским организациям – 37 млн. 515 тыс. рублей, приходам Русской Православной церкви 30 млн. 810 тыс. рублей [7]. Оказывалась помощь стройматериалами, Исламскому институту оказывали помощь продуктами питания.

Но, не смотря на поддержку, религиозные организации испытывали серьезные финансовые трудности: не за что было содержать имамов и священников, преподаватели и члены ДУМКЧиС также работали без зарплаты, на одном энтузиазме [7].

Поэтому, учитывая экономическое состояние религиозных объединений, Совет министров КЧР принял постановление, согласно которому все религиозные организации получили возможность оплачивать за коммунальные услуги по тарифам для населения [7].

Помимо финансовой помощи еще одной формой поддержки религиозных организаций являлась передача помещений под религиозные нужды. С 1992 по 1994 год органами власти было передано религиозным объединениям 32 здания, 27 – мусульманам, 5 – православным. Большинство зданий было весьма ветхими [7]. Исламскому институту и православному лицезу были переданы здания бывших детских садов. В 1995 году практика передачи в собственность религиозным организациям зданий продолжилась. Всего в это время было передано 22 строения, в том числе мусульманам 20, православным – 2 [5].

К 1996 году постепенно прекращается практика передачи зданий религиозным объединениям. Было передано мусульманским общинам в собственность всего 2 помещения бывших магазинов в аулах Нижняя Мара и Нижняя Теберда, 1 было отдано в аренду (в г. Карачаевске) [6].

Власти КЧР также оказывали финансовую помощь религиозным организациям, однако, не имея законных возможностей напрямую оказывать финансовую поддержку, выделяли средства из внебюджетных фондов. Так, в 1996 году была оказана помощь религиозным организациям в размере 99 млн. рублей, из них – православным – 46,5 млн. рублей, мусульманам – 52,5 млн. рублей [6].

Всего за период с 1992 по 1995 годы было построено 35 культовых зданий (мечетей – 29, церквей - 4, Залов царств Свидетелей Иеговы – 2) [5].

В 1996 году были построены 7 мечетей и 1 православная церковь [6]. В 1997 году завершилось строительство еще 1 церкви, 8 мечетей и 1 молитвенного дома ЕХБ [2].

Уровень религиозности населения. Достаточно высок был уровень религиозности населения. Среди православных в 1989 году в обычные воскресенья посещаемость богослужений составляла 600-700 человек, а на Пасху – от 5 500 до 6 500 человек [8]. По данным Уполномоченного Совета по делам религии при Совмине СССР по КЧАО

(далее – Уполномоченного) похороны по религиозному обряду и крещения составляли от 80% до 90% [12, л. 35]. В 1989 году среди мусульман по пятницам общая посещаемость всех мечетей составляла порядка 500–700 человек [12, л. 36; 8], на Уразу и Курбан-байрам – около 2–3 тысяч человек. Самой посещаемой была мечеть в с. Учкекен, по пятницам богослужения совершали 90–100 человек, на Уразу и Курбан-байрам – до 500–900 человек. Похороны практически 100% совершались в соответствии с религиозными предписаниями [12, л. 36].

Среди ЕХБ количество посещающих богослужения составляло около 420 человек (данные без учета детей) [12, л. 37].

Община Свидетелей Иеговы, действующая без регистрации, насчитывала около 160 взрослых и 70 детей [12, л. 37].

С конца 1990 года стали принимать участие в воскресных православных богослужениях молодежь и дети [12, л. 19]. Больше молодежи появилось и в общинах ЕХБ [12, л. 36]. В это время увеличивается количество Христиан Веры Евангельской (пятидесятников), богослужения посещали около 70 человек. Более открыто действовала община Свидетелей Иеговы в пос. Курджиново. На молитвенные собрания Свидетели приглашали представителей поселкового совета. Увеличилось количество верующих Общества Сознания Кришны до 35–40 человек [12, л. 27].

По данным на 1993 год, практически 100% мусульман и православных соблюдали похоронно-поминальную обрядность, также был высок процент крещения детей и венчания молодоженов [1].

Наибольшее количество соблюдающих православные обряды было отмечено в Зеленчукском районе. Так, в Петропавловской церкви ст. Зеленчукской было совершено отпеваний – 243, крещений 271, венчаний – 68, в церкви Святителя Николая ст. Сторожевой – отпеваний – 73, крещений – 51, венчаний – 29 [4].

Однако количество регулярно посещающих церкви и мечети снизилось. Среди православных данные по верующим колеблются от 20 – 30 до 150 – 200 человек в каждом храме, а среди мусульман – от 10 – 15 до 60 – 100 в каждой мечети. Количество верующих других конфессий подсчитать проще, так как их членство было зафиксировано. По данным Уполномоченного они регулярно посещали богослужения. На 1993 год последователей ЕХБ насчитывалось около 700 человек, Свидетелей Иеговы – около 200 человек, ХВЕ – около 60 человек, членов церкви Христиан полного Евангелия – 34 человека, общества Сознания Кришны – около 30 человек, сторонников зарубежной православной церкви – 30 – 40 человек. В этот период появляется группа Адвентистов седьмого дня [1].

По данным на 1996 год традиционно высоким оставался процент верующих, соблюдающих похоронно-поминальную обрядность (у мусульман – практически 100%). Количество посещающих пятничный намаз колебалось от 7–10 до 20–30 человек, но в пяти мечетях республики это количество достигало от 30–50 до 100 человек. В дни, когда проходили празднования Уразы-байрама или Курбан-байрама, количество молящихся увеличивалось в 5–10 и более раз [9].

Количество регулярно посещающих православную церковь составляло в воскресные дни от 10–40 до 200 человек, но в пасхальные дни количество возрастало до 500–1000 человек. Высоким в эти дни оставалось количество посещающих церковь в г. Черкесске – до 3 тыс. человек [9].

В 1996 году появляется в сведениях Уполномоченного информация о фактах прозелитизма. Так среди верующих ЕХБ упоминаются черкесы, абзины, а также представители других народов. Количество верующих ЕХБ, не смотря на уменьшение количества общин, осталось на прежнем уровне. Больших изменений в численности верующих других деноминаций фактически не произошло [9].

В 1997 году, в целом, количество верующих осталось на прежнем уровне. Исключением являлись община Церкви христиан полного Евангелия, количество прихожан которой увеличилось вдвое (с 60 до 120 человек) [2].

Миссионерская деятельность. Новым явлением в религиозной жизни населения Карачаево-Черкесии стало миссионерство. Стремление привлечь в ряды верующих широкие слои населения было характерно, прежде всего, для протестантских религиозных течений. С 1990 года зарегистрированные организации ЕХБ проводили благотворительные концерты (в основном в городах Карачаево-Черкесии), показы кинофильмов на

религиозную тематику, публичные крещения в открытых водоемах с привлечением желающих посмотреть таинство. Встречи с населением сопровождались раздачей религиозной литературы. При молитвенных домах организовывали библиотеки, направляли литературу в государственные библиотеки [12, л. 26]. Интересно, что проводя пропаганду вероучения, христиане-баптисты не конкретизировали свою религиозную принадлежность, говоря, что «они христиане, исповедуют тот же символ веры, признают молитву «Отче наш» [12, л. 25].

Активно проводили миссионерскую деятельность в 1990 году adeпты Общества Сознания Кришны. Много работали в г. Пятигорске, именно там собирались зарегистрировать общину и создать свой центр. Однако религиозную литературу бесплатно не раздавали, а продавали [12, л. 27].

В 1992 году была зарегистрирована просветительская организация «Ислам-Ньюру» [11].

Благотворительность. В том же 1992 году были зарегистрированы благотворительная организация ЕХБ «Христианская миссия милосердия «Свет народам», «Фонд милосердия мусульман «Кишт» (Справедливость), православная общественная организация «Центр православной культуры и делового сотрудничества «КОН АЗ». Христианская миссия оказывала помощь сиротам республиканского дома ребенка, отдельным одиноким гражданам, Фонд милосердия мусульман проводил сбор средств в помощь пострадавшим в Абхазии [11].

Состояние религиозного образования. Важным направлением работы религиозных организаций становится развитие религиозного образования. Информация об открытии при религиозных обществах школ появляется в 1990 году. Открываются воскресные школы при православных церквях для детей, воскресные школы при общинах ЕХБ, мусульманские школы, в которых обучали не только детей и молодежь, но и взрослых [12, л. 19, 22, 26]. В г. Усть-Джегута и ст. Зеленчукской ЕХБ пытались организовать факультативное религиозное обучение при общеобразовательной школе, всего ЕХБ имели 3 школы с 85 учащимися. В 1990 году при 5 церквях функционировало 5 православных школ, которые посещало 280 учащихся [12, л.16]. В этот же период начальные мусульманские школы были созданы при 22 мечетях, в которых обучалось 1642 человека [12, л. 22].

В 1992 году школ при мечетях уже 27, но снижается количество обучающихся. Учащихся, в том числе, и взрослого населения, насчитывалось 1240 человек. Занятия проводили, в основном, в летне-осенний период. Снижается количество посещающих воскресные православные приходские школы. Так, на 7 приходских школ приходилось 170 учащихся. Что касается ЕХБ, то количество и школ, и обучающихся возросло: в 7 воскресных школах обучалось 140 учащихся. Незарегистрированные общины также имели воскресные школы: ЕХБ, сторонники Совета церквей, – 4 школы, ХВЕ и Свидетели Иеговы – по 1 школе. О количестве посещающих эти школы, к сожалению, данных нет. Все религиозные объединения, обладающие статусом юридического лица (за исключением кришнаитов) в 1992 году проводили факультативные занятия с учащимися в общеобразовательных школах республики. Но эта работа велась среди православных и мусульман бессистемно из-за нехватки кадров духовенства. Чаще всего занятия имели форму разовых встреч с учащимися и педагогами. Исключением являлась образовательная деятельность ЕХБ. Им удалось наладить регулярные занятия во внеурочное время в 3 воскресных школах, действовавших на базе общеобразовательных школ. Интересно, что записывалось на религиозные занятия много, по данным Уполномоченного – до 200–300 и более человек, а затем, когда начинались занятия, многие отсеивались. В среднем по количеству учащихся на 1 школу приходилось: у мусульман – 46 человек, у православных – 21 человек, у ЕХБ – 20 человек. Исключением являлись мусульманские школы в Малокарачаевском районе, которые даже в зимнее время посещало до 200 – 300 человек. Обучение в них велось по группам 10–20 человек [11].

Дальнейшее развитие исламское образование получает в 1993 году. В с. Учкеекн было открыто исламское среднее учебное заведение – медресе «Аль-Исламия», в котором обучалось 147 детей и 26 человек старше 20 лет [10]. В г. Черкесске открылось высшее учебное заведение – Карачаево-Черкесский исламский институт имени имама Абу-Ханифа, в нем получало высшее духовное образование 100 человек [1].

После активного всплеска религиозного интереса начала 90-х в 1993 году наметился некоторый спад интереса молодежи к религии. Произошло уменьшение количества религиозных школ и количества учащихся. Так, при 4 православных церквях в воскресных школах обучалось 96 учащихся, при 15 мечетях в школах обучался 401 человек, при молитвенных домах ЕХБ действовало 6 воскресных школ, где проходило обучение около 70 учащихся. В это время православное и мусульманское духовенство поднимают вопрос о необходимости предоставления возможности преподавания в школах и других учебных заведениях основ религии и религиозной нравственности для всех желающих на факультативной основе [1].

В 1994 году появляются сведения об обучении исламу детей на дому. Это было характерно для многих черкесских и абазинских аулов. Интересно, что в этих аулах преподавание вели женщины в группах по 3–5–7 человек, обучали чтению корана, арабскому алфавиту, умению молиться. В это время, по сравнению с 1993 годов резко увеличивается количество мусульманских школ. Их насчитывалось уже 40. Соответственно произошло и увеличение обучающихся до 1 200 человек. В основном это были начальные мусульманские школы при мечетях. Большая часть из них находилась в населенных пунктах с карачаевским населением. Наиболее крупные школы находились в Малокарачаевском районе, г. Карачаевске, ст. Кардоникской, пос. Московском и ряде других. Курс обучения длился 3 – 6 месяцев, а затем набирали новую группу. Увеличилось количество студентов исламского института, в 1994–1995 учебном году обучалось 115 студентов, включая 30 девушек. Предполагалось, что девушки, получив квалификацию богослова, будут преподавать в примечетских школах [7].

Воскресных православных школ было 5, в которых обучалось 120 детей. В 1994 году в г. Черкесске открылся Святосергиевский лицей, который действовал при светской начальной школе. Дети, прослушав общеобразовательный курс, изучали Закон Божий, Библейскую историю, церковно-славянский язык и другие дисциплины, характерные для религиозного образовательного учреждения [7].

В этот же период до 4 сокращается количество воскресных школ ЕХБ, но в то же время идет увеличение численности учащихся до 90 человек. Имелись воскресные школы и при 2 общинах ЕХБ, сторонников Совета церковей, однако сведений о количестве учащихся и условиях обучения в нашем распоряжении нет [7]. Всего обучение в 1994 году проводилось в 49 религиозных объединениях. [7].

В 1995 году постепенно количество студентов Исламского института увеличивается до 138, а количество студенток до 51 [5], в 1996 году продолжается количественный рост студентов до 145, из них обучалось 52 девушки [6].

Во второй половине 1990-х годов резко сократилось количество религиозных школ и учащихся. В 1996 году количество воскресных православных школ снизилось до 4, а количество учащихся – до 50 человек, также небольшой была численность учащихся православного лицея г. Черкесска, там обучалось всего 65 человек. Такая же тенденция к снижению наблюдается и в исламских школах, их осталось всего 6. В этих школах обучалось 348 учащихся разного возраста. У ЕХБ сохранились 4 школы, а количество учащихся увеличилось до 100 [6].

В 1997 году количество воскресных школ еще сократилось до трех. Количество обучающихся осталось на прежнем уровне. Однако до 82 возросло число учащихся православного лицея в г. Черкесске. Спад шел и в школах ЕХБ. В 6 школах обучалось 85 человек. В примечетских школах наоборот наметился рост. Количество школ достигло 12, обучалось в них 530 человек. А в медресе с. Учккен в 1997 году обучалось 150 человек, из них 120 детей. Количество студентов Исламского института сократилось незначительно – до 138 [2]. Этот спад после всплеска интереса к религиозному образованию объясняется, прежде всего, отсутствием профессиональных педагогов, обучающихся закону божьему, ведь занятия с детьми вели священнослужители, не имея ни опыта педагогической работы, ни методических разработок, ни соответствующих учебных пособий.

Таким образом, начавшаяся в конце 1980-х годов либерализация государственно-конфессиональных отношений была продолжена в первые постсоветские годы. Переломным стал 1990 год, когда были приняты Закон «О свободе совести и религиозных организациях» СССР и Закон «О свободе вероисповеданий» РСФСР. Новое законодательство коренным образом изменило вектор развития отношений между государством

и религиозными объединениями. Между тем многочисленные лакуны и противоречия правовой сферы затрудняли проведение конструктивной политики в отношении религиозных объединений. Методом проб и ошибок демократическое российское государство пыталось в непростые 1990-е выстроить систему взаимодействия с религиозными структурами, выработать принципы государственно-конфессиональной политики, которые затем легли в основу федерального «Закона о свободе совести и религиозных объединениях» 1997 года.

Литература:

1. Записка «О религиозной обстановке в КЧР в 1993 году». (Личный архив автора).
2. Записка «О религиозной обстановке в КЧР в 1997 году». (Личный архив автора).
3. Записка «О состоянии государственно-церковных отношений в Карачаево-Черкесской республике [в 1992 г.]». (Личный архив автора).
4. Информация Главе Администрации Зеленчукского района т.Ярышеву В.Д. [1993 г.] (Личный архив автора).
5. Информация о взаимоотношениях государства и религиозных объединений в Карачаево-Черкесской республике по состоянию на 01.01.1996. (Личный архив автора).
6. Информация о государственно-церковных отношениях в КЧР по состоянию на 31.12.1996. (Личный архив автора).
7. Информация о деятельности религиозных объединений на территории КЧР по состоянию на 01.01.1995. (Личный архив автора).
8. Информация о количестве религиозных объединений в Карачаево-Черкесии от 12.01.1990. (Личный архив автора).
9. Информация о сети религиозных объединений в КЧР по состоянию на 20.10.1996. (Личный архив автора).
10. Информация Уполномоченному Совмина КЧР по связям с религиозными организациями Проваторову Н.Г. [1993 г.] (Личный архив автора).
11. О состоянии государственно-церковных отношений в Карачаево-Черкесской республике [в 1992 г.] (Личный архив автора).
12. Центр документации новейшей истории Карачаево-Черкесской Республики (ЦДНИКЧР). Ф.П-1. Оп.68. Д-369.

УДК 323.1

***Кубанова Лиана Владимировна**
Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований,
ведущий научный сотрудник, г. Черкесск, Россия,
E-mail: lianakubanova@mail.ru*

РЕЛИГИЯ И ЭТНИЧНОСТЬ В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)

***Аннотация:** В статье проанализированы этнические и религиозные особенности Карачаево-Черкесской Республики. Данные социологических опросов, проведенных в 2015–2018 годах, свидетельствуют о готовности и потребности населения в позитивном восприятии этнокультурного разнообразия. Несмотря на полиэтничность и поликонфессиональность, в республике фиксируется довольно высокий уровень общегражданской идентичности.*

***Ключевые слова:** религия, этничность, идентичность, этнокультурное разнообразие*

***Kubanova Liana Vladimirovna**
Karachay-Circassian Institute for Humanities research,
Leading Researcher, Cherkessk, Russia,
E-mail: lianakubanova@mail.ru*

RELIGION AND ETHNICITY IN THE KARACHAY-CIRCASSIAN REPUBLIC: REGIONAL SPECIFICITY (ACCORDING TO SOCIOLOGICAL SURVEYS)

Abstract: The article analyzes the ethnic and religious characteristics of the Karachay-Circassian Republic. The data of sociological surveys conducted in 2015-2018 indicate the willingness and needs of the population in a positive perception of ethno cultural diversity. Despite the multi-ethnic and multi-religious nature of the republic, a fairly high level of general civil identity is recorded.

Key words: religion, ethnicity, identity, ethno cultural diversity

Этничность в современном мире сохраняет свою значимость. В условиях культурной унификации и глобализации этничность остается тем социальным и культурным пространством, где человек может выразить свою уникальность и соприкоснуться с традицией. В сравнении с национально-гражданской идентичностью, этническая идентичность более плотно связана с повседневностью. Участвуя в процессах социального категоризирования, выражающегося в «приписывании» окружающих к какой-либо устойчивой социальной категории (в данном случае этнической, региональной, религиозной или культурной), этничность особым образом маркирует общественное пространство, очерчивает этнические границы и участвует в формировании социальных дистанций, выступает одним из индикаторов политических настроений [8, с. 119]. Вместе с тем, этническая и религиозная жизнь – это в малой степени «территория ответственности» государства. В общественном сознании населения национальный/этнический вопрос всегда считался очень важным, в том числе и в политическом отношении.

Этническая идентичность для современного человека во многом реализует потребность в принадлежности к устойчивой макро-общности, помогает бороться с социальным отчуждением, поддерживает чувство исторической преемственности и причастности к достижениям «своей» этнической общности. Как чувство общности с людьми своей национальности этническая идентичность – серьезный фактор общественной динамики. Она может выступать в качестве позитивного ресурса общественной консолидации, ориентировать людей на долгосрочные цели развития своей страны или республики, но также может вовлекаться в деструктивные общественные процессы, дестабилизировать ситуацию в условиях социальной напряженности [8, с. 123].

Карачаево-Черкесская Республика представляет собой полиэтничное и поликонфессиональное общество. Анализ итогов переписей в КЧР 2002 и 2010 годов показывает, что этническое разнообразие закономерно больше в городских округах, нежели в муниципальных районах.

Таблица №1

**Национальный состав населения по муниципальным районам
и городским округам КЧР**

	Карачаевцы	Русские	Черкесы	Абазины	Ногайцы
г. Черкесск	16,4 %	54,7 %	13,2 %	8,2 %	1,5 %
г. Карачаевск	75,3 %	17,3 %	1,7 %	0,6 %	0,2 %
Абазинский район	1,9 %	4,1 %	5,0 %	87,1 %	0,4 %
Адыге-Хабльский район	6,1 %	10,0 %	39,4 %	30,0 %	4,6 %
Зеленчукский район	33,1 %	62,3 %	0,3 %	0,1 %	0,1 %
Карачаевский район	85,7 %	3,4 %	5,0 %	0,2 %	0,0 %
Малокарачаевский район	87,5 %	2,2 %	0,1 %	7,8 %	0,3 %
Ногайский район	1,0 %	12,4 %	3,1 %	1,7 %	76,7 %
Прикубанский район	75,7 %	17,7 %	0,6 %	0,6 %	0,5 %
Урупский район	18,3 %	77,6 %	0,4 %	0,1 %	0,1 %
Усть-Джегутинский район	69,3 %	21,9 %	0,9 %	4,4 %	0,2 %
Хабезский район	0,3 %	0,6 %	95,5 %	1,2 %	2,0 %

Но городских поселений в регионе сравнительно немного, всего четыре. Большая часть населения проживает в сельской местности, как показывают данные переписи, во многих случаях эти поселения полиэтничны. К ним относятся: Адыге-Хабльский, Зеленчукский, Прикубанский, Урупский и Усть-Джегутинский районы. Есть и моноэтнические районы с преобладанием представителей одного этноса: Абазинский, Карачаевский, Малокарачаевский, Ногайский, Хабезский. В условиях повседневного этнического смешения, в муниципальных районах и городских округах проживает порядка

326,8 тыс. человек, что говорит о факте преимущественной полиэтничной местности в Карачаево-Черкесии.

Сравнительные данные переписей населения 1959, 1979, 1989, 2002 и 2010 годов свидетельствуют о том, что в республике происходят изменения этнического состава населения. Это касается как численного состава этносов, так и мест их расселения.

Этническое разнообразие неотделимо от процессов этнического смешения. Проживание в полиэтничной среде накладывает отпечаток на многие аспекты общества, в том числе и на уровень владения родными языками. Актуализация этнического самосознания в 1980–1990-х гг. позволила народам Карачаево-Черкесии создать условия для развития своих этнических культур. Языки титульных этносов имеют статус государственных. Появились СМИ на языках титульных национальностей. Возникли этнонациональные общественные объединения. Со второй половины 1990-х гг. начался подъем религиозного сознания и рост этноконфессиональных идентичностей. В Карачаево-Черкесии проблемы сохранения и развития родных языков часто являются предметом общественного дискурса. Обсуждение языковой политики на протяжении всего 2018 года было вызвано изменениями в Закон «Об образовании в Российской Федерации», которые касались свободного выбора при изучении родного языка из числа языков народов России [6].

Таблица №2

Владение языками в КЧР

Языки	Численность населения	Численность лиц, владеющих языками	Численность лиц, владеющих языками
Абазинский	36919	34373	93,1
Кабардино-Черкесский	56466	58298	103,2
Карачаевский	194324	187068	96,3
Ногайский	15654	15415	98,5

Статистические данные [2] свидетельствуют о том, что уровень владения родными языками в республике довольно высокий, что является свидетельством укрепления национального самосознания.

В то же время вызывают беспокойство данные проведенного в 2018 году социологического опроса среди учащейся молодежи, которые показали, что всего лишь две трети опрошенных (65,5%) при общении с друзьями, знакомыми используют родной язык. Причем 8,5% опрошенных указали два родных языка, а 2,5% респондентов указали три родных языка. Среди причин, по которым молодые люди не общаются с окружающими на родном языке, были названы:

- не знаю (мало знаю) родной язык – 10%
- окружающие не знают моего языка – 22%
- испытываю стеснение при использовании родного языка – 2,5%

Результаты проведенных социологических опросов, реализованных в КЧР в рамках различных проектов Распределенного научного центра Министерства образования и науки РФ в период с 2015 по 2018 годы показывают, что в Карачаево-Черкесии довольно высока готовность и потребность позитивно воспринимать этнокультурное разнообразие [4].

Результаты опросов свидетельствуют о сохранении общественного запроса на изучение национальных языков и предметов этнокультурной направленности. Характерен высокий уровень поддержки населением этнокультурного образования, такая форма образования имеет массу положительных социальных эффектов, включая формирование общественно ориентированной личности с высокой гражданской ответственностью и уважительным отношением к окружающим культурам и языкам. При этом преодолеваются негативные этнические стереотипы, и в целом снижается межнациональная напряженность.

В ходе опроса, проведенного среди учащейся молодежи в 2018 году, выяснилось, для чего нужны знания о народной культуре. Были получены следующие ответы:

- эти знания не нужны – 1,3%
- знания нужны для ознакомления – 15,3%

- нужны для получения специальных навыков и умений, которые пригодятся в жизни - 32,3%
- нужны для сохранения традиций – 66,3%
- нужны, чтобы чувствовать принадлежность к своему народу – 43,7%
- эти знания нужны всем, кто любит родной край – 36,7%
- такие знания нужны всем гражданам России – 22,3%.

Полученные результаты говорят о том, что, по мнению большинства молодых людей, знания о народной культуре нужны для сохранения традиций и чтобы чувствовать принадлежность к своему народу.

Несмотря на относительно спокойную межэтническую и межконфессиональную обстановку в республике, по данным опроса среди молодежи выяснилось, что 5,5% опрошенных за последний год испытали негативное к себе отношение из-за языка, на котором они говорят, 6,5% – из-за национальности, 5,5% – из-за религии.

В последние годы повысилась значимость религиозного фактора и религиозных идентичностей. Религиозные интенции прорываются в личную жизнь и коллективное поведение, соблюдения определенных обрядов является проявлением идентификационных оснований [3, с. 171–174]. В последние годы религия стала играть определяющую роль в формировании позитивного отношения к другим культурам, религиям и стилям жизни. В Карачаево-Черкесской Республике доминирующими конфессиями являются ислам и православие. Мусульманские организации входят в состав Духовного управления мусульман Карачаево-Черкесской Республики, Православные организации – в состав Пятигорской и Черкесской епархии Русской православной церкви. По данным за 2017 год в республике зарегистрировано 172 религиозные организации [1, с. 4].

В республике проводится взвешенная государственно-конфессиональная политика. Представители духовенства регулярно выступают на местном телевидении и радио. Национальные телевизионные редакции ежемесячно готовят передачи религиозной тематики. В соответствии с государственной программой «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике на 2014–2019 годы» обеспечивается участие мусульманских и православных религиозных организаций в проведении семинаров, конференций, встреч, способствующих межкультурному диалогу, противодействию этническому и религиозному экстремизму, особенно в молодежной среде. В республике налажен опыт сотрудничества религиозного, научного и педагогического сообщества. Мероприятия проводятся, как на муниципальном, так и на региональном уровнях. Лидеры ДУМ КЧР и Пятигорской и Черкесской епархии РПЦ активно участвуют в общественно-политической жизни республики. В свою очередь региональные и муниципальные органы власти оказывают поддержку в организации и проведении значимых для конфессиональной сферы мероприятий. Представители мусульманской уммы и православных организаций принимают совместное участие в проведении мероприятий, посвященных памятным для народов республики датам. Между конфессиями налажены конструктивные гармоничные отношения. Практикуются взаимные поздравления с религиозными праздниками, крупные религиозные праздники объявляются Указами Главы КЧР выходными днями.

Данные социологических опросов подтверждают рост интереса жителей КЧР к религии, правилам адата, шариата, а также к практикам и принципам православия. Согласно полученным данным в ходе социологического опроса, проведенного в 2018 году две трети опрошенных считают себя верующими людьми, почти треть респондентов считают себя скорее верующими, чем неверующими людьми, всего 6% опрошенных относят себя к неверующим и скорее неверующим, чем верующим.

Данные экспертного опроса по вопросам национально-культурного и этноконфессионального самоопределения народов Карачаево-Черкесской Республики [7] свидетельствуют о том, что респонденты под этноконфессиональным самоопределением понимают: следование культурным традициям и религиозным верованиям своего народа (35%), возможность свободного выбора религии и веры, либо выбора нерелигиозного мировоззрения (30,9%), путь к духовности через знание постулатов и догматов конкретной религии (14,4%); необходимость определиться с принадлежностью к определенной религии (10%); непосредственное участие в жизни соответствующей религиозной общины (6,2%). Большинство экспертов подчеркивают, что важнейшим в этноконфессиональном самоопределении является следование культурным традициям и веро-

ваниям своего народа и свободного выбора религии. Большинство экспертов (43,2%) наиболее значимым в реализации этноконфессионального самоопределения считают возможность вести нравственный и духовный образ жизни; 34,7% – возможность приобщить к религии предков своих детей; 10,5% – возможность найти ответы на сложные вопросы в общении со священнослужителями.

Интересными представляются полученные данные о сложившихся стереотипах среди молодежи республики по отношению к людям другой религии. Почти половина опрошенных ощущают по отношению к ним интерес (43%), чуть более половины опрошенных (51%) равнодушны к таким людям, 6% не хотят общаться с людьми, отличающимися от них религиозной принадлежностью, треть респондентов (31%) готовы поддержать этих людей, четвертая часть опрошенных (25%) чувствуют для себя новые возможности от общения с людьми другой религии, немного меньше (22%) готовы доверять таким людям.

В Карачаево-Черкесии между этнонациональными и религиозными факторами прослеживается тесная связь. Религиозное многообразие является определенным культурным резервуаром, обеспечивающим устойчивость и специфику Карачаево-Черкесской Республики. Согласно проводимым исследованиям жители Карачаево-Черкесии, придерживающиеся установок этнической солидарности, демонстрируют позитивное, оптимистичное восприятие развития России, установки лояльности государству и обществу, любовь к Родине.

В настоящее время этничность остается важной в глазах жителей республики, но она постепенно занимает «равностатусное» положение в иерархии макроидентичностей и соединяется с российской идентичностью как чувством общности со всем многонациональным российским народом или уступает ей место. Согласно данным массового опроса, проведенного в Карачаево-Черкесии 2018 году, большинство опрошенных (80,7%) считают, что окружающие в повседневной жизни их должны воспринимать как граждан страны, пятая часть (22,3%) считают, как представителей отдельной национальности и десятая часть респондентов (10%) считают, что их должны воспринимать как жителей отдельных регионов. Академик В.А. Тишков отмечает, что общероссийская идентичность это – «солидарность и повседневная лояльность, чувство принадлежности к одному народу и признание государства своим» [5, с.66]. Одним из основных компонентов гражданской (так же как и этнической) идентичности является представление об общем историческом прошлом. Через культуру и версию общего исторического прошлого формируется и представление о национальных интересах, любовь к Родине. Гражданская идентичность является ресурсом сплоченности полиэтнического пространства и имеет очевидные основания в чувстве сопричастности к гражданам России, солидаризации по основным ценностным основаниям и формирующемся чувстве гражданской ответственности, подкрепляется благоприятными межэтническими установками.

Этнические и религиозные традиции в Карачаево-Черкесской Республике, их разнообразие и взаимосвязь обуславливают иерархии идентичностей. Как этничность, так и религия формируют определенные культурные особенности мировосприятия и поведения, которые опираются на длительный опыт взаимодействия и взаимовлияния представителей разных культур и верований в рамках республики. Анализ социологических опросов, проведенных в Карачаево-Черкесии, позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на этническое и религиозное разнообразие жителям присуща общая идентичность - чувство причастности к своей стране, общей исторической памяти и культуре.

Литература:

1. Ежегодный доклад Общественной палаты КЧР «О состоянии гражданского общества в Карачаево-Черкесской Республике и роли Общественной палаты в его развитии» (2017 год). Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://palatakchr.ru/wp-content/uploads/2018/04/Doklad-OP-KCHR-.pdf>
2. Итоги всероссийской переписи населения по КЧР: т.3. Национальный состав и владение языками, гражданство. Карачаево-Черкесскстат. – Черкесск, 2013.
3. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М., Издательство «Весь Мир», 2015.
4. Социологические опросы проведены в рамках проектов, разработанных учеными Института этнологии и антропологии РАН и РОО «Сеть этнологического мониторинга и раннего пре-

дупреждения конфликтов (EAWARN)» под руководством академика В.А. Тишкова. Проекты были реализованы в трех федеральных округах: Приволжском, Южном (в том числе в Крыму), Северо-Кавказском федеральных округах Российской Федерации. Результаты проектов направлены на мониторинг состояния этнокультурной и языковой среды в регионах изучения, выявление конкретных практик органов власти и управления, общественных организаций - институтов гражданского общества, в профилактике межэтнических и межконфессиональных противоречий, в сфере политики, власти, в сфере культурных ценностей, традиций, социальных практик, а также в сфере обеспечения гражданского компонента гуманитарного образования.

5. Тишков, В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013.
6. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» №273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2018 года. Электр. ресурс. – Режим доступа: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru>.
7. Экспертный опрос проводился на территории Карачаево-Черкесской Республики (КЧР) с 25 мая по 12 июня 2017 г. в соответствии с задачами проекта № 31.9430.20УИМ по Государственному заданию Министерства образования и науки РФ «Национально-культурное и этнорелигиозное самоопределение адыго-абхазских и тюркских народов на Северном Кавказе, в Крыму в условиях упрочения гражданского единства российской нации». В качестве экспертов выступили работники органов государственного и муниципального управления, представители религиозных организаций, руководители и активисты национально-культурных организаций и автономий КЧР, представители республиканских СМИ и научного сообщества.
8. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 561с.

УДК 78.072.3

Мамедова (Сарабская) Рена Азер кызы
доктор искусствоведения, профессор,
зав. отделом «Взаимосвязи искусств»
Института архитектуры и искусства
Национальной Академии наук Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан,
E-mail: renasarabskaya@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА

Аннотация: В данной статье представлены некоторые факты из истории азербайджанского музыкального театра. Представлены архивные документы, характеризующие историю архивного начала XX века в Баку.

Ключевые слова: музыка, театр, история, культура, опера

Mammadova (Sarabskaya) Rana Azer kizi
Doctor of art, professor, head of department “Interrelation of arts”
of Institute of Architecture and Art
of Azerbaijan National Academy of Sciences
Baku, Azerbaijan
E-mail: renasarabskaya@mail.ru

FROM THE HISTORY OF AZERBAIJAN MUSICAL THEATRE

Abstract: Some historical facts from the history of Azerbaijan musical theatre are presented in this article. Archive documents characterizing the history of criticism of the beginning of the XX century in Baku are presented too.

Key words: music, theatre, history, culture, opera

История азербайджанского музыкального театра примечательна многими интересными фактами, памятными событиями.

В газете «Каспий» от 13 марта 1912 года рецензия Кубали, которая безусловно, носит субъективный характер, ибо в ней автор не выбирая выражений, клеймит новое творение Уз.Гаджибекова оперу «Шах Аббас». Называя У. Гаджибекова «первым и даже единственным композитором», Кубали в то же время считает, что «опера составлена из старых персидских мотивов, исполняемых тарой». Именно под ее аккомпанемент в опере звучат «серьезные части произведения». Что же касается мелодий, исполняемых оркестром, то мотивы эти «смахивают на европейскую музыку», вследствие чего для большинства мусульман остаются непонятными. По его мнению, необходимо писать «оригинально, красиво и в восточном вкусе», дабы найти понимание у мусульманского зрителя. Увлекаясь своей критикой, Кубали обвиняет Гаджибекова во всех неудачах театрального сезона 1912 г., считая, что композитор создает свои произведения лишь на основе заимствования всего «оригинального», имеющегося в восточной музыке. И успех его первой оперы «Лейли и Меджнун» критик объясняет именно данным обстоятельством. Более того, Кубали награждает национальную музыку эпитетом «скудная», подчеркивая, что в последующих сценических сочинениях У.Гаджибеков уже не имел возможности что-либо использовать «из скудной восточной музыки», следствием чего и стала их неудача.

Думается, что своеобразный интерес представляет полный текст отзыва Кубали, столь негативно воспринявшего новое творение У.Гаджибекова:

ТЕАТР И МУЗЫКА МУСУЛЬМАНСКАЯ ОПЕРА

10 марта в театре-цирке бр. Никитиных была поставлена новая опера У. Гаджибекова. Сюжет оперы заимствован из восточного сказания «Ремесло», переданного М.-б. Гаджинским в газете «Каспий». Содержание этого сказания таково. Шах Аббас, один из выдающихся персидских царей, желая угодить своей возлюбленной Хуршид Бану, обучается ткацкому искусству, которое в тяжелую минуту его жизни оказывает ему большую услугу; благодаря этому своему искусству он спасается от смерти и освобождает своих подданных от гибели.

У. Гаджибеков является первым и даже единственным композитором. Первым его трудом была опера «Лейли и Меджнун», которая дала ему громкое имя. Эта опера, несмотря на некоторые недостатки, очень понравилась публике и благодаря этому была много раз представлена при полных аншлагах, таким успехом пользуется и сейчас. Однако то, что можно сказать о первой опере, нельзя говорить о последующих операх нашего композитора: «Рустам и Зораб», «Шейх-Сенем» и «Шах Аббас и Хуршид Бану» в музыкальном отношении не представляет ничего нового и оригинального. Эта опера составлена из старых персидских мотивов, исполняемых тарой (но не оркестром), под аккомпанемент которой поются самые серьезные места в опере. Мотивы же, исполняемые оркестром, смахивают на европейскую музыку и потому для большинства мусульманской публики остаются непонятными, хотя и эти последние не оригинальны. Нам знакомы произведения многих европейских композиторов на восточные мотивы, которые оригинальны и для восточного слуха приятны. И потому обвинения, брошенные мусульманской публике в непонимании европейской музыки, не выдерживают критики. Нужно писать оригинально, красиво и в восточном вкусе, и тогда, конечно, мусульманской публике будет понятно все.

К сожалению, У. Гаджибеков этими качествами не обладает. Успех же его первой оперы «Лейли и Меджнун» мы склонны приписать только тому, что все оригинальное, имеющееся в восточной музыке, было им использовано для этой оперы. В дальнейшей своей работе У. Гаджибеков этими качествами не обладает. Успех же его первой оперы «Лейли и Меджнун» заключается, на наш взгляд, в том, что он сумел использовать в своей опере все оригинальное, имеющееся в восточной музыке. В дальнейших произведениях У. Гаджибеков не сумел создать ничего выдающегося, что отразилось на его последующих операх, которые считаются не совсем успешными. Одной же из главных причин успеха «Лейли и Меджнуна» служит еще либретто знаменитого поэта Физули. У. Гаджибеков совершенно не может писать либретто. Он не поэт, а для того, чтобы получилось музыкально, нужно писать поэтично. Благодаря отсутствию поэзии не получается гармонии между музыкой и текстом.

Исполнение было удовлетворительное. Выделились только Сарабский в роли Шах Аббаса и Трегулов в роли повара.

Кубали [1]

Теперь обратимся к другой рецензии. 18 мая 1912 года в театре бр. Маиловых состоялась вторая премьера этого года – оперы «Асли и Керем» У. Гаджибекова. Сегодня в театре бр.Маиловых идет новая опера У-б.Гаджибекова «Асли и Керем» (народное предание). Опера идет с участием Сарабского, для мусульманок имеются закрытые ложи [2]. Через два дня после премьеры в газете «Баку» была опубликована заметка, содержащая критический обзор постановки. Ее автор подчеркивает, что уже в день премьеры спектакля многие были уверены в том, что новая опера Гаджибекова является лучшим его творением в области музыкального театра.

Сюжет оперы взят У. Гаджибековым из народного эпоса. Роман-легенда повествует о том, как сын исфаганского шаха влюбляется в иноверку. После долгих злоключений Керем, найдя Асли, касается ее и умирает, «сгораемый огнём любви». Самоубийством заканчивает свою жизнь и Асли.

По мнению автора, кроме сюжета народного эпоса, г. Гаджибеков позаимствовал у народа и его мелодии, но прекрасно их обработал и мастерски распределил «в смысле их характеристики для каждого отдельного момента в действии для каждого действующего лица». Автор, в отличие от Кубали, считает, что в оркестровке мелодий Гаджибеков проявил умение «европеизировать» восточные мотивы, которые, в то же время, не потеряли своего своеобразия и прелести.

Опера прошла «великолепно во всех отношениях». Шумный успех выпал на долю Сарабского и Агдамского в ролях Керема и Асли, отличающихся «чудными» голосовыми данными и хорошей игрой.

На высоте был оркестр и хор, в котором участвовало 5–6 женщин. Театр был переполнен. Гаджибеков, по мнению критики, «удостоился шумных, вполне заслуженных им, оваций», артисты вынесли его на сцену на своих плечах. По просьбе публики, через несколько дней опера вновь прошла с успехом на той же сцене. Приведем весь текст рецензии.

ТЕАТР БР. МАИЛОВЫХ «АСЛИ ВЕ КЕРЕМ»

Я не видел всех опер г. Узеир-бека Гаджибекова, но в день постановки «Асли ве Керем» в театре Маиловых, 18 мая, многие говорили, что эта опера превосходит все, что вышло из под пера нашего молодого композитора.

Сюжет оперы взят из народного эпоса – это роман-легенда о том, как сын могущественного исфаганского шаха влюбляется в дочь армянского священника, которая отвечает взаимностью. Шах согласился на брак своего единственного сына с его возлюбленной. Старик-священник, однако, упорствует, не желая выдать дочь за человека чужой религии, если даже он принц. Вместе с дочерью он тайком бежит из своего дома, оставляет Персию и поселяется в турецком городе Халаф. В поисках возлюбленной Керем, после долгих странствований, лишений и невзгод, приходит в тот же город, находит Асли, домогается руки ее, но при первом же прикосновении к ней умирает, «сгораемый огнем любви». Тут же заканчивает жизнь самоубийством и Асли.

Эта поэма имеет за собою многовековую историю. Ее знают во всех уголках Закавказья и в разных вариациях поют деревенские ашуги-народные певцы.

Займствовав из народного эпоса сюжет своей оперы, г.Гаджибеков позаимствовал у народа и его мелодии, но прекрасно их обработал, умело распределил, в смысле их характеристики для каждого отдельного момента в действии и для каждого действующего лица, и в оркестровке мелодий проявил удивительное умение «европеизировать» восточные мотивы, не лишая их, в то же время, прелести своеобразных, им одним только присущих, оттенков.

Прошла опера великолепно во всех отношениях [3].

Вторая постановка оперы также закончилась аншлагом, о чем свидетельствует зритель, который выражает свое мнение на страницах газеты «Каспий» от 30 мая 1912 г.

В зале в тот день было много европейцев, которых заинтересовали творческие «попытки» У.Гаджибекова обновить восточную музыку таким образом, чтобы она, не теряя своей самобытности, стала понятна и для европейского слуха. Автор заметки

особо отмечает настроение публики, активно соперечающей происходящему: «Звуки отчаяния и горького сожаления слетали с тысячи уст, были, конечно, и слёзы»[4]. Автор заметки особо подчеркивает, что музыка «Асли и Керем» словно извлечена из народной среды и обработана. Однако, по его мнению, здесь нет слепого подражания европейским образцам, «замысловатых, классических переходов», как, скажем, в ранних операх. Автору запомнилась «красивейшая» музыка в минорном тоне – интродукция к IV акту.

Артисты были великолепны. Среди участников спектакля были названы Сарабский, вынесший на плечах «всю тяжесть пьесы», его «добросовестный» партнер Агдамский, Г.Ахвердов, обладавший «чудным басом», Геокчайлинский, умело спевший «Хумаюн», и другие. Театр был полон, в зале было значительное количество дам разных национальностей. Артисты пьесы были награждены долгими несмолкающими аплодисментами.

ТЕАТР И МУЗЫКА «АСЛИ ВЕ КЕРЕМ»

Прозвучавшая во второй раз в понедельник в театре бр. Маиловых новая опера У.-б. Гаджибекова собрала полный зал зрителей. Среди зрителей в театре присутствовали армяне и европейцы. Сюжет оперы играет в ее успехе не меньшую роль, чем музыка.

Старинное народное предание о двух несчастных влюбленных, Кереме и Асли, оставившее значительные следы в народной литературе и народной музыке, является довольно привлекательной для всех темой. Любовь, доведшая царского сына до ранга «ашига» (менестрели), странствующего по всему свету в поисках за своей потерянной возлюбленной, любовь, от полноты которой несчастный скиталец сгорел «живьем» в момент, когда союз с возлюбленной был уже близок, любовь, доведшая любящую до самоубийства на трупе своего царственного возлюбленного, – эта тема как раз подходит к душевному настроению человека, притом сына Востока. Тема, облеченная в красивую музыкальную форму, хватает зрителя за душу. Было заметно, как внимательно следила публика за перипетиями этой тяжелой и красивой трагедии, как она волновалась и как выражала радость, какой болью отзывались на ее душе жалобы героя и героини! Звуки отчаяния и горького сожаления слетали с тысячи уст, были, конечно, и слезы.

Все это доказывает, как близко публика принимает к сердцу все то, что происходит на сцене. Нужно отдать должное автору музыки «Асли ве Керема». Здесь, в подлинно народной опере пасторального жанра, нет места тем громовым звукам, или замысловатым, классическим переходам, которые встречаем, например, в «Лейли и Меджнуне» и «Шейх-Санане».

Интродукция к четвертому акту, так искусно примененная к последующим мотивам, считается одним из красивейших этюдов в минорном тоне. Довольно красивы также и мотивы, составленные для женских голосов.

Отметим, что опера «Асли ве Керем» заняла самое высокое положение среди произведений талантливого композитора.

Из участников, следует выделить прежде всего г. Сарабского в роли героя пьесы Керема. Великолепным партнером г.Сарабского был г. Агдамский в роли героини Асли. Артист этот, обладающий чудным голосом, так увлекает слушателя, что впечатление, производимое заменой женщины мужчиной, совершенно сглаживается. Г.Терегулов в роли армянского священника, отца Асли, сыграл свою роль превосходно.

Исфаганский царь, отец Керема (г.Мамедов) несмотря на свой возраст, прекрасно держится на сцене. Г.Ахвердов (паша) обладает чудным басом. В этой связи следует отметить, что все артисты были выбраны не случайно, им удалось идеально воссоздать и мастерски передать сюжет пьесы. Театр и прежде всего постановка музыкально-сценических сочинений У.Гаджибекова органично вошли в культурную жизнь бакинцев в 1913 году [4].

ТЕАТР И МУЗЫКА. МУСУЛЬМАНСКАЯ ОПЕРА

5 апреля в театре Тагиева о-во «Ниджат» справляло бенефис талантливого баритона оперной труппы театральной секции «Ниджата» М.Х. Терегулова.

Терегулов, пользующийся симпатиями мусульманской публики, в честь своего бенефиса показал постановку оперы У.-Б. Гаджибекова «Шах Аббас ит Хуршид Бану». Имя популярного артиста привлекло в театр много публики, устроившей Терегулову шумные овации. Опера была представлена довольно хорошо... Художественная игра бенефицианта в роли Муставера произвела приятное впечатление. Из остальных исполнителей прекрасно выступили: г.г. Сарабский, Мамедов и, в особенности, г. Агдамский.

При появлении бенефицианта ему были преподнесены подарки и адреса от имени «Ниджата», товарищей артистов и др. Публики было много. А.Юс.[5]

Субъективный оттенок носит рецензия Кубали, помещенная в газете «Каспий» [6]. Последний, назвав оперу У.Гаджибекова «самой бледной из всех наших существующих опер», считает, что ее либретто обладает «громкими дефектами в тексте». Высказав незаслуженные упреки в адрес автора музыки, критик в то же время согласен с тем, что постановка была вполне удачной и участники спектакля хорошо провели свои роли. Приведем фрагмент его рецензии: несмотря на все дефекты в опере, исполнители достойно сыграли свои роли. В заглавной роли Шах-Аббаса выступил Сарабский, по обыкновению выступивший прекрасно. Особенно выделялся бенефициант Терегулов. Можно сказать, что в опере есть одна удачно созданная партия, и это партия Муставера (трактирщика). Вряд ли кто-нибудь мог бы исполнить эту партию, если бы не было Терегулова.

В маленькой роли дровосека выделился Багдатбеков, артист с приятным голосом. Неудачно была проведена роль Хуршид Бану в исполнении Агдамского. Недурен был в роли визиря Мамедов. Постановка была на этот раз вполне удачной, и это заслуга Г.Р. Шарифова.

Оркестром прекрасно дирижировал Муслим-бек. Бенефицианту были поднесены: адрес, ценные подарки и в конверте денежная сумма от Г.З.А. Тагиева. Театр был полон [6].

Таким образом, несмотря на определенную критику, история расставила все на свои места. Имя У. Гаджибекова – первого классика азербайджанской национальной музыки, стоит у истоков зарождения первых форм композиторского творчества и, прежде всего, жанра оперы и музыкальной комедии. А его сценические произведения по-прежнему имеют большой успех на мировых сценах.

Литература:

1. Газета «Каспий» № 59 от 13 марта 1912 года.
2. Газета «Каспий» № 110 от 18 мая 1912 года.
3. Газета «Баку», № 112 от 20 мая 1912 года.
4. Газета «Каспий» № 120 от 30 мая 1912 года.
5. Газета «Баку» № 79 от 7 апреля 1913 года.
6. Газета «Каспий» № 78 от 7 апреля 1913 года.

УДК 78.03

Мир-Багирзаде Фарида Алтаевна
Институт Архитектуры и
Искусства Национальной Академии Наук Азербайджана,
доцент по эстетике, доктор философии в области искусствоведения,
ведущий научный сотрудник отдела «Изобразительные,
декоративно-прикладные искусства и геральдика»,
г. Баку, Азербайджан
E-mail: faridamb2013@gmail.com

ИСТОРИКО-СТИЛЕВЫЕ, СИМВОЛИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО МУГАМА

Аннотация. В статье представлен результат исследования мугама в азербайджанской музыке как категории лада, мелодии и жанра. Актуализируя проблему, автор приходит к выводу о том, что музыкальная мугамная память народа находит свое отражение и в современной музыкальной жизни Азербайджана, в частности в выставочном зале Центра имени Г. Алиева «Жемчужины Азербайджана» и Международном мугамном фестивале «Мир мугама».

Ключевые слова: традиция, мугам, элементы, речитатив, трио, теснифы, газели, ритм

Mir-Bagirzade Farida Altayevna
Associate Professor in Aesthetics,
Doctor of Philosophy in Area of art history,
leading scientific employee of the department «Fine,
Decorative and applied arts and heraldry»
Institute of Architecture and Art of ANAS,
Baku, Azerbaidjan
E-mail: faridamb2013@gmail.com

HISTORICAL, SYMBOLIC ASPECTS OF AZERBAICANI MUGHAM

Annotation. *The article presents the result of the study of mugham in Azerbaijani music as a category of fret, melody and genre. Actualizing the problem, the author comes to the conclusion that the musical mugham memory of the people is reflected in the modern musical life of Azerbaijan, in particular in the exhibition hall of the Aliyev Center «Pearls of Azerbaijan» and The international mugham festival «World of mugham».*

Key words: *tradition, mugham, elements, recitative, trio, tesnifs, gazelles, rhythm*

В азербайджанской музыкальной устной классической традиции мугам представляет особый уникальный жанр. В мугаме сочетаются такие элементы как многоголосие и вокальное исполнение, которое обычно сопровождается исполнением трио: таристом, кеманчистом, бубнистом, а также певцом-ханенде, на которого возлагается еще одна роль в качестве бубниста. Наряду с этим, в мугаме применяется импровизация речитативов в сочетании вокальными теснифами в ритме и музыкальными исполнениями трио – ренгами. Как известно, техника вокального исполнения мугама должна быть виртуозной. Справедливости ради отметим, что речитативное исполнение мугама опирается на такие известные лирические газели и произведения Низами, Насими, Физули, Мехсети, Хагани, Вагифа, среди поэтов Ближнего и Среднего Востока. Следует отметить, что азербайджанский мугам был достоин включения в 2008 году в список ЮНЕСКО и признан «шедевром устного и нематериального наследия человечества».

Для ясности картины отметим, что «мугам является собирательным термином, обозначающим один из крупных жанров традиционной музыки Азербайджана, распространенный на все разновидности форм мугама, хотя каждая из них обладает отдельным названием. Основные музыкальными формами, представляющие этот жанр принято считать дастгах (вокально-инструментальный или чисто инструментальный виды), мугам (вокально - инструментальный, сольный инструментальный и сольный вокальный виды) и зерби-мугам. Среди всех существующих в азербайджанской музыке мугамных форм самой крупной по масштабу и художественной идее можно выделить дастгах. Вокально-инструментальные дастгахы, как наиболее ранний вид этого музыкального жанра получили распространение в Азербайджане уже XIX веке, преимущественно, в таких городах, как Шуша, Шемаха, Баку, Гянджа, Лянкаран, Шеки. Первым, кто посвятил этому древнему жанру научный труд является азербайджанский учёный Мир Мохсин Навваба Карабаги. Именно он, в 1884 г. дал полное описание дастгахы, как циклической композиции, которая на основе четко определенных законов включает в себя образцы практически всех жанров мугамного искусства, в своем научном трактате «Визухиль аргам». Однако стабильных принципов формы дастгах, так и не приобрел до 1920-х гг., и поэтому еще некоторое время не было единой версии исполнения. В этой связи дастгах исполнялся в различной вариации, в частности карабахской, бакинской и шемахинской школ мугамного исполнительства. Спустя пару лет, а именно в 1922 году преподавание мугама подняли на более высокий уровень. С этого времени, обучение мугама было введено в учебные программы первого музыкального учебного заведения европейского типа, открытого в Баку. Такой конструктивный подход к обучению мугама с программным обеспечением привел в итоге к преобразованию структуры азербайджанских дастгахов и унификации традиций локальных школ. Но, на этом работа по совершенствованию преподавания мугама не остановилась. Так, под руководством видно азербайджанского общественного деятеля Узеира Гаджибекова (1885–

1948) группа талантливых музыкантов того времени (Мирза Фарадж Рзаев, Мирза Мансур Мансуров, Ахмедхан Бакиханов, Сеид Шушинский, Зульфи Адыгезалов) разработали краткие учебные варианты дастгяхов. Вместе с тем, еще в 1920–30-х гг., наряду с учебными версиями, продолжали существовать развернутые версии крупных мастеров – устатов того времени. Со временем исполнение сокращенных версий стало закрепляться в концертной практике, в радиовыступлениях и в граммафонных записях. К сожалению, многие мелодии, исполнявшиеся в составе азербайджанских дастгяхов в первых декадах XX века, к 1960-м – 70-м гг. были забыты. Если говорить о содержании, то, «Дастгях», как музыкальный термин, означает «комплект или совокупность тонов, ступеней». Основу этой формы составляет «комплект» нескольких определенных ладов – мугамов, различных в каждом дастгяхе, например, комплект ладов, входящих в состав дастгяха Раст, отличается от комплекта ладов дастгяха Чахаргях. В азербайджанской музыке форму дастгяха, то есть составного ладового цикла, могут иметь только перечисленные выше основные лады и их тональные варианты. Главное отличие формы дастгяха от формы мугама в том, что в основа музыкальной формы дастгяха опирается на систему из нескольких разных ладов-мугамов, тогда как сам мугам представляет собой музыкальную композицию в пределах одного лада - мугама со всеми его возможными тональными оттенками. На этой основе соответственно различаются масштабы дастгяха и мугама. Единственным исключением из этого правила является «мугам Рахаб, который, превратившись в процессе своей исторической инволюции из дастгяха в мугам, сохранил, до некоторой степени, ладовые и композиционные принципы дастгяха» [5].

Если выделить мугамы по их старшинству, то самым древним мугамом признан «Раст», которого называют матерью мугамов. Данный мугам дошёл до настоящего времени с сохранением названия, строя звукоряда и высоты тоники.

Так, по сведениям арабо-иранских и европейских музыкантов, в понимании древних греков каждое из семи небесных тел соответствовало одному из семи тонов, изобретённых Пифагором. Они выглядят следующим образом:

По - гречески :	По - араб-ирански :
1. ми – Луна	1. Нава
2. фа – Меркурий	2. Буселик
3. соль – Венера	3. Раст
4. ля – Солнце	4. Ирак
5. си – Марс	5. Ушшак
6. до – Юпитер	6. Зирафкянд
7. ре – Сатурн	7. Рахави» [3, с. 19–20]

Важно знать, что «культура мугама базируется на трёх столпах всеобщего знания, как истина, добро, красота, идущие от неба. Именно небо со своим звездным миром, луной, солнцем напоминает совершенный инструмент, издающий дивные, чарующие звуки, зовущие человека к слиянию, то есть к единству бытия и небытия» [1, с. 8].

Отметим также, что в искусстве мугама слово (калам) и музыка неразделимы между собой. На самом деле, если так можно выразиться, то мугам воспроизводится словами души. Примечательно, что в нём находит единение конкретное, общее и всеобщее. Музыкой движет человеческая энергия, его душа, и поэтому ей нужна большая мудрость, любовь, абсолютная гармония.

Кроме того, «мугам – деятельная, творящая, созидаящая любовь, а любовь – звучащая, говорящая музыка. Когда Мысль – Слово созревает и достигает философской зрелости, то обретает гармонию, мелодическое движение и музыкальную форму. Именно тогда свобода души и разума достигает своей наивысшей утонченности и гибкости» [1, с. 8].

Исследование показало, что в отличие от арабских и персидских мугамов, азербайджанские мугамы более архаичны в своей структуре, ибо они сохранили в своей основе форму философского осмысления единства бытия и небытия, в которой соблюдается тесная связь между восточной поэзией и музыкой в своём воплощении. Еще одним отличием азербайджанских мугамов является их лаконичность и свойственный им оригинальный символический подтекст, в котором отражается состояние слияния конкретного человеческого бытия во всеобщем абсолютном начале: Мугам Махур, Нава, Дюгях, Шур, Раст, Рахаб, Чаргях, Ирак, Хумаюн, Баяты Гаджар, Баяты Исфаган.

Не следует забывать о том, что термин «мугам» в азербайджанской музыке обозначает одновременно категории лада, мелодию и жанр. Сам термин поражает своей древностью и существует уже более 7 веков. Среди современных музыкантов, мугам используется в различных вариациях и достаточно широко. К примеру, в трактатах Абдулгадаира Марагаи, выдающегося азербайджанского теоретика, исполнителя и композитора XIV века, мугам применяется в отношении 12 основных ладов (Буселик, Нава, Ушшаг, Раст, Ираг, Исфахан, Зирафкянд, Бозург, Рахави, Хусейни и Хиджаз), распространённых в музыке средневекового Ближнего и Среднего Востока. В современной азербайджанской музыке мугамами называют не только семь основных ладов (Раст, Шур, Сегах, Чаргах, Баяты-Шираз, Хумаюн, Шуштер), но и их многочисленные тональные варианты (Махур, Дюгах, Баяты-Гаджар, Харидж Сегах, Орта Сегах, Мирза Хусейн Сегах, Йетим Сегах и проч.). В широком смысле термин мугам относят также к отделам (шобе) основных ладов, обозначая им только смысл лада. Наряду с этим, «мугамом» в современном музыкальном быту Азербайджана называют еще мелодии со свободной метрикой. Безусловно, под традиционным мугамным репертуаром рассматриваются различные типы исполнения, а именно мелодии импровизационного характера без определённого метра («бахрсиз хава»), мелодии с тактовой метрикой («бахрли хава») и мелодии в смешанном метре («гарышыг бахрли хава»). Однако, когда музыканта просят исполнить мугам, то под этим подразумевается исключительно «бахрсиз хава». В Азербайджане бытует мнение, что мелодический стиль мугама восходит к традиции распева Корана, однако некоторые ученые не согласны с такой подачей и считают, что истоки кроются в авестийской гимнической традиции. Несмотря на то, что ученые не едины во мнении о древности истоков мугамного мелодического стиля, они все поддерживают сакральность его происхождения» [5].

О значимости и актуальности мугама в жизни азербайджанского народа свидетельствует тот факт, что его совершенствование и дальнейшее развитие поддерживается на самом высоком государственном уровне. Так, в 2005–2008 годах по указу Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева в столице был выстроен международный центр мугама. Актуальная идея по созданию центра принадлежит азербайджанскому архитектору Вахид Гасым оглу Тансу и турецкому зодчему Ханиддин Уяк Этирне Ахмеду. Авторы идеи воплотили в архитектурном сооружении символическую цифру 8, обозначающую формулу бесконечности, а также изображение музыкального инструмента тара и его струн. В настоящее время в центре Мугама, как и во Дворце Республики имени Гейдара Алиева устраиваются конкурсы на лучшие мугамные голоса среди населения и Международные фестивали «Мир мугама». Конкурсы проходят систематически, начиная с 2009 г. (I), 2011 г. (II), 2013 г. (III), 2015 г. (IV), 2018 г. (V), на которых принимают участие певцы мугама с различных стран мира. Огромная роль в проведении международных фестивалей принадлежит президенту фонда имени Гейдара Алиева, послу доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО Мехрибан Алиевой. Принимают активное участие в этом направлении также Министерство культуры и Союз композиторов страны.

I-й фестиваль «Мир мугама», в 2009 году привлек внимание не только участников, но и народных артистов Азербайджана Мансума Ибрагимова, Алима Гасымова, Агахана Абдуллаева, Эльнура Ахмедова, Эльчина Гашимова, Исмаила Гамидова, Муниса Шарифова, Фируза Алиева, Фахраддина Дадашева, Мохлета Муслимова Нурия Гусейнова, Валеха Алекберова, Забита Набизаде, Замига Алиева, Валеха Алекберова, а также народных артисток Сакины Исмаиловой, Айгюн Байрамовой, Мелекханум Эюбовой.

II-ой фестиваль «Мир мугама», состоявшийся в 2011г. выявил новые яркие имена азербайджанских исполнителей мугама. Ими стали: Айтен Мамедова, Эхтирам Гусейнов, Нишана Бахышова, Бабек Нифталиев и Фаргана Гасымова. Помимо встреч на конкурсной основе, некоторые фестивали посвящаются памяти известных в Азербайджане деятелей искусства. К примеру, IV-й Международный фестиваль «Мир мугама» был посвящён памяти видного азербайджанского композитора и исполнителя Вагифу Мустафазаде. Фестиваль отличился тем, что азербайджанские ханенде мугама исполнили свои произведения и выступили в новой, композиторской оранжировке.

Немаловажную роль в актуализации мугамной памяти народа играют выставочные залы. В числе наиболее известной выставки можно выделить «Жемчужины Азер-

байджана», состоявшуюся в Центре имени Гейдара Алиева. Здесь были продемонстрированы музыкальные инструменты (уд, саз, кяманча, гавал, барабан, канон, тар.), используемые при исполнении мугама. Центр Гейдара Алиева был построен в 2006–2012 гг. по указу президента Азербайджана И.Г. Алиева. Для его строительства был приглашен лучший архитектор Багдада, лауреат Притцкеровской премии Захой Хадид. После завершения центр был признан одним из лучших зданий в мире и награжден премией 2014 года «Design of the Year». Захой Хадидом при строительстве был создан особый постмодернистский стиль без прямых линий, напоминающий волну, устремленную ввысь и сливающуюся с Землей, создающий некую бесконечность. В целом, центр представляет собой уникальное сооружение из самых различных геометрических форм – треугольника, прямоугольника, трапеции и параллелограмма.

Особое место в музыкальном искусстве азербайджанского народа издревле занимает азербайджанский струнный инструмент тар (саз, кеманча, уд). Корпус тара напоминает восьмерку, а изготавливают его из тутового дерева. Более древние виды тара отличаются от современных моделей только лишь количеством струн. Старинные тары имели 4–6 струн, а современные – 11–12. Относительно звучания тара можно отметить, что звук тара «бархатный» в нижнем регистре и звонкий в верхнем. Звук извлекается роговым или медным плектром, которым исполнитель зацепывает струны. Обычно тар используют как сольный, ансамблевый и оркестровый инструмент – что свидетельствует о его больших возможностях.

Следует отметить, что мелодический стиль мугама восходит к авестической гимнической традиций. Многие музыкальные инструменты Азербайджана входят в национальную сокровищницу Азербайджана. Основная часть этих инструментов отличается не только древностью их появления, но и своим разнообразием и насыщенностью. Как известно, среди азербайджанских струнных музыкальных инструментов наиболее сложным и совершенным по своим техническим и динамическим возможностям признан тар. Об этом, в свое время выдающийся композитор Узеир Гаджибеков, ссылаясь на технические исполнительские возможности и акустические свойства звучания тара, писал: «Среди музыкальных инструментов способных придать восточному музыкальному образованию большую широту, самым важным и ценным является тар». Следует остановиться и на древнем плектрном музыкальном инструменте, который составляет неотъемлемую часть ашугского творчества, продолжившего традиции озанов. Саз ценится еще и потому, что является одним из символов тюркского мира и тюркской духовности. Еще один струнный смычковый музыкальный инструмент заслуживает внимания – Кяманча. Для него характерно очаровательное, нежное и мелодичное звучание. Этот инструмент постоянно совершенствуется и продолжает радовать азербайджанский народ и в настоящее время. Кроме вышеназванных инструментов по мнению выдающегося азербайджанского композитора Узеир-бека, среди ударных инструментов, широко распространенных в наше время, заслуживают внимания *гавал*, отличающийся своеобразным звуком нагара, *гошанагара* и *дюмбек*. Кавал является мембранофонным инструментом, но, ему присущи признаки и идиофонного инструмента, так как к его обечайке, изготавливаемой из ореха, прикрепляются примерно 60–70 мелких медных колец. На обечайку надевается кожа осетра, дубленая особым способом. Металлические кольца, висящие на его обечайке, при встряхивании инструмента создают неповторимый тембр. Тонкость и прозрачность рыбьей кожи делает звук инструмента необычайно приятным. Исполнитель, держа гавал обеими руками, играет на нем пальцами» [2, с. 13].

Многие исследователи называют мугам символом бесконечности. И действительно, если бы можно было разом услышать современный мир – в геометрической цельности и прогрессии, если бы наша планета вдруг зазвучала как единая прекрасная мелодия, наверное, эта музыка была бы созвучна мугаму. По праву азербайджанский мугам можно назвать небесной музыкой. По мнению профессора Парижского национального центра научных исследований Жана Дюринга, мугам напоминает «пульс жизни» азербайджанского народа в преломлении исконных общечеловеческих истин о добре, красоте, вечности, он является носителем самых прекрасных качеств: привязанности к земле, корням, патриотизма, чувства национального достоинства, гостеприимства, доброты. Безусловно, тема духовности в мугаме играет основную роль. Ведь концептуальная основа мугама воплощает идею развития и совершенствования человечества, посредством ряда эмоциональных состояний («макамов») приводящих к его духовному освобождению и очищению. Ведь не зря в течение многих лет реализуется прекрасный

проект «Мугам и духовность», который проводится в Международном центре мугама в Баку и транслируется по телеканалу «Культура» [4, с. 4].

Таким образом, мугам можно ассоциировать с памятью народа и сравнивать с генетическим кодом азербайджанской культуры. Ведь не зря восточные народы находили в мугаме духовное совершенство через своё мышление и познание. Главное – это нравственная сторона, которая открывает двери к пониманию содержания мугама через его основные известные пути. Это, прежде всего, « путь к пониманию мугама, связанный с внешними признаками музыкального искусства, в частности структурой, тональностями, звукорядами, звукосочетаниями, и тем, что называется видимой музыкой. И путь, который является эзотерическим, то есть внутренним (невидимым), но слышимым, явно составляющим основу философского осмысления музыки на Востоке» [1, с. 8].

Литература:

1. Абдуллазаде, Г. Философская сущность азербайджанских мугамов / Г. Абдуллазаде. – Баку: Язычы, 1983. – 39 с.
2. Азербайджанский мугам. [https:// www. regeatravel. az/ru/tourdetail/50](https://www.regeatravel.az/ru/tourdetail/50)
3. Гаджибеков, У. Основы азербайджанской народной музыки [Текст] / У. Гаджибеков; Акад. наук Азерб. ССР. Ин-т азерб. искусства. – Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1945. – 112 с.
4. Иманов, В. Азербайджанская музыка, совершающая космическое путешествие, В. Иманов. [trend.az/life/ culture/ 2840856.html](http://trend.az/life/culture/2840856.html)
5. Газета «Trend news agency», 26 декабря 2017 года.
6. Культура. Азербайджанский мугам. <http://mct.gov.az/ru/azerbaydjanskaya-muzika>

УДК 930.2

Соловьева Наталья Георгиевна
Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета»
институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР, г. Черкесск, Россия,
E-mail: soloviova_n31@mail.ru

КУЛЬТУРА КАЗАЧЕСТВА КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ КАК ПРОБЛЕМА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассматривается культура казачества Карачаево-Черкесии как проблема междисциплинарного исследования. Разные гуманитарные науки, в частности история, этнография, культурология, изучают разные аспекты указанной проблематики, выявляют типичные и специфические ее черты, а также процессы, влияющие на их формирование. Междисциплинарное исследование культуры казачества Карачаево-Черкесии содействует объединению гуманитарных знаний в рамках современной российской науки.

Ключевые слова: культура казачества Карачаево-Черкесии, культура кубанского казачества, научная проблема, междисциплинарное исследование

Solovyova Natalia Georgievna
Karachay-Circassian order "Badge of Honor"
Institute for Humanities research
under the government of the KCR, Cherkessk, Russia,
E-mail: soloviova_n31@mail.ru

THE CULTURE OF THE COSSACKS IN KARACHAY-CIRCASSIA AS A PROBLEM OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Abstract: The article deals with the culture of the Cossacks of Karachay-Cherkessia as a problem of interdisciplinary research. Different Humanities, in particular history, Ethnography, cultural studies, study different aspects of this problem, identify its typical and specific features, as well as the processes that affect their formation. Interdisciplinary study of the culture of the Cossacks of Karachay-Cherkessia contributes to the unification of humanitarian knowledge in the framework of modern Russian science.

Key words: culture of the Cossacks of Karachay-Cherkessia, culture of the Kuban Cossacks, scientific problem, interdisciplinary research

Культура казачества Карачаево-Черкесии формировалась в условиях российской государственности в рамках региональной истории, что во многом объясняет как ее специфичность, так и типичность становления и развития относительно всего кубанского казачества. Предпринимаемые сегодня научные исследования по данной проблематике носят междисциплинарный характер, так как их теоретико-методологическая база опирается на разные гуманитарные науки.

История, этнография, культурология, социология и другие науки рассматривают разные аспекты культуры казачества, пытаются выявить как типичные, так и специфические черты ее формирования, теоретизировать, при помощи анализа, эти процессы. Региональный контекст указанной проблематики, в частности культура казачества Карачаево-Черкесии, вызывает неподдельный интерес у современных ученых, так как способен не только дополнить, но и обогатить уже имеющийся материал по культуре всего кубанского казачества.

Некоторые вопросы исследуемой проблематики поднимались исторической, этнографической и другими науками еще в дореволюционный период. История народов Северного Кавказа XIX века в целом изучена достаточно успешно. Так, Ф. Щербина [49], Н. Дубровин [11], П. Короленко [20], В. Толстов [46] собрали большой фактический материал по истории, этнографии народов Кавказа, а также связях казаков с горцами. В 1883 году вышла в свет монография Ф.А. Щербины «История земельной собственности у кубанских казаков» [48], в которой освещались вопросы наделения кубанских казаков землей, особенности ведения хозяйства и др. О начальном образовании в Кубанской области писал Н.Ф. Блюдов [3, с. 732–828].

В 1898 году в четвертом томе «Кубанского сборника» ряд авторов: М.П. Борчевский [5], Я.К. Васильев [6], К.Т. Живило [13], исследовали экономическое развитие Кубанской области в конце XIX века. В.М. Сысоев составил археологический список основных памятников Кубанской области и Черноморской губернии [45], представляющий особый интерес для региональных историков. В 1899 году А.Н. Дьячков-Тарасов исследовал Сентинский храм [12], расположенный на территории современной Карачаево-Черкесии. В это же время Е.Д. Фелицын завершил работу по созданию топографической карты Кубанской области [47].

Статистические данные о населении Кубанской области, содержащиеся в материалах Всеобщей переписи населения 1897 года, и сегодня позволяют приподнять завесу демографических процессов на указанной территории, в частности и северокавказского региона в целом. Материалы по торговле и промышленности имеются в работах Л.В. Македонова [24] и В.С. Сазонова [36].

Особый интерес вызывает материал, содержащийся в «Записках» – рассказах путешественников, которые бывали проездом на Северном Кавказе и записывали воспоминания о жителях данной территории. Эти сведения имеются в работах В. Потто [33], [34], Д. Семенова [37], Г. Вивчаря [7]. Переиздание некоторых исследований, а также заметок путешественников, опубликованных еще в XIX веке [14], [28], позволяют взглянуть на многие проблемы культуры казачества по-новому.

«Очерки истории Карачаево-Черкесии» в 2 томах [29], [30], до сих пор являющиеся наиболее удачным комплексным исследованием истории народов Карачаево-Черкесии, имеют существенный недостаток – скудный материал по русскому населению области, в том числе и казачеству. В отличие от него «История народов Северного Кавказа (конец XVII в. – 1917 г.)» [15] более подробно освещает историческую роль русского населения в развитии северокавказского региона. Небольшое внимание уделяется в ней и взаимосвязям русского с местными народами Кавказа.

Хотелось бы отметить, что региональной историей казачества (Кубанского и Донского казачества) активно и успешно занимались и занимаются ростовские и краснодарские исследователи: А.И. Козлов [17], Г.С. Денисова, В.П. Уланов [9] и др.

О материальной культуре кубанского казачества достаточно подробно сказано в 2-х томном монографическом исследовании Н.А. Гангур [8]. О традициях, обрядах и календарных праздниках казачества говорится в работе П.С. Федосова [16]. Определенный интерес вызывает исследование А.Г. Сизенко, в котором приведены сведения о казачестве России, об укладе казачьей жизни, о формировании казачьих войск, их структурных подразделениях [38].

Несмотря на это, сегодня существует определенная проблема в исследовании региональной культуры русского населения России, и в первую очередь казачества. Современными авторами исследуются лишь некоторые узкие аспекты указанной проблематики. Так, по истории населенных пунктов КЧР имеются разрозненные сведения в работах И.В. Михайлова [26]. Работа М.Ф. Куракеевой [21], хоть и содержит много интересных историко-этнографических материалов, но не освещает в комплексе процесс развития культуры казачества Карачаево-Черкесии.

Попытка в комплексе осветить социально-экономическое и культурное развитие русского населения Карачаево-Черкесии во второй половине XIX – первой трети XX веков была предпринята Н.Г. Соловьевой [42].

Исследование материальной культуры тесным образом связано с исследованиями духовной культуры. Переплетение этих составляющих закономерно и в процессе изучения культуры казачества. Попутно возникает необходимость научного анализа и определения факторов и основных характеристик самоидентификации казачества – этой сложносоставной социальной группы российского общества.

Проблеме идентичности кубанского казачества сегодня уделяется большое внимание, хотя ее решение сопряжено с рядом дискуссионных вопросов. Она относится к общей проблематике исследования этничности как социального явления и затрагивает подходы ряда социальных гуманистических наук. В свою очередь исследования этничности опираются на обширную теоретическую и эмпирическую базу отечественной исторической, этнографической и психологической науки (Работы В.И. Козлова [18], П.И. Кушнера [22], Б.Ф. Поршнева [32] и мн. др.). Начиная с 70-х годов XIX века этническое самосознание активно рассматривалось З.В. Сикевичем [39], В.И. Козловым, Г.А. Шелеповым [19] и др. В середине 1980-х годов центральными объектами изучения отечественной психологии стали этнопсихологическое самосознание, затем этническая идентичность. Разработкой этих проблем занимались В.С. Агеев [1, с. 135–240], Н.М. Лебедева [23], В.Ф. Петренко, Л.А. Алиева [31, с. 16–39], Л.Г. Почебут [35], Г.У. Солдатов [40] и др. Современными исследователями поднимаются вопросы этнического сознания и самосознания: Ю.В. Арутюнян [2], Л.М. Дробижева [10], В.С. Мухина [27], Т.Г. Стефаненко [43] и др.

В контексте исследования казачьей идентичности особый интерес вызывают работы, освещающие вопросы соотношения сословной и этнической идентичности казачества в процессе трансформации общества, Н.И. Бондаря [4, с. 9–23], О.В. Матвеева [25] и др. Культуре русского населения Карачаево-Черкесии в конце XIX – начале XX вв., в частности выявлению факторов идентичности казачества Карачаево-Черкесии, посвящена работа Н.Г. Соловьевой [41].

Таким образом, современная историческая наука, используя принцип историзма и достоверности, рассматривает трансформационные процессы, происходящие в культуре кубанского казачества. Этапы формирования и развития материальной и духовной культуры, взаимосвязь с историей российского государства и региона, специфика этих процессов в контексте культуры кубанского казачества – вот некоторые проблемы, которые не только изучаются, но и анализируются современными историками.

Сбор этнографического полевого материала, археологических и иных находок, эмпирический и практический их анализ, а также описательная диагностика состояния определённых составляющих культуры и менее значимых ее элементов позволяет достаточно достоверно раскрыть многие проблемы общей стратегии формирования и развития культурного поля северокавказского казачества.

Применение культурологических подходов для освещения декоративно-прикладного искусства казачества Карачаево-Черкесии также определяет междисциплинарный характер исследования культуры регионального казачества.

Статистические данные, а также данные социологических опросов, их применение в качестве фактического материала для обоснования теоретических заключений по разрабатываемой проблематике, способны обогатить и расширить взгляд на культурные процессы, происходившие в среде современного регионального кубанского казачества, в частности Карачаево-Черкесии.

Таким образом, культура казачества Карачаево-Черкесии – это проблема междисциплинарного исследования, осуществление которого невозможно без использования методов и приемов научных исследований разных гуманитарных наук. При этом про-

цесс научного познания имеет свою специфику – необходимость модификации разных знаний в контекст указанной проблематики. Несмотря на это, междисциплинарное исследование культуры казачества Карачаево-Черкесии не только способно обогатить, но и, что не маловажно, объединить многие гуманитарные знания в рамках современной российской науки.

Литература:

1. Агеев, В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. – М.: Московский университет, 1990. – 240 с.
2. Арутюнян, Ю.В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социологические исследования. – 1990. – №7; Он же. Россияне: проблемы формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // Общественные науки и современность. – 2009. – №4; Он же. Об этнических компонентах российской идентичности // Социологические исследования. – 2009. – №6.
3. Блюдов, Н.Ф. Начальное народное образование в Кубанской области // КубС. Т. 1. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1883. – С. 732–828.
4. Бондарь, Н.И. Кубанское казачество (этносоциологический аспект) // Кубанское казачество: история, этнография, фольклор / Авт.-сост. Н.И. Бондарь. – М., 1995. – С. 9–23.
5. Борчевский, М.П. О сплаве бревен по рекам нагорной полосы Кубанского войска. 1896 // КубС. Т. 4. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1898. – 12 с.
6. Васильев, Я.К. Значение рек Кубанской области в лесном хозяйстве. 1895 // КубС. Т. 4. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1898. – 30 с.
7. Вивчарь, Г. Казачество и адыги. Мемуары моих дедов и прадедов. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1997. – 112 с.
8. Гангур, Н.А. Материальная культура Кубанского казачества: [в 2 т.] / Н.А. Гангур; ред. Б.А. Трехбратов. – Краснодар: Традиция, 2009. – 288 с.
9. Денисова, Г.С., Уланов, В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса / Денисова Г.С., Уланов В.П.; Южнокотд-ние Российской акад. наук, Ростовский гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2003. – 350 с.
10. Дробижева, Л.М. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН; Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М.: Институт социологии, 1998. – 385 с.; Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся / Под редакцией Л. М. Дробижевой. Academia, 2002. – С. 213–244; Дробижева Л. М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии. – 2010. – №1.
11. Дубровин, Н.Д. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1–6. – СПб.: Тип. Деп. уделов, 1871–1887.
12. Дьячков-Тарасов, А.Н. Сентинский храм и его фрески // КубС. Т.5. – Екатеринодар: Изд. Э. Х. Килиус и К, 1899. – 21 с.
13. Живило, К.Т. Опыт исследования о состоянии пчеловодства в некоторых станицах Кубанской области в 1894 году // КубС. Т.4. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правления, 1898. – 13 с.
14. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Кавказ. Том IX. Под общей редакцией П.П. Семенова. – М.: Изд. Надыршин, 2008. – 408 с.
15. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – 659 с.
16. Казачество: традиции, обряды и календарные праздники / Автор-составитель П.С. Федосов. – Ставрополь: «Интеллект», 2009. – 440 с.
17. Козлов, А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). – Ростов-на-Дону: Ростовский ун-т, 1995. – 248 с.
18. Козлов, В.И. О понятии этнической общности // Сов. этнография. – 1969. – №1. – С. 101; Он же. Динамика численности народов: Методология исследования и основные факторы. – М.: Наука, 1969. – 407 с.; Он же. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общность // Совет. этнография. – 1970. – № 6. – С. 47–60; Он же. Этнос и территория // Совет. этнография. – 1971. – №6. – С. 89–100; Он же. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Совет. этнография. – 1974. – №2. – С. 79–92; Он же. Этнос и культура // Совет. этнография. – 1979. – № 3. – С. 71–86; Он же. Проблема «этничности» // Этнограф. обозрение. – 1995. – №4. – С. 39–55.
19. Козлов, В.И., Шелепов, Г.А. «Национальный характер» и проблема его исследования // Совет. этнография. – 1973. – №2. – С. 69–82.

20. Короленко, П. Черноморцы. – СПб.: Тип. Деп. уделов, 1874. – 288 с.
21. Куракеева, М.Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. – Черкесск: КЧИГИ, 1999. – 278 с.
22. Кушнер, П.И. Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. Середина XIX-начало XX века / Ред. коллегия: гл. ред. С.П. Толстов [и др.]. – М.: Наука, 1967. – 1 атл. (IV, 71 отд. л. карт в папке, 358 с. текст) цв., карты, текст, ил.+прил. (203 с.; 26×17 см.).
23. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М.: Ключ-С, 1999. – 191 с.
24. Македонов, Л.В. О разработке статистических данных о населении Кубанской области по вторым листам всеобщей переписи населения 1897 г. // КубС. Т. 11. – Екатеринодар: Тип. Куб. обл. правл., 1905. – 589 с.
25. Матвеев, О.В. Слово о Кубанском казачестве. – Краснодар: Сов. Кубань, 1995. – 460 с.
26. Михайлов, И.В. Населенные пункты Карачаево-Черкесской Республики. – М-во образ-я и науки Карачаево-Черкес. Респ.; Респ. центр дет. и юнош. туризма. – Черкесск, 2001. – 189 с.
27. Мухина, В.С. Проблемы генезиса личности. – М.: МГПИ, 1985. – 105 с.; Мухина, В.С. Этнопсихология: настоящее и будущее // Психол. ж. – 1994. – Т. 15. – №3. – С. 42–49; Мухина В.С. Личность в условиях этнического возрождения и столкновения цивилизаций: XXI век // Развитие личности. – 2002. – №1. – С. 16–39.
28. Надеждин, П.П. Кавказский край: природа и люди / П.П. Надеждин Адапт. изд. – Краснодар: Традиция, 2010. – 341 с.
29. Очерки истории Карачаево-Черкесии. С древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. – Черкесск: Ставроп. Кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1967. – 600 с.
30. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Советский период. Т. 2. – Черкесск: Ставроп. Кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1972. – 448 с.
31. Петренко, В.Ф., Алиева, Л.А. Исследование этнических стереотипов с использованием методики «множественных идентификаций» // Психологический журнал. – 1987. – №6; Петренко В.Ф., Алиева Л.А. Стереотипы поведения как элемент национальной культуры. // Сб. Языковое сознание: стереотипы и творчество. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – С. 16-39.
32. Поршнева, Б.Ф. История и психология. Сб. статей / Под ред. Б.Ф. Поршнева. – М.: Наука, 1971.
33. Потто, В.А. Несколько дней на Кубани: Из путевых заметок 1853–1856 гг. // Военный сборник. – 1861. – Т. XVIII. – №3.
34. Потто, В.А. Кавказская война: В 5 томах. Том 2: Ермоловское время. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. – 688 с.
35. Почебут, Л.Г. Социальные общности. Психология толпы, социума, этноса – С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб.: Изд С.-Петербур. ун-та, 2005. – 285 с.; Почебут Л.Г. Взаимопонимание культур: методология и методы этнической и кросс-культурной психологии: психология межэтнической толерантности: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербур. ун-та, 2005. – 279 с.; Почебут, Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2012. – 336 с.
36. Сазонов, В.С. Статистика торговли и промышленности Кубанской области за десятилетие с 1899 по 1908 гг. // КубС. Т. 19. – Екатеринодар, 1914.
37. Семенов Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям: учеб. Пособие для учащихся. – М.: Тип. С. Орлова. – Т. 4.: Восток и запад. – 2-е изд. – 1879. – 240 с.
38. Сизенко А.Г. Казачество России: казачьи войска, знаменитые атаманы, уклад жизни / А.Г. Сизенко. – Ростов-на-Дону: Владис, 2009. – 430 с.
39. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (Социологический очерк). Учебное пособие. – М.: Механик, 1996. – 208 с.
40. Солдатова, Г.У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение. – М.: Коул-Наука, 1988. – С. 111–126; Солдатова, Г.У. Этническое самосознание и этническая идентичность // Этническая психология. Хрестоматия / Под ред. А.И. Егоровой. – СПб.: Речь, 2003. – С. 189–196.
41. Соловьева, Н.Г. Культура русского населения Карачаево-Черкесии в конце XIX – начале XX вв. Монография / Н.Г. Соловьева / Научные редакторы: А.Х. Карданова, Е.А. Щербина. – Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2019. – 228 с.
42. Соловьева, Н.Г. Русское население Карачаево-Черкесии (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). Монография / Н.Г. Соловьева. – Черкесск: РГБУ КЧИГИ, 2015. – 380 с.

43. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: Учебник. Издание 5-е, испр. и доп. – М.: Аспект Пресс Москва, 2014. – 352 с.
44. Стефаненко, Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 79 с.
45. Сысоев В.М. Краткий археологический очерк Кубанской области и Черноморской губернии. 1896 // КубС. Т. 4. – Екатеринодар, 1898.
46. Толстов, В.Г. История Хопёрского полка Кубанского войска. 1696–1896. В 2 т. / под ред. В.А. Потто. – Тифлис: Тип. Штаба Кавк. воен. округа, 1901.
47. Фелицын, Е.Д. Карта Кубанской области // КубС. – Т.1. – Екатеринодар, 1883.
48. Щербина Ф.А. История земельной собственности у кубанских казаков // КубС. – Т. 1. – Екатеринодар, 1883.
49. Щербина, Ф. История Кубанского казачьего войска / Сост. чл.-кор. Акад. наук Ф.А. Щербина. Т. 1-2. – Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правл., 1910-1913: История края. – 1910. – 734 с.; История войны казаков с закубанскими горцами: С воен.-ист. карт. Кубан. обл. за время с 1800 по 1860 г. – Екатеринодар: Тип. Т-ва печ. и изд. дела п/ф «Печатник», 1913. [2] IV., – 848 с.

УДК 398.54

Текеева Лариса Кичиевна
Карачаево-Черкесский государственный
университет имени У.Д. Алиева,
к.и.н., доц. кафедры истории России, г. Карачаевск, Россия
lar-tek@yandex.ru

КОНЬ В ФОЛЬКЛОРЕ И ОБРЯДАХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

***Аннотация:** Статья посвящена роли и месту коня в традиционном мировоззрении и фольклоре горцев Северного Кавказа в контексте данной мифо-ритуальной традиции. Автор акцентирует внимание на том, что не все формы сакрального отношения к отдельным представителям животного мира уходят корнями в тотемизм. Часто подобное отношение возникло из житейской потребности, особенностей характера этноса, хозяйственной жизни, общественной организации, из общей основы их древнего языческого мировоззрения.*

***Ключевые слова:** зоолатрия, традиционная культура, тотемизм, фольклор, мифология, народы Северного Кавказа*

Tekeeva Larisa Kitchievna
Karachay-Circassian State University named after U.D. Aliyev
Ph.D in history, associate professor of Russian history department
Karachaevesk, Russia,
lar-tek@yandex.ru

HORSE IN THE FOLKLORE AND RITUALS OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS

***Abstract:** The article is devoted to the role and place of the horse in the traditional worldview and folklore of the highlanders of the North Caucasus in the context of this myth-ritual tradition. The author focuses on the fact that not all forms of sacred attitude to individual representatives of the animal world are rooted in totemism. Often such an attitude arose from everyday needs, characteristics of the character of the ethnic group, economic life, social organization, from the General basis of their ancient pagan worldview.*

***Key words:** zoolatry, traditional culture, totemism, folklore, mythology, peoples of the North Caucasus*

Одним из базовых положений современной фольклористики является то, что повествовательный фольклор ведет свое происхождение из мифо-ритуального синкретизма первобытной культуры. В то же время перед нами встает вопрос о соотношении обрядов и фольклора.

Эта проблема рассматривалась в трудах Е.С. Новик на этнографических материалах народов Сибири [24] и В.С. Костырко в исследовании обрядов жизненного цикла якутов [17].

В этнографии и кавказоведении не было попыток продемонстрировать в контексте данной мифо-ритуальной традиции роль и место коня в традиционной обрядности и фольклоре горцев Северного Кавказа.

Здесь необходимо отметить, что население Северного Кавказа не смогло избежать влияния Христианства, а затем и Ислама. Естественным результатом этого явился религиозный синкретизм, который отмечал еще Дюбуа де Монпере. В частности он писал, что христианство, магометанство и язычество в верованиях черкесов тесно переплелись, что магометанскую веру признает только знать, а народ остается язычниками [12, с. 54]. Данное утверждение можно отнести и к другим народам Северного Кавказа, особенно Северо-Западного Кавказа. Большое количество древнейших и средневековых археологических памятников Кавказа указывают на сложность традиционных верований народов, существовавшие параллельно с распространением мировых религий. Высказанное В. Марковиным соображение о сложности системы верований, рассмотренное на обширном материале, получило обоснование в масштабе всего Кавказа [22, с. 169].

Здесь надо отметить, что христианство на Северном Кавказе утвердилось не так прочно как в Закавказье, тогда как ислам прижился на Северном Кавказе гораздо сильнее (за исключением осетин). Тем не менее некоторые элементы традиционных представлений продолжали бытовать вплоть до XX века, что не мешало абсолютному большинству горцев Северного Кавказа исповедовать ислам.

Основная цель статьи раскрыть глубокие исторические корни культа коня на данной территории на конкретных примерах из фольклора и традиционной обрядности исследуемых этносов. Существенное внимание мы уделяем освещению общего и особенного в месте и роли коня в традиционной культуре народов Северного Кавказа.

Конь широко представлен в обрядах и поверьях разных народов, культ его восходит к далекой неолитической эпохе [28, с. 112]. Как культовое животное знало коня и древнее население Поволжья и Прикамья [8, с. 13].

На Северном Кавказе лошадь пользовалась наибольшим почитанием. Возможно, что почтительный ореол вокруг коня возник в связи с огромной ролью этого исключительного животного после его domestikации. Кроме того, у многих народов Северного Кавказа коневодство было одним из основных занятий.

Тысячелетиями воспитывались народы Северного Кавказа в условиях гор и лесов, в постоянной необходимости защищать землю и дом от нашествий и междоусобиц. Веками вырабатывались обычаи и традиции, постоянная потребность проявления мужества и стойкости требовали спартанского воспитания молодого поколения.

Хан-Гирей писал: «С трех лет мальчики играли в охоту. Адыги рано привлекали детей к труду. С семи лет мальчики пасли лошадей» [27, с. 16]

О традиционности занятия коневодством свидетельствует и то, что многие народы Северного Кавказа имели собственные породы лошадей

Русский автор В.В. Шевцов давал такую характеристику карачаевской породе лошадей: «Лошади их считаются из лучших кавказских пород, они более ценны смелостью своею в езде по скалистым и крутым тропам: шаг их верен и спокоен - вы, дали свободу своему коню, можете безболезненно ехать по такому неприступному пути, где только может уместиться копыто лошади вашей и где ни одна из других пород не может сделать ни одного шага» [29, с. 49–51].

Не менее ценны были и кабардинские лошади. Их красоту отмечал и Жан Батист Тавернье, посетивший Черкессию в XVII в.: «Их главное богатство заключается в стадах, в особенности прекрасных лошадях...» [1, с. 74]

Естественно, конь занимал центральное место не только в хозяйстве народов Северного Кавказа, но и в духовной культуре.

В течение тысячелетий на Северном Кавказе с конем связывался комплекс представлений и обрядов, в котором нашли представление этнокультурные контакты изучаемых народов.

Причерноморские скифы, как сообщал Геродот, после похорон царя удавливали 50 лучших слуг-юношей из числа свободных скифов и 50 самых красивых коней. Вынув внутренности, они наполняли трупы мякиной, зашивали их и устанавливали этих

мертвецов на чучелах коней вокруг кургана [5, с.61]. Иордан сообщает о скачках всадников вокруг шатра с телом Аттилы [13, с.117-118].

Примечательно, что на карачаево-балкарском языке «кляча» называется *салам алаша* – «соломенная лошадь». Видимо, первоначально так с пренебрежением называли слабую, заезженную лошадь, сравнивая ее с чучелом, а затем, уже утерев пренебрежительный оттенок, словосочетание стало означать «кляча» [25, с. 172].

По сведениям Б.Х. Биджелова, «в более ранние времена после обряда посвящения животного (т.е. коня. – Л.Т.) убивали и хоронили вместе с хозяином в виде своеобразного обеспечения мертвого конем на пути в загробный мир» [6, с. 38]. Обряд посвящения коня умершему бытовал также у чеченцев и ингушей [7, с. 28].

Конь спасал своего хозяина в похождениях и сопровождал хозяина в загробный мир и по поверьям кумыков.

Коней хоронили вместе с хозяевами также у карачаевцев и балкарцев. Но такой чести удостоивался не всякий конь, а только отличавшийся особой привязанностью к своему хозяину, верностью.

Таковыми чертами, по свидетельству Джуртубаева М., отличались кони, у которых углы глаз были удлиненными, а на груди было два завитка шерсти, которые назывались *къанатла* (крылья), они ценились очень высоко [9, с. 41].

«Культ коня, – отмечает Е.И. Крупнов, – явно восходящий к тотемистическим представлениям далекого прошлого нашел свое отражение в специальной молитве, произносимой при совершении обряда «посвящения коня». При выполнении этого обряда вдова отрезала свою косу и клала ее на грудь мужа» [18, с. 369].

Е.З. Баранов писал в 1897 г. о балкарцах, что, по их мнению, злые оборотни – обурь принимают вид «кошек, собак и других зверей для того, чтобы причинить человеку или его скоту, за исключением лошадей, всяческий ущерб» [4, с. 34].

Старики говорят, что конь обладает способностью видеть нечистую силу – различных демонов, чертей и т. п., чем и объясняют то, что иногда, без видимой причины, кони пьются, храпят, не желая идти.

В мифологии многих народов конь был олицетворением солнечного света и самого солнца, силой (божеством), неразрывно связанным с культом солнца [26; 2; 30]. Возможно, именно поэтому у карачаевцев и балкарцев считается большим грехом бить коня по голове. Говорили: «*Атны башы – кюндю*» – «Голова коня – солнце». Пережитком культа лошади являлось использование в магии конского черепа: если наступала засуха, нужно было опустить в реку подвешенный на веревке череп коня, и после этого, якобы, начинался дождь, который лил, не переставая, до тех пор, пока череп не вытаскивали. Интересно, что кумыки в более поздний период писали на черепе коня суры из Корана и, сопровождая молитвами, опускали в воду.

Описанный обряд относится, видимо, к имитативной магии, то есть череп коня символизировал солнце, которое опускается за дождевые тучи. Аналогичные поверья существовали и у других народов Кавказа [28; 3].

Череп коня у горцев применялся и в качестве оберега. Еще во второй половине XX века можно было увидеть иссохшие древние черепа лошадей, прикрепленные к центральным опорным столбам старинных карачаевских жилищ на древних заброшенных поселениях [21, с. 151]. Поскольку центральный столб жилища карачаевцев и балкарцев считается святыней и олицетворяет собой нерушимость семьи и рода, то подвешивание черепа лошади именно на эти столбы приобретает особый символический смысл.

Подобный обычай бытовал и у чеченцев, ингушей [7, с. 28] и осетин. Последние выставляли на изгороди, чаще всего на пчельниках, конский череп, дабы предохранить пчел от «дурного глаза» [6, с. 39]. Исключительно сильным оберегом его считали адыги. Аварцы-андальцы вешали череп лошади как оберег в садах на деревьях [3, с. 128].

Интересно, что андальцы мясо лошади применяли в этномедицине. Считалось, что оно исцеляет от внутренних и кожных заболеваний [3, с. 128].

По представлениям кумыков, конь рожден богом ради беременной женщины и имеет крылья, что дает ему скорость. Надо отметить, что быстрый бег этих животных часто уподоблялся полету птиц, и в мифологии часто подчеркивалась их крылатость. Их наделяли сверхъестественной силой, причем конь обладает человеческой речью и

дает советы своему хозяину. Часто такой конь был не только участником боевых походов, но и покровителем, советчиком и спасителем своего хозяина [9, с. 42].

В сказаниях о подвигах Алаугана и его сына Карашауая, конь – покровитель и руководитель хозяина, превосходящий его в даре предвидения, в быстроте реакции, обладающий твердой волей, то есть фактически лошадь выступает в качестве покровителя героя, а также в качестве мироустроителя [23].

Вспомним сказание, в котором конь Гемуда ударом груди пробивает скалы – образуется Чегемское ущелье, ударом копыта пробивает щель в земле – появляется озеро Чирик-кель, на лету раскалывает надвое вершину Эльбруса:

Карашауай прилип к Гемуде,
Чтобы не свалиться, приник к седлу.
Скача примчались в далекую даль,
Наткнувшись на крутую скалу, ударили грудью.
Раскололи крутые скалы надвое,
Сказали: «Путь это будет Черекское ущелье!»
Чирик – кел образовано его копытом,
Дыханием своим он разрушал чугунные башни.
У дых Тау он вздохнул и отрыгнул,
Оттуда перепрыгнул в Тихтеген.
В морях он резвился как рыба,
До самых высоких звезд долетал.
Чегемская теснина проложена его грудью,
Потом он вернулся в Баксанские горы.
Одним прыжком достигли Минги Тау,
Перепрыгнули через него и обратно.
Копыта его задели Минги Тау
И образовали седловину [10, с. 35–36].

Крылатый конь – широко распространенный образ скифского искусства [2, с. 37]. Представления о птице-коне были свойственны скифской мифологии и фольклору [19, с. 96].

Особое место занимает конь и в фольклоре адыгов, где он также предстает неразлучным спутником и мудрым советчиком эпических нарттов и реальных героев, является неотъемлемой частью рыцарского образа жизни [27].

Как собственных детей, охраняли горцы своих лошадей от дурного глаза, «у черкесов-магометан существует обыкновение носить на себе, навешивать на детей и привязывать к уздам любимых лошадей стихи Корана, зашитые в кусочках сафьяна; а в старину стихи Корана заменялись кусочком дерева, в которое ударила молния» [20, с. 36].

Интересно, что слово «*ат*» означает в карачаево-балкарском языке и «конь» и «имя». Объяснение этому, видимо, в том, что пока ребенок находился под покровительством матери, у него не было ни имени, ни собственности. Многие сказки кочевых народов начинаются с того ответственного в жизни героя момента, когда он просит у отца дать ему имя, оружие и коня. Таким образом, получить коня означало одновременно получить и имя. Об этом же говорит и поговорка «*Ат атагъан атха миндиреди*» – «Нарекающий именем, сажает на коня». В наше время такой человек дарит крестнику, чаще всего, рубашку. Видимо, это отголосок древнего обычая дарить доспехи. В нартском эпосе богатыря Ерюзмека в детстве зовут Волчонком (он был подобран в тот момент, когда сосал молоко пойманной им и побежденной волчицы), а настоящее имя он получил, когда повзрослел [23, с. 308–309].

Следы почтительного отношения к коню сохранились в пословицах и поговорках практически всех народов Кавказа: «*Ат эркишини къанатыды*», то есть «Конь – крылья мужчины», «*Ат муратха джетдирир*», что в переводе означает «Конь доставит к мечте». Циничного человека одергивают, приводя поговорку: «*Тонунга тешег деме, атынга эшек деме*» – «Не называй свою шубу матрацем, не называй своего коня ослом» [9, с. 42].

Почитание коня, наделение его почти человеческим разумом дожило до наших дней. Естественно, у народов Северного Кавказа это было не единственное животное, наделенное какими – либо особенными качествами, но именно лошади горцы уделяли особое внимание и после принятия Христианства и Ислама.

Во всех описанных обрядах тесно сплелись элементы магии, анимизма и зоолатрии. На некоторые наложил отпечаток Ислам. Некоторые исследователи зачастую сводят к тотемизму почтительное отношение к животными несколько упрощают проблему. Признавая, что тотемизм был универсальным этапом в развитии религиозных верований, специалистам следует быть осторожным в интерпретации материала, т.к. не все формы сакрального отношения к отдельным представителям животного мира уходят корнями в тотемизм. Часто подобное отношение возникало из житейской потребности, особенностей характера этноса, хозяйственной жизни, общественной организации, из общей основы их древнего языческого мировоззрения.

Литература:

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. пер., введ.[3–28] и вступ. статьи к текстам В. К. Гарданова; Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт при совете министров КБАССР – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.
2. Алексеева Е.П. О семантике глиняных и металлических изделий из археологических памятников Карачаево-Черкесии и о некоторых культах (к постановке вопроса) // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево – Черкесии [Сб.ст.]/ КЧ НИИ истории, филологии и экономики; [Редкол.: Е.П. Алексеева (отв.ред) и др.] – Черкесск: Б.и., 1985 – 207 с.
3. Алигаджиева, З.Р. Пережитки домонотеистических верований и обрядов у аварцев-андалцев в XIX – начале XX в./ автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.07 / [Место защиты: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагест. науч. центра РАН]. – Махачкала, 2008. – 26 с.
4. Баранов Е. Певец гор и другие легенды Северного Кавказа / Евгений Баранов; С рис. А.П. Апсита. – Москва: Д.П. Ефимов, 1914. – 64 с.
5. Бессонова, С.С. Религиозные представления скифов. – Киев: Наукова думка, 1983. – 141 с.
6. Биджелов Б.Х. Социальная сущность религиозных верований осетин. – Владикавказ: Ир, 1992. – 187 с.
7. Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный: ЧИГУ, 1981. – 111 с.
8. Венцене Кережи Агнет. Образ коня у финно – угорских народов Волго – Камья и Зауралья/ Автореферат на соискание степени к. и. н. 07.00.07 / [Место защиты: МГУ им. М.В. Ломоносова. Ист. Фак] – М, 1987. – 24 с.
9. Джуртубаев М. Ч. Древние религиозные верования балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.
10. Джуртубаев, М.Ч. Карачаево-балкарские мифы. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. 484 с.
11. Дьяконова, В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 164 с.
12. Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1: У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Фредерик Дюбуа де Монперэ; Пер. с франц. Н. А. Данкевич-Пушиной. – Сухуми: Абгиз, 1937. – 175 с.
13. Иордан о происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья. Перевод и комментарии Скржинская Е. Ч. – М.: Издательство восточной литературы, 1960. – 436 с.
14. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 431 с.
15. Каховский, В.Ф. Происхождение чувашского народа. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2003. – 463 с.
16. Ковалевская, В.Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. – Москва: Наука, 1977. – 152 с.
17. Костырко, В.С. Конь и бык в героическом эпосе и в обрядах жизненного цикла якутов / Миф, символ, ритуал. Народы Сибири. – М., РГГУ 2008. – 354 с.
18. Крупнов, Е.И. Древняя история Северного Кавказа / Академия наук СССР. Ин-т археологии. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 520 с.
19. Кузьмина, Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. – Киев: «Наукова думка», 1977. – С. 96–119.
20. Люлье. Черкессия: Историко-этнографические статьи. – Краснодар: Адыгчеркпромторга, 1927, – 48 с.
21. Мизиев, И.М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. – Нальчик: Нарт, 1991. – 190 с.
22. Морковин, В.И. К вопросу о язычестве и христианстве в верованиях горцев Кавказа// Вестник КБНИИ. – Нальчик: 1972, Вып. 6. – С. 253–270.

23. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. /сост. Р. А.-К. Ортабаева и др.; пер. текстов Т. М. Хаджиевой, Р. А.-К. Ортабаевой; вступ. ст., с. 8–66, коммент. и глоссарий Т. М. Хаджиевой. – Москва: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. – 654с.
24. Новик, Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. – М.: Вост. лит., 2004. – 302 с.
25. Текеева, Л.К. Культ коня в традиционной культуре тюркоязычных народов Северного Кавказа (на примере карачаевцев и балкарцев)// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – С. 171–174.
26. Фаминцин, А.С. Божества древних славян. – СПб.: Типография Э. Арнольда. 1884 г., – 331 с.
27. Хан-Гирей С. Черкесские предания // Адыгские писатели-просветители XIX в. – Краснодар, 1986. – С.99–106.
28. Чибилов, Л.А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. – Цхинвали: Ирыстон, 1984. – 217 с.
29. Шевцов, В.В. Очерк о кавказских горских племенах. // Журнал «Москвитянин». М., 1855. №23–24 (кн. 1–2). Декабрь. – С. 49–51.
30. Шнирельман В. А. Образы оленя и лошади в представлениях древних обитателей Северной и Центральной Европы.// Религиозные представления в первобытном обществе. Тезисы докладов. – М.,1987. – С. 255–257

УДК 323.1

Темиржанова Лидия Рамазанова
 АНО Научно-исследовательский институт здоровья г. Кисловодск
 Зав. кафедрой дополнительного образования к.и.н., доцент
 г. Кисловодск Россия,
 E-mail: tlir@mail.ru

ВОПРОСЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССИИ В 20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА (СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РЕЛИГИИ)

Аннотация: В статье проанализированы вопросы религии и этноса в духовной жизни народов Карачаево-Черкесии в 20–30-е годы XX века, а также взаимопроникновение, взаимообогащение обычаев, традиций и шариата у карачаевского, черкесского, абазинского и ногайского народов.

Ключевые слова: религия, этнос, обычаи, традиции, шариат, адаты, духовная культура, обычное право

Temirzhanova Lydia Ramazanovna
 ELN Health Research Institute, Kislovodsk
 Head. Further Education Department
 k. h., Associate Professor of Kislovodsk, Russia,
 E-mail: tlir@mail.ru

QUESTIONS OF SPIRITUAL CULTURE OF THE PEOPLES OF KARACHAY- CIRCASSIA IN THE 20–30'S OF THE TWENTIETH CENTURY (SOCIO-ECONOMIC RELEVANCE OF RELIGION)

Abstract: The article analyses the issues of religion and ethnicity in the spiritual life of the peoples of Karachay-Circassia in the 20–30 years of the twentieth century, as well as interpenetration, mutual customs, traditions and Shariah at the Karachai, Circassian, Abaza and Nogai peoples.

Key words: religion, ethnicity, customs, traditions, Sharia, ADATS, spiritual culture, customary law

В 1920–30-е гг. вопрос о духовной культуре занимал одно из центральных мест в национальных регионах Северного Кавказа. Карачаево-Черкесия не стала исключением в этом отношении.

Карачаевцы, черкесы, абазинцы и ногайцы в зависимости от этнической специфики и исторических условий ценили обычаи и традиции, которые представляли для них огромную социальную значимость. Нивелированный подход к духовной культуре

народов и к традиционным формам экономического развития региона и области негативно сказывались на решении национального и религиозного вопросов в области, где порой прибегали к методам произвола и насилия.

Без сомнения, по мере ужесточения мер в стране с конца 1920-х годов все негативные явления в национальных районах стали объяснять одним лишь фактором – отставанием общественного сознания от бытия, «пережитками прошлого», противопоставляя национальное интернациональному. В годы авторитарной однопартийной политической системы центральные органы власти требовали в решении всех вопросов беспрекословного выполнения «периферией» директив «центра», что подразумевало безусловность авторитета последнего. Если в первые годы послеоктябрьских преобразований, следуя директивам и указаниям, которые шли сверху, и в которых подчеркивался гибкий подход и учет специфики местных народов в решении всех проблем и учет историко-национальных особенностей местности, то, по мере развития общих негативных тенденции в стране начинается разрушительный процесс традиционнo-национального и духовно-культурного наследия народов. Насилие и произвол (запрещение обрядов, традиции, религиозных ритуалов, разрушение храмов, мечетей), которые применялись новыми властями, до сих пор отрицательно сказываются в судьбах народов Северного Кавказа и наталкивают на конфликты на межнациональной почве.

На сегодняшний день, не отрицая и тех успехов, которые были достигнуты в эти годы, время и события, которые произошли в нашей стране, заставляют нас по-новому взглянуть на эти проблемы. На переломных этапах нашего общества повышается интерес к историко-национальному прошлому с возрастанием национального самосознания. В этой грандиозной ревизии собственной истории в комплексе исторических проблем, мы рассматриваем ее в специфике и сложном взаимодействии социальных, национальных, региональных, конфессиональных и политических задач. Встает вопрос, что взять с собой в будущее, а также что сохранить и развить на новом уровне применительно ко времени. Рассматривая вопросы религии и этноса в духовной жизни народов Карачаево-Черкесии, мы делаем главный упор на сознание и духовность, считая, что понятие «культура» при рассмотрении нами в узком смысле как духовная культура в жизни каждого человека даст ответы на многие вопросы. Что такое культура? Термин «культура» латинского происхождения. В наиболее общем виде под культурой понимают все виды преобразовательной деятельности человека. Духовная культура включает в себя процесс духовного творчества и созданные при этом духовные ценности в виде музыки, научных открытий, религиозных учений и т.п. Сам человек формируется в процессе своей деятельности как культурно-историческое существо. Духовная культура своеобразная целостность ее форм, искусство, науки, нравственности, религии. Наиболее устойчивая сторона культуры – это культурные традиции, элементы социального и культурного наследия, которые не просто передаются от поколения к поколению, но и сохраняются в течение длительного времени. Традиционными являются обряды и обычаи. Творцами традиций были люди, жившие в различные эпохи, представители разных социальных групп, и поэтому рассматриваемые нами традиции столь противоречивы. Каждое поколение, осуществляя выбор тех или иных традиций, выбирает не только будущее, но и прошлое.[11,с. 34–35].

Безусловно, обычаи и традиции действуют главным образом в сфере нравственных отношений. Традиции и обычаи, которые характеризуют этнопсихологический облик народа и выражают его национальные черты, являются стабильными и естественными. И надо отличать традиции от «пережитков прошлого». Все, о чем мы говорили выше, является традициями. Национальные традиции ничего общего не имеют с бытовыми пережитками. Пережитки – это те псевдо обычаи, которые время само не принимает, и которые наносят вред обществу и конкретно данному человеку. В ходе строительства нового общества под видом искоренения «пережитков прошлого» наносился моральный, нравственный и духовный урон народам области. Возьмем, к примеру, религию, с которой шла борьба новых властей для внушения новой коммунистической идеологии. Религия является одной из древнейших форм культуры, которая воздействует на духовную жизнь человека, на нравственность с ее вечными заповедями. Особенно ее влияние возрастает в переломные моменты истории, когда старые идеалы общества утрачивают свою ценность, а новые еще не возникли. Религия выступает как сила, спланивающая людей на основе высоких нравственных ценностей, общих соци-

альных интересов совместной деятельности, направленной на решение общечеловеческих проблем.

Характерной особенностью мусульманства является то, что оно активно вмешивается во все сферы жизни людей. Личная, семейная, общественная жизнь мусульман, политика, правовые отношения, суд – все должно подчиняться религиозным законам.

В период послеоктябрьских преобразований, в Карачаево-Черкесии, перед новыми политическими органами власти встал вопрос о месте и роли религии в области, большая часть населения в этот период была последовательным приверженцем ислама. Наиболее ощутимо это проявлялось в быту, в общественной жизни и связанных с ним соблюдением религиозных обрядов.

Новые политические структуры и их идеологические органы власти повели активную борьбу за коренные преобразования в духовной жизни по преодолению религиозных пережитков карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев. В связи с тем, что ислам в жизни народов Карачаево-Черкесии долгое время занимал прочные позиции и проник во все сферы жизни людей (устройство быта, порядок заключения и расторжения брака, организация питания, досуга, правовые отношения и т.д.), нужно было осторожно подходить к этому деликатному вопросу. Обычаи – это часть духовной жизни народа, связанные с религиозной идеологией. Народ выполнял их десятилетиями, религиозные правила и обряды, также принимали формы обычаев. Тем самым религиозные обычаи приобретали национальную окраску. Взаимопроникновение национальных и религиозных обычаев вырабатывали нормы морали. Поэтому борьба с религией была тесно связана с решением национального вопроса. Как же происходило взаимопроникновение религии ислама и национальных традиций. Обратимся к истории. Ислам в Карачае и Черкесии стал распространяться поздно, в XVII–XVIII вв. А реликты местных верований и пережитки язычества сохранились до середины 19 столетия, и даже до сих пор отдельные атрибуты сохраняются в адатах горцев. Только ногайцы переселились сюда после распада Золотой Орды уже мусульманами [1, с.186].

В своей книге «Карачай» У. Алиев отмечает: в отдельные времена карачаевцы были язычниками. Только 150–200 лет назад в народе стало распространяться магометанство. Карачаевцы, несмотря на магометанство, чтут божество молнии. Божеству Чоппа даже приносят жертвы, именно серого козленка, которого перед закапыванием кормят, и это жертвоприношение сопровождается песнями (остатки язычества) [3, с. 61, 143–144].

Карачаево-Черкесия, как и многие национальные окраины России, до октября 1917 года находилась в ранней стадии капиталистического развития. Национальные обычаи, адат и шариат отражались на быте, вере, обычаях народов. Представители духовенства (эфенди, муллы, муэдзины) пользовались различными льготами. Они имели определенный доход со свадеб, похорон, с писания амулетов, принятия жертвенных подношений, присвоения закята – обязательная милость, биттира и прочее). Муллы были относительно образованными людьми в аулах и к ним обращались за различными советами как к единственно грамотным людям. Все эти причины затрудняли атеистическую работу новых властей, тем более, первые руководители государства в лице В.И. Ленина неоднократно предупреждали о деликатности этого вопроса в национальных окраинах, требуя, чтобы действовали осторожно и обязательно проявляли максимум доброжелательности к мусульманам.

Об этом неоднократно подчеркивалось в решениях Обкома партии в решении от 05.05.1924г. отмечается: «Принимая во внимание особую чуткость населения религиозным вопросам и малую подготовку в этом вопросе учительства, и что антирелигиозная борьба требует длительного и упорного труда. Считать проведение таковой в школах лишь в смысле разъяснения явления природы и культурных мероприятий», предложить агитпрому совместно с политпросветом Обкома усилить политико-просветительную работу среди комсомола, как по гор., так и на местах, обратив внимание на недопустимость нетактичных выступлений на антирелигиозные темы [5, Лл. 157–159; 4, л. 57].

Новые политические структуры поставили вопрос о построении нового политического строя. Вопросы, связанные с религией, подчинили общей борьбе за построение социализма в национальных окраинах, для чего нужно было объединить весь народ на

достижение цели на новых идеологических воззрениях. 2 ноября 1917 года была принята «Декларация прав народов России», а от 24 ноября 1917 года обращение «Ко всем трудящимся, мусульманам России и Востока», где провозглашалось: «мусульмане России, ... чеченцы и горцы Кавказа, все те мечети и молельни, которые разрушались, верования и обычаи которые попирались царями и угнетателями России!» «Отныне вашим верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов. Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов» [6, с. 69–70].

В директивном письме от 21 февраля 1920 года «Ко всем партийным комитетам и политотделам» ЦК РКП(б) указывалось на необходимость при работе среди мусульманских народов исходить из двух моментов – религиозного и национального. В ней отмечалось: «Религиозные предрассудки у них сильнее, чем у русских и других европейских рабочих и крестьян. Так как они находятся еще в той стадии развития, когда у гражданок семейный быт тесно связан с религиозными представлениями, религия у восточных народов занимает в жизни гораздо большее место, чем у народов экономически более развитых. Это предписывает большую осторожность в борьбе с религиозными предрассудками. Против них надо бороться не прямым отрицанием религии, а ее подтачиванием, посредством распространения грамоты, открытия школ, клубов, читален и, главным образом, указывая на классовый характер организации мусульманского духовного сословия, на его эксплуататорские стремления по отношению к бедноте» [7]. Аналогичные постановления принимаются на местах. Как уже отмечалось, общественная жизнь, семейно-бытовой уклад народов Карачаево-Черкесии находился под сильным влиянием религии. Атеистическая борьба новых политических структур должна была проводиться скрытно и осторожно. Итог этой борьбы определялся завоеванием народных масс и привлечением их на свою сторону и к строительству нового строя. Осуществляя равноправие как экономическое, так и политическое, новые политические власти пытались подорвать социальные корни и предрассудки религии, чтобы постепенно они исчезли. Свобода совести, объявленная в «Декларации прав народа», должна была привлечь широкие народные массы в дело революции.

В годы гражданской войны на территории Северного Кавказа создавались шариатские полки, которые выступили на стороне Советской власти против белогвардейцев и интервентов. Народные массы поняли это движение как национально-освободительное. На Территории Карачаево-Черкесии по решению III Общекарачаевского съезда Советов член отдельного военного комиссариата Аубекир Аджиев создал из карачаевской бедноты новый конный отряд, который сражался в рядах прославленной Шариатской колонны [10, с. 94].

Тактика лидеров политических органов власти заключалась в уважительном отношении к религиозным и народным традициям карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев. «Большевики понимали, – говорил С.М. Киров, – что они легче и быстрее дойдут до ума и сердца мусульманского населения не отказом вообще от шариата, а истолковав его в их же интересах, противопоставив контрреволюционному шариату «Советский шариат» [8, с. 576].

Правильное решение национального вопроса для многонационального Северного Кавказа имело большое значение, так как здесь проживало большое количество ранее угнетенных народов. Для лучшего удовлетворения интересов этих народов с учетом специфических особенностей при обкоме партии (Кубано-Черноморском) был создан интернациональный отдел, а при областном ревкоме – мусульманский отдел, первым председателем которого являлся студент азербайджанец Али Акперов, член большевистской организации «Гуммет». Осенью 1920 года при Кубано-Черноморском обкоме партии был создан отдел национальных меньшинств во главе с черкесским революционером Д. Калмыковым [10, с. 145]. При Северокавказском ревкоме существовал тоже горский отдел, которым руководил Умар Алиев. 9 апреля 1920 года горский ревком был создан и в Баталпашинском отделе (с подчинением отдельному ревкому). Председателем горского ревкома был назначен техник А. Кочкаров. Горские

ревкомы и горские отделы при ревкомах были зачатками национальной государственности горцев.

В период мирного строительства нового политического строя в Карачаево-Черкесии в 1920–1925 гг. были достигнуты определенные успехи. Их можно связать уважительным отношением к религии и верующим, верной тактикой властей. Одним из примеров может служить существование в области наряду с новым судопроизводством и привычных традиционных форм правового регулирования. Шариатские и третейские суды просуществовали вплоть до конца 1920-х годов. У народов Карачаево-Черкесии, как шариат, так и адаты регламентировали все стороны жизни. Они являлись комплексом правил поведения, состоящих из самых разнообразных норм – религиозных, нравственных, юридических и бытовых. Естественно, что в короткие сроки мусульманское население области не могло отказаться от привычных норм. Поэтому вопросы сохранения традиционных форм, в том числе и судопроизводство, стояли остро в период послеоктябрьских преобразований и определения государственности автономии Карачаево-Черкесии.

В своей книге «Карахалк» У. Алиев отмечает: «В исламе, как в самой молодой из всех религий земного шара, больше, чем в какой-либо другой, имеется наличие гражданско-политических элементов (магометанское юридическое учение «фикх» подвергалось воздействию со стороны господствовавшего в христианско-сирийских школах римского права), - допустимость гражданского брака, отрицание частной собственности на землю, воды, леса..., запрещение употребления спиртных напитков, людоедства... установление детально разработанной системы прогрессивной налоговой системы натуральной и финансовой в своем первоначальном виде равенство всех правоверных без различия племени, расы и т. д.) [2, с. 96]. Все это импонировало большинству населения Карачаево-Черкесии, которые придерживались исламской веры. Поэтому отвергать сразу же после установления новой власти привычных для населения шариатских судов было бы опрометчивым шагом со стороны новых властей. Отношение Коммунистической партии к этому процессу ясно выражено в речи С.М. Кирова, на Учредительном съезде Горской республики 21 апреля 1921 года. Он говорил: «Если бы весь вопрос сводился только к религиозной стороне дела, всегда было бы просто. Но тут затрагивается другая область – область общего управления... Если вы желаете судиться по шариату: это дело ваше... Очевидно, только такая форма суда в данном случае понятна народу... Те новые формы вашей внутренней жизни, которые намечаются здесь, должны отвечать двум требованиям: чтобы власть трудящихся, бедноты была глубоко понятна народным массам – это раз. А с другой стороны: чтобы все ваше устройство, и какие угодно учреждения и новые суды служили на пользу и для укрепления рабоче-крестьянской власти»[8, с. 78].

Население Северного Кавказа, в том числе Карачая и Черкесии, преимущественно состояло из мусульман, поэтому одной из важных проблем было использование традиционных религиозных институтов. Их нужно было создавать.

Таким образом, новые идеологические работники в основном были выходцами из крестьян и неграмотными, хотя и верили в свои идеалы, но доносить их до широких народных масс не хватало опыта ни в методах, ни в средствах. Также в первые годы послеоктябрьских преобразований многие представители духовенства, привыкнув играть в жизни общества большую роль, желали и в новых политических структурах занимать ответственные посты. Зачастую им это удавалось, особенно в первое время. Подготовленным кадрам духовенства трудно было противопоставить одни лозунги и призывы. Встал вопрос о преодолении неграмотности и подготовке профессиональных кадров.

Все поставленные вопросы ставились и решались успешно.

Литература:

1. Авксеньев, А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1984; Лайпанов, Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесок, 1957. – 287 с. ; Ногмов, Ш.Б. История адыгейского народа. – Нальчик, 1947. – 112 с; Очерки истории Карачаево-Черкесии. – Т. 1. – Ставрополь, 1967. – 600 с.
2. Алиев, У. Карахалк. Р.-Н/Д. 1927. – 111 с.
3. Алиев, У. Карачай. – Черкесск, 1991. – 320 с.
4. ГА КЧР. Ф. 1 Оп. 1. Д.18 Л. 57.
5. ГА КЧР.Ф.1.Оп.1.Д18. Лл.157-159.
6. Законодательство о религиозных культах. Сб.материалов и документов. – М., 1971. – 335 с.
7. Известия ЦК РКП(б), 1920 г., 2 марта.
8. Киров, С.М. Избранные статьи и речи (1912-1934 гг.). – Партиздат. –1937. – 576 с.
9. Киров, С.М. Избранные речи и статьи 1917-1934 гг. Партиздат изд. ЦК ВКП(б) 1937. – 576 с.
10. Лайпанов, К.Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1987. – 192 с.
11. Социально-политический журнал. №9, 1992.

УДК - 271.22

Ч – 16

Чакветадзе Гульнара Владимировна

*Служба государственной безопасности Республики Абхазия,
старший референт Секретариата,
кандидат исторических наук
E-mail: goulnara.tchakvetadze@yandex.ru*

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В АБХАЗСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Аннотация: В статье рассматривается текущее состояние церковного раскола в Республике Абхазия. Предыстория возникновения раскола, перспективы его разрешения.

Ключевые слова: православие, вероисповедание, толерантность.

Chakvetadze Gulnara Vladimirovna

*Senior referent of the Secretariat of the State Security Service of the
Republic of Abkhazia,
Ph.D in history,
E-mail: goulnara.tchakvetadze@yandex.ru*

RELIGIOUS SITUATION IN ABKHAZIAN ORTHODOX CHURCH

Abstract: The article describes the current situation of the church dissension in the Republic of Abkhazia. Prehistory of the dissension and perspectives of finding solutions to the problem.

Key words: orthodoxy, worship, tolerance

Территория Республики Абхазия составляет 8,7 тыс. кв. км, протяженность побережья 210 км, с юго-востока граничит с Республикой Грузия и с северо-запада с Российской Федерацией. Согласно принятой Конституции 26 ноября 1994 года Абхазия суверенное демократическое правовое государство. 26 августа 2008 года Российская Федерация признала Абхазию независимым государством, позже Абхазию признали государства – члены ООН: Никарагуа, Венесуэла, Науру, Сирия.

На территории Республики Абхазия множество конфессий: православие, ислам суннитского толка, католицизм, лютеранство, иудаизм, буддизм, также секты протестантского происхождения, и запрещенная с 1995 года секта «Свидетели Иеговы». Однако, языческие верования и обряды остаются наиболее влиятельными на абхазов. Все религии (кроме секты «Свидетели Иеговы») находятся в равноправном положении по Конституции и все религиозные конфессии, даже секта «Свидетели Иеговы» едины в защите и укреплении независимости Республики Абхазия.

Особое положение в Республике занимает Православная церковь. В Абхазии 144 православных храма, два монастыря, два наскальных монастыря, две часовни, четыре чтимых грота, два святых источника. В прошлом количество храмов достигало 160, многие из этих храмов представляют собой развалины, 20 храмов были полностью уничтожены (деревянная постройка). В настоящее время действующих храмов 18 и два монастыря [1].

По преданию православие в Абхазии имеет апостольское происхождение. С начала IV века здесь существовала Абазгийская епархия Константинопольского Патриархата. В VIII веке был учрежден Абхазский католикосат, объединявший ряд епархий, который просуществовал до 1819 года, когда он был присоединен к Грузинскому экзархату Русской православной церкви. После одностороннего отделения Грузинской православной церкви от Русской в 1917 году в Абхазии существовали как приходы Грузинского Патриархата, так и Московского. С урегулированием канонического положения Грузинской церкви в 1943 году все православные приходы в Абхазии вошли в состав Сухумской и Абхазской епархии Грузинской православной церкви [2].

Развал Советского Союза, провозглашение независимости Республики Грузия и последовавший за этим грузино-абхазский вооруженный конфликт, принявший форму полномасштабной войны (1992-1993гг.), привели к разрыву государственных, политических и культурных отношений между Грузией и Абхазией. Это сопровождалось массовым исходом грузинского населения с территории Абхазии. Была разрушена и структура церковного управления в Абхазии. Управляющий Сухумо-Абхазской епархии Грузинской Православной церкви, а также практически все духовенство грузинской национальности покинули Абхазию. Полноценная приходская жизнь дезорганизована [3, с. 61].

Духовная жизнь Абхазии стала восстанавливаться небольшой группой священников, которые избрали из своей среды управляющим Сухумо-Абхазской епархии иерея Виссариона Аплиаа, в 1989 году рукоположенного в диаконский сан грузинским Патриархом Всея Грузии Ильей II и в 1990 году в священники главой Сухумо-Абхазской епархии митрополитом Давидом. Юридически Епархия Абхазии по сегодняшний день остается под юрисдикцией Патриархии Грузии, а частично управляется Епархией Майкопской и Адыгейской Патриархии России. Руководство Русской Православной церкви выделяет значительные денежные средства на реставрацию и восстановление монастырей и в доставлении священнослужителей для вновь возрождающихся православных приходов Абхазии.

В основном священнослужители Абхазии окончили Духовные семинарии в России и рукоположены епископами Русской Православной Церкви, например: о. Игнатий (Нугзар Давидович Киут) первый из абхазов воспитанник семинарии за Советский период, рукоположен в сан иеромонаха в Свято-Троицком кафедральном соборе г.Майкопа епископом Филаретом Карагозиным управляющим Майкопской и Армавирской Епархией; о. Иоанн (Александр Васильевич Свинухов) рукоположен в сан иеромонаха епископом Майкопским и Адыгейским Пантелеимоном; о. Василиск (Борис Анатольевич Лейба) окончил духовную семинарию в Вааламском Спасо-Преображенском мужском монастыре, рукоположен в сан иеромонаха архиепископом Петрозаводской и Карельской Епархии Мануилом; о. Матвей (Мераб Васильевич Тужба) рукоположен в сан иеромонаха епископом Тираспольским и Дубосарским Юстинианом; о. Сергей (Сергей Варламович Джопуа) окончил семинарию Киево-Печерской Лавры, по окончании почислен за штат Южно-Сахалинской епархии, рукоположен в сан иеромонаха Южно-Сахалинским епископом Аркадием, получил благословение от Святейшего Патриарха всея Руси Алексия II совершать отчитки бесноватых.

Помимо этого, Русская православная церковь взяла на себя заботу о подготовке новых кадров священнослужителей для Абхазии. В 1993 году в Московскую духовную семинарию были приняты Дмитрий Заурович Дбар и Адриан Тариелович Ампар. В 2001 году Дмитрий Заурович в Свято-Михайловском мужском монастыре (Республика Адыгея) был пострижен епископом Майкопским и Адыгейским архиереем Пантелеимоном в монашество с именем Дорофей. В том же году о. Дорофей в Троицком кафедральном соборе г.Майкопа был рукоположен тем же епископом Майкопским и Адыгейским Пантелеимоном в сан иеромонаха и удостоен права ношения набедренника. О. Андрей перешел в Иконописную школу и по окончании причислен к Майкоп-

ской епархии, где рукоположен в сан иеромонаха. После обучения оба иеромонаха вернулись в Абхазию, где включились в церковную жизнь.

В 1998 году был создан Епархиальный совет под председательством о. Виссариона. В этот совет вошли о. Дорофей и о. Андрей. Именно они, о. Дорофей и о. Андрей, стали проводниками реформаторских идей в абхазской церкви. Их активность, приносящая им популярность и симпатии сограждан, вызвала недовольство со стороны о. Виссариона.

Разногласия между управляющим о. Виссарионом и иеромонахом Дорофеем начались с 2003 года. О. Дорофей, ссылаясь на катастрофическую нехватку духовенства, самочинно рекомендовал троих абхазов на рукоположение в сан священника. Но о. Виссарион отклонил это предложение. Через год, в 2004 году иеромонахом Дорофеем вновь был поднят вопрос их рукоположения. Но и на этот раз получив отказ, о. Дорофей самовольно выехал в Россию, договорился со священниками об оказании помощи в их рукоположении. Архиереи, которые ранее, на словах, согласились помочь, на деле, побоявшись огласки и упреков со стороны Грузинской православной церкви и патриарха Илии II, отказали иеромонаху Дорофею [4].

В 2004 году о. Виссарион, пользуясь поддержкой со стороны двух поместных церквей, негласным соглашением между Русской и Грузинской православными церквями, перешел к единоличному управлению церковью и в 2005 году как глава Сухумо - Абхазской епархии снял с должностей настоятелей о. Дорофея и о. Андрея. Таким образом, в 2005 году конфликт между старым и молодым поколениями священников вышел наружу и стал одной из тем публичных дискуссий в Абхазии.

Ситуация, сложившаяся внутри Абхазской православной церкви, привели к расколу и внутрицерковным спорам. Погасить конфликт в 2005 году удалось при посредничестве Русской православной церкви, заинтересованной в стабильной ситуации в Республике. Одновременно с этим, дабы прекратить претензии и недовольства со стороны Грузинской православной церкви, о. Дорофей и о. Андрей были выведены за штат Майкопской епархии «с правом перехода в любую епархию». Молодые священники оказались привязанными к Ново-Афонскому монастырю как к месту своего пребывания и деятельности (так как другие объекты были под контролем о. Виссариона). Им практически не оставалось выбора, как искать покровительство и поддержку вне России (т. е. не у Русской православной церкви) [5].

Старшие священники во главе с иереем Виссарионом, сумевшие сохранить православную веру в Абхазии в годы безбожных гонений в годы кровавой войны и послевоенного лихолетья – вдруг выступили с резкими обличениями против молодых иеромонахов, на которых возлагались такие большие надежды, как на будущее Абхазской церкви.

15 мая 2006 года на Епархиальном совете было принято «Лыхненское» Постановление о деятельности молодых священников. Абхазская православная церковь стала перед выбором, куда ей идти – то ли за опытными священниками, пытающимися сохранить Абхазскую Церковь в лоне Вселенского Православия, то ли за «младоепископами», которые пользуясь теорией о. Дорофея, согласно которой все церкви образовались путем раскола, пытаются повести Абхазскую Церковь путем духовных авантюр. Идеальный вариант, когда младшие слушают старших, а старшие мудро управляют младшими, «младоепископы» отвергают, и, нарушая установленную Богом иерархию, пытаются все сделать наоборот, ведут обширную агитацию в целях саморекламы, разрушают Православие в Абхазии и неистово рвутся к власти [6, с. 6].

Указом архиепископа Майкопской и Адыгейской епархии за №017 от 17.05.2007 года на основании резолюции Его Святейшества, Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II от 15.06.2006 года за №4179 в связи с раскольнической деятельностью на территории Республики Абхазия, а именно: разжигание межнациональной розни, призывы к депортации из Абхазии русских священнослужителей, заявление о стремлении к присоединению к раскольнической греческой церкви, неподчинение управляющему епархией и нарушение Майкопского соглашения о сохранении церковного мира на территории Сухумо-Абхазской епархии иеромонаху Дорофею было запрещено участвовать в священнослужении.

Именно из-за разногласий с иереем Виссарионом в январе 2007 года иеромонаху Дорофею пришлось отправиться на учебу в Грецию в г. Салоники, оставив настоятельство в монастыре св. Иоанна Златоуста в Каманах и ректорство в Новоафонском учи-

лице. Это позволило ему претендовать на зачисление в штат Элладской православной церкви. В 2011 году о. Дорофей был возведен Митрополитом Гумениссы, Аксиуполеоса и Поликастры Элладской Православной церкви Димитрием в сан архимандрита.

26 августа 2008 года после признания Абхазии Российской Федерацией независимым государством действующее в Абхазии духовенство активизировалось с целью получить Автокефалию для Сухумо-Абхазской Епархии.

5 сентября 2008 года о. Виссарион, пользуясь отсутствием своего оппонента, заявил, что Абхазская церковь желает восстановить автокефалию и быть самоуправляемой в составе Русской православной церкви Московского Патриархата. Однако представители Грузинской и Русской Церквей квалифицировали действия абхазского священства в целом как неправомерные.

15 сентября 2009 года иерей Виссарион на собрании духовенства с целью восстановления Абхазской православной церкви в одностороннем порядке сообщил о прекращении деятельности Сухумо-Абхазской епархии Грузинской православной церкви на территории Республики Абхазия, создании Пицундской и Сухумской Епархии Абхазской православной церкви, провозгласил автокефалию Абхазской церкви и официальное отделение от Грузинского католикосата: «...Грузия совершила не только военную и политическую агрессию в отношении Абхазии, но и духовную. Абхазия никак не может быть неотъемлемой частью Грузии и Сухумо-Абхазская епархия, входившая в состав грузинского католикосата, прекратила свое существование», «...поскольку Сухумо-Абхазская епархия подчинялась с 1943 года грузинскому католикосату и территория Абхазии была насильственно приобщена к Грузинской церкви, сегодня же мы можем заявить о своей самостоятельности» [7].

После иерей Виссарион обратился к Патриарху Московскому и всея Руси с просьбой признать независимость Абхазской Церкви. Однако Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на данное обращение заметил, что решение церковных проблем в Абхазии возможно только на основе канонов и при непосредственном участии Грузинской Церкви. Но протоиерей Виссарион настаивал, утверждая: «Мы совершаем все свои поступки правильно, не нарушая православных канонов и правил. Никакой правомочности Грузия на территории Абхазии по каноническим правилам не имеет. Мы хотим восстановить историческую справедливость, и правду, дарованную нам Богом, и ее никто не может у нас отнять» [8].

На это заявление замглавы Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) Московского Патриархата протоиерей Николай Балашов ответил, «вопрос о пастырском окормлении православных Абхазии должен решаться в процессе переговоров Русской и Грузинской Православных Церквей», добавив, что решение об изменении статуса православной церкви в том или ином регионе не может приниматься в одностороннем порядке» [9, с. 1].

«Заявление духовных лиц Абхазии – несерьезное, мы не должны воспринимать его всерьез, – сказал журналистам Католикос – Патриарх Всея Грузии Илья II. – Никто не имеет права объявлять независимость без Матери – церкви» [10].

В 2010 году, пользуясь поддержкой в политических кругах, о. Виссарион сумел добиться передачи Сухумо-Пицундской Епархии Абхазской Православной церкви в безвозмездное бессрочное пользование имущественного комплекса бывшей туристической базы «Киараз», расположенной по адресу: г. Новый Афон [11] и объектов историко-культурного наследия (38 храмов) на территории республики [12]. Вопрос заключался лишь в том, кто будет контролировать и управлять Новоафонским монастырем, который являлся и является по сей день наиболее значимым и крупным объектом в Абхазии.

Передача церковных объектов в руки о. Виссариона возобновила раскол, так как активизировалась борьба за Новый Афон. О. Виссарион, заручившись поддержкой Русской православной церковью, назначил настоятелем монастыря о. Ефрема (Виноградова), который был прислан Московским патриархатом. Эта ситуация вновь вызвала недовольство сторонников новоафонских священников, о. Ефрему пришлось покинуть Афон и те в свою очередь (о. Дорофей и о. Андрей) решили взяться за создание самостоятельной церкви, т. е. взяли на себя полномочия епископов и объявили о созыве общеабхазского Церковно-народного собрания.

15 мая 2011 года с целью определить будущее абхазской епархии, в монастыре Симона Кананита в Новом Афоне по организации иеромонахов Дорофея и Андрея со-

стоялось «церковно-народное собрание», на котором присутствовало 1 500 человек. И был создан новый церковный институт – «Священная Митрополия Абхазии», на котором избрали председателя совета и кандидата в епископы иеромонаха (архимандрита) Дорофея.

26 мая 2011 года из-за неканонических действий митрополит Майкопский и Адыгейский Русской Православной церкви Тихон издал указ о запрете в священнослужении сроком на 1 год уже двух заштатных клириков – иеромонаха Дорофея и иеромонаха Андрея. И в мае 2012 года запрет в священнослужении был продлен еще на три года.

27 июня 2012 года священнослужители из самопровозглашенной «Священной Митрополии» о. Дорофей и о. Андрей заявили о полном разрыве своих отношений с Русской Православной Церковью, порвав указы о наложении на них запрещения в священнослужении за раскольническую деятельность на территории Абхазии.

9 января 2012 года по приглашению Вселенской патриархии представители «Абхазской митрополии» выехали в Стамбул на встречу со Святейшим Патриархом Константинопольским Варфоломеем, где подробно изложили всю проблематику абхазского церковного вопроса. На что, Святейший Патриарх Варфоломей просил передать православному абхазскому народу, что Вселенская Патриархия, как Мать Церковь, сделает все возможное для канонического разрешения церковного положения в Абхазии [13, с. 1].

По возвращению в Абхазию о. Дорофей стал активно пропагандировать идею получения Абхазской церковью автокефалии через Вселенский патриархат. При этом он представлял абхазскому обществу эту возможность как реальную, основываясь на встречах с иерархами Вселенского Патриархата (в частности с о. Варфоломеем). Распространялось утверждение, что Вселенский Патриархат поможет вынести этот вопрос на Священный Собор Вселенской Патриархии.

На это в своей статье замглавы синодального отдела внешних церковных связей протоиерей Николай Балашов для «Интерфакс-Религия» отметил, что все церкви обязаны уважать канонические пределы других церквей, иначе православие будет разрушено. Ожидая от Стамбула решений о будущем Православной церкви в Абхазии, наши братья ошибаются и принимают желаемое ими за действительное [14].

3 февраля 2012 года на площади Свободы состоялся народный сход на котором было принято обращение к Президенту РА, Народному Собранию – Парламенту, Вселенскому Патриарху Варфоломею, Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу и всем главам Поместных Православных Церквей, в котором православный абхазский народ просит отделить Абхазскую Церковь от Грузинской. Собрание положительно оценило идею восстановления автокефалии абхазской православной церкви при посредничестве Матери – церкви, Константинопольской Патриархии.

Диакон Владимир Василиск доцент Санкт-Петербургской Духовной академии, кандидат филологических наук так разъяснил встречу Варфоломея с представителями раскольнической «Абхазской церкви». Он явно дал понять, что Константинополь готов взять под свою юрисдикцию мятежную абхазскую епархию, и тем самым бросил вызов не только Патриарху Московскому, но и Патриарху Грузинскому, в чьей юрисдикции до сих пор является Абхазия (хотя в силу политических обстоятельств он не в состоянии свою юрисдикцию осуществлять) [15].

В июле 2013 года на собрании священнослужителей и мирян в Сухумском Кафедральном соборе Благовещения Пресвятой Богородицы, на котором участвовало около 15 священников и 80 мирян принято единогласное решение, что «монахи Дорофей и Андрей в течение 12 дней должны покаяться за содеянный раскол в абхазской церкви, иначе будут лишены православного сана» [16, с. 9].

Духовенство, которым руководит о. Виссарион, придерживается Русской православной церкви, а молодые священнослужители во главе с Дорофеем прогреческие, в частности являются сторонниками сближения с Константинополем. Цель, которая движет и о. Виссарионом и о. Дорофеем, едина – Автокефалия, но их расхождение лишь в путях достижения.

8 марта 2019 года в Новом Афоне прошло заседание Совета Священной Митрополии Абхазии и состоялась встреча представителей Сухумо-Пицундской епархии. На встрече обсуждали необходимость преодоления раскола, объединение усилий для достижения в будущем независимости Абхазской церкви. О. Дорофей сообщил: «мы все

за воссоздание независимой Абхазской православной церкви. Нас разделяет только путь решения этого главного, ключевого вопроса. И в связи с этим, если духовенство Сухумо-Абхазской Епархии хочет, чтобы мы все вместе послужили в Ново-Афонском монастыре, мы готовы, тогда духовенство Сухумо-Пицундской епархии пусть вновь обратятся к Патриарху или соответствующим структурам Русской церкви с просьбой снять запрет с о. Дорофея без моего участия» [17].

В расколе, произошедшем в Абхазской православной церкви, просматривается заинтересованность Вселенского Патриархата в обретении влияния на процессы, происходящие в православном мире Абхазии. Делая ставку на абхазских священнослужителей, объявленных Русской Православной Церковью «раскольниками», заигрывая с ними Вселенский Патриарх фактически идет против Русской православной церкви, пытаясь ослабить, а если удастся, то и ликвидировать ее каноническое, духовное влияние на территориях за пределами границ России. Убедительным примером этих недружественных шагов Вселенского Патриархата в отношении Русской православной церкви является решение о предоставлении автокефалии отколовшейся от Украинской Православной Церкви Московского Патриархата Украинской церкви.

Рассматривая данный вопрос через призму геополитических процессов, происходящих в мире, а именно: политики ведущих мировых держав (США, Великобритании), направленной на ослабление позиций Российской Федерации на мировой арене, можно с большой долей вероятности предположить следующее: ведущие западные державы, используя тайные механизмы влияния, настраивают Вселенский Патриархат на действия и решения против Русской православной церкви.

В этом противостоянии на лицо и стремление Вселенского Патриархата играть роль «первого без равных», получить вселенскую юрисдикцию либо максимально ее распространить на территориях, ранее не являющихся подчиненными ему Митрополиями.

Преподобный Никодим Святогорец в своем «Пидалионе», который является авторитетным источником церковно-канонического права Константинопольской церкви, толкует 9 правило IV Вселенского Собора, отвергая ложное мнение о праве Константинополя на рассмотрение апелляций из других Церквей: «Константинопольский Предстоятель не имеет права действовать в диоцезах и областях других Патриархов, и это правило не дало ему права принимать апелляции по любому делу во вселенской Церкви», также «В настоящее время Константинопольский Предстоятель есть первый, единственный и последний судья над подчиненными ему Митрополиями – но не над теми, которые подчиняются остальным Патриархам. Ибо, как мы сказали, последний и всеобщий судья всех Патриархов - это Вселенский Собор, и никто другой». Из «этого следует, что Синод Константинопольской Церкви не имеет канонических прав для отмены судебных решений, вынесенных Архиерейским Собором Русской православной Церкви. Присвоение отмены судебных и иных решений других Поместных Православных Церквей – лишь одно из проявлений ложного учения, провозглашаемого ныне Константинопольской Церковью и приписываемому Патриарху Константинопольскому права «первого без равных» со вселенской юрисдикцией [18].

В абхазском обществе не было и нет противоречий на религиозной почве, хотя встречаются единичные конфликты среди интеллигенции и религиозных лидеров, которые связаны больше с их разномыслием о путях и формах достижения национальных интересов. Внутри конфессиональные проблемы связаны с догматическими, организационными, имущественными и другими противоречиями. Часто эти проблемы схожи с проблемами любой другой организации [19, с. 21].

В этой непростой духовной ситуации Русская православная церковь, как могла, продолжала и по настоящее время продолжает оказывать помощь верующим Абхазии, пытаясь содействовать в разрешении проблемы в рамках церковноправового поля.

Литература:

1. Перечень храмов и монастырей Абхазской Православной церкви в Абхазии. 16.06.2011. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: aisha.ru
2. Православие в Абхазии. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org.
3. Багателия, А.Я. Православие в Абхазии: основные этапы истории и национально – культурные особенности. – М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ, 2002. – С. 61.

4. Дбар, Д. (Отец Дорофей), настоятель монастыря Святого Иоанна Златоуста, ректор Новоафонского Училища, за неделю до Церковного Собора, намеченного на 29 мая, дал интервью газете «Чегемская Правда», где рассказал о последних перипетиях конфликта внутри Абхазской Церкви». См. Чегемская Правда. – Сухум, 2005. 24 мая.
5. Муханов, В.М. О текущем состоянии церковного раскола в Абхазии. 2016 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: abh-n.ru.
6. «Лыхненское» Постановление Епархиального Совета Сухумо-Абхазской Епархии. Факты и комментарии. // Православная Абхазия. - Сухум, 2006. – №37. – С. 6.
7. Протокол заседания Епархиального собрания Сухумо-Абхазской епархии от 18 сентября 2009 года.
8. (Аплиаа, В.) Основная статья: Абхазская православная церковь. 2009 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org> Православие в Абхазии.
9. Балашов, Н. Вот что крест миротворящий делает. Мир в Абхазии закончился войной церковью // Коммерсант. №172 от 17.09.2009. – С. 1.
10. Амелина, Я. Абхазия: головная боль РПЦ. 17.09.2009 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: m.rosbalt.ru
11. Постановление КМ РА о передаче в безвозмездное бессрочное пользование имущественного комплекса бывшей туристической базы «Киараз». №170 от 31.08.2010.
12. Постановление КМ РА о передаче Сухумо-Пицундской Епархии Абхазской Православной церкви в безвозмездное бессрочное пользование объектов историко-культурного наследия (38 храмов) на территории республики. №283 от 28.12.2010.
13. Абхазская церковная делегация у Вселенского Патриарха // Христианская Абхазия, январь 2012. №1 (57). – С. 1.
14. Балашов, Н. Ошибочно ожидать из Стамбула решений о будущем Православной церкви Абхазии // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htt.interfax – religion.ru.
15. Из Стамбула в Константинополь. 2007 – 2019 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: simvol-veri.ru.
16. Заявление Организационного комитета по подготовке собрания православного народа Абхазии // Христианская Абхазия. г. Новый Афон, август 2013. № 8 (76). – С. 9.
17. Заводская, Е. – Режим доступа: ekhokavkaza.com
18. Заявление Священного Синода Русской православной церкви в связи с посягательством Константинопольского Патриархата на каноническую территорию Русской Церкви. 15.10.2018. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.patriarchia.ru
19. Чакветадзе, Г.В. Конфессиональные аспекты этнической культуры народов современной Абхазии. – Карачаевск – Сухум: КЧГУ – ИНОА, 2009. – С. 21.

Творчество Джаббарлы это великое наследие не только азербайджанского народа. Его творчество оказало влияние на театральную и литературную деятельность и других народов Кавказа, Средней Азии. Опираясь на лучшие традиции национальной и русской литературы, Джаббарлы поднимал актуальные проблемы своего времени. Он был ярким представителем прогрессивного романтизма, в творчестве которого находили свое отражение острые противоречия азербайджанского общества. Грандиозность произведений Джаббарлы, главным образом, отражается в их актуальности и в реальной демонстрации действительности. Парадокс в том что, несмотря на то, что Джаббарлы творил столетие тому назад, он остается современным писателем. Темы, которые затрагивал писатель, актуальны и по сей день.

Творчество Джаббарлы монументально! Разнообразная тематика, доступность и актуальность сюжета, легкий слог, драматизм ситуации – все это неполный перечень характеристик его произведений. Способность заинтересовать читателя с первых строк дана не каждому писателю. У Джаббарлы это получалось легко и непринужденно. Приоритетом в произведениях Джаббарлы является свободная, самодостаточная личность. Его любовь к свободе, к индивидуальности отражается почти во всех его работах. В статье исследуются некоторые произведения писателя, в которых разворачивается как общечеловеческая драма, так и драма женской участи. Улавливаются акценты, замыслы драматурга. Проводятся параллели между произведениями.

Тематика в его произведениях разнообразна. Но, что интересно и похвально, это то, что главным образом в его произведениях являлась женщина. Да, он любил писать про женщин, независимо от их возраста (это могла быть и маленькая восьмилетняя девочка и взрослая зрелая женщина), независимо от их социального положения и образования. Тема женщины была для писателя одной из самых важных. Национальный женский образ, со своими нерешенными проблемами, присутствует во многих его произведениях. И в стихах, и в рассказах, и в драматических произведениях он пытался донести до читателя реальную картину социального неравенства, все ужасы невежества и необразованности.

Джаббарлы начал писать в раннем возрасте. Первые его стихи публиковались с 1911 года, в местной газете «Хагигат-и Афкар» [4]. В последующие годы жизни он создал свыше двадцати пьес, а также рассказов, стихов, очерков, статей. К его трудам относятся также переводы некоторых европейских классиков. К примеру, перевод произведений Шекспира «Отелло», «Гамлет», Шиллера «Беглецы», Бомарше «Свадьба Фигаро», Толстого «Гаджи Мурад» [2]. Не имея музыкального образования, не зная нот, он сам писал песни и музыку к своим произведениям. Братья Бадалбейди, его близкие друзья, переписывали мелодии на ноты [2]. Когда Джаббарлы было всего 17 лет он создал «Увядающие цветы». Исследуя его творческий путь, неоднократно прихожу к мысли, что Джаббарлы гениален!

Джаббарлы очень рано осиротел, в три года он остался без отца. Их, сыновей, у матери было четверо, младшим был Джафар. С ранних лет ему были не чужды тяготы женской участи. Он видел, как трудно его матери одной растить, поднимать сыновей. Как она честная и трудолюбивая женщина, своим трудом, содержала большую семью. Мать пекла хлеб, а он в свободное от учебы время разносил его по заказчикам. Мать видела его способности в учебе, чувствовала, что он отличается от своих старших братьев. Она очень старалась поддержать его любовь и интерес к знаниям. Поэтому, несмотря на материальные трудности, она сделала все возможное, чтобы мальчик получил образование.

Любовь сопровождала писателя весь его жизненный путь. Изначально это была материнская любовь, а потом когда он женился на своей двоюродной сестре Соне, это было супружеское, крепкое чувство. Он безумно любил свою жену. Любя он называл ее Сонасы. И она его любила, понимала, уважала его работу. Любовь помогала ему творить.

Джаббарлы приветствовал свободу личности. Не менее заинтересован был он в свободе женщин, в устранении гендерного неравенства, в решении проблем связанных с массовой необразованностью среди женского населения. Снимая «Севиля» драматург всеми силами пытался снять на роль главной героини азербайджанку, а в те времена это было очень сложно, т.к. азербайджанкам запрещалось сниматься в кино, играть на сцене театра. Но этот запрет не остановил Джаббарлы, потому что он знал только актриса-азербайджанка могла убедить зрителя в необходимости сбросить чадру, сбросить оковы отсталости и невежества. С большим трудом ему удалось найти азербайджанку, которая согласилась сняться в фильме. Ею оказалась юная Иззят Оруджева. Чтобы по-

казать пример всем остальным он уговорил свою Сону снять чадру. Для того чтобы, убедить общество в правдивости своих слов он опубликовал фото своей жены без чадры, в местной газете.

В 1924 году он написал маленький рассказ «Гюльзар», но как много типично национального было в этом рассказе, какая большая драма разыгралась в маленькой деревушке. Гюльзар это бедная девушка-подросток, пастушка, у которой кроме чистого имени и всеобщей любви ничего не было. Любимый брат и слепая мать старушка это вся ее родня. Несмотря на нищету, девушка была любима всеми жителями деревни, так как хорошо воспитана, честна, отзывчива, трудолюбива, очень добродушна и проста. Автор подчеркивает всеобщую любовь к Гюльзар следующими словами: «Матери, браня своих дочерей, ставили в пример Гюльзар; женщины прося у Аллаха ребенка, добрым словом поминали Гюльзар» [1, с. 9]. Кроме чистого имени у девушки ничего не было. Трагизм событий не в том, что Гюльзар была бедна, а в том, что посягнули жестоким образом на ее честь. Обесчещена, опозорена перед всей деревней а для нее и перед всем миром. Богатый жених отказался от нее, хотя и поверил в ее невиновность, но предрассудки вяли вверх над разумом, тем самым оставив ее одну против пересудов, издевок односельчан. Джаббарлы жесток и коварен в этом рассказе, но разве жизнь сама не коварна?! У бедности нет друзей и даже провидение против нее. Злой рок, как и несчастная судьба, верные спутники нищеты и это в очередной раз доказывается в рассказе «Гюльзара».

«Испив до дна напиток счастья, так просто уронить и разбить кубок. Но как горько, найдя дорогу к счастью и находясь уже у самой цели, пережить ужас разбитых надежд!» [1, с. 23]. Этими словами начинается рассказ «Дильяра». Разбитые надежды стали уделом бедного Башира, который всего лишь захотел для своей маленькой дочери более хорошей участи, захотел, чтобы она училась, стала образованной. Но разве можно бедняку учиться? Даже думать нельзя об этом. Несчастный Башир сделал все от него зависящее, чтобы его маленькая дочь пошла в школу. Он и с учительницей договорился, и на базаре купил, на последние деньги, поношенную одежду и башмаки для малышки. Но все высшие силы вмешались, чтобы не сбыться мечте. В итоге Башир лишился ноги и того скудного заработка, на который содержал семью. Его семья была обречена на голодную смерть.

«Ах, как близко было счастье» [1, с. 27]. Джаббарлы был против ранних браков, против неравных браков, когда молоденьких девочек насильно выдавали за стариков, отрывали от учебы. В рассказе «Дильбяр» он показывает бунт девочки, которую отрывали от учебы, чтобы насильно выдать замуж за грубого, злого, но богатого человека. Дильбяр, как многие девочки того времени, была принесена в жертву, чтобы решить материальные проблемы бедного, пожилого отца. Бедная девочка страдает, мучается, скучает по своим занятиям в школе. «Она была заживо погребена», так думает автор обо всех девушках в такой ситуации, на примере Дильбяр [1, с. 33]. Нескончаемые хлопоты по хозяйству, придирки от свекрови, побои мужа, никаких развлечений – вот насущная, реальная жизнь молодых жен. И Дильбяр сбегает. Побег ее спонтанный, незапланированный. Побег в темноту...

В 1929 году по одноименной пьесе Джаббарлы снимается фильм «Севиль». Это первый фильм-протест против национального гендерного неравенства, против бесправия женщин, где женщина срывает с себя чадру. По Джаббарлы, чадра это не только кусок темной ткани, в которую укутывались женщины. Чадра – это невежество, отсталость, неграмотность, экономическая зависимость, все то негативное во что укутали азербайджанскую женщину, того времени, все, с чем боролся писатель всю свою сознательную жизнь. «Севиль» – мечта Джаббарлы! Это образ женщины, которая оставила в своем неграмотном, отсталом, беспомощном прошлом все свои страхи и сомнения, несчастную любовь, разбитую семью. Это женщина, которая прошла через все невзгоды жизни к алтарю счастья. А счастье, для женщины, Джаббарлы видел в ученье, в грамоте, в умении самой заработать на жизнь. Грамотная, образованная, культурная, экономически независимая азербайджанская женщина – вот заветный образ Джаббарлы.

«Ах, какая ты жалкая, Севиль», такой видел азербайджанскую женщину писатель, глазами Гюлюш [3]. Такой она и была, темной, неграмотной, жалкой. А к такому женскому идеалу он стремился: «Но я не прежняя Севиль. Я более не кукла, с которой можно играть». «Конец черному прошлому с его слезами, унижениями! Теперь я не бессильна в жизни»[3]. Севиль срывает с себя чадру, срывает с себя оковы невежества

и никчемности. Она стремится к знанию, к свободе, к самодостаточности. Потому что Джаббарлы знал только за знаниями светлое будущее.

Творчество Джаббарлы – великое культурное наследие не только азербайджанского народа, но и на мировом уровне. Вопросы, поднимаемые писателем в своих произведениях актуальны и по сей день, во многих странах. Социальное положение женщин, гендерные проблемы в образовании и многие вопросы до сих пор не нашли своего решения в современном социуме. Джаббарлы всем своим разумом и сердцем призывал общество ценить, уважать женщину. По Джаббарлы, азербайджанская женщина – это красивая, образованная, уверенная в себе женщина, которая прошла через преграды темной, тяжелой жизни к счастливому будущему. Ключ для счастливого будущего, по мнению великого Джаббарлы, только в образованности общества.

Литература

1. Джафар Джаббарлы. Гюльзар. Рассказы /Гянджлик/ – Баку, 1972. – 60с.
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://archives.echo.az/?p=8151>:(дата обращения 10.05.2019).
3. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://ebooks.azlibnet.az/book/hlxXUHOY>: (дата обращения 11. 05. 2019).
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.kino.-teatr.ru/kino/ screenwriter /sov/253990/bio/> (дата обращения 15. 06. 2019).

УДК 811.352.3

Анчек Сурет Хазретовна
Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева,
ведущий научный сотрудник отдела языка,
г. Майкоп, Республика Адыгея
E-mail: ancheksuret@mail.ru

КОНЦЕПТ КАК ИНСТРУМЕНТ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ (на материале адыгейского языка)

Аннотация: В статье рассматривается сущность когнитивной семантики. Определяется, что когнитивная семантика занимается распределением концептов по уровням, где стержневое место принадлежит индивиду, исполняющему роль категоризатора, концептуализатора. Существует мнение, что концепты делятся на минимум – и максимум – типы. Но автор статьи придерживается мнения, что пословичные концепты нужно делить на два вида: 1) стандартный концепт, несущий традиционное понятие о ментальной категории, и 2) конкретно-ситуативный концепт, который базируется ценностной составляющей предыдущего, однако способен его игнорировать, когда это разнится с заданностью отправителя.

Ключевые слова: концепт, инструмент, когнитивная семантика, картина мира, стандартный концепт, конкретно-ситуативный концепт

Anchek Suret Khazretovna
Adyghe Republican Institute for Humanities
Research named after T.M. Kerashev,
Leading Expert of Department of Language,
Maikop, Republic of Adyghea,
ancheksuret@mail.ru

THE CONCEPT AS A TOOL OF COGNITIVE SEMANTICS (On the Material of the Adyghe Language)

Abstract: The article deals with the essence of cognitive semantics. It is determined that cognitive semantics deals with the distribution of concepts on the levels where the pivotal place belongs to the individual acting as a categorizer, conceptualizer. It is believed that the concepts are divided into minimum – and maximum – types. But the author of the article is of the opinion that proverbial concepts should be divided into two types: 1) a standard concept that carries the traditional concept of

the mental category, and 2) a specific-situational concept that is based on the value component of the previous one, but is able to ignore it when it differs from the sender's task.

Key words: *concept, tool, cognitive semantics, world view, standard concept, concrete situational concept*

Концепт вполне доказуемо можно считать инструментом когнитивной семантики. Трудность в определении концептов, а также утопичность выведения повсеместного подступа к их постижению определена рядом обстоятельств. Порождающее концепт понятие «картина мира», являющая собой персональный взгляд на окружающее бытие, выступает посредством целого комплекса образно-предметных групп. В сегодняшних лингвистических работах языковеды просматривают отделение от указанного термина «картина мира» другие, созвучные ему – «модель мира», «образ мира». В связи с подобной многократностью идентичных понятий нередко появляется смысловая неточность. Она обусловлена их взаимной расположенностью и зависимостью, приметам их представленности в сегодняшней теоретической науке языка и в его практике. Видят в этих компонентах языкового комплекса расхождения на разнообразном (в т.ч. грамматическом, лексическом и фразеологическом) уровне. Подобное словесное оформление данного явления обусловлено этнолингвистической распределенностью мирового пространства. Как считает по этому поводу уже в новом тысячелетии Ю.В. Мещерякова, «Картина мира есть субъективный образ мира, и является идеальным образованием, которое может опредмечиваться в знаковых формах различного вида, не запечатлеваясь полностью ни в одном из них. [2, с. 30].

Многочисленная и разнообразная череда концептов напрямую задействована в проводимой личностью систематизации реальности. Распределению категорий по уровням посвящена когнитивная семантика. Она являет собой целую смысловую теорию, в которой стержневое место принадлежит индивиду, исполняющему роль категоризатора, концептуализатора. В производимом нами изучении концептосфера народа представляется сплоченным и цельным системным творением, производимым из концептуально соотнесенной, а также концептуально сформированной массы ценностей. Такая масса предварительно сформирована либо добыта в ходе постижения некоторой группой реалий. Она олицетворяется или уже олицетворена в имеющемся бесчисленном ресурсе используемых неязыковых символов, всевозможных и представляющих собой взаимно обусловленные смысловые сферы.

Относительно имеющегося у адыгов фольклорного ресурса можно утверждать следующее. Здесь имеет место быть разграничение на большой (сказки, песни) и малый (паремиологический) (в т.ч. пословичный) типы. Концептуальная область, как в русской, так и в адыгской народной сказке обладает отчетливо просматриваемой склонностью к лингвокультурологии. Она обладает весьма последовательной структурой. Из числа ряда уровней верхний принадлежит Всевышнему, сопровождаемому в своем величии группой «светлых духов». «Духи темные» при этом не способны покорить человека полностью, однако предпринимают многократные и нескончаемые попытки увести его от разума, расположить его на сниженном уровне, прельстить его коварным проступком. Таким образом, человеку в народной сказке принадлежит заметное, но отнюдь не центральное место – уровень под Богом, средний. Будучи ограничены объемом статьи позволим себе обращение лишь к пословице для демонстрации некоторых теоретических положений вопроса.

Дефиниция и придание определения пословичному концепту есть выведение из лингвокультурной сферы ряда свойств качеств и признаков. Оптимально присущими явлению признаками мы видим триединый комплекс, включающий следующее: порой расходящаяся интерпретация понятия «концепт»; его взаимозависимость с явлениями «представление», «понятие», «смысл»; практически нескончаемый научный интерес, рассмотрение в достаточно отдаленных друг от друга научных предметах. По мнению Е.В. Ивановой, концепт являет собой сочетание и базу когнитива, как некоторую модель представления мысли либо когнитивную конструкцию. Кроме лингвистики, концепт выступает мобильным и действующим явлением в любом, вербально насыщенном, гуманитарном знании. Интересующая нас в данном случае пословичная форма когнитива заметно объемней и, потому, – обширнее на фоне конкретного концепта, применяемого там же, в паремиологии. Она несет сведения не только о единичном концепте, но и

подразумевает массу данных о концептах, так или иначе касающихся его. Взаимодействие, связующее форму когнитива и концепт, можно трактовать с применением допустимых в соответствующей лингвистической области явлений. Это единичная фигура и общий фон. Первое из названных есть предмет, заметный и отличный на фоне второго. В пословице это смысловой и образный ствол, который обвивает некоторое событие, задаваемое, продвигаемое и разрешаемое фигурой. Существует версия считать концепт объектом, вырабатываемым в пространстве когнитива, который, в свою очередь, формируется созвучными, тематически едиными, пословицами. Однако допустимо воспринимать пословичную фигуру в контексте, то есть на фоне имеющегося произведения, его словесного оформления.

Соответственно адыгской пословице допустимо также вести речь о присутствии здесь концепта. Как известно, применительно к концептам действует градация, разделяющая их на минимум – и максимум – типы. Минимально насыщенным концептом мы видим единицу, содержащую единичные характерологические приметы. Это признаки, относящиеся единицу в лоно осмысленного восприятия, но их мало, и это исполнимо в случае с концептом-минимумом. По мнению сегодняшнего автора одной из докторских диссертаций О.Б.Абакумовой, оптимально разделять концепты на два пословичных типа [1].

Под первым она предлагает видеть шаблонный, стандартный концепт, несущий традиционное понятие о ментальной категории. Она выступает как механизм ментально осязаемых качеств, значимых и действенных, несущих общенародно известными лицами в «известных еще дедам» обстоятельствах, в типичных для носителя языка событиях. К примеру, у адыгов: *Сэтэнае ишъэф Сэтэнае зыдыхъыжъыгъ* «Свой секрет унесла с собой Сатанай». *Саусырыкъо ишушыгъ, Шэбатныкъо илыгъ* «Ум Саусырыко, мужество Шабатнуко». *Нарт я Мэлычипхъу фэдэу губзыгъ!* «Как нарт Мелечипху остроумная!» *Узыхъырэ пстэури – Шъхъэгуащэ* «Всякий уносящий – река Шагуаше». Этническую особенность данного концепта являют собой характерные и присущие адыгам смысловые воплощения повсеместно распространенного имени в известных и принятых обстоятельствах.

Второй вид пословичного концепта О.Б.Абакумова представляется как конкретно-ситуативный. Он обладает заметным и осязаемым персональным оттенком, поскольку применение пословицы в такой ситуации выступает итогом, условно возникающим после анализа отправителем происходящего. Она выступает своеобразным Кодексом чести, разрабатываемым на месте и предъявляемым говорящим к окружающим. Например: *Бажъо нахъи гъэбэжъу* «Чем много пахоты, лучше изобильный урожай». *Баю нахъи баишэ* «Лучше много делающий, чем много говорящий». *Былым нахъи акъыл* «Лучше ум, чем богатство». *Бэ зыло нахъи бэ зышл* «Лучше много делающий, чем много говорящий». *Дэкыгъо зандэ нахъи ехыгъо занд* «Лучше крутой спуск, чем крутой подъем». *Дышъэ хэс нахъи лыжъ зыбгъодэс* «Лучше иметь стариков, чем купаться в золоте». Подобный пословичный концепт базируется на ценностной составляющей предыдущего, однако способен его игнорировать, когда это разнится с заданностью отправителя.

Литература:

1. Абакумова, О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: автореферат дис. ... доктора филологических наук : Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2013. – 46 с.
2. Мещерякова, Ю.В. Эстетические ценности в языковой картине мира // Проблемы лингвокультурологии и теории дискурса: Сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 29–33.

УДК 811.352.342.

Биданок Марзият Мугдиновна
АРИГИ им. Т.М. Керашева Республика,
доктор филологических наук, заместитель директора по науке,
г. Майкоп, Россия
E-mail: marziyatbidanok@mail.ru

ПРОДУКТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация: Данная статья посвящена процедуре речевого продуцирования предусматривающей шифрование в письменную форму. Исследуются семантические метаморфозы лексем, происходящие путем выделения, создания и осознания определенных оттенков ее значений. Автор определяет философский подход как один из имеющихся научных позиций по отношению к восприятию текста. Происходит выделение художественного текста в ракурсе сегодняшней глобальной и мобильной эстетики в качестве некоего обще-единого механизма.

Ключевые слова: шифрование, семантические метаморфозы, текст, метатекст, лингвистический.

Bidanok Marsiat Mugdinovna
Adyghe Republican Institute for Humanities
Research named after T.M. Kerashev,
Doctor of Philology, Deputy Director for science?
Maikop, Russia,
E-mail: marziyatbidanok@mail.ru

THE PRODUCTIVITY OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Abstract: This article is devoted to the procedure of speech production providing encryption in writing. Examines the semantic metamorphosis of the lexemes occurring by allocating, creating, and realizing certain hints of her values. Semantic metamorphoses of a lexeme formed by means of allocation, creation and realization of certain variations of its meanings are investigated. The author defines the philosophical approach as one of the available scientific positions in relation to the perception of the text. There is a selection of literary text in the perspective of today's global and mobile aesthetics as a kind of common mechanism.

Key words: encryption, semantic metamorphoses, text, metatext, linguistic

Процедура речевого продуцирования предусматривает шифрование в письменную форму всей имеющейся у производителя в его внутреннем багаже субстанции. Это означает самобытное переформатирование сведений из мысленной во внешнюю плоскость. Фактически, по мнению В.В.Виноградова, личностное словотворчество является собой для фигуры следующее. Это «результат выхода ее из всех сужающихся концентрических кругов тех коллективных субъектов, формы которых она в себе носит, творчески их усваивая» [1, с. 91].

Причем рядом с языковой отдачей (см. выше) понятие «метатекст» применяется нами в следующей трактовке. Это текстовые ингредиенты, в некоторой степени аннотирующие текст либо его компоненты и, тем самым, осуществляющие другую задачу. Таковым является автоматическое сопровождение, востребованное семантикой и нужное получателю. Поскольку мы касаемся компонента «внешнего человека» в мироздании языка, следовательно, выделяем стержневой признак в сути рассматриваемого. Это есть его отдаленность от науки, часто поверхностность. Малонаучное языковое поле с

научным, как обозначают часто ученые, разграничивают такие свойства. Это насыщенность образами, преобладание комментарийной оценочности, шаблон, разнообразие визуальных и семантических соотношений. В подобном «наивном» строении языка есть такие групповые единицы, как языковое поле человека (Ч.) единого, языковое поле Ч. внутреннего и языковое поле Ч. внешнего. Планетарность при этом оказывается общеглобальным явлением, привлекающим все пласты жизнедеятельности социума. А индивид в эту пору сам неосознанно выступает элементом стержневых ментальных модификаций. Следовательно, общеглобальное явление «язык» в ракурсе языкового поля представляется определяющим. Оно предполагает комментарийно-рефлективное, наивное, но определенное в данном явлении и в данный период пространство.

Одновременно в науке распространены различные, порой противоположные суждения о взаимозависимости языкового текста и художественного произведения. В частности, по мнению отечественного филолога середины прошлого века М.Н. Бахтина («Эстетика словесного творчества» (1979)), «текст не равняется всему произведению в целом. В произведение входит и необходимый внетекстовый контекст его» [2, с. 369]. М.М.Бахтин распознает ряд состояний организма и личности, условно разделяющих тело на внутреннее («мое тело») и внешнее («тело другого человека»): «наружность должна обымать и содержать в себе и завершать целое души», поэтому «человек в искусстве – цельный человек... мы определили его внешнее тело как эстетически значимый момент и предметный мир как окружение его внешнего тела» [2, с. 33].

Учитывать контекст при восприятии текста требует и другой классик отечественного языковедения В.В.Виноградов. Он утверждает, что в рамках литературного слога присутствует немало лингво - интерпретаций, «не совпадающих с представлением о диалекте (в социально-лингвистическом смысле), множество языковых кругов, то, как бы включенных один в другой, то пересекающихся по разным плоскостям»; причем любой, из которых обладает своеобразными, его определяющими конкретными предметными качествами, отнюдь не всегда социальными, «а личность, включенная в разные из этих субъектных сфер, и сама, включая их в себя, сочетает их в особую структуру». [1, с.91].

Аналогично и отечественный лингвист конца прошлого века Ю.Н. Лотман считает, что данная хроникально-культурная действительность, каковую мы обозначаем как «произведение», отнюдь не ограничивается набором фраз, являющимся только компонентом взаимосвязей. Он пишет: «Реальная плоть художественного произведения состоит из текста (системы внутритекстовых отношений) в его отношении к внетекстовой реальности – действительности, литературным нормам, традиции, представлениям» [3, с. 211]. С учетом соответствующих тематических трудов Ю.М. Лотмана текст понимается нами в качестве определенной знаковой структуры, имеющей в качестве фиксации информации кодирование автором, в качестве осуществления – декодирование читателем. Внешняя текстовая графика являет собой некий взаимосвязанный поток языковых единиц (знаков), составляющий определенный лексический запас текста.

Однако в индивидуально-поэтическом словоупотреблении часто происходит семантическая метаморфоза лексемы путем выделения, создания и осознания определенных оттенков ее значений. Они не входят в ее общеречевую характеристику, а также в субъективные характеристики ее функционально преобразованных отражений у других литературных групп или художественных школ. И только на фоне иных контекстов употребления этой лексемы понятна индивидуально-художественная осложненность ее семантической структуры. Представитель современной отечественной лингвистики Ю.Б. Боров идентично присуждает художественному тексту «первую ступень бытия искусства» [4, с. 174], а художественному произведению – «вторую ступень искусства, его социальное бытие» [5, с. 176].

Разделяя данное рассмотрение взаимной соотнесенности текста (вообще) и произведения (в частности), находим обязательным подчеркнуть часто выделяемую учеными (М.Я. Дымарский, Д.С. Лихачев) мягкость преобразования текстового фрагмента в цельное творение. Оно происходит в ходе лингвопоэтического рассмотрения художественного источника. Причем подобная плавность вызвана своеобразием лингвопоэтики, когда от констатации и языковых характеристик лингвоинструментария аналитик должен уйти. Он обязан напрямую обратиться к разбору данного языкового инструмен-

та в ходе его интерпретации получателем. Непосредственно уточнением понятийной среды читательского восприятия мы и займемся далее. В числе имеющихся научных позиций по отношению к восприятию текста существенную роль играет подход философский. Это зависит от того, что он базируется на герменевтике, неизменно ассоциирующейся в научном мире с осмыслением и восприятием. А они подразумеваются как мастерство текстовой трактовки. Возможны в научном мире также следующие подходы, несущие приближенные к психолингвистике знания, – психолингвистические, психологические, лингвистические, литературоведческие.

Если опираться на традиционные герменевтические убеждения, восприятие текста заключается в формировании его некоторой схемы. Фактически это творческое преобразование текста получателем в стремлении более ясно распознать суть, помещенную в него отправителем. Образ получателя в мышлении и языке отличается специфическими категориальными признаками. Доминирующими из них являются комментарийность, шаблонность, образность, смысловое, вторичное трактование (сравнительное со смыслом первичного восприятия непосредственно внешнего вида отправителя как внелингвистического явления), а также расположенность перемешивать задаваемые отправителем образы в конкретных актах речи. В немного не окрепшем мышлении и слоге внешний индивид, как и единый монолит, неоднократно раздроблен.

Обособляется немало компонентов внешнего вида, которые характеризуются и анализируются, создавая оценку. Поглощение таких компонентов получателем обуславливается этническими представлениями, отображаемыми в речевых качествах, в репликах, в оригинальности комментариев, в придании им шаблона, в средствах выразительности. Трактуются данные процессы тем, что объектом воспроизведения активного субъекта выступает человек и присущие ему ингредиенты облика. Они предстают самыми значимыми в текущем этносе либо обстоятельствах относительно их художественной, эмотивной, информативной, прагматической сущности. Фактически они трактуются с позиций нормативов, позволяющих при взгляде на специфику внешнего вида, персонализировать фигуру либо означить ее в числе прочих по определенным, присущим ей признакам, характерным для различных коммуникационных актов.

Охватывая собой все внутреннее человеческое пространство, то есть индивида в его душевном, моральном и личностном пространствах, действующий организм, внешность отдаляют «Я»-индивида, сообщают ему персональные особенности, составляющие его характерологию. Языковая отдача при этом способна происходить не только посредством создания текста, но также и при его трактовке получателем, производящим всевозможные расшифровки. По мнению Ю.Н. Лотмана, «Текст ведет себя как собеседник в диалоге: он перестраивается (в пределах тех возможностей, которые ему оставляет запас внутренней структурной неопределенности) по образцу аудитории. А адресат отвечает ему тем же – использует свою информационную гибкость для перестройки, приближающей его к миру текста. На этом полюсе между текстом и адресатом возникают отношения толерантности» [5, с. 113].

В пояснении К.А. Долинина интерпретация является разъяснением всей сути текста, состоящим в нахождении всеобщего смысла, фактической цельности сути и вероятного подсознательного. В. Изер уже в новом веке в книге «Современная литературная теория. Антология» утверждает, что «произведение появляется, когда происходит совмещение текста и воображения читателя, и невозможно указать точку, где происходит это совмещение, однако оно всегда имеет место в действительности» [6, с. 202].

С позиции В.А.Кухаренко, интерпретация есть информационное постижение несущего некую идею текста, производимое с помощью писательской точки зрения и постижения реальности. Позиция Р.Барта состоит в том, что «произведение, понятое, воспринятое во всей полноте своей символической природы, – это и есть текст» [7, с. 417]. По представлению творцов труда «Интерпретация художественного текста» целью воспринимающего выступает «осмысление художественного текста как структурного единства системы взаимодействующих элементов, служащих раскрытию идейно-тематического содержания литературного произведения». В доктрине В.З. Демьянкова интерпретация являет собой когнитивный механизм, с помощью которого реципиент прибавляет собственный индивидуальный оттенок в источник.

Получатель преобразует его, добавляя в суждения о рисуемых в нем картинах, фактах, портретах элементы углубления эстетического ракурса. При этом в когнитивной интерпретации В.З.Демьянков обозначает «субъект, объект, процедурный аспект, цели, результаты, «материал» и инструменты» [8, с. 31] как помогающие производить назначенную модификацию. Благодаря преобразованию материала с варьируемой степенью проницания воссоздается колея, на которой выстраивается текст. Истолковывая персону, выступающую в наружных, символических типах трактования, отправитель дополнительно (голосовыми и другими наружными приемами) семантически насыщает его. Он усугубляет его смысловыми связями и рефлексиями, активизируя такие внешние личностные черты, как умение обнаруживать, изъяснять фигуру внутреннюю и единую.

Преследуемая интерпретатором цель состоит не просто в покорении единичной преграды между источником и окружающей средой. Это, к примеру, в случае с иноязычным произведением – разрушение этнического расстояния. Что, в свою очередь, может способствовать осуществлению языковой отдачи между отправителем и получателем. В роли доказательств ее реализации теоретики предлагают рефлексивы, т.е. словесно оформленные ответные соображения. Они содержат возможный новый смысл, который являет собой обязательный элемент кооперации «отправитель-получатель». Другими словами, интерпретационная задача содержится в созидательной переделке имеющегося материала от отправителя. К тому же это есть формирование на нем чего-либо свежего, включающего думы и позиции получателя.

Сутью интерпретации выступает психологический аппарат постижения системы мироздания. В процессе дидактической, психолингвистической, психологической и педагогической практик сформировалась тенденция трактовать (по примеру Г. Богина) языковую отдачу в качестве «высказанной рефлексии». Еще в психологии интерпретация есть непростой и многослойный мыслительный механизм, нацеленный на обнаружение касательств подлинной реальности. Это ход нахождения всего комплекса сущностных нитей, содержащий слияние сформулированного и познаваемого. Причем интерпретации разного рода в зависимости от воспринимаемого продукта весьма своеобразно варьируются. К осмысленным, а порой и к созидательным стараниям призывает постижение материала сложного семантического строения, в первую очередь, художественного и игрового. В течение данного акта предпочтение лексики из имеющейся осуществляет непосредственно получатель, что зависит от целевых установок, от его предпочтений, от особенностей его организма и талантов. В то же время имеющаяся потребность сформулировать языковую отдачу срабатывает мотивом для активизации орудий речевого продуцирования, поскольку интерпретация не считается целевым пунктом, обладающим определенно истинным разрешением.

Ход интерпретации определяется следующим образом. С одной стороны, это «мироздание» в целом, с другой – персональное воззрение отдельного лица. Последнее вырабатывается, в свою очередь, посредством индивидуальных резонансов, ценностей и иных составляющих внутреннего мира. Следовательно, ход интерпретации в психолингвистических пределах заключается в процедуре придания смысла в языковом бодрствовании, а также в передвижении частного понимания – к общей сути и от нее. Оказывающаяся в человеческом сознании инфо-материя передельвается. Она применяется уже в виде содержащих понятие персонажей, сплоченных в коллектив несущих сведения и смысл фигур. Данное явление дает личности оставление механического осмысления. Оно модифицирует восприятие посредством оценки индивидом своей языковой отдачи: «Как? Что я постиг? Почему?» и «Что в результате?» Восприятие литературы того или иного образца объясняется как собственное «понимание», в ходе которого, по словам А.Б. Есина, «свое – в смысле лично пережитое, но вовсе не в смысле противопоставленности «чужому», авторскому, в частности» [9, с. 165].

В то же время в область языковой отдачи входит и такой частый в научном мире понятийный компонент, как «языковое чутье». Это явление подвергается многочисленным научным трактованиям. Обозначаемое как «чувство языка», у М.М. Гохленера и Г.В. Ейгера это качество состоит лишь в контроле и оценке высказывания. Е.Д. Божович расширяет его, приводя в противовес умение ребенка управлять интонацией, реагировать на язык, логически мыслить и приходиться к выводу.

Как полагает в своей диссертации Е.А. Авакумова, имеет место быть в научной литературе традиция урезания терминологических границ данного явления. Однако возможны и излишние уходы вширь, когда его ассоциируют с языковой компетенцией. Это тоже неверно, поскольку чутье есть просто «способность учуять». А компетенцией считается гораздо более насыщенное явление (общая способность воспринимать, а потом владеть и применять, держать в ходу и обогащать).

Толкование литературного образца в момент его декодирования называется российским писателем 80-х С.В. Мелешиним не просто пассивным копированием мгновенного воздействия, а живым, творческим процессом познания. Оно реально оказывается умением получателя услышать мысль, тональность отправителя. Это стремление разделить с ним волну экспрессива, чтобы быть уверенным в истинном постижении, в основательном вхождении. Процесс собирает в себе неожиданность появления ответных экспрессивных ощущений. Он требует созидательности в интерпретации сути постигаемого. Отправитель, выстраивая свою, предполагающую чувства, конструкцию, ожидает отдачу получателя. Тем самым он в достаточной мере контролирует рефлекссию, предугадывает ее. Таким образом, получается речевой акт взаимодействия, ограничивающий текст от неудачи в контакте «автор – читатель». Причем в данном контакте одновременно с языковым опытом немалое значение для верной интерпретации имеет личностный уровень получателя, его информационная и ценностная подготовленность. Однако не менее важную роль играет сам текст, как система, и его языково-речевая насыщенность. Этот признак мы и рассмотрим далее.

Художественный текст трактуется в ракурсе сегодняшней глобальной и мобильной эстетики в качестве некоего обще-единого механизма. Он, по выражению В.В.Виноградова, «как символ, смысловые разрешения которого трансфинитны, но замкнуты в строго очерченную сферу» [1, с. 94]. Причем утверждаемое учеными меж- и внутривчастичное единение взаимно: детали формируют целое, а целое определяет детали. Рубежи, разделяющие конкретные пространства, не устанавливаются свыше. Они целиком вычерчиваются из этого взаимного союза, поскольку подразумевают его структурные механизмы. Благодаря подобному взаимно полезному сочетанию частичная организация художественного текста стабильна и постоянна. Следовательно, уверенно выделяемое советским лингвистом понятие «символ» настойчиво утверждается в науке как оптимальный лингвистический носитель в языковом механизме. При этом другой советский исследователь 70-х гг. А.А. Уфимцева, рассматривая тенденцию знаковости в языковой сфере, присуждает данной единице (в том числе, по нашему мнению, и символу) ряд способностей. Это умения: во-первых, модифицировать представительскую роль языка в социуме; во-вторых, усугубить возможности погружения в языковую слой; в-третьих, – расширить знаковость в сторону репрезентации.

Обозначение символически насыщенного пространства и выяснение входящих в него ориентаций происходит посредством удаления оболочек с механизма, посредством распаивания его слоев. Однако здесь необходимо учитывать, что само явление лингвистической символичности предполагает достаточно определенное количество сочетаний знаковой единицы с некоторыми ее наружными компонентами. В их число входят такие, которые ощутимо воздействуют на понятийный аппарат: на общие явления знаковости, знака, на более узкие термины лингвистического знака и лингво-знаковости.

Фактически это стандартный подход от общего к частному. Однако частное тут являет собой систематизированный компонент механизма, структурирующий семантическую насыщенного второго. По этому поводу А.А. Уфимцева справедливо отмечает следующее: «Это, в конечном счете, зависит от понимания лингвистами и философами соотношения языка, мышления, действительности и приоритетности одного из этих начал» [10, с. 7].

При этом знаковые детали структуры произведения обуславливаются не одной лишь мобильностью сочетаний в частоте и скоординированности появления. Это не одна лишь сопредельность размещения. Это также и содержательная, семантическая общность в, казалось бы, отличных друг от друга пространствах. Проступают ощутимые черты такого, ранее не упоминавшегося при чтении текста явления, как интертекстуальность. Интертекстуальность, судя по краткому определению, есть метод знакомства с текстовым фрагментом в связанности с иным ассоциирующимся фрагментом. В

итоге обнаруживается их схожесть не только в строго текстовом, но и в семантико-идеологическом ракурсах. Интертекстуальность подтверждает то, что языковые продукты бытуют отнюдь не в отрыве. Они постоянно включаются в разнообразные и многофункциональные взаимоотношения.

Компоненты при этом формируют определенные, семантически нагруженные слои взаимодействия. Это сферы входящего в механизм многозначного лексического багажа, полисемию которого Н.М.Шанский называет «одной из основ яркости и выразительности русской лексики» [11, с. 15]. В частности, лингвист Г.В. Колшанский считает, что знаковой допускается обозначать конфигурацию языкового формулирования «познавательного процесса мышления». Причем делать это надо лишь в случае, когда «сам знак выполняет свою функцию обозначения мыслительных, а в итоге и материальных объектов только в качестве материализованной субстанции» [12, с. 38–39]. Таким образом, компоненты взаимозаменяемости во внутри- и меж- системных отношениях представляют собой конфигурации отнюдь не идентичных слоев.

Этой связи цитируемого нами Г.В.Колшанского можно считать теоретиком лингвистики, который непосредственно подобным образом разделяет описательную и представительскую миссию языковой системы. Действительно, считать идентичной с отражательностью репрезентационность языка – это фактически грубо смешивать ингредиенты разных механизмов. Поскольку соотнесение частей различных целых разрешается в логике только при рассмотрении самих целых либо при размещении части в полный «откат» (отрыв). Следовательно, с учетом данных позиций можно утверждать, что язык художественного (и другого литературного) текста, находясь в общем пространстве с общественно-формируемыми языковыми механизмами, обязан отличаться. Он, будучи обусловлен видами взаимодействий с ними, должен (как специфическая категория) выделяться своими конкретными, разграничивающими подробностями. Последние могут быть способны (по собственному устройству и по имеющейся у них координации) никак не зависеть от строения языка в целом. И потому вести речь о прямом воссоздании языком в виде знакового механизма реальной и действительной окружающей данности нельзя. Это возможно лишь весьма условно.

Литература:

1. Виноградов, В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. [послел. А.П. Чудакова ; коммент. Е.В. Душечкиной и др. – М.: Наука, 1980. – 360 с
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 429 с.
3. Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 202–212.
4. Боров, Ю.Б. Эстетика. – М.: АСТ, 2005. – 397с.
5. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 447с.
6. Изер, В. Современная литературная теория: Антология / Сост. И.В. Кабанова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 343с.
7. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 615с.
8. Демьянков, В.З. Лексема язык в художественных произведениях А.С.Пушкина // A.S. Puskin und die kulturelle Identitat Rufflands. Hg. Gerhard Ressel. – Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 2001. – P. 109–131.
9. Есин, А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 248с.
10. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974. – 206 с.
11. Шанский, Н.М. Современный русский язык. – В 3-х чч. – М.: Просвещение, 1987.
12. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и в языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.

УДК 398.21

*Борокова Лиля Арабиевна
Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета»
институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР», г. Черкесск, Россия,
E-mail: borokova64@mail.ru*

ОБРАЗ ГЕРОЯ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ В ФОЛЬКЛОРЕ АБАЗИН

Аннотация: В данной статье рассматривается герой волшебной сказки абазин, представляющий собой устойчивую модель в системе образов. Показано, что в волшебных сказках образ героя занимает более активные и значимые позиции, что в полной мере продемонстрировано лучшими традициями народа.

Ключевые слова: герой, волшебная сказка, чудесное рождение, чудесные помощники и предметы

Borokova Lilya Arabievna
Karachay-Circassian order "Badge of Honor"
Institute for Humanities research
under the Government of the KCR, Cherkessk, Russia,
E-mail: borokova64@mail.ru

IMAGE OF A HERO OF A MAGIC TALE IN FOLKLORE ABAZIN

Abstract: This article discusses the hero of the abazin fairy tale, who is a stable model in the system of images. It is shown that in fairy tales the image of the hero occupies more active and significant positions, which is fully demonstrated by the best traditions of the people.

Key words: hero, fairy tale, wonderful birth, wonderful helpers and objects

Одним из самых загадочных жанров фольклора является сказка. Сказочный эпос развивается на протяжении многих веков, основываясь на элементах действительности и на социальных противоречиях в обществе. Основная часть сказочного фольклора абазин, представлена волшебными сказками «аджъацахъва локIква». Они наполнены невероятными выдумками, олицетворяющими различные предметы.

Как самостоятельный художественный жанр, волшебная сказка представляет собой устойчивую модель, включающую присказку, зачин, систему образов, развитие действия, кульминацию, развязку. Противостояние добра со злом как основной мотив волшебной сказки остается неизменным.

Сюжет волшебной сказки строится вокруг образа героя, справляющегося с трудными задачами, совершающего необычные поступки и удивительные подвиги. На протяжении всего действия главному герою помогают чудесные помощники, обладающие волшебной силой, и из всех опасностей и испытаний он выходит победителем.

Идейно-художественное содержание волшебных сказок раскрывается через образ героя, показывает национальную специфику, объединяющую в себе представления народа о справедливости, добре, благодаря чему он становится идеалистическим. «Национальная специфика ощущается особенно конденсированно: в отборе излюбленных сюжетов, в образах положительного героя» [4, с. 70].

Каждый герой сказки колоритен, неповторим и индивидуален. В сказках активно используются элементы психологического характера, передающие внутреннее состояние героев.

На наш взгляд, индивидуализация образа героя волшебной сказки достаточно условна в силу того, что многие черты, свойственные герою одного сюжета, повторяются во многих сказках. И вполне справедливо мнение о том, что сказкам присущ единый народный характер.

Мир абазинской сказки интересен тем, что сказочные сюжеты имеют свое национальное, художественное выражение, где отражены особенности языка, черты национального характера, быта, нравов, этических представлений, эстетических взглядов. Одной из особенностей сказок абазин являются своеобразные зачины, начинающиеся с обычных выражений: «даъан – дбазун ахIыкI. Ауи хыгIвпачва йыман» («жил-был князь, у него было три сына»); «лыгажвкI хупачва йыман» («было у старика три сына»); «тажвкI пазаджвыкI длыман» («у старухи был единственный сын»); «лыгажвкIи тажвкIи аъан» («жили-были дед с бабкой»); «апхъала сквиш царда цIуата» («давным-давно, много лет назад»).

Описания чудесного происхождения героя разнообразны. Необычное рождение героя, является древним мотивом, от связи человека с животным («*Мышвпа Батыр*» («*Сын медведя Батыр*») (АТ 303) «Батыр, сын медведя» отцом героя является медведь, похитивший однажды в лесу девушку и став его женой, она родила ему необыкновенного ребенка [6, с. 88].

Сказочный герой может быть рожден как от животного, так и от мифического существа. Так в сказке «*Айныжвпа*» («*Сын великана*») (АТ 301А) от связи человека с мифическим существом – великаном появился на свет *Айныжвпа* (*Сын великана*). «В большом темном лесу, в глубокой пещере, жил великан. И вот однажды этот великан напал на аул, забрался в один дом, схватил девушку и унес в свое жилище. Ту девушку он сделал своей женой. У них родился сын и дали ему имя Сын великана» [1, с. 46].

На рождение героя могли повлиять различные волшебные предметы. Чудесное происхождение главного героя происходит при помощи волшебных яблок в сказке «*Гъаашажв*» («*Старый бурдюк*») (АТ313А, АТ315). «Вдруг поднялся смерч такой силы, что мог бы вырвать деревья с корнями, в смерче прилетел всадник на петухе, борода в семь кулачей, а сам с аршин. Он быстро спешился, подошел к Кальмурзе, поздоровался и сказал: О чем ты задумался? ...Давай договоримся об одном деле, тогда твоя ночь станет ясным днем. – Я сделаю так, что каждая из твоих жен родит сына. Когда дети родятся, одного из них отдашь мне. Если не согласишься со мной, не будет у тебя ни сына, ни дочери. Всадник на петухе вытащил из кармана три одинаковых красных яблока и отдал князю. – Бери, Кальмурза эти яблоки и отдай своим женам. Как только они их съедят, понесут и родят трех неразличимых, как эти яблоки, сыновей. Старшего назовешь Мхаматом, среднего – Мхаматмырзой, младшего – Мхаматби. Прошло девять месяцев, и каждая родила сына» [1, с. 46].

Необычным было появление на свет главных героев сказки «*Клатаци Мухламади*» («*Катац и Мухамед*») (АТ303) «Явился мужчина, он полез за пазуху, вытащил кусок мяса, завернутый в тряпицу, и отдал его князю со словами: – Возьми этот кусок мяса, пусть его дома изжарят и накормят им тебя и твою старуху. Позвал он свою служанку, отдал мясо и велел приготовить. Служанка приготовила мясо, сама попробовала и покормила князя и его жену. Через девять месяцев и девять дней княгиня и служанка родили по сыну» [1, с. 70].

Образы главных героев выделяются и среди второстепенных персонажей. Он молод, среди братьев он младший, а иногда средний сын. В сказке «*Мхллат*» («*Мхамат*») (АТ465). Все события и действия происходят вокруг главного персонажа – среднего сына Мхамат, обладающего незаурядной силой и смекалкой. Его лук был настолько тяжелым, что братья не могли не только стрелять, но и поднять его. «Тьма людей собралась во дворе князя. В толпу затесался какой-то оборванец. Ни один из женихов не может поднять лук и выстрелить. Сидят князь и княгиня на тахте и следят за соревнующимися среди зрителей – и сестра Мхамата. Про оборванца все забыли, и он тихо стоит в сторонке. – Дайте и мне попробовать, – попросил он, когда ни один из женихов не смог поднять тяжелый лук Мхамата. Все стали смеяться над нищим, но тамада сказал: – Пусть попробует! Нищий вышел в круг, взял лук, выстрелил в подвешенное яйцо и сбил его. Тут же княгиня узнала Мхамата» [1, с. 117]. Нетрадиционным в этой сказке является то, что главный герой не младший, как обычно, а средний сын.

В большинстве абазинских сказок сюжеты о младшем сыне аналогичны традиционной схеме: *князь, старик, бедняк имеют двух, трех или четырех сыновей и работника, которые отправляются по воле отца на поиски воров, коня, жены и т. д.*

В сказке «*Мурат йца ишыхыз*» («*Как Мурат отомстил за себя*») (АТ561), у князя было два сына. Каждую ночь со двора у князя кто-то уводил лошадей. «Позвал князь старшего сына и сказал: – Я уже стар, твой младший брат труслив, а наш работник Мурат еще мал, ему нельзя ни доверить, ни поручить. Сегодня ночью пойдешь к мосту через реку и поймаешь воров – силой или хитростью». Старший сын, испугавшись появления всадника на белом коне, изо рта которого вырывается пламя, просидел под мостом. В следующую ночь пошел младший брат. Когда в полночь, сотрясая землю, примчался всадник в красном и на гнедом коне, он от испуга спрятался под мостом. На следующую ночь работник князя Мурат вызвался сам пойти на реку и посторожить воров. В первую ночь он убил всадника на белом коне, во вторую ночь

всадника на гнедом коне, а в третью ночь появился всадник весь в черном на вороном коне. «...В мире нет мужчины, который одолеет меня! Найду, кто убил моих братьев. Из его кожи я сделаю дратву, из его черепа – чашу, а мясо съем сырым! Всадник начал избивать коня. – Делай что можешь! Это я убил твоих братьев! Покажи свое мужество! Долго, очень долго бились противники, Мурат победил черного всадника» [1, с. 54].

Не всегда в сказке главный герой – младший, средний либо единственный сын. В отличие от многих сюжетов в сказке «*Атажви лыхыгIвпачви*» («*Три сына старухи*») (AT653) главными героями одновременно выступают три отважных сына. Однажды дракон похитил единственную сестру трех братьев. Мать обратилась к сыновьям. «Дети мои, все знают, что вы храбрые. Но мне хотелось бы знать, на что способен каждый из вас в день испытаний. Старший сын Буба говорит, – я выну из утробы оленихи детеныша, да так, что мать даже не почувствует этого. Если с высоты бросят иголку, я ее найду, куда бы она ни упала. Вот что я смогу сделать. Средний сын Умар сказал: - Я одним выстрелом собью любую птицу, до которой долетит моя пуля. А младший сын Талиб сказал: – Если с высоты солнца бросить что-нибудь, что в десять раз тяжелее меня, я не дам ему упасть на землю, а подхвачу на лету... » [1, с. 182]

Согласно сказочной традиции, отношения между братьями в абазинской сказке, как и у других народов, складываются также по традиционной схеме. Старшие притесняют младшего, иногда лишают его отцовского наследства, а когда он достигает своего благополучия благодаря отваге и удаче спасает их, а братья убивают его и присваивают себе заслуги младшего. В сказке «*Айццва анкъвакъвыгIчва*» («*Братья соперники*») (AT530, AT550) Жили старик со старухой, у них было три сына. Двое старших отправились туда, куда заходит солнце, хотя перед смертью отец запретил им это делать. Младший сын остался жить с матерью. Когда старшие братья попали в беду, младший брат отправился спасать их. Чтобы миновать позора, коварные братья решили погубить младшего брата. «Сделаем так: когда ляжем спать, повесим у входа в шалаш кинжалы. Когда он заснет, крикнем: «За нами гонится брат того, кого ты убил!» Он вскочит и бросится из шалаша навстречу врагу. Вот тут-то кинжалы и перережут ему ноги, – сказал старший брат. Младший брат вернулся к вечеру, принес с собой тушу дикой козы. Он накормил старших братьев, соорудил шалаш, и все легли спать. В полночь старшие братья разбудили младшего: «Охо-хо-хай! За нами гонится брат того, кого ты убил!» младший брат вскочил на ноги, рванулся из шалаша навстречу врагу и тут же упал: кинжалы перерезали ему ноги по самые колени». Безногий младший брат встретил в лесу немого, смог жениться на дочери князя, и старуха-колдунья превратила немого и безногую в такого, каким его мать родила [1, с.146].

Доброе расположение сказочника всегда на стороне героя, поэтому сказка построена так, что в конечном итоге младший из братьев выходит победителем.

Превосходство образа главного героя ярко наблюдается при сопоставлении действий с различными персонажами. Идеализация благородного героя в волшебной сказке отражает вековые нравственные представления народа.

«В оценке характеров и приключений братьев, в противопоставлении их друг другу явно проявляется социальная концепция. Поэтому в сказках о братьях, старшие выбирают легкие и безопасные пути, а младший – самый трудный, подвергая себя смертельной опасности. Прославление высоких моральных качеств младшего брата находится в центре сказочного эпоса» [5, с. 123].

Так и в сказке «*Амари амызи рхIа*» («*Дочь Солнца и Луны*») (AT550, AT551) несмотря на все сложности, благородство младшего сына одерживает верх над коварством старших братьев. У старика Исхака каждый год, когда приходило время жать просо, кто-то ночью начисто поедает урожай. Наутро отец и сыновья находили на поле только стерню. На следующий год, когда просо созрело, отец отправил сыновей по очереди сторожить поле. Первую ночь отцовский сад сторожить пошел старший сын – проспал. Затем средний, и тоже проспал. Только младший сын Сольман смог поймать поедавшего просо жеребца.

Но жеребец оказывается не простым. Сольман получает от жеребца волосок с гривы, который обладает чудесной силой и с помощью которого, впоследствии, он выполняет различные сложные задания [1, с. 132]. «Цели героев и средств их достижения: положительный персонаж преследует добрые цели и честными путями их достигает потому, что идет честными путями: отрицательный персонаж обычно

достигает цели потому, что нечестными путями – путями обмана, зла, жестокости» [3, с. 16].

Помощники героя – это персонажи, близкие главному герою, спасающие его от опасности и помогающие ему достигнуть цели. «При выделении разновидностей сказочного героя мы исходим, прежде всего, из того, с помощью, каких средств он достигает цели – богатырской силы, участия чудесных помощников или сказочно необыкновенных свойств» [2, с. 62].

Волшебные существа и волшебные предметы составляют основу чудесного мира сказки. «Из чудесных помощников героя в абазинском волшебном эпосе, как и в сказках других народов Кавказа, наиболее полно разработан образ старухи-колдуньи. Как и в эпосе, герой сказки незаметно подкрадывается к ней и прикладывает губами к ее груди (груди ее закинута за спину), становясь тем самым ее молочным сыном, желания и просьбы которого, по обычаю, должны быть, безусловно выполнены» [7, с. 71] («Побратимы», «Старый бурдюк») [1, с. 83; 110].

Таким образом, в сказке старуха-колдунья выполняет функцию помощника, не подозревая о действительной ситуации, т. е. герой использует ее чудесную силу и способности хитростью и обманом.

Образы помощников, обладающих необычными свойствами: *сороход, пасущий птиц и зверей; быстроногий, человек с жерновами на ногах; дальнорукый, видящий далекие земли; чуткий, слышащий разговор муравьев под землей; водохлеб, осушающий одним глотком реку* – играют значительную роль в сюжете сказок и помогают глубже раскрыть образ главного героя. («*АчкIвын пхIвыс дьшгIайгыз*» «Как юноша добыл себе жену») [1, с. 139].

Наряду с людьми помощниками героя в сказках выступают животные и птицы, обладающие необычной силой: *алып* (конь), *хьакIва* (жеребец) *уарба* (орел), *цха* (пчелы), *тшы* (конь), *квыджьма* (волк), *псачва* (рыба), *къанджъа* (ворон). («*Атш иIаша*» («Белолобый конь») (АТ 530) [1, с. 149].

Образ помощника – коня занимает значительное место в сказочной традиции. «*Алып, дурдуль*» (*сказочный конь, крылатый конь*) – незаменимый спутник и помощник героя сказки, понимающий речь человека и обладающий даром провидения и перевоплощения. *Алып* может летать, спускаться в подземелье, подниматься в поднебесье. («*Ах гIвайцIва ахI дьшгIаржъаз*» «Как три брата обманули князя») [1, с. 188].

Немаловажная роль в достижении героем поставленных целей принадлежит волшебным предметам: *кыса* (кисет), *цIарпIына* (зурна), *хьхIва* (гребешок), *гIвыга* (зеркало), *мачвхъаза* (наперсток), *ламбахъылна* (шапка-невидимка). («*АчкIвын пхIвыс дьшгIайауыз*» «Как юноша добыл себе жену») [1, с. 139]. Наличие у героя волшебной сказки чудесных помощников не означает, что сам герой пассивен, он не всегда прибегает к их помощи и зачастую достигает своей цели собственными силами.

В заключение отметим, что мотивы и образы в сказочной традиции абазин включают в себя мифологические представления, отражающие мировоззрение народа и характеризуют особенности этноса и самобытный стиль.

Литература:

1. Абазинские народные сказки (Составление, перевод с абазинского, вступительная статья, примечания В.Б. Тугова). – М., 1985. – 410 с.
2. Алиева, А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. – М.: Наука, 1986, – 278 с.
3. Кравцов, Н.И. Искусство психологического изображения в русском народном творчестве // Фольклор как искусство слова. – М., 1969. – 159 с.
4. Померанцева, Э.В. К вопросу о национальном и интернациональном начале в народных сказках. // История, фольклор, искусство славянских народов. – М., 1963. – 520 с.
5. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986. – 366 с.
6. Сказки Абазашты (На абазинском языке, составление Тугова В.Б). – Черкесск, 1965. – 205 с.
7. Тугов, В.Б. Память и мудрость веков. – Карачаевск: КЧГПУ, 2002. – 348 с.

Канкошев Арсен Мухадинович
Ордена «Знак Почета»
Институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР», г. Черкесск, Россия,
E-mail: arsen.cankoshev@yandex.ru

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В АДЫГСКОЙ (ЧЕРКЕССКОЙ)
ПРОЗЕ 20–40-Х ГОДОВ XX в. (М. ДЫШЕКОВ, Х. АБУКОВ, А. ОХТОВ)**

Аннотация: В статье анализируются фольклорные мотивы в произведениях черкесских писателей. Насколько повлиял фольклор на становление младописьменной литературы черкесов.

Ключевые слова: фольклор, сюжет, мотив абречества, мотив борьбы, фольклорные герои

Kankoshev Arsen Muhadinovich
Karachay-Circassian order "Badge of Honor"
Institute for Humanities research
under the Government of KARACHAY-CIRCASSIAN REPUBLIC,
Cherkessk, Russia,
E-mail: arsen.cankoshev@yandex.ru

**FOLKLODIC MOTIFS IN THE ADYGHE (CIRCASSIAN)
PROSE 20–40's of XX century (M. DYSHEKOV, H. ABUKOV, A. OHTOV)**

Abstract: The article analyses the motives in the works of Circassian writers. As far as influenced by folklore in the formation of the mladopismennoj literature of the Circassians. The article analyzes the folklore motives in the works of Circassian writers, as well as the degree of influence of folklore on the formation of young written literature of Circassians

Key words: folklore, plot, motive of wandering robberyabrechestva, motif of wrestling, folk heroes

Фольклор, являющийся «своеобразным поэтическим резервуаром, в котором собирались и отстаивались его литературные способности и вкусы»[3, с. 3], сыграл огромную роль в становлении и развитии письменных форм литературы. Понятие фольклора (от англ. folklore – народная мудрость) в русской академической науке значительно отличается от его понимания на Западе. В российской науке под фольклором подразумевается устно-поэтическое творчество народа.

«Фольклор и литература образуют в принципе единое пространство словесного искусства» [5, с. 8].

Литература народов Кавказа в своём развитии прошла своеобразный путь. Основопологающим моментом в развитии национальных литератур является сходство или полная идентичность их фольклорных истоков. Те общие закономерности, которые происходили на Северном Кавказе, в частности социальной и национально-освободительной борьбы горцев порождают общность тематики, мотивов, сходные черты в характерах горцев и одинаковые жанры в устном поэтическом творчестве этих народов. Например, мотив абречества, как проявление социального протеста; мотивы борьбы против турецко-крымского владычества, против колониальной политики царизма. Эти мотивы выражались в фольклорных произведениях, то есть в нартском эпосе, которые было достоянием для адыгов (черкесов).

В первых черкесских романах («На берегах Зеленчука» Х. Абукова, «Зарево» М. Дышекова) намечается тенденция к развитию этого характера, стремление показать истоки его развития. Многие образы романов идентичны, несут одни и те же функции (например, образы русских большевиков). В основу создания образов главных героев положены фольклорные приемы. Через них автор показывает те фольклорные мотивы, которые присущи героям. В частности, как выше говорилось, мотив абречества, который был достаточно разработан в черкесском фольклоре.

Писатели-романисты, как говорилось выше, связали своё творчество с революционным преобразованием жизни – борьбой горской бедноты за своё освобождение, за установление Советской власти. В этой борьбе автор показывает то прекрасное начало,

которое видно через призму фольклорных мотивов, в частности, идет сопоставительный анализ героев романа с героями нартского эпоса. Мотивами героев романа являются – борьба с эксплуататорским классом, против угнетения уорками трудового народа. Главным содержанием образов героев первых романов является то новое, героическое, что родилось и закалилось в огне революционных боёв.

Основным мотивом этих романов является показ бедняков, пробуждающихся к осознанной борьбе со своими угнетателями. Он вначале исполнителен, послушен, ещё робко задумывается над несправедливым отношением к себе со стороны аульных владельцев. Дальнейший этап в эволюции характера – конфликт с господином, уход в абреки, о котором мы говорили выше. Заключительный этап – приход в революцию, активная борьба с оружием в руках, освобождение народа от оков порабощения.

Фольклорный опыт был зачастую единственным, на который могли опереться начинающие писатели. В рамках этики и поэтики фольклора, М. Дышеков характеризует как положительных, так и отрицательных героев. В романе М. Дышекова «Зарево» исследована жизнь бедняцкой семьи, крестьянина Батыра, отца четверых детей. Он, его жена и дети вынуждены были до революции продавать свой труд местному богачу Темботу.

«Счастье так и не посетило порог дряхлой сакли черкеса-бедняка. Он умер, не дождавшись ответа на свой извечный вопрос: «Как же быть? Где выход?». Автор использует так называемые средства выразительности. Таких риторических вопросов множество, ответы которых зависают в воздухе до определённого времени. На этот риторический вопрос ответят дети Батыра, когда они станут революционерами. Дети Батыра – Лют, Осман, Мусса – вступают на путь революционной борьбы. И в этой борьбе они духовно обогащаются как личности и обретают самостоятельный взгляд на жизнь.

Писатель рисует облик положительного героя такими штрихами, которые наиболее полно подчёркивают идеал нового человека: «Цыхум и гум кьеуэн псалъэ жагъуэ кыжьэдэк1тэкъым. Гупшысэурэ, хуэм цык1уурэ псалъэт. Псалъэ нэдж-напц1 жи1ану амал и1этэкъым. Тхьэмышк1эхэр хуабжьу ильагъут. И кьару кьихь кьимыгъанэу, сыт и лъэныкъуэк1и тхьэмышк1эхэм щ1эгъэкъуэн яхуэхъут. Бейхэр ильагъу хъутэкъым, езыр тхьэмышк1агъэм кьызэрыщ1этэджам, тхьэмышк1агъэхэм ятельхэр зыхуэдэхэр дэгъуэу зэхыщ1ык1т» [4, с.19] – (« Это был очень деликатный человек, от которого нельзя было услышать грубости и ожидать несправедливого поступка. Говорил он неторопливо, обдумывая и взвешивая каждое слово. Он очень любил бедных и помогал им на сколько хватало сил. Нередко он давал им свою бричку и быков для перевозки топлива, был добрым советчиком. Он ненавидел богатых, так как сам вышел из бедняцкой семьи, вытерпел немало горя и хорошо знал, какие тяготы возлагают на плечи неимущего человека богачи»).

Находясь в ссылке, Хамид знакомится с русским революционером Захаровым, который оказал на него плодотворное влияние на становление революционного сознания. Хамид первый организует отряд абреков и приводит в революционную армию. Хамиду Захаров запомнился потому, что он «...1ухухэм хуабжьу яшыгъуазэт. Дызэрык1эрыщ1ауэ дыздэк1уэм, гъуш1 пщэхъур езым нэхъ кьызэрехьэлъэк1ыным пылът. Уэс хъуэтышхуэм гъуэгъу дырымьгъак1уэу, зы щ1ып1э деж дыкъэувы1ауэ дышыс щыхьук1э, абы и шынел к1апэр кьыстыриубгъуэт, хъуэтыр кьыздыхь лъэныкъуэмк1э езым зыхуигъазэт. Абы увылэгъуэ имы1уу, куэд мыш1эу псэук1ащ1э кьэхъунуш, кьызжи1эт» [4, с. 33] – («...хорошо разбирался во всех событиях. Это был добрый человек... Когда мы делали привал на снегу, он всегда садился с наветренной стороны и прикрывал меня полкой своего плаща. Он постоянно говорил мне о наступлении в будущем иной, хорошей жизни»).

В данном эпизоде прослеживаются мотивы дружбы и взаимопомощи черкеса и русского, которые способствуют политическому росту бедняка Хамида. Они объясняют причину многих явлений, помогают Хамиду разобраться в них. «Ди гъусэ тхьэмышк1эхэм яшыщу цыху щэ бжыгъэ куэд хьэлэч зэрыхъуар пльагъуркьэ?.. Фоч лъэдакьэк1э уэсыкум хаук1ыхьахэр зыхуэдизыр пльагъуркьэ?.. Щ1ы1эм зи 1эпэляпэхэр писык1ауэ, уэсыкум хэл1ыхьахэм я куэдагъыр щэ?.. Иджы ахэм хуэдэ мин куэд дэ дамыгъэлягъуу адрей нэхъ щ1ып1э 1ейжхэм хьэлэч зэрыхъуар пщ1эрэ?.. Уэ лажьэ уи1эу мыбы укьырагъэхьа?.. Уэ кьыпшыхьауэ лажьэ зи1э ефэндыр хейуэ хагъэк1ри уэ каторгэу ильэсих кьыптыралъхьащ. Ар ауэ сытми правительствэм

имыщлэу ящла уфлэщлрэ? Пащтыхь правительствэм щлэгъэкъуэншэу илэхэм ефэндыхэр ящыщц. Ефэндыхэр и дылэпыкъуэгъурэ, пащтыхь правительствэм цлыху гугъуехьаклэу мелуан куэдър егъэпшылтыр, цлыху лъэпкъ зэпэщхьэхуэ куэдхэр зэбий ещлхэр. Дэ тхуэдэ тхьэмышклэхм къытщхьэщыжын дилэкъым» -желэр Зехаровым»[4,с.34] – (« Ты видел, как умирали на снегу наши товарищи? Ты помнишь, сколько из них погибло под прикладами, лишились рук и ног? А сколько погибло и гибнет людей в других местах – сосчитать невозможно. По какой вине ты сюда попал? Виновный во всем эфенди остался дома, а тебя сослали на каторгу. Во всём повинна царская власть. Ей служит эфенди и все те, кто эксплуатирует бедноту, натравливает различные народности друг на друга. А такие бедняки, как ты, остаются бесправными и беззащитными», – говорит Захаров»).

Существо образа первого положительного героя-революционера определяется тем, что он призван быть примером в духовном и политическом росте своих собратьев-бедняков. И в том, что бедняки Лют, Осман и Мусса впоследствии вовлекаются в сознательную революционную борьбу, большую роль сыграли личный опыт и деятельность Хамида Выкова.

Как правило, герой в процессе своего развития приходит к осознанию необходимости борьбы за народное счастье, за будущую счастливую жизнь. На вопросы Батыра: «Как же быть? Как жить дальше?» ответят его сыновья.

Говоря о романе М. Дышекова, можно сказать, что автор создал целую галерею представителей черкесской бедноты, дал их характер становления, показал красоту и благородство их деяний, борьбы, которой они себя посвятили.

Из всего сказанного, можно сделать вывод, что М. Дышеков открыл в своем романе тип «активной личности», участвующий в творении истории. В романе множество фольклорных образов и мотивов. То мелькнет пословица, то идет лирическое отступление, что характернее для фольклора. Героическая тема, преобладающая на всех этапах развития фольклора, является одной из центральных в романе М. Дышекова и сказывается, прежде всего, на образе главного героя. Мы видим нового последователя Хамида Выкова в лице Османа. Как и фольклорные герои, Осман наделён красивой внешностью, рыцарскими качествами: «Уэсмэн и инагьклэ лы щэнт. Ар лув-луву зэхэлхт. Лыфлэт, и лэхэмрэ и лъэкъуэхэмрэ инхэт. Ар зыщлыплэ къыщымынэ лъэшт... И пэр хуэдждэт. И нэхэр флыцлэт... Абы и макъыр макъ дахэт. Зы щлыплэм къыщымынэу лущу псалъэт...» [4, с. 55–56]. – («Это был великан, крепкого телосложения. Большие руки и ноги напоминали исполинского богатыря. Он был силачом. Нос смотрелся топором. Черные завораживающие глаза... Голос был красивый. Его речь завораживала слушателя...»). Османа мы видим после разгрома отряда Курукова. Это удивительно напоминает фольклорного героя Айдемыркана, который побеждает и разоружает сто всадников и считает это незначительным подвигом. Невольно сравниваешь Османа с нартскими богатырями, легендарными народными героями – Сосрыко, Айдемыркан, Тляпш и другие.

Социально-психологическая характеристика даётся и отрицательным персонажам в традиции фольклора. Вот портрет кулака Тембота: «Тембот гъум лы ин, лы гъэтхьат. И жьаклэм хуэдыкъуакъуэу теупхьухьт. И пащлиттыр гъумт... Зэрыпшэрыщэм къыхэклэ, и жьэггулыр шыуэ зэтету къыщлэлэлт. Фэрэклэ напэт. Пэ къуаншэшхуэт. И нэ гъуэбжэшхуиттыр и наплэ пшэрхэм ерагъ-псэрагьклэ къыщлэплът» [4, с. 58–59] («Огромный, холеный, толстый до безобразия живот, и усы толстые, подбородок двойной. Весь изъеден оспой, нос кривой, из-под мохнатых ресниц выглядывают заплывшие жиром маленькие глазки»).

В романе М. Дышекова «Зарево» в значительной мере ощутимо влияние фольклора: и в композиции романа, состоящем из новелл-хабаров, и в принципах типизации героев, резко сгустивший положительные и отрицательные черты.

Черкесские писатели 20–40-х годов осваивали определенную действительность через собственное национальное видение, поэтому естественно их обращение к фольклору. В творчестве Х. Абукова можно проследить явное тяготение к образам и приемам, которые были заимствованы из фольклора. Писатель, обращаясь к фольклорным мотивам, не только воспроизводил их в своих произведениях, а творчески перерабатывал их. Фольклорные мотивы в его рассказах, очерках и романах соседствуют с действительностью.

Х. Абуков не комментирует собранный в народе фольклор, а использует фольклорные мотивы, которые подчинены для решения определённых идейно-художественных задач.

Халид Бедный, который ищет правдивое слово, – полноправное подтверждение того, как глубоко люди верили в силу слова, а вера эта объясняется явной и вполне реальной пользой речи, организующей социальные взаимоотношения и трудовые процессы людей.

В своем романе «На берегах Зеленчука» автор обращается к родным истокам, что характерно для фольклора. В романе «На берегах Зеленчука» множество лирических отступлений. Дает подробную характеристику быта, домашней утвари. Приведем пример лирического отступления: «ШЦымахуэ махуэхэр езшыгыэт, шЦылэти дыгэр кьепсрэ дунейр игъапльу хужьамэ, пщэдджыжьым кышыдэк1уейм кышыщЦлэдзауэ, пщыхьэшхэм къухьэжыхунк1э, ухэк1ыу зы жьэуап1э гуэрым зыщЦлэдзэн уигу пымык1ыу, ухэтын пф1эф1у шытащ, арщхьэк1э гьатхэ кьудейм дыгэр ц1ыхум пкьрыхьэу хуежыаш, дыгэ бзийхэм я хуабагэр шэчыгыуей хуежыаш...» [1, с. 17] («Зимой было скучновато, настолько было холодно, что когда солнце начинало греть землю, когда утром солнце всходило и до захода, приятно было некоторое время стоять на солнце, но потом настолько пригревало, что невыносимо становилось и приходилось искать тенек с безветренной стороны»).

Как и у М. Дышекова, основное содержание романа Абукова направлено на пробуждение сознания горского народа, которое находилось под гнётом местных князей и эфендиев. В роман Абуков вводит мотивы дружбы, героизма, товарищества, взаимопомощи, преданности революционному делу. Поступки главных героев романа связаны параллельно с поступками героев из нартского эпоса, в частности с жизненными конфликтами – борьба со злом, несправедливостью, с таинственными силами природы, с защитой слабых. Рассматривая фольклорные мотивы и образы в романе Абукова «На берегах Зеленчука», невольно поражаешься красотой и мужеством героев, укладом жизни адыгов, которые схожи с героями нартского эпоса. Приведём некоторые параллели из нартского эпоса. Юный Сосрыко должен удивить мужеством почтенных нартов на хасе (сходе), должен выпить рог хмельного напитка сано, вкатить на гору колесо Жан-шерх («острое колесо», громадное колесо с острым зубчатым ободом), вогнать противника в землю. Как настоящий мужчина, хотя Забит еще был маленьким, он показывает терпимость, выносливость: «...Уэ иджыри удыхьэшхрэ? Мэ арамэ, – жи1эри Увжыкьуэ Забит и напкьпэкьым 1эшыт1ымк1э зэрыхуэльэк1 кьимыгъанэу хэуаш. Забит и пэм льыр кьызэрырихуар щильагьум, Увжыкьуэ зыщЦлэштэжыаш, арщхьэк1э Забит ягэ иримыгъэк1ыу, и пэм лыи кьижыр итхьэшЦыжыну Инжыдж 1уфэм 1ульэдащ» [1, с. 19–20] – («...Ты еще смеешься? На тебе, получай, – сказав это, со всей силой Уважоко ударил кулаком по лицу Забита. Увидя, что из носа Забита пошла кровь, Уважоко испугался и пустился наутек. Как будто ничего не случилось, Забит пошёл к реке Зеленчук и начал мыть лицо»).

Другим героем нартского эпоса является Андемыркан. Андемыркан, как и нарты, заступник и защитник народа, поборник добра. Легенды о нём являются плодом демократических творческих начал народа. Враги Андемыркана – не иньжи, не драконы – чудовища, а князья, феодалы. Параллельным лейтмотивом является образ Хасана, некогда друга Муссы. С получением наследства Мусса охладевает к своему другу Хасану. И это понимает и сам Хасан. Естественно, назревает бунт, когда бедняки в лице Хасана начинают бунтовать. Он убивает алчного, жадного Муссу. Ему не жалко его. Он уходит в абреки. Мотив абречества прослеживается и в этом романе. Абреки были на стороне народа, обездоленных людей. Они были защитниками трудового народа. Совершив убийство, Хасан стоит над трупом Муссы и размышляет. В его душе борются два чувства. Он подавлен тем, что совершил убийство человека, которого хорошо знал, с которым вместе рос, провёл детство. С другой стороны, Хасан был удовлетворён: он уничтожил кровососа и поработителя: «Хьэсанэ игу ильыр, зэгупшысыр абрэджу зэрыхыхьэжыну, 1уэхур хэлушЦылу мыхьу шЦык1э, увылэп1э хуэхуну мэзым гьунэгьу зэрызыхуишЦыну арт. Мусэшхуэ укла хьуа нэужьым, япэ шЦылуплэм и гур зэрыхьуа псори к1уэддыжауэ: «Хьэкъ зышх бейхэм я бжыгьэм зы хэшЦри губгыуэр зи псэуп1э абрэдджхэм я бжыгьэм зы хэхьуаш» [1, с. 86] («То, что было на душе Хасана, так это было то, что он уйдёт в абреки. Пока это убийство не раскроется, ему нужно

было позаботиться о своей безопасности. « На одного уменьшилось число тех, – говорит он, – кто наживался чужим добром, и больше стало на одного абрека»).

Хасан не одинок, с ним выступают его единомышленники бедняки Бачир, Забит, Уважоко. Всех их тянет к большевикам, потому что они «за правду, борются против тех, кто обкрадывает народ».

В романе Х. Абукова прослеживается много размышлений героев. Вот о чем размышляет Хасан, когда собирается в Армавир к большевикам: «Дэнэ щылэу плэрэ бэльшэвич жыхуалэу а къэпсэлъар, зыщыщыр, езы а къэпсэлъари дэнэ клуэжауэ? Ар здэклуэжар къэцыхугъуейщ, ауэ бэльшэвич жыхуалэхэр щыхьэрхэм я деж, фабрик, завод жыхуалэхэм щылажьэ лэжьаклуэхэм куэду яхэту жилащ а къэпсэлъам, езыри мы сыхьэтым Ермэлыхьэблэ щылэу, абы щылажьэу жилащ. Хьэсанэ Бетлал жилэхэми щлэдэлурт, ауэ и щхьэм имыкыу зэгупшысыр а бэльшэвичхэм езым и нэклэ зэрызригъэлыагъунур арт» [1, с. 134] – («Где должны были находиться большевики, кто они такие, откуда они, и тот, кто говорил, куда подевался? Трудно было найти его местоположение, но люди, которые называют себя большевиками, могут находиться на фабриках, заводах. В это время может быть, что они находятся в Армавире. Правда, Хасан и сам не знал, куда идёт. Он даже не представлял, как он будет чувствовать себя среди большевиков, которых так давно и так страстно хотел увидеть. Хасан не знал большевиков, но его это не пугало. Словом, он шёл к ним и это его очень вдохновляло»).

Говоря о положительных героях, автор показывает речь и отрицательных персонажей, которыми избилует сам роман. Это грубые слова, вседозволенность, безнаказанность. Приведем отрывок речи Муссы, который избилует грубыми словами, выражениями и бранными словами: «Хьэ-хьэ-хьэ, къысщлэупщлэгъат! Къысщлэупщларакъым, сиубыдыну арат зыпылгыр, хьеуан!

- 1эу, ар дауэ хьун?

- Дауэ хьун, мис, уэ балидым зэхэбутэнур зэхэбутэри, хыв хьэ ебэна хуэдэуи зыри умышлэжу зыбгэклуририжауэ, пластэ хуабэм уеуэу ущыль щхьэклэ, лэджемси сыхагъэплъащ.

- Атлэ, дауэ хьуа?

- Дауэ бгэхьунут, а балид гупыр зэрыкыну зыпыль псым сикри сыкыкыжагэхэщ. Конофонтыкьуэр щылэу лло абыхэм къызашлэфын яльэкыну?» [1, с.64-65] – («Ха-ха-ха! Хм... спрашивал обо мне. Не спрашивал он, а хотел арестовать меня, скотина!..

- Вот ты, болван, заварил все, что можно было заварить, а теперь хочешь отгородиться! И всё, что говорят, тебя касается так же, как быка, на которого лает собачонка. Хотя ты лежишь на боку, ничего не подозревая, мне пришлось немало хлебнуть...

- Ты говоришь, случится? Что может случиться? Я уже давно перешёл ту реку, которую собираются переходить эти болваны. Разве они могут мне что-либо сказать, когда жив Конофонович?»).

Народное выражение «Я уже перешёл речку, которую они собираются перейти» помогают читателю представить себе образ выдавшего виды человека. То, что Мусса хищник и мошенник, видим, когда он хочет жениться на дочери Бачира Хаджат. Он говорит:

- Уи унагъуэр убагъуэ уэ делэм уэ, лло мыр, си гьашлэм сыдэпсэуну къуды стелъу къасшэ уи гугъэ? Мыхьумэ изгэкыльжщ, абы апхуэдиз чэнджэщ щхьэ хэлын хуей?» [1, с.67] – («Если не подойдет, выгоню! Стоит ли над этим долго задумываться»).

Автор дает ряд пейзажных зарисовок, все они подчинены выражению основной идеи произведения. Чистота и ясность пути, по которому пошли

Хасан и Бачир сравнивается с чистотой первого снега. Нелегко найти правду в жизни, и автор рисует снежный буран в момент, когда Хасан и Бачир, без гроша в кармане, идут пешком в Армавир, чтобы отыскать большевиков и с ними разрешить вопросы, мучившие их: «Жэщыр кыфлт. Акъужыр щылэ-щылэу къепщэт. Бэчыррэ Хьэсанэрэ жэщым Невинсклэ нэсу клуэну я мурадт. Арщхьэклэ верст заул нэхь ямыкыу, уафэр къызэлыхьэри, Бештор щлэту, гьатхэпэ шыцуэс щылэр къесу хуежьащ. Борэныр клуэ пэтми нэхь хуабжь хьуурэ клуэт. Бэчыррэ Хьэсанэрэ гьуэгурыкыуэ зеклуэхэм зылауамыгэщлэн ягугъуэ, гьуэгум дэхауэ клуэхэт. Шыцуэсыр кыхьу я гупэмклэ къеуэ бештом къажэхихуэр клуэ пэтми нэхьыбэ хьуурэ, нэхь хэкыгъуей хьуурэ клуэт. Жьыпэу гуэр яубыду, уэфлым нэхь кыгъээзхунклэ увылэн зэрыхуейр клуэ пэтми нахуэ хьут. Ар

щхьэк1э Бэчыри Хьэсани къэувы1эн зи я мыгугъэу, я пэм кьриху жьы хуабэм хуэзэ уэсыр борэным я паш1эм хигъэштыхьыжауэ, т1уми зыри жамы1эу к1уэхэт» [1, с. 145] – («Ночь была темная. Дул холодный и порывистый ветер. Хасан и Бачир за ночь хотели дойти до Невинномысска. Пройдя несколько верст, начался снегопад. Ветер крепчал. Снег валил прямо в их лицо, и потому трудно было, что либо впереди себя разглядеть, увидеть. Все тяжелее становилось передвигаться. Ноги вязли в сугробе. Они подумывали о том, что нужно найти безветренную сторону или укрыться где-то...»).

Роман Х. Абукова «На берегах Зеленчука», как отмечалось выше, представляет большую ценность как первое крупное художественное произведение на языке бесписьменного в прошлом народа, произведение отразившее борьбу горцев за свои права, за новую жизнь.

Анализ духовно-нравственных проблем, сюжетное построение романа, фольклорных мотивов дают нам возможность судить о своеобразии романа. Оно – в преимущественном интересе к нравственным проблемам, отношении человека к природе, привлечении фольклорных мотивов.

Использование фольклорных мотивов, тем, символов на ранних этапах развития литературы было необходимым и определяющим явлением, возможно, в силу перехода «образа в символ», придающим ему «особую смысловую глубину и смысловую перспективу», о которых писал М. Бахтин.[2, с. 208].

Изучение фольклора и тесное общение с носителями устных преданий определили характер дальнейшего творчества Абдулаха Охтова как начинающего писателя. Фольклор явился тем материалом, на котором автор создает впоследствии свои художественные произведения. Знакомство с народным творчеством, изучение его изобразительных средств, первые рассказы – вот что характерно для первой половины творческого пути писателя.

Творческая эволюция писателя нашла выражение в его лучшем произведении «Камень Асият», а также в главах из повести «Цветущая долина». Повесть «Камень Асият» была первоначально задумана как одна из глав повести «Цветущая долина». Но законченность сюжета, стройность композиции позволили говорить об этой главе как о самостоятельном произведении. «Камень Асият» – это поэтическая обработка черкесского народного предания, рассказ о загубленной жизни юной черкешенки Асият, ставшей жертвой разнузданного произвола мусульманского духовенства.

Необычно содержание первой части произведения, в которой в романтических тонах повествуется о загадочном «камне Асият». Заинтриговывает начало повести: «Бгы льягэшхуэхэм ижь-ижьыж зэманым кьыгуэуду кьезэха мывэ хьэдзэ инхэм ар сурэтк1э къагуэк1къым» [6, с. 6] («Он похож на обыкновенный обломок утеса, невесть, когда оторвавшийся от родимой груди»). И далее разворачивается печальная повесть о любви, похороненной под этим обломком, о голоде и нищете простых людей, о темноте, насаждаемой служителями религии.

В центре повествования – образ молодой горянки Асият. Портрет ее воссоздан в духе народных представлений о девичьей красоте. Большие черные глаза Асият уподоблены сиянию «вечерней звезды», а длинные волосы, покрывавшие плечи, подобны «дорогой шали».

Немалую роль в формировании характера Асият сыграла окружающая среда. С раннего детства девочка находилась среди простых людей, а родная природа давала широкий простор ее пылкому воображению, развивала в ней склонность к мечтанию. Асият подолгу могла сидеть на берегу родного Инжыджа, который щедро вознаграждал её привязанность то розовыми ракушками, то «камешками счастья» с глазком посередине.

Река Инжидж занимала главное место в жизни Асият. Пенисто-бурливая летом и утихающая зимой, то окаймленная зеленью трав и кустарников, то отороченная белым мехом снегов, она была настоящей подругой для одинокой, застенчивой девочки.

На примере жизни Асият автор рисует нам типичную жизнь горянки дореволюционного периода. И если бы не безвременная её гибель, она повторила бы жизненный путь своей матери Нисааф, измученной непосильным трудом, одурманенной религией. Нисааф – темная, забитая женщина, любящая беззаветно свою дочь и верящая до фанатизма во всемогущего аллаха, а также в его мудрого служителя эфенди Шагит-Али.

«Если бы кто попытался заглянуть в жалкую душу бедной черкесской вдовы, допущенной к очагу самого хаджи Шагит-Али, он увидел бы там совсем немного чувств – по-

стоянный страх, смешанный с робким удивлением, и постоянную готовность исполнить все, о чем только намекнет взглядом господин, облаченный в священные одежды».

В произведении «Камень Асият» писатель дал поэтическое осмысление народной легенды, придав социальную остроту. Автор умело построил композицию без утомительной описательности. Охтов умело использует в повести эпитеты, сравнения. Фольклорные художественные приёмы – одухотворение сил природы, риторические вопросы, традиционные сравнения (брови у Аслана – крылья орленка, у Асият щёки – огонь), эпитеты (светлорукая, легконогая, печально-мудрый взор. Приведём следующий отрывок: «Езым убгъэдыхъэу и нэгум ущлэплъэурэ уепсалъэу ухуежьэмэ, гуапэ-гуапэу къоплъ, и нитлыр уи клуэцлым къиплъэ нэхъ умыщлэну, и гур зэрыкъабзэр, флыгъэ зацлэклэ зэрыгъэнщлар и нэгум къыщлех, нэхъхъеягъэу и нэгум щлэлыр щлоклыжри псаллъэ лэфл къыжьэдэклэхэм уи гур дахъэх, езым уи псэр хопщлэ. Апхуэдэ плъэклэ зи лэр, апхуэдэ жъабзэ зылулыр куэд зи нэгум щлэклауэ, гъащлэм и дыджыгъэмрэ и лэфлыгъэмрэ куууэ зэхэзыщлык1 цыхухэращ»[6, с. 5] - («А если вы встретитесь с ним лицом к лицу, то вас ещё более поразит его взгляд – ясный и глубокий, строгий и доброжелательный, чем-то надолго опечаленный и в то же время согретый большой душевной лаской. Такие глаза могут быть только у человека, много видевшего и много пережившего, сердце которого испепеляли могучие страсти»).

Кстати, постоянные эпитеты широко используются в адыгской прозе. «... Ауэ а адыгэ бзылхугъэхэм уи го макъыр зэхамыхынкли мэхъу. Абыхэм къалэта уэрэдым уедлунклэ гум игуапэщ. Макъ жыгъыру дахэхэр зыгъэлу колхозхэт пщашэхэм хуеплъэклырэ колхозхэт щлалэ бланэхэм шууэ зыблырагъэх, жыы зыщлхуу мэкъу хъвэвшуэхэр зыгъэбыдэ щлалэхэр къодалуэ, мэкъу гуахъуэжьэр къэзылэтахэр къызыщлоувылык1» [6, с. 13] («... Но молодые черкешенки могут не услышать вашего призыва. Махнут они черными косами, вскинут грабли на гибкие плечи и пойдут своей дорогой в сладких ароматах трав, и песня опять переменится, взмлет из грустной долины к голубым небесам, опять зазвенят в ней серебряные колокольцы, зальются хрустальными голосами жаворонки, затрепещут звонкие солнечные струны и снова поскочет счастливый всадник навстречу милой девушке – колхозной звеньевой...»).

«Асият гыбзэм хэлъу зэрыжалэр уеплын плъэмыклыу дахэу шытауэ аращ. И нитлыр пыжым хуэдэу, и набдзитлыр къанжэклэм хуэдэу флыщлэу, лъэклэбдым теуэ и щхъэц флыщлэ кыхыыр убгъауэ ириутлыпщхъэхмэ, щлаклуэм хуэдэу, пщашэм и пкъыр щлигъанэу шытауэ жалэж»[6, с.14] – («Песня рассказывает об Асият, красивой девушке, с огромными чёрными глазами, блеск которых не уступал сиянию вечерней звезды, с длинными шелковистыми косами, которые расплетаясь, опахивали белые плечи, подобно дорогой шали, привезённой из каменного русского города. Но живые люди помнят Асият ещё и другою – маленькой, худенькой девочкой – сироткой, выросшей на сухом чуреке»).

В продолжении всей повести всё время встаёт река Инжидж, рядом с которой прошло детство Асият. Неразлучной подругой Асият была река Инжидж. «Мис а Инжыджжъей уэрым и луфэмрэ псы къуэкли мэз цыклымрэт Асият и зэштегъэуплэр, и ныбжьэгъу пэжу илэр, и сабиигъуэр здыригъэклуэклыр. Асият флыуэ ильагъут и Инжыдж уэрыр, абы и даушыр гушэ уэрэду и тхъэклумэм къыридзэт, ныджэм къыщылууэклэ къиутх тклуэпс плащлэхэр и нэгум къыщыщлиутхэклэ, Инжыджым лэ къыдиллэ къыщыхъут. Гъатхэ хьурэ уафэ гъуагъуэ уэшххэр къешхырейуэ, къущхъэ бгыжьхэм я щхъэм тель уэшхэр къэтклучу щыхуежьэклэ, Инжыджыр нэпкъитлым дэмышуэжу къоур. Щымахуэм деж Инжыджыр мыл лувым зэщлелуллэри и макъыр, дунейм тетами темытами умыщлэжу, мэбзэх, псы къуэклийр дэгуу къонэ»[6, с.24-25] - («Река Инжидж занимала главное место в жизни Асият. Пенисто-бурливая летом и утихающая зимой, то окаймлённая зеленью трав и кустарников, то отороченная белым мехом снегов, она была настоящей подругой для одинокой, застенчивой девочки. Словно прозрачные струи реки принесли щемящий запах весны, с противоположного берега пришла первая любовь, раскрыться которой было не суждено»).

Таким образом, социальный мотив, идущий от фольклора, обогатившись идеей социалистической революции, получил в литературе дальнейшее развитие. Тем самым в творчестве первых национальных писателей критика старых порядков, отраженная в фольклоре, под влиянием революционных идей достигая открытого призыва к борьбе с эксплуататорами, вполне соответствовала идеалам новой революционной эпохи.

Здесь очевидно близкое родство не только фольклорных тем, идей, мотивов, образов с традициями формировавшихся горских литератур, но и эволюция их в результате взаимодействия с революционными идеями, в распространении которых среди широких слоев народных масс русская литература сыграла значительную роль.

Литература

1. Абуков, Х. Инжыдж псы 1уфэхэм. – Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1985. – 184с.
2. Бахтин, М. К методологии литературоведения. – Контекст.: Лит.- теорет. исследования. – 1974. – М., 1975. – С. 203–212.
3. Далгат, У. Поэзия народов Дагестана // Антология / Предисл. У. Далгата; Ил.: Е. Ракузин. – М.: Гослитиздат. Т. 2 / У. Далгат, Е. Ракузин. – 1960. – 439 с.
4. Дышеков, М.П. Зарево. – Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение. Черкесск, 1990 – 288 с.
5. Жукас, С. О соотношении фольклора и литературы // Фольклор. Поэтика и традиция. 1981 : [сборник статей] / Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; [отв. ред. В. М. Гацак]. – Москва: Наука, 1982. – 343 с.
6. Охтов, А.Н. Млечный Путь. Повести / Пер. с черкесского В. Чернова и М. Киреева: – М.: Современник, 1985. – 303 с.

УДК 821.512.142.0

Мамчуева Фатима Османовна
Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета»
институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР», г. Черкесск, Россия,
E-mail: Fatima_M73@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ШАХАРБИЯ АЛИЕВА

Аннотация: В статье предпринята попытка исследования драматургического творчества Шахарбия Алиева. В результате исследования выявлены приемы сатирического и комического анализа – разоблачение, саморазоблачение. Используя эти приемы, драматург разоблачает пороки и недостатки человека, падение нравов современного общества.

Ключевые слова: драматургическое творчество, художественные особенности, сатирическое и комическое, разоблачение, саморазоблачение

Мамчуева Фатима Османовна
Karachay-Circassian order "Badge of Honor"
Institute for Humanities research
under the Government of the
Karachay- Circassian Republic, Cherkessk, Russia,
E-mail: Fatima_M73@mail.ru

ARTISTIC FEATURES OF DRAMATURGICAL WRITING CREATIVITY OF SHAKHARBIY ALIYEV

Abstract: The article attempts to analyze the dramatic creativity of Shakharbiy Aliyev. The study revealed the techniques of satirical and comic analysis – exposure, self-exposure. Using these techniques, the playwright exposes the vices and shortcomings of man, the fall of the mores of modern society.

Key words: dramatic art, artistic features, satirical and comic, exposing, self-exposing

Шахарбий Магометович Алиев – многогранная личность. Он член Союза Театральных деятелей СССР, актер, драматург, первый карачаевский режиссер-постановщик. Его увлечение театром, началось еще в юные, школьные годы. Тогда он уже участвовал в различных драматических кружках. За увлечение театром товарищи прозвали его «артистом». Находясь в депортации, в Средней Азии, Ш. Алиев поступил в Чимкентский сельскохозяйственный техникум. После окончания техникума отслужил в рядах Советской Армии. После возвращения карачаевцев на историческую Родину,

Ш. Алиев работал и массовиком в доме культуры, и помощником режиссера народного театра, и преподавателем эстетики в профессиональном техническом училище. С 1964 по 1965 годы Ш. Алиев – актер балкарской труппы Кабардино-Балкарского республиканского драматического театра им. А. Шогенцукова [8, 9].

С 1965 по 1970 годы – учеба драматурга в Ленинградском государственном институте театра, музыки и кино (ЛГИТМиК) на режиссерском факультете [Боташева З. «Шах, твоя дорога – театр...»] После окончания института Ш. Алиев два года работает в отделе культуры Малокарачаевского района. В 1973 году Ш.Алиева назначают постановщиком в карачаевской труппе. Это было время, когда выпускники Грузинского театрального института, окончив учебу, возвращались в родной театр. В 1987 году Ш. Алиев – главный режиссер Карачаевского драматического театра.

Драматургическое творчество Шахарбия Алиева представлено различными жанрами: социально-бытовой и социально-философской драмой, и сатирической комедией. Идеино-тематическая направленность драматурга тематически развивается в следующих направлениях:

– становление советской власти, нелегкая жизнь простых горцев (драма «В ночь на пятницу»);

– пороки и недостатки человека, взаимоотношения людей, нравы современного общества («Соседки», «Деловая Кулизар»).

В 1984 году в Ставропольском книжном издательстве вышел в свет сборник одноактных пьес Шахарбия Алиева под названием «Кёз кёрген, кьулакь эшитген», куда вошли пьесы различного характера. Речь идет о сатирических комедиях драматурга «Ходжа бла Азраил» («Ёлюмсюз Ходжа») – «Ходжа и Азраил» (другое название «Бес-смертный Ходжа») и «Ётюрюкге ушагъан керти» («Ложь, похожая на правду») [1]. А в 1991 году в том же издательстве выходит в свет новая книга драматурга под названием «Кюлкю да джыламукъ да» («И смех, и слезы») куда вошли несколько пьес автора: сатирические комедии «Хоншула» («Соседки»), «Джазгъы кюнню кечесинде» («Летним вечером»), «Болумлу Кулизар» («Деловая Кулизар»), «Байрым кече» («С четверга на пятницу») [3].

Огромный интерес, на наш взгляд, заслуживает драма Ш. Алиева «Байрым кече» («С четверга на пятницу»). Впервые постановка этой пьесы на сцене Карачаевского театра была представлена студентом IV курса режиссерского факультета Ленинградского государственного института театра, музыки и кино (ЛГИТМиК). «Это моя попытка осмыслить с сегодняшних позиций всю сложность и запущенность человеческих отношений на заре советской власти, времени столь сложном, сколь и героическом для нашего народа», – писал Ш. Алиев [2, с. 3–4].

Основная тематика пьесы Ш. Алиева «С четверга на пятницу» («В ночь на пятницу») – тяжелые годы становления Советской власти в Карачае. Действие происходит в одном из горных аулов в годы становления советской власти. Противники и сторонники новой власти по-разному воспринимают веяния новой жизни. Наблюдается конфликт двух противоположных лагерей – председатель сельсовета Махти и секретарь Осман, с одной стороны, и сельский богач Муштрай и его сын Оштур, противники революционных преобразований, с другой стороны. Главный герой пьесы Махти – мудрый и целеустремленный человек. Революционные идеалы для него – не просто слова, он верит и надеется на преобразования, которые произойдут в будущем. Все его мысли и дела, связаны с поиском необходимых средств для строительства школы. Думая о будущем подрастающего поколения, он временно размещает школьников в мечети, прогнав оттуда недовольных верующих. Пообещав верующим, что стройка школы будет завершена осенью, к началу нового учебного года. Одной из художественной особенностей пьесы является наличие в ней лирической линии взаимоотношений Османа и Айхан, которая драматически сложившуюся ситуацию делает динамичнее и способствует глубокому раскрытию характера и психологии героев и персонажей. Осман, преданный делам революции, подавляет свое чувство к Айхан и не может признаться в любви к девушке. Он растерян, в тупике. Мудрый совет Махти помогает Осману сделать правильный выбор и выйти из тупиковой ситуации, женившись на любимой девушке. Айхан – дочь Муштрая, который, категорически не принял революционные преобразования новой власти. Она типичная горянка того времени, но ради своего счастья готова на многое. Она не боится не проклятий отца, ни разочарования в ней брата.

Муштрай, познавший тяготы и лишения жизни бедняков, не хочет вновь встать рядом с «оборванцами». Добро, нажитое с таким трудом не хочет ни с кем делить. Его Сын Оштур с группой, не принявших и не понимающих новые веяния, скрывается в горах. Но образ Оштура трагичен, он понимает, что их противостояние бессмысленно, он мужественный человек, но он любит и сестру и предан отцу. Многие герои этой пьесы не были готовы к таким преобразованиям. Ш. Алиев показал растерянность, неуверенность простых людей. Это и Осман, и Ибрай, они напуганы, не знают в чью сторону сделать выбор. Финальная сцена пьесы Ш. Алиева «С четверга на пятницу» трагична. Противники новой власти, не принявшие революцию, убивают Махти, недостроенную школу поджигают. Осман, потрясенный смертью Махти, обещает отомстить за его смерть, уничтожив всех, подобных Муштраю и Оштуру, клянется построить новую школу. Такова судьба трагически погибшего Махти, пытавшегося помочь всем бедным и нуждающимся, хотел видеть счастливых людей, уверенных в завтрашнем дне.

Следующая пьеса, заслуживающая внимания, это одноактная сатирическая комедия Ш. Алиева «Хоншула» («Соседки»), вошедшая в сборник «Кюлюк да джыламук да» («И смех, и слезы»). В основу пьесы легла история взаимоотношений двух соседок. Следует отметить, что одной из важнейших художественных особенностей комедии Ш. Алиева является наличие в ней ремарок. Ремарка - одна из важнейших составляющих повествования, свойственная такому жанру как драматическая поэма. Они (ремарки) информируют читателя о происходящих в ней событиях и действиях героев. По ремаркам Ш. Алиева понятно, где происходит действие пьесы. Картина первая – встреча двух соседок, клятва в вечной дружбе и верности, разговоры о соседях – экспозиция пьесы:

Мыстыхан: Аллах суйсун джанынгы, кемсиз суйгенинги да билеме, алай а юйдегиле шагъатдыла, аллахдан тилесем – сенден алгъа ёлейим деб тилемей эсем: тилим тутулсун... [3, с. 46].

Мыстыхан: Пусть Аллах любит твою душу (Дай, бог, тебе здоровья), я знаю, что любишь меня очень сильно, моя семья подтвердит, что я прошу у Бога, умереть раньше тебя: пусть язык мой отнимется....

Татлыхан: «Тоба» де, алай къалай айтаса... айтханынга ийнаныб огъуна къыйым. Алай а сен ёлюб, мен къалсам, меннге келген кюн келге эди джауума ол сагъатда. Сен джангыз кере ёлесе да къутуласа, мен, а джаным саулай санга кюе да бише, талай кере ёллюгюмден а хапарынг джокъ... [Алиев Ш., 1991, с. 46].

Татлыхан: «Скажи - «каюсь», как ты можешь так говорить. Я верю тебе. Ты один раз умрешь и избавишься, а я останусь и буду всю жизнь страдать и оплакивать тебя...

Вторая картина пьесы показывает, как меняется настроение соседок-подруг в противоположную сторону. В огород Мыстыхан повадились куры, выгоняя их из своего двора, она случайно ранит одну из птиц. Она оказывается курицей ее соседки Татлыхан. Анекдотическая ситуация, произошедшая с соседками, приводит к конфликту. Ссора соседок раскрывает их истинное отношение друг другу. В ходе ссоры они саморазоблачаются, выставляя напоказ свои самые порочные качества. Они оскорбляют и проклинают друг друга:

Татлыхан: Ай, чтоб ты в ад попала!.. И двор твой, конечно, будет недобрый. Добро нажито нечестным трудом...

Мыстыхан: Ах, я бедная! Как едва живого называют дураком, так и ты нас обзываете шабашниками?

Татлыхан: Чтоб ты, разбилась, бессовестная. Собачьи шабашники, полагаешь, не знают, как вы машину приобрели?

Мыстыхан: Бесстыдная, не только мы, но и все село тоже знает, каким способом вы построили дом?

Ш. Алиев активно применяет приемы сатирического и комического саморазоблачения и взаиморазоблачения для выявления характера и поступков своих персонажей. Вот как об этом писал Ю. Боров в своем монографическом исследовании «О комическом»: «применение комедийного саморазоблачения требует от комедиографа особой осторожности, точности и поэтического чутья, в противном случае этот прием вырождается в немотивированную декларацию персонажами собственной подлости, что ведет к художественной фальши» [4, с. 222].

Конфликт доводит соседок до рукоприкладства, они готовы растерзать друг друга. И только проходящий участковый милиционер, пытается помирить соседок. Он, пристыдив

их, говорит им, что они должны быть достойным примером для всех окружающих, ведь они матери семейства, хранительницы очага. Финальным итогом пьесы является немая сцена, когда милиционер вручает повестки героиням, которые адресуются их мужьям. «На лицах женщин недоумение», они так и остаются с повестками в руках.

Таким образом, пьеса Шахарбия Алиева «Соседки» – это классика карачаевской драматургии, уже около тридцати лет она входит в репертуар карачаевского театра, причем ежегодно.

Аналогично складывается судьба героини сатирической комедии Ш. Алиева «Болумлу Кулизар» («Деловая Кулизар»). Заведующая складом Кулизар продает дефицитный товар только избранному кругу людей. Все это она делает подпольно. В избранный круг ее людей входят непростые люди. Это люди, Джумук Токаевич, Махмуд Михайлович, Клара Изакиновна, занимающие ответственные должности. Она ничего не боится, так как гарантией ее незаконной деятельности является знакомство с чиновниками. Но в финале пьесы Ш. Алиев показывает разоблачение ее спекулянтской деятельности. Ш. Алиев в комедии сатирически высмеивает порочные явления, такие как алчность, лицемерие, угодничество, спекуляцию, двуличие, которые так актуальны и в настоящее время. В этом плане справедливы рассуждения о роли комического и сатирического Н. Федь, отраженные в его монографическом исследовании «Искусство комедии «сатира отражает мировоззрение автора, степень его развития или невежественности, она должна стоять на общественной почве, бичевать «общественные пороки». Поэтому сатира не может не быть страстной, даже несколько фанатичной. Она направляет свое острие не на прошлое (историю), а на современность и в особенности бичует те черты настоящего, которые подрывают веру в будущее» [6, с.101].

Проведение формально-композиционного анализа драматургического творчества Шахарбия Алиева показало его расширенное идейно-тематическое содержание. Кроме того, выявило многообразие жанровой классификации драматургии Ш. Алиева [5, с. 248]. В представленном ниже анализе это наглядно видно.

ФОРМАЛЬНО-КОМПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО СБОРНИКА ШАХАРБИЯ АЛИЕВА

Название	Жанр	Кол-во действий	Кол-во персонажей	Объем (страницы)
1.«Ходжа бла Азраил (Ёлюмсюз Ходжа)»	Комедия	3	6	С.47-131
2.«Етюрюкге ушагъан керти»	Сатирическая комедия	3	8	С.132-190

ФОРМАЛЬНО-КОМПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО СБОРНИКА ШАХАРБИЯ АЛИЕВА «КЮЛКЮ БЛА ДЖЫЛАМУКЪ ДА» («И СМЕХ И СЛЕЗЫ»)

Название	Жанр	Кол-во действий	Кол-во персонажей	Объем (страницы)
1.«Хоншула»	сатирическая комедия	1	2	С.45-53
2.«Джазгъы кюнню кечесинде»	сатирическая комедия	1	6	С.53-63
3.«Болумлу Кулизар»	сатирическая комедия	1	5	С.63-73
4.«Байрым кече»	драма	2	7	С.74-126

Таким образом, достойно продолжая традиции Фонвизина, Грибоедова, Гоголя (говорящие фамилии: Татлыхан (Сладкая), Мыстыхан (Кислая), немая сцена, где все понятно без слов) Шахарбий Алиев используя приемы сатирического и комического анализа раскрывает человеческие пороки и недостатки. Своим творчеством Ш. Алиев как бы призывает быть и оставаться человеком, украшая землю, на которой родился и вырос.

Литература:

1. Алиев, Ш.М. Увиденное глазами, услышанное ушами. Юмористические рассказы и пьесы (на карачаевском языке). – Черкесск.: Ставропольское книжное изд-во, 1984. – 192 с.
2. Алиев, Ш.М. Без расчета на снисходительность // Ленинское знамя, 1988, 2 ноября. – С. 3–4.
3. Алиев, Ш.М. И смех, и слезы. Рассказы и пьесы (на карачаевском языке) – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1991. – 128 с.
4. Боров, Ю.Б. О комическом. – М.: Искусство, 1957. – 232 с.
5. Мамчуева, Ф.О. Жанрово-тематические особенности карачаевской драматургии // Материалы Всероссийской научной конференции Карачай в составе России: исторический опыт, современное состояние и перспективы трансформационных и модернизационных процессов. – Карачаевск.: КЧГУ, 2019. – С. 242–252.
6. Федь, Н.М. Искусство комедии. – М.: Наука, 1978. – 216 с.
7. Хабичева-Боташева, З.Б. Карачаевский театр: Истоки. Самодеятельность. Профессиональное искусство. – М.: Российский университет театрального искусства – «ГИТИС», 2012. – 524 с.
8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: denresp.ru>ludiisududb/1091-shah (дата обращения 11. 06. 2019). <http://www.elbrusoid.org/articles/remember>
9. Боташева «Шах, твоя дорога – театр!» [Электронный ресурс]. Режим доступа: denresp.ru>ludiisududb/1091-shah (дата обращения 12. 07. 2019).
10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: denresp.ru>ludiisududb/1091-shah (дата обращения 18. 07. 2019). <https://esu.citis.ru/dissertation/12MVm00KFvox15JHLs2cLb00> (2/2).

УДК 82-141

Мир-Багирзаде Самира Алтай
Институт архитектуры и искусства
Национальной академии наук Азербайджана,
Доцент культурологии, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела «Культурология»,
E-mail: samiramb777@mail.ru

ВКЛАД ИМАМЕДДИНА НАСИМИ В СОКРОВИЩНИЦУ КУЛЬТУРЫ ВОСТОКА

Аннотация: Данное исследование посвящено творчеству поэта, философа, суфия Имамеддина Насими и его вкладу в восточную культуру. Автор раскрывает многогранность его творчества, влияние на формирование диванной литературы Востока.

Ключевые слова: Насими, поэт, хуруфизм, культура Востока, возрождение, гуманизм, феномен человека, традиции

Mir-Bagirzadeh Samira Altai kizi
Institute of Architecture and Art
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Associate Professor of Cultural Studies, PhD in Philology,
Leading Researcher, Department of Cultural Studies
E-mail: samiramb777@mail.ru

IMAMEDDIN NASIMI'S CONTRIBUTION TO THE TREASURE OF EAST CULTURE

Abstract: This study is devoted to the work of the poet, philosopher, Sufi Imameddin Nasimi and his contribution to Eastern culture. The author reveals the versatility of his work, the influence on the formation of sofa literature of the East.

Key words: Nasimi, poet, Hurufism, culture of the East, revival, humanism, human phenomenon, traditions

Исламская культура, основанная на законах священной книги Коран, которая относится с уважением ко всем народам и людям Священных книг, ниспосланных Всевышним, дала человеку большие возможности в интеллектуальном развитии человека, это путь познания самого себя, где человеку преподносится право выбора жизненного пути. Человек представлен как высшее и лучшее творение Всевышнего, наделенного высоким творческим интеллектом и возвышается над всеми Его творениями. Именно

поэтому Западная Европа, получив прекрасный пример исламской цивилизации, возродила все лучшие традиции античного и средневекового исламского мира, где центром всего живого и прекрасного стал человек – вначале в искусстве, а потом в просвещении. Исламская культура воспринимается также как синкретическая культура, вобравшая в себе пласты многовековой человеческой культуры, где главным фактором является феномен самого человека, его интеллектуальное и творческое развитие. Именно этот аспект стал главным и важным объектом исследования многих средневековых ученых, в связи с которым изучались все научные трактаты древнего, античного мира, а также исследовались все религиозные мировые направления, где возможно было бы дать пояснения неразгаданным страницам Священной книги Коран, над которыми трудились многие богословы, ученые, создав многотомные книги-исследования.

Так разъясняем Мы знамения Свои
Для тех, в ком знание живет [8, с. 159]

(Коран, сура 6 Аль-Анам, аят 97)

В этом, поистине, знамения для тех,

Кто обладает разумом [8, с. 170]

(Коран, Сура 13, Ар-Раад, Гром, аят 4)

Самым распространенным течением исламской религии стал суфизм, который является синтезом наслоения различных пластов культуры, соединив в себе сакральность Корана и другие религии и верования: зороастризм и его ответвления, буддизм и обеты и уединения монахов, а также эзотерика, хуруфизм и древняя философия: египетская (жреческая), китайская (учение Конфуция, Лаодзы – эти пророки выступали в качестве учителей (в суфизме-мюрид-мюршид), индийская йога и т.д.

Насими (псевдоним, обозначающий «легкий ветер». Настоящее имя Сеид Имадеддин (азерб. :*İmadəddin Nəsimi*), перс: *عمادالدین نسیمی*) жил и творил примерно в 1369 г. – 1417 гг. в г. Халебе. Следует отметить, что о его происхождении и месте рождения идут немалые споры, так как многие страны претендуют на то, чтобы считать его своим поэтом, в частности Туркмения, Иран, Турция и др. Самым лучшим ответом на этот вопрос стала книга турецкого ученого Мехмета Фуата Кепрюлю «Исследование по азербайджанской литературе», в которой подчеркивается, что Имамеддин Насими является одним из крупнейших представителей азербайджанской классической литературы. Из сведений Википедии мы узнаем, что брат Насими поэт Шахандан (Шахиде-хандан) предположительно похоронен на кладбище Шахандан в Шемахе [12, с.472; 6, с.105-174]. Азербайджанский исследователь Салман Мумтаз также отмечал, что кладбище Шахандан в Шемахе связано с именем брата Насими Шахандана. На основе этого Мумтаз пришел к выводу о том, что Насими родился в Шемахе. Немецкий тюрколог Герхард Дерфер [5] считал, что Насими происходил из Азербайджана, а не Анатолии или Хорасана.

Первые сведения о Насими можно получить из книги узбекского поэта Алишера Навои «Нясайимюл мяхэбят», и у его современника Амира Кемалледина Хусейни в тезкире «Мэджлис уль-Ушшак», повествующей о необыкновенном таланте поэта, которого ценили и почитали. Он приводит несколько примеров из его произведений, в частности в 1546 году (953 год хиджры), в книге «Мэшахир-уш шюара» («Известные поэты») Гастамонили Лятыфи пишет о «Диванах» поэта Насими, изложенных на 3 языках, в частности на арабском, персидском и тюркском. Сведения о диванах Насими можно встретить также в книге Бурсалы Мяхяммяд Тахира «Османские авторы». Некоторые копии диванов Насими хранятся в библиотеке Аят Софьи. В 1920-е гг., в палеографических сведениях Исмаил Хикмет сообщает о том, что хранящийся у него Диван принадлежит Насими. Писатель Салман Мумтаз на основе 10 страниц из данного «Дивана» Насими, в 1926 году в Баку издает книгу с миниатюрами, которая состоит из 227 стихотворений разных жанров (4тыс. бейтов и 165 туюгов (четверостиший), расположенных на основе начальных букв по арабскому алфавиту) [6, с. 11]. Его стихи также хранятся в рукописных каталогах Европы. В библиотеке Каира - Мисир Хидвийя находятся произведения азербайджанских поэтов - классиков, в том числе переписанная каллиграфом Ахмедом ибн Искендером в 941 году хиджры (1534 год) рукопись в красном переплете «Дивани-Нясими эфенди» из 225 листов [2,

с. 65]. Некоторые диваны Насими хранятся в библиотеках Турции и Ирана [17, с. 65], в частности в Тебризской библиотеке Дарульфунун, где хранятся 5000 бейтов.

Важно выделить, что Сеид Имадеддин являлся одновременно и поэтом, и прозаиком (на родном языке было написано Мукадиматуль-хакаик («Введение в истину»). Его труды были опубликованы во многих странах мира, в том числе в Турции, Германии, Иране. Его труд «Тари катнаме» написан как в прозе, так и в стихах. Сеид Имадеддин был многогранной личностью, в нем можно было увидеть суфия и богослова, прекрасно знавшего Коран, философию. Он хорошо разбирался в музыке, поэтике, астрономии, математике, являлся создателем философского стиха в поэзии, повлиявшего на формирование диванной литературы Востока. Его принято считать одним из основателем поэтического литературного тюркского языка на самом высоком уровне, который соперничал с высокоразвитым арабским и персидским языками. Его стихи обладали особым философским, сакральным и сокровенным смыслом. Поэтический язык был необыкновенно богат не только словами и выражениями из священного Корана и арабскими общественно-философскими терминами, но и колоритом живого родного языка. О его таланте персидский художник Сади́г бей Афшар в своем тезкире «Мяджмяул хявас» («Собрание знатных людей») писал, что на мусульманском Востоке помимо Физули только Насими мог одинаково хорошо писать газели на всех трех языках, подчеркивая, что, «и в самом деле никому не было ниспослано такое счастье владения на столь высоком уровне арабским, персидским и тюркскими языками» [13, с. 4].

Наряду с этим, Насими являлся образцом мудрости, смелости и сакральности для подражания поэтам того времени и его последователям в Азербайджане, Средней Азии, Османской империи и других государствах, оставаясь в своем творчестве непревзойденным. Среди его последователей можно выделить Джаханшаха Кара-Коюнлу, публиковавшегося под псевдонимом Хакики и Шах Исмаила Хатаи, который в стихах упоминает имя Сейид Насими или Хусейни, а также его взгляды отражены и в творчестве суфийского поэта XIX века Мир Хамзы Сейид Нигари, в том числе в диванах Мисали (Венгрия), более известный как Гюльбаба, и в трудах Вехдети Димотикского (Греция). Его идеи человеческой красоты, независимости, возвышения человека, как божественного создания, и бесконечной большой любви к Всевышнему, как его неотъемлемой частицы (*В меня вместятся оба мира: мир человека и мир Всевышнего, в котором он, поэт Насими, признает только мир Бога*), отразились во всем его творчестве. К примеру, в его стихотворении «В меня вместятся оба мира», которое мы приводим ниже:

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь:
Я суть, я не имею места – и в бытие я не вмещусь.
Все то, что было, есть и будет, – все воплощается во мне,
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объясненья не вмещусь.
Вселенная – мой предвозвестник, мое начало – жизнь твоя.
Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки не вмещусь.
Предположеньем и сомненьем до истин не дошел никто.
Кто истину узнал, тот знает – в предположенья не вмещусь.
Поглубже загляни в мой образ и постарайся смысл понять.
Являясь телом и душою, я в душу с телом не вмещусь.
Я жемчуг, в раковину скрытый. Я мост, ведущий в ад и в рай.
Так знайте, что с таким богатством я в лавки мира не вмещусь.
Я самый тайный клад всех кладов, я очевидность всех миров,
Я драгоценностей источник, – в моря и недра не вмещусь.
Хоть я велик и необъятен, но я Адам, я человек,
Я сотворение вселенной, – но в сотворенье не вмещусь.
Все времена и все века – я. Душа и мир – все это я!
Но разве никому не странно, что в них я тоже не вмещусь?
Я небосклон, я все планеты, и Ангел Откровенья я.
Держи язык свой за зубами, – и в твой язык я не вмещусь,
Я атом всех вещей, я солнце, я шесть сторон твоей земли.
Скорей смотри на ясный лик мой: я в эту ясность не вмещусь.
Я сразу сущность и характер, я сахар с розой пополам,

Я сам решенье с оправданьем, – в молчащий рот я не вмещуь.
Я дерево в огне, я камень, взобравшийся на небеса.
Ты пламенем моим любуйся, – я в это пламя не вмещуь.
Я сладкий сон, луна и солнце. Дыханье, душу я даю.
Но даже в душу и дыханье весь целиком я не вмещуь.
Старик - я , в то же время, молод, я лук с тугою тетивой.
Я власть, я вечное богатство, – но сам в века я не вмещуь.
Хотя сегодня Насими я, и хашимит и корейшит,
Я – меньше, чем моя же слава, – но я и в славу не вмещуь.

Поэт восхищается красотой мира, созданного Всевышним, и передает это посредством стихов:

Если хочешь ты раскрытые тайны узнать,
Ели хочешь проникнуть в ничто,
Ароматы цветов пусть расскажут тебе о начале миров и вещей,
Если хочешь, о внемлющий, чтобы сейчас все на свете открылось тебе,
Ты, мелодию взяв, отыщи в глубине все законы движения в ней.

Некоторые исследователи считают, что в молодости Насими использовал псевдоним «Сеид», «Хусейни». Это было до его встречи с Фазлуллахом Наими и принятия им идей хуруфизма, которые основываются на Коране и хадисах, имеют свое видение и толкование божественных посланий. Основатель хуруфизма Наими Фазлуллах (Фадл'аллаха (Фазлуллаха) (Озарение от аллаха) отразил свою концепцию в книге «Джавиданнаме» (Книга вечности). Хуруфизм, при всей условности и мистичности своих одежд, придававших некий вещий, магический и божественный смысл числам, буквам (и здесь перекликавшийся с каббализмом), по ключевым постулатам и тезисам являлся оппозицией догмам ислама: аллах (бог, высшая истина) – в человеке, проявляется в человеке, – вот главный и «крамольный» лозунг хуруфитов, стоивший многим и многим из них жизни. Основной идеей хуруфизма было возвышение человека, освящение его, уравнивание человека с богом. Здесь, в мысли о человеческом богопроявлении, хуруфизм смыкался с пантеизмом. Двадцать восемь букв арабского алфавита, которым написан Коран, хуруфиты соотносили с тем же числом черт человеческого лица (брови, ресницы, морщины, усы и т. д.), произвольно подогнанным под это соответствие. Эта же числовая символика распространялась на градацию сур Корана, молитвенные циклы, пост (орудж), размеры религиозного налога (зекат), цикличность природных явлений и т. д. Согласно взглядам хуруфитов, формой проявления Абсолютного Существа является вселенная, а высшая зрелость вселенной осуществлена в человеке. Весь путь развития вселенной шел к человеку и в лице его вселенная достигла своей высшей формы, своей вершины [9, с. 51].

Поэт имел сильное влияние на народ, и каждое его слово воспринималось, как важное значимое и необходимое в их жизни. Он был носителем высокого статуса хуруфийского шейха в Халебе (Аллеппо), находящегося во владениях египетского султана. Когда между Египтом и правителями Зульгадаров началась конфронтация, Насими поддержал Али бека и Насираддин бека Зульгадаров. Дочь Насими была замужем за Насиреддин беком, который приходился поэту зятем. Чтобы не потерять Халеб, султан приказал казнить Насими. На судебном процессе ни один из судей не поддержал решение о казни поэта, после чего султан распорядился единолично о казни Насими, обвинив его в нарушении вероисповедания.

Насими умер мучеником, но остался в людской памяти свободолюбивым поэтом, творчество которого многогранно не только по поэтическим жанрам, но также обладает глубиной человеческого познания.

Творчество Насими исследовано многими азербайджанскими учеными, в частности Гамидом Араслы в его работе «Имамеддин Насими». Его личности уделяется внимание в сокращенной истории литературы Азербайджана [1], в 3-томном издании самого Насими с научно-критическими комментариями под редакцией Гамида Араслы и Джахангира Гахраманова «Имамеддин Насими» [7], в монографии Мирзаага Гулузаде «Великий азербайджанский поэт» [5], в исследовании профессора Зюмрюд Гулузаде о философских взглядах поэта [3], [4]. Огромную работу по изучению личности и творческого пути провела доктор философии по филологии Саадат Шихиева,

посвятившая всю свою научную деятельность исследованию творчества и биографии поэта, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Лирика Имамеддина Насими» [11].

Исследование творчества Насими продолжается и в настоящее время.

По словам заместителя директора Института рукописей, доктора филологических наук Пашы Керимова Институт рукописей НАНА приобрел несколько сборников и диванов поэта, среди них – 2 тюркоязычных экземпляра диванов (антология Насими). Первый переписан четким каллиграфическим почерком насхи и состоит из 83 страниц. Второй состоит из 308 страниц, являющимся самым объемным диваном, в который входит 711 газелей, 6 отрывков, 3 месневи, 9 мустазадов, 5 мухаммасов, 603 рубаи, 3 гита. Сюда же вошли несколько стихотворений, которые не входили в другие диваны [13, с. 4].

Таким образом, можно отметить, что имя Насими окружено в современном Азербайджане необыкновенным почетом, ему посвящаются фильмы, в честь него устанавливаются памятники, его именем называются улицы, школы, станции метро и т.д. Так, в 1973 году в честь 600-летия Насими азербайджанским режиссёром Гасаном Сеидбеги был снят одноименный фильм, где главную роль сыграл Расим Балаев, в том же году азербайджанским композитором Фикретом Амировым была написана хореографическая поэма (балет) «Сказание о Насими». В 1980 году скульпторами Т. Мамедовым и И. Зейналовым, а также архитекторами А. Гусейновым и Г. Мухтаровым в Баку был установлен из бронзы и гранита памятник Насими. В ноябре 2018 года в рамках «Фестиваль поэзии, искусства, духовности – Насими» в МГИМО был установлен бюст Насими. 2019 год в Азербайджане в связи с 650-летием поэта объявлен «Годом Насими».

Литература:

1. Араслы, Гамид. Имамеддин Насими: жизнь и творчество // Под. ред. В. Богуславского. – Баку: Азербайджанское книжное издательство, 1973. – 72 с.
2. Гафар Кендли. О произведениях азербайджанских классиков, хранящихся в библиотеке Мисир Хидвиййя, «Известия»(серия общественных наук) АН Азерб.ССР, 1958, №3, – с. 65; Али Хильми «Фяхристюль ктубит-тюркиййяти вяль фярсиййятиль-джявиййятиль мяхфузяти биль кютюбханятуль –Хидиввятить-Мисириййяти», – Каир, 1306, образец I, т. I, особый номер 39, общий номер 8674.
3. Гулузаде З. Насими – философ и поэт Востока / О-во «Знание». АН АзССР. – Баку: Гянджлик, 1973. - 50 с.
4. Зумруд Аликули кызы. Хуруфизм и его представители в Азербайджане. АН АзССР институт философии и права. Издательство «Элм». Баку, 1970. – 264 с.
5. Гулузаде, М. «Насими». История азербайджанской литературы. Изд-во: «АНАЗССР», Баку, Т. I. – 1960.- 326с.
6. Джидди, Г.А. Средневековый город Шемаха (IX–XVII века). – Б.: Элм, 1981. –174 с.
7. Имамеддин Насими. Избранная лирика: в двух томах /И.Насими; худож. М.Абдуллаев; [перевел С. Иванов [и др.]] 1 Том. – Баку: [Азернешр], 1973. – 359с.
8. Коран, перевод смыслов и комментарии Валерии Пороховой, Каир, 1997. –799с.
9. ЛитМир – Электронная Библиотека. Рустамханлы Сабир. Книга жизни -51с.
10. Саадат Шихиева «Казнь Насими была политически мотивированным убийством // Вестник Кавказа. 2 февраля, 2019.
11. Саадат Шихиева Сеид Имамеддин Насими» (портрет-очерк) // История литературы Азербайджана. Изд-во: «Элм». Баку, 2009 – Т. III . – 543 с.
12. Азербайджанская советская энциклопедия / Под ред. Дж. Кулиева. – Б.: Главная редакция Азербайджанской советской энциклопедии, 1987. – 472с.
13. Наука // газета НАНА №3 (1217). 08.02.2019.
14. Bayezit Kitaplığında 3353 nu ara ile bulunan yazma nüshe.XIII yüzyıldan beri TürkiyeTürkçesile yazılmış kitaplardan Tanıklarıyle Tarama sözlüğü,1 c.,Ankara,1963, cəh.LİK,947,Milli Egitim Basemevi,cəh. 1317.
15. Encyclopaedia Iranica. Azeri Turkish
16. Fehmi Edhem Karatay Türkçe yazmalar Katalogu II c.,İstanbul,1961,№ 2262 N.316;
17. İstanbul kitaplıkları Türkçe yazma divanlar Katalogu, I cilt,XII-XVI asır,İstanbul,I

*Муртазалиев Ахмед Магомедович,
Институт языка, литературы и искусства им. Г.Цадаасы ДНЦ РАН,
заведующий отделом литературы, г. Махачкала, Россия,
E-mail: ahmurt@mail.ru*

СЛОВЕСНОЕ ТВОРЧЕСТВО АВАРЦЕВ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА В ОЦЕНКАХ ГЕНЕРАЛА МАКСУДА АЛИХАНОВА

Аннотация: В статье сделана попытка дать оценку одной из сторон многогранного творчества известного военного деятеля императорской России, генерала Максуда Алиханова, в частности, его взглядам на словесное искусство аварцев дооктябрьского периода.

Ключевые слова: аварская литература, П.К. Услар, поэзия, фольклор, Максуд Алиханов, лирическая поэзия, героико-исторические песни

*Murtazaliev Ahmed Magomedovich,
The G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art
Dagestan Scientific Centre of RAS,
Head of the Literature Department, Makhachkala, Russia,
E-mail: ahmurt@mail.ru*

THE LITERATURE OF AVARS OF THE PRE-OCTOBER PERIOD IN THE EVALUATION OF GENERAL MAKSUD ALIKHANOV

Annotation: The article attempts to assess one of the parties to the versatile creativity of the famous military leader of imperial Russia, General Maksud Alikhanov, in particular his views on the literature of Avars of the pre-October period

Key words: Avar literature, P.K. Uslar, poetry, folklore, Maksud Alikhanov, lyrical poetry, heroic and historical songs

Как известно, начало целенаправленному научному изучению аварской литературы было положено в 20-х годах XX столетия, с момента установления советской власти в крае. В этот период появились первые академические труды, очерки, статьи, посвященные словесному искусству аварцев, в которых давали научную оценку жизни и творчеству национальных писателей, а также оценивался уровень научности сборников, хрестоматий, антологии произведений аварской литературы.

Между тем, еще в XIX веке представители научного сообщества России и Европы, в частности исследователи кавказских языков А.А. Шифнер, П.К. Услар, А.М. Дирр, наряду с основным родом деятельности, интересовались и словесным искусством аварцев. Они часто выступали первыми собирателями, переводчиками, издателями произведений устного народного творчества, авторских произведений горцев. Высокую оценку деятельности этих ученых дал академик Г.Г. Гамзатов: «Основы профессионального филологического дагестановедения были заложены в начале 60-х годов XIX столетия трудами А.А. Шифнера, и П.К. Услара» [3, с. 307].

В 1868 году в «Сборнике сведений о кавказских горцах» была опубликована статья П.К. Услара «Кое-что о словесных произведениях горцев» [8], написанная на основе устного народного творчества народов Дагестана, в частности аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин. В ней рассматривается жанровое своеобразие фольклора народов Дагестана, отмечаются особенности каждого жанра, приводятся примеры анализа произведений, подстрочные переводы которые впервые исполнены автором статьи. Статья П.К. Услара не носит научного характера, она страдает отдельными недостатками, но при этом в ней можно обнаружить ценные наблюдения и мысли по изучаемой теме, которые актуальны и по сей день.

В своей статье русский ученый делает акцент на оригинальности горской народной лирики. При этом он отрицает наличие у горцев (аварцев) художественной литературы в современном ее понимании: «О горской литературе не может быть и речи, потому что горцы теперь только начинают заучивать литеры» [8, с. 3]. С такой позицией известного кав-

казоведа, конечно, нельзя согласиться, ибо аварская литература, которая развивалась в соответствии со своими внутренними законами со средних веков, ко второй половине XIX века переживала стадию интенсивного развития. Творчество таких известных мастеров художественного слова, как Мухамадбека из Гергебиля, Этил Али и Хазамил Али из Телетля, Али-хаджи из Инхо, Аминатил Мухамада из Гимры, Чанки из Батлаича, Эльдарилава и Анхил Марин из Ругуджа и других, подняло литературу аварцев на новый уровень ее эволюции. Изучая, в частности аварский язык, попутно обращая внимание на словесные произведения горцев, русский ученый почему-то проигнорировал факт наличия у аварцев относительно развитой письменной и устной литературы.

Вместе с тем П.К. Услар дает позитивную оценку аварским песням, которые считает оригинальным явлением поэзии: «Песни представляют совершенно самостоятельное проявление горской поэзии» [8, с. 3]. При этом он несколько схематично оценивает горское стихосложение: «Механическая сторона чрезвычайно проста. Горцам неизвестна ни рифма, ни тонический размер... Стихотворение их есть проза, разрубленная на 11 или на 7 слогов... чтобы подровнять число слогов, допускаются поэтические вольности, от которых страдает грамматика, но к которым горцы вполне привыкли. Очевидно, что эта крайняя незамысловатость стихосложения открывает широкий простор поэтическим импровизациям» [8, с. 33].

С помощью и под непосредственным руководством П.К. Услара проявился талант исследователя у одного из первых аварских просветителей XIX века Айдемира Чиркеевского, знатока и собирателя произведений устного народного творчества своего народа. Составленный им сборник аварских песен и сказок [1] является первой работой такого рода в истории аварского литературоведения.

В эпоху Айдемира Чиркеевского и в последующем из среды аварцев вышли личности, интересовавшиеся фольклором, литературой своего народа. Таковыми являются: Мухамад Хандиев из Тидиба, Жаватхан Кебедов (Ханахачиев) из Телетля, Хасанилав из Гимры, Омар Карнаилов из Чоха, Биякай Абдулаев из Чиркея, Максуд Алиханов из Хунзаха. Будучи пионерами в области собирания, систематизации и пропаганды произведений фольклора и литературы родного народа, составителями первых сборников, учебников, хрестоматий, переводов, они внесли неоценимый вклад в формирование в советский период основ научной базы аварской литературы.

Среди названных лиц во второй половине XIX века свое видение словесного искусство аварцев оставил генерал Максуд Алиханов. С детства воспитанный в русской среде, получивший блестящее европейское образование, знакомый с достижениями русской и мировой культуры, достигший высоких должностей на царской военной службе, имевший множество наград и поощрений, М. Алиханов был всесторонне развитой личностью. Посвятивший всю свою жизнь военной службе, участвовавший во многих военных походах и сражениях, он обладал талантом и чутьем исследователя-гуманитария, писателя, публициста, художника. Об этом свидетельствуют его книги, статьи, посвященные истории, культуре, этнографии, литературе народов Кавказа, Средней Азии и Востока. Уникальность личности М. Алиханова очень точно обозначил К.К. Султанов: «Редкий, может быть, единственный в истории случай, когда в одном человеке сошлись царский генерал и просвещенный дагестанец, размышляющий патриот-традиционалист, чуткий к национально-самобытным формам горского социума, и патриот-державник, государственный, не забывающий о высших целях страны, которой он служит, убежденный в цивилизаторской миссии царской России» [7, с. 201].

Особую ценность в творческом наследии М. Алиханова представляют его тридцать статей, опубликованные с января 1895 г. по декабрь 1896 г. в газете «Кавказ» под рубрикой «В горах Дагестана». Статьи посвящены истории, культуре, этнографии, быту, литературе народов Дагестана. Из них двадцать восемь статей были изданы отдельной книгой уже в наше время*. Здесь, в нескольких статьях автор затрагивает вопросы устного народного творчества аварцев, в частности поэзию. А глава «Поэзия горцев. Музыка и мелодия. Словесные произведения и мнение о них барона Услара. Образцы

* Алиханов М. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев / сост. и автор комм. Р.Н. Иванов. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2005.

эпоса и лирики: «Хаджи-Мурад». «Предложение» и «Пора любви» целиком посвящена названной теме.

Как свидетельствует содержание статьи, М. Алиханов хорошо знал словесное искусство своего народа, его психологические и литературные наклонности и пристрастия. В своих размышлениях о поэтике аварской поэзии, в частности лирики, «Максуд Алиханов как крупный писатель и журналист предстает перед читателем великолепным психологом» [4, с. 372], обладающим блестящими знаниями в области фольклора, истории и теории аварского стиха, способным в деталях передавать содержание объекта оценки. Конечно, не все мысли и выводы автора статьи можно сегодня принять за истину, но среди них есть и такие, которые не потеряли своей актуальности и по сей день. Так, по мнению М. Алиханова, аварские поэтические произведения не заглядывают дальше полутора – двух столетий, т.к. народ забыл те, которые были до них. Причину этого он видит в том, что никто никогда не записывал тексты произведений, и они в народе распространены были лишь в устной форме. Кроме того, каждый исполнитель народных песен по-своему менял, переключивал текст: что-то выбрасывал из него, а что-то добавлял, чаще от себя. Следует подчеркнуть также, что появлявшиеся новые стихи заставляли забывать старые, по мере того, как в народе угасал к ним интерес. Так, аварцы забыли стихи о походах на восточный берег Каспия, взятии Хивы, восстании в Ункратле, визите царя Александра III в Дагестан, эмиграции горцев в Турцию. Но, говорит М. Алиханов, распространенные в его время в горах сотни, тысячи историко-героических и любовных стихов со всех сторон вобрали в себя данное время, и, если бы их собрали, они составили бы блестящую эпопею Дагестана и послужили бы ценным вкладом в кавказскую историко-этнографическую литературу.

В то же время, как отмечает М. Алиханов, широкую популярность во второй половине XIX века имели произведения, которыми гордился народ, в частности это такие поэтические сочинения, как «Разгром Надир-шаха», «Поход Газимухамада на Дербент», песен о набегах, о походах Ермолова, Фезе, Аргутинского, Воронцова и Бяратинского, о наибах, Хаджи-Мураде, о битвах при Ахульго, Гергебиля, Гунибе, Салта и пр. В своей основе они представляли собой длинные поэтические сказания, целые эпические поэмы. Характеризуя данный род сочинений горцев, генерал пишет: «В течение последних 30-ти лет я слышал в горах массу появившихся новых песен... Меня всегда поражала живость, с которой они создаются, к тому же людьми почти всегда безграмотными, так как песни считаются, во всяком случае, лишь забавой, недостойной серьезного человека, а тем более алима» [2, с. 244].

В контексте разговора о поэзии аварцев М. Алиханов отмечает, что они не имеют собственного алфавита, а «русские и арабские письма не пригодны для их языка» [2, с. 245]. В данном случае мнение автора субъективно и согласиться с ним никак нельзя. Да, на тот период у аварцев еще не было издательского дела, не печатались книги, не функционировали школы, но они много веков пользовались довольно развитой письменностью на основе арабской графики – аджамом. Вот что по этому поводу пишет исследователь истории аварской письменности М.-С. Саидов: «Аджамское письмо, разработанное Дибир-кадием в конце XVIII века, при всей его дефектности, можно считать первым национальным письмом аварцев» [6, с. 142]. На ней велась широкая переписка, от руки писались книги, сочинения агиографического, хроникального жанров, произведения литературы, велась разного рода документация и пр. И автор статьи не мог не знать об этом, но он почему-то игнорирует такое важное культурное явление своего народа. Можно лишь предположить, что здесь сказалось неприятие ими всего, что связано было с арабской культурой, письменностью, как явления, олицетворявшего собой ненавистного ему имама Шамиля, эпоху газавата, ее культуру и пр.

Размышляя об аварской поэзии, М. Алиханов делает особый акцент на природе ее стихосложения. Чтобы дать представление о речи аварцев и их стихосложении, в статье приводится подлинный текст одного поэтического отрывка:

МаГарул ясазул мугъ унтуларо,
ХІамилГІан кІудияб гьир баччаниги.
Хьиндал руччабазул мугъ свакаларо,
Ахинир, гьутІбузда гьоркъ регулаго [2, с. 274].
У горских девушек спина не устает,
Если даже таскает ослиный выюк.

У женщин ущелий спина не устает,
Когда ложатся в саду под деревом*.

В статье М. Алиханова порою наблюдается идентичность мнений ее автора и П.К. Услара по некоторым позициям. Так, говоря о поэзии горцев, русский ученый пишет, что ее «механическая сторона чрезвычайно проста, горцам неизвестны ни рифма, ни тонический размер» [5, с. 33]. А вот как характеризует горский стих М. Алиханов: «Механическая сторона их чрезвычайно проста. В своих стихотворениях горцы особенно не преследуют рифму, хотя любят ее; тонический же размер строго соблюдается и почти неизменно состоит из первых трех стоп, по три слога каждая, и четвертой – в два слога» [2, с. 246].

Между тем оба автора расходятся в оценках размера горского стиха. Если П.К. Услар утверждает, что горцам не известен тонический размер, то, как считает М. Алиханов, данный размер строго характерен для аварского стиха. В этом «споре» позиция П.К. Услара оказалась ближе к истине, ибо, как в дальнейшем показала практика, в основе аварского стихосложения лежит не тоническая, а силлабическая система. Это подтверждает и исследователь художественного строя аварской поэзии С.М. Хайбуллаев: «Наблюдение над природой структуры аварского стиха убеждает нас, что в любом произведении стихотворная строка состоит из определенного, закономерного повторяемого количества слогов. Значит, в основе соизмеримой единицы аварского стиха лежит слог, поэтому эта система получила название силлабической, т.е. слоговой» [9, с. 162].

В рассматриваемой статье, как отмечает генерал М. Алиханов, два чувства вдохновляют аварцев: война и любовь. Поэтому и «песни их делятся по содержанию только на две категории – боевые и любовные (рагъул кечI и рокъул кечI)» [2, с. 247]. При этом, как пишет автор, любовные стихи представляют собой небольшие лирические произведения, авторами которых, как правило, бывают женщины. Данное утверждение, на наш взгляд, носит несколько субъективный характер, ибо у аварцев любовные стихи преимущественно создавались мужчинами, а женщины-стихотворцы в названную эпоху и до нее было довольно редким явлением.

Чтобы у читателя сложилось представление о лирических стихотворениях аварцев, в статье в авторском исполнении приводятся два подстрочных перевода на русском языке: «Предложение» («Борхатаб къурда чЮлеб къер меседилаб микки») и «Пора любви» («Якке, эбел къватIе»). Так как в поэтической традиции аварцев не было принято именовать произведения, то оба названия стихотворений является личной инициативой переводчика. О данном жанре аварской поэзии М. Алиханов пишет: «Лирические произведения горцев, вызываемые почти исключительно любовью, этим повседневным у всех и всюду источником вдохновения, столь же многочисленны, как и эпические, и некоторые из них замечательны, по словам Услара, по своей грациозности» [2, с. 254].

В отличие от лирических сочинений, героико-исторические песни аварцев всегда сочинялись исключительно мужчинами, и они представляли собой целые эпические поэмы и, как отмечает автор, «потребовали бы доброй газетной страницы» [2, с. 247]. В качестве образца данного жанра М. Алиханов приводит характеристику выдержек народной песни, посвященной наибу Хаджи-Мураду, с собственным подстрочным переводом. Примечательно, что в статье точно указывается дата создания произведения – 1858 год, но не называется имя его создателя. В связи с этим, возникает вопрос: если автор статьи знает время создания произведения, то почему он не знает его автора и называет его продуктом чисто народного творчества? Ведь неизвестный поэт, создавший стихотворение, посвященное Хаджи-Мураду, жил, практически, в одну и ту же эпоху, что и М. Алиханов. По поводу подбора для анализа текста стихотворения о Хаджи-Мурате у К.К. Султанова есть следующая версия: «Выбор песни о Хаджи-Мурате, развернутой на нескольких страницах, явно продиктован вовсе не ее поэтическими достоинствами, а предельной в своей публицистической заостренности антитезой, призванной резко противопоставить лидеров друг другу» [с. 208], т. е. имама Шамиля и наиба Хаджи-Мурата. Слова известного литературоведа требуют некоторого пояснения: дело в том, что семья М. Алиханова принадлежала к лагерю дагестанцев,

* Подстрочный перевод наш. – А.М.

занимавших антишамилевскую позицию, он сам в шестилетнем возрасте был выкуплен из шамилевского плена при содействии князя М. Воронцова [с. 206]. Обстоятельства личной судьбы, жизнь с малолетства в русской среде сформировали в нем убежденного противника национально-освободительной борьбы горцев Дагестана и ее лидера имама Шамиля, которого он воспринимал как своего личного врага.

Характеризуя стихотворение, посвященное Хаджи-Мураду (в одном месте автор называет его поэмой. – А.М.), М. Алиханов делает акцент на следующих моментах: особенностях экспозиции, свойственной поэтике аварских народных песен героического жанра; изображении боя, в котором непременно присутствуют хвастливые перебранки между предводителями враждующих сторон, в данном случае между Хаджи-Мурадом и князем Аргутинским; характеристике неизвестным певцом Шамиля, которая, по мнению автора статьи, является «отголоском общественного мнения горцев о последнем своем имаме» [2, с. 251]; и, наконец, на завершающей части произведения, где говорится о героической смерти Хаджи-Мурада. Особое внимание М. Алиханов уделяет именно этой части сочинения: «Последняя часть поэмы, заанчивающаяся трагической смертью Хаджи-Мурада, рассказана чрезвычайно живо, но слишком подробно... Суть в том, что надоела герою жизнь на чужбине: затосковал он по семье и горам и решил вернуться к ним во что бы то ни стало, хотя знал, что на родине ждут его не покой и наслаждение, не тревоги боевые, а – пуля из-за камня, смерть из-за угла» [2, с. 252].

Владея в совершенстве родным и русским языками, М. Алиханов блестяще справился и с переводом вышеназванных произведений. Он сумел передать максимально близко к оригиналу не только содержание стихотворений, но и их идею, мелодику, ритмико-интонационные особенности, лирические образы, развитие лирического сюжета, подобрать адекватные оригиналам варианты художественных выразительных средств и пр. «Перевод, сделанный Алихановым с аварского языка, – пишет З. Магомедова, – отличается изяществом, легкостью строфы, отсутствием излишних поэтических напластований... В этих и других народных стихотворениях, переведенных Алихановым, заметны и его дар фольклориста, и навыки переводчика и поэтический вкус. Это является еще одним подтверждением многогранности его личности» [5, с. 54].

Вклад представителей русской и национальной интеллигенции, в том числе и генерала М. Алиханова, во второй половине XIX века в изучение аварской словесной культуры, их труды и публикации, теоретические разработки и выводы, посвященные различным ее аспектам, представляют собой в высшей степени ценное наследие. Наряду с другими объективными условиями оно подготовило основу, на которой в советское время было возведено здание научного исследования аварской литературы, сформировалось филологическое литературоведение Дагестана, началась подготовка профессиональных национальных литературоведов.

Литература

1. *Аварские сказки и песни*, собранные А. Чиркеевским. – Темир-Хан-Шура, 1867. – 96 с.
2. Алиханов Максуд. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев / сост. и автор коммент. Р.Н. Иванов. – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2005. – 416 с.
3. Гамзатов, Г.Г. Дагестан: духовное и художественное наследие. Концептуальный, мировоззренческий и нравственный аспекты. – Махачкала, 2004. – 544 с.
4. Иванов, Р.Н. Генерал Максуд Алиханов: триумф и трагедия. – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2003. – 720 с.
5. Магомедова, З.К. Творческое наследие дагестанской интеллигенции рубежа веков (конец XIX – начало XX вв.). – Махачкала, 2014. – 290 с.
6. Саидов, М.-С. Возникновение письменности у аварцев // *Языки Дагестана*. – Махачкала: Издательство Дагестанской базы Академии наук СССР, 1948. – Вып. 1. – С. 141–143.
7. Султанов, К.К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. – М.: Наука, 2007. – 302 с.
8. Услар, П.К. Кое-что о словесных произведениях горцев // ССКГ. – Тифлис, 1868. Вып. I. С. 3–42.
9. Хайбуллаев, С. Художественный строй аварской поэзии. – Махачкала: Изд-во Дагестанского научного центра РАН, 1999. – 240 с.

УДК 82.141

Шаманова Фатима Дадашевна
Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований
старший научный сотрудник карачаево-балкарского отдела,
г. Черкесск, Россия,
E-mail: fatima.shamanova@mail.ru

ЖАНР ЗИКРА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

***Аннотация:** В статье на материале карачаево-балкарской духовной поэзии второй половины XIX века рассматриваются принципы формирования художественных традиций религиозного жанра «зикр», особенности и тенденции его развития в карачаево-балкарской духовной культуре, а также их обусловленность различными факторами общественно-исторической жизни.*

***Ключевые слова:** карачаево-балкарская литература, религиозная литература, зикр, ислам, духовная поэзия, «ийман-ислам»*

Shamanova Fatima Dadashevna
Karachay-Circassian order "Badge of Honor"
Institute for Humanities research
under the Government of the
Karachay-Circassian Republic,
senior researcher of the karachay-balkar department
Cherkessk, Russian Federation,
E-mail: fatima.shamanova@mail.ru

GENRE ZIKRA IN KARACHAI-BALKAR POETRY SECOND HALF OF XIX CENTURY

***Abstract:** The article on the material of the karachay-balkarian spiritual poetry of the second half of the XIX century discusses the principles of the formation of artistic traditions of the religious genre "zikr", features and trends of its development in the karachay - balkarian spiritual culture, their dependence on various factors of social and historical life.*

***Key words:** karachay-balkar literature, religious literature, zikr, Islam, spiritual poetry, «iyman-Islam».*

Вопрос о хронологических рубежах и первых проявлениях философии ислама в фольклоре и литературе карачаевцев и балкарцев является одним из малоизученных. Художественная литература с содержанием религиозного эквивалента является наименее исследованным жанром национального литературоведения. Научный вклад в разработку этого вопроса внесли ученые Кабардино-Балкарии: Т.Ш. Биттирова [1], Х.Х. Малкондуев [2, 3], Б.И. Тетуев [4], Теппев А.М. [5]. Также в изучении данной темы представляет интерес диссертационное исследование К-М.Н. Тотуркулова «Традиции духовной поэзии Востока в художественной системе Исмаила Семенова», которое посвящено анализу религиозно-поэтических произведений И. Семенова [6]. Изданиями данных авторов и ограничивается на сегодняшний день научное осмысление аспектов духовного наследия карачаево-балкарского народа.

Очевидна востребованность проведения дальнейшей научно-исследовательской работы в этом направлении. К тому же изучение духовной составляющей национальной словесности стало возможным лишь в наши дни, уже в постсоветское время. За этот непродолжительный период закономерное повышенное внимание ученых к этой области привели к определенным результатам, но наши знания в области истории духовной литературы нельзя признать удовлетворительными. Все еще остается открытым вопрос о точной дате усиления позиций ислама и его утверждения в среде карачаевцев и балкарцев. «Судя по эпиграфическим памятникам XI и XIV и последующих веков, часть народа приняла ислам во времена Хазарского каганата и Аланского царства. Вторая, позднесредневековая, волна исламизации Карачая и Балкарии именуется в народе не как «принятие» (алыу), а «возвращение» (къайтарыу),

что является указанием на первую, древнюю волну распространения здесь этой мировой религии. Как видим, ислам, начав распространяться на территории Карачая и Балкарии еще в древнекарачаево-балкарскую эпоху, т. е. до XIII в., укрепился здесь в золотоордынский период и окончательно победил в конце позднего Средневековья» [7, с. 449], – пишет Хатуев Р.Т.

Наиболее ранний эпиграфический памятник Карачая из аула Карт-Джурт, выполненный арабским письмом, датируется 1695 годом. В научном издании «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века» также приводятся сведения о том, что один из старейших мусульманских памятников Балкарии относится к 1734 г. [8, с. 480].

Следует также отметить, в конце XVIII века в Карачае функционировали мусульманские школы (мектеб) и духовные училища (мезирте). Эти школы были единственными учебными учреждениями до 70-х годов XIX века.

Опираясь на данные факты, можно сделать вывод, что ислам как монотеистическая религия большинством населения Карачая и Балкарии был принят в середине XVIII века. На начальном этапе утверждения исламской религии, впрочем, как и впоследствии мусульманские миссионеры, проповедующие идеологию исламского монотеизма, обращались к поэтическому слову, осознавая его доступность и действенность для понимания основ ислама в новой среде.

Идеология новой веры, проповедуемая мусульманскими миссионерами, проникает в традиционные фольклорные образцы словесной культуры карачаевцев и балкарцев. Большая роль в обращении народа из язычества к единой религии (ислам) и в укреплении единства вероисповедания среди масс в Карачае принадлежит миссионеру из Бухары шейху Абдуллаху. В народной памяти его имя сохранилось как Шыйых Абдуллах, с ним связывают распространение в Карачае религиозных песнопений зикр (зикрле от арабского «зикр»). Большую художественно-культурную значимость представляют религиозно-дидактические поэмы «Къарт-Бабаны сёзю» («Слово Карт-Бабы»), «Ийман-ислам» («Основы веры и ислама»), оригинальные переводы восточных поэм «Тахир и Зухра», «Лейла и Меджнун», «Нур-Мухаммад», «Тахитджамал и Бузджигит», цикл агиографических стихов (о рождении, вознесении и смерти пророка Мухаммада) и религиозные молитвенные синкретические стихи – зикр. Списков этого цикла, автором которых являлся бы Шыйых Абдуллах на сегодняшний день не обнаружено, но в карачаевской устной традиции эти произведения сохранились и впоследствии были изданы. Их авторство связывают с именем шейха Абдуллаха.

Литературный жанр зикр с ярко выраженным индивидуальным авторским началом проявляется в поэзии Шыйых Абдуллаха, что позволяет видеть в этом авторе одного из зачинателей карачаево-балкарской религиозно-дидактической поэзии. «Он проявил такую бурную деятельность по приобщению народа к исламу, что произвел неизгладимое впечатление на людей, и распространение этой религии среди масс мы со всем основанием связываем с деятельностью шейха Абдуллаха», – отмечает Р.Т. Хатуев [9, с. 313]. Шыйых Абдуллах вошел в историю культуры карачаевцев и балкарцев как религиозный просветитель, обративший народ из язычества в монотеистическую веру ислам и как первый автор религиозных песнопений (зикр) на родном языке.

Однако основательно говорить об утверждении идеологических и мировоззренческих функций исламского учения в художественном творчестве карачаевцев и балкарцев мы можем лишь ко второй половине XIX века. Тем самым констатировать факт зарождения и развития религиозных жанров карачаево-балкарской духовной литературы. Немаловажен в этом контексте и факт наличия письменной формы закрепления, фиксации и передачи религиозных сочинений: «В XIX веке карачаево-балкарский язык уже имел письменную традицию на арабском языке, или на эпистолярно-литературных языках «тюрки» и «аджами», приспособленных к местным неарабским языкам, в нашем случае к карачаево-балкарскому языку» [10, с. 115]. Вторая половина XIX века вплоть до 20-х годов XX века ознаменовалась созданием оригинальной местной литературы на основе арабографического письма, а также выпуском первых типографских книг [11]. Как известно, первые авторские произведения XIX века были связаны с распространением арабо-мусульманской духовной культуры в карачаево-балкарской среде.

Просветитель и основоположник карачаевской детской литературы Исмаил Акбаев (1874–1937) еще до составления национального алфавита на кириллице переложил

на родной язык в стихотворной форме и издал основы вероучения «Ийман – ислам» (1912 г.), а в 1915 г. вышел в свет цикл зикров собственного сочинения «Маулут». Исмаил Акбаев (Чокуна-эфенди) для написания данных поэтических сочинений использовал составленный им же национальный алфавит на основе арабицы. Общее название «Маулут» объединяет связанные между собой зикры: «Мухаммат файгъамбарны тугъан хапары» («О рождении пророка Мухаммада»), «Мухаммат файгъамбарны кёкге чыкыгъан хапары» («О вознесении пророка Мухаммада»), «Мухаммат файгъамбарны дуниядан кёчген хапары» («Об уходе пророка Мухаммада из мира»), «Ойлашдыргъан хапар» («Поучительный рассказ»). А также собственная авторская модификация известного ранее зикра «Алданмагъыз ахырзаман дунигъа» («Не обольщайтесь временным пребыванием в мире»), получившего к тому времени широкое распространение. Эти религиозные сочинения и ряд других зикров стали общедоступны лишь в 2000-е годы, уже в постсоветский период [12].

В народе И. Акбаева любовно называли Чокуна-эфенди (Чокуна-апенди). Мусульманскую теологию он постигал в крупных центрах исламского богословия того времени: Казань, Баку, Стамбул, учился в Тифлисской семинарии и в школе Исмаила Гаспринского, известного подвижника в деле просвещения мусульман всего тюркского мира. Исмаил Акбаев с 1905 по 1917 годы руководил мусульманской общиной, занимая пост раис-имама (главного эфенди) Тебердинского селения. Исмаил Акбаев на страницах популярной газеты «Терджиман» («Переводчик») писал и делился своими просветительскими идеями и мыслями о развитии образования среди мусульман того времени. Он был обвинен в пропаганде религиозной практики и оказался в числе жертв политических репрессий тех лет, был приговорен и скончался в лагере, где отбывал заключение. В советское время его имя в качестве общественного и духовного лидера умалчивалось. Об Исмаиле Акбаеве как о знатоке Корана и Сунны, наставнике на пути духовного совершенствования и суфие начали говорить лишь в XXI веке.

Наряду со свидетельством многих современников просветителя о суфийской направленности поэзии И. Акбаева говорят отдельные высказывания поэта и содержание его духовных произведений. Суфийские идеи связаны с его личным принятием и пониманием исламской религии как пути постижения Бога через переживание чувства любви к нему.

Следует отметить, что автором вышеназванного широко распространенного зикра «Алданмагъыз ахырзаман дунигъа» («Не обольщайтесь временным пребыванием в мире») является Юсуф Хачиров. Ввиду того, что литературное наследие Ю. Хачирова в свое время не было собрано, многие его зикры стали народными, но часть его творчества все же атрибутировано. Установлено авторство цикла зикров на основании рукописи (54 стр.), датированной 1903 годом. Это цикл зикров, объединенный рефреном «Не обольщайтесь обреченным миром» («Алданмагъыз ахырзаман дунигъа»). Первые его творческое наследие было переиздано в 1979 году на страницах турецкого журнала «Тогге». В одном из номеров этого журнала Йылмаз Невруз (Салпагаров) опубликовал цикл зикров Ю. Хачирова: «Сененем» (Ад), Нисаб (Возможность), Сеннет (Рай) [13]. Несмотря на имеющийся значимый материал по творчеству Юсуфа Хачирова, его авторская поэзия в научном плане практически не изучена.

Среди авторов карачаево-балкарской религиозной поэзии второй половины XIX века, заложивших основы национальной духовной литературы религиозно-коранического содержания, необходимо отметить Шаваева (Абайханова) Дауд-Хаджи Шаваевича (1800–1892). Здесь следует отметить, что в XIX веке монотеистический взгляд на мир становится неоспоримым в среде карачаевцев и балкарцев. Создатели духовной поэзии сыграли огромную роль в формировании национального самосознания. Распространение зикров (религиозных песнопений) стало важным фактором в деле укрепления позиций ислама среди карачаево – балкарцев. Широкое бытование в этот исторический период агиографической поэзии (повествований о пророках) стало прочной основой для создания Д.-Х. Шаваевым (Абайхановым) цикла поэм («Пророк Иса», «Пророк Мусса», «Пророк Мухаммат», «Пророк Даут» и многие другие). На страницах научного издания «Очерки истории балкарской литературы» исследователь Х.Х. Малкондуев в своем литературном очерке «Дауд-Хаджи Шаваев», посвященном творчеству поэта пишет: «С 1974-го по 1989 год были записаны такие его произведения, как «Дауд-Хаджини кюй сагъышлары» («Размышления-кюй Шаваева Дауд-Хаджи»), «Мен

башлайма...» («Я начинаю...»), «Расул», «Мухаммад», «Мусса файгъамбар» («Пророк Мусса»), «Ёлюм» («Смерть»), «Сагъышла» («Раздумья»), «Осият» («Завещание»), «Даулаш кирди халифлеге» («Спор среди халифов»), «Юсуф файгъамбар» («Пророк Иосиф»), «Меджнун бла Лейла» («Меджнун и Лейла»), «Тахир бла Зухра» («Тахир и Зухра»), «Хасан бла Хусейн» («Хасан и Хусейн») и ряд других. Записи продолжались и в последующие годы» [14, с. 90].

К 90-м годам XX века усилился интерес к научному осмыслению творческого наследия Д.-Х. Шаваева (Абайханова). Республиканские книжные издания Кабардино-Балкарии с 2000-го года выпускают произведения данного автора. Огромный интерес вызвал у читателей сборник стихов, зикров и поэм Д.-Х. Шаваева (Абайханова) на карачаево-балкарском языке, изданный в 2-х томах в 2007 году [15].

Начиная с середины XIX века, представители карачаевского народа, несущие важные просветительские идеи «местной духовной теологии» укрепляли связи Карачая и Балкарии с известными мировыми мусульманскими центрами. Многие с целью получения и обогащения своих знаний отправлялись учиться в Казань, Крым, Бухару, Турцию и страны Арабского Востока. Из этой когорты представителей духовного просветительства вышли вышеназванные авторы Ю. Хачиров, И. Акбаев, Д. Шаваев (Абайханов), а также К. Мечиев, С. Чабдаров и многие другие. На примере многих произведений этих авторов наглядно видно, какое мощное воздействие оказывает религиозное мировоззрение на художественное творчество. Это влияние отражается на преобладании в литературных сочинениях религиозных и философских сюжетов, религиозно-суфийских идей и мотивов, мусульманских нравственно-эстетических концепций. На этих основополагающих религиозных ценностях были заложены основы для возникновения и развития различных религиозно-философских жанров карачаево-балкарской литературы: зикров (духовных стихов), ийман-ислама (свода правил веры ислама), маулут (поминаний), салават (восхвалений пророку Мухаммаду), мунажат (наставлений), агиографии (повествований о пророках) и других. Этот значительный пласт духовной культуры карачаевцев и балкарцев является неотъемлемой частью национальной словесности.

Идейно-нравственные искания первых авторов религиозных сочинений на карачаево-балкарском языке (Шыйых Абдуллаха, Ю. Хачирова, Д. Шаваева (Абайханова), К. Мечиева, С. Чабдарова, И. Акбаева) были основаны на фундаментальных ценностях исламской религии. Таких как убежденность в абсолютном единстве Бога, не имеющего сотоварищей или подобия, всемогущего и всеведущего, не нуждающегося ни в чём. А также донесенный Пророком смысл веры в Бога и поклонения Ему. Художественной основой при создании зикров был Коран. Священное писание служит основным источником исламского мировоззрения и мусульманского права. Также важное место отведено в нем сунне, которая представляет собой совокупность преданий о высказываниях и поступках Мухаммада и его сподвижников. Третьим источником вероучения и руководства является шариат – комплекс предписаний, закрепленных в Коране, который определяют убеждения, формируют нравственно-этические ценности мусульман. Из этого обширного круга вопросов, связанных с исламской верой, с толкованием Корана и заповедями складывается тематика классических религиозных песнопений – зикров. Специфика зикра заключается в том, что этот стих предназначен для пения. Классический зикр представляет собой короткий гимн в честь Всевышнего. Данный жанр имеет значительную историю зарождения, развития, становления и функционирования. Это «живой» жанр духовной поэзии, формирующийся по сей день и широко бытующий в народе. Начало своего развития жанр зикр отсчитывает с начального этапа формирования монотеистической религии в национальной среде. В процессе эволюции жанр приобретал различные формы и качества. Чаще всего тексты «зикра» легко запоминались и служили инструментом для утверждения религии, ее распространения, воспитания людей в духе веры. Многие верующие заучивали зикры наизусть, они были частью духовного мира верующего человека, следующего по религиозному пути познания жизни. Несмотря на своеобразное идеологическое содержание зикров: вероучение, обращение, восхваление Всевышнего, осмысление и разъяснение сур Корана, наставление верующих, авторы тут же могли перейти к житейским проблемам, дать слушателям полезный совет. В зикрах выражено личное отношение автора к вере, авторская интерпретация сур Корана, свое понимание религиозности и субъективный взгляд на мир.

В зикрах присутствует два пласта – теологический и светский. В них возвышенное и обыденное рядом, религиозные строки перекликаются с бытовой тематикой, с укладом повседневной обыденной жизни. Говоря о высоких материях, о Боге, пророках, посланниках, о священных книгах, тут же рядом, как бы мимоходом, дается житейский совет, прививается навык поведения. Таким образом, слагая религиозные песнопения «зикры», их авторы выступали наставниками и воспитателями людей, прививая им навыки поведения, утверждая при этом нормы морали, нравственности и этики.

По известным причинам, с 1917 г. по 90-е г. XX столетия литература религиозного содержания не издавалась и не изучалась. Многие книги были изданы уже после смерти их авторов-составителей. Сбор и систематизация материала, установление авторства и процесс книгопечатания осуществляется в наши дни. Современным литературоведам предстоит ещё проделать огромную текстологическую и исследовательскую работу в этом направлении. К тому же в советское время подобные произведения не рассматривались как жанры художественной литературы. Им отводилась строго функциональная роль.

Сегодня мы не ограничиваем их назначение рамками обрядово-культовой жизни, а рассматриваем эти религиозные стихи, поэмы, агиографию, медитативную лирику как творческие художественные произведения, более того, определяем их как жанры, имеющие достаточно богатые, идущие в глубь веков традиции, восходящие к древнетюркской словесности и классике мусульманского Востока.

На современном этапе развития карачаевской литературы особую актуализацию приобретает религиозный контент. В национальной культуре и литературе наблюдается всплеск интереса к духовно-ментальному познанию мира. Сегодня общество занято освоением новых, а точнее вновь обретенных ценностей. Художественная литература духовного направления становится частью общей системы, участвующей в создании непреложных общечеловеческих ценностей.

Литература:

1. Биттирова, Т.Ш. Карачаево-балкарская литература: рукописное наследие. – Нальчик, 2016. – 264 с.
2. Шаваев, Д.Х. Дуния Сагъышла (Раздумья о жизни): Поэмы. Зикиры. Стихи: В 2 ч. / сост. Малкондуев Х.Х. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2007. Ч. I. 196 с.; Ч. II. 182 с. (на кар-балк. яз.).
3. Малкондуев, М.М. Дауд-Хаджи Шаваев // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик: Эль-Фа, 2010. – С. 89–105.
4. Тетуев, Б. И. Карачаево-балкарская авторская поэзия второй половины XIX – начала XX века. – Нальчик, 2007. – 340 с.
5. Теппеев, А.М. Творчество К. Мечиева в контексте суфийской философии // Кязимовский сборник: материалы республиканской научно-практической конференции «Кязим Мечиев: история и современность», посвященной 60-летию со дня смерти поэта. – Нальчик, 2005. – 160 с.
6. Тотуркулова, К.Н. Традиции духовной поэзии Востока в художественной системе Исмаила Семенова: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Карачаевск, 2006. – 19 с.
7. Хатуев, Р.Т. Ислам и исламская культура // Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – С. 447–453.
8. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988. – 544 с.
9. Хатуев, Р.Т. Шейх Абдуллах Дудов и «Слово Карт-Бабы» // Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология). – М.: РАН, 1999. – С. 302–324.
10. Байчоров, С.Я., Хатуев, Р.Т. Письменность // Карачаевцы. Балкарцы. – М.: Наука, 2014. – С. – 114–138.
11. Акбаев, И. Ана тили. – Типография Грузинского Издательского Товарищества. 1916. – 83 с.
12. Хатуев Р. Т. Чокуна-эфенди. Очерки о жизни и творчестве И.Я. Акбаева. – Черкесск, 2014. – 256 с.
13. Karasay el yazmasi bir memnave. Yusuf Hacir'in dini manzumeleri // Tore dergisi. № 9. 1979: 20-27. (на турецком яз.)
14. Малкондуев, Х.Х. Дауд-Хаджи Шаваев // Очерки истории балкарской литературы. – Нальчик. 2010. С. 89–105. – 808 с.
15. Шауайланы (Абайханланы) Дауд-Хаджи. Дуния сагъышла. Поэмала. Зикирле. Назмула. I-II т. – Нальчик. 2007. – 196 с. (на кар-балк. яз.).

Шовгенова Тамара Алиевна
Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева,
старший научный сотрудник отдела литературы
г. Майкоп, Россия,
E-mail: shovgenova1974@mail.ru

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ ИСХАКА МАШБАША: ГЕРОИ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация: В статье рассматривается место историко-революционной темы в прозе Исхака Машбаша. Анализируются романы «Гошевнай», «Тропы из ночи» в идейно-тематической направленности, своеобразии.

Актуальность работы определяется недостаточной изученностью историко-революционной прозы в творчестве писателя и во всей национальной литературе.

Ключевые слова: историко-революционная проза, конфликт, историческая личность, революционное прошлое, формирование личности

Shovgenova Tamara Aliyevna
Adyghe Republican Institute of
Humanities research named after T.M. Kerashev,
senior researcher of the Department of literature
Maikop, Russia
E-mail:: shovgenova1974@mail.ru

HISTORICAL AND REVOLUTIONARY THEME IN THE WORKS OF ISHAK MASHBASH: HEROES, ARTISTIC FEATURES

Annotation: The article considers the place of the historical-revolutionary theme in the prose of Ishaq Mashbash. The novels «Goshevнай», «Paths from the night» in the ideological and thematic focus, originality are analyzed. The relevance of the work is determined by the insufficient study of historical and revolutionary prose in the works of the writer and in all national literature.

Key words: historical and revolutionary prose, conflict, historical person, revolutionary past, personality formation.

Творчество Исхака Машбаша – одно из значительных явлений не только адыгейской, но и отечественной литературы. Он автор десятков исторических романов и стихотворных сборников. Развитие адыгейской исторической романистики во многом связано с его именем. Машбаш сформировал в национальной литературе определенные традиции художественного воплощения прошлого народа. По справедливому утверждению Н.Гишева, «желанием понять прошлое с позиции современности, а современность с точки зрения того, что прошлое адыгейского народа подготовило настоящее, объясняет обращение поэта к исторической теме» [1, с. 114]. История народа – главное ядро в его творчестве. В этом плане, прежде всего «поражает у писателя щепетильность подхода к историческому материалу, то, как он владеет ретроспективным взглядом, и способностью глубокого и широкого обобщения» [6, с. 4]. На примере его творчества подтверждаем справедливость слов Х. Хапсирокова, о том, что «творческая личность, как правило, на любом материале может воссоздать облик своей страны, глубоко проникать в сокровенные тайны народного бытия» [5, с. 3]. Писатель хорошо знает историю своего народа, как по произведениям фольклора, так и по достоверным документам.

И. Машбаш как историк-романист не мог обойти такую большую тему, как революция – крупный исторический этап в истории народа. Воспроизведение историко-революционного прошлого создало в адыгейской прозе крупный литературный пласт, родило немало художественных произведений.

В своем развитии историко-революционная проза выдвигает все новые и новые проблемы, которые требуют и глубокого анализа, и широкого обобщения в свете идейно-художественного опыта. Этой теме Исхак Машбаш посвятил поэтические («В музее революции») и прозаические произведения («Тропы из ночи», «Гошевной»). Писатель в произведениях историко-революционной направленности отразил существенные процессы, совершавшиеся в различных социальных слоях и в человеческой психологии в определенный период истории народа. В орбите историко-революционного прошлого его интересует «сложный мир человеческой личности и проявление в нем общественных катаклизмов, сложнейших и непримиримых сторон многослойного бытия» [4, 127].

Роман «Гошевной» И. Машбаша назван именем главной героини – первой адыгейской революционерки, участницы гражданской войны на Кубани Гошевной Дагужиевой (Шовгеновой). Автор любит эту тихую, но бесстрашную женщину, у которой необыкновенно развито чувство человеческого достоинства и стремится показать эволюцию становления ее характера как революционерки.

Произведение начинается с решения героини уйти из дома мужа, когда вступает на путь самоанализа, на путь осознания своего реального положения, когда она начинает поиски выхода из него. И в этом решении заключается смысловая нагрузка. Это начало новой страницы жизни Гошевной, самой еще чужой, неведомой. Автор мастерски рисует тончайшие движения души героини, полной обиды, страха: «Гошевной вдруг почувствовала, как дрожат от бессильного гнева руки, ломит затылок, глаза застилают слезы обиды. Она всегда старалась выглядеть спокойной и кроткой, даже наедине с собой, как и подобает настоящей женщине. Но сейчас не могла успокоиться, пережитые обиды наполнили ее сердце, она задыхалась. Бессмысленные хмельные взгляды мужа, отсутствующее выражение лица, его пресыщенность другими женщинами... Нет больше сил...» [2, с. 3] В самом начале романа внутренний конфликт достигает своей вершины – «никем не замеченная, никому не нужная вышла из дома» [2, с. 6]. Гошевной закрыла дверь дома унижений, оскорблений и шаг за шагом вдыхает веру в будущее: «с трудом, чуть не уронив дочку, Гошевной вскарабкалась на лошадь, тронула поводья. Скоро первый страх прошел, судорога напряжения, державшая ее тело, понемногу отпускала» и вот одолев ночной путь, ее окрыляет надежда «волки не съели и лошадь не сбросила, а раз начало удачное – так, может, и дальше все образуется...» [2, с. 7–8]. Однако судьба проводит ее как бы по всем кругам жизни, сталкивая с людьми разных социальных слоев и мироощущении, учит ее любить и ненавидеть, понимать и разбираться в событиях. Уйдя из дома мужа, она делает первый шаг к утверждению своего права быть личностью. Для правдивого изображения внутреннего состояния, мотивации эмоционального переживания женщины, все еще оглядывающейся в «старую жизнь», писатель вводит описание пейзажа: «Белесое, унылое небо быстро темнеет, сумерки оборачиваются вечером, а вечер неотличим от ночи. Гошевной стала бояться темноты. Скрипящие оконные ставни, вой ветра в трубе, шум деревьев – все пугало, держало в напряжении, в постоянном ожидании несчастья» [2, с. 44].

Стремление героини заново обрести саму себя, дальнейшая эволюция становления личности как революционерки – все процессы, происходящие как вовне, так и во внутреннем ее мире – составляет психологический сюжет романа. Роман насыщен психологическим анализом: почти невозможно найти в нем страницу, где так или иначе не раскрывалось бы душевное состояние кого-либо из героев, не обосновывались бы его поступки или его суждения и переживания по поводу событий.

Гошевной – социальный и психологический тип, который складывается постепенно из ранее неграмотной женщины превращается в большого человека. Новая страница ее жизни начинается со знакомства с Мосом Шовгеновым. Показывая неутомимую многогранную их работу по организации и сплочению трудящихся, острые стычки с контрреволюционными элементами и героическую гибель в борьбе, автор сумел рельефно нарисовать цельный, бескомпромиссный характер борцов за народное счастье. До последних минут своей героической жизни они сохранили верность своим идеям и друг другу.

Не смотря на то, что в романе показаны основные этапы судьбы Гошевной, в национальной критике нет утверждения, что это роман-судьба. Как пишет К. Шаззо, «по структурным принципам классического романа-судьбы Исхак Машбаш должен был воспроизвести жизнь героини от начала и до конца. Но оно начинается с самого ответственного, переломного момента в жизни героини, когда она должна была решить

почти гамлетовский вопрос: быть ей или не быть? Она выбрала первое, хотя оно оказалось роковым впоследствии» [7, с. 226].

Писатель показывает характер героев не только в их поступках, но и проникает в их прошлое, в самые истоки социальных судеб. В зримой, образной форме, художественно выразительным языком Машбаш судьбами своих героев воссоздает картины гражданской войны на Кубани и в Адыгее. Пафос романа состоит в показе значимости единения людей, связанных общим стремлением к преобразению действительности, необратимости тех исторических социальных перемен, которые произошли в России в итоге Октябрьской революции.

В сравнении со вторым историко-революционным романом («Тропы из ночи») произведение «Гошевной» более исторично. Это объясняется, прежде всего тем, что автор придерживается существующих в науке концепций. В нем главная героиня – реальное историческое лицо, а в «Тропах из ночи» – образы, созданные фантазией художника. В последнем Исхак Машбаш показал определенный психологический тип, порожденный периодом социальных катаклизмов. В «Тропах из ночи» исторические события раскрываются через подробности повседневной жизни. В нем художественно исследуется действительность предреволюционного периода, Октябрьских дней и первых лет Советской власти со всеми противоречиями и сдвигами. Это произведение с принципами семейно-родового романа, наполненный «идейными борениями эпохи» [5, 192]. На родственно-семейных отношениях автор смог показать проникновение революционных идей в сознание простых людей. В ходе развития сюжета проявляется процесс разложения кулацкой системы. Крушение власти Дамокова символизирует гибель старого мира и рождение новых идей, нового строя. Как крупный художник, И. Машбаш понимал, что революция не решила все проблемы частнособственнической психологии. Автор с особой тонкостью смог передать внутренний мир, психологию собственника, с трудом расстающегося со своим богатством. Это и понятно. Ведь Дамоков из тех, кто умеет и трудиться. Из тех, кому труд не навевает лень, ему заранее видятся плоды любого дела. Дамоков имитирует все – дружбу, любовь, нежные отцовские чувства к дочери, сыновий долг – и никогда не бывает человеком. Вся его жизнь, не смотря на то, что пытается внешне не показывать, сосредоточена на умножение собственного состояния. Он не признает внебрачного сына и родившую его женщину-крестьянку. Многие догадываются о возможной родственной связи Дамокова и Джамбулата, но не решаются говорить об этом. Линия их взаимоотношений – основная сюжетная линия, которая обрывается самоубийством Дамокова. Через сознание героя Джамбулата проходят многие противоречия времени. С процессами, происходящими в жизни окружающих его простых людей, да и собственной, связана в целом эволюция его характера. Образ его является «классическим образцом, иллюстрирующим идею роста революционного сознания в простом человеке, представителе народной массы» [3, 166].

Произведение масштабно по охвату жизненных проблем и количеству персонажей. Жизнь одной семьи явилась попыткой показа развернутой картины исторических событий и значительным шагом на пути к эпопейному роману.

Велико мастерство Машбаша в изображении человеческого характера и передаче портретной характеристики с применением метких черт: «Во всей округе не было человека, который не остерегался б его» [2, с. 8], «все кругом против него, Едыга, и он против всех» (2, с. 11) – знакомит писатель с конокрадом и вором Едыгом Тыковым, а портрет умной, любящей искусство, поэзию Софьи Яковлевны Дерман рисует так: «Темные глаза под тонкими бровями были горячи, красивы, но непроницаемы» [2, с. 126].

В романах немало лирических отступлений, уместных в контексте. «Не нами замечено: мир сложен. Еще древние твердили это, останавливаясь в недоумении перед неожиданными поворотами судеб. И тогда же было сказано: нельзя войти дважды в одну и ту же реку, невозможно одним взором объять все сущее. Иному кажется – он понял главное, ему открылся смысл жизни. Но никому не подвластно угнаться за бегом времени, остановить череду дней и ночей, проходит мгновение – и ускользает тень истины» [2, с. 33], «если бы все живущие на земле относились друг к другу так же достойно, сердечно!.. Как бы светла и прекрасна была жизнь! И не надо было бы мирной женщине-горянке прятать в сумке оружие» [2, с. 385]. На фоне таких слов-монологов рисуется образ автора с его пониманием сложности жизни и времени, в которых хочет вписать своих героев, беспокойством за судьбу адыгейской женщины.

В названных произведениях Исхак Машбаш создал характеры и сюжеты, своеобразные и содержательные, с многосторонней полнотой передающие веяния, устремления изображаемой эпохи, что определило их принадлежность к творениям историко-революционной направленности.

Литература:

1. Гишев, Н.Т. Творчество Исхака Машбаша // Ученые записки – Майкоп, 1973. – С. 104–145.
2. Машбаш, И.Ш. Гошевной. – Майкоп, 1990. – 461 с.
3. Панеш, У.М. Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур. – АН ГССР, Ин-т истории груз. лит. им. Шота Руставели, Адыг. НИИ экономики, яз., лит. и истории. – Майкоп: Изд.-полигр. и книготорг. произв. об-ние «Адыгея», 1990. – 275с.
4. Панеш, У.М. Характеры и конфликты // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. – Майкоп, 1988. – С. 117–136.
5. Хапсироков, Х.Х. Восхождение. – М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – 317с.
6. Цукор, А.И. Народ и история в прозе Исхака Машбаша. – Майкоп, 2008. – 288с.
7. Шаззо, К.Г. Ступени. – Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1991. – 237с.

УДК 811.35

*Эркенова Фатимат Пахаратовна
Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета»
институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник, г. Черкесск, Россия*

ПАРОНИМИЯ ЗООНИМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

***Аннотация:** В статье дается определение паронимов. Проводится анализ источников и на их основании определяются причины смешения паронимов.*

***Ключевые слова:** лексикология, язык, паронимы, семантика, зоонимы, словоформа, звуковое сходство, лексическая сочетаемость.*

*Erkenova Fatmatu Paharatovna
Karachay-Circassian order "Badge of Honor"
Institute for Humanities research
under the government of the KCR,
Doctor of Philology, chief researcher Cherkessk, Russia*

PARONYMY ZOONYMS IN KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

***Abstract:** The article gives the definition of paronyms. The analysis of sources is carried out and on their basis the reasons of mixing of paronyms are determined.*

***Key words:** lexicology, language, paronyms, semantics, zoonyms, word form, sound similarity, lexical compatibility.*

В определении паронимов нет единства между исследователями. К ним относят слова «созвучные» [8, с. 87], «однокоренные, близкие по звучанию, но разные по значению или частично совпадающие по значению» [11, с. 68].

Даже одни и те же авторы в разных своих работах по-разному определяют термин «пароним». Так, в одной работе О. В. Вишняковой читаем: «Паронимы – однокорневые слова, близкие, но не тождественные по значению...» [3, с. 236] В другой работе она дает иную дефиницию термину «пароним»: «Паронимами являются близкие, но не тождественные по звучанию однокоренные слова... выражающие различные смысловые понятия» [4, с. 3].

Исходя из понимания паронимов как слов, близких по звучанию, некоторые исследователи утверждают, что они не входят в систему языка, не являются языковым явлением [10, с. 92–93].

Большинство лексикологов не разделяет это мнение, ибо близкое звучание слов не говорит о близости их значений. Одни слова, в т. ч. и зоонимы, минимальными зву-

ковыми различиями не имеют никаких семантических связей между собой (*жайын* «сом» – *зайын* «яйцо – подкладыш», *кичиу* «чесотка» – *кишиу* (дет.) «кошка, кот», а другие с совершенно различным фонетическим составом совпадают по смыслу (*гыдай-тумакъ* «безрогий, комолый», *мамурач-хубол* (балк.) «медвежонок»).

Большинство лексикологов сходятся во мнении, что паронимия – такое же самостоятельное явление, как вариантность слова, омонимия, синонимия, антонимия. Поэтому паронимы должны характеризоваться особыми дифференциальными признаками, обеспечивающими их ограничение от указанных смежных явлений.

Как уже отмечалось, при идентификации паронимов критерий звукового сходства (или подобия) совершенно недостаточен.

Не является объективным критерием идентификации паронимов и смешение их в речи, предлагаемое рядом лексикологов [1, с. 313; 13, с. 98–99; 9, с. 7–8], потому что смешиваться могут не только паронимы, но и однокоренные синонимы морфологические варианты слова и другие лексические единицы, имеющие близкое звучание. Поэтому совершенно права О. В. Вишнякова, которая считает, что «смешивание – признак» опознания «паронимов, но не принцип их определения» [6, с. 19].

Факты карачаево-балкарского языка свидетельствуют о том, что на основе звукового сходства смешивают не только слова, структурно-семантически близкие, как считают некоторые лингвисты [12, с. 36], но и не имеющие такой близости, т. е. разнокоренные слова: *Эшитиледи сюлеусюнню даууру, эшитиледи туз кишитикни гьрнауу* (Этезланы О.) «Слышно рычание рыси, слышно мяукание дикой кошки; «Юй кишитик туююлдо ол, кёремисе, андан уллуду. Туз кишитикди!» – деди Асхат (Гуртуланы Э.) «Это не домашняя кошка, видишь крупнее ее. Это дикая кошка!» – сказал Асхат. В приведенных примерах сложный зооним *туз кишитик* использован вместо *тюз кишитик* «дикая кошка», т. е. слово *туз* «соль» употреблено вместо *тюз* «равнина, степь». Тем не менее смысл высказываний понятен из контекста, что обеспечивает второй компонент данной сложной единицы: *кишитик* «кошка».

Основной причиной смешения указанных паронимов, по всей вероятности, является второй компонент. К тому же границы лексической сочетаемости их тождественны: *Туз кишитик, тюз кишитик уллуду, ариуду огьурсузду, къарады* «дикая кошка большая, красивая, злая, черная».

Объективными причинами смешения паронимов, видимо, следует признать и следующие: 1) недостаточное знание их структуры: кютю «прирученный, ручной (об овце и т. п.)» – *кютей* «смирный» (кют- «пасти» -ю, -ей), *мангьырда* «блеять» – *мюнгорде* «мычать» (*ма* (звукоподр. блянию), *мё* (звукоподр. мычанию) + -*нгьырда*/ -*нгорде*; 2) неясное, представление об их валентности. Ср.: валентность паронимов *согьум* «убоина (убитое животное, туша)» и *союм* 1. «жертвоприношение», 2. *эти*. «скот, собранный на свадьбу и для оплаты калыма», 3. «зарез, убой скота для устройства пира, свадьбы и т.п.», 4. «резание скота скотины»). 3) внешнее сходство аффиксов у некоторых паронимов, а иногда и совпадение их при разных корнях: *къоянчакъ* «болезнь сухожилий» (*къоян* «заяц, кролик» + *чакъ*) – *къоянчыкъ* «зайчик» (*къоян* + *чыкъ*), *къансыуукъ* «визгливый (напр. о собаке)» -*сынсыуукъ* «плаксивый; постоянно недовольный *чем*»; 4) общность сферы применения называемых паронимами предметов, качеств, действий: *буучар* «охотник на оленя» – *буучу* «оленовод», *кютюй* – *кютю*, *къангкьылда* «кудахтать, квохтать (о курице)» - *къарккьылда* «каркать»; 5) паронимазия, при которой сходнозвучные слова без анализа их этимология преднамеренно или непреднамеренно (вследствие недостаточного понимания) становятся окказиональными фактами авторского словотворчества [Вишнякова 1987: 13]: *къундуз* «выдра» – *къузгьун* «ворон».

Зоонимические паронимы часто смешиваются с однокоренными синонимами-паронимами. Этому во многом способствуют общие их признаки: 1) определенное структурное сходство (многие из них имеют общий корень и разные аффиксы: ср. *буучу* – *буучар*, *кютей* – *кютю* и *тилкъау* – *тилпа* – *тилтя* «зайка», *эсне* - *эссин* - «зевать»), 2) принадлежат одной части речи; 3) имеют некоторое семантическое родство: *союм* «убоина» – *согьум* 1. «убоина», 2. «жертвоприношение», 3. «зарез, убой скота для устройства пира, угощения и т.п.».

Однако зоонимические и однокоренные синонимы отличаются друг от друга многими признаками, что делает их самостоятельными языковыми единицами. Основными из них являются следующие:

1. у паронимов значения разные, а у однокоренных синонимов одно и то же значение; ср. *талау* «мыт; сап; сибирская язва» – *талакь* «селезенка», *джюжю* «личинка мух» – *джюджек* «щипленок» и *тургуз* – *турдур* «поднимать кого, заставлять, кого вставать», *жарты* – *жарым* «половина» и др.;

2. объем значения у паронимов разный, а у однокоренных синонимов обычно одинаковый; ср. *кьоянчакь* – *кьоянчыкь* и *кьоркь* – «бояться» – *кьоркьун* – «бояться (слегка)» и др.;

3. паронимы относятся к разным семантическим классам, а однокоренные синонимы – к одному семантическому классу; ср. *джюджек* – *джюджю* (первое крылатое, второе беспозвоночное животное) и *ангыламлы* – *ангылаулу* «понятливый» выражают ум и др.;

4. паронимы имеют разную, а однокоренные синонимы одинаковую лексическую валентность; ср. *талау* – *талакь* и *эсне* – *эссин* и др.;

5. паронимы, как правило, однозначны, а среди однокоренных синонимов немало многозначных; ср. *тохай* «валушок» – *тохар* «слабый, худой конь», *кьурулда* – «квакать» – *хурулда* – «храпеть» и *кьуру* «сухой» – *кьургьакь* 1. «сухой», 2. «засушливый», 3. «сухой, лишенный воды, грязи (русло, дорога и т. п.)» и др.;

6. паронимы не допускают адекватную замену в одном контексте, а однокоренные синонимы, хотя не всегда, но могут; ср. *мамучар* – *мамурач*, *кьоянчакь* – *кьоянчыкь* и *бузлауукь* – *бузкьаудан* «гололед», *бьрюбас* – *бьрюкес* «волкодав» и др.;

7. у паронимов функционально-стилистические отношения более нейтральны, чем у однокоренных синонимов; ср. *мангыра* – *мьнгюрге*-, *сынЧыла* – «наблюдать, разведывать» – *сынчакьла* – «ковылять, прихрамывать» и *тургуз* – *турдур* (разг.), *тилчи* – *тылтаппа* (прост. презр.) «доносчик, клеветник» и др.;

8. паронимический ряд обычно двухкомпонентный, а ряд однокоренных синонимов может иметь до 5 компонентов» ср. *маркьа* «сосун (ягненок), козленок т. п.) – *марха* «пост», *желин* «вымя» – *желим* «клей», *буучу* – *буучар* и *кирли* – *киррай* (ц.д.) – *киртотай* (прост, б.-ч. гов.) – *киркитай* (прост, б.-ч. гов.) «грязный», *тилкьау* – *тиллиу* (прост.) – *тилпа* (прост, карач.) – *тилитя* (прост, карач.) – *тилтаппа* (прост, карач.) «заика» и др.;

9. паронимы этимологически родственны (или исконные, или заимствованные), а однокоренными синонимами могут быть исконные и заимствованные зоонимы; ср. *кьабхын* «краденый, уворованный, захваченный скот» – *кьабхан* «капкан» (слова тюркского корня), *мамучар* – *мамурач* (монгольские) и *мамучар* (уст. монгольские) – *бьрюбас* «волкодав», *мамурач* (монг.) – *хубол* (малк.) «медвежонок», *бугьа* (монг.) – *бугьачар* (общетюрк.), *габдеиш* (осет.) – *куудыиш* (балк.) «ясли, кормушка (для скота)» и др.;

10. паронимическая пара или только простые, или только сложные, составные слова, а пара однокоренных синонимов может состоять из простых и сложных слов; ср.: *мамурач* – *мамучар*, *мангырда* – *мьнгюрге*-, *сары чибин* «оса» – *сокьур чибин* «слепень», *акь кьуиш* «лунь» – *гылын кьуиш* «сова», *ьрекулакь* «со стоячими ушами (о животных)» – *бьрюкьулакь* (разг.) «остроухий (букв. «имеющий волчьих уши)» и *ючлю* – *ючджашиар* «трехгодовалый (о крупном рогатом скоте)», *кьакьгьыч* – *агьач кьакьгьыч* (балк.) «дятел», *кьателе* (балк. разг.) – *кьатели эт* (балк.) «метаться из-за беспокойства, доставляемого личинками овода, строчиться от оводов (о крупном рогатом скоте)», *кишенле* – *кишен сал* – «спутывать, треножить» и др.

Приведенные примеры не подтверждают существующее мнение, согласно которому «паронимическая пара состоит только из простых слов...» [7, с. 25]

Изложенное выше о паронимах и однокоренных синонимах говорит о том, что определяющим признаком паронимов-зоонимов, который отличает их от однокоренных зоонимов, является их семантическое различие, а не звуковое.

Таким образом, зоонимическими паронимами являются слова, близкие по звучанию, обычно стилистически нейтральные, однозначные, не взаимозаменяемые, относящиеся к одной и той же части речи, обладающие разными понятиями и неодинаковой лексической валентностью, образующие ряды, как правило, из двух компонентов.

Проблема паронимии часто возникает как следствие преднамеренного сближения паронимов в речи, т.е. с особыми целями (усиление образности речи, эмоционального воздействия текста) [2, с. 368]. Примером могут послужить поэтические паронимы типа *кьозла* «орехи» – *кьозула* «ягнята» в стихотворении А.Бегиева:

*Къозла уа – ма къозула,
Ичлери тыкъла, токъла,
Тѣп-тѣгерекле, топла.*

А орехи – во ягнята,
Налитые, полные,

Кругленькие, мячики (подстрочный перевод). Употребление приведенных подобно звучащих слов лежит в основе каламбура и придает речи юмористический оттенок.

В отличие от паронимов, словоформы *къозла – къозула* имеют разные корни (*къоз* «орех», *къозу* «ягненок»), которые созвучны, но генетической связи между собой не имеют. Это случайное созвучие, у паронимов же корни не просто созвучны, но и совпадают по смыслу; ср. *къапхан* «капкан» – *къапхын* «краденый, захваченный скот» (*къап*-«кусать, жалить кого», «есть, кушать что» + афф. *-хан* и *-хын*). Следовательно, подобные пары слов паронимастичные.

Парономазия – окказиональное явление, употребляемое поэтами для усиления выразительности речи, для создания комической ситуации [5, с. 30].

Литература:

1. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М. 1966. – 295 с.
2. Бельчиков Ю.А. Паронимия // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 492с.
3. Вишнякова, О.В. Паронимы и синонимы // Русский язык в школе. 1967. – №3.
4. Вишнякова, О.В. Паронимы как языковое явление//Вопросы языкознания. 1981. № 2.
5. Вишнякова, О.В. Словарь паронимов русского языка. – М., 1984. – 351 с.
6. Вишнякова, О. В. Паронимы современного русского языка / Под ред. Д. Э. Розенталя. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1987. – 280 с.
7. Гелястанова, Т.С. Паронимы в современном карачаево-балкарском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова. – Нальчик, 2004. – 22 с.
8. Колесников, Н.П. Парономазия как стилистическая фигура // Русский язык в школе. 1973. № 3
9. Кузнецова, И.Н. Паронимия в современном французском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук / [МГУ]. Филол. фак. Кафедра роман. филологии. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 27 с.
10. Минаева, Л.В., Феденева Б.Б. Паронимия в языке и речи // Вопросы языкознания, 1982. №4.
11. Розенталь, Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1985. – 126 с.
12. Юханова, А.В. О разграничении паронимии и смежных явлений // Актуальные исследования лексики (немецкого языка). Калинин, 1982.
13. Янко-Триницкая Н.А. К изучению паронимов // Русский язык в школе. 1979. №5.

**БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА
ВАЛЕНТИНЫ ПАВЛОВНЫ НЕВСКОЙ**

1. [Невская, В.П.] Боспорское царство / В.П. Невская // Малая советская энциклопедия: В 11 т. – 2-ое изд. / Под ред. Н.Л. Мещерякова. – М.: Советская энциклопедия, 1936–1947. – Т. 1. – С. 1106–1107.
2. Невская, В.П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи / В.П. Невская; Под ред. В.Н. Дьяконова. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 159 с., с карт.: 2 л. ил. [Рец.: Yasuda, K. Byzantij v Klassicheskyu i Ellenisticheskyu Epokhi / K. Yasuda // Shicho: (The Journal of History). – Tokio, 1955. – №55. – P. 36–51].
3. Newskaja, W. P. Byzanz in der klassischen und hellenistischen Epoche / W. P. Newskaja; Übers. aus dem Russ. Dr. Hans Bruschwitz. – Leipzig : Koehler Amelang, 1955. – 170 p.
4. Невская, В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия / Под ред. канд. ист. наук П. А. Брюханова. – Черкесск: Кн. изд-во, 1956. – 168 с., 2 л. карт.
5. [Невская, В.П.] Добровольное присоединение Черкесии к России: (К 400-летию юбилею) / Е.П. Алексеева, И.Х. Калмыков, В.П. Невская; Под ред. Э.А. Джанибекова; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы. – Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1957. – 92 с.
6. Невская, В.П. Карачаевцы / В.П. Невская // Народы Карачаево-Черкесии (Историко-этнографические очерки) / Ред. П.И. Балтин, М.М. Сикийев; Карачаево-Черкес. НИИ истории, яз. и лит. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1957. – С. 15–53.
7. Невская, В.П. Колониальная политика царизма в Черкесии и Карачае в аграрном вопросе / В.П. Невская // Сборник трудов Карачаево-черкесского госпединститута. – Вып. 1. – Нальчик, 1958. – С. 225–247.
8. Невская, В.П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии / В.П. Невская // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Вып. III. Серия историческая. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1959. – С. 84–207.
9. Невская, В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке: (дореформенный период) / В.П. Невская; Под ред. канд. ист. наук Х. О. Лайпанова; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1960. – 159 с., 1 л. карт.: ил.
10. Невская, В.П. Природа и население / В.П. Невская // 40 лет автономии Карачаево-Черкесии. [1922-1962]: Сборник статей / Под ред. Ш.И. Гашокова и И.М. Аджиева. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1962. – С. 19–41.
11. Невская, В.П. Страницы истории / В.П. Невская // 40 лет автономии Карачаево-Черкесии. [1922-1962]: Сборник статей / Под ред. Ш.И. Гашокова и И.М. Аджиева. – Черкесск: Карачаево-Черкес. кн. изд-во, 1962. – С. 84–208.
12. Невская, В.П. Земельные отношения в Карачае во второй половине XIX в. / В.П. Невская // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Вып. IV. Серия история. – Ставрополь, 1964. – С. 76–137.
13. Невская, В.П. Карачай в пореформенный период / В.П. Невская; Под ред. д-ра ист. наук А.В. Фадеева; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1964. – 224 с., 1 л. карт. ил.
14. Невская, В.П. Карачаево-Черкесия в советской исторической науке (критико-библиографический обзор) / В.П. Невская // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. – Черкесск, 1965. – Вып. V. – С. 275–309.
15. Невская, В.П. Могучий поток / В. Невская, Г. Кубанов. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1965. – 56 с.
16. Невская, В.П. Карачай в XIX веке: Эволюция аграрного строя и сельской общины: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Черкесск, 1966. – 54 с. [защищена в Ростовском государственном университете].

17. *Ред.: Очерки истории Карачаево-Черкесии / Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т экономики, истории, яз. и литературы. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1967-1972. [в 2 т.]. – Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / [Отв. ред. д-р ист. наук В. П. Невская]. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1967. – 600 с., 1 л. схем.: ил. Из содерж.: Невская В.П. Введение. – С. 5–13; Невская В.П. Территория и расселение. – С. 15–16; Невская В.П. Гл. VIII. Социально-экономическое развитие Карачая и Черкесии в первой половине XIX века. – С. 310–333; Невская В.П. Гл. X. Реформы 60–70-х годов XIX века. Предпосылки реформ. – С. 407–435; Невская В.П. Гл. XI. Пореформенный период. – С. 436–475; Невская В.П., Шацкий П.А. Гл. XI. Пореформенный период. Раздел VII. Классовая борьба. – С. 468–475; Невская В.П. Гл. XIII. Период реакции и нового революционного подъема 1907–1914. – С. 496–527.*
18. Невская, В.П. Международное значение опыта СССР в решении национального вопроса / В.П. Невская // Под ленинским знаменем национальной политики. – Черкесск, 1969. – С. 137–149.
19. Невская, В.П. На пути к Октябрю / В.П. Невская // По ленинским заветам: Сборник статей / Отв. ред. К. И. Чомаев. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1970. – С. 7–55.
20. Невская, В.П. Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX в. / В.П. Невская // Из истории Карачаево-Черкесии: Сборник статей / Ред. коллегия: Р. Х. Джанибекова (отв. ред.) и др. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1970. – С. 174–225. (Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы. Серия историческая. Вып. VI).
21. Невская, В.П. Преображенное село / В.П. Невская // Карачаево-Черкесия за полвека. 1922-1972 / Ред. коллегия: У. Е. Темиров (отв. ред.) [и др.]. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1972. – С. 43–81.
22. Невская, В.П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма / В.П. Невская; Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т экономики, истории, яз. и литературы. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1972. – 216 с. [*Рец.: Чекменев С.А. Интересное исследование // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – Ростов-на-Дону. – 1973. – №2. – 87–88*].
23. [Невская, В.П.] Карачаево-Черкесская Автономная область / В.П. Невская, Е.П. Алексеева, Р.А. Бураева // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / Глав. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1969–1978. – Т. 11. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – С. 398–401.
24. Невская, В.П. Истоки дружбы, экономических и культурных связей России и народов Карачаево-Черкесии / В.П. Невская // Использование памятников истории и культуры в интернациональном воспитании трудящихся: Материалы краев. науч.-метод. конференция, 28-30 сент. 1972 г. / Карачаево-Черкес. науч.-исслед. ин-т экономики, истории, языка и литературы. Совет Ставропольск. краев. отд-ния Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. – Черкесск, 1974. – С. 16–25.
25. [Невская, В.П.] Татьяна Максимовна Минаева. 1896-1973 [Некролог] / Е.П. Алексеева, В.П. Невская // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института экономики, истории, языка и литературы. – Вып. VII. Серия историческая. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1974. – С. 343–345.
26. Невская, В.П. Рецензия на кн.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., ред. пер., введ. и вступ. статьи к текстам В. К. Гарданова; Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-т при Совете Министров КБА-ССР. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.: черт. / В.П. Невская // Советская этнография. – 1977. – №3. – С. 168–170.
27. *Ред.: История горских и кочевых народов Северного Кавказа / Ред. коллегия: проф. В. П. Невская (отв. ред.) и др.; М-во просвещения РСФСР. Ставроп. гос. пед. ин-т. – Ставрополь, 1975-1978. [в 3 ч.]. – Вып. 1. – 1975. – 137 с.; – Вып. 2. – 1976. – 129 с.; – Вып. 3. – 1978. – 113 с.*
28. Невская, В.П. Первые аграрные преобразования в Карачаево-Черкесии (1920-1928 гг.) / В.П. Невская, Ф.П. Тройно // История горских и кочевых народов Северного Кавказа / Ред. коллегия: проф. В. П. Невская (отв. ред.) и др.; М-во про-

- свещения РСФСР. Ставроп. гос. пед. ин-т. – Ставрополь, 1975–1978 [в 3 ч.]. – Вып. 1. – Ставрополь, 1975. – С. 3–25.
29. Невская, В.П. Материалы Абрамовской земельной комиссии как источник по аграрной истории Карачая / В.П. Невская // История горских и кочевых народов Северного Кавказа / Ред. коллегия: проф. В. П. Невская (отв. ред.) и др.; М-во просвещения РСФСР. Ставроп. гос. пед. ин-т. – Ставрополь, 1975–1978 [в 3 ч.]. – Вып. 2. – Ставрополь, 1976. – С. 50–69.
 30. [Невская, В.П.] Карачаевцы: Ист.-этногр. очерк / В.П. Невская, И.М. Шаманов, Е.П. Алексеева и др.; Отв. ред. д-р ист. наук Л.И. Лавров. – Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1978. – 335 с. [*Рец.*: Азаматов К.Г. Ценный труд по истории и этнологии карачаевцев // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии: Сб. статей / Кабард.-Балкар. ин-т истории, филологии и экономики; Редкол.: С. Х. Мафедзев (гл. ред.) и др. – Нальчик, 1981. – С. 166–172; *Рец.*: Тройно Ф.П. Рецензия // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – 1979. – № 3. – С. 100–101]. *Из содерж.*: Невская В.П., Шаманов И.М. Введение. – С. 4–15; Невская В.П., Алексеева Е.П., Шаманов И.М. Гл. 1. Исторический очерк: происхождение и дореволюционное прошлое карачаевцев. – С. 16–58; Невская В.П., Шаманов И.М. Гл. 2. Хозяйство. Традиционные виды занятий. – С. 59–129; Невская В.П., Студенецкая Е.Н., Шаманов И.М. Гл. 4. Общественный быт. – С. 197–226; Невская В.П., Шаманов И.М. Гл. 5. Семья и семейный быт. – С. 227–271; Невская В.П., Студенецкая Е.Н., Шаманов И.М. Гл. 6. Просвещение и духовная культура. Религиозные представления и борьба с ними. – С. 272–299.
 31. Невская, В.П. Сельская община у карачаевцев в XIX в. / В.П. Невская, Т.А. Невская // Социальные отношения народов Северного Кавказа: Межвуз. сб. статей / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова; Редкол.: Магомедов А.Х. (отв. ред.) и др. – Орджоникидзе: СОГУ, 1978. – С. 21–46.
 32. Невская, В.П. Умар Алиев и Ислам Тамбиев - первые историки-марксисты Карачая / В.П. Невская // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. – Грозный: Чеч.-Инг. ин-т истории, социол. и филологии, 1978. – Вып. 1. – С. 31–39.
 33. *Ред.*: Проблемы аграрной истории народов Северного Кавказа в дореволюционный период: Сб. статей / Ставроп. гос. пед. ин-т; Редкол.: В.П. Невская (отв. ред.) и др. – Ставрополь: СГПИ, 1981. – 124 с.
 34. Невская, В.П. Перемены в общественном строе горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX века / В.П. Невская // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI - 70-е годы XX века): Материалы Всерос. науч. конф. (2-3 окт. 1979 г., г. Грозный) / Редкол.: А.Л. Нарочницкий (отв. ред.) и др. – Грозный: Чеч.-Ингуш. кн. изд-во, 1982. – С. 323–330.
 35. *Ред.*: Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа: Сб. ст. / Ставроп. гос. пед. ин-т; Редкол.: В.П. Невская (отв. ред.) и др. – Ставрополь: СГПИ, 1983. – 161 с.
 36. *Ред.*: Очерки истории Ставропольского края: в 2-х т. / редкол.: А.А. Коробейников (отв. ред.) и др. – Т. 1: С древнейших времен до 1917 года / В.П. Невская (науч. ред.), А. В. Найденко и др. – Ставрополь: Книжное изд-во, 1984. – 381 с.: ил. *Из содерж.*: Невская В.П., Чекуменев С.А. Введение. – С. 3-10; Невская В.П. Гл. 9. Буржуазные реформы 60-70-х годов. Предпосылки и особенности реформ на Северном Кавказе. – С. 197–217; Невская В.П., Ерохин Н.Т. Гл. 14. Годы реакции и нового революционного подъема (1907-1914 гг.). – С. 304–325; Невская В.П., Шацкий П.А., Шацкая С.П. Гл. 17. Культура и просвещение (1861–1816 гг.). – С. 361–374.
 37. [Невская, В.П.] Указатель произведений В.И. Ленина и документов КПСС. В помощь учителю истории. 2-е изд. / Сост.: В.П. Невская, П.А. Шацкий, Т.И. Беликов. – Ставрополь, 1984. – 146 с.
 38. Невская, В.П. Проблемы сельской общины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении / В.П. Невская // Известия Северо-Кавказского центра высшей школы. Общественные науки. – 1985. – №1. – С. 41–47.

39. [Невская, В.П.] Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917): Сб. документов / Гос. арх. Ставроп. края и др.; Сост. В.П. Невская, И.М. Шаманов, С.И. Несмачная. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1985. – 287 с.; ил. *Из содерж.:* Невская В.П. Предисловие. – С. 3–18.
40. *Ред.:* Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Сб. науч. трудов. – Ставрополь: Ставропольский госпединститут, 1985. – 184 с. *Из содерж.:* Невская В.П. Сельская община у горских народов Северного Кавказа (конец XVIII – начало XX в.). – С. 22–43.
41. *Ред.:* Очерки истории Ставропольского края: В 2 т.; 2-е изд. – Т. 1: С древнейших времен до 1917 г. / Науч. ред. В.П. Невская. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. – 462 с.; ил. [*Рец.:* Алавердов Э.Г., Лубский А.В. // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 1989. – №1. – С. 147–148.] *Из содерж.:* Невская В.П., Чекменев С.А. Введение. – С. 3–12; Невская В.П. Гл. 9. Буржуазные реформы 60-70-х гг. – С. 211 - 234; Невская В.П., Ерохин Н.Т. Гл. 14. Годы реакции и нового революционного подъема (1907-1914 гг.). – С. 324–348; Невская В.П., Шацкий П.А., Шацкая С.П. Гл. 17. Культура и просвещение (1861–1816 гг.). – С. 385–401.
42. [Невская, В.П.] История народов Северного Кавказа (конец XVIII - 1917 г.) / Отв. ред. акад. А.Л. Нарочницкий; Зам. отв. ред. В.П. Невская; АН СССР. Ин-т истории СССР и др. – М.: Наука, 1988. – 659 с.; ил. *Из содерж.:* Невская В.П., Гаджиев В.Г., Чекменев С.А. и др. Гл. 2. Экономическое развитие народов Северного Кавказа в дореформенный период. – С. 55–92; Невская В.П., Магомедов Р.М., Азаматов К.Г. и др. Гл. 3. Общественный строй и политическое устройство народов Северного Кавказа в первой половине XVIII века. – С. 93–130; Невская В.П., Нарочницкий А.Л., Калоев Б.А. и др. Гл. 6. Культура народов Северного Кавказа в дореформенный период (до 1861 г.). – С. 219–256; Невская В.П., Шигабуудинов М.Ш., Колосов Л.Н. Гл. 13. Северный Кавказ в период реакции и нового революционного подъема. – С. 471–492; Невская В.П., Мамбетов Г.Х., Абдуллаев М.А. Гл. 14. Культура народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века. – С. 493–533.
43. Невская, В.П. Кавказовед, аграрник П.А. Шацкий (1908-1983) / В.П. Невская // Материалы для изучения Ставропольского края. – Вып. 15–16. – Ставрополь, 1988. – С. 406–413.
44. Невская, В.П. Сельская община и процесс феодализации горских обществ Северного Кавказа / В.П. Невская // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа: Материалы конф. (11–12 июля 1980 г., г. Махачкала) / Редкол.: В.Г. Гаджиев (отв. ред.) и др. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1988. – С. 53–60.
45. Невская, В.П. Историография истории Карачаево-Черкесии (часть первая) / В.П. Невская, Е.П. Алексеева // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии: Сборник научных трудов. – Черкесск, 1989. – С. 138–167.
46. [Невская, В.П.] Методические рекомендации по написанию «Истории городов и сел Ставропольского края» / Сост.: В.П. Невская, Н.Д. Судавцов. – Ставрополь: Ставроп. госпединститут, 1989. – 38 с.
47. [Невская, В.П.] Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / [Анфимов А.М., Джимов Б.М., Золотов В.А. и др.]; Отв. ред. А.М. Анфимов; Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк. - Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1990. – 256 с.
Из содерж.: Невская В.П., Невская Т.А. Гл. 2. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в пореформенный период (1861–1895). – С. 44–98; Невская В.П., Невская Т.А., Ратушняк В.Н.Г. 4. Аграрная политика царизма и крестьянское движение на Северном Кавказе и Дону (1907–1917 гг.) С. 166–289.
48. *Ред.:* Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказа перед Октябрем. Межвузовский сб. науч. трудов / Под ред. В.П. Невской. – Ставрополь: Ставроп. госпединститут, 1990. – 112 с. *Из содерж.:* Невская В.П. Крестьянский вопрос в Карачаево-Черкесии перед Октябрем. – С. 16–31.
49. Невская, В.П. Историография истории Карачаево-Черкесии (часть вторая) / В.П. Невская, Е.П. Алексеева // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1991. – С. 132–158.

50. *Ред.: Аникеев А.А. Банкротство аграрной политики фашистской Германии: (пособие по специальному курсу) / Науч. ред. В.П. Невская. – Ставрополь: СГПИ, 1991. – 100 с.*
51. *Невская, В.П. Мир варваров / В.П. Невская // На пути к современной цивилизации. – Ставрополь: Ставроп. госпединститут, 1993. – С. 33–46.*
52. *[Невская, В.П.] Памятники архитектуры и народного зодчества / В.П. Невская. – Ставрополь: ВООПИК, 1993.*
53. *Невская, В.П. [К обсуждению] / В.П. Невская, И.А. Краснова // К обсуждению методического материала В.Б. Виноградова, С.Л. Дударева, Е.И. Нарожного «Основные этапы всемирной истории» (Армавир, 1993. 19 с.): Сборник отзывов. – Армавир: АГПИ, 1994. – С. 16–17.*
54. *Невская, В.П. Развитие школьного образования на Ставрополье в XIX – начале XX века / В.П. Невская // Вестник Ставропольского государственного педагогического университета. –1995. – №1. – С. 85–91.*
55. *Невская, В.П. Духовная жизнь и просвещение народов Ставрополья в XIX – начале XX веков / В.П. Невская // Ставропольская земля в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции (октябрь, 1994 г., г. Ставрополь): в 2-х ч. – Ч. 1. – Ставрополь: СГПУ, 1995. – С. 85–96.*
56. *Невская, В.П. Историк и археолог Евгения Павловна Алексеева / В.П. Невская // Алексеева Евгения Павловна (1921-1994): биобиблиографический очерк. – Армавир, 1995. – С. 6–9. – (Российские исследователи Кавказа. Серия истории, археологии, этнографии. Вып. 7).*
57. *Невская, В.П. Шацкий Петр Александрович (1908–1982): Био-библиографический очерк / В.П. Невская. – Армавир-Ставрополь, 1996. – 11 с. – (Российские исследователи Кавказа. Серия истории, археологии, этнографии. Вып. 14).*
58. *Ред.: История Ставропольского края с древнейших времен до 1917 года: регион. учеб. для общеобразоват. шк. / [А.В. Найденко, И.М. Ноцарова и др.]; Под ред. В.П. Невской. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. краев. ин-та повышения квалификации работников образования, 1996. – 303 с.*
59. *[Невская, В.П.] Северокавказская цивилизация: проблемы типологии / А.А. Аникеев, В.П. Крикунов, В.П. Невская // Актуальные проблемы историографии и методологии истории. – Ставрополь, 1997. – С. 3–11.*
60. *[Невская, В.П.] Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до Октября 1917 года / Науч. ред. Б.А. Трехбратов. – Краснодар, 1997. – 557 с. Из содерж.: Невская В.П. Абазины. – С. 5–6; Невская В.П. Азаты. – С. 10; Невская В.П. Анхаю. – С. 23; Невская В.П. Аха и Маршани. – С. 34; Невская В.П. Батал-Паша. – С. 41–42; Невская В.П. Баталпашинская. – С. 42; Невская В.П. Башсыз Кул. – С. 45; Невская В.П. Бии, или Таубии. – С. 58; Невская В.П. Карачаевцы. – С. 198; Невская В.П. Кириченко Н.И. – С. 205; Невская В.П. Крымшамхалов. – С. 229; Невская В.П. Лыги. – С. 255; Невская В.П. Мурзы. – С. 286; Невская В.П. Ногайцы. – С. 306; Невская В.П. Оги. – С. 313; Невская В.П. Петрусевич Н.Г. – С. 337; Невская В.П. Пши. – С. 367–368; Невская В.П. Пшитли. – С. 368; Невская В.П. Тфокотли. – С. 481; Невская В.П. Уздени. – С. 483; Невская В.П. Унауты. – С. 485; Невская В.П. Уорки. – С. 485; Невская В.П. Юльгюлю кулы. – С. 555.*
61. *Невская, В.П. Зарождение национальной интеллигенции у народов Карачая и Черкесии / В.П. Невская // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы межрегиональной научной конференции (10-11 апреля 1998 г., г. Ставрополь): в 2 ч. / Отв. ред. Н.Д. Судаев. – Ч. 1. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. – С. 122–125.*
62. *Ред.: Край наш Ставрополье: очерки истории / Под ред. Д.В. Кочура, В.П. Невской. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 528 с.*
63. *Ред.: Виноградов В.Б. Пушкинская Кубань: Историко-литературные этюды / Под ред. В.П. Невской. – 71 с. – (Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 20).*
64. *Ред.: Виноградов А.В., Виноградов В.Б. Лермонтов и Мартынов: кавказские контуры трагедии: историко-литературный очерк / Под ред. В.П. Невской. – Армавир: АГПИ, 2000. – 19 с. – (Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 23).*

65. Невская, В.П. Несколько слов о главном / В.П. Невская // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова: становление, современность, перспективы (материалы к заседанию «круглого стола» в честь 10-летия деятельности в Армавирском госпединституте). Основная часть. – Армавир: АГПИ, 2002. – С. 57–58.
66. Невская, В.П. Карачай в XIX в. / В.П. Невская // Ас-Алан: ежеквартальный массовый журнал, освещающий историю и сегодняшнюю жизнь карачаево-балкарского и других народов Российской Федерации / гл. ред.: Биалал Лайпанов. – М.: Мир дому твоему, 2002. – №1 (6). – С. 130–474.
67. *Ред.:* История городов и сел Ставрополя: краткие очерки / Науч. ред.: Д.В. Кочура, А.А. Кудрявцев; Редколлегия: [В.П. Невская и др.] – Ставрополь: Кн. изд-во, 2002. – 702 с.

Составитель: М.Е. Колесникова

ЛИТЕРАТУРА О ПРОФЕССОРЕ В.П. НЕВСКОЙ

1. Беликов, А.П. Не такая, как все: [о В.П. Невской, почетном профессоре СГУ] / А.П. Беликов // Ставропольская правда. – 1997. – 5 авг. – С. 3.
2. Беликов, А.П. Валентина Павловна Невская – античник и кавказовед / А.П. Беликов // Политическая история и историография от античности до современности: Сборник научных статей / Редкол.: Т.Г. Тюнь (отв. ред.) и др. – Вып. 3. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2000. – С. 229–242.
3. Беликов, А.П. От Византия до Карачая. Научные пути профессора В.П. Невской / А.П. Беликов // Земля Ставропольская. Иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – М., 2002. – С. 185. – (Памятники Отечества. №48).
4. Беликов, А.П. Валентина Павловна Невская (1919–2009) / А.П. Беликов // Вестник древней истории. – 2009. – №3. – С. 206–208.
5. Беликов, А.П. Человек науки (К 90-летию со дня рождения Валентины Павловны Невской) / А.П. Беликов // Ставропольский хронограф на 2009 год: краевед. сб. / СГК УНБ имени М.Ю. Лермонтова: Отд. краевед. лит. и библиографии. – Ставрополь, 2009. – С. 109–114. [Библиографический список. Труды В.П. Невской. – С. 114; Литература о В.П. Невской. С. 114–115].
6. Беликов, А.П. К 90-летию Валентины Павловны Невской / А.П. Беликов, Т.А. Невская // Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций. – Краснодар: КГУКИ, 2009. – С. 3–13.
7. Беликов, А.П. Судьба историка: Валентина Павловна Невская (01.08.1919 – 29.01.2009) / А.П. Беликов // Историческая наука и образование в начале XXI века: проблемы и перспективы развития (к 70-летию факультета истории, философии и искусств): сборник научных статей. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 194–199.
8. Быкова, Н. Летописцы Ставрополья и Кавказа / Н. Быкова // Ставропольская правда. – 2012. – 19 мая. [в т.ч. о В.П. Невской]
9. Гаджиев, В.Г. CONSORTIUM VITAS (Содружество на всю жизнь – лат.) / В.Г. Гаджиев // Мастера отечественного кавказоведения. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2005. – С. 461–480.
10. «Для меня важнее признание своего народа»: [беседа с В.П. Невской, д-ром ист. наук, профессором СГПИ, избранной Международным биографическим центром в Кембридже «Женщиной – 1993»; записала Л. Денежная] // Вечерний Ставрополь. – 1994. – 10 февраля.
11. Есть женщины!: [решением Кембриджского международного биографического центра «Женщиной 1993 года» избрана д-р ист. наук, профессор СГПИ В.П. Невская] // Ставропольские губернские ведомости. – 1994. – 29 янв.
12. Коркина, Т. Высота профессора Невской / Т. Коркина // Кавказский край. – 1994. – №14.
13. Къагъыланы, Назифа. Халкъыбызны джакъчысы (Нужный народу человек) / Н. Къагъыланы // Карачай. – 1993. – 23 июля. [о В.П. Невской]
14. Михайлова, О. «Чтоб мы как должно ценное ценили...» / О. Михайлова // День Республики. Главная газета Карачаево-Черкесии. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.denresp.ru/kultura/5248-chtob-mi-kak-dolghno-zhennoe-zhenili.html> (Дата обращения 25.01.2019). [о В.П. Невской]
15. На болгарском языке: [о решении издать на болгарском языке монографию В.П. Невской «Карачаевцы»] // Ставропольская правда. – 1983. – 27 января.
16. Назарова, И.М. Выдающийся исследователь Кавказа / И.М. Назарова // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир: Сб. науч. ст. / Ставроп. гос. ун-т; [Редкол.: А. А. Кудрявцев (отв. ред.) и др.]. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 1999. – 241 с.
17. Назарова, И.М. Памяти учителя, ученого и необыкновенного человека (к 100-летию со дня рождения В.П. Невской) / И.М. Назарова // Прозрителевские чтения: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. – Вып. 10 (научное издание). – Ставрополь: Бюро новостей, 2019. – С. 117–124.

18. Найденко, А.В. Наследие и наследники: страницы родословной В.П. Невской / А.В. Найденко // Гордимся нашей родословной. – Ставрополь, 2008. – С. 18–25.
19. Невская В. – доктор наук: [о защите докторской диссертации на тему «Карачай в XIX веке»] // Ставропольская правда. – 1966. – 13 июня.
20. Невская Валентина Павловна: Био-библиографический очерк / сост. Е.И. Нарожный; под ред. С.Л. Дударева. – Армавир: АГПИ, 1994. – 15 с.
21. Невская Валентина Павловна – Исторический Черкесск // Cherkessk.SU. Информационно-развлекательный ресурс, города Черкесска. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.cherkessk.su/groups/group/14/wiki>. (Дата обращения 25.01.2019).
22. Невская Валентина Павловна (01.08.1919–21.01.2009) – исследователь истории черкесов, абазин, ногайцев, казаков // Хранители памяти. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.vossta.ru/hraniteli-pamyati.html?page=10>. Дата обращения 25.01.2019.
23. Негасимый пламень: [беседа с В.П. Невской. Записал В.В. Госданкер] // Ставропольская правда. – 1972. – 8 марта.
24. О награждении нагрудным почетным знаком «За отличные успехи в области высшего образования СССР»: приказ от 13 ноября 1980 г. №235/4-1: [по Ставропольскому краю почетным знаком «За отличные успехи в области высшего образования СССР» награждены сотрудники СГПИ, в т.ч. В.П. Невская – зав. кафедрой, профессор, д-р ист. наук] // Бюллетень высшего и среднего специального образования СССР. – 1981. – №1. – С. 32–35.
25. Памяти Валентины Павловны Невской: [некролог] // Ставропольская правда. – 2009. – 3 февраля. – С. 4., фото.
26. Памяти Валентины Павловны Невской: [некролог] // Вечерний Ставрополь. – 2009. – 3 февраля. – С. 8., фото.
27. Пухальская, Г. «Есть женщины, их имена...»: [о В.П. Невской] / Г. Пухальская // Ставропольские губернские ведомости. – 1996. – 7 марта, фото.
28. Сакиев, Э. Творчество судьбы – это очень хорошее занятие... [о русских историках, этнографах, географах и лингвистах: в т.ч. о В.П. Невской] / Э. Сакиев // Известия. – 2004. – 11 июня. – С. 7.
29. Тебуев, Р. В.П. Невская: «Горжусь, когда меня называют дочерью Карачая...» / Р. Тебуев // Elbrusoid (Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид») [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.elbrusoid.org/articles/neighbours/359374/>. Дата обращения 29.01.2019.
30. Узденов, Р. Человек науки во все эпохи: [об историке, этнографе, педагоге В.П. Невской] / Р. Узденов // Московский комсомолец. Северный Кавказ. – 2004. – 15–22 сентября. – С. 21.
31. Хасьминский, Г. Кембридж признал ее «Женщиной года». Дважды!: [о докторе ист. наук, профессоре СГУ, крупном ученом-кавказоведе В.П. Невской] / Г. Хасьминский // Ставропольские губернские ведомости. – 1999. – 11 августа. – С. 6, фото.
32. Хасьминский, Г. Кембридж признал ее «Женщиной года». Дважды!: [о докторе ист. наук, профессоре СГУ, крупном ученом-кавказоведе В.П. Невской] / Г. Хасьминский // Хасьминский Г. На перекрестках встреч. – Кн. 3: Ставрополь – город замечательных людей: избранное. – Ставрополь, 2007. – С. 15–19.
33. Хатуев, Р. Пример для современников: [к 75-летию историка, этнографа, педагога В.П. Невской] / Р. Хатуев // Северный Кавказ. – 2004. - № 33, август. – С. 17.
34. Чечулина, Н. Дар не случайный, не напрасный: биография в стиле истории: [В.П. Невской] / Н. Чечулина // Ставропольская правда. – 1994. – 6 марта.
35. Nevskaya Valentina Pavlovna // Dictionary of international Biography including Who Will Who in 21st Century. |A Biographical Record of Contemporary Achievement. – Twenty Third Edition, 1995. – P. 463.
36. Валентина Павловна Невская: библиогр. указ. / сост. С.В. Синицина; Ставроп. гос. пед. ин-т. – Ставрополь: СГПИ, 1992. – 25 с, фото.

Составитель: М.Е. Колесникова

Научное издание

КАВКАЗОВЕДЕНИЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием,
посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа,
профессора Валентины Павловны Невской.
г. Карачаевск, 17–19 октября 2019.

Редактор Н.В. Ефрюкова
Корректор И.Р. Русланова
Компьютерная верстка С.А. Бостанова

Подписано в печать 19.09.2019 г.

Бумага офсетная
Формат 60x84 /8
Объем: 45 уч.-изд. л.
Тираж 200 экз.

**Издательство Карачаево-Черкесского
государственного университета имени У.Д. Алиева.
369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29.
ЛР 040310 от 21.10.97**

Отпечатано
ООО «Просто»
357532, г. Пятигорск, ул. Орджоникидзе, 11, корп.1, оф.7